

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

2025

№ 7

- *Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В., Власова Т.А.* Юридические основы формирования и защиты национальных интересов
- *Летягина Е.А.* Актуальные вопросы рационального использования земельных ресурсов посредством применения электронно-цифровых технологий
- *Редкоус В.М.* Законодательное обеспечение экологического воспитания в государствах-участниках СНГ
- *Виноградова Е.В.* Мониторинг состояния окружающей среды как часть механизма обеспечения государственного суверенитета
- *Васильева Н.Ю.* Использование искусственного интеллекта в сфере административно-правового регулирования лесопользования
- *Данилевская-Урбанова И.Л., Мухлынина М.М.* Вопросы реализации экологического суверенитета России в системе конституционных ценностей
- *Нахратов В.В., Самойленко Д.В.* Вопросы субъектного состава крестьянского (фермерского) хозяйства
- Другие материалы

ISSN 1815-1329

9 771815 132774

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО 2025. № 7 Федеральный научный юридический ежемесячный журнал	AGRARIAN AND LAND LAW 2025. № 7 Federal scientific juridical monthly journal
Учредитель: <u>А.И. Бобылев</u> Издатель: Издательство «Право и государство пресс» Главный редактор: <i>Н.А. Духно – доктор юридических наук, профессор (Москва)</i> Ответственный редактор: <i>С.В. Зубкова (Москва)</i> Редакционный совет: <i>А.П. Анисимов – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Грозный),</i> <i>С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>О.В. Болтинова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.А. Власов – к.ю.н., доцент (Красноярск),</i> <i>Г.А. Волков – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>Н.А. Волкова – к.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Б.А. Воронин – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),</i> <i>Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),</i> <i>А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.И. Ивакин – к.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>П.А. Калинин – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.М. Корякин – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.Е. Лукьяненко – д.ю.н., профессор (Ульяновск),</i> <i>А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов),</i> <i>И.М. Мацкевич – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Г.А. Мисник – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Г.А. Прокопович – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Н.А. Соколова – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>Р.Ф. Степаненко – д.ю.н., профессор (Казань),</i> <i>В.В. Устюкова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Г.Г. Файзуллин – к.ю.н., доцент (Уфа)</i> <i>Е.А. Фролова – д.ю.н. (Москва)</i> <i>О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)</i>	Constitutor: <u>A.I. Bobylev</u> Publisher: Publishing house «Law and state press» Chief editor: <i>N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow)</i> The editor-in-chief: <i>S.V. Zubkova (Moscow)</i> Editorial council: <i>A.P. Anisimov – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Grozny),</i> <i>S.A. Bogolyubov – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>O.V. Boltinova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.A. Vlasov – Candidate of Law Associate Professor (Krasnoyarsk)</i> <i>G.A. Volkov – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>N.A. Volkova – Candidate of Law, Professor (Moscow),</i> <i>B.A. Voronin – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),</i> <i>N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.N. Zhukov – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>A.I. Zemlin – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>N.M. Zolotukhina – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.I. Ivakin – Candidate of Law Associate Professor (Moscow)</i> <i>P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.M. Koryakin – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.E. Lukyanenko – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk),</i> <i>A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov),</i> <i>I.M. Matskevich – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>G.A. Misnik – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>G.A. Prokopovich – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>N.A. Sokolova – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow),</i> <i>R.F. Stepanenko – Doctor of Law, Professor (Kazan),</i> <i>V.V. Ustyukova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>G.G. Fayzullin – Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)</i> <i>E.A. Frolova – Doctor of Law (Moscow)</i> <i>O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i>
Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17837 от 22 марта 2004 г. Адрес редакции и издателя: 141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, д. 4, кв. 230 E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospres.ucoz.ru. Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20 Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI). Награждён Знаком отличия «Золотой фонд прессы – 2008» При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы». Подписка 2025. Второе полугодие. Наш индекс 11194. За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Издательство «Право и государство пресс», 2025 (16+)	

СОДЕРЖАНИЕ 2025 № 7

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Салтыков К.Г.</i> Государство в философии Платона: юрислингвистический контекст.....	7
<i>Чимаров С.Ю., Панишина С.В.</i> Теоретико-правовой анализ антикоррупционной парадигмы Казахстана.....	11
<i>Фастович Г.Г.</i> Эффективность государственного механизма (на примере исследования института антикоррупционной экспертизы).....	14
<i>Рыбаков В.А.</i> Способы развития права в переходный период.....	16
<i>Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В., Власова Т.А.</i> Юридические основы формирования и защиты национальных интересов.....	19
<i>Руднева Ю.В., Билецкая Е.А., Зверева В.В., Моисеева А.В.</i> Реализация принципа доступности правосудия в гражданском процессе: теоретико-правовые основы и практические проблемы.....	22
<i>Фадеев А.В.</i> Проблема соотношения правозащитной и правоохранительной деятельности.....	27
<i>Зяблова Т.Е.</i> Возможности правовой эстетики в исследовании тюремной субкультуры.....	30
<i>Савенков А.А.</i> Деконструкция правового порядка и законности как проблема современной юридической мысли.....	33
<i>Поротиков Н.С., Працко Г.С.</i> Идейные основы политико-правовой доктрины М.М. Сперанского....	36
<i>Назарова И.С., Талянин В.В., Шевченко К.В.</i> Социальная политика России на современном этапе развития (окончание).....	39
<i>Бидова Б.Б., Исмаилов М.А., Малясов Р.А.</i> Историко-правовые особенности управления национальными отношениями в имперской России.....	43
<i>Руднева Ю.В., Фадеева П.А.</i> Правозащитная система в современных условиях: понятие, элементы и общая характеристика.....	46
<i>Фадеев А.В., Лунев В.А.</i> Проблемы классификации доказательств, представленных в электронном виде.....	49
<i>Смирнов И.А., Шумов П.В.</i> Проблемы осуществления правовой коммуникации.....	52
<i>Летягина Е.А.</i> Актуальные вопросы рационального использования земельных ресурсов посредством применения электронно-цифровых технологий.....	56
<i>Быстрова Ю.В., Исмаилов М.А., Нагоева М.А.</i> Стратегические приоритеты России в юридической доктрине.....	60
<i>Руднева Ю.В.</i> Судебная власть и правотворческая деятельность.....	63

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Кемрюгов Т.Х.</i> Теоретико-методологические подходы исследования концепта баланса в праве.....	67
<i>Виноградова Е.В.</i> Мониторинг состояния окружающей среды как часть механизма обеспечения государственного суверенитета....	70
<i>Редкоус В.М.</i> Законодательное обеспечение экологического воспитания в государствах – участниках СНГ.....	73

<i>Дашин А.В., Малиновский О.Н., Чешин А.В.</i> Этапы развития института общественного контроля в Российской Федерации: публично-правовой анализ.....	77
<i>Апкаев Д.М., Зыков Д.А.</i> Блокчейн как основа криптовалют и его применение в УИС.....	82
<i>Балдаева Р.А., Балдаев Д.И.</i> Нормативно-правовое регулирование традиционной медицины в Российской Федерации.....	86
<i>Рябова О.А.</i> Некоторые проблемные аспекты получения адвокатом информации, необходимой для осуществления своей профессиональной деятельности..	89
<i>Артыков Д.З.</i> Помилование как интегральный конституционный институт стран СНГ....	92
<i>Пьянусов А.В.</i> Некоторые вопросы правового обеспечения МЧС России.....	95
<i>Валиджонзода Д.В.</i> Правовая основа применения органами внутренних дел (милиции) Республики Таджикистан мер административного пресечения и факторы, детерминирующие направления ее совершенствования.....	99
<i>Ивлева Ю.И.</i> Конституционные механизмы сдержек и противовесов в реализации экологической функции публичной власти в Российской Федерации...102	102
<i>Гальцева Н.В.</i> Актуальные аспекты совершенствования административного процесса в сфере реализации правоохранительной функции государства.....	104
<i>Данилевская-Урбанова И.Л., Мухлынина М.М.</i> Вопросы реализации экологического суверенитета России в системе конституционных ценностей.....	110
<i>Мухамеджанов О.З., Залесны Яцек, Савченко М.С.</i> Перспективы развития международного общественного контроля: публично-правовой анализ.....	114
<i>Шевченко К.В., Болотин Д.Д.</i> Безопасность личности в системе национальной безопасности Российской Федерации: к вопросу о понятии.....	118
<i>Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю.</i> К вопросу о правовой природе соглашений в сфере природопользования.....	123
<i>Дойников П.И.</i> О государственном управлении в сфере охраны и использования грибов.....	126
<i>Коковин Д.Н.</i> Правовое регулирование промышленных данных: сравнительно-правовой анализ.....	129
<i>Кетова Л.П.</i> Демографические проблемы и реформа высшего образования в современной России.....	132
<i>Смирнова А.В.</i> Влияние международных договоров и международных стандартов на формирование правового регулирования технологий «зеленого строительства».....	136
<i>Васильева Н.Ю.</i> Использование искусственного интеллекта в сфере административно-правового регулирования лесопользования.....	140
<i>Шагивалиева И.З., Джораева С.В.</i> Этические основы в профессиональной деятельности судей.....	144
<i>Артанова Е.Н.</i> Конституционно-правовое регулирование права законодательной инициативы членов нижних палат парламентов России и Бразилии: сравнительно-правовой анализ.....	148
<i>Нахратов В.В., Самойленко Д.В.</i> Вопросы субъектного состава крестьянского (фермерского) хозяйства...152	152
<i>Одиназода А.Г.</i> Административно-правовая основа участия органов внутренних дел (милиции) Республики Таджикистан в обеспечении национальной безопасности и направления её совершенствования.....	156

<i>Попков Д.В.</i> Субъекты обеспечения пограничного режима России.....	159
<i>Ковалев С.Д.</i> Актуальные проблемы правового регулирования оборота SIM-карт в России.....	163
<i>Назарова И.С., Сапожникова М.А.</i> Искусственный интеллект в системе правосудия.....	167
<i>Нгатею Аconi Шани Павел</i> Аграрно-земельное законодательство Республики Конго (Браззавиль) как фактор инвестиционной привлекательности сельского хозяйства.....	172
<i>Евсикова Е.В., Буц С.Б.</i> Цифровая трансформация административного судопроизводства: современные реалии и перспективы.....	175
<i>Полуянова Е.В.</i> Отдельные правовые и организационные аспекты создания, развития и эксплуатации единой цифровой платформы Российской Федерации «Государственные технологии».....	178
<i>Сафарян Я.Г.</i> Сущность продовольственной безопасности Российской Федерации как правовой категории.....	183
<i>Пьянусов А.В.</i> Компетенция органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.....	187
<i>Шаназарова Е.В., Воронцова Н.А.</i> Правозащитная деятельность в области обращения с животными: проблемные аспекты.....	191
<i>Фомин И.А.</i> Теоретические основы информационной открытости органов власти в контексте государственного управления.....	193
<i>Письменская Е.И.</i> Особенности защиты экологических прав граждан.....	197
<i>Елисеева В.С.</i> К вопросу о профессиональной компетенции независимых экспертов: за рамками судопроизводства.....	201
<i>Уваров А.А.</i> Об эволюции и проблемах дифференциации правового статуса гражданства России.....	206
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
<i>Кильметова Р.Р., Кортиева А.С., Хутинаева Д.М., Губаева Д.С.</i> Глобальные вызовы и правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта.....	211
<i>Зайчиков Я.В.</i> Процессуальная энтропия в механизме достижения цели гражданского судопроизводства.....	214
<i>Гартина Ю.А., Авдеев Н.В.</i> Правовой статус цифровых активов в процедуре несостоятельности (банкротства).....	218
<i>Аламова С.М.</i> Классификационные критерии интеллектуальной собственности.....	222
<i>Ким В.О.</i> Императивный запрет на применение платы за отказ от договора на примере статьи 782 Гражданского кодекса РФ.....	227
<i>Руднева Ю.В., Фадеева П.А.</i> Договор посредничества: теоретический аспект в современных условиях.....	233
<i>Фадеев А.В., Аникин Г.Г.</i> Дистанционный договор в сфере торговли как экономическое и правовое явление.....	238
<i>Гартина Ю.А., Седышев Д.С.</i> Ответственность субъектов за нарушение законодательства в сфере защиты персональных данных.....	242
<i>Зайчиков Я.В.</i> SMART-модель как инструмент установления достижения цели гражданского судопроизводства.....	246

<i>Балдаев Д.И.</i> К вопросу о понятии «самовольное занятие земельного участка».....	249
<i>Шастина А.Р., Никифорова Е.А.</i> Деятельность финансового уполномоченного по защите прав граждан - потребителей страховых услуг.....	251
<i>Игнатьев Г.Д.</i> Достижение результата по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ.....	254
<i>Кивленок Т.В.</i> Оказание бесплатной медиативной помощи: перспективы развития....	261
<i>Кильметова Р.Р., Савлохов Р.Р., Пухачев Д.К., Икоев А.А., Хлоев А.Х.</i> Современные виды мошенничества в сети интернет и пути их разрешения.....	264
<i>Петровнин А.С.</i> Сравнительная характеристика цифрового контента и виртуального имущества в контексте перспективы их правового регулирования как объектов гражданских прав.....	269
<i>Фадеев А.В., Аникин Г.Г.</i> Перспективы развития нормативно-правового регулирования правоотношений в сфере дистанционной торговли.....	272
<i>Маркасов П.В.</i> Наследование прав и обязанностей самозанятых граждан в России.....	277
<i>Чеснокова Ю.В.</i> Понятие и сущность родительских прав как правовой категории.....	280
<i>Мустафин Р.Ф., Мустафина С.А.</i> Электронная купля-продажа: проблема идентификации сторон и заключения договора.....	283
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Горовой В.В., Прихожая Л.Е.</i> Некоторые проблемы, возникающие при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по предупреждению и раскрытию преступлений экстремистской направленности.....	286
<i>Кильдигушев И.И.</i> Органы внутренних дел как самостоятельный участник уголовного процесса (досудебная стадия).....	291
<i>Карлов И.В., Зыков Д.А.</i> Преступность после специальной военной операции: некоторые угрозы, риски и тенденции.....	294
<i>Сибгатуллин Ф.Ф.</i> Проблемы верификации физической боли как конститутивного признака объективной стороны состава преступления по статье 116.1 УК РФ....	299
<i>Михайлов А.Е., Кузьмин Д.И., Зыков Д.А.</i> К вопросу о личности несовершеннолетнего преступника-диверсанта и ее влиянии на диверсионную преступность.....	303
<i>Иванов П.И.</i> Профессиональный сыск глазами профессора В.П. Лаврова.....	307
<i>Мурсалимов А.Т.</i> Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования.....	311
<i>Колушов А.А.</i> Мониторинг как один из видов наблюдения при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в информационно-телекоммуникационной среде.....	313
<i>Пеньков Е.И.</i> Понятие и правовое регулирование задач оперативно-розыскного обеспечения расследования должностных преступлений, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы.....	315
<i>Гаврицкий А.В., Рогова И.Г.</i> Проблемы расследования преступлений, связанных с созданием и распространением дипфейков.....	319
<i>Исаев Ф.Р.</i> Сравнение примирения сторон с другими основаниями освобождения от уголовной ответственности.....	323
<i>Гусев А.С., Моисеев Н.Д.</i> Ведомственный контроль в уголовно-исполнительной системе: функции, механизмы и проблемы реализации.....	325

<i>Кильметова Р.Р., Санакоев А.А., Плиев А.Б., Елоев У.Т., Икаев А.А.</i> Международный опыт противодействия коррупции.....	328	<i>Ахъядов Э.С.-М.</i> Уголовно-правовая ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ).....	373
<i>Мигранов Р.Н.</i> Анализ некоторых признаков объективной стороны незаконной рубки, уничтожения или повреждения лесных насаждений.....	332	<i>Пирматова А.А., Абдимиталип уулу Алмазбек</i> Государственный контроль за использованием и охраной земель: правовые аспекты.....	376
<i>Агарков А.В.</i> Особенности деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в противодействии незаконному наркообороту.....	334	<i>Смирнова И.Н., Антоненко Н.А.</i> Проблемные аспекты применения принудительных мер воспитательного воздействия.....	380
<i>Айсанов А.С., Маликов Ш.Э.</i> Проблема установления причинно-следственной связи при доказывании по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.....	337	<i>Сибгатуллин Ф.Ф.</i> Профилактика нанесения побоев в присутствии несовершеннолетних: правовые криминологические аспекты.....	383
<i>Бажанов С.А.</i> Розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе: правовые коллизии и механизмы межведомственного взаимодействия.....	341	<i>Смирнова О.И.</i> Правовой статус высшей меры наказания: мировая практика (история и современность).....	388
<i>Горовой Владислав В., Горовой Виктор В.</i> Борьба со взяточничеством в современных условиях развития государства.....	344	<i>Хаджиев У.К.</i> Роль probation в предупреждении преступности.....	392
<i>Гасанов Э.В.</i> Понятие оперативно-розыскного противодействия противоправной деятельности, основанной на идеях ваххабизма.....	349	<i>Степушов М.Ю.</i> Доказывание и уголовное преследование в составе уголовно-право-процессуального противодействия незаконной банковской деятельности.....	394
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ		<i>Табункина Т.А.</i> Криптовалюта как предмет и средство преступных посягательств.....	397
<i>Шаповалов А.Д.</i> Проблемы международно-правового регулирования трансграничных углеводородных проектов Российской Федерации.....	351	<i>Санина Л.В., Колбягина Л.В., Юнаковский С.Е.</i> К вопросу противодействия легализации преступных доходов посредством игровых валют и игровых предметов.....	399
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ		<i>Иванов П.И.</i> 30 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности».....	404
<i>Андреев Б.С., Борлыков О.Х., Бадмаев Д.Л.-Г., Хамиров Н.М.</i> Меры пресечения в отечественном уголовном процессе: ретроспективный анализ.....	357	<i>Лысов К.Г., Тарханов А.А., Севодняев Д.А.</i> Способы склонения и вербовки лиц в деятельность террористических организаций с помощью информационно-телекоммуникационных технологий.....	410
<i>Гусев А.С., Казак И.Б.</i> Коррупция в уголовно-исполнительной системе: проблемы и пути преодоления.....	361	<i>Прихожая Л.Е.</i> Анализ статистики преступлений в сфере предпринимательства в период с 2021 по 2024 гг.....	413
<i>Вороцук В.Б.</i> Обеспечение безопасности персонала отечественных пенитенциарных учреждений: современный анализ.....	365	<i>Солодовник В.В.</i> О некоторых проблемах упрощения дознания в сокращенной форме.....	417
<i>Шевченко К.В.</i> О некоторых вопросах развития законодательства о превышении должностных полномочий.....	369		

CONTENTS 2025 № 7

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Saltykov K.G.</i> The State in Plato's philosophy: a jurislinguistic context.....	7
<i>Chimarov S.Yu., Panshina S.V.</i> Theoretical and legal analysis of the anti-corruption paradigm of Kazakhstan.....	11
<i>Fastovich G.G.</i> The effectiveness of the state mechanism (using the example of a study by the Institute of Anti-Corruption Expertise).....	14
<i>Rybakov V.A.</i> Ways of developing law during the transition period.....	16
<i>Bidova B.B., Bystrova Yu.V., Vlasova T.A.</i> Legal bases of formation and protection of national interests.....	19
<i>Rudneva Yu.V., Biletskaya E.A., Zvereva V.V., Moiseeva A.V.</i> Implementation of the principle of accessibility of justice in civil proceedings: theoretical and legal foundations and practical problems.....	22
<i>Fadeev A.V.</i> The problem of correlation between human rights and law enforcement activities.....	27
<i>Zyablova T.E.</i> Possibilities of legal aesthetics in the study of prison subculture.....	30
<i>Savenkov A.A.</i> Deconstruction of legal order and legality as a problem of modern legal thought.....	33
<i>Porotikov N.S., Pratsko G.S.</i> The ideological foundations of the political and legal doctrine of M.M. Speransky.....	36
<i>Nazarova I.S., Talyanin V.V., Shevchenko K.V.</i> Social policy of Russia at the present stage of development (graduation).....	39
<i>Bidova B.B., Ismailov M.A., Malyasov R.A.</i> Historical and legal features of management of national relations in Imperial Russia...	43
<i>Rudneva Yu.V., Fadeeva P.A.</i> The human rights system in modern conditions: concept, elements and general characteristics.....	46
<i>Fadeev A.V., Lunev V.A.</i> Problems of classification of evidence presented in electronic form.....	49
<i>Smirnov I.A., Shumov P.V.</i> Problems of legal communication.....	52
<i>Letyagina E.A.</i> Current issues of rational use of land resources through the use of electronic and digital technologies.....	56
<i>Bystrova Yu.V., Ismailov M.A., Nagoeva M.A.</i> Russia's strategic priorities in legal doctrine	60
<i>Rudneva Yu.V.</i> Judicial power and law-making activities.....	63

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Kemryugov T.H.</i> Theoretical and methodological research approaches concept of balance in law.....	67
<i>Vinogradova E.V.</i> Environmental monitoring as part of the mechanism for ensuring State sovereignty	70
<i>Redkous V.M.</i> Legislative support .for environmental education in the CIS member States.....	73
<i>Dashin A.V., Malinovsky O.N., Cheshin A.V.</i> Stages of development of the Institute of Public Control in the Russian Federation: public law analysis.....	77
<i>Apkaev D.M., Zykov D.A.</i> Blockchain as the basis of cryptocurrencies and its application in UIS.....	82
<i>Baldaeva R.A., Baldaev D.I.</i> Legal regulation of traditional medicine in the Russian Federation.....	86
<i>Ryabova O.A.</i> Some problematic aspects of obtaining information necessary for a lawyer to carry out his professional activities.....	89
<i>Artykov D.Z.</i> Pardon as an integral constitutional institution of the CIS countries.....	92
<i>Pyanusov A.V.</i> Some issues of legal support for the Russian Ministry of Emergency Situations.....	95
<i>Valijonzoda D.V.</i> The legal basis for the application of administrative restraint measures by the internal affairs bodies (militia) of the Republic of Tajikistan and the factors determining the directions of its improvement.....	99

<i>Ivleva Yu.I.</i> Constitutional mechanisms of checks and balances in the implementation of the environmental function of public authority in the Russian Federation.....	102
<i>Galtseva N.V.</i> Actual aspects of improving the administrative process in the implementation of the law enforcement function of the state.....	104
<i>Danilevskaya-Urbanova I.L., Mukhlynina M.M.</i> Issues of realization of Russia's ecological sovereignty in the system of constitutional values.....	110
<i>Mukhamedzhanov O.Z., Zalesny Yatsek, Savchenko M.S.</i> Prospects for the development of international public control: public law analysis...	114
<i>Shevchenko K.V., Bolotin D.D.</i> Personal security in the national security system Of the Russian Federation: on the issue of the concept.....	118
<i>Harutyunyan M.S., Khismatullin O.Yu.</i> On the issue of legal nature of agreements in field of environmental management..	123
<i>Doynikov P.I.</i> On public administration in the field of protection and use of mushrooms.....	126
<i>Kokovin D.N.</i> Legal regulation of industrial data: comparative legal analysis.....	129
<i>Ketova L.P.</i> Demographic problems and higher education reform in modern Russia.....	132
<i>Smirnova A.V.</i> The influence of international treaties and international standards on the formation of legal regulation of green building technologies".....	136
<i>Vasilyeva N.Y.</i> The use of artificial intelligence in the field of administrative and legal regulation of forest management.....	140
<i>Shagivalieva I.Z., Joraeva S.V.</i> Ethical foundations in the professional activity of judges.....	144
<i>Artanova E.N.</i> Constitutional and legal regulation of the right of legislative initiative of members of the lower chambers of the Parliaments of Russia and Brazil: comparative legal analysis.....	148
<i>Nakhratov V.V., Samoylenko D.V.</i> Questions of the subject composition of the peasant (farmer) economy.....	152
<i>Odinazoda A.G.</i> The administrative and legal basis of the participation of the internal affairs bodies (militia) of the Republic of Tajikistan in ensuring national security and the directions of its improvement.....	156
<i>Popkov D.V.</i> Subjects of ensuring the Russian border regime.....	159
<i>Kovalev S.D.</i> Actual problems of legal regulation of SIM-card turnover in Russia.....	163
<i>Nazarova I.S., Sapozhnikova M.A.</i> Artificial intelligence in the justice system.....	167
<i>Ngateyo Akoni Shani Pavel</i> Agrarian and land legislation Republic of the Congo (Brazzaville) as a factor of investment attractiveness of agriculture.....	172
<i>Evsikova E.V., Butz S.B.</i> Digital transformation of administrative court proceedings: modern realities and prospects.....	175
<i>Poluyanov A.V.</i> Selected legal and organizational aspects of the creation, development and operation of a single digital platform Of the Russian Federation "State Technologies".....	178
<i>Safaryan Ya.G.</i> The essence of food security of the Russian Federation as a legal category.....	183
<i>Pyanusov A.V.</i> Competence of local self-government bodies in the field of protection of the population and territories from emergency situations.....	187
<i>Shanazarova E.V., Vorontsova N.A.</i> Human rights activities in the field of animal treatment: problematic aspects.....	191
<i>Fomin I.A.</i> Theoretical foundations of information openness of authorities in the context of public administration.....	193
<i>Pisenskaya E.I.</i> Peculiarities of protection of environmental rights of citizens.....	197
<i>Eliseeva V.S.</i> On the issue of the professional competence of independent experts: beyond the scope of legal proceedings.....	201

<i>Uvarov A.A.</i> On the evolution and problems of differentiation of the legal status of Russian citizenship.....	206

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Kilmetova R.R., Kortieva A.S., Khutinaeva D.M., Gubaeva D.S.</i> Global challenges and legal aspects of artificial intelligence regulation.....	211
<i>Zaichikov Ya.V.</i> Procedural entropy in mechanism of achievement of purpose of civil proceedings	214
<i>Gartina Yu.A., Avdeev N.V.</i> The legal status of digital assets in the insolvency (bankruptcy) procedure.....	218
<i>Alamova S.M.</i> Classification criteria of intellectual property	222
<i>Kim V.O.</i> Mandatory prohibition on the use of fees for cancellation of a contract on the example of Article 782 of the Civil Code of the Russian Federation.....	227
<i>Rudneva Yu.V., Fadeeva P.A.</i> Mediation agreement: a theoretical aspect in modern conditions.....	233
<i>Fadeev A.V., Anikin G.G.</i> Remote contract in the field of trade as an economic and legal phenomenon.....	238
<i>Gartina Yu.A., Sedyshev D.S.</i> Responsibility of subjects for violation of legislation in the field of personal data protection.....	242
<i>Zaichikov Ya.V.</i> SMART model as a tool for establishing achieving the purpose of civil proceedings.....	246
<i>Baldaev D.I.</i> On the issue of the concept of "unauthorized occupation of a land plot"	249
<i>Shastina A.R., Nikiforova E.A.</i> Activities of the Financial Commissioner for the protection of the rights of citizens who consume insurance services.....	251
<i>Ignatiev G.D.</i> Achievement of a result under a contract for the performance of design and survey work.....	254
<i>Kivlenok T.V.</i> Provision of free mediation assistance: development prospects	261
<i>Kilmetova R.R., Savlokhov R.R., Pukhaev D.K., Ikoev A.A., Khloev A.H.</i> Modern types of fraud on the Internet and the ways to resolve them.....	264
<i>Petrovnnin A.S.</i> Comparative characteristics of digital content and virtual property in the context of the perspective of their legal regulation as objects of civil rights.....	269
<i>Fadeev A.V., Anikin G.G.</i> Prospects for the development of regulatory and legal regulation of legal relations in the field of distance trading.....	272
<i>Markasov P.V.</i> Inheritance of the rights and duties of self-employed citizens in Russia.....	277
<i>Chesnokova Yu.V.</i> The concept and essence of parental rights as a legal category.....	280
<i>Mustafin R.F., Mustafina S.A.</i> Electronic purchase and sale: problem of identifying parties and concluding contract.....	283

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Gorovoy V.V., Prikhodzaya L.E.</i> Some problems that arise in the implementation of operational investigative activities for the prevention and detection of extremist crimes.....	286
<i>Kildigushev I.I.</i> Internal affairs bodies as an independent participant in the criminal process (pre-trial stage).....	291
<i>Karlov I.V., Zykov D.A.</i> Crime after a special military operation: some threats, risks and trends.....	294
<i>Sibagatullin F.F.</i> Problems of verification of physical pain as a constitutive feature of the objective side of the crime under Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	299
<i>Mikhailov A.E., Kuzmin D.I., Zykov D.A.</i> On the issue of the identity of a juvenile criminal-saboteur and its influence on sabotage crime.....	303
<i>Ivanov P.I.</i> Professional detective through the eyes of Professor V.P. Lavrov.....	307
<i>Mursalimov A.T.</i> Problems of fraud qualification in the sphere of crediting.....	311
<i>Kolushov A.A.</i> Monitoring as one of the types of surveillance when carrying out operational investigative activities in the information and telecommunication environment.....	313

<i>Penkov E.I.</i> The concept and legal regulation of the tasks of operational investigative support for the investigation of official crimes committed during the construction of facilities of the penal enforcement system	315

<i>Gavritskiy A.V., Rogava I.G.</i> Problems of investigating crimes related to creation and distribution of deepfakes...	319

<i>Isaev F.R.</i> Comparison of reconciliation of the parties with other grounds for exemption from criminal liability.....	323

<i>Gusev A.S., Moiseev N.D.</i> Departmental control in the penal system: functions, mechanisms and problems of implementation.....	325

<i>Kilmetova R.R., Sanakoev A.A., Pliev A.B., Eloev U.T., Ikaev A.A.</i> International experience in combating corruption.....	328

<i>Migranov R.N.</i> Analysis of some signs of the objective side of illegal logging, destruction or damage to forest plantations.....	332

<i>Agarkov A.V.</i> Specifics of the activities of operational units of the penal enforcement system in countering illicit drug trafficking.....	334

<i>Aisanov A.S., Malikov S.E.</i> The problem of establishing a causal relationship in proving criminal cases of rule violations traffic and vehicle operation.....	337

<i>Bazhanov S.A.</i> Investigative activities in the penal system: legal conflicts and mechanisms of interagency cooperation.....	341

<i>Gorovoy Vladislav V., Gorovoy Viktor V.</i> The fight against bribery in modern conditions of state development.....	344

<i>Hasanov E.V.</i> The concept of operational investigative counteraction to illegal activities based on the ideas of Wahhabism.....	349

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Shapovalov A.D.</i> Problems of international legal regulation cross-border hydrocarbon projects of the Russian Federation.....	351

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Andreev B.S., Borlykov O.Kh., Badmaev D.L.-G., Khamirov N.M.</i> Preventive measures in domestic criminal proceedings: a retrospective analysis.....	357

<i>Gusev A.S., Kazak I.B.</i> Corruption in the penal system: problems and ways to overcome.....	361

<i>Voroshchuk V.B.</i> Ensuring safety of personnel of domestic penitentiary institutions: modern analysis.....	365

<i>Shevchenko K.V.</i> On some issues of the development of legislation on abuse of office.....	369

<i>Akhyadov E.S.-M.</i> Criminal liability for public calls to carry out terrorist activities or public justification of terrorism (Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	373

<i>Pirmatova A.A., Abdimalip uulu Almazbek</i> State control over land use and protection: legal aspects.....	376

<i>Smirnova I.N., Antonenko N.A.</i> Problematic aspects of application compulsory educational measures.....	380

<i>Sibagatullin F.F.</i> Prevention of beatings in the presence of minors: legal criminological aspects.....	383

<i>Smirnova O.I.</i> The legal status of capital punishment: world practice (history and modernity).....	388

<i>Hadjiev U.K.</i> The role of probation in crime prevention.....	392

<i>Stepushov M.Y.</i> Proving and criminal prosecution as part of criminal-legal-procedural counteraction illegal banking activities.....	394

<i>Tabunkina T.A.</i> Cryptocurrency as a subject and a means of criminal encroachment	397

<i>Sanina L.V., Kolbyagina L.V., Yunakovskiy S.E.</i> On tissue of counteracting money laundering through in-game currencies and in-game items.....	399

<i>Ivanov P.I.</i> 30 years of the Federal Law "About operational investigative activities".....	404

<i>Lysov K.G., Tarkhanov A.A., Sevodnyaev D.A.</i> Methods of inducing and recruiting individuals into the activities of terrorist organizations using information and telecommunication technologies	410

<i>Prikhodzayay L.E.</i> Analysis of crimestatistics in field of entrepreneurship in period from 2021 to 2 024.....	413

<i>Solodovnik V.V.</i> About some problems of simplifying the inquiry in an abbreviated form.....	417

ГОСУДАРСТВО В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА: ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ THE STATE IN PLATO'S PHILOSOPHY: A JURISLINGUISTIC CONTEXT

САЛТЫКОВ Константин Геннадьевич,

кандидат юридических наук, доцент, кандидат юридических наук, доцент,
докторант Академии управления МВД России.

ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: terminpravo@mail.ru;

SALTYKOV Konstantin Gennadievich,

PhD in Law, Associate Professor, Doctoral student of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: terminpravo@mail.ru

Краткая аннотация: Основу философского произведения составляют философские понятия, определяющие суть его содержания и многообразие формы. Понятие раскрывается через слово, которое выступает в качестве имени, подлежащего осмыслению. Культурная среда во многом влияет на стиль и жанр философского произведения. Труды Платона не лишены поэтичности и правового романтизма, являющихся яркими чертами культуры Эллады. Посредством философского текста объективируется мировоззренческая позиция мыслителя, заключающаяся в своеобразном видении философских проблем, создании системного единства понятий и использовании терминов. Платон раскрывает понятие «государство», как общность множества людей, достаточно сильную для процветания. Однако, он не стремится к установлению застывшего смысла рассматриваемого юридического понятия. Значение законотворческой деятельности в государстве не превозносится, но и не умаляется. Великий греческий философ меняет регистр словоупотребления, заменяя юридические термины образной художественной лексикой. В платоновских дефинициях угадываются фразеологические предпосылки к известной краткости юридических формул великой юриспруденции Древнего Рима. Правильное понимание концепта государства в философии Платона невозможно без учета культурного, лингвистического, теоретико-исторического и правового контекста.

Abstract: The philosophical concepts that define the essence of its content and the variety of its form the basis of a philosophical work. The concept is revealed through the word, which acts as a name that must be understood. The language and cultural environment largely influence the style and genre of a philosophical work. Plato's works are not devoid of poetry and legal romanticism, which are prominent features of the culture of Hellas. Through the philosophical text, the philosophical position of the thinker is objectified, which consists in a peculiar vision of philosophical problems, the creation of a systemic unity of concepts and the use of terms. Plato reveals the concept of the «state» as a community of many people, strong enough for prosperity. However, he does not seek to establish the fixed meaning of the legal concept in question. The importance of legislative activity in the state is not extolled, but it is not belittled either. The great greek philosopher changes the case of word usage, replacing legal terms with figurative artistic vocabulary. In platonic definitions, one can guess the phraseological prerequisites for the well-known brevity of the legal formulas of the great jurisprudence of Ancient Rome. A correct understanding of the concept of the state in Plato's philosophy is impossible without taking into account the cultural, linguistic, theoretical, historical and legal context.

Ключевые слова: государство, текст, лексика, Платон, определение понятия.

Keywords: state, text, vocabulary, Plato, definition of the concept.

Для цитирования: Салтыков К.Г. Государство в философии Платона: юрислингвистический контекст // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 7-10. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_7.

For citation: Saltykov K.G. The state in Plato's philosophy: a jurislinguistic context // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 7-10. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_7.

Статья поступила в редакцию: 21.06.2025

Философские произведения отражают опыт осмысления сущего, во многом зависящий от жизненного пути мыслителя, индивидуальных способностей к познавательной деятельности, совокупности социокультурных факторов формирования личности философа. Но основу философского произведения составляют философские понятия, определяющие сущность его содержания и многообразие формы.

Язык философии предполагает раскрытие понятия через слово, которое выступает в качестве имени, представляющего собой то, что в философии по самому ее существу надлежит осмыслить [11, с. 83]. Таким образом, основополагающие понятия, представленные специальными лексическими единицами, являются материалом для описания предмета философского мышления и определяют особенности понимания феноменов различной природы. В рамках философского дискурса понятие дает толчок научной мысли.

При этом, фиксируя общее в вещах, философские понятия одновременно захватывают субъекта познания, через явление субъективности – необходимейшей творческой и познавательной способности человека [5, с. 329], что предполагает определенную вариативность форм их авторской репрезентации. В таком случае результаты исследований еще и характеризуют процесс формирования творческой индивидуальности, находящей выражение в дискурсивной практике.

Нередко, через различные номинации и контексты понятия автор стремится к определению истинных границ его содержания. Дальнейшее философское творчество позволяет согласовать понятия, создать философское произведение, воплощенное в философском тексте, существующем в устной или письменной форме, язык, стиль и жанр которого определяется условиями конкретной философской культуры.

Посредством философского текста объективируется мировоззренческая позиция мыслителя, заключающаяся в своеобразном видении философских проблем, создании системного единства понятий и использовании терминов. Далее специфика философского знания, содержащегося в тексте, перцептивно выделяется при помощи метода герменевтики, позволяющей осмыслить целостность, отраженного в различных пись-

менных источниках, опыта духовной жизни человечества.

С другой стороны, понятия, соответствующие определенным множествам и представленные соответствующими терминами, являются примером кристаллизации результатов преобразования языка. Таким образом, изучение философского текста при помощи инструментария герменевтики подвергает значительной трансформации как ее предмет, так и предметное поле философии. Акцент делается на проблеме изучения процесса понимания, что позволяет философской традиции эпистемологически охватить категории, имеющие фундаментальное значение не только для науки о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления в целом, но и для юриспруденции в частности. При этом, философское мышление по мнению Г.-Х. Гадамера развивает опыт мира, стремясь «додумать до конца энергию понятий» [3, с. 11].

Обращаясь к тексту философских произведений Платона, раскрывая смысл высказываний этого мыслителя, необходимо учитывать ряд особенностей, которые определяют показатели динамики эпистемологической позиции личности, существующей в определенном культурном контексте. Так, великий философ представлял результаты своих размышлений на греческом языке, который, с учетом темпоральной специфики, использовался определенной культурной общностью. Изложение Платона характеризуется специфическими стилистическими особенностями, обусловленными оригинальностью рефлексии автора (как, например: «язык Гегеля», «язык Хайдеггера», «язык Канта» и так далее).

Труды Платона, например, не лишены поэтичности и правового романтизма, являющихся яркими чертами культуры Эллады. Так, в диалоге «Алкивиад» автором неоднократно предпринимается попытка постановки важного вопроса об улучшении государства: «Благодаря присутствию и отсутствию каких вещей становится оно лучше и легче поддается управлению и заботе»? Соответственно, в уста Алкивиада вкладывается весьма возвышенный ответ: «мне кажется, мой Сократ, что этому способствуют дружелюбные взаимоотношения и отсутствие ненависти и мятежей». Не менее идеалистичен другой вариант ответа: «Если же ты желаешь правильно и достойно заниматься государственными делами, ты должен прививать своим согражданам добродетель». Абсолютизация эфемерных мира и добродетели, наделение их необычайными свойствами у Платона сродни надежде на обожествленных героев античности, существующей в мире иллюзий. Характерное влияние греческого литературного слога соответствующей эпохи угадывается во включенном в диалог «О добродетели» вопросительном предложении: «Но разве для государства более важны добрые кони и псы и все им подобное, чем добрые мужи»? [7, с. 219, 375]

Безусловно, среда, в которой появились, оформились и подвергались толкованию достижения платоновской мысли, не является элементом философии, а скорее выступает в качестве фактора, оказывающего влияние на философскую позицию личности и ее взаимосвязь с общественным сознанием в определенный момент исторического развития. Обрамляющие философское творчество, элементы культурной среды прежде всего могут быть выявлены путем аналитики языка и текстологии.

Вместе с этим, представляется возможным рассматривать философский текст в качестве элемента сферы философского знания. При этом, изучение специфики референции понятия, как основного элемента языка философии, предполагает анализ таких видов деятельности, как «письмо» и «чтение», осуществляемых в определенных социокультурных условиях.

Кроме того, значимым обстоятельством, оказывающим влияние на существование и применение накопленного человечеством знания на современном этапе, является межкультурная коммуникация, предполагающая оптимизацию способов передачи информации, среди которых важное значение по-прежнему отводится созданию печатных переводов. При этом, в отношении философского текста можно сказать, что он выступает в качестве сообщения в процессе осуществления межъязыкового перевода, обеспечивающего реализацию содержательности авторского изложения. В рассматриваемом нами случае языком перевода выступает русский язык, дающий необходимое представление о содержании первоисточника, способный с определенной степенью точности передать основной смысл философских выражений. Таким образом, происходит преодоление языкового барьера в процессе проникновения в пространство принимающей культуры, основу которого составляет представление о единстве текста оригинала и текста перевода, позволяющее рассматривать указанную текстовую совокупность как целостность и изучать её элементы.

Далее. Необходимо признать исключительную важность смыслопорождающих средств философского текста, каковыми являются, соответствующая распространенным категориям, лексика, которая может быть рассмотрена в качестве значимого содержательного элемента, оказывающего влияние на специфику существования текста в коммуникативном и культурном пространстве. Реализация содержательности философского текста задаётся используемой автором лексикой в степени, сопоставимой по значимости с текстуальным, дискурсивным, коммуникативным и культурным контекстом. Философские тексты в этом отношении могут быть исключительно многообразными, что создает известные трудности для их понимания представителями иных областей знания.

Учитывая упомянутые выше когнитивные обстоятельства, обратимся к рассмотрению референции платоновских представлений о государстве, как об одном из ключевых элементов философско-правового учения великого мыслителя, а также смыслообразующего средства значительного количества философских текстов данного автора. Но прежде попытаемся задать лейтмотив нашего обращения к интерпретации государства Платоном.

В настоящее время сложилось довольно распространенное восприятие особенностей отечественной теории государства, которое укладывается в русло двух основных подходов – классического, имеющего в основании философско-правовые взгляды Платона и Аристотеля, и постклассического, сформировавшегося относительно недавно. Как отмечают Г.М. Азагулова и Д.А. Пашенцев: «в рамках первого направления сформированные ранее концепты, такие как правовое и социальное государство, демократия и народовластие, исследуются применительно к меняющимся социально-экономическим и политическим условиям» [1, с. 5 – 15]. Однако, следует ли ограничиваться восприятием основ теории

государства и права, как системы концептов и их терминологических референтов, первоначально заимствованных из трудов титанов греческой философии, отбрасывая опыт использования понятий и специальной лексики юридического языка в эпистемологических целях, путем, например, сопоставления, а иногда и противопоставительного сравнения различных понятий и терминов, имеющих юридическое значение?

Ограничиваясь униполярным рассмотрением платоновского государства в дефинитивном моменте, вырывая его из разнообразия смысловых связей, не принимая во внимание исторического контекста явления, мы по мнению Г.Г. Макарова «изучаем историческую цепь по отдельно взятому звену, шахматную партию по отделенному от нее эндшпилю» [5, с. 30 – 51].

Действительно, в работе «Определения» Платон раскрывает понятие «государство», под которым предлагает понимать «общность множества людей, достаточно сильную для процветания; узаконенное сообщество многих людей» [7, с. 431], но вместе с тем он отнюдь не стремится к установлению застывшего смысла рассматриваемого юридического понятия. Наоборот, желая побудить читателя к активной мыслительной деятельности, при соотнесении первостепенности государства и закона в том же произведении «Определения» великий грек называет законодателя «творцом законов, согласно которым должно управляться государство» [7, с. 434], наводя читателя на мысль о необходимости развития формальных гарантий разумного правового сдерживания власти государства. Кажется, что по мнению Платона закон есть форма и способ ограничения государственных велений, но вместе с тем, в диалоге «Минос» Платон приводит следующий обмен мнениями между Сократом и его другом.

«Сократ. Следовательно ты называешь законом мнение государства?

Друг. Да, конечно».

И далее:

«Сократ. ...закон – это уложение государства?

Друг. Да...» [7, с. 392 – 393].

А если при этом вспомнить, что, раскрывая суть искусства государственного управления, которое в платоновской интерпретации есть «знание прекрасного и полезного; творческое знание справедливости в государстве» [7, с. 430], Платон не упоминает о законе и праве, тогда становится очевидным далеко не полное принятие этим философом тезиса *legalitas regnorum fundamentum*.

Вместе с тем, своеобразный дуализм платоновских представлений о государстве проявляется в том, что значение законотворческой деятельности в государстве не превозносится, но и не умаляется, ибо «возникновение наилучшего государства произойдет лишь тогда, когда явится истинный по природе законодатель и когда мощь его будет действовать сообща с самыми сильными в государстве людьми» [8, с. 182]. Однако, не будем забывать, что такое благообразное представление о роли законодателя, в произведениях Платона соседствует с многократным провозглашением тезиса об установлении всякой властью законов в свою пользу [6, с. 93 – 94].

Оценка Платоном государства, как политико-социального феномена, далеко не всегда носит характер положительной аттестации, идеальное государство лишь грезится философу, а «человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами» [8, с. 525]. В книге первой сочинения «Законы» Платон несколько завуалировано отзывается о природе государства, когда пишет, что «о том государстве, где лучшие побеждают большинство худших, правильно было бы сказать, что оно одерживает победу над самим собой» [8, с. 88]. При этом, в целом, философ признает социальное значение государства и предостерегает от раскола и разорения последнего [6, с. 249].

В сочинении «Государство» к уже названным признакам государственной организации общества добавляется «совместное поселение» [6, с. 130], которое может быть интерпретировано, как территориальная характеристика. «Государство можно увеличивать лишь до тех пор, пока оно не перестанет быть единым» [6, с. 192 – 193, 238] – указывает Платон, отмечая тем самым необходимость единства государственной власти.

На более высоком уровне абстракции государству, по мнению Платона, свойственны «три рода начал, его составляющих: деловое, защитное, совещательное» [6, с. 215], суть которых великий мыслитель подвергает последовательному изучению.

Необходимо отметить, что относительно формы правления «по Платону» в отечественной науке традиционно выделяется три противопоставления: монархия – тирания, аристократия – олигархия, демократия – охлократия [10, с. 53]. Однако, дрейф от привычного философско-юридического подхода к изучению сочинений рассматриваемого мыслителя к фактической текстологии показывает, что государственный строй: демократический, олигархический, тиранический – «ни то, ни другое, ни третье не есть даже государственный строй, но все это скорее может быть названо длительной междоусобицей, ибо ни одно из этих устройств не принимается добровольно» [8, с. 314]. В данном случае, мыслитель при оценке способа устройства государственной власти меняет регистр словоупотребления, заменяя юридические термины образной художественной лексикой. Это представляется важным, поскольку свидетельствует о том, что Платон выносит на суд читателя рассуждения не только о государстве, как о реальной общественно-политической структуре, совокупности органов управления и должностных лиц; но и как о понятии [6, с. 388], и как о слове, существующем не только в философско-юридическом, но и в литературно-художественном измерении. Достаточно вспомнить его образное выражение представленное в работе «Государство»: «мы и сами не заметили, каким чистым снова сделали государство, которое мы недавно называли изнеженным» [6, с. 166].

Более того, в работах, посвященных исследованию государства, как философско-правового феномена, Платон оригинальным образом затрагивает сферу юридической лингвистики, когда предлагает для использования в будущем идеальном государстве новые номинации участни-

ков публично-правовых отношений. Так, правители получают названия «спасители и помощники», а подначальные именуются «плательщики и кормильцы» [6, с. 239].

Подходя к осмыслению работ великого греческого философа в контексте языка права, можно отметить и то, что размышляя о сущности государства, как феномена социальной и правовой реальности, Платон формулирует короткие и одновременно емкие определения: «государственный муж (políticos) – человек, сведущий в управлении государством», «политика – государство и его благо», «правление – забота обо всем» [7, с. 330 – 340], в которых очевидно угадываются философско-правовые и фразеологические предпосылки к известной краткости юридических дефиниций великой юриспруденции Древнего Рима, опиравшейся на лаконичный тезис *jus est ars boni et aequi* (D. 1.1.1.), а краткость и метафоричность представляются в данном случае свидетельством скрытого процесса порождения категорий [9, с. 438].

Соглашаясь с мнением А. Барабашева, отмечавшего немислимость философского концепта вне органической связи с порождающей его концепцией [2, с. 9 – 37], отметим, что изъятие и перенесение представлений Платона о государстве в какую-либо философско-правовую систему, инкорпорация цитат мыслителя в научный юридический текст, стремление переложить его представления о государстве в соответствии с требованиями современных классификаций без учета культурного, лингвистического, теоретико-исторического и правового контекста могут привести к искажению аутентичного творческого осмысления государства в философии Платона.

Список литературы:

1. Азнагулова Г.М., Пашенцев Д.А. Вопросы теории государства в современной юридической доктрине // Журнал российского права. – 2023. – № 10. – С. 5 – 15.
2. Барабашев А. Философия как схематизм образного мышления // Что значит знать?: сборник научных статей. – М.: «Центр гуманитарных исследований», СПб.: Университетская Книга, 1999. – 115 с.
3. Гадамер Г.-Х. О круге понимания. // Гадамер Г.-Х. Актуальность прекрасного. М., 1991. – 366 с.
4. Макаров Г.Г. Происхождение государства: формирование метатеории // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 7. – С. 30 – 51.
5. Ойзерман Т. И. Главные философские направления. М.: Издательство «Мысль», 1971. – 388 с.
6. Платон Государство. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
7. Платон. Диалоги – М.: Мысль, 1986. – 605 с.
8. Платон Сочинения в трех томах – М.: Мысль, 1972. – Т. 3. – Ч. 2. – 678 с.
9. Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры – М.: Прогресс, 1990. – 511 с.
10. Фролова Е.А. Философии права античности: Платон о государстве и законах // Аграрное и земельное право, 2019. – № 3(171) – С. 53.
11. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. – 455 с.

References:

1. Aznagulova G.M., Pashentsev D.A. Issues of the theory of the state in modern legal doctrine // Journal of Russian Law. – 2023. – № 10. – P. 5 – 15.
2. Barabashev A. Philosophy as a schematism of imaginative thinking // What does it mean to know?: collection of scientific articles. – М.: «Center for Humanitarian Research», St. Petersburg.: University Book, 1999. – 115 p.
3. Gadamer G.-H. About the circle of understanding. // Gadamer G.-H. The relevance of beauty. Moscow, 1991. – 366 p.
4. Makarov G.G. The origin of the state: the formation of a meta-theory // Actual problems of Russian law. – 2024. – № 7. – P. 30 – 51.
5. Oizerman T. I. Main philosophical trends. Moscow: Mysl Publishing House, 1971. 388 p.
6. Plato. The State. Collected works in 4 volumes – Moscow: Mysl, 1994. – 654 p.
7. Plato. Dialogues – М.: Mysl, 1986. – 605 p.
8. Plato's Works in three volumes – Moscow: Mysl, 1972. – Vol. 3. – Part 2. – 678 p.
9. Riker P. Living metaphor // The theory of metaphor, Moscow: Progress, 1990. – 511 p.
10. Frolova E.A. Philosophy of law of antiquity: Plato on the State and laws // Agrarian and land law, 2019. – № 3(171) – P. 53.
11. Heidegger M. European nihilism. // Heidegger M. Time and being. Moscow, 1993. – 455 p.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ КАЗАХСТАНА THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE ANTI-CORRUPTION PARADIGM OF KAZAKHSTAN

ЧИМАРОВ Сергей Юрьевич,

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы
Санкт-Петербургского университета МВД России.
199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 4-я лин. В.О., 43.
E-mail: serg120756@gmail.com;

ПАНШИНА Светлана Васильевна,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры управления персоналом и воспитательной работы
Санкт-Петербургского университета МВД России.
199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 4-я лин. В.О., 43.
panshina.svetlana.2002@yandex.ru;

CHIMAROV Sergey Yurievich,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work.
199004, Russia, St. Petersburg, 4th lin. V.O., 43.
E-mail: serg120756@gmail.com;

PANSHINA Svetlana Vasilievna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Personnel Management and Educational Work.
199004, Russia, St. Petersburg, 4th lin. V.O., 43.
E-mail: panshina.svetlana.2002@yandex.ru

Краткая аннотация: статья посвящена теоретико-правовому анализу основных подходов руководства Казахстана к практическому воплощению замысла национальной антикоррупционной политики. Выявляя наиболее существенные элементы казахстанской парадигмы для отмеченного предметного поля, авторы акцентируют внимание на самобытном характере принимаемых в указанном государстве мер по противодействию коррупции, включая формирование антикоррупционной культуры. При этом, особый акцент осуществляется на анализе деятельности «Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции», являющегося координирующим органом работы различных субъектов противодействия коррупции, а также на востребованности интегрирования в практику противодействия коррупции современных цифровых решений и вовлечения широких слоев населения в решение отмеченной задачи государственной важности.

Abstract: the article is devoted to the theoretical and legal analysis of the main approaches of the leadership of Kazakhstan to the practical implementation of the concept of national anti-corruption policy. Identifying the most essential elements of the Kazakhstan paradigm for the noted subject field, the authors focus on the unique nature of the measures taken in the said state to combat corruption, including the formation of an anti-corruption culture. At the same time, special emphasis is placed on the analysis of the activities of the «Agency of the Republic of Kazakhstan for Combating Corruption», which is the coordinating body for the work of various anti-corruption entities, as well as on the demand for integrating modern digital solutions into the practice of combating corruption and involving broad sections of the population in solving the noted task of national importance.

Ключевые слова: теория права, коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, антикоррупционная культура, цифровые решения.

Keywords: theory of law, corruption, anti-corruption, anti-corruption policy, anti-corruption culture, digital solutions.

Для цитирования: Чимаров С.Ю., Паншина С.В. Теоретико-правовой анализ антикоррупционной парадигмы Казахстана // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 11-13. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_11.

For citation: Chimarov S.Yu., Panshina S.V. Theoretical and legal analysis of the anti-corruption paradigm of Kazakhstan // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 11-13. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_11.

Статья поступила в редакцию: 07.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Благополучие любого государства и поддержание в нем должного уровня стабильности предопределяется действием многих факторов, среди которых особое место занимает фактор системной и целенаправленной деятельности государственных институтов по противодействию коррупции и опоре при этом государства на потенциал гражданского общества. С учетом важности данного вопроса для предметного поля теории и истории государства, а также в целях учета в его решении существующих подходов в отдельных странах, представляется оправданным апеллирование к существующей антикоррупционной парадигме в Республике Казахстан (далее – Казахстан).

Продолжая ряд ранее принятых мер по противодействию коррупции в Казахстане, руководство указанного государства в 2019 г. выбрало курс на укрепление единства своей нации и проведение реформ, миссия которых сведена к дальнейшему укреплению основ процветания страны. Руководствуясь своим видением состояния дел на «антикоррупционном фронте» и определением наиболее эффективных способов реализации национальной антикоррупционной политики, руководящий состав страны и казахстанский законодатель в первую очередь ориентируется на международно-признанные стандарты в указанной области и на рекомендации «Группы государств по борьбе с коррупцией, ГРЕКО» (от англ. «Group of States Against Corruption, GRECO») [1], учрежденной Советом Европы в 1999 г.

В правовом значении и методологическом смысле основа антикоррупционной парадигмы Казахстана закреплена в Законе «О противодействии коррупции» [2], содержащим систему мер противодействия коррупции (общим числом тринадцать). Особого внимания заслуживают меры, связанные: во-первых, с проведением антикоррупционного мониторинга; во-вторых, с анализом коррупционных рисков; в-третьих, с формированием антикоррупционной культуры. Акцентируя внимание на нормативных установлениях данного законодательного акта в отношении отмеченной вариации культуры, важно указать на регламентируемые для данного случая в статье 9 Закона существенные параметры процесса формирования антикоррупционной культуры, к которым относятся:

1. Деятельность субъектов противодействия коррупции по сохранению и укреплению в обществе системы ценностей, ориентированных на привитие населению чувства нетерпимости к коррупции;
2. Осуществление комплекса мер, имеющих образовательный, информационный и организационный характер;
3. Организация антикоррупционного образования, представленного в качестве перманентного процесса воспитания и обучения, целеполагание которого заключается в обеспечении нравственного, интеллектуального, культурного развития и формирования активной гражданской позиции, выражаемой в неприятии личностью различных проявлений коррупции;
4. Осуществление информационной и организационной деятельности, пути реализации которой заключаются в проведении среди населения разъяснительной работы в информационном пространстве, а также в организации мероприятий, имеющих статус социально значимых и соответствующих формату государственного социального заказа, нашедшего отражение в положениях национального законодательства.

Закрепляя в главе 3 перечень субъектов противодействия коррупции и их полномочия, отмеченный законодательный акт в пункте 3-1 статьи 24 «Сообщение о коррупционных правонарушениях» содержит норму, раскрывающую смысл «содействия в противодействии коррупции». Кроме того, в указанном Законе закреплены: а) гарантированные государством меры защиты лиц, оказывающих (оказавших) содействие в противодействии коррупции (статья 24-1); б) правовое содержание защиты лица, оказывающего (оказавшего) содействие в противодействии коррупции, от нарушений прав и законных интересов в сфере трудовых отношений (статья 24-2); в) права лиц, оказывающих (оказавших) содействие в противодействии коррупции (статья 24-3).

В концептуальном плане особенности национальной антикоррупционной политики на 2022-2026 годы подтверждены соответствующим Указом главы государства [3]. Отмеченный документ содержит: 1) анализ текущей ситуации; 2) обзор международного опыта; 3) видение развития антикоррупционной политики; 4) целевые индикаторы и ожидаемые результаты; 5) план действий по реализации концептуальных предначертаний. Внимательного отношения с точки зрения их осмысления, имеют концептуальные установления, в части: во-первых, расширения роли общественности в реализации антикоррупционной политики государства, которое трансформируется в «слышащее государство»; во-вторых, антикоррупционного образования, продвижения идеологии добропорядочности и «нулевой терпимости» к коррупции.

С целью мотивации граждан и должностных лиц, информирующих о проявлениях коррупции и принимающих другими способами участие в противодействии коррупции, концепция свидетельствует о введении новой системы поощрения отмеченных лиц. В данном случае речь идет о дифференциальном способе выплаты вознаграждения, т.е. в зависимости от размера взятки или причиненного ущерба: максимальный размер выплаты может составлять до четырех тысяч месячных расчетных показателей. Как следует из контекста указанного документа концептуального уровня, основным актором антикоррупционной государственной политики выступает «Агентство Республики Казахстан по противодействию коррупции» (далее – «Антикоррупционная служба») [4], непосредственно подчиненное Президенту страны. Указанному ведомству в его работе предписано соблюдать гармонию четырех элементов: 1) эффективной превенции; 2) масштабного просвещения; 3) конструктивного партнерства с обществом; 4) уголовно-правовых мер.

Следуя направленности вектора противодействия коррупции, ориентация которого получила свое закрепление на концептуальном уровне, отмеченная «Антикоррупционная служба» (при содействии АО «Национальные информационные технологии») на своем портале презентует обществу «картограммы коррупции», отражая при этом профили коррупционных рисков, наиболее характерных для отдельных отраслей экономики и государственного управления. Анализ контекста указанного цифрового ресурса позволяет выделить четыре области, имеющие прямое отношение к отмеченным картограммам:

I. Коммуникация: 1) каналы коммуникации для сообщения в «Антикоррупционную службу» (почтовый адрес, локация на карте, канцелярия, пресс-служба, дежурная часть, E-mail, Call-центр, социальные сети: Facebook; Instagram; Telegram; YouTube; RSS-канал); 2) ежегодный Национальный доклад о противодействии коррупции (за каждый предыдущий год); 3) FAQ (от англ. «frequently asked questions» – «часто задаваемые вопросы»);

II. Внешний анализ коррупционных рисков (по семи направлениям) по регионам и категориям должностей [5];

III. Статистические сведения, касающиеся: проведенных внешних анализов коррупционных рисков; внесенных рекомендаций в государственные органы; антикоррупционного мониторинга [6]; численности поощренных за сообщение о коррупции;

IV. Информация об обучающих курсах, позволяющих пройти тестирование и получить необходимый сертификат;

V. Видео- и аналитические материалы, содержащие в том числе данные исследований международных организаций антикоррупционной направленности;

VI. Проект «Антикоррупционное волонтерство» (анкеты волонтера и волонтерской организации, волонтеры на сайте, волонтерские организации [7], успешные кейсы. Отмечая вклад волонтерства в решение задачи по противодействию коррупции, следует указать на соответствие этой задачи одной из целей волонтерского движения, сводимой к формированию у населения гражданской позиции и чувства социальной ответ-

ственности каждого гражданина страны перед обществом.

Замысел, идеология и направления реализации данного проекта корреспондируют букве и духу Закона Республики Казахстан «Об общественном контроле» [8]. Как представляется, факт учреждения в Казахстане общественного контроля способствует аккумуляции усилий государства и различных структур гражданского общества в решении общенациональной задачи по противодействию коррупции, что отвечает общественному интересу и видению гражданами горизонта благополучия своей страны.

Подводя итог рассмотренному, мы приходим к следующим выводам, имеющим существенное значение для теоретико-правового осмысления основных элементов казахстанской антикоррупционной парадигмы:

во-первых, воспринимая современное время в качестве эпохи растущей поляризации и геополитического разделения, в водоворот которых по объективным причинам интегрирован и Казахстан, руководство страны выбрало строго ориентированный курс на самобытное решение комплекса актуальных задач, заметное место среди которых занимает задача по противодействию коррупции;

во-вторых, ключевая роль в обеспечении высокого уровня реализации национальной антикоррупционной политики принадлежит специально учрежденному государственному органу, именуемому как «Агентство Республики Казахстан по противодействию коррупции» и являющемуся по форме своей работы ориентированным на восприятие положительного опыта борьбы с коррупцией в ряде других стран и безусловное следование национальному законодательству и международно-признанным стандартам противодействия коррупции;

в-третьих, ценным ресурсом антикоррупционной парадигмы Казахстана является использование достижений цифрового мира XXI века, включая возможности искусственного интеллекта и механизма обработки больших данных. При этом важными источниками получения современных креативных идей, в плане их эвентуального воплощения и совершенствования существующих антикоррупционных цифровых решений выступают: во-первых, ежегодно проводимый Астанинский международный форум (англ. «the Astana International Forum, AIF»), являющийся одной платформой для глобального диалога и сотрудничества во многих актуальных областях, включая противодействие коррупции; во-вторых, активное участие Казахстана в работе Всемирного форума ОЭСР по вопросам добропорядочности и борьбы с коррупцией (англ. «OECD Global Anti-Corruption & Integrity Forum»), одной из центральных тем которого является поиск новых вариантов цифровых решений для противодействия коррупции;

в-четвертых, как следует из анализа основных направлений деятельности указанного государственного органа, доминантой его приоритетов, в части координации субъектов проведения антикоррупционной политики, выступает активизация своей работы по формированию у казахстанцев осознанного отношения к защите национальных ценностей, имеющих устойчивое сопряжение с обеспечением уверенного продвижения казахстанского общества по пути социального прогресса и незыблемости защиты прав физических и юридических лиц. При этом, особое значение уделяется вовлечению активной части населения (в первую очередь молодежи) в процесс антикоррупционного противодействия, что является свидетельством заботы государства об аккумуляции усилий общества на борьбу с таким социальным злом как коррупция.

Список литературы:

1. Recommendation Rec(2003)4 of the Committee of Ministers to member states on common rules against corruption in the funding of political parties and electoral campaigns. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806cc1f1> (дата обращения: 17.05.2025).
2. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции». URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/antikor/documents/details/adilet/Z1500000410?lang=ru> (дата обращения: 22.05.2025).
3. Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2022 года № 802 «Об утверждении Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802> (дата обращения: 16.05.2025).
4. Агентство Республики Казахстан по противодействию коррупции. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption?lang=ru> (дата обращения: 17.05.2025).
5. Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции от 29 сентября 2023 года № 307 «Об утверждении Правил проведения внешнего анализа коррупционных рисков». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033485> (дата обращения: 25.05.2025).
6. Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции от 28 января 2020 года № 22 «Об утверждении правил проведения антикоррупционного мониторинга» (ред. 16.06.2023). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000019941#z6> (дата обращения: 25.05.2025).
7. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 42-VI ЗРК «О волонтерской деятельности» (с изм. 10.01.2025). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/antikor/documents/details/adilet/Z1600000042?lang=ru> (дата обращения: 26.05.2025).
8. Закон Республики Казахстан от 2 октября 2023 года № 30-VIII ЗРК «Об общественном контроле». URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/antikor/documents/details/adilet/Z2300000030?lang=ru> (дата обращения: 27.05.2025).

References:

1. Recommendation Rec(2003)4 of the Committee of Ministers to member states on common rules against corruption in the funding of political parties and electoral campaigns. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806cc1f1> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
2. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 18 noyabrya 2015 goda № 410-V ZRK «O protivodeystviyu korrupcii». URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/antikor/documents/details/adilet/Z1500000410?lang=ru> (data obrashcheniya: 22.05.2025).
3. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 2 fevralya 2022 goda № 802 «Ob utverzhdenii Konceptii antikorrupcionnoy politiki Respubliki Kazakhstan na 2022-2026 gody». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802> (data obrashcheniya: 16.05.2025).
4. Agentstvo Respubliki Kazakhstan po protivodeystviyu korrupcii. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption?lang=ru> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
5. Priказ Predsedatelya Agentstva Respubliki Kazakhstan po protivodeystviyu korrupcii ot 29 sentyabrya 2023 goda № 307 «Ob utverzhdenii Pravil provedeniya vneshnego analiza korrupcionnykh riskov». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033485> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
6. Priказ Predsedatelya Agentstva Respubliki Kazakhstan po protivodeystviyu korrupcii ot 28 yanvarya 2020 goda № 22 «Ob utverzhdenii pravil provedeniya antikorrupcionnogo monitoringa» (red. 16.06.2023). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000019941#z6> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
7. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 30 dekabrya 2016 goda № 42-VI ZRK «O volonterskoj deyatel'nosti» (s izm. 10.01.2025). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/antikor/documents/details/adilet/Z1600000042?lang=ru> (data obrashcheniya: 26.05.2025).
8. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 2 oktyabrya 2023 goda № 30-VIII ZRK «Ob obshchestvennom kontrole». URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/antikor/documents/details/adilet/Z2300000030?lang=ru> (data obrashcheniya: 27.05.2025).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ) THE EFFECTIVENESS OF THE STATE MECHANISM (FOR EXAMPLE RESEARCH CONDUCTED BY THE INSTITUTE OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE)

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна,

старший преподаватель, Юридический институт ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
660049, Россия, г. Красноярск, проспект Мира, 90.

E-mail: Fastovich-85@mail.ru;

FASTOVICH Galina G.

Senior Lecturer, Law Institute Krasnoyarsk State Agrarian University.

90 Mira Avenue, Krasnoyarsk, 660049, Russia.

E-mail: Fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы, посвященные проведению антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов. Авторы исследования приходят к выводу, что одним из ключевых направлений в повышении эффективности государственного управления России является проведение экспертиз, которые будут противодействовать коррупционным проявлениям.

Abstract: The article discusses issues related to the anti-corruption expertise of normative legal acts. The authors of the study conclude that one of the key areas in improving the effectiveness of public administration in Russia is to conduct examinations that will counteract corruption phenomena.

Ключевые слова: государственное управление, коррупция, государственный механизм, антикоррупционная экспертиза, эффективность, органы государственной власти, эффективность.

Keywords: public administration, corruption, state mechanism, anti-corruption expertise, efficiency, public authorities, efficiency.

Для цитирования: Фастович Г.Г. Эффективность государственного механизма (на примере исследования института антикоррупционной экспертизы) // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 14-15. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_14.

For citation: Fastovich G.G. The effectiveness of the state mechanism (for example research conducted by the Institute of Anti-Corruption Expertise) // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 14-15. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_14.

Статья поступила в редакцию: 13.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Деятельность по выявлению и раскрытию фактов проявлений коррупции в нормативных правовых актах путем осуществления эффективной антикоррупционной экспертизы – является одним из эффективных способов борьбы с коррупционными проявлениями в современном процессе, включающим в себя комплекс методов и правил. Предотвращение коррупции как системного явления осуществляется именно данным видом деятельности, которая приводит к устранению коррупционных ситуаций и коррупциогенных факторов. Кроме этого, антикоррупционная экспертиза имеет огромное значение для развития теории правотворчества, что способствует выявлению коллизий в праве.

Одним из направлений противодействия коррупции, предусмотренное действующим законодательством, является осуществление антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов органов государственной власти.

Антикоррупционной экспертизой признается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий. Данная правовая деятельность устанавливает следующие цели: предупреждение коррупции, в том числе выявление и последующее устранение причин коррупции (профилактика коррупции); выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); минимизация и ликвидация последствий коррупционных правонарушений.

В специальной литературе отмечается, что существующие различия между видами экспертиз заменяются рядом общих позиций, выражающихся в систематизации задач и целей, нормативном регулировании, источниках возникновения и их функционирования. Экспертизы, выявляющие коррупциогенность, представляют собой уже существующий класс судебных экспертиз, которые путем осуществления методов и правил исследует обоснованности издания нормативных актов.

Вне зависимости от уровня расположения органов государственной власти будь то федеральный, региональный или муниципальный уровни, методика проведения антикоррупционной экспертизы остается неизменной.

Положения актов органов государственной власти, устанавливающие для правоприменителя возможность необоснованного применения исключений из общих правил, являются коррупциогенными факторами. Данные нормативные акты содержат в себе трудновыполнимые, неопределенные требования к организациям и гражданам, тем самым создающие условия для процветания и проявления коррупции.

Как представляется, главными принципами организации антикоррупционной экспертизы правовых актов, а также проектов выступают:

1. Обязательность проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Рассматривая данный принцип подробнее, стоит отметить, что неотъемлемой частью правотворческой деятельности каждого органа государственной власти является мониторинг применения правовых актов, которые уже вступили в законную силу. Проводить мониторинг правоприменительной практики не реже одного раза в квартал обязаны такие структуры, как органы местного самоуправления, различного рода организации, наделенные отдельными публичными полномочиями.

2. Оценка нормативного правового акта во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами. Раскрывая второй указанный принцип необходимо отметить, что нормативный правовой акт является частью данной системы и его антикоррупционная оценка будет возможна только при осуществлении многостороннего анализа всех существующих правовых норм. Очень важно при обнаружении коррупциогенных факторов в соответствующих нормативных правовых актах предложить эксперту принять эффективные меры по их ликвидации с учетом отраслевых (смежных) нормативных положений.

3. Обоснованность, объективность и проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). Следует понимать, что обоснованность выводов, проводимой экспертизы заключается в мотивированности тех выводов, которые содержатся в экспертном заключении. Понятность логики рассуждений эксперта выступает одним из главных критериев объективности и обоснованности. Необходимость в возможности проведения сравнительных анализов выводов вот, что является основным направлением проверяемости результатов.

4. Компетентность лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) [4]. Данный принцип раскрывает следующее: тот, кто способен понять возможность использования определенных особенностей нормативных формул является специалистом в данном виде деятельности. Эксперт должен обладать профессиональными знаниями и навыками, способствующими выявлению положений в нормативных правовых актах об условиях коррупции, так как важнейшим составляющим элементом антикоррупционной экспертизы служит уровень знаний эксперта.

5. Сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). Именно профилактика является составляющей противодействия коррупции, вследствие внутриведомственной антикоррупционной экспертизы нормативных актов, проводимая органами государственной власти и местного самоуправления.

6. Диалог государства и гражданского общества. Как отмечает И.В. Тепляшин [2], публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления «тесно связан с реализацией мер, направленных на информационную открытость деятельности органов власти, и предполагает участие в их деятельности гражданского общества посредством осуществления механизмов общественной экспертизы». Антикоррупционная экспертиза, исходя из смысла действующего законодательства, может носить комплексный характер в том случае, если указанные органы и лица при ее осуществлении не будут взаимодействовать друг с другом. Олицетворение механизма обеспечения законности будет обеспечено и отмечено на страницах юридической печати вследствие сочетания институтов публичной власти и гражданского общества [3,5]. Реальным механизмом противодействия коррупции является участие в независимой антикоррупционной экспертизе граждан и института гражданского общества [6,9].

7. Размещение проектов правовых актов органами государственной власти и органами местного самоуправления в сети Интернет осуществляется для обеспечения возможности проведения независимой антикоррупционной экспертизы. Составление заключения аккредитованными экспертами является одним из критериев выявления коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах [7].

Социально-правовые роли, юридические статусы всех субъектов права определяются с помощью нормативных правовых актов, издаваемых органами государственной власти. Питательной почвой для коррупции служит отступление от данных правовых предписаний. Возникающие недостатки современного законодательства, способствующие совершению коррупционных действий или принятию коррупционных решений в процессе реализации нормативных правовых актов, приводят к осуществлению коррупционных мероприятий. Ведь как справедливо отмечает П.В. Тепляшин «трансформация именно «традиционных» форм и методов воздействия демонстрирует общие сдвиги и тренды в антикоррупционной политике» [8].

Список литературы:

1. Трашкова С.М. Международно-правовое регулирование как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе / С.М. Трашкова // Казанская наука. 2015. № 5. С. 125-127. EDN: UC0XAP
2. Тепляшин И.В. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации // Проблемы конституционно-правового регулирования статуса арктических территорий Российской Федерации: мат-лы круглого стола междунауч. науч.-практ. конф. "Енисейские политико-правовые чтения" (Красноярск, 21-22 сентября 2017 г.) / под ред. А.А. Кондрашева, О.В. Ронжиной, А.Б. Зенкиной; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2017. С. 46-48. EDN: YKQDTS
3. Фастович Г.Г., Шитова Т.В. К вопросу об эффективности единой системы публичной власти // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 4 (18). С. 76-88. DOI: 10.36718/2500-1825-2020-4-76-88 EDN: AOMMEK
4. Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах // Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. - С. 269-272.
5. Рябченко О.Н., Фастович Г.Г. Интернет и его воздействие на современное общество // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-1. С. 143-145. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10639 EDN: WPMZLL
6. Фастович Г.Г., Жикюлина А.С., Рахвалова Н.А. Правовое регулирование отношений в области обработки персональных данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 199-202. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10838 EDN: TUROMU
7. Фастович Г.Г. К вопросу о применении современных технологий в логистических системах // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 13-16. EDN: ZZPDPN
8. Тепляшин П.В. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным за коррупционные преступления: отечественный и зарубежные тренды // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования: сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. С. 215. EDN: LGDJKM
9. Землякова Е.В., Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах // В сборнике: Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. С. 121-123. EDN: ZELXHV

References:

1. Trashkova S.M. International legal regulation as a guarantee of the implementation of the legal status of juvenile suspects accused in criminal proceedings / S.M. Trashkova // Kazan Science. 2015. No. 5. Pp. 125-127. EDN: UC0XAP
2. Teplyashin I.V. Participation of civil society institutions in the implementation of state policy in the Arctic zone of the Russian Federation // Problems of constitutional and legal regulation of the status of the Arctic territories of the Russian Federation: proceedings of the international round table. Scientific and practical conference "Yenisei Political and Legal readings" (Krasnoyarsk, September 21-22, 2017) / ed. by A.A. Kondrashev, O.V. Ronzhina, A.B. Zenkina; Krasnoyarsk State Agrarian University. un-T. Krasnoyarsk, 2017. pp. 46-48. EDN: YKQDTS
3. Fastovich G.G., Shitova T.V. On the effectiveness of the unified system of public authority // Socio-economic and Humanitarian journal. 2020. No. 4 (18). PP. 76-88. DOI: 10.36718/2500-1825-2020-4-76-88 EDN: AOMMEK
4. Fastovich G.G. On the issue of the application of information technologies in logistics systems // Logistics - Eurasian Bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. - pp. 269-272.
5. Ryabchenko O.N., Fastovich G.G. The Internet and its impact on modern society // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 3-1. pp. 143-145. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10639 EDN: WPMZLL
6. Fastovich G.G., Zhikulina A.S., Rakhvalova N.A. Legal regulation of relations in the field of personal data processing // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 4-3. pp. 199-202. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10838 EDN: TUROMU
7. Fastovich G.G. On the issue of the application of modern technologies in logistics systems // Agrarian and land law. 2019. No. 5 (173). pp. 13-16. EDN: ZZPDPN
8. Teplyashin P.V. Punishments and other criminal law measures applied to those convicted of corruption crimes: domestic and foreign trends // Topical issues of combating corruption in education: a collection of scientific articles based on the materials of the IV Siberian Anticorruption Forum / ed. by I.A. Damm, E.A. Akunchenko. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. p. 215. EDN: LGDJKM
9. Zemlyakova E.V., Fastovich G.G. On the application of information technologies in logistics systems // In the collection: Logistics - the Eurasian Bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 121-123. EDN: ZELXHV

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_16

УДК-340

СПОСОБЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД WAYS OF DEVELOPING LAW IN THE TRANSITION PERIOD

РЫБАКОВ Владимир Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права

Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

644077, Россия, Омская обл., г. Омск, проспект Мира, 55А.

E-mail: vladimir-4040@mail.ru;

RYBAKOV Vladimir Alekseevich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky.

55A Mira Avenue, Omsk, Omsk region, 644077, Russia.

E-mail: vladimir-4040@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются способы развития права на основе правового материала, который использует законодатель: 1) преемственный – он основывается на правовом наследстве своей страны, 2) рецепции – в его основе нормы иностранного права, 3) трансформации – когда законодатель использует нормы международного права.

Abstract: The article deals with the problem of revolutionary legal awareness. Its features are highlighted and described. In the legal ideology, they manifested themselves in the dominance of the ideas of classism, partisanship, expediency. In legal psychology – in a revolutionary conscience based on revolutionary morality. The view that recognizes the revolutionary legal consciousness as the source (form) of law is criticized.

Ключевые слова: революционное правосознание, партийность, классовость, целесообразность, правовой нигилизм, правовой идеализм.

Keywords: revolutionary legal consciousness, partisanship, classism, expediency, legal nihilism, legal idealism.

Для цитирования: Рыбаков В.А. Способы развития права в переходный период // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 16-18.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_16.

For citation: Rybakov V.A. Ways to developing law in the transition period // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 16-18.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_16.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Проблемы развития права традиционно считаются актуальными. В правоведении утвердилось положение о том, что право развивается одним способом – правотворчеством. Правильное положение по существу, оно недостаточно полное по содержанию и допускает возможность более широкого, глубокого рассмотрения темы. Можно выделить несколько способов развития права, если в основу положить правовой материал, которое использует законодатель, а именно: 1) преемственный способ развития права – он основывается на правовом наследстве своей страны, 2) способ рецепции – в его основе лежат нормы иностранного права, 3) способ трансформации (имплементации) – когда законодатель использует нормы международного права.

Данная классификация способов развития права соответствует двум его тенденциям: обособлению и унификации. Первая тенденция направлена на сохранение индивидуальных национальных особенностей и реализуется через новеллизацию и преемственность. В их основе правовая культура, правовое наследие собственной страны. Вторая тенденция направлена на унификацию права, преодоление национальной обособленности, выход за рамки национальных границ правовой системы. Ей соответствуют рецепция права и трансформация норм международного права. В основе их лежит правовой материал зарубежных стран, который включается в национальные правовые системы. Эти способы особенно заметно проявляются в переходные периоды, между типами права и этапами внутри типа права. Указанные способы развития права рассмотрим более подробно.

Способ новеллизации. Новеллизация [лат. novellae leges новые законы] – проявляется в создании новых правовых норм, в новой правовой регуляции. Ее можно рассматривать как метод осуществления правотворческой функции [14].

Новеллизация выражается в создании новых по содержанию нормативных правовых актов, отсутствующих на предшествующем этапе развития национального права. Особенно активно этот способ используется в период революций и реформ, которые всегда сопровождаются бурным процессом нормативно-правовой деятельности. Активизация деятельности правотворческих органов в переходный период – закономерность. В этот период нормотворческая деятельность становится одной из приоритетных функций государства [11, с.8].

В России, например, Государственная Дума второго созыва рассмотрела 17036 законопроектов, приняла 1036 федеральных законов, 715 из которых вступили в силу [8, с.19]. Масштабна была и законодательная деятельность Совета народных комиссаров: с октября 1917 г. по ноябрь 1922 г. было издано более 3 000 законов (декретов) и иных нормативных правовых актов [12, с.27].

В этот период новеллизация права ускоряет процессы интеграции и дифференциации. Под влиянием процесса дифференциации формируются 44% новых структурных образований системы права. В России, например, были сформированы такие отрасли и подотрасли законодательства, как избирательное законодательство, антимонопольное, законодательство об охране здоровья, предпринимательское, муниципальное об образовании и другие.

Интеграционные процессы приводят к созданию в системе законодательства более крупной, чем отрасль структурного образования –

законодательных массивов (комплексов), объем и внутренняя организация которых таковы, что управление ими с помощью одного активного центра, т.е. возглавляющего массив кодификационного акта, по существу невозможно.

Активный процесс новеллизации направлен на решение новых политических и экономических задач, стоящих перед государством. Это, несомненно, очень важно. Но у этого созидательного процесса есть свои негативные последствия: неоправданная спешка, опасное забегание вперед. В законодательной спешке часто игнорируются закономерности правообразования.

Преемственный способ развития. Преемственность в права – это использование правового материала предшествующего этапа развития собственной страны. Это сугубо национальное явление, ограниченное пределами конкретного государства.

Преемственность обусловлена основными диалектическими законами развития и прежде законом отрицания отрицания. Он предполагает отказ от той части правового наследства, которая не соответствует новым условиям, но сохранение, использование другой его части, которая способствует становлению и развитию новых общественных отношений, решению текущих государственных задач [6, с.122].

Содержание нового этапа развития, несмотря на радикальные изменения общественных отношений, даже политического строя, сохраняет, хотя бы и частично, старое. Развитие не может осуществляться с нуля. Использование достижений предшествующего строя обеспечивает сохранение и национальных особенностей государства и права, их индивидуализацию и самобытность. Таким образом, преемственность делает исторический процесс единым, непрерывным, прогрессивным и социалистическое право, несмотря на его критику, восходящая ступень в правовом развитии.

Многие годы советская правовая наука и марксистско-ленинская идеология, несмотря на очевидность преемственности, отрицали связь права с правом царской России. В первом российском ГК 1922 г. было использовано более восьмидесяти процентов положений проекта Гражданского уложения Российской империи [13, с.119-120]. Некоторые дореволюционные положения используются и в настоящее время. Например, в арбитражных судах воспроизводятся статьи XV Свода законов Российской империи: перечень видов доказательств уголовно-процессуального права (ст. 69 УПК РСФСР 1960 г., ст. 74 УПК РФ 2001 г.) сроки предварительного следствия, институт приостановления предварительного следствия (ст. 1014 т. XV).

Способ рецепции права. В историко-правовой науке тема рецепции права – считается номер один [10, с.123]. Обусловлено это тем, что использование иностранного правового материала, правового опыта необходимо для развития, совершенствования национального права, особенно в переходные периоды. Рецепция обеспечивает взаимодействие с иными зарубежными системами права, их сближение и унификацию.

Рецепция права настолько широко применима и важна, что в литературе рассматривается как закономерность и как принцип правотворчества – учет положительного правового опыта зарубежных стран. В современный период подобная информация легко получаемая и территориально не ограничена [16, с.304]. Особенность рецепции как вида правотворчества состоит в том, что творения нормы права не происходит. Она уже создана, в другой стране . и существует как готовый образец для страны реципиента. Рецепция права с одной стороны облегчает работу правотворцев, а с другой – усложняет ее. Требуется критический анализ заимствованного материала, знание иностранного языка, национальной психологии, традиций, правовой идеологии, возможности эффективно действовать в стране. Без решения этих вопросов возможна дестабилизация национального правопорядка [19, с.144-146].

В России рецепция широко использовалась в 1990-е годы. Текст российской Конституции,- отмечает В. Пастухов, - вобрал в себя формулы, разбросанные чуть ли не по всем конституциям мира. Это была универсальная одежда, этакий конституционный «унисекс» - и для мальчиков, и для девочек, но на особенности «православной конституции» он не был рассчитан»[15, с.6]. «В Конституции РФ 1993 года,- утверждает Р. Шарлет,- можно увидеть конституционный эквивалент европейского аэробуса, собранного из деталей, изготовленных в нескольких странах» [18, с.18]. В российской форме правления есть 50% элементов, которые принадлежат французской модели, 30% — модели США [5, с.110]. Трудовые кодексы 1918 и 1922 гг. воспроизводили нормы Устава о промышленном труде (1913 г.) и Закона от 3 июля 1886. Ряд понятий и норм были сохранены и в последующих кодексах.

Международно-правовой способ развития национального права. Национальное и международное право самостоятельные правовые системы, которые находятся в постоянном взаимодействии. Это предполагает возможность, и необходимость использования нормативного правовые акты международного права. В России это закреплено на конституционном уровне. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [9, ст.15 ч.4].

Включение их в систему внутригосударственного права происходит различными путями. В литературе называются несколько вариантов: путем отсылок, рецепции, унификации, инкорпорации, ратификации, адаптации, трансплантации, трансформации, имплементации и др. Четкого обоснования их не дается. Представляются, что все указанное многообразие укладывается в два основных способа использования национальным правом международных норм - трансформацию и имплементацию. Все остальное можно считать их подвидами.

Трансформация – это способ перевода международных правовых норм в национальное право. Происходит это посредством издания государством национально-правовых актов [15, с.13-28]. На это ориентируют юридические словари: трансформация осуществляется специальным законом либо законодательным провозглашением действия международного договора на территории данного государства и обязанности лиц его соблюдать [2, с.631].

Благодаря этому акту (его называют «трансформационным», «национально-правовым») международные нормы приобретают юридическую силу и официально действуют на территории страны. Национально-правовые акты разнообразны: законы, межправительственные соглашения, ратификация, отсылки и др. В зависимости от использования их трансформация подразделяется два вида: общую и специальную. При общей трансформации государством издается общая конституционная норма, придающая международно-правовым нормам силу внутригосударственного действия.

При специальной трансформации воспринимаемые нормы международного права закрепляются текстуально. Это могут быть законы, или иные юридические акты, дающие согласие на их использование иным способом, либо в виде положений, адаптированных к внутригосударственному праву [3, с.106].

Специальная трансформация имеет несколько видов. К ней относят рецепцию, инкорпорацию, адаптацию, отсылку. Они являются юридико-техническими средствами, направленными на придание юридической силы нормам международного права на территории государства. Выбор средства государство определяет каждое государство самостоятельно.

Таким образом, трансформация - реально существующий способ правотворчества, выраженный в акте санкционирования использования норм международного права на территории национального государства.

Имплементация. Имплементация (от английского "implementation" переводится как исполнение, осуществление, претворение в жизнь. В праве это совпадает с понятием реализация норм права. Естественно, что большинство авторов и понимают имплементацию норм международного права как реализацию. Рецепция, по мнению И.Н. Барциц, это необходимые условия для реализации взятых на себя международных обязательств [1, с.61]. А. С. Гавердовский утверждает, что имплементация предпосылка, первичная стадия реализации норм международного права, средство их превращения в нормы специальные (конкретные) [4, с.62].

Рассматривая имплементацию как форму реализации, авторы ограничиваются одной из ее форм запретом, предписанием, дозволением. Говорят либо об исполнении обязывающих норм международного права;

либо об их соблюдении, воздержании от запрещенных законом действий; либо об использовании – реализации субъективных прав, содержащихся в международных нормах.

Заслуживает внимание понимание имплементации, предложенное А. С. Гавердовским имплементация норм международного права это целенаправленная организационно-правовая деятельность государств, предпринимаемая в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств [4, с.62].

Итак, новеллизация, преемственность, рецепция – самостоятельные правовые явления, активно участвующие в правотворческом процессе.

Список литературы:

1. Барциц И. Н. Международное право и правовая система России // Журнал российского права. 2001. № 2.
2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухаева, В. Е. Крутских. М., 2001.
3. Борисов И. Б. Соотношение международного и внутригосударственного права в вопросах избирательного права // Журнал российского права. 2002. № 4.
4. Гавердовский А. С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980. 317 с.
5. Ганино М. Конституционная реформа в Италии и России: сравнительный анализ // Российский конституционализм: проблемы и решения материалы международной конференции). - М.: Институт государства и права Российской академии наук, 1999. 111 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 5. М., 1937. 716 с.
7. Головкин Л.В. Том XV Свобода законов и его значение в развитии отечественного уголовного судопроизводства // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2005. №1.
8. Государственная Дума: день за днем //Российская Федерация сегодня. 2000. № 1.
9. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). ст.15 ч.4.
10. Косарев А.И. Этапы рецепции римского права //Советское государство и право. 1983. №7.
11. Левакин И.В. Современная российская государственность: проблемы переходного периода. Государство и право. 2003. № 1. EDN: OPPTYCT
12. Ленинские декреты 1917-1922. М.,1974. 661 с.
13. Макавский А.Л. Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной экономике России //Журнал Российского права. 2005. №9. EDN: OPCUMB
14. Новеллизация. Юридическая энциклопедия - <https://determiner.ru/termin/novellizacija.html>.
15. Пастухов В. Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №2. EDN: NTOYLX
16. Теория государства и права /Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 2000.
17. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. [995. № 2.
18. Шарлет Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и новых независимых государств // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 2.
19. Юридическая социология. М., 1998. 351 с.

References:

1. Bartsits I. N. International law and the legal system of Russia // Journal of Russian Law. 2001. No. 2.
2. The Great Legal Dictionary / edited by A. Ya. Sukhaev, V. E. Krutskikh. M., 2001.
3. Borisov I. B. The correlation of international and domestic law in matters of electoral law // Journal of Russian Law. 2002. № 4.
4. Gaverdovsky A. S. Implementation of the norms of international law. Kiev, 1980. 317 p.
5. Ganino M. Constitutional reform in Italy and Russia: comparative analysis // Russian Constitutionalism: problems and solutions (proceedings of the International Conference). Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 1999. 111 p.
6. Hegel G.V.F. Essays. Vol. 5. Moscow, 1937. 716 p.
7. Golovko L.V. Volume XV Freedom of laws and its importance in the development of domestic criminal justice // Bulletin of the Moscow State University. Episode 11. Right. 2005. No. 1.
8. The State Duma: day by day //The Russian Federation today. 2000. № 1.
9. The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). art.15 part
- 4.10. Kosarev A.I. Stages of Roman law reception //The Soviet State and law. 1983. No. 7.
11. Levakin I.V. Modern Russian statehood: problems of the transition period. State and law. 2003. No. 1. EDN: OPPTYCT
12. Lenin's decrees of 1917-1922. Moscow, 1974. 661 p.
13. Makovskiy A.L. Civil legislation in the Soviet planned economy and in the market economy of Russia //Journal of Russian Law. 2005. №9. EDN: OPCUMB
14. Novelization. Legal Encyclopedia - <https://determiner.ru/termin/novellizacija.html> .
15. Pastukhov V. The second wind of Russian constitutionalism // Comparative Constitutional Review. 2008. №2. EDN: NTOYLX
16. Theory of the State and Law / Edited by V.M. Korelsky and V.D. Perevalov, Moscow, 2000.
17. Usenko E.T. Correlation and interaction of international and national law and the Russian Constitution // Moscow Journal of International Law. [995. № 2.
18. Sharlet R. Legal transplants and Political Mutations: the Reception of Constitutional Law in Russia and the Newly Independent States // Constitutional Law: Eastern European Review. 1999. № 2.
19. Legal sociology. Moscow, 1998. 351 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ LEGAL BASIS OF FORMATION AND PROTECTION OF NATIONAL INTERESTS

БИДОВА Бэла Бертовна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки,
профессор кафедры правовых дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края.
357635, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
E-mail: bela_007@bk.ru;

БЫСТРОВА Юлия Викторовна,

доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора
Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева.
360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173.
E-mail: zukova57@mail.ru;

ВЛАСОВА Татьяна Алексеевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки.
357635, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
E-mail: kafedra.istorii.sgpi@gmail.com;

BIDOVA Bela Bertovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the branch
Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki,
Professor of the Department of Legal Disciplines of the branch
Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk, Stavropol Territory.
7 Dolina Rozova str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357635, Russia.
E-mail: bela_007@bk.ru;

BYSTROVA Yulia Viktorovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the REC for Legal Studies
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision
Oryol State University named after I. S. Turgenev.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: zukova57@mail.ru;

VLASOVA Tatiana Alekseevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch
Stavropol State Pedagogical Institute.
7 Dolina Rozova str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357635, Russia.
E-mail: kafedra.istorii.sgpi@gmail.com

Краткая аннотация: исследование рассматривает концептуальные основы, отличительные характеристики и прикладное значение защиты национальных приоритетов государства. Доказывается положение, согласно которому современное государство выполняет критически важную миссию по формулированию стратегических интересов нации, планированию механизмов их достижения и юридическому оформлению соответствующих процедур. Примечательно, что данные государственные функции играют исключительную роль в предотвращении общественных потрясений, потенциально угрожающих глобальной стабильности. Исследователь представляет оригинальную концепцию национальных приоритетов, выделяет фундаментальные векторы их консолидации, а также определяет их значимость и фундаментальные характеристики в современном контексте.

Abstract: The study examines the conceptual foundations, distinctive characteristics and the practical importance of protecting the national priorities of the state. The article proves the position according to which the modern state fulfills a critically important mission in formulating the strategic interests of the nation, planning mechanisms for their achievement and legally formalizing the relevant procedures. It is noteworthy that these government functions play an exceptional role in preventing social upheavals that potentially threaten global stability. The researcher presents an original concept of national priorities, identifies the fundamental vectors of their consolidation, and determines their significance and fundamental characteristics in the modern context.

Ключевые слова: приоритеты, государственные приоритеты, защита государственных приоритетов, законодательство, юридические инструменты осуществления.

Keywords: priorities, state priorities, protection of state priorities, legislation, legal instruments of implementation.

Для цитирования: Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В., Власова Т.А. Юридические основы формирования и защиты национальных интересов // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 19-21. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_19.

For citation: Bidova B.B., Bystrova Yu.V., Vlasova T.A. Legal basis of formation and protection of national interests // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 19-21. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_19.

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Труды по юриспруденции последних лет мало уделяют внимания трудностям образования национальных интересов. Авторы работ обычно довольствуются только упоминанием вскользь набора слов (формирование национальных интересов) без раскрытия сути механизма, а миссия права совсем не разбирается.

Р.О. Очкин стал автором следующего высказывания: «Механизм формирования национальных интересов большей частью находится во власти главенствующей в конкретной стране модели государственного управления (бюрократическая система, согласовательная, закрытая, или открытая) [1, с.85]. Ученый в той же работе касается формулирования национальных интересов, воплощения. Конкретной информации по механизму их реализации труд не содержит.

Работы С.Н. Бабурина имеют много общего с трудами предыдущего автора, и он считает, что национальные интересы образуются с учетом геополитических факторов и ресурсных возможностей страны в локациях пересечения антипатий, интересов, симпатий, структур конфликтующих, или симпатизирующих, или взаимосвязанных, или разнонаправленных, так далее. Формирование национальных интересов сильно зависит от экономической развитости государства, позиции в мировом сообществе, национальных и культурных ценностей. Конкретно образование национальных интересов есть поступательный процесс, воплощающийся в сложном сплетении хозяйственных, психологических, общественных, иных аспектов, в комплексе обуславливающих наполнение и природу национальной и исторической умудренности народа или государства [2, с.105]. Отметим, отрывок не содержит информации о содержании, конкретно процессе образования, хотя мы должны согласиться – это действительно процесс.

Исследователь С.Ю. Чапчиков по данной теме пишет правильно и образно: «Угроза появления ложных интересов, преподносимых публичной власти не национально ориентированными выгодоприобретателями в условиях быстрой всемирной экономической и культурной интеграции, сопровождающейся заражением общества ментальными вирусами, воздействием терроризма и кибернетического экстремизма очень высока. К примеру, схватки за абстрактные права метафизической личности, за толерантность и мультикультурализм уже подтолкнули к уничтожению целых социумов (Югославия, Ливия), размыванию культурных ареалов, утере культурного и гражданского единства, уменьшению независимости народа в границах землевладения, являющего местом исторического существования (Ирак, Евросоюз)» [3, с.72]. Здесь автор высказывается касательно формирования интересов в общем ключе. Между тем такой подход неплох и для формирования национальных интересов с учетом нашего мнения о близкой взаимосвязи определения, согласования, формирования и воплощения национальных интересов и этапов их юридического обеспечения.

Мы уже отвели праву роль стадии процесса юридического гарантирования национальных интересов, теперь привяжем к процессу обеспечения и пропорцию интерес/воля. Для данной ситуации философское и словесное наполнение этих терминов не играет большой важности, хотя сразу видится обратное: интересы не определяются, не согласуются, не сформируются, не воплотятся без волевых шагов в этих направлениях.

Исследователи В.П. Беляев и С.Ю. Чапчиков определяют данное явление как "волевую гипотезу права" [4, с.35], поднимая вопрос о её сущности. Анализируя эту концепцию, они выделяют два ключевых аспекта. Во-первых, формирование юридически оформленных интересов всегда является результатом сознательного волевого решения, без которого процесс не может быть завершён. Во-вторых, право одновременно выступает как итог и инструмент консолидации общественной воли, формирующей единую систему. В процессе правообразования индивидуальные интересы интегрируются в коллективную волю, которая, получив государственное оформление, в свою очередь структурирует и объединяет общество в целом.

Следовательно, в-третьих, воля, воплощенная в правовых нормах, воспринимается обществом как универсальное требование или принудительное указание, исходящее от властного субъекта. В-четвертых, правовые нормы обращены к мыслящему индивиду, способному принимать волевые решения, и несмотря на свою императивность, предполагают сознательную интеллектуальную деятельность и оставляют пространство для самостоятельного выбора поведения. Мы разделяем позицию уважаемых исследователей в целом, особенно в части анализа взаимосвязи волевого и интересобусловленного аспектов при формировании правового содержания.

Необходимо отметить отсутствие правоприменительных механизмов наряду с процессами создания и формирования права, поскольку эффективное продвижение государственных приоритетов невозможно без юридической имплементации. Так же мы обязаны указать на отсутствие правоприменения в ряду с правообразованием и правотворчеством, ведь реализация национальных интересов без применения права невозможна.

В связи с чем, мнение Н.А. Саркарова [5, с.172], отразившего роль интересов в целостном процессе становления и развертывания права, начиная от формирования (именно) интересов, обуславливающих необходимость в юридическом регулировании, до их воздействия в ходе реализации права видится нам более объективной позицией.

На наш взгляд, легитимация согласованных национальных приоритетов представляет собой процесс их официального закрепления в юридических и иных документах, что непременно основывается на правовых нормах, которые возникают из этих приоритетов в процессе правообразования.

Важно подчеркнуть, что ключевой характеристикой интереса является его объективность, проистекающая из реальных потребностей и определяемая беспристрастностью социальных взаимоотношений. Следует заметить, что в структуре общественных взаимодействий присутствуют элементы, создающие объективную основу для формирования правовых норм.

В свою очередь, свойства самого интереса определяют специфику его правовой формы. Роль и значение права в формировании на-

циональных интересов, диалектическая (и логическая) связь с правом, их взаимообусловленность проистекают именно отсюда.

По ходу эволюции сущности и свойств интереса отчетливо обнаруживается его телесная близость с правом. Генезис права не простой процесс, имеющий 2 стороны – формирование правовой нормативной системы и юридикацию этого процесса, придание складывающемуся нормативному регулятору свойств, сопряженных с публичностью власти, его огосударствлением.

В ходе исследования мы пришли к выводу о насущной необходимости анализа правообразования в более широком смысле.

Как видно, выражение правообразование это производная двух слов (право и образование), наделенных определенным непохожим друг на друга смыслом. Право – это система установленных или санкционированных государством общеобязательных правил (норм, стандартов) поведения, отражающих волю господствующего класса или всего народа. Образование – это процесс, активность, деятельность, приводящая к появлению какого-то явления, вещи, предмета. Правообразование – это процедура не предвзятого и действительного утверждения и одобрения каких-то общественных взаимодействий нормальными и правильными, проистекающими из ценностей, господствующих в социуме отношениями. Другими словами, образование права – это операция объективного возникновения права.

Правообразование — это конкретное цикличное действие появления объективного социального стремления (политической, моральной, экономической природы) к юридическому упорядочиванию общественных взаимодействий. Со временем процедура преобразуется в политическое и правовое осознание надобности, в результате социальное стремление (нужда, потребность, интерес) фиксируется в правотворчестве, пребывающем финальным этапом образования права [6, с.81]. В данном случае потребности, выражающие интересы, становятся краеугольным камнем этого подхода, и соответственно, правотворчество становится крайней стадией правообразования.

Разработка национальных интересов подразумевает осуществление государственной структурой множества целей государства внутреннего и внешнего свойства [7, с.53]. Среди целей внутреннего порядка следует отметить следующие: формирование системы стратегического управления, исследования и прогнозирования, а также соответствующих государственных органов; рассредоточение устройства государственной власти и предоставление широких операционных управленческих функций частным организациям; распределение регуляторных компетенций и ответственности за их реализацию между государственными и негосударственными субъектами; формирование результативного механизма юридического наблюдения с целью получения реальных сведений о сущности воздействия нормативно-правовой базы на социальные отношения и того, что за ними следует; побуждение к формированию разных форм государственно-частного партнерства и бизнесменской инициативности россиян; убирание административных барьеров при реализации экономической и прочей социальной деятельности. Главной внешней целью назовем организацию, согласование и неуклонное осуществление единой государственной стратегии юридической эволюции на глобальном уровне, формирование и развитие межнациональных юридических форм регионального значения.

Список литературы:

1. Очкин Р.О. Формирование национально-государственного экономического интереса в концепции национальных интересов России //Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6. С. 83-87. EDN: TEJIBN
2. Бабури С.Н. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М.: Статус, 2014. 367 с.
3. Чапчиков С.Ю. Принципы механизма обеспечения национальной безопасности //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. №6(85). С. 70-73. EDN: YSPWQT
4. Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Оптимизация механизма обеспечения национальной безопасности России: некоторые направления //Актуальные проблемы российского права. 2018. №9(94). С. 31-41. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.94.9.031-041 EDN: YLQSDB
5. Саркарова Н.А. Национальные интересы и национализм //Манускрипт. 2017. № 13(86). С. 170-174. EDN: ZWMAYB
6. Бидова Б.Б., Беляева Г.С. Реализация национальных интересов: правовые аспекты // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2021. № 4(44). С. 78-82. DOI: 10.36684/chesu-2021-44-4-78-82 EDN: UZBWRX
7. Беляев В.П., Беляева Г.С., Бидова Б.Б. К вопросу о понятии национальных интересов и особенностях их юридического закрепления в североамериканской традиции // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8(176). С. 52-54. EDN: VVFKNW

References:

1. Ochkin R.O. Formation of national-state economic interest in the concept of national interests of Russia //Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. No. 6. pp. 83-87. EDN: TEJIBN
2. Baburin S.N. The strategy of national security of Russia: theoretical and methodological aspects. Moscow: Status, 2014. 367 p.
3. Chapchikov S.Y. Principles of the mechanism for ensuring national security //Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2017. No.6(85). pp. 70-73. EDN: YSPWQT
4. Belyaev V.P., Chapchikov S.Y. Optimization of the mechanism of ensuring national security of Russia: some directions //Actual problems of Russian law. 2018. No. 9(94). pp. 31-41. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.94.9.031-041 EDN: YLQSDB
5. Sarkarova N.A. National interests and nationalism //Manuscript. 2017. No. 13(86). pp. 170-174. EDN: ZWMAYB
6. Bidova B.B., Belyaeva G.S. Realization of national interests: legal aspects // Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2021. No. 4(44). pp. 78-82. DOI: 10.36684/chesu-2021-44-4-78-82 EDN: UZBWRX
7. Belyaev V.P., Belyaeva G.S., Bidova B.B. On the concept of national interests and the specifics of their legal consolidation in the North American tradition // Law and the State: theory and practice. 2019. No. 8(176). pp. 52-54. EDN: VVFKNW

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ACCESSIBILITY OF JUSTICE IN CIVIL PROCEEDINGS: THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND PRACTICAL PROBLEMS

РУДНЕВА Юлия Викторовна,

старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: yuliarudneva66@mail.ru;

БИЛЕЦКАЯ Екатерина Андреевна,

студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: biletskayakaterina@mail.ru;

ЗВЕРЕВА Виолетта Владимировна,

Студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: violettazvereva18@mail.ru;

МОИСЕЕВА Анна Васильевна,

Студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: anna.moiseewa63@gmail.com;

RUDNEVA Yulia Viktorovna,

Senior Lecturer at the Samara State University.

443090, Samara, st.141 Sovetskaya Army.

E-mail: yuliarudneva66@mail.ru;

BILETSKAYA Ekaterina Andreevna,

Student of the Samara State University.

443090, Samara, Sovetskaya Army Street, 141.

E-mail: biletskayakaterina@mail.ru;

ZVEREVA Violetta Vladimirovna,

Student of the Samara State University.

443090, Samara, Sovetskaya Army Street, 141.

E-mail: violettazvereva18@mail.ru;

MOISEEVA Anna Vasilievna,

Student of the Samara State University.

443090, Samara, 141 Sovetskaya Army Street.

E-mail: anna.moiseewa63@gmail.com

Краткая аннотация: В статье исследуется многоаспектная проблематика реализации принципа доступности правосудия в современном гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются теоретико-правовые основания данного принципа, его конституционная природа и взаимосвязь с фундаментальным правом на судебную защиту. Рассматриваются различные научные подходы к пониманию содержания и структуры принципа доступности правосудия, выявляются основные барьеры и препятствия в его практической реализации.

Abstract: The article explores the multifaceted issues of implementing the principle of accessibility of justice in modern civil proceedings in the Russian Federation. It analyzes the theoretical and legal foundations of this principle, its constitutional nature, and its relationship with the fundamental right to judicial protection. The article examines various scientific approaches to understanding the content and structure of the principle of accessibility of justice, and identifies the main barriers and obstacles to its practical implementation.

Ключевые слова: доступность правосудия, гражданский процесс, судебная защита, принципы гражданского процессуального права, барьеры доступности, цифровизация правосудия, процессуальные гарантии, электронное правосудие, международные стандарты, судебные расходы.

Keywords: accessibility of justice, civil procedure, judicial protection, principles of civil procedural law, barriers to accessibility, digitalization of justice, procedural guarantees, electronic justice, international standards, and legal costs.

Для цитирования: Руднева Ю.В., Билецкая Е.А., Зверева В.В., Моисеева А.В. Реализация принципа доступности правосудия в гражданском процессе: теоретико-правовые основы и практические проблемы // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 22-26. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_22.

For citation: Rudneva Yu.V., Biletskaya E.A., Zvereva V.V., Moiseeva A.V. Implementation of the principle of accessibility of justice in civil proceedings: theoretical and legal foundations and practical problems // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 22-26. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_22.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Принцип доступности правосудия представляет собой фундаментальную основу современного гражданского судопроизводства, определяющую эффективность реализации конституционного права на судебную защиту и выступающую в качестве необходимого условия построения правового государства и гражданского общества. Многомерность и комплексность данного принципа, его тесная взаимосвязь с другими осно-

воплощающими началами гражданского процессуального права, а также динамичное развитие общественных отношений в условиях цифровой трансформации обуславливают актуальность всестороннего научного осмысления механизмов его реализации в современной правовой действительности.

Эволюция понимания принципа доступности правосудия в отечественной правовой доктрине прошла несколько этапов: от узкого толкования как возможности физического доступа к зданию суда до современного комплексного подхода, охватывающего широкий спектр правовых, экономических, организационных и социальных аспектов. Современная концепция доступности правосудия предполагает не только формальную возможность обращения в суд, но и создание реальных условий для эффективной защиты нарушенных или оспариваемых прав, что требует системного подхода к анализу всех факторов, влияющих на возможность получения судебной защиты.

Теоретико-правовая природа принципа доступности правосудия характеризуется дуалистичностью своего содержания: с одной стороны, он выступает как самостоятельный принцип гражданского процессуального права, обладающий собственным нормативным содержанием и специфическими механизмами реализации, с другой – представляет собой интегративное начало, объединяющее и конкретизирующее действие целого комплекса процессуальных принципов и гарантий. Данная двойственность порождает оживленные дискуссии в научной литературе относительно места принципа доступности правосудия в системе принципов гражданского процессуального права, его соотношения с другими основополагающими началами судопроизводства.

Как отмечает В.В. Бессарабова, «доступность правосудия в современной системе принципов гражданского процессуального права» занимает особое положение, выступая одновременно и как самостоятельный принцип, и как квинтэссенция всех процессуальных гарантий, обеспечивающих реальную возможность судебной защиты нарушенных или оспариваемых прав [3, с. 14]. Подобный интегративный подход представляется наиболее обоснованным, поскольку позволяет раскрыть многоаспектность исследуемого принципа и его системообразующую роль в механизме судебной защиты, а также учесть сложные взаимосвязи между различными элементами системы гражданского судопроизводства.

Структура принципа доступности правосудия включает в себя несколько взаимосвязанных элементов, каждый из которых имеет самостоятельное значение и требует специального правового регулирования. К числу основных структурных элементов следует отнести: право на обращение в суд (право на предъявление иска), право на рассмотрение дела в разумный срок, право на исполнение судебного решения, право на обжалование судебных актов, право на получение квалифицированной юридической помощи. Системное единство указанных элементов обеспечивает целостность механизма судебной защиты и создает необходимые предпосылки для эффективной реализации права на доступ к правосудию.

Конституционные основания принципа доступности правосудия закреплены в целом комплексе норм Основного закона. Статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, статья 47 закрепляет право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, статья 48 гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи. Однако конституционное закрепление права на судебную защиту само по себе не обеспечивает его реальной доступности – необходима развернутая система процессуальных механизмов и гарантий, позволяющих преодолеть существующие барьеры и препятствия, создать условия для беспрепятственной реализации конституционных прав граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих многочисленных решениях неоднократно подчеркивал, что право на судебную защиту предполагает не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод. При этом государство обязано обеспечить осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной. Данная правовая позиция Конституционного Суда существенно расширяет содержание принципа доступности правосудия, включая в него не только процессуальные, но и материально-правовые аспекты.

Т.Б. Липатова справедливо указывает на то, что «реализация принципа доступности правосудия в условиях современного развития гражданского судопроизводства» сталкивается с целым комплексом проблем, обусловленных как объективными факторами социально-экономического характера, так и недостатками правового регулирования и правоприменительной практики [1, с. 87]. Действительно, современное состояние гражданского судопроизводства характеризуется наличием множественных барьеров, препятствующих реализации права на судебную защиту, причем эти барьеры имеют различную природу и требуют дифференцированного подхода к их преодолению.

Экономические барьеры доступности правосудия представляют собой одну из наиболее острых и трудноразрешимых проблем современного гражданского процесса. Высокий размер государственной пошлины, особенно по имущественным спорам с большой ценой иска, расходы на квалифицированную юридическую помощь, которые нередко превышают размер самих исковых требований, издержки, связанные с собиранием доказательств, проведением экспертиз, участием в судебных заседаниях, создают существенные, а порой непреодолимые препятствия для обращения в суд значительной части населения. Парадоксальность ситуации заключается в том, что именно те категории граждан, которые в наибольшей степени нуждаются в судебной защите своих прав – малоимущие, социально незащищенные слои населения – оказываются фактически лишены реальной возможности ее получения в силу экономических причин.

Анализ судебной практики показывает, что размер судебных расходов нередко становится определяющим фактором при принятии решения об обращении в суд. Особенно остро данная проблема проявляется в спорах с небольшой ценой иска, когда судебные расходы могут превышать размер взыскиваемой суммы. В таких случаях граждане вынуждены отказываться от судебной защиты своих прав, что подрывает саму идею правосудия как универсального механизма разрешения правовых конфликтов. Необходимо отметить, что существующая система льгот по уплате государственной пошлины и механизмы отсрочки или рассрочки ее уплаты не решают проблему в полной мере, поскольку охватывают лишь ограниченный круг лиц и не учитывают реальное материальное положение большинства граждан.

Территориальная доступность правосудия остается серьезной проблемой, особенно актуальной для Российской Федерации с ее огромной территорией и неравномерной плотностью населения. Жители отдаленных и труднодоступных районов, малых населенных пунктов сталкиваются с необходимостью преодолевать значительные расстояния для участия в судебных заседаниях, что влечет дополнительные временные и финансовые затраты. Неравномерность размещения судебных органов на территории страны, концентрация судов в крупных населенных пунктах, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры создают дополнительные препятствия для реализации права на судебную защиту. В.А. Сураева обоснованно отмечает различные «аспекты реализации принципа доступности правосудия», среди которых территориальная доступность занимает одно из ключевых мест, определяя фактическую возможность граждан участвовать в судебном процессе [2, с. 64].

Проблема территориальной доступности усугубляется недостаточным развитием механизмов дистанционного участия в судебных заседаниях. Несмотря на внедрение систем видеоконференцсвязи, их использование ограничено техническими возможностями судов и участников процесса, а также процессуальными ограничениями. Кроме того, качество связи, технические сбои, отсутствие необходимого оборудования у участников процесса снижают эффективность дистанционного правосудия. Представляется, что решение проблемы территориальной доступности требует комплексного подхода, включающего как развитие судебной инфраструктуры, так и совершенствование процессуального законодательства в части расширения возможностей дистанционного участия в судебном процессе.

Информационная доступность правосудия предполагает наличие у граждан достаточной информации о порядке обращения в суд, процессуальных правах и обязанностях, ходе рассмотрения дела, принятых судебных актах. Недостаточная правовая грамотность населения, сложность и противоречивость процессуального законодательства, частые изменения нормативной базы, отсутствие доступных и понятных разъяснений порядка судебной защиты создают информационные барьеры, препятствующие эффективной реализации права на судебную защиту. Особенно остро данная проблема проявляется в отношении социально уязвимых категорий граждан – пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями здоровья, граждан с низким уровнем образования.

Развитие информационных технологий открывает новые возможности для повышения информационной доступности правосудия. Создание официальных сайтов судов, размещение информации о движении дел, публикация судебных актов способствуют повышению прозрачности судебной деятельности. Однако следует признать, что потенциал информационных технологий используется не в полной мере. Информация на сайтах судов нередко представлена в форме, недоступной для понимания граждан без юридического образования, отсутствуют интерактивные сервисы, позволяющие получить консультацию или разъяснение по процессуальным вопросам. Необходима разработка единых стандартов представления информации о судебной деятельности, ориентированных на потребности граждан.

Процессуальные барьеры доступности правосудия связаны с чрезмерной формализацией судебных процедур, жесткими требованиями к форме и содержанию процессуальных документов, сложностью доказывания, краткостью процессуальных сроков, множественностью инстанций. Г.А. Кислов справедливо указывает на «некоторые проблемы обеспечения доступности правосудия как преграда к реализации права на судебную защиту», подчеркивая, что излишний формализм судопроизводства может превратить право на судебную защиту в пустую декларацию, недоступную для реализации обычными гражданами [5, с. 28].

Анализ судебной практики показывает, что значительное количество исковых заявлений возвращается или оставляется без движения по формальным основаниям, связанным с несоблюдением требований к их оформлению. При этом суды нередко проявляют излишний формализм, требуя соблюдения таких процессуальных правил, которые не влияют на существо спора и возможность его правильного разрешения. Особую проблему представляет требование о представлении доказательств соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, которое в ряде случаев становится дополнительным барьером для доступа к правосудию, особенно когда такой порядок носит формальный характер и не способствует реальному урегулированию конфликта.

Организационные аспекты доступности правосудия охватывают вопросы организации работы судов, режима их работы, условий приема граждан, доступности помещений суда для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Несоответствие режима работы судов потребностям граждан, длительное ожидание приема, отсутствие необходимых условий для комфортного пребывания в здании суда создают дополнительные препятствия для реализации права на судебную защиту. Особенно остро эти проблемы проявляются в судах с высокой нагрузкой, где граждане вынуждены часами ожидать возможности подать документы или получить информацию о движении дела.

Важным аспектом организационной доступности является создание безбарьерной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Несмотря на принимаемые меры, многие здания судов остаются недоступными для маломобильных граждан, отсутствуют специальные технические средства для участия в судебном процессе лиц с нарушениями слуха или зрения. Это создает дискриминационные условия и фактически лишает данную категорию граждан возможности полноценного участия в судебном процессе. Решение данной проблемы требует значительных финансовых вложений и комплексного подхода к модернизации судебной инфраструктуры.

Особую актуальность проблема доступности правосудия приобретает в контексте реализации на различных стадиях гражданского судопроизводства. Л.А. Терехова в своем фундаментальном исследовании «Реализация принципа доступности правосудия на различных стадиях гражданского судопроизводства» обоснованно отмечает, что каждая стадия процесса характеризуется специфическими проблемами обеспечения доступности судебной защиты, требующими дифференцированного подхода к их решению [4, с. 44].

На стадии возбуждения производства по делу основными барьерами выступают сложные требования к форме и содержанию искового заявления, необходимость точного определения предмета и основания иска, указания конкретных норм права, подлежащих применению. Для граждан без юридического образования составление искового заявления, соответствующего всем процессуальным требованиям, представляет

значительную сложность. Необходимость уплаты государственной пошлины до обращения в суд, особенно по спорам с большой ценой иска, создает серьезное финансовое препятствие. Сложности с определением подсудности, особенно в условиях частого изменения процессуального законодательства, также затрудняют доступ к правосудию.

Стадия подготовки дела к судебному разбирательству характеризуется проблемами, связанными с извещением участников процесса, обеспечением их явки, собиранием и представлением доказательств, определением круга лиц, участвующих в деле. Недостаточная активность суда в содействии сторонам в реализации их процессуальных прав, формальный подход к проведению подготовительных действий снижают эффективность судебной защиты. Особую проблему представляет обеспечение равенства сторон в доказывании, когда одна из сторон обладает значительно большими возможностями по сбору и представлению доказательств. В таких условиях формальное равенство сторон не обеспечивает реального равенства возможностей в защите своих прав.

На стадии судебного разбирательства проблемы доступности правосудия связаны с обеспечением состязательности и равноправия сторон, созданием условий для полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, преодолением процессуального неравенства участников процесса. Сложность процессуальных правил, необходимость соблюдения определенного порядка представления доказательств, заявления ходатайств создают препятствия для граждан, не обладающих специальными юридическими знаниями. Е.А. Ефименко и Е.В. Мерцалова обращают внимание на «проблему применения принципа "осуществление правосудия только судом" в гражданском процессе», подчеркивая взаимосвязь данного принципа с обеспечением доступности судебной защиты и необходимость активной роли суда в создании условий для реализации процессуальных прав участников процесса [6, с. 204].

Стадии пересмотра судебных актов – апелляционное, кассационное, надзорное производство – характеризуются специфическими проблемами доступности. Сложность процессуальных требований к жалобам, краткие сроки их подачи, необходимость обоснования оснований для пересмотра создают дополнительные барьеры. Особенно сложной является процедура кассационного и надзорного обжалования, где требуется обоснование наличия существенных нарушений норм материального или процессуального права, повлиявших на исход дела. Для граждан без юридического образования самостоятельная подготовка таких жалоб практически невозможна, что фактически лишает их права на пересмотр судебных актов.

Исполнительное производство как завершающая стадия процесса также сталкивается с проблемами доступности. Сложность процедуры получения исполнительного документа, необходимость самостоятельного предъявления его к исполнению, длительность исполнительного производства, низкая эффективность принудительного исполнения снижают ценность судебной защиты. Получение судебного решения в свою пользу еще не гарантирует реального восстановления нарушенных прав, что подрывает доверие граждан к судебной системе в целом.

Цифровизация правосудия, активно развивающаяся в последние годы, открывает принципиально новые возможности для повышения доступности судебной защиты, но одновременно порождает и новые вызовы, требующие осмысления и решения. Внедрение электронного документооборота, возможность подачи документов в электронном виде через систему ГАС "Правосудие", проведение судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи, аудиопотоколирование судебных заседаний способствуют преодолению территориальных и временных барьеров, повышают прозрачность судебного процесса.

Однако цифровое неравенство, выражающееся в отсутствии у части населения доступа к сети Интернет, навыков работы с информационными технологиями, необходимого оборудования, создает новые препятствия для доступа к правосудию. Технические сбои в работе информационных систем, проблемы с электронной подписью, сложность интерфейса электронных сервисов снижают эффективность электронного правосудия. Кроме того, возникают вопросы обеспечения информационной безопасности, защиты персональных данных участников процесса, аутентификации электронных документов. Необходимо обеспечить баланс между преимуществами цифровизации и сохранением традиционных форм доступа к правосудию для тех категорий граждан, которые не могут или не готовы использовать электронные технологии.

Принцип доступности правосудия представляет собой сложное, многоаспектное правовое явление, реализация которого требует системного подхода и координации усилий всех участников правовой системы – законодателя, судебной власти, органов исполнительной власти, адвокатского и научного сообщества, институтов гражданского общества. Преодоление существующих барьеров доступности судебной защиты возможно только при условии комплексной модернизации гражданского судопроизводства с учетом современных вызовов, международных стандартов и национальных особенностей [7, с.386-389].

Дальнейшее развитие принципа доступности правосудия должно осуществляться в направлении создания реальных условий для эффективной судебной защиты прав и законных интересов всех категорий граждан независимо от их имущественного положения, места жительства, уровня правовой грамотности, физических возможностей и иных факторов. Только обеспечив реальную доступность правосудия, можно говорить о построении подлинно правового государства, в котором судебная защита является не привилегией избранных, а универсальным механизмом защиты прав и свобод каждого человека и гражданина. Это требует не только изменения законодательства, но и формирования новой правовой культуры, основанной на уважении к праву и доверии к судебной системе.

Список литературы:

1. Липатова Т.Б. Реализация принципа доступности правосудия в условиях современного развития гражданского судопроизводства // Перспективы развития гражданского процессуального права. Сборник статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 87-88. EDN: LGKUHV
2. Сураева В.А. Аспекты реализации принципа доступности правосудия // Правовое образование. Гражданское общество. Справедливое государство: материалы конференции. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. С. 63-66. EDN: CAXMTP

3. Бессарабова В.В. Доступность правосудия в современной системе принципов гражданского процессуального права // Принципы гражданского и арбитражного процесса: генезис и проблемы реализации в судебной практике: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2021. С. 13-17. EDN: ISZTDO
4. Терехова Л.А. Реализация принципа доступности правосудия на различных стадиях гражданского судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 2. С. 43-47. EDN: UHPEND
5. Кислов Г.А. Некоторые проблемы обеспечения доступности правосудия как преграда к реализации права на судебную защиту // Юридический процесс в России: Материалы Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 27-29. EDN: EVEWJL
6. Ефименко Е.А., Мерцалова Е.В. Проблема применения принципа "осуществление правосудия только судом" в гражданском процессе // Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования: сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Саратов, 2022. С. 204-205. EDN: OQELDX
7. Руднева, Ю. В. Новеллы ГПК РФ: доступность правосудия / Ю. В. Руднева // Наука XXI века: актуальные направления развития. - 2024. - № 2-2. - С. 386-389. EDN: ALEIYC

References:

1. Lipatova T.B. Implementation of the Principle of Accessibility of Justice in the Context of Modern Development of Civil Procedure // Prospects for the Development of Civil Procedure Law. Collection of Articles Based on the Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Saratov: Saratov State Law Academy, 2021. Pp. 87-88.
2. Surayeva V.A. Aspects of the Implementation of the Principle of Accessibility of Justice // Legal Education. Civil Society. A Just State: Conference Proceedings. Kemerovo: Kemerovo State University, 2022. Pp. 63-66.
3. Bessarabova V.V. Accessibility of Justice in the Modern System of Principles of Civil Procedure Law // Principles of Civil and Arbitration Procedure: Genesis and Problems of Implementation in Judicial Practice: Collection of Scientific Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Don State Technical University, 2021. Pp. 13-17.
4. Terekhova L.A. Implementation of the principle of accessibility of justice at various stages of civil proceedings // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2024. No. 2. Pp. 43-47.
5. Kislov G.A. Some problems of ensuring the accessibility of justice as an obstacle to the realization of the right to judicial protection // Legal Process in Russia: Materials of the All-Russian Interuniversity Student Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod, 2023. Pp. 27-29.
6. Efimenko E.A., Mertsalova E.V. The Problem of Applying the Principle of "Justice Only by the Court" in Civil Proceedings // Constitutional Foundations and International Standards of Civil Procedure: History, Current State, and Ways of Improvement: Collection of Articles Based on the Materials of the 13th International Scientific and Practical Conference of Students, Magisters, and Postgraduate Students. Saratov, 2022. Pp. 204-205.
7. Rudneva, Yu. V. Novelties of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation: Accessibility of Justice / Yu. V. Rudneva // Science of the 21st Century: Current Directions of Development. – 2024. – No. 2-2. – Pp.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОЗАЩИТНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

ФАДЕЕВ Алексей Владимирович,
старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: leshafadeev60@mail.ru;
FADEEV Alexey Vladimirovich,
Senior Lecturer, Samara State University.
443090, Samara, 141 Sovetskaya Army Street.
E-mail: leshafadeev60@mail.ru

Краткая аннотация. Современная российская юридическая наука не обладает единым подходом к толкованию таких дефиниций, как правозащитная и правоохранительная деятельность. Отсутствие их законодательного закрепления обуславливает ряд проблем, в том числе, проблему их соотношения, применительно к сегодняшней ситуации, когда пристальное внимание уделяется соблюдению прав и свобод личности исключительно в контексте общественных интересов.

Abstract. Modern Russian legal science does not have a unified approach to the interpretation of such definitions as human rights and law enforcement activities. The lack of their legislative consolidation causes a number of problems, including the problem of their correlation, in relation to the current situation, when attention is paid to the observance of individual rights and freedoms exclusively in the context of public interests.

Ключевые слова: правоохранительные органы, правозащитные институты, охрана прав и свобод, защита прав и свобод, правовое государство.

Keywords: law enforcement agencies, human rights institutions, protection of rights and freedoms, legal state.

Для цитирования: Фадеев А.В. Проблема соотношения правозащитной и правоохранительной деятельности // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 27-29. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_27.

For citation: Fadeev A.V. The problem of the relationship between human rights and law enforcement activities // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 27-29. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_27.

Статья поступила в редакцию: 22.05.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Правовой формой, в которой осуществляет свои функции государство, является правоохранительная деятельность. Но законодательного закрепления данная государственная функция закрепления не получила, границы ее действия не обозначены. Мнения теоретиков права также не дают однозначного ответа на данный вопрос.

Основываясь на нормах отечественного законодательства, попытаемся обозначить ключевые элементы, присущие такой функции государства, как правоохранительная деятельность. В первую очередь, необходимо обозначить обязанность, предусмотренную Основным законом государства, по обеспечению и, в случае нарушения, защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Далее следует отметить установленную конституционную обязанность, получившую подкрепление в иных нормативно-правовых актах, по обеспечению законности.

Следующим элементом выступает обязанность обеспечить безопасность личности, общества и государства, также являющуюся конституционной.

Исполнять наказания, охранять собственность и общественный порядок, осуществлять профилактику правонарушений – все эти обязанности относятся к государственной функции, осуществляемой в рамках правоохранительной деятельности.

Из вышесказанного напрашивается вывод, что правоохранительная деятельность охватывает деятельность правозащитную и последняя является ее частью. Тем не менее, такой вывод нельзя считать достаточно обоснованным ввиду следующего.

Все перечисленное дает достаточные основания для того, чтобы увидеть более широкое назначение деятельности правоохранительной и наличие у нее больших полномочий по сравнению с правозащитной деятельностью. В правоохранительной деятельности защита выступает назначением общего характера, тогда как все остальные, перечисленные выше элементы, соответствуют своим назначением именно правоохранительной функции государства.

Принципиальными отличиями двух рассматриваемых видов деятельности является следующие.

Кроме государственных органов, правоохранительную деятельность не может осуществлять никакая другая организация, никакой правовой формы. Правозащитную деятельность осуществляют как государственные, властные органы, так и общественные организации, и межгосударственные, и международные.

Деятельность правоохранительных органов относится к исключительно к процедурной, процессуальной форме. Она всегда осуществляется в рамках закона и установленных законом процедур. Правозащитная деятельность может осуществляться как в процессуальной, так и непроцессуальной форме.

Государство законодательно наделяет органы правоохранительные властными полномочиями, предусматривающие возможность применения специальных убеждающих и принуждающих методов, позволяющих достигать необходимые цели и задачи, но при этом налагающих определенные запреты, такие как, например, запрет для сотрудников участия в какой-либо политической деятельности [1, с.55-57]. Для лиц, занимающихся правозащитной деятельностью, определенные ограничения возможны исключительно в случае наличия у них особого статуса или нахождения на государственной службе.

Построение правового государства невозможно без наличия системы государственных органов, эффективно, в законодательно установленном порядке, осуществляющих возложенную на них обязанность по охране личностных прав и свобод.

По мнению И.В. Голованева, узкий смысл правозащитной деятельности состоит в том, что она представляет собой «деятельность публичных и непубличных организационных структур, которая применяет правовые средства и способы защиты, имеющих своей целью восстановление нарушенных прав и свобод» [2, с.6-9]. У В.В. Чуксиной это «практическая государственная деятельность, как законодательная, так и правоприменительная, которая имеет историко-культурную специфику, отражает социально-экономический уровень развития страны, и охватывает сферу прав человека» [3, с.29-33].

К очевидным отличиям правозащитной деятельности от правоохранительной необходимо отнести возможности первой по выявлению недостатков, допущенных в ходе правоохранных действий. Когда дело доходит до защиты, значит, произошло нарушение, правоохранительные меры оказались недостаточными или неэффективными. Несомненна роль в повышении уровня охраны прав, нередко обнаружение и восполнение законодательных пробелов, правозащитной деятельности, выступающей продолжением деятельности правоохранительной, выявляющей нарушения, привлекающей внимание общества и государственных органов к проблемам, обнаруженным в ходе такого выявления.

Во многом, цель правозащитной деятельности состоит в выявлении предпосылок нарушения прав человека, носит превентивный характер. Задача правозащитных организаций выявить моменты, которые могут спровоцировать нарушения, в том числе, недопустимыми действиями со стороны правоохранителей.

В этом контексте, правозащитную деятельность осуществляют такие органы, как, например, прокуратура. Именно в обязанность прокуратуры вменены такие действия, как контроль за соблюдением законности со стороны правоохранительных органов. Не ограничиваясь этими полномочиями, на прокуратуру возложена миссия по контролю за защитой прав и законных интересов и граждан, и организаций, со стороны государственных органов. Но и сами государственные органы осуществляют полномочия по контролю и надзору за соблюдением прав и законных интересов в тех рамках, которые предоставлены им соответствующим законодательством.

Категория защиты применимо к правам и интересам участников общественных отношений очень часто рассматривается в соотношении с категорией охраны. Характер соотношения указанных категорий в литературе однозначным образом не определен, в связи с чем, видится необходимым рассмотреть этот вопрос отдельно.

Органы негосударственные, деятельность которых связана с правозащитной деятельностью, общественные организации, таким же образом осуществляют контроль за соблюдением прав и законных интересов граждан и организаций. Правозащитники осуществляют деятельность по предотвращению нарушения прав и свобод, но, безусловно, главной их задачей является защита при уже допущенных нарушениях. Нередко, прежде чем осуществить защиту, необходимо выявить нарушение.

Правозащитную деятельность, таким образом, можно представить как последовательность действий по выявлению, предотвращению, пресечению, прекращению, в случае необходимости и наличию компетенций и полномочий, восстановлению нарушенных прав и законных интересов в сфере защиты прав личности.

Разумеется, полномочиями и компетенциями по восстановлению нарушенного, правозащитники обладают. Особенно, если речь идет о негосударственных структурах. В этом случае, главная их задача – донести проблему до компетентных лиц, в том числе, правоохранительных или судебных органов.

В кругу отечественных ученых сложилось несколько основных подходов к разрешению вопроса о том, как соотносятся между собой категории защиты и охраны прав.

Ряд авторов занимает довольно категорическую позицию, отрицая действительную необходимость закрепления и использования любого из названных понятий. Так, например, в диссертационном исследовании Т.Б. Шубиной сформулирован вывод о том, что понятие «охрана права» не имеет под собой правового содержания и не находит употребления в поле нормативного регулирования, в связи с чем нет и целесообразности его легального определения и признания как полноценной правовой категории [4, с.21].

В числе аргументов, приводимых в рамках обоснования данной позиции, часто цитируется содержание ст. 210 Трудового кодекса РФ¹, в которой защита интересов работников прямо указана как одно из основных направлений государственной политики в области охраны труда.

Когда речь идет об охране прав, то подразумевается состояние, при котором права и свободы реализуются без непосредственного вмешательства со стороны соответствующих институтов, но под их контролем. Иными словами, отсутствует факт нарушения прав участников общественных отношений, но имеется потребность в постоянном контроле со стороны определенных институтов общества и государства.

В условиях, когда права и интересы уже нарушены, контроля со стороны вышеуказанных институтов недостаточно – возникает потребность в восстановлении нарушенных прав, что и подразумевается под категорией «защита прав». Иными словами, при реализации защиты

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2021) // Российская газета. 31 декабря 2001 г. № 256.

уже имеет место факт нарушения прав, и существует потребность в их восстановлении посредством существующих правовых методов и средств [5, с. 154].

Нельзя не отметить, что понятие защиты прав аналогично понятию права в субъективном смысле является весьма многозначным – то есть, под одной и той же правовой категорией могут подразумеваться принципиально разные явления.

Так, защита прав может рассматриваться как цель и задача деятельности определенных уполномоченных государством органов власти – наиболее очевидным примером тому служат правоохранительные органы: несмотря на использование в их наименовании ранее упомянутой категории охраны прав, вполне очевидно, что исключительно охраной прав их деятельность не может исчерпываться.

Одновременно с этим защита прав может рассматриваться как правовой принцип – например, подобное значение находит внешнее отражение в российских законодательных актах, определяющих регулирование государственной службы.

Нельзя не указать и на то, что защита прав рассматривается в ещё одном значении как собирательная категория, объединяющая в себе совокупность методов, способов и средств, обеспечивающих реализацию в общественной жизни функции защиты права [6, с. 73-75].

Возможно, в данном случае было бы более правильным эту собирательную категорию поименовать механизмом защиты прав, однако многообразие форм и способов защиты прав в совокупности с отсутствием их прямой взаимосвязанности между собой едва ли позволяет рассматривать все их в сумме как единый и слаженный механизм в реальном понимании. В идеальном – вполне возможно. Но не в реальном.

И именно с этим значением защиты прав находится во взаимосвязи категория судебной защиты.

Институт судебной защиты не перестает привлекать внимание исследователей. Право на судебную защиту как понятие рассматривалось в отдельных работах отечественных правоведов, однако нельзя сказать, что к настоящему моменту сложилось устоявшееся определение этого понятия.

В литературе практически единогласно проводится выделение судебной и внесудебной форм защиты как составных элементов единого понятия защиты прав – и в данном случае речь идет о форме осуществления защиты прав, непосредственно связанной с деятельностью органов правосудия. То есть, с судебной защитой. Как представляется, неразрывная связь с деятельностью органов правосудия является главным критерием отграничения судебной формы защиты от внесудебной.

Судебная защита осуществляется исключительно с участием суда как органа, рассматривающего обращения участников общественных отношений, чьи права и законные интересы потенциально нарушены (по мнению самих участников) и в последующем устанавливающего или опровергающего факт действительности такого или таких нарушений.

Сравнив юридическую деятельность, осуществляемую правозащитными и правоохранительными структурами, необходимо констатировать их равное значение в деятельности, осуществляемой с целью защитить права, свобода и законные интересы личности. Тем не менее, ограничить эти понятия необходимо, в силу различий данных институтов по объектам, на которые направлена их деятельность и по методам, которые ими используются для достижения назначенной цели. Их взаимодополняемость и связанность между собой проявляются в том, что действия, совершаемые правозащитными организациями, помогают выявить недостатки в деятельности правоохранителей, преодолеть их и, в результате, добиться эффективной сохранности и защиты прав и свобод.

Список литературы:

1. Васяев А.А. О сходстве и различии правозащитной и правоохранительной деятельности // Российская юстиция. -2020. - № 1. -С. 55-57. EDN: TYGTLA
2. Голованов И.В. Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод / И.В. Голованов // Административное право и процесс. -2007. -№ 4. - С. 6 - 9. EDN: KWDZIV
3. Чуксина В.В. Несудебная защита прав человека в системе национальной правозащитной деятельности Российской Федерации и зарубежных государств / В.В. Чуксина // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6. С. 29 - 33. EDN: KXZISZ
4. Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Самара, 1997. 21 с. EDN: NLJTRP
5. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. 154 с. ISBN: 5-7485-0091-4 EDN: YQTYNN
6. Нуриева С.М. Понятие и механизм охраны и защиты гражданских прав // Студенческий вестник. 2021. № 17-3 (162). С. 73-75. EDN: PIJRMF

References:

1. Vasyaev A.A. On the Similarities and Differences of Human Rights and Law Enforcement Activities // Russian Justice. – 2020. – No. 1. – Pp. 55-57.
2. Golovanov I.V. Administrative and Legal Means of Forming a Legal Order in the Implementation of Constitutional Rights and Freedoms / I.V. Golovanov // Administrative Law and Process. – 2007. – No. 4. – Pp. 6-9.
3. Chuksina V.V. Non-judicial protection of human rights in the system of national human rights activities of the Russian Federation and foreign countries / V.V. Chuksina // Constitutional and municipal law. 2006. No. 6. pp. 29-33.
4. Shubina T.B. Theoretical problems of law protection: Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Samara, 1997. 21 p .
5. Mordovets A.S. Social and Legal Mechanism of Ensuring Human and Civil Rights. Saratov, 1996. 154 p.
6. Nurieva S.M. The Concept and Mechanism of Protection and Enforcement of Civil Rights // Student Bulletin. 2021. No. 17-3 (162). Pp. 73-75.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_30

УДК 340.1

ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВОВОЙ ЭСТЕТИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

POSSIBILITIES OF LEGAL AESTHETICS IN THE STUDY OF PRISON SUBCULTURE

ЗЯБЛОВА Татьяна Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: tizet69@mail.ru;

ZYABLOVA Tatiana E.,

Associate Professor of the department of theory and history of state and law of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, Candidate of law, Associate Professor.
Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: tizet69@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена обоснованию возможностей использования правовой эстетики как оригинального теоретического подхода и метода в решении актуальной проблемы нейтрализации распространения тюремной субкультуры в российском обществе. Поясняется, что такая возможность обусловлена как функциями метода правовой эстетики, так и наличием у тюремной субкультуры эстетической составляющей практически во всех ее проявлениях. Анализируется состояние эстетической компетентности работников УИС, характеризующая их готовность к противостоянию влиянию тюремной субкультуры.

Abstract: The article is devoted to substantiating the possibilities of using legal aesthetics as an original theoretical approach and method in solving the urgent problem of neutralizing the spread of prison subculture in Russian society. It is explained that such an opportunity is due to both the functions of the legal aesthetics method and the presence of an aesthetic component in prison subculture in almost all its manifestations. The state of the aesthetic competence of the penal system employees is analyzed, which characterizes their readiness to resist the influence of prison subculture.

Ключевые слова: воспитательная функция, метод, правовая эстетика, тюремная субкультура, художественное творчество, эстетическая компетентность, эстетические паракатегории.

Keywords: educational function, method, legal aesthetics, prison subculture, artistic creativity, aesthetic competence, aesthetic paracategories.

Для цитирования: Зяблова Т.Е. Возможности правовой эстетики в исследовании тюремной субкультуры // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 30-32. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_30.

For citation: Zyablova T.E. Possibilities of legal aesthetics in the study of prison subculture // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 30-32. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_30.

Статья поступила в редакцию: 19.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Тюремная субкультура оказывает значительное влияние на повседневную жизнь российского общества, поощряя асоциальные модели поведения, ориентируя на поддержание идей противозаконной деятельности [2, 269].

Стремление нейтрализовать ее негативное влияние до настоящего времени остается безуспешным. Поэтому не теряет актуальности комплексное исследование данного феномена целым рядом научных дисциплин, круг которых постоянно расширяется.

Отмечая неспособность наук, традиционно анализирующих состояние пенитенциарной системы и тюремного населения, предотвратить экспансию тюремной субкультуры в повседневную и общественную жизнь, Н.В. Тищенко видит выход в поисках оригинальных теоретических подходов и специфической методологической базы [5, 4]. С этим утверждением можно согласиться.

В связи с этим представляется упущением невостребованность потенциала правовой эстетики, которая лишь на первый взгляд далека от жизни криминального сообщества, регулирующих его ценностей и норм, но, тем не менее, обладает достаточным потенциалом в качестве метода, способствующего решению многих важных и сложных проблем, относящихся к правовой науке и юридической практике.

Целенаправленное изучение эстетической составляющей права и правовых явлений в России началось относительно недавно и движется неоправданно медленно. Одним из немногих исследований эстетики права монографического уровня до последнего времени остается диссертационное исследование Т.Б. Пуховой «Эстетические основания права» в котором убедительно обосновано наличие эстетического компонента а праве, а, следовательно, и возможность его эстетического анализа. Выводы автора позволяют рассматривать правовую эстетику как метод, который, выполняя познавательную, эвристическую, воспитательную функции, а также функции оптимизации процессов восприятия и осознания правовых явлений, их фиксации и коммуникации может удачно дополнить имеющийся методологический инструментарий юриста как в теории, так и на практике [3].

Аргументом против возможных сомнений относительно использования эстетического компонента в исследовании тюремной субкультуры, не являющейся феноменом строго юридического порядка, является то обстоятельство, что, будучи фактором деструктивного влияния на правовую жизнь общества тюремная субкультура входит в круг явлений, которые охватываются правовой наукой, и поэтому применение к ее анализу эстетического подхода представляется вполне логичным.

Нельзя не отметить, что эстетический компонент тюремной субкультуры, как и криминальной субкультуры в целом, интуитивно улавливается как ее носителями, так и не имеющими отношения к криминалу людьми. Об этом свидетельствует как специальная литература, так и

выборки мнений посетителей тюрем и тюремных музеев-объектов «темного туризма». Однако поскольку анализ тюремной субкультуры и ее элементов с позиций эстетики, т.е. посредством основных эстетических категорий за прошедший период не проводился, отношение к ней субъектами эстетической оценки выражено невнятно, а само представление об эстетической стороне – упрощенно и формально.

Эстетическая составляющая тюремной субкультуры проявляется в правилах, ритуалах и обычаях, элементах внешнего вида (татуировки, манера носить одежду), жаргоне и других неотъемлемых характеристиках образа жизни осужденных, т.е. в том, что характеризуется как ее проявления. Ее наличие наряду с другими факторами обуславливает парадоксальную ситуацию, при которой места лишения свободы в обществе воспринимаются в целом негативно, в то время как как тюремная субкультура проникает в коллективное сознание, не вызывая определенной эмоциональной оценки [6, 26].

На это обращает внимание Н.А. Яковлев, отмечая, что тюремная субкультура, благодаря наличию в ней определенной доли романтических моментов, таинственности, необычности, привлекательности, свойственного ей игрового и эмоционального характера сравнительно легко усваивается, особенно молодежью [8, 4].

Безусловно, утверждение о наличии прекрасного (эстетика часто определяется как наука о прекрасном) в местах лишения свободы может вызвать недоумение у той части общества, которая мыслит в категориях классической эстетики. Но, в данном случае следует иметь в виду, что представление о прекрасном в настоящее время значительно изменились.

В художественном пространстве XX в. и, особенно, современности значительное место заняли репрезентация и эстетизация жестокости, насилия, террора, войн, катастроф и им подобных актов и состояний, вызванных высвобождением прежде всего агрессивных или сексуально агрессивных инстинктов человека [1, 478].

Акцентируются маргинальные для классической эстетики, хотя имплицитно всегда присущие эстетическому опыту универсалии игры, иронии и безобразного, вовлечении в сферу эстетического внеэстетических и даже антиэстетических элементов и явлений.

Таким образом, устройство тюремных музеев, рассказывающих о жизни, заключенных, выставки картин и фотографий из мест лишения свободы, мода на жаргон и татуировки и т.п. не относятся к области перверсий, а могут рассматриваться как проявление современных тенденций в эстетическом сознании.

В целом тюремная субкультура характеризуется исследователями как феномен постмодернистского общества (С. Гитман, В.А. Шестак, А.Н. Дуничина, Касимов Р.Н., Поздеев И.Л. и др). Отсюда следует, что многие проявления тюремной субкультуры с точки зрения неклассического эстетического сознания могут быть охарактеризованы посредством эстетических паракатегорий (жестокость, повседневность, телесность), что маскирует и нивелирует их опасность.

Примеров, подтверждающие наличие эстетического компонента в тюремной субкультуре, – множество, однако следует подчеркнуть, что простой констатации факта присутствия в ней явлений, характеризующихся посредством эстетических категорий (паракатегорий) и отражающих эстетические потребности и вкусы ее носителей недостаточно. Поиски «эстетики права» не являются самоцелью научных изысканий. Установление роли, места и функций эстетических свойств правовых и связанных с правом явлений как объектов эстетического отношения, определение значения восприятия их субъектами права необходимы для выполнения правом своей генеральной функции – эффективного регулирования общественных отношений.

Применительно к настоящему исследованию это означает выяснение возможностей правовой эстетики в ограничении распространения тюремной субкультуры, воспрепятствовании ее интеграции в общественную жизнь.

От эстетики права как философской дисциплины вряд ли можно ожидать готовых «инструкций к действию», но развитие ее теории вместе с другими науками может способствовать объяснению основополагающих вопросов, касающихся природы, признаков, проявлений тюремной субкультуры, причин ее привлекательности и, самое главное, с помощью эстетической оценки – отбору тех средств и методов, которые наиболее эффективно могут нейтрализовать ее.

При этом, учитывая особенности идентификации эстетического, которое не выделяется из целостного восприятия различных явлений, вследствие чего идеологические, правовые, этические и эстетические элементы криминальной субкультуры выступают в единстве и взаимосвязи, эстетическая оценка также не будет самостоятельным видом деятельности: она выступит в качестве одной из характеристик тех видов деятельности, которые в совокупности составляют процесс нейтрализации, например, выделяемых Н.А. Яковлевым воспитательной, религиозной и организационно-правовой [8, 20].

При анализе возможности правой эстетики противостоять тюремной субкультуре важно учитывать и такой момент как степень готовности к этой деятельности некоторых уполномоченных субъектов. Не секрет, что многие сотрудники УИС не обладают специальными знаниями и развитым эстетическим вкусом. Это приводит к тому, что они сами способствуют распространению тюремной эстетики, поощряя и пропагандируя созданные осужденными «произведения искусства», в действительности таковыми не являющиеся. Неискушенные в эстетике люди, как правило, не обращают внимания на типичную для тюремных арт-объектов тяжеловесную сентиментальность, грубость отделки, на избыточность и напыщенную монументальность.

К сожалению, подчас весьма ограниченной способностью судить о прекрасном наделены и организаторы тюремных туристических объектов и выставок поделок, сделанных заключенными. Так, например, в Музее тюремного искусства (курсив на – Т.З.) «Запретная зона» в г. Углич демонстрируются предметы «творчески выполненные руками осужденных»: поделки из хлеба, рисованные карты, деревянные нарды и шахматы, картины на простынях, иконы, самогонные аппараты, машинки для тату, заточки, отмычки, письма заключенных [4].

Относительно художественного творчества осужденных, результатом которых становятся подобные предметы или картины, отражающие «ритм, цвет и гармонию зоны» следует оговориться, что речь не идет о его бессмысленности или даже вреде. Так, конкурс живописи, пирографии и росписи по дереву, в числе организаторов которого выступил Государственный Эрмитаж, был «придуман» в целях выявления и поощрения талантов осужденных, их эстетического и нравственного воспитания». Однако в приоритете все же воспитательная составляющая, поскольку участие в выставках предоставляет возможность спецконтингенту успешнее проходить этап ресоциализации [7].

Речь о необходимости получения работниками УИС необходимой информации в области эстетики, достаточной для того, чтобы правильно квалифицировать отдельные элементы субкультуры зоны и результаты художественной деятельности их носителей.

Тема правовой эстетики в целом и ее возможности противостоять тюремной субкультуре не может быть охвачена рамками одной статьи, за пределами которой остались вопросы соотношения тюремной субкультуры и искусства, роли и особенности художественных практик заключенных в местах лишения свободы, способы формирования эстетического вкуса у сотрудников УИС и удовлетворения эстетических потребностей лиц, находящихся в заключении и др. Исследование необходимо продолжать, но уже сейчас весьма правдоподобной представляется гипотеза о том, что применение правовой эстетики в качестве метода может помочь ответить на вопрос о причинах привлекательности тюремной субкультуры, вскрыть истинную «эстетику» зоны и ее соотношение с эстетикой официальной; позволит выработать рекомендации по повышению общей эстетической компетенции работников УИС, служить ориентиром для того, чтобы отличать подлинные художественные произведения от спекуляции на тюремном фольклоре, жаргоне, уголовной эстетике самим и при работе с заключенными.

Список литературы:

1. Бычков В.В. Эстетика: учебник. М., 2006. М.: Гардарики. 573 с.
2. Касимов Р.Н., Поздеев И.Л. Тюремная субкультура как фактор формирования экстремистских идей в российском социуме // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 269-275.
3. Пухова Т.Б. Эстетические основания права: Дис. канд. ... юрид. наук: 12.00.01. Владимир, 2008. 176 с.
4. Сайт «Музей тюремного искусства «Запретная зона» // URL: <https://prisonmuseum.ru> (дата обращения 30.06.2025).
5. Тищенко Н.В. Тюремная субкультура в пространстве культурных практик: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. Саратов, 2013. 40 с.
6. Шестаков В.А., Дуниченко А.П. Тюремная субкультура как культурологический феномен в России // Образование и право. 2029. № 6. С. 23-28.
7. Эрмитаж подведет итоги творческого конкурса среди осужденных // URL: <https://rewizor.ru/museums-exhibitions/news/ermitaj-podvedet-itogi-tvorcheskogo-konkursa-sredi-osuzhdennyh/> дата обращения 01.07.2025 (дата обращения 29.06.2025).
8. Яковлев Н.А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2006. 24 с.

References:

1. Bychkov V.V. Aesthetics: Textbook. M., 2006. M.: Gardariki. 573 p.
2. Kasimov R.N., Pozdeev I.L. Prison Subculture as a Factor in the Formation of Extremist Ideas in Russian Society // Bulletin of Economics, Law, and Sociology. 2024. No. 4. Pp. 269-275.
3. Pukhova T.B. Aesthetic Foundations of Law: Dis. Cand. ... Law: 12.00.01. Vladimir, 2008. 176 p. 4. Website "Museum of Prison Art "Forbidden Zone" // URL: <https://prisonmuseum.ru> (accessed 30.06.2025).
5. Tishchenko N.V. Prison Subculture in the Space of Cultural Practices: Abstract of Dissertation ... Dr. Culturology: 24.00.01. Saratov, 2013. 40 p.
6. Shestakov V.A., Dunichkina A.P. Prison Subculture as a Cultural Phenomenon in Russia // Education and Law. 2029. No. 6. Pp. 23-28.
7. The Hermitage will sum up the results of the creative competition among convicts // URL: <https://rewizor.ru/museums-exhibitions/news/ermitaj-podvedet-itogi-tvorcheskogo-konkursa-sredi-osuzhdennyh/> date of access 01.07.2025 (date of access 29.06.2025).
8. Yakovlev N.A. Prison subculture as a criminogenic factor and prospects for neutralizing its negative impact: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences: 12.00.08. Ryazan, 2006. 24 p.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА И ЗАКОННОСТИ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ DECONSTRUCTION OF THE LEGAL ORDER AND LEGALITY AS A PROBLEM OF MODERN LEGAL THOUGHT

САВЕНКОВ Артем Александрович,

кандидат юридических наук, директор правового и корпоративного развития АО «НАСК»,

докторант Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

E-mail: artyomhabil@yandex.ru;

SAVENKOV Artyom Alexandrovich,

PhD in Law, Director of Legal and Corporate Development, NASK JSC, Post-Doctoral student

at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.

E-mail: artyomhabil@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается влияние негативной диалектики на философию права XX века, направленной на преодоление глобальных рационалистических проектов. Особое внимание уделяется критике либерального легализма в рамках Школы критических юридических исследований, представители которой (С. Левинсон, Д. Кеннеди, М. Тушнет) подвергают сомнению объективность и нейтральность права, раскрывая его идеологическую и политическую обусловленность. Статья демонстрирует эволюцию критической юриспруденции: от разоблачения социальных противоречий права до онтологического анализа его неустойчивости (постструктурализм). Этот синтез открывает новые перспективы для осмысления современных правовых систем, в которых чрезвычайное положение становится нормой, а граница между законом и насилием – всё более размытой. Особое внимание уделяется связи критических правовых исследований с марксизмом, постструктурализмом (Ж. Деррида, Дж. Агамбен) и критике либерального конституционализма. Подчеркивается, что критические правовые исследования не только разоблачают мифы о нейтральности права, но и предлагает альтернативные подходы к пониманию его роли в воспроизводстве социальных структур. Исследование имеет междисциплинарный характер, объединяя философию права, политическую теорию и социологию. Выводы статьи актуальны для переосмысления традиционных концепций правовой определённости, объективности и социальной справедливости.

Abstract: The article examines the influence of negative dialectics on the philosophy of law of the 20th century, aimed at overcoming global rationalistic projects. Special attention is paid to the criticism of liberal legalism within the framework of the School of Critical Legal Studies, whose representatives (S. Levinson, D. Kennedy, M. Tushnet) They question the objectivity and neutrality of law, revealing its ideological and political conditionality. The article demonstrates the evolution of critical jurisprudence: from the exposure of the social contradictions of law to the ontological analysis of its instability (poststructuralism). This synthesis opens up new perspectives for understanding modern legal systems in which a state of emergency is becoming the norm, and the line between law and violence is becoming increasingly blurred. Special attention is paid to the connection of critical legal research with Marxism, post-structuralism (J. Derrida, J. Agamben) and criticism of liberal constitutionalism. It is emphasized that critical legal research not only exposes myths about the neutrality of law, but also offers alternative approaches to understanding its role in the reproduction of social structures. The research is interdisciplinary, combining the philosophy of law, political theory and sociology. The conclusions of the article are relevant for rethinking the traditional concepts of legal certainty, objectivity and social justice.

Ключевые слова: законность, правопорядок, школа критических правовых исследований, постструктурализм, деконструкция, социальное неравенство.

Keywords: legality, law and order, school of critical legal studies, Marxism, poststructuralism, deconstruction, social inequality.

Для цитирования: Савенков А.А. Деконструкция правового порядка и законности как проблема современной юридической мысли // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 33-35. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_33.

For citation: Savenkov A.A. Deconstruction of the legal order and legality as a problem of modern legal thought // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 33-35. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_33.

Статья поступила в редакцию: 18.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В философии права XX в. тенденции негативной диалектики, направленной на преодоление глобальных рационалистических философских проектов мыслителей прошлого, оказываются весьма заметными и устойчивыми. В русле юридической науки результаты новейших философских учений стали основанием для различных политико-правовых представлений о новых ракурсах и приемах анализа ключевых правовых явлений и феноменов. Правопорядок и законность стали рассматриваться сквозь призму деконструкции, как политико-юридического приема, на основании которого осуществляется критика традиционных правовых представлений. Одним из таких влиятельных в зарубежной политико-правовой мысли интеллектуальных движений, в русле которых предпринимается попытка найти наиболее уязвимые стороны и моменты в ориентированных на либеральные установки вариантах правопонимания, является критическая юриспруденция, или школа критических правовых исследований. Она стала основной для таких версий трактовки законности и правопорядка, как различные варианты а-законности.

Видный представитель школы критических правовых исследований американский ученый-правовед С. Левинсон из Техасского университета в США подчеркивает, что школа критических юридических исследований объединяет прежде всего разочарование в либеральном легализме, а не составляет единую методологию. Левинсон, как и другие представители школы критических юридических исследований утверждают, что либеральная правовая доктрина основана на ложной объективности, маскирующей идеологическую ангажированность права.

В своей работе «Конституционная вера» Левинсон демонстрирует, как либеральный конституционализм функционирует как квази-религиозная вера в закон, скрывая его политическую природу [6]. Он и в последующем развивает критику формализма в праве [7].

Либеральная правовая теория опирается на бинарные оппозиции (объективность vs. субъективность, свобода vs. необходимость), которые, по мнению школы критических юридических исследований, неустранимы и порождают внутренние противоречия. Например, нейтральность прав – это миф, поскольку правовые нормы всегда отражают доминирующие властные отношения; формальное равенство, по мнению представителей данного направления правовой мысли, на практике усиливает неравенство, так как игнорирует структурные различия (класс, раса, гендер).

Либеральный легализм, против которого направлена критика критической юриспруденции, рассматривается как правовая и политическая доктрина, основанная на принципах классического либерализма, в рамках которой право понимается как автономная, рационально обоснованная система норм, нейтральная по отношению к социальным, экономическим и политическим конфликтам. Ключевые характеристики либерального легализма – это формализм, т.е. вера в то, что правовые решения могут и должны выводиться из абстрактных норм без учёта контекстуальных факторов, объективность права, т.е. представление о том, что правовые нормы обладают универсальным содержанием, не зависящим от идеологии, верховенство закона (rule of law), которое означает, что все субъекты, включая государство, подчиняются единым правовым стандартам, и, наконец, индивидуализм — акцент на защите прав и свобод индивида как основной функции права.

Школа критических юридических исследований не просто фиксирует противоречия, но и разоблачает механизмы их сокрытия. Миф о верховенстве закона – право не является надклассовым, а служит интересам элит. Роль права в капитализме – либеральные права (собственность, договор) легитимируют рыночную эксплуатацию. Школа критических юридических исследований использует марксизм, феминизм, постструктурализм для анализа права как инструмента власти.

В противовес либеральному легализму, школа критических юридических исследований рассматривает право как политику, включая отказ от иллюзии нейтральности, признание его конфликтной природы, а также радикальную демократизацию права, предполагающую пересмотр правовых институтов с позиций социальной справедливости.

Критика либерального легализма в школе критических юридических исследований показывает, что право – не технический инструмент, а поле идеологической борьбы. По убеждению представителей критической юриспруденции, разоблачая мифы легализма либерального толка, школа критических юридических исследований открывает путь для более эгалитарных правовых моделей.

С. Рассел отмечает, что «анализ школы критических юридических исследований направлен на выявление противоречий в либеральной философии права. Этот фокус основан на негативной критике либеральных прав. Такие права не служат ценностям самореализации и истинного равенства; вместо этого они служат интересам рынка и бюрократических институтов, которые обеспечивают основу для либерализма» [8, p. 10].

Школа критических юридических исследований не просто фиксирует недостатки либерального легализма, но и ставит под сомнение саму возможность «нейтрального» права. Эта критика особенно актуальна сегодня, когда суды всё чаще становятся аренной политических битв (например, споры в зарубежной практике о правах меньшинств или регулировании экономики). Понимание права как социального конструкта, а не абстрактной нормы, позволяет разрабатывать более справедливые правовые модели.

В рамках критической правовой теории Д. Кеннеди приводит аргументы относительно того, что либеральная юриспруденция представляет собой существенное препятствие для реализации трансформационных целей. Этот тезис обосновывается посредством двух взаимосвязанных аргументов. Во-первых, либеральная правовая доктрина выполняет идеологическую функцию, репрезентируя существующий социальный порядок как рационально обоснованный, объективно необходимый и справедливый, тем самым маскируя его контингентный и произвольный характер. Такой подход, по Кеннеди, систематически препятствует критическому осмыслению альтернативных моделей социальной организации. Во-вторых, либеральный правовой дискурс создает иллюзию доступности социальных изменений через формальные юридические механизмы. Эта иллюзия, характеризующаяся Кеннеди как своеобразный «наркотический эффект», приводит к неоптимальному распределению интеллектуальных ресурсов, перенаправляя их в сферу сугубо академических правовых исследований вместо практической работы по социальной трансформации.

Кеннеди рассматривает критику либерального легализма как составной, но не исчерпывающий элемент стратегии школы критических юридических исследований. Данная критика представляет собой лишь начальный этап в разработке более комплексной программы социальных изменений, направленной на преодоление ограничений, налагаемых господствующей правовой парадигмой.

Кеннеди, в частности, пишет: «(а) Вера в ложные теории эволюционистского или экономически ориентированного типа не делает людей консервативными, и критика таких теорий сама по себе не может оказать существенного влияния на чью-либо политику, (б) Люди просто не придерживаются теорий, которые я критиковал. потому что они служат консервативным целям. По крайней мере, некоторые люди верят в них, потому что считают, что они правдивы, даже если им кажется, что это слишком плохо, (с) Для многих людей легитимирующие теории, теории, которые показывают рациональность, необходимость и (часто) эффективность вещей такими, какие они есть, служат средством своего рода защитного механизма. Эти теории - способ отрицать, избегать, закрывать глаза на ужасность вещей такими, какие они есть» [5, p. 1282-1283].

М. Тушнет описывает возможности применения результатов школы критических правовых исследований для практической оценки действия принципа и требования законности. Так, в частности, он полагает, что такой замер может быть выражен в индексе универсальных принципов верховенства закона. Такие принципы заключаются в том, что «правительство, его должностные лица и агенты, а также отдельные лица и частные организации несут ответственность в соответствии с законом», что «законы являются четкими, обнародованными, стабильными и справедливыми, применяются равномерно и защищают основные права, включая безопасность людей и имущества», что «процесс принятия, администрирования и обеспечения соблюдения законов является доступным, справедливым и эффективным», и что «правосудие осуществляется компетентными органами», этические и независимые представители и нейтралы, которых достаточно, обладают достаточными ресурсами и которые отражают состав сообществ, которым они служат». Некоторые из этих универсальных принципов в других терминах повторяют знаменитый список элементов верховенства закона, составленный Л. Фуллером [9].

Современная философия права XX в. столкнулась с радикальным вызовом, поставившим под сомнение саму возможность существования нейтральной и объективной правовой системы. Этот вызов был последовательно сформулирован в рамках движения школы критических юридических исследований в 1970-80-х годах, а затем получил глубокое развитие в работах Жака Дерриды и Джорджо Агамбена. Если школа

критических юридических исследований раскрыла политическую и идеологическую обусловленность права, то постструктуралистские мыслители пошли дальше, выявив имманентную а-законность как конститутивный принцип самой правовой формы. Поэтому важно обратить внимание на теоретическую преемственность между критико-правовыми исследованиями и постструктуралистской философией права, демонстрируя, как концепции Дерриды и Агамбена возникают на основе и в развитие ключевых положений школы критических юридических исследований.

Развитие концепций а-законности у Дерриды и Агамбена становится возможным благодаря тем методологическим инновациям, которые были предложены школой критических юридических исследований. Оба подхода объединяет радикальный антиформализм: отрицание возможности автономного существования правовой системы, независимой от политических и социальных контекстов, акцент на исключениях: анализ тех случаев, когда правовая система приостанавливает собственное действие, демонстрируя свою контингентность, а также деконструкция бинарных оппозиций: преодоление традиционного разделения на законное/произвольное, порядок/анархию, суверенитет/безвластие.

Как показывает бразильский правовед Р. Унгер в работе [10], право никогда не бывает нейтральным инструментом регулирования, а всегда выступает продолжением политической борьбы. Этот тезис получает новое звучание у Дерриды и Агамбена, которые смещают фокус с социальной критики на онтологический анализ самой природы правового порядка.

Школа критических юридических исследований подготовила почву для постструктуралистской с точки зрения философии права критики через три ключевых положения: 1. Разоблачение мифа о верховенстве закона. Школа критических юридических исследований продемонстрировала, что принцип rule of law маскирует реальные властные отношения. Это предвосхищает дерридианскую концепцию «насилия как основания права», согласно которой любой закон учреждается через внеправовой акт силы; 2. Анализ исключений. Исследования школы критических юридических исследований о маргинализированных группах, исключённых из правового поля (например, работы о бесправных мигрантах), находят развитие в агамбеновской теории «homo sacer» - античной фигуры, которая может быть убита, но не принесена в жертву; 3. Критика юридического формализма. Тезис школы критических юридических исследований о неопределённости правовых текстов коррелирует с постструктуралистским пониманием права как поля бесконечной интерпретации, где невозможна так называемая финальная смысловая стабилизация.

Развивая идеи школы критических юридических исследований, Деррида и Агамбен перемещают анализ с социального уровня на онтологический. Деррида в работе «Сила закона» [3] показывает, что правовая система содержит следующую апорию: закон всегда требует для своей легитимности внеправового акта насилия, что делает его внутренне противоречивым. Агамбен в «Homo Sacer» [2] раскрывает, что исключение (а-законность) является условием возможности правового порядка. Соответственно, чрезвычайное положение не есть отклонение от нормы, но демонстрирует истинную природу суверенной власти. Эти концепции представляют собой логическое развитие подхода критических юридических исследований: если критическая правовая теория показывала политическую ангажированность права, то постструктуралисты раскрывают онтологическую неустойчивость самой правовой формы.

Синтез критических юридических исследований и постструктуралистской философии открывает новые перспективы для понимания права. Например, биополитический анализ у Агамбена, согласно которому право предстаёт как механизм производства «голой жизни» (zoe), включающий исключённых через само исключение. Или также перспективным направлением становится этика правоприменения у Дерриды, согласно которой каждое юридическое решение оказывается актом интерпретации в условиях радикальной неопределённости. Критика неолиберализма показывает, как современные правовые системы воспроизводят исключения через формальное равенство.

Концепции а-законности у Дерриды и Агамбена возникают не вопреки, а благодаря теоретическому фундаменту, заложенному школой критических юридических исследований. Если она раскрыла социальные противоречия права, то постструктуралисты показали его онтологическую противоречивость. Такой синтез позволяет по-новому осмыслить природу правовых систем в условиях современных политических вызовов, когда чрезвычайные положения становятся нормой, а граница между законом и насилием всё более размывается.

Список литературы:

1. Горбань В.С. Историография психологических теорий права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 4. С. 79-104. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-4-5 EDN: CDVYQL
2. Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Trans. Daniel Heller-Roazen. Stanford: Stanford University Press, 1998. 199 p.
3. Derrida J. Force de loi: Le "fondement mystique de l'autorité" // Cardozo Law Review, Vol. 11, 1990, pp. 919-1045.
4. Gramsci A. Quaderni del carcere: edizione critica dell'Istituto Gramsci / Antonio Gramsci. A cura di Valentino Gerratana. Vol. 1: Quaderni 1-5. 2. ed. Torino: Einaudi, 1977.
5. Kennedy D. Cost-Reduction Theory as Legitimation // The Yale Law Journal, vol. 90, no. 5, 1981, pp. 1275-1283. DOI: 10.2307/795952
6. Levinson S. Constitutional faith / Sanford Levinson. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1988. XII, 250 p.
7. Levinson S. The Rhetoric of the Judicial Opinion // Law's Stories: Narrative and Rhetoric in the Law 187. Peter Brooks & Paul Gewirtz eds.; New Haven, CT: Yale University Press, 1996. P. 187-199.
8. Russell S. The Critical Legal Studies Challenge to Contemporary Mainstream Legal Philosophy // Ottawa Law Review, 18:1, 1986, pp. 1-24.
9. Tushnet M. Critical Legal Studies and the Rule of Law // J. Meierhenrich and M. Loughlin (eds.) The Cambridge Companion to the Rule of Law. Cambridge: Cambridge University Press (Cambridge Companions to Law), 2021, pp. 328-339. DOI: 10.1017/9781108600569.019
10. Unger R. The Critical Legal Studies Movement // Harvard Law Review, Vol. 96, No. 3 Jan., 1983, pp. 561-675. DOI: 10.2307/1341032

References:

1. Gorban V.S. Historiography of psychological theories of law // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law. 2024. No. 4. pp. 79-104. DOI 10.55959/MSU0130-0113-11-65-4-5.
2. Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Trans. Daniel Heller-Roazen. Stanford: Stanford University Press, 1998. 199 p.
3. Derrida J. Force de loi: Le "fondement mystique de l'autorité" // Cardozo Law Review, Vol. 11, 1990, pp. 919-1045.
4. Gramsci A. Quaderni del carcere: edizione critica dell'Istituto Gramsci / Antonio Gramsci. A cura di Valentino Gerratana. Vol. 1: Quaderni 1-5. 2. ed. Torino: Einaudi, 1977.
5. Kennedy D. Cost-Reduction Theory as Legitimation // The Yale Law Journal, vol. 90, no. 5, 1981, pp. 1275-1283.
6. Levinson S. Constitutional faith / Sanford Levinson. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1988. XII, 250 p.
7. Levinson S. The Rhetoric of the Judicial Opinion // Law's Stories: Narrative and Rhetoric in the Law 187. Peter Brooks & Paul Gewirtz eds.; New Haven, CT: Yale University Press, 1996. P. 187-199.
8. Russell S. The Critical Legal Studies Challenge to Contemporary Mainstream Legal Philosophy // Ottawa Law Review, 18:1, 1986, pp. 1-24.
9. Tushnet M. Critical Legal Studies and the Rule of Law // J. Meierhenrich and M. Loughlin (eds.) The Cambridge Companion to the Rule of Law. Cambridge: Cambridge University Press (Cambridge Companions to Law), 2021, pp. 328-339.
10. Unger R. The Critical Legal Studies Movement // Harvard Law Review, Vol. 96, No. 3 Jan., 1983, pp. 561-675.

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ М.М. СПЕРАНСКОГО

THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS

OF THE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF M.M. SPERANSKY

ПОРОТИКОВ Никита Сергеевич,

аспирант кафедры «Гражданское право и процесс»

Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону.

344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2.

E-mail: porotikov.nik@inbox.ru;

ПРАЦКО Геннадий Святославович,

доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор.

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону.

Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону.

Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог.

344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2.

E-mail: dasha_sam94@mail.ru;

POROTIKOV Nikita Sergeevich,

Postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don.

Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Rostov Infantry Regiment Square, 2, 344038, Russia.

E-mail: porotikov.nik@inbox.ru;

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich,

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor. Don State Technical University, Rostov-on-Don.

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don.

Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog.

Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Rostov Infantry Regiment Square, 2, 344038, Russia.

E-mail: dasha_sam94@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены вопросы правового наследия великого русского реформатора М.М. Сперанского. Проанализированы идейные основы деятельности правоведа. В процессе исследования показано, что обладая выдающимися политическими воззрениями, М.М. Сперанский занимает почетное место среди ведущих мыслителей XIX века. Анализ идейных основ доктрины этого значимого представителя дореволюционной России подтверждает его исключительную роль в интеллектуальной подготовке масштабных преобразований страны, произошедший, в т.ч. и в недавнем прошлом.

Abstract: The article examines the issues of the legal legacy of the great Russian reformer M.M. Speransky. The ideological foundations of the lawyer's activity are analyzed. The research shows that having outstanding political views, M.M. Speransky occupies an honorable place among the leading thinkers of the 19th century. An analysis of the ideological foundations of the doctrine of this significant representative of pre-revolutionary Russia confirms his exceptional role in the intellectual preparation of large-scale transformations of the country, which took place, including in the recent past.

Ключевые слова: Сперанский, правовое воспитание, правовое сознание, преобразования, реформы, идейные основы, право, власть.

Keywords: Speransky, legal education, legal consciousness, transformations, reforms, ideological foundations, law, power.

Для цитирования: Поротиков Н.С., Працко Г.С. Идейные основы политико-правовой доктрины М.М. Сперанского // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 36-38. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_36.

For citation: Porotikov N.S., Pratsko G.S. The ideological foundations of the political and legal doctrine of M.M. Speransky // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 36-38. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_36.

Статья поступила в редакцию: 23.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Введение

Сегодняшний этап развития российской государственности характеризуется стремлением к укреплению правовой культуры граждан, расширению их юридической осведомленности и формированию навыков законопослушного поведения, а также эффективной деятельности органов государственной власти. Справедливо, что юрист должен понимать «социальную природу и сущность права, также как и его интеллектуально-духовные основания, важной частью которых являются политические и правовые учения». Историческое наследие России требует нового осмысления именно сейчас, когда наше государство сталкивается с необходимостью трансформации. После кардинальных преобразований Петра I, полностью трансформировавших российскую действительность, российская государственность характеризовалась наращиванием своего влияния и расширением границ. Однако параллельно усиливались процессы общественного разделения и чрезмерного возрастания бюрократической системы управления. Это историческая эпоха, наполненная, как стратегическими возможностями, так и глубинными противоречиями, стала решающим периодом для дальнейшего развития государства. Особого внимания заслуживают труды выдающегося правоведа прошлого - М.М. Сперанского, чьи прогрессивные идеи не получили должного признания при его жизни, но могут стать основой для решения современных проблем и противоречий в обществе.

Исследование основ наследия М.М. Сперанского представляет особый интерес ввиду того, что его деятельности присуща триада составляющих: как государственного деятеля, систематизатора законов и философа права, что позволяет утверждать об отсутствии узкого взгляда на ту или иную проблему. В связи с чем, что великий реформатор, затрагивая многообразные сферы общественной и политической жизни страны: административную сферу, государственное устройство, образование, систему повышения офицеров и служащих по служебной лестнице, уровень правового сознания и т.д., придерживался потребности в удовлетворении интересов всего общества, а не только одной его части в лице привилегированных слоев.

Сформулированная проблема: После кардинальных преобразований Петра I, полностью трансформировавших российскую действительность, российская государственность характеризовалась наращиванием своего влияния и расширением границ. Однако параллельно

усиливались процессы общественного разделения и чрезмерного возрастания бюрократической системы управления. Это историческая эпоха, наполненная, как стратегическими возможностями, так и глубинными противоречиями, стала решающим периодом для дальнейшего развития государства. Особого внимания заслуживают труды выдающегося правоведа прошлого – М.М. Сперанского, чьи прогрессивные идеи не получили должного признания при его жизни, но могут стать основой для решения современных проблем и противоречий в обществе.

Объект исследования: идейные основы политико-правовой доктрины М.М. Сперанского.

Новизна результатов исследования: Современная интерпретация доктрины Сперанского позволяет рассматривать ее как уникальный опыт синтеза традиционных ценностей российской государственности и прогрессивных правовых принципов, что особенно актуально в контексте современных дискуссий о путях развития российской правовой системы.

Область применения результатов: развитие идей о правах человека и взаимодействии индивида, общества и государства друг с другом, а также связанных с указанными категориями правовых концепций, которые сохраняют актуальность и сейчас, спустя несколько столетий. В образовательном процессе материалы исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов по истории государства и права России, истории политических и правовых учений, теории государства и права, а также при разработке специальных курсов, посвященных реформаторской деятельности в Российской империи.

Основная часть

Основой политико-правовой доктрины М.М. Сперанского выступала потребность в развитии правового воспитания и правового сознания. Именно данные две категории являлись ядром его идей.

М.М. Сперанский тщательно исследовал фундаментальные принципы воспитательной практики, рассматривая их через призму содержательно-образовательного подхода. Образовательный процесс, по мнению, реформатора, есть ни что иное, как неотъемлемый компонент всеобъемлющего воспитания личности. Углубленное понимание процессов саморазвития человека и механизмов формирования правового сознания стало важной частью юридического наследия мыслителя. Воспитание патриотических чувств и развитие гражданского самосознания у молодежи М.М. Сперанский определял как приоритетное направление педагогического воздействия. По его суждениям, настоящий гражданин своей страны должен быть предан интересам родины и обладать рядом ключевых качеств, наиболее важное из которых – нравственность, трудолюбие и стремление к знаниям. Именно эти базовые ценности формируют личность, способную к бескорыстному служению своему отечеству.

Признание важности вышеизложенного императором обусловило привлечение М.М. Сперанского к реформированию системы образования, в ходе которого был разработан значимый документ под названием «Об усовершенствовании общего народного воспитания». В нем правовед акцентировал внимание на двух ключевых механизмах государственного воздействия на просвещение граждан. Создание просветительской инфраструктуры, включающей читальни и иные учреждения, рассматривалось им в качестве первоочередной задачи. Параллельно в обществе культивировалось понимание ценности правового образования. Эта концепция стала основой для создания впоследствии исключительного учебного учреждения - Императорского Царскосельского лицея, сыгравшего роль в эволюции системы правового просвещения насаждения страны, в т.ч. юристов и государственных служащих. Специфика функционирования названного образовательного заведения состояла в подготовке не просто юристов-теоретиков, а практиков, способных эффективно осуществлять возложенные на них задачи. Его основатель лично составлял устав и учебную программу, делая упор на правовые и гуманитарные предметы.

М.М. Сперанский стремился донести до дворянских детей важность понимания сущности государственной службы, неизбежности наказания за нарушение законов и необходимость их строгого соблюдения. Осознавая необходимость повышения качества начальной профессиональной подготовки, а также наличия специализированной юридической подготовки, обеспечивающей обучение государственных служащих, которыми являлись врачи, инженеры, ученые, учителя, чиновники, законотворческой деятельности, М.М. Сперанский выступил за создание «школы профессоров российского права». Он верил в возможность преобразования России через правительственные инициативы, без необходимости народных восстаний и кровавых переворотов. По мнению государственного деятеля, в отличие от других стран, где конституционные изменения происходили постепенно и часто сопровождались политическими потрясениями, российская государственность и, соответственно, Конституция, могли проявиться благодаря просвещенной правящей элите. Он утверждал, что верховная власть обладает всеми необходимыми ресурсами и возможностями для создания справедливого политического устройства, организованного по разумному механизму. Такой подход реформирования «сверху» отражал его фундаментальное убеждение в способностях правителя даровать народу справедливое государство без революционных потрясений. М.М. Сперанский был убежден, что России требуются серьезные преобразования из-за устаревшей системы государственного управления и ее аппарата. По его мнению, решение проблемы заключалось в двух ключевых моментах: во-первых, во внедрении адаптированного для российских условий принципа разделения властей, а, во-вторых, создании механизмов, позволяющих учитывать общественное мнение при управлении страной.

Правовед подчеркивал, что фундаментальной задачей государства выступает обеспечение безопасности личности, ее чести и собственности. Однако, стремясь к самодержавию, высшая власть разделяет народ, чем ведет к его ослаблению.

Фундаментом его деятельности было суждение о том, что легитимность правительства зависит от народного волеизъявления. Произвол берет начало в межклассовой вражде, поэтому идеальный государственный порядок должен устранять противостояние между различными социальными группами. Безусловно, «присутствие права как ценностного явления в ведущих сферах общественной и частной жизни эффективно и активно преобразует те общественные отношения, которые непосредственно связаны с политическим, экономическим, социальным, культурным, правовым положением того или иного человека, приближая его к параметрам достойного образа жизни». В связи с чем, при реформировании государственного аппарата ключевое значение имеет право, а также учет мнения граждан.

Сквозь призму современной конституционной теории и практики вопросы легитимности стали неотъемлемой частью политического устройства, как на глобальном, так и национальном уровнях. Долгий исторический путь развития правовой мысли позволил преодолеть те сложности, которые когда-то виделись непреодолимыми. В свое время реформатор пытался законодательно ограничить высшую государственную власть, создавая проекты, направленные на утверждение конституционного порядка в управлении государством. Однако, проекты Сперанского актуальны тем, что именно тогда вопрос о конституционализме был осмыслен в рамках оппозиции либерального и консервативного подходов, остро столкнувшихся русскую историческую традицию с европейской.

М.М. Сперанский в таких трех основных документах, как: в записке «Общее введение к изъяснениям на проект Гражданского уложения», в «Историческом обозрении Комиссии составления законов» и «Предложениях к окончательному составлению законов» изложил комплексный анализ необходимых для отечественной законодательной системы преобразований. Правовая система, обладающая четкой структурой, является необходимым условием для результативности государственного руководства, как полагал реформатор. Политический деятель утверждал, что упорядоченное законодательство представляет собой единственный путь к обеспечению высокого уровня создания правовых норм и правореализации. Установление законности и правопорядка в российском обществе в качестве основных регуляторов социальных взаимодействий М.М. Сперанский считал главной задачей процесса правовой систематизации.

Бесполезно отрицать, что зрелая демократия является фундаментом для взаимодействия правового государства и гражданского общества, способствуя внедрению правовых ценностей в фундаментальные общественные взаимоотношения и укрепляя потенциал правопорядка. Невозможно представить развитие и функционирование цивилизованного общества с утвердившимися демократическими институтами без опоры на законный и стабильный правовой режим. Создаваемая благоприятная правовая атмосфера обеспечивает гражданам возможность эффективно реализовывать свои основные права и свободы.

Заключение, выводы

Политическая активность М.М. Сперанского заложила теоретический фундамент развития идей о правах человека и взаимодействии индивида, общества и государства друг с другом, а также связанных с указанными категориями правовых концепций, которые сохраняют актуальность и сейчас, спустя несколько столетий. Юристы и политологи продолжают обсуждать многие вопросы, являвшиеся предметом научных изысканий правоведа. Среди них: адаптация принципа разделения властей к существующей действительности, создание независимых властных органов, необходимость государства соответствовать современным тенденциям. Внесенные в 2020 году изменения в Конституцию РФ во многом перекликаются с идеями и концепциями, которые ранее были разработаны М.М. Сперанским.

Изучая биографии государственных деятелей различных эпох, мы обнаруживаем бесценность рассмотренных идейных основ. Сам жизненный путь М.М. Сперанского демонстрирует поразительную стойкость человеческого духа перед лицом невзгод. Несмотря на неблагородное происхождение, враждебность аристократии и тяготы изгнания, он никогда не сдавался. Даже в моменты жесточайших испытаний он неизменно искал способы принести пользу Отечеству, когда многие опустили бы руки.

Резюмируя проведенное исследование, отметим, что обладая выдающимися политическими воззрениями, М.М. Сперанский занимает почетное место среди ведущих мыслителей XIX века. Его концепции, несомненно, проникли в сознание российской политической элиты, оказав существенное влияние на формирование реформаторского курса государства и общества, не только во второй половине указанного столетия, но и современности. Анализ идейных основ доктрины этого значимого представителя дореволюционной России подтверждает его исключительную роль в интеллектуальной подготовке масштабных преобразований страны.

Список литературы:

1. Глушкова С.И., Ислентьев С.О. Политико-правовое наследие М.М. Сперанского в прошлом и настоящем России: основные идеи и подходы // Право-вое государство: теория и практика. - 2023. - № 3. - С. 107-119. - ISSN 2500-0217. DOI: 10.33184/pravgos-2023.3.12 EDN: DYRTZG
2. Осипенко С.В. Правовая школа М. М. Сперанского: становление отечественной модели специализированной юридической подготовки // Власть. - 2020. - № 3. - С. 260-263. - ISSN 2500-0217. DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7355 EDN: VARGKO
3. Працко Г.С. История политических и правовых учений: учебник / Г. С. Працко. - Москва: РИОР, 2022. - 451 с. ISBN: 978-5-369-02091-3
4. Працко Г.С. Гражданское общество и ценности права в контексте достойной жизнедеятельности личности // Правовой порядок и правовые ценно-сти. - 2023. - № 1. - С. 28-40. - ISSN 2500-0217. DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-1-5-17 EDN: YCXZQW
5. Синуков В.Н., Синуков С.В. М. М. Сперанский и развитие отечественной правовой государственности в XXI веке // Lex Russica. - 2024. - № 10. - С. 9-17. - ISSN 2500-0217. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.215.10.009-017 EDN: IFOPFG
6. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. Сост. из актов, хранящихся во 2 Отд-нии Собств. е. и. в. канцелярии. Санкт-Петербург: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1833. - 200 с. ISBN: 978-5-519-75096-7
7. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. - Санкт-Петербург: тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. - 171 с. ISBN: 978-5-519-75096-7
8. Сперанский М.М. Избранное / М. М. Сперанский; [сост., автор вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов]. - Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - 776 с. ISBN: 978-5-519-75096-7

References:

1. Glushkova, S.I., Islentev, S. O. According to the political and legal legacy of M.M. Speransky in the past and present of Russia: basic ideas and approaches // The legal state: theory and practice. - 2023. - No. 3. - St. 107-119. - ISSN 2500-0217. DOI: 10.33184/pravgos-2023.3.12 EDN: DYRTZG
2. Osipenko, S.V. The Law school of M. M. Speransky: the formation of a domestic model of specialized legal training // Power. - 2020. - No. 3. - St. 260-263. - ISSN 2500-0217. DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7355 EDN: VARGKO
3. Pratsko, G.S. The history of political and legal doctrines: a textbook / G. S. Pratsko. Moscow: RIOR, 2022. 451 p. ill. ISBN: 978-5-369-02091-3
4. Pratsko, G.S. Civil society and the values of law in the context of a decent life of the individual // Legal order and legal values. - 2023. - No. 1. - St. 28-40. - ISSN 2500-0217. DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-1-5-17 EDN: YCXZQW
5. Sinyukova, V.N., Sinyukov, S.V. M.M. Speransky and the development of national legal statehood in the 21st century // Lex Russica. - 2024. - No. 10. - St. 9-17. - ISSN 2500-0217. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.215.10.009-017 EDN: IFOPFG
6. Speransky, M. M. Review of historical information about the Code of Laws. Comp. from the acts kept in the 2nd department of the Proper E. N. I. N. V. N. Chancery. Saint Petersburg: type. of the 2nd edition of the E. N. I. N. V. N. Chancery, 1833. - 200 p. ill. ISBN: 978-5-519-75096-7
7. Speransky, M.M. A guide to the knowledge of laws. - St. Petersburg: type. The second edition of His Own E. N. I. N. Office, 1845. - 171 p. ill. ISBN: 978-5-519-75096-7
8. Speransky, M.M. Favorites / M. M. Speransky; [comp., author of the introduction. St. and comment. V.S. Parsamov]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. 776 p. ill. ISBN: 978-5-519-75096-7

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ (ОКОНЧАНИЕ) RUSSIA'S SOCIAL POLICY AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT (ENDING)

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1

E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

ТАЛЯНИН Валерий Викторович,

доцент кафедры теории и истории государства и права

Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1

E-mail: teana2009@mail.ru;

ШЕВЧЕНКО Кирилл Владимирович,

старший преподаватель кафедры теории государства и права

университета государственной противопожарной службы МЧС России

им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.

E-mail: shevchenko.k@igps.ru;

NAZAROVA Irina Sergeevna,

Professor of the Department of State and Legal Disciplines at the Scientific Research Center

Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation,

Candidate of Law, Associate Professor.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

TALYANIN Valery Viktorovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.

198206, Russia, Saint Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

E-mail: teana2009@mail.ru;

SHEVCHENKO Kirill Vladimirovich,

Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law

Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev University of the State Fire Service

of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.

E-mail: shevchenko.k@igps.ru

Краткая аннотация: Провозгласив себя социальным государством, Россия конституционно обозначила цели своего развития, опираясь на исторический опыт социализации экономической и социальной жизни, а также менталитет ее многонационального и многоконфессионального общества. В настоящем исследовании уточняется механизм осуществления российским государством социальной политики.

Abstract: Having declared itself a social state, Russia has constitutionally outlined the goals of its development, based on the historical experience of socialization of economic and social life, as well as the mentality of its multinational and multi-religious society. This study clarifies the mechanism of implementation of social policy by the Russian state.

Ключевые слова: социальное государство, социальная политика, экономическая и социальная жизнь, государство, экономика.

Key words: welfare state, social policy, economic and social life, government, economy.

Для цитирования: Назарова И.С., Тальянин В.В., Шевченко К.В. Социальная политика России на современном этапе развития (окончание) // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 39–42. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_39.

For citation: Nazarova I.S., Talyanin V.V., Shevchenko K.V. Russia's social policy at the present stage of development (ending) // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 39–42. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_39.

Статья поступила в редакцию: 26.03.2025

Дата публикации: 31.07.2025

К 2024 г. Россия подошла с позитивной динамикой важных социально-экономических показателей. Так, индекс физического объема произведенного ВВП, определяющего экономическую основу для решения задач в сфере уровня жизни, составил в 2023 г. во 2-м квартале 104,9%, в 3-м квартале – 105,5% в годовом измерении (относительно соответствующего квартала предыдущего года) после непрерывного падения в предыдущие четыре квартала.

Рост ВВП создал благоприятные условия для повышения номинальных денежных доходов, которые в 2023 г. продолжали расти. В целом по России среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в среднем за январь–сентябрь 2023 г. (70 366 руб.) была выше, чем в аналогичном периоде 2022 г., на 13,9%¹, средний размер назначенных пенсий (19 445 руб.) – на 10,5%, среднедуше-

¹ Доклад «Социально-экономическое положение России». Январь–октябрь 2023 года // Росстат: [сайт]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>. Дата обращения: 21.03.2025.

вые денежные доходы (46 416 руб.) – на 10,5%²⁴ и выше уровня потребительской инфляции. Темпы роста потребительских цен в 2023 году замедлились, составив 107,4% в декабре 2023 г. к декабрю 2022 г. при 111,9% год назад¹. В результате реальные денежные доходы населения в 2023 г. на протяжении первых трёх кварталов показывали рост к соответствующим периодам предыдущего года после снижения по итогам 2022 г. (98,5% к 2021 г.) из-за падения на протяжении последних трёх кварталов года.

Отмеченные для 2023 г. позитивные изменения в динамике ВВП и реальных денежных доходов населения локально вписываются в общую картину 2019–2023 гг. по этим показателям, которая демонстрирует синхронное чередование их восходящих и нисходящих трендов.

О формировании уверенного позитивного роста реальных денежных доходов говорить пока преждевременно. Угрозу несут в себе сохраняющиеся значительными темпы роста потребительских цен, а также недостаточные темпы роста ВВП (98,2% в 1 квартале к соответствующему периоду предыдущего года, 104,9% во 2 квартале, 105,5% в 3 квартале), учитывая сниженные базовые показатели, применительно к которым рассчитана динамика ВВП в 2023 г.

В 2023 г. вновь проявился рост неравенства в распределении денежных доходов населения, в то время как в 2022 г. коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) зафиксировал его снижение – показатель уменьшился до 13,8 против 15,2 в 2021 году. Так, в 3 квартале 2023 г. душевые денежные доходы в 1-й децильной группе (с наименьшими доходами) составили 9943 руб., в 10-й децильной группе (с наибольшими доходами) – 149 864 руб. (Рисунок 3). При этом в реальном выражении доходы в 1-й децильной группе составили 102,9% к соответствующему кварталу 2022 г., в 10-й децильной группе они были равны 106,5%. В январе-сентябре коэффициент фондов составил в 2023 г. 14,7, в 2022 г. за тот же период – 14,1².

Позитивные изменения 2023 г., проявившиеся в экономическом росте и динамике реальных доходов населения, важно подкрепить принятием оперативных и долговременных мер по снижению социально-экономического неравенства, а также принятием решений и введением новых инструментов для снижения и преодоления сохраняющихся рисков в сфере уровня жизни.

Деятельность социального государства, его органов власти часто являются предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ³.

Поскольку многие из вступивших 4 июля 2020 г. поправок к Конституции России, одобренных всенародным голосованием, не только расширили возможности социального государства, но и дополнили полномочия Конституционного Суда РФ. Ни те, ни другие изменения еще не стали предметом комплексного научного исследования. Характеризуя наиболее важные черты социального государства, авторы отмечают в нем многие представления, доставшиеся нам от предков, когда главной задачей государства являлось достижение такого положения, которое основывается на закреплённых правом принципах социального равенства, всеобщей солидарности и взаимной ответственности⁴.

Центральное место среди решений Конституционного Суда РФ по рассматриваемому вопросу, безусловно, занимает Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁵. В п. 2 указанного документа Конституционный Суд РФ пришел к заключению, что все не вступившие в силу положения Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» соответствуют положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации.

Именно необходимость всестороннего исследования правовых позиций Конституционного Суда РФ о существе и деятельности социального государства в рамках основ конституционного строя обусловила основную цель и задачи настоящей публикации. Сравнительный анализ решений и сформулированных в них правовых позиций Конституционного Суда РФ, принятых до вступления в силу конституционных новелл и после их вступления в силу позволил выявить следующее⁶.

В зависимости от состояния потребностей общества и государства, состояния социально-экономических отношений в стране правовые позиции Конституционного Суда РФ эволюционировали в три этапа.

Во-первых, в большей части постановлений Конституционного Суда Российской Федерации (от 26 апреля 2016 г. № 13-П⁷, от 20 декабря 2018 г. № 46-П¹, от 3 июля 2019 г. № 26-П², от 8 октября 2019 г. № 31-П³, от 13 ноября 2019 г. № 34-П⁴ и др.), вынесенных о полномочиях

¹ Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, январь-ноябрь 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 21.03.2025).

² Доклад «Социально-экономическое положение России». Январь-октябрь 2023 года // Росстат: [сайт]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>. Дата обращения: 21.03.2025.

³ Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 63-70. – EDN RSHYIQ; Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г. Ф. Гараевой, В. В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.

⁴ Кайнов, В. И. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 5(310). – С. 52-57. – EDN ZLJVZE.

⁵ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета от 17 марта 2020 г. № 56.

⁶ Гавриленко, В. А. Актуальные вопросы правовой регламентации социальной защиты граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации, и членов их семей / В. А. Гавриленко, И. С. Назарова // Научное творчество молодежи : Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Анапа, 21 марта 2024 года. – Краснодар: ИП Кабанов В. Б. (издательство "Новация"), 2024. – С. 129-142. – EDN ZPXDCG.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2016 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Нерюнгинский район» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71286450>. Дата обращения: 21.03.2025.

Российской Федерации как социального государства (ст. 7 Конституции РФ), полномочия толковались Конституционным Судом РФ буквально, как они понимались в 1993 г., когда Конституция разрабатывалась, была принята на референдуме 12 декабря 1993 г. и вступила в силу. Причем, буквальное толкование принципа социального государства осуществлялось подобным образом в разных сферах социальных отношений (образования, здравоохранения, труда и заработной платы, пенсионного обеспечения).

При буквальном толковании принципа социального государства Конституционным Судом РФ указывалось, что Россия как социальное государство, должна проводить политику, которая направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека⁵. Недостаточность буквального толкования указанного конституционного принципа особенно проявлялась тогда, когда Конституционный Суд РФ, как, например, в постановлении от 13 ноября 2019 г. № 34-П (п. 2 постановляющей части) положения ст. 7 рассматривал в неразрывной связи со ст. 2 Конституции РФ согласно которой человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью Российской Федерации. Подобное социальное государство должно было выполнять ряд обязанностей, а человек мог вести критически-выжидательный образ жизни. То есть быть пассивным в социально-экономических отношениях.

Во-вторых, с начала 2000-х гг. в правовых позициях, сформированных в отдельных постановлениях Конституционного Суда РФ по вопросам сущности и полномочий социального государства, Суд стал опираться и на международные обязательства Российской Федерации. Примером таких решений является постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 37-П⁶ в котором он ссылается на положения п. 1 ст. 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах⁷, а также на положения п. 1 ст. 2 Конвенции МОТ № 29⁸ относительно принудительного или обязательного труда.

В других постановлениях Конституционного Суда РФ имеются ссылки на другие источники международного права. В частности, в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. № 40-П⁹ имеется ссылка на положения Всеобщей декларации прав человека¹⁰ (ст. 23), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ст. 7); в постановлении от 14 января 2020 г. № 2-П¹¹ – на ст. 25 Всеобщей декларации прав человека и ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, программы устойчивого социально-экономического развития.

В-третьих, в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П¹², принятом после вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации 4 июля 2020 г. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что федеральный законодатель в силу требований ст. 1 (часть 1), 7 (часть 1), 8 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 2), 37 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации должен обеспечивать баланс конституционных прав и свобод, справедливое согласование прав и законных интересов сторон в трудовом договоре, являющиеся необходимым условием гармонизации трудовых отношений в Российской Федерации как социальном правовом государстве.

Подобная правовая позиция Конституционного Суда РФ в наибольшей степени соответствует современному пониманию социального государства, в котором не только государство, но и гражданское общество, его институты и каждый гражданин должны занимать активную социальную позицию и солидарно участвовать в строительстве общества и государства.

Кроме того, подобная правовая позиция Конституционного Суда РФ гармонирует с конституционными новеллами 2020 г. п. 6 ст. 75 в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 40 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобами граждан В.И. Леоновой и Н.Я. Тимофеева» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72034574>. Дата обращения: 21.03.2025.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2019 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 4 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и части 10 статьи 85 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации городского округа Верхняя Пышма» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72186172>. Дата обращения: 21.03.2025.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 октября 2019 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Чайковского» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72732242>. Дата обращения: 21.03.2025.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 2019 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности абзаца четвертого пункта 9 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы в связи с жалобой гражданки В.С. Кормуш» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72894212>. Дата обращения: 21.03.2025.

⁵ Назарова, И. С. Система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по законодательству России / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 1(229). – С. 111-114. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_111. – EDN PBHVSX.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности частей пятой и шестой статьи 370 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Хмелевских» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72972248>. Дата обращения: 21.03.2025.

⁷ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1976 г., № 17(1831).

⁸ Конвенция Международной организации труда № 29 относительно принудительного или обязательного труда (Женева, 28.06.1930 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 02 июля 1956 г., № 13, ст. 279.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой - четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г.П. Лукичева» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73126881>. Дата обращения: 21.03.2025.

¹⁰ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 г. // Библиотека Российской

Газеты совместно с библиотечной журналом «Социальная защита», 195 г., № 11, с. 10.
¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности абзацев первого и четвертого пункта 30 Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам (приложение № 4 к федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 598), в связи с жалобой гражданки М.В. Алисовой» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ivo.garant.ru/#/base/search/Постановление%20Конституционного%20Суда%20РФ%20от%202014%20января%202020%20г.%20№2-П.0>. Дата обращения: 21.03.2025.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.М. Четыза» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74278790>. Дата обращения: 21.03.2025.

котором речь идет о действующих в России принципах всеобщности, справедливости и солидарности. Особенно она гармонирует с положениями ст. 75.1 Конституции, в соответствии с которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Следует отметить, что указанная правовая позиция, сформулированная в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П, не является впервые высказанной им. Конституционный Суд Российской Федерации и ранее в некоторых постановлениях формулировал аналогичные нормы. В частности, в постановлениях от 24 января 2002 г. № 3-П¹ и от 15 марта 2005 г. № 3-П².

Таким образом, можно сказать, что Конституционный Суд РФ своими постановлениями постепенно не только сформулировал наиболее полный и современный образ социального государства в России, но и во многом подготовил содержание конституционных новелл 2020 г. принципа социального государства и не только его. Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. Проведенное сравнительное исследование эволюции правовых позиций Конституционного Суда РФ и конституционных новелл 2020 года относительно социального государства позволило сформулировать следующие выводы. Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении споров, связанных с социальным государством, анализируя содержание ст. 7 Конституции, закрепившей принцип социального государства, во взаимосвязи с другими статьями Основного Закона России, международными договорами в своих правовых позициях постепенно сформулировал наиболее полный и соответствующий современным реалиям образ социального государства.

Сформированный таким образом облик социального государства не мог не получить закрепления в конституционных новеллах 2020 г.

В конечном итоге в новой редакции Конституции Российской Федерации мы имеем социальное государство, которое во многом выступает партнером гражданскому обществу и его институтам. Государство, которое на основе тесного взаимодействия и социальной солидарности с гражданским обществом, его институтами создает благоприятные условия жизни для человека. Взаимодействуя с таким социальным государством и гражданское общество, и конкретный человек вынуждены будут сменить роль иждивенца и пассивного наблюдателя на позицию активного партнера-участника социального государства в повышении уровня жизни, собственного благосостояния и развития социально-экономической сферы.

Список литературы:

1. Гавриленко, В. А. Актуальные вопросы правовой регламентации социальной защиты граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации, и членов их семей / В. А. Гавриленко, И. С. Назарова // Научное творчество молодежи: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Анапа, 21 марта 2024 года. - Краснодар: ИП Кабанов В.Б. (издательство "Новация"), 2024. - С. 129-142. EDN: ZPXDCG
2. Кайнов, В. И. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу "лекарственного опьянения" военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2023. - № 5(310). - С. 52-57. EDN: ZLJVZE
3. Назарова, И. С. Система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по законодательству России / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 1(229). - С. 111-114. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_1_111 EDN: PBHVSX
4. Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 2(55). - С. 63-70. EDN: RSHYIQ
5. Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс: Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалева. - Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. - С. 142-148. EDN: MTLGLO

References:

1. Gavrilenko, V. A. Actual issues of legal regulation of social protection of citizens of the Russian Federation called up for military service on mobilization and their family members / V. A. Gavrilenko, I. S. Nazarova // Scientific creativity of youth: Collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference, Anapa, March 21, 2024. Krasnodar: IP Kabanov V.B. (Novatsiya publishing house), 2024. pp. 129-142. EDN: ZPXDCG
2. Kainov, V. I. On the legal approach of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation to the issue of "drug intoxication" of military personnel and law enforcement officers / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. - 2023. - no. 5(310). - pp. 52-57. EDN: ZLJVZE
3. Nazarova, I. S. The system of social protection of orphaned children and children left without parental care under the legislation of Russia / I. S. Nazarova, L. A. Shenshina // Agrarian and land law. - 2024. - № 1(229). - Pp. 111-114. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_1_111 EDN: PBHVSX
4. Nemova, N. Y. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the development of control and supervisory functions in public relations: history and modernity / N. Y. Nemova, V. P. Grigoris // Pravo. Safety. Emergency situations. - 2022. - № 2(55). - Pp. 63-70. EDN: RSHYIQ
5. Shenshin, V. M. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legal regulation of the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Legal regulation and scientific and technical progress: A collective monograph / Edited by G.F. Garayeva, V.V. Kovalev. Krasnodar: Limited Liability Company Publishing House - Yug, 2021. pp. 142-148. EDN: MTLGLO

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 2002 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125566>. Дата обращения: 21.03.2025.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12139192>. Дата обращения: 21.03.2025.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ HISTORICAL AND LEGAL FEATURES OF MANAGEMENT NATIONAL RELATIONS IN IMPERIAL RUSSIA

БИДОВА Бэла Бертовна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки,
профессор кафедры правовых дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края.
360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
E-mail: bela_007@bk.ru;

ИСМАИЛОВ Магомедсайд Абдулмуслимович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».
360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
E-mail: tauzhank@list.ru;

МАЛАСОВ Роман Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки.
357635, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
E-mail: romanmalasov@mail.ru;

BIDOVA Bela Bertovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the branch
Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki,
Professor of the Department of Legal Disciplines of the branch
Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk, Stavropol Territory.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: bela_007@bk.ru;

ISMAILOV Magomedsaid Abdulmuslimovich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: tauzhank@list.ru;

MALASOV Roman Anatolyevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch
Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki.
7 Dolina Rozova str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357635, Russia.
E-mail: romanmalasov@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируется эволюцию юридических механизмов регулирования межнациональных отношений в различные исторические периоды. Исследование показывает, что в Российской империи предпринимались систематические усилия по формированию законодательной базы для решения этнических вопросов и налаживания эффективного взаимодействия между народами, проживающими в едином государственном пространстве.

Abstract: the article analyzes the evolution of legal mechanisms for regulating interethnic relations in various historical periods. The study shows that systematic efforts were made in the Russian Empire to form a legislative framework for resolving ethnic issues and establishing effective interaction between peoples living in a single state space.

Ключевые слова: этнос, государственная стратегия, этнополитика, дореволюционная Россия, государственность, социум, гармонизация.

Keywords: ethnos, state strategy, ethnopolitics, pre-revolutionary Russia, statehood, society, harmonization.

Для цитирования: Бидова Б.Б., Исмаилов М.А., Маласов Р.А. Историко-правовые особенности управления национальными отношениями в имперской России // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 43-45. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_43.

For citation: Bidova B.B., Ismailov M.A., Malasov R.A. Historical and legal features of management national relations in Imperial Russia // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 43-45. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_43.

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Анализ этнополитических стратегий имперской России является ключевым элементом для осмысления влияния правительственных инициатив на межнациональное согласие и хозяйственный рост. Такое изучение помогает обнаружить механизмы, улучшающие взаимоотношения гражданского общества с властными структурами, и выявить эффективные модели, применимые в современных российских реалиях для достижения этнического консенсуса и общественного благополучия. Данная публикация нацелена на классификацию методов этнической регу-

ляции в различные исторические периоды империи Романовых и определение их роли в становлении связей между государственным аппаратом и населением.

Этнополитическая стратегия, несомненно, являлась фундаментальным фактором, определявшим характер отношений между властными структурами и мультикультурным населением обширных территорий имперской России. Правление каждого суверена характеризовалось уникальными методами администрирования этнической мозаики, что существенно отражалось на социальной гармонии и консолидации общества. На протяжении истории наблюдались колебания от толерантного подхода к этническим группам до строгой регламентации их жизни и культурной унификации, создавая тем самым разнообразные паттерны взаимоотношений [1, с.54].

В конце XIX - начале XX веков, на заре формирования современной Российской государственности, определение национальной политики стало краеугольным камнем в строительстве многонационального общества. Государственная национальная политика Имперской России обрела свою уникальную сущность, определившись в ходе исторического развития страны, в которой насчитывалось многообразие этнических и культурных групп. Это был комплекс мер, направленный на урегулирование отношений между различными национальными сообществами внутри Российской империи, где основной задачей стал стремление к сохранению территориальной целостности и предотвращению межэтнических конфликтов [2, с.136].

Один из важнейших инструментов государственной национальной политики того времени был законодательный. Отмена крепостного права в 1861 году, хотя и не решала всех вопросов национальных отношений, создавала основу для постепенного изменения положения многих народов России. В дальнейшем, ряд правовых актов и реформ призван был регулировать жизнь национальных общностей, стремясь к гармонизации их взаимодействия с государством. Особенно это касалось регионов с высокой концентрацией неславянских народов, где вопросы землепользования, языка, образования и религии становились предметом особого внимания.

В то же время, следует отметить, что реализация национальной политики нередко проводилась в условиях жесткой административной регламентации и контроля. Российская империя представляла из себя строго централизованное государство, в котором вопросы национального управления и интеграции подчас решались с верху, без учета интересов и потребностей местных сообществ. Это вызывало напряженность и конфликтные ситуации, ставя под сомнение эффективность и оптимизацию взаимодействия государства с обществом [3, с.24].

Тем не менее, нельзя не признать, что национальная политика того периода заложила основы для понимания важности культурного и этнического многообразия в качестве ресурса социального и экономического развития. Осведомленность о необходимости мирного сосуществования и взаимопонимания различных национальных групп в рамках единой государственной структуры постепенно приходила в сознание как правителей, так и подданных Российской империи.

Итак, государственная национальная политика Имперской России представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором переплетались стремления к унификации и контролю со стороны центра с потребностями в учете локальных национальных особенностей. Осмысление и переосмысление прошлого опыта в этой сфере до сих пор остается актуальным в контексте поиска оптимальных моделей взаимодействия различных национальных сообществ внутри единого государственного пространства [4, с.27].

В контексте обсуждения национальной политики имперской России как фактора оптимизации взаимодействия общества и государства, особый интерес представляет изучение теоретических моделей правового регулирования государственной национальной политики. Сравнительная характеристика данных моделей позволяет оценить их вклад в формирование методов управления многонациональным обществом, акцентируя внимание на их эволюцию и результативность в преддверии формирования современной российской национальной идентичности.

Исследование теоретических основ правового регулирования национальной политики в России не может быть полным без анализа законодательных и нормативных актов, принятых в Российской империи. Эти документы, включающие в себя царские указы и манифесты, положили начало формированию механизма управления этносоциальными процессами в стране. Базовая идея этих актов заключалась в установлении власти императора как высшего арбитра и покровителя всех народов подданных, что в теории должно было способствовать их согласию и мирному сосуществованию.

Одной из ключевых теоретических моделей, нашедших применение в имперской России, была идея «официальной национальности», сформулированная Сергеем Уваровым. Эта концепция объединяла требования «Православия, Самодержавия и Народности» [5, с.17] и фактически легализовала доминирование русского элемента в культуре и политике, стремясь одновременно сохранить национальное и культурное разнообразие многонациональной империи. Основным недостатком такой модели заключался в её иерархичности и консерватизме, что в ряде случаев приводило к обострению межнациональных отношений. Сохранение традиционного строения многонациональной империи в условиях модернизации выдвигало на первый план вопросы о необходимости гибкости, диалога между центром и регионами, учёта этнической и культурной специфики в рамках общегосударственной политики.

Сравнение теоретических моделей правового регулирования национальной политики в имперской России позволяет выявить тенденцию к усилению централизованной государственной власти, направленной на создание единых правовых и административных рамок для всех народностей империи. В этом контексте важно отметить и противоречия, связанные с реализацией таких подходов: с одной стороны, стремление к унификации и консолидации государства, с другой — потребность в учете и сохранении уникальности каждого народа, его языка, культуры и традиций.

Значительное влияние на формирование моделей государственной национальной политики оказывала и социально-экономическая ситуация в стране. Процессы индустриализации и модернизации, начавшиеся в XIX веке, требовали от государства адаптации к новым условиям

управления этническим и культурным многообразием. Это, в свою очередь, потребовало отказа от устаревших моделей и поиска новых подходов к интеграции национальных меньшинств в общественную и политическую жизнь страны [6, с.25].

В эпоху до наступления советской власти, вопросы правового регулирования национальной политики в России занимали особое место в системе власти и управления государством. Особенностью данного периода являлось тесное переплетение интересов государства и общества, что требовало крайне внимательного и деликатного подхода к разработке законодательных актов, затрагивающих национальные аспекты жизни страны.

На протяжении данного периода многократно менялось отношение к национальному вопросу, что отражалось не только в общественной, но и в политической жизни страны. Эти изменения находили свое выражение в различных правовых актах, регулирующих отношения между различными национальностями, проживающими на территории Российской империи.

Одной из ключевых черт законодательства того времени была попытка обеспечить равные права и обязанности среди всех подданных империи, независимо от их этнической принадлежности. В частности, реформы Александра II привели к значительному либерализму в области национальной политики. Отмена крепостного права, реформы судопроизводства, образования и местного самоуправления обозначили начало новой эпохи не только в правовом, но и в национальном отношении. Тем не менее, реальная ситуация с правами национальных меньшинств была далека от идеала. Регулирование вопросов национальных менее развитых территорий и народов осуществлялось через систему особых учреждений и ведомств, что нередко приводило к бюрократическим злоупотреблениям и усилению централизации власти [7, с.86]. В рамках данной системы особое внимание уделялось так называемой "краевой политике", которая предусматривала создание специальных правовых и административных режимов для отдельных территорий.

С началом XX века в России начали складываться более сложные и разнообразные формы национального движения. Это вынудило государственные структуры искать новые подходы к управлению этническим разнообразием. Революция 1905 года и последующие события показали активизацию национального самосознания среди многих этнических групп, что привело к попыткам правовой интеграции национальных вопросов в основу государственной политики. В частности, были предприняты шаги по либерализации политики в отношении религиозных и национальных меньшинств.

Резюмируя все вышесказанное, отметим — исторический опыт Российской империи свидетельствует о попытках создать правовую основу для урегулирования национальных вопросов и оптимизации взаимодействия между различными национальностями в рамках одного государства. Конечно, эти попытки не были безошибочны и провоцировали ряд противоречий и конфликтов, однако они заложили основу для последующего развития национального вопроса и представляют значительный интерес для понимания сложности и многообразия этнических и культурных процессов в России.

Список литературы:

1. Исаева И.Э. Становление и развитие государственной национальной политики России // The Scientific Heritage. 2020. №57-3. С. 51-55. DOI: 10.24412/9215-0365-2020-57-3-51-55 EDN: WRBHPB
2. Рагимова П.Ф. Особенности национальной политики Российской империи в конце XIX - начале XX века // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. № 5(35). С. 131-141.
3. Карнишина Н.Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX начале XX в // Известия ВУЗов. Поволж-ский регион. Гуманитарные науки. 2011. №2. С. 22-28. EDN: NVAXYX
4. Петрищева, Н.С. Национальная политика в России на разных этапах развития государства: историко-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13(5). С. 20-30. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-5-20-30 EDN: SRESJY
5. Дзалаев О.Ф. Государственная национальная политика в имперской России: историко-правовой анализ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 14-20. EDN: LOSBBP
6. Ботанцов И. В. Этнополитика в России: историко-правовой анализ: монография. СПб.: Астерион, 2020. 161 с. ISBN: 978-5-00045-839-6 EDN: OYCNSO
7. Дзалаев О.Ф. Национальная политика досоветской России как фактор оптимизации взаимодействия общества и государства: историко-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2023. 128 с. ISBN: 978-5-6049623-0-5 EDN: MMGOQW

References:

1. Isaeva I.E. Formation and development of the state national policy of Russia // The Scientific Heritage. 2020. No. 57-3. pp. 51-55. DOI: 10.24412/9215-0365-2020-57-3-51-55 EDN: WRBHPB
2. Ragimova P.F. Peculiarities of the national policy of the Russian Empire at the end of the XIX - beginning of the XX century // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2024. No. 5(35). pp. 131-141.
3. Karnishina N.G. National outskirts of the Russian Empire in the middle of the XIX - beginning of the XX century // Izvestiya VUZov. Volga region. Humanities. 2011. No. 2. pp. 22-28. EDN: NVAXYX
4. Petrishcheva, N.S. National policy in Russia at different stages of state development: historical and legal aspect // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2023. No. 13(5). pp. 20-30. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-5-20-30 EDN: SRESJY
5. Dzalaev O.F. State national policy in Imperial Russia: historical and legal analysis // Science and Education: economy and Economics; entrepreneurship; law and Management. 2024. No. 4 (167). PP. 14-20. EDN: LOSBBP
6. Botantsov I. V. Ethnopolitics in Russia: historical and legal analysis: monograph. St. Petersburg: Asterion, 2020. 161 p. ISBN: 978-5-00045-839-6 EDN: OYCNSO
7. Dzalaev O.F. The national policy of pre-Soviet Russia as a factor in optimizing the interaction of society and the state: a historical and legal study: monograph. Moscow: Prospekt, 2023. 128 p. ISBN: 978-5-6049623-0-5 EDN: MMGOQW

ПРАВООЗАЩИТНАЯ СИСТЕМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПОНЯТИЕ, ЭЛЕМЕНТЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА THE HUMAN RIGHTS SYSTEM IN MODERN CONDITIONS: CONCEPT, ELEMENTS AND GENERAL CHARACTERISTICS

РУДНЕВА Юлия Викторовна,

старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет»
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: yuliarudneva66@mail.ru;

ФАДЕЕВА Полина Алексеевна,

Студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет»
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141
E-mail: polinafadeeva2004@mail.ru;

RUDNEVA Yulia Viktorovna,

Senior Lecturer at the Samara State University.
443090, Samara, st.141 Sovetskaya Army.
E-mail: yuliarudneva66@mail.ru;

FADEEVA Polina Alekseevna,

Student of the Samara State University.
443090, Samara, Sovetskaya Army Street, 141.
E-mail: polinafadeeva2004@mail.ru

Краткая аннотация: Необходимость исследования понятийного аппарата, элементов и общей характеристики правозащитного института вызвана теми сложностями, которые в современных условиях изменяющегося мира вызывает возможность соблюдения баланса между привлечением к ответственности с помощью мер государственного принуждения и соблюдением прав и свобод личности.

Abstract: The need to study the conceptual framework, elements, and general characteristics of a human rights institution is driven by the challenges of maintaining a balance between accountability through state coercion and respect for individual rights and freedoms in today's evolving world.

Ключевые слова: правовая защита, права человека, защита прав, правозащитная деятельность, правозащитные институты.

Keywords: legal protection, human rights, protection of rights, human rights activities, human rights institutions.

Для цитирования: Руднева Ю.В., Фадеева П.А. Правозащитная система в современных условиях: понятие, элементы и общая характеристика // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 46-48. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_46.

For citation: Rudneva Yu.V., Fadeeva P.A. The human rights system in modern conditions: concept, elements and general characteristics // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 46-48. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_46.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В условиях укрепления правового государства и системной модернизации правовых институтов РФ особое значение приобретает тема защиты прав и свобод человека. Российская правовая система последовательно развивается в направлении обеспечения высокого уровня правозащитной деятельности, расширения институциональных механизмов защиты и формирования устойчивого правосознания граждан.

При изучении правозащитной деятельности необходим целостный, системный подход, так как только в этом случае, используя уже проработанные в отечественной юридической науке категории, можно получить качественное теоретическое обобщение. К таким категориям необходимо отнести «права человека», «защиту права», «правозащитную систему» [1] и другие.

Анализ правозащитной деятельности и обеспечивающих ее институтов представляется логичным начать с анализа самого понятия прав человека в их современном понимании.

При рассмотрении прав человека с широкой точки зрения, их воспринимают в качестве исходных, представляющих собой естественные права, принадлежащие каждому с рождения. При этом, значение наличие или отсутствие какого-либо гражданства, не имеет. Понятия «права человека» и «права гражданина» не являются равнозначными, несмотря на их частое смешение, поскольку у гражданина помимо его естественных прав появляются еще и права, данные им государством.

По мнению некоторых теоретиков, при признании прав индивидуума как гражданина, обладающего данным статусом в связи с наличием гражданства определенного государства, нарушаются права лиц, проживающих на территории государства, не имеющих соответствующего статуса, нарушается принцип равноправия. Сложным видится и возможность провести точную границу между понятиями «права» и «свободы», так как сходство между ними очень условно, а различия между ними существенны.

Если обратиться к содержанию понятия «свобода» в широком его смысле, то можно сделать вывод, что это такое же право, предоставленное человеку с рождения, но еще и обеспеченное государственной охраной на законодательном уровне. Но данное право имеет некоторые субъективные пределы: с одной стороны, на государстве лежит обязанность его защиты, оно (государство) ограничено во вмешательстве в это право, с другой, ставя во главу угла интересы общества и защиту всеобщих благ, руководствуясь действующим законодательством, государственный аппарат может обозначить границы, за пределами которых заканчивается индивидуальная свобода.

Таким образом, можно сказать, что исходя из широкого взгляда на такую категорию, как свобода, она представляет собой возможность

индивидуума определять свои действия, следуя своим интересам, соблюдая законодательные ограничения, общественные и государственные интересы.

Современные реалии развития общественных отношений позволяют утверждать, что правозащитная деятельность приобретает особое значение как один из ключевых факторов устойчивого развития, поддержания общественной стабильности, обеспечения социальной справедливости и укрепления правового государства. Ее значение обусловлено как внутренними трансформациями в государствах, так и глобальными вызовами современности.

Вообще, наиболее распространенным пониманием права является его восприятие в качестве регулятора отношений в обществе, представляющего собой систему норм, обязательных для всех членов общества, закрепленных законодательно. Данная система выражает ту меру свободы и ответственности, которая установлена в конкретном обществе. Все, что индивид вправе совершать, четко определено в законе.

Правозащитная деятельность способствует предотвращению нарушений прав человека; защите уязвимых групп населения; обеспечению баланса между властью и личностью.

Сегодня, в условиях цифровизации, миграционных кризисов, международных конфликтов и роста авторитарных тенденций, защита прав человека приобретает еще более важное значение для сохранения социальной устойчивости и гуманистических основ общества.

Правозащитная деятельность представляет собой разносторонний сложный процесс, охватывающий различные явления с участием разнообразных субъектов, что и вызвало необходимость формирования научной категории. В качестве такой категории, названной исследователями «интегральной» [2] было введено в научную терминологию понятие «правозащитная система».

Целью правовой защиты является не только защита конкретных прав в конкретных случаях, но и системная трансформация правового и институционального пространства, направленная на укрепление гарантий прав и свобод; разработка и внедрение правовых механизмов, обеспечивающих равенство, справедливость, защиту от дискриминации и произвола; продвижение стандартов международного права прав человека; содействие демократизации общественных институтов, транспарентности, отчетности власти; формирование общественного запроса на соблюдение прав, повышение правовой грамотности и правозащитной активности граждан. Правозащитная деятельность не ограничивается индивидуальной защитой пострадавших – она включает в себя преобразование системных условий, в которых такие нарушения происходят, с опорой на науку, данные и принципы справедливости.

Если обратиться к истокам становления такой системной категории, как «правовая система», то можно увидеть сходство в тех тенденциях и противоречиях, которые присущи становлению и рассматриваемой нами категории «правозащитная система».

По мнению, например, Н. И. Матузова, который высоко оценивал потенциал категории «правовая система», она является инструментом, который позволяет оценить то или иное правовое явление в виде единого целого [3, с.94].

Относительно понятия правозащитной системы единого мнения среди отечественных специалистов не достигнуто. Так, Д. С. Варданян считает, что все те правовые явления и юридические практики, которые относятся к гуманитарным правам, охватываются правозащитной системой [4, с.6].

В. Н. Карташов предложил следующее: система представляет единым комплексом, включающим организации, как государственные, так и негосударственные, лиц, осуществляющих правозащитную деятельность, а также юридические явления, которые в своей взаимосвязи позволяют осуществить качественную и эффективную защиту прав, как людей, так и их объединений [5].

Правозащитная система, безусловно, относится к сложному объекту, что и порождает множественность имеющихся мнений, дающих некоторое обобщение относительно некоторых его сторон и свойств, не позволяющих охарактеризовать изучаемое явление полно [6, с.25].

Все вышесказанное приводит нас к необходимости, прежде чем удастся сформулировать определение правозащитной системы, выделить и проанализировать те свойства и признаки, которые ей присущи [7, с.131-132].

Правозащитная система, как отмечается в литературе, характеризуется следующими особенностями.

Первая из них органично вытекает из утверждения о том, что изучаемая категория является неотъемлемой составляющей правового государства, безусловно признающего и защищающего права и свободы человека [8, с.106]. Данный вывод следует из самого назначения государства, относящегося к правовым, а именно, обеспечения достойного уровня жизни, свободы человека в своем развитии, возможности реализовать им свои права и свободы. Реализация обозначенных целей в правовом государстве достигается созданием соответствующих политико-правовых условий, что и отличает его от государства тоталитарного, которое может и не иметь правозащитной системы, в том гуманитарном смысле, который придается ей на современном этапе [9, с.44].

Ко второй особенности, отличающей правозащитную систему, относят вхождение в правовую систему общества в качестве ее элемента, отнесение первой (правозащитной системы) как частного к целому (правовой системе).

Только общая направленность всей правовой системы в государстве на обеспечение защиты человека всех принадлежащих ему прав, могут оказать влияние на правозащитную ситуацию в целом.

То, что все элементы, входящие в правозащитную систему, действуют в одном направлении, позволяющем достичь реализации названного принципа, свидетельствует об их едином взаимодействии, реализуемом в качестве части одного целого. И здесь нельзя не согласиться с мнением Л.П. Завадской, считающей, что главной целью защиты является возможность реализовать субъективные права, обязанности, интересы и свободы граждан, которые охраняются законом [10, с.226-227].

Возможность реализации гражданами своих прав и свобод можно добиться только путем признания права любой личности, независи-

мо от каких-либо расовых, гендерных и иных признаков, на правовую защиту [11, с. 160].

Эффективную защиту прав можно осуществить исключительно с помощью сложноорганизованной, комплексной системы, к единому мнению о структуре которой исследователи пока не пришли, как и не пришли к мнению о ее элементном составе.

Представляя правозащитную систему в виде элементов, можно говорить о них в контексте их взаимосвязи, взаимодействия, выисывая при этом некоторую структуру. Иногда исследуемую систему представляют в виде структуры, состоящей из подсистем.

К одной из таких подсистем относят правозащитную идеологию, которая формируется из тех преобладающих идей и взглядов, доктрин и теорий, на которых базируются цели и принципы, а также средства правовой защиты. Помимо прочего, сюда относят и эффективность правозащитной деятельности, включая ее оценку и перспективные направления развития.

К немаловажным элементам правозащитной системы следует отнести правозащитную политику, определяющую то направление в политике государственной, которое обеспечивает на государственном уровне защиту прав и свобод. Несмотря на игнорирование некоторыми учеными роли государства в функционировании или, вернее, жизнеспособности правозащитной системы, невозможно отрицать тот факт, что именно государственная политическая воля определяет общее направление, стратегию, тактику правозащитного механизма [12].

На сегодня в Российской Федерации сформирована широкая сеть, как учреждений, так и должностных лиц, организаций негосударственных, наделенных полномочиями по защите прав человека.

Правозащитное регулирование происходит как на основе исходных норм, определяющих принципы и цели деятельности по защите прав, так и на нормах, регламентирующих условия, при которых возникают не только защищаемые права, но и обязанности, соблюдать которые должны все участники правоотношений. Кроме того, нормативно должны быть закреплены меры ответственности, наступающие за нарушение прав человека, закрепленные в Основном законе государства, актах международных, иных законодательных актах.

Необходимость правовой защиты определена правоотношением, возникшим между его субъектами, связанными взаимными обязанностями и правами.

Ключевые элементы правозащитной системы:

1. Государственные органы – это судебные и правоохранительные органы, органы государственной власти, такие как омбудсмены, прокуроры, а также другие структуры, обеспечивающие соблюдение законов и прав человека.
2. Международные организации.
3. Неправительственные организации.
4. Образование и информирование – правозащитная система включает в себя также программы обучения и информирования населения о его правах, а также о механизмах защиты этих прав.

Таким образом, можно сделать вывод, что исследуемая нами система, представляет собой совокупность институтов, национальных и международных, которая обладая законодательно установленными полномочиями и механизмами, реализует цель, которой выступает защита прав и свобод личности.

Список литературы:

1. Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права: автореф. дис. ... к. ю. н. Самара, 1997; Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. Москва, 1996. EDN: NLJTRP
2. Рудковский В. А., Ходарева Т. В. Правозащитная система: понятие и элементы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. №3 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravozaschitnaya-sistema-ponyatie-i-elementy> (дата обращения: 10.03.2025). EDN: PIVXMZ
3. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 94. ISBN: 5-7924-0228-0 EDN: QVPMX
4. Варданян Д. С. Российская правозащитная система и личность (вопросы теории): автореф. дис. ... к. ю. н. Волгоград, 2007. С. 6. EDN: ZNGBTZ
5. Карташов В. Н. Правозащитные системы: понятие, основные типы и принципы // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации. Н. Новгород, 2003.
6. Калинина Т. М. Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы согласования: дис. ... к. ю. н. Н. Новгород, 2002. С. 25. EDN: NMCONP
7. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. Москва, 2006. С. 131-132. ISBN: 5-98032-891-2 EDN: QWNYVN
8. Нерсисян В. С. Философия права. Москва, 1997. С. 106.
9. Анисимов П. В., Медведицкова Л. В. Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы Российской Федерации. Волгоград, 2007. С. 44. ISBN: 978-5-7899-0471-8 EDN: QXIZMZ
10. Завадская Л. Н. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. С. 226-227.
11. Мовчан А. П. Принцип всеобщего уважения прав человека и основных свобод // Курс международного права: Основные принципы международного права. М., 1989. Т. 2. С. 160.
12. Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб., 2004; Редько А. А. Правозащитная политика и ее место в правовой политике России (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2011.

References:

1. Shubina T. B. Theoretical Problems of the Protection of Law: Abstract of Dissertation ... Candidate of Law. Samara, 1997; General Theory of Human Rights / edited by E. A. Lukashcheva. Moscow, 1996.
2. Rudkovsky Viktor Anatolyevich, Khodareva Tatyana Vasilyevna. The Human Rights System: Concept and Elements // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 3 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravozaschitnaya-sistema-ponyatie-i-elementy> (accessed: 10.03.2025).
3. Matuzov N. I. Actual Problems of the Theory of Law. Saratov, 2003. P. 94.
4. Vardanyan D. S. The Russian Human Rights System and the Individual (Issues of Theory): Abstract of the dissertation ... Candidate of Law. Volgograd, 2007. P. 6.
5. Kartashov V. N. Human Rights Systems: Concept, Main Types, and Principles // Russian and European Human Rights Systems: Correlation and Problems of Harmonization. Nizhny Novgorod, 2003.
6. Kalinina T. M. Russian and European Human Rights Systems: Correlation and Problems of Harmonization: PhD Thesis. Nizhny Novgorod, 2002. P. 25.
7. Marchenko M. N. Problems of the Theory of State and Law. Moscow, 2006. Pp. 131-132.
8. Nersesyan V. S. Philosophy of Law. Moscow, 1997. P. 106.
9. Anisimov P. V., Medveditskova L. V. Theoretical, Legal, and Organizational Foundations of the Human Rights System in the Russian Federation. Volgograd, 2007. P. 44.
10. Zavadskaya L. N. Realization of Citizens' Rights in the Conditions of Developed Socialism. Moscow, 1983. Pp. 226-227.
11. Movchan A. P. The Principle of Universal Respect for Human Rights and Fundamental Freedoms // Course of International Law: Basic Principles of International Law. Moscow, 1989. Vol. 2. P. 160.
12. On human rights policy: Rybakov O. Yu. Russian legal policy in the sphere of protection of the rights and freedoms of the individual. SPb., 2004; Redko A. A. Human rights policy and its place in the legal policy of Russia (theoretical and legal analysis): abstract of dissertation ... Candidate of Law. SPb., 2011.

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ PROBLEMS WITH CLASSIFYING ELECTRONIC EVIDENCE

ФАДЕЕВ Алексей Владимирович,
старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: leshafadeev60@mail.ru;

ЛУНЕВ Владислав Александрович,
студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет»
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141
E-mail: lunvlad17@gmail.com;

FADEEV Alexey Vladimirovich,
Senior Lecturer, Samara State University.
443090, Samara, 141 Sovetskaya Army Street.
E-mail: leshafadeev60@mail.ru;

LUNEV Vladislav Aleksandrovich,
Student of the Samara State University.
443090, Samara, Sovetskaya Armii Street, 141.
E-mail: lunvlad17@gmail.com

Краткая аннотация: Специфика отдельных категорий доказательств вызывает сложности в правоприменительной практике. Такая проблема связана, в том числе, с недостаточностью теоретического обоснования их классификации. Особую сложность, в плане их отнесения к какому-либо виду, продолжают представлять электронные доказательства, что вызывает оправданную озабоченность правоприменителей, так как количество доказательств, получаемых в цифровом виде, только возрастает.

Abstract: The specifics of certain categories of evidence cause difficulties in law enforcement practice. This problem is also related to the lack of theoretical justification for their classification. Electronic evidence continues to pose a particular challenge in terms of classifying it into a specific category, which raises justified concerns among law enforcement officials as the number of digital evidence continues to grow.

Ключевые слова: доказательства, электронный доказательства, цифровые носители, гражданский процесс, уголовный процесс, метаданные, скриншот.

Keywords: evidence, electronic evidence, digital media, civil proceedings, criminal proceedings, metadata, screenshot.

Для цитирования: Фадеев А.В., Лунев В.А. Проблемы классификации доказательств, представленных в электронном виде // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 49-51. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_49.

For citation: Fadeev A.V., Lunev V.A. Problems with classifying electronic evidence// Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 49-51. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_49.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Отнесение доказательства к определенному виду влияет на его значение при доказывании обстоятельств и может решающим образом повлиять на результат судебного процесса, в связи с этим, тема классификации доказательств продолжает оставаться предметом активных дебатов в юридической среде.

Проблематика классификации доказательств в сферах уголовного и гражданского правосудия продолжает активно обсуждаться как в научных кругах, так и на практике. Основная сложность заключается в отсутствии унифицированных критериев для четкого разграничения доказательств, что порождает неоднозначности в их правовой оценке. Некоторые ученые настаивают на классификации доказательств в зависимости от их прямой связи с основным фактом дела, в то время как другие предлагают ориентироваться на любые значимые факты.

Разнообразие существующих методик и отсутствие унифицированного подхода создают проблемы в их использовании в практике правоприменения, кроме того, остается дискуссионным вопрос однозначного отнесения некоторых доказательств к тому или иному виду. Особо актуальным такое состояние является для электронных доказательств.

Для более детального изучения вопроса обратимся к дефиниции доказательства.

Д. П. Горский анализировал доказательства через призму логического мышления и утверждал, что рассуждение, которое подтверждает верность утверждения на основании истинности других уже подтвержденных утверждений, является доказательством¹, с.208].

Согласно современному законодательному определению, закрепленному в статье 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, под доказательствами понимаются фактические данные, которые используют следователь, дознаватель, прокурор и суд для установления обстоятельств преступления и виновности лица¹.

В контексте гражданского судопроизводства под доказательствами понимаются данные о фактах, зафиксированные в соответствии с нормами закона, которые стороны используют для подтверждения своих прав и возражений против претензий оппонента.

Исходя из анализа научных мнений, можно выделить основные признаки доказательств, включающие в себя: наличие достоверных

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

данных, подтверждающих ключевые аспекты судебного дела; соблюдение законодательных требований при их сборе и использовании; оформление доказательств в соответствии с процессуальными правилами представления в суде.

В доктрине деление доказательств на прямые и косвенные имеет существенное значение. Прямые доказательства подтверждают обстоятельства дела напрямую, в то время как косвенные устанавливают связанные с ними факты, которые могут указывать на виновность или невинность подозреваемого в уголовном процессе, отсутствие события или его наличия, в уголовном.

А. Д. Ишкова утверждала, что прямые доказательства непосредственно связаны с фактом преступления, в отличие от косвенных, которые лишь косвенно намекают на произошедшее [2, с.92-96].

Однако, Ю. А. Курочкина высказывалась критически по поводу такого разделения, указывая на риски, когда обилие прямых доказательств не ведет к определенности в оценке вины [3, с.65-72].

В контексте классификации доказательств также выделяют личные и вещественные. Под личными понимается информация, полученная от лиц, обладающих возможностью восприятия и передачи данных, важных для дела.

С. В. Курылев ввел термин «смешанные доказательства», объединяющие характеристики обоих видов, примером чему служат экспертные заключения или результаты опознаний [4, с.203].

А. А. Куулар обращал внимание на различие между первоначальными и производными доказательствами, где первые исходят непосредственно от источника, а вторые — это производные, такие как копии или пересказы [5, с.16-21].

Доказательства в состязательном процессе также могут быть разделены на те, которые представляют сторона обвинения и защиты. Согласно статье 305 УПК РФ, доказательства, приведенные защитой, могут лежать в основе оправдательного вердикта, тогда как доказательства обвинения могут вести к обвинительному приговору.

М. А. Сороколетова подчеркивала, что главной проблемой является дисбаланс в доступе к доказательствам между сторонами, причем у защиты часто меньше возможностей для их сбора [2, с.92-96].

Специфика отдельных категорий доказательств, таких как экспертные заключения, которые можно отнести как к письменным, так и к личным доказательствам, усложняет процесс их классификации. Подобные сложности возникают и при анализе следственных экспериментов, результаты которых могут сочетать элементы вещественных доказательств и показаний свидетелей.

Особую сложность, в плане их отнесения к какому-либо виду, продолжают представлять электронные доказательства, что вызывает оправданную озабоченность правоприменителей, так как количество доказательств, получаемых в цифровом виде, только возрастает.

Цифровая среда в Российской Федерации, как и во всем мире, порождает значительные сложности в сфере защиты интеллектуальных прав, в частности, при установлении и подтверждении авторства цифрового контента.

Несмотря на наличие законодательной базы, авторы сталкиваются с рядом правовых и технических проблем, затрудняющих эффективную реализацию их прав в гражданском судопроизводстве. Проблема заключается в специфике доказывания факта авторства и нарушения исключительных прав в цифровом пространстве. В условиях стремительного развития цифровых технологий особую актуальность приобретает проблема доказывания временного приоритета создания произведения. Современное судопроизводство сталкивается с уникальными процессуальными сложностями при установлении момента создания цифрового контента, что обусловлено спецификой его природы и особенностями распространения в информационном пространстве.

Российское законодательство не содержит единого определения «электронного доказательства», но различные нормативные акты регулируют их использование в судебном процессе. Основные положения содержатся в процессуальных кодексах:

1. В Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 55) и Арбитражном процессуальном кодексе РФ (ст. 64) признают доказательствами любые сведения, полученные законным способом, включая электронные документы. Статьи 77 ГПК РФ и 75 АПК РФ конкретизируют порядок работы с письменными доказательствами, к которым относятся и электронные.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 74, 84) допускает использование электронных данных в уголовном процессе, хотя и не содержит специальных норм о них.

3. Федеральные законы:

- Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет понятия электронного документа и подписи¹.

- Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об электронной подписи» регулирует использование электронной подписи².

- Основы законодательства о нотариате (ст. 102) предусматривают нотариальное обеспечение электронных доказательств³.

Для придания юридической силы электронным доказательствам требуется их надлежащая фиксация. Наиболее надежным способом является нотариальное обеспечение, которое:

- освобождает от необходимости дополнительного доказывания (ст. 61 ГПК, 69 АПК)
- создает презумпцию достоверности

¹ Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.

² Собрание законодательства РФ, 11.04.2011, N 15, ст. 2036.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) // Российская газета, № 49, 13.03.1993.

- защищает от оспаривания противоположной стороной

Обычные распечатки интернет-страниц или электронной переписки часто признаются недостаточными, так как не гарантируют соответствия оригиналу на определенную дату.

В контексте данного исследования рассматриваются следующие виды электронных доказательств: скриншоты, метаданные, хеш-суммы, электронная переписка (email, мессенджеры) и видеозаписи.

Изученные материалы прямо указывают, что скриншоты электронной переписки не являются объектом исследования для подтверждения факта наличия такой переписки. Имея только скриншоты, возможно лишь провести исследование на предмет выявления признаков внесения изменений в сам скриншот. Проблема скриншотов заключается в том, что их легко подделать или изменить с помощью графических редакторов. Дата и время создания скриншота также могут быть изменены на компьютере пользователя [6, с.28-33].

Основная проблема с подлинностью электронной переписки (e-mail, мессенджеры) заключается в легкости ее фальсификации. Визуальный анализ реквизитов электронного сообщения (отправитель, получатель, тема, время, содержание) на бумажном носителе не позволяет достоверно установить отсутствие изменений, внесенных при отправке, на сервере получателя или до момента распечатки.

Метаданные могут быть полезны для установления происхождения и подлинности электронных документов, фотографий и других файлов. Однако, метаданные также могут быть изменены или удалены, что снижает их надежность в качестве доказательства [7, с.8-10].

Хеш-сумма – это уникальное значение, вычисленное на основе содержимого файла или другого блока данных с использованием специального алгоритма (например, MD5, SHA-1, SHA-256). Хеш-сумма позволяет проверить целостность данных: если содержимое файла было изменено, то хеш-сумма также изменится. Хеш-суммы широко используются для проверки подлинности программного обеспечения и других электронных файлов. Однако, столкновения хеш-функций (когда разные файлы имеют одинаковые хеш-суммы) теоретически возможны, хотя и маловероятны для современных алгоритмов [8, с.24-26].

Допустимость электронных доказательств в суде РФ на сегодняшний момент, согласно изученным источникам, в значительной степени зависит от способа их фиксации и проверки подлинности. Простые распечатки, как правило, не принимаются. Нотариально заверенные протоколы осмотра (особенно выполненные с привлечением эксперта или через специализированные сервисы, обеспечивающие надлежащую процедуру фиксации) имеют высокий статус и принимаются судами.

Экспертное заключение, оформленное по ФЗ № 73-ФЗ и подтверждающее отсутствие признаков фальсификации после всестороннего анализа исходных данных (серверов, устройств, логов, заголовков, метаданных), проводимого в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы (включая ее соответствующие виды: аппаратно-компьютерную, программно-компьютерную, информационно-компьютерную, компьютерно-сетевую, телематическую), является определяющим.

Физические и юридические лица сталкиваются со значительными сложностями при оценке электронных доказательств, требующих особых способов фиксации и проверки подлинности. Наиболее надежными механизмами доказывания остаются нотариально заверенные протоколы осмотра и судебные экспертизы, тогда как обычные скриншоты и распечатки не обеспечивают необходимой достоверности.

Список литературы:

1. Горский, Д.П. Краткий словарь по логике: словарь / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров; ред. Д. П. Горский. - Москва: Просвещение, 1991. - 208 с. ISBN: 5-09-001060-9 EDN: TJMMYD
2. Сороколетова, М. А., Ишкова, А. Д. Проблемы классификации судебных доказательств в гражданском процессе / М. А. Сороколетова, А. Д. Ишкова // Вестник Белгородского государственного университета. - 2021. - № 10. - С. 92-96.
3. Курочкина, Ю. А. Проблематика классификации доказательств в уголовном процессе / Ю. А. Курочкина // Вестник Елецкого государственного университета. - 2022. - № 9. - С. 65-72.
4. Курылев, С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. - Минск: Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1969. - 203 с.
5. Куулар, А. А. Проблема классификации доказательств / А. А. Куулар // Международный научный журнал "Вестник науки". - 2020. - № 6 (6). - С. 16-21.
6. Софронова, А. А. Скриншот как доказательство в гражданском и арбитражном процессе / А. А. Софронова. - Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы LXVII Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2023 г.). - Казань: Молодой ученый, 2023. - С. 28-33. EDN: DUGKBV
7. Макаров, К. С. Интеллектуальная система выявления фейков на фотографии / К. С. Макаров, П. В. Яковлев. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2023. - № 51 (498). - С. 8-10. EDN: MBGTQM
8. Глухов, Д. А. Выбор метода защиты информации на магистральном участке распределенной сети передачи данных с учетом требований федеральных законов / Д. А. Глухов, А. В. Тримайлов, М. С. Ишелина. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2021. - № 20 (362). - С. 24-26. EDN: BYKCJY

References:

1. Gorsky, Dmitry Pavlovich. A Concise Dictionary of Logic : Dictionary / D. P. Gorsky, A. A. Ivin, A. L. Nikiforov ; edited by D. P. Gorsky. - Moscow : Prosveshchenie, 1991. - 208 p.
2. Sorokoletova, M. A., Ishkova, A. D. Problems of Classification of Judicial Evidence in Civil Procedure / M. A. Sorokoletova, A. D. Ishkova // Bulletin of Belgorod State University. - 2021. - No. 10. - Pp. 92-96.
3. Kurochkina, Yu. A. The Problem of Classification of Evidence in Criminal Procedure / Yu. A. Kurochkina // Bulletin of Yelets State University. - 2022. - No. 9. - Pp. 65-72.
4. Kurylev, S.V. Fundamentals of the Theory of Proof in Soviet Justice / S.V. Kurylev. - Minsk: Publishing House of BSU named after V.I. Lenin, 1969. - 203 p.
5. Kuular, A. A. The Problem of Classification of Evidence / A. A. Kuular // International Scientific Journal "Vestnik Nauki". - 2020. - No. 6 (6). - Pp. 16-21.
6. Sofronova, A. A. Screenshot as Evidence in Civil and Arbitration Proceedings / A. A. Sofronova. - Text : direct // Research of Young Scientists : Materials of the LXVII International Scientific Conference (Kazan, October 2023). - Kazan : Young Scientist, 2023. - Pp. 28-33.
7. Makarov, K. S. An Intelligent System for Detecting Fake Photos / K. S. Makarov, P. V. Yakovlev. - Text: direct // Young Scientist. - 2023. - No. 51 (498). - Pp. 8-10.
8. Glukhov, D. A. Selection of the method of information protection on the main section of the distributed data transmission network, taking into account the requirements of federal laws / D. A. Glukhov, A. V. Trimaïlov, M. S. Ishelina. - Text: direct // Young Scientist. - 2021. - No. 20 (362). - Pp. 24-26.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_52

УДК 340.13

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ LEGAL COMMUNICATION IMPLEMENTATION PROBLEMS

СМИРНОВ Игорь Алексеевич,

помощник адвоката, магистрант юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
60000, Россия, г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87.
E-mail: igor20smirn@gmail.com;

ШУМОВ Петр Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права факультета права и управления
Владимирского юридического института ФСИН России,
доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: pshumov@gmail.com;

SMIRNOV Igor A.,

paralegal, master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation.
E-mail: pitschushkin@mail.ru;

SHUMOV Petr V.,

Head of the Department of Theory and History of State and Law of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
associate professor of the Department of Civil Law and Process of Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, candidate of law, associate professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russia, 600020.
E-mail: pshumov@gmail.com

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемы правовой коммуникации. Осуществлена попытка выделить и классифицировать существующие проблемы взаимодействия между профессиональными и непрофессиональными участниками правового взаимодействия: судьями, прокурорами, представителями, участниками судопроизводства, обвиняемыми, подозреваемыми, осужденными.

Abstract. The article examines the problems of legal communication. An attempt is made to identify and classify existing problems of interaction between professional and non-professional participants in legal interaction: judges, prosecutors, representatives, participants in legal proceedings, accused, suspects, convicts.

Ключевые слова: коммуникативная теория права, правовая коммуникация, судопроизводство, исполнение судебных решений, исполнение наказаний, уголовно-исполнительное право.

Keywords: communicative theory of law, legal communication, legal proceedings, execution of court decisions, execution of punishments, criminal-executive law.

Для цитирования: Смирнов И.А., Шумов П.В. Проблемы осуществления правовой коммуникации // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 52-55. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_52.

For citation: Smirnov I.A., Shumov P.V. Legal communication implementation problems // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 52-55. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_52.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2025
Дата публикации: 31.07.2025

Коммуникация в судопроизводстве (или судебная коммуникация) является разновидностью правовой коммуникации. В свою очередь, понятие «правовая коммуникация» в российской правовой науке связано с возникновением и развитием коммуникативной теории права, одним из основоположников которой является А.В. Поляков. Согласно данной теории, в основе феномена права лежат коммуникативные связи [1, С. 75]. Правовая коммуникация возникает в виде процесса взаимодействия определенных субъектов, деятельность которых связана с обменом правовой информацией и ее социальной интерпретацией.

Самим А.В. Поляковым отмечается, что понятие правовой коммуникации является достаточно загадочным и непонятным явлением для современной российской правовой науки [2, С. 28]. Данная проблема объясняется использованием исследователями рационального подхода науки, который был присущ науке 19 века. В связи с этим, на данный момент отсутствует понятие правовой коммуникации, которое бы полностью затрагивало все признаки данного явления и являлось исчерпывающим.

Аккумулировав существующие мнения, было выработано следующее определение, которое будет использоваться в рамках данной работы: «Правовая коммуникация – это целенаправленная передача информации между субъектами права, происходящая путем общения или через текстовые символы, основанная на источниках права и выражающаяся в реализации прав и выполнении обязанностей».

Соответственно, под коммуникацией в судопроизводстве (или судебной коммуникацией) в самом общем виде понимается взаимодействие между судом и участниками процесса или между участниками процесса, урегулированное нормами и принципами права.

Исследователями отмечается, что процессуальное право способно регулировать судебную коммуникацию [3, С. 51]. В рамках данного исследования представляет интерес анализ проблем в осуществлении судебной коммуникации между участниками процесса. Это объясняется большим влиянием судебной коммуникации на качество рассмотрения дела судом. Так как именно полное и всестороннее рассмотрение дела, а

также принятие справедливого решения судом возможно только при успешном осуществлении судебной коммуникации.

Несмотря на то, что наибольшие трудности при осуществлении коммуникации, как правило, испытывают, так называемые, «непрофессиональные» участники процесса, ошибки так же совершаются и профессиональными участниками процесса.

Следует отметить, что правовое регулирование судебной коммуникации в процессуальных кодексах Российской Федерации на данный момент является не полным. Особенно острой является проблема отсутствия подробного регулирования судебной коммуникации, которая осуществляется путем общения. Например, данному виду судебной коммуникации посвящены лишь отдельные статьи главы 15 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которые не объясняют подробно участнику процесса, каким образом взаимодействовать с другими участниками.

Данный факт можно объяснить тем, что коммуникация в судопроизводстве в большинстве своем регулируется не на уровне правовых, а на уровне корпоративных норм юридического сообщества (см. например Кодекс судейской этики, Кодекс профессиональной этики адвоката).

Поэтому самым низким уровнем судебной коммуникации обладают лица, не имеющие юридического образования.

Характер коммуникации у непрофессионального участника процесса напрямую связан с принадлежностью участника судопроизводства к определенной социальной группе. Особо выделяются в данном случае судебные заседания между родственниками.

В связи с этим, из-за отсутствия знаний норм материального и процессуального права, а также корпоративных норм юридического сообщества, сторона заявляет заведомо несостоятельные требования в суд.

Проблемы правовой коммуникации между профессиональными (судьи, адвокаты, прокуроры, сотрудники уголовно-исполнительной системы и др.) и непрофессиональными участниками правового взаимодействия (обвиняемые, подозреваемые, осужденные, потерпевшие, гражданские истцы/ответчики) в суде и в системе исполнения наказаний можно классифицировать по следующим основным категориям:

Языковая проблема характеризуется следующим:

Правовые нормы и процедуры выражаются на специфическом юридическом языке, недоступном для большинства непрофессионалов.

Проявления:

- Использование сложных терминов, аббревиатур, формализованной лексики.
- Непонимание сути обвинений, судебных решений или инструкций.
- Осужденные не понимают свои права и обязанности в условиях отбывания наказания.

Результат:

Нарушение принципа справедливого суда, ухудшение реализации прав на защиту, снижение доверия к правовой системе.

Психологическая проблема может быть выражена как состояние стресса, страха, тревоги, подавленности у непрофессиональных участников из-за контакта с системой государственного принуждения.

Проявления:

- Затруднение в восприятии информации из-за эмоционального напряжения.
- Страх перед представителями власти (судья, начальник колонии).
- Отказ от диалога или пассивность.

Результат:

Невозможность эффективно реализовать свои права, ошибочные признания, неправильное поведение в суде или в местах лишения свободы.

Культурно-образовательная проблема возникает из-за различий уровней образования, культурного кругозора и правосознания между профессионалами и непрофессионалами.

Проявления:

- Низкий уровень правовой грамотности среди населения.
- Отсутствие понимания процедурных норм и правил поведения.
- Культурные различия (например, мигранты, представители коренных народов).

Результат:

Неэффективная защита, недопонимание целей и задач правовых процедур, конфликты.

Институционально-структурная проблема возникает из-за организационных особенностей правовой системы, затрудняющих доступ к информации и взаимодействию.

Проявления:

- Формальный подход к общению с осужденными или обвиняемыми.
- Отказ от предоставления разъяснений, "бюрократический язык" в документах.
- Ограниченный доступ к юридической помощи.

Результат:

Падение уровня защиты, нарушения прав, рост числа жалоб и апелляций.

Этические проблемы характеризуются нарушением этических норм общения со стороны профессионалов (пренебрежение, притеснение, предвзятое отношение).

Проявления:

- Проявление дискриминации, унижения достоинства.
- Несоблюдение уважения к личности осужденного или обвиняемого.

Результат:

Демонстрация недоверия к системе, рост напряженности, возможны конфликты и правонарушения со стороны непрофессионалов.

Приведем примеры вышеуказанных проблем с целью предложить возможные пути их решения.

Например, как следует из решения Хорошевского районного суда г. Москвы от 17 октября 2023 г. по делу N 02-4395/2023, истец обратилась с требованиями о разделе совместно нажитого имущества и истребовании имущества из чужого незаконного владения одежды, обуви, сумки, средств личной гигиены, iPhone и собаки к свекрови и свекру. В обоснование своих требований истец ссылалась на обстоятельства, которые заведомо не относились к обстоятельствам дела. На это справедливо обратил внимание суд, указав, что истцом не было представлено каких-либо доказательств – в связи с чем, правомерно отказал в удовлетворении заявленных требований.

Кроме этого, отсутствием способностей к успешной коммуникации обладают так же участники антисоциальных групп. Так, из решения Псковского городского суда Псковской области от 26 февраля 2020 г. по делу N 2а-659/2020 следует, что в качестве доводов ответчиком было обращено внимание суда на то, что он является гражданином СССР, в связи с чем, не обязан подчиняться законам Российской Федерации. Судом было удовлетворено требование истца.

В качестве заключительного примера осуществления судебной коммуникации непрофессиональным участником процесса можно привести Определение судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 октября 2024 г. по делу N 8Г-21937/2024[88-24135/2024]. Гражданином была подана кассационная жалоба, в которой в качестве оснований для отмены решений, принятых судом первой и апелляционной инстанций, указывалось на заговор, наличие умышленно надуманной записи про поручение губернатора. Иначе говоря, заявитель кассационной жалобы представил заведомо несостоятельные доводы, которые априори не смогли бы привести к успешной коммуникации между истцом и судом.

Таким образом, для непрофессиональных участников процесса характерны ошибки, заключающиеся в отсутствии знания норм материального и процессуального права. В связи с чем, данная категория участников испытывает проблемы с характером предъявления требований, способом взаимодействия с судом, а также со способами защиты нарушенного права и при формировании позиции по спору. Данные ошибки существенно влияют на работу суда и увеличивают количество и сроки рассмотрения дел. Что существенно сказывается на нагрузке работников аппарата суда. В связи с чем, данные ошибки, на наш взгляд, являются существенными.

Увеличение нагрузки на судей непосредственно влияет и на их уровень судебной коммуникации. Несмотря на наличие положений кодекса судейской этики, статус судьи не является гарантией высокого уровня воспитания и навыков коммуникации.

Так, судья Славянского районного суда Краснодарского края в рамках рассмотрения гражданского дела отказала адвокату в участии в судебном заседании из-за отсутствия в нотариальной доверенности печати и подписи нотариуса [12]. После окончания процесса судья подошла к адвокату в присутствии пристава и выхватила у адвоката папку с документами, забрала оттуда доверенность и ушла к себе в кабинет. Данные действия сопровождалась криками и грубыми высказываниями в адрес адвоката. Кроме этого, и ранее, на судью поступило 40 обращений и жалоб на грубое и неэтичное поведение во время процесса, а также недоброжелательное и высокомерное отношение к участникам процесса, создание конфликтных ситуаций и допущение некорректных формулировок. За данные действия квалификационная коллегия привлекла судью к дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

В качестве другого примера можно привести поведение судьи Тейковского районного суда Ивановской области, которая, как следует из аудиозаписи судебного заседания, во время процесса судья была недовольна тем, что ей приходилось учитывать плохое состояние слуха у истицы, кроме того, эмоционально реагировала на неспособность истицы обосновать заявленные требования, а также проявляла нетерпение из-за перспективы длительного рассмотрения спора [12].

Данное поведение судьи стало поводом к вызову скорой помощи. За данные действия судья получила предупреждение.

Некорректное поведение в процессе можно встретить не только со стороны суда, но и со стороны профессионального представителя. Что и случилось с адвокатом К., который Советом Адвокатской палаты города Москвы был наказан предупреждением [10].

Так, во время процесса в Арбитражном суде адвокат допустил неподобающие высказывания в отношении своего коллеги. При вынесении решения Совет Адвокатской палаты указал, что адвокат не вправе в процессе судебного разбирательства допускать высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников процесса, даже в случае их нетактичного поведения.

Профессиональные представители при осуществлении коммуникации могут проявить неуважение не только к своим коллегам, но и к суду.

Например, Арбитражным судом Московского округа из аудиозаписи судебного заседания было установлено, что представитель в ходе судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции нарушал порядок в судебном заседании, допуская высказывания в отношении личности председательствующего судьи, а также вступал в пререкания с судом. За данную коммуникацию суд наложил на представителя судебный штраф [8].

Таким образом, профессиональные участники процесса так же совершают ошибки при осуществлении судебной коммуникации. Однако отличается характер данных ошибок. Проблемы коммуникации у профессиональных участников процесса связаны в первую очередь с их пси-

хологическим состоянием. Данный факт объясняется большим количеством нагрузки, которая выпадает на юристов, а также сложностью их трудовой деятельности – при этом, такое количество нагрузки создают непрофессиональные участники процесса.

В качестве повышения уровня коммуникации для профессионального участника процесса необходимо лишь постараться проанализировать коммуникативную ситуацию – изучить, кто является сторонами дела, проработать способы коммуникации с ними, а также учесть особенности своего характера. Условия данных рекомендаций выполнимы для любого профессионального участника.

Тогда как для непрофессионального участника необходимо изучение правовой базы, корпоративных норм юридического сообщества – что требует значительных затрат для такого участника и делает выполнение данных рекомендаций маловероятным. Тем не менее, на данный момент участие непрофессионального участника практически никак не ограничено процессуальным законодательством (за исключением отдельных положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

По нашему мнению, в качестве устранения или сокращения количества возникающих проблем при осуществлении судебной коммуникации необходима реализация следующих предложений:

1. Закрепить в процессуальных кодексах Российской Федерации положение, которое закрепит право участия в судебном заседании исключительно у лица, обладающего высшим юридическим образованием. Лицо, не обладающее высшим юридическим образованием, сможет принять участие в судебном заседании только при участии с его стороны профессионального представителя. Данное положение должно снизить количество дел, предметом которых являются необоснованные требования – соответственно, снизить нагрузку для работников аппарата суда. Снижение количества дел, в свою очередь, должно привести к повышению уровня коммуникации у профессиональных представителей (по причинам, которые были изложены выше в данном исследовании).

2. В целях дальнейшего развития института судебной коммуникации, российскому законодателю необходимо обратить особое внимание на ее важность и официально закрепить право быть заслушанным в суде. Кроме этого, является целесообразным расширить положения процессуальных кодексов, которые бы подробнее регулировали структуру выступления стороны и задачи суда, которые он должен выполнить для достижения успешной коммуникации. Это позволит улучшить коммуникативную компетентность суда и участников процесса, являющейся одним из основных факторов, влияющих на достижение целей и задач судопроизводства и, в конечном счете, эффективность процесса.

Список литературы:

1. Денильханов А.Х., Муратшина Ю. Р. Правовая коммуникация и право на коммуникацию / Денильханов А.Х., Муратшина Ю. Р. // Ценности и смыслы. - 2020. - №5. - С. 74-92;. DOI: 10.24411/2071-6427-2020-10046 EDN: LEHKES
2. Поляков, А.В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. - 2011. - № 5. - С. 27-45. EDN: OZCEBN
3. Сухорукова О.А. Судебная коммуникация как предмет правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2023. - №10 (110). - С. 47-54;. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.047-054 EDN: HMRTKN
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 09 марта 2015 г., N 10, ст. 1391.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18 ноября 2002 г., N 46, ст. 4532.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29 июля 2002 г., N 30, ст. 3012.
7. Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 октября 2024 г. по делу N 8Г-21937/2024[88-24135/2024] // СПС "КонсультантПлюс".
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.02.2018 по делу № А40-212403/2017 // СПС "КонсультантПлюс".
9. Решение Псковского городского суда Псковской области от 26 февраля 2020 г. по делу N 2а-659/2020 URL: <https://sudact.ru>.
10. Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 01.08.2024 // URL: <https://advokatymoscow.ru>.
11. Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 17 октября 2023 г. по делу N 02-4395/2023// URL: <https://sudact.ru>.
12. Интернет-издание "Право.ru", URL: <https://pravo.ru/story/209399/>.

References:

1. Denilkhonov A.Kh., Muratshina Yu.R. Legal communication and the right to communication / Denilkhonov A.Kh., Muratshina Yu.R. // Values and meanings. - 2020. - No. 5. - pp. 74-92;
2. Polyakov, A.V. The normativity of legal communication // Jurisprudence. - 2011. - No. 5. - pp. 27-45;
3. Sukhorukova O.A. Judicial communication as a subject of legal regulation // Bulletin of the O. E. Kutafin University. - 2023. - №10 (110). - Pp. 47-54;
4. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 N 21-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation, March 09, 2015, N 10, art. 1391;
5. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 11/14/2002 N 138-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation, November 18, 2002, N 46, art. 4532;
6. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 29, 2002, No. 30, art. 3012;
7. Ruling of the IC on civil cases of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated October 10, 2024 in case No. 8G-21937/2024[88-24135/2024] // SPS ConsultantPlus;
8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 02/15/2018 in case no. A40-212403/2017 // SPS "ConsultantPlus";
9. Decision of the Pskov City Court of the Pskov region dated February 26, 2020 in case No. 2a-659/2020 URL: <https://sudact.ru>
10. Decision of the Council of the Moscow City Bar Association dated 08/01/2024 // URL: <https://advokatymoscow.ru> .
11. The decision of the Khoroshevsky District Court of Moscow dated October 17, 2023 in case N 02-4395/2023// URL: <https://sudact.ru>
12. Online publication "Pravo.ru", URL: <https://pravo.ru/story/209399/> .

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_56

УДК 349.41

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ CURRENT ISSUES OF RATIONAL USE OF LAND RESOURCES THROUGH THE USE OF ELECTRONIC AND DIGITAL TECHNOLOGIES

ЛЕТЯГИНА Екатерина Александровна,кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Красноярского государственного аграрного университета.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.

E-mail: let_k@mail.ru;

LETYAGINA Ekaterina Aleksandrovna,Candidate of Law, associate Professor, department of Civil Law and Process, Law Institute
Krasnoyarsk state agrarian University, Krasnoyarsk.
90 Mira Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660049.

Email: let_k@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются вопросы перспектив использования электронно-цифровых технологий в системе управления земельными ресурсами. Обозначается, что обучаемые нейросети, такие как сверточные и рекуррентные могут успешно использоваться в системах и реестрах о земельных ресурсах, и, в частности, в Едином государственном реестре недвижимости, поскольку обученная нейросеть способна осуществить проверку всех реестровых записей о каждом внесенном объекте недвижимости, выявить отсутствие необходимых сведений о них, дублирующую информацию, обозначить ситуации пересечения границ ЗУ и многое другое. Большой потенциал нейросетей раскрывается и в землеустройстве. Так, нейросети могут не только анализировать и синхронизировать сведения, но и осуществлять их классификацию, иерархическое построение, что в конечном итоге позволит четко в соответствии с правовыми предписаниями осуществить подготовку любой землеустроительной документации. Также использование нейросетей позволит опосредованно оптимизировать правовое регулирование земельной сферы, исключить излишний бюрократизм, избыточное администрирование, а также сбалансировать временные затраты субъектов-участников земельно-имущественных отношений. Соответственно, применение обучаемых нейросетей в управленческой деятельности по земельно-имущественным отношениям позволит сделать эту деятельность и эффективной, и результативной, что будет способствовать надлежащему использованию тех земельных ресурсов, которые имеются у нашего государства, а это, в свою очередь, приведет к росту экономического благосостояния как страны в целом, так и отдельных взятых субъектов земельных правоотношений.

Abstract: The article examines the prospects of using electronic and digital technologies in the land management system. It is indicated that trained neural networks, such as convolutional and recurrent, can be successfully used in systems and registers of land resources, and, in particular, in the Unified State Register of Real Estate, since the trained neural network is able to verify all registry entries about each entered real estate object, identify the lack of necessary information about them, duplicate information, identify situations, border crossings and much more. The great potential of neural networks is also revealed in land management. Thus, neural networks can not only analyze and synchronize information, but also carry out their classification and hierarchical construction, which ultimately will allow for the preparation of any land management documentation in accordance with legal regulations. Their use will indirectly optimize the legal regulation of the land sector, eliminate excessive bureaucracy, excessive administration, and balance the time costs of subjects participating in land and property relations. Accordingly, the use of trained neural networks in the management of land and property relations will make this activity both effective and efficient, which will contribute to the proper use of the land resources available to our state, and this, in turn, will lead to an increase in the economic well-being of both the country as a whole and individual subjects. land legal relations.

Ключевые слова: земля, управление земельными ресурсами, электронно-цифровые технологии, нейросети, ЕГРН, землеустройство, картография, рациональное использование земельных ресурсов.

Key words: land, land resources management, electronic digital technologies, neural networks, EGRN, land management, cartography, rational use of land resources.

Для цитирования: Летягина Е.А. Актуальные вопросы рационального использования земельных ресурсов посредством применения электронно-цифровых технологий // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 56-59. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_56.

For citation: Letyagina E.A. Current issues of rational use of land resources through the use of electronic and digital technologies // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 56-59. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_56.

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025**Дата публикации: 31.07.2025**

Рациональное использование земельных ресурсов в Российской Федерации – это, пожалуй, один из самых важных компонентов государственной земельной политики, от которого зависит, в том числе, и экономическое благополучие нашей страны, поскольку земля остается важным источником различных ресурсов, продуктов питания и основой жизнедеятельности общества.

Земельные ресурсы по своей сути позволяют осуществлять процесс поступательного развития всего государства за счет их правильного, эффективного и результативного использования. Земля – это также и составная часть нашей среды обитания, и, соответственно, бережное и правильное ее применение, позволит сохранить благоприятные условия жизни граждан РФ.

В этой связи также возникает вопрос об оптимальных правилах и способах оборота земельных участков (далее – ЗУ), правовом регулировании данных вопросов.

Именно по этой причине исследование вопросов рационального использования земельных ресурсов посредством применения электронно-цифровых технологий представляется достаточно актуальным.

Таким образом, основной целью данной научной статьи выступает анализ возможностей применения электронно-цифровых техноло-

гий для оптимизации процессов рационального использования земельных ресурсов.

Новизна исследования заключается в определении приоритетных направлений развития управления земельными ресурсами с использованием современных электронно-цифровых возможностей.

Также обозначим, что анализ соответствующих вопросов имеет теоретическую значимость, так как дополняет объем доктринальных исследований по данной тематике.

В практическом плане работа может быть использована в деятельности различных организаций, учреждений при внедрении и апробации определенных электронно-цифровых ресурсов, а также в нормотворческой деятельности, регулирующей электронно-цифровые отношения в сфере земляных отношений.

С учетом актуальности темы исследования обозначим, что ученые-правоведы активно разрабатывают данную тематику в своих работах, однако динамизм этих процессов не позволяет завершить их исследование окончательно. Среди работ по данному вопросу отметим следующие: работу Еремина С.Г. о развитии экономико-правовых инструментов повышения эффективности управления земельными ресурсами [1], Сизова А.П. о локальном мониторинге земель в регионе как инструменте управления земельными ресурсами и сохранения средоформирующего потенциала территории [2], Галиновской Е.А. о правовом аспекте роли землеустройства в государственном управлении земельными ресурсами Российской Федерации [3], Алакоз В.В. о путях и способах совершенствования управления земельными ресурсами [4], Лазаревой О.С. о структуре и принципах государственного и муниципального управления земельными ресурсами [5], Чекомазовой А.А. о мониторинге использования земель как инструмента управления земельными ресурсами [6], Королевой С.Ю. о правовых основах управления земельными ресурсами Российской Федерации в современных условиях [7], Синицы Ю.С. об обзоре международных практик цифровизации управления земельными ресурсами [8], Зорина А.В. о смене технологических укладов и её влияние на оценку и управление земельными ресурсами Российской Федерации [9], Комова Н.В. о совершенствовании механизма управления земельными ресурсами России [10]. Есть, конечно, также и другие исследования.

В текущем моменте необходимо понимать, какие функции и задачи может решить использование электронно-цифровых ресурсов и технологий в сфере правильного и оптимального использования земельных ресурсов. В этой связи отметим большие возможности, которыми обладает искусственный интеллект, в частности нейросеть. В действительности, если рассмотреть сущностное содержание, например, Единого государственного реестра недвижимости (далее - ЕГРН), то можно констатировать, что он представляет собой базу данных об объектах недвижимого имущества с определенными характеристиками, заданными параметрами как на бумажных носителях, так и в электронно-цифровом формате. По понятным причинам очевидно, что в ближайшем будущем произойдет полный переход только в электронно-цифровой формат с исключением бумажных носителей.

При этом записи в ЕГРН вносятся как на основании заявлений соответствующих субъектов права, так и централизованно на основании обращения определенных уполномоченных должностных лиц соответствующих органов (суда, следственных органов и т.п.). Вносимые записи с учетом различных обстоятельств и человеческого фактора могут противоречить друг другу, быть взаимоисключающими, однако не иметь статус выявленных и устраненных в последствии противоречий, что в целом и частном может существенным образом затруднить работу ЕГРН. В свою очередь обученная на определенной базе данных сверточная нейросеть способна осуществить в автоматическом режиме сверку и выявление противоречий в записях ЕГРН об объектах недвижимого имущества. Также такая сеть может соотносить вновь появляющиеся сведения, с уже имеющимися и давать оценку их сопоставимости. Конечно для такой деятельности нейросети потребуются эталонные данные и время на обучение.

Таким образом, обученная нейросеть способна осуществить проверку всех реестровых записей о каждом внесенном объекте недвижимости, выявить отсутствие необходимых сведений о них, дублирующую информацию, обозначить ситуации пересечения границ ЗУ и многое другое.

Кроме того, обозначим и еще один важный и значимый функционал нейросетей – это возможность обработки последовательных сведений, например, теста, речи, временных рядов и т.п. Такие нейросети именуются рекуррентными нейронными сетями (далее - RNN). В отличие от традиционных нейросетей, RNN обладают «памятью», что формирует возможность учитывать предыдущие составляющие последовательности при обработке текущего элемента. Также они позволяют дополнять сведения во входящий или последующий блоки с учетом временной хронологии. Эти сети активно могут применяться в деятельности по государственному управлению земельными ресурсами, которая представляет собой значительное количество мероприятий, направленных на мониторинг состояния земли, картографическую и геодезическую деятельность и др.

В этой связи RNN могут осуществлять автокорреляцию имеющихся резервов различных ресурсов, а также формировать прогноз состояния земли, оценивать потенциал ее использования и др.

Таким образом, RNN могут широко применяться для обработки большого массива сложных данных, обработка которых в ручным способом затруднительна и очень трудоёмка, что позволит принимать более оперативные и своевременные решения по управлению земельными ресурсами.

Отметим также, что большое значение использование нейросетей может иметь при осуществлении картографических работ различных территорий. В частности, функционал сверточных нейросетей позволяет восстановить недостающие сведения, в том числе за счет многократного увеличения имеющихся изображений ЗУ, улучшение их резкости с последующей точной идентификацией. Эти сведения могут быть не различимы человеком, а вот нейросеть обладает такими возможностями.

Кроме того, отметим также что текущая картографическая деятельность, конечно, также должна основываться на использовании электронно-цифровых методов фиксации и контроля, таких как дистанционное зондирование, ГИС-технологии и многое другое, что уже достаточно активно используется в текущем моменте. Все это в совокупности повысит точность и достоверность данных о ЗУ на всей территории РФ, а значит оптимизирует процессы управления.

Посредством использования потенциала нейросетей возможно оптимизировать и землеустроительную деятельность в масштабах РФ и отдельно взятого региона.

Отметим, что землеустройство представляет собой сложную совокупность юридических, геологических, геодезических, геоботанических работ, оформляемые в виде различных документов, в том числе и отчетов. Так, по результатам этой деятельности формируются генеральная схема землеустройства РФ, субъектов РФ и др.

Кроме того, к материалам землеустройства мы относим различные экспертные заключения, материалы обследования состояния земель и т.п.

Обработка всего этого массива документов и составление требуемой учетной документации достаточно длительный и трудоемкий процесс, который может быть оптимизирован нейросетью посредством автоматизированного заполнения шаблонов отчетов на основании прогруженных в электронно-цифровую среду сведений и данных. Также нейросеть способна синхронизировать («причесать») данные на основании заданных параметров даже с учетом ее нахождения в различных структурах и организациях.

Таким образом, нейросеть в землеустройстве может не только анализировать и синхронизировать сведения, но и осуществлять их классификацию, иерархическое построение, что в конечном итоге позволит четко в соответствии с правовыми предписаниями осуществить подготовку любой землеустроительной документации.

Но не только технические вопросы деятельности в области рационального использования земель способны решить нейросети, поскольку неточности и противоречия содержатся и в нормативных правовых актах, регулирующих эту деятельность. Также по отдельным сферам правового регулирования можно отметить избыточность имеющихся документов и предписаний, а также их дублирование, что формирует излишнее административное давление на субъекты земельных отношений.

Такие процессы косвенно сдерживают модернизацию и обновление технологий и процедур в земельных отношениях, затрудняя и их экономическое развитие за счет существенного снижения уровня конкуренции хозяйствующих лиц, осуществляющих деятельность в земельной и градостроительной сфере.

Кроме того, излишнее администрирование затрудняет возможность принятия актуальных своевременных оперативных решений, так как требует значительного количества согласований с различными инстанциями, что влияет на конечную стоимость соответствующих работ по ЗУ.

Для решения этих проблем нейросети могут предоставить инструментальные возможности посредством автоматизации различных процедур и исключения субъектов уполномоченных органов из процесса их одобрения, оценки и т.п. Это снизит и затраты временного характера субъектов-участников.

Также обученные нейросети смогут определить эффективный и результативный уровень административного регулирования рационального использования земельных ресурсов посредством аналитической обработки действующих нормативных правовых документов, в том числе и на предмет их противоречивости и конкуренции между собой.

Подводя итог перспективам применения современных электронно-цифровых технологий в управлении земельными ресурсами, отметим, что различные разновидности нейросетей имеют достаточно широкий функциональный потенциал для их использования в регулировании и охране земельных отношений. При этом можно использовать как сверточные, так и рекуррентные нейросети.

Их применение позволит опосредованно оптимизировать правовое регулирование земельной сферы, исключит излишний бюрократизм, избыточное администрирование, а также сбалансирует временные затраты субъектов-участников земельно-имущественных отношений.

Кроме того, существенным образом возрастет качество и достоверность различной информации и параметров характеристик о ЗУ за счет устранения человеческого фактора при обработке тех или иных сведений в государственных реестрах и системах.

Обозначим и большие возможности нейросетей в выявлении несоответствий и ошибок в различных информационных ресурсах о земле.

Таким образом, использование обучаемых нейросетей в управленческой деятельности в земельно-имущественных отношениях позволит сделать эту деятельность и эффективной, и результативной, что будет способствовать надлежащему использованию тех земельных ресурсов, которые имеются у нашего государства, а это, в свою очередь, приведет к росту экономического благосостояния как страны в целом, так и отдельно взятых субъектов земельных правоотношений.

Список литературы:

1. Еремин, С.Г. Развитие экономико-правовых инструментов повышения эффективности управления земельными ресурсами / С.Г. Еремин // Вопросы российского и международного права. - 2022. - Т. 12, № 10-1. - С. 116-124. DOI: 10.34670/AR.2022.30.95.017 EDN: DXDOPU
2. Сизов, А.П. Локальный мониторинг земель в регионе как инструмент управления земельными ресурсами и сохранения средо-формирующего потенциала территории / А.П. Сизов // Использование и охрана природных ресурсов в России. - 2021. - № 4(168). - С. 43-49. EDN: HJHNDP
3. Галиновская, Е.А. Роль землеустройства в государственном управлении земельными ресурсами Российской Федерации: правовая аспекты / Е.А. Галиновская // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2023. - № 11(266). - С. 54-68. EDN: XUNNGY

4. Алакоз, В.В. Пути и способы совершенствования управления земельными ресурсами / В.В. Алакоз // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. - 2023. - № 4. - С. 193. EDN: OIATIM
5. Лазарева, О.С. Государственное и муниципальное управление земельными ресурсами: организационная структура и принципы управления / О.С. Лазарева // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. - 2022. - № 1(28). - С. 75-81. DOI: 10.46573/2409-1391-2022-1-75-81 EDN: QZHAPD
6. Чекомазова, А.А. Мониторинг использования земель как инструмент управления земельными ресурсами / А.А. Чекомазова // Молодежная наука - развитию агропромышленного комплекса: материалы IV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Курск, 15 ноября 2023 года. - Курск: Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова, 2024. - С. 256-261. EDN: QVAZCS
7. Королев, С.Ю. Правовые основы управления земельными ресурсами Российской Федерации в современных условиях / С.Ю. Королев // Правовая политика и правовая жизнь. - 2024. - № 1. - С. 65-73. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-1-65-73 EDN: YHUMVE
8. Сеница, Ю.С. Цифровизация управления земельными ресурсами (обзор международных практик) / Ю.С. Сеница, А.А. Рассказова // Актуальные проблемы землеустройства, кадастра и природообустройства: Материалы V международной научно-практической конференции факультета землеустройства и кадастров ВГАУ, Воронеж, 28 апреля 2023 года. - Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2023. - С. 485-491. EDN: WTOMQX
9. Зорин, А.В. Смена технологических укладов и её влияние на оценку и управление земельными ресурсами Российской Федерации / А.В. Зорин // Развитие науки и практики в контексте глобальных вызовов: сборник статей по материалам 75-й Международной научно-практической конференции, Караваево, 25 января 2024 года. - Караваево: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Костромская государственная сельскохозяйственная академия", 2024. - С. 315-323. EDN: ZWLUCF
10. Комов, Н.В. Совершенствовать механизм управления земельными ресурсами России / Н.В. Комов // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. - 2023. - № 6. - С. 321. EDN: QIBPIQ

References:

1. Eremin, S.G. Development of economic and legal instruments for improving the efficiency of land management / S.G. Eremin // Issues of Russian and international law. - 2022. - Vol. 12, No. 10-1. - pp. 116-124.
2. Sizov, A.P. Local monitoring of lands in the region as a tool for managing land resources and preserving the environment-forming potential of the territory / A.P. Sizov // Use and protection of natural resources in Russia. - 2021. - № 4(168). - pp. 43-49.
3. Galinovskaya, E.A. The role of land management in the state management of land resources of the Russian Federation: a legal aspect / E.A. Galinovskaya // Property relations in the Russian Federation. - 2023. - № 11(266). - pp. 54-68.
4. Alakoz, V.V. Ways and means of improving land management / V.V. Alakoz // Land management, cadastre and land monitoring. - 2023. - No. 4. - p. 193.
5. Lazareva, O.S. State and municipal land resources management: organizational structure and principles of management / O.S. Lazareva // Bulletin of Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities. - 2022. - № 1(28). - pp. 75-81.
6. Chekomazova, A.A. Monitoring of land use as a tool for land management / A.A. Chekomazova // Youth science for the development of the agro-industrial complex : proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, Kursk, November 15, 2023. Kursk: Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov, 2024. pp. 256-261.
7. Korolev, S.Y. Legal foundations of land management in the Russian Federation in modern conditions / S.Y. Korolev // Legal policy and legal life. - 2024. - No. 1. - pp. 65-73.
8. Sinita, Yu.S. Digitalization of land management (review of international practices) / Yu.S. Sinita, A.A. Rasskazova // Actual problems of land management, cadastre and environmental management : Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Land Management and Cadastre of the All-Russian State Agrarian University, Voronezh, April 28, 2023. Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, 2023. pp. 485-491.
9. Zorin, A.V. The change of technological patterns and its impact on the assessment and management of land resources in the Russian Federation / A.V. Zorin // Development of science and practice in the context of global challenges : a collection of articles based on the materials of the 75th International Scientific and Practical Conference, Karavaevo, January 25, 2024. Karavaevo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kostroma State Agricultural Academy, 2024. pp. 315-323.
10. Komov, N.V. To improve the mechanism of land resources management in Russia / N.V. Komov // Land management, cadastre and land monitoring. - 2023. - № 6. - p. 321.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ RUSSIA'S STRATEGIC PRIORITIES IN LEGAL DOCTRINE

БЫСТРОВА Юлия Викторовна,

доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева.
360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
E-mail: zukova57@mail.ru;

ИСМАИЛОВ Магомедсайд Абдулмуслимович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».
360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
E-mail: tauzhank@list.ru;

НАГОЕВА Марина Ауэсовна,

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры специально-технической подготовки
ФГКОУ ВО «Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России».
360016, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Мальбахова, 123.
E-mail: arsmarina@mail.ru;

BYSTROVA Yulia Viktorovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the REC for Legal Studies
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision Oryol State University named after I. S. Turgenev.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: zukova57@mail.ru ;

ISMAILOV Magomedsaid Abdulmuslimovich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: tauzhank@list.ru;

NAGOEVA Marina Auesovna,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Special Technical Training
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
123 Malbakhova str., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360016, Russia.
E-mail: arsmarina@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются фундаментальные государственные приоритеты России через призму её правовой стратегии. Центральное место в исследовании занимают инструменты обеспечения этих приоритетов как внутри страны, так и на мировой арене, включая сотрудничество с глобальными институтами. Исследователь анализирует, каким образом трансформации юридической архитектуры государства влияют на укрепление оборонного потенциала, экономическое благосостояние и сохранение культурной самобытности в современном взаимосвязанном мире.

Abstract: the article analyzes the fundamental state priorities of Russia through the prism of its legal strategy. The central place in the study is occupied by tools for ensuring these priorities both within the country and on the global stage, including cooperation with global institutions. The researcher analyzes how transformations of the legal architecture of the state affect the strengthening of defense capabilities, economic well-being and the preservation of cultural identity in today's interconnected world.

Ключевые слова: интеграция мировых процессов, государственные приоритеты, концептуально-аналитическая методология, стратегия правового регулирования, защищенность государства, охрана стратегических интересов страны.

Keywords: integration of global processes, state priorities, conceptual and analytical methodology, legal regulation strategy, state security, protection of the country's strategic interests.

Для цитирования: Быстрова Ю.В., Исмаилов М.А., Нагоева М.А. Стратегические приоритеты России в юридической доктрине // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 60-62. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_60.

For citation: Bystrova Yu.V., Ismailov M.A., Nagoeva M.A. Russia's strategic priorities in legal doctrine // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 60-62. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_60.

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Современная юридическая доктрина Российской Федерации закладывает фундамент для понимания национальных интересов, которые выступают как важнейшие ориентиры в правовой политике страны. Они формируют цели и задачи государства, определяя приоритетные направления в его внутренней и внешней политике с прицелом на укрепление правопорядка, суверенитета, территориальной целостности, социально-экономического развития и культурного воссоединения нации, концепция национальных интересов служит основой для формирования нормативно-правовой базы России. Принятие во внимание национальных интересов влияет на развитие правовых институтов, формируя среду, которая обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, а также способствует интеграции России в мировую экономическую и правовую систему. В этом контексте особое значение приобретает согласование внутреннего законодательства с международными обязательствами, что требует детальной проработки как на уровне законодательства, так и в практике его применения.

Согласимся с мнением Б.Б. Бидовой о том, что концепция национальных интересов предусматривает не только защиту государственной безопасности и развитие экономики, но и поддержку культурного разнообразия, сохранение исторического наследия [1, с.43]. От себя добавим, что в этом аспекте она взаимосвязана с правовой политикой в сфере образования, науки и культуры, подчёркивая необходимость создания условий для развития творческого и интеллектуального потенциала нации.

Обеспечение национальных интересов через правовую политику требует активного взаимодействия всех ветвей власти, государственных органов, общественных организаций и гражданского общества. В этом контексте важную роль играет правовое просвещение и повышение правовой культуры населения, что позволяет каждому гражданину осознавать свою роль в защите национальных интересов и укреплении правовой системы страны [2, с.128].

Таким образом, концепция национальных интересов в современной юридической доктрине России является ключевым элементом в формировании и реализации правовой политики, направленной на всестороннее развитие государства и обеспечение благополучия его граждан, требующая комплексного подхода в реализации законодательных инициатив и активного вовлечения общества в процессы принятия решений на всех уровнях власти.

В юридической науке понятие "интерес" занимает центральное место, формируя основу для понимания целей и задач правовой политики страны, в том числе и России. Теоретико-методологический анализ данного понятия позволяет углубить понимание механизмов регулирования социальных отношений через призму национальных интересов. По мнению М.А. Молчанова «интерес в юридическом контексте выступает как мотивационная основа деятельности государства и индивидов, а также как критерий оценки правовых норм и их эффективности» [3, с.149].

На уровне государства национальные интересы представляют собой комплекс целей и задач, направленных на обеспечение его суверенитета, территориальной целостности, экономической стабильности и культурного развития. В юридической науке акцентируется внимание на многоаспектности и многоуровневости понятия национальных интересов, требующих глубокого анализа отношений между государством, обществом и индивидом [4, с.88], а также подчёркивается значимость гармонизации частных и общественных интересов с национальными интересами государства [5, с.4]. Отметим и то, что правовая политика России, основанная на защите национальных интересов, исходит из принципа приоритетности общегосударственных целей над частными интересами, не исключая при этом необходимости соблюдения и защиты прав и свобод личности, а такой подход требует от правовой политики России агрегации и систематизации общественных требований и ожиданий, а также их корректного отражения в правовых нормах.

Анализируя понятие "интерес" с теоретико-методологической позиции, следует учитывать его многомерность и динамичность, что в значительной мере осложняет процесс его правового регулирования и глубокое понимание интересов как движущей силы социальных и правовых процессов позволяет формировать эффективную и справедливую правовую политику, способную обеспечить развитие государства и благополучие его граждан.

Научное понимание национальных интересов в правовом контексте подразумевает их рассмотрение не только как объект правового регулирования, но и как важнейший критерий для оценки эффективности законодательства и правоприменительной практики, при этом акцент делается на необходимости гармонизации национального законодательства с международными стандартами, при условии непрерывного укрепления суверенитета и независимости России [6, с.247]. Одним из ключевых аспектов концептуализации национальных интересов является их классификация. В отечественной науке выделяют стратегические, политические, экономические, социальные, культурные и иные интересы и такое разделение помогает в определении приоритетов в правовом регулировании, обеспечивая комплексный подход к защите национальных интересов на различных уровнях – от локального до глобального [1,4,6].

Важной задачей правовой политики России является обеспечение баланса между защитой национальных интересов и необходимостью интеграции в мировое сообщество, что предполагает гибкую адаптацию правовой системы через принятие новых законов и поправок, направленных на укрепление правового статуса России на международной арене, защиту ее экономической независимости и культурного наследия, при этом сохраняя при этом стремление к международному сотрудничеству.

В контексте выявления приоритетов правовой политики России, ключевую роль играет определение её вектора в проявлении и защите национальных интересов. Основываясь на Стратегии национальной безопасности [7], правовая политика страны направлена на создание условий для устойчивого развития российского общества, обеспечение его безопасности, защиту суверенитета и территориальной целостности. Эти аспекты лежат в фундаменте государственности и определены как первоочередные национальные интересы. Для эффективной реализации указанных целей принимаются стратегические решения, заключающиеся в принятии новых и модернизации существующих законодательных актов, а также в формировании эффективной правоприменительной практики. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что приоритеты правовой политики во многом зависят от текущей внешнеполитической ситуации, экономического развития, социально-культурных процессов в обществе и, отметим, что немаловажным аспектом является именно адаптация законодательства к меняющимся условиям, с целью предотвращения потенциальных угроз национальной безопасности.

Таким образом, приоритеты правовой политики, выражая национальные интересы, образуют правовую основу для укрепления суверенитета, защиты внешних и внутренних угроз, а также создания условий для всестороннего развития личности и общества в целом. Мобилизация правового регулирования в ответ на вызовы современности, а также гибкость и адаптивность к изменяющемуся международному контексту позволяют государству достигать установленных стратегических целей, обеспечивая тем самым защиту национальных интересов на всех уровнях.

Среди основополагающих задач правовой политики России особое место занимает защита национальных интересов, которая неразрывно связана с нацеленностью на укрепление государственного суверенитета и содействие устойчивому развитию страны в мировом сообществе. В этом контексте лоббирование национальных интересов выступает как важнейший инструмент реализации государственной правовой политики, который представляет собой систему мер, направленных на формирование и поддержку условий для достижения целей государства на внутреннем и международном уровнях. По мнению С.Е. Сычева и А.А. Дерюгина «важность лоббирования в контексте защиты национальных

интересов заключается в том, что оно позволяет консолидировать усилия различных государственных и общественных структур в процессе выработки и реализации правовых актов и решений, отражающих стратегию развития государства» [8, с.36]. По нашему мнению, посредством лоббирования осуществляется взаимодействие между государственными органами, представителями бизнес-сообщества, общественных объединений и экспертного сообщества, что способствует рассмотрению широкого спектра мнений и подходов к решению стоящих перед страной задач.

Таким образом, эффективное лоббирование национальных интересов в правовой политике России представляет собой комплексную систему мер, охватывающую стратегическое планирование, взаимодействие между государством и обществом, а также интеграцию национальных интересов в контекст международных отношений.

Теоретико-правовой анализ данного явления позволяет выделить как положительные, так и негативные стороны правотворческого лоббизма. С одной стороны, лоббирование может способствовать более тесному взаимодействию государства с обществом и бизнесом, позволяя учитывать мнения широкого спектра участников при формулировке законодательных актов, что способствует созданию более сбалансированного и эффективного законодательства, отвечающего современным вызовам и потребностям общества.

С другой стороны, существует риск, что правотворческий лоббизм может быть направлен на продвижение узких интересов отдельных групп или корпораций в ущерб национальным интересам. К примеру, лоббирование нормативных актов, способствующих монополизации определенных секторов экономики, может привести к ухудшению конкуренции, снижению эффективности национальной экономики и, как следствие, к угрозам энергетической и экономической безопасности страны. Отметим, что в данном аспекте особенно важной становится роль государственной политики, направленной на регулирование процесса лоббирования:

- необходима разработка и внедрение механизмов контроля и прозрачности процесса влияния на законодательство, что позволит минимизировать риски негативного воздействия на национальные интересы;
- создание широких возможностей для участия в лоббировании различных социальных групп и обеспечение равного доступа к процессу правотворчества способны стать гарантом формирования законов, учитывающих баланс всех интересов общества и государства.

Таким образом, правильно организованный и контролируемый процесс правотворческого лоббизма может стать важным инструментом обеспечения национальной безопасности, позволяя формировать законодательство, отвечающее национальным интересам страны и способствующее стабильному социально-экономическому развитию.

Развитие международного права, множество межгосударственных взаимодействий и интеграционных процессов, таких как создание экономических и политических блоков, представляют как возможности, так и угрозы для национальных интересов, что обуславливает необходимость адаптации правовой системы России к меняющимся внешним условиям, при этом не утрачивая контроля над основополагающими принципами суверенитета и независимости [9, с. 128].

Одним из главных направлений в обеспечении национальных интересов в контексте глобализации, по мнению О.Н. Башук, является развитие международного сотрудничества на основе равноправия, уважения суверенитета и национальной самостоятельности. Россия активно участвует в многосторонних договоренностях, направленных на формирование благоприятной международной архитектуры, где важным аспектом является также активизация работы с международными органами и учреждениями, что позволяет эффективно защищать интересы страны на глобальной арене [10, с.53]. Отметим, что в контексте глобализации обеспечение национальных интересов в правовой политике требует комплексного подхода, сочетающего в себе защиту национального суверенитета, активное международное сотрудничество и сохранение культурных ценностей.

Список литературы:

1. Бидова Б.Б. Национальная безопасность и национальные интересы: феноменологическая характеристика // Право и политика. 2020. № 6. С. 39-55. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.6.32734 EDN: CYHDOH
2. Бидова Б.Б. Обеспечение национальных интересов России в контексте стратегии национальной безопасности. Кисловодск: АНО ДПОН "УЦ "Магистр". 2019. 236 с.
3. Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы "национальный интерес" // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 148-152.
4. Ибрагимов Ю.Э. Понятие и содержание национальных интересов в науке и практике // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 12. С. 85-96. DOI: 10.61205/jrp.2023.140 EDN: AWYGSR
5. Туранин В.Ю. Национальные интересы: подходы к определению понятия // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 2-7. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-1-2-7 EDN: EICOJG
6. Медалиев Б.М. Понятие "национальные интересы": толкование и виды // В сборнике: Актуальные проблемы публичного права. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Владимир, 2020. С. 245-249.
7. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
8. Сычев С.Е., Дерюгин А.А. Национальные интересы Российской Федерации: политико-правовая характеристика / В сборнике: Актуальные вопросы развития государственности и публичного права. Материалы VII международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 33-37. DOI: 10.47645/9785604572849_33 EDN: TMZZFQ
9. Дударёнок А.С. Зарубежные подходы к понятию "национальные интересы" в контексте современных международных процессов / В сборнике: Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь. Материалы международной научной конференции. Минск, 2021. С. 126-130. EDN: RHSMZI
10. Беляев В.П., Беляева Г.С., Бидова Б.Б. К вопросу о понятии национальных интересов и особенностях их юридического закрепления в североамериканской традиции // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8(176). С. 52-54. EDN: VVFKNW

References:

1. Bidova B.B. National security and national interests: a phenomenological characteristic // Law and politics. 2020. No. 6. pp. 39-55. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.6.32734 EDN: CYHDOH
2. Bidova B.B. Ensuring Russia's national interests in the context of the national security strategy. Kislovodsk: ANO DPON "MC "Hist". 2019. 236 p.
3. Molchanov M.A. Debatable aspects of the problem of "national interest" // Polis. Political research. 2017. No. 6. pp. 148-152.
4. Ibragimova Yu.E. The concept and content of national interests in science and practice // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. No. 12. PP. 85-96. DOI: 10.61205/jrp.2023.140 EDN: AWYGSR
5. Turanin V.Y. National interests: approaches to the definition of the concept // Russian justice. 2021. No. 1. PP. 2-7. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-1-2-7 EDN: EICOJG
6. Medaliyev B.M. The concept of "national interests": interpretation and types // In the collection: Current problems of public law. Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference. Vladimir, 2020. pp. 245-249.
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). 5351.
8. Sychev S.E., Deryugin A.A. The national interests of the Russian Federation: political and legal characteristics / In the collection: Current issues of the development of statehood and public law. Materials of the VII International Scientific and practical conference. Saint Petersburg, 2021. pp. 33-37. DOI: 10.47645/9785604572849_33 EDN: TMZZFQ
9. Dudarenok A.S. Foreign approaches to the concept of "national interests" in the context of modern international processes / In the collection: Modern world and national interests of the Republic of Belarus. Materials of the international scientific conference. Minsk, 2021. pp. 126-130. EDN: RHSMZI
10. Belyaev V.P., Belyaeva G.S., Bidova B.B. On the concept of national interests and the specifics of their legal consolidation in the North American tradition // Law and State: theory and practice. 2019. No. 8(176). pp. 52-54. EDN: VVFKNW

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ JUDICIAL POWER AND LAWMAKING ACTIVITIES

РУДНЕВА Юлия Викторовна,

старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: yuliarudneva66@mail.ru;

RUDNEVA Yulia Viktorovna,

Senior Lecturer at the Samara State University.

443090, Samara, st.141 Sovetskaya Army.

E-mail: yuliarudneva66@mail.ru

Краткая аннотация: Происходящие в настоящее время процессы реформирования, затронувшие отечественную судебную систему, привели к необходимости теоретико-правового исследования существующих позиций, относительно правотворческой деятельности органов судебной власти, о месте и роли судебного прецедента в российском праве.

Abstract: The ongoing reform processes affecting the domestic judicial system have led to the need for a theoretical and legal study of the existing positions regarding the law-making activities of the judicial authorities and the place and role of judicial precedent in Russian law.

Ключевые слова: судебная власть, правотворчество, правообразование, юридический процесс, Конституционный суд, прецедент, прецедентное право.

Keywords: judicial power, law-making, legal education, legal process, Constitutional Court, precedent, case law.

Для цитирования: Руднева Ю.В. Судебная власть и правотворческая деятельность // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 63-66. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_63.

For citation: Rudneva Yu.V. Judicial power and lawmaking activities // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 63-66. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_63.

Статья поступила в редакцию: 28.05.2025

Дата публикации: 31.07.20258

В науке сформировалось две точки зрения относительно наличия правотворчества в деятельности судебной власти. Согласно первой точки зрения, поскольку Российская Федерация относится к романо-германской системе права, а Конституция РФ устанавливает модель разделения властей, предполагается отсутствие у суда каких-либо правотворческих полномочий.

Ученые, придерживающиеся второй точки зрения, доказывают наличие правотворчества в судебной деятельности, опираясь на общеобязательный характер решений Конституционного Суда РФ и постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

В своей работе «Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития», профессор А.А.Павлушина в качестве одного из вариантов классификации юридического процесса называет его деление на процесс правообразования и процесс правореализации [1, с.242]. Предлагая данный вариант в качестве начального, автор подразумевает под «процессом», в противовес его традиционному пониманию, не только применение права, но и его создание.

Правообразовательный юридический процесс, с учетом характера принимаемых актов и субъектов, задействованных в нем, делится на такие виды, как публичный, публично-частный и частный.

Публичный правообразовательный юридический процесс происходит при принятии таких законодательных актов, как Конституция, поправок к ней, федеральных законов, законов субъектов и т.п. Законодательные органы, органы исполнительной и судебной власти являются субъектами правообразовательного процесса.

Законотворческий и нормотворческий процесс, осуществляемый равноуровневыми законодательными органами, органами правоприменительными - это тот привычный для нас процесс, который относится к публичному правообразованию.

Судебные органы проявляют себя в правообразовательном процессе, создавая прецедент, что вызывает нескончаемую дискуссию между учеными, точка зрения которых состоит в отрицании возможности наделения судов какими-либо правотворческими полномочиями [2, с.73] [3, с.108] и исследователями, согласно точки зрения которых, судебная деятельность невозможна без правотворчества [4, с.226][5].

Принятие Верховным судом последних постановлений, укрепивших позиции, высказанные по вопросам, имеющим принципиальное значение в конкретных делах, а по сути, признавших за ними значение прецедента, вновь вернуло остроту таким спорам, как, впрочем, и иным спорам, порожденным реформированием отечественной судебной системы.

События, произошедшие в правовой отечественной сфере за последнее время, получили в юридическом сообществе название «процессуальной революции» не безосновательно. Ознаменовавшийся созданием кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, а также принятием масштабных поправок в процессуальные кодексы 2018 год, «прогремевший» поправками в Конституцию год 2020, - все это позволило говорить о завершении судебной реформы в России. Но, обратившись к событиям 30-летней давности, а именно, к 1991 году, когда Верховным Советом Российской Федерации была принята Концепция судебной реформы, и далее, следуя за происходящими в судебной системе в течение последующих 10 лет событиями, мы также сталкиваемся с активным обсуждением завершения судебной реформы.

Анализируя все события, произошедшие за столь длительный срок в отечественном правосудии, в том числе, тенденцию усиления

роли прецедента, высказанную Верховным судом РФ и яростную его критику со стороны представителей научного сообщества, говорить о том, что реформирование судебной системы в России закончилось, по крайней мере, до разрешения вопроса о необходимости имплементации в доктрину российского права доктрины обязательности судебного прецедента, однозначно рано.

Позиции противников по данному вопросу становятся все более категоричными.

Еще в 2011 году очень жестко высказывался по данному вопросу профессор А.Я.Курбатов, по мнению которого, тенденции по введению в отечественное право прецедента, подразумевающие, что любое решение, вынесенное вышестоящим судом должно быть обязательно для судов нижестоящих, свидетельствуют как о деградации российской правовой системы, так и юридической мысли. Ученый писал, что данными заявлениями, основаниями для которых выступают целый ряд искаженных понятий и пренебрежение основными источниками права, которыми являются законы, можно только усугубить проблемы, существующие в отечественном правоприменении [6, с. 103-110].

Автор указывает, что для Российской Федерации характер последствий, которые последуют за изменением, по подобию судов системы прецедентного (общего) права, принципов функционирования отечественной судебной системы, будут носить катастрофический характер. Обосновывая свою точку зрения, исследователь приводит примеры непростых проблем, которые возникают при разрешении коллизий норм российского права и высказывает опасения о возникновении коллизий судебных решений, создании параллельного порядка их разрешений.

Противоположное мнение имеет профессор М.Н.Марченко, использующий в своих работах понятие «судейское право» и говорящий об усилении его позиций в правовых системах различных стран [7, с.96-107]. Автор считает, что давно используемый по факту, прецедент требует четкого представления, определения его универсального понятия. М.Н. Марченко называет характерные для прецедента черты, хоть и вторичные, если соотносить их по отношению к закону, но во многом свойственные и для нормативно-правового акта. Одним из таких признаков называется общеобязательность прецедента не только для нижестоящих судов, но и для иных должностных лиц и государственных органов.

Путем выявления основных черт, характерных для отечественной судебной практики и дальнейшего их сравнения с характеристиками прецедента классического, предпринимают попытки ответить на вопрос, что есть в России судебная практика – прецедент или все-таки нет, такие авторы, как Е.Н. Абрамова, Н.Г. Вилкова, И.П. Грешников и др. [8, с.303].

Правовую природу судебного прецедента в России исследует Тарабан Н.А. [9, с.14-18]. Автор не только оценивает ту роль, которую играет прецедент и место, которое он занимает в правовой системе, с учетом интеграционных процессов, происходящих в мировых правовых системах, но и классифицирует акты, которые, по его мнению, относятся к судебному прецеденту.

Такие авторы, как Богдан В.В. и Гринева А.В. [10, с.49-52], обсуждая точку зрения, высказанную А.А. Ивановым [11,с.8], приходят к выводу о возникновении правотворческого риска в случае признания в качестве источника права судебного прецедента. Данные опасения обоснованы возможными коррупционными рисками в высших эшелонах судебной власти, вызванными обязательностью оформления официальных судебных правовых позиций.

Пока одни ученые рассуждали о феномене судебного нормотворчества, природе решений Конституционного Суда и рассматривали их как «источник права, формулирующий конституционно-правовые прецеденты», указывали на их общеобязательность и безусловность многократного применения, и, следовательно, нормативный характер, называя Конституционный Суд «вторым законодателем», другие говорили об особой природе решений последнего, проявляющейся в принятии их государственным органом во исполнении Конституции и ею же наделенными общеобязательной силой, Пленум Верховного суда рекомендовал использовать прецеденты в судебной практике.

В принятых Верховным Судом РФ Постановлениях содержится указание на то, что «проверяя правильность применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права, суд устанавливает, соответствуют ли выводы судов практике применения правовых норм, определенной постановлениями Пленума Верховного суда и сохранившими силу постановлениями Пленума Высшего арбитражного суда по вопросам судебной практики, постановлениями Президиума Верховного суда и сохранившими силу постановлениями Президиума Высшего арбитражного суда, а также содержащейся в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного суда».¹

И вот не заставило себя ждать, названное «знаковым», Постановление №15-П Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2021 года,² принятое в соответствии со статьей 47.1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и определившее условия и границы запрета на взыскание единственного жилья должника.

Данное Постановление основано на ранее вынесенных правовых позициях суда по результатам рассмотрения жалобы гражданина И.И. Ревкова, просившего проверить конституционность положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ и пункта 3 статьи 21325 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Поводом к жалобе послужил отказ, в соответствии со ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ, в обращении взыскания на единственное жилье должника, приобретшей квартиру площадью свыше 110 кв.м. и прошедшей впоследствии процедуру банкротства.

Обосновывая позицию необходимости пересмотра дела Ивана Ревкова, Конституционный суд остался на позиции, высказанной в 2012

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 N 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции», Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. N 13 г. Москва «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» //Российская газета, N 156, 17.07.2020.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова»// Российская газета, N 98, 06.05.2021

году в Постановлении № 11-П,¹ согласно которой необходимо скорректировать на законодательном уровне условия применения в отношении единственного жилья должника-гражданина исполнительского иммунитета.

Фактически Конституционный суд, не дождавшись законодательных инициатив от уполномоченных органов, установил необоснованность безусловного применения исполнительского иммунитета, установленного нормой Гражданского процессуального кодекса РФ, в том числе по делам о банкротстве граждан.

В отсутствии определенных законодательной властью изъятий из правовой нормы озвучен ряд условий, в соответствии с которыми должника оставить без жилища нельзя. Необходимо учитывать, что площадь, предоставляемого взамен изымаемого жилья не может быть меньше, чем та, которая предоставляется по договору социального найму, невозможность выселения должника без его согласия в другой населенный пункт.

Опасения, высказанные юристами в связи с данным Постановлением, связаны, прежде всего, с отсутствием законодательно установленных четких критериев, позволяющих сформировать единообразную судебную практику по делам, связанным с обращением взыскания на единственное жилье должника. Мы вновь попадаем в сети правовой неопределенности и судебного усмотрения, так как не получаем ответ на такие вопросы, как, например, что подразумевает Конституционный суд под «поселением» или когда отказ от исполнительского иммунитета имеет реальный смысл, как способ и условие удовлетворения требований кредиторов, а когда превращается в карательную санкцию (наказание) за неисполненные долги и в средство устрашения должника угрозой отобрания у него и членов его семьи единственного жилища.

Опасным прецедентом назвали юристы такие постановления судов общей юрисдикции, как Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 26 июля 2019 г. по делу N 33-34038/19² и Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2020 г. по делу N 88-3792/2020³. По мнению М. Шер, Н.И. Гайдаенко, О.В. Зайцева, данными судебными актами создана правовая неопределенность по вопросам приведения решений третейских судов в исполнение [12, с.101-117]. По причине отсутствия четких, понятных и действенных правил данных процедур, установленных законодателем, теряются все те преимущества, с которыми ассоциируется третейское разбирательство.

В то же время, Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ при рассмотрении двух дел по вопросам применения к налогоплательщикам, взаимодействующих с контрагентами, признанными налоговым органом фирмами - «однодневками»,⁴ негативных последствий, установлены судебные прецеденты, в соответствии с которыми ломается судебная практика, действующая продолжительное время, в соответствии с которой к ответственности за неблагонадежных контрагентов привлекали добросовестный бизнес.

Судебные акты, постановленные Верховным Судом РФ названы судебными прецедентами, хотя, по сути, они лишь указывают на необходимость избегать при рассмотрении подобных дел формального подхода и напоминают о повышенных требованиях в вопросах доказывания, предъявляемых к налоговым органам.

И все-таки, проблемы понимания прецедента применительно к отечественному праву видится в том, что как юристы-теоретики, так и практики наполняют этот термин разным содержанием.

В некотором понимании, прецедент выступает гибким инструментом, с помощью которого потерявшие актуальность законы приспособляются к общественным отношениям, меняющимся в современных условиях столь стремительно. Скорость законотворческого процесса не позволяет угнаться за потребностями трансформируемого общества, в виду чего даже внесенные в законодательные акты изменения не исключают образования пробелов в регулировании некоторых вопросов. Возможность разного толкования закона порождает необходимость его официального толкования, соответственно, прецедент не только не нарушает единообразие правоприменения, а, скорее, придает некоторую правовую определенность.

Но определение «прецедента» в качестве «судебного решения, содержащего в себе норму права», противоречит той позиции, согласно которой, прецедент нужен для официального толкования, так как в теории права общим местом является утверждение о том, что толкование нормы права не создает.

Одной из основных функций права является придание стабильности отношениям.

Будет ли способствовать придание обязательности официальному толкованию судов высших инстанций правильному разрешению споров и можно ли относиться к нему как к прецеденту, существующему в англосаксонском праве, не будут ли разрушены принципы всей судебной системы, в случае предоставления только высшим судебным инстанциям полномочий по толкованию закона, которые и без законодательного закрепления уже давно толкуют правовые нормы – вот вопросы, ответы на которые должны дать теоретики права.

По мнению же практикующих юристов, проецировать англосаксонский прецедент на российскую судебную систему в чистом виде, скорее всего, не стоит, совсем отказаться от идеи его использования в отечественной правовой системе тоже.

Стоит согласиться с позицией, наиболее соответствующей принципу разделения властей, установленному Конституцией РФ, согласно

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 N 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шихунова» // Собрание законодательства РФ, 21.05.2012, N 21, ст. 2697.

² URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/20b37d60-39d1-4191-a5e9-fdeeccee7db1?caseNumber=33-34038/19>. (Дата обращения 01.05.2025).

³ URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&id=160135713&uid=aad0c08b-09a0-4b7d-860d-85122674af8e&deloid=5&caseType=&_new=2800001&srv_num=1. (Дата обращения 01.05.2025).

⁴ Решение от 13 октября 2020 г. по делу № А42-7695/2017 //sudact.ru/arbitral/doc/ngtNEIzhNyU5/; Решение от 14 января 2019 г. по делу № А40-23565/2018 //sudact.ru/arbitral/doc/4m9gM9Ai01N1/ (Дата обращения 01.05.2025).

которой исключается нормотворческая деятельность судов, а осуществляемое ими толкование норм права позволяет говорить об их правотворческой функции. Используя такое понятие, как «прецедент», необходимо осознать, что в России оно не может быть применено в узком контексте общеобязательности судебных постановлений, понятие «прецедент» может быть использовано в своем специальном значении - в качестве прецедента толкования.

Список литературы:

1. Павлушина, А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / А. А. Павлушина. - Москва: Юрлитинформ, 2009. - 469 с. ISBN: 978-5-93295-482-9 EDN: QRDBIJ
2. Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. Москва: ВолтерсКлувер. 2007. С. 73. ISBN: 978-5-466-00294-2 EDN: QXLERN
3. Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. Москва: Юрист. 2000. С. 108.
4. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. Москва. Проспект. 2011. С. 226.
5. Гук П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // LexRussica. 2016. №7 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-normotvorchestvo-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 12.05.2025). DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.014-027 EDN: WJXCWV
6. Курбатов А.А. Прецедентное право в России: пренебрежение к законам и усугубление проблем правоприменения // Закон. 2011. N 4. С. 103-110. EDN: NTIWVL
7. Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления // Журнал российского права. 2006. №6 (114). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-pretседent-raznoobrazie-ponyatiy-i-mnogoobrazie-form-proyavleniya> (дата обращения: 18.05.2025). EDN: RDPYIR
8. Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сборник статей / Е.Н. Абрамова, Н.Г. Вилкова, И.П. Грешников и др.; отв. ред. И.П. Грешников. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. 303 с.
9. Тарабан Н.А. Становление судебного прецедента как источника материального права в условиях глобальной интеграции российской правовой системы // Администратор суда. 2019. N 4. С. 14 - 18. EDN: HJHWJB
10. Бордан В.В., Гринева А.В. О судебном прецеденте как способе минимизации частных и публичных правовых рисков: дискуссионные вопросы // Российский судья. 2018. N 11. С. 49 - 52. EDN: YPETHN
11. Иванов А.А. Речь о прецеденте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. N 2. С. 8. EDN: MVHFCH
12. Гайдаенко Шер Н.И., Зайцев О.В. Принудительное исполнение решений третейских судов в России - случился опасный судебный прецедент // Вестник гражданского процесса. 2020. N 5. С. 101 - 117. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-5-101-117 EDN: EMJQYI

References:

1. Pavlushina, A. A. Theory of legal process: results, problems, prospects of development / A. A. Pavlushina. – Moscow: YurLitinform, 2009. – 469 p.
2. Degtyarev S. L. Implementation of judicial authority in civil proceedings: theoretical and applied problems. Moscow: VoltersKluver. 2007. P. 73.
3. Nersesyants V. S. Russian Courts Have No Law-Making Powers // Judicial Practice as a Source of Law. Moscow: Yurist. 2000. P. 108.
4. Marchenko M. N. Judicial Law-Making and Judicial Law. Moscow. Prospect. 2011. P. 226.
5. Pavel Alexandrovich Guk Judicial rulemaking: issues of theory and practice // LexRussica. 2016. №7 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-normotvorchestvo-voprosy-teorii-i-praktiki> (date of reference: 05/12/2025).
6. Kurbatov A.Ya. Case law in Russia: disregard for laws and aggravation of law enforcement problems // The law. 2011. N 4. Pp. 103-110.
7. Marchenko Mikhail Nikolaevich Judicial Precedent: Diversity of Concepts and Diversity of Manifestations // Journal of Russian Law. 2006. No. 6 (114). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-pretседent-raznoobrazie-ponyatiy-i-mnogoobrazie-form-proyavleniya> (date of access: 18.05.2025).
- 8 International Commercial Arbitration and Private Law Issues: Collection of Articles / E.N. Abramova, N.G. Vilkova, I.P. Greshnikov, et al.; edited by I.P. Greshnikov. 2nd edition, revised. and add. Moscow: Statut, 2019. 303 p.
9. Taraban N.A. The Formation of Judicial Precedent as a Source of Material Law in the Context of Global Integration of the Russian Legal System // Court Administrator. 2019. N 4. Pp. 14 - 18.
10. Bogdan V.V., Grineva A.V. On Judicial Precedent as a Way to Minimize Private and Public Legal Risks: Discussion Issues // Russian Judge. 2018. N 11. Pp. 49 - 52.
11. Ivanov A.A. Speech about the precedent // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2010. N 2. P. 8.
12. Gaidayenko Sher N.I., Zaitsev O.V. Enforced Execution of Arbitration Court Decisions in Russia: A Dangerous Judicial Precedent // Bulletin of Civil Procedure. 2020. No. 5. Pp. 101-117.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА БАЛАНСА В ПРАВЕ THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE RESEARCH OF THE CONCEPT OF BALANCE IN LAW

КЕМРЮГОВ Тенгиз Хатызович,

директор юридического института имени Е.А. Энгеля
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»,
заведующий кафедрой конституционного и административного права,
кандидат юридических наук, доцент.
196601, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 2, стр. 2.
E-mail: tengiz_09@bk.ru;

KEMRYUGOV Tengiz Khatyzovich,

Director of the E.A. Engel Law Institute Saint Petersburg State Agrarian University,
Head of the Department of Constitutional and Administrative Law,
Candidate of Law, Associate Professor.
196601, Russia, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 2, p. 2.
E-mail: tengiz_09@bk.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются теоретико-методологические подходы исследования концепта баланса в праве. Изучены доктринальные источники, образующие теоретическую основу исследования.

Abstract: The article examines theoretical and methodological approaches to the study of the concept of balance in law. The doctrinal sources that form the theoretical basis of the study are studied.

Ключевые слова: баланс, концепт баланса в праве, принципы, ценности, публичные и частные интересы.

Keywords: balance, the concept of balance in law, principles, values, public and private interests.

Для цитирования: Кемрюгов Т.Х. Теоретико-методологические подходы исследования концепта баланса в праве // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 67-69. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_67.

For citation: Kemryugov T.Kh. Theoretical and methodological approaches to the research of the concept of balance in law // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 67-69. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_67.

Статья поступила в редакцию: 25.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Вопрос онтологических оснований, сущности и природы связей, которыми правовые принципы, ценности, публичные и частные интересы (наиболее очевидно воплощающиеся в субъективных правах и обязанностях) сплетаются в общей ткани правовой действительности, для юридической науки всегда оставался сферой преломления различающихся, и даже разнонаправленных, точек зрения. Как отмечал в свое время Н. М. Коркунов «... Влияние правовых норм на условия осуществления наших интересов представляется настолько разнообразным и имеет столько точек соприкосновения и перехода одной в другую, что разобраться в них и выделить с достаточной определенностью правомочие из других последствий правового регулирования – дело не легкое»¹. Если согласится с существованием (по аналогии с основным вопросом философии) основного вопроса теоретического правоведения, то, полагая, природа взаимосвязи субъективных прав и обязанностей была бы не на последнем месте в перечне соискателей на статус такого вопроса.

В изучении природы связи субъективных прав и обязанностей задача теоретической юриспруденции предложить комплексное, системное, целостное представление об объекте исследования, отвечающее требованиям логической завершенности и внутренней непротиворечивости. Признавая справедливость суждения Э. Гуссерля о том, что «мир – это полная совокупность предметов возможного опыта и опытного познания, предметов, познаваемых на основании актуального опыта при правильном теоретическом мышлении...»² мы исходим из того, что теоретическое знание должно объяснять объект всесторонне, определять его внутренние закономерности, основываясь при этом на апробированных логико-методологических принципах и правилах.

Изучение доктринальных источников, образующих теоретическую основу исследования, позволяет утверждать, что большинством ученых не отрицается категориальное значение прав и обязанностей (в понимании правовых категорий как универсальных форм правового мышления, структурирующих осмысление человеком бытия права и правовых феноменов³). Этим определяется для нас отправная точка в исследовании природы связи субъективных прав и обязанностей. «В качестве всеобщей формы членения мира любая категория – это как бы вся

¹ Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права [Текст] / Н. М. Коркунова, профессора С.-Петербургского университета. - Изд. 8-е (без измен.). - Санкт-Петербург: [Н. К. Мартынов], 1909. - С. 148.

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. - С. 26.

³ Выразительное изложение этого понимания категорий дал В.С. Степин: «Любая форма человеческого познания (обыденное, научное, художественное) в каждую эпоху осуществляется в соответствии с исторически сложившимися категориальными структурами, в которых зафиксированы определенности бытия, выявленные предшествующим развитием познания и практики. Выступая как отражение наиболее общих структурных характеристик мира, категории фиксируют определенный способ членения и синтеза его объектов. Они развиваются по мере того, как развитие общественно-исторической практики раскрывает все новые аспекты и отношения в сложной сети связей действительности, и в этом плане предстают как своеобразная квинтэссенция человеческого опыта, опираясь на который каждое новое поколение осуществляет познание и преобразование мира». Об этом см.: Степин В.С. Социо-культурная обусловленность эвристической функции философии в научном познании // Ленинская теория отражения как методология научного познания. – Минск, 1985. С. 88-123.

Вселенная, повернутая к человеку со стороны одного, репрезентирующего ее полностью, без остатка...атрибута ...» – утверждает С. Б. Крымский¹. Можно сказать и так: категория рассекает универсум надвое. Из этого следует, что все категории имеют парный характер: в двух сопряженных лексемах (объективное/субъективное, необходимое/случайное, права/обязанности) выражается, по существу, одна категория, некое одно обстоятельство в бытии и одна структурная ячейка в мышлении². Формирование парных категорий, которые отражают полярные стороны целостных явлений или процессов, в целом характерно для диалектики³, которую соискатель (принимая во внимание критику К. Поппера, М. Хайдеггера, Ж. Делеза и других мыслителей) включает в методологическую основу своего исследования.

Хотя парный характер категории «права-обязанности» пусть не активно, но все же исследуется отечественной наукой⁴, вполне очевидно, что осуществить анализ всей глубины проблемного поля – это задача на многие годы исследований. На данном этапе важно определить главные, ключевые проблемы (очертить границы проблемного поля, имея в виду, что приоритет в решении частных задач принадлежит отраслевым юридическим наукам), попытаться обозначить (и обосновать) способы их решения, что и пытается выполнить автор настоящего исследования.

Несколько сужая проблемное поле, отметим, что есть серьезные основания для разработки работоспособной концепции (теории) взаимосвязи тех прав, которыми конституция наделяет индивида с теми обязанностями, которые закреплены (или имплицитно подразумеваются) конституционными положениями.

Уже практически половину столетия нахождение «справедливого баланса между защитой общего интереса сообщества и уважением фундаментальных прав человека»⁵ выступает фундаментальной идеей правоприменения в области прав человека и в этом качестве не просто фигурирует едва ли не в каждом судебном решении или исследовании, которые посвящены правам человека, определению их пределов и возможностей ограничения, но, по сути, поглощает собой весь дискурс об этих ограничениях, находится в центре юридического анализа. Между тем, нельзя не отметить, что весь дискурс «справедливого баланса между защитой общего интереса сообщества и уважением фундаментальных прав человека» выстроен вокруг проблемы соотношения прав одного субъекта с правами другого (других). Тогда как тема соотношения основных прав личности и основополагающих (конституционных) обязанностей, как ранее уже нами отмечалось, вызывает либо неконструктивную критику, либо прямое отторжение.

Норма права или правовой институт существуют только тогда, когда реализуются действиями людей, доказывает в своей работе В. А. Четвернин⁶. Разумеется, в данном вопросе многое зависит от той мировоззренческой и правовой парадигмы, которая определяет субъективное отношение к исследуемому вопросу. И все же, на наш взгляд, сложно поставить под сомнение тезис о том, что по мере качественного усложнения системы общественных отношений, нарастающей атомизации общества, превращения позитивного права в основное (если не единственное) средство коммуникации различных социальных групп, находящихся на разных «полюсах» социальной иерархии, доступа к материальным благам, возможностей для удовлетворения своих интересов именно вопрос о соотношении «возможного» и «необходимого» в правовом бытии индивида-субъекта права приобретает первостепенное значение.

Ключевой вопрос состоит в том, в какой «системе координат» рассматривать указанное соотношение.

Полагаем, что теоретико-правовое исследование не может быть свободно от того, что «... тип мышления юриста определяет логику методологических ходов его мысли, а формальная безусловность и якобы чистые категории основаны в юриспруденции лишь на безусловном самоутверждении определенного типа юридического мышления»⁷. Отсюда вытекает суть той проблемы, которую мы пытаемся сформулировать. Какому типу мышления нам надлежит следовать в понимании конституционной нормы о сбалансированности прав и обязанностей гражданина? Согласиться ли с тем, что «Она (правовая норма) является производной и от воли народа, понимаемой в сугубо юридическом смысле, и от воли государства. ... Самое важное – это то, что воля государства как концептуальное юридическое понятие находится не в пространстве реальной действительности, в которой обитают биологические существа – люди: депутаты, специалисты и т. д. Такой подход – попытка обнаружить людской субстрат применительно к понятию «воля законодателя» как узкореалистический подход к праву в юридическом концептуальном пространстве преодолен. ... понятие «воля государства», выраженная в законе, – это та воля, на которую ориентируется суд при интерпретации закона, она носит автономный сугубо юридический характер»⁸.

Вместе с тем, сложно не заметить обоснованность аргументов сторонников социального конструктивизма о том, что субъектами инноваций выступают правящая элита и референтная группа, обеспечивающая легитимацию правовой инновации. Именно носители юридической и символической власти (эти аспекты власти обуславливают друг друга) с помощью дискурсивных практик производят социальные значения, в том числе селектируя те или иные социальные явления в качестве социально значимых, предписывают членам общества цели, официально наиболее соответствующие их «объективным» интересам⁹. Тем самым, полагают сторонники рассматриваемого подхода, обнаружить единственную причину формирования инновативного образца правового института в принципе невозможно. В основе такой инновативной, креативной деятельности лежит сложная конфигурация общественных отношений, вызывающая неудовлетворенность как у элиты, так и у широкой общественности

¹ Крымский С.Б. Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления: Сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т философии; [Отв. ред. М. В. Попович]. - Киев: Наук. думка, 1980. – С. 19.

² Книгин А.Н. Учение о категориях. – Томск. 2002. – С. 22.

³ Категории диалектики / статья в: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. - М.: «КАНОН», 2009.

⁴ Рудаков А.А. Права и обязанности как парные юридические категории: Вопросы теории: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Краснояр. гос. ун-т. - Красноярск, 2006.

⁵ European Court of Human Rights. Case «Relating to Certain Aspects of the Laws on the Use of Languages in Education in Belgium» v. Belgium (Merits). 23 July 1968. P. 32. § 5. Series A no. 6.

⁶ Четвернин В. А. Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2009. Вып. 2. - С. 41–62.

⁷ Юрлова М. Карл Шмитт: учение о гаранте конституции как пример «конкретного мышления» о государственных формах и порядке / М. Юрлова // Логос. 2012. №5 (89). С. 197.

⁸ Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) / Г. А. Гаджиев; Междисциплинарный центр философии права. - Москва: Норма, 2013. – С. 248-249.

⁹ Об этом см., к примеру, Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология д

(чаще всего элита откликается на имплицитный, неартикулированный «запрос» или «заказ» народных масс), которая предшествует реформе. Тем самым, в основе любого социального института лежит первоначальный произвол, который с помощью механизма социальной амнезии (согласно П. Бурдьё) по прошествии некоторого времени начинает выдаваться за «естественный ход вещей», что основу любого социального института составляет учреждающий его акт власти, который в условиях фундаментальной неразрешимости социального состоит в предпочтении одного правила организации практик всем существующим альтернативам и который с помощью механизма амнезии происхождения седиментируется, т. е. превращается в социальный институт, якобы сложившийся сам собой (согласно Э. Лаклау)¹.

Многообразие теоретических и практических проблем, сопряженных с вопросом непротиворечивого (как с объективной, так и субъективной точек зрения) соотношения прав и обязанностей остается точкой соприкосновения не только диаметрально противоположных научных взглядов, но и различных подходов в государственно-правовом регулировании. Причиной тому являются не столько известные трудности юрико-лингвистического определения правовых дефиниций, сколько необходимость установления межотраслевых особенностей функционирования юридических конструкций, норм и институтов, обусловленных объективно существующим различием понимания общественно полезных целей в частноправовой и публично-правовой сферах.

Основания для концептуальной переоценки роли смыслового ряда «права и обязанности гражданина» в жизни современного социума лежат как в плоскости специально-юридического, связанной с меняющимися представлениями об обществе, характере социальных связей и объективных потребностях их опосредования правом, природе воздействия права на человека и современное общество, так и в сфере метаюридического, обуславливающего правовое мировоззрение и место человека в нем. Необходимо согласиться с тем, что в социальной сфере существуют и действуют два элемента – индивид и различные ассоциации людей (социальные группы, общественные объединения, государство и общество в целом). Современное общество обладает лично-собирабельным характером, что неизбежно накладывает отпечаток на социальные доктрины, которые, как правило, отдают предпочтение одному из начал организации и жизнедеятельности социума: индивидуальному или коллективному. А в дуализме этих начал проявляется собственный, являющийся неповторимым опыт этнополитического, социального и духовного развития, накладывающий отпечаток на всю систему социальных отношений между людьми. Очевидно, что всякое жизнеспособное общество представляет собой известное равновесие индивидуального и коллективного, которое находит (или не находит) свое отражение в праве.

Общество никогда не было простой совокупностью своих членов, подобно этому общественные интересы не есть лишь сумма интересов личных. Сложный баланс интересов индивида и коллектива, общества, государства – это объективная реальность. В осмыслении этой реальности современная юридическая наука исходит из постулата о том, что свобода индивида совместима с благом общества, в свою очередь благо общества не может основываться на несвободе индивида. Сама природа современного правового регулирования, которое составляет наиболее социально значимую часть механизма решения основных задач, стоящих перед обществом и отражает диалектические процессы качественных изменений (появления новых состояний) социокультурных, политических, экономических институтов, совершенствования функциональных начал социального организма в соответствии с достигнутым уровнем понимания объективных закономерностей социально-исторического развития, обуславливает обращение к феномену баланса юридических прав и обязанностей.

Список литературы:

1. Коркунов. Н. М. Лекции по общей теории права [Текст] / Н. М. Коркунова, профессора С.-Петербургского университета. - Изд. 8-е (без измен.). - Санкт-Петербург: [Н. К. Мартынов], 1909. - С. 148.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. - С. 26.
3. Степин В.С. Социо-культурная обусловленность эвристической функции философии в научном познании // Ленинская теория отражения как методология научного познания. - Минск, 1985. С. 88-123.
4. Книгин А.Н. Учение о категориях. - Томск. 2002. - С. 22.
5. Рудаков А.А. Права и обязанности как парные юридические категории: Вопросы теории: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Краснояр. гос. ун-т. - Красноярск, 2006.
6. European Court of Human Rights. Case «Relating to Certain Aspects of the Laws on the Use of Languages in Education in Belgium» v. Belgium (Merits). 23 July 1968. P. 32. § 5. Series A no. 6.
7. Четвернин В. А. Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2009. Вып. 2. - С. 41-62.
8. Юрлова М. Карл Шмитт: учение о гаранте конституции как пример «конкретного мышления» о государственных формах и порядке / М. Юрлова // Логос. 2012. №5 (89). - С. 197.
9. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) / Г. А. Гаджиев; Междисциплинарный центр философии права. - Москва: Норма, 2013. - С. 248-249.
10. Честнов И.Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции / И.Л. Честнов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2 (325). - С. 81-82.

References:

1. Korkunov, N. M. Lectures on the general theory of law [Text] / N. M. Korkunov, Professor of St. Petersburg University. - 8th ed. (without changes). - St. Petersburg: [N. K. Martynov], 1909. - P. 148.
2. Husserl E. Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. The first book. A general introduction to pure phenomenology. M.: Academic Project, 2009. p. 26.
3. Stepin V.S. Socio-cultural conditionality of the heuristic function of philosophy in scientific cognition // Lenin's theory of reflection as a methodology of scientific cognition. - Minsk, 1985. pp. 88-123.
4. Knigin A.N. The doctrine of categories. - Tomsk. 2002. - p. 22.
5. Rudakov A.A. Rights and duties as paired legal categories: Questions of theory: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.01 / Krasnoyarsk State University. Krasnoyarsk, 2006.
6. European Court of Human Rights. Case «Relating to Certain Aspects of the Laws on the Use of Languages in Education in Belgium» v. Belgium (Merits). July 23, 1968. P. 32. § 5. Series A No. 6.
7. Chetvernin V. A. Historical progress of law and types of civilizations // Yearbook of Libertarian-legal theory. 2009. Issue 2. pp. 41-62.
8. Yurlova M. Carl Schmitt: the doctrine of the guarantor of the Constitution as an example of "concrete thinking" about state forms and order / M. Yurlova // Logos. 2012. №5 (89). - P. 197.
9. Gadzhiev G. A. Ontology of law: (critical study of the legal concept of reality) / G. A. Gadzhiev; Interdisciplinary Center for the Philosophy of Law. Moscow: Norma, 2013. pp. 248-249.
10. Chestnov I.L. The Constructivist paradigm in jurisprudence / I.L. Chestnov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Law studies. 2016. No. 2 (325), pp. 81-82.

¹ Честнов И.Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции / И.Л. Честнов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2 (325). - С. 81-82.

МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ЧАСТЬ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

ENVIRONMENTAL MONITORING AS PART OF THE MECHANISM FOR ENSURING STATE SOVEREIGNTY

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

E-mail: evigpran@igpran.ru;

SPIN-код: 8022-0021;

VINOGRADOVA Elena Valerievna,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department Constitutional Law and
Constitutional Justice, Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences.

119019, Russian Federation, Moscow, Znamenka St., 10.

E-mail: evigpran@igpran.ru;

SPIN-code: 8022-0021

Краткая аннотация: Тема мониторинга состояния окружающей среды является крайне актуальной в современной геополитической и экологической повестке. В статье анализируются аспекты, раскрывающие мониторинг окружающей среды как важный элемент государственного суверенитета. Делается вывод, что формирование эффективного механизма мониторинга в современной России – задача, решение которой во многом зависит от согласованных усилий всех органов публичной власти. В порядке постановки исследовательской задачи в статье предлагается понятие экологического суверенитета.

Abstract: The topic of monitoring the state of the environment is extremely relevant in the modern geopolitical and environmental agenda. The article analyzes aspects that reveal environmental monitoring as an important element of state sovereignty. It is concluded that the formation of an effective monitoring mechanism in modern Russia is a task, the solution of which largely depends on the concerted efforts of all public authorities. In order to set the research task, the article proposes the concept of ecological sovereignty.

Ключевые слова: Экологический суверенитет, мониторинг состояния окружающей среды, деятельность органов публичной власти, объекты природной среды.

Keywords: Ecological sovereignty, environmental monitoring, activities of public authorities, natural environment objects.

Для цитирования: Виноградова Е.В. Мониторинг состояния окружающей среды как часть механизма обеспечения государственного суверенитета // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 70-72. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_70.

For citation: Vinogradova E.V. Environmental monitoring as part of the mechanism for ensuring state sovereignty // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 70-72. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_70.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Прежде всего, следует отметить, что в разные исторические эпохи содержание понятия «суверенитет» было изменчивым «...приспосабливающимся к новой ситуации и новым потребностям»¹. В самом общем значении наделение субъекта права суверенитетом предполагает наличие у него независимости². Традиционно понятие государственного суверенитета ассоциировалось с военной, экономической и политической независимостью. Однако в XXI веке, в условиях глобальных экологических вызовов и обострения конкуренции за ресурсы, экологический суверенитет становится его неотъемлемой компонентой. Мониторинг состояния окружающей среды трансформируется из сугубо научной задачи в ключевой инструмент обеспечения национальной безопасности, экономической стабильности и независимой внешней политики государства.

Формулируя понятие экологического суверенитета следует исходить из общих подходов в соответствии с которыми экологический суверенитет — это прав и способность государства самостоятельно и ответственно управлять природными ресурсами на своей территории, устанавливать экологические стандарты, защищать свое население и экономику от трансграничных экологических угроз и отстаивать свои национальные интересы в международной экологической повестке.

Мониторинг окружающей среды является фундаментальной основой для реализации этого права, обеспечивая его не декларативно, а фактически. Фактическое обеспечение экологического суверенитета предопределяет формирование системы экологической безопасности.

На это направлена работа по закреплению на конституционном уровне гарантий обеспечения прав и свобод в экологической сфере. При этом, должно обеспечиваться единство и системность государственной политики, включающей «...охрану окружающей среды, организацию рационального природопользования и обеспечение экологической безопасности»³.

В процессе реализации, положений российской Конституции, а также поправок, принятых в 2020 г. в правовом пространстве современной России актуализировались исследования, направленные на формирование доктрины экологической безопасности, и ответственности за

¹ Wildhaber L. Sovereignty and International Law // The Structure and Process of International Law. Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory / R. St. J. Macdonald and Douglas M. Johnston, eds. Dordrecht. Netherlands. Nijhoff., 1986. P. 440—441.

² Виноградова Е. В. 2023. Российский конституционализм. Возвращение к сакральности. // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. Вып. 1(59). С. 24-47.

³ Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права: монография. - М.: 2015. С. 187.

причинение вреда объектам природной среды, обосновывавшие ранее сформировавшуюся концепцию ответственности за такие посягательства¹, которая основана на конституционном положении о необходимости сохранения уникального природного многообразия нашей страны.

В целях охраны и защиты окружающей среды в конституционном тексте были закреплены положения о снижении негативного антропогенного воздействия на природную среду, создании условий для развития системы экологического образования, формировании экологической культуры². В статье 71 российской Конституции, уточнены положения пункта «е», установившие что к предметам исключительного ведения Российской Федерации, относится установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного экологического развития. Пунктом «д», части 1 статьи 72 Конституции, в новой редакции к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов отнесены природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности. Положениями статьи 114 Конституции, устанавливающей полномочия Правительства Российской Федерации, на него возложено проведение единой социально ориентированной государственной политики в области охраны окружающей среды, и осуществление мер, направленных на снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны.

Следует напомнить, что осознание глобальности угроз, причиняемого природным объектам вреда, происходит с началом эпохи индустриальных революций. В этот период появились первые серьезные научные работы³, посвященные необходимости противостоять возникающим угрозам. В реалиях сегодняшнего дня это осознание требует принятия мер, направленных на противостояние угроз неконтролируемого изменения состояния окружающей среды.

Одним из направлений такой деятельности, считается проведение мониторинга. Ключевыми направления мониторинга в нашей стране, в контексте обеспечения суверенитета следует признать:

1. Контроль над природными ресурсами и их учет. Значения в этом мониторинга состоит в том, без точных данных невозможно эффективно распоряжаться национальным богатством. Объектами мониторинга являются запасы пресной воды (поверхностные и подземные источники), качество и количество водных ресурсов — основа продовольственной и биологической безопасности. Состояние почв и земельных ресурсов, где мониторинг деградации, загрязнения, эрозии. Позволяет планировать сельскохозяйственную политику и обеспечивать продовольственную независимость. Лесные ресурсы: Оценка запасов древесины, контроль за незаконными вырубками и пожарами. Лес — это не только экономический актив, но и важнейший поглотитель CO₂. Запасы полезных ископаемых: Экологический мониторинг при добыче позволяет минимизировать ущерб и оценивать реальную стоимость разработок.

2. Предупреждение и идентификация трансграничных угроз, имеющее главной целью защиту территории от внешних воздействий, на которые нельзя повлиять прямыми правовыми методами. Объектами мониторинга здесь могут быть - трансграничное загрязнение воздуха, в виде переноса загрязняющих веществ и опасных аэрозолей с территорий соседних государств, которое позволит предупреждать население и предъявлять дипломатические протесты на основе объективных данных. Загрязнение трансграничных рек и водных объектов: Контроль качества воды, поступающей с территории соседних государств. Данные мониторинга являются главным аргументом на международных переговорах по водопользованию. Перенос радиоактивных и биологически опасных веществ: Критически важен для немедленного реагирования и защиты населения.

3. Обеспечение экологической безопасности хозяйственной деятельности. Главной задачей для данного вида является недопущение экологической катастрофы и аварий, подрывающих экономику и социальную стабильность. Объектами мониторинга могут быть районы размещения опасных производств (химические заводы, АЭС, нефте- и газопроводы), зоны добычи и транспортировки нефти (для оперативного выявления разливов), состояние критической инфраструктуры в условиях изменения климата (например, устойчивость дамб и мостов к паводкам).

4. Поддержка обороноспособности и национальной безопасности при использовании данных экологического мониторинга в интересах обороны. В частности, гидрологическая и метеорологическая информация для планирования операций флота, авиации и сухопутных сил. Выявление последствий применения климатического и иного оружия: Теоретическая, но прорабатываемая задача. Контроль за экологической обстановкой в приграничных районах.

5. Основы для независимой внешней политики и переговоров, обусловленная обладанием собственными, а не заимствованными данными. Примеры таких возможностей продемонстрированы на Климатических переговорах (Парижское соглашение и др.). Страна, опирающаяся на собственную систему мониторинга парниковых газов и поглотителей углерода, может независимо оценивать свои обязательства и квоты, не полагаясь на данные третьих стран или организаций, которые могут быть политически ангажированы. Споры о трансграничном ущербе: Only объективные данные национальной мониторинговой сети являются доказательной базой в международных судах.

Технологическую основу суверенного мониторинга обеспечивают

- Спутниковая группировка: Наличие собственных спутников ДЗЗ (дистанционного зондирования Земли) — ключевой признак экологического суверенитета. Позволяет независимо получать данные в любой точке планеты в реальном времени.

- Наземная сеть наблюдений: Суверенитет требует контроля на всей территории государства, включая удаленные и малонаселенные

¹ См.: Транин А.А. Правовые проблемы экологического развития современной России / отв. ред. М.М. Бринчук. М., 2014.

² Виноградова Е.В. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Вопросы охраны окружающей среды экологической безопасности, экологического образования // Образование и право. 2020. № 1. С. 37 - 40.

³ См., например, Тиндаль Дж. Гниение и зараза по отношению к веществам, носящимся в воздухе / Дж. Тиндаль; пер. с англ. Г.А. Лопатин. — СПб.: И.И. Билибина и К^о, 1883. — 401 с., Tyndall J. On the Absorption and Radiation of Heat by Gaseous Matter. Second Memoir // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Vol. 152, 1862, pp. 59–98., Arrhenius S. On the influence of carbonic acid in the air upon the temperature of the ground // The London, Edinburgh, and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science. 1896. Т. 41. № 251. С. 237-276.

регионы (Арктика, Сибирь, Дальний Восток).

- Национальные стандарты и методики: Единые, признанные на государственном уровне протоколы измерений и обработки данных.
- Собственные аналитические центры: Возможность самостоятельно интерпретировать данные и вырабатывать прогнозы, не полагаясь на иностранные аналитические структуры.

Предложенные механизмы, нуждаются в нормативном обосновании, осуществляемом с учетом всех уровней публичной власти в РФ.

В заключении следует обозначить, что в современном мире мониторинг окружающей среды является таким же стратегическим ресурсом, как армия или энергоносители. Страна, не обладающая собственной, независимой и технологически развитой системой экологического мониторинга, утрачивает часть своего суверенитета. Она становится зависимой от внешних источников информации о своей же территории и ресурсах, уязвимой к трансграничным угрозам, которые не может вовремя обнаружить, слабой на международных переговорах, лишенной главного аргумента — объективных данных.

Таким образом, инвестиции в развитие национальной системы мониторинга состояния окружающей среды — это не просто выполнение «экологических» обязательств, это прямые инвестиции в национальную безопасность, экономическую стабильность и укрепление государственного суверенитета в условиях новых глобальных вызовов.

Список литературы:

1. Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права: монография. - М.: 2015. С. 187.
2. Виноградова Е. В. 2023. Российский конституционализм. Возвращение к сакральности // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. Вып. 1 (59). С. 24-47. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-47-72 EDN: WTXYFX
3. Виноградова Е.В. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Вопросы охраны окружающей среды экологической безопасности, экологического образования // Образование и право. 2020. № 1. С. 37-40. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10105 EDN: BPMAYQ
4. Транин А.А. Правовые проблемы экологического развития современной России / отв. ред. М.М. Бринчук. М., 2014.
5. Тиндаль Дж. Гниение и зараза по отношению к веществам, носящимся в воздухе / Дж. Тиндаль; пер. с англ. Г.А. Лопатин. - СПб.: И.И. Билибина и К°, 1883. - 401 с.
6. Arrhenius S. On the influence of carbonic acid in the air upon the temperature of the ground // The London, Edinburgh, and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science. 1896. T. 41. № 251. С. 237-276. DOI: 10.1080/14786449608620846
7. Tyndall J. On the Absorption and Radiation of Heat by Gaseous Matter. Second Memoir // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Vol. 152, 1862, pp. 59-98. DOI: 10.1098/rstl.1862.0008
8. Wildhaber L. Sovereignty and International Law // The Structure and Process of International Law. Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory / R. St. J. MacDonald and Douglas M. Johnston, eds. Dordrecht Netherlands Nijhoff., 1986. P. 440-441.

References:

1. Bogolyubov S.A. Implementation of environmental policy through law: a monograph. Moscow: 2015. p. 187.
2. Vinogradova E. V. 2023. Russian constitutionalism. Return to sacredness // Bulletin of Perm University. Legal sciences. Issue 1 (59). pp. 24-47. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-47-72 EDN: WTXYFX
3. Vinogradova E.V. Amendments of 2020 to the Constitution of the Russian Federation. Environmental protection issues, environmental safety, environmental education // Education and Law. 2020. No. 1. pp. 37-40. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10105 EDN: BPMAYQ
4. Tranin A.A. Legal problems of ecological development of modern Russia / ed. by M.M. Brinchuk, M., 2014.
5. Tindal J. Putrefaction and infection in relation to substances carried in the air / J. Tindal; translated from English by G.A. Lopatin. - St. Petersburg: I.I. Bilibina and Co., 1883. - 401 p.
6. Arrhenius S. On the influence of carbonic acid in the air upon the temperature of the ground // The London, Edinburgh, and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science. 1896. Vol. 41. No. 251. pp. 237-276. DOI: 10.1080/14786449608620846
7. Tyndall J. On the Absorption and Radiation of Heat by Gaseous Matter. Second Memoir // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Vol. 152, 1862, pp. 59-98. DOI: 10.1098/rstl.1862.0008
8. Wildhaber L. Sovereignty and International Law // The Structure and Process of International Law. Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory / R. St. J. MacDonald and Douglas M. Johnston, eds. Dordrecht Netherlands Nijhoff., 1986. P. 440-441.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ LEGISLATIVE SUPPORT FOR ENVIRONMENTAL EDUCATION IN THE MEMBER STATES OF THE CIS

РЕДКОУС Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rwmmos@rambler.ru;

REDKOUS Vladimir Mikhailovich,

Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: Rwmmos@rambler.ru

Краткая аннотация: 26 июня 2025 года в Институте государства и права Российской академии наук проведена VIII Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития экологического, земельного и аграрного права» памяти доктора юридических наук, профессора Ольги Леонидовны Дубовик (Москва, 26 июня 2025 г.), на которой автор выступил с докладом «Законодательное обеспечение экологического воспитания в государствах – участниках СНГ». В докладе была подчеркнута важность развития и расширения данного направления деятельности, необходимость её сочетания с образовательной деятельностью, а также законодательного оформления.

Abstract: On June 26, 2025, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences hosted the VIII International Scientific and Practical Conference "Modern Trends in the Development of Environmental, Land and Agrarian Law" in memory of Doctor of Law, Professor Olga Leonidovna Dubovik (Moscow, June 26, 2025), at which the author presented a report "Legislative Support for Environmental Education in the CIS Member States". The report emphasized the importance of developing and expanding this area of activity, the need to combine it with educational activities, as well as legislative registration.

Ключевые слова: государственное управление; законодательное обеспечение; экологическое воспитание; экологическое образование; экологическая культура; сравнительное правоведение; государства – участники СНГ.

Keywords: public administration; legislative support; environmental education; environmental education; environmental culture; comparative law.; CIS member states.

Для цитирования: Редкоус В.М. Законодательное обеспечение экологического воспитания в государствах-участниках СНГ // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 73-76. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_73.

For citation: Redkous V.M. Legislative support for environmental education in the member states of the CIS // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 73-76. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_73.

Статья поступила в редакцию: 29.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Вопросы экологии и междисциплинарного характера правового регулирования связанных с ней проблем все чаще поднимаются на различных научно-представительских мероприятиях (Е.Л. Васянина, Е.В. Виноградова, М.Н. Кобзарь-Фролова, А.Ю. Соколов и др.) [1, с. 101-106], [4, с. 79-88], [6, с. 379-388]. Очень четко суть поднимаемых вопросов формулирует Е.В. Виноградова, говоря о том, что «конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры - инвестиции в будущее России» [2, с. 199-206]. С этим можно и нужно согласиться, тем более что вопросы экологии, экологизации проникают во все области и сферы государственного управления, становятся своеобразным «критерием» оценки функционирования различных социальных и социально-природных систем, становятся составляющей национальной безопасности нашей страны [3, с. 51-54], [7, с. 121-131].

В современных условиях громадное значение приобретает экологическое воспитание и экологическое образование людей всех возрастов и профессий, справедливо говорят в своей статье К.С. Гюлушашян, А.И. Бабич, О.М. Газина [8, с. 142-149].

Под понятием «экологическое воспитание» понимают систему морально-этических норм, ценностей которыми должен обладать человек для того, чтобы бережно относиться к окружающей его природе и к другим людям. Экологическое воспитание является неотъемлемой частью нравственного воспитания. Эти две категории постоянно взаимодействуют и практически не могут существовать отдельно друг от друга.

Экологическое воспитание формируется в два этапа: первый этап – формирование экологического сознания, и второй этап – формирование экологического поведения. Экологическое воспитание – комплексный процесс, особенностями которого является: поэтапность; длительность; комплексность; неравномерность; активность [8].

В ряде государств – участников СНГ вопросам экологического воспитания придается важное значение, о чем свидетельствует их законодательство.

Так, например:

в Республике Армения действует Закон Республики Армения от 17 декабря 2001 г. № ЗР-264 «Об экологическом образовании и воспи-

тании»¹;

в Азербайджанской Республике - Закон Азербайджанской Республики от 10 декабря 2002 г. № 401-ІІQ «Об экологическом образовании и просвещении населения»², Постановление Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 2 июня 2003 г. № 75 «Об утверждении Правил составления государственных программ по экологическому образованию и просвещению и Положения о консультационных советах по экономическому образованию и просвещению»³;

в Республике Таджикистан - Закон Республики Таджикистан от 29 декабря 2010 г. № 673 «Об экологическом образовании населения»⁴, Постановление Правительства Республики Таджикистан от 2 апреля 2015 г. № 178 «О Государственной комплексной программе развития экологического воспитания и образования населения Республики Таджикистан на период до 2020 года»⁵, Постановление Правительства Республики Таджикистан от 6 апреля 2016 г. № 167 «О Государственной межведомственной комиссии по экологическому воспитанию и образованию»⁶, и т.д.

Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁷ содержит ст. 74 «Экологическое просвещение», где устанавливается:

во-первых, что в целях формирования экологической культуры в обществе, воспитания бережного отношения к природе, рационального использования природных ресурсов осуществляется *экологическое просвещение* посредством распространения экологических знаний об экологической безопасности, информации о состоянии окружающей среды и об использовании природных ресурсов;

во-вторых, *экологическое просвещение*, в том числе информирование населения о законодательстве в области охраны окружающей среды и законодательстве в области экологической безопасности, осуществляется органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, средствами массовой информации, общественными объединениями и другими негосударственными некоммерческими организациями, иными юридическими лицами, гражданами.

Организация и развитие системы экологического образования, воспитание и формирование экологической культуры в соответствии со ст. 3 названного Федерального закона являются одним из основных принципов охраны окружающей среды.

Во исполнение главы XIII настоящего Федерального закона приказом МПР РФ от 1 марта 2002 г. № 95 утверждены Состав Консультативного совета по экологическому образованию и просвещению МПР России и Положение о нем.

В наиболее последовательном виде вопросы экологического образования и воспитания в их взаимосвязи урегулированы в Законе Республики Армения от 17 декабря 2001 г. № ЗР-264 «Об экологическом образовании и воспитании» (далее – Закон РА). Рассмотрим ряд его положений, которые могут представить интерес в плане их адаптации в российских условиях в случае признания опыта Армении положительным.

Закон РА конкретизирует содержание основных понятий, используемых в данной области, предлагая следующие формулировки:

государственная политика в области непрерывного экологического образования - деятельность уполномоченных органов государственного управления, направленная на создание условий для осуществления непрерывного экологического образования, на деятельность государственных органов, заинтересованных общественных организаций и физических лиц, на формирование экологической культуры личности и общества;

экологическое образование - непрерывный процесс, направленный на передачу экологических знаний отдельным лицам и населению, на экологическое воспитание, укоренению экологической культуры, охране окружающей среды, природопользованию и экологической безопасности, на их правильную и разумную ориентацию, проявление способностей и формирование поведения;

экологическое воспитание - основа и неотъемлемая часть экологической культуры, непрерывный, систематизированный процесс, направленный на повышение уровня нравственно осознанного отношения к окружающей среде, который дает возможность гражданам приобрести знания и умения, формировать навыки и обнаружить способности, проявить моральные качества и поведение в процессе взаимодействия с природой;

экологические знания - сфера общественного знания, направленная на осмотнительное природопользование и обеспечение безопасной для здоровья человека окружающей природной среды;

минимум экологических знаний - минимально необходимый каждому члену общества объем знаний, который служит цели безвредного и малоотходного производства, сбережению природных ресурсов и энергии, восстановления хозяйственной и иной деятельности, а также окружающей природной среды и формирования бережного отношения к ней;

экологическая культура - уровень развития гармоничного взаимодействия человека с природой, характеризующийся осознанием и научной обоснованностью первоочередного решения человечеством экологических проблем, что способствует здоровому образу жизни, стабильному социально-экономическому развитию, экологической безопасности страны и каждого лица, солидарностью поколений с использованием возможностей природы.

Основными принципами государственной политики непрерывного экологического образования и воспитания в соответствии с рассмат-

¹ Закон Республики Армения от 17 декабря 2001 г. № ЗР-264 «Об экологическом образовании и воспитании» // Официальные ведомости Республики Армения, 25 декабря 2001 года, № 41 (173), Ст. 998.

² Закон Азербайджанской Республики от 10 декабря 2002 г. № 401-ІІQ «Об экологическом образовании и просвещении населения» // Сборник законодательства Азербайджанской Республики. 2003. № 1. Ст. 17.

³ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=6029 (дата обращения: 1.06.2025).

⁴ Закон Республики Таджикистан от 29 декабря 2010 г. № 673 «Об экологическом образовании населения» // URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=32688 (дата обращения: 1.06.2025).

⁵ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 2 апреля 2015 г. № 178 «О Государственной комплексной программе развития экологического воспитания и образования населения Республики Таджикистан на период до 2020 года» // URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=74774 (дата обращения: 1.06.2025).

⁶ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 6 апреля 2016 г. № 167 «О Государственной межведомственной комиссии по экологическому воспитанию и образованию» // URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=84938 (дата обращения: 1.06.2025).

⁷ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»

риваемым Законом являются: обеспечение государственной гарантии получения гражданином необходимого минимума экологических знаний; обязательный характер экологического образования и воспитания на всех уровнях системы образования, его непрерывность и комплексный характер; включение вопросов экологического образования и воспитания во все государственные целевые и отраслевые экологические программы; направленность экологического образования и воспитания в процесс решения задач по охране окружающей природной среды; обеспечение многообразности культур и традиций, сохранение национального колорита как этноэкологической системы; формирование единых естественнонаучных и культурологических взаимосвязанных ценностей для человека и природы; поощрение инновационной научной деятельности в сфере экологического образования и воспитания; поощрение сотрудничества в сфере экологического образования и воспитания между учащимися, педагогами, а также органами государственного управления, местного самоуправления, гражданским обществом, средствами массовой информации и общественными организациями; расширение экологического образования с охватом взаимосвязанных проблем других сфер устойчивого развития - экономической, социальной и культурной; непрерывное улучшение качества экологического образования в соответствии с международными стандартами.

Составной частью экологического образовательного и информационного пространства государства являются система средств массовой информации, объекты различных сфер человеческой деятельности (производство и услуги), культуры и отдыха, туризма и спорта, природных комплексов (заповедники, заказники, природные памятники, национальные парки) и историко-архитектурных комплексов, городских и сельских территорий, которые вместе с сетью образовательных заведений нацелены на создание соответствующих условий для формирования экологической культуры общества и личности.

Система непрерывного экологического образования и организация экологического процесса является составной частью единой образовательной системы государства. Она является совокупностью взаимосвязанных государственных образовательных стандартов, образовательных программ различных уровней и направленности, обеспечивающих образовательную преемственность, курсов, учебных заведений и органов управления образованием.

Говоря о структуре системы непрерывного экологического образования, рассматриваемый Закон устанавливает её следующие уровни: дошкольное экологическое образование и воспитание (экологическое образование в семье и в дошкольных учреждениях); среднее экологическое образование; среднее профессиональное экологическое образование; высшее профессиональное экологическое образование; послевузовское экологическое образование; экологическое образование и воспитание широких слоев общества, в том числе в Вооруженных Силах.

Преподавание предметов экологической направленности во всех звеньях системы образования осуществляется в соответствии с государственными образовательными критериями, а также принципами устойчивого развития. Экологическое образование на общеобразовательном (в том числе дошкольном) уровне осуществляется с помощью тем, включенных в предметы (учебные занятия) экологической направленности.

Организационной основой государственной политики в области экологического образования является государственная комплексная программа экологического образования. Экологическое образование в стране осуществляется по единым государственным программам, которые разрабатываются уполномоченными органами государственного управления, а также общественными организациями, компетенция которых устанавливается законодательством страны. Программы разрабатываются в соответствии с требованиями государственных стандартов.

Рассматриваемый Закон в общем виде регламентирует вопросы финансирования экологического образования, включающие вопросы осуществления, финансирования и сертификации государственных комплексных, целевых, отраслевых, территориальных программ государства, а также финансирования осуществления государственных программ экологического образования.

В отдельной главе 3 рассматриваемый Закон регламентирует вопросы управления системой непрерывного экологического образования. Так, в компетенцию Правительства страны в рассматриваемой области входит: разработка основных направлений государственной политики в этой области и создание условий для их реализации, организация системы непрерывного экологического образования на республиканском уровне; разработка и реализация государственной комплексной программы экологического образования и других государственных целевых и отраслевых программ, содержащих вопросы экологического образования; участие в разработке международных экологических образовательных программ; установление порядка сертификации деятельности образовательных учреждений и организаций по вопросам организации экологического образования и их государственная аккредитация; установление порядка проверки профессионально-экологической подготовки и аттестации государственных служащих и специалистов, связанных с деятельностью, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду, здоровье человека, а также работников систем образования, здравоохранения, науки и культуры; подготовка и повышение квалификации специалистов-экологов, научных педагогических кадров и государственных служащих для системы экологического образования; информационное и научно-методическое обеспечение системы непрерывного экологического образования.

Компетенция органов территориального управления и местного самоуправления в области непрерывного экологического образования регулируется в соответствии с Законом РА «Об образовании».

Важным аспектом в осуществлении экологического образования является участие общественных организаций и граждан. Так, в данной области общественные организации и граждане имеют право: подготавливать предложения по усовершенствованию и реализации государственной политики в области экологического образования; участвовать в республиканских конкурсах по разработке проектов по экологическому образованию; участвовать в подготовке программ международного сотрудничества в области экологического образования.

Общественные организации и граждане осуществляют экологическую образовательную деятельность на основании государственного сертификата, который они получают в порядке, установленном законодательством страны, в соответствии с государственными стандартами экологического образования.

Организации и граждане, осуществляющие экологическую образовательную деятельность, имеют право подать заявку и получить достоверную экологическую информацию, которая необходима для осуществления образовательного процесса.

Каждый гражданин имеет право получить экологическое образование. Родители и заменяющие их лица обязаны воспитать у детей бережное и ответственное отношение к природе.

Международное сотрудничество в области экологического образования осуществляется в соответствии с законодательством страны и заключенными международными договорами. Международное сотрудничество осуществляется на всех уровнях государственных структур в соответствии с международными соглашениями, а также по договорам с образовательными учреждениями и физическими лицами.

Вышеназванные законы Азербайджанской Республики и Республики Таджикистан регламентировали вопросы экологического образования в соответствии с особенностями реализации национальной государственной политики в данных областях.

Так, например, в Законе Азербайджанской Республики даются более краткие определения основных понятий: экологическое образование - процесс преподавания и изучения норм, специальных знаний, опыта по охране окружающей среды и использованию природных ресурсов; экологические знания - сведения об окружающей среде, экологии, взаимосвязи человека с природой; экологическое просвещение - распространение экологических знаний и опыта, направленных на формирование экологической культуры; экологическая культура - совокупность знаний и опыта, касающихся экологической безопасности населения и страны, взаимосвязи человека с окружающей средой.

К принципам государственной политики в области экологического образования и просвещения населения Законом Азербайджанской Республики отнесены: создание каждому равных условий для овладения общими экологическими знаниями; обязательность обучения экологическим знаниям в системе среднего образования; непрерывность процесса экологического образования и обучения; обеспечение гласности в области экологического образования и просвещения; создание условий для участия населения и неправительственных организаций в осуществлении государственной политики в области экологического образования и просвещения.

В рамках самостоятельных разделов азербайджанский законодатель урегулировал вопросы: управления в области экологического образования и просвещения населения; стандартов и экономического регулирования, а также контроля за выполнением требований законодательства в области экологического образования и просвещения населения; международного сотрудничества в данной области.

Таким образом, несмотря на определенные отличия в национальных законодательствах, мы видим наличие единых подходов к правовому регулированию вопросов экологического образования и просвещения. Это позволяет рассматривать возможность адаптации положительного зарубежного опыта в российских условиях в плане выработки и закрепления основных определений; принципов осуществления экологического просвещения; управления в области экологического просвещения, осуществления процедур стандартизации; осуществления международного сотрудничества.

Таким образом, использование результатов сравнительно-правовых исследований в рассматриваемой сфере позволит сделать правовое регулирование экологического просвещения в российских условиях более эффективным.

Список литературы:

1. Васянина, Е. Л. Краткий обзор международной научной конференции "Научное наследие М. И. Пискотина" ("Пискотинские чтения - 2024") / Е. Л. Васянина, М. Н. Кобзарь-Фролова // Пролог: журнал о праве. - 2024. - № 3(43). - С. 101-106. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.11 EDN: NEMATT
2. Виноградова, Е.В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры - инвестиции в будущее России / Е.В. Виноградова // Правовая политика и правовая жизнь. - 2022. - № 3. - С. 199-206. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-3-199-206 EDN: TLYJLJ
3. Виноградова, Е. В. Конституционно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в современной России / Е. В. Виноградова // Юридическая наука: история и современность. - 2023. - № 2. - С. 51-54. EDN: VSVLFK
4. Виноградова, Е.В. Международная научно-практическая конференция "Актуальные проблемы науки административного права и административно-го процесса ("Лазаревские чтения - 2022") / Е.В. Виноградова, М.Н. Кобзарь-Фролова // Административное право и процесс. - 2022. - № 5. - С. 79-88. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-5-79-88 EDN: KCDTLU
5. Гюлушашян К.С., Бабич А.И., Газина О.М. Экологическое воспитание как важнейшая задача современной системы образования // Сибирский педагогический журнал. 2007. №15. С. 142 - 149. EDN: PUQWWJ
6. Кобзарь-Фролова, М. Н. Административное право и административный процесс: прошлое, настоящее, будущее (краткий обзор научного круглого стола) / М. Н. Кобзарь-Фролова, А. Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. - 2024. - № 4. - С. 379-388. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-379-388 EDN: PJEDSQ
7. Редкоус, В. М. Стратегическое планирование в Российской Федерации в 2023 году в целях обеспечения национальной безопасности / В.М. Редкоус // Актуальные вопросы безопасности Российской Федерации: Сборник избранных научных статей I-II всероссийских межведомственных научно-практических конференций, Москва, 20 декабря 2023 года - 14 2024 года. - Москва: Академия управления МВД России, 2025. - С. 121-131. EDN: WZXRME
8. URL: https://novobibeevo.nso.ru/sites/novobibeevo.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2021/05/ekologicheskoe_vospitanie_naseleniya.pdf. (дата обращения: 26.06.2025).

References:

1. Vasyanina, E. L. A brief overview of the international scientific conference "Scientific legacy of M. I. Piskotin" ("Piskotinsky readings - 2024") / E. L. Vasyanina, M. N. Kobzar-Frolova // Prologue: a journal on law. - 2024. - No. 3(43). - P. 101-106.
2. Vinogradova, E.V. Constitutional Priorities of Environmental Education and the Formation of Environmental Culture - Investments in Russia's Future / E.V. Vinogradova // Legal Policy and Legal Life. - 2022. - No. 3. - Pp. 199-206.
3. Vinogradova, E. V. Constitutional and Legal Aspects of Ensuring Environmental Safety in Modern Russia / E. V. Vinogradova // Legal Science: History and Modernity. - 2023. - No. 2. - Pp. 51-54
4. Vinogradova, E.V. International scientific and practical conference "Current problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev readings - 2022") / E. V. Vinogradova, M. N. Kobzar-Frolova // Administrative law and process. - 2022. - No. 5. - P. 79-88/
5. Gylushashyan K.S., Babich A.I., Gazina O.M. Environmental education as the most important task of the modern education system // Siberian pedagogical journal. 2007. No. 15. P. 142 - 149.
6. Kobzar-Frolova, M. N. Administrative Law and Administrative Procedure: Past, Present, and Future (A Brief Overview of the Scientific Roundtable) / M. N. Kobzar-Frolova, A. Yu. Sokolov // Legal Policy and Legal Life. - 2024. - No. 4. - Pp. 379-388.
7. Redkous, V. M. Strategic Planning in the Russian Federation in 2023 in order to ensure national security / V. M. Redkous // Current Issues of Security in the Russian Federation: Collection of Selected Scientific Articles from the I-II All-Russian Interdepartmental Scientific and Practical Conferences, Moscow, December 20, 2023 - 14, 2024. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. - Pp. 121-131
8. URL: https://novobibeevo.nso.ru/sites/novobibeevo.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2021/05/ekologicheskoe_vospitanie_naseleniya.pdf. (дата обращения: 26.06.2025).

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ STAGES OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PUBLIC CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION: PUBLIC LAW ANALYSIS

ДАШИН Алексей Викторович,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13.
E-mail: niipg2026@mail.ru;

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
E-mail: niipg2025@mail.ru;

ЧЕШИН Андрей Владимирович,

доцент кафедры экономики и управления Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
Оренбургского государственного университета, кандидат экономических наук.
462403, Россия, Оренбургская область, г. Орск, просп. Мира, д. 15А.
ORCID 0009-0000-7572-3076,
E-mail: niipgergo2009@mail.ru;

DASHIN Alexey Viktorovich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trublin Kuban State Agrarian University".
350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13.
E-mail: niipg2026@mail.ru;

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law at the Faculty of Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University".
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia, Krasnodar Territory.
E-mail: niipg2025@mail.ru;

CHESHIN Andrey Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Economics and Management
at the Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) Orenburg State University, Candidate of Economic Sciences.
462403, Russia, Orenburg region, Orsk, ave. Mira, 15A.
ORCID 0009-0000-7572-3076,
E-mail: niipgergo2009@mail.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена публично-правовому анализу этапов развития института общественного контроля в Российской Федерации. Авторы обосновывают позицию, что с момента обретения Россией суверенитета и независимости (в конце 1991 года) данный институт гражданского общества прошел 4 этапа своего развития: а) этап отсутствия закрепления института общественного контроля в федеральном и региональном законодательстве, а также в нормативных правовых актах местного самоуправления; б) этап стихийного создания субъектов общественного контроля на региональном и местном уровне с формализацией их в соответствующих нормативных правовых актах; в) этап формализации в федеральном законодательстве отдельных видов субъектов общественного контроля; г) этап формирования системы законодательства об общественном контроле. В работе формализованы основные проблемы современного этапа развития института общественного контроля в Российской Федерации, разработана и обоснована система первоочередных мероприятий по их разрешению.

Abstract. This article is devoted to the public law analysis of the stages of development of the institute of public control in the Russian Federation. The authors substantiate the position that since Russia gained sovereignty and independence (at the end of 1991), this institution of civil society has gone through 4 stages of its development: a) the stage of the lack of consolidation of the institution of public control in federal and regional legislation, as well as in regulatory legal acts of local self-government; b) the stage of spontaneous creation of subjects of public control at the regional and local levels with their formalization in the relevant regulatory legal acts; c) the stage of formalization in the federal legislature of certain types of subjects of public control; d) the stage of formation of the system of legislation on public control. The paper formalizes the main problems of the current stage of development of the Institute of public control in the Russian Federation, develops and substantiates a system of priority measures to resolve them.

Ключевые слова: этапы развития; общественный контроль; Российская Федерация; народовластие; публично-правовой анализ; Общественная палата; общественные советы; народный контроль; права; свободы.

Keywords: stages of development; public control; Russian Federation; democracy; public law analysis; Public Chamber; public councils; people's control; rights; freedoms.

Для цитирования: Дашин А.В., Малиновский О.Н., Чешин А.В. Этапы развития института общественного контроля в Российской Федерации: публично-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 77-81. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_77.

For citation: Dashin A.V., Malinovsky O.N., Cheshin A.V. Stages of development of the Institute of Public Control in the Russian Federation: public law analysis // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 77-81. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_77.

Статья поступила в редакцию: 16.08.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Введение.

Проблематика развития отдельных видов субъектов общественного контроля, их форм, а также видов мероприятий, детально исследована в работах О. Н. Ежовой, [7, с. 89-94] В. И. Майорова, [9, с. 95-100] М. И. Тарасовой, [11, с. 71-78] Т. В. Троицкой, [12, с. 422-427] А. В. Шекуна, [14, с. 46-52] а также ряда иных авторов. В свою очередь, отдельные этапы развития данного института гражданского общества анализируются в произведениях Н. Н. Арзамаскина, [1, с. 59-63] О. С. Белокрыловой, [2, с. 37-43] Е. В. Бердниковой, [3, с. 33-37] В. В. Гриба, [5, с. 3-10; 6, с. 11-15] С. М. Зубарева, [8, с. 145-154] К. В. Парфенова, [10, с. 76-80] Г. Н. Чеботарева, [13, с. 26-34] а также некоторых других ученых. Однако количество работ, где бы исследовались этапы развития института общественного контроля в пореформенной России, представляется, на наш взгляд, недостаточным, чем был и обусловлен выбор нами темы настоящего научного исследования, целью которого выступает выявление и обоснование авторской классификации этапов развития института общественного контроля в Российской Федерации, что позволит определить основные проблемы, связанные с перспективами развития данного института гражданского общества, а также формализовать и обосновать некоторые предложения по их разрешению. В качестве основных научных задач исследования выступают: а) анализ дореформенных этапов развития института общественного контроля; б) выявление и обоснование авторской классификации основных этапов развития института общественного контроля в Российской Федерации; в) формализация и анализ основных проблем, связанных с перспективами развития данного института гражданского общества; г) формализация и обоснование некоторых предложений по их разрешению.

Основной текст.

Институт общественного контроля в Российской Федерации является важнейшей правовой гарантией системы конституционных принципов (в частности – народовластия и участия российских граждан в управлении делами государства), а также всей системы прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов многочисленных негосударственных некоммерческих организаций.

Данный институт недавно формализован в российском законодательстве, но и имеет длительную историю своего развития.

Условно в дореформенный период развития России (то есть до 1992 года) данный институт гражданского общества последовательно прошел несколько условных этапов зарождения и развития.

Отдельные элементы контроля общества за аппаратом власти присутствовали в России с момента образования на ее территории первых государств. Так или иначе народ, его отдельные представители, а также их группы, оказывали влияние как на механизм государственной власти, так и на принимаемые решения. Однако, данный контроль носил не постоянный и фрагментарный характер, практически угаснув в эпоху абсолютизма.

Первые попытки формирования института общественного контроля, как не покажется странным, предпринимались самой властью. Например, Александр 1, проводя серию реформ публичного управления, демократизируя его, подчиняя деятельность чиновничьего аппарата закону, сделал вполне удачную попытку внедрения общественного контроля в 1819 году в пенитенциарную систему, создав Попечительное общество о тюрьмах. Цели, конечно, он преследовал вполне прагматичные: а) обуздание мздоимства в пенитенциарной системе Российской Империи; б) уменьшение рисков рецидивов среди преступников; в) социализацию бывших преступников в общество, когда они становятся полезными для государства, понуждаемые к труду и законопослушанию.

Ряд монархов в Российской Империи делали попытки создания гражданского общества, чтобы использовать его институты в укреплении и развитии общества и государства. В частности, делались попытки образования системы общественных объединений по инициативе властей для участия представителей общества в решении ряда государственных вопросов (например, вопросов создания попечительских учреждений). Такую функцию выполняли представители общественных объединений, входившие в состав Государственного совета.

Активные действия власти по формированию гражданского общества и понуждению его участия в некоторых мероприятиях по контролю за чиновничьим аппаратом публичной власти дали свои плоды – гражданское общество начало создаваться по инициативе снизу. Появились новые субъекты общественного контроля: фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, крестьянские комитеты, которые стали активно взаимодействовать и контролировать, например, хозяйствующие субъекты (в частности, фабрично-заводские комитеты жестко контролировали, чтобы администрации заводов не нарушали законодательство, особенно – в части трудовых отношений).

Следующий этап дореформенного развития общественного контроля связан с формированием в СССР (и РСФСР – как его союзной республики) института народного контроля власти. Как справедливо отмечает В.В. Гончаров, данный институт гражданского общества, хотя и имел ряд недостатков (в частности, был зависим от партийного аппарата), но внес большую лепту в борьбе за соблюдение социалистической законности (например, в ряде советских республик комитетами народного контроля выявлено было хищений социалистической собственности на предприятиях, в учреждениях и организациях на миллиарды рублей). [4, с. 72-88]

Идея народного контроля была юридически закреплена в Положении о рабочем контроле от 14 ноября 1917 года. Однако в дальнейшем власть металась из стороны в сторону, то поощряла институт народного контроля, то временно его отменяла (например, в июле 1918 года был учрежден Народный комиссариат государственного контроля РСФСР, который подменил функции рабочего контроля на сугубо государственный). Была попытка внедрения классового аспекта в его деятельность - путем формирования системы рабоче-крестьянского контроля (так, декретом ВЦИК РСФСР от 7 февраля 1920 года государственный контроль как в центре, так и на местах был реорганизован в единый орган социалистического контроля - Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции, просуществовавший до 1934 года).

Однако, с принятием Конституции СССР 1936 года от классового подхода отказались, было декларировано построение бесклассового общества (вернее – заявлено об отсутствии класса эксплуататоров). Это выразилось в том, что доминировать стал подход на акцентирование необходимости построения системы народного контроля. Были приняты Закон СССР и законы республик, регулирующие вопросы народного контроля.

Указанный этап в дореформенном развитии общественного (в данном случае – народного) контроля своим ключевым звеном имеет закрепление института народного контроля в Конституции СССР 1977 года (а также в конституциях все союзных республик).

Однако, по мере приближения распада СССР институт народного контроля стал деградировать и был ликвидирован еще при существовании СССР.

Последние годы существования СССР и первое время существования России как суверенного независимого государства охарактеризовались деградацией всей системы институтов гражданского общества. Часть из них была запрещена (например, КПСС). Другие (в частности, профсоюзы) сильно деградировали.

Однако, как в научных и общественных кругах, так и по мнению ряда государственных деятелей, необходимость в возрождении и развитии института контроля гражданского общества за аппаратом власти имела огромная. [4, с. 72-88]

Какие же можно выделить основные этапы в развитии института общественного контроля в Российской Федерации с конца 1991 года?

Представляется, что таких этапов 4.

Первый этап связан с тем, что на законодательном уровне игнорировалась возможность существования контроля гражданского общества за аппаратом власти. Институт народного контроля был сильно дискредитирован своей подотчетностью КПСС, что вызывало недоверие общества к возможности формирования института общественного контроля. Однако данный этап был не долгим.

Уже с конца 1992 года повсеместно стали создаваться различные общественные советы, палаты, комитеты и т.п. Никакого единообразия не было.

В разных регионах данный вопрос был решен по-разному. Некоторые регионы создавали множественные общественные советы при региональных органах исполнительной власти. В качестве примера можно привести постановление главы администрации Краснодарского края от 27.04.1993 № 156 «Об общественном совете по делам инвалидов при главе администрации Краснодарского края». Подобных общественных советов при главе администрации региона было создано несколько. В других субъектах страны была сделана попытка централизации общественного контроля путем создания на уровне региона отдельного единого органа (субъекта общественного контроля). В качестве примера можно привести постановление Совета министров Удмуртской Республики от 26.09.1994 № 508 «Об Общественной палате при Совете Министров Удмуртской Республики». Некоторые регионы вообще несколько лет не создавали общественных советов и палат.

Следующий этап развития института общественного контроля в Российской Федерации ознаменовался принятием ряда федеральных законов, которые стали регулировать вопросы общественного контроля в отдельных отраслях жизнедеятельности общества (в частности, Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»), либо путем закрепления соответствующих полномочий за некоторыми видами общественных объединений (например, Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»). Кроме того, по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина была создана Общественная палата Российской Федерации, которая стала своеобразным символом возрождения данного института гражданского общества (Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»).

Современный этап развития института общественного контроля ознаменовался принятием федеральных законов, которые заложили правовые основы данного института гражданского общества в целом по стране (в частности, федеральные законы от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»).

Однако развитие института общественного контроля в России сопряжено с рядом проблем, требующих решений.

Во-первых, существенным препятствием в развитии данного института гражданского общества можно считать отсутствие его упоминания в Конституции Российской Федерации. Особенно это актуально в свете того, что при внесении изменений и дополнений в Конституцию страны несколько лет назад делались попытки ряда организаций, отдельных ученых поставить вопрос о включении данного института гражданского общества в Основной закон страны. Но в итоговый перечень поправок указанные предложения не попали. Решение проблемы, на наш взгляд, видится во включении института общественного контроля в Конституцию (с детализацией в ней его принципов, форм, методов, видов мероприятий, объектов, субъектов и т.п.).

Во-вторых, крупной проблемой является то обстоятельство, что целый ряд объектов общественного контроля был выведен из предмета ведения Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Предполагалось, что указанные «белые пятна» будут ликвидированы путем принятия отдельных федеральных законов, либо внесения изменений в уже имеющееся законодательство. Однако, как мы наблюдаем, большинство из предполагаемых законов не принято. Решение проблемы потребует их принятия.

В-третьих, существенная проблема состоит в том, что механизм формирования субъектов общественного контроля, по нашему мнению, сомнителен в части демократичности. В процессе формирования общественных палат и советов ключевая роль отводится органам публичной власти и их должностным лицам (деятельность, акты и решения которых те призваны контролировать). Что само по себе выглядит абсурдно. Решение проблемы видится в большей демократизации указанных механизмов, при которой в процессах формирования общественных палат и советов будут участвовать только граждане и негосударственные некоммерческие организации.

В-четвертых, значительная проблема состоит в том, что общественные палаты и советы регионального и муниципального уровня со-

зданы не везде (например, на вновь вошедших в Россию территориях). Решение проблемы видится в их создании и поддержке их деятельности (со стороны федерального бюджета).

В-пятых, крупной проблемой являются и слабые полномочия субъектов общественного контроля (они, по сути, носят информационный, дополнительный, факультативный характер). Данная проблема может быть решена путем расширения полномочий субъектов общественного контроля (например, им можно предоставить право временной приостановки решений объектов общественного контроля, противоречащим законодательству, до решения вопроса по существу соответствующим судом, а также можно наделить субъекты общественного контроля полномочиями по наложению мер административной ответственности).

Заключение.

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов, в числе которых можно выделить следующие:

1. Институт общественного контроля в Российской Федерации имеет длительную дореформенную историю возникновения и развития, включающую в себя: а) дореволюционный этап формирования основ общественного контроля по инициативе органов власти; б) дореволюционный этап развития общественного контроля посредством формирования отдельных их субъектов формирующимся в Российской Империи гражданским обществом; в) советский этап развития участия гражданского общества в контроле за отдельными субъектами права в виде института народного контроля власти; г) советский этап ликвидации института народного контроля власти.

2. В пореформенной России (с 1991 года и по наши дни) институт общественного контроля прошел несколько основных этапов своего развития: а) этап отсутствия закрепления института общественного контроля в федеральном и региональном законодательстве, а также в нормативных правовых актах местного самоуправления; б) этап стихийного создания субъектов общественного контроля на региональном и местном уровне с формализацией их в соответствующих нормативных правовых актах; в) этап формализации в федеральном законодательстве отдельных видов субъектов общественного контроля; г) этап формирования системы законодательства об общественном контроле.

3. На современном этапе обеспечение дальнейшего развития института общественного контроля осложнено рядом проблем: а) данный институт гражданского общества до сих пор не формализован в Конституции Российской Федерации; б) ряд объектов общественного контроля выведен из предмета ведения Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» под предлогом принятия отдельных федеральных законов (большинство из которых до сих пор не принято); в) в ряде регионов и муниципальных образований нет общественных советов на муниципальном уровне (особенно - на вновь вошедших в состав России территориях), что усложняет охват его мероприятиями данных муниципальных образований; г) механизм создания большинства субъектов общественного контроля носит спорный характер в части демократичности; д) большинство субъектов общественного контроля наделены недостаточными, на наш взгляд, полномочиями.

4. Решение указанных проблем потребует разработки и реализации ряда мероприятий, в том числе, путем: а) включения института общественного контроля в Конституцию Российской Федерации в виде отдельной статьи (либо группы статей), где будут определены его понятие, принципы, основные формы, виды мероприятий, объектов и субъектов; б) разработки и принятия ряда федеральных законов, которые закроют «белые пятна» в российском законодательстве об общественном контроле, созданные вышеуказанным Федеральным законом; в) создания общественных палат и советов во всех регионах и муниципальных образованиях страны; г) демократизации механизма формирования общественных палат и советов всех уровней (путем усиления участия в данных процессах негосударственных некоммерческих объединений и граждан страны); д) закрепления за субъектами общественного контроля системы реальных полномочий (например, в части временного приостановления локальных актов объектов общественного контроля, наложения административных штрафов на их должностных лиц и т.п.).

Список литературы:

1. Арзамаскин Н. Н., Сандальникова Е. В. Современные тенденции развития института общественного контроля как механизма формирования правового государства в России на современном этапе // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 59-63. EDN: QIQQGH
2. Белокрылова О. С., Вахтина М. А. Особенности современного этапа развития института общественного контроля в России // Экономика: теория и практика. 2015. № 2 (38). С. 37-43. EDN: TWUUCV
3. Бердникова Е. В. История развития общественного контроля в дореволюционной России // История государства и права. 2018. № 3. С. 33-37. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-3-33-37 EDN: YRZFKA
4. Гончаров В. В. Использование позитивного опыта организации и осуществления народного контроля власти в СССР в процессе оптимизации общественного контроля в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) // Право и политика. 2019. № 5. С. 72-88. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.5.27942 EDN: ZKQRSP
5. Гриб В. В. Историко-правовые этапы развития общественного контроля в дореволюционной России и СССР // История государства и права. 2015. № 20. С. 3-10. EDN: UNAGAZ
6. Гриб В. В. Общественный контроль на современном этапе: проблемы правового развития // Вестник Академии права и управления. 2015. № 4 (41). С. 11-15. EDN: UYGOPP
7. Ежова О. Н. К вопросу о необходимости повышения эффективности деятельности общественных объединений в сфере образования // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 2 (43). С. 89-94. DOI: 10.37523/SUI.2021.44.47.014 EDN: TOXREK
8. Зубарев С. М. Совершенствование правового регулирования общественного контроля // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 4 (125). С. 145-154. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.145-154 EDN: YSQRCR
9. Майоров В. И., Занина Т. М. Общественный советы при органах внутренних дел как один из институтов гражданского общества: современное состояние и перспективы развития // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 95-100. EDN: UNCFQY
10. Парфенов К. В., Сукова А. А. Развитие общественного контроля государственной службы в России на современном этапе // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 1 (25). С. 76-80. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-1-76-80 EDN: KQSGSU
11. Тарасова М. И., Смирнов И. С. История создания общественных наблюдательных комиссий // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 3. С. 71-78. DOI: 10.33693/2658-4654/2020-2-3-71-78 EDN: IGWHOR
12. Троицкая Т. В. Общественная палата в России: история создания и тенденции развития на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 4. С. 422-427. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-4-422-427 EDN: DTWIAO
13. Чеботарев Г. Н. Взаимного ответственное партнерство государства и общества // Государство и право. 2019. № 10. С. 26-34. DOI: 10.31857/S013207690007182-2 EDN: WANUUU

14. Шекун А. В., Эккерт Н. В., Решетников В. А., Сквирская Г. П. История формирования и развития российских общественных объединений в области охраны и укрепления здоровья населения // Медицинский вестник МВД. 2022. Т. 119. № 4 (119). С. 46-52. DOI: 10.52341/20738080_2022_119_4_46 EDN: HBUQMI

References:

1. Arzamaskin N. N., Sandalnikova E. V. Modern trends in the development of the institute of public control as a mechanism for the formation of the rule of law in Russia at the present stage // Rule of law: theory and practice. 2013. No. 2 (32). pp. 59-63. EDN: QIQQGH
2. Belokrylova O. S., Vakhtina M. A. Features of the current stage of development of the Institute of public control in Russia // Economics: theory and practice. 2015. No. 2 (38). pp. 37-43. EDN: TWUUCV
3. Berdnikova E. V. The history of the development of public control in pre-revolutionary Russia // History of the state and law. 2018. No. 3. PP. 33-37. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-3-33-37 EDN: YRZFKA
4. Goncharov V. V. Using the positive experience of organizing and implementing popular control of power in the USSR in the process of optimizing public control in the Russian Federation (constitutional and legal analysis) // Law and Politics. 2019. No. 5. pp. 72-88. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.5.27942 EDN: ZKQRSP
5. Grib V. V. Historical and legal stages of the development of public control in pre-revolutionary Russia and the USSR // History of the state and law. 2015. No. 20. pp. 3-10. EDN: UNAGAZ
6. Grib V. V. Public control at the present stage: problems of legal development // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2015. No. 4 (41). pp. 11-15. EDN: UYGOPP
7. Yezhova O. N. On the need to improve the effectiveness of public associations in the field of education // Bulletin of the Samara Law Institute. 2021. No. 2 (43). PP. 89-94. DOI: 10.37523/SUI.2021.44.47.014 EDN: TOXREK
8. Zubarev S. M. Improving the legal regulation of public control // Lex Russica (Russian law). 2017. No. 4 (125). pp. 145-154. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.145-154 EDN: YSQRCR
9. Mayorov V. I., Zanina T. M. Public councils under the internal affairs bodies as one of the institutions of civil society: current state and development prospects // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. pp. 95-100. EDN: UHCFQY
10. Parfenov K. V., Sukora A. A. The development of public control of the civil service in Russia at the present stage // Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management. 2019. No. 1 (25). pp. 76-80. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-1-76-80 EDN: KQSGSU
11. Tarasova M. I., Smirnov I. S. The history of the creation of public supervisory commissions // History and modern worldview. 2020. Vol. 2. No. 3. pp. 71-78. DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-71-78 EDN: IGWHOR
12. Troitskaya T. V. The Public Chamber in Russia: the history of creation and development trends at the present stage // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2019. Vol. 19. No. 4. pp. 422-427. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-4-422-427 EDN: DTWIAO
13. Chebotarev G. N. Mutual responsible partnership of the state and society // State and law. 2019. No. 10. pp. 26-34. DOI: 10.31857/S013207690007182-2 EDN: WANUUU
14. Shekun A.V., Ekkert N. V., Reshetnikov V. A., Skvirskaya G. P. History of formation and development of Russian public associations in the field of public health protection and promotion // Medical Bulletin of the Ministry of Internal Affairs. 2022. Vol. 119. No. 4 (119). pp. 46-52. DOI: 10.52341/20738080_2022_119_4_46 EDN: HBUQMI

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_82

УДК 336.74

БЛОКЧЕЙН КАК ОСНОВА КРИПТОВАЛЮТ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В УИС BLOCKCHAIN AS THE BASIS OF CRYPTOCURRENCIES AND ITS APPLICATION IN THE INSPECTION OF PENALTIES

АПКАЕВ Дамир Маратович,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета,
Владимирский юридический институт ФСИН России.

600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: damirrrhan@mail.ru;

ЗЫКОВ Даниил Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин факультета права и управления,

Владимирский юридический институт ФСИН России,

доцент кафедры экономики, управления и права,

Покровский филиал Московского педагогического государственного университета.

600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: daniilzykov@mail.ru;

АРКАЕВ Damir M.,

senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.

67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.

E-mail: damirrrhan@mail.ru;

ZYKOV Daniil A.,

Chief of Public Law Studies Department of the faculty of law and management

of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, Associate Professor of the Department of Economics,

Management and Law of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University, PhD (Law), Associate Professor.

67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.

E-mail: daniilzykov@mail.ru

Краткая аннотация. С каждым годом экономисты, финансисты, а в последнее время и обычные члены современного общества проявляют все больший интерес к сфере блокчейн технологий и возникшем на базе блокчейна секторе криптовалютного обращения. В исследовании авторы определяют блокчейн как способ поддержания некоторой копии базы данных в одинаковом состоянии между всеми участниками конкретного распределенного реестра данных. В последние годы блокчейн находит применение не только в финансовой сфере, но и в государственных структурах, включая уголовно-исполнительную систему. ФСИН РФ может использовать эту технологию для повышения эффективности своей работы, обеспечения безопасности данных и автоматизации процессов.

Abstract. Every year, economists, financiers, and recently ordinary members of modern society are showing increasing interest in the field of blockchain technologies and the cryptocurrency sector that emerged on the basis of blockchain. In the study, the authors define blockchain as a way to maintain a certain copy of the database in the same state between all participants in a specific distributed data registry. In recent years, blockchain has found application not only in the financial sector, but also in government agencies, including the penal system. The Federal Penitentiary Service of the Russian Federation can use this technology to improve the efficiency of its work, ensure data security and automate processes.

Ключевые слова. криптовалюта, блокчейн, цифровизация, современные технологии, электронные деньги, биткойн.

Key words. cryptocurrency, blockchain, digitalization, modern technologies, electronic money, bitcoin.

Для цитирования: Апкаев Д.М., Зыков Д.А. Блокчейн как основа криптовалют и его применение в УИС // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 82-85. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_82.

For citation: Apkaev D.M., Zykov D.A. Blockchain as the basis of cryptocurrencies and its application in the inspection of penalties // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 82-85. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_82.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Многие люди до сих пор внятно не могут объяснить разницу терминов «биткойн» и «блокчейн». Для них эти термины несут практически идентичный смысл, а также они считают, что технология блокчейна появилась при разработке кода самого биткойна, что также является ошибочным, вернее частично ошибочным.

Проекты, связанные с генерацией цепочек блоков информации и составлением реестров данных, получили распространение еще в начале 2000х годов, но их принципиальное отличие от того же блокчейна, лежащего в основе биткойна заключалось в их централизации в пределах какой-то компании или даже отдела.

Блокчейны же большинства современных криптовалют, а также проекты, внедряемые некоторыми компаниями, носят децентрализованный характер. Где все участники данных систем имеют открытый доступ к базе данных конкретной цепочки блоков.

Так как глобальные понятия были введены, теперь необходимо рассмотреть понятия криптографии, хеширования и цифровых ключей.

В базовом понимании криптография является наукой о методах обеспечения конфиденциальности и аутентичности информации.

Криптография в блокчейн системах задает основу и принципы работы таких систем. Архитектура блокчейна предполагает наличие определенных правил взаимодействия его участников, при этом необходимо наличие открытости и доступности информации для всех участников системы о проводимых в этой системе операциях.

Также, криптографические функции контролируют неизменности базы операций, производимых в блокчейне, решают вопрос доступа к данным сети и производят аутентификацию операций и данных находящихся в реестре данных.

Следующим чрезвычайно важным для функционирования распределенного реестра данных понятием и непосредственно элементом любого блокчейна является процесс хеширования и лежащие в его основе хеш-функции.

Хеширование – это процесс преобразования исходных данных нефиксированной длины в битовую строку фиксированной длины, при этом такая строка является уникальной и позволяет обнаружить изменение в данных.

Хеш-функции могут быть реализованы на большом количестве языков программирования. Можно привести в пример такие как: Python, Java и JavaScript. Для тематики данной работы наиболее большое значение имеют хеш-функции и криптографические алгоритмы шифрования.

Такие алгоритмы необходимы и используются в блокчейне для необратимости сгенерированной цепочки блоков и заключенной в нее информации. Технология данных алгоритмов без углубления в аспект программирования довольно проста, ее суть заключается в том, что каждый созданный блок в реестре автоматически привязывается и ссылается на информацию, а соответственно и хеш, предыдущего блока.

То есть, хеш нового созданного блока зависит от всех проведенных операций в блоке, информация о которых собирается в одно хеш значение при помощи так называемого «дерева Меркла». При использовании такой системы все когда-либо выполненные операции в системе и последовательность их выполнения влияют на хеш последнего сгенерированного блока в блокчейне. Исходя из этого становится понятно, что принцип неизменности операций одного блока в реестре ведет к неизменности всего блокчейна в целом.

Одним из моментов формирования современных блокчейн систем и алгоритмов, лежащих в их основе, считается 2002 год, когда Агентство Национальной Безопасности США объявило о создании криптографической хеш-функции SHA-2. Этот момент стал стартовой точкой развития современных блокчейн проектов и криптовалют, так как спустя несколько лет появившийся алгоритм SHA-256, написанный на базе SHA-2, стал основой для первой криптовалюты в мире и по сей день, являясь классическим, лежит в основе множества блокчейнов.

SHA-256 является алгоритмом, который так называемый «Сатоши Накамото» использовал для создания блокчейна биткойна. Суть данного алгоритма в упрощенном варианте выглядит так. Операция работы с данным алгоритмом заключается в переборе символов для получения нужной комбинации букв и цифр при формировании нового блока данных, как только один из элементов сети находит нужную комбинацию, то есть хеш, он оповещает об этом всех остальных членов сети и закрывает блок за собой.

Владелец оборудования, то есть майнер, получает вознаграждение за сгенерированный блок в системе его оборудованием в виде определенного количества монет, поступающих на заранее созданный адрес его кошелька в блокчейне.

В первое время функционирования биткойн системы генерация блоков, а соответственно и эмиссия монет происходила легко и не требовала мощного оборудования. Но со временем, при присоединении к сети все большего количества членов, сложность генерации блока значительно увеличилась, и майнеры начали объединяться в пулы, чтобы увеличить свой шанс на нахождение искомой комбинации символов. [2]

С течением времени сложность вычисления нужного хеша многократно увеличилась, и для добычи новых монет начало использоваться более мощное оборудование. Сначала это были обычные процессоры, после стали использоваться видеокарты, затем специализируемые программируемые аппаратные устройства, и наконец началась эпоха «асиков», то есть специализированного оборудования, направленного на решение задач конкретного типа, которая продолжается в биткойн системе по сей день. Такие асики были изначально сконструированы и заточены под алгоритм SHA-256 и из-за своей узкой специализации позволили многократно увеличить шанс добычи новой партии монет, и, как следствие, привели к многократному увеличению сложности сети в целом.

Из криптовалют которые имеют какой-то вес на рынке и в которых до сих пор используется данный алгоритм за исключением Bitcoin можно выделить Digibyte, Steemit, Peercoin, и Bitcoin Cash.

Ответом сообщества на сложившуюся вокруг SHA-256, биткойна и его системы в целом ситуацию на тот момент, стал алгоритм Scrypt.

Данный алгоритм в основе имеет все тот же SHA-256, глобальная концепция также осталась неизменной, при генерации нового блока необходимо найти нужный хеш. Но принципиальное отличие данных алгоритмов заключается в том, что в данном алгоритме нацеленности идет не на максимально возможные вычислительные характеристики оборудования, а на некоторый баланс между оперативной памятью устройства и временем, которое требуется для получения нужного хеша. Такое задание искусственной сложности привело к тому, что узконаправленная аппаратура, созданная для работы на алгоритме SHA-256, стала менее эффективной, по сравнению с производительными видеокартами, обладающими большим объемом оперативной памяти, что привело к развитию майнинга на GPU-фермах. На данном алгоритме из известных монет можно выделить Litecoin и произошедший из него в результате форка, то есть ответвления Dogecoin. Также можно сказать, что среди криптовалют, выпущенных на данном алгоритме находилось довольно большое количество на тот момент инновационных проектов, например, такие как Einsteinium и Viacoin. В дальнейшем GPU-фермы были вытеснены с этого алгоритма новым поколением ASIC-майнеров.

Следующим распространенным и важным для настоящего рынка алгоритмом является Ethash. Данный алгоритм появился путем модернизации более старого алгоритма Dagger-Hasimoto. Данный алгоритм предполагает поиск некоего попсе-входа в общий алгоритм, при этом чтобы результат не был выше некоторого установленного предела, исходя из сложности майнинга сети. Сложность добычи блока искусственным образом подстраивается под вычислительную мощность сети по такому принципу, чтобы новый блок не добавлялся чаще чем в 12 секунд.

Любой желающий имеет право быть майнером, прогнозируемый доход от майнинга зависит от генерируемого майнером хешрейта.

При развитии сектора криптовалютного обращения начали появляться и другие интересные алгоритмы, в основе которых также лежит противодействие ASIC-майнеры. К таковым можно справедливо отнести адгоритмы так называемой «группы X». Среди версий данного алгорит-

ма наибольшее распространение получили алгоритмы X11, X13 и X15. Суть работы блокчейнов, построенных на фундаменте данной технологии заключается в том, что число, стоящее после X в названии конкретного алгоритма, обозначает количество используемых последовательных функций, которые необходимо решить для формирования нового блока.

Ключевой особенностью данных алгоритмов является то, что вознаграждение за генерацию блока получают не только майнеры, но и владельцы «нодов», то есть ключевых узлов сети.

Данная группа алгоритмов весьма популярна. Среди криптовалют, использующих данные алгоритмы, есть уже зарекомендовавшая себя валюта Dash, а также множество валют, за развитием которых можно будет наблюдать в ближайшие несколько лет. Среди самых перспективных можно выделить Hshare и EverGreenCoin.

В целом, можно сказать, что большинство алгоритмов криптовалют основаны или имеют в своем принципе концепцию PoW (Proof of Work) или PoS (Proof of Stake). А иногда могут совмещать эти концепции или одна может перетекать в другую. Также есть и другие, которые будут рассмотрены далее.

Proof of Work является своеобразным принципом защиты системы блокчейна от атак, в качестве примера можно привести атаку 51 процента. Его основное назначение заключается в проверке вычислений, а именно нахождении нужной хеш функции, при создании нового блока. Так как невозможно предсказать кто конкретно из майнеров быстрее других найдет решение для заданного блока. Чтобы блок был признан истинным необходимо, чтобы он содержал в себе информацию о всех предыдущих блоках. Исходя из этого, можно увидеть, что в каждом конкретном блоке была проделана работа по нахождению нужного значения.

В системе Proof of Work защита блокчейна от неправомерных изменений и атак обеспечивается сложностью процесса нахождения нового блока. Естественно для достижения такой надежности приходится нести расходы, и в системе блокчейнов, основанных на PoW, этими расходами являются сами по себе огромные стоимости на покупку вычислительных мощностей, так и энергия, которую эти мощности потребляют в огромном количестве.

Proof of Stake же имеет совершенно другой принцип работы, в этой концепции не важна вычислительная мощность вашего оборудования, а гораздо большее значение имеет количество криптовалюты на вашем балансе. Соответственно, чем больше в процентном соотношении монет вы имеете от общего их числа в обращении, тем больший процент эмитированных монет будете получать. К однозначным плюсам данной концепции можно отнести значительно меньшие затраты на электроэнергию, так как хешрейт сети ограничен, не имеет смысл выпуск более производительного оборудования и как следствие его покупки. Производство организованной атаки на сеть практически лишено смысла, так как выкуп 51% монет в обращении потребует значительных вложений и не принесет разумного экономического результата. Конечно, модель распределенного консенсуса выглядит в PoS менее надежной чем в PoW из-за повышенной вероятности взлома, также играет роль больший уровень централизации. Кроме того, PoS порождает неравенство получения прибыли, если начинает применяться сразу с начальных блоков сети.

Так как ресурсы, требующиеся для нахождения нужного хеша в PoW, слишком велики и такой блокчейн можно атаковать договором большей части майнеров сети или резким скачком вычислительной мощности, а в PoS имеется опасность создания вредоносного «форка» за счет траты «несуществующих ресурсов» и произведения атак с целью блокировки транзакций, замены блоков или атак «двойного расхода», то разработчики пришли к созданию гибридного механизма PoW+PoS.

Все реализованно следующим образом - в такой гибридной системе блокчейн состоит из двух типов блоков. Оба типа задач решаются одновременно. PoW в данной концепции отвечает за учет проведенных транзакций и распределение монет, согласно затраченной мощности, а PoS выполняет роль защиты транзакций и генерации новых блоков сети. В такой концепции устройства сети, безопасность вырастает в разы, если человек, либо группа лиц захочет атаковать блокчейн такой валюты с целью совершения мошеннических действий или вывода из строя сети, то для этого потребуется как наличие 51% вычислительных мощностей, задействованных в сети, так и 51% монет.

По такой технологии устроены блокчейны некоторых монет, например, Peercoin и Emercoin.

К сожалению, даже при использовании данной концепции, и значительном увеличении уровня надежности сети остается проблема генерации первичных PoS и неравноправного распределения эмиссии.

Решение данной проблемы было найдено, хотя этот вариант алгоритма блокчейна еще не применен ни в одной из известных валют. Решение проблемы гибридной системы PoW+PoS заключается не в введении двух параллельных цепочек сети как в прошлом примере, а в объединении обоих подходов в рамках одного блока.

Теоретически, кажется, что сделать это довольно просто, но на практике полная реализация PoA (Proof of Activity) довольно сложна и мало кто готов пытаться внедрять такой подобный алгоритм.

Суть PoA заключается в том, что каждый блок генерируется совместными усилиями и PoS-майнера, и PoW-майнера. При чем первый тип участников сети, начинает работу только после определенного процента завершенной работы участников второго типа. В первую очередь это решает проблему монополизации монет PoS-холдерами, так как даже в случае, если некий участник сети владеет 51% всех монет в обращении он не может единолично контролировать создание новых блоков, а также PoW-майнеры теоретически могут исключить такого участника сети посредством удаления заготовок блоков, которые выбраны для подписи таким участником сети.

Есть и другие варианты функционирования блокчейна сети, например, PoI (Proof of Importance), такой тип алгоритма реализован в инновационной валюте NEM (New Economy Movement), такой консенсус работы сети произошел из PoS. Как уже было сказано, суть получения валидатора вознаграждения по системе PoS напрямую зависит от его доли, в PoI было введено интересное решение, где кроме непосредствен-

ной доли члена сети учитывается количество проводимых им транзакций в сети. Валидаторы этой сети называются сборщиками или с англ. «харвестерами». Следует отметить, что данная система не предусматривает получения «харвестерами» новых монет, а лишь вознаграждение за подтверждение транзакций сети, общее количество монет в обращении неизменно и составляет 9 миллиардов единиц. Довольно интересная и эффективная модель функционирования блокчейна сети.

PoB (Proof of Burn) - это неоднозначный консенсус функционирования сети, предполагающий так называемое «сжигание» монет для получения права на майнинг во все время пока блокчейн сети является активным, соответственно, чем больше монет вы сожгли, тем больше ваши шансы на генерацию нового блока.

Процесс «сжигания» происходит путем отправки определенного количества монет на адрес, который является хешем случайного числа. Понятно, что в случае, если кто-то решит подобрать ключи к такому адресу сети, то это может занять у него от нескольких лет, при наличии невероятно производительного оборудования, вплоть до бесконечности. Такой принцип работы сети. Естественно никак не может использоваться на ранних стадиях развития блокчейна, но может иметь определенные преимущества в сравнении с другими подходами на поздних этапах.

PoS (Proof of Capacity) представляет собой концепцию, при которой вычислительной силой сети становится не специализированное оборудование, «асики», или CPU-майнеры, а возможность хранить большой объем данных, то есть для старта майнинга на подобном алгоритме необходим большой объем дискового пространства. Соответственно, чем больше места под хранилище таких данных было предоставлено, тем больше таковых частей с информацией будет сгенерировано. Далее принцип работы идентичен с консенсусом PoW. Данный тип алгоритмов редко применяется в основном из-за того, что обращение к диску занимает слишком много времени, и поиск подобного решения происходит значительно быстрее при использовании того же ASIC-майнера, интеграция которого в такую систему превратит его в обычное подобие PoW. [1]

Так как, принципы функционирования блокчейн сетей, их консенсусов, процесс хеширования и использующихся хеш-функций был достаточно подробно разобран, теперь необходимо уделить внимание не менее важному, но более доступному элементу любой блокчейн сети, а именно цифровым подписям и типам ключей.

Естественно, что принцип цифровой подписи в блокчейн сетях отличается от тех цифровых подписей, которые на данный момент повсеместно используются в сети Интернет, например, мы используем SSL, через который применяются цифровые подписи между пользователем и сервером при установлении соединения. Цифровая подпись в блокчейне основывается на криптографии с наличием открытого ключа, то есть асимметричной системе шифрования. Всего используется 2 типа ключей, а именно - открытый ключ, использующийся для проверки электронной подписи и - закрытый ключ, который используется для непосредственного формирования цифровой подписи.

Как становится понятно, закрытый ключ должен обязательно храниться в секрете, так как он используется для подписи цифровых сообщений, отправленных другим пользователям. При потере этого ключа, отправитель никак не сможет подтвердить свою личность, а, следовательно, и отправить сообщение, в случае же похищения такого ключа, злоумышленник может беспрепятственно отправлять сообщения другим пользователям сети, и те не будут знать, что приватный ключ был похищен.

В итоге, можно сделать вывод, что любой блокчейн не может существовать без процессов хеширования и цифровых подписей, при этом использование цифровых подписей необходимо для подтверждения, что сообщения были отправлены, или транзакции были произведены непосредственно владельцем и блокчейн не был поврежден либо видоизменен вопреки общим правилам сети.

Блокчейн - это технология распределенного реестра, ключевой особенностью которой является децентрализация, прозрачность и безопасность, что делает ее перспективной для использования в государственных системах, включая ФСИН РФ. Например, блокчейн может применяться для учета осужденных, контроля их перемещений и финансовых операций, исключая тем самым фальсификации и коррупционные схемы. Внедрение внутренних токенов или смарт-контрактов способно автоматизировать документооборот, трудовые соглашения и даже процессы условно-досрочного освобождения, повышая прозрачность и эффективность работы системы.

Однако использование блокчейна в ФСИН РФ сопряжено с рядом сложностей. Технология требует значительных изменений в инфраструктуре, обучения персонала и адаптации законодательства. Кроме того, не все данные могут быть опубликованы в открытом доступе, что требует разработки гибридных решений с элементами конфиденциальности. Несмотря на это, потенциал блокчейна в пенитенциарной системе огромен: он может стать инструментом для борьбы с коррупцией, ускорения процессов и повышения доверия к уголовно-исполнительной системе.

Таким образом, блокчейн - это не только основа криптовалют, но и перспективная технология для модернизации ФСИН РФ. Пилотные проекты и постепенное внедрение помогут оценить его эффективность, а дальнейшее развитие регулирования позволит максимально использовать преимущества распределенного реестра. В будущем блокчейн может стать важной частью цифровизации уголовно-исполнительной системы, обеспечивая безопасность, прозрачность и автоматизацию ключевых процессов.

Список литературы:

1. Леонтьев, С. М. Блокчейн и криптовалюты: применение технологии блокчейн за пределами финансовой сферы и новые модели бизнеса / С. М. Леонтьев // Вестник магистратуры. - 2023. - № 7(142). - С. 100-101. EDN: ZOZSBG
2. Пулатов, А. Правовая природа и уникальность продуктов, созданных на основе технологий блокчейн (криптовалюта, токен, смарт-контракт) / А. Пулатов // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: Сборник статей по материалам LXXI международной научно-практической конференции, Москва, 02 мая 2023 года. Том 5 (71). - Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2023. - С. 88-97. EDN: ECBICA

References:

1. Leontiev, S. M. Blockchain and cryptocurrencies: the use of blockchain technology outside the financial sphere and new business models / S. M. Leontiev // Bulletin of the Magistracy. - 2023. - No. 7 (142). - P. 100-101.
2. Pulatov, A. Legal nature and uniqueness of products created on the basis of blockchain technologies (cryptocurrency, token, smart contract) / A. Pulatov // Theoretical aspects of jurisprudence and issues of law enforcement: Collection of articles based on the materials of the LXXI international scientific and practical conference, Moscow, May 02, 2023. Volume 5 (71). - Moscow: Limited Liability Company "Internauka", 2023. - P. 88-97.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_86

УДК 349

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF TRADITIONAL MEDICINE IN THE RUSSIAN FEDERATION

БАЛДАЕВА Римма Александровна,
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова»,
кандидат биологических наук, доцент.
670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.
E-mail: brimma72@mail.ru;

БАЛДАЕВ Дмитрий Иванович,
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова», студент.
670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.
E-mail: baldaev.d@mail.ru;

BALDAEVA Rimma Alexandrovna,
Dorzhii Banzarov Buryat state university, phd. biol. sciences, associate professor.
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000, Russia.
E-mail: brimma72@mail.ru;

BALDAEV Dmitry Ivanovich,
Dorzhii Banzarov Buryat state university, student.
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000, Russia.
E-mail: baldaev.d@mail.ru

Краткая аннотация: В Российском законодательстве существует недостаточная проработка, а порой, отсутствие норм, регулирующих медицинскую деятельность в области народной (традиционной) медицины, что отрицательно сказывается на качестве федеральных и региональных законов, а также на правоприменительной деятельности. Среди представителей российской науки медицинского права, медицинского сообщества отсутствует единство мнений по формулировкам таких важнейших отраслевых понятий, как «народная медицина», «традиционная медицина», «восточная медицина». Так же на законодательном уровне не урегулирован вопрос о субъектах, имеющих право на занятие народной медициной, механизм получения разрешения и порядок осуществления данным видом деятельности.

Abstract: There is insufficient elaboration in Russian legislation, and sometimes the absence of norms regulating medical activities in the field of folk (traditional) medicine, which negatively affects the quality of federal and regional laws, as well as law enforcement activities. There is no consensus among representatives of the Russian science of medical law and the medical community on the formulations of such important industry concepts as "traditional medicine", "traditional medicine", "oriental medicine". Also, the issue of subjects who have the right to practice traditional medicine, the mechanism for obtaining permission and the procedure for carrying out this type of activity has not been regulated at the legislative level.

Ключевые слова: медицинское право, закон, термин, субъект, региональное законодательство, народная медицина, норма.
Keywords: medical law, law, term, subject, regional legislation, traditional medicine, norm.

Для цитирования: Балдаева Р.А., Балдаев Д.И. Нормативно-правовое регулирование традиционной медицины в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 86-88. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_86.

For citation: Baldaeva R.A., Baldaev D.I. Regulatory and legal regulation of traditional medicine in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 86-88. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_86.

Статья поступила в редакцию: 21.06.2025
Дата публикации: 31.07.2025

Использование народной (традиционной) медицины применяется практически во всех странах мира, поэтому вопросы о применении методов народной медицины, законодательном закреплении терминов, получение разрешения на занятие народной медициной и др. имеет большое значение.

Народная медицина появилась и начала развиваться в первобытном обществе. Знания людей, полученные эмпирическим методом, накапливались, навыки врачевания совершенствовались [2, с.10].

В настоящее время в различных странах активно разрабатываются и реализуются программы и стандарты, направленные на безопасное и эффективное применение традиционных методов лечения. Эти инициативы способствуют интеграции народной медицины в современную систему здравоохранения, что позволяет использовать её возможности для улучшения здоровья граждан.

В 2009 году Генеральная Ассамблея Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) приняла резолюцию, в которой призвала государства-члены разработать национальные стратегии, нормативные акты и стандарты в области здравоохранения для корректного, безопасного и эффективного применения традиционных методов терапии. Кроме того, Всемирная организация здравоохранения утвердила стратегию с 2014 по 2023 годы в области традиционной, а также народной медицины. Одна из главных задач этого проекта – обеспечить для государств эффективную политику и осуществить ряд изменений, которые поднимут значение народной медицины в улучшении здоровья людей. [5]. В 14 мая 2025 года разработан «Проект глобальной стратегии в области народной медицины на период 2025–2034 гг.» (далее по тексту - Проект), который содержит: руководящие принципы; стратегические задачи, направления и действия, включающие обоснования, действия государств-членов, действия партнеров и заинтересованных сторон, действия Секретариата ВОЗ [6].

В 2021 году Министерство здравоохранения РФ утвердило «Стратегию развития традиционной медицины в Российской Федерации до

2025 года». Эта стратегия направлена на создание условий для широкого применения традиционных методов лечения, обеспечение их качества и безопасности, а также на подготовку специалистов в этой области.

Российская Федерация, будучи многонациональным государством с богатым историческим, культурным и религиозным наследием, активно поддерживает и развивает применение народных способов и методов лечения.

Согласно статье 41 Конституции Российской Федерации, все граждане страны могут рассчитывать на защиту своего здоровья и получение медицинской помощи. Закон РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (под номером 323-ФЗ) трактует народную медицину как практики оздоровления, которые опираются на знания, умения и практические навыки в области оценки и восстановления здоровья. При этом стоит подчеркнуть, что к народной медицине не относятся оккультно-магические услуги и религиозные ритуалы.

При этом, осуществление медицинской деятельности подлежит обязательному лицензированию на основании перечня, установленных Правительством РФ от 01.06.2021 N 852в¹.

«Общероссийский классификатор занятий ОК 010-214 (МСКЗ-08)» был создан российскими законодателями. Исходя из данного классификатора, народные целители и практики альтернативной народной медицины относятся к категории «Специалисты в области здравоохранения», а именно к подгруппе «Высококвалифицированные специалисты в области альтернативной и народной медицины».

В классификаторе указано, что такие специалисты проводят осмотры пациентов, осуществляют профилактические и лечебные процедуры при заболеваниях, травмах и других физических и психических нарушениях, а также способствуют поддержанию общего здоровья людей. Они применяют знания умения и опыт, основанные на традициях, убеждениях и практиках, сформированных в разных культурах. Их работа включает в себя:

- осмотр пациентов и беседы с ними и их родственниками для определения состояния здоровья;
- создание и выполнение лечебных программ для решения физических, психологических и эмоциональных проблем с помощью таких методов, как акупунктура, аюрведа и лечение травами;
- отслеживание и документирование процесса лечения пациентов в соответствии с разработанными программами;
- проведение консультаций для отдельных лиц, семей и групп по вопросам здоровья, питания и здорового образа жизни.

Имеют связи с другими медицинскими специалистами для обеспечения всестороннего наблюдения за пациентами.

Примеры занятий, отнесенных к данной начальной группе: врач аюрведической медицины; гомеопат, иглотеерапевт, натуропат

Некоторые родственные занятия, отнесенные к другим начальным группам: врач мануальной терапии, фитотерапевт, бальнеолог².

Тем людям, которые имеют непосредственное отношение к народной, традиционной и альтернативной медицине, может быть достаточно тяжело получить одобрение для своей деятельности. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ передает полномочия по выдаче таких разрешений органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, ответственным за здравоохранение. Процедура получения разрешения также регламентируется этими органами на уровне субъектов РФ, но нет единого подхода к реализации этих полномочий.

В Волгоградской области, например, для получения разрешения на занятие народной медициной необходимо следовать установленным правилам. Министерство здравоохранения региона издало приказ № 829 от 19 апреля 2012 года, который утверждает Положение о порядке выдачи такого разрешения. Этот документ разработан в соответствии с Конституцией РФ, Федеральным законом № 323-ФЗ и другими нормативными актами, регулирующими деятельность в области здравоохранения. [1, с. 206].

Нормативно-правовые акты по вопросам занятия народной медициной издаются и в других субъектах РФ, например, закон Московской области «О здравоохранении в Московской области», Постановление правительства Московской области от 29 декабря 2021 г. «Об утверждении порядка занятия народной медициной на территории Московской области», приказ Министерства здравоохранения Омской области от 17 июля 2013 г. N 50 "О занятии народной медициной на территории Омской области", Положение о занятии народной медициной на территории Кировской области, утвержденное распоряжением департамента здравоохранения Кировской области от 4 мая 2012 г. N 594, приказ Министерства здравоохранения Саратовской области от 22 июля 2015 г. N 996 "О занятии народной медициной на территории Саратовской области" и др. [1, с. 207].

Во многих регионах России, где проживают коренные народы, используются их традиционные знания врачевания. Однако для того чтобы представители этих народов могли заниматься народной медициной, им необходимо получить соответствующее разрешение и поддержку медицинской профессиональной некоммерческой организации. В некоторых случаях законодательные пробелы, которые не всегда связаны с отсутствием нормативных актов на региональном уровне, создают трудности в медицинской практике. Это особенно актуально из-за отсутствия четкого правового определения понятий на федеральном уровне.

Примером может служить значительный и успешный опыт применения народной медицины в Республике Бурятия. Медицинские специалисты региона активно используют понятия «традиционная медицина» и «восточная медицина» в своей работе. Также в государственном автономном учреждении здравоохранения «Республиканский клинический лечебно-реабилитационный центр «Центр восточной медицины» эффективно применяются методы что одного, то и другого способа альтернативной медицины. Но, к сожалению, закон Республики Бурятия «О не-

¹ Постановление Правительства РФ от 1 июня 2021 г. N 852 "О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра "Сколково") и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации"

² Принят и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12 декабря 2014 г. N 2020-ст

которых вопросах охраны здоровья граждан в Республике Бурятия» (в редакции законов Республики Бурятия от 26.11.2024 г. № 745-VI) не содержит понятийного аппарата, отсутствуют подзаконные акты, регулирующие порядок оказания данным видом медицинской услуги.

В связи с этим, назрела острая необходимость принятия нормативно-правового акта, регулирующего порядок выдачи разрешения, порядок занятий в области народной и традиционной медицины, и в первую очередь, закрепление на законном уровне терминов и видов деятельности, относящихся к народной (традиционной) медицине.

«Нормативно-правовая база должна учитывать — исходя из целей системы здравоохранения, профилей риска и потенциала в области регулирования в местном контексте — соответствующие стандарты образовательных программ, требования к сертификации и лицензированию» [6, с. 11]

Таким образом, не можем не согласиться с мнением К. И. Коробко о принятии специального Федерального закона, регламентирующего основные понятия в данной сфере; принципы осуществления деятельности; субъектный состав отношений; права и обязанности субъектов отношений; требования к субъектам, осуществляющим деятельность; виды деятельности, составляющие содержание неконвенциональной медицины; механизм допуска к осуществлению деятельности и ее прекращения; контроль за качеством оказываемых услуг [3, с. 20].

Список литературы:

1. Белянинова Ю.В., Гусева Т.С., Захарова Н.А., Савина Л.В., Соколова Н.А., Хлистун Ю.В. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" - Специально для системы ГАРАНТ, 2016. - 358 с. EDN: XMZHJX
2. История медицины (первобытное общество - XVIII век): уч. пособие. Ч. 1. / Сост.: Н.Х. Шарафутдинова, Т.В. Лукманова, А.У. Киньябулатов, М.Ю. Павлова. - Уфа: Изд-во ГБОУ ВПО БГМУ Минздрава России, 2016. - С. 10.
3. Коробко К. И. Концепция правового регулирования отношений по оказанию платных медицинских услуг [Текст]: автореф. дисс. на соис. уч. степ. докт. юрид. наук (5.1.3) / Коробко Ксения Игоревна; ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский) федеральный университет". - Казань, 2024 - 58 с.
4. Молчанов Б. А., Мамедов С. Н., Задорин М. Ю. Об отдельных вопросах охраны "этнических" и "культурных" прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // "Вестник Пермского университета. Юридические науки", выпуск 4, октябрь-декабрь 2015 г. // СПС "Гарант" (дата обращения 04.03.2025). EDN: VBSJVT
5. WHO-traditional-medicine-strategy-2014-2023.pdf [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nii-nm.ru/assets/images/Library/WHO-traditional-medicine-strategy-2014-2023.pdf> (дата обращения: 25.04.2025).
6. https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA78/A78_4Add1-ru.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

References:

1. Belyaninova Yu.V., Guseva T.S., Zakharova N.A., Savina L.V., Sokolova N.A., Hlistun Yu.V. Commentary to Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 "On the basics of Public Health protection in the Russian Federation" - Specifically for the GARANT system, 2016. - 358 p.
2. History of medicine (primitive society – XVIII century): textbook. Part 1. / Comp.: N.H. Sharafutdinova, T.V. Lukmanova, A.U. Kinyabulatov, M.Y. Pavlova. Ufa: Publishing House of GBOU VPO BSMU of the Ministry of Health of Russia, 2016, p. 10.
3. Korobko K. I. The concept of legal regulation of relations for the provision of paid medical services [Text]: abstract. diss. at the sois. uch. step. doct. jurid. Sciences (5.1.3) / Ksenia I. Korobko; Kazan (Volga Region) Federal University. - Kazan, 2024 - 58 p.
4. Molchanov B. A., Mamedov S. N., Zadorin M. Yu. On certain issues of protection of "ethnic" and "cultural" rights of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation // "Bulletin of Perm University. Legal Sciences", issue 4, October-December 2015 // SPS "Garant" (accessed 03/04/2025)
5. WHO-traditional-medicine-strategy-2014-2023.pdf [electronic resource]. Access mode: <https://nii-nm.ru/assets/images/Library/WHO-traditional-medicine-strategy-2014-2023.pdf> (date of request: 04/25/2025).
6. https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA78/A78_4Add1-ru.pdf (date of request: 05/09/2025).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ АДВОКАТОМ ИНФОРМАЦИИ, НЕОБХОДИМОЙ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СВОЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF OBTAINING INFORMATION BY A LAWYER NECESSARY FOR THE IMPLEMENTATION OF HIS PROFESSIONAL ACTIVITIES

РЯБОВА Ольга Алексеевна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета,

Владимирский юридический институт ФСИН России.

600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: frau.leya2012@yandex.ru;

RYABOVA Olga A.,

senior lecturer of the Department of civil law disciplines' of the Faculty of Law,

Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.

67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.

E-mail: frau.leya2012@yandex.ru

Краткая аннотация. Автор статьи исследует проблемы правоприменения законодательства, регулирующего возможность получения адвокатом информации в рамках своей профессиональной деятельности. Исследуются проблемы несовершенства института адвокатского запроса как инструмента по сбору информации и нарушения принципов равноправия и состязательности в контексте отсутствия равных возможностей относительно получения информации адвокатами и представителями правоохранительных органов и суда. Делается вывод о необходимости приведения практической эффективности адвокатского запроса в соответствие с его правовым статусом, предусмотренным законодателем и увеличения полномочий адвоката в получении информации с ограниченным доступом. Указывается на законодательно неограниченный субъективизм со стороны властных структур относительно предоставления адвокату помощи в получении информации и определяются пути решения проблемы посредством внесения в законодательство соответствующих поправок.

Abstract: The author of the article examines the problems of law enforcement of the legislation regulating the possibility of obtaining information by a lawyer within the framework of his/her professional activity. The problems of imperfection of the institute of lawyer's request as a tool for collecting information and violation of the principles of equality and competition in the context of the lack of equal opportunities for lawyers and representatives of law enforcement agencies and the court to obtain information are examined. A conclusion is made about the need to bring the practical effectiveness of the lawyer's request in line with its legal status provided by the legislator and to increase the powers of the lawyer in obtaining information with limited access. The article points to the legislatively unlimited subjectivity on the part of authorities regarding the provision of assistance to the lawyer in obtaining information and identifies ways to solve the problem by introducing appropriate amendments to the legislation.

Ключевые слова: адвокат, информация, адвокатский запрос, юридическая помощь, доказательства, защита прав и законных интересов.

Key words: lawyer, information, lawyer's request, legal assistance, evidence, protection of rights and legitimate interests.

Для цитирования: Рябова О.А. Некоторые проблемные аспекты получения адвокатом информации, необходимой для осуществления своей профессиональной деятельности // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 89-91. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_89.

For citation: Ryabova O.A. Some problematic aspects of obtaining information by a lawyer necessary for the implementation of his professional activities // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 89-91. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_89.

Статья поступила в редакцию: 19.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Адвокатура является одним из немногих институтов в России, осуществляющих правовую помощь и действующих на основании специализированного законодательства, где получателями помощи являются граждане и юридические лица. Защита прав и законных интересов вышеуказанных лиц - одна из важнейших обязанностей адвоката. Правовой статус адвоката и осуществление им адвокатской деятельности регламентируются Федеральным законом от 31.05.2002 г № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее - Закон об адвокатуре).

Одним из основных средств, позволяющих адвокату эффективно осуществлять правовую помощь, является получение соответствующей информации. Информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления.[4] И, если первичную информацию по интересующему адвоката делу, предоставляет ему обратившееся за помощью лицо, то информация уточняющего характера, которая часто становится важнейшим доказательством по делу, адвокатом добывается самостоятельно. Наиболее востребованной для адвокатов является информация, необходимая при ведении дел, связанных с представительством лиц в судебном процессе (гражданский, административный, уголовный, арбитражный) и в рамках предварительного расследования. Информация может быть положена в основу доказательств, а каждое доказательство, свидетельствующее в пользу заинтересованного лица, является возможностью защитить его права и законные интересы. Возможность сбора и предоставление адвокату информации регулируется действующим законодательством.[4] Адвокат в соответствии со ст. 6 Закона об адвокатуре обладает правом на сбор информации.[3] Получение сведений по делу лежит в разных плоскостях относительно имеющихся возможностей по их сбору. Оказывая юридическую помощь, в рамках действующего законодательства, в зависимости от особенностей конкретного поручения, адвокат, соблюдая предоставленные ему права и возложенные на него обязанности, прибегает к использованию различных правовых инструментов и возможности сбора информации. Одним из таких инструментов является адвокатский запрос.

Следует отметить, что институт адвокатского запроса является самым действенным средством получения адвокатами информации. Требования к адвокатскому запросу установлены Приказом Минюста от 14.12.2016 № 288 с учетом внесенных в них в 2023 году изменений. 20 апреля 2023 года на XI Всероссийском съезде адвокатов был утвержден Стандарт подготовки и направления адвокатских запросов, который регламентировал реализацию адвокатского запроса.[13] Вместе с тем, практическая реализация права на адвокатский запрос нередко вызывает серьезные проблемы у представителей адвокатского сообщества.

Адвокатский запрос, в соответствии с Законом об адвокатуре, является обращением адвоката о предоставлении документов (сведений), имеющих значение для дела, однако закон ограничивает адвоката в возможностях использования данного инструмента исключительно вы-

полнением своих профессиональных обязанностей, что, в свою очередь, является дополнительной гарантией добросовестности дальнейшего использования полученной информации.

Запрашиваемые сведения, в некоторых случаях, могут относиться к информации с ограниченным доступом или информация о них может отсутствовать у адресата, однако ответ должен быть дан с обоснованием причин невозможности предоставить информацию. За неправомерный отказ от предоставления информации или за нарушение сроков предоставления информации предусмотрена административная ответственность.[2] Стоит подчеркнуть, что все виды информации, относительно которой законодательство устанавливает гриф «с ограниченным доступом», допустимо предоставлять адвокату, поскольку Закон об адвокатуре предусматривает меры, которые защищают все сведения, которые попадают к адвокату в связи с его профессиональной деятельностью.[3] К таким мерам, например, относится институт адвокатской тайны, запрет на допрос адвоката и получение у него сведений по делам, которые находятся в его производстве и др.

Представляя собой информацию, которая нередко приобретает статус доказательства по тому или иному делу, являясь инструментом оказания квалифицированной юридической помощи и защиты прав и законных интересов клиента по конкретному делу, находящемуся в производстве адвоката, получение информации и последующее распоряжение ею адвокатом охраняется адвокатской тайной. Следовательно, необходимо расширение возможностей адвоката по получению информации, в том числе, с ограниченным доступом. При этом следует отметить, что некоторая информация с ограниченным доступом может быть предоставлена адвокату, так как при определенных условиях сам закон позволяет это сделать. Речь идет о персональных данных. Лицо, получившее такие данные в силу необходимости и на основании закона, не имеет права их передавать третьим лицам без их разрешения. Следовательно, если разрешение получено, информация может быть предоставлена. Так, например, А.С. Бурлаченко, предлагает при запросе адвокатом сведений, относящихся к персональным данным, указывать в запросе на необходимость для организации, которой адресован запрос, запросить согласие субъекта персональных данных. Таким образом, при имеющемся разрешении организация обязана предоставить адвокату информацию. [8]

Адвокаты, защищая свои профессиональные интересы в случаях, когда им по адвокатским запросам отказывают в предоставлении информации, обжалуют указанные факты. Но, следует констатировать, что реальный статус адвокатского запроса настолько невысок, что, даже учитывая соответствующие разъяснения Верховного суда РФ по данному вопросу, жалобы адвокатов в прокуратуру по формальным основаниям остаются без движения. И, хотя последующее обращение в суд отменяет акт прокуратуры, срок привлечения к ответственности истекает, что порождает безнаказанность. Также следует согласиться с А.В. Осокиным, который указывает на сложности административного способа защиты права адвоката, отмечая имеющуюся правовую неопределенность в этом вопросе, да и роль сотрудников прокуратуры в этом вопросе характеризуется «значительной степенью дискреции», что не обязывает последних понудить нарушивших закон лиц исполнить обязанность по ответу на запрос адвоката.[5] У прокуратуры есть лишь право на подобные действия, которое она крайне редко использует.

Безусловно, необходимо на уровне действующего законодательства, в том числе регулирующего адвокатскую деятельность, вносить коррективы в положения, относящиеся к фактическому запрету адвокату получать указанную информацию и ужесточать ответственность за незаконный отказ в предоставлении информации и игнорирование адвокатского запроса. Видится, что в Закон об адвокатуре параллельно с Федеральным законом от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" необходимо внести дополнения, касающиеся включения адвоката в круг субъектов, обладающим правом получения информации с ограниченным доступом.

Также следует отметить, что любое обжалование чьих-либо действий предполагает достаточно длительный промежуток времени, а информация, при работе адвоката по делу, находящемуся в производстве, необходима срочно для своевременного совершения обязательного процессуального действия и, даже если жалоба будет удовлетворена, время иногда бывает упущено, что, безусловно, сказывается на качестве защиты и результате дела. Стоит отметить, что в июле 2025 года Министерством юстиции подготовлены изменения в законодательство, касающиеся сроков ответа на адвокатский запрос. Планируется сократить существующие сроки, как первоначальные, так и сроки продления.[10] Данная законодательная инициатива является важным фактором, который добавит эффективности адвокатскому запросу, но, к сожалению, не решит основные имеющиеся проблемы.

Таким образом, можно констатировать, что получение информации посредством адвокатского запроса часто связано с массой препятствий. В определенном смысле существующая ситуация делает невозможным принятие адвокатом адекватных мер в процессе ведения дела. Вакуум, который имеет место быть в данном вопросе, негативно отражается на правовой помощи, оказываемой адвокатами, и нарушает конституционные права граждан. [1]

Следующей серьезной проблемой, связанной с получением информации по делу, является отсутствие четко обусловленных взаимоотношений адвоката с представителями предварительного следствия, прокуратуры и суда. Речь идет о ходатайствах адвокатов, содержащих просьбы в получении той или иной информации, назначении экспертизы и т.д. В определенном смысле вышерассмотренная проблема имеет с данной четкую взаимосвязь. Ограничивая адвокатов в получении информации, государство ввело законодательные возможности ее получения посредством обращений последних к государственным органам в лице правоохранительных структур, суда. Вместе с тем эти возможности имеют лишь формальные начала, так как никак не ограничивают вышеуказанные органы в отказе адвокатам в такой помощи. То есть, помощь зависит от субъективного усмотрения лица, к которому с такой просьбой обратился адвокат. Отсутствуют критерии, которые могли бы стать мерилом правомерности отказа и, соответственно, ответственности за незаконность таких действий.

Вместе с тем, наличие беспрепятственной возможности собирать информацию является основной деятельностью адвоката в реализации защиты прав и интересов своего подзащитного в уголовном процессе. Информация чаще всего становится доказательством по делу, от

которого зависит судьба подопечного адвоката. Безусловно, это касается и иных видов процесса. А.А Власовым было отмечено, что доказывание есть процессуальное средство и то, как им будет распоряжаться адвокат, зависит результат дела.[4] А. В. Мельников предложил разработать механизм сбора адвокатом доказательств на досудебной стадии и четко определить статус адвоката в уголовном судопроизводстве. Учитывая это, необходимо расширение полномочий адвоката относительно возможностей получения информации и внесение поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ относительно уточнения его статуса в уголовном процессе, который наделил бы адвоката возможностью придания доказательствам процессуального статуса [7]. Неравные возможности в получении информации по делу ведут к нарушению основополагающих принципов равноправия и состязательности в процессе. Данный факт обусловлен отсутствием законодательного закрепления за адвокатом полномочий по получению информации наравне с процессуальными оппонентами. Такой дисбаланс позволяет представителям правоохранительных органов обнаруживать неуважительное отношение к адвокатам в контексте реализации права последних на получение доказательств. Очевидно, что при таком субъективизме рассчитывать на равное сотрудничество и честный состязательный процесс не приходится.

А.А. Власов указал, что доказывание является основой деятельности адвоката. [4] Это есть истина, которую может подтвердить любой адвокат. Доказательства это та информация, которую адвокат бережно собирает, защищая права и интересы лиц, обратившихся к нему за правовой помощью, чтобы восторжествовало право. Вопрос защиты права на адвокатский запрос и получение доказательств по делу в целом с помощью иных имеющихся у адвокатов инструментов является одним из обсуждаемых в адвокатском сообществе. [11, 12]

Учитывая это, видится, что имеющая место критическая ситуация с получением информации должна стать сигналом к немедленному законодательному процессу по внесению корректив и поправок в Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" и Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", относительно расширения полномочий и возможностей адвокатов по сбору информации, в том числе, с информации с ограниченным доступом. Также следует ужесточить ответственность за непредоставление, несвоевременное предоставление информации или предоставление информации, не соответствующей действительности, путем внесения изменений в ст. 5.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ. Указанные меры позволят частично разрешить проблему получения адвокатом информации, необходимой для осуществления им своей профессиональной деятельности, что, в свою очередь, поднимет качество предоставляемой правовой помощи.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всеобщим голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе голосования 01.07.2020 // Гарант: справочная правовая система - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения 05.07.2025 г.).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // Гарант: справочная правовая система - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения 03.07.2025 г.).
3. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Гарант: справочная правовая система - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12126961/> (дата обращения 30.06.2025 г.).
4. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) // Гарант: справочная правовая система - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения 04.07.2025 г.).
5. Осокин А.В. Защита права адвоката на получение информации по адвокатскому запросу: вопросы теории и практики // Вопросы российской юстиции. 2020. - № 9. - С. 1242-1270. EDN: HRFXUB
6. Власов А.А. Некоторые вопросы участия адвоката в доказывании в судопроизводстве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. - № 2 (53). - С. 9-12. EDN: HCCUXL
7. Мельников А.В. Проблемы деятельности адвоката по собиранию доказательств на досудебной стадии. - Электронный ресурс // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. науч. журн. 2022. 10 (97). Режим доступа: <https://universum.com/ru/economy/archive/item/14319> (дата обращения: 20.06.2025). - С. 31-33. EDN: TKQQYR
8. Бурлаченко А.С. Особенности защиты профессионального права на получение сведений, необходимых для оказания юридической помощи, по адвокатскому запросу // Адвокатская практика. 2024. - № 1. - С. 42-46. DOI: 10.18572/1999-4826-2024-1-42-46 EDN: XDGUKO
9. Макаров С. Ю. Как адвокату сделать запрос надежным инструментом защиты // Уголовный процесс. 2020. - № 9 (189). - С. 47-55. EDN: ZSOOEY
10. Адвокатский запрос станет еще более эффективным. // Официальный сайт Федеральной Палаты Адвокатов РФ - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fparf.ru/polemic/opinions/advokatskiy-zapros-stanet-eshche-bolee-effektivnym/> (дата обращения 19.07.2025 г.).
11. Зайкин П. Защита права на получение сведений по адвокатскому запросу - вопрос принципиальный // Адвокатская газета - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zashchita-prava-na-poluchenie-svedeniy-po-advokatskomu-zaprosu-vopros-principialnyy/> (дата обращения 29.06.2025 г.).
12. Отказ в предоставлении информации по адвокатскому запросу противоречит сложившейся практике // Официальный сайт Федеральной Палаты Адвокатов РФ - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fparf.ru/polemic/opinions/advokatskiy-zapros-stanet-eshche-bolee-effektivnym/> (дата обращения 10.07.2025 г.).
13. Документы Всероссийского съезда адвокатов. - Электронный ресурс // Официальный сайт Федеральной Палаты Адвокатов РФ - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/> (дата обращения 05.07.2025 г.).

References:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by universal suffrage on 12.12.1993, with amendments approved during the vote on 01.07.2020 // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/10103000/> (date of access 05.07.2025)
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 N 195-FZ // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/12125267/> (date of access 03.07.2025)
3. Federal Law of May 31, 2002 N 63-FZ "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" (with amendments and additions) // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/12126961/> (date of access 30.06.2025)
4. Federal Law of July 27, 2006 N 149-FZ (as amended on December 29, 2022) "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended and supplemented, entered into force on January 9, 2023) // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/12148555/> (date of access 04.07.2025)
5. Osokin AV Protection of the lawyer's right to receive information upon the lawyer's request: issues of theory and practice // Issues of Russian justice. 2020. - No. 9. - Pp. 1242-1270.
6. Vlasov AA Some issues of lawyer's participation in proving in legal proceedings // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2019. - No. 2 (53). - Pp. 9-12.
7. Melnikov AV Problems of the lawyer's activities in collecting evidence at the pre-trial stage. - Electronic resource // Universum: economics and jurisprudence: electronic. scientific. journal. 2022. 10 (97). Access mode: <https://universum.com/ru/economy/archive/item/14319> (date accessed: 20.06.2025). - P. 31-33
8. Burlachenko A.S. Features of the protection of the professional right to receive information necessary for the provision of legal assistance, upon a lawyer's request // Advocate practice. 2024. - No. 1. - P. 42-46
9. Makarov S. Yu. How a lawyer can make a request a reliable defense tool // Criminal procedure. 2020. - No. 9 (189). - P. 47-55.
10. A lawyer's request will become even more effective. // Official website of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation - [Electronic resource]. Access mode: <https://fparf.ru/polemic/opinions/advokatskiy-zapros-stanet-eshche-bolee-effektivnym/> (date of access 19.07.2025)
11. Zaikin P. Protecting the right to receive information upon a lawyer's request is a fundamental issue // Advocate newspaper - [Electronic resource]. Access mode: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zashchita-prava-na-poluchenie-svedeniy-po-advokatskomu-zaprosu-vopros-principialnyy/> (date of access 29.06.2025)
12. Refusal to provide information upon a lawyer's request was contrary to established practice // Official website of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation - [Electronic resource]. Access mode: <https://fparf.ru/polemic/opinions/advokatskiy-zapros-stanet-eshche-bolee-effektivnym/> (date of access 10.07.2025)
13. Documents of the All-Russian Congress of Advocates. - Electronic resource // Official website of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation - [Electronic resource]. Access mode: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/> (date of access 05.07.2025)

ПОМИЛОВАНИЕ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ СТРАН СНГ PARDON AS AN INTEGRAL CONSTITUTIONAL INSTITUTION OF THE CIS COUNTRIES

АРТЫКОВ Джафар Зафаржонович,

аспирант кафедры конституционного и международного права,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: 1587746@bsuedu.ru;

ARTYKOV Jafar Zafarzhonovich,

Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law,
Law Institute, Belgorod State National Research University.
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation.
E-mail: 1587746@bsuedu.ru

Краткая аннотация. На основе конституционно-правовых и научных источников рассмотрены отличительные черты института помилования с конкретизацией конституционных положений в странах Содружества Независимых Государств. Проанализированы подходы к реализации конституционных норм, связанных с полномочием главы государства осуществлять помилование с учетом означенных в статье принципов института помилования и факторов принятия решения о помиловании. Сделан вывод, что преобладающая общность конституционных норм о помиловании создает основу для сотрудничества в рамках СНГ.

Abstract. On the basis of constitutional, legal and scientific sources, the distinctive features of the institute of pardon are considered, specifying the constitutional provisions in the countries of the Commonwealth of Independent States. The approaches to the implementation of constitutional norms related to the authority of the head of state to grant pardons are analyzed, taking into account the principles of the institution of pardon mentioned in the article and the factors of making a decision on pardon. It is concluded that the prevailing commonality of constitutional norms on pardon creates the basis for cooperation within the CIS.

Ключевые слова: конституция, право на помилование, президент, полномочие осуществлять помилование, решение о помиловании.
Key words. the Constitution, the right to pardon, the President, the power to grant clemency, and the decision to grant clemency.

Для цитирования: Артыков Д.З. Помилование как интегральный конституционный институт стран СНГ // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 92-94. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_92.

For citation: Artykov D.Z. Pardon as an integral constitutional institution of the CIS countries // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 92-94. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_92.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2025
Дата публикации: 31.07.2025

Помилование как конституционный институт в своем преимуществе включает право каждого осужденного просить о помиловании или смягчении наказания и полномочие главы государства принимать решение о помиловании [2, с. 82].

Помилование в странах СНГ является важным конституционным инструментом государственной политики, которое используется и для смягчения наказания осужденному лицу, и для демонстрации реальности гуманистических мотивов публичного механизма. Помимо помилования гуманистически оттененным институтом является и амнистия, которая касается не определенного лица, как при помиловании, а определенной категории лиц, преступивших закон, и выражается в освобождении их от уголовного преследования или сокращении срока наказания. Отметим также, что кроме единства гуманистической направленности данные институты имеют общие корни. По словам П.И. Люблинского «в большей степени было знакомо понятие помилования, а понятие "амнистия" стало известно значительно позже» [5, с. 179].

В данной статье акцентируем внимание на институте помилования, отметив, что в каждой стране СНГ помилование предусмотрено конституцией и соответствующим образом урегулировано. Это дает исходные конституционные основания для сотрудничества стран СНГ и в сфере прав человека, и сфере взаимодействия глав государств, обладающих прерогативой принятия решений о помиловании.

В своих рассуждениях о помиловании будем исходить из его понимания «как акта верховной власти (обычно главы государства), полностью или частично освобождающего осужденного от назначенного или могущего быть назначенным впоследствии наказания, либо заменяющего назначенное ему судом наказание более мягким» [1, с. 236].

В юридических научных источниках помилование представлено в разных чертах, совокупность которых приближает нас к его пониманию. Для нашей задачи приведем следующие позиции. Так, В. И. Селиверстов обобщил, что «Сущность помилования заключается в милосердии, проявляемом государством по отношению к лицу, которому за совершение преступления назначено уголовное наказание» [8, с. 58].

По мнению И. А. Гусакова, помилование является «ярким проявлением правовой свободы личности, действенной гарантией права на жизнь и справедливое правосудие», а также «показателем демократического процесса...» [4, с. 3]. С этим ёмким мнением вполне можно согласиться.

Конституционный институт помилования в странах СНГ отражает особую роль государства в обеспечении прав человека и в осуществлении юридической справедливости. Это обуславливает имманентность помилованию ряда принципов.

Согласившись, что сущность помилования заключается в милосердии, исходно назовем принцип гуманизма [7, с. 271]. Помилование

направлено на проявление сострадания и милосердия к осужденному, особенно если имеются основания полагать, что дальнейшее отбывание наказания будет чрезмерно суровым или неоправданным.

К принципу гуманизма тесно примыкает принцип справедливости, понимаемый в нашем рассуждении как «соразмерность между ... деянием и воздаянием, ... между преступлением и наказанием» [3, с. 351]. Опираясь на него, решение о помиловании должно соответствовать принципу справедливости в связке со степенью общественной опасности совершенного деяния и характером вины осужденного.

Учитывая адресность помилования, отметим как принцип индивидуальность. Каждое инициированное обращение с прошением о помиловании, как право *ad hoc* [6, с. 45] рассматривается персонально, с учетом конкретных обстоятельств дела, личности осужденного и его поведения в период отбывания наказания.

Принятие решения о помиловании обратившегося с просьбой об этом лица предполагает оценку наличия признаков раскаяния у осужденного и его стремление к исправлению. Поскольку раскаяние и исправление являются оценочными, постольку их можно отнести к разряду факторов принятия решения о помиловании.

Еще одним заслуживающим быть отмеченным в качестве фактора принятия решения о помиловании является его исключительность. Подобное решение в отношении обращающихся лиц применяется редко и только в тех случаях, когда есть веские основания для смягчения наказания или освобождения от него.

Указанные принципы и факторы характеризуют институт помилования и отграничивают его от иных решений публичных органов, направленных на смягчение наказания или освобождения от него.

Как известно, в странах СНГ конституционный институт помилования включает и право осужденного просить о нем, и полномочие главы государства. Оценка реализации конституционных норм о помиловании более корректно можно осуществить, опираясь на официальные акты главы соответствующего государства. В порядке иллюстрации приведем доступную статистику периода 2020–2024 гг.

Конституцией Республики Азербайджан¹, а именно ее ст. 109 установлено, что глава государства «22) осуществляет помилование.». За указанный период данное полномочие было реализовано Президентом Азербайджанской Республики тремя распоряжениями в отношении более 1350 осужденных. Так, распоряжениями Президента Азербайджана от 27 мая 2022 г. были помилованы более 200 осужденных²; от 08 мая 2023 г. – более 1000 осужденных, что оценивается как крупнейший акт о помиловании, принятый в истории независимой Азербайджанской Республики³; от 25 мая 2024 г. – более 150 осужденных⁴. Обратим внимание, что в указанные годы акты о помиловании были приняты в мае.

Конституцией Республики Армения⁵ в ее ст. 55 установлено, что Президент Республики «17) осуществляет помилование осужденных». Согласно Закону Республики «О помиловании», Президент Республики осуществляет свои конституционно закрепленные полномочия только на основании представленного премьер-министром предложения о помиловании лица⁶. Официальных сведений по поводу помилования в заявленный период не обнаружено.

Конституцией Республики Беларусь⁷ в ее статье 84 установлено, что Президент Республики «19. осуществляет помилование осужденных;». Только в 2024 году Президент подписал 7 указов о помиловании, коснувшихся более 700 осужденных⁸.

Конституцией Российской Федерации⁹ в ее ст. 89 установлено, что Президент России «в) осуществляет помилование». Обращение к банку документов Президента России показало, что в 2020 г. четырьмя своими указами от 29 января 2020 г. № 6714 и от февраля 2020 г. № 127, 128 и 129 было помиловано 4 осужденных¹⁰. Следующая информация о помиловании на официальном сайте Кремля относится к 2024 г. В марте сообщалось о помиловании 52 осужденных женщин, и что «При принятии решения о помиловании глава государства руководствовался принципами гуманности. Прежде всего помилованы женщины, имеющие несовершеннолетних детей, беременные женщины, а также женщины, родственники которых участвуют в специальной военной операции»¹¹. В августе сообщалось о помиловании 13 осужденных со следующей целью: «Решение о подписании указов было принято с целью возвращения граждан РФ, задержанных и находившихся в заключении на территории иностранных государств»¹².

Конституцией Республики Таджикистан в ее ст. 69 установлено, что Президент в рамках своих полномочий «26. Осуществляет помилование;». Так, своим Указом от 30 октября 2020 г. Президент Таджикистана помиловал более 350 осужденных¹³.

Проведенный анализ конституционных норм, отражающих полномочия главы государства в сфере помилования, и практику их реализации показал, общность здесь базовых позиций стран СНГ: в каждой из них помилование представлено двояко – и как право осужденного, и как прерогатива главы государства. Соответственно, данные нормы могут составлять устойчивую основу для сотрудничества стран СНГ по вопросам помилования. При этом различаются подходы к конкретизации процессуальных аспектов помилования: это осуществляется на законодательном и подзаконном уровнях. Указанное не препятствует взаимодействию соответствующих публичных органов по поводу помилования.

¹ <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution>

² <https://president.az/ru/articles/view/56230>

³ <https://president.az/ru/articles/view/59655>

⁴ <https://president.az/ru/articles/view/66020>

⁵ <https://www.president.am/ru/constitution-2005/>

⁶ <https://www.president.am/ru/questions/>

⁷ <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>

⁸ https://president.gov.by/ru/search_results?start=0&end=1738231579&query=помилование

⁹ <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>

¹⁰ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/search?type=3&title=%D0%9E%D0%20%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8>

¹¹ <http://www.kremlin.ru/acts/news/73623>

¹² <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74695>

¹³ <https://president.tj/event/news/21998>

Также отметим, что сущностные принципы гуманизма/милосердия и справедливости проявляются в институте помилования всякий раз, когда главой государства принимается решение об этом. Последовательно проявляет себя и принцип индивидуальности, что подчеркнуто не только персонализацией «милуемого» лица, но и ad hoc мотивацией, отражаемой в акте о помиловании.

Список литературы:

1. Артыков Д.З. Конституционно-правовые факторы интеграции институтов амнистии и помилования // Конституционализм: симбиоз науки и практики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука. Deutschland, Gelsenkirchen, 2023. С. 236-240. EDN: TBNJZJ
2. Артыков Д.З. Институт помилования: конституционно-правовая модель стран СНГ // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 15 ноября 2024 г.). - Белгород: ООО "Гик", 2024. 277 с. EDN: UZDXCH
3. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Толковый словарь юридических терминов / Составители А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына. - М.: Эксмо, 2008. 448 с. С. 351.
4. Гукасов И.А. Институт помилования в Российской Федерации: конституционно-правовые начала: Автореферат дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.02. Ростов-на-Дону, 2008. EDN: NQGVQJ
5. Люблинский П.И. Амнистия и ее правовые основания // Вестник права.1906. Кн. 3. С. 179-183.
6. Мархгейм М.В. Право на помилование и право на амнистию в конституционном ad hoc ракурсе // В сборнике: Права человека: история, теория, практика. Десятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2022. С. 45-49. EDN: AULXJI
7. Новейший философский словарь. - Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
8. Селиверстов В.И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 года и их влияние // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 222-228. DOI: 10.17223/15617793/475/27 EDN: ZQYFXG

References:

1. Artykov D.Z. Constitutional and legal factors of integration of institutions of amnesty and pardon // Constitutionalism: symbiosis of science and practice. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N.V. Vitruk. Deutschland, Gelsenkirchen, 2023. Pp. 236-240.
2. Artykov D.Z. Institute of Pardon: constitutional and legal model of the CIS countries // Constitutionalism: symbiosis of science and practice : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N.V. Vitruk (Belgorod, November 15, 2024). – Belgorod: LLC "GIK", 2024. 277 p.
3. Golovistikova A.N., Grudtsyna L.Y. explanatory dictionary of legal terms / compiled by A.N. Golovistikova, L.Y. Grudtsyna. Moscow: Eksmo, 2008. 448 p.
4. Gukasov I.A. The Institute of pardon in the Russian Federation: constitutional and legal principles : Abstract of the dissertation. ... Candidate of Law Sciences : 12.00.02. Rostov-on-Don, 2008.
5. Lyublinsky P.I. Amnesty and its legal grounds // Bulletin of Law.1906. Book 3. Pp. 179-183.
6. Markhgeym M.V. The right to pardon and the right to amnesty in the constitutional ad hoc perspective // In the collection: Human Rights: history, theory, practice. Tenth All-Russian Scientific and Practical Conference: collection of scientific articles. Southwestern State University. Kursk, 2022. Pp. 45-49.
7. The latest philosophical dictionary. Minsk : Book House, 2003. 1280 p.
8. Seliverstov V.I. Pardon in the Russian Federation: novels of 2020 and their impact // Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 475. Pp. 222-228.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЧС РОССИИ SOME ISSUES OF LEGAL SUPPORT FOR THE RUSSIAN MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович,

кандидат военных наук, доцент, заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева».
192102, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 10.
E-mail: pyanusev.av@yandex.ru;

PYANUSOV Alexander Viktorovich,

Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Life Safety
St. Petersburg State Fire Service University
Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies
and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev."
Fuchika str., 10, Saint Petersburg, 192102, Russia.
E-mail: pyanusev.av@yandex.ru

Краткая аннотация: Проведен анализ нормативной правовой базы в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах и даны рекомендации по ее усовершенствованию.

Abstract: The analysis of standard legal base in the field of civil defense is carried out, protection of the population and territories against emergency situations of natural and technogenic character, maintenance of fire safety and safety of people on water objects and are made recommendations about its improvement.

Ключевые слова: анализ нормативной правовой базы, нормативный правовой акт, МЧС России.

Keywords: the analysis of standard legal base, the standard legal certificate, the Ministry of Emergency Measures of Russia.

Для цитирования: Пьянусов А.В. Некоторые вопросы правового обеспечения МЧС России // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 95-98. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_95.

For citation: Pyanusev A.V. Some issues of legal support for the Russian ministry of emergency situations // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 95-98. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_95.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В современном быстроразвивающемся мире следить за состоянием нормативной правовой базы в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах имеет особое значение, так как правовая составляющая в указанных областях является неотъемлемой частью системы национальной безопасности.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции РФ все законы, а также любые нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, подлежат официальному опубликованию¹. Неопубликованные нормативные правовые акты не применяются, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу. Официальное опубликование является конституционной гарантией прав граждан. Государство не может требовать от граждан соблюдения законов, содержание которых не доведено до их сведения².

Аналогичную норму мы видим и в Указе Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 года № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти», где говорится, что опубликованные акты федеральных органов исполнительной власти вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении десяти дней со дня их официального опубликования, если самими актами не установлен другой порядок вступления их в силу.

Официальными источниками опубликования ведомственных нормативных актов считается первая публикация их полных текстов в «Российской газете» и Собрании законодательства Российской Федерации или первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Чтобы определить, с какого момента вступает в силу НПА, необходимо выяснить, что считается официальным опубликованием и какие условия должны быть соблюдены для того, чтобы НПА признавался официально опубликованным.

Во-первых, официальное опубликование должно проводиться путем помещения текста документа в общедоступном издании, которое должно свободно распространяться среди населения по неограниченной подписке.

Во-вторых, помещение текста НПА в общедоступном издании только тогда имеет статус официального опубликования, когда это из-

¹ Назарова, И. С. Актуальные аспекты нормативного регулирования правотворческой деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова // *Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии*. – 2020. – № 1(10). – С. 105-108. – EDN WSKVMH.

² Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

дание законодательно определено в качестве источника официального опубликования для данного вида НПА.

В-третьих, НПА должен быть опубликован в официальном издании полностью.

Таким образом, под официальным опубликованием НПА следует понимать помещение полного текста документа в специальных изданиях, признанных официальными действующим законодательством.

Перед тем как приступить к непосредственно анализу нормативной правовой базы, представляется необходимым определить правовой статус сотрудника федеральной противопожарной службы МЧС России. В соответствии с Федеральным законом № 58 от 27 мая 2003 года «О системе государственной службы» государственная служба в Российской Федерации определяется как профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий и включает в себя следующие виды государственной службы: государственная гражданская служба, военная служба, государственную службу иных видов.

На первый взгляд можно предположить, что в федеральной противопожарной службе МЧС России представлены все виды государственной службы, но если правовое регулирование государственной гражданской службы и военной службы осуществляется соответствующими федеральными законами, то такой важный вид государственной службы как государственную службу иных видов по сегодняшний день не закреплён на федеральном уровне. Представляется возможным, что служба сотрудников федеральной противопожарной службе МЧС России будет закреплена в Федеральном законе «О государственной службе иных видов».

В соответствии с Указом Президента РФ от 11 июля 2004 года № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах является МЧС России, в структуру которого входят:

центральный аппарат;

территориальные органы - органы, специально уполномоченные решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, по субъектам Российской Федерации;

федеральная противопожарная служба Государственной противопожарной службы;

спасательные воинские формирования Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;

государственная инспекция по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;

аварийно-спасательные формирования, военизированные горноспасательные части, образовательные, научные, судебно-экспертные, медицинские, санаторно-курортные и иные организации, находящиеся в ведении Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Необходимо отметить что, в системе МЧС России действуют большой пласт нормативных актов, регулирующих различные вопросы организации и деятельности как министерства в целом, так и отдельных его подразделений. Однако нормативные акты МЧС России регулируют только внутриведомственные отношения, но не стоит забывать, что МЧС России по вопросам, определенным законодательством, вправе издавать акты внешнего воздействия, регулирующие отношения с участием других государственных органов и физических лиц. Такими актами МЧС России являются, федеральные законы от 21.12.94 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 21.12.94 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», от 22.08.95 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» и от 12.02.98 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» и ФЗ от 03.02.2025 N 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах» который вступает в силу 01.09.2025г.

Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» осуществляет правовое регулирование отношений в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права, определяет основные цели и принципы защиты населения и территорий от ЧС, разграничивает полномочия в области защиты населения и территорий от ЧС между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и организациями¹. Федеральный закон закрепляет полномочия Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от ЧС, а также систему государственного управления в области защиты населения и территорий от ЧС, обязанности федеральных органов исполнительной власти, организаций и граждан в указанной области, устанавливает порядок финансового и материального обеспечения соответствующих мероприятий, содержит целый ряд других положений, направленных на повышение эффективности системы защиты населения и территорий. Особо выделены вопросы подготовки населения к действиям в ЧС и пропаганды знаний в области защиты от ЧС.

¹ Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU; Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

Отдельной статьей выделены задачи Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, которая в свою очередь объединяет органы управления, силы и средства федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, в полномочия которых входит решение вопросов по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе по обеспечению безопасности людей на водных объектах¹.

Федеральный закон «О пожарной безопасности» устанавливает общие правовые, экономические и социальные основы обеспечения пожарной безопасности в Российской Федерации регулирует в этой области отношения между органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, иными юридическими лицами независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, а также между общественными объединениями, должностными лицами, гражданами РФ, иностранными гражданами, лицами без гражданства. Закреплено, что обеспечение пожарной безопасности является одной из важнейших функций государства². Закрепляет основные понятия, такие как пожарная безопасность, требования пожарной безопасности, нарушение требований пожарной безопасности, пожарная охрана, федеральный государственный пожарный надзор и др. Определяется система обеспечения пожарной безопасности и ее основные функции, виды и основные задачи пожарной охраны, личный состав Государственной противопожарной службы, гарантии правовой и социальной защиты личного состава Государственной противопожарной службы, страховые гарантии сотрудникам и работникам Государственной противопожарной службы, финансовое и материально-техническое обеспечение служб пожарной безопасности, полномочия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в области пожарной безопасности, права, обязанности и ответственность граждан и организаций в области пожарной безопасности.

Следует отметить, что статьей 13 введен новый вид пожарной охраны - добровольная пожарная охрана, основные положения которого определены в Федеральном законе от 6 мая 2001 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» согласно которому основными задачами добровольной пожарной охраны являются - профилактика и тушение пожаров, спасение людей и имущества, оказание помощи пострадавшим, проведение аварийно-спасательных работ³.

Федеральный закон «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», закрепляет правовые основы создания и деятельности аварийно-спасательных служб и спасателей в соответствии с принципами гуманизма, милосердия, единоначалия руководства, оправданного риска и постоянной готовности. Определены основные задачи аварийно-спасательных служб:

поддержание органов управления, сил и средств аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований в постоянной готовности к выдвиганию в зоны чрезвычайных ситуаций и проведению работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций;
контроль за готовностью обслуживаемых объектов и территорий к проведению на них работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций;
ликвидация чрезвычайных ситуаций на обслуживаемых объектах или территориях.

Федеральный закон «О гражданской обороне» закрепляет понятие гражданской обороны как системы мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при возникновении ЧС природного и техногенного характера, задачи в области гражданской обороны, принципы организации и ведения гражданской обороны. Определяет полномочия органов государственной власти Российской Федерации в области гражданской обороны, в том числе Президента РФ, Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, а также полномочия органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций, права и обязанности граждан Российской Федерации в области гражданской обороны, руководство гражданской обороной, органы, осуществляющие управление гражданской обороной, силы гражданской обороны, основы деятельности спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны⁴.

Анализ нормативной правовой базы в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах позволяет сделать вывод о том что, проблемой законодательства в данной области является правовая нестабильность, поскольку в отдельные нормативные акты внесено большое количество различных изменений и дополнений. Естественно, что разобраться в них не под силу даже опытным специалистам. В связи с этим Министерству Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий необходимо проводить значительную работу по систематизации (консолидации, кодификации) нормативных актов в указанной области.

Список литературы:

1. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 3(56). - С. 39-44. EDN: KEWNXE

¹ Зоков, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зоков, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. - 2023. - № 1. - С. 120-126. - DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. - EDN RSTUZZ.

² Немченко, С. Б. Должностные лица МЧС России как субъекты реализации функций государства: отдельные вопросы административно-юрисдикционной деятельности / С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. - 2021. - № 3. - С. 55-57. - DOI 10.18572/2071-1166-2021-3-55-57. - EDN AFFQJO.

³ Смирнова, А. А. Правовое обеспечение деятельности добровольных спасательных формирований в Российской Федерации / А. А. Смирнова, А. А. Князев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 2(55). - С. 71-77. - EDN WDOVPC.

⁴ Зоков, В. А. Некоторые вопросы нормативно-правового обеспечения гражданской обороны в Российской Федерации / В. А. Зоков // Проблемы управления рисками в техносфере. - 2018. - № 2(46). - С. 144-150. - EDN AUCPLY.

2. Зокоев, В. А. Некоторые вопросы нормативно-правового обеспечения гражданской обороны в Российской Федерации / В. А. Зокоев // Проблемы управления рисками в техносфере. - 2018. - № 2(46). - С. 144-150. EDN: AUCPLY
3. Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. - 2023. - № 1. - С. 120-126. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126 EDN: RSTUZD
4. Назарова, И. С. Актуальные аспекты нормативного регулирования правотворческой деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. - 2020. - № 1(10). - С. 105-108. EDN: WSKVMH
5. Немченко, С. Б. Должностные лица МЧС России как субъекты реализации функций государства: отдельные вопросы административно-юрисдикционной деятельности / С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. - 2021. - № 3. - С. 55-57. DOI: 10.18572/2071-1166-2021-3-55-57 EDN: AFFQJO
6. Смирнова, А. А. Правовое обеспечение деятельности добровольных спасательных формирований в Российской Федерации / А. А. Смирнова, А. А. Князев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 2(55). - С. 71-77. EDN: WDOVPC
7. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2022. - № 9(302). - С. 111-120. EDN: THPMIA
8. Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. - С. 141-145. EDN: IBAGYU

References:

1. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. - 2022. - № 3(56). - Pp. 39-44. EDN: KEWNXE
2. Zokoev, V. A. Some issues of regulatory and legal support for civil defense in the Russian Federation / V. A. Zokoev // Problems of risk management in the technosphere. - 2018. - № 2(46). - Pp. 144-150. EDN: AUCPLY
3. Zokoev, V. A. On the legal regulation of the main activities of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations / V. A. Zokoev, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 1. - pp. 120-126. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126 EDN: RSTUZD
4. Nazarova, I. S. Actual aspects of the regulatory regulation of the law-making activities of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation / I. S. Nazarova // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. - 2020. - № 1(10). - Pp. 105-108. EDN: WSKVMH
5. Nemchenko, S. B. Officials of the Ministry of Emergency Situations of Russia as subjects of the implementation of state functions: selected issues of administrative and jurisdictional activity / S. B. Nemchenko, V. M. Shenshin // Administrative law and Process. - 2021. - No. 3. - pp. 55-57. DOI: 10.18572/2071-1166-2021-3-55-57 EDN: AFFQJO
6. Smirnova, A. A. Legal support for the activities of voluntary rescue groups in the Russian Federation / A. A. Smirnova, A. A. Knyazev // Pravo. Safety. Emergency situations. - 2022. - № 2(55). - Pp. 71-77. EDN: WDOVPC
7. Shenshin, V. M. On increasing the stability of the functioning of organizations in wartime, as well as in emergency situations of a natural and man-made nature / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. - 2022. - № 9(302). - Pp. 111-120. EDN: THPMIA
8. Shenshin, V. M. Features of interaction between the Ministry of Emergency Situations of Russia and local governments in the field of population protection from emergencies / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanov // Fire safety: modern challenges. Problems and solutions: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 22, 2021 / Comp.: A.V. Zыkov, N.V. Fedorova, O.E. Evseeva. - Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief, 2021. - pp. 141-145. EDN: IBAGYU

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (МИЛИЦИИ) РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ И ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ THE LEGAL BASIS FOR THE USE OF ADMINISTRATIVE COUNTERMEASURES BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES (POLICE) OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE FACTORS THAT DETERMINE THE DIRECTIONS FOR ITS IMPROVEMENT

ВАЛИДЖОНЗОДА Дилшод Валиджон,

преподаватель - методист факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе);
адъюнкт по кафедре управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка
центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (г. Москва).
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: validzhonzoda27@gmail.com;

VALIDZHONZODA Dilshod Validzhon,

Lecturer - Methodologist of Faculty No. 2 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan (Dushanbe);
Adjunct in the Department of Management of Activities of Public Order Protection Units
of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow).
Russia, 125993, Moscow, st. Zoe and Aleksandra Kosmodemyanskikh, 8.
E-mail: validzhonzoda27@gmail.com

Краткая аннотация: в статье на основе анализа научных источников и законодательства Республики Таджикистан выработано определение правовой основы применения органами внутренних дел (милиции) Республики Таджикистан мер административного пресечения, дана их классификация, предложены направления совершенствования правового регулирования их применения.

Abstract: In the article, based on the analysis of scientific sources and the legislation of the Republic of Tajikistan, a definition of the legal basis for the application of administrative measures of restraint by the internal affairs bodies (police) of the Republic of Tajikistan is developed, their classification is given, and directions for improving the legal regulation of their application are proposed.

Ключевые слова: государственное управление; административное право; административный процесс; административно-правовое регулирование; меры административного принуждения; меры административного пресечения; законодательство; органы внутренних дел; сравнительное правоведение.

Keywords: public administration; administrative law; administrative process; administrative and legal regulation; administrative coercion measures; administrative restraint measures; legislation; internal affairs agencies; comparative law.

Для цитирования: Валиджонзода Д.В. Правовая основа применения органами внутренних дел (милиции) Республики Таджикистан мер административного пресечения и факторы, детерминирующие направления ее совершенствования // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 99-101. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_99.

For citation: Validzhonzoda D.V. The legal basis for the use of administrative countermeasures by the internal affairs bodies (police) of the Republic of Tajikistan and the factors that determine the directions for its improvement // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 99-101. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_99.

Статья поступила в редакцию: 29.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Совершенствование правового регулирования в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности – важная задача, стоящая перед современными государствами [1, 304 с.], [3, 312 с.], [4, 228 с.]. Это подчеркивается и научной литературе, и в ходе выступлений ученых на научно-представительских мероприятиях [2, с. 79-88], [5, 219 с.], [11].

Применение органами внутренних дел (далее – ОВД) мер административного принуждения требует особо тщательного правового регулирования, так как именно это является одним из факторов, по которым оценивается деятельность ОВД в целом, говорит В.М. Редкоус [9, с. 157-159].

Важнейшим документом стратегического планирования, который будет определять «новое лицо» милиции Таджикистана, в том числе и при применении милицией мер административного пресечения, является Программа реформы милиции Республики Таджикистан на 2021-2025 годы, утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 июня 2021 г. № 211, которая была разработана на основе Конституции Республики Таджикистан, Закона Республики Таджикистан «О государственных перспективах, концепций, стратегий и программ социально-экономического развития Республики Таджикистан» и Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года, утв. постановлением Маджлиси намоёндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 г. № 636.

В качестве фактора, влияющего на правовое регулирование применения милицией мер административного пресечения, и характер развития законодательства в этой области, наиболее влияние оказывают следующие направления реформы милиции в Республике: совершенствование механизма обработки обращений физических и юридических лиц как важный элемент повышения общественного доверия к милиции и усиления общественного контроля; внедрение современной системы приема, регистрации и своевременного рассмотрения обращений физических и юридических лиц; создание новой информационной системы и развитие существующей системы в органах милиции с учетом обеспечения информационной безопасности; обеспечение прозрачности в деятельности милиции; усиление работы по внедрению цифровой экономики, снижение влияния человеческого фактора и использование бумажной документации; налаживание эффективного взаимодействия милиции

с общественностью; совершенствование механизма оказания помощи гражданскому обществу в предоставлении соответствующей информации по направлениям деятельности милиции; внедрение подотчетности руководителей и соответствующих сотрудников милиции перед общественностью о результатах служебной деятельности; совершенствование и обеспечение прозрачности системы оценки деятельности сотрудников милиции; принятие мер по соблюдению и защите прав лиц, пострадавших от преступных посягательств, и создание условий для сотрудничества пострадавших с органами милиции; принятие мер по предотвращению нарушений прав и интересов человека при задержании, аресте и уголовном преследовании.

В целях совершенствования нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность милиции, считается необходимым продолжить совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность милиции с учетом передового опыта стран, достигших желаемых результатов в сфере реформы милиции; разрабатывать и совершенствовать нормативные правовые акты, связанные с деятельностью милиции по таким направлениям, как обеспечение прав и свобод человека и гражданина; передача другим органам и учреждениям несвойственных милиции функций, и ряду других.

Совершенствование правового регулирования применения милицией Таджикистана мер административного пресечения требует всестороннего учета организации новой системы предупреждения и профилактики правонарушений в РТ. Так, Программа устанавливает, что предупреждение правонарушений и поддержание безопасной социальной среды является одним из приоритетных направлений деятельности милиции. В контексте усиления современных угроз и рисков на национальном, региональном и глобальном уровнях значение государственной политики в области предупреждения и профилактики преступности растет. Такая политика требует не только активного участия государственных органов, но и участия всего общества в области предупреждения и профилактики правонарушений. Обеспечивается участие гражданского общества в процессе предупреждения, профилактики и выявления правонарушений, а также широко внедряется практика проведения консультаций органов милиции с общественностью. В сфере предупреждения, профилактики, выявления и раскрытия правонарушений местные жители должны быть активными партнерами милиции.

Необходимо создать методы и механизмы, в рамках которых милиция и местные исполнительные органы государственной власти, социальные структуры и другие службы будут планировать и осуществлять усилия по поддержанию правопорядка и безопасности. Основой к успешному предупреждению и профилактике преступности является адаптация мер по информированию и предупреждению местным условиям. Милиция на местах должна свободно выбирать формы и методы работы, которые наиболее эффективны для данной территории. Для достижения главной цели реформы милиция интегрируется с гражданским обществом, и ее деятельность будет направлена на защиту интересов общества под девизом «Милиция – мой защитник».

На применение милицией мер административного пресечения влияет и такой фактор, как взаимодействие милиции с общественностью. Одним из ключевых направлений реформы милиции является взаимовыгодное сотрудничество с общественностью. Прежде всего, сотрудничество направлено на повышение уровня доступности общественности к услугам милиции, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечение безопасной среды и повышение доверия общественности к милиции. Основная цель сотрудничества – определить эффективный механизм предупреждения, профилактики правонарушений и повышения доверия населения к органам милиции. В контексте взаимодействия с гражданским обществом в сфере профилактики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, преступностью несовершеннолетних и молодежи, примыкание к партиям и террористическим, экстремистским движениям, и религиозных течений, деятельность которых запрещена в Республике Таджикистан будут разработаны и реализованы необходимые меры. Одним из способов повысить общественное доверие к милиции является информирование общественности о деятельности милиции в сфере предупреждения, профилактики и раскрытия правонарушений, и результатах служебной деятельности органов милиции. Органы милиции анализируют криминогенную обстановку в городах и районах, проводят регулярные встречи и информируют население о криминогенной обстановке на местах по средствам массовой информации.

В плане совершенствования правового регулирования применения сотрудниками милиции РТ мер административного пресечения необходимо проводить сравнительно-правовые исследования законодательств Таджикистана и иных государств, регламентирующих деятельность органов внутренних дел (полиции). Прежде всего, это касается законодательств государств – участников СНГ, имеющих наиболее близкие правовые системы с правовой системой Республики Таджикистан [6, 491 с.].

В качестве объекта для сравнительно-правового исследования можно взять нормы Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», который содержит достаточно разработанные положения в части применения полицией России мер административного пресечения.

Так, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» содержит главу 4 «Применение полицией отдельных мер государственного принуждения». В главу 4 входят следующие статьи: ст. 14. Задержание; ст. 15. Проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории; ст. 15.1. Вскрытие транспортного средства; ст. 16. Оцепление (блокирование) территорий, жилых помещений, строений и других объектов.

Анализ содержания данных норм показывает, что они преимущественно имеют комплексное содержание, которое может быть расценено в зависимости от целей, оснований и повода применения и как предупредительное, и как пресекающее [7, с. 48-55].

По мнению автора, в ходе доработки Закона РТ от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции» такую же главу целесообразно включить и в проект нового закона, который будет регламентировать деятельность органов внутренних дел в РТ.

Глава 5 ФЗ «О полиции» называется «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», и включает следующие статьи: ст. 18. Право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; ст. 19. Порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; ст. 20. Применение физической силы; ст. 21. Применение специальных средств; ст. 22. Запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств; ст. 23. Применение огнестрельного оружия; ст. 24. Гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника полиции.

Закон РТ от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции», как и ФЗ о полиции содержит главу 4 «Применение милицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», включающую следующие статьи: ст. 13. Условия и пределы применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; ст. 14. Применение специальных средств; ст. 15. Применение и использование огнестрельного оружия; ст. 16. Статья 16. Гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника милиции.

В принципе, глава 4 Закона РТ «О милиции» и глава 5 ФЗ о полиции имеют весьма сходное содержание, однако все-таки глава 5 ФЗ о полиции в большей степени сформулирована с учетом современных требований, предъявляемых к правовому регулированию деятельности полиции, связи с чем в главу 4 Закона РТ «О милиции» можно переструктурировать, выделив в ней в качестве самостоятельных статей статью о праве на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также о запретах и ограничениях, связанных с применением специальных средств.

Таким образом, по мнению автора, с учетом концептуальных положений о реформировании милиции в Республике Таджикистан необходимо четко сформулировать концептуальные положения о совершенствовании порядка применения милицией страны мер административного пресечения как важной группы мер административного принуждения, а также уточнить основания и поводы их применения, отразив необходимые правила, прежде всего, в законодательстве.

И в этом большая роль отводится сравнительному правоведению, о чем справедливо говорит в своих работах В.М. Редкоус [8, с. 91-95], [10, с. 613-620].

Список литературы:

1. Административно-правовые средства обеспечения устойчивого экономического развития Российской Федерации / Д. Ф. Вяткин, А. А. Гришковец, Е. Л. Васянина [и др.]. - Москва: ООО "Русайнс", 2025. - 304 с. ISBN: 978-5-466-09321-6 EDN: VJGGNK
2. Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция "Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса ("Лазаревские чтения - 2022") // Административное право и процесс. - 2022. - № 5. - С. 79-88. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-5-79-88 EDN: KCDTLU
3. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Учебник: в 2 частях. Ч. 2 / В. А. Милехин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.]. - Москва: Академия управления МВД России, 2023. - 312 с.
4. Правовое обеспечение суверенитета и кодификация информационного законодательства / Ю. М. Батурин, Т. А. Полякова, А. В. Минбалева [и др.]. - Москва: Институт государства и права РАН, 2024. - 228 с. ISBN: 978-5-8339-0296-7 EDN: CIYCSST
5. Правовое регулирование финансового рынка России / М. Н. Кобзарь-Фролова, Е. Л. Васянина, С. В. Запольский [и др.]. - Москва: Институт государства и права РАН, 2023. - 219 с. ISBN: 978-5-8339-0245-5 EDN: LZLLHB
6. Редкоус, В. М. Административно-правовая основа обеспечения национальной безопасности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: монография / Редкоус В. М. - Петрозаводск: РИА-КМБ, 2010. - 491 с. ISBN: 978-5-89314-347-8 EDN: QRZXQR
7. Редкоус, В. М. Административно-правовые режимы, устанавливаемые в целях обеспечения государственной безопасности / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. - 2023. - № 1(65). - С. 48-55. DOI: 10.24412/2072-9391-2023-165-48-55 EDN: IDPPCO
8. Редкоус, В. М. Актуальные вопросы административного права в трудах профессора М.В. Костенникова: к 60-летию со дня рождения / В. М. Редкоус // Закон и право. - 2025. - № 5. - С. 91-95. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-5-91-95 EDN: JPIYKA
9. Редкоус, В. М. О совершенствовании правовой основы деятельности органов внутренних дел по объявлению официальных предостережений / В. М. Редкоус // Закон и право. - 2020. - № 9. - С. 157-159. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10453 EDN: EIBWAV
10. Редкоус, В.М. О необходимости актуализации сравнительно-правовых исследований законодательного обеспечения национальной безопасности в государствах - участниках СНГ / В. М. Редкоус // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Аврутина Ю.Е. в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. - Санкт-Петербург, 2022. - С. 613-620. EDN: BPTLSV
11. Mironov, A. N. Private bankruptcy in the Russian Federation: reality and perspectives / A. N. Mironov, Yu. P. Kolesnikova, V. M. Redkous // SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium", Kaliningrad, 11 декабря 2020 года. Vol. 108. - Kaliningrad: EDPsciences, 2021. - P. 01008. DOI: 10.1051/shsconf/202110801008 EDN: FLWOMV

References:

1. Administrative and legal means of ensuring sustainable economic development of the Russian Federation / D. F. Vyalkin, A. A. Grishkovets, E. L. Vasyanina [et al.]. - Moscow: ООО "Rusains", 2025. - 304 p.
2. Vinogradova E.V., Kobzar-Frolova M.N. International scientific and practical conference "Actual problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev Readings - 2022") // Administrative law and process. - 2022. - No. 5. - P. 79-88.
3. Organization of public order protection and public safety. Textbook: in 2 parts. Part 2 / V. A. Milekhin, Yu. N. Nosatov, A. V. Shevtsov [et al.]. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. - 312 p.
4. Legal Support for Sovereignty and Codification of Information Legislation / Yu. M. Baturin, T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev [et al.]. - Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. - 228 p. - ISBN 978-5-8339-0296-7.
5. Legal regulation of the financial market of Russia / M. N. Kobzar-Frolova, E. L. Vasyanina, S. V. Zapolsky [et al.]. - Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. - 219 p.
6. Redkous, V. M. Administrative and legal basis for ensuring national security in the member states of the Commonwealth of Independent States: monograph / Redkous V. M. - Pyatigorsk: RIA-KMV, 2010. - 491 p.
7. Redkous, V. M. Administrative and legal regimes established for the purpose of ensuring state security / V. M. Redkous // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 1 (65). - P. 48-55.
8. Redkous, V. M. Current issues of administrative law in the works of Professor M. V. Kostennikov: on the 60th anniversary of his birth / V. M. Redkous // Law and Right. - 2025. - No. 5. - P. 91-95.
9. Redkous, V. M. On improving the legal basis for the activities of internal affairs bodies in issuing official warnings / V. M. Redkous // Law and Right. - 2020. - No. 9. - P. 157-159.
10. Redkous, V.M. On the need to update comparative legal studies of legislative support for national security in the CIS member states / V.M. Redkous // Actual problems of administrative and administrative-procedural law (Sorokin readings): a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor Avrutin Yu.E. in connection with the 75th anniversary of his birth, St. Petersburg, March 25, 2022 / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - St. Petersburg, 2022. - P. 613-620.
11. Mironov, A. N. Private bankruptcy in the Russian Federation: reality and perspectives / A. N. Mironov, Yu. P. Kolesnikova, V. M. Redkous // SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium", Kaliningrad, 11 декабря 2020 года. Vol. 108. - Kaliningrad: EDPsciences, 2021. - P. 01008. - DOI 10.1051/shsconf/202110801008.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **CONSTITUTIONAL MECHANISMS OF CHECKS AND BALANCES IN THE IMPLEMENTATION OF THE ENVIRONMENTAL FUNCTION OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION**

ИВЛЕВА Юлия Ивановна,

младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции

Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: ivleva.julia@mail.ru;

IVLEVA Yulia Ivanovna,

Junior Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

119019, Russia, Moscow, Znamenka, 10.

E-mail: ivleva.julia@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены конституционные основы принципа разделения властей, а также системы сдержек и противовесов при реализации органами публичной власти полномочий в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Проведен правовой анализ положений Конституции РФ, определяющих функциональную самостоятельность и независимость законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти при осуществлении государственного управления в экологической сфере, а также специфики реализации механизмов сдержек и противовесов, направленных на обеспечение баланса властных полномочий, необходимого для эффективного правового регулирования экологических отношений. Исследование позволило выявить специфику, а также существующие проблемы реализации рассматриваемого принципа в экологической сфере.

Abstract: The article considers the constitutional foundations of the principle of separation of powers, as well as the system of checks and balances in the exercise of powers by public authorities in the field of environmental protection and ensuring environmental safety. A legal analysis was conducted of the provisions of the Constitution of the Russian Federation that define the functional autonomy and independence of the legislative, executive, and judicial branches of government in the exercise of state administration in the environmental sphere, as well as the specifics of the implementation of checks and balances mechanisms aimed at ensuring the balance of powers necessary for the effective legal regulation of environmental relations. The study revealed the specifics and existing problems in the implementation of the principle in question in the environmental sphere.

Ключевые слова: система сдержек и противовесов, публичная власть, разделение властей, Конституция РФ, экологическая функция государства, экологическая безопасность.

Keywords: system of checks and balances, public authority, separation of powers, Constitution of the Russian Federation, environmental function of the state, environmental safety.

Для цитирования: Ивлева Ю.И. Конституционные механизмы сдержек и противовесов в реализации экологической функции публичной власти в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 102-103. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_102.

For citation: Ivleva Yu.I. Constitutional mechanisms of checks and balances in the implementation of the environmental function of public authorities in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 102-103. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_102.

Статья поступила в редакцию: 25.05.2025

Принцип разделения властей, закрепленный в статье 10 Конституции РФ, образует фундаментальную основу организации государственной власти, направленную на обеспечение равновесия и баланса власти, предотвращение концентрации власти одной из ее ветвей (законодательной, исполнительной, судебной) и гарантирование прав граждан. Реализация этого принципа в экологической сфере обладает особым значением, поскольку последствия имеют необратимый характер.

Боголюбов С.А. отметил, что «публичная власть, несущая конституционную ответственность за сохранение природы, в свою очередь, обязана принимать меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков»¹. В рамках настоящего исследования будет рассмотрена реализация экологических функций и полномочий субъектов публичной власти, что предусмотрено ст. 3, 10, 12, 41, 42, 58, 71, 72, 114 Конституции РФ. Реализация положений, закрепленных в обозначенных статьях, предполагает эффективное взаимодействие органов всех ветвей и уровней власти.

Разделение властей может быть осуществлено как по вертикали, так и по горизонтали. Конституционная модель разграничения предметов ведения по горизонтали предполагает распределение полномочий между органами различных уровней власти: Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, а также местное самоуправление.

В соответствии с п. «е» ст. 71 Конституции РФ установление основ федеральной политики и федеральных программ в области экологического развития находится в ведении Российской Федерации. В то время как п. «в», «д», «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ закрепляют, что охрана окружающей среды, природопользование и непосредственное обеспечение экологической безопасности являются предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Данная конструкция направлена на достижение единства правового пространства на всей территории страны при учете региональной специфики. Вместе с тем, правовой анализ сложившейся практики позволяет выявить ряд особенностей. Статья 76 Конституции РФ закрепляет, что федеральный центр, обладает прерогативой установления основ законодательства и федеральных нормативных актов. В сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности сложилась практика превалирования правового влияния центра, поскольку экологическая проблематика, особенно трансграничные загрязнения или защита уникальных экологических систем (озеро Байкал, река Волга), объективно требует сильного централизованного регулирования. С одной стороны – это позволяет обеспечить

¹ Боголюбов С.А. Конституционный потенциал реализации экологической политики // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4(50). С. 20. С. 17-23.

единство правового пространства, но с другой стороны – детальное регулирование вопросов Российской Федерацией сужает степень влияния органов субъектов Российской Федерации, которые обладают большей осведомленностью. Это приводит к ограниченной реализации положений ст. 73 Конституции РФ, определивших полноту власти субъектов Российской Федерации вне пределов ведения Российской Федерации. Данное обстоятельство приводит к сокращению фактического участия субъектов Российской Федерации в решении локальных экологических задач.

Кроме того, наблюдается сложность в четком разграничении полномочий между федеральными и региональными органами исполнительной власти в сфере контроля и надзора. Несмотря на то, что законодательно закреплены конкретные предметы ведения и сферы влияния, на практике возникают ситуации дублирования полномочий, что существенно снижает качество публичного управления¹.

Горизонтальное взаимодействие ветвей власти при выполнении экологической функции государства осуществляется в рамках концепции разделения властей, предложенной Ш. Монтескье². Особый интерес представляет собой специфика применения конституционных механизмов сдержек и противовесов.

Согласно положениям ст. 103, 114 Конституции РФ высший орган законодательной (представительной) власти Федеральное Собрание Российской Федерации обладает контрольными полномочиями в отношении органов исполнительной власти, включая утверждение федерального бюджета, парламентские запросы, вопросы к членам Правительства РФ и Счетной палаты РФ. Анализ существующей практики показывает, что парламентский контроль в экологической сфере проводится редко, например, 2 декабря 2021 г. состоялись первые парламентские слушания на тему «Актуальные вопросы обеспечения экологической безопасности, развития экологического образования и экологической культуры в свете конституционных поправок 2020 года». Существенное внимание уделяется финансово-бюджетным аспектам, а также конкретным экологическим инцидентам, в то время как необходим более глубокий системный анализ эффективности экологической политики.

В соответствии с положениями ст. 114 Конституции РФ высший исполнительный орган власти наделен рядом управленческих, регулятивных, контрольно-надзорных и разрешительных полномочий в экологической сфере. Закон РФ о поправке к Конституции РФ³ от 2020 г. закрепил, что Правительство РФ создает условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры. Это объективно создает потребность в действенных механизмах как внутреннего ведомственного контроля за деятельностью Правительства РФ, так и внешнего влияния со стороны законодательной и судебной ветвей власти, а также гражданского общества. Вопросы, связанные с установлением четких и эффективных механизмов ответственности органов публичной власти и должностных лиц за принятие решений, повлекших существенный экологический вред, а также за неисполнение или ненадлежащее исполнение экологических обязанностей, остаются предметом научных и практических дискуссий, направленных на поиск оптимальных правовых решений в рамках конституционных принципов.

В силу положений статьи 46 Конституции РФ судебная власть выполняет ключевую роль в обеспечении законности и защите прав человека, в том числе экологических. Как отметил Савенков А.Н.: «система разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную исключает вмешательство суда в правотворческую деятельность, но разрешает казуальное комментирование правового текста»⁴. Конституционный Суд РФ, как высший орган конституционного контроля, разрешая споры о компетенции и проверяя соответствие законов Конституции РФ, формирует правовые позиции, имеющие значение для экологической сферы. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды, рассматривая основную массу споров, связанных с оспариванием решений и действий, бездействия органов исполнительной власти в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, выдачей разрешительной документации, возмещением экологического вреда, сталкиваются с объективной сложностью установления причинно-следственных связей и оценки экологического ущерба, что требует от судей высокой квалификации и часто привлечения комплексной экспертизы. Повышение уровня эколого-правовой экспертизы в судебной системе представляет собой актуальную задачу для увеличения эффективности судебного контроля.

Таким образом, функционирование системы сдержек и противовесов в специфической сфере реализации экологической функции публичной власти в Российской Федерации характеризуется рядом особенностей и закономерностей, выявленных в ходе данного исследования. Дальнейшее совершенствование взаимодействия ветвей власти в рамках конституционной системы сдержек и противовесов при реализации экологической функции видится в развитии аналитического потенциала парламента, повышении уровня эколого-правовой компетенции судей, оптимизации разграничения полномочий между уровнями власти и разработке четких, эффективных и соразмерных механизмов ответственности, что в совокупности направлено на обеспечение сбалансированного и эффективного исполнения публичной властью своих конституционных обязанностей в области охраны окружающей среды и защиты экологических прав граждан.

Список литературы:

1. Боголюбов С.А. Конституционный потенциал реализации экологической политики // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4(50). С. 17-23. EDN: ZXHKYP
2. Младенова Е.В. Проблема разграничения компетенции федеральных и региональных органов государственного экологического контроля (надзора) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 346-352. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-3-346-352 EDN: NPYRJZ
3. Монтескье Ш. О духе законов. Кн. 20-31. М.: Директ-Медиа, 2011. 596 с.
4. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М.: Проспект, 2020. 448 с. ISBN: 978-5-392-30949-8 EDN: VPASJZ

References:

1. Bogolyubov S.A. Konstitucionnyj potencial realizacii ekologicheskoy politiki // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017. № 4(50). S. 17–23.
2. Mladenova E.V. Problema razgranicheniya kompetencii federal'nyh i regional'nyh organov gosudarstvennogo ekologicheskogo kontrolya (nadzora) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2022. T. 22. Vyp. 3. S. 346–352.
3. Montesquie Sh. O duhe zakonov. Kn. 20-31. M.: Direkt-Media, 2011. 596 s.
4. Savenkov A.N. Gosudarstvo i pravo v period krizisa sovremennoj civilizacii: monografiya. M.: Prospekt, 2020. 448 s.

¹ См.: Младенова Е.В. Проблема разграничения компетенции федеральных и региональных органов государственного экологического контроля (надзора) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 346–352.

² Монтескье Ш. О духе законов. Кн. 20-31. М.: Директ-Медиа, 2011. 596 с.

³ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁴ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М.: Проспект, 2020. С. 46. 448 с.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА TOPICAL ASPECTS OF IMPROVEMENT OF THE ADMINISTRATIVE PROCESS IN THE SPHERE OF IMPLEMENTATION OF THE LAW ENFORCEMENT FUNCTION OF THE STATE

ГАЛЬЦЕВА Наталья Владимировна,

адъюнкт Академии управления МВД России.

ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: galceva.dps@mail.ru;

GALTSEVA Natalia Vladimirovna,

Adjunct of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: galceva.dps@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье рассмотрены актуальные аспекты совершенствования административного процесса в сфере реализации правоохранительной функции государства в контексте социально-экономических реалий и обеспечения защиты прав и свобод граждан. С помощью технологически комплексного подхода автором проанализированы возможные направления оптимизации технологий взаимодействия между государственными структурами в сфере правоохранительной деятельности.

Abstract. This article examines the current aspects of improving the administrative process in the sphere of implementation of the law enforcement function of the state in the context of socio-economic realities and ensuring the protection of the rights and freedoms of citizens. Using a technologically integrated approach, the author analyzed possible areas of optimization of technologies of interaction between government agencies in the sphere of law enforcement.

Ключевые слова: административный процесс, административное право, административные санкции, административная ответственность, административная процедура, совершенствование административных процедур, правоохранительная функция государства, государственное управление, правопорядок, взаимодействие, эффективность правоохранительных органов, защита прав и свобод граждан.

Keywords: administrative process, administrative law, administrative sanctions, administrative responsibility, administrative procedure, improvement of administrative procedures, law enforcement function of the state, public administration, law and order, interaction, effectiveness of law enforcement agencies, protection of the rights and freedoms of citizens.

Для цитирования: Гальцева Н.В. Актуальные аспекты совершенствования административного процесса в сфере реализации правоохранительной функции государства // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 104-109. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_104.

For citation: Galtseva N.V. Topical aspects of improvement of the administrative process in the sphere of implementation of the law enforcement function of the state // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 104-109. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_104.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Неотъемлемой частью государственного управления в правоохранительной сфере является административный процесс, который характеризуется как нормативно-определённая последовательность действий, предпринимаемых органами власти государства по решению определённых административных задач.

Законодательное закрепление этапов административного процесса обеспечивает прозрачность, законность и справедливость деятельности органов власти. Реализация государственных интересов в сфере управления, защиты прав граждан и обеспечения общественного порядка является составляющей административного процесса, включая в себя, в том числе, подготовку, принятие решения, его реализацию и контроль исполнения.

Ключевую роль в поддержании правопорядка, реализации государственного контроля, обеспечении законности и эффективной административной практике играет административный процесс. Осуществление административных процедур предполагает соблюдение ряда требований, таких как исполнение норм права, защита прав граждан, обеспечение их права на защиту, а также доступа к правосудию. В ходе реализации указанных функций обязательно применение мер административного воздействия, процедур, связанных с обеспечением прав и обязанностей граждан в административных правовых отношениях.

Необходимость совершенствования административных процессов вызвана непрерывно происходящими изменениями социально-экономических и технологических реалий, способствующими совершенствованию ключевых факторов обеспечения правопорядка и защиты прав и свобод граждан, улучшения деятельности органов власти и обеспечения более высокого качества государственных услуг, направлена на улучшение работы правоохранительных органов для обеспечения правопорядка и защиты прав граждан.

Процедура совершенствования административного процесса в рамках реализации правоохранительной функции государства требует постоянной адаптации к новым вызовам, повышению уровня профессионализма правоохранительных органов и эффективному использованию современных технологий, нацелена на обеспечение правопорядка, повышение транспарентности и подотчётности деятельности государственных органов, а также оптимизации административных процедур, более эффективного реагирования на изменения в общественных потребностях

и вызовах безопасности¹.

Новейшие тенденции, в том числе, процессы цифровизации, постоянного роста административной нагрузки и явно выраженного общественного запроса на открытость власти требуют внедрение изменений административных процедур относительно новых социальных правовых условий².

При этом деятельность государственных органов, в целом, направлена на обеспечение и защиту общественного порядка, прав и свобод граждан, предотвращение правонарушений. Законодательно же закреплены, например, следующие основные функции государственных органов:

1. Организация правоохранительной деятельности;
2. Расследование правонарушений и преступлений, привлечение виновных к ответственности;
3. Охрана общественного порядка;
4. Контроль за соблюдением законов;

Важной составляющей всего государственного управления является деятельность по защите интересов государства и общества, охватываемая понятием правоохранительной функции государства, которая неразрывно связана с административным процессом, так как многие правонарушения регулируются именно через административные процедуры.

Законодательно закреплены следующие основные обязанности административных органов власти государства:

1. Надзор и контроль за соблюдением норм;
2. Применение мер воздействия за нарушение общественного порядка посредством назначения административных санкций и вынесения соответствующих предписаний, ими определённых санкциями.

Рассматриваемые меры являются частью административного процесса, так как включают в себя действия, направленные на соблюдение правопорядка, обеспечения прав граждан, соблюдение принципов справедливости и прозрачности всех административных процедур.

Осуществление административных процедур и применение правоохранительных механизмов позволяет эффективно реагировать на правонарушения, оперативно принимать меры для пресечения противоправных действий³. Таким образом, реализуются основные принципы правового государства, выраженные в эффективном обеспечении правопорядка.

Процесс совершенствования административных процедур вызван потребностью соответствовать быстрому развитию технологий и повышенному уровню угроз безопасности, обеспечению правопорядка, а также эффективному осуществлению деятельности правоохранительных органов, необходимостью быстрой адаптации к изменяющимся условиям и повышению профессиональных навыков.

В сфере реализации правоохранительной функции государства положительной динамикой следует считать улучшение взаимодействия между государственными органами, правоохранительными структурами и гражданами, что является важной частью этапа совершенствования административного процесса.

Рассматривая понятие административного процесса ряд авторов указывает на необходимость понимания, что это последовательность обязательных для выполнения органами власти (государственными или органами местного самоуправления, учреждениями), определённых законом действий, осуществляемых в ходе рассмотрения и разрешения административных дел, а также принятия решений, касающихся прав и обязанностей граждан, организаций или государства.

Административная процедура включает следующие элементы:

1. Инициация процесса;
2. Оценка и проверка информации (сбор и обработка документов);
3. Принятие решения;
4. Уведомление участников процесса;
5. Исполнение решения;
6. Обжалование.

Законодательно закреплены понятия, типы, принципы административных процедур.

В ходе реализации административного процесса в системе государственного управления обязательным критерием соблюдения требований правового государства является неукоснительное исполнение органами публичной власти законодательно закреплённых принципов административных процедур, таких как:

1. Законность (определяет порядок осуществления органами власти действий, соответствующих законодательству);
2. Прозрачность (закрепляет понятие открытости действий административных органов для граждан и организаций);
3. Справедливость (в основу данного принципа положено принятие объективного, беспристрастного, с учётом всех обстоятельств решения);
4. Гарантия соблюдения прав граждан (реализуется в процессе принятия административных решений, в основу которых положены обязанность обеспечения прав и свобод граждан.

¹ Уваров В.Н. Правоохранительная функция государства и механизм её // Право и государство. 2018. № 3-4 (80-81). С. 118.

² Серебrenников И.Н. Оценка доказательств по делам об административных правонарушениях // Правовой классицизм и постмодерн в праве традиции и новации. 2024. С. 76.

³ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный источник] // Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата обращения 01.05.2025)

Направления совершенствования административного процесса в рамках реализации правоохранительной деятельности государства могут быть рассмотрены через призму административных процедур, касающиеся правового регулирования и практической реализации административных действий, что позволяет выявить насущные проблемы в ходе осуществления административного процесса правовым государством, а также разработать рекомендации по улучшению административной практики¹.

Соблюдение критериев правового государства предполагает эффективность деятельности правоохранительных и правозащитных структур.

Так, правовое государство обладает структурой конкретного и прозрачного проведения административных процедур, осуществляемых в соответствии с законодательно закреплёнными принципами.

Например, одним из направлений совершенствования административного процесса, является процедура цифровизации, которая охватывает различные административные процедуры, нацеленные на повышение доступности и прозрачности административных услуг, упрощения процесса взаимодействия граждан и организаций с государственными органами, усиления контроля за деятельностью государственных структур, обеспечения граждан открытым доступом к информации, а также на упрощение реализации этапов административного процесса (подача заявлений, обращений и жалоб, отслеживание их статуса и получение услуг).

Процесс цифровизации способствует:

1. Ускорению обработки данных;
2. Улучшению взаимодействия между различными государственными и правоохранительными органами;
3. Снижению уровня коррупции и ошибок, обусловленных человеческим фактором;
4. Повышению доступности;
5. Уменьшению бюрократических барьеров.

Одним из современных и эффективных методов совершенствования административных процессов является внедрение и использование онлайн-платформ, позволяющих гражданам государства реализовать их права на подачу заявлений, получение лицензий, регистрацию бизнеса, в том числе оформление социального обеспечения и решение иных административных задач.

Концепция построения правового государства, предусматривает разработку механизмов, обеспечивающих абсолютную прозрачность функционирования правоохранительных и других государственных органов, в рамках реформирования их структуры, достижения упрощения и сокращения бюрократических процедур.

Повышение эффективности административного процесса может быть достигнуто в результате своевременной разработки методик правил, определяющих сокращение количества необходимых документов и этапов при получении лицензий, разрешений и других административных актов.

Процесс создания основы для эффективного взаимодействия между федеральными, региональными органами и органами местного самоуправления осуществляется при соблюдении одного из важных условий обеспечения единообразия правовых нормативных актов на всех уровнях власти.

Формирования органов публичной власти на всех уровнях направлено на улучшение координации и обеспечение согласованного взаимодействия между различными уровнями власти, в том числе координированную реализацию совместных государственных задач. Проводимые мероприятия способствуют разработке согласованных и эффективных механизмов, гармонизацию законодательства.

Неукоснительное исполнение административных решений, принимаемых уполномоченными административными органами, является ключевым элементом результативного государственного управления. Надзор за соблюдением обязательных требований исполнения административных решений необходим для обеспечения правопорядка и сохранения доверия граждан к власти. Необходимо понимать, что факты нарушения, либо задержки исполнения административных решений способны подорвать авторитет государственных институтов.

В настоящее время проблема недостаточного, ненадлежащего контроля и надзора за выполнением обязательных требований и административных решений остаётся актуальной. Разработка продуктивных механизмов ее решения является решающим фактором для стабильного функционирования административной системы, а также создаёт условия для поддержания правопорядка, обеспечивая постоянный контроль за исполнением установленных норм и санкций, в ходе исполнения обязательств, возложенных на граждан и организаций.

Неотъемлемым элементом правового государства является процесс решения проблемы обеспечения прав и защиты интересов граждан при взаимодействии с государственными органами, защиты от произвола, возможности оспаривания решений и получения правовой помощи, так как отражает важные принципы и задачи, стоящие перед системой государственного управления и административного права.

Ю.Е. Аврутин исследовал вопросы совершенствования административного процесса в России и утверждал, что неотъемлемым условием совершенствования нормативной основы административно-процессуального права является процесс совершенствования теории административного процесса, при этом он выделял важность объединения различных теоретических подходов к административному процессу что, по его мнению, способствует более полному осмыслению и эффективному применению административного законодательства.

¹ Гарник Л.Ю. Анализ взаимодействия подразделений Росгвардии с другими правоохранительными органами при реализации правоохранительной функции // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 170.

Ключевым элементом для улучшения практики государственного управления¹, по мнению Ю.Е. Аврутина, является необходимость научного обоснования теории административного процесса, в том числе, развитие правовой базы, учитывающей современные вызовы и требования общества.

Реализация принципа оптимизации административных процедур является одним из важных аспектов совершенствования административного процесса в России, он включает в себя сокращение бюрократических преград, уменьшение времени на выполнение административных действий и снижение объёма избыточной документации, что способствует повышению эффективности государственного управления².

Немаловажным аспектом совершенствования административного процесса, рассматриваемым Ю.Е. Аврутиным, являлся процесс согласования законодательства. Актуальность данного процесса заключалась в необходимости координации и согласования административных норм на различных уровнях власти, что влечёт устранение несоответствий и дублирования в законодательных актах между федеральными, региональными и местными уровнями, в том числе позволит сделать административный процесс более понятным и прозрачным для граждан.

Одним из направлений, исследуемых Ю.Е. Аврутиным, являлось внедрение международных стандартов в национальную систему административного процесса. Автор определил, что в условиях глобальных изменений актуально, чтобы административные процедуры соответствовали мировым стандартам и интегрировались с международной практикой, что, несомненно, повлияет на повышение эффективности государственного управления.

Необходимость динамичного развития административного судопроизводства в рамках строго соблюдения принципов, являющихся механизмом защиты прав и свобод граждан и обеспечения доступности правосудия, рассматривалась Ю.Е. Аврутиным, как значимая часть административного процесса, автор утверждал, что административные органы должны быть подотчётны гражданам. По мнению автора, механизмом защиты прав и свобод граждан и обеспечения доступности правосудия является возможность оспаривания решений.

Ю.Е. Аврутин утверждал, что внедрения информационных технологий в административные процессы, применение информационных систем и технологий в современных реалиях позволяет ускорить выполнение административных процедур, а также повысить их прозрачность и доступность для граждан. В условиях современного общества процесс адаптации, совершенствования административных процедур осуществляется на постоянной основе. Рассматриваемый процесс оказывает влияние на показатель эффективности работы государственных органов в области обеспечения правопорядка, эффективной реализации правоохранительной функции, направленной на улучшение эффективности правоохранительных органов и повышение их способности быстро и адекватно реагировать на вызовы современного общества.

По нашему мнению, в своих исследованиях Ю.Е. Аврутин, являясь одним из основоположников административного законодательства в Российской Федерации, не ограничился анализом текущих реалий, он заглянул в будущее, спрогнозировал этапы развития административного процесса, отразил их в своих работах, указал ключевые тенденции и вызовы, актуальные для современности.

В настоящей статье были рассмотрены актуальные аспекты совершенствования административного процесса, проанализированы принципы, характерные концепции правового государства, проведено комплексное исследование, основанное на применении сравнительного правового и формально-юридического институционального методов, которое позволило выявить проблемы административного регулирования, недостаточную унификацию нормативных правовых актов Российской Федерации, а также порядка исполнения, ненадлежащего исполнения законодательства, заключающиеся в необходимости строго соблюдения практических рекомендаций по совершенствованию административного процесса, с указанием конкретных мер, которые включают ряд процедур, среди которых следует отметить:

1. Предложение об упрощении административных процедур повлечёт снижение бюрократических барьеров и упрощение процедуры получения административных услуг;

2. Введение стандартов и типовых форм документов для упрощения процесса взаимодействия между органами власти и гражданами. Рассмотренные предложения соответствуют положению Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Постановлению Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2011 г. № 1500 «О проведении административных процедур»;

3. Процесс цифровизации административных процедур способствует упрощению доступа граждан к административным услугам и развитию этапов внедрения и развития государственных информационных систем для электронного обращения граждан, организаций и разработке единого портала государственных услуг. Рассмотренные предложения соответствуют положению Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «О государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Электронное правительство». Постановлению Правительства Российской Федерации от 14 сентября 2015 г. № 817 «О функционировании Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)»;

4. Процесс оптимизации взаимодействия между органами власти, реализация мер по разработке интегрированных информационных систем способствуют осуществлению обмена данными между различными уровнями власти и госорганами, упрощению административных процедур, связанных с получением разрешений и согласований между различными органами власти;

5. Процесс совершенствования взаимодействия между правоохранительными органами и судебной системой, для обеспечения быстрого и справедливого рассмотрения дел. Процесс взаимодействия между различными государственными органами, включая налоговые

¹ Аврутин Ю.Е. Об административном процессе и процедурной форме государственного управления // Административное право и административный процесс. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014 № 1 (61). С. 56.

² Бредихин А.Л. Правоохранительная функция и правоохранительная деятельность государства // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 63.

службы, миграционные органы и другие структуры для обеспечения комплексного подхода в борьбе с преступностью, будет более эффективным, в результате применения разработанных механизмов взаимодействия правоохранительных органов с общественными организациями и гражданами, целью которых является повышение доверия к правоохранительной системе и разработка эффективных методов предотвращения преступности. Рассмотренные предложения соответствуют положению Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»;

6. Осуществление мероприятий, направленных на повышение уровня транспарентности (открытости) и подотчётности административных органов, в результате проводимых в открытом режиме административных процедур, таких как: публикация информации о ходе рассмотрения административных дел и принятие решений, введения механизмов контроля за деятельностью органов государственной власти со стороны граждан, включая возможность оспаривания решений в судах способствуют положительной динамике совершенствования административного процесса. Рассмотренные предложения соответствуют положению Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», Постановлению Правительства Российской Федерации от 10 июня 2009 г. № 602 «О правилах проведения проверок и контроле за деятельностью органов исполнительной власти».

7. Осуществление действий, направленных на упрощение правового регулирования в сфере административного судопроизводства, реализуемое в ходе внесения изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации для ускорения рассмотрения дел и повышения доступности правосудия, применения альтернативных методов разрешения споров (например, медиации) в рамках административных процессов ориентировано на получение положительного результата в ходе совершенствования административного процесса. Рассмотренные предложения соответствуют положению Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ, Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «О медиации в Российской Федерации».

Наряду с вышеперечисленными предложениями и мерами, осуществляемыми для достижения эффективности результата совершенствования административного процесса в рамках реализации правоохранительной функции государства, необходимо также указать укрепление правовой защиты прав граждан в административном процессе, в процессе разработки и внедрения механизмов для быстрого и эффективного оспаривания административных актов, нарушающих права граждан, обеспечения правовой помощи для граждан в процессе подачи жалоб и обращений. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2004 г. № 1740 «О порядке подачи и рассмотрения жалоб граждан и юридических лиц на действия (бездействие) государственных органов и их должностных лиц».

Все вышеуказанные меры, нацелены на достижение эффективности результата совершенствования административного процесса в рамках реализации правоохранительной функции государства, подкреплены соответствующими нормативными актами, способствуют повышению эффективности административного процесса, что обеспечивает большую транспарентность и доступность для граждан.

На наш взгляд выявленные ключевые аспекты, могут позволить значительно повысить эффективность административного процесса и его соответствие современным требованиям. Только в результате комплексного подхода к совершенствованию административного процесса, ориентированного на повышение эффективности работы государственных органов и правоохранительных структур, защиту прав граждан и оптимизацию взаимодействия между всеми участниками административного процесса возможно создание более гибкой, эффективной и прозрачной системы правопорядка, которая будет отвечать вызовам и требованиям современного общества¹.

Ключевыми этапами совершенствования административного процесса являются:

1. Разработка и внедрение унифицированных форм документов (для снижения объёмов бумажной работы и упрощения процессов);
2. Внедрение электронных систем для подачи заявлений и документов, создания цифровых реестров и баз данных;
3. Создание единой платформы для взаимодействия граждан с государственными органами (для доступности и прозрачности административных процедур);
4. Обучение и повышение квалификации государственных служащих (сотрудников) (для повышения их профессионализма и эффективности в принятии решений);
5. Внедрение системы оценки и мониторинга работы государственных служащих (для выявления слабых мест и улучшения качества предоставляемых услуг);
6. Упрощение взаимодействия между различными уровнями власти (для своевременной адаптации и принятия необходимых мер на всех уровнях власти);
7. Согласование и гармонизация административных норм и процедур между федеральными, региональными и местными органами власти (для устранения дублирования и противоречия в законодательстве);
8. Разработка стандартов взаимодействия (для улучшения координации между различными госструктурами);
9. Повышение транспарентности и подотчётности (для создания основы эффективного, справедливого и доверительного взаимодействия между гражданами и государственными органами);

¹ Вырышева О.В. Организационно-функциональные аспекты обеспечения информационной открытости в деятельности органов внутренних дел // Государственное управление в правоохранительной сфере. 2024. С. 94.

10. Создание механизмов для открытого мониторинга административных процессов, таких как публичные отчёты, онлайн-платформы (для отслеживания статуса де позволит гражданам активно участвовать в процессе контроля и улучшения государственных услуг);

11. Разработка механизмов оспаривания решений (для облегчения процесса оспаривания гражданам неправомерных действий административных органов);

12. Интеграция международных стандартов (для включения международных норм (стандартов) в национальную систему права или административные процедуры);

13. Адаптация международных стандартов и лучших практик в административной деятельности (для повышения качества и эффективности работы органов государственной власти);

14. Участие в международных форумах и обмен опытом с другими странами (для внедрения инновационных решений, в рамках научного исследования).

Все перечисленные аспекты совершенствования административного процесса в рамках реализации правоохранительной функции государства являются актуальными, их комплексное внедрение оказывает положительное влияние на повышение эффективности административного процесса, улучшение качества услуг и правовой системы в целом, укрепление правопорядка и усиление доверия граждан к государственным органам, а также дальнейшее развитие правового государства

Список литературы:

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ "О полиции" [Электронный источник] // Доступ из СПС "Консультант плюс" (дата обращения 01.05.2025).
2. Аврютин, Ю.Е. Об административном процессе и процедурной форме государственного управления / А.Ю. Аврютин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2014 - № 1 (61). - С. 56-60.
3. Бредихин, А.Л. Правоохранительная функция и правоохранительная деятельность государства / А.Л. Бредихин, С.М. Фомичев // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 2. - С. 62-64. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_62 EDN: BSGRUE
4. Вырышева, О.В. Организационно-функциональные аспекты обеспечения информационной открытости в деятельности органов внутренних дел / О.В. Вырышева, Б.Е. Власов // Государственное управление в правоохранительной сфере: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 15 ноября 2024 года. - Москва: Академия управления МВД России, 2024. - С. 91-98. EDN: FVXXNC
5. Гарник, Л.Ю. Анализ взаимодействия подразделений Росгвардии с другими правоохранительными органами при реализации правоохранительной функции государства / Л.Ю. Гарник // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 6. - С. 168-171. EDN: NHJRIM
6. Серебренников, И.Н. Оценка доказательств по делам об административных правонарушениях / И.Н. Серебренников // Правовой классицизм и постмодерн в праве традиции и новации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 26 октября 2024 года. - Иркутск: Издательство ИГУ, 2024. - С. 74-77. EDN: UWWMDX
7. Уваров, В.Н. Правоохранительная функция государства и механизм её реализации / В.Н. Уваров // Право и государство. - 2018. - № 3-4(80-81). - С. 111-120. EDN: KXMZZH

References:

1. Federal'nyy zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ «O policii» [Elektronnyy istochnik] // Dostup iz SPS «Konsul'tant plyuS» (data obrashcheniya 01.05.2025)
2. Avryutin, YU.E. Ob administrativnom processe i procedurnoj forme gosudarstvennogo upravleniya / A.YU. Avryutin // Administrativnoe pravo i administrativnyj process. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. - 2014 - № 1 (61). - S. 56-60.
3. Bredikhin, A.L. Pravookhranitel'naya funkciya i pravookhranitel'naya deyatel'nost' gosudarstva / A.L. Bredikhin, S.M. Fomichev // Agrarnoe i zemel'noe pravo. - 2025. - № 2. - S. 62-64. - DOI 10.47643/1815-1329_2025_2_62.
4. Vyrysheva, O.V. Organizacionno-funkcional'nye aspekty obespecheniya informacionnoj otkrytosti v deyatel'nosti organov vnutrennikh del / O.V. Vyrysheva, B.E. Vlasov // Gosudarstvennoe upravlenie v pravookhranitel'noj sfere: sbornik nauchnykh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 15 noyabrya 2024 goda. - Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2024. - S. 91-98.
5. Garnik, L.YU. Analiz vzaimodejstviya podrazdelenij Rosgvardii s drugimi pravookhranitel'nymi organami pri realizacii pravookhranitel'noj funkcii gosudarstva / L.YU. Garnik // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. - 2019. - № 6. - S. 168-171.
6. Serebrennikov, I.N. Ocenka dokazatel'stv po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh / I.N. Serebrennikov // Pravovoj klassicizm i postmodern v prave tradicii i novacii: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Irkutsk, 26 oktyabrya 2024 goda. - Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 2024. - S. 74-77.
7. Uvarov, V.N. Pravookhranitel'naya funkciya gosudarstva i mekhanizm eyo realizacii / V.N. Uvarov // Pravo i gosudarstvo. - 2018. - № 3-4(80-81). - S. 111-120.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_110

УДК 349; 342; 342.3

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ISSUES OF IMPLEMENTATION OF RUSSIA'S ENVIRONMENTAL SOVEREIGNTY IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL VALUES

ДАНИЛЕВСКАЯ-УРБАНОВА Инна Леонидовна,старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции
кандидат юридических наук, ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук».
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru;

МУХЛЫНИНА Мария Михайловна,старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права,
кандидат юридических наук, ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук».
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

E-mail: muhlyninamm975@mail.ru;

DANILEVSKAYA-URBANOVA Inna Leonidovna,Senior Researcher at the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice,
PhD in Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.

E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru ;

MUKHLYNINA Maria Mikhailovna,Senior Researcher in the Environmental, Land and Agrarian Law Sector,
PhD in Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.

E-mail: muhlyninamm975@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу закрепленных конституционных ценностей сохранения природы и окружающей среды как базовой, правовой основы реализации экологического суверенитета в России. В данном контексте на первый план выходит защита российских национальных интересов, в частности, в экологической сфере. Исследуя мнения представителей конституционно-правовой науки о реализации экологического суверенитета России и экологической политики в целом, авторами предлагаются пути совершенствования правового регулирования и государственного управления в данной сфере.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the fixed constitutional values of nature conservation and the environment as the basic legal basis for the implementation of environmental sovereignty in Russia. In this context, the protection of Russian national interests, particularly in the environmental sphere, comes to the fore. Examining the opinions of representatives of constitutional and legal science on the implementation of Russia's environmental sovereignty and environmental policy in general, the authors propose ways to improve legal regulation and public administration in this area.

Ключевые слова: конституционные ценности, экологический суверенитет, Конституция, публичные интересы, политика, права человека, приоритеты, конституционно-правовые идеи.

Keywords: constitutional values, environmental sovereignty, Constitution, public interests, politics, human rights, priorities, constitutional and legal ideas.

Для цитирования: Данилевская-Урбанова И.Л., Мухлынина М.М. Вопросы реализации экологического суверенитета России в системе конституционных ценностей // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 110-113. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_110.

For citation: Danilevskaia-Urbanova I.L., Mukhlynina M.M. Issues of implementation of Russia's environmental sovereignty in the system of constitutional values // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 110-113. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_110.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2025**Дата публикации: 31.07.2025**

Процессы глобализации, продолжая извне растворять понятие и принципы суверенитета национальных государств, деформируют его восприятие и на внутригосударственном уровне, пытаются менять ориентиры общественного развития, концепцию сформированного мирового порядка, динамику международных отношений. Отказ от Вестфальской системы мироустройства привел к тому, что политика, требующая механизма многосторонних согласований (мультилатерализм), была вытеснена односторонней эгоистической политикой (унилатерализм) и мы действительно попали в абсолютно хаотичный мир, неправовой мировой хаос, как образно отметил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, где все становится непредсказуемым и действует лишь одно право – право сильных и агрессивных¹.

На фоне этих деструктивных политико-правовых процессов продолжается и экологический кризис, по своим причинам и сущности являющийся кризисом цивилизационным с множественными проявлениями общей дестабилизации экосистемы планеты². Ученые трактуют его и как закономерный результат неразрешенного пока противоречия между утвердившейся в истории цивилизации практикой потребительского отношения общества к окружающей среде и способностью биосферы поддерживать систему естественных биохимических процессов самовосстановления³.

¹ Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: Сборник статей и материалов / Сост. С.Е. Заславский. – М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 11.

² Ефременко Д.В. Возникновение и эволюция предметной области экополитологии в контексте политических проблем глобального развития. Автореф. дисс. д.п.н. М., 2007. С. 4.

³ См.: Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): Учебник для высших юридических учебных заведений. – М.: Юристъ, 1998. С.15 - 16.

Как известно, серьезной причиной для развязывания гражданских и межгосударственных экополитических конфликтов становится ограниченность природных ресурсов. В данном контексте на первый план для России выходит защита своего суверенитета, национальных интересов, в том числе, в экологической сфере.

Согласно Указу Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата являются национальными интересами нашего государства на современном этапе с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире,¹ при этом для достижения целей обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования должна реализовываться государственная политика, направленная, в том числе на повышение уровня экологического образования и экологической культуры граждан, воспитания в гражданах ответственного отношения к природной среде, стимулирование населения и общественных организаций к участию в природоохранной деятельности².

Правовой основой вышеназванного Указа является Конституция Российской Федерации, в которой закреплены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества и дальнейшего развития нашего государства. Так, в статье 42 Конституции России закреплено право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением³. Вопросам государственного суверенитета на свои природные ресурсы посвящены основополагающие нормативные положения, например, часть 1 статьи 9 Конституции России, провозглашающая следующее: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Правовое развитие данных конституционных норм мы находим в Лесном, Земельном, Водном кодексах РФ, других федеральных природоресурсных и природоохранных законах.

Ценности получают в конституции особое преломление, пишет академик РАН А.Н. Савенков, конституция переводит понятия разных ценностей на язык права, на уровень основных принципов, правовых правил, регулирующих отношения в обществе, поведение физических, юридических лиц, деятельность иных структур.⁴ Конституционные ценности, вопросы их правовой природы и иерархии находятся в центре внимания научного и экспертного сообщества, они выявляются органами судебного конституционного контроля, как конституционно-правовые идеи, получая статус самостоятельного инструмента правового регулирования. Теоретиками права отмечается, что цели и ценности в содержательном плане тождественны, их можно менять местами; цели и ценности сводимы к должному, цель измеряется её ценностью, а ценность проверяется по её способности быть целью действий и деятельности человека⁵.

Конституционная декларация статьи 2 Конституции РФ, относящая к высшей ценности человека, его права и свободы, показывает высокую степень юридической конструктивности. Норма об использовании и охране в Российской Федерации Земли и других природных ресурсов как основе жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории включена в главу 1 Конституции «Основы конституционного строя» (статья 4), право на благоприятную окружающую среду (статья 42) в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина»; суверенитет Российской Федерации, распространяющейся на всю её территорию, закреплён Конституцией РФ в качестве одной из основ конституционного строя (часть 1 статья 4); носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ (часть 1 статья 3). Обе эти главы, наряду с главой 9, являются базовыми, определяя, по сути, иерархию конституционных норм, подлежащих пересмотру в особом порядке (или правовую конструкцию неизменяемости этих трех глав Конституции), поскольку для их пересмотра созывается Конституционное Собрание, а предложение об их пересмотре должно быть поддержано квалифицированным большинством – 3/5 голосов от общего числа сенаторов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы. В этом и состоял замысел законодателя: с помощью сложной процедуры возможного пересмотра сохранить длительность действия Конституции РФ и устойчивость её основ⁶.

На конституционном уровне утверждается и ценность сохранения природы и окружающей среды⁷. Важной задачей конституционно-правовой науки, по мнению академика РАН Т.Я. Хабриевой, является поиск и обоснование критериев, позволяющих безошибочно определять и строго соблюдать границы конституционного регулирования. Кроме этого, у права появляется и новая миссия – сохранение человека как биологического вида и обеспечение мирного сосуществования, гармоничной коммуникации людей и «субъект-объектов» (гибридов), созданных и социализированных в результате применения конвергентных технологий (генно-модифицированных индивидов, роботов-агентов, цифровых существ и др.)⁸.

Наша страна может стать мировым флагманом экологической повестки. Необходимость бережного отношения к природе, охраняемым экосистемам, важность экологической повестки как одного из ключевых направлений социально-экономического развития страны, была отмечена Президентом России В.В. Путиным в июне 2025 г. на Петербургском международном экономическом форуме⁹. По мнению главы Ро-

¹ Указ от 02.07.2021 № 400.

² Указ от 02.07.2021 № 400.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

⁴ Савенков А.Н. Ценности конституции в меняющемся мире // Государство и право. № 3. 2019. С. 8.

⁵ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 698 - 699.

⁶ Данилевская И.Л. К вопросу о Конституционном Собрании // Государство и право. 2022. № 9. С. 38.

⁷ Постановление КС РФ 05.03.2013 № 5-П.

⁸ Хабриева Т.Я. Конституционное развитие в контексте современных вызовов и глобальных общественных трансформаций // Государственная служба. 2019. № 1. С. 19 - 20.

⁹ Пленарное заседание XXVIII Петербургского международного экономического форума 20 июня 2025 г. // <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 07.07.2025).

сприроднадзора Светланы Радионовой: «Россия должна быть одной из ключевых стран в решении проблем экологической повестки. Мы сейчас должны говорить не только про наше завтра, но и про послезавтра, и на более длительную перспективу». Экологический суверенитет для России не подразумевает ее отказ от мировых технологий и стандартов, но нам необходима своя так называемая система экологической навигации - набор показателей, отражающих реальное состояние природы и уровень воздействия человека на нее, так как окружающая среда — это важный актив, который уже очень скоро будет определять качество жизни людей¹.

Важно отметить, что вопросы экологии в России включены в специальный национальный проект «Экологическое благополучие» с соответствующими целями и задачами. Цели, не в меньшей мере, чем принципы, обладают идеологическими качествами, с более очевидным программным характером. Наибольшей ценностью обладают труднодостижимые цели, поэтому они нуждаются в усиленной нормативной поддержке².

Исходя из понимания, что окружающая среда, имея признаки всеобщности, по своей природе и назначению является абсолютной ценностью, а право на благоприятную окружающую среду в силу прямого закрепления в Конституции России относится к конституционной ценности, исследование права на благоприятную окружающую среду с помощью конституционной аксиологии имеет важное теоретическое значение, поскольку аксиология позволяет рассматривать анализируемые теоретико-правовые и практические проблемы под новым ценностным углом зрения³. Ценность человека, его прав, в том числе на благоприятную окружающую среду, ценность Земли, ценность суверенитета.

Экологический кризис оценивается исследователями во многом и как кризис мировоззренческий, философско-идеологический, и с этой точки зрения отмечается, что решение экологических проблем в глобальном масштабе невозможно без изменения господствующего экологического сознания, а именно: человек должен отказаться от представления о себе как «центре» природы, мира, уйти от «парадигмы человеческой исключительности», в которой сочетаются антропоцентризм, антиэкологизм и социальный оптимизм⁴.

Высказывается мнение, что для преодоления экологического кризиса и последовательного решения проблем окружающей среды России и человечеству необходимо совершенно новое и ценностное юридическое мировоззрение и его научной и философской основой может стать учение о ноосфере, в разработку которого огромный вклад внес выдающийся русский естествоиспытатель, академик В.И. Вернадский. Оно пронизано идеей гуманизма, направлено на преобразование отношений с окружающей средой в интересах свободно мыслящего человечества в целом. «Человек должен понять, как только научная, а не философская или религиозная концепция мира его охватит, писал В.И. Вернадский, что он не есть случайное, независимое от окружающего (биосферы или ноосферы) свободно действующее природное явление. Он составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение по крайней мере двух миллиардов лет»⁵.

К учению В.В. Вернадского об объединяющем человечество пространстве — ноосфере, в котором сочетаются интересы стран и народов, природа и общество, научное знание и государственная политика, (и на фундаменте которого фактически стала строиться концепция устойчивого развития), обращался Президент РФ В.В. Путин в 2000 г. выступая на деловом саммите АТЭС «Бизнес и глобализация». Глава российского государства подчеркнул, что современный прогресс информационных систем, повышенная мобильность международных финансовых ресурсов создают хорошие предпосылки для устойчивых и предсказуемых процессов в глобальной экономике. Но, с другой стороны, в этом скрываются и немалые опасности.⁶

Один из разработчиков математической модели вероятных последствий ядерной войны для биосферы Земли, академик АН СССР Н.Н. Моисеев, приходил к заключению о наличии непрерывного роста с возрастающей скоростью антропогенной нагрузки на биосферу, угрозы потери устойчивости того квазиравновесия в аттракторе которой происходит развитие homo sapiens. Особую опасность ученый видел в том, что в борьбе за исчезающие ресурсы оскудевающей планеты будут участвовать государства, владеющие арсеналами ядерных боеприпасов⁷. Огромное практическое значение он придавал «проблеме Человека», связи «нравственного императива» с «императивом экологическим», необходимости перестройки сознания, учитывая стремительность усиления экологического кризиса, вызванного выстроенной системой отношений между людьми и канонами нравственности⁸.

Профессор В. Хёсле, исследуя проблематику экологического кризиса, ещё более 30 лет назад отмечал, что экологический кризис заставляет отказаться от прежней экономической парадигмы и правильной будет политика, которая сможет сохранить природные основы нашего жизненного мира в самом широком объеме, но отнюдь не та, которая способствует максимальному количественному экономическому росту (поощряя удовлетворение любых, даже самых абсурдных потребностей)⁹. Тогда же философы оптимистично констатировали формирование нового общественного феномена - самосознания цивилизации, как противоречивой, но взаимосвязанной целостности перед пониманием общей экологической опасности, угрозы применения ракетно-ядерного оружия.¹⁰ Однако уже очевидно, что глобализующийся мир далек от этого понимания, в его прагматических установках природа не является абсолютной ценностью, преобладают сугубо политические интересы, не учитывающие ценностные ориентиры общества, что не способствует формированию нового экологического сознания. Новое экологическое сознание эгоцентрист-

¹ Егорова А. Как перестать жить за счет будущего своих детей: на Алтае обсудили главные вопросы экологической безопасности страны. Новость от 03.10.2023. Комсомольская правда. / URL <https://www.kp.ru/daily/27563/4831871/> (дата обращения — 27.06.2025).

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С.699; 703.

³ Пермиловский М.С. Право на благоприятную окружающую среду как конституционная ценность. Автореф. дисс.к.ю.н. Казань, 2014. С. 3.

⁴ Дерябло С.Д., В.А. Ясвин. Две модели экологии // Человек. № 1. 1998. С.34; 39.

⁵ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Академич. Проект; Киров: Константа. 2013. С. 24.

⁶ Выступление Президента РФ В.В. Путина на деловом саммите АТЭС. // <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 07.07.2025).

⁷ Моисеев Н.Н. Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. № 4.1999. С.9.

⁸ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия. 1990. С. 248 - 250.

⁹ Хёсле В. Философия и экология. М.: «Наука». 1993. С.29.

¹⁰ Гиренок Ф.И. Экологическая проблема и современная цивилизация. //Общественные науки. № 4. 1988. 121-133 с. С.131.

ского типа характеризуют такие параметры, как ориентированность на экологическую целесообразность, отсутствие противопоставленности человека и природы, восприятие природных объектов как полноправных субъектов, партнеров по взаимодействию с человеком, баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с природой¹.

Как мы отмечали ранее: «экологический суверенитет как способность страны проводить курс устойчивого и экологического развития приобретает совершенно особую ценность, особенно для России. Суверенное осуществление публичных функций в сфере экологии предполагает необходимость понимания места российской природы в системе национальной и мировой окружающей среды, а одним из важнейших признаков суверенитета - это реализация государственной экологической политики как гарантия обеспечения соблюдения экологических прав граждан. Экология на наших глазах стремительно становится краеугольным камнем глобальных политических и экономических трендов»².

Ценностное понимание охраны окружающей среды, обеспечение экологической безопасности и правопорядка, нормативно определенное не сегодня, приобретает новое прочтение в условиях современных вызовов и угроз. В основе принятия организационных, политических, экономических решений сейчас должны лежать ценности, а не выгода, попытки же монетизировать решение экологических проблем обречены на провал. Поэтому, приступая к созданию новой Стратегии экологической безопасности, (напомним, что в 2025 году истекает срок действия Стратегии экологической безопасности, принятой в 2017 году), необходимо, опираясь на фундаментальные и практические достижения российской науки, ориентировать будущую Стратегию не только на решение национальных экологических задач, но и представить ее в качестве жизненного ориентира мировому сообществу.

Список литературы:

1. Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: Сборник статей и материалов / Сост. С.Е. Заславский. - М.: ИИК "Российская газета", 2007. - 191 с.
2. Ефременко Д.В. Возникновение и эволюция предметной области экополитологии в контексте политических проблем глобального развития. Автореф. дисс. д.п.н. М., 2007. 45 с. EDN: NOXHLL
3. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): Учебник для высших юридических учебных заведений. - М.: Юрист, 1998. - 688 с. ISBN: 5-7975-0090-6 EDN: XSDUWD
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации URL <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
5. Савенков А.Н. Ценности конституции в меняющемся мире // Государство и право. № 3. 2019. С. 5 - 16. DOI: 10.31857/S013207690004422-6 EDN: VXBVSE
6. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. - 800 с.
7. Данилевская И.Л. К вопросу о Конституционном Собрании // Государство и право. 2022. № 9. С. 37 - 46. DOI: 10.31857/S102694520022223-6 EDN: PEOSPM
8. Постановление КС РФ 05.03.2013 № 5-П.
9. Хабриева Т.Я. Конституционное развитие в контексте современных вызовов и глобальных общественных трансформаций. //Государственная служба. 2019. № 1. С. 17- 25. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-1-17-25 EDN: NEIPSS
10. Егорова А. Как перестать жить за счет будущего своих детей: на Алтае обсудили главные вопросы экологической безопасности страны. Новость от 03.10.2023. Комсомольская правда. / URL <https://www.kp.ru/daily/27563/4831871>. (дата обращения - 27.06.2025).
11. Пермиловский М.С. Право на благоприятную окружающую среду как конституционная ценность. Автореф. дисс.к.ю.н. Казань, 2014. 31 с. EDN: STMBZT
12. Дерябло С.Д., В.А. Ясвин. Две модели экологии // Человек. 1998. № 1. С. 34 - 40.
13. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Академич. Проект; Киров: Константа. 2013. 412 с.
14. Выступление Президента РФ В.В. Путина на деловом саммите АТЭС. // URL <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 07.07.2025).
15. Моисеев Н.Н. Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 3 - 10.
16. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия. 1990. 351 с.
17. Хёсле В. Философия и экология. М.: "Наука". 1993. 205 с. ISBN: 5-02-008202-3 EDN: SYMYLZ
18. Данилевская-Урбанова И.Л., Мухлынина М.М. Вопросы формирования экологического суверенитета // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 121 - 124. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_121 EDN: IWNOTO
19. Гиренок Ф.И. Экологическая проблема и современная цивилизация // Общественные науки. № 4. 1988. 121-133 с.

References:

1. Zorkin V.D. The apology of the Westphalian system // Sovereign democracy in the constitutional and legal dimension: A collection of theories and materials / Comp. S.E. Zaslavsky. - M.: IIK "Rossiyskaya Gazeta", 2007. - 191 p.
2. Efremenko D.V. The emergence and evolution of the subject area of ecopolitology in the context of political problems of global development. The abstract. Dissertation, Ph.D., M., 2007. 45 p. EDN: NOXHLL
3. Brinchuk M.M. Environmental law (environmental law): Textbook for higher law schools. Moscow: Jurist, 1998. 688 p. ISBN: 5-7975-0090-6 EDN: XSDUWD
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation as amended on 03/14/2020 is published on the Official Internet portal of Legal Information URL <http://www.pravo.gov.ru>, 07/04/2020.
5. Savenkov A.N. The values of the constitution in a changing world // The State and law. No. 3. 2019. pp. 5-16. DOI: 10.31857/S013207690004422-6 EDN: VXBVSE
6. Maltsev G.V. Social foundations of law. Moscow: Norm: INFRA-M, 2014. 800 p.
7. Danilevskaya I.L. On the issue of the Constitutional Assembly // State and Law. 2022. No. 9. PP. 37-46. DOI: 10.31857/S102694520022223-6 EDN: PEOSPM
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P. 05.03.2013.
9. Khabrieva T.Ya. Constitutional development in the context of modern challenges and global social transformations. //Public service. 2019. No. 1. PP. 17-25. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-1-17-25 EDN: NEIPSS
10. Egorova A. How to stop living at the expense of your children's future: the main issues of the country's environmental safety were discussed in Altai. News from 03.10.2023. Komsomolskaya Pravda. / URL <https://www.kp.ru/daily/27563/4831871>. (date of application - 06/27/2025).
11. Permillovsky M.S. The right to a favorable environment as a constitutional value. The abstract. diss.k.u.n. Kazan, 2014. 31 p. EDN: STMBZT
12. Deryablo S.D., V.A. Yasvin. Two models of ecology // Man. 1998. No. 1. pp. 34-40.
13. Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist. Moscow: Akademich. The project; Kirov: Constant. 2013. 412 p.
14. Speech by Russian President Vladimir Putin at the APEC Business Summit. // <http://www.kremlin.ru> (accessed 07.07.2025).
15. Moiseev N.N. Logic of dynamic systems and the development of nature and society // Questions of philosophy. 1999. No. 4. pp. 3-10.
16. Moiseev N.N. Man and the noosphere. Moscow: Molodaya Gvardiya. 1990. 351 p.
17. Hesle V. Philosophy and ecology. Moscow: Nauka. 1993. 205 p. ISBN: 5-02-008202-3 EDN: SYMYLZ
18. Danilevskaya-Urbanova I.L., Mukhlynina M.M. Issues of formation of ecological sovereignty // Agrarian and land law. 2025. No. 2. pp. 121-124. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_121 EDN: IWNOTO
19. Girenok F.I. Ecological problem and modern civilization // Social sciences. No. 4. 1988. 121-133 p.

¹ Дерябло С.Д., В.А. Ясвин. Две модели экологии // Человек. № 1. 1998. С.34; 39-40.

² Данилевская-Урбанова И.Л., Мухлынина М.М. Вопросы формирования экологического суверенитета // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 123.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_114

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL PUBLIC CONTROL: PUBLIC LAW ANALYSIS

МУХАМЕДЖАНОВ Омонулла Закирович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права и прав человека
Ташкентского государственного юридического университета.
100047, Республика Узбекистан, город Ташкент, ул. Сайилгох, д. 35.
E-mail: kvv20242024@mail.ru;

ЗАЛЕСНЫ ЯЦЕК,

доктор юридических наук,
профессор; кафедра Институт политических исследований; Варшавский университет.
00927, Польша, г. Варшава, ул. Новы Свят, 67.
E-mail: zalesny.yatsek@mail.ru;

САВЧЕНКО Марина Станиславовна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350040, РФ, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: niipg2010@mail.ru;

MUKHAMEDZHANOV Omonulla Zakirovich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Law and Human Rights at Tashkent State Law University.
35 Sayilgoh St., Tashkent, 100047, Republic of Uzbekistan.
E-mail: kvv20242024@mail.ru;

ZALESNY YATSEK,

Doctor of Law, Professor; Department, Institute of Political Studies; University of Warsaw.
67 Nowy Svyat St., Warsaw, 00927, Poland.
E-mail: zalesny.yatsek@mail.ru;

SAVCHENKO Marina Stanislavovna,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trublin Kuban State Agrarian University".
350040, Russian Federation, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13
E-mail: niipg2010@mail.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена публично-правовому анализу перспектив развития международного общественного контроля. Данный правовой институт позволяет гражданскому обществу осуществлять контроль за деятельностью, актами и решениями структур международной бюрократии. Автор формализовал и проанализировал основные проблемы, которые препятствуют развитию института международного общественного контроля. В работе разработана и обоснована система мероприятий по разрешению указанных проблем. В статье использован ряд методов научного исследования: формально-логический; историко-правовой; сравнительно-правовой; статистический; социологический.

Abstract. This article is devoted to a public law analysis of the prospects for the development of international public control. This legal institution allows civil society to monitor the activities, acts and decisions of the structures of the international bureaucracy. The author formalized and analyzed the main problems that hinder the development of the institute of international public control. The paper develops and substantiates a system of measures to resolve these problems. The article uses a number of scientific research methods: formal and logical; historical-legal; comparative-legal; statistical; sociological.

Ключевые слова: перспективы развития; международный; общественный контроль; публично-правовой анализ; народовластие; гражданское общество; ООН; сотрудничество; оптимизация; демократия.

Keywords: development prospects; international; public control; public law analysis; democracy; civil society; UN; cooperation; optimization; democracy.

Для цитирования: Мухамеджанов О.З., Залесны Яцек, Савченко М.С. Перспективы развития международного общественного контроля: публично-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 114-117. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_114.

For citation: Mukhamedzhanov O.Z., Zalesny Yatsek, Savchenko M.S. Prospects for the development of international public control: public law analysis // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 114-117. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_114.

Статья поступила в редакцию: 17.06.2025**Дата публикации: 31.07.2025****Введение**

Вопросы правовой природы и этапов развития института общественного контроля детально изучены в работах В. В. Гончарова, [2, с. 17-25] А. С. Кузнецова, [6, с. 88-92] А. Г. Кучерены, [7, с. 75-86] А. Р. Пурге, [10, с. 48-59] Л. В. Табуевой, [11, с. 19-24] а также ряда иных авторов. Важное внимание анализу международных правовых основ общественного контроля уделено в произведениях Е. В. Бердниковой, [1, с. 6-9] В. В. Гончарова, [3, с. 155-171; 4, с. 80-91] Т. Д. Завьяловой, [5, с. 111-121] Т. Н. Михеевой, [8, с. 58-65] В. М. Пальчиковой, [9, с. 51-56] А. В. Чешина, [12, с. 1-12] а также некоторых других ученых. В тоже время следует отметить, что количество исследований, посвященных изучению института международного общественного контроля, недостаточно, чем и был обусловлен выбор темы настоящей научной статьи, целью которой выступает публично-правовой анализ перспектив развития данного института гражданского общества. В качестве основных задач научного исследования можно выделить следующие: а) обоснование роли и значения института общественного в сохранении и развитии национальных обществ и госу-

дарств; б) обоснование места и роли института международного общественного контроля в обеспечении реализации, охраны и защиты института прав человека в общепланетарном масштабе; в) формализация и обоснование авторского определения понятия «международный общественный контроль»; г) выявление, формализация и анализ основных проблем, препятствующих развитию института международного общественного контроля; д) разработка и обоснование системы мероприятий по разрешению вышеназванных проблем.

Основной текст

Краеугольным камнем как национальной правовой системы любого современного демократического государства, так и международной правовой системы в целом, выступает человек, его права и свободы.

Институт общественного контроля необычайно важен на уровне отдельных национальных государств.

Во-первых, в подавляющем большинстве стран народ, его права и свободы позиционируются в законодательстве в качестве высшей конституционной ценности, реализации, охране и защите которой так или иначе посвящена деятельность любого органа публичной власти в данных государствах. Народ реализует свои полномочия через широчайшую систему прямых (в частности, институты выборов и референдумов) и опосредованных (например, деятельность органов публичной власти и их должностных лиц) форм демократии. Делегированные народом органам публичной власти полномочия, а также механизм (процесс) реализации прямых форм демократии нуждаются в системе правовых гарантий. В противном случае, реализация полномочий, делегированных народом, будет осуществлять не в интересах большинства населения (с нарушением прав и свобод человека и гражданина).

Во-вторых, институт общественного контроля на уровне национальных государств является важной правовой гарантией реализации всех общепризнанных правовых принципов. Например, принцип ответственности органов публичной власти и их должностных лиц за деятельность, нарушающую права, свободы и законные интересы граждан, реализуется посредством организации и проведения мероприятий общественного контроля, в частности, в отношении публичных закупок. Если закупки товаров, работ и услуг осуществлены в нарушение действующего законодательства, что будет выявлено в ходе проведенных мероприятий общественного контроля, то субъекты общественного контроля вправе будут обратиться в соответствующие правоохранительные органы для отмены процедур данных закупок, а также привлечения виновных в нарушении законодательства должностных лиц объектов общественного контроля к установленной законом ответственности.

В-третьих, институт общественного контроля представляет собой наиболее конструктивную форму взаимодействия гражданского общества и органов публичной власти, которая позволяет оптимизировать как процесс функционирования аппарата публичной власти, так и задействовать потенциал и ресурсы гражданского общества в процессе обеспечения реализации, охраны и защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, а также системы общепризнанных правовых принципов. Гражданское общество и аппарат публичной власти подобным образом консолидируют свои усилия и возможности для противодействия любым внешним и внутренним угрозам, препятствующим сохранению и развитию национальных обществ и государств.

В-четвертых, институт общественного контроля на национальном уровне является важным индикатором уровня развития коррупции в стране. Чем эффективнее и результативнее процессы организации и функционирования субъектов общественного контроля в стране, тем ниже уровень коррупции (и наоборот).

В-пятых, институт общественного контроля в любом национальном государстве является фактором сплочения и развития гражданского общества, так он позволяет участвовать в мероприятиях общественного контроля любым гражданам (а в некоторых странах – любым законно находящимся на территории страны физическим лицам), а также любым негосударственным некоммерческим организациям. В ходе такого взаимодействия происходит обмен положительным опытом организации и проведения мероприятий общественного контроля, а также объединение ресурсов и потенциалов указанных субъектов (участников) общественного контроля.

Однако институт общественного контроля на национальном уровне не может обеспечить полноценную гарантию правам, свободам и законным интересам физических и юридических лиц. Это обстоятельство обусловлено тем, что на отдельные национальные государства, граждан, которые в них проживают, а также на их юридические лица, может оказываться воздействие международных правительственных и неправительственных организаций. В большинстве случаев данное воздействие носит положительный характер, представляя из себя дополнительную институциональную гарантию реализации, охраны и защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Но данное воздействие может носить и негативный характер (например, в случае коррумпированности должностных лиц международных правительственных организаций, их политической ангажированности и т.п. причин). В этой связи возникает вопрос о необходимости организации и функционирования механизма контроля народов Объединенных Наций за международной бюрократией, а также деятельностью, актами и решениями международных неправительственных организаций. В данном случае речь идет об институте международного общественного контроля.

Под данным институтом мы понимаем деятельность международных неправительственных организаций (далее также – МНО), которая направлена на контроль деятельности, актов и решений вышеназванных субъектов международного права.

Очевидно, что данные МНО основной сферой своей деятельности должны иметь защиту, охрану и содействие в реализации гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав человека, закреплённых в международных правовых актах (например, Международная конфедерация профсоюзов).

Объектом контроля со стороны субъектов международного общественного контроля выступают те виды деятельности, актов и решений международных правительственных и неправительственных организаций, которые могут оказывать воздействие на процессы реализации, охраны и защиты прав и свобод человека, прав и свобод непубличных некоммерческих организаций (национального и международного уровня).

В качестве специализированных субъектов международного общественного контроля могут выступать международные ассоциации и союзы субъектов общественного контроля. Их создание предусмотрено законодательством ряда национальных государств (например, в России – Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»).

Развитию института международного общественного контроля препятствует ряд проблем, в числе которых можно выделить следующие: а) отсутствие формализации института международного общественного контроля в Уставе ООН, а также международных пактах и конвенциях, посвященных правам человека; б) отсутствие в отечественной и зарубежной учебной и научной литературе единообразия в определении понятия международного общественного контроля, его принципов, методов, форм, видов мероприятий, перечня его объектов и субъектов, либо исчерпывающего перечня квалифицирующих их признаков; в) слабая финансовая, организационно-техническая база субъектов международного общественного контроля; г) отсутствие ясности в пределах реализации мероприятий международного общественного контроля; д) отсутствие у субъектов международного общественного контроля реальных полномочий.

Для разрешения указанных проблем необходимо разработать и реализовать систему мероприятий, включающую в себя: а) закрепление в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, а также международных пактах об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966, о гражданских и политических правах от 16.12.1966, отдельной статьи (группы статей), посвященной праву народов Объединенных Наций на организацию и осуществление контроля гражданского общества за аппаратом публичной власти в национальных государствах, а также контроля гражданского общества Объединенных Наций в лице соответствующих международных неправительственных организаций за деятельностью, актами и решениями международных правительственных и неправительственных организаций, обладающих в соответствии с нормами международного права определенными полномочиями, которые могут оказывать воздействие на процессы реализации, охраны и защиты прав и свобод человека, прав и свобод непубличных некоммерческих организаций (национального и международного уровня); б) инициирование масштабных научно-теоретических и научно-практических исследований и разработок института международного общественного контроля специализированными учреждениями ООН, чья деятельность направлена на развитие института гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав человека, которым следует поручить организацию вышеуказанных исследований и разработок (например, путем подготовки международных научно-практических конференций, предоставления научно-исследовательских грантов и т.п.) в целях обеспечения разработки специализированных принципов, методов, форм, видов мероприятий международного общественного контроля, определения перечня его объектов и субъектов, либо исчерпывающего перечня квалифицирующих их признаков, оценки эффективности и результативности деятельности вышеуказанных субъектов международного общественного контроля; в) укрепление финансовой и организационно-технической базы субъектов международного общественного контроля (например, путем создания специализированных международных фондов развития института международного общественного контроля); г) посредством определения в международно-правовых актах границ осуществления мероприятий международного общественного контроля; д) путем закрепления в вышеуказанных нормативно-правовых актах реальных полномочий субъектов международного общественного контроля.

Заключение

В ходе проведенных исследований был сделан ряд выводов, в числе которых можно выделить следующие:

1. Институт общественного контроля играет важную роль и имеет большое значение для сохранения и развития национальных обществ и государств, так как: а) посредством его функционирования обеспечивается реализация системы конституционных принципов (прежде всего, законности, народовластия, участия граждан страны в управлении делами государства, ответственности органов публичной власти и пр.), а также всей системы прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, проживающих и функционирующих на территории государства; б) от уровня его развития напрямую зависит степень доверия общества к аппарату публичной власти, а также уровень поддержки его населением, что позволяет обеспечить сплочение общества и государства на пути преодоления внешних и внутренних угроз, посягающих на процессы сохранения и развития гражданского общества и механизма публичной власти; в) от степени его эффективности зависит и поддержание в стране низкого уровня коррупционной составляющей в деятельности государственных и муниципальных служащих, а также работников иных органов и организаций, наделенных законодательно правом реализации отдельных публичных полномочий; г) данный институт гражданского общества является системообразующим его ядром, так как позволяет гражданам и любым негосударственным некоммерческим организациям самостоятельно, либо в сотрудничестве друг с другом, либо в составе постоянно действующих субъектов общественного контроля, осуществлять контроль за деятельностью, актами и решениями любых структур в государстве, наделенных правом реализации публичных полномочий.

2. Однако, ограничение контроля гражданского общества за публичной властью пределами отдельных национальных государств не позволяет в полной мере обеспечить реализацию, охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, а также общепризнанных принципов и норм международного права, так как на данные процессы оказывает влияние деятельность международных правительственных организаций (прежде всего – ООН и создаваемых ею организаций), имеющих согласно Уставу ООН и иным международным нормативным правовым актам систему соответствующих полномочий, международных неправительственных организаций. Следовательно, деятельность, акты и решения указанных организаций должны быть подконтрольны народам Объединенных Наций, которые согласно преамбулы Устава ООН выступили в качестве инициаторов создания как данной международной правительственной организации, так и всей современной международной правовой системы, венчаемой Уставом ООН. Представляется, что формализация указанного контроля народов Объединенных Наций возможна в виде института международного общественного контроля.

3. Под международным общественным контролем следует понимать деятельность международных неправительственных организаций в сфере защиты гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав человека, закреплённых во Всеобщей декларации

прав человека, иных международных правовых актах (включая деятельность международных союзов и ассоциаций субъектов общественного контроля и иных субъектов гражданского общества), направленная на контроль деятельности, актов и решений международных правительственных и неправительственных организаций, обладающих в соответствии с нормами международного права определенными полномочиями, которые могут оказывать воздействие на процессы реализации, охраны и защиты прав и свобод человека, прав и свобод непубличных некоммерческих организаций (национального и международного уровня).

4. Однако организация и функционирование системы международного общественного контроля связаны с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить:

Во-первых, отсутствие формализации данного понятия в Уставе ООН и ключевых международных нормативных правовых актах, посвященных реализации, охране и защите прав и свобод человека. Решение данной проблемы видится в разработке, детализации и закреплении указанного международно-правового института в вышеуказанных международных правовых документах.

Во-вторых, слабую разработку данной проблематики в научной и учебной литературе. Решение данной проблемы видится в поручении международным правительственным и неправительственным организациям организовать и провести соответствующие научно-практические разработки, направленные на развитие института международного общественного контроля.

В-третьих, недостаточную организационно-правовую, финансовую, техническую базу субъектов международного общественного контроля. Решение данной проблемы видится в содействии развитию указанной базы со стороны как международных правительственных и неправительственных организаций, так и со стороны государств-участников ООН.

В-четвертых, слабые полномочия вышеуказанных субъектов международного общественного контроля. Данная проблема может быть решена путем закрепления и детализации данных полномочий в международных нормативных правовых актах.

В-пятых, не ясность пределов осуществления международного общественного контроля. Представляется, что последние должны быть определены в Уставе ООН, а также ключевых международных нормативных правовых актах, посвященных реализации, охране и защите прав и свобод человека.

Список литературы:

1. Бердникова Е. В. Международные правовые стандарты в сфере общественного контроля // Международное публичное и частное право. 2018. № 4. С. 6-9. EDN: UVKTUS
2. Гончаров В. В. О некоторых вопросах, связанных с правовой природой общественного контроля власти (конституционно-правовые аспекты) // Административное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 17-25. EDN: YJBGXZ
3. Гончаров В. В. Правовое регулирование института общественного контроля: международный и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10 (107). С. 155-171. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.155-171 EDN: CUNXOG
4. Гончаров В. В. Международное сотрудничество субъектов общественного контроля: к постановке проблемы // Международное право и международные организации. 2023. № 4. С. 80-91. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.4.69430 EDN: IMZOSB
5. Завьялова Т. Д., Кириллов Р. А., Кириллова О. Ю. Общественный контроль в системе государственных закупок: международный опыт и российская практика // Вестник МИРБИС. 2020. № 2 (22). С. 111-121. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.2.13 EDN: BOYNBG
6. Кузнецов А. С. Правовая природа правоотношения по осуществлению общественного контроля // Аграрное и земельное право. 2011. № 6 (78). С. 88-92. EDN: NXUKRV
7. Кучерена А. Г. Понятие и сущность общественного (гражданского, демократического) контроля деятельности органов публичной власти // Право и жизнь. 2013. № 175. С. 75-86. EDN: QIKLVN
8. Михеева Т. Н., Иванова Е. И. Правовые основы общественного контроля: проблемные вопросы // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 1 (17). С. 58-65. DOI: 10.30914/2411-3522-2019-5-1-58-65 EDN: AIDCJF
9. Пальченкова В. М. Организация общественного контроля на международном уровне: историко-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4 (10). С. 51-56. EDN: PJWKOJ
10. Пурге А. Р. К вопросу о правовой природе и направлениях общественного контроля // Административное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 48-59. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.5.32964 EDN: AZXFWE
11. Табуева Л. В. Конституционно-правовая природа общественного контроля за деятельностью органов публичной власти // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 2 (31). С. 19-24. EDN: LXZZZA
12. Чешин А. В., Гончаров В. В., Малиновский О. Н., Петренко Е. Г. Возможен ли общественный контроль экстерриториальных объектов (на примере использования вод Мирового океана): к постановке проблемы // Международное право. 2024. № 4. С. 1-12. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.4.72076 EDN: GEBJHJ

References:

1. Berdnikova E. V. International legal standards in the field of public control // International public and private law. 2018. No. 4. pp. 6-9. EDN: UVKTUS
2. Goncharov V. V. On some issues related to the legal nature of public control of power (constitutional and legal aspects) // Administrative and municipal law. 2018. No. 8. pp. 17-25. EDN: YJBGXZ
3. Goncharov V. V. Legal regulation of the Institute of public control: international and foreign experience // Actual problems of Russian law. 2019. No. 10 (107). pp. 155-171. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.155-171 EDN: CUNXOG
4. Goncharov V. V. International cooperation of subjects of public control: towards a problem statement // International law and international organizations. 2023. No. 4. pp. 80-91. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.4.69430 EDN: IMZOSB
5. Zavalova T. D., Kirillov R. A., Kirillova O. Y. Public control in the public procurement system: international experience and Russian practice // The Messenger of MIRBIS. 2020. No. 2 (22). pp. 111-121. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.2.13 EDN: BOYNBG
6. Kuznetsov A. S. The legal nature of the legal relationship for the implementation of public control // Agrarian and land law. 2011. No. 6 (78). pp. 88-92. EDN: NXUKRV
7. Kucherena A. G. The concept and essence of public (civil, democratic) control over the activities of public authorities // Law and life. 2013. No. 175. pp. 75-86. EDN: QIKLVN
8. Mikheeva T. N., Ivanova E. I. Legal foundations of public control: problematic issues // Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences. 2019. Vol. 5. No. 1 (17). pp. 58-65. DOI: 10.30914/2411-3522-2019-5-1-58-65 EDN: AIDCJF
9. Palchenkova V. M. Organization of public control at the international level: historical and legal aspect // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4 (10). pp. 51-56. EDN: PJWKOJ
10. Purge A. R. On the issue of the legal nature and directions of public control // Administrative and municipal law. 2020. No. 5. pp. 48-59. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.5.32964 EDN: AZXFWE
11. Tabuyeva L. V. The constitutional and legal nature of public control over the activities of public authorities // Actual problems of modernity: science and society. 2021. No. 2 (31). pp. 19-24. EDN: LXZZZA
12. Cheshin A. V., Goncharov V. V., Malinovsky O. N., Petrenko E. G. Is public control of extraterritorial objects possible (using the example of using the waters of the World Ocean): towards the formulation of the problem // International law. 2024. No. 4. pp. 1-12. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.4.72076 EDN: GEBJHJ

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_118

УДК 343.98

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ PERSONAL SECURITY IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: ON THE ISSUE OF THE CONCEPT

ШЕВЧЕНКО Кирилл Владимирович,

старший преподаватель кафедры теории государства и права
Университета государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: kirill_55@mail.ru;

БОЛОТИН Данила Дмитриевич,

студент Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: kirill_55@mail.ru;

SHEVCHENKO Kirill Vladimirovich,

Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law
Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: kirill_55@mail.ru ;

BOLOTIN Danila Dmitrievich,

a student at the St. Petersburg State Police University of the Russian Ministry of Emergency Situations.
Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: kirill_55@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена проблеме определения понятия «безопасность личности» и ее соотношения с иными видами национальной безопасности. В целях определения содержания вышеприведенного понятия анализируются доктринальные подходы ученых-юристов и нормативные правовые акты, определяющие структуру видов национальной безопасности. Обосновывается взаимосвязь и взаимозависимость правовых категорий, входящих в триаду безопасности и сделан вывод о целесообразности отнесения к числу объектов безопасности закрепленных Конституцией России прав, свобод, интересов личности. Предлагается авторское определение безопасности личности.

Abstract: The article is devoted to the problem of defining the concept of «personal security» and its correlation with other types of national security. In order to determine the content of the above concept, the doctrinal approaches of legal scholars and regulatory legal acts defining the structure of types of national security are analyzed. The interrelation and interdependence of legal categories included in the security triad is substantiated and a conclusion is made on the advisability of classifying the rights, freedoms, and interests of the individual enshrined in the Constitution of Russia as objects of security. The author's definition of personal security is proposed.

Ключевые слова: безопасность личности, национальная безопасность, права и свободы человека и гражданина, личность.

Keywords: personal security, national security, human and civil rights and freedoms, personality.

Для цитирования: Шевченко К.В., Болотин Д.Д. Безопасность личности в системе национальной безопасности Российской Федерации: к вопросу о понятии // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 118-122. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_118.

For citation: Shevchenko K.V., Bolotin D.D. Personal security in the national security system of the Russian Federation: on the issue of the concept // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 118-122. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_118.

Статья поступила в редакцию: 18.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Дискуссионные рассуждения о содержании дефиниции «безопасность личности» и ее дифференциации с иными видами безопасности, особенностях правового механизма реализации безопасности личности, продолжают в течение многих лет и сохраняют свою актуальность в настоящее время, что подтверждается как заявлениями официальных лиц, так и множественностью мнений, подходов теоретиков права к данному вопросу¹.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении от 26.02.2020 отметил, что современные представления о смысловом содержании безопасности личности претерпели значительные изменения в связи со стремительным развитием информационных технологий, что обусловило необходимость обновления и дальнейшего совершенствования государственной политики в данной сфере общественных отношений. С развитием информационных технологий возникает ряд проблемных вопросов, требующих обязательного решения. Обеспечение безопасности личности становится особенно актуальным в условиях стремительного технологического прогресса.

Во время церемонии инаугурации 07.05.2024 В.В. Путин обозначил приоритетной задачей своей деятельности, обеспечение интере-

¹ Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ; Комова, В. Д. Борьба с правовым нигилизмом как фактор повышения социальной безопасности Российской Федерации / В. Д. Комова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // Закон и право. – 2023. – № 8. – С. 57-61. – DOI 10.56539/20733313_2023_8_57. – EDN TNRTCF.

сов, безопасности народа России, отметив, что ключевой целью Российской Федерации в настоящий исторический период, является «народо-сбережение», осуществляемое, в том числе, благодаря скоординированной государственной политике, а также деятельности общественных, религиозных, политических объединений и представителей всех уровней власти в ответ на общие вызовы и угрозы.

Незадолго до этого, в ходе встречи с лидерами парламентских фракций Государственной Думы 19.03.2024 Президент России раскрыл смысл, вкладываемый в понятие «народосбережение» - поддержка семейных институтов, молодых и многодетных семей, социальное стимулирование рождаемости, а также формирование у подрастающего поколения ценностных ориентиров, находятся в неразрывной связи с вопросами обеспечения и укрепления безопасности Российского государства, следовательно, и безопасности личности¹.

Тезис о неразрывной связи между социальной политикой государства и его национальной безопасностью получил своё нормативное закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. В частности, подпунктами «а» и «б» пункта 1 документа определены такие национальные цели развития России на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, как сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благосостояния граждан, а также реализация личностного потенциала, развитие талантов и формирование патриотических и социально ответственных качеств у граждан².

Неоднократно проблема обеспечения безопасности личности поднималась в ходе официальных выступлений и обращений главы государства в ее системной взаимосвязи с обеспечением безопасности граждан. Еще в 2021 году, на ежегодной коллегии ФСБ России им подчеркивалось, что защита граждан России от внутренних и внешних угроз непрерывно находится в фокусе внимания руководства страны и всегда считается приоритетной задачей³. В 2024 году в ходе своего выступления на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, В.В. Путин обозначил безопасность российских граждан, защиту их прав и свобод, ключевой задачей государственной политики⁴.

Проблема определения безопасности личности и ее обеспечения в условиях развития информационных технологий и искусственного интеллекта⁵ была также поднята председателем Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькиным в его выступлении с лекцией «Право и вызовы искусственного интеллекта» в рамках XII Петербургского международного юридического форума.

Как отметил В.Д. Зорькин, проблема постоянно расширяющегося использования искусственного интеллекта, в том числе, в сфере юриспруденции, порождает угрозы для обеспечения таких аспектов безопасности личности, как «неприкосновенность частной жизни, физическая неприкосновенность и неприкосновенность гражданских свобод»⁶.

В контексте рассуждений о безопасности личности можно привести в пример слова председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина, который в своем интервью информационному агентству «РИА Новости» 25.07.2023 назвал в качестве основы деятельности Следственного комитета России «расследование наиболее опасных видов преступлений», посягающих, в том числе, на личность, ее безопасность, права и свободы⁷.

Все вышеприведенные высказывания свидетельствуют, что в правовом дискурсе существует множество представлений о содержании понятия «безопасность личности», составляющих ее компонентах, ее соотношении с иными видами безопасности. Аналогичный вывод следует из анализа существующих доктринальных подходов ученых-юристов к вышеуказанной проблеме.

Согласно мнению Ю.Л. Корабельниковой, безопасность личности представляет собой интегративную категорию, которая включает в себя различные компоненты, отражающие её разнообразные аспекты (военный, экономический, экологический, транспортный, пожарный, информационный и другие).

По мнению ученого, основным субъектом обеспечения безопасности является человек и его личная безопасность, на базе которой формируется общественная⁸ и государственная безопасность⁹. Таким образом, безопасность личности можно рассматривать, как основу, первичную ячейку для организации более сложных форм безопасности.

П.Л. Ипполитов, А.М. Кубясова, рассуждая о безопасности личности, как отдельной теоретико-правовой категории, предлагают пони-

¹ В Кремле прошла встреча Президента России с руководителями фракций политических партий в Государственной Думе. Официальное интернет-представительство Президента Российской Федерации Kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73684> (дата обращения: 15.05.2025); Кайнов, В. И. Историко-правовые аспекты становления и развития института президентства в современном мире / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 21-26. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-21-26. – EDN WZVWTFB; Назарова, И. С. О правовом регулировании предоставления социальных гарантий гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 2(307). – С. 57-67. – EDN HZCCTM.

² Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 17-27. – EDN IENSKM.

³ Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.

⁴ Президент выступил на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Официальное интернет-представительство Президента Российской Федерации Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73735> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵ Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (начало) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 73-77. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_73. – EDN FMBZZG; Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (окончание) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234). – С. 40-44. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_6_40. – EDN QHWUBR.

⁶ Зорькин: правовое положение ИИ не должно поколебать человеческую идентичность. Официальный сайт российского агентства правовой и судебной информации «РАПСИ» Rapsinews.ru. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20240627/310044815.html (дата обращения: 10.05.2025).

⁷ Бастрыкин: защищать своих граждан – обязанность России как государства. Официальный сайт государственного информационного агентства «РИА Новости» Ria.ru. URL: <https://ria.ru/20230725/bastrykin-1886103829.html> (дата обращения: 10.05.2025).

⁸ Шеншин, В. М. О некоторых особенностях обеспечения Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 3(332). – С. 111-117. – EDN OASXHY.

⁹ Шеншин, В. М. У Росгвардии недостаточно полномочий по обеспечению государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 12(305). – С. 101-105. – EDN QAZKWG.

мать под ней «права и свободы личности, предоставляющие возможность для полной самореализации, жизнеобеспечения и развития во всех сферах жизнедеятельности в соответствии с положениями действующего законодательства, гарантированные государством и институтами гражданского общества вне зависимости от наличия либо отсутствия любых видов угроз»¹.

Тем самым, ученые предлагают рассматривать данное понятие не столько, как «состояние защищенности», а как режим реализации гарантированных законодательством прав и свобод личности, вне зависимости от наличия или отсутствия угроз.

Множество исследователей интерпретируют категорию «безопасность личности» через призму защиты ключевых конституционных прав и свобод личности в зависимости от сферы их реализации, например, экономических.

Е.А. Филатова вкладывает в содержание экономической безопасности личности, «состояние защищенности экономических прав, свобод и интересов личности от различных угроз»².

О.А. Колоткина, рассуждая об экономической безопасности личности в системе национальной безопасности Российской Федерации, отмечает, что личность необходимо рассматривать, как «обособленный объект национальной безопасности», требующий обеспечения со стороны государства должного уровня защищенности своих законных интересов, прав и свобод, прежде всего, экономического характера.

Как было отмечено ранее, стремительное развитие информационных технологий актуализировало проблемы, связанные с обеспечением информационной защищенности граждан, что обусловило необходимость научного переосмысления понятия «безопасность личности» в контексте информационной безопасности³.

Э.В. Ооржак считает, что информационная безопасность личности заключается в реализации комплекса мероприятий по защите личности в информационной сфере, включая право на доступ к информации, защиту от распространения недостоверной информации и т.д.

А. Х. Гацולהва и А.С. Лолаева, рассуждая о безопасности личности в информационной среде, приходят к выводу о неразрывной связи безопасности личности и информационной безопасности, выводя понятие «право личности на информационную безопасность», обеспечивающее защиту личной информации от несанкционированного доступа и негативных воздействий на личность⁴.

Некоторые авторы рассматривают безопасность личности как сложное многоаспектное правовое явление, тесно связанное с иными видами безопасности и подразумевающее обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов личности во всех сферах общественной жизни.

Часть ученых при рассуждениях о безопасности личности рассматривают данную правовую категорию в контексте обеспечения защищенности определенных прав и свобод, составляющих правовой статус личности, например, экономических и информационных прав, обосновывая, таким образом, выделение таких аспектов (видов) безопасности личности, как экономическая безопасность личности и информационная безопасность личности.

Такое разнообразие взглядов и подходов свидетельствует, что научная среда, еще не сформировала единого подхода к понятию «безопасность личности».

Интерпретация законодательной позиции относительно значимости безопасности личности в рамках национальной безопасности Российской Федерации предполагает обращение к содержанию тех нормативных актов, которые служат основой для построения и функционирования системы национальной безопасности.

Статья первая Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» определяет ключевые виды национальной безопасности, включая безопасность государства, общественную, экологическую⁵ и безопасность личности, а также допускает возможность установления дополнительных видов безопасности в порядке, предусмотренном действующим законодательством.

Пунктом 26 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, сформулирован перечень стратегических национальных приоритетов, реализация которых способствует защите и обеспечению национальных интересов страны, при этом в данном пункте раскрываются аспекты различных видов национальной безопасности, некоторые из которых закреплены в ранее упомянутом Федеральном законе «О безопасности», такие как государственная и общественная безопасность, информационная безопасность, экономическая безопасность и экологическая безопасность. Однако в данном перечне отсутствует защита личности, как самостоятельный стратегический приоритет.

По нашему мнению, целесообразно полагать, что отсутствие безопасности личности в перечне стратегических национальных приоритетов Российской Федерации обусловлено комплексным, всеобъемлющим характером содержания понятия «безопасность личности», которое охватывает все конституционно закрепленные права и свободы личности⁶.

¹ Ипполитов, П. Л. Об отдельных аспектах формирования понятия «безопасность личности» как теоретико-правовой категории / П. Л. Ипполитов, А. М. Кубиясова // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 3(35). – С. 25.

² Филатова, Е. А. Экономическая безопасность личности: понятие, показатели и проблемы обеспечения в России / Е. А. Филатова // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 682.

³ Попков, Д. В. О цифровизации государственного управления / Д. В. Попков, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 125-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_125. – EDN SJCVBU; Шеншин, В. М. Киберпреступность как угроза информационной безопасности Российской Федерации / В. М. Шеншин, В. Ю. Юрьева, И. В. Кускова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 255-258. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_1_255. – EDN YNCDXM.

⁴ Гацולהва, А. Х. Понятие и сущность права личности на информационную безопасность / А. Х. Гацולהва, А. С. Лолаева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11(227). – С. 148.

⁵ Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

⁶ Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии Российской Федерации – субъект стратегического планирования / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 6. – С. 142-146. – DOI 10.24412/2073-0454-2024-6-142-146. – EDN AHYUMC.

Проследивая тесную взаимосвязь между защитой прав и ограничением свобод личности с проблемами обеспечения государственной и общественной безопасности, представляется возможным предположить, что законодатель, во избежание коллизий, включил категорию безопасность личности, как составляющий компонент общественной и государственной безопасности, поскольку без первостепенного обеспечения данных видов безопасности затруднительно и обеспечение безопасности личности. Конституционная норма, согласно которой ограничение прав и свобод граждан является исключительной мерой, которая может быть применена только в строго определенных случаях и исключительно на основании федерального законодательства, в целях обеспечения общественной и государственной безопасности, так же подкрепляет данную позицию¹.

Интерпретация безопасности личности как состояния защищенности и возможности фактической реализации, конституционных прав и свобод получает своё подтверждение в правовой конструкции раздела VII УК РФ². Этот раздел охватывает составы преступлений, направленных против прав и свобод человека, включая право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, достоинство и другие важнейшие блага, которые систематизированы как преступления против личности.

Вышесказанное нашло свое отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24.11.2023 № 54-П, в п. 2 которого Конституционный Суд Российской Федерации при раскрытии термина «безопасность личности» подразумевает состояние защищенности от преступных и иных общественно опасных посягательств таких неотчуждаемых, принадлежащих человеку от рождения и охраняемых государством прав, как «право каждого на жизнь, уважение достоинства, защиту своей чести и доброго имени, право на личную неприкосновенность».

Также можно отметить п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П, в соответствии с которым, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также право на неприкосновенность жилища, находятся «под особой, повышенной защитой Конституции Российской Федерации», это обусловлено тем, что указанные права составляют важную часть конституционного статуса личности и, соответственно, относятся к объектам ее безопасности.

Основываясь на изложенных тезисах, можно обоснованно утверждать, что безопасность личности представляет собой состояние её защищенности, при котором возможно реальное, свободное осуществление конституционно заложенных прав и законных интересов личности, для ее развития и самореализации.

Список литературы:

1. Зорькин: правовое положение ИИ не должно поколебать человеческую идентичность. Официальный сайт российского агентства правовой и судебной информации "РАПСИ" Rapsinews.ru. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20240627/310044815.html (дата обращения: 10.05.2025).
2. Бастрыкин: защищать своих граждан - обязанность России как государства. Официальный сайт государственного информационного агентства "РИА Новости" Ria.ru. URL: <https://ria.ru/20230725/bastrykin-1886103829.html> (дата обращения: 10.05.2025).
3. Ипполитов П. Л. Об отдельных аспектах формирования понятия "безопасность личности" как теоретико-правовой категории / П. Л. Ипполитов, А. М. Кубясова // Алтайский юридический вестник. - 2021. - № 3(35). - С. 25.
4. Филатова Е. А. Экономическая безопасность личности: понятие, показатели и проблемы обеспечения в России / Е. А. Филатова // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05 апреля 2024 года. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. - С. 682. EDN: PRZPPU
5. Гацולהва А. Х. Понятие и сущность права личности на информационную безопасность / А. Х. Гацולהва, А. С. Лолаева // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 11(227). - С. 148. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_145 EDN: BWGPNV
6. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. - Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. - 202 с. ISBN: 978-5-6048482-9-6 EDN: CCFOMJ
7. Комова, В. Д. Борьба с правовым нигилизмом как фактор повышения социальной безопасности Российской Федерации / В. Д. Комова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // Закон и право. - 2023. - № 8. - С. 57-61. DOI: 10.56539/20733313_2023_8_57 EDN: TNRTCF
8. Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2021. - № 3(52). - С. 17-27. EDN: IENSKM
9. Кайнов, В. И. Историко-правовые аспекты становления и развития института президентства в современном мире / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2025. - № 1(66). - С. 21-26. DOI: 10.61260/2074-1626-2025-1-21-26 EDN: WZVWTB
10. Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. - Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. - 888 с. ISBN: 978-5-6042565-2-7 EDN: WODYTL
11. Назарова, И. С. О правовом регулировании предоставления социальных гарантий гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2023. - № 2(307). - С. 57-67. EDN: HZCCTM
12. Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (начало) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 5(233). - С. 73-77. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_73 EDN: FMBZZG
13. Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (окончание) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 6(234). - С. 40-44. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_40 EDN: QHWUBR
14. Шеншин, В. М. О некоторых особенностях обеспечения Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2025. - № 3(332). - С. 111-117. EDN: OASXHY
15. Шеншин, В. М. У Росгвардии недостаточно полномочий по обеспечению государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2022. - № 12(305). - С. 101-105. EDN: QAZKWG
16. Попков, Д. В. О цифровизации государственного управления / Д. В. Попков, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 11(239). - С. 125-130. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_125 EDN: CJCVBV
17. Шеншин, В. М. Киберпреступность как угроза информационной безопасности Российской Федерации / В. М. Шеншин, В. Ю. Юрьева, И. В. Кускова // Право и государство: теория и практика. - 2025. - № 1. - С. 255-258. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_1_255 EDN: YNCDXM
18. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений.
19. В. М. Шеншин; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. - Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. - 156 с. ISBN: 978-5-9500376-9-6 EDN: XMNIVV
20. Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии Российской Федерации - субъект стратегического планирования / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. - 2024. - № 6. - С. 142-146. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-6-142-146 EDN: ANYUMC

¹ Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 3(56). - С. 39-44. - EDN KEWNKE; Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 2(55). - С. 63-70. - EDN RSHYIQ.

² Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. - 2-е издание, переработанное и дополненное. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. - 424 с. - ISBN 978-5-91837-939-4. - EDN MVBVFC.

21. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 3(56). - С. 39-44. EDN: KEWNXE
22. Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественно-правовых отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 2(55). - С. 63-70. EDN: RHSYIQ
23. Уголовное право. Общая часть: учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. - 2-е издание, переработанное и дополненное. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. - 424 с. ISBN: 978-5-91837-939-4 EDN: MVBFCJ

References:

1. Zorkin: The legal status of AI should not shake human identity. The official website of the Russian Agency for Legal and Judicial Information RAPS I Rapsinews.ru . URL: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20240627/310044815.html (date of appeal: 05/10/2025).
2. Bastrykin: it is the duty of Russia as a state to protect its citizens. The official website of the state information agency RIA Novosti Ria.ru . URL: <https://ria.ru/20230725/bastrykin-1886103829.html> (date of request: 05/10/2025).
3. Ippolitov P. L. On certain aspects of the formation of the concept of "personal security" as a theoretical and legal category / P. L. Ippolitov, A.M. Kubiysova // Altaisky yuridicheskiy vestnik. - 2021. - № 3(35). - P. 25.
4. Filatova E. A. Economic security of the individual: the concept, indicators and problems of ensuring in Russia / E. A. Filatova // Economic security of the individual, society, and the state: problems and ways to ensure it: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 05, 2024. - Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - p. 682. EDN: PRZPPU
5. Gatsolaeva A. H. The concept and essence of the individual's right to information security / A. H. Gatsolaeva, A. S. Lolaeva // Law and the State: theory and practice. - 2023. - № 11(227). - P. 148. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_145 EDN: BWGPVN
6. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. Belgorod: Epicenter Limited Liability Company, 2022. 202 p. ISBN: 978-5-6048482-9-6 EDN: CCFOMJ
7. Komova, V. D. The fight against legal nihilism as a factor in improving the social security of the Russian Federation / V. D. Komova, K. V. Shevchenko, V. M. Shenshin // Law and Law. - 2023. - No. 8. - pp. 57-61. DOI: 10.56539/20733313_2023_8_57 EDN: TNRTCF
8. Iroshnikov, D. V. The formation of the branch of security legislation in Russia / D. V. Iroshnikov // Law. Without is a danger. Emergency situations. - 2021. - № 3(52). - Pp. 17-27. EDN: IENSKM
9. Kainov, V. I. Historical and legal aspects of the formation and development of the institute of the presidency in the modern world / V. I. Kainov // Law. Safety. Emergency situations. - 2025. - № 1(66). - Pp. 21-26. DOI: 10.61260/2074-1626-2025-1-21-26 EDN: WZVWTB
10. Military law / A.V. Kudashkin, V. K. Aulov, V. V. Baranenko [and others]. Volume II. - Moscow: Limited Liability Company "Center for Legal Communications", 2021. - 888 p. ISBN: 978-5-6042565-2-7 EDN: WODYTL
11. Nazarova, I. S. On the legal regulation of the provision of social guarantees to citizens of the Russian Federation called up for military service in the Armed Forces of the Russian Federation / I. S. Nazarova, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. - 2023. - № 2(307). - Pp. 57-67. EDN: HZCCTM
12. Shenshin, V. M. Artificial intelligence in the field of jurisprudence in the era of digitalization (the beginning) / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Agrarian and land law. - 2024. - № 5(233). - Pp. 73-77. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_73 EDN: FMBZZG
13. Shenshin, V. M. Artificial intelligence in the field of jurisprudence in the era of digitalization (graduation) / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Agrarian and land law. - 2024. - № 6(234). - Pp. 40-44. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_40 EDN: QHWUBR
14. Shenshin, V. M. On some features of ensuring public security by the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation in certain subjects of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. - 2025. - № 3(332). - Pp. 111-117. EDN: OASXHY
15. Shenshin, V. M. The Rosgvardiya does not have enough authority to ensure state and public security / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. - 2022. - № 12(305). - Pp. 101-105. EDN: QAZKWW
16. Popkov, D. V. On the digitalization of public administration / D. V. Popkov, V. M. Shenshin // Agrarian and Land law. - 2024. - № 11(239). - Pp. 125-130. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_125 EDN: CJCVCBU
17. Shenshin, V. M. Cybercrime as a threat to the information security of the Russian Federation / V. M. Shenshin, V. Y. Yuryeva, I. V. Kuskova // Law and the State: theory and practice. - 2025. - No. 1. - pp. 255-258. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_1_255 EDN: YNCDXM
18. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses.
19. V. M. Shenshin; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod: Limited Liability Company Epicenter, 2017. 156 p. ISBN: 978-5-9500376-9-6 EDN: XMNIVV
20. Shenshin, V. M. Troops of the National Guard of the Russian Federation - a subject of strategic planning / V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 6. - pp. 142-146. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-6-142-146 EDN: AHYUMC
21. Grigoris, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing state security / V. P. Grigoris, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. - 2022. - № 3(56). - Pp. 39-44. EDN: KEWNXE
22. Nemova, N. Y. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the development of control and supervisory functions in public relations: history and modernity / N. Y. Nemova, V. P. Grigoris // Pravo. Safety. Emergency situations. - 2022. - № 2(55). - Pp. 63-70. EDN: RHSYIQ
23. Criminal law. General part: textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. - 2nd edition, revised and expanded. - Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - 424 p. ISBN: 978-5-91837-939-4 EDN: MVBFCJ

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СОГЛАШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ THE LEGAL BASIS FOR ENVIRONMENTAL MANAGEMENT CONTRACTS

АРУТЮНЯН Марина Самвеловна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса Института права
Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия.

450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: marina.arochka@mail.ru;

ХИСМАТУЛЛИН Оливер Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического и трудового права Института права
Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия.

450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: tekwin@mail.ru;

ARUTYUNYAN Marina Samvelovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure at the Institute of Law
of the Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

32 Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russia.

E-mail: marina.arochka@mail.ru

KHISMATULLIN Oliver Yurievich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Environmental and Labor Law
at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

32 Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russia.

E-mail: tekwin@mail.ru

Краткая аннотация: возможность эффективного и рационального использования ресурсов природы, обеспечения достижения экономических задач и восстановления благоприятных условий и среды обитания человека в значительной степени обусловлены совершенством нормативных оснований возникающих правоотношений. Глобальная задача мирового сообщества, государств, представителей общества и каждого пользователя природы — подходить разумно, ответственно и добросовестно к исполнению принимаемых по договорам обязательств с учетом особых свойств объекта пользования, необходимых для поддержания нормального состояния природы мер, возможных отложенных негативных явлений, вызванных действиями по использованию компонентов природы. В связи с фрагментарным нормативным правовым закреплением договорных конструкций, опосредующих пользование конкретными видами природных ресурсов и объектов, перманентным развитием и усложнением фактических отношений в данной сфере отношений, полагаем, необходим комплексный единообразный междотраслевой подход и более детальное законодательное закрепление договоров в сфере природопользования.

Abstract: The ability to effectively and rationally use natural resources, achieve economic goals, and restore favorable conditions and human habitats is largely dependent on the perfection of the legal framework governing these relationships. The global challenge for the international community, governments, society, and individual users of nature is to approach their obligations under these contracts with a sense of responsibility and integrity, taking into account the unique characteristics of the natural resources being used, the necessary measures to maintain their health, and the potential long-term consequences of their actions. Due to the fragmented legal regulation of contractual structures that mediate the use of specific types of natural resources and facilities, as well as the constant development and complexity of actual relations in this area, we believe that a comprehensive and uniform approach is necessary.

Ключевые слова: договор, соглашение, природопользование, использование природных ресурсов, охрана окружающей среды.

Keywords: contract, agreement, environmental management, use of natural resources, and environmental protection.

Для цитирования: Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю. К вопросу о правовой природе соглашений в сфере природопользования // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 123-125. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_123.

For citation: Arutyunyan M.S., Khismatullin O.Yu. The legal basis for environmental management contracts // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 123-125. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_123.

Статья поступила в редакцию: 01.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Проблема. Исследование актуальных проблем экологии, кризисных явлений глобальных климатических изменений, а также реализации стратегических инициатив внедрения принципов устойчивого развития невозможны в отрыве от существующего в России механизма эколого-правового регулирования отношений природопользования. Общеизвестно, что достижение целей сохранения благоприятных условий жизни, развития промышленности и экологическое благополучие взаимообусловлены и взаимозависимы. На сегодняшний день мировое сообщество объединяет усилия для создания нового подхода к концепции развития бизнеса, который выходит из-под догмата прибыли любой ценой и становится на одну сторону с обществом, разделяя и создавая с ним общие ценности в интересах человека и природы, человечества и планеты. Множество международных договоров, концепций, принципов и иных две и многосторонних актов реализуются в целях решения экологических проблем. Будучи полноправным и активным участником на международной природоохранной арене Российская Федерация в полной мере принимает и внедряет наиболее передовые подходы к развитию внутригосударственного природоресурсного законодательства и внедрению передовых экологических практик.

Человек на протяжении веков активно использует природные ресурсы, развивает хозяйственную деятельность и изменяет окружающую среду. Это приводит к загрязнению почвы, воздуха, водоемов, истощению лесов, других природных богатств. Весь период своего существования человечество осуществляет активное пользование природными ресурсами, что неизбежно меняет окружающую природную среду. Отдельные компоненты природы в настоящее время существенно истощены, другие – находятся в столь загрязненном состоянии, что без восстанови-

тельного вмешательства и изменения глобальных подходов к природопользованию реальна вероятность локальных и глобальных экологических и климатических катастроф.

Несмотря на глобальный характер проблем, человечество вносит и позитивный вклад в сохранение природы Земли. В последние десятилетия многие страны принимают меры для защиты среды.

Современные технологии помогают сократить загрязнение, перерабатывать отходы и очищать воду. Глобальные программы, такие как охрана лесов и сокращение пластика, направлены на улучшение экологии. Если люди продолжат внедрять экологически чистые технологии и рационально использовать ресурсы, планета сможет восстановиться.

Экологические организации, такие как «Гринпис» и WWF, играют важную роль в защите природы. Они работают над восстановлением среды, контролем выбросов и сохранением животных. Многие страны вводят законы, снижающие вред от хозяйственной деятельности.

Объект исследования. В ракурсе исследуемой темы целесообразно изучить договорный механизм в аспекте использования природных ресурсов как в России, так и на международном уровне. В международном праве широко распространен договорный подход к регулированию природоресурсных и природоохранных отношений, что обусловлено синергетическим эффектом экологических проблем.

Договоры представляются наиболее универсальным и действенным способом международного сотрудничества в области рационального природопользования и охраны окружающей среды. Часто соглашения вырабатывались и заключались в связи с наступившими катастрофами или реактивным ухудшением качества природы в целях локализации негативных последствий и устранения наступившего вреда. В связи с применением этой практики к XX столетию международное право накопило значительный массив соглашений, двух- и многосторонних договоров в области природопользования и охраны окружающей среды [1, с. 34]. В качестве основополагающего источника права международных договоров принято рассматривать Конвенцию о праве международных договоров, принятую в Вене 23 мая 1969 г. [3].

Специфика международных договоров в области охраны окружающей среды обусловлена тем, что их содержание, как правило, включает принципы и наиболее концептуальные подходы присоединившихся государств к регулированию определённой сферы правоотношений во внутригосударственном законодательстве. Такие соглашения закладывают базовые условия к региональному сотрудничеству, ориентированному на обеспечение сохранения компонентов природы и рациональному природопользованию.

Условия международных договоров являются юридически обязательными для стран, которые официально их ратифицировали. Некоторые из наиболее известных, например, Киотский протокол, проводят различие между типами стран и соответствующими обязанностями каждой из них по соглашению. На сегодняшний день заключено несколько сотен международных природоохранных соглашений, но большинство из них объединяют своими условиями только наиболее развитые государства, но, несмотря на это они играют важную роль в международной охране природы. Перечень действующих многосторонних договоров, конвенций и соглашений, которые исполняются Россией представлен на официальном сайте Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации [8].

Отметим, что в соответствии с п. 1 ст. 82 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [11] (далее – Закон об охране ОС) международные договоры Российской Федерации в области охраны окружающей среды, не требующие для применения издания внутригосударственных актов, применяются к отношениям, возникающим при осуществлении деятельности в области охраны окружающей среды, непосредственно. Фактически, данное положение свидетельствует о том, что заключенные и ратифицированные международные договоры являются частью правовой системы России, а при отсутствии развивающих их положения актов внутригосударственного законодательства – действуют на территории нашего государства в том контексте, в котором они сформулированы. Можно отметить, что применение положений международных договорных актов в качестве регуляторов отношений природопользования на территории Российской Федерации обусловлено тем обстоятельством, что до настоящего времени наше государство активно сотрудничает с другими странами по вопросам охраны окружающей среды (ст. 81 Закона об охране ОС). Мы признаем, что проблемы глобальной экологии, климата несмотря на геополитическую конъюнктуру, требуют глобального сотрудничества и скоординированных действий всего мирового сообщества.

Наиболее актуальным договором в области международной природоохранной деятельности представляется Глобальный договор ООН, инициированный в 2000 г. экс-Генеральным секретарем ООН – Кофи Аннаном. Это соглашение оценивается современниками как эффективный международный инструмент вовлечения бизнеса в формирование и продвижение концепции устойчивого развития [4].

На основе положений Глобального договора формируется новый эколого-ориентированный подход к экономической и предпринимательской деятельности, ориентированный на обеспечение интересов человечества, природы и сохранения биоразнообразия планеты. Исходя из концепции Глобального договора целесообразность, возможность и перспективность любого вида хозяйственной деятельности первостепенно оцениваются исходя из критериев экономической, экологической, социальной и этической целесообразности. Рецепция базовых принципов Глобального договора в экономические, промышленные и деловые стратегии, публичное подтверждение приверженности Глобального договора ООН являются признанными показателями ответственной корпоративной практики и добросовестной деловой репутации, а также важными элементами долгосрочной устойчивости бизнеса.

Вопрос о допустимости и целесообразности применения цивилистической конструкции договора к отношениям, возникающим в связи с использованием природных объектов и ресурсов для российской науки представляется перманентно дискуссионным. Встречаются научные позиции, согласно которым, применение гражданско-правовых конструкций соглашений не возможно и не должно быть применимо к отношениям пользования компонентами природы [10, с. 124]. Ряд исследователей допускает применение института гражданско-правового договора в случае использования природного объекта, обращенного в частную собственность [2, с. 42]. Интересны представления о наличии так-называемых адми-

нистративно-правовых договорах, исключающих гражданско-правовую природу правоотношений, которые своим предметом имеют природные объекты [12, с. 57]. Только в период бурного развития рыночных механизмов хозяйствования вопрос о необходимости вовлечения природных ресурсов в хозяйственный оборот повлек смещение парадигмы исключительно административного подхода к использованию природных объектов и ресурсов в сторону гражданско-правового механизма, предусматривающего не только признание отдельных компонентов природы не только объектами вещных, но и обязательственных правоотношений. Строго говоря, необходимость экстренного создания правовой основы для вновь формирующейся экономической формации, позволили осуществить рецепцию некоторых цивилистических институтов для потребностей экологического права. Не вдаваясь в дальнейшую полемику отметим, что в соответствии с положениями действующего экологического законодательства к отношениям по поводу объектов природы, оформленным в договорные конструкции, применяется гражданско-правовое законодательство [6, с. 148]. В науке устоялось мнение о том, что «договор является самостоятельным и важным элементом системы механизма правового регулирования отношений по природопользованию» [9, с. 8].

Выводы. Общеетеоретическое понятие договора природопользования представляется нам категорией, требующей определения если не на законодательном уровне, то в научном плане. Как нами было установлено ранее, исключительно гражданско-правовой или сугубо административный подход к природопользовательским соглашениям применим быть не может в виду специфики их предмета, содержания, порядка заключения и исполнения.

Выработанная на сегодняшний день практика пользования природными ресурсами, экологические и климатические условия современности свидетельствуют о первичности природоохранительной направленности любой, в том числе договорной, эксплуатации природных объектов. При этом, соотношение экономических показателей природопользования и требований сохранения, восстановления и защиты природы принято смещать в пользу последних [9, с. 9].

Очевидно, необходима выработка особой парадигмы для данного правового института. В тоже время, несомненно, правовой институт договора имеет гражданско-правовую природу, в связи с чем, игнорировать легальное определение понятия, сформулированного в п. 1 ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5]. При этом, раскрыть содержание термина «природопользование», по нашему мнению, необходимо исходя из сформулированного в абз. 16 ст. 1 Закона об охране ОС понятия «использование природных ресурсов». Помимо прочего, считаем необходимым заложить в понятие направленность на обеспечение рационального договорного пользования природными ресурсами. Таковым предлагаем считать использование природных ресурсов, при котором пользователем за свой счет реализуется комплекс мер «... по улучшению качества компонентов природы, ее отдельных компонентов ...» [7, с. 18]. Таким образом, с учетом специфики сферы правового регулирования, цели и задач обязательства по использованию природным ресурсом (или объектом), полагаем, определение понятия договора в сфере природопользования может быть сформулировано следующим образом: договор природопользования представляет собой синергитическое публично-частное соглашение, заключенное в целях возникновения, осуществления и прекращения права использования природного ресурса, осуществляемого в форме конкретных разрешенных и согласованных сторонами видов воздействия на него в процессе хозяйственной и (или) иной деятельности, обеспечивающего воспроизводство и сохранение природной среды.

Список литературы:

1. Арапов С.Н. Международные договоры в области охраны окружающей среды // Контентус. 2020. № 7. С. 34-42. DOI: 10.24411/2658-6932-2020-10078 EDN: EAUASW
2. Василевская Д.В. Об административно-правовой природе отношений в сфере недропользования // Закон и право. 2009. № 6. С. 41-43. EDN: KVKSUZ
3. Венская конвенция о праве международных договоров. Заключена в г. Вене 23 мая 1969 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 21.06.2025).
4. Глобальный договор ООН Официальный сайт Национальной сети Глобального договора ООН в России [Электронный ресурс]. URL: <https://globalcompact.ru/about/> (дата обращения: 22.06.2025).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм и доп от ред. от 08 августа 2024 г. № 237-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.06.2025).
6. Колесникова К.В. О правовой природе договоров в сфере использования природных ресурсов // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 148-152. EDN: ZROSHD
7. Лулева Е.В. право рационального природопользования: доктрина, методология и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2023. 52 с. EDN: QATUDG
8. Международные договоры и соглашения с участием Минприроды России // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации https://www.mnr.gov.ru/activity/international_agreements/ (дата обращения: 29.06.2025).
9. Миронова Л.А. Гражданско-правовые договоры в сфере природопользования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2004. 32 с. EDN: NNNXZ
10. Навасардова Э.С. Теоретические проблемы регулирования экологического управления на региональном уровне: дисс.... докт. юр. наук. М.: МГЮА, 2002. 509 с. EDN: NMPJUZ
11. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" (с посл. изм. и доп. от 08 августа 2024 г. № 296-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.06.2025).
12. Яковлева Т.А. Договор аренды лесного участка // Законность. 2012. № 4. С. 57-60. EDN: OWYBLH

References:

1. Arapov S.N. International Treaties in the Field of Environmental Protection // Contentus. 2020. No. 7. Pp. 34-42.
2. Vasilevskaya D.V. On the Administrative and Legal Nature of Relations in the Field of Subsoil Use // Law and Law. 2009. No. 6. Pp. 41-43.
3. Vienna Convention on the Law of Treaties. Concluded in Vienna on May 23, 1969 // Official website of the United Nations [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed on June 21, 2025).
4. The UN Global Compact Official website of the National Network of the UN Global Compact in Russia [Electronic resource]. URL: <https://globalcompact.ru/about/> (date of appeal: 06/22/2025).
5. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended and supplemented by ed. dated August 08, 2024, No. 237-FZ) // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed on 25.06.2025).
6. Kolesnikova K.V. On the legal nature of contracts in the sphere of natural resources use // Humanitarian and legal research. 2017. No. 3. Pp. 148-152.
7. Luneva E.V. The right of rational environmental management: doctrine, methodology and practice : abstract of dis. Dr. of Law. Sciences. M. 2023. 52 p.
8. International treaties and agreements with the participation of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation // Official website of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation https://www.mnr.gov.ru/activity/international_agreements/ (date of reference: 06/29/2025).
9. Mironova L.A. Civil law contracts in the field of environmental management : abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences. Kazan. 2004. 32 p.
10. Navasardova E.S. Theoretical problems of environmental management regulation at the regional level: dissertation... Doctor of Law, Moscow: MGUA, 2002. 509 p.
11. Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 «On Environmental Protection» (as amended and supplemented dated August 08, 2024, No. 296-FZ) // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of application: 06/22/2025).
12. Yakovleva T.A. Forest lease agreement // Legality. 2012. No. 4. Pp. 57-60.

приоритет2030⁺

право для лидерства

О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРИБОВ ON PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF PROTECTION AND USE OF MUSHROOMS

ДОЙНИКОВ Павел Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Экологического и природоресурсного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

E-mail: pidoinikov@msal.ru;

DOYNIKOV P.I.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Environmental and Natural Resource Law
O.E. Kutafin University (MSAL).

9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 123242, Russia.

E-mail: pidoinikov@msal.ru

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Краткая аннотация: Право грибопользования представляет собой важнейший институт права природопользования, закреплённый в законодательстве Российской Федерации. Право грибопользования раскрывается в объективном и субъективном смысле. В объективном смысле право грибопользования, представляет собой правовые нормы, регулирующие охрану и использование грибов, как природных объектов и ресурсов. В субъективном смысле право грибопользования, выражено в правомочиях грибопользователей, их правах и обязанностях. Право грибопользования нацелено на природные объекты и ресурсы, а именно — на грибы, используемые при осуществлении хозяйственной деятельности и иной нехозяйственной деятельности. Природные ресурсы, классифицируются по различным критериям, например, подразделяются на минеральные, климатические, земельные, почвенные, биологические (состоящие из растений, животных, грибов), водные и иные. В зависимости от использования в хозяйственной деятельности природные ресурсы могут быть применяемыми в промышленности, сельском хозяйстве, в иных отраслях, в нехозяйственной сфере.

Abstract: Mushroom management law is the most important institution of environmental management law, enshrined in the legislation of the Russian Federation. The right of mushroom use is revealed in an objective and subjective sense. In an objective sense, the law of mushroom management is the legal norms governing the protection and use of mushrooms as natural objects and resources. In a subjective sense, the right of mushroom use is expressed in the powers of mushroom users, their rights and obligations. The right of mushroom use is aimed at natural objects and resources, namely, mushrooms used in carrying out economic activities and other non-economic activities. Natural resources are classified according to various criteria, for example, they are divided into mineral, climatic, land, soil, biological (consisting of plants, animals, fungi), aquatic and others. Depending on the use in economic activity, natural resources can be used in industry, agriculture, other industries, and in the non-economic sphere.

Ключевые слова: право природопользования; право пользования животным миром (фаунистическое право); право пользования растительным миром (флористическое право); право водопользования; право пользования особо охраняемыми природными территориями; право пользования ионизирующим излучением; право пользования космическим пространством; право землепользования; право недропользования; право пользования грибами (микологическое право).

Keywords: the right to use natural resources; the right to use wildlife (faunal law); the right to use flora (floral law); the right to use water; the right to use specially protected natural areas; the right to use ionizing radiation; the right to use outer space; the right to land use; the right to subsurface use; the right to use mushrooms (mycological law).

Для цитирования: Дойников П.И. О государственном управлении в сфере охраны и использования грибов // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 126-128. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_126.

For citation: Doynikov P.I. On public administration in the field of protection and use of mushrooms // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 126-128. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_126.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Совокупность осуществляемых органами государственной власти и иными уполномоченными субъектами действий по надзору, упорядочиванию, организации, контролю за поведением людей, соблюдением требований микологического законодательства, понимается под управлением в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов¹.

Принципы государственного управления социально-экономическим развитием, а равно общеправовые принципы, в том числе специфические принципы, вытекающие из объективных законов развития человеческого общества и грибов, как части природы, учитываемые при организации процесса управления, лежат в основе управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов².

Принципы ответственности органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления за невыполнение требований микологического законодательства РФ, вертикальной соподчиненности, местного самоуправления, федерализма, являются общими принципами управления.

К специальным принципам в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, можно отнести принцип учета природных условий мест произрастания грибов. Для ряда природных объектов, являющихся местом произрастания грибов, установлена специальная система государственного управления, учитывающая их географическое расположение. Это бассейновые советы, как места произрастания водных грибов, лесничества и охотхозяйства, как места произрастания грибов, особо охраняемые природные территории, как места произрастания редких и исчезающих видов грибов, и так далее. В межтерриториальном характере мест произрастания грибов, выражены особенности системы управления указанными объектами³.

¹ Дойников П.И. О фаунистическом законодательстве Российской Федерации // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 5(197). – С. 57-62.

² Дойников П.И. О публично-правовом режиме охраны и использования объектов животного мира // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7(235). – С. 179-182.

³ Экологическое право : учебник / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, В. К. Быковский [и др.]. – Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С.80-94.

Виды управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, определяет статус реализующих их субъектов. На общественное, производственное, муниципальное, государственное, делится управление в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов.

Государственное управление, в системе управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, занимает центральное место, представляющее собой общественные отношения, в сфере взаимодействия человеческого общества и мира грибов. Государственное управление в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, реализуется в процессе исполнительно-распорядительной деятельности органов государственной власти. Оно имеет своей задачей, создание благоприятных условий сосуществования людей и грибов, рациональное использование грибов, охрана грибов, поддержание оптимальной численности грибов, упорядочивание, координацию, развитие общественных отношений в сфере охраны и использования грибов. Деятельность субъектов отношений в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, в том числе, связанная с воздействием на грибы и взаимодействием с грибами, выступает объектом государственного управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов.

Должен рассматриваться через объект микологического права, как подотрасли экологического права, объект государственного управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов. Он должен включать в себя общественные отношения, в которых участвуют субъекты управления: отношения, возникающие при использовании земель, где произрастают или выращиваются грибы; отношения, возникающие при использовании генно-модифицированных организмов, если таковыми являются грибы; отношения, возникающие при использовании лесов, в которых произрастают грибы; отношения возникающие при использовании водных объектов, в которых произрастают грибы; отношения возникающие при использовании особо охраняемых природных территорий, в которых произрастают грибы; отношения возникающие при охране редких и находящихся под угрозой исчезновения видов грибов; отношения возникающие при использовании лечебно-оздоровительных местностей и курортов, на которых произрастают грибы; иные отношения объектом которых выступают грибы¹.

Органы исполнительной власти Российской Федерации, ее субъектов, местного самоуправления, выступают органами наделенными административно-властными полномочиями, субъектами государственного управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов.

На органы специальной компетенции и органы общей компетенции, подразделяются органы осуществляющие государственное управление в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов. Органы исполнительной власти субъектов РФ и Правительство РФ, являются органами общей компетенции. Федеральные агентства, федеральные службы, федеральные министерства, являются органами специальной компетенции.

Координация деятельности по управлению в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, надзор, воспитание ответственного, гуманного отношения к грибам, сертификация, экспертиза, разрешительная система, в форме разрешений и лицензий на сбор редких и находящихся под угрозой исчезновения грибов, нормирование, подзаконное нормотворчество, информационная функция, осуществляемая в форме мониторинга, ведения кадастров, Красных книг, регистров, определение стратегии, в форме принятия государственных концепций, планирование, в форме принятия федеральных, региональных, муниципальных целевых программ², являются основными функциями государственного управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов.

Деятельность органов местного самоуправления, в соответствии с полномочиями, установленными Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ³, представляет собой муниципальное управление⁴.

С передачей необходимых для осуществления полномочий материальных и финансовых средств, органам местного самоуправления могут передаваться отдельные государственные полномочия в области охраны и использования грибов, по аналогии со статьей восьмой Федерального закона «О животном мире» от 24.04.1995 N 52-ФЗ⁵. Подконтрольна государству, реализация переданных полномочий.

На обязанности юридических лиц соблюдать требования микологического законодательства Российской Федерации, основывается производственное управление в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов. Могут создаваться структурные подразделения, либо возлагаться соответствующие обязанности на отдельных работников, в соответствии с нормами Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ⁶, для реализации возложенных на юридические лица, хозяйствующие субъекты, обязанностей, в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов.

На принципах, закрепленных в статье третьей Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ⁷, основывается общественное управление в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов. Принцип участия граждан, общественных и иных некоммерческих объединений в решении задач по охране грибов, как части окружающей среды. Принцип обязанности участия в деятельности по охране грибов, как части окружающей среды, наряду с органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, юридическими лицами, общественными и иными некоммерческими объединениями. Статьей двенадцатой ФЗ «Об охране окружающей среды», другими законодательными актами, подзаконными актами, уставами общественных объединений, пре-

¹ Дойников П.И. О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2.

² Пятый национальный доклад «Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации» М. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2015 г.

³ СЗ РФ, 06.10.2003, N 40, ст. 3822.

⁴ Дойников П.И. О многообразии животных в законодательстве Российской Федерации // Современное право. 2023. № 3. С. 81-86.

⁵ СЗ РФ, 24.04.1995, N 17, ст. 1462.

⁶ Российская газета, N 256, 31.12.2001.

⁷ Российская газета, N 6, 12.01.2002.

дусмотрены права и обязанности, общественных и иных некоммерческих объединений, при осуществлении деятельности в области охраны грибов, как части окружающей среды.

Деятельностью компетентных государственных органов, направленной на организацию охраны, использования, воспроизводства грибов, сохранение численности грибов, является государственное управление в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов.

Среди важнейших задач государства в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, находится создание эффективной системы их управления. Такая система, должна изменить тенденцию сокращения видового разнообразия грибов, способствовать восстановлению численности грибов, создать систему нормативно-правового регулирования отношений возникающих при охране, сборе, выращивании грибов¹.

Исходя, из анализа Федеральных законодательных актов, регулирующих общественные отношения в сфере охраны и использования грибов, можно утверждать, что на принципах сочетания государственного управления с местным самоуправлением, плановости государственного управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, приоритета охраны грибов как части окружающей среды, законности в сфере охраны и использования грибов, основано государственное управление в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов².

На органы специальной компетенции, органы общей компетенции, иные органы, в зависимости от закрепленных компетенций, разделяются органы государственной власти в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов³.

Президент РФ и Правительство РФ, являются органами общей компетенции, высшими органами государственного управления. Они определяют направления государственной политики в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов: определяют ее задачи и принципы, пути и методы реализации, создают организационные и правовые основы, осуществляют высший контроль в данной сфере⁴. Решения Президента РФ и Правительства РФ распространяются на всех физических лиц, все юридические лица, учреждения, организации, находящиеся на территории России⁵.

Местные органы самоуправления, относятся к органам общей компетенции. Они выполняют функции государственного регулирования и контроля в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, на подведомственных им территориях. Функция контроля, для органов общей компетенции не главная, так как они, в пределах своей компетенции, наделены огромным количеством функций.

Органами межотраслевой или межведомственной компетенции, являются Федеральная Служба по Ветеринарному и Фитосанитарному Надзору, Министерство сельского хозяйства, Министерство природных ресурсов, а равно и многие другие органы исполнительной власти. Ряд принятых этими органами, нормативно-правовых актов, в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов, имеют обязательную силу для всех Министерств, Ведомств, Агентств, предприятий.

Органы специальной компетенции, представляют собой государственные органы, уполномоченные выполнять функции управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов. Их можно разделить на группы по характеру выполняемых функций и задач. Это: над ведомственные органы; ведомственные, отраслевые органы; органы выполняющие отдельные функции управления в сфере публично-правового режима охраны и использования грибов.

Список литературы:

1. Дойников П.И. О фаунистическом законодательстве Российской Федерации // Аграрное и земельное право. - 2021. - № 5(197). DOI: 10.47643/1815-1329_2021_5_56 EDN: FJRCOY
2. Дойников П.И. О публично-правовом режиме охраны и использования объектов животного мира // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 7(235). DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_179 EDN: DCPIYO
3. Дойников П.И. О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_193 EDN: LCOPRS
4. Дойников П.И. О многообразии животных в законодательстве Российской Федерации // Современное право. 2023. № 3. DOI: 10.25799/NI.2023.78.37.014 EDN: ISSBML
5. Дойников П.И. Теоретические и практические проблемы правового регулирования охраны животных: учебное пособие. М.: Проспект, 2023. ISBN: 978-5-392-39236-0 EDN: BJCLYF
6. Дойников П.И. Правовое обеспечение государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. ISBN: 978-5-392-42129-9 EDN: XHDRHJ
7. Пятый национальный доклад "Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации" М. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2015 г.
8. Современные проблемы теории земельного права России / Е. Н. Абанина, А. П. Анисимов, Е. С. Болтанова, П. И. Дойников [и др.]. - Москва: Юридический Дом "Юстицинформ", 2024. ISBN: 978-5-7205-1991-9 EDN: EAZGGX
9. Экологическое право: учебник / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, В. К. Быковский, Дойников П.И. [и др.]. - Москва: Издательский центр Уни-верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023.

References:

1. Doynikov P.I. On faunistic legislation of the Russian Federation // Agrarian and land law. - 2021. - № 5(197).
2. Doynikov P.I. On the public law regime for the protection and use of wildlife objects // Law and the State: theory and practice. - 2024. - № 7(235).
3. Doynikov P.I. On the legal nature, content and types of mushroom management law (mycological law) // Law and the state: theory and practice. 2025. № 2.
4. Doynikov P.I. On the diversity of animals in the legislation of the Russian Federation // Modern law. 2023. № 3.
5. Doynikov P.I. Theoretical and practical problems of legal regulation of animal protection: a textbook. Moscow: Prospekt, 2023.
6. Doynikov P.I. Legal support of public administration in the field of protection and use of wildlife. Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2024.7. The Fifth National Report "Conservation of Biodiversity in the Russian Federation", Moscow, Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation, 2015.
8. Modern problems of the theory of Russian land law / E. N. Abanina, A. P. Anisimov, E. S. Boltanova, P. I. Doynikov [and others]. Moscow: Law House "Justicinform", 2024.
9. Environmental law: textbook / V.B. Agafonov, S.A. Amashukeli, V.K. Bykovsky, Doynikov P.I. [and others]. M.: O.E. Kutafin University Publishing Center (MGUA), 2023.

¹ Дойников П.И. Теоретические и практические проблемы правового регулирования охраны животных: учебное пособие. М.: Проспект, 2023. С.81-84.

² Дойников П.И. Правовое обеспечение государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. с. 7-30.

³ Экологическое право: учебник / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, В. К. Быковский, Дойников П.И. [и др.]. - Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С.353-366.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405110002> (дата обращения: 12.06.2025).

⁵ Современные проблемы теории земельного права России / Е. Н. Абанина, А. П. Анисимов, Е. С. Болтанова, П. И. Дойников [и др.]. - Москва : Юридический Дом "Юстицинформ", 2024. С.39-57.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ДАННЫХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ LEGAL REGULATION OF INDUSTRIAL DATA: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

КОКОВИН Денис Николаевич,

советник отдела экономического анализа и реализации национальной программы

Департамента цифровых технологий Минпромторга России.

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: kokovin.den@mail.ru;

KOKOVIN Denis N.,

Advisor to the Department of Economic Analysis and Implementation of the National Program

at the Department of Digital Technologies of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation.

125993, Moscow, Sadovaya-Kudrunskaya Str., 9.

E-mail: kokovin.den@mail.ru

Краткая аннотация: Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу концепции промышленных данных в контексте цифровой трансформации промышленности. Исследуются особенности правового регулирования промышленных данных с учётом отраслевой специфики различных секторов экономики. Анализируются современные подходы к управлению промышленными данными, включая вопросы их защиты и использования в условиях развития технологий Industrie 4.0. Особое внимание уделяется выявлению оптимальных моделей правового регулирования, способствующих цифровизации промышленности при обеспечении необходимых гарантий безопасности.

Abstract: This article is devoted to the comparative legal analysis of the concept of industrial data in the context of digital transformation of industry. The peculiarities of the legal regulation of industrial data are studied, taking into account the industry specifics of different sectors of the economy. Modern approaches to industrial data management are analyzed, including the issues of their protection and use in the conditions of Industrie 4.0 technologies development. Particular attention is paid to identifying optimal models of legal regulation that promote the digitalization of industry while ensuring the necessary security guarantees/

Ключевые слова: промышленные данные, цифровая трансформация, правовое регулирование, Индустрия 4.0, отраслевая специфика, управление данными.

Keywords: industrial data, digital transformation, legal regulation, Industrie 4.0, industry specific, data management.

Для цитирования: Коквин Д.Н. Правовое регулирование промышленных данных: сравнительно-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 129-131. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_129.

For citation: Kokovin D.N. Legal regulation of industrial data: a comparative legal analysis // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 129-131. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_129.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2025

Современная цифровая эпоха кардинально трансформирует традиционные модели экономики, производства и права, формируя новые вызовы и возможности в области регулирования данных. Одним из ключевых элементов такой трансформации становятся промышленные данные (industrial data), которые представляют собой информационные массивы, генерируемые в процессе производственной деятельности, эксплуатации оборудования, работы IoT-устройств и цифровых платформ [1-2].

Актуальность исследования промышленных данных обусловлена не только их экономической ценностью, но и необходимостью выработки четких правовых рамок, регулирующих их сбор, обработку, передачу и защиту. Вопросы собственности на данные, их коммерческого использования, взаимодействия между субъектами цифровой экосистемы, а также соблюдения требований информационной безопасности формируют сложный комплекс юридических проблем. При этом существующие нормативные модели зачастую отстают от динамики технологического развития, что создает правовые пробелы и повышает риски правонарушений.

Так, в 2016 году американская аналитическая компания Forrester провела исследование, согласно которому от 60 до 73 % данных, собранных на предприятии, остаются неиспользованными. Такие данные занимают место на серверах, а затем удаляются, чтобы освободить его для новых [3].

Очевидно, что в таком случае большинство предприятий как минимум упускают возможность получить выгоду за счет реализации агрегированных промышленных данных, а как максимум подвергают себя риску утечки таких данных.

Учитывая возрастающую роль промышленных данных в обеспечении конкурентоспособности предприятий, оптимизации бизнес-процессов и развитии технологий «Индустрии 4.0» Указом Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» было внесено определение «промышленные данные» в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Стратегия)[4].

Так, согласно подпункту «у» пункта 4 раздела I Стратегии промышленные данные определяются как информация, создаваемая и обрабатываемая в производственных и технологических процессах выпуска промышленной продукции. Вместе с тем важно отметить, что данное определение не является исключительным и призвано лишь задать нужный курс развития законодательства.

В этой связи вышеуказанное определение может быть расширено в дальнейшем при формировании общепромышленного нормативно-правового акта, регулирующего промышленные данные.

С точки зрения нормативного правового регулирования промышленных данных в Российской Федерации в настоящий момент существует значительный правовой пробел, не позволяющий должным образом обеспечить безопасность и оборот таких данных. Вместе с тем, обращаясь к опыту западных коллег, есть возможность оценить и сравнить степень проработки регулирования оборота промышленных данных.

Так, в целях повышения конкуренции на рынке облачных услуг, а также в целях защиты компаний от несправедливых договорных условий по обмену данными, навязываемыми корпорациями, Европейской Комиссией Европейского Союза была принята Стратегия в области данных от 19.02.2020 № COM/2020/66 final (A European strategy for data)[5].

Стратегия в области данных определила основную проблему правового регулирования обмена данными в Европейском Союзе, а именно, неравный доступ к получаемым данным [6]. В целях решения указанной проблемы в Европейском Союзе было принято два основополагающих документа, обеспечивающих в настоящий момент оборот промышленных данных:

1) Закон об управлении данными от 30.05.2022 № 2022/868 (The Data Governance Act) - документ, направленный на регулирование повторного использования хранимых и защищенных данных путем стимулирования обмена ими посредством регулирования новых посредников данных и поощрения обмена данными в альтруистических целях. Как персональные, так и неперсональные данные попадают в сферу действия указанного акта.

Помимо этого, предусмотренные меры по обеспечению информационной безопасности направлены на повышение доверия к обмену данными и их повторному использованию, что является предпосылкой для предоставления большего количества данных на рынке [7];

2) Закон о данных от 13.12.2023 № 2023/2854 (The Data Act) (вступает в силу 12.09.2025) – документ, обеспечивающий юридическую ясность в отношении доступа к данным и их использования. Указанный акт направлен, в первую очередь, на предоставление пользователями подключенных продуктов больший контроль на генерируемые ими данными, сохраняя при этом стимулы для тех, кто инвестирует в технологии передачи данных [8].

Указанные акты, действительно, позволяют гарантировать промышленным предприятиям определенный уровень защищенности данных за счет установления обязательных условий для их хранения, обмена или уничтожения, однако с точки зрения регулирования именно промышленных данных не были учтены отраслевые особенности промышленных предприятий, что ярко проявляется при регулировании вопросов, связанных с коммерческой тайной организации.

Так, например, в 2025 году Европейская Комиссия Европейского Союза сообщила о необходимости определения основных принципов регулирования и защиты интеллектуальной собственности самими фармацевтическими предприятиями [9].

Кроме того, на сегодняшний день существует множество отраслей промышленности, начиная от горно-добывающей промышленности и заканчивая химической. В этой связи в зависимости от отраслевой специфики промышленного предприятия будут меняться и механизмы оборота промышленными данными [10-11].

Так, на объектах критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ) процесс агрегирования, хранения и последующего обмена промышленными данными будет сопровождаться усиленным контролем со стороны не только самих промышленных предприятий, но и государственных ведомств, что значительно усложняет процесс оборота такими данными.

В этой связи при непосредственном формировании нормативно-правовых актов, регулирующих оборот промышленных данных в Российской Федерации, необходимо провести предварительную апробацию такого регулирования.

С этим наилучшим образом может помочь экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций (далее – ЭПР), предусмотренный Федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ [12].

Создание ЭПР позволит апробировать процесс агрегирования с последующим обменом промышленными данными за счет распространения его лишь на несколько предприятий, представляющих разные отрасли промышленности. Соответственно, указанный механизм позволит в кратчайшие сроки определить основные потребности, уязвимости, а также перспективы регулирования оборота промышленных данных под наблюдением государства.

Вместе с тем на сегодняшний день в Российской Федерации уже существует пример успешного взаимодействия государства с промышленными предприятиями в сфере оборота промышленных данных, что подтверждает актуальность проводимого эксперимента.

Так, в 2025 году успешно реализовался совместный проект ПАО «Газпром» и Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) по внедрению системы дистанционного контроля промышленной безопасности корпоративного уровня.

Система, созданная на базе российского ПО, позволяет собирать, хранить, обрабатывать и отображать данные о событиях на объектах, что обеспечивает решение следующих задач:

- 1) бесперебойный дистанционный мониторинг параметров и процессов, определяющих условия функционирования опасных производственных объектов дочерних обществ;
- 2) представление пользователям данных о состоянии промышленной безопасности;
- 3) информационно-аналитическая поддержка пользователей системы;
- 4) подготовка информации о состоянии промышленной безопасности для последующей ее передачи на платформу автоматизированной информационной системы (АИС) Ростехнадзора [13].

Подводя итог настоящей работе, стоит отметить, что проведенный сравнительно-правовой анализ концепции промышленных данных

позволил выявить ключевые аспекты их регулирования, связанные с отраслевой спецификой промышленности и защитой объектов КИИ.

Промышленные данные, будучи важным ресурсом цифровой экономики для Российской Федерации, требуют дифференцированного подхода в зависимости от сферы их применения: обрабатывающие производства, энергетика, транспорт и другие отрасли имеют уникальные требования к сбору, хранению и передаче данных.

Особое внимание должно уделяться защите данных, связанных с КИИ, поскольку их утрата или нарушение целостности могут привести к значительным экономическим и социальным последствиям.

Таким образом, как свидетельствует зарубежный опыт, эффективное регулирование промышленных данных должно основываться на балансе между стимулированием цифровизации промышленности и обеспечением надежной защиты критически важных информационных систем, что возможно наиболее корректно осуществить с помощью установления ЭПР в сфере промышленных данных.

Список литературы:

1. Минбалеев А.В. Проблемы и перспективы правового регулирования промышленных данных // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2024. № 2. С. 105-114.
2. Минбалеев А.В. Правовой режим и модель регулирования промышленных данных в России // Право.by. 2024. № 4 (90). С. 57-63.
3. Промышленные данные. URL: [https://trainingdata.ru/the-pilot-is-the-basis-of-the-normal-flight-of-the-project/tpost/nhio0y6kz1-promishlennnie-dannie#:~:text=](https://trainingdata.ru/the-pilot-is-the-basis-of-the-normal-flight-of-the-project/tpost/nhio0y6kz1-promishlennnie-dannie#:~:text= (дата обращения: 08.05.2025).) (дата обращения: 08.05.2025).
4. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
5. Стратегия в области данных от 19.02.2020 № COM/2020/66 final [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593073685620&uri=CELEX%3A52020DC0066> (дата обращения: 08.05.2025).
6. Закон о данных. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/data-act> (дата обращения 09.05.2025).
7. Закон об управлении данными от 30.05.2022 № 2022/868. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0868> (дата обращения 09.05.2025).
8. Закон о данных от 13.12.2023 № 2023/2854. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2854/oj> (дата обращения 10.05.2025).
9. ЕС хочет, чтобы промышленность определила «коммерческие тайны» в соответствии с Положением об обмене данными в сфере здравоохранения. URL: <https://insights.citeline.com/pink-sheet/legalandip/eu-wants-industry-to-define-trade-secrets-under-health-data-sharing-regulation-EB26GZ6PLJHPHG7SBDZVYPUMY/> (дата обращения 10.05.2025).
10. Минбалеев А.В., Берестнев М.А., Евсиков К.С. Обеспечение информационной безопасности оборудования добывающей промышленности в квантовую эпоху // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2023. № 1-1. С. 567-584.
11. Минбалеев А.В., Берестнев М.А., Евсиков К.С. Регулирование использования искусственного интеллекта в добывающей промышленности // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2022. № 2. С. 509-525.
12. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.
13. В ООО «Газпром информ» разработали систему дистанционного контроля промышленной безопасности корпоративного уровня. URL: <http://mos.gosnadzor.ru/news/67/13778/> (дата обращения 10.05.2025).

References:

1. Minbaleev A.V. Problems and prospects of legal regulation of industrial data // Bulletin of the Moscow University. Series 26: State Audit. 2024. No. 2. pp. 105-114.
2. Minbaleev A.V. Legal regime and model of regulation of industrial data in Russia // Право.by . 2024. No. 4 (90). pp. 57-63.
3. Industrial data. URL: [https://trainingdata.ru/the-pilot-is-the-basis-of-the-normal-flight-of-the-project/tpost/nhio0y6kz1-promishlennnie-dannie#:~:text=](https://trainingdata.ru/the-pilot-is-the-basis-of-the-normal-flight-of-the-project/tpost/nhio0y6kz1-promishlennnie-dannie#:~:text= (date of application: 08.05.2025).) (date of application: 08.05.2025).
4. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 № 490 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» (together with the «National Strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030») // NW RF. 2019. № 41. Art. 5700.
5. A European strategy for data of 19.02.2020 № COM/2020/66 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593073685620&uri=CELEX%3A52020DC0066> (date of application: 08.05.2025).
6. The Data Act. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/data-act> (date of application: 09.05.2025).
7. The Data Governance Act of 30.05.2022 № 2022/868. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0868> (date of application: 09.05.2025).
8. The Data Act of 13.12.2023 № 2023/2854. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2854/oj> (date of application: 10.05.2025).
9. EU Wants Industry To Define «Trade Secrets» Under Health Data Sharing Regulation. URL: <https://insights.citeline.com/pink-sheet/legalandip/eu-wants-industry-to-define-trade-secrets-under-health-data-sharing-regulation-EB26GZ6PLJHPHG7SBDZVYPUMY/> (date of application: 10.05.2025).
10. Minbaleev A.V., Berestnev M.A., Evisikov K.S. Ensuring information security of mining industry equipment in the quantum era // Proceedings of Tula State University. Earth Sciences. 2023. No. 1-1. pp. 567-584.
11. Minbaleev A.V., Berestnev M.A., Evisikov K.S. Regulation of the use of artificial intelligence in the extractive industry // Proceedings of Tula State University. Earth Sciences. 2022. No. 2. pp. 509-525.
12. Federal Law of 31.07.2020 № 258-FZ «On experimental legal regimes in the sphere of digital innovations in the Russian Federation» // NW RF. 2020. № 31 (Part I). Art. 5017.
13. Gazprom Inform has developed a system of remote control of industrial safety at the corporate level. URL: <http://mos.gosnadzor.ru/news/67/13778/> (date of application: 10.05.2025).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ DEMOGRAPHIC PROBLEMS AND REFORM OF HIGHER EDUCATION IN MODERN RUSSIA

КЕТОВА Лариса Петровна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин факультета экономики и управления, ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет».

346493, Россия, Ростовская область, Октябрьский район, пос. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24.

E-mail: ketova1710@yandex.ru;

KETOVA Larisa Petrovna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines of the Faculty of Economics and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Don State Agrarian University.

346493, Russia, Rostov region, Oktyabrsky district, the village of Persianovsky, Krivoshlykov str., 24.

E-mail: ketova1710@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена взаимосвязи демографических проблем современной России и разворачивающейся реформы высшего образования. Сделан вывод о том, что на ход и содержание реформы высшего образования оказывают влияние демографические проблемы современной России, в связи с чем существенные параметры реформы вынуждены подчиняться решению проблем демографии. Речь, в частности, идет о сроках обучения и необходимых мерах поддержки государством и вузами студенческих семей.

Abstract: The article is devoted to the interrelation of demographic problems of modern Russia and the unfolding reform of higher education. It is concluded that the demographic problems of modern Russia influence the course and content of higher education reform, and therefore the essential parameters of the reform are forced to comply with the solution of demographic problems. In particular, we are talking about the terms of study and the necessary measures to support student families by the state and universities.

Ключевые слова: демографические проблемы, естественная убыль населения, реформа высшего образования, сроки обучения, студенческая семья, государственная поддержка студенческой семьи.

Keywords: demographic problems, natural population decline, higher education reform, duration of study, student family, state support for student families.

Для цитирования: Кетова Л.П. Демографические проблемы и реформа высшего образования в современной России // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 132-135. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_132.

For citation: Ketova L.P. Demographic problems and reform of higher education in modern Russia // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 132-135. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_132.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025

Демографическая ситуация в современной России - это вопрос национальной безопасности, жизнеспособности и будущего нашего государства. От решения демографических проблем зависит развитие всех сфер жизнедеятельности российского общества. С другой стороны, демографические проблемы порождаются явлениями в разных сферах общества. Среди прочих имеются определенные связи и взаимосвязи между демографическими проблемами и начавшимся реформированием системы высшего образования.

Известно, что с 1992 г. в России смертность превышает рождаемость, т.е. Россия вымирает. Так было в нашей стране не всегда, например, в конце XIX — начале XX в. в России был «бум деторождения», уровень рождаемости в нашей стране был самым высоким в Европе, население устойчиво росло примерно на 1,7 % в год [22], несмотря на периодически происходившие голод и эпидемии. Во второй половине прошлого века в России ежегодно рождались 2 - 2,5 млн. детей, умирали 1 - 1,5 млн. человек [2].

Но с 1992 г. началась естественная убыль населения [2], и этот процесс продолжается. Примечательно, что в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента РФ от 09.10.2007 г. N 1351 началом процесса естественной убыли населения в России назван 1992 г. (раздел 2) [2], а в Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. утв. Распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 г. N 615-р, отмечается, что естественная убыль населения в Российской Федерации наблюдается с 2017 года (раздел 2, § 1) [10].

Причины демографического кризиса в России объясняются как общемировыми тенденциями старения населения, затрагивающими все страны Земли, кроме Африки южнее Сахары, в том числе растущей урбанизацией, так и внутренними потрясениями (распад СССР, экономические кризисы, нестабильность и напряженность внешней политики и т.д.).

В 2018 г. был принят национальный проект «Демография» [5], рассчитанный на 2019 – 2024 гг. Проект принес кое-какие положительные результаты, в частности, удалось удержать рождаемость от существенного снижения, несмотря на социальные шоки, связанные с начавшейся в период реализации данного национального проекта специальной военной операции на Украине, ростом инфляции и падением уровня жизни населения. Суммарный коэффициент рождаемости сохранился на уровне 1,4. В 18 регионах намечен даже небольшой рост этого показателя, в том числе в тех из них, которые ранее показывали снижение его значения [12]. Министерство здравоохранения разработало и внедрило новые подходы к поддержке женщин для снижения числа аборт. «В 2024 году доля женщин, отказавшихся от искусственного прерывания беременности и вставших на учет в женскую консультацию, выросла на 25 %. Удалось дополнительно сохранить почти 42 тысячи детских жизней» [12].

Вместе с тем, продолжается снижение рождаемости в целом по стране, растёт естественная убыль населения, оно стареет. По итогам

2024 года естественная убыль населения России увеличилась на 20%, до 596,2 тыс. человек, сообщил Росстат. Результат оказался на 20,4% выше аналогичных данных за 2023. Число родившихся по итогам 2024 года сократилось: оно составило 1,222 млн человек, что на 3,4% ниже результата годом ранее (1,265 млн человек). Более низкий показатель числа рождений фиксировался только в 1999 году [21].

Продолжается сокращение числа женщин репродуктивного возраста. В 2006 году число таких женщин составляло 39,4 млн. К 2023 году оно снизилось до 34,2 млн., и, как показывает демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики, эта тенденция сохранится до 2046 года [10].

К негативным тенденциям относится также увеличение среднего возраста материнства у женщин в России: в 2023 году он составил 26,2 года, тогда как в 1995 году он был на три года ниже. «Это создает риски нарушения репродуктивного здоровья, а также развития ребенка», — отметил министр Михаил Мурашко [12]. Во многом это связано с ценностными установками молодого поколения: они стремятся сначала получить профессию, обрести финансовую самостоятельность, и лишь затем рожать детей.

Традиционно в сельской местности всегда было больше детей в семьях, чем в городе. Но в России, как и в мире в целом, растет урбанизация и доля городского населения увеличивается, а сельского — снижается. В 2019 г. принята Государственная программа РФ "Комплексное развитие сельских территорий" [8], в которой первой, и, вероятно, главной целью, было установлено «сохранение доли сельского населения в общей численности населения Российской Федерации на уровне не менее 25,3%». За годы реализации программы численность сельского населения продолжала, в основном, убывать. В 2017 г. в сельской местности в России проживали 38 млн., в 2021 году — 36,9 миллиона человек, то есть за четыре года убыль сельского населения составила более миллиона человек; в 2022 году — 36,7 млн. человек. В 2023 г. сельское население без учета информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям составляло 36,8 млн., т.е. имелся незначительный прирост; на 1 января 2025 г. сельское население составило 36.337.207 чел., т.е. продолжилось падение. Общая численность населения России на 1 января 2025 г. составила 146.028.325 чел., следовательно, доля сельского населения составляет 24,88 %, т.е. главная цель Программы — сохранить не менее 25,3 % сельского населения — не достигнута.

Одновременно снижается рождаемость в сельской местности, что вызвано более низким уровнем жизни в селе по сравнению с городом (слабо развита инфраструктура, неудовлетворительна доступность благоустроенного жилья, качественного образования, медицинской помощи и т.д.)

Таким образом, глобального перелома в росте народонаселения страны национальный проект «Демография» не смог достичь.

С 01.01.2025 г. начал реализовываться новый национальный проект «Семья»[6], в который входит 5 федеральных проектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры». 09.12.2024 г. при Президенте РФ создан Совет по реализации государственной демографической и семейной политики [4], который сменил действовавший ранее Совет при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей. Распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 N 615-р утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года [10].

В ходе правительственного часа 16 июля 2025 г. Председатель Государственной Думы В. Володин предложил ввести оценку регулирующего воздействия демографической политики и вопросов, которые рассматриваются как в Государственной Думе, так и в Правительстве [12]. Конкретика предложения пока не ясна, но смысл в том, чтобы любое решение ГосДумы или Правительства РФ оценивать с точки зрения его влияния на демографические процессы. «Потому что мы, с одной стороны, деньги выделяем на демографию, а с другой — принимаем решения, которые не способствуют закреплению людей в регионах, созданию семей, развитию, а решают узкоотраслевые задачи. Вот этого не должно быть» [12].

В свете указанных демографических проблем и мер, предпринимаемых государством для их решения, возникает вопрос: как эти проблемы повлияют на грядущую очередную реформу высшего образования. Исходя из приведенных выше фактов неблагоприятной для развития страны демографической ситуации и её прогнозов на будущее, возникает вопрос о наличии трудоспособного населения через 10-20-30 лет, которое должно будет содержать пенсионеров и рожать детей. Его будет мало, значительно меньше, чем сейчас. Что делать, с точки зрения реформирования высшего образования через призму заботы о росте слоя трудоспособного населения?

После выхода из Болонского процесса глава Минобрнауки Валерий Фальков в мае 2022 г. назвал Болонскую систему образования «прожитым этапом» и заявил, что в России появится своя национальная система высшего образования [15]. Примерно через год появился Указ Президента РФ о пилотном проекте реформы высшего образования, который реализовывался в 6 вузах страны [3]. Преподаватели обратили внимание на увеличение сроков обучения по первой ступени — базовое высшее образование — от четырех до шести лет, что было расценено как возврат к фундаментальности отечественного высшего образования, которую сильно подрезал Болонский процесс.

Вообще о реформе высшего образования у широкого состава преподавательского корпуса страны информации очень мало. Нет широкого обсуждения, как это, например, было при принятии нового закона «Об образовании в Российской Федерации» в 2012 г. [16] О том, какая будет реформа по своему содержанию, мы только догадываемся, следя за противоречивыми высказываниями в СМИ [17].

Тем не менее, глядя сквозь призму демографических проблем в современной России и учитывая проскальзывающие в СМИ штрихи, касающиеся различных направлений будущей реформы, вырисовываются следующие направления реформы, направленные на, если не решение демографических проблем, то хотя бы способствующих их решению:

1. Несмотря на надежды преподавателей о возвращении отечественной системе высшего образования фундаментальности, сроки обучения в вузе по базовому уровню не будут увеличены по большинству направлений подготовки (останется 4 года). Более того, вероятно, и школа от 11-летки вернется к 10-летке, как это было в советские времена. Об этом заявлял 24 сентября 2024 г. помощник Президента Владимир

Мединский на встрече с региональным активом Российского военно-исторического общества и молодежью в рамках проекта "Арктический диалог" в Мурманске: "Классическое пяти-шестилетнее высшее образование в ближайшее десятилетие уйдет в прошлое. Образование будет спрессованным по времени, оно будет более специализированным, рассчитано на ближайшее время, ... а потом надо будет переучиваться." Также он сказал о сокращении продолжительности среднего образования: «То, что у нас 11 лет, — nepозволительная роскошь» [19]. При этом он аргументировал эти изменения повышением конкурентоспособности молодежи, а не желанием как-то улучшить демографическую ситуацию в стране и быстрее формировать трудовые ресурсы в условиях их дефицита. Его поддерживает Общественная палата РФ [14], которая, однако, сокращение сроков обучения прямо связывает с возможностью снижения среднего возраста рождения первого ребенка.

С точки зрения тренда молодежи на то, чтобы сначала получить профессию и обрести финансовую опору, а потом рожать детей, этот подход оправдан. Кроме того, сократив сроки обучения, страна быстрее получит трудоспособных граждан. После выхода страны из Болонской системы преподаватели мечтали об усилении фундаментальности высшего образования... Вероятно, мечты останутся мечтами до лучших времен с демографией.

Вместе с тем, все эти заявления пока дискуссионны. Имеются и другие точки зрения, в частности, некоторые депутаты Государственной Думы считают, что сроки обучения сокращать нельзя [13]. Ну что ж, дождемся новых ФГОСов, которые должны быть приняты по всем направлениям обучения к концу ноября 2026 г. и увидим разрешение спора.

2. Государственная поддержка студенческих семей с детьми. Некоторые меры поддержки действуют уже сейчас, например, выдается субсидия в рамках программы «Молодая семья», если супруги соответствуют определенным законом критериям, то государство выплачивает получателям 30-35 % стоимости жилья [9].

Сейчас чиновники ищут и предлагают дополнительные варианты поддержки студенческих семей: предлагаются семейное налогообложение, когда снижается налог при вступлении молодых людей в брак, при рождении первого и последующих детей; доступные программы арендного жилья, включая субсидированный и социальный наем; семейные общежития в вузах и колледжах.

Еще в 2013 г. Министерство труда и соцзащиты предложило открыть детские комнаты при вузах и колледжах для женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет и желающих овладеть новой специальностью или повысить квалификацию [20]. Инициатива также была предусмотрена госпрограммой «Содействие занятости населения» [7]. Постепенно эта идея воплощалась в жизнь. В 2023 г. Минобрнауки России выпустило Методические рекомендации по открытию групп кратковременного пребывания детей и/или комнат матери и ребенка для студенческих семей в образовательных организациях высшего образования [11]. В июле 2025 г. спикер Совета Федерации В. Матвиенко в рамках первого Всероссийского фестиваля студенческих семей (организация такого фестиваля – это тоже вклад государства в поддержку студенческой семьи) посетила выставку, где были представлены лучшие практики поддержки студентов-очников, ставших родителями, в том числе она осмотрела макет детской комнаты в вузе. Как рассказал глава Минобрнауки Валерий Фальков, открыто уже более 200 таких комнат по России; в них мама может оставить ребенка и пойти на занятия. Минобрнауки предоставляет гранты вузам на создание детских комнат [18]. Депутаты также приняли новый закон о понятии «студенческая семья», чтобы можно было выделить соответствующую отдельную правовую категорию молодой семьи, сделать ее отдельным субъектом молодежной политики Российской Федерации и адресно регулировать ее поддержку [1].

Таким образом, на ход и содержание современной реформы высшего образования довольно существенное влияние оказывают демографические проблемы современной России, в связи с чем существенные параметры реформы вынуждены подчиняться решению проблем демографии. В частности, речь идет о сроках обучения и об обязательной поддержке студенческих семей государством и вузами.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 23.07.2025 г. N 258-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О молодежной политике в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=510565&dst=100009&field=134&rnd=Rv7p0A#a6RPTsUsGUcPgIHF> (дата обращения: 25.07.2025)
2. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента РФ от 09.10.2007 г. N 1351 (ред. от 01.07.2014) (раздел 2) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : официальный сайт компании. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=165069&dst=1000000001&cacheid=399747D127E0782DB5C236BD768AECD0&mode=splus&rnd=0.8040931343753485#y2xazrUOW9ch72gS1> (дата обращения: 25.06.2025)
3. Указ Президента РФ от 12.05.2023 г. N 343 (ред. от 26.06.2023) "О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.-правовая система : офиц. сайт компании. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=450723&cacheid=A225EA671C67246567B33CB14DB50A57&mode=splus&rnd=0.38811936945324654#Aqh0SSUEIJZ2kLyt> (дата обращения: 20.07.2025)
4. Указ Президента РФ от 09.12.2024 г. N 1047 "О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : официальный сайт компании. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=492671&cacheid=065C0C78B02043CA611D6DD3EB4E891&mode=splus&rnd=0.8040931343753485#mAfzrUCBowjBE3r> (дата обращения: 17.07.2025)
5. Паспорт национального проекта "Национальный проект "Демография" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : официальный сайт компании. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=384857&dst=1000000001&cacheid=399747D127E0782DB5C236BD768AECD0&mode=splus&rnd=0.2433707566513985#CwFDFrUFUO1z8wo5> (дата обращения: 15.07.2025)
6. Паспорт национального проекта «Семья». Размещение на сайте 24.02.2025, изменения от 26.02.2025 [Электронный ресурс] // Минтруд России [официальный сайт]. – URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nasproekt_semya (дата обращения: 15.07.2025)
7. Государственная программа Российской Федерации "Содействие занятости населения", утв. Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. N 298 (ред. от 30.11.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=491236&dst=1000000001&cacheid=69DEEF2DE6B49408810D1CB332C5AA29&mode=splus&rnd=0.8204884757839042#buJTUsU47fBM20xk> (дата обращения: 20.07.2025)
8. Государственная программа Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий", утв. Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Правительство России» URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdzD7rZAw0FaFjnA79v.pdf> (дата обращения - 25.06.2025)
9. Правила предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования. Приложение N 1 к особенностям реализации отдельных мероприятий государственной программы РФ "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=509977&dst=5620&cacheid=8162D29011044C235F0AE102300D622C&mode=splus&rnd=0.8204884757839042#QqaySsUN21KXdXul> (дата обращения: 20.07.2025)

10. Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 г. N 615-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : официальный сайт компании. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=501543&cacheid=D8C1310D12C981DDCC187E8860BEDC45&mode=splus&rnd=0.08555697981816701#oiaSdsU4D2ZjoAu41> (дата обращения: 17.07.2025)
11. Методические рекомендации по открытию групп кратковременного пребывания детей и/или комнат матери и ребенка для студенческих семей в образовательных организациях высшего образования, утв. Минобрнауки России 21.09.2023 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=458825&dst=1000000001&cacheid=2EA2FC7C5DF8D279FDE48A88EC996185&mode=splus&rnd=0.8204884757839042#F5d0TsUcvpvrN2L> (дата обращения: 20.07.2025)
12. В ГД прошел «правительственный час» на тему приоритетов в реализации демографической политики России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной думы ФС РФ [сайт]. – URL : <http://duma.gov.ru/news/61808/> (дата обращения: 17.07.2025)
13. В Госдуме раскритиковали предложение сократить срок обучения в российских школах. 15.07.2025 [Электронный ресурс] // LENTA.RU [сайт]. – URL : <https://lenta.ru/news/2025/07/15/v-gosdume-raskritikovali-predlozhenie-sokratit-srok-obucheniya-v-rossiyskikh-shkolah/> (дата обращения: 20.07.2025)
14. В России предложили сократить срок обучения в школе до десяти лет. Это поможет снизить возраст рождения первого ребенка. 15.07.2025 [Электронный ресурс] // РБК Life [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6875ebbc9a7947bca24c978b> (дата обращения: 20.07.2025)
15. Глава Минобрнауки назвал Болонскую систему образования «прожитым этапом». – Текст : электронный // Новости в России и мире – ТАСС [сайт]. – URL : https://n.tass.ru/obschestvo/14716295?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения : 24.07.2025)
16. Кетова Л.П. Реформа высшего образования в 2025 г.: учтут ли мнение преподавателей? // Аграрное и земельное право. – 2024. - № 12 (240). – С. 143-146.
17. Кетова Л.П. Так будет или нет реформа высшего образования? // Актуальные вопросы развития научных исследований в АПК: теоретический и практический взгляд: мат-лы версосс. науч.-практич. конф., посвященной 184-летию ФГБОУ ВО «Донского государственного аграрного университета» (Персиановский, 30 сентября 2024г.). В 2 т. Т. I. - Персиановский : Донской ГАУ, 2024. – С. 267-274.
18. Матвиенко предложила показать всем ректорам макет детской комнаты в вузе. 18.07.2025 [Электронный ресурс] // Парламентская газета [Официальный сайт. Издание Федерального Собрания РФ]. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/matvienko-predlozila-pokazat-vsem-rektoram-maket-detskoy-komnaty-v-vuze.html> (дата обращения: 20.07.2025)
19. Мединский допустил сокращение продолжительности образования. 24.09.2024 [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. – Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20240924/medinsky-1974463597.html> (дата обращения: 20.07.2025)
20. Минтруда предложило создать в вузах детские комнаты. 16.07.2013 [Электронный ресурс] // metro. Санкт-Петербург [сайт]. – URL: <https://www.metronews.ru/novosti/russia/reviews/mintruda-predlozilo-sozdat-v-vuzah-detskie-komnaty-1125505/> (дата обращения: 20.07.2025)
21. Росстат оценил естественную убыль населения в 2024 году [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. – URL : <https://www.rbc.ru/economics/21/02/2025/67b8aa619a79477c802b6681> (дата обращения: 17.07.2025)
22. Сифман, Р.И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг. [Электронный ресурс] //Демоскоп Weekly [сайт Институт демографии НИУ ВШЭ им. А.Г. Вишневского]. – Режим доступа: URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (дата обращения – 22.06.2025)

References:

1. Federal Law No. 258-FZ of 07/23/2025 "On Amendments to the Federal Law "On Youth Policy in the Russian Federation" [Electronic resource] // ConsultantPlus [website]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=510565&dst=100009&field=134&rnd=Rv7p0A#a6RPTsUsGUcPgHF> (accessed: 07/25/2025)
2. The Concept of Demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by By Decree of the President of the Russian Federation No. 1351 dated 09.10.2007 (as amended on 01.07.2014) (section 2) [Electronic resource] // ConsultantPlus : the official website of the company. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=165069&dst=1000000001&cacheid=399747D127E0782DB5C236BD768AECD0&mode=splus&rnd=0.8040931343753485#y2axzrUOW9ch72gS1> (date of request: 06/25/2025)
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/12/2023 N 343 (as amended on 06/26/2023) "On some issues of improving the higher education system" [Electronic resource] // ConsultantPlus : reference – legal system : official. the company's website. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=450723&cacheid=A225EA671C67246567B33CB14DB50A57&mode=splus&rnd=0.38811936945324654#Aqh0SsUEIJ22kLyT> (date of request: 07/20/2025)
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 1047 dated December 09, 2024 "On the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of State Demographic and Family Policy" [Electronic resource] // ConsultantPlus : the official website of the company. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=492671&cacheid=065C0C78B02043CA611D6DD3EB4E891&mode=splus&rnd=0.8040931343753485#mAFrZrUcBowjBE3r> (date of request: 07/17/2025)
5. Passport of the national project "National project "Demography" // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=384857&dst=1000000001&cacheid=399747D127E0782DB5C236BD768AECD0&mode=splus&rnd=0.2433707566513985#CwFDFrUFO1zBw05> (accessed 07/15/2025)
6. Passport of the national project "Family". Posted on the website on 02/24/2025, changes from 02/26/2025 [Electronic resource] // Ministry of Labor of Russia [official website]. – URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/nacproekt_semya (date of request: 07/15/2025)
7. The State Program of the Russian Federation "Promotion of employment of the population", approved by By Decree of the Government of the Russian Federation No. 298 dated 04/15/2014 (as amended on 11/30/2024) [Electronic resource] // ConsultantPlus [website]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=491236&dst=1000000001&cacheid=69DEEF2DE6B49408810D1CB332C5AA29&mode=splus&rnd=0.8204884757839042#bbuJTSU47fBM20xk> (date of request: 07/17/2025)
8. The State Program of the Russian Federation "Integrated Rural Development", approved by By Decree of the Government of the Russian Federation No. 696 dated May 31, 2019 [Electronic resource] // Official website of the Government of Russia URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdzD7rZAw0FaFjnA79v.pdf> (date of request - 06/25/2025)
9. Rules for providing social benefits to young families for the purchase (construction) of housing and their use. Appendix No. 1 to the specifics of the implementation of certain measures of the state program of the Russian Federation "Providing affordable and comfortable housing and communal services to citizens of the Russian Federation" [Electronic resource] // ConsultantPlus [website]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=509977&dst=5620&cacheid=8162D29011044C235F0AE102300D622C&mode=splus&rnd=0.8204884757839042#QqaySSUN21KXdxuL> (date of request: 07/20/2025)
10. Action Strategy for the implementation of family and demographic policy, support for large families in the Russian Federation until 2036, approved by By Order of the Government of the Russian Federation dated 03/15/2025 N 615-r [Electronic resource] // ConsultantPlus : the official website of the company. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=501543&cacheid=D8C1310D12C981DDCC187E8860BEDC45&mode=splus&rnd=0.08555697981816701#oiaSdsU4D2ZjoAu41> (date of request: 07/17/2025)
11. Methodological recommendations for the opening of groups of short-term stay of children and/or rooms of mother and child for student families in educational institutions of higher education, approved by Ministry of Education and Science of Russia 09/21/2023 [Electronic resource] // ConsultantPlus [website]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=458825&dst=1000000001&cacheid=2EA2FC7C5DF8D279FDE48A88EC996185&mode=splus&rnd=0.8204884757839042#F5d0TsUcvpvrN2L> (date of request: 07/20/2025)
12. A "government hour" was held in the State Duma on the topic of priorities in the implementation of Russia's demographic policy [Electronic resource] // Official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation [website]. – URL : <http://duma.gov.ru/news/61808/> (date of appeal: 07/17/2025)
13. The State Duma criticized the proposal to shorten the period of study in Russian schools. 07/15/2025 [Electronic resource] // LENTA.RU [website]. – URL : <https://lenta.ru/news/2025/07/15/v-gosdume-raskritikovali-predlozhenie-sokratit-srok-obucheniya-v-rossiyskikh-shkolah/> (date of request: 07/20/2025)
14. In Russia, it was proposed to reduce the duration of schooling to ten years. This will help reduce the birth age of the first child. 07/15/2025 [Electronic resource] // RBC Life [website]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6875ebbc9a7947bca24c978b> (date of appeal: 07/20/2025)
15. The head of the Ministry of Education and Science called the Bologna education system a "lived stage". – Text : electronic // News in Russia and the world – TASS [website]. – URL: https://n.tass.ru/obschestvo/14716295?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (date of request : 07/24/2025)
16. Ketova L.P. Higher education reform in 2025: will teachers' opinions be taken into account? // Agrarian and land law. – 2024. - № 12 (240). – Pp. 143-146.
17. Ketova L.P. Will there be a higher education reform? // Current issues of the development of scientific research in the agro-industrial complex: a theoretical and practical view: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 184th anniversary of the Don State Agrarian University (Persianovsky, September 30, 2024). In 2 volumes. T. I. - Persianovsky : Don State Agrarian University, 2024. – Pp. 267-274.
18. Matvienko offered to show all the rectors the layout of the children's room at the university. 07/18/2025 [Electronic resource] // Parliamentary Newspaper [Official website. Edition of the Federal Assembly of the Russian Federation]. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/matvienko-predlozila-pokazat-vsem-rektoram-maket-detskoy-komnaty-v-vuze.html> (date of access: 07/20/2025)
19. Medinsky allowed a reduction in the duration of education. 09/24/2024 [Electronic resource] // RIA Novosti [website]. – Access mode: URL: <https://ria.ru/20240924/medinsky-1974463597.html> (date of request: 07/20/2025)
20. The Ministry of Labor has proposed to create children's rooms in universities. 07/16/2013 [Electronic resource] // metro. Saint Petersburg [website]. – URL: <https://www.metronews.ru/novosti/russia/reviews/mintruda-predlozilo-sozdat-v-vuzah-detskie-komnaty-1125505/> (date of access: 07/20/2025)
21. Rosstat estimated the natural population decline in 2024 [Electronic resource] // RBC [website]. – URL : <https://www.rbc.ru/economics/21/02/2025/67b8aa619a79477c802b6681> (date of request: 07/17/2025)
22. Sifman, R.I. The dynamics of the Russian population in 1897-1914. [Electronic resource] //Демоскоп Weekly [website of the Higher School of Economics Institute of Demography named after A.G. Vishnevsky]. – Access mode: URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (date of request – 06/22/2025)

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_136

УДК 341.222; 349.6; 502.5

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «ЗЕЛЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА» THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL TREATIES AND INTERNATIONAL STANDARDS ON THE FORMATION OF LEGAL REGULATION GREEN BUILDING TECHNOLOGIES

СМИРНОВА Анастасия Владимировна,

заместитель начальника отдела нормативного регулирования вопросов государственной службы
и противодействия коррупции Управления кадров и противодействия коррупции
Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, аспирант кафедры земельного и экологического права
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.
125993, Россия, г. Москва, Большая Грузинская ул., 4/6.
E-mail: av.smirnova@yandex.ru;

SMIRNOVA Anastasia Vladimirovna,

Deputy Head of the Department of Regulatory Regulation of Civil Service
and Anti-Corruption of the Office of Personnel and Anti-Corruption
Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation,
Postgraduate student of the Department of Land and Environmental Law
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.
4/6 Bolshaya Gruzinskaya str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: av.smirnova@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье автором исследуются вопросы анализа влияния международных правовых актов и добровольных деловых международных («зеленых») стандартов на становление и развитие систем национального правового регулирования технологий «зеленого строительства». Исследуется роль таких документов, как Парижское соглашение по климату, Повестка дня на XXI век, а также международные системы сертификации (LEED, BREEAM, DGNB) в формировании концептуальных основ и конкретных норм в градостроительной отрасли, касающихся реализации принципов зеленого строительства. Автор рассматривает механизмы имплементации международных принципов и требований в национальное законодательство, выявляет ключевые вызовы и перспективы дальнейшего развития правового обеспечения устойчивого строительства.

Abstract: in the article, the author examines the issues of analyzing the impact of international legal acts and voluntary business international ("green") standards on the formation and development of systems of national legal regulation of "green building" technologies. The role of such documents as the Paris Climate Agreement, the Agenda for the 21st Century, as well as international certification systems (LEED, BREEAM, DGNB) in the formation of conceptual foundations and specific norms in the urban planning industry related to the implementation of the principles of green building is being investigated. The author examines the mechanisms of implementation of international principles and requirements in national legislation, identifies key challenges and prospects for further development of legal support for sustainable construction.

Ключевые слова: зеленое строительство, международные договоры, международные стандарты, правовое регулирование, устойчивое развитие, экологическое право, градостроительное право.

Keywords: green construction, international treaties, international standards, legal regulation, sustainable development, environmental law, urban planning law.

Для цитирования: Смирнова А.В. Влияние международных договоров и международных стандартов на формирование правового регулирования технологий «зеленого строительства» // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 136-139. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_136.

For citation: Smirnova A.V. The influence of international treaties and international standards on the formation of legal regulation green building technologies // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 136-139. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_136.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025

В условиях обострения глобальных экологических проблем, касающихся загрязнения окружающей среды и урбанизации, концепция устойчивого развития, закладывающая аксиоматическую основу для института зеленого строительства, приобретает все более центральное доктринальное значение. Строительная отрасль, являясь одним из крупнейших потребителей ресурсов и источников выбросов парниковых газов, играет критическую роль в достижении целей устойчивого развития, направленных на минимизацию отрицательного эффекта для окружающей среды от человеческой деятельности. Именно в этом контексте зеленое строительство, представляя собой комплексный подход к проектированию, строительству, эксплуатации и сносу зданий, минимизирующий их негативное воздействие на окружающую среду и человека, привлекает все большее внимание национального законодателя и правоприменителя.

Следует отметить, что формирование эффективного правового регулирования зеленого строительства представляет собой сложную задачу, требующую применения междисциплинарного подхода в исследовании и учета не только национальных, но и международных факторов и интересов в регулировании этой области. Глобальный характер экологических вызовов, тесно переплетающихся с экономической целесообразностью и сферой обеспечения основополагающих прав человека, объясняет необходимость унификации и гармонизации национальных правовых систем в сфере правового регулирования зеленого строительства. Международные договоры и соглашения, а также добровольные международные стандарты и системы сертификации, выступают мощными драйверами в трансформации национального законодательства и правоприменительной практики, отвечающих требованиям концепции зеленого строительства.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей значимостью зеленого строительства для обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития, а также необходимостью системного анализа влияния международных источников на отечественное правовое регулирование в данной сфере. Недостаточная разработанность комплексных правовых механизмов, интегрирующих международный опыт, требует глубокого научного осмысления.

Так или иначе, в целом вопросы экологического права, устойчивого развития и международного сотрудничества в области охраны окружающей среды широко освещаются в работах таких российских ученых, как С.А. Боголюбов, М.М. Бринчук, А.К. Голиченков, Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов, Ю.А. Тихомиров. В частности, С.А. Боголюбов в своих трудах неоднократно подчеркивал системный характер экологического права и важность учета международных норм (очевидно, тех, которые, в том числе устанавливают принципы устойчивого развития) для его развития [2, С. 145]. А М.М. Бринчук, в свою очередь, анализировал содержание конкретных принципов экологического права и степень их влияния на формирование национального законодательства [3, С. 158-160]. Вместе с тем, несмотря на общую исследованность вопросов международного права и экологического законодательства, комплексный анализ специфического влияния международных договоров и добровольных (неимперативных) зеленых международных стандартов на формирование правового регулирования именно технологий зеленого строительства в отечественной юриспруденции представлен фрагментарно. Отдельные аспекты затрагивались в работах по строительному праву и энергоэффективности, но без глубокого юридического осмысления глобального влияния.

Зеленое строительство, или экологическое строительство, представляет собой особый подход к проектированию, строительству, эксплуатации и сносу зданий, который направлен на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и здоровье человека на протяжении всего жизненного цикла здания. В этой связи примечательно мнение ряда исследователей, том числе архитекторов и урбанистов, таких как В.А. Ильичев, который отметил, что зеленое строительство выходит за рамки простого использования энергоэффективных технологий, охватывая широкий спектр аспектов: от выбора участка и использования экологически чистых материалов до управления отходами и обеспечения комфорта внутренней среды [6, С. 13].

Не лишним будет резюмировать ключевые принципы зеленого строительства, вбирающие в себя идеи международно-правовой доктрины устойчивого развития:

- принцип энергоэффективности: снижение потребления энергии на отопление, охлаждение, освещение за счет использования возобновляемых источников энергии, эффективной теплоизоляции, естественной вентиляции.
- Принцип водозффективности: минимизация потребления воды, сбор и очистка дождевой воды, повторное использование сточных вод.
- Принцип использования экологически чистых материалов: выбор материалов с низким уровнем воздействия на окружающую среду, возможностью переработки, использованием вторичного сырья, низким уровнем выбросов вредных веществ.
- Принцип сохранения биоразнообразия и экосистем: минимизация воздействия на участок строительства, создание зеленых насаждений, использование местных растений.
- Принцип улучшения качества внутренней среды: обеспечение оптимального воздухообмена, естественного освещения, снижение уровня шума и содержания вредных веществ.
- Принцип управления отходами: минимизация образования отходов на всех этапах жизненного цикла здания, их сортировка и переработка.

Правовое регулирование зеленого строительства на национальном уровне осложнено в силу своего сквозного характера, сталкиваясь с проблемами законодательной экспликации во множестве отраслей права: экологическом, градостроительном, земельном, энергетическом, административном, гражданском. В этой связи традиционные нормы права часто не способны в полной мере охватить комплексность и междисциплинарный характер зеленого строительства. Необходим переход от фрагментарного регулирования отдельных аспектов (например, энергоэффективности) к системному подходу, учитывающему весь жизненный цикл здания и его воздействие на окружающую среду.

Как метко подчеркивает профессор А.К. Голиченков, указывающий на необходимость формирования стимулирующих мер в сфере зеленого строительства, экологическое право должно не только устанавливать запреты и ограничения, но и стимулировать внедрение экологически чистых технологий и практик [4, С. 34]. В контексте зеленого строительства, на наш взгляд, это означает необходимость разработки правовых механизмов, поощряющих застройщиков и инвесторов к использованию зеленых технологий, а также формированию соответствующих требований к проектированию и эксплуатации зданий.

Отличительной особенностью международных стандартов в области зеленого строительства как раз является их стимулирующее и зачастую превалярующее над императивным характером регулирования свойство. Международные договоры и соглашения, устанавливая общее содержание принципов устойчивого развития и, играя фундаментальную роль в формировании общих принципов и обязательств (*ius cogens*), впоследствии поступательно имплементируются в национальное законодательство. Хотя большинство из них и не содержат прямых императивных норм, регулирующих строительную отрасль, они задают вектор устойчивого развития, который неизбежно охватывает и строительный сектор.

Яркой иллюстрацией международно-правового документа, закладывающего аксиоматическую основу для зеленого строительства, является Парижское соглашение по климату (2015 г.), принятое в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН). Соглашение ставит целью удержание роста среднемировой температуры значительно ниже 2°C и стремиться к 1,5°C относительно доиндустриальных

уровней. Достижение этих целей невозможно без существенного сокращения выбросов парниковых газов, значительная часть которых приходится на строительный сектор (как на этапе строительства, так и на этапе эксплуатации зданий). Каждая страна-участница разрабатывает и представляет свои Определяемые на национальном уровне вклады (ОНУВ), которые включают обязательства по сокращению выбросов. Эти обязательства прямо или косвенно стимулируют государства к разработке национальных стратегий и законов, направленных на повышение энергоэффективности зданий, использование возобновляемых источников энергии, сокращение отходов строительства – все это в совокупности является неотъемлемой частью зеленого строительства.

Как замечает профессор Г.В. Игнатенко, международные договоры, даже если они напрямую не регулируют конкретную отрасль, формируют общие принципы и обязательства, которые затем имплементируются в национальное законодательство через различные механизмы, включая принятие новых законов, внесение изменений в действующие нормативные акты и разработку национальных стратегий [5, С.55]. Таким образом, Парижское соглашение, связывая государства позитивным обязательством сокращать выбросы, фактически подталкивает их к созданию правовой базы для энергоэффективного и экологичного строительства.

Повестка дня на XXI век (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), принятая на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, является основополагающим документом по устойчивому развитию. Глава 7 «Содействие устойчивому развитию населенных пунктов» прямо указывает на необходимость улучшения жилищных условий, рационального использования энергии и ресурсов, сокращения отходов в городах. Этот документ заложил концептуальные основы для формирования национальных стратегий и законодательства в области устойчивого градостроительства, что является прямым предшественником концепции «зеленого строительства».

Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) также оказывает косвенное влияние на формирование национального вектора развития зеленого строительства. Хотя она не касается напрямую строительства, ее положения о сохранении биоразнообразия и устойчивом использовании компонентов биологического разнообразия обязывают государства учитывать эти аспекты при планировании землепользования и градостроительства. Это приводит к формированию норм, регулирующих сохранение зеленых зон, восстановление нарушенных территорий, использование местных видов растений в озеленении при проектировании «зеленых» зданий и комплексов.

Необходимо также отметить роль так называемого «мягкого права» (soft law) – рекомендаций, резолюций международных организаций, деклараций, которые, не являясь юридически обязывающими, формируют международные нормы поведения и стандарты, влияющие на национальное законодательство. Примером может служить Декларация Рио по окружающей среде и развитию (1992 г.), которая закрепила принцип устойчивого развития, принцип предосторожности, принцип «загрязнитель платит» – все они являются основополагающими для «зеленого строительства».

Как справедливо отмечает профессор О.И. Тиунов, международные правовые нормы, даже если они не обладают прямым действием, часто служат ориентиром для национальных законодателей, формируя «дух» и «букву» будущих законов [7, С. 45]. Таким образом, международные договоры и соглашения, несмотря на их общий характер, создают мощный стимул для государств к разработке и совершенствованию национального правового регулирования «зеленого строительства», обеспечивая его соответствие глобальным целям устойчивого развития.

Как мы уже отмечали, помимо международных договоров, значительное, а порой и более прямое влияние на формирование правового регулирования «зеленого строительства» оказывают международные добровольные стандарты и системы сертификации. Эти системы, разработанные частными или общественными организациями, не являются юридически обязывающими в традиционном смысле, однако их рыночная востребованность и признание создают мощный стимул для их имплементации и адаптации в национальном законодательстве. Наиболее известные и влиятельные международные системы сертификации «зеленых» зданий включают:

- LEED (Leadership in Energy and Environmental Design) – разработана Советом по зеленому строительству США (USGBC). Является одной из самых распространенных систем в мире.
- BREEAM (Building Research Establishment Environmental Assessment Method) – разработана в Великобритании. Первая и одна из наиболее признанных систем оценки экологической эффективности зданий.
- DGNB (Deutsche Gesellschaft für Nachhaltiges Bauen) – система Немецкого совета по устойчивому строительству, отличающаяся комплексным подходом, включающим экономические и социокультурные аспекты.
- WELL Building Standard – фокусируется на влиянии зданий на здоровье и благополучие человека.

Эти системы формируют комплексные критерии и методики оценки экологической эффективности зданий на различных этапах их жизненного цикла, охватывая такие аспекты зеленого строительства, как энергоэффективность, водозаэффективность, использование материалов, качество внутренней среды, управление отходами, транспортная доступность, инновации и региональные особенности.

Влияние этих систем на национальное правовое регулирование проявляется в формировании рыночных требований и ожиданий, стимулирующих зеленое строительство. Инвесторы, девелоперы и арендаторы все чаще требуют сертификации зданий по международным стандартам. Это создает «де-факто» стандарт для рынка, стимулируя застройщиков к внедрению «зеленых» технологий даже в отсутствие прямых законодательных требований. Кроме того, успех и признание международных систем побуждают государства к разработке собственных национальных систем оценки и стандартов зеленого строительства. При этом за основу часто берутся принципы и категории международных систем. Например, в России разработан и действует ряд ГОСТов в области зеленого строительства (например, ГОСТ Р 54954-2012 «Оценка соответствия. Экологические требования к объектам недвижимости» и ГОСТ Р 56502-2015 «Зеленые» стандарты. Здания и сооружения. Общие положения»).

Нам представляется, что проведенный анализ убедительно демонстрирует, что международные договоры и международные добро-

вольные стандарты играют ключевую роль в формировании комплексной системы правового регулирования технологий зеленого строительства на национальном уровне (как минимум, они задают аксиоматическую, принципиальную и дефинитивную основу). Международные договоры, такие как Парижское соглашение по климату и документы Рио-де-Жанейрской конференции (Повестка дня на XXI век, Декларация Рио), задают общие принципы устойчивого развития, формируют глобальные цели по сокращению выбросов и рациональному использованию ресурсов, что неизбежно транслируется в требования к строительной отрасли. Они служат концептуальной основой и политическим ориентиром для национальных законодателей.

Параллельно международные добровольные стандарты и системы сертификации (LEED, BREEAM, DGNB) выступают в качестве мощных рыночных и технических бенчмарков. И, хотя они не имеют прямой императивной юридической силы, но их широкое признание, востребованность инвесторами и потребителями, а также детально разработанные критерии оценки фактически формируют «мягкое право», которое оказывает существенное влияние на национальные строительные нормы и правила, стимулирует разработку собственных стандартов и систем оценки. Имплементация этих международных норм и принципов в национальное право осуществляется через трансформацию в законы и подзаконные акты, создание национальных систем сертификации, применение экономических стимулов и включение «зеленых» требований в государственные закупки. Однако этот процесс сопряжен с вызовами, такими как фрагментарность законодательства, экономические барьеры, отсутствие единой терминологии и недостаток квалифицированных кадров.

Таким образом, влияние международных договоров и стандартов на правовое регулирование «зеленого строительства» является многогранным и динамичным процессом, что требует от национальных правовых систем постоянной адаптации, инноваций и готовности к интеграции международно-правового опыта для достижения целей устойчивого развития и обеспечения экологической безопасности.

Список литературы:

1. Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник для бакалавров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2010. – 492 с.
2. Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник. – М.: Проспект, 2011. – 400 с.
3. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. – М.: Эксмо, 2011. – 672 с.
4. Голиценков А.К. Экологическое право России: словарь юридических терминов. – М.: Городец, 2013. – 448 с.
5. Игнатенко Г.В. Международное публичное право: учебник для вузов. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 768 с.
6. Ильичев В.А. Энергоэффективность и устойчивое развитие в строительстве // Вестник МГСУ. – 2007. – № 2. – С. 13-19.
7. Тиунов О.И. Международное право: учебник. – М.: Норма, 2010. – 640 с.
8. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. – М.: Юринформцентр, 2012. – 352 с.
9. Парижское соглашение от 12 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://unfccc.int/files/essentialbackground/convention/application/pdf/russianparis_agreement.pdf
10. Повестка дня на XXI век (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml
11. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
12. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 16.
13. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 48. – Ст. 5711.
14. ГОСТ Р 54954-2012. Оценка соответствия. Экологические требования к объектам недвижимости. – М.: Стандартинформ, 2013. – 12 с.
15. ГОСТ Р 56502-2015. «Зеленые» стандарты. Здания и сооружения. Общие положения. – М.: Стандартинформ, 2016. – 16 с.

References:

1. Bogolyubov S.A. Environmental law: a textbook for bachelors, 3rd ed., revised. and add. – M.: Yurait, 2010. – 492 p.
2. Bogolyubov S.A. Environmental law: textbook, Moscow: Prospekt Publ., 2011, 400 p.
3. Brinchuk M.M. Environmental law: textbook, Moscow: Eksmo, 2011– 672 p.
4. Golichenkov A.K. Environmental law of Russia: Dictionary of Legal terms. Moscow: Gorodets, 2013. 448 p.
5. Ignatenko G.V. International public law: textbook for universities. 7th ed., revised. and add. – M.: Norma: INFRA-M, 2017. – 768 p.
6. Ilyichev V.A. Energy efficiency and sustainable development in construction // Bulletin of MGSU, 2007, No. 2, pp. 13-19.
7. Tiunov O.I. International Law: textbook, Moscow: Norma, 2010, 640 p.
8. Tikhomirov Yu.A. Theory of competence. Moscow: Yurinformtsentr, 2012. 352 p.
9. Paris Agreement of December 12, 2015 [Electronic resource]. – Access mode: http://unfccc.int/files/essentialbackground/convention/application/pdf/russianparis_agreement.pdf
10. Agenda for the 21st century (Rio de Janeiro, 1992) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml
11. Federal Law No. 7-FZ dated 10.01.2002 "On Environmental Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 2. – Art. 133.12.
12. Urban Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 190-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1 (part 1). – Art. 16.
13. Federal Law No. 261-FZ of 11/23/2009 "On Energy Conservation and Energy Efficiency Improvement and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2009. – No. 48. – Art. 5711.
14. GOST R 54954-2012. Conformity assessment. Environmental requirements for real estate objects. Moscow: Standartinform, 2013. 12 p.
15. GOST R 56502-2015. "Green" standards. Buildings and structures. General provisions. – M.: Standartinform, 2016. – 16 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_140

УДК 342.92

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF FOREST USE

ВАСИЛЬЕВА Наталья Юрьевна,кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» г. Иркутск.

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, корп. 3.

E-mail: vasilivanu@mail.ru;

VASILEVA Natalya Yurievna,

Candidate of Legal Sciences,

Associate professor of the Department of Constitutional and Administrative Law

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Baikal State University", Irkutsk.

11 Lenin St., building 3, Irkutsk, 664003, Russia.

E-mail: vasilivanu@mail.ru

Краткая аннотация: Лесопользование, как комплексная сфера, требующая эффективного управления и устойчивого развития, сталкивается с рядом вызовов, включая незаконные рубки, лесные пожары, болезни леса и необходимость оптимизации лесовосстановления. В последние годы искусственный интеллект (ИИ) становится все более востребованным инструментом для решения этих проблем. Данная статья посвящена отдельным аспектам внедрения и применения искусственного интеллекта в сфере лесопользования. В статье рассмотрены различные теоретические подходы к определению понятия «искусственный интеллект», приводятся примеры успешных внедрений ИИ, рассматриваются конкретные области применения ИИ в сфере лесопользования.

Abstract: Forest management, as a complex sector, requires effective management and development, and faces a number of challenges, including illegal logging, forest fires, forest diseases and the need to optimize reforestation. In recent years, artificial intelligence (AI) has become increasingly in demand to solve these problems. This article is devoted to certain aspects of the implementation and application of artificial intelligence in the field of forest management. The article examines various theoretical approaches to defining the concept of "artificial intelligence", provides examples of successful implementations of AI, and examines specific areas of application of AI in the field of forest management.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, проблема определения искусственного интеллекта, применение систем искусственного интеллекта в сфере лесопользования.

Key words: Artificial intelligence, the problem of defining artificial intelligence, the use of artificial intelligence systems in the field of forest management.

Для цитирования: Васильева Н.Ю. Использование искусственного интеллекта в сфере административно-правового регулирования лесопользования // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 140-143. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_140.

For citation: Vasileva N.Yu. Use of artificial intelligence in the field of administrative and legal regulation of forest use // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 140-143. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_140.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2025

Административно-правовое регулирование лесопользования направлено на установление правил и норм, обеспечивающих рациональное и устойчивое использование лесных ресурсов. Лесопользование является важной сферой природопользования, оказывающей значительное влияние на экологическую безопасность и экономическое развитие Российской Федерации. В условиях глобальных экологических вызовов и санкционного давления Запада требуется устойчивое развитие российского лесопромышленного комплекса.

Одной из современных тенденций в регулировании лесопользования является внедрение и использование искусственного интеллекта для управления лесными ресурсами.

ИИ используется не только для обработки данных и прогнозирования, он также реализуется в физических конструкциях: роботах, дронах и иных системах и механизмах. Общество все чаще делегирует выполнение сложных или сопряженных с высокой степенью риска процессов системам искусственного интеллекта. Это порождает новые для человечества проблемы, обусловленные необходимостью выстраивать взаимодействие человека с ИИ таким образом, чтобы последний не превращался в экзистенциальную угрозу и не ухудшал качество жизни людей.

Понимание смысла и значения понятия «искусственный интеллект» является необходимым условием для внедрения и использования ИИ. Однако, категория «искусственный интеллект» представляет собой сложную, спорную научную категорию, по-разному определяемую учеными.

Различные подходы к определению ИИ отражают разные аспекты его сущности:

Понятие «искусственный интеллект» представляет собой еще не до конца изученную, спорную научную категорию, по-разному определяемую учеными.

Так, С. Рассел и П. Норвиг, определяют ИИ как системы, созданные людьми, которые могут выполнять сложные задачи и обрабатывать информацию так же, как мы [1]. Данное С. Рассел и П. Норвиг определение основано на понимании ИИ как вычислительного процесса, осуществляемого над символическими представлениями.

Е. А. Ерахтина и В. А. Тирранен придерживаются следующей позиции, искусственный интеллект – это свойство интеллектуальных

систем (в том числе компьютерных программ, включая нейросети) выполнять функции и решать задачи, в том числе специально не оговоренные в системе изначально, обучаться и адаптировать своё поведение под конкретные условия, а также принимать решения исходя из этих условий и поставленных целей [5].

И.А.Каляев сформулировал такое определение искусственного интеллекта: «Это свойство искусственных систем решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует алгоритм решения» [2].

Л. С. Болотова определяет искусственный интеллект как искусственную систему, способную имитировать интеллект человека, то есть способность получать, обрабатывать, хранить информацию и знания и выполнять над таковыми разные действия, совокупно называемые мышлением [3].

М. Г. Щербаков указывает, что искусственный интеллект представляет собой «человекоподобную систему, имитирующую деятельность человека» [9].

По мнению В. Н. Ручкина и В. А. Фулина, искусственным интеллектом следует считать совокупность метапроцедур – представления знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, их пополнение, корректировку и тому подобное, имитирующих деятельность человека [6].

По мнению В. Н. Синельниковой и О. В. Ревинского, искусственный интеллект – это компьютерная программа, созданная человеком и способная создавать новую информацию или выраженные объективно результаты своей деятельности [7].

Анализ представленных определений показывает отсутствие единого понимания сущности искусственного интеллекта в научном сообществе. Предлагаемые дефиниции имеют значительные различия и противоречия, касающиеся всех признаков.

Вместе с тем для понимания природы искусственного интеллекта обратимся к правовому полю.

В России существует ряд основополагающих нормативно-правовых актов, направленных на регулирование и развитие ИИ к которым относятся:

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который определяет правовые основы для стратегического планирования в Российской Федерации, устанавливает полномочия органов власти и порядок взаимодействия.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642), которая направлена на обеспечение независимости и конкурентоспособности страны посредством создания системы развития и использования интеллектуального потенциала.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203) направлена на развитии информационных технологий и их использовании в различных сферах жизни общества.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определяют ключевые цели развития России.

Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р) определяет конкретные мероприятия и задачи, необходимые для достижения этих целей.

Однако ни один из вышеперечисленных нормативно-правовых актов не закрепляет понятие искусственный интеллект.

Законодатель закрепляет понятие искусственный интеллект в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», где искусственный интеллект можно рассматривать как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Немаловажным является вопрос о сферах деятельности, сферах общественной жизни, в которых может быть применен ИИ. В настоящее время их спектр чрезвычайно широк и продолжает расширяться.

Рассмотрим опыт применения ИИ в сфере лесопользования.

Одним из наиболее перспективных направлений применения ИИ является мониторинг лесных ресурсов с использованием спутниковых снимков и данных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Алгоритмы машинного обучения позволяют автоматизировать процесс анализа больших объемов данных и выявлять признаки незаконной вырубки, такие как изменение плотности лесного покрова, появление новых дорог и несанкционированные посадки. По данным Всемирного фонда дикой природы (WWF), применение ИИ для мониторинга лесов позволило сократить незаконные вырубки в отдельных регионах до 30% [1].

Не менее перспективно использование ИИ для оптимизации процессов лесовосстановления и лесоразведения. Алгоритмы машинного обучения позволяют прогнозировать приживаемость саженцев в зависимости от почвенных условий, климата и других факторов. ИИ определяет оптимальные условия для роста и развития леса на основе анализа данных о климате, грунте, составе древесины. По данным Минприроды России, использование ИИ для оптимизации лесовосстановления позволило повысить приживаемость саженцев на 10% в 2022 году.

Интересным направлением является применение ИИ для раннего обнаружения болезней леса и вредителей [4]. Алгоритмы машинного обучения позволяют анализировать данные дистанционного зондирования и выявлять признаки поражения деревьев на ранних стадиях. Для этих целей используются спутниковые снимки и алгоритмы ИИ анализируют изменения цвета, структуры лесного покрова, предоставляя информацию о местоположении и масштабах поражения леса.

По данным Рослесхоза, использование ИИ для раннего обнаружения болезней леса позволило сократить площадь пораженных участков короедом-типографом на 5% в 2024 году.

Привлекательным направлением использования ИИ в лесной сфере является разработка стратегий управления лесными ресурсами. Традиционные методы управления часто опираются на экспертные оценки и исторические данные, что может приводить к неоптимальным решениям, учитывающим не все факторы и их взаимосвязи. Алгоритмы ИИ, в свою очередь, способны обрабатывать огромные объемы информации, учитывать множество параметров и предлагать решения, оптимизированные по комплексу критериев.

В контексте разработки стратегий управления лесными ресурсами, ИИ может одновременно учитывать: экономическую эффективность; экологическую устойчивость и социальную значимость. Что в свою очередь будет направлено на максимизацию прибыли от лесопользования, оптимизация затрат на лесовосстановление и охрану лесов, учет рыночной конъюнктуры и логистических издержек, а также на сохранение биоразнообразия, поддержание экологических функций лесов (водоохранных, почвозащитных, климаторегулирующих), минимизация негативного воздействия на окружающую среду.

Яркими примерами использования ИИ в сфере лесопользования являются проекты направленные на:

- отслеживание незаконной рубки. Так с 2022 года Рослесинфорг и профильное предприятие в контуре Роскосмоса АО «Терра Тех» на базе ИИ автоматически распознают изменения в лесном фонде, а инспекторы определяют легитимность рубки. Эксперименты показали, что нейросеть на 62% быстрее и на 12% точнее человека выявляет рубки, обращает внимание на места, которые человек не обратит внимания.
- контроль движения лесовозов. В Пермском крае Рослесхоз запустил пилотный проект по автоматическому контролю транспортировки древесины. Мониторинг осуществляется за счёт камер, которые оснащены системой распознавания лесовозной техники. По результатам анализа система искусственного интеллекта из потока машин распознала 1052 транспортных средства как лесовозную технику, при этом 370 фактов транспортировки не нашли подтверждения в ЛесЕГАИС.
- прогнозирование пожаров. Модуль автоматического распознавания лесных пожаров «Пожарный сторож (fireguard)» направлен на выявление рисков возникновения лесных пожаров. Данная система, оснащённая ИИ проводит анализ по 137 параметрам и может более чем за месяц предупредить до начала его потенциального пожара в лесах.

Стоит отметить, что внедрение и использование ИИ направлено в первую очередь на объединение данных из множества источников, включая спутники, дроны, наземные датчики и даже сообщения граждан, чтобы дать комплексное представление о состоянии лесов. А во вторую очередь на создание цифровых двойников экосистем, где алгоритмы ИИ будут предсказывать эволюцию экосистем на долгосрочный период, что позволит своевременно принимать меры по сохранению биоразнообразия.

Несмотря на значительный потенциал, внедрение ИИ в сферу лесопользования сопряжено с определенными рисками, которые необходимо учитывать при разработке административно-правового регулирования. К таким рискам относятся: ложноположительные/ложноотрицательные результаты, сезонные изменения и внешние факторы.

Алгоритмы ИИ могут выдавать ошибочные результаты, например, ложно идентифицировать законную вырубку как незаконную или, наоборот, не обнаружить незаконную деятельность. Это может привести к необоснованным санкциям или упущению нарушений, что, в свою очередь, подорвет доверие к системе и снизит ее эффективность.

Точность моделей ИИ может быть подвержена влиянию сезонных изменений, таких как снежный покров, листопад или изменения в освещении. Кроме того, на результаты анализа могут влиять внешние факторы, такие как облачность, дым от лесных пожаров или изменения в растительности, не связанные с незаконной деятельностью.

Развитие искусственного интеллекта является важным инструментом повышения эффективности управления лесными ресурсами в Российской Федерации. Современные тенденции в административно-правовом регулировании лесопользования характеризуются усилением контроля, внедрением цифровых технологий и развитием общественного участия. Для успешного внедрения и использования ИИ необходимо четкое понимание его сущности и выработка единого подхода к определению понятия «искусственный интеллект» в правовом поле.

Список литературы:

1. Балданова, Л. П. Цифровизация государственной инвентаризации лесов как инструмент актуализации фонда лесовосстановления / Л. П. Балданова, Ю. И. Зорина // Известия Байкальского государственного университета. – 2021. – Т. 31, № 2. – С. 262-270.
2. Бегишев, И. Р. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: анализ основных положений / И. Р. Бегишев // Baikal Research Journal. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 15.
3. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях : учебник. – М. : Финансы и статистика, 2012. – 664 с.

4. Бутко, Г. П. Направления развития инновационной деятельности в лесном комплексе России в контексте устойчивого развития / Г. П. Бутко, Н. В. Шарапова, А. В. Мехренцев // Известия Байкальского государственного университета. – 2024. – Т. 34, № 3. – С. 497-503.
5. Ерахтина Е. А., Тирранен В. А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (35). – С. 36–41.
6. Ручкин В. Н., Фулин В. А. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы. – СПб. : БХВ-Петербург, 2009. – 240 с.
7. Синельникова В. Н., Ревинский О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт.Вестник Российской академии интеллектуальной собственности. – 2017. – № 4. – С. 17–27.
8. Степаненко, Д. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / Д. А. Степаненко, Д. В. Бахтеев, Ю. А. Евстратова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 206-214.
9. Щербakov М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – № 3. – С. 73–82.

References:

1. Baldanova, L. P. Digitalization of the state forest inventory as a tool for updating the forest restoration fund / L. P. Baldanova, Yu. I. Zorina // Bulletin of the Baikal State University. - 2021. - Vol. 31, No. 2. - P. 262-270.
2. Begishev, I. R. The concept of developing the regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies: analysis of the main provisions / I. R. Begishev // Baikal Research Journal. - 2020. - Vol. 11, No. 4. - P. 15.
3. Bolotova L. S. Artificial intelligence systems: models and technologies based on knowledge: textbook. - M.: Finance and Statistics, 2012. - 664 p.
4. Butko, G. P. Directions for the Development of Innovative Activities in the Forestry Complex of Russia in the Context of Sustainable Development / G. P. Butko, N. V. Sharapova, A. V. Mekhrentsev // Bulletin of the Baikal State University. - 2024. - Vol. 34, No. 3. - P. 497-503.
5. Erakhtina E. A., Tirranen V. A. Crimes Committed with the Use of Artificial Intelligence: Problems of Qualification and Investigation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 2 (35). - P. 36-41.
6. Ruchkin V. N., Fulin V. A. Universal Artificial Intelligence and Expert Systems. - St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2009. - 240 p.
7. Sinelnikova V. N., Revinsky O. V. Rights to the Results of Artificial Intelligence // Copyright. Bulletin of the Russian Academy of Intellectual Property. - 2017. - No. 4. - P. 17-27.
8. Stepanenko, D. A. Use of Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement / D. A. Stepanenko, D. V. Bakhteev, Yu. A. Evstratova // All-Russian Criminological Journal. - 2020. - Vol. 14, No. 2. - P. 206-214.
9. Shcherbakov M. G. Problems of Legal Regulation of the Transformation of the Legal Status of Artificial Intelligence: Statement of the Problem // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. - 2019. - No. 3. - P. 73-82.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_144

УДК 34.096

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ ETHICAL FOUNDATIONS IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF JUDGES

ШАГИВАЛИЕВА Индира Закировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

460018, Россия, г. Оренбург, просп. Победы, 13.

E-mail: ishagivaleeva@mail.ru;

ДЖОРАЕВА Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории государства и права и конституционного права

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

460018, Россия, г. Оренбург, просп. Победы, 13.

E-mail: joraevasv@mail.ru;

SHAGIVALEEVA Indira Zakirovna,

candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

Orenburg State University.

460018, Russia, Orenburg, ave. Victory, 13.

E-mail: ishagivaleeva@mail.ru;

JORAEVA Svetlana Viktorovna,

PhD, associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Constitutional Law

Orenburg State University.

460018, Russia, Orenburg, ave. Victory, 13.

E-mail: joraevasv@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются некоторые особенности профессиональной этики судей. Авторами отмечается необходимость соблюдения нравственных основ профессиональной деятельности судьи. Этика судьи, как ключевой элемент его профессиональной компетенции, определяет не только его моральные ориентиры, но и оказывает непосредственное влияние на качество правосудия, уровень доверия к судебной системе и правовую культуру общества в целом.

Abstract: the article examines some features of the professional ethics of judges. The authors note the need to comply with the moral foundations of the professional activities of the judge. The ethics of a judge, as a key element of his professional competence, determines not only his moral guidelines, but also has a direct impact on the quality of justice, the level of trust in the judicial system and the legal culture of society as a whole.

Ключевые слова: судебная этика, кодекс судейской этики, профессиональная деятельность судей, законность, справедливость, правосудие.

Keywords: judicial ethics, code of judicial ethics, professional activity of judges, legality, justice, justice.

Для цитирования: Шагивалиева И.З., Джораева С.В. Этические основы в профессиональной деятельности судей // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 144-147. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_144.

For citation: Shagivaleeva I.Z., Joraeva S.V. Ethical foundations in the professional activity of judges // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 144-147. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_144.

Статья поступила в редакцию: 28.05.2025

В I веке нашей эры знаменитый правовед Авл Корнелий Цельс, характеризовал право и юриспруденцию как: «искусство добра и справедливости», подразумевая равное соответствие и соразмерность. Другими совами является «деятельной». Несомненно, что сама деятельность, будучи погруженной в определенную сферу и отрасль производства, неизбежно оставляет свой отпечаток на человеческой жизни. Однако для нашего исследования первостепенное значение имеет раскрытие глубинного содержания этого понятия, постижение его сути.

Мы рассматриваем профессиональную деятельность как совокупность определенных требований, установленным государством и/или профессиональным юридическим сообществом (*выделено нами*).

Наиболее правильной нам представляется позиция А.А. Гусейнова, профессиональное поведение судей «как в процессе осуществления ими профессиональной деятельности, так и в личной жизни» [1].

В рамках статьи акцентируется внимание «судейская этика». В научной литературе многие авторы различают понятия «судейская этика» и «судебная этика». В рамках нашего исследования мы не будем разграничивать их. На наш взгляд этическими началами должен обладать не только судья, но все участники судебного производства.

В России детально судебную этику изучал А.Ф. Кони в 1902 г. Он писал: «...чтобы не быть простым орудием внешних правил, действующим с безучастной регулярностью часового механизма, судья должен вносить в творимое им дело свою душу и наряду с предписаниями положительного закона руководиться безусловными и вечными требованиями человеческого духа...» [2].

Судейская этика, в свою очередь, является частью судебной этики и фокусируется на профессиональном поведении судей, рассматривая нормы права, регулирующие их деятельность, как в профессиональной сфере, так и в повседневной жизни. Она включает в себя нормативно закрепленные положения, этикет, всех участников процесса. Отмечается, что профессиональной деятельности судьи уделяется внимание как в ФЗ «О статусе судей», так и в Кодексе судейской этики.

Деятельность по осуществлению правосудия имеет приоритетное значение в жизни судьи над всеми другими занятиями. Судья, посвятивший себя правосудию, должен сосредоточить свои нравственные и душевные силы на служении правде и справедливости.

Основные этические основы (принципы), регулирующие деятельность судей, находят отражение в Конституции Российской Федерации. В частности, статья 120 гласит, что судьи обладают независимостью и подчиняются исключительно Конституции и федеральным законам [3].

Ключевым моментом является нравственный долг судьи не только самому не поддаваться влиянию, но и предотвращать любое подобное воздействие на свою деятельность при отправлении правосудия и исполнении иных профессиональных обязанностей. Это опосредовано как раз принципом независимости судьи в процессе принятия решений (независимость от приверженности какой-либо из сторон в рассматриваемом деле). Судья должен обладать независимостью от общественного мнения и не испытывать страха перед критикой своей работы. Это не означает, что судья объективно изолирован от воздействия общественного мнения, что в принципе невозможно, или от критики. Независимость судьи подразумевает его внутреннюю убежденность, способность противостоять «общественному мнению» и не бояться возможной критики, если они противоречат его представлениям о законном и справедливом разрешении конкретного дела и его совести.

В своей деятельности судьи обязаны придерживаться не только писанных законов, но и неписанных (профессиональные кодексы). В РФ действует Кодекс судейской этики, принятый и утвержденный VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года [4].

Кодекс подчеркивает важность нравственных норм наряду с правовыми, обязывая судей руководствоваться общепринятыми нормами нравственности. Судьи должны руководствоваться общепринятой моралью, что отражает неразрывную связь права и нравственности в юридической деятельности (этическими правилами). Другими словами Кодекс исходит из единства нравственных норм для всех, а не из особой морали для отдельных профессий.

Судья должен избегать действий, умаляющих авторитет судебной власти, и сохранять личное достоинство в любой ситуации. Судья должен избегать действий, которые подрывают престиж профессии. Кодекс предъявляет повышенные требования к судьям в отношении сохранения достоинства и чести, обязывая их поддерживать личное достоинство в любой ситуации и избегать действий, которые могут подорвать репутацию и объективность.

Для справки: судья М. рассматривал, голосовое сообщение, где «в неэтичной форме высказывал мнение по гражданскому делу». Гражданин пожаловался в региональную ККС, которая увидела в действиях судьи грубость при процессуальном общении с участником спора [5].

Современные Кодексы профессионального поведения судей содержат профессиональные этические принципы, позволяющие судьям ориентироваться в сложных ситуациях, не предусмотренных конкретными правилами. Здесь особо следует обратить внимание на такую этическую категорию как ответственность. Ответственность – это понятие в этике, определяющее личность по степени соблюдения моральных принципов. Ответственность подразумевает долг и потребность объяснять свои действия и поступки, а также нести бремя возможных результатов. Профессиональный долг подразумевает систему обязательных предписаний, а ответственность выступает гарантом их добросовестного исполнения. Профессиональный долг связан с профессиональной совестью и отражает эмоциональные переживания, связанные с работой.

Кодекс также требует от судей беспристрастности, независимости от общественного мнения и поддержания высокого уровня квалификации. Важность соблюдения нравственных норм судьями заключается в укреплении уверенности общества в справедливости, беспристрастности, исключая любое воздействие на его профессиональную деятельность со стороны кого бы то ни было, включая родственников, друзей и знакомых и независимости суда. Предостережение от потенциального влияния указанных лиц представляется целесообразным, несмотря на то, что в повседневной жизни судьи могут испытывать значительное воздействие со стороны посторонних лиц и организаций.

Для справки: судья С. подружился со своим помощником А. Когда А. заподозрили в мошенничестве, правоохранители стали прослушивать его телефон и за год узнали много интересного. Например, что адвокат часто обсуждает с судьей меры пресечения по уголовным делам и получает советы по тому, как добиться смягчения ареста. А еще помощник пользовался своей дружбой с судьей, чтобы заранее узнавать у него решения по конкретным делам. И если мера пресечения ожидалась «мягкой», он предлагал своим доверителям «решить вопрос» за деньги. В итоге такая дружба с помощником закончилась увольнением с работы и конфликтом интересов. Отсюда вытекает обеспечение высокой культуры общения и сохранение профессиональной тайны. Судьям запрещено делать публичные заявления по делам, находящимся в производстве суда, до вступления в силу соответствующих решений [5].

Кодекс судьи определяет поддержание высокого так называемого «морального обязательства» так как он должен добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности, проявляя старательность, организованность, ответственность, преданность делу и настойчивость в выполнении своего общественного долга.

Для справки: судья С. постоянно забывала оформлять протоколы судебных заседаний и сдавала дела в архив с большой задержкой. За такое поведение столичная ККС лишила С. полномочий [5].

А это значит, что к этому общему требованию добросовестности добавляется и обязанность судьи «принимать все необходимые меры для своевременного рассмотрения дел и материалов».

Внеслужбное поведение судьи также регламентируется Кодексом этики. Судья должен избегать любых действий, которые могут дискредитировать судебную власть или вызвать сомнения в его беспристрастности. Это касается участия в политической деятельности, занятия коммерческой деятельностью, а также любых форм поведения, которые могут быть истолкованы как проявление предвзятости или коррупции. Судья должен быть образцом безупречного поведения, как в профессиональной, так и в личной жизни.

Для справки: судья К. поссорился со своей супругой и отправился в один из казанских баров играть в бильярд. Вечер не удался: судья повздорил с охранниками из-за того, что они забрали у него часы. История закончилась рапортом сотрудников, которые указали, что судья вел себя агрессивно [5].

Кодекс судейской этики устанавливает требование в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить честью, избегать всего, что могло бы причинить ущерб репутации судьи.

Соблюдение Кодекса судейской этики является важным условием обеспечения доверия общества к судебной власти. Судья, строго соблюдающий этические нормы, укрепляет авторитет суда и способствует формированию правового государства. Он устанавливает ограничения для судей, включая высказывания о работе коллег, нарушение которых может повлечь прекращение полномочий.

Рассмотрим несколько видов наказаний (Ст. 12.1 Дисциплинарная ответственность судей закона «О статусе судей в РФ»):

- замечание в случае незначительного проступка, достаточно устного замечания. Важно отметить, что данное замечание не применяется в случае, если невозможно его реализовать или если лицо уже было подвергнуто дисциплинарной ответственности;

- понижение в квалификационном классе. Может произойти в случае нарушения Закона «О статусе судей в РФ» и/или кодекса этики, а также при наличии у судьи ранее вынесенного взыскания;

- предупреждение. Под предупреждением понимается мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица (статья 34 КоАП РФ).

Досрочное освобождение судьи от должности возможно лишь в исключительных ситуациях, когда он совершил существенное, виновное нарушение норм материального права, процессуального законодательства, Закона или Кодекса судейской этики, что делает невозможным его дальнейшую работу на высоком посту судьи.

Судья может быть освобожден от дисциплинарной ответственности, если нарушения его деятельности обусловлены непреодолимыми и непредвиденными обстоятельствами, например, стихийными бедствиями, эпидемиями, забастовками, военными или террористическими актами, а также запретительными мерами со стороны государства.

Статистика Высшей квалификационной коллегии и квалификационных коллегий регионов показала, что в 2022 г. лица подавали жалобы на судей 40 300 раз, в то время как в 2021 году их количество составило более 35 800 раз. В жалобах на дисциплинарные поступки можно выделить следующие основания: грубое или систематическое нарушение правовых норм (81%); волокита (15%) и неэтичное поведение судьи (3,2%).

При этом уполномоченные органы редко наказывали судей. Из общего числа жалоб только в 208 случаях их привлекли к дисциплинарной ответственности – это меньше 1%. Из этого числа только 17 судей отстранили от полномочий за выявленные нарушения.

В отчетах 2024 г., впервые за несколько лет произошло снижение количества поданных жалоб, а не их увеличение. При этом, снижение количества переданных для рассмотрения в судебном заседании жалоб уменьшилось незначительно: с 507 в 2023 г. до 500 в 2024 г., т.е. на 1,5%. Однако если сравнивать в процентном соотношении количество поданных и переданных жалоб год к году, то, напротив, можно увидеть увеличение: 1,07% (507/47 424) в 2023 г. и 1,31% (500/38 276) в 2024 г. [10, 275].

Анализ доктринальных подходов к судейской этике подчеркивает потребность в углубленном изучении роли этики в работе судьи. Этика судьи, как ключевой элемент его профессиональной компетенции, определяет не только его моральные ориентиры, но и оказывает непосредственное влияние на качество правосудия, уровень доверия к судебной системе и правовую культуру общества в целом.

Во-первых, этика судьи выступает в качестве фундаментального регулятора его поведения в рамках судебного процесса. В условиях, когда судья обладает значительной властью и полномочиями, его моральные принципы и этические нормы становятся важнейшими инструментами обеспечения справедливости и законности. Этические стандарты, закрепленные в профессиональных кодексах судей, включают такие принципы, как беспристрастность, независимость, объективность и уважение к правам человека. Эти нормы не только ограничивают возможные злоупотребления, но и способствуют формированию доверительных отношений между сторонами судебного процесса и обществом.

Во-вторых, этика судьи играет ключевую роль в формировании правовой культуры и правосознания граждан. Судьи, демонстрирующие высокие моральные качества и соблюдение этических норм, служат примером для подражания и способствуют укреплению правовых ценностей в обществе. Их профессиональное поведение и решения формируют общественное мнение о справедливости и эффективности судебной системы, что, в свою очередь, влияет на правовую социализацию граждан и их готовность соблюдать законы.

В-третьих, этика судьи является важным фактором, обеспечивающим независимость и объективность судебной власти. В условиях давления со стороны различных социальных, политических и экономических сил, судьи, руководствуясь этическими принципами, способны сохранять нейтралитет и принимать решения, основанные исключительно на законе и справедливости. Это особенно важно в условиях, когда судебная система сталкивается с вызовами, связанными с политическими репрессиями, коррупцией и другими формами злоупотреблений.

Таким образом, роль этики в профессиональной деятельности судьи является неотъемлемой и многогранной. Она определяет не только моральные ориентиры судей, но и оказывает значительное влияние на качество правосудия, уровень доверия к судебной системе и правовую культуру общества. Соблюдение этических норм и принципов является залогом справедливого и эффективного правосудия, а также способствует укреплению правовых ценностей и демократических институтов в обществе.

Список литературы:

- 1 Шаруева, Н.В. Профессиональная культура судьи как вид профессиональной правовой культуры / Н.В. Шаруева // Мониторинг правоприменения. - 2018. № 3 (28) - С. 52-55.
- 2 Кони, А.Ф. Собрание сочинений / А.Ф. Кони. - Том 4. - М.: Юридическая литература, 1967. - Режим доступа: <https://libking.ru/books/nonf-nonf-biography/1128923-anatolij-koni-sobranie-sochinenij-v-8-tomah-tom-4-pravovye-vozzreniya-a-f-koni.html#read>.
- 3 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). - Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
- 4 Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022).
- 5 Драки, прогулы, мат и дружба с адвокатами: за что наказывали судей в 2021-м <https://pravo.ru/story/237881/>
- 6 Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1.
7. Обзор результатов деятельности ВККС РФ. Анализ практики. URL: <https://www.vkks.ru/category/8/> (дата обращения 20.05. 2025).
8. Седова, К. Г. Судейская этика: правовые аспекты и дисциплинарная практика / К. Г. Седова // Молодой ученый. - 2025. - № 7 (558). - С. 214-218. - URL: <https://moluch.ru/archive/558/122630/>
9. Чич, Ю. А. Профессиональная судебная этика: проблемы и пути решения / Ю. А. Чич // Epomen. Global. - 2022. - № 25. - С. 273-279.
10. Черевко, А. А. Этический аспект статуса судей региона / А. А. Черевко // Регионология. - 2013. - № 4(85). - С. 271-277.

References:

- 1 Sharueva, N.V. Professional culture of a judge as a type of professional legal culture / N.V. Sharueva // Monitoring of law enforcement. - 2018. No. 3 (28) - P. 52-55.
- 2 Koni, A.F. Collected Works / A.F. Koni. - Volume 4. - Moscow: Legal Literature, 1967. - Access mode: <https://libking.ru/books/nonf-nonf-biography/1128923-anatolij-koni-sobranie-sochinenij-v-8-tomah-tom-4-pravovye-vozzreniya-a-f-koni.html#read>.
- 3 Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). - Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
- 4 Code of Judicial Ethics (approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on 19.12.2012) (as amended on 01.12.2022).
- 5 Fights, absenteeism, swearing and friendship with lawyers: what judges were punished for in 2021 <https://pravo.ru/story/237881/>
- 6 Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" dated 26.06.1992 No. 3132-1.
7. Review of the results of the activities of the High Qualifications Commission of the Russian Federation. Analysis of practice. URL: <https://www.vkks.ru/category/8/> (date of access 20.05. 2025).
8. Sedova, K. G. Judicial Ethics: Legal Aspects and Disciplinary Practice / K. G. Sedova // Young Scientist. - 2025. - No. 7 (558). - P. 214-218. - URL: <https://moluch.ru/archive/558/122630/>
9. Chich, Yu. A. Professional Judicial Ethics: Problems and Solutions / Yu. A. Chich // Epomen. Global. - 2022. - No. 25. - P. 273-279.
10. Cherevko, A. A. Ethical aspect of the status of judges in the region/A. A. Cherevko//Regionology. - 2013. - № 4(85). - S. 271-277.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ЧЛЕНОВ НИЖНИХ ПАЛАТ ПАРЛАМЕНТОВ РОССИИ И БРАЗИЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ **CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE LEGISLATIVE INITIATIVE OF MEMBERS OF THE LOWER CHAMBERS OF THE PARLIAMENTS OF RUSSIA AND BRAZIL: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

АРТАНОВА Елена Николаевна,

преподаватель кафедры конституционного права имени профессора

И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

410056, Россия, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

E-mail: e_artanova@list.ru;

ARTANOVA Elena Nikolaevna,

Lecturer at the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev,

Saratov State Law Academy.

410056, Saratov region, Saratov, Igla St. Chernyshevsky N.G. N., zd. 104, p. 3.

E-mail: e_artanova@list.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье проводится сравнительно-правовой анализ норм конституций и текущего законодательства России и Бразилии о закреплении реализации права законодательной инициативы членами нижних палат Парламентов в России и Бразилии. Сделан вывод, что в России и Бразилии нормы о законодательной инициативе нижних палат Парламента содержатся как в Основных законах, так и в обычных законах (федеральных - в России, дополнительных (органических) - в Бразилии), регламенте нижней Палаты Федерального Собрания РФ и нижней Палаты Национального Конгресса Бразилии. Законодательная инициатива в данном случае рассматривается как право - «возможность» конкретного субъекта законодательной инициативы обратиться в национальный законодательный орган с установленной формой ее реализации, в свою очередь устанавливается обязанность национального законодательного органа ее рассмотреть. В законодательстве России этих форм три, которые используются депутатами Государственной Думы, а в законодательстве Бразилии - семь и не все они могут быть использованы членами нижней палаты Парламента Национального Конгресса в качестве законодательной инициативы, что прописано в бразильском законодательстве. Соответственно, право законодательной инициативы членов нижних палат Парламента в России и Бразилии отличается.

Abstract: This article provides a comparative legal analysis of the norms of the constitutions and current legislation of Russia and Brazil on the consolidation of the right of legislative initiative by members of the lower houses of Parliaments in Russia and Brazil. It is concluded that in Russia and Brazil, the norms on the legislative initiative of the lower houses of Parliament are contained in both Basic Laws and ordinary laws (federal in Russia, additional (organic) in Brazil), the rules of procedure of the lower House of the Federal Assembly of the Russian Federation and the lower House of the National Congress of Brazil. In this case, a legislative initiative is considered as a right - the "opportunity" of a particular subject of a legislative initiative to apply to the national legislative body with an established form of its implementation, in turn, the obligation of the national legislative body to consider it is established. There are three of these forms in Russian legislation, which are used by deputies of the State Duma, and seven in Brazilian legislation, and not all of them can be used by members of the lower house of Parliament of the National Congress as a legislative initiative, which is prescribed in Brazilian legislation. Accordingly, the right of legislative initiative of members of the lower houses of Parliament differs in Russia and Brazil.

Ключевые слова: право законодательной инициативы, субъект законодательной инициативы, нижняя Палата Парламента, член Государственной Думы, член Палаты депутатов.

Keywords: right of legislative initiative, subject of legislative initiative, lower House of Parliament, member of the State Duma, member of the House of Deputies.

Для цитирования: Артанова Е.Н. Конституционно-правовое регулирование права законодательной инициативы членов нижних палат парламентов России и Бразилии: сравнительно-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_148.

For citation: Artanova E.N. Constitutional and legal regulation of the legislative initiative of members of the lower chambers of the parliaments of Russia and Brazil: comparative legal analysis // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_148.

Статья поступила в редакцию: 25.07.2025

Рассматривая основные законы России [1] и Бразилии [2], нормы о законодательной инициативе содержатся в общих разделах о законодательном процессе, поскольку законодательная инициатива признается неотъемлемой частью законодательного процесса и многими учеными рассматривается как его первоначальная стадия. Также стоит отметить, что в законодательстве рассматриваемых государств отсутствует официальное понятие «законодательная инициатива», исходя из чего она является предметом рассмотрения многих ученых.

Существуют различные мнения ученых о содержании законодательной инициативы. В частности, А.Н. Артамонов законодательную инициативу рассматривает как стадию: «стадия законодательной инициативы заключается в возможности субъектов (участников) законодательного процесса, наделенных соответствующим правом, самостоятельно подготавливать и вносить на рассмотрение в законодательный орган власти проект закона с целью прохождения им всех последующих стадий, позволяющих придать данному документу статус закона, т.е. общеобязательного регулятора общественных отношений. При этом для разработки и процедуры внесения отдельных видов проектов законов могут устанавливаться дополнительные требования» [3, с. 23]. О.А. Фомичева также называет законодательную инициативу стадией, но подчеркивает, что порядок ее осуществления только «...в некоторой степени детализирован в нормативных правовых актах, хотя единые правила здесь отсутствуют» [4, с. 58].

Нужно сказать и бразильские ученые уделяют внимание рассмотрению законодательного процесса и законодательной инициативы в

Бразилии. Например, С. Р. Бастос считает законодательную инициативу первым этапом законодательного процесса [5].

В юридической литературе существует мнения ученых о законодательной инициативе не только как о стадии законодательного процесса. В частности, интересна позиция Э.Т. Рамазановой, которая представляет законодательную инициативу в виде института «...право законодательной инициативы характеризуется как важный институт в системе институтов, составляющих и характеризующих законодательный процесс в демократическом правовом государстве» [6, с. 3]. В.В. Лазарев и Т.Э. Шуберт рассматривая право законодательной инициативы определяют его «как равную для всех субъектов права законодательной инициативы возможность в установленном порядке беспрепятственно вносить в законодательный орган проекты законов, подлежащие обязательному рассмотрению на заседании законодательного органа» [7, с. 8]. Иными словами, в юридической литературе существует несколько позиций о законодательной инициативе: как институт, как стадия, как право, как обязанность. На наш взгляд, все эти позиции соответствуют действительности и отражают содержание законодательной инициативы на современном этапе развития как России, так и Бразилии.

Обратимся к соответствующим нормам Основных законов России и Бразилии и текущему законодательству, регулирующим вопрос от законодательной инициативе.

В частности, Конституция России включает главу 5, посвященную Федеральному Собранию – Парламенту России, в ст. 104 которого установлено, что «право законодательной инициативы» принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, сенаторам Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения.

Обращаясь к законодательству Российской Федерации, то кроме норм Основного закона право законодательной инициативы депутатов Государственной Думы регулируется Федеральным законом от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2024) "О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" [8], Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [9].

Ст. 104 Конституции РФ рассматривает право законодательной инициативы субъектов в виде внесения законопроектов в Государственную Думу. В соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 7 вышеуказанного закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» формой деятельности сенатора и депутата Государственной Думы также является внесение законопроектов в Государственную Думу.

Что касается регламента Государственной Думы, то в главе 12 установлен порядок внесения законопроектов в Государственную Думу и их предварительное рассмотрение. Ст. 104 регламента устанавливает конкретные формы реализации законодательной инициативы в виде: а) проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов (законопроектов); б) законопроектов о внесении изменений в действующие законы Российской Федерации и законы РСФСР, федеральные конституционные законы и федеральные законы, либо о признании этих законов утратившими силу, либо о неприменении на территории Российской Федерации актов законодательства Союза ССР; в) поправок к законопроектам.

Реализация законодательной инициативы предусматривает, что при внесении законопроекта субъект законодательной инициативы – депутат Государственной Думы должен выполнить ряд соответствующих условий: представить пояснительную записку, текст законопроекта с указанием субъекта, внесшего законопроект и т.д.

В тоже время нужно обратить внимание, что законодательная инициатива депутата Государственной Думы фактически ничем не ограничивается и не «стеснена» конкретными вопросами, по которым она может вноситься в нижнюю палату Парламента. По мнению К.К. Иванова «тем самым повышается их роль в осуществлении права законодательной инициативы, в тоже время сохраняется самостоятельность законодательной власти» [10, с. 32]. Мы считаем, что тем самым обеспечивается, установленный в ст. 10 Конституции РФ один из основополагающих принципов конституционного строя РФ: государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Каждая из ветвей власти (законодательная, исполнительная и судебная) самостоятельны.

Что касается права законодательной инициативы члена Палаты депутатов Национального Конгресса Бразилии, то процесс его реализации регулируется нормами Основного закона Бразилии, дополнительных (органических) законов, регламента Палаты депутатов Национального Конгресса Бразилии.

Статья 61 Конституции Бразилии также устанавливает субъектов законодательной инициативы, включая в них членов Палаты депутатов.

В ст. 59 Основного закона Бразилии установлено семь форм реализации законодательной инициативы: 1. Поправок к Конституции; 2. Дополнительных (органических) законов; 3. Простых законов; 4. Делегирующих законов; 5. Временных мер; 6. Законодательных декретов; 7. Резолюций.

Что касается членов Палаты депутатов, то поправки в Конституцию Бразилии член Палаты депутатов единолично внести не может, поскольку они вносятся: 1. По меньшей мере третьей части членов Палаты депутатов или Федерального сената; 2. Президентом Республики; 3. Более половины законодательных собраний единиц Федерации, каждое из которых должно высказаться относительным большинством своих членов (ст. 60 Конституции Бразилии).

В соответствии со ст. 62 Основного закона Временные меры может принимать только глава бразильского государства, имеющие силу

закона, при наличии определенных условий. Делегирующие законы представляются президентом Республики и должны содержать делегацию полномочий Национального Конгресса (ст. 68). Само же делегирование дается в форме резолюции Национального Конгресса с содержанием и сроком пользования делегированными полномочиями.

Следует отметить, что в Бразилии существует Дополнительный (органический) закон № 95 от 26.02.1998, который регулирует процесс разработки, составления, внесения поправок и закрепления законов в Бразилии. Положения этого закона применяются к временным мерам и другим нормативным актам, указанным в ст. 59 Конституции Бразилии, а также в зависимости от обстоятельств, к указам и другими нормативным актам, издаваемым органами исполнительной власти (глава 1). В законе подробно описываются методы составления законов и внесения поправок в законы: структура закона, язык текста, предмет регулирования, содержание, принципы юридического текста (артикли, статьи и абзацы, разделы, подразделы, главы, заголовки, абзацы, общие, окончательные и переходные положения, если это необходимо в тексте конкретного закона). Также в законе существует раздел, посвященный консолидации законов и других нормативных актов [11].

Регламент Палаты депутатов достаточно конкретизирован и рассматривает как общие вопросы правового статуса членов Палаты депутатов, так и вопросы обсуждений на заседаниях, достаточно подробно рассмотрен сам процесс прохождения конкретного заседания Палаты депутатов, включая количество часов, которые отводятся для этого. Кроме того, подробно регламентируются права и обязанности участников заседаний, например, если депутат нарушает порядок или установленный ход заседания, то Президент Палаты может упрекнуть его устно или, в зависимости от серьезности, содействовать применению санкций, предусмотренных в этом регламенте (ст. 73). Раздел 5 Регламента Палаты депутатов, в частности, включает положения о внесении законодательной инициативы в нее соответствующими субъектами, в установленной форме и рассмотрении законодательных инициатив Палатой депутатов. Ст. 108 Регламента устанавливает, что Палата депутатов выполняет свою законодательную функцию посредством обычного или дополнительного (органического) законопроекта, Законодательного декрета или резолюции в дополнение к предлагаемой поправке к Конституции. В статье 109 речь идет о следующих проектах: I-закон о регулировании вопросов, относящихся к компетенции законодательной власти, с санкции Президента Республики; II-законодательного декрета о регулировании вопросов исключительной компетенции законодательной власти без санкции Президента Республики; III - постановление, подлежащее регулированию, действующему в соответствии с обычным законом, вопросы, относящиеся к частной компетенции Палаты депутатов, политического, процессуального, законодательного или административного характера, или когда Палата должна принимать решения в конкретных случаях, таких как: а) потеря депутатского мандата; б) создание парламентской комиссии по расследованию; в) выводы парламентского Следственного комитета; д) выводы Постоянной комиссии по предложению о надзоре и контроле и пр. В § 1 вышеуказанной статьи: инициатива по внесению законопроектов в палату должна осуществляться в соответствии со статьями 61 Федеральной конституции и настоящего Регламента: I-депутатами, индивидуально или коллективно; II-комиссиями или комитетами; III-Федерального сената; IV-Президента Республики; V - Верховного суда; VI-высшими судами; VII-Генерального Прокурора Республики; VIII-гражданами. § 2 устанавливается, что проекты Законодательного декрета и резолюции могут быть представлены любым депутатом или комиссией, если они не являются частной инициативой бюро или другой конкретной коллегии [12].

Важно отметить, что Конституция Бразилии кроме общей законодательной инициативы предусматривает и «исключительную законодательную инициативу» - инициативу, которая принадлежит только главе бразильского государства, с оговоркой, что кроме него никто не может обращаться в национальный законодательный орган со своей инициативой. Это вопросы являются исчерпывающимися и прямо установлены в ст. 61 Конституции: законы, которые устанавливают и изменяют численный состав Вооруженных сил; касаются: а) введения постов, функций и должностей публичной администрации, выполняющих функции непосредственно или косвенным образом или увеличения оплаты труда лиц, работающих на названных постах, должностях или выполняющих названные функции; (b) административной или судебной администрации, налоговых или бюджетных вопросов, публичных служб и персонала администрации территории; (c) государственных служащих союза и территорий, их правового статуса, назначения на должность, срока службы и ухода на пенсию и т.д.

Иными словами, законодательную инициативу, в процессе реализации которой участвуют члены нижних Палат Парламентов России и Бразилии, можно представить не только как право конкретного субъекта, означающего «возможность» субъекта обратиться в национальный законодательный орган с установленной формой ее реализации, в свою очередь которому корреспондируется обязанность национального законодательного органа, но и стадии, когда член нижней палаты Парламента участвует в ней как субъект установленных форм ее реализации, прямо предусмотренных в Основном законе государства и иных нормативно-правовых актах (законах, регламентах и пр.) и обязанности соблюсти определенные условия при ее реализации, в частности, при реализации внесения законопроекта, член Палаты Парламента должен предоставить соответствующие сопроводительные документы, которые предусмотрены в законодательстве для реализации законодательной инициативы соответствующими субъектами.

Таким образом, содержание права законодательной инициативы членов нижних Палат Парламента России и Бразилии имеет отличия. В России право депутата Государственной Думы ничем не ограничено, в Бразилии член Палаты депутатов могут вносить дополнительные (органические) и простые законы, вопросы которых не входят в «исключительную законодательную инициативу» Президента Республики, а также законодательные декреты и резолюции строго в соответствии с законодательством бразильского государства.

Исходя из сравнительного анализа норм конституций и текущего законодательства России и Бразилии о закреплении реализации права законодательной инициативы членами нижних палат Парламентов в России и Бразилии, мы выяснили, что в Бразилии реализация права законодательной инициативы кроме Основного закона и регламента Палаты депутатов регулируется отдельным дополнительным (органическим

законом). Мы считаем, что можно использовать этот опыт для применения в Российской Федерации путем принятия отдельного федерального закона, который бы более детально регулировал вопросы о реализации права законодательной инициативы не только членов нижней Палаты Парламента, но и всех субъектов, имеющих это право и иных участников законодательной инициативы как стадии законодательного процесса.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Constituição da República Federativa do Brasil // https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/518231/CF88_Livro_EC91_2016.pdf (дата обращения: 25.07.2025).
3. Артамонов А.Н. Законодательный процесс в Российской Федерации (теоретические аспекты). Монография. - Ростов-на-Дону: РЮИ РПА Минюста России, 2014. 97 с.
4. Фомичева О.А. Законотворческий процесс в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 400 с.
5. Celso Ribeiro Bastos. CURSO DE DIREITO CONSTITUCIONAL // [https://virtual.upra.ao/examples/biblioteca/content/files/ri_celso%20ribeiro%20bastos%20-%20curso%20de%20direito%20constitucional-saraiva%20\(1999\).pdf](https://virtual.upra.ao/examples/biblioteca/content/files/ri_celso%20ribeiro%20bastos%20-%20curso%20de%20direito%20constitucional-saraiva%20(1999).pdf) (дата обращения: 25.07.2025).
6. Рамазанова Э.Т. Институт законодательной инициативы в правовой системе Российской Федерации: теория и практика реализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2005. 23 с.
7. Лазарев В.В., Шуберт Т.Э. Право законодательной инициативы высших судов и проблемы его реализации // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 5-13.
8. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 07.06.2025) "О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" // СЗ РФ. 1994. № 2. Ст. 74; 2025. № 23. Ст. 2994.
9. Постановление Государственной Думы ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД "О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ" (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801; 2025. № 20. Ст. 2400.
10. Иванов К.К. Право законодательной инициативы и особенности ее реализации депутатами Государственной Думы // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 29-32.
11. Lei Complementar nº 95 de 26.02.1998 / https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/lcp/lcp95.htm (дата обращения: 25.07.2025).
12. Regulamento da Câmara dos Deputados do Brasil / <https://www.camara.leg.br/> (дата обращения: 25.07.2025).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended by Federal Constitutional Law "On Amendments to the Constitution of the Russian Federation" dated December 30, 2008, No. 6 FKZ, December 30, 2008, No. 7 FKZ, February 5, 2014, No. 2 FKZ, July 21 2014 No. 11 FKZ, dated March 14, 2020 No. 1 FKZ, dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ) // Russian Gas. 1993. December 25; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Constitution of the Federative Republic of Brazil // https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/518231/CF88_Livro_EC91_2016.pdf (accessed 07/25/2025).
3. Artamonov A.N. The legislative process in the Russian Federation (theoretical aspects). The monograph. - Rostov-on-Don: RUI RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2014. 97 p.
4. Fomicheva O.A. The legislative process in the Russian Federation: constitutional and legal research: dis. ... doct. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2022. 400 p.
5. Celso Ribeiro Bastos. Constitutional law course / [https://virtual.upra.ao/examples/biblioteca/content/files/ri_celso%20ribeiro%20bastos%20-%20curso%20de%20direito%20constitucional-saraiva%20\(1999\).pdf](https://virtual.upra.ao/examples/biblioteca/content/files/ri_celso%20ribeiro%20bastos%20-%20curso%20de%20direito%20constitucional-saraiva%20(1999).pdf) (accessed 07/25/2025).
6. Ramazanova E.T. Institute of legislative Initiative in the legal system of the Russian Federation: theory and practice of implementation: abstract. diss. ... kand. jurid. sciences'. Moscow. 2005. 23 p.
7. Lazarev V.V., Shubert T.E. The right of legislative initiative of the supreme courts and the problems of its implementation // Journal of Russian Law. 2017. No. 3. pp. 5-13.
8. Federal Law No. 3-FZ dated 05/08/1994 (as amended on 06/07/2025) "On the Status of a Senator of the Russian Federation and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" // SZ RF. 1994. No. 2. Art. 74; 2025. No. 23. Art. 2994.
9. Resolution of the State Duma of the Russian Federation Russian Federation dated January 22, 1998 No. 2134-II GD "on the regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" (with amendments and additions) // NZ RF. 1998. No. 7. Art. 801; 2025. No. 20. Art. 2400.
10. Ivanov K.K. The right of legislative initiative and the specifics of its implementation by deputies of the State Duma // Legal Science. 2012. No. 2. pp. 29-32.
11. Supplementary Law No. 95 of 02/26/1998 / https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/lcp/lcp95.htm (accessed 25.07.2025).
12. Regulations of the Chamber of Deputies of Brazil / <https://www.camara.leg.br/> (accessed 25.07. 2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_152

УДК 349.41

ВОПРОСЫ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА КРЕСТЬЯНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА QUESTIONS OF THE SUBJECT COMPOSITION PEASANT (FARMER) FARMS

НАХРАТОВ Виталий Владимирович,кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного права,
ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству».
105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова, 15.
E-mail: oberegcom@gmail.com;**САМОЙЛЕНКО Дмитрий Вячеславович,**судебный эксперт, кадастровый инженер, старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству».
105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова, 15.
E-mail: oberegcom@gmail.com;**NAKHRA TOV Vitaly Vladimirovich,**PhD, docent of land law, State University of Land Management.
15 Kazakova str., Moscow, 105064, Russia.
E-mail: oberegcom@gmail.com;**SAMOYLENKO Dmitry Vyacheslavovich,**forensic expert, cadastral engineer, senior lecturer, State University of Land Use Planning.
15 Kazakova str., Moscow, 105064, Russia.
E-mail: oberegcom@gmail.com***Краткая аннотация:** в данной статье рассмотрены правовые вопросы субъектного состава и множественности лиц в крестьянском (фермерском) хозяйстве (КФХ).****Abstract:** The legal issues of the subject composition and plurality of persons in a peasant (farm) household are considered.****Ключевые слова:** крестьянское (фермерское) хозяйство, КФХ, аграрное право, крестьянское право, право.****Keywords:** peasant (farm) enterprise, peasant farm, agrarian law, peasant law, law.****Для цитирования:** Нахратов В.В., Самойленко Д.В. Вопросы субъектного состава крестьянского (фермерского) хозяйства // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 152-155. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_152.****For citation:** Nakhratov V.V., Samoylenko D.V. Questions of the subject composition peasant (farmer) farms // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 152-155. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_152.***Статья поступила в редакцию: 04.07.2025**

Аграрное право до октябрьской революции 1917 года именовалось крестьянским правом, хотя политическая сущность этих учений была разной.

Редакционная Комиссия по составлению проекта Гражданского уложения Российской Империи, разрабатывавшегося с 1804 года, крепко задумывалась о возможности распространить действие будущего гражданского уложения на многомиллионное сословие крестьян: «в виде общего начала, следует стремиться к сближению крестьян в юридическом отношении с прочими сословиями». Отмечалось, что «результаты подобной замкнутости проявлялись в так называемом аграрном движении, в основе которого лежит отрицание крестьянами права частной земельной собственности, представляющегося остальным классам населения коренным устоем всего государственного, общественного и экономического строя» [1].

В советское время обращение к трудам ученых имперского периода считалось дурным тоном. Старорежимные произведения в библиотеках замалчивались (в картотеках отсутствовали). Постулировалось политически вредным и экономически бесполезным использовать разработки, базирующиеся на принципиально иной, частнособственнической, эксплуататорской, экономической модели.

Обратимся к организационно-правовой форме крестьянского (фермерского) хозяйства, выдвинутому заглавной идеей аграрного производства в постсоветской России, отличительной чертой которого поставлена семейственность, что по-человечески вызывает сочувствие, но в профессиональном плане имеются вопросы.

Первый законодательный акт - Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» - был принят 22 ноября 1990 г. № 348-1^[2], и опубликован совместно с законом «О земельной реформе» [3]. Предусматривалась возможность создания КФХ в качестве юридического лица.

В настоящее время действует Федеральный закон от 11.06.2003 N 74-ФЗ (ред. от 22.06.2024) "О крестьянском (фермерском) хозяйстве" (далее – закон о КФХ), отменивший возможность создания КФХ в форме юридического лица, существовавшую с 1990-го года по первоначальному закону о КФХ.

Возвращение КФХ как юридического лица произошло в рамках изменений в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), произведенных в 2012 году, когда законодателем была введена ст. 86.1, предусматривавшая возможность создания КФХ в форме организации

¹ Введение к проекту Гражданского уложения //Проект Гражданского уложения Российской империи. СПб., 1906.

² Ведомости СНД и ВС РСФСР. -1991. - № 26. - ст. 324.

³ Ведомости СНД и ВС РСФСР. -1990. - № 26. - ст. 327.

(например, КФХ «Калининец»). Оговаривалось, что с 31.12.2012г. к крестьянским (фермерским) хозяйствам, созданным в качестве юридического лица в соответствии с первым законом о КФХ 1990-го года, подлежат применению правила ст. 86.1 ГК РФ и их перерегистрация не требуется (ФЗ от 30.12.2012 № 302-ФЗ).

Корреспондирующие изменения в том же 2012 году претерпела статья 23 ГК РФ о предпринимательской деятельности гражданина. Введенный федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ пункт 5 этой статьи разрешил гражданам заниматься производственной или иной хозяйственной деятельностью в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства, заключенного в соответствии с законом о КФХ, отметив, что главой КФХ может быть гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя. В настоящее время налоговым законодательством не предусмотрен отдельный реестр КФХ. Глава КФХ может внести в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) сведения (отметку) о том, что он является индивидуальным предпринимателем в статусе КФХ. Возможность физического лица одновременно зарегистрировать ИП и КФХ, параллельно осуществляя деятельность в обоих правовых режимах прямо не запрещена, но ограничения могут следовать из правил ведения самого программного комплекса ЕГРИП.

Нынешняя редакция пункта 3 статьи 1 закона о КФХ, по которой фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, противоречит названным нововведениям гражданского права, предусматривающим возможность регистрировать КФХ в форме юридического лица, что повышает градус дискурса и одновременно говорит о падении качества правотворчества: при внесении изменений в ГК РФ в 2012 году не внесли изменения в закон о КФХ, допустив столкновение двух законов. Проблемным является вопрос о том, сохраняется ли за фермерским хозяйством – юридическим лицом признак семейно-трудового объединения (п. 1 ст. 86.1 ГК РФ). В силу п. 3 ст. 86.1 ГК РФ гражданин может быть членом только одного крестьянского хозяйства, созданного в качестве юридического лица, но допускается ли совмещение со статусом главы КФХ, действующего в режиме индивидуального предпринимателя на основании закона о КФХ.

По закону о КФХ крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, *связанных родством и (или) свойством (выделено – авт.)*, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии (п. 1 ст. 1).

В самом законе о КФХ понятия родства и свойства не раскрываются. Под отношениями родства обычно понимается кровная связь (родителей и детей, дедов и внуков). Свойственниками (свояками) называются другие члены семьи, кровно не связанные (тесть и теща, свекр и свекровь, зять и сноха, адчерица и пасынок, сваты и кумовья, золовка и деверь, стрый (брат отца) и вуй (брат матери)). К близким родственникам законодательство часто относит супругов, хотя кровная связь между ними отсутствует, и возможно потому, общество предпринимает колоссальные усилия (через таинство брака, обряды, светских свидетелей), чтобы породнить этих чужих людей. На случай выбытия близкого родственника из семьи по разным причинам (выход или уход из семьи, смерть) в качестве своеобразной страховки предпринимаются компенсирующие мероприятия, среди которых особняком стоят опекуны и попечители, а также религиозная связь крестников и крестных родителей. Не будем упускать эмоциональную связь и социальные роли любовников и любовниц, которые, например, теперь получили юридическое значение при «гражданской конфискации» оформленного на них имущества осужденного в порядке пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ.

Суровое требование закона о необходимости прилагать к соглашению о создании КФХ документы о родстве (п. 4 ст. 4) может стать административным барьером (документы о свойстве прилагать не затребовано), и при их утрате и тщетности запросов в архивы остается посоветовать устанавливать факт родственных отношений в порядке особого производства (ст. 262 ГПК РФ).

В статье 3 закона детализируется субъектный состав крестьянского хозяйства, членами которого могут быть: 1) супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, но *не более чем из трех семей (выделено авт.)*. Дети, внуки, братья и сестры членов фермерского хозяйства могут быть приняты в члены фермерского хозяйства по достижении ими возраста шестнадцати лет. И хотя семейный круг в различных отраслях права отличается, можно понимать состав крестьянского двора по закону о КФХ близкими родственниками в смысле аграрного законодательства.

Справочно: в силу ст. 31 Жилищного Кодекса Российской Федерации родственниками являются проживающие совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении супруг, дети и родители. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи».

Согласно ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

- «близкие родственники» — понимать супруга, супруг, родители, дети, усыновители, усыновленные, родных братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки;

- «родственники» — иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве, под которым Верховный Суд России понимает кровное родство;

- «близкие лица» — иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений.

В терминах ГК РФ можно говорить о множественности лиц в составе крестьянского (фермерского) хозяйства (КФХ) на стороне кредитора или должника.

Наиболее точно, на наш взгляд, круг родственников описывает ст. 8 Федерального закона № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», предоставляя гарантии при осуществлении погребения супругу, близким родственникам, иным родственникам, законному представителю умершего или иному лицу, взявшему на себя обязанность осуществить погребение умершего, при этом супруг не включен в круг близких родственников, но возглавляет очередь субъектов права на погребение умершего близкого человека.

Тем самым в законе о КФХ нашло отражение трехчастное понимание семьи (большая семья, состоящая из трех малых семей) в противовес «нуклеарному» понятию семьи, заложенному в Семейном кодексе Российской Федерации.

В современном обществе все чаще мы имеем четырехчастную семью (деды/дети/внуки/правнуки).

Следовательно, семейная связь, положенная на личный труд, поставлена в основу крестьянского хозяйства. Соответствует ли семейственность, в том понимании, в каком она положена в основу КФХ, духу времени и его вызовам. Правовое регулирование имеет прогрессивную роль, если непротиворечиво само себе, вбирает обычаи, учитывает правоприменительную практику, саму природу общественных отношений. Насколько согласуется транслируемое законом о КФХ представление о крестьянском дворе с современной демографической, брачной, семейной, детской (ювенальной) ситуацией. Для ответа на эти вопросы требуется большое исследование. В рамках публицистики так масштабно тему не изведать, но позитивна сама постановка вопросов, хотя бы не дошедшая до их полного разрешения.

Вопреки провозглашенной семейственности крестьянского хозяйства, пункт 2 статьи 1 закон о КФХ сообщает, что фермерское хозяйство может быть создано одним гражданином, ставя под сомнение принцип семейственности как заглавный. Общая норма, равновелико отрицаемая исключением, вряд ли может претендовать на всеобщность. Если в современном семейном праве семьей считаются не только связанные браком мужчина и женщина, но и женщина с ребенком или мужчина с ребенком, то закон о КФХ предоставляет столь широкий диапазон субъектности – от семьи до одиночки, и в то же время настолько узкий, не допуская создание КФХ двумя арендаторами, лишенными родственных связей, что возникают вопросы к политике права.

Подлежат учету региональные особенности. Например, в Бурятии (в 1920-е годы Бурят-Монгольская АССР) закрыто проживают старообрядцы. В Забайкалье, волей императрицы Екатерины II, старообрядцы переселялись большими семьями в 1760-х гг.^[1]. Этнонимически русских они называют сибиряками, а себя - семейцами, семейскими. В деревне могут быть 2-4 фамилии (семьи). У них КФХ. И состав КФХ по закону может не соответствовать таким общинам^[2].

В законе о КФХ отмечается, что в его составе могут быть россияне, иностранные граждане и лица без гражданства (п. 1 ст. 3), что входит в противоречие с ограничениями Федерального закона от 24.07.2002 N 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" (далее – закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения), не допускающим собственность иностранцев на аграрные земли (ст. 3). В связи с тем, что иностранцам воспрещается быть собственниками аграрных земель, крестьянское хозяйство с иностранным участием оказывается в сложной ситуации, где самым простым решением является работа на арендованной земле. Но ведь напрашивается и другой вывод: через форму крестьянского хозяйства можно обходить установленный иностранцам запрет быть собственниками аграрной земли. Ввиду того, что в правовых отношениях крестьянское хозяйство представляет глава, на которого оформляются все активы, а права других членов следуют из заключенного между ними соглашения, то мыслимы случаи, когда главой хозяйства будет россиянин, тогда как остальные члены крестьянского хозяйства, будучи иностранцами и являясь его истинными владельцами (бенефициарами), получают во владение сельскохозяйственные земли в обход существующего запрета. В этом случае КФХ будет использовано как оболочка, за которой скрываются настоящие держатели аграрных земель, поскольку упомянутая статья 3 закона допускает членство в крестьянском хозяйстве граждан, не состоящих в родстве с главой фермерского хозяйства. Максимальное количество таких граждан не может превышать пять человек. Через соглашение членов КФХ можно создать такую корпоративную структуры, в которой решения других членов КФХ или наемных работников будут делать главу КФХ подконтрольным или зависимым. Скажем утрированно: пять иностранцев на правах членства могут верховодить одним номинальным главой крестьянского хозяйства, составив соглашение о КФХ так, что глава обязан подчиняться решениям своих членов.

Проявлением этой проблемы является правопреемство (замена) главы КФХ в случае болезни, смерти, когда правопреемство оказывается невозможным в силу налогового законодательства и требуется закрывать ИП и открывать вновь ИП на другого главу КФХ. Решить проблему можно признанием КФХ имущественным комплексом, что требует отдельного исследования ввиду кардинальности этого варианта.

Трудности правосубъектности в плане управления КФХ воплощаются в вопросе о том, где находится центр принятия решений и компенсации убытков: у главы или членов КФХ. Другой вопрос: КФХ – субъект или объект права. Требуется ли соглашение во всех случаях создания КФХ – как во главе ИП, так и в форме юридического лица. Или же в форме юридического лица соглашение не требуется.

Возможность отнести крестьянский двор к объекту земельно-имущественных прав, переданному индивидуальному предпринимателю в доверительное управление (по аналогии с предприятием или единым недвижимым комплексом), означала бы придание КФХ обязательственного, в силу чего срочного характера, тогда как универсальная правоспособность не может быть временной, чтобы не создавать риски для кредиторов.

В законе не сказано о личном участии каждого участника в деятельности хозяйства, но в таком случае необходимо участие конкретного члена хозяйства в конкретной работе и возможно ли исключение из КФХ «трутня» за уклонение или отказ от труда.

Требуется различать собственность главы КФХ и собственность участников крестьянского двора, наследуемые порознь. После смерти

¹ Хомяков С.В. Старообрядцы Бурятии: вхождение в советское общество и проблема взаимоотношений с властью // Вестник Тюменского государственного университета. Гум. исследования. 2018. Том 4. N 3. С. 167-178. – С. 169.

² Из доклада Баторовой Т.П. О мерах борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в РСФСР и Бурят-Монгольская АССР в 1920-е годы / III Всероссийский форум историков права. ИГУУПМ им. Лужкова. 04.05.10.2024г.

главы КФХ, не являющегося юридическим лицом, земельный участок переходит новому главе, а возможность наследования прочего имущества его участниками остается открытой. В хозяйствах, созданных лицами, не имеющими между собой родственных связей (свойственниками; единолично; КФХ - юридическим лицом; отстраненными завещанием родственниками), после смерти главы КФХ, его имущество может перейти к лицу, не являющемуся ему родственником. Поскольку наследование осуществляется по правилам ГК РФ, то в составе наследников имущества КФХ по закону могут оказаться родственники и свойственники из восьми очередей, и в девятую очередь даже государство, а по завещанию - даже посторонние лица, что нарушает требования статьи 3 закона о КФХ об ограничении его состава «супругами, их родителями, детьми, братьями, сестрами, внуками, а также дедушкой и бабушкой каждого из супругов, но не более чем из трех семей».

Коллизия правил о наследовании закона о КФХ и гражданского закона правильно указывалась Устюковой В.В.^[1], но это несоответствие вполне можно развести приданием приоритета особым правилам аграрного законодательства. Девять очередей наследования, подлежащие применению к имуществу КФХ тоже не являются главной проблемой, и их можно перестроить для КФХ. В советское время устанавливались три очереди наследования. Наследование в СССР ограничивалось с тем, чтобы обеспечить принцип формального равенства всех перед законом, который противоречит принципу наследования, и это противоречие двух конституционных гарантий является по сей день одной из неразрешимых проблем философии права и правовой политики. Проблема лежит в круге лиц, допускаемых в порядке правопреемства к имуществу КФХ, и в некотором роде она может быть урегулирована через преимущественные права, подобно тому, как с их помощью решена проблема преференций в приобретении прав на аграрные земли в законе об обороте земель сельскохозяйственного назначения ^[2]. Иначе принципы закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения, предоставляющие преимущества в переходе прав на аграрные земли к тем, кто работает на селе, обесцениваются общегражданскими правилами наследования имущества КФХ.

Список литературы:

1. Хомяков С.В. Старообрядцы Бурятии: вхождение в советское общество и проблема взаимоотношений с властью // Вестник Тюменского государственного университета. Гум. исследования. 2018. Том 4. № 3. С. 167-178. – С. 169.
2. Баторовой Т.П. О мерах борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в РСФСР и Бурят-Монгольская АССР в 1920-е годы // III Всероссийский форум историков права. МГУУПМ им. Лужкова. 04.05.10.2024г.
3. Устюкова В.В. Малое предпринимательство в сельском хозяйстве. Правовые проблемы малого предпринимательства. - М.: Юнити. 2016. - С.170-175.

References:

1. Khomyakov S.V. The Old Believers of Buryatia: joining Soviet society and the problem of relations with the authorities // Bulletin of the Tyumen State University. Hum. research. 2018. Volume 4. № 3. pp. 167-178. – p. 169.
2. Batorova T.P. On measures to combat child homelessness and neglect in the RSFSR and the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s // III All-Russian Forum of Legal Historians. MGUUPM named after Luzhkov. 05/04/20/2024
3. Ustyukova V.V. Small business in agriculture. Legal problems of small business. Moscow, Unity. 2016. pp.170-175.

1. Устюкова В.В. Малое предпринимательство в сельском хозяйстве. Правовые проблемы малого предпринимательства. - М., Юнити. 2016. - С.170-175.

2. Российская газета. 27 июля 2002. № 137.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА УЧАСТИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (МИЛИЦИИ) РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЁ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ **ADMINISTRATIVE AND LEGAL BASIS FOR THE PARTICIPATION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES (POLICE) OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN ENSURING NATIONAL SECURITY AND DIRECTIONS FOR ITS IMPROVEMENT**

ОДИНАЗОДА Алишер Гайрат,

преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе);
адъюнкт по кафедре управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (г. Москва).
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: validzonzoda27@gmail.com;

ODINAZODA Alisher Gayrat,

Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan (Dushanbe); Adjunct in the Department of Management of Activities of Public Order Protection Units of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow).
Russia, 125993, Moscow, st. Zoe and Aleksandra Kosmodemyanskikh, 8.
E-mail: validzonzoda27@gmail.com

Краткая аннотация: в статье на основе анализа научных источников и законодательства Республики Таджикистан выработано определение правовой основы участия органов внутренних дел (милиции) Республики Таджикистан в обеспечении национальной безопасности и предложены направления её совершенствования.

Abstract: In the article, based on the analysis of scientific sources and the legislation of the Republic of Tajikistan, a definition of the legal basis for the participation of the internal affairs bodies (police) of the Republic of Tajikistan in ensuring national security is developed and directions for its improvement are proposed.

Ключевые слова: государственное управление; административное право; административный процесс; административно-правовое регулирование; национальная безопасность; государственная безопасность; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; органы внутренних дел; угрозы национальной безопасности; сравнительное правоведение.

Keywords: public administration; administrative law; administrative process; administrative and legal regulation; national security; state security; protection of public order and ensuring public safety; internal affairs agencies; threats to national security; comparative law.

Для цитирования: Одиназода А.Г. Административно-правовая основа участия органов внутренних дел (милиции) Республики Таджикистан в обеспечении национальной безопасности и направления её совершенствования // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 156-158. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_156.

For citation: Odinazoda, A.G. Administrative and legal basis for the participation of internal affairs bodies (police) of the Republic of Tajikistan in ensuring national security and directions for its improvement // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 156-158. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_156.

Статья поступила в редакцию: 29.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В настоящее время актуализировались задачи по совершенствованию правового регулирования обеспечения национальной безопасности во всех государствах – участниках СНГ [1, 304 с.], [4, 228 с.]. Эти вопросы исследуются как на монографическом уровне [3, 312 с.], [5, 354 с.], так и в ходе выступлений ученых на различных научных площадках [2, с. 79-88], [11, с. 228-239].

Особую актуальность вопросы обеспечения национальной безопасности приобретают для Республики Таджикистан, находящейся в сердце центральноазиатского региона [10].

Программа реформы милиции Республики Таджикистан на 2021-2025 годы, утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 июня 2021 г. № 211, предусматривает, что в процессе ее реализации произойдет: совершенствование нормативно-правовой базы деятельности милиции; совершенствование механизма обработки обращений физических и юридических лиц как важный элемент повышения общественного доверия к милиции и усиления общественного контроля; внедрение современной системы приема, регистрации и своевременного рассмотрения обращений физических и юридических лиц; создание новой информационной системы и развитие существующей системы в органах милиции с учетом обеспечения информационной безопасности; обеспечение прозрачности в деятельности милиции; внедрение эффективного конкурсного порядка подбора и расстановки кадров; усиление работы по внедрению цифровой экономики, снижение влияния человеческого фактора и использование бумажной документации; совершенствование механизмов поощрения сотрудников милиции; налаживание эффективного взаимодействия милиции с общественностью; совершенствование механизма оказания помощи гражданскому обществу в предоставлении соответствующей информации по направлениям деятельности милиции; внедрение подотчетности руководителей и соответствующих сотрудников милиции перед общественностью о результатах служебной деятельности; совершенствование и обеспечение прозрачности системы оценки деятельности сотрудников милиции; повышение уровня теоретических знаний и профессиональных навыков личного состава за счет внедрения современной системы образования, направленной на увеличение количества практических занятий; обмен опытом и переподготовка

сотрудников милиции по противодействию современным вызовам и угрозам; создание современного механизма управления структурой милиции, совершенствование структуры органов внутренних дел на основе принципов разделения обязанностей и устранения дублирования функций; повышение социального, экономического, финансового и бытового уровня сотрудников милиции; улучшение условий труда сотрудников милиции путем обеспечения их зданиями и служебными кабинетами, современной техникой и служебным транспортом; принятие мер по соблюдению и защите прав лиц, пострадавших от преступных посягательств, и создание условий для сотрудничества пострадавших с органами милиции; принятие мер по предотвращению нарушений прав и интересов человека при задержании, аресте и уголовном преследовании; внедрение поощрения лиц, сотрудничающих с милицией в предупреждении, выявлении и раскрытии правонарушений.

Все эти направления реформы милиции должны способствовать решению важной научной задачи – определению административно-правовой основы участия органов внутренних дел (милиции) Республики Таджикистан в обеспечении национальной безопасности [6, с. 619-622].

Административно-правовая основа участия органов внутренних дел (милиции) Республики Таджикистан в обеспечении национальной безопасности – это совокупность нормативных правовых актов, содержащих нормы административного права, регламентирующие порядок реализации органами внутренних дел своих полномочий в области обеспечения национальной безопасности, в целях достижения защищенности личности, общества и государства от реальных и потенциальных угроз национальной безопасности [7, 559 с.].

Важнейшим источником, составляющим основу административно-правового регулирования участия милиции в обеспечения национальной безопасности, является Конституция Республики Таджикистан (принята на всеобщем референдуме 6 ноября 1994 г., внесены изменения и дополнения в результате референдума от 26.09.1999 г., 22.06.2003 г.). Целый ряд положений Конституции РТ посвящен вопросам обеспечения безопасности. Так, в ст. 43 Конституции РТ говорится, что защита Родины, охрана интересов государства, укрепление его независимости, безопасности и оборонной мощи является священным долгом гражданина.

В ст. 46 Конституции закреплено, что в случае реальной угрозы правам и свободам граждан, независимости государства и его территориальной целостности, стихийных бедствий, в результате которых конституционные органы республики не могут нормально функционировать, как временная мера, для обеспечения безопасности граждан и государства, объявляется чрезвычайное положение. Срок чрезвычайного положения устанавливается до трех месяцев. В необходимых случаях этот срок может быть продлен Президентом Республики Таджикистан.

К полномочиям Президента РТ отнесены: создание Совет безопасности и руководство им; объявление военного положения при реальной угрозе безопасности государства и внесение Указа об этом на утверждение совместного заседания Маджлиси милли и Маджлиси намоёндагон.

Нельзя сказать, что Конституция РТ содержит много положений о национальной безопасности, но и их имеющийся объем совместно с иными конституционными положениями вполне достаточен для формирования отраслевых основ обеспечения национальной безопасности и определения деятельности государственных органов, в том числе и органов внутренних дел, в данной сфере.

Для понимания механизма организационно-правового регулирования участия милиции РТ в обеспечении национальной безопасности необходимо обратиться, во-первых, к Закону РТ от 28 июня 2011 г. № 721 «О безопасности» (далее – Закон РТ безопасности), к иным законодательным актам, регламентирующим самостоятельные виды безопасности в РТ, и, во-вторых, к Закону РТ от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции» и иным законодательным и подзаконным нормативным правовым актам, регламентирующим деятельности милиции в РТ.

Достоинством Закона РТ безопасности является то, что в нем закреплено содержание основных терминов, используемых в законодательстве о безопасности. Законодательное закрепление основных понятий имеет важное значение, так как позволяет обеспечить единство в правотворчестве, особенно ведомственном, и правоприменении, что способствует повышению эффективности правового регулирования в сфере обеспечения национальной безопасности в целом.

Так, национальная безопасность определена как «состояние защищенности жизненно важных интересов страны от реальных, потенциальных внутренних и внешних угроз»; национальные интересы – как «совокупность политических, экономических, социальных и других потребностей РТ, от реализации которых зависит способность государства обеспечивать защиту конституционных прав человека и гражданина, ценностей общества, основополагающих государственных институтов». Объекты безопасности - человек и гражданин, их права и свободы, общество, его материальные и духовные ценности, государство, его конституционный строй, независимость и территориальная целостность.

Субъекты безопасности – это государство, граждане, организации, независимо от их организационно-правовой формы. Таким образом милиция РТ – субъект безопасности. Милиция в пределах своей компетенции обеспечивает безопасность – то есть участвует в пределах своих полномочий в реализации единой государственной политики в области обеспечения безопасности посредством системы мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам человека и гражданина, общества и государства. Это наиболее общее определение, отражающее наиболее общий подход к рассматриваемому вопросу.

Закон РТ безопасности предлагает определения экономической, продовольственной, военной, экологической, информационной безопасности; внешней и внутренней безопасности.

Для рассматриваемой нами темы важное значение имеет закрепленное в законе РТ определение общественной безопасности как политико-правовой, духовно-нравственной и социальной защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан РТ, а также ценностей общества от возможных опасностей и угроз, способных нанести им ущерб.

Таким образом, в Таджикистане создана достаточно разработанная административно-правовая основа участия органов внутренних дел в обеспечении национальной безопасности страны, которая базируется на Конституции Таджикистана, законодательстве о безопасности, органах внутренних дел, иных нормативных правовых актах. В плане её совершенствования, по мнению автора, необходимо: добиваться неукос-

нительно воплощения конституционных норм, принципов и идей государства в законах, регламентирующих обеспечение национальной безопасности и деятельность органов внутренних дел; достигнуть консенсуса в вопросе определения и закрепления полномочий органов внутренних дел в области обеспечения национальной безопасности, отдав предпочтение развитию полномочий ОВД в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности; обеспечить четкое правовое регулирование взаимодействия ОВД Республики с иными государственными и негосударственными организациями в целях обеспечения национальной безопасности; обеспечить единство действия принципов административно-государственного управления, принципов обеспечения безопасности и принципов деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

В развитии и совершенствовании административно-правовой основы участия ОВД в обеспечении национальной безопасности РТ большую роль может сыграть учет результатов сравнительно-правовых исследований, о чем пишет в своих работах В.М. Редкоус [8, с. 48-55]. Все это представляет большой интерес для развития как юридической науки в целом, так и для развития административно-правового обеспечения национальной безопасности в Республике Таджикистан [9, с. 15-28]

Список литературы:

1. Административно-правовые средства обеспечения устойчивого экономического развития Российской Федерации / Д. Ф. Вяткин, А. А. Гришковец, Е. Л. Васянина [и др.]. - Москва: ООО "Русайнс", 2025. - 304 с. ISBN: 978-5-466-09321-6 EDN: VJGGNK
2. Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция "Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса ("Лазаревские чтения - 2022") // Административное право и процесс. - 2022. - № 5. - С. 79-88. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-5-79-88 EDN: KCDTLU
3. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Учебник: в 2 частях. Ч. 2 / В. А. Милехин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.]. - Москва: Академия управления МВД России, 2023. - 312 с.
4. Правовое обеспечение суверенитета и кодификация информационного законодательства / Ю. М. Батурин, Т. А. Полякова, А. В. Минбалева [и др.]. - Москва: Институт государства и права РАН, 2024. - 228 с. ISBN: 978-5-8339-0296-7 EDN: CIYCST
5. Правовые инструменты обеспечения финансовой стабильности Российской Федерации / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, С.В. Запольский [и др.]. - Воронеж: ИПЦ "Научная книга", 2023. - 354 с. ISBN: 978-5-4446-1847-9 EDN: NDDLUV
6. Редкоус, В.М. Всегда быть на острие административно-правовой науки: к юбилею профессора Алексея Алексеевича Гришкова / В. М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. - 2025. - № 2. - С. 619-622. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_619 EDN: WSTNLG
7. Редкоус, В. М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах - участниках Содружества Независимых Государств: монография / В. М. Редкоус. - Питер: РИА-КМБ, 2010. - 559 с. ISBN: 978-5-89314-342-3
8. Редкоус, В. М. Административно-правовые режимы, устанавливаемые в целях обеспечения государственной безопасности / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. - 2023. - № 1(65). - С. 48-55. DOI: 10.24412/2072-9391-2023-165-48-55 EDN: IDPPCO
9. Редкоус, В.М. К вопросу об актуальных направлениях совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В. М. Редкоус // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2006. - № 1. - С. 15-28. EDN: ILYMCZ
10. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society / E. Pevtsova, N. Pevtsova, M. Lavitskaya [et al.] // E3S Web of Conferences : 8, Rostov-on-Don, 19-30 августа 2020 года. - Rostov-on-Don, 2020. - P. 17023. DOI: 10.1051/e3sconf/202021017023 EDN: BWBHQ
11. State and non-state actors ensuring constitutional order and public security: Problems of legal regulation of interaction the ability to understand and the text-tual typologies in the primary basic education, third grade / A. I. Yastrebova, A. I. Stakhov, V. M. Redkous [et al.] // Universidad y Sociedad. - 2020. - Vol. 12, No. 3. - P. 228-239.

References:

1. Administrative and legal means of ensuring sustainable economic development of the Russian Federation / D. F. Vyalkin, A. A. Grishkovets, E. L. Vasyanina [et al.]. - Moscow: ООО "Rusains", 2025. - 304 p.
2. Vinogradova E.V., Kobzar-Frolova M.N. International scientific and practical conference "Actual problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev Readings - 2022") // Administrative law and process. - 2022. - No. 5. - P. 79-88.
3. Organization of public order protection and public safety: Textbook: in 2 parts. Part 2 / V. A. Milekhin, Yu. N. Nosatov, A. V. Shevtsov [et al.]. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. - 312 p.
4. Legal Support for Sovereignty and Codification of Information Legislation / Yu. M. Baturin, T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev [et al.]. - Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. - 228 p. - ISBN 978-5-8339-0296-7
5. Legal instruments for ensuring financial stability of the Russian Federation / M.N. Kobzar-Frolova, E.L. Vasyanina, S.V. Zapolsky [et al.]. - Voronezh: IPC "Scientific Book", 2023. - 354 p.
6. Redkous, V.M. Always at the Cutting Edge of Administrative Law: On the Anniversary of Professor Alexey Alekseevich Grishkovets / V.M. Redkous // Law and State: Theory and Practice. - 2025. - No. 2. - Pp. 619-622.
7. Redkous, V. M. Administrative and legal support of national security in the member states of the Commonwealth of Independent States: monograph / V. M. Redkous. - Pyatigorsk: RIA-KMB, 2010. - 559 p. - ISBN 978-5-89314-342-3
8. Redkous, V. M. Administrative and legal regimes established for the purpose of ensuring state security / V. M. Redkous // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 1 (65). - P. 48-55.
9. Redkous, V.M. On the issue of current directions for improving the legal regulation of public relations in the sphere of ensuring national security of the Russian Federation / V.M. Redkous // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. - 2006. - No. 1. - P. 15-28
10. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society / E. Pevtsova, N. Pevtsova, M. Lavitskaya [et al.] // E3S Web of Conferences : 8, Rostov-on-Don, 19-30 августа 2020 года. - Rostov-on-Don, 2020. - P. 17023. DOI: 10.1051/e3sconf/202021017023
11. State and non-state actors ensuring constitutional order and public security: Problems of legal regulation of interaction the ability to understand and the textual typologies in the primary basic education, third grade / A. I. Yastrebova, A. I. Stakhov, V. M. Redkous [et al.] // Universidad y Sociedad. - 2020. - Vol. 12, No. 3. - P. 228-239.

СУБЪЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОГРАНИЧНОГО РЕЖИМА РОССИИ SUBJECTS OF ENSURING THE RUSSIAN BORDER REGIME

ПОПКОВ Дмитрий Валерьевич,

профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат экономических наук.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru;

POPKOV Dmitry V.,

Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru

Краткая аннотация: обеспечение пограничного режима в Российской Федерации имеет свою специфику, это во-первых круг субъектов, обеспечивающих указанный режим, а также полномочия, которыми они наделены. Сфера предмета настоящего исследования состоит в раскрытии некоторых властных органов, реализующих политику обеспечения пограничного режима, а также выявление особенностей правового регулирования в данном контексте.

Abstract: ensuring the border regime in the Russian Federation has its own specifics, first of all, it is the range of subjects providing the specified regime, as well as the powers that they are endowed with. The scope of the subject of this study is to reveal some of the authorities implementing the policy of ensuring the border regime, as well as to identify the specifics of legal regulation in this context.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, пограничный режим, государственная граница, ФСБ России, МВД России, полномочия, правовое регулирование.

Keywords: national Guard troops, border regime, state border, FSB of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia, powers, legal regulation.

Для цитирования: Попков Д.В. Субъекты обеспечения пограничного режима России // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 159-162. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_159.

For citation: Popkov D.V. Subjects of ensuring the Russian border regime // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 159-162. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_159.

Статья поступила в редакцию: 06.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Следует констатировать значительную сложность обеспечения пограничного режима России. Для организации качественной и высокоэффективной деятельности в данной сфере, необходимо задействование ряда уполномоченных субъектов.

Ключевую роль в обеспечении пограничного режима реализует ФСБ России. В соответствии с Федеральным законом от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» пограничная деятельность является одним из основных направлений деятельности указанного федерального органа исполнительной власти. В ст. 11.1 федерального закона закреплены общие направления реализации данной деятельности, а именно:

1. Защита и охрана Государственной границы Российской Федерации в целях недопущения противоправного изменения прохождения Государственной границы Российской Федерации, обеспечения соблюдения физическими и юридическими лицами режима Государственной границы Российской Федерации, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации¹;

2. Защита и охрана экономических и иных законных интересов Российской Федерации в пределах приграничной территории, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации, а также охрана за пределами исключительной экономической зоны Российской Федерации запасов анадромных видов рыб, образующихся в реках Российской Федерации, трансграничных видов рыб и далеко мигрирующих видов рыб в соответствии с международными договорами Российской Федерации и (или) законодательством Российской Федерации.

Исходя из приведенной нормы, можно говорить о совокупности целей, которые реализует ФСБ России в рамках обеспечения пограничного режима.

В-первых, это противодействие противоправной деятельности, связанной с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации.

Во-вторых, это обеспечение соблюдения гражданами, лицами без гражданства, иностранными гражданами и иными субъектами установленных норм и правил, в соответствии с которыми функционирует пограничный режим.

В-третьих, это содействие реализации интересов российского государства, связанного с функционированием института Государственной границы и пограничного режима.

В-четвертых, это обеспечение безопасности определенных видов фауны, сосредоточенной на территориях, для которых установлен

¹ Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.

пограничный режим¹.

Отметим, что ФСБ России обеспечивает пограничный режим не только в рамках реализации деятельности, предусмотренной ст. 11.1 Федерального закона № 40-ФЗ. Также соответствующие цели достигаются в ходе осуществления деятельности по обеспечению контрразведывательной деятельности (противодействие проникновению через Государственную границу лиц, осуществляющих разведывательную деятельность в России)², деятельности по борьбе с терроризмом³ и преступностью (выявление, пресечение, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, в том числе террористической направленности⁴, посягающие на общественные отношения, складывающиеся в области обеспечения пограничного режима, охраны Государственной границы Российской Федерации⁵).

Важнейшим полномочием, которое ФСБ России реализует в рамках своей деятельности федерального органа исполнительной власти, выступает нормотворчество. Данное направление деятельности подразумевает издание ФСБ России правовых актов по вопросам своего ведения. Так как обеспечение пограничного режима входит в число направлений деятельности ФСБ России, указанный орган принимает соответствующие нормативные правовые акты в данной сфере.

В частности, следует обратить внимание на приказ ФСБ России от 7 августа 2017 г. № 454 «Об утверждении Правил пограничного режима», которым утверждены Правила пограничного режима. В частности, установлены следующие значимые аспекты:

1. При пребывании в пограничной зоне запрещается без разрешения начальника пограничного органа производить фото- и видеосъемку пограничных нарядов, знаков, инженерно-технических сооружений, других объектов пограничных органов, в т. ч. с использованием сверхлегких воздушных судов, беспилотных воздушных судов, безмоторных летательных аппаратов, не имеющих механического привода.
2. Запрещаются любые действия, связанные с повреждением, уничтожением и (или) порчей предупреждающих знаков, инженерно-технических сооружений, линий связи и коммуникаций, техники и вооружения, других объектов пограничных органов, а также какое-либо воздействие в отношении них.
3. Одновременно вводится ряд послаблений. Так, граждане могут вести работы на принадлежащих им участках в границах территории страны без получения дополнительных разрешений или уведомления пограничных органов. Прибрежное рыболовство в промышленных, научно-исследовательских и контрольных целях разрешается не только в светлое, но и в темное время суток. Это возможно при наличии исправных систем контроля, обеспечивающих передачу информации о местоположении судна.
4. Закреплено право коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока вести традиционные виды деятельности в местах их традиционного проживания без получения дополнительных разрешений.

Помимо ФСБ России, в деятельности по обеспечению пограничного режима также участвуют и другие уполномоченные субъекты.

Министерство иностранных дел Российской Федерации осуществляет деятельность, связанную с реализацией отдельных аспектов государственной пограничной политики. В частности, в полномочия данного федерального органа исполнительной власти входит осуществление деятельности по выдаче виз иностранным гражданам (на основании которых указанные граждане пересекают Государственную границу Российской Федерации), обеспечивают общую координацию и взаимодействие с другими субъектами, задействованными в обеспечении пограничного режима.

Федеральная таможенная служба Российской Федерации реализует ряд полномочий, связанных с обеспечением пограничного режима. Прежде всего, речь идет об осуществлении таможенного контроля. Следует признать особую роль таможенного контроля в системе обеспечения экономической и общественной безопасности государства. Данный фактор связан с сущностью самого института таможенного контроля, которая может быть отображена при условии постановки вопроса от обратного, а именно: отсутствие налаженного механизма организации и реализации таможенного контроля неминуемо приведет к ослаблению государственных позиций в сфере таможенного дела, возрастанию угроз экономического, правового и иного институционального характера. Иными словами, реализация мероприятий таможенного контроля – это обязательный элемент обеспечения безопасности соответствующих правоотношений, складывающихся в сфере таможенного регулирования. Отсутствие данного элемента, а равно недостаточная эффективность его реализации – это прямое условие к нивелированию существенной части таможенного контроля.

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации участвует в обеспечении пограничного режима. Свою деятельность указанный федеральный орган исполнительной власти осуществляет в соответствии с положениями Федерального закона от 3 июля 2016 г. №226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». Согласно п. 6 ч. 1 ст. 2 указанного нормативного правового акта,

¹ Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

² Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.

³ Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA; Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFW; Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 31-40. – EDN OMFOIU.

⁴ Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

⁵ Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFCJ.

Росгвардия обеспечивает оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации¹. Такое участие обеспечивается за счет осуществления мероприятий, начиная от консультирования по вопросам охраны Государственной границы Российской Федерации и оканчивая непосредственным участием в охранных мероприятиях (например, посредством выставления контрольно-пропускных пунктов, патрулирования и др.).

Министерство внутренних дел Российской Федерации также принимает участие в обеспечении пограничного режима. В данном случае следует говорить о ряде возможных форм такого участия. Прежде всего, МВД России осуществляет охрану общественного порядка и безопасности в условиях особых правовых режимов, в том числе, связанных с охраной Государственной границы. Также МВД России может выявлять отдельные виды правонарушений и преступлений, связанных с нарушением требований в области пограничного режима, реализовывать иные установленные законодательными и подзаконными нормативными правовыми актами полномочия.

Все перечисленные субъекты обеспечивают реализацию единой государственной пограничной политики. Ее содержание определено в соответствующем нормативном правовом акте, а именно в Указе Президента РФ от 25 апреля 2018 г. № 174 «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации». Данным актом утверждены Основы государственной пограничной политики Российской Федерации. В соответствии с Основами, государственная пограничная политика осуществляется на основе следующих принципов:

1. Взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности государств, нерушимость государственных границ;
2. Мирное разрешение пограничных вопросов;
3. Соблюдение международных обязательств, законности при осуществлении пограничной деятельности;
4. Приоритет национальных интересов в выстраивании межгосударственного пограничного сотрудничества;
5. Единство целей и задач государственной пограничной политики и последовательность действий по их реализации;
6. Адекватность мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности в пограничном пространстве.

Целью государственной пограничной политики является защита национальных интересов в пограничном пространстве.

Основными задачами государственной пограничной политики являются:

1. Своевременное выявление и нейтрализация угроз суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации;
2. Недопущение противоправного изменения прохождения государственной границы на местности;
3. Предотвращение возникновения вооруженных конфликтов и инцидентов на государственной границе;
4. Поддержание административно-правовых режимов, установленных на государственной границе и приграничной территории, и противодействие транснациональной организованной преступности;

5. Обеспечение безопасности российских граждан, государственных и общественных организаций, а также защита экономических и иных законных интересов Российской Федерации в пределах приграничной территории, исключительной экономической зоны, континентального шельфа Российской Федерации и других морских пространств, в которых Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию;

6. Защита территории Российской Федерации от трансграничного переноса возбудителей особо опасных заболеваний людей и животных, возбудителей болезней растений и иных вредных организмов.

Основными направлениями реализации государственной пограничной политики являются:

1. Дальнейшее развитие системы обеспечения национальной безопасности в пограничном пространстве, предусматривающее в том числе: актуализацию законодательства Российской Федерации о государственной границе; совершенствование форм и методов деятельности федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на защиту государственной границы; развитие системы защиты и охраны государственной границы; совершенствование системы управления силами и средствами, участвующими в пограничной деятельности;

2. Обустройство государственной границы;

3. Создание условий, способствующих социально-экономическому развитию приграничной территории;

4. Международно-правовое оформление государственной границы с сопредельными государствами и разграничение морских пространств;

5. Совершенствование межгосударственного пограничного сотрудничества и развитие взаимодействия пограничных структур государств - участников СНГ на внешних границах.

6. Таким образом, в складывающихся условиях особую актуальность приобретает вопрос об эффективности деятельности уполномоченных субъектов в сфере обеспечения пограничного режима.

Список литературы:

1. Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. - 2022. - № 2. - С. 179-183. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183 EDN: CNAKOE
2. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. - 2021. - № 5. - С. 8-11. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11 EDN: RLHBFK

¹ Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.

3. Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. - 2021. - № 2. - С. 14-19. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19 EDN: AOSFJA
4. Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2023. - № 11(316). - С. 104-109. EDN: LOXPXA
5. Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2023. - № 7(312). - С. 89-94. EDN: XRZGFW
6. Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. - 2021. - № 6(70). - С. 31-40. EDN: OMFOIU
7. Уголовное право. Особенная часть: Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. - 632 с. ISBN: 978-5-91837-015-5 EDN: QRUNFX
8. Уголовное право. Общая часть: учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. - 2-е издание, переработанное и до-полненное. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. - 424 с. ISBN: 978-5-91837-939-4 EDN: MVBFJC
9. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. - Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. - 202 с. ISBN: 978-5-6048482-9-6 EDN: CCFOMJ

References:

1. Utkin, N. I. Observance of law and order as a factor of support for citizens participating on a voluntary basis in the protection of the State border of the Russian Federation / N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of Economic Security. - 2022. - No. 2. - pp. 179-183. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183 EDN: CNAKOE
2. Greshnykh, A. A. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State power and local self-government. - 2021. - No. 5. - pp. 8-11. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11 EDN: RLHBFK
3. Greshnykh, A. A. The mechanism of legal regulation of regional public security in the North-West of Russia as a factor of ensuring national security / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 2. - pp. 14-19. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19 EDN: AOSFJA
4. Shenshin, V. M. Terrorism and counteraction to terrorism and extremism by the CSTO / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Y. Starostin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. - 2023. - № 11(316). - Pp. 104-109. EDN: LOXPXA
5. Shenshin, V. M. On the concept of extremist crimes and the participation of National Guard troops in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. - 2023. - № 7(312). - Pp. 89-94. EDN: XRZGFW
6. Shenshin, V. M. The place of the National Guard troops in the system of ensuring state and public security in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Military law. - 2021. - № 6(70). - Pp. 31-40. EDN: OMFOIU
7. Criminal law. Special part: A course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [and others]. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. - 632 p. ISBN: 978-5-91837-015-5 EDN: QRUNFX
8. Criminal law. General part: textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. - 2nd edition, revised and expanded. - Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - 424 p. ISBN: 978-5-91837-939-4 EDN: MVBFJC
9. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. - Belgorod: Epicenter Limited Liability Company, 2022. 202 p. ISBN: 978-5-6048482-9-6 EDN: CCFOMJ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА SIM-КАРТ В РОССИИ CURRENT ISSUES IN THE LEGAL REGULATION OF SIM CARD CIRCULATION IN RUSSIA

КОВАЛЕВ Сергей Дмитриевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: sdk-exce@rambler.ru;

KOVALEV Sergey Dmitrievich,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Special Equipment and Information Technologies at the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: sdk-exce@rambler.ru

Краткая аннотация: с развитием цифровых и информационных технологий, Россия, как и другие страны столкнулась с ростом телефонного и интернет-мошенничества. Количество граждан России пострадавших от телефонных мошенников растет год от года и на этом фоне особую актуальность приобретает проблема защиты граждан. В представленной научной статье приводятся основные новаций, в области правовых мер, регулирующих оборот SIM-карт. Их анализ позволил высказать предложения, что следует еще сделать, чтобы принятые правовые меры эффективно работали. Автором делается вывод о том, что только тесное взаимодействие государства и граждан, повышение уровня осведомленности населения о рисках, связанных с использованием незарегистрированных SIM-карт снизит спрос на серые SIM-карты и затруднит их распространение.

Abstract: with the development of digital and information technologies, Russia, like other countries, has faced an increase in telephone and internet fraud. The number of Russian citizens who have been victims of telephone fraud has been growing year by year, and this has made the issue of protecting citizens particularly relevant. This scientific article presents the main innovations in the field of legal measures that regulate the circulation of SIM cards. By analyzing these measures, we can make suggestions on what needs to be done to ensure that the legal measures are effective. The author concludes that only close cooperation between the government and citizens, as well as raising public awareness about the risks associated with using unregistered SIM cards, will reduce the demand for gray SIM cards and make their distribution more difficult.

Ключевые слова: телефонное мошенничество, SIM-карта, оператор связи, ФСИН России, законодательство, правовые меры.
Keywords: phone fraud, SIM card, telecom operator, Federal Penitentiary Service of Russia, legislation, and legal measures.

Для цитирования: Ковалев С.Д. Актуальные проблемы правового регулирования оборота SIM-карт в России // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 163-166. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_163.

For citation: Kovalev S.D. Current issues in the legal regulation of SIM-card circulation in Russia // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 163-166. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_163.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Бурное развитие цифровых и информационных технологий расширило возможности использования мобильных устройств, что обусловило их активное использование населением для удовлетворения различных социальных потребностей.

В свою очередь необходимо отметить, что эти процессы стали той питательной средой, которая дала преступникам новые криминальные возможности для телефонного мошенничества.

За последнее время наблюдается рост телефонного и интернет-мошенничества во многих странах мира в том числе и в России.

Телефонное мошенничество — это мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предполагающее целенаправленное воздействие преступника на эмоционально-волевую сторону жертвы посредством использования приемов социальной инженерии [6, с. 343].

И нельзя не согласиться с мнением Е. В. Зотиной о том, что основным криминологическим детерминантом телефонного мошенничества является информационная глобализация, способствующая распространению конфиденциальной информации в сети Интернет [8, с. 33].

В 2024 году по информации Центробанка, у россиян с банковских счетов мошенниками было украдено 27,5 млрд руб., что на 74,4% выше показателя 2023 года. Причем 9,76 млрд руб., что составляет большую часть средств, было украдено через приложения с банковских счетов напрямую (ЦБ зафиксировал рекордную сумму хищений у банковских клиентов в 2024 году. URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516>).

Выступая на Петербургском международном экономическом форуме, заместитель председателя правления Сбербанка Станислав Кузнецов отметил, что каждый день примерно 50–70 тыс. россиян, становятся жертвами телефонных мошенников переводя им свои деньги (В «Сбере» оценили в 50–70 тыс в день число жертв мошенников в России. URL: <https://www.rbc.ru/finances/19/06/2025/6853e7329a7947090b0e777d>).

В первом квартале 2025 года, по данным «Лаборатории Касперского», 43% россиян столкнулись с «традиционным» телефонным мошенничеством. Причем доля граждан, атакованных мошенниками в WhatsApp (принадлежит корпорации Meta, признана в России экстремистской

и запрещена), выросла в рекордные 3,5 раза (Резко выросла доля россиян, атакованных мошенниками в WhatsApp URL : <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/67fe810f9a79476052f33e95>).

Поскольку количество граждан России пострадавших от телефонных мошенников растет год от года, мы можем сделать вывод, что телефонное мошенничество стало социальной проблемой в России, а борьба с телефонным мошенничеством является актуальной задачей.

Необходимо отметить, что, жертвами телефонного мошенничества становятся различные категории граждан, а не только пожилые люди, как представляется многим. Это объясняется тем, что злоумышленники подбирают соответствующую стратегию обмана исходя из индивидуальных психологических качеств потенциальной телефонной жертвы [7. с.187].

Приведенная статистика подтверждает предостережение, прозвучавшее в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 о том, что быстрое развитие информационно-телекоммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан и общества [5].

На наш взгляд, рост инцидентов, связанных с телефонным мошенничеством, свидетельствуют о несовершенстве существующих законодательных механизмов.

В рамках данной статьи мы ставим цель провести анализ нововведений, в области правовых мер, направленных на борьбу с телефонным мошенничеством посредством регулирования оборота SIM-карт (идентификационных модулей абонента), которые появились за последнее время.

Телефонное мошенничество в России продолжает набирать обороты и одной из причин этого является доступность серых SIM-карт.

Серыми SIM-картами называют карты, оформленные не на их владельца.

Подчеркнем, серые SIM-карты стали представлять угрозу национальной безопасности и экономическому благополучию России. Их анонимность и бесконтрольное распространение создают идеальную среду для мошенничества, терроризма и других преступных деяний. На наш взгляд, борьба с серыми SIM-картами является не просто технической задачей, это вопрос защиты наших граждан, общества и государства.

В настоящее время, особенно настораживает тот факт, что на украинских сайтах продают оптом серые SIM-карты российских операторов, зарегистрированные на подставных лиц и которые могут использоваться для телефонных мошеннических и террористических операций на территории России. На украинских сайтах мы можем увидеть много объявлений о продаже оптом уже зарегистрированных SIM-карт крупнейших российских операторов. При условии оптовой покупке стоимость одной SIM-карты начинается от 150 гривен (300 рублей) (На украинских сайтах продают оптом российские сим-карты. URL: <https://www.ria.ru/20250418/svyaz-2011945403.html>).

Кроме этого, действующее законодательство позволяло мошенникам оформлять SIM-карты без ограничений на документы мигрантов, а иностранцам позволяло без паспорта на свои ID-карты заключать договора на мобильную связь.

Проблема телефонного мошенничества актуальна и для ФСИН России. В местах лишения свободы России любое использование сотовой связи незаконно. Запрет касается всех, кто находится на территории исправительного учреждения, а не только заключенных. Однако, несмотря на запреты, в тюрьмах, колониях и СИЗО продолжают изымать телефонные аппараты и SIM-карты. Используя телефоны, заключенные не только общаются с друзьями и родными, они занимаются противоправной деятельностью, обманным путем получают деньги с банковских карт граждан.

Таким образом, назрела острая необходимость ужесточить контроль за выдачей и регистрацией SIM-карт, внедрить современные технологии идентификации пользователей, активно выявлять и пресекать незаконную торговлю SIM-картами.

В этих целях глава государства подписал Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Федеральный закон принят Государственной Думой 30 июля 2024 года и одобрен Советом Федерации 2 августа 2024 года.

Как отмечается в пояснительной записке, депутаты Государственной думы считают, что новые нормы помогут снизить количество мошеннических действий с использованием серых SIM-карта.

С 1 января 2025 вступили в силу изменения в Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» [3], касающиеся ограничения количества SIM-карт на одного человека, а также контроля за договорами связи и проверки данных абонентов:

1) договор об оказании услуг связи с иностранным гражданином или лицом без гражданства осуществляется при предъявлении паспорта и при условии подтверждения достоверности сведений о лице посредством **Единой система идентификации и аутентификации (ЕСИА)** и Единой биометрической системы (ЕБС) (ч. 1 ст. 45.1 Федерального закона от 07.07.2003 N 126-ФЗ);

2) заключение договора об оказании услуг связи с иностранным гражданином или лицом без гражданства посредством информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" не допускается (ч. 2 ст. 45.1 Федерального закона от 07.07.2003 N 126-ФЗ).

3) перед началом оказания услуг связи оператор связи обязан проверять наличие и достоверность сведений о пользователе услугами связи (абз. 7 п. 1.1 ст. 44 Федерального закона от 07.07.2003 N 126-ФЗ);

4) договор об оказании услуг связи с иностранным гражданином или лицом без гражданства должен содержать сведения об идентификаторе (IMEI) пользовательского оборудования (телефона, планшета и т.д.), в котором будет использоваться SIM-карта. При установке SIM-карты в другое пользовательское оборудование услуги связи не оказываются до указания IMEI этого устройства в договоре (ч. 3 ст. 45.1 Федерального закона от 07.07.2003 N 126-ФЗ);

5) Иностранному гражданину или лицу без гражданства может быть выделено оператором связи не более 10 телефонных номеров (ч. 4 ст. 45.1 Федерального закона от 07.07.2003 N 126-ФЗ);

6) указанные ограничения в отношении иностранных граждан не распространяются на дипломатических работников и членов их семей, должностных лиц международных организаций (ч. 5 ст. 45.1 Федерального закона от 07.07.2003 N 126-ФЗ).

До 1 июля 2025 г. операторы связи обязаны привести ранее заключенные договоры с иностранными гражданами и лицами без гражданства в соответствие с новыми правилами или прекратить оказание услуг связи по таким договорам (ч. 7 ст. 5 Федерального закона от 08.08.2024 N 303-ФЗ).

С 1 января 2025 г. вводится запрет на анонимную оплату телефонного номера наличными средствами. Оплата услуг связи посредством наличных расчетов с использованием платежных терминалов не допускается, за исключением случаев использования платежных терминалов, специально оборудованных для оплаты таких услуг и соответствующих требованиям, установленным Правительством Российской Федерации.

Оплата телефонного номера должна осуществляться только при предоставлении паспорта или с использованием ЕСИА в банках, отделениях Почты России и иных определенных Правительством РФ организациях (п. 7 ст. 54 Федерального закона от 07.07.2003 N 126-ФЗ).

С 1 апреля 2025 года вступили в силу новые правила продажи SIM-карт российским гражданам, в соответствии с которыми заключение договоров об оказании услуг связи возможно с использованием ЕСИА и ЕБС, с идентификацией через Единый портал государственных услуг (ЕПГУ), либо при очном подтверждении личности в многофункциональном центре (МФЦ), отделениях Почты России, банках, а также офисах оператора, соответствующих требованиям, установленным Правительством Российской Федерации.

Оказание услуг связи будет возможно только после подтверждения достоверности сведений о гражданине (абз. 2 п. 6 ст. 44 Федерального закона от 07.07.2003 N 126-ФЗ);

Гражданину России может быть выделено не более 20 телефонных номеров (абз. 8 п. 6 ст. 44 Федерального закона от 07.07.2003 N 126-ФЗ). Правительство РФ вправе определять случаи и порядок приобретения большого количества телефонных номеров.

Корпоративные/служебные номера предоставляются только работникам организации (распространяется как на граждан России, так и на иностранных граждан и лиц без гражданства).

Операторы связи обязаны до 1 апреля 2025 года проверить сведения об абонентах – гражданах Российской Федерации и корпоративных пользователях, а также осуществить проверку сведений о количестве абонентских номеров, выделенных им операторами связи (ч. 8 ст. 5 Федерального закона от 08.08.2024 N 303-ФЗ). В случае, не исполнения до 1 ноября 2025 года вышеперечисленных обязанностей, операторы связи не вправе оказывать в отношении данных абонентских номеров услуги связи.

Кроме того, с 1 апреля 2025 года:

1) при покупке сим-карты граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства будут уведомлены об этом на ЕПГУ и смс-сообщением;

2) в личном кабинете гражданина России, иностранного гражданина или лица без гражданства на ЕПГУ будут отображаться все зарегистрированные на него телефонные номера. При этом лицо сможет отказаться от телефонного номера на ЕПГУ.

На период до 2030 года Правительство Российской Федерации вправе установить особенности применения новых правил продажи SIM-карт в новых субъектах Российской Федерации, а также в приграничных регионах (ч. 9 ст. 5 Федерального закона от 08.08.2024 N 303-ФЗ).

На наш взгляд эффективность закона будет зависеть от того, как строго Роскомнадзор от имени государства станет следить за его соблюдением, в частности наложением штрафов на операторов связи за его нарушение.

Так например, если Роскомнадзор выявит факты того, что оператор связи не заблокировал SIM-карты неустановленных абонентов, то ему будет грозить привлечение к ответственности по ст. 13.29 КоАП [1]. По этой статье для юрлиц предусмотрен штраф от 9 тыс. до 500 тыс. руб. Для крупнейших телекоммуникационных операторов «Ростелеком», «Мегафон», «Мобильные телесистемы» и «Вымпелком» имеющих выручку в сотнях млрд. рублей размер таких штрафов не существен. Мы считаем, что размер штрафа должен быть увеличен кратно.

Здесь следует сказать, что Роскомнадзору, для эффективного осуществления контроля за соблюдением вышеназванного закона необходимы специальные технологические инструменты.

Первым среди них стала единая платформа верификации телефонных вызовов «Антифрод», запущенная в России в декабре 2022 года. Она запущена в российских сотовых сетях Главным радиочастотным центром, который подчиняется Роскомнадзору. Система должна обеспечить защиту от телефонных мошенников путем выявления подменных номеров. Ее работа заключается в анализе телефонных номеров и уникальные коды идентификации абонентов, звонящих и отправляющих сообщения. В дальнейшем она составляет базу подменных номеров и блокирует их.

Следующим можно назвать государственную информационную систему противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, которая была создана с принятием Федерального закона от 1 апреля 2025 N 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. В государственной информационной системе противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, хранится информация о лицах, совершивших противоправные действия с использованием сети связи общего пользования, в том числе ин-

формации об абонентских номерах, используемых в целях совершения противоправных действий с использованием сети связи общего пользования, полученная в порядке, установленном Правительством Российской Федерации по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности, информации.

Еще один технологический инструмент контроля появится у Роскомнадзора с 1 января 2026 года. Роскомнадзор сможет проводить мониторинг того, как операторы связи выполняют обязанности по проверке сведений об абонентах. Для этого создается Государственная информационная система контроля состояния идентификационных модулей.

Наконец, в контексте рассматриваемого вопроса следует рассмотреть предложение, высказанное М.В. Мамонтовым и И.А. Масловым о том, что для иностранцев необходимо предусмотреть возможность заключения только срочных договоров оказания услуг подвижной радиотелефонной связи на период их пребывания в Российской Федерации [9, с. 21].

Отметим, что во время одного из выступлений Президент РФ В. Путин обратил внимание на то, что "цифровизация общественной и личной жизни требует надежной защиты интересов и гражданина, и государства в целом" (Конференция «Вперед в будущее: роль и место России». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53231>).

Безусловно, государство обязано совершенствовать существующие законодательные механизмы в области борьбы с телефонным мошенничеством, что оно и делает, о чем свидетельствует принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 303. Однако это не означает, что только государство должно решать указанные проблемы. Психологический анализ телефонных разговоров мошенников показал, что схемы манипулирования отличаются в зависимости от уровня грамотности граждан [10, с.294]. Таки образом только тесное взаимодействие государства и граждан, повышение осведомленности населения, объясняющее риски, связанные с использованием незарегистрированных SIM-карт, позволит снизить спрос на серые SIM-карты и затруднит их распространение.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195 - ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 07 июля 2003 №126-ФЗ «О связи» // СПС «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон от 1 апреля 2025 N 41-ФЗ "О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «Консультант Плюс».
6. Демидов-Петрова Е.В., Зотина Е.В. Телефонное мошенничество: современные угрозы и вызовы // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 4. С. 341–348.
7. Забелкин М.В. Криминологические аспекты телефонного мошенничества // Молодой ученый. 2024. № 43 (542). С. 186-188.
8. Зотина Е. В. Криминологические детерминанты телефонного мошенничества, совершаемого с использованием приемов социальной инженерии // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8. № 1 (15). С. 31–35.
9. Мамонтов М.В., Маслов И.А. Некоторые вопросы совершенствования правового регулирования в сфере реализации идентификационных модулей абонентов (Sim-карт) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 6 (23). С. 17–23.
10. Костина Л. Н. Необходимость применения комплексного подхода в противодействии телефонному мошенничеству // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 289–295.

References:

1. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 195-FZ // SPS Consultant Plus.
2. Federal Law No. 303-FZ dated August 8, 2024, "On Amendments to the Federal Law on Communications and Certain Legislative Acts of the Russian Federation".
3. Federal Law No. 126-FZ dated July 7, 2003, "On Communications" // SPS Consultant Plus // SPS Consultant Plus.
4. Federal Law No. 41-FZ dated April 1, 2025, "On the Creation of a State Information System for Countering Offenses Committed Using Information and Communication Technologies, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
5. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 // SPS Consultant Plus.
6. Demidov-Petrova E.V., Zotina E.V. Telephone Fraud: Modern Threats and Challenges // All-Russian Journal of Criminology. 2024. Vol. 18, No. 4. Pp. 341–348.
7. Zabelkin M.V. Criminological Aspects of Telephone Fraud // Young Scientist. 2024. No. 43 (542). Pp. 186-188.
8. Zotina E. V. Criminological Determinants of Telephone Fraud Committed Using Social Engineering Techniques // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 8. No. 1 (15). Pp. 31–35.
9. Mamontov M.V., Maslov I.A. Some Issues of Improving Legal Regulation in the Field of Implementing Subscriber Identification Modules (Sim-Cards) // Tavrichesky Scientific Observer. 2017. No. 6 (23). Pp. 17–23.
10. Kostina L. N. The need for an integrated approach in countering telephone fraud // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 7. Pp. 289–295.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUSTICE SYSTEM

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

САПОЖНИКОВА Маргарита Александровна,

ассистент кафедры правоведения

Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 3-я Красноармейская ул., 3/6.

E-mail: m.sapozhnikova26@gmail.com;

NAZAROVA Irina Sergeevna,

Professor of the Department of State and Legal Disciplines at the Scientific Research Center

Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation,

Candidate of Law, Associate Professor.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

E-mail: irina-nazarova@inbox.ru ;

SAPOZHNIKOVA Margarita A.,

Assistant Professor of the Department of Law

St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.

3/6 3rd Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia.

E-mail: m.sapozhnikova26@gmail.com

Краткая аннотация: В настоящем исследовании авторы предпринимают попытку осмысления необходимости внедрения искусственного интеллекта в российскую систему правосудия. Делается акцент на том, что Верховный Суд Российской Федерации делает ставку на развитие ИИ в некоторых компонентах работы судьи, при этом сам ИИ деятельность судей полностью заменить не может. Акцентируется внимание на глубоком анализе внедрения ИИ на каждой стадии судебного процесса.

Abstract: In this study, the author attempts to understand the need to introduce artificial intelligence into the Russian justice system. It is noted that the Supreme Court of the Russian Federation relies on the development of AI in some components of the judge's work, while AI itself cannot completely replace the activity of judges. Attention is focused on an in-depth analysis of the implementation of AI at each stage of the judicial process.

Ключевые слова: правоприменение; искусственный интеллект; правосудие; судебная система; права и свободы; гражданин.

Keywords: law enforcement; artificial intelligence; justice; judicial system; rights and freedoms; citizen.

Для цитирования: Назарова И.С., Сапожникова М.А. Искусственный интеллект в системе правосудия // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 167-171. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_167.

For citation: Nazarova I.S., Sapozhnikova M.A. Artificial intelligence in the justice system // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 167-171. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_167.

Статья поступила в редакцию: 18.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В одном из своих интервью основатель и генеральный директор китайской компании Huawei Жэнь Чжэнфэй заявил, что искусственный интеллект (ИИ), вероятно, станет последней технологической революцией человечества.

Приобретенный на сегодняшний день масштаб и последствия развития ИИ отличаются от всех предыдущих этапов развития человечества. Если раньше технологии усиливали человеческий труд, то теперь речь идет о замещении самого интеллекта и делегировании дальнейшего прогресса уже не человеку, а машинам.

Кстати, Стивен Хокинг еще в 2014 году раскритиковал граничащее с капитулянтством широко распространенное безразличие относительно проблемы ИИ. «Успех в создании искусственного интеллекта, - сказал он, - был бы величайшим достижением в истории человечества, но, к сожалению, он также может стать последним»¹.

Выбор человечеством приоритета развития ИИ во многих сферах своей жизнедеятельности накладывает определенный отпечаток на внедрение ИИ во многие человеческие процессы. Одним из наиболее проблемных аспектов применения ИИ становится его внедрение в систему правосудия.

Цифровизация как деятельности государства в современной России уделяется пристанное внимание. Рассматриваемая государственная деятельность ежегодно показывает все большее развитие². О проблематике возможных направлений внедрения технологий ИИ в правосудие пишут давно и много³.

¹ <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html?ysclid=mbthhd8o90764565089>

² Попков, Д. В. О цифровизации государственного управления / Д. В. Попков, В. М. Шеншин // *Аграрное и земельное право*. – 2024. – № 11(239). – С. 125-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_125. – EDN CJCVCBU.

³ Незнамов, А. В. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в правосудие / А. В. Незнамов // *Информационное право*. – 2022. – № 1. – С. 26-30. – DOI 10.55291/1999-480X-2022-1-26-30. – EDN OEQUUG; Спицин, И. Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты

Юридически понятие «искусственный интеллект» впервые было сформулировано на подзаконном уровне Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», впоследствии терминологию мы можем увидеть в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ. Под ним понимают комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. При этом отдельно отмечается, что имитация включает самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма. Важно обратить внимание на то, что определение в полной мере охватывает доступные на данный момент виды ИИ в широком понимании: ИИ, работающий на основе заранее определенных задач (имеющихся знаний), и ИИ, работающий автономно, то есть технология, которая для выполнения задач может потенциально полностью заменить человека.

Без помощи ИИ человечеству уже не справиться с обработкой накопленной цифровой информации. А она достигла масштабов, аналогичных биологической информации в биосфере (включая содержащуюся в геномах всех людей). С 1980-х годов объем хранящейся цифровой информации удваивался примерно каждые 2,5 года.

Уже сейчас ИИ способен осуществлять действия, ведущие к множеству социально и юридически значимых результатов, может изменять эмоциональную динамику межличностного взаимодействия, развивать зависимость от использования приложений, которые предлагают нереальный, но приносящий удовлетворение опыт, и, заменяя человеческий труд, резко увеличивать социально-экономические разрывы.

Технологии повсеместно проникают в сферу юриспруденции. Разрабатываются платформы и иные цифровые инструменты, которые облегчают профессиональную деятельность за счет выполнения рутинных задач. Это автоматизация типовых юридических услуг и онлайн-сервисы для клиентов с ботами; частичный переход правосудия в онлайн-сферу и разработка типовых решений на основе ИИ, включая конструкторы документов; сервисы проверки контрагента и системы поиска судебной практики, а также иной правовой информации.

В науке поднимался вопрос о возможности применения механизмов ИИ в правосудии, а именно возможности использования решений ИИ в подготовке принятия судебных решений¹.

Некоторое время назад прошла информация о том, что дела о разводах хотят отдать ИИ. Планировалось, что в Госдуму могут внести законопроект, который узаконит использование ИИ в судопроизводстве. Технологию на первом этапе могут допустить к оформлению наиболее простых документов – судебных приказов, но уже есть перспективы использования ИИ в делах, которые носят массовый характер, например, бракоразводных процессах, взыскании платы за ЖКУ, задолженностей по кредитам.

Нагрузка на российских судей постоянно растет: за десять лет количество рассматриваемых дел утроилось, с 14 миллионов в 2014-м до 42 миллионов в 2024 году. По статистике, почти треть рабочего времени судья проводит за изучением материалов дела, а две трети уходит у него на написание и проверку текста решения.

В некоторых случаях исследователи упоминают, что приказное производство с позиций возможности может выступать в качестве «пилотного» проекта, в рамках которого возможно осуществить оценку специфики применения ИИ при осуществлении правосудия².

Так, в трети российских регионов проходит эксперимент по автоматизации так называемых бесспорных дел, или приказного производства. Судебный приказ используют, когда между сторонами нет спора о праве и размер долга не превышает определенную пороговую сумму по закону. ИИ вполне может готовить судебные приказы, что подтвердили эксперименты, поэтому в ближайшее время могут «предусмотреть в процессуальном кодексе механизм автоматического формирования судебного приказа при подаче заявления в суд в электронной форме». Совет судей РФ при этом готов выступить с инициативой о внесении соответствующих изменений в законодательство. Это будет первый опыт признания ИИ в судебной системе.

Суды общей юрисдикции, включая мировых судей, и арбитражные суды в 2023 году только по первой инстанции окончили производство в отношении 39 миллионов дел. В административном судопроизводстве количество дел увеличилось втрое, их число составило 1,3 миллиона. Самый высокий рост, почти в четыре раза, приходится на дела о взыскании налогов и сборов: больше полутора миллионов в первом квартале 2024 года.

Поэтому цифровизация правосудия в судах общей юрисдикции и мировых судах является первоочередной задачей. В то же время замена судьи на «машину» не только невозможна, но и опасна. Этого, конечно, не будет, но современные технологии должны стать помощником судьи». В числе этих технологий вполне возможно и использование систем с ИИ.

Такие системы уже помогают принимать решения врачам, но постановка диагноза, выбор лечения и ответственность остаются за живым специалистом. В медицине ИИ используют в рамках экспериментального правового режима, который позволяет безопасно обкатать технологии без нарушения закона, – такой же правовой режим могут установить и для судопроизводства с использованием цифровых технологий.

Цифровые платформы для электронного судопроизводства уже есть: это ГАС «Правосудие», системы «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов» и другие. В 2024 году полноценно заработал суперсервис «Правосудие-онлайн».

правовой регламентации (постановка проблемы) / И. Н. Спичин, И. Н. Тарасов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 8(117). – С. 96-107. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107. – EDN FGNNXX; Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (начало) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 73-77. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_73. – EDN FMBZZG; Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (окончание) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234). – С. 40-44. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_6_40. – EDN QHWUBR.

¹ Козырева, А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в правосудии / А. А. Козырева, Т. В. Пирожкова // Администратор суда. – 2021. – № 2. – С. 12-16. – DOI 10.18572/2072-3636-2021-2-12-16. – EDN WNBNG.

² Левицкая, Е. А. Перспективы внедрения искусственного интеллекта при осуществлении правосудия / Е. А. Левицкая, Т. А. Пасикова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 7(122). – С. 65-67. – EDN MISKQF.

Государственная автоматизированная система «Правосудие» позволяет россиянам подавать судебные иски онлайн. Этой возможностью, по данным Минцифры России, например, в 2023 году воспользовались 30 тысяч раз.

Полностью электронного правосудия в России пока нет ни по одному виду делопроизводства, некоторые документы, существующие в электронном виде, дублируют на бумаге. Но особенно остро, стоит вопрос об электронном информировании людей об участии в судебном процессе. Сейчас повестку можно направлять через портал государственных услуг, если человек дал на это согласие, но если он не открыл уведомление на сайте, то документ не считается полученным¹.

Председатель Верховного Суда РФ, И. Подносова, выступая на Форуме председателей Верховных судов стран БРИКС, сделала акцент на том, что «Следует выделить дальнейшую цифровизацию и внедрение элементов ИИ в процесс судопроизводства, оптимизацию судебной нагрузки, реализацию процедур альтернативного разрешения споров, совершенствование судостроительства и судопроизводства»².

Российская судебная система будет искать точки роста в применении цифровых технологий и использовании ИИ в судопроизводстве, что приведет к ускорению рассмотрения дел и снижению волокиты, считает И. Подносова³.

Российское правоприменение не может быть закрытым от инноваций, а судебные системы в конструктивном диалоге должны обращать внимание на достижения добрососедских стран, делаясь с ними своим опытом и перспективными наработками, считает глава высшей инстанции.

Глава Верховного Суда РФ отметила, что «Следует выделить дальнейшую цифровизацию и внедрение элементов искусственного интеллекта в процесс судопроизводства, оптимизацию судебной нагрузки, реализацию процедур альтернативного разрешения споров, совершенствование судостроительства и судопроизводства».

Исследуя уже довольно обширную зарубежную практику применения ИИ в судопроизводстве, следует отметить, что, к примеру, в США впервые в истории жертва убийства «воскресла» с помощью ИИ, чтобы выступить в ходе судебного заседания.

На процессе по делу о собственном убийстве в Аризоне был показан видеофрагмент с цифровым аватаром Кристофера Пелки, погибшего в 2021 году в результате дорожного конфликта.

Его голос и внешность воссоздали с использованием нейросетевых моделей. Судья отметил, что видео произвело на него сильное впечатление, в результате суд отказался смягчить наказание, и убийце был вынесен максимальный приговор.

Применение ИИ в этом деле не вызвало споров. В Аризоне действует «Билль о правах жертв», позволяющий родственникам выбирать форму подачи заявлений. Важно, что видео было снабжено явным предупреждением о его цифровой природе, и никто не пытался выдать его за настоящее обращение погибшего.

Верховный суд РФ не видит препятствий для применения ИИ при назначении обвиняемым наказания: роботизированные системы могут напоминать судьям обо всех изменениях законодательства, актуальных правовых тенденциях и позициях Пленума ВС РФ по назначению наказания и тем самым снизить количество ошибок при вынесении приговора, заявил судья Верховного суда РФ О. Зателепин. При этом он отметил, что ИИ может выступать исключительно в качестве советника или помощника для судьи, но не самостоятельного субъекта – последнее слово всегда должно оставаться за человеком. «Дело в том, что в нашей практике назначения наказания применяется очень большое количество формальных правил, которые сформулированы и в уголовном законе, и в постановлениях Пленума Верховного суда РФ. Применительно к назначению наказания в России в постановлениях Пленума сформулировано свыше 300 правовых позиций.

Поэтому, если суммировать это с нормативными положениями, получается достаточно большое количество правил, которые судья должен учитывать и постоянно держать в голове. Это очень тяжело. Если бы в этой части ИИ пришел бы на помощь и подключался бы, то это, безусловно, помогало. Но последнее слово все равно должно оставаться и будет оставаться за судьей, который с учетом всех необходимых обстоятельств будет учитывать и назначать наказание».

И. Подносова высказала мысль о том, что ИИ облегчит работу судьям при принятии бесспорных решений. Применение судьями возможностей ИИ облегчит их работу, но оно возможно лишь при принятии бесспорных решений, то есть не требующих анализа позиций сторон.

«В последние годы активно обсуждается тема внедрения элементов ИИ в работу судей. Полагаю, что дискуссия на эту тему имеет не только прикладной, но и этический аспект. Автоматизированное правосудие способно существенно облегчить работу судей и работников аппаратов судов, но применение его возможно только по бесспорным вопросам, когда работа судьи не связана с анализом правоотношений сторон и носит технический характер».

Кроме того, Председатель Верховного Суда РФ подчеркнула, что на современном этапе цифрового развития остро стоит вопрос обеспечения кибербезопасности в судебной системе, поскольку увеличение роли и количества электронных сервисов в судопроизводстве несет также дополнительные требования к системам безопасности.

Заместитель генерального директора Судебного департамента при Верховном суде РФ А. Ибрагимов отметил, что: «Цифровая трансформация судебных систем невозможна без внедрения передовых технологий. Мы должны активно использовать возможности искусственного интеллекта, блокчейна и других инновационных решений для повышения эффективности и безопасности наших систем».

Заместитель генерального директора Судебного департамента при Верховном суде РФ Е. Игнащенко отметил: «Мы должны перейти

¹ <https://www.pnp.ru/social/na-pomoshh-mirovym-sudyam-mogut-priyti-sistemy-iskusstvennogo-intellekta.html>

² <https://pravo.ru/news/253616/>

³ http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/166985/

от электронных документов к знаниям, к экономике знаний. То есть сейчас у нас есть электронный документооборот, в судах есть электронные документы в формате Word или PDF, а нам необходимо перейти от этих документов к структурированным данным, к знаниям. И вот как раз задача искусственного интеллекта – из потока входящих в суд документов, исковых заявлений, каких-то дополнительных материалов, вычленять структурированные данные». По его словам, это одна из важнейших задач. При этом необходимо создать цифровую модель судебного дела, в которой будет закодирована вся суть судебного разбирательства.

«В уголовных делах карточка дела очень большая, в гражданских поменьше, но это «шкаф» с ограниченным количеством «полок». Цифровая модель судебного дела – это шкаф, но только с динамическим количеством «полок», куда нужно будет загружать не только конкретные поля данных, но и обстоятельства дела, юридические факты, требования».

Вторую задачу ИИ – составление промежуточных и итоговых судебных актов – можно реализовать посредством мировой юстиции, где категории несложные и их количество ограничено.

Говоря о ближайших перспективах цифровизации судопроизводства, Е. Игнащенко обратил внимание на проблему аудиопроколирования. Системы искусственного распознавания речи для формирования судебного протокола не позволяют корректно идентифицировать реплики во время особо «горячих» заседаний, а смена звукозаписывающих устройств и модулей распознавания речи не помогает достичь 100 процентов точности.

«Как только в процессе начинается некоторая перепалка, какое-то возбуждение, начинаются проблемы с идентификацией, кто что сказал. Модули выдают текст неразмеченный, по которому секретарю судебного заседания легче просто с нуля по своим заметкам что-то написать. А эти системы потребляют очень существенные ресурсы техники, серверов».

Нельзя рассуждать о правовых последствиях внедрения ИИ в суде в отрыве от технологических аспектов. Можно допустить несколько вариантов технологических моделей работы судебного ИИ, которые будут работать по принципу нейронной сети чат-бота: электронная анкета дела — судебный чат-бот — машинное решение.

Для корректной работы ИИ потребуется формировать электронную анкету дела, которая в автоматическом режиме будет предварительно проверяться (верифицироваться) на предмет ее достоверности по принципу «формулы логического контроля»: соответствие наименования сторон сведениям ЕГРЮЛ/ЕГРИП, статус правоспособности юридического лица, зачисление госпошлины в федеральный бюджет и подобное.

Действующее российское процессуальное законодательство допускает две формы итогового судебного акта: в электронном виде и на бумажном носителе. Вариативность продиктована техническими возможностями соответствующего суда и используемыми информационными платформами.

Цифровизация судебного делопроизводства путем внедрения ИИ требует переоценки подходов к электронной подписи. Так, в силу ст. 2 и п. ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» владельцем сертификата ключа проверки ЭП могут выступать физические либо юридические лица, то есть владельцем не может быть искусственный интеллект. Поскольку положения российского законодательства и применяемые на современном этапе информационные технологии свидетельствуют о широком распространении и полномочном применении электронного документа в цифровом пространстве, судебный акт ИИ должен изготавливаться в виде электронного документа, подписанного УКЭП, чьим владельцем может быть конкретный суд, от имени которого выносится решение и который администрирует работу соответствующего судебного искусственного интеллекта.

Вне зависимости от выбора ранее указанной технологической модели работы ИИ, судебный акт будет выноситься на основе той информации, к которой будет доступ у судебного ИИ. Соответственно, при обработке информации из судебного облака (judicial cloud), данные которого санкционируются ВС РФ или Судебным департаментом при ВС РФ, во всех случаях, в том числе при ее повторной обработке, будет одинаковое машинное решение.

Юридический парадокс заключается в том, что технологически судебный ИИ может выдать одно решение и его пересмотреть невозможно, поскольку иное машинное решение принято не будет. Только изменение законодательства в отдельных случаях может повлиять на судьбу принимаемого машинного решения по конкретному спору. Вместе с тем мы должны учитывать, что судами применяются лишь те нормы материального права, которые действовали в момент возникновения спорных правоотношений.

Внедрение ИИ в правосудие позволит обозначать все итоговые юридически значимые судебные акты одной дефиницией, например «судебный акт», «машинное решение» или e-decision. В этом случае отпадает практическая необходимость в дифференциации названий судебных актов в зависимости от вида и типа судопроизводства и судебной инстанции (приказное производство, упрощенный либо общий порядок; первая, апелляционная, кассационная либо надзорная инстанции и другие).

Целесообразно также установить процессуальный срок на обжалования машинного решения. Видится, что не все судебные акты в обязательном порядке могут быть обжалованы. К примеру, отсутствует целесообразность обжаловать судебные акты, вынесенные по результату рассмотрения заявления о включении в реестр требования кредиторов на основе просуженного долга и вступившего в законную силу судебного акта.

Вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ Е. Авакян считает, что «Внедрение искусственного интеллекта в судопроизводство необходимо производить предельно аккуратно и только после того, как технологию испытают в других менее критичных к ошибкам сферах».

«Внедрение технологии искусственного интеллекта как аналитического аппарата, внедрение технологии искусственного интеллекта

как технологии, помогающей анализировать данные, анализировать доказательства, анализировать большие объемы данных, проводить экспертизы – да. Но как метода принимающего решения, как нечто, что будет замещать человеческое судопроизводство, я всегда буду голосовать против», – отметила Е. Авакян.

По ее словам, внедрение современных технологий лишает человечество права выносить суждение о себе самом, что приводит к проигрышу видовой конкуренции. В связи с этим применение ИИ должно быть аккуратным.

Таким образом, верховенство права состоит в том, что человек осуществляет правосудие, и никакая машина никогда не должна заменить человека в этом сакральном процессе. Современные технологии активно внедряются в юридическую отрасль, меняя традиционные подходы к работе юристов. И хотя сейчас цифровизация несет ряд вызовов для всей системы юстиции, цифровые инструменты не способны заменить человеческий фактор в принятии правовых решений. Применение цифровых инструментов и ИИ позволит вывести отрасль на новый уровень за счёт автоматизации рутинной работы и решения проблем, недоступных человеческому сознанию. Законодательная база для регулирования цифровых технологий в судопроизводстве должна своевременно обновляться для снижения современных технологических рисков. Такое обновление избавит от растущих рисков технических сбоев, ошибок программного обеспечения и кибератак.

Список литературы:

1. http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/166985.
2. <https://pravo.ru/news/253616>.
3. <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html?ysclid=mbthd8o90764565089>.
4. <https://www.pnp.ru/social/na-pomoshh-mirovym-sudyam-mogut-priyti-sistemy-iskusstvennogo-intellekta.html>.
5. Козырева, А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в правосудии / А. А. Козырева, Т. В. Пирожкова // Администратор суда. - 2021. - № 2. - С. 12-16. DOI: 10.18572/2072-3636-2021-2-12-16 EDN: WNBNG
6. Левицкая, Е. А. Перспективы внедрения искусственного интеллекта при осуществлении правосудия / Е. А. Левицкая, Т. А. Пасикова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2020. - № 7(122). - С. 65-67. EDN: MISKQF
7. Незнамов, А. В. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в правосудие / А. В. Незнамов // Информационное право. - 2022. - № 1. - С. 26-30. DOI: 10.55291/1999-480X-2022-1-26-30 EDN: OEAQUG
8. Попков, Д. В. О цифровизации государственного управления / Д. В. Попков, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 11(239). - С. 125-130. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_125 EDN: CJCVCBU
9. Спитин, И. Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) / И. Н. Спитин, И. Н. Тарасов // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - Т. 15, № 8(117). - С. 96-107. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107 EDN: FGNNXX
10. Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (начало) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 5(233). - С. 73-77. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_73 EDN: FMBZZG
11. Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (окончание) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 6(234). - С. 40-44. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_40 EDN: QHWUBR

References:

1. http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/166985.
2. <https://pravo.ru/news/253616>.
3. <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html?ysclid=mbthd8o90764565089>.
4. <https://www.pnp.ru/social/na-pomoshh-mirovym-sudyam-mogut-priyti-sistemy-iskusstvennogo-intellekta.html>.
5. Kozyreva, A. A. Application of artificial intelligence technologies in justice / A. A. Kozyreva, T. V. Pirozhkova // Court administrator. - 2021. - No. 2. - pp. 12-16. DOI: 10.18572/2072-3636-2021-2-12-16 EDN: WNBNG
6. Levitskaya, E. A. Prospects for the introduction of artificial intelligence in the administration of justice / E. A. Levitskaya, T. A. Pasikova // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. - 2020. - No. 7(122). - Pp. 65-67. EDN: MISKQF
7. Neznamov, A.V. Prospects for the introduction of artificial intelligence technologies in justice / A.V. Neznamov // Information law. - 2022. - No. 1. - pp. 26-30. DOI: 10.55291/1999-480X-2022-1-26-30 EDN: OEAQUG
8. Popkov, D. V. On the digitalization of public administration / D. V. Popkov, V. M. Shenshin // Agrarian and Land law. - 2024. - No. 11(239). - Pp. 125-130. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_125 EDN: CJCVCBU
9. Spitsin, I. N. The use of artificial intelligence in the administration of justice: theoretical aspects of legal regulation (problem statement) / I. N. Spitsin, I. N. Tarasov // Actual problems of Russian law. - 2020. - Vol. 15, No. 8(117). - pp. 96-107. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107 EDN: FGNNXX
10. Shenshin, V. M. Artificial intelligence in the field of jurisprudence in the era of digitalization (the beginning) / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Agrarian and land law. - 2024. - No. 5(233). - Pp. 73-77. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_73 EDN: FMBZZG
11. Shenshin, V. M. Artificial intelligence in the field of jurisprudence in the era of digitalization (graduation) / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Agrarian and land law. - 2024. - No. 6(234). - Pp. 40-44. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_40 EDN: QHWUBR

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_172

УДК 349.4

АГРАРНО-ЗЕМЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КОНГО (БРАЗЗАВИЛЬ) КАК ФАКТОР ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА AGRICULTURAL AND LAND LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF THE CONGO (BRAZZAVILLE) AS A FACTOR OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS IN AGRICULTURE

НГАТЕЙО АКОНИ Шани Павел,старший преподаватель кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ».

308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: ondonpavel@mail.ru;

NGATHEYO AKONY Chany Pavel,

Senior Lecturer of the Department of Constitutional and International Law

of the Law Institute of the National Research University "Belgorod State University".

85, Pobedy St., Belgorod, Belgorod region, Russia, 308015.

E-mail: ondonpavel@mail.ru

Краткая аннотация. В статье анализируется современное состояние аграрного и земельного законодательства Республики Конго в контексте необходимости обеспечения продовольственной безопасности и привлечения инвестиций в сельское хозяйство. Рассматриваются ключевые нормативные акты, регулирующие порядок использования земельных ресурсов, включая государственное и обычное право, а также различные формы прав на землю. Особое внимание уделяется механизмам правового обеспечения инвестиций в аграрный сектор и взаимодействию с традиционными формами землепользования. Отдельно затрагивается потенциал международного сотрудничества, в том числе российско-конголезских проектов, в контексте модернизации сельского хозяйства. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства с целью формирования устойчивой и сбалансированной системы управления земельными ресурсами.

Abstract. This article examines the current state of agricultural and land legislation in the Republic of the Congo in the context of food security challenges and the need to attract investment in the agricultural sector. It provides an overview of key legal instruments governing land use, including state and customary law, and analyzes the various legal forms of land tenure. Special attention is given to the legal mechanisms supporting agricultural investment and the interaction between formal and traditional land use systems. The article also highlights the potential of international cooperation, particularly Russian-Congolese projects, in facilitating agricultural modernization. The study concludes with recommendations for legislative improvements to ensure sustainable and balanced land resource management.

Ключевые слова: Республика Конго; аграрное право; земельное законодательство; сельское хозяйство; правовой режим земли; инвестиции; традиционное землепользование; продовольственная безопасность; правовое регулирование; международное сотрудничество.

Keywords: Republic of the Congo; agricultural law; land legislation; agriculture; land tenure; investment; customary land use; food security; legal regulation; international cooperation.

Для цитирования: Нгатеё А. Ш. П. Аграрно-земельное законодательство Республики Конго (Браззавиль) как фактор инвестиционной привлекательности сельского хозяйства // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 172-174. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_172.

For citation: Ngatheyo A.Ch.P. Agricultural and land legislation of the Republic of the Congo (Brazzaville) as a factor of investment attractiveness in agriculture // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 172-174. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_172.

Статья поступила в редакцию: 17.06.2025**Дата публикации: 31.07.2025**

Республика Конго, располагающая территорией около 342 000 км², обладает значительным аграрным потенциалом. Однако из более чем 10 миллионов гектаров пахотных земель освоено менее 4 %, что делает страну зависимой от импорта продовольствия, покрывающего свыше 30 % внутреннего потребления [1]. Этот дисбаланс свидетельствует о необходимости реформирования аграрной и земельной политики в целях укрепления продовольственного суверенитета и привлечения устойчивых инвестиций в аграрный сектор, который остаётся недоразвитым. В этом контексте аграрное и земельное право выступает ключевым инструментом государственной политики.

Российско-конголезское сотрудничество, ранее сосредоточенное преимущественно в энергетике и сфере безопасности, постепенно расширяется на аграрную сферу. При условии надлежащего правового регулирования и учёта интересов местных сообществ это сотрудничество способно содействовать модернизации сельского хозяйства.

Земельное законодательство Республики Конго находится в стадии обновления. Сельскохозяйственный сектор регулируется рядом нормативных актов, определяющих принципы функционирования и управления земельными ресурсами. Несмотря на отсутствие единого аграрного кодекса, действующее законодательство охватывает ключевые аспекты: регулирование аграрной деятельности и управление землями различных категорий – сельскими, пригородными, традиционными и лесными.

Основным нормативным актом, закрепляющим принципы свободы инвестиций, является закон № 6-2003 от 18 января 2003 года «О Хартии инвестиций», предоставляющий физическим и юридическим лицам право осуществлять сельскохозяйственную деятельность при соблюдении законодательства [2]. Его дополняют другие акты, включая закон № 10-2004 от 26 марта 2004 года, устанавливающим общие принципы, применимые к государственному и земельному режимам, закон № 25-2008 от 22 сентября 2008 г. о режиме земель сельскохозяйственного назначения, закон № 22-2005 от 28 декабря 2005 года о создании государственного административного учреждения, именуемого фондом под-

держки сельского хозяйства, с изменениями, внесенными законом № 30 от 11 октября 2012 года и Указ № 2012-1156 от 9 ноября 2012 года о полномочиях министра сельского хозяйства и животноводства.

Законодательство классифицирует сельскохозяйственные земли на четыре категории: сельские (сельскохозяйственные), пригородные, традиционные и лесные [3]. Каждая категория регулируется отдельно, с целью обеспечения прав землепользователей и стимулирования освоения.

Земли, расположенные за пределами городских зон в Республике Конго, автоматически относятся к категории сельскохозяйственных земель. Эти земли могут передаваться государством или органами местного самоуправления в пользование частным эксплуатантам при условии их эффективного освоения, подразумевающего ведение сельскохозяйственной деятельности (земледелие, животноводство, рыбоводство, плантационное хозяйство), обеспечивающей постоянное и продуктивное использование территории.

Сельские земли, в свою очередь, классифицируются на три категории, каждая из которых регулируется особыми правовыми нормами. К ним относятся: земли, которые подлежат первоочередному освоению; земли, подлежащие факультативному или отложенному освоению; земли, отведённые под горнодобывающую или лесозаготовительную деятельность. Эта классификация определяет не только правовой режим, но и условия освоения, объём полномочий государства и права местных сообществ.

В отношении первой категории эти земли, предназначенные для жилья, земли для выращивания сельскохозяйственных культур, пастбища, выгонные угодья и лесные массивы, предназначенные для жителей деревни. К второй категории относятся земли, предназначенные для интенсивного выращивания продовольственных культур или сельскохозяйственных или животноводческих кооперативов, земли коммерческого или промышленного использования и плантации многолетних культур. Таким образом, сельские земли второй категории могут быть использованы для крупных сельскохозяйственных инвестиций с целью выращивания интенсивных продовольственных культур, использоваться в коммерческих или промышленных целях или для развития плантаций многолетних культур. Напомним, что в Центральной Африке от сделок с землей больше всего страдают многолетние культуры (каучук, масличная пальма, какао и т. д.) [4]. Третья категория включает земли, предназначенные для конкретных видов деятельности, связанных с лесоводством или добычей полезных ископаемых».

Земли, расположенные на периферии городских территорий так называемые пригородные зоны, представляют собой стратегические пространства для развития сельскохозяйственной и агропасторальной деятельности. Несмотря на нахождение за пределами административных границ городов, они непосредственно примыкают к ним и в основном используются для различных видов возделывания, включая овощеводство.

Конголезская система землепользования сочетает государственное право собственности и традиционное (обычное) право, признающее неформальные права местных общин. При отсутствии формальных правоустанавливающих документов (титулов на землю) местные общины сохраняют свои традиционные права пользования на занимаемые ими территории. Однако возможно отмена (погашения) этих прав с последующим предоставлением земли на условиях временной концессии при условии её освоения в течение пяти лет.

Проекты, предполагающие использование земель, традиционно занятых коренными народами, требуют обязательной оценки социально-экономического и экологического воздействия. Перемещение таких общин допускается только при наличии государственной необходимости и с соблюдением их прав.

Наконец, часть сельскохозяйственных угодий может располагаться на территориях, покрытых лесами. Их использование предполагает обязательную процедуру вырубki леса, которая допускается исключительно на участках незарегистрированных либо официально выведенных из лесного фонда лесов. Заинтересованные компании обязаны получить соответствующее разрешение в Министерстве лесного хозяйства и уплатить специальный налог на рубку, если площадь осваиваемой земли превышает один гектар.

В Конго вопрос доступа к земле в целях ведения сельскохозяйственной деятельности представляет собой стратегическую задачу, имеющую решающее значение как для обеспечения продовольственной безопасности, так и для привлечения частных инвестиций. Правовое регулирование предоставления земель для сельскохозяйственного освоения опирается на множественность правовых форм, отражающих стремление государства к установлению баланса между рациональным использованием земельных ресурсов, обеспечением юридической защищённости операторов и защитой общественных интересов.

Конголезское законодательство предусматривает различные формы правового оформления пользования сельскохозяйственными землями, в частности: временное разрешение на занятие земли, специальное разрешение на занятие земли, обычную аренду и долгосрочная аренда земельного участка [5]. Помимо этого, при определённых условиях, допускается передача в собственность частным субъектам неиспользуемых или выведенных из оборота земель государственного частного фонда посредством продажи, уступки или обмена.

Временное разрешение на занятие земли представляет собой административное право временного пользования участком, принадлежащим государству, для целей сельскохозяйственной деятельности. В зависимости от обстоятельств, такое разрешение может быть преобразовано в аренду, долгосрочную наследственную аренду земельного участка или право собственности при условии надлежащего освоения земельного участка.

Специальное разрешение на занятие земли позволяет физическим и юридическим лицам частного права использовать участки, относящиеся к государственному публичному фонду. Оно оформляется посредством представления соответствующего досье префекту или мэру по месту нахождения участка и выдается декретом Совета министров сроком не более 20 лет. Министерство сельского хозяйства разработало типовой образец концессионного договора, применимого в сельскохозяйственной сфере.

Обычная аренда предоставляется на строго определённых условиях: обязательство освоения участка, запрет на передачу прав арен-

ды или субаренды без предварительного разрешения. Срок действия такого договора не может превышать 18 лет и оформляется приказом министра финансов по заявлению заинтересованного субъекта.

Долгосрочная аренда земельного участка, в свою очередь, предоставляет арендатору вещное право на недвижимость, позволяющее, в частности, оформлять ипотеку, что фактически делает его квазисобственником земельного участка. Данный тип аренды заключается на срок от 18 до 99 лет при условии освоения участка. Арендатору запрещается ухудшать состояние участка, а все инвестиции, произведённые им, остаются на участке после окончания аренды без какой-либо компенсации.

Несмотря на новый приоритет, отданный сельскому хозяйству, многие развивающиеся страны сталкиваются с ограниченными финансовыми возможностями для покрытия дефицита инвестиций. Кредиты коммерческих банков в пользу сельскохозяйственного сектора составляют менее 10 процентов всех займов в странах Африки к югу от Сахары, а микрофинансовые кредиты, как правило, слишком малы и плохо подходят для формирования капитала в аграрном секторе [6]. В условиях ограниченности альтернативных источников прямые иностранные инвестиции могут способствовать восполнению дефицита инвестиций в сельское хозяйство развивающихся стран, таких как Конго.

С целью стимулирования инвестиций в аграрный сектор законодательство в Республике Конго предусматривает ряд благоприятных мер. К ним относятся: безвозмездная передача земельных резервов или всего агропромышленного имущества инвестору; свобода установления цен на производимую продукцию; установление минимального ежегодного сбора за каждый гектар, с возможностью его пересмотра в зависимости от уровня инфляции; предоставление налоговых и таможенных льгот согласно Инвестиционной хартии в рамках подписания соглашения об учреждении с государством; право на обращение к государству с просьбой о принудительном отчуждении необходимых земельных участков при условии соблюдения законных процедур (выплата справедливой и предварительной компенсации); гарантии поддержания экономико-финансового баланса договора — включая возможность его пересмотра при изменении законодательства или возникновении технических форс-мажоров; разрешение споров посредством переговоров либо международного арбитража; компенсация инвестору в случае утраты прав, вызванной ликвидацией или несанкционированным изменением контроля компании, в размере остаточной стоимости имущества по экспертной оценке; установление длительного срока действия контракта (более 10 лет) с возможностью его продления по результатам оценки.

Таким образом, аграрно-земельное законодательство Республики Конго стремится обеспечить баланс между инвестиционной привлекательностью, защитой прав землепользователей и устойчивым использованием земельных ресурсов. Усовершенствование правовой базы в этом направлении создаёт возможности для эффективного развития сельского хозяйства в условиях глобальных вызовов продовольственной безопасности.

Список литературы:

1. YearBook – Rapport économique, Congo 2021-2022. URL: https://rise.esmap.org/data/files/library/congo,-dem.-rep./Electricity%20Access/Congo_YEARBOOK-CONGO-API-PP-2021-2022_2022.pdf (дата обращения: 16.06.2025).
2. Loi № 6-2003 du 18 janvier 2003 portant Charte des Investissements en République du Congo. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/Con177585.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).
3. Loi № 25-2008 du 22 septembre 2008 portant régime agro-foncier en République du Congo. URL: <https://www.cienteearth.fr/media/wa0j5bhn/2008-09-22-loi-25-2008-portant-regime-agro-foncier-ext-fr.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).
4. Accaparement de terres: les tactiques que des acteurs européens appliquent à l'étranger. URL: <https://www.wrm.org.uy/fr/articles-du-bulletin/accaparement-de-terres-les-tactiques-que-des-acteurs-europeens-appliquent-a-letranger> (дата обращения: 16.06.2025).
5. Loi n° 52-1983 du 22 avril 1983 portant Code domanial et foncier en République Populaire du Congo. URL: <https://www.sgg.cg/textes-officiels/lois/1983/congo-loi-1983-52.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).
6. Da Silva, C. et Mhlanga, N. 2009. Models for investment in the agricultural sector. Document présenté dans le cadre de la Réunion d'experts FAO sur l'investissement étranger dans l'agriculture des pays en développement, 30-31 juillet 2009. FAO. Rome.

References:

1. YearBook – Economic Report, Congo 2021-2022. URL: https://rise.esmap.org/data/files/library/congo,-dem.-rep./Electricity%20Access/Congo_YEARBOOK-CONGO-API-PP-2021-2022_2022.pdf (accessed: 16.06.2025).
2. Law No. 6-2003 of 18 January 2003 "Charter of Investments in the Republic of the Congo". URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/Con177585.pdf> (accessed 16 June 2025).
3. Law No. 25-2008 of 22 September 2008 "Agro-Land Tenure Regime in the Republic of the Congo". URL: <https://www.cienteearth.fr/media/wa0j5bhn/2008-09-22-loi-25-2008-portant-regime-agro-foncier-ext-fr.pdf> (accessed 16 June 2025).
4. Land grabbing: the tactics European actors apply abroad. Online article. Available at: <https://www.wrm.org.uy/fr/articles-du-bulletin/accaparement-de-terres-les-tactiques-que-des-acteurs-europeens-appliquent-a-letranger> (accessed 15 June 2025).
5. Law No. 52-1983 of 22 April 1983 "State Land and Land Tenure Code in the People's Republic of the Congo". URL: <https://www.sgg.cg/textes-officiels/lois/1983/congo-loi-1983-52.pdf> (accessed 17 June 2025).
6. Da Silva C., Mhlanga N. Models for investment in the agricultural sector: paper presented at the FAO Expert Meeting on Foreign Investment in Agriculture in Developing Countries, 30–31 July 2009. Rome: FAO, 2009.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ DIGITAL TRANSFORMATION OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: MODERN REALITIES AND PROSPECTS

ЕВСИКОВА Елена Витальевна,

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент.

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69.

E-mail: Helen_yevsikova@mail.ru;

БУЦ Сергей Борисович,

преподаватель кафедры административного и финансового права Крымского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».

295006, Россия, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5.

E-mail: Helen_yevsikova@mail.ru;

EVSIKOVA Elena V.,

Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Federating State Educational Institution
of Higher Education Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Candidate of Law, docent.

117418, mountains. 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow.

E-mail: Helen_yevsikova@mail.ru;

BUTS Sergey Borisovich,

Lecturer, Department of Administrative and Financial Law, Crimean Branch of the Federating State Educational Institution
of Higher Education Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Republic of Crimea, Simferopol, st. Pavlenko, 5, room 401

E-mail: Helen_yevsikova@mail.ru

Краткая аннотация. В статье раскрываются особенности, проблемы и перспективы цифровой трансформации административного судопроизводства в Российской Федерации на современном этапе. Изучаются позиции различных авторов относительно перспектив цифровизации административного судопроизводства, рисков и проблем, которые оно несет, путей и векторов дальнейшего развития административного судопроизводства в Российской Федерации. Выделяются основные институты административного судопроизводства, которые реализуются путем цифровых средств и инструментов. На основе проведенного анализа делаются выводы и предложения относительно перспектив дальнейшего развития административного судопроизводства в условиях цифровой трансформации.

Abstract. The article reveals the features, problems and prospects of the digital transformation of administrative legal proceedings in the Russian Federation at the present stage. The positions of various authors on the prospects of digitalization of administrative proceedings, the risks and problems that it poses, the ways and vectors of further development of administrative proceedings in the Russian Federation are studied. The main institutions of administrative legal proceedings are identified, which are implemented through digital means and tools. Based on the analysis, conclusions and suggestions are made regarding the prospects for further development of administrative proceedings in the context of digital transformation.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровое правосудие; цифровые инструменты; административное судопроизводство.

Keywords: digital transformation; digital justice; digital tools; administrative court proceedings.

Для цитирования: Евсикова Е.В., Буц С.Б. Цифровая трансформация административного судопроизводства: современные реалии и перспективы // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 175-177. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_175.

For citation: Evsikova E.V., Buts S.B. Digital transformation of administrative proceedings: modern realities and prospects // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 175-177. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_175.

Статья поступила в редакцию: 25.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В последние годы в науке административного права ведется много дискуссий о цифровой трансформации административного судопроизводства. Причем исследователи и практики акцентируют внимание на разных аспектах этого явления, уделяя особое внимание проблемам, с которыми сопряжена цифровизация, рискам и преимуществам, которые она несет, вопросам исследования и оценки цифровых доказательств, перспективам оптимизации и повышения эффективности судопроизводства. При этом, активное развитие цифровых технологий и инструментов и их тотальное распространение во всех сферах жизни общества и государства, держит проблемы цифровой трансформации административного судопроизводства в центре постоянного внимания, как законодателей, так и правоприменителей.

Цифровизация административного судопроизводства как новая форма реализации административного судопроизводства по сути уже достаточно длительное время находится под пристальным вниманием как представителей науки и практики, так и представителей широкой общественности, наполняя наши привычные институты судопроизводства новым «цифровым» смыслом и порождая новые цифровые явления и цифровые инструменты в административном судопроизводстве.

Отметим, что уже не раз поднимался вопрос осуществления онлайн-правосудия и определения его границ и пределов, что особенно остро проявилось в период пандемии и постковидный период[1].

Так, Зорькин В.Д. отметил необходимость конкретизации основополагающих прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровой реальности. При этом, при использовании цифровых технологий возникают новые возможности и перспективы для оптимизации функционирования государства и его органов, в том числе, и судебных в целях защиты основополагающих прав и свобод человека и гражданина [2].

Однако, мы не должны забывать, что цифровизация всех сфер административного процесса несет риск подмены управленческих и властных решений на решения, принимаемые искусственным интеллектом (далее – ИИ), а значит волеизъявление человека меняется на волеизъявление машины, что в условиях конкуренции цифровизации административного судопроизводства и соблюдения базовых принципов судопроизводства несет риск нарушения прав и свобод человека и гражданина [3].

Так, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы предусматривает приоритеты усовершенствования действующего законодательства, в том числе, в сфере административных процедур и в электронной форме¹.

Следует отметить, что Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)², который уже 10-лет играет роль своеобразной Конституции административного судопроизводства, достаточно внимания уделяет вопросам цифровизации административного судопроизводства. Так, у граждан появилась возможность реализовать свои процессуальные права с помощью цифровых технологий (право на иск; право получать документы от суда; оценка судом электронных доказательств). Как видим, цифровая трансформация заложила существенный «революционный» потенциал для изменения и модификации всей формы административного судопроизводства, не меняя при этом его сути, закладывая существенные возможности для реализации процессуальных прав, осуществления процессуальных действий, подачу и получение процессуальных документов в электронной форме. Однако, есть определенные опасения относительно полного перехода на цифровое судопроизводство, замену судьи ИИ (искусственным интеллектом), полный переход на реализацию и выполнение стадий административного судопроизводства в цифровой форме с применением цифровых технологий и инструментов.

Так, заманчивые перспективы цифровой трансформации Российской Федерации и превращения ее в сильное и развитое цифровое государство в соответствии со стратегическими и плановыми документами, дают все основания полагать, что все базовые государственные функции будут реализовываться с помощью ИИ, что вызывает немало вопросов и опасений о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в рамках реализации административного судопроизводства [4].

Таким образом, КАС РФ предоставил участвующим в деле лицам достаточно широкие возможности для цифровой коммуникации в рамках административного судопроизводства по прошествии 10-летнего периода своего принятия и введения в действие.

Как правило, ученые выделяют три группы институтов административного судопроизводства, реализуемых с помощью цифровых инструментов, а именно: «подача административного иска в электронной форме; получение документов от суда с помощью цифровых технологий; оценка электронных доказательств» [5]. Однако, к данным институтам административного судопроизводства, реализуемым с помощью цифровых технологий и инструментов, по нашему мнению, можно добавить цифровые способы или возможности реализовать процессуальные права в цифровой форме, например, возможность участия в судебном заседании лица, явка которого является обязательной, посредством видеоконференц-связи при наличии у суда технической возможности обеспечения такого участия в соответствии со ст. 142 КАС РФ, а также цифровые инструменты, позволяющие оптимизировать, упростить и ускорить осуществление административного судопроизводства с помощью цифровых технологий путем ведения электронного документооборота, электронной системы распределения судебных дел между судьями, обязательность аудиопотоколирования судебного заседания в соответствии со ст. 204 КАС РФ, что делает судебное заседание более открытым и прозрачным.

Так, с 23.06.2016 г. участвующие в деле лица вправе получать с использованием сети «Интернет» электронные копии судебных актов, электронные извещения, вызовы и иные документы (их копии), за исключением документов, содержащих информацию с ограниченным доступом (ст. 45 КАС РФ), а также, в случае наличия соответствующего согласия такого лица, получать извещения путем смс-сообщений, путем отправления на электронный адрес вызовов или извещений, а с 30.12.2021 г. – путем единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГМУ) либо системы электронного документооборота (далее – СЭД) (ст. 96 КАС РФ). При этом, в случае изготовления судебного решения в цифровой форме, его экземпляр обязательно изготавливается в бумажной форме и содержит подпись судьи, его приобщают к материалам дела, а цифровой вариант судебного решения содержится в системе автоматизации судопроизводства.

Следует отметить, что за 15 дней посредством сети «Интернет» судом размещается соответствующая информация о принятии административного искового заявления, времени и месте судебного заседания, совершении отдельных процессуальных действий, а документы, подтверждающие размещение указанных сведений в обязательном порядке приобщаются к материалам дела. Вместе с тем, если административным истцом является орган публичной власти или иной орган, наделенный публичными полномочиями, то он извещается только путем размещения соответствующей информации посредством сети «Интернет» (ст. 179 КАС РФ).

Кроме того, с 30.12.2021 г. не только в бумажной, но и в электронной форме можно подать административное исковое заявление, заявление, жалобу, представление и иные документы, подписав их простой электронной подписью (далее – ПЭП) при подаче через ЕПГМУ, информационную систему, определенную ВС РФ или Судебным Департаментом при ВС РФ, либо усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП) при подаче через СЭД.

Если мы обратимся к приказу Судебного Департамента при ВС РФ от 27.12.2016 N 251 (ред. от 23.01.2024) "Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа"³, то увидим, что он разъясняет вопросы подачи документов в суд в электронной форме, в том числе, заявления о применении мер предварительной защиты и административного искового заявления, содержащего ходатайство о применении мер предварительной защиты, а также разъясняет понятия «электронный документ» и «электронная подпись».

Вместе с тем, УКЭП представляемого лица и (или) нотариуса заверяются доверенности и иные подтверждающие полномочия доку-

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1>

² "Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/

³ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 N 251 (ред. от 23.01.2024) "Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа" [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71477352/>

менты. При этом, если нотариальная доверенность в виде электронного образа, то она подписывается УКЭП нотариуса, а если в форме электронного документа, то УКЭП представляемого лица и нотариуса¹.

Кроме того, при подаче искового заявления в суд в электронной форме представляются в виде электронных образов документов, заверенных ПЭП или УКЭП лица, подающего документы, либо в виде электронных документов, прилагаемые документы, которые подтверждают соблюдение соответствующих требований (например, документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, в том числе формируемый посредством платежных онлайн-систем, банкоматов, мобильных приложений и платежных устройств, доверенность, ордер адвоката, документ об образовании представителя по административному делу).

Однако, суд вправе потребовать предоставить оригиналы указанных документов, поданных в электронной форме, после принятия административного искового заявления, а непредоставление их в установленный судом срок влечет оставление административного искового заявления без рассмотрения. Также, цифровизация затронула и вопросы заключения мировых соглашений, предусмотрев возможность подачи проекта мирового соглашения в электронной форме, подписав его УКЭП, либо представив его в суд в виде электронного образа документа с графическими подписями сторон, заверенного ПЭП одной из сторон.

Усовершенствуя порядок обеспечения реализации сторонами своих процессуальных прав, с 30.12.2021 г. КАС РФ предусматривает возможность предоставления доступа к материалам административного дела в электронном виде в сети «Интернет» посредством электронной системы.

Третья группа цифровых инструментов в административном судопроизводстве – это нормы, регламентирующие вопросы электронных доказательств (способ получения и передачи электронных доказательств и правильность способов фиксации информации; обеспечение целостности информации; вопросы идентификации его составителя) [5]. Так, в качестве электронных доказательств могут быть использованы распечатанные копии страниц сайтов в сети "Интернет", что предполагает право суда на незамедлительный осмотр таких доказательств на этапе подготовки дела или непосредственно в ходе судебного рассмотрения дела.

Также, до обращения заинтересованных лиц в суд электронные доказательства, подтверждающие распространение определенной информации в сети «Интернет», подлежат обеспечению нотариусом. Однако, если последний не извещает о времени и месте его обеспечения владельца сайта или иное лицо, которое предположительно разместило в сети "Интернет" информацию, относящуюся к предмету спора, то такое основание не будет порождать последствия недопустимости в отношении указанных доказательств.

При этом, в случае истребования судом доказательств у лиц, не являющихся участниками разбирательства, а также документов, предоставляемых в суд содействующими осуществлению правосудия лицами, КАС РФ предусмотрел возможность их направления в суд в электронной форме через официальный сайт суда в сети «Интернет», что, однако, не лишает суд права потребовать предоставления подлинников².

Таким образом, цифровизация административного судопроизводства развивается быстрыми темпами и предоставляет всем лицам участвующим в деле возможность активно использовать цифровой инструментарий для реализации всего спектра своих процессуальных прав и возможностей, предусмотренных действующим законодательством, а также направлена на оптимизацию всего административного судопроизводства, его упрощение, дешевизну, повышение эффективности при минимальных затратах, что свидетельствует в пользу процессов цифровизации административного судопроизводства и постепенный максимальный переход административного судопроизводства в цифровой формат по тем этапам его реализации, где это возможно осуществить без создания угрозы осуществления правосудия и его базовых принципов, без угрозы нарушений прав и свобод человека и гражданина, без угрозы информационной и кибербезопасности и при условии соблюдения баланса частных и публичных интересов, а также должна быть направлена на упрощение и облегчение гражданам доступа к судебной защите и повышение эффективности реализации права на судебную защиту в рамках административного судопроизводства. Процессы цифровой трансформации общества и государства остановить или замедлить невозможно, они идут быстрыми темпами, ускоряясь ежесекундно, и определяя вектор развития нашего общества и государства.

Список литературы:

1. Марковичева Е.В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства / Е.В. Марковичева / Правосудие / Justice. - Т. 2, № 3. - 2020. - С. 86-99. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99 EDN: RLPPEO
2. Зорькин В.Д. (2018) Право в цифровом мире. Российская газета - Столичный выпуск № 115(7578). Retrieved from: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadachag-osudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.
3. Крамер, Урс, Мицкевич, Людмила А., Васильева, Анна Ф. 2019. "Электронные формы в административном процессе России и Германии". Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 4: 756-780. DOI: 10.21638/spbu14.2019.410 EDN: SPODRM
4. Махина С.Н., Завьялова И.С. Цифровизация административного судопроизводства как фактор повышения результативности и эффективности реализации государственных функций: российский и зарубежный опыт / Махина С.Н., Завьялова И.С. // Журнал административного судопроизводства. 2020. № 4. С.13-17. EDN: VLMBN
5. Морозова Г.А., Губайдуллина Э.Х. Цифровые технологии в административном судопроизводстве / Морозова Г.А., Губайдуллина Э.Х. / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2020. - № 4-2 (43). - С. 188 -192. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10378 EDN: TCBVQY

References:

1. Markovicheva E.V. Digital transformation of Russian criminal justice / E.V. Markovicheva / Justice. - Vol. 2, No. 3. - 2020. - pp. 86-99. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99 EDN: RLPPEO
2. Zorkin V.D. (2018) Law in the digital world. Rossiyskaya Gazeta - Stolichny issue No. 115(7578). Retrieved from: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadachag-osudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.
3. Kramer, Urs, Mickiewicz, Lyudmila A., Vasilyeva, Anna F. 2019. "Electronic forms in the administrative process of Russia and Germany". Bulletin of St. Petersburg University. Law 4: 756-780. DOI: 10.21638/spbu14.2019.410 EDN: SPODRM
4. Makhina S.N., Zavalova I.S. Digitalization of administrative legal proceedings as a factor in increasing the effectiveness and efficiency of the implementation of state functions: Russian and foreign experience / Makhina S.N., Zavalova I.S. // Journal of Administrative Legal Proceedings. 2020. No. 4. pp.13-17. EDN: VLMBN
5. Morozova G.A., Gubaidullina E.H. Digital technologies in administrative proceedings / Morozova G.A., Gubaidullina E.H. / International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2020. - № 4-2 (43). - Pp. 188-2. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10378 EDN: TCBVQY

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 "О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 "О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов"

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_178

УДК 340.134

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ,
РАЗВИТИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЕДИНОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
SEPARATE LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE CREATION,
DEVELOPMENT, AND OPERATION OF THE UNIFIED DIGITAL PLATFORM
OF THE RUSSIAN FEDERATION «STATE TECHNOLOGIES»**

ПОЛУЯНОВА Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com;

POLUYANOVA Elena Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Special Equipment and Information Technologies at the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com

Краткая аннотация: в статье рассмотрены положения нормативных правовых актов, касающиеся создания, развития и эксплуатации единой цифровой платформы Российской Федерации «Государственные технологии», а также проанализированы преимущества формирования государственных информационных систем с использованием данной цифровой платформы.

Abstract: The article examines the provisions of regulatory legal acts regarding the creation, development, and operation of the unified digital platform of the Russian Federation "State Technologies", and analyzes the advantages of creating state information systems using this digital platform.

Ключевые слова: цифровизация, государственные органы, информационные технологии, единая цифровая платформа, государственные информационные системы, информационное общество, цифровая трансформация Федеральной службы исполнения наказаний России, уголовно-исполнительная система.

Keywords: digitalization, government agencies, information technologies, unified digital platform, government information systems, information society, digital transformation of the Federal Penitentiary Service of Russia, and the penal system.

Для цитирования: Полуянова Е.В. Отдельные правовые и организационные аспекты создания, развития и эксплуатации единой цифровой платформы Российской Федерации «Государственные технологии» // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 178-182. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_178.

For citation: Poluyanova E.V. Separate legal and organizational aspects of the creation, development, and operation of the unified digital platform of the Russian Federation «State technologies» // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 178-182. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_178.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Российская Федерация в процессе цифровизации государственных органов стремится к созданию и развитию цифрового информационного пространства. Такое цифровое информационное пространство может формироваться при масштабном внедрении информационных технологий и средств коммуникации во всех сферах жизни и деятельности общества и государства. Внедрение информационных технологий, предполагает внедрение процессов, методов и способов осуществления таких процессов, в том числе при создании информационных систем, в первую очередь государственных. Важным фактором при их создании является технологическая независимость Российской Федерации, которая должна быть основана на использовании российских информационных технологий и технологических решений. Отметим, что соответствующие задачи закреплены в положениях Указа Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [3]. Одним из таких решений стало внедрение единой цифровой платформы Российской Федерации «Государственные технологии» (далее – платформа «ГосТех»).

Вопросы, касающиеся данной цифровой платформы Российской Федерации, рассматривались в научных работах ряда авторов. Так С.Г. Еремин изучал применение цифровых технологий в сфере государственного управления на федеральном уровне и направления их совершенствования [16]; Д.В. Кононенко, рассматривал платформу «ГосТех» как новый этап в развитии электронного государства (правительства) [18]; авторы Т.В. Подольская, Ф.Д. Ульбашева, Е.А. Васюта анализировали тенденции и перспективы применения технологий «ГосТех» в процессе цифровизации государственного сектора [21]; В.С. Залюбовин, В.Н. Гришин изучали процесс перехода к экономике данных на основе единой цифровой платформы «ГосТех» [17]; А.Д. Лагунова, А.Б. Коровкина, А.П. Горбатюк рассматривали методологические и организационные аспекты проектирования и разработки цифровых сервисов на платформе «ГосТех» в условиях цифровой трансформации [19]; Э.Н. Брагина, О.Г. Якунина разбирали Гостехплатформу как инструмент формирования согласованной стратегии социально-экономического развития территории [14]; Д.Р. Мухаметов и К.В. Симонов подвергали анализу перспективы внедрения государственных технологий (Гостех) в России и возможности использования цифровых технологий для совершенствования государственного управления [20].

Следует отметить, что государственные органы, в соответствии со своими полномочиями, при осуществлении государственного регу-

лирования в сфере применения информационных технологий, создают информационные системы, функционал которых направлен на повышение эффективности в реализации государственных задач. Уточним, что термин «информационная система», в соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], предполагает совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Так, с целью унификации и масштабирования процесса создания информационных систем, в первую очередь государственных, Министерством цифрового развития связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее – Минцифры России) в период с 01.11.2020 по 31.05.2022 проводился эксперимент по формированию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе «ГосТех» [6]. В проведении эксперимента принимали участие три государственных органа: Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом и Министерство спорта Российской Федерации. Учитывая положительный опыт проведения эксперимента, **распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.10.2022 № 3102-р утверждена Концепция создания и функционирования** единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» [9], в которой определены цели, задачи и план мероприятий по ее созданию. Отметим, что в данном распоряжении сформулировано понятие «платформа «ГосТех» – это цифровая экосистема, включающая в себя единую программно-аппаратную среду, цифровые продукты, информацию, информационные технологии, государственные информационные системы, необходимые для реализации функций платформы, а также совокупность нормативных правовых актов, обеспечивающих деятельность участников отношений, возникающих в связи с созданием и функционированием данной платформы. В том же 2022 году Правительство Российской Федерации своим Постановлением от 16.12.2022 № 2338 утвердило «Положение о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» [7]. Данное Положение устанавливает функции платформы и основные принципы ее работы, порядок доступа и общие требования к защите информации, содержащейся в государственных информационных системах на платформе «ГосТех», а также состав, полномочия и порядок взаимодействия участников платформы.

Вице-премьер Российской Федерации Дмитрий Чернышенко 19.01.2023 на брифинге «Цифровая трансформация российской экономики в новых условиях – ключевые достижения и планы» в своем докладе пояснил: «В 2022 году успешно завершился эксперимент по переводу региональных и информационных систем на единую технологическую платформу «ГосТех». Три ведомства уже перевели свои системы, все они прошли сертификацию и аттестацию, и уже в 2023 году запланирован переход еще 24 государственных информационных систем ... У нас будет возможность построить новую безупречную архитектуру, используя самые передовые технологии». Кроме того в рамках доклада, Дмитрий Чернышенко отметил: «Ядро самого «ГосТеха» – это очень качественное, современное решение, аналогов которому в государственном управлении нет» [13].

В 2023 году В.В. Путиным подписан Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» [5], в котором Правительству Российской Федерации, в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, в том числе требованиями о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, поручено обеспечить функционирование единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» к 01.04.2023 в отношении федеральных информационных систем, а с 01.01.2024 в отношении региональных информационных систем.

Следует отметить, что единая цифровая платформа Российской Федерации «ГосТех» обладает рядом важных качеств, которые следует рассматривать как преимущества, необходимые для ее использования в сфере государственного управления, которые представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Преимущества единой цифровой платформы Российской Федерации «Государственные технологии».

Следует уточнить, что до момента внедрения платформы «ГосТех», федеральные и региональные органы власти, для обеспечения деятельности ведомств и решения государственных задач, занимались формированием государственных информационных систем самостоятельно. На создание государственной информационной системы, функционирующей в целях осуществления деятельности конкретного органа государственной власти Российской Федерации приходилось расходовать существенные финансовые ресурсы. Финансирование было необхо-

димо для выполнения работ по разработке государственной информационной системы, закупке лицензированного программного обеспечения, кроме того, для выполнения задачи по созданию системы требовалось наличие значительного количества специалистов в цифровой сфере, а также выделение финансовых средств на оплату труда таких работников. Функционирование платформы «ГосТех» основано на том, чтобы предлагать сервисы, за счет применения единых стандартов и интеграционного подхода при разработке информационных систем. Кроме того, немаловажным фактором является повышение качества межведомственного взаимодействия, за счет использования программного обеспечения, созданного на основе российских цифровых технологических решений. Существенным, в работе платформы также является единый подход к созданию унифицированных технологических решений, использующихся при разработке и внедрении государственных информационных систем. Как отметил Дмитрий Чернышенко в своем докладе на вышеупомянутом брифинге: «Очень важно, что это незамкнутая система, она открыта для рынка. Есть отдельная площадка «Госмаркет», где цифровые продукты могут создаваться и реализовываться разработчиками на юридической основе. Все это придаст платформе гибкость и безопасность» [13]. Также, на наш взгляд, положительным моментом является то, что информационные системы спроектированы с учетом запросов пользователей, то есть федеральных и региональных органов власти для реализации государственных задач и предоставления государственных услуг должного качества. Так как единая цифровая платформа повышает скорость ввода в эксплуатацию государственных информационных систем предназначенных для осуществления государственных функций. Кроме того, следует отметить, что платформа разработана с учетом обеспечения требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах, которые закреплены в положениях приказа Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России от 11.02.2013 № 17 (далее – ФСТЭК России) [10]. А также требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, закрепленных в Приказе ФСТЭК России от 25.12.2017 № 239 [11]. Кроме того, при разработке информационных систем должны быть выполнены положения по использованию шифровальных (криптографических) средств, утвержденные приказом Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 18.03.2025 № 117 о защите информации, содержащейся в государственных и иных информационных системах государственных органов [12]. Следует отметить, что в соответствии с требованиями пп. «з» п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 231 создание, развитие и эксплуатация государственных информационных систем с использованием платформы «ГосТех» не осуществляются, если они содержат сведения, составляющие государственную тайну, служебную тайну в области обороны, тайну следствия и судопроизводства [5].

Как мы уже отмечали выше, для обеспечения независимой государственной политики при создании государственных информационных систем, в рамках цифровизации деятельности государственных органов, необходимо наличие полноценного российского программного обеспечения для его использования на объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Соответствующие меры, закреплены в положениях Указа Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 [3]. В данном Указе отмечено, что с 01.01.2025 органам государственной власти и заказчикам, осуществляющим закупки в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» запрещается использовать иностранное программное обеспечение на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры.

В ходе цифровой трансформации системы государственного управления, единая цифровая платформа «ГосТех» будет применяться для разработки государственных информационных систем, в том числе и в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России). В 2022 году Указом президента Российской Федерации от 11.04.2022 № 201 во ФСИН России создано Управление цифровой трансформации ФСИН России [4]. Структура Управления состоит трех отделов: управления проектами цифровой трансформации, цифрового развития информационных технологий, организации защиты информации не составляющей государственную тайну и группы по информационно-аналитическому обеспечению и контролю. Работа подразделения направлена на решение задач по цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы, закрепленной в положениях «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года», утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р [8]. Кроме того работа подразделения ориентирована на обеспечение поэтапного перехода на отечественное оборудование, программное обеспечение и единую среду разработки, а также организацию технологической независимости информационных систем и информационно-технологической инфраструктуры от оборудования и программного обеспечения, разработанного и произведенного в иностранных государствах. Задачей, стоящей перед Управлением цифровой трансформации ФСИН России является обеспечение информационной безопасности сведений, не составляющих государственную тайну, вносимых в государственные информационные системы УИС РФ, которые создаются, в том числе, с использованием единой цифровой платформы «ГосТех». Выражаем согласие с мнением О.М. Герасченко в том, что реализация мероприятий по цифровой трансформации государственного управления подразумевает внедрение новых подходов во ФСИН России к созданию информационного пространства органа государственной власти, среди которых создание и функционирование единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех», с целью унификации процессов проектирования, создания, развития и эксплуатации информационных систем, ориентации на принцип клиентоцентричности при создании информационных систем [14, 33].

Как уже отмечалось выше, по поручению Президента Российской Федерации начат процесс по переводу всех федеральных и региональных информационных систем на единую технологическую платформу «ГосТех», но так как разработка и внедрение платформы «ГосТех» является делом для Российской Федерации новым, то неизбежно могут возникать трудности в реализации поставленных задач. Практически все федеральные и региональные органы власти в ходе проводимого ранее процесса цифровизации государственного управления уже создали свои информационные системы. Первой проблемой, на наш взгляд, может стать проблема технологическая – согласование разработанных ранее каждым ведомством тех-

нологических решений, использованных при создании собственных информационных систем. Полагаем, что на соответствующую «технологическую совместимость» потребуется достаточное количество времени. Второй проблемой может стать проблема финансового характера. В процессе перевода всех федеральных и региональных информационных систем на единую технологическую платформу «ГосТех» государству необходимо будет выделить, практически одномоментно, значительные финансовые средства, в том числе на переход и эксплуатационные расходы. Как уже отмечалось, использование созданных информационных систем на базе платформы «ГосТех» впоследствии приведет к экономии государственных финансовых ресурсов, расходовавшихся ранее как на разработку информационных систем, так и на их функционирование и поддержку. Положительный эффект ожидается, но не в короткие сроки. Третьей проблемой, на наш взгляд, является правовая регламентация процесса. Несмотря на то, что уже к началу 2025 года Минцифры России и другими ведомствами, участниками процесса, заинтересованными в переводе своих информационных систем, разработан ряд нормативных документов и методических рекомендаций, но еще не завершена работа по межведомственному регулированию, подготовке государственных стандартов, а также ряда федеральных и региональных законов.

В заключение следует отметить, государственные информационные системы, создаваемые с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «Государственные технологии», содействуют решению одной из главных задач государства – качественному и своевременному оказанию государственных услуг гражданам и организациям. Деятельность Минцифры России и других, заинтересованных в данном процессе ведомств, по созданию, развитию и эксплуатации государственных информационных систем с использованием «ГосТех», на наш взгляд, имеет достаточно хорошие перспективы. Так, по мнению авторов Д. Р. Мухаметова и К.В. Симонова «ГосТех» охватывает широкий спектр цифровых технологий, позволяющих оптимизировать процессы государственного управления и планирования: платформы предоставления Госуслуг, цифровые системы мониторинга и принятия решений, электронные сервисы в сфере общественной безопасности, транспорта, экологии и энергетики, платформы электронного документооборота [20, 19]. Безусловно, разработанная платформа направлена на повышение эффективности реализации государственных функций, осуществляемых с использованием государственных информационных систем федеральными и региональными органами власти. Полагаем, что единая цифровая платформа Российской Федерации «Государственные технологии» позволит реализовать цели, задачи и принципы, закрепленные в положениях Стратегии развития информационного общества Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [2] по обеспечению прав граждан на доступ к информации, обеспечению государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере, цифровой трансформации государственных органов и развитию информационного общества Российской Федерации в полной мере.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента Российской Федерации от 11.04.2022 № 201 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.10.2020 № 1674 «О проведении эксперимента по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. № 2338 «Об утверждении положения о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех», о внесении изменений ...» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.10.2022 № 3102-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» и плана мероприятий («дорожной карты») по ее созданию» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России от 11.02.2013 № 17 «Об утверждении требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России от 25.12.2017 № 239 «По обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 18.03.2025 № 117 «Об утверждении требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах ... с использованием шифровальных (криптографических) средств» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Официальный сайт Федерального казенного учреждения единой цифровой платформы Российской Федерации ФКУ «ГосТех» : URL: <https://platform.gov.ru/news/eksperiment-po-gostekh-uspeshno-zavershilysya/>.
14. Брагина Э.Н., Якунина О.Г. Гостехплатформа как инструмент формирования согласованной стратегии социально-экономического развития территории // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 7-2. С. 248-254.
15. Геращенко О. М. Предпосылки и перспективы формирования единой технической политики ФСИН России в области информационных технологий // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2024. № 10. С. 31-38.
16. Еремин С. Г. Применение цифровых технологий в сфере государственного управления на федеральном уровне и направления их совершенствования. Экономика. Налоги. Право. 2024. № 17(1). С. 98-105.
17. Залюбовин В.С., Гришин В. Н. Переход к экономике данных на основе Единой цифровой платформы «ГосТех» // Вестник науки № 3 (72) том 1. 2024. С. 67 - 72.
18. Кононенко Д.В. GovTech как новый этап в развитии электронного государства (правительства) // Правовая парадигма. 2022. № 4. Том 21. С. 48-54.
19. Лагунова А. Д., Коровкина А. Б., Горбатюк А. П. Методологические и организационные аспекты проектирования и разработки цифровых сервисов на платформе «ГОСТЕХ» в условиях цифровой трансформации // Оригинальные исследования (ОРИС). 2023. № 10. Том 13. С. 95-100.
20. Мухаметов Д.Р., Симонов К.В. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России. Мир новой экономики. 2021. № 15(3). С. 17-27.
21. Подольская Т.Б., Ульбашева Ф.Д., Васюта Е.А. Тенденции и перспективы применения технологий GovTech в процессе цифровизации государственного сектора // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 147–158.

References:

1. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 08.08.2024) "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended and supplemented, intro. effective from 06/01/2025) // SPS "ConsultantPlus".
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated May 9, 2017, "Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // SPS "ConsultantPlus".
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 166 dated March 30, 2022, "On Measures to Ensure the Technological Independence and Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 201 dated April 11, 2022, "On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 231 dated March 31, 2023, "On the Creation, Development, and Operation of State Information Systems Using the Unified Digital Platform of the Russian Federation, GosTech" // SPS "ConsultantPlus".
6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1674 dated 12.10.2020 "On conducting an experiment to create, transfer, and develop state information systems and their components on the unified digital platform of the Russian Federation, GosTech" // SPS "ConsultantPlus".
7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2338 dated December 16, 2022, "On Approval of the Regulations on the Unified Digital Platform of the Russian Federation GosTech, and on Amendments ..." // SPS "ConsultantPlus".
8. Order of the Government of the Russian Federation No. 1138-r dated 29 April 2021 "On Approval of the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030" // SPS "ConsultantPlus".
9. Order of the Government of the Russian Federation No. 3102-r dated 21 October 2022 "On Approval of the Concept for the Creation and Operation of the Unified Digital Platform of the Russian Federation "GosTech" and the Action Plan ("Roadmap") for its Creation" // SPS "ConsultantPlus".
10. Order No. 17 of the Federal Service for Technical and Export Control dated February 11, 2013, "On Approval of Requirements for Protecting Information That Does Not Constitute State Secrets and is Contained in State Information Systems" // SPS "ConsultantPlus".
11. Order No. 239 of the Federal Service for Technical and Export Control of Russia dated December 25, 2017, "On Ensuring the Security of Significant Critical Information Infrastructure Facilities of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
12. Order No. 117 of the Federal Security Service of the Russian Federation dated March 18, 2025, "On Approval of Requirements for Protecting Information Contained in State Information Systems ... Using Encryption (Cryptographic) Tools" // SPS "ConsultantPlus".
13. Official website of the Federal State Institution of the Unified Digital Platform of the Russian Federation, FKU GosTech: URL: <https://platform.gov.ru/news/eksperiment-po-gostekhu-uspeshno-zavershilsya/>.
14. Bragina E.N., Yakunina O.G. State Technology Platform as a Tool for Forming a Consistent Strategy for the Territory's Socio-Economic Development // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. No. 7-2. Pp. 248-254.
15. Gerashchenko O. M. Prerequisites and Prospects for the Formation of a Unified Technical Policy of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Field of Information Technologies // Vedomosti of the Penitentiary System. 2024. No. 10. Pp. 31-38.
16. Eremin S. G. Application of digital technologies in the field of public administration at the federal level and directions of their improvement. Economics. Taxes. Law. 2024. No. 17(1). Pp. 98-105.
17. Zalyubov V.S., Grishin V. N. Transition to a data economy based on a single digital platform "Gostech" // Bulletin of Science No. 3 (72) volume 1. 2024. pp. 67-72.
18. Kononenko D.V. GovTech as a New Stage in the Development of the Electronic State (Government) // Legal Paradigm. 2022. No. 4. Vol. 21. Pp. 48-54.
19. Lagunova A. D., Korovkina A. B., Gorbatyuk A. P. Methodological and Organizational Aspects of Designing and Developing Digital Services on the GOSTEX Platform in the Context of Digital Transformation // Original Research (ORIS). 2023. No. 10. Vol. 13. Pp. 95-100.
20. Mukhametov D.R., Simonov K.V. "Smart State": Prospects for the Implementation of Digital Technologies in Public Administration in Russia. World of the New Economy. 2021. No. 15(3). Pp. 17-27.
21. Podolskaya T.V., Ulbasheva F.D., Vasyuta E.A. Trends and Prospects of Applying GovTech Technologies in the Process of Digitalization of the Public Sector // State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2024. No. 2. Pp. 147-158.

СУЩНОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ THE ESSENCE OF FOOD SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A LEGAL CATEGORY

САФАРЯН Яков Геннадьевич,

преподаватель кафедры земельного и экологического права
Саратовской государственной юридической академии.

410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.

E-mail: yakowsafaryan@yandex.ru;

SAFARYAN Yakov Gennadevich,

lecturer of the Department of Land and environmental law,
Saratov State Law Academy.

104 Chernyshevskogo St., Saratov, 410056, Russia.

E-mail: yakowsafaryan@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье исследуется сущность продовольственной безопасности Российской Федерации как правовой категории. Автор, на основе анализа Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации и мнений ученых, формулирует основные элементы, составляющие сущность продовольственной безопасности Российской Федерации как правовой категории, выявляя недоработки законодателя, устранение которых позволит устранить неопределенности, например, в вопросах разграничения понятий «продовольственная независимость» и «продовольственный суверенитет», а следовательно повысит эффективность деятельности по обеспечению продовольственной безопасности Российской Федерации. Сделан вывод о том, что определение продовольственной безопасности, содержащееся в Доктрине, в целом, является логичным и четким, однако требует внесения изменений в стратегические документы: более четкое отражение взаимосвязи степени достижения состояния продовольственной безопасности с повышением уровня социально-экономического развития общества, а также определение соотношения понятий «продовольственная независимость» и «продовольственный суверенитет» для установления приоритета, верховенства или степени применения рыночных и административных механизмов.

Abstract: The article studies the essence of food security of the Russian Federation as a legal category. The author, based on the analysis of the Doctrine of food security of the Russian Federation and the opinions of scientists, formulates the main elements that constitute the essence of food security of the Russian Federation as a legal category, identifying shortcomings of the legislator, the elimination of which will eliminate uncertainties, for example, in the issues of differentiation of the concepts of "food independence" and "food sovereignty", and hence will increase the effectiveness of activities to ensure food security of the Russian Federation. The conclusion is made that the definition of food security contained in the Doctrine, in general, is logical and clear, but requires changes in strategic documents: a clearer reflection of the relationship between the degree of achievement of food security with the increase in the level of socio-economic development of society, as well as the definition of the relationship between the concepts of "food independence" and "food sovereignty" to establish the priority, supremacy or degree of application of market and administrative mechanisms of food security in the Russian Federation.

Ключевые слова: сущность, продовольственная безопасность, социально-экономическое развитие, продовольственная независимость, продовольственный суверенитет.

Keywords: essence, food security, socio-economic development, food independence, food sovereignty.

Для цитирования: Сафарян Я.Г. Сущность продовольственной безопасности Российской Федерации как правовой категории // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 183-186. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_183.

For citation: Safaryan Ya.G. The essence of food security of the Russian Federation as a legal category // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 183-186. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_183.

Статья поступила в редакцию: 04.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Продовольственная безопасность выступает важной правовой категорией как на международном, так и на внутригосударственном уровне. На важность продовольственной безопасности на международном уровне указывает ряд факторов:

- 1) наличие отдельной цели по обеспечению продовольственной безопасности в рамках целей в области устойчивого развития;
- 2) принятие в рамках конференции «Рио+20» программы «Zero Hunger Challenge¹», стратегической целью которой выступает достижение мира, свободного от голода;
- 3) создание в рамках ООН специализированных учреждений, деятельность которых направлена преимущественно на достижение различных показателей в рамках обеспечения продовольственной безопасности в мире: Всемирная продовольственная программа (ВПП)²; Группа Всемирного банка³; Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО)⁴ и Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР)⁵.

В Российской Федерации вопросы обеспечения продовольственной безопасности включены в рамки деятельности по обеспечению национальной безопасности страны. Несмотря на тот факт, что в рамках Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁶ продо-

¹ Zero Hunger Challenge URL: <https://sdgs.un.org/partnerships/zero-hunger-challenge-zhc>

² Всемирная продовольственная программа (ВПП) URL: <https://ru.wfp.org/ending-hunger>

³ Группа Всемирного банка URL: <https://www.vsemirnyybank.org/ext/ru/home>

⁴ Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) URL: <https://www.fao.org/about/about-fao/ru/>

⁵ Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР) URL: <https://www.ifad.org/en/>

⁶ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч.2, ст. 5351.

вольственная безопасность упоминается лишь в качестве тенденции, демонстрирующей экономическую устойчивость Российской Федерации и ее способность противостоять внешнему санкционному давлению, нельзя не отметить особую важность продовольственной безопасности для обеспечения национальной безопасности. Как верно подмечает Аверьянова Н.Н. «... в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации обеспечение продовольственной безопасности не определяется как самостоятельный стратегический национальный приоритет развития современной России, а упоминается в контексте обеспечения социально-экономического развития России. Тем не менее это обстоятельство не может свидетельствовать о недооценке продовольственной безопасности как самостоятельного публично-правового явления ...» [1, С. 3].

Вместе с тем, в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации¹ содержится важное указание на то, что «продовольственная безопасность является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в долгосрочном периоде, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей социально-экономической политики, а также необходимым условием реализации стратегического национального приоритета - повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения²», что подчеркивает особую важность продовольственной безопасности в рамках обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации.

Необходимо обратить особое внимание на интерес к категории «продовольственная безопасность» со стороны исследователей, рассматривающих: общетеоретические, сущностные и концептуальные аспекты продовольственной безопасности [2], [5], [11], [12], вопросы обеспечения продовольственной безопасности регионов Российской Федерации [10], [3], [4], административно-правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации [8], [9].

Определение продовольственной безопасности отражено в Доктрине продовольственной безопасности РФ, в рамках которой понимается как «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни³». Указанное определение позволяет выделить основные элементы, формирующие сущность продовольственной безопасности:

- 1) Продовольственная безопасность представляет собой состояние развития (социально-экономического) страны.

Говоря о состоянии необходимо отметить, что использование такого понятия видится наиболее логичным и целесообразным, когда речь идет о динамических системах, изменяющих свою конфигурацию и свойства со временем для достижения, восстановления или поддержания определенного результата или цели. Использование понятия «состояние» при определении продовольственной безопасности видится эффективным, так как продовольственную безопасность нельзя сформировать или достичь единожды и навсегда, состояние продовольственной безопасности страны надо: достичь при определенных международных (внешних) и внутригосударственных (внутренних) условиях, поддерживать при изменении внутренних и внешних условий, восстанавливать в случае наступления негативных условий и обстоятельств внешнего и внутреннего характера.

Отражение взаимозависимости уровня социально-экономического развития общества со степенью достижения состояния безопасности также видится логичным и целесообразным. Так, Пушина Л.Ю. и Закинчак А.И. определяют социально-экономическое развитие как «совокупность протекающих в социальной системе эндогенных и приводящих к ее качественным позитивным изменениям экономических, социальных, политических и духовных процессов при детерминирующей роли экономических процессов [7, С. 39]». Анализируя категорию авторы приходят к ряду важных выводов, обосновывающих взаимосвязь уровня социально-экономического развития со степенью достижения состояния безопасности: уровень социально-экономического развития может служить показателем безопасности; повышение качества жизни населения является основным показателем развития страны и общества; социально-экономическое развитие относится исключительно к позитивным видам трансформаций социального объекта и не может привести такой объект к деградации или распаду; необходимость обеспечения безопасности стимулирует социально-экономическое развитие общества.

Аверьянова Н.Н. также отмечает, что «...формирование в праве категории "продовольственная безопасность" обусловлено постановкой важных стратегических государственных задач, связанных с социально-экономическим развитием нашей страны [1, С. 6]»

На взаимозависимость уровня социально-экономического развития страны и степени достижения состояния продовольственной безопасности указывает тот факт, что продовольственная безопасность является важным направлением деятельности в рамках достижения национальной цели «Технологическое лидерство», а национальные цели развития Российской Федерации утверждаются в том числе для обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации⁴.

Соответственно, уровень социально-экономического развития общества является одновременно и средством, и показателем степени достижения продовольственной безопасности страны, а значит, значительная часть показателей степени достижения безопасности страны, в том числе продовольственной, должны иметь прямую связь с повышением уровня социально-экономического развития общества, что должно найти большее отражение в стратегических документах.

¹ Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4. ст. 345; 2025. № 11. ст. 1136.

² Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»

³ Там же.

⁴ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. ст. 2584.

2) Показателями продовольственной безопасности выступают: обеспечение продовольственной независимости Российской Федерации и гарантированность физической и экономической доступности для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни.

Доктриной продовольственной безопасности РФ продовольственная независимость определяется как «самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия¹». То есть возможность страны обеспечивать себя основными видами продукции, при этом, оставаясь и функционируя в условиях рыночной экономики в качестве субъекта экономической деятельности, в том числе международной. Продовольственная независимость — это прежде всего обеспечение страны необходимым количеством отечественной продукции надлежащего качества при соблюдении верховенства рыночных механизмов, в том числе международных, и с возможностью отечественных аграриев оставаться частью международного товарооборота, например, для приобретения лекарств для животных, аналогов которых отсутствуют в Российской Федерации, если это служит цели обеспечения продовольственной независимости Российской Федерации.

Вместе с тем, продовольственная независимость не должна трактоваться как продовольственный суверенитет. Как верно отмечают Мохов А.Ю. и Анисимов А.П. «... само понятие суверенитета подразумевает под собой не только независимость от какого-либо внешнего негативного воздействия. Суверенитет — это ещё и важная правовая характеристика, верховенство государственной власти во внутриполитической сфере [6, С. 279]». Соответственно, законодателю в рамках стратегических документов следует внести ясность относительно соотношения понятий «продовольственная независимость» и «продовольственный суверенитет».

Гарантированность физической и экономической доступности для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни как показатель продовольственной безопасности подразумевает под собой достижение одновременно 2 важных показателей продовольствия: доступность в оптимальном для большинства населения количестве и соответствие требованиям законодательства Евразийского экономического союза о техническом регулировании.

При этом, достижение одного показателя без достижения другого видится нелогичным и неэффективным. Аналогичный подход наблюдается и в формулировке цели обеспечения продовольственной безопасности — «обеспечение населения страны безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции²», а значит, наличие доступного и некачественного продовольствия, равно как и дефицит качественного продовольствия не могут служить средством достижения целей продовольственной безопасности.

Законодатель отмечает необходимость достижения одновременно 2 видов доступности: физической и экономической. Физическая доступность продовольствия представляет собой «уровень развития товаропроводящей инфраструктуры, при котором во всех населенных пунктах страны обеспечивается возможность приобретения жителями пищевой продукции или организации питания в объемах и ассортименте, которые соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления³», а экономическая доступность продовольствия заключается в возможности «приобретения пищевой продукции должного качества по сложившимся ценам, в объемах и ассортименте, которые соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления⁴». То есть, потребителю должна быть обеспечена возможность свободно приобрести то количество пищевой продукции, которое признано рациональной нормой потребления, по ценам, сформированным рыночными механизмами (сложившимся, а не установленным).

При этом, пороговое значение индикатора показателя «экономическая доступность» установлено и составляет сто процентов, а пороговое значение для индикатора показателя «физическая доступность» по какой-то причине не установлено, определен лишь индикатор. Хотя, в данном случае видится логичным определить такое пороговое значение, так как индикатором выступает «процентное отношение фактической обеспеченности населения разными видами торговых объектов по продаже продовольственных товаров и объектами по реализации продукции общественного питания к нормативам, установленным Правительством Российской Федерации», а установление порогового значения послужит мотиватором приведения все большего количества торговых объектов по продаже продовольственных товаров и объектами по реализации продукции общественного питания к установленным нормативам.

Таким образом, можно отметить, что определение продовольственной безопасности, данное в рамках Доктрины, отражает важность продовольственной безопасности в контексте обеспечения национальной безопасности, позволяет максимально четко определить сущность продовольственной безопасности как правовой категории в Российской Федерации, содержит логичные формулировки, применении которых обосновано с учетом реалий Российской Федерации, а для повышения эффективности деятельности по обеспечению продовольственной безопасности требуется внесение изменений в стратегические документы. Так, в рамках стратегических документов должна все четче прослеживаться прямая связь степени достижения состояния продовольственной безопасности с повышением уровня социально-экономического развития общества, а также следует внести ясность относительно соотношения понятий «продовольственная независимость» и «продовольственный суверенитет» для установления приоритета, верховенства или степени применения рыночных и административных механизмов.

¹ Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»

² Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»

³ Там же.

⁴ Там же.

Список литературы:

1. Аверьянова Н. Н. "Продовольственная безопасность": проблемы правовой институционализации // СПС "КонсультантПлюс".
2. Аминов Л. А. Сущность продовольственной безопасности / Л. А. Аминов // Актуальные проблемы военно-научных исследований. - 2021. - № 2(14). - С. 119-126. EDN: LYDLZN
3. Антамошкина Е. Н. Методика анализа продовольственной безопасности на макрорегиональном уровне // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2015. - №24 (309). - С. 25-34. EDN: ТХМУЈН
4. Антамошкина Е. Н. Алгоритм и показатели оценки эффективности аграрной политики в сфере продовольственной безопасности региона // Вестник ВолГУ. Экономика. - 2015. - №4. - С. 130 - 137. DOI: 10.15688/volsu3.2015.4.12 EDN: VNTQLT
5. Киреева Н., Санинский С. К вопросу о продовольственной безопасности России // МСХ. - 2016. - №3. - С. 59 - 63. EDN: VXMKXF
6. Мохов А. Ю. "Продовольственная безопасность", "продовольственная независимость" и "продовольственный суверенитет": соотношение понятий / А. Ю. Мохов, А. П. Анисимов // Актуальные проблемы экономики современной России: сборник материалов всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 04 мая 2020 года. Том Выпуск 7. - Йошкар-Ола: Марийский государственный университет. - 2020. - С. 278-281.
7. Пушина Л. Ю. Социально-экономическое развитие: смысл понятия и его применение в контексте исследования проблем обеспечения безопасности / Л. Ю. Пушина, А. И. Закинчак // Современные проблемы гражданской защиты. - 2020. - № 4(37). - С. 33-42. EDN: CHTVCC
8. Санникова С. С. Административно-правовое обеспечение продовольственной безопасности российской Федерации в условиях глобальных внешних вызовов // Вестник СГОА. - 2020. - №5 (136). - С. 149-153. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10136 EDN: MYOHEK
9. Санникова, С. С. Административно-правовое обеспечение продовольственной безопасности в Российской Федерации / С. С. Санникова. - Саратов: Саратовская государственная юридическая академия. - 2021. - 208 с.
10. Тимофеева Г. В., Айтпаева А. А. Методика определения уровня продовольственной безопасности региона на основе качественных характеристик продуктов питания // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2017. - №10 (355). - С. 1910-1926. DOI: 10.24891/ni.13.10.1910 EDN: ZOLDRT
11. Тихомирова В. А. Продовольственная безопасность: сущность понятия // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. - 2015. - №6 (84). - С. 123-128. EDN: UYFNGV
12. Филиппов Р. В. Продовольственная безопасность: теоретические аспекты / Р. В. Филиппов // Теория и практика приоритетных научных исследований: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4-х частях, Смоленск, 31 марта 2016 года. Том Часть 1. - Смоленск: Общество с ограниченной ответственностью "НОВАЛЕНСО". - 2016. - С. 169-170. EDN: VYKBZD

References:

1. Averyanova N. N. "Food security": problems of legal institutionalization // ConsultantPlus.
2. Aminov, L. A. The essence of food security / L. A. Aminov // Actual problems of military-scientific research. - 2021. - № 2(14). - С. 119-126.
3. Antamoshkina E. N. Methodology of analyzing food security / L. A. Aminov. N. Methodology for analyzing food security at the macro-regional level // National interests: priorities and security. - 2015. - №24 (309). - С. 25-34.
4. Antamoshkina E. N. Algorithm and indicators for assessing the effectiveness of agrarian policy in the field of food security in the region // Bulletin of VolSU. Economics. - 2015. - №4. - С. 130 - 137.
5. Kireeva N., Saninsky S. To the issue of food security in Russia // MUA. - 2016. - №3. - С. 59 - 63.
6. Mokhov A. Yu. "Food security", "food independence" and "food sovereignty": the correlation of concepts / A. Yu. Mokhov, A. P. Anisimov // Actual problems of the economy of modern Russia : proceedings of the All-Russian (national) scientific and practical conference, Yoshkar-Ola, May 04, 2020. Vol. Issue 7. - Yoshkar-Ola: Mari State University. - 2020. - С. 278-281.
7. Pushina, L. Yu. Socio-economic development: the meaning of the concept and its application in the context of the study of security problems / L. Yu. Pushina, A. I. Zakinchak // Modern problems of civil protection. - 2020. - № 4(37). - С. 33-42.
8. Sannikova S. S. Administrative-legal provision of food security of the Russian Federation in the conditions of global external challenges // Vestnik SSSA. - 2020. - №5 (136). - С. 149-153.
9. Sannikova, S. S. S. Administrative and legal provision of food security in the Russian Federation / S. S. Sannikova. - Saratov: Saratov State Law Academy. - 2021. - 208 с.
10. Timofeeva G. V., Aitpayeva A. A. A methodology for determining the level of food security of the region based on the qualitative characteristics of food products // National interests: priorities and security. - 2017. - №10 (355). - С. 1910-1926.
11. Tikhomirova V. A. Food security: the essence of the concept // Bulletin of the Plekhanov Russian Academy of Economics. - 2015. - №6 (84). - С. 123-128.
12. Filippov R. V. Food security: theoretical aspects / R. V. Filippov // Theory and practice of priority scientific research : a collection of scientific papers on the materials of the International Scientific and Practical Conference: in 4 parts, Smolensk, March 31, 2016. Volume Part 1. - Smolensk: Limited Liability Company "NOVALENCO". - 2016. - С. 169-170.

КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ COMPETENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE POPULATION AND TERRITORIES FROM EMERGENCY SITUATIONS

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович,

кандидат военных наук, доцент, заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы

Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева». 192102, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 10.

E-mail: pyanusov.av@yandex.ru;

PYANUSOV Alexander Viktorovich,

Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Life Safety

St. Petersburg State Fire Service University Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies

and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev." Fuchika str., 10, Saint Petersburg, 192102, Russia.

E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена изучению компетенции органов местного самоуправления в Единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций как самостоятельного органа представительной власти, с использованием форм непосредственного выражения воли местного сообщества, направленная на формирование массива муниципальных правовых актов в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; организацию и осуществление мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Abstract: The article is devoted to the study of the competence of local government bodies in the Unified State System for the Prevention and Elimination of Emergencies as an independent representative body, using forms of direct expression of the will of the local community, aimed at the formation of an array of municipal legal acts in the field of prevention and elimination of emergency situations; organization and implementation of measures to protect the population and territories from emergency situations of natural and man-made nature.

Ключевые слова: защита населения и территорий, органы местного самоуправления, чрезвычайные ситуации, компетенция.

Keywords: protection of population and territories, local authorities, emergency situations, competence.

Для цитирования: Пьянусов А.В. Компетенция органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 187-190. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_187.

For citation: Pyanusov A.V. Competence of local self-government bodies in the field of protection of the population and territories from emergency situations // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 187-190. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_187.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Понятие «компетенция» в современной правовой литературе достаточно разработано. Рассмотрим несколько подходов к его толкованию. Т.М. Бялкина определяет компетенцию как «правовое средство, позволяющее закрепить роль и место конкретного субъекта в управленческом процессе путем законодательного закрепления за ним определенного объема публичных дел». Согласно другому определению компетенция — это совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного государственного органа (органа местного самоуправления) или должностного лица, определяющих его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления)¹. По мнению Ю.А. Тихомирова, компетенцию в самом общем виде можно определить как «возложенный законом на уполномоченный субъект объем публичных дел» либо как «комплекс легально установленных способов осуществления публичных функций»². Распространенной является точка зрения, согласно которой компетенция - это единство предметов ведения и полномочий (прав и обязанностей) конкретного субъекта³. Данное определение представляется автору наиболее адекватно отражающим понятие компетенции.

К элементам компетенции относятся: нормативно установленные цели; предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия; властные полномочия как гарантированная законом мера принятия решений и совершения действий. Сопутствующим элементом является ответственность за неисполнение возложенных полномочий. Т.М. Бялкина определяет содержание компетенции органов местного самоуправления сходным образом: она складывается из предметов ведения, т.е. сферы управленческой деятельности, и полномочий, т.е. меры возможного и должного поведения органов местного самоуправления⁴.

Под установленными целями как элементом компетенции следует понимать «публичные функции, без которых общество и государство не могут обеспечить жизнедеятельность и свое существование», способ длительной нормативной ориентации субъектов права и устойчивую деятельность по достижению данных целей. Целью деятельности органов местного самоуправления, согласно нормам международного

¹ Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. М., 2008. С. 137.

² Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Юстцинформ, 2012. С. 55.

³ Шеремет К.Ф. Компетенция местных Советов. М., 2011. С. 11-16.

⁴ Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Юстцинформ, 2012. С. 56.

права в сфере местного самоуправления, является регламентация значительной части публичных дел и управление ею в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения¹. Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» определяет цель местного самоуправления как самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций².

Предметы ведения органов местного самоуправления, согласно ФЗ — 131, включают в себя: вопросы местного значения муниципальных образований; отдельные государственные полномочия, переданные органам местного самоуправления; вопросы, не отнесенные к вопросам местного значения, право решения, которых предоставлено органам местного самоуправления.

Организация и осуществление мероприятий по защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, создание, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и (или) аварийно-спасательных формирований на территории поселения (городского округа) были установлены в качестве вопросов местного значения федеральным законом от 29 декабря 2004 г. № 199-ФЗ³.

Анализируя нормы действующего законодательства, текущее состояние местного самоуправления в Российской Федерации, практический опыт по обеспечению защиты от чрезвычайных ситуаций на муниципальном уровне, мнения ученых, можно сделать вывод, что в настоящее время вопросы защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера к вопросам местного значения относятся целесообразно.

Во-первых, многие муниципальные образования готовы к самостоятельному, за счет собственных средств решению отнесенных законом к их ведению вопросов местного значения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Согласно действующему законодательству органы местного самоуправления самостоятельно финансируют мероприятия по защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций в границах муниципального образования, и лишь при недостаточности муниципальных сил и средств, привлекают силы и средства субъекта Российской Федерации. Законодатель указал, что органы местного самоуправления финансируют предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций «в границах муниципального образования». В большинстве муниципальных образований финансирование любой деятельности, в том числе по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций — вопрос достаточно актуальный.

Во-вторых, отнесение защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций к вопросам местного значения не влечет за собой организационный разрыв РСЧС. Система управления в чрезвычайных ситуациях строится на сочетании принципов единоначалия и распределения полномочий и ответственности, это значит, что хотя силы и средства могут находиться в разном подчинении, вертикаль управления должна быть по возможности единой. Разграничение полномочий не должно нарушать внутрисистемную взаимосвязанность органов управления на разных уровнях.

Согласно ст. 34 ФЗ-131 органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти, органы государственной власти могут лишь взаимодействовать с органами местного самоуправления, не имея полномочий прямого управленческого воздействия на них. Принцип муниципальной ответственности за предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций не противоречит принципу организационной целостности системы защиты от чрезвычайных ситуаций. Отнесение к компетенции органов местного самоуправления ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций своими силами и средствами не противоречит принципу единства государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Если РСЧС - государственная система, то ликвидация чрезвычайных ситуаций может являться «делом местного значения» и быть расходным обязательством муниципалитета, а так же должна дополнительно финансироваться из государственного бюджета субъекта РФ.

Частные полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения в области защиты от чрезвычайных ситуаций установлены отраслевыми нормативно-правовыми актами. Согласно ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют подготовку и содержание в готовности необходимых сил и средств для защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также подготовку населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций; принимают решения об отнесении возникших чрезвычайных ситуаций к чрезвычайным ситуациям муниципального характера, организуют и осуществляют проведение эвакуационных мероприятий при угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций; осуществляют информирование населения о чрезвычайных ситуациях; осуществляют финансирование мероприятий в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций; создают резервы финансовых и материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций; организуют и проводят аварийно-спасательные и другие неотложные работы, а также поддерживают общественный порядок при их проведении; при недостаточности собственных сил и средств обращаются за помощью к исполнительным органам субъектов Российской Феде-

¹ Назарова, И. С. О международных связях субъектов Российской Федерации с иностранными государствами / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 9(237). — С. 126-130. — DOI 10.47643/1815-1329_2024_9_126. — EDN ESBFKU; Организационно-правовые аспекты международного сотрудничества МЧС России в контексте обеспечения национальной безопасности / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин, Е. А. Севастьянова // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 10(226). — С. 7-9. — DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_7. — EDN SCLFTB.

² Немова, Н. Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2021. — № 3(52). — С. 52-58. — EDN OMKRQM.

³ Немова, Н. Ю. Взаимодействие органов государственной и муниципальной власти в охране общественного порядка : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Немова Нинель Юрьевна. — Санкт-Петербург, 2002. — 185 с. — EDN NMBCFB.

рации; содействуют устойчивому функционированию организаций в чрезвычайных ситуациях; создают при органах местного самоуправления постоянно действующие органы управления, специально уполномоченные на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций; вводят режим повышенной готовности или чрезвычайной ситуации для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; устанавливают местный уровень реагирования в порядке, установленном Федеральным законом; участвуют в создании, эксплуатации и развитии системы обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру "112"; создают и поддерживают в постоянной готовности муниципальные системы оповещения и информирования населения о чрезвычайных ситуациях; осуществляют сбор информации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и обмен такой информацией, обеспечивают, в том числе с использованием комплексной системы экстренного оповещения населения об угрозе возникновения или о возникновении чрезвычайных ситуаций, своевременное оповещение населения об угрозе возникновения или о возникновении чрезвычайных ситуаций; разрабатывают и утверждают планы действий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территориях муниципальных образований; устанавливают при ликвидации чрезвычайных ситуаций федерального, межрегионального, регионального, межмуниципального и муниципального характера факты проживания граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в жилых помещениях, находящихся в зоне чрезвычайной ситуации, нарушения условий их жизнедеятельности и утраты ими имущества в результате чрезвычайной ситуации.

Позиция законодателя очевидна: сократить бремя расходов федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации по защите от чрезвычайных ситуаций, переложив его на органы местного самоуправления. Однако, передача на муниципальный уровень полномочий, соответствующих реальным возможностям муниципального образования, сказывается особенно благоприятно в такой сфере, как обеспечение муниципальной безопасности, и, в частности, защита от чрезвычайных ситуаций.

В настоящее время муниципальная подсистема единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций находится все еще в стадии становления и развития: создается нормативно-правовая база обеспечения полномочий органов местного самоуправления в сфере чрезвычайных ситуаций, формируются финансовые и материальные резервы, постоянно действующие органы управления, органы повседневного управления, силы и средства, отрабатываются системы связи, оповещения и информационного обеспечения.

Замедленные темпы приведения субъектами Российской Федерации собственных законов о местном самоуправлении в соответствие с Федеральным законодательством, отсутствие четкого механизма реализации указанных полномочий и их финансового обеспечения ставит под угрозу создание и функционирование эффективных муниципальных пожарно-спасательных формирований в единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В связи с этим очевидна необходимость внесения научно-обоснованных изменений в дальнейший процесс правового регулирования деятельности органов местного самоуправления в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также выработки рекомендаций по разрешению существующих в данной области проблем.

Таким образом, эффективность деятельности органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций зависит от полноты закрепления их полномочий в нормативно-правовых актах. Относительная неопределенность полномочий органов местного самоуправления и механизмов их реализации является серьезным препятствием в деятельности органов местного самоуправления. Совершенствование правовой базы, определение порядка финансирования полномочий органов местного самоуправления, механизмов реализации отдельных полномочий, определение порядка взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления — это далеко не полный список мер, которые необходимо предпринять для изменения существующей ситуации.

Деятельность представительных и исполнительных органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций направлена на формирование массива муниципальных правовых актов в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, организацию и осуществление мероприятий по гражданской обороне, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера¹. Активнее необходимо использовать формы непосредственного волеизъявления и опросы жителей муниципального сообщества по проблемам, требующим первоочередного решения в области обеспечения безопасности. Данные полученные в результате их проведения могут стать реальной основой для корректировки планов и совершенствования работы муниципальной подсистемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

К основным мероприятиям по образованию муниципального звена подсистемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций следует отнести создание: координационных органов, постоянно действующих органов управления, органов повседневного управления, сил и средств, резервов финансовых и материальных ресурсов, системы связи, оповещения и информационного обеспечения.

Список литературы:

1. Кузнецов И.И. Компетенция высших органов власти и управления РФ. М., 2009. С. 13-22.

¹ Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. — С. 141-145. — EDN IBAGYU.

2. Назарова, И. С. О международных связях субъектов Российской Федерации с иностранными государствами / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 9(237). - С. 126-130. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_9_126 EDN: ESBFKU
3. Немова, Н. Ю. Взаимодействие органов государственной и муниципальной власти в охране общественного порядка: специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Немова Нинель Юрьевна. - Санкт-Петербург, 2002. - 185 с. EDN: NMBCFB
4. Немова, Н. Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2021. - № 3(52). - С. 52-58. EDN: OMKRQM
5. Организационно-правовые аспекты международного сотрудничества МЧС России в контексте обеспечения национальной безопасности / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин, Е. А. Севастьянова // Аграрное и земельное право. - 2023. - № 10(226). - С. 7-9. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_10_7 EDN: SCLFTB
6. Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. М., 2008. С. 137.
7. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Юстицинформ, 2012. С. 56.
8. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Юстицинформ, 2012. С. 55.
9. Шеремет К.Ф. Компетентия местных Советов. М., 2011. С. 11-16.
10. Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуанова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. - С. 141-145. EDN: IBAGYU

References:

1. Kuznetsov I.I. Competence of the supreme authorities and management of the Russian Federation. Moscow, 2009. pp. 13-22.
2. Nazarova, I. S. On international relations of subjects of the Russian Federation with foreign states / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. - 2024. - № 9(237). - Pp. 126-130. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_9_126 EDN: ESBFKU
3. Nemova, N. Y. Interaction of state and municipal authorities in the protection of public order: specialty 12.00.02 "Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law": dissertation for the degree of Candidate of Law / Nemova Ninel Yurievna. - Saint Petersburg, 2002. 185 p. EDN: NMBCFB
4. Nemova, N. Y. The influence of constitutional norms on the relationship between state authorities and local self-government in the Russian Federation / N. Y. Nemova, V. P. Grigoris // Pravo. Safety. Emergency situations. - 2021. - № 3(52). - Pp. 52-58. EDN: OMKRQM
5. Organizational and legal aspects of international cooperation of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the context of ensuring national security / I. S. Nazarova, D. I. Nazarov, V. M. Shenshin, E. A. Sevastyanova // Agrarian and Land law. - 2023. - № 10(226). - Pp. 7-9. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_10_7 EDN: SCLFTB
6. Rumyantsev O.G., Dodonov V.N. Legal encyclopedia. Moscow, 2008. P. 137.
7. Tikhomirov Yu.A. Theory of competence. Moscow: Justicinform, 2012. P. 56.
8. Tikhomirov Yu.A. Theory of competence. Moscow: Justicinform, 2012. P. 55.
9. Sheremet K.F. Competence of local Councils. Moscow, 2011. pp. 11-16.
10. Shenshin, V. M. Features of interaction between the Ministry of Emergency Situations of Russia and local governments in the field of protection of the population from emergencies / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanova // Fire safety: modern challenges. Problems and solutions: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 22, 2021 / Comp.: A.V. Zykov, N.V. Fedorova, O.E. Evseeva. - Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief, 2021. - pp. 141-145. EDN: IBAGYU

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ HUMAN RIGHTS ACTIVITIES IN THE FIELD OF ANIMAL TREATMENT: PROBLEMATIC ASPECTS

ШАНАЗАРОВА Елена Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.

600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: alyonapov@mail.ru;

ВОРОНЦОВА Наталья Александровна,

магистрант Владимирского юридического института ФСИН России.

600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: natali_natali-1987@bk.ru

SHANAZAROVA Elena Vitalievna,

Associate Professor of the Department of civil law disciplines' of the Faculty of Law of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Candidate of law, Associate Professor. 67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.

E-mail: alyonapov@mail.ru;

VORONTSOVA Natalia Alexandrovna,

Graduate student of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: natali_natali-1987@bk.ru

Краткая аннотация: В статье описаны предпосылки возникновения вопроса, связанного с правозащитной деятельностью в области обращения с животными. Изучена и разъяснена правовая ответственность за преступления в отношении животных. На примере конкретной правозащитной организации рассмотрены основные направления деятельности, упомянут законопроект об учреждении института уполномоченного по правам животных, выявлены проблемы и пути их решения.

Abstract: The article describes the prerequisites for the emergence of a question related to human rights activities in the field of animal treatment. Legal responsibility for crimes against animals has been studied and clarified. Using the example of a specific human rights organization, the main areas of activity are considered, the draft law on the establishment of the institute of the Commissioner for Animal Rights is mentioned, problems and solutions are identified.

Ключевые слова: животные, правозащитная деятельность, жестокое обращение, уголовная ответственность, уполномоченный по правам животных.

Keywords: animals, human rights activities, abuse, criminal liability, Commissioner for Animal Rights.

Для цитирования: Шаназарова Е.В., Воронцова Н.А. Правозащитная деятельность в области обращения с животными: проблемные аспекты // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 191-192. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_191.

For citation: Shanazarova E.V., Vorontsova N.A. Human rights activities in the field of animal treatment: problematic aspects // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 191-192. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_191.

Статья поступила в редакцию: 19.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Современный мир, с точки зрения социально-психологического развития, удивительно многогранен и сложно структурирован. В повседневной жизни людей, все больше места и внимания уделяется домашним питомцам, содержание которых оказывает позитивное воздействие на психологическое здоровье человека [1]. Однако, порой встречаются ситуации жестокого обращения и истязания животных. Данные процессы находятся под надзором государства и контролем правозащитных организаций.

Тема данной статьи посвящена вопросу изучения правозащитной деятельности в области обращения с животными. Актуальность темы подтверждается тем фактом, что жестокие и преступные действия по отношению к людям, достаточно часто начинаются с жестоких действий по отношению к животным. Данный факт является научной подтвержденным, так как на него обращали внимание исследователи, как из России, так и из других стран [2]. Прежде чем мы перейдем к описанию основных трендов правозащитной деятельности в области обращения с животными, кратко опишем действующий механизм привлечения к правовой ответственности.

Отметим, что жестокое обращение с животными, которое привело к увечьям или смерти, в соответствии с действующим уголовным законодательством (ст. 245), имеет дифференцированные формы уголовного наказания от денежного штрафа (80-100 тыс. руб.) до лишения свободы (до 3-5 лет). Также в качестве наказания могут применяться такие санкции, как: обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы или арест. Отягчающим обстоятельством в данном виде преступления будет выступать: а) организованная группа, занимающаяся жестокими действиями в отношении животных; б) публичная демонстрация подобных актов насилия; в) совершения данных актов перед детьми и прочее.

Несмотря на многофакторный механизм карательных мер, к сожалению, на практике ситуация обстоит несколько иначе. За последние годы наблюдается рост количества преступлений, совершаемых живодерами. Однако, как показывает статистика, реальный приговор получает только каждый пятый. Кроме того, в основном, это либо условный срок, либо денежный штраф. Правозащитники отмечают, что до суда подобные дела доходят в очень малых количествах (примерно 1%).

Профессиональная деятельность правозащитников и правозащитных организаций нацелена на создание условий, при которых жестокое обращение с животными станет полем внимания федеральных законодателей. Именно благодаря деятельности правозащитников, стало возможным говорить о законодательном закреплении прав животных.

Новая эпоха правозащитной деятельности характеризуется централизацией внимания на данной проблеме. Деятельность правоза-

щитников привела к смене общественного сознания и консолидации мирового сообщества в вопросе гуманного отношения к животным. Кроме того, данный тезис считается признаком цивилизованного государства и общества. Правозащитники смогли убедить государственные органы власти в том, что жесткое обращение с животными является общественно опасным преступлением, поскольку подрывает общий уровень нравственности, а также придает агрессивности повседневный характер, что в перспективе проецируется и на отношение к людям [3].

Рассмотреть роль правозащитников в защите животных уместно на конкретном примере. Правозащитниками была предложена мера по созданию контрольной инспекции за деятельностью приютов для бездомных животных. Совместная инициатива юристов и правозащитников в качестве аналогии привела пример, связанный с деятельностью общественных наблюдательных комиссий, которые занимаются надзором за соблюдением прав граждан, находящихся в учреждениях принудительного содержания.

Поводом к предложению подобной инициативы послужил факт жестокого обращения с животными, обнаруженный в Благотворительной автономной некоммерческой организации по спасению животных «ЭКО». Полиция обнаружила множество трупов животных. В результате было возбуждено уголовное дело и выписаны административные протоколы.

Существенным продвижением в вопросе правовой защиты животных может стать инициация института уполномоченного по правам животных. Группа депутатов подготовила законопроект об учреждении должности уполномоченного по правам животных, которая бы позволила более детально подходить к частным случаям, а значит не допускать «размытия» этих вопросов. Инициаторами законопроекта являются представители фракции ЛДПР. К слову, во многих странах мира, права животных уже закреплены в законодательстве.

Крупнейшей отечественной организацией, занимающейся защитой прав животных является «Альянс Защитников Животных». В отчете о деятельности организации за 2023 год обращается внимание на недопустимость поправок в ФЗ «Об ответственном отношении к животным» в соответствии, с которыми субъекты Российской Федерации уполномочены самостоятельно принимать законы об убийстве бездомных животных [4].

Организация собирала подписи против внесения поправок, а также организовала массовый сбор граждан у Государственной Думы. Кроме того, было передано более 17 тыс. обращений из 136 городов России против законопроектов [5].

Несмотря на предпринятые усилия, правки были приняты, и уже некоторые регионы приняли соответствующие региональные законы. Организация подала жалобу в Конституционный Суд, однако, продвижения в данном процессе пока нет.

Следующей организацией, деятельность которой посвящена защите прав животных является Ассоциация юристов и специалистов по правам и защите животных «Зооправо». По аналогии с вышеописанной организацией, ее активисты, а также практически все оставшееся сообщество зоозащитников, высказались о том, что поправки в федеральное законодательство выглядят сырыми и не до конца проработанными.

Представители организации видят необходимости доработки закона, а также увеличения степени государственного участия в вопросах, связанных с безнадзорными животными и жестоким обращением с животными решить невозможно.

Кроме публичного несогласия с принятыми поправками, деятельность учреждения заключается в организации работы горячей линии, при обращении на которую неравнодушные граждане смогут получить помощь, связанную с юридической помощью для животных, подвергшихся жестокому обращению. Функция общественного надзора, на которую ориентирована Ассоциация юристов и специалистов по правам и защите животных «Зооправо», заключается в том, что помимо составления обращения в правоохранительные органы, активисты и юристы организации, реализуя положения парламентского контроля, обращаются в специальный комитет Государственной Думы – по экологии и охране окружающей среды. Данный подход позволяет достичь эффективности в вопросе увеличения контрольных средств, что способствует снижению уровня преступности.

Разумеется, нужно обращать внимание не только на законодательные пункты, которые, по мнению правозащитников, нуждаются в доработке. Необходимо также контроль процесс, связанный с ростом количества бродячих животных. Например, завести домашнего питомца в России просто. Для этого не нужно просить разрешения в ветеринарной службе. В США или Германии о таких условиях могут только мечтать. Чтобы завести собаку, будущие владельцы этих стран должны доказать, что они понимают всю ответственность своего поступка.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что, несмотря на законодательное закрепление правовой ответственности за жестокое обращение с животными, а также правозащитную деятельность различных организаций, данный вопрос все еще остается проблемным, так как существенно отстает от уровня государственно-правового регулирования зарубежных стран. В этой связи, прослеживается необходимость дальнейшей совместной работы законодателей и правозащитников.

Список литературы:

1. Лыков И. Н., Суханова В. С. Влияние домашних животных на здоровье человека в урбанизированных экосистемах // Экология урбанизированных территорий. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-domashnih-zhivotnyh-na-zdorovie-cheloveka-v-urbanizirovannyh-ekosistemah> (дата обращения: 17.12.2024). DOI: 10.24412/1816-1863-2022-1-65-69 EDN: PZSGZE
2. Кольцов М. И., Попова Е. А. К вопросу об отношении человека к животным в современной России: уголовно-правовой и нравственный аспект // Социально-политические науки. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otnoshenii-cheloveka-k-zhivotnym-v-sovremennoy-rossii-ugolovno-pravovoy-i-nravstvennyy-aspekt> (дата обращения: 17.12.2024). DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-128-132 EDN: KNGXFE
3. Тищенко В. С., Медведев С. С. Правовые проблемы жестокого обращения с животными // Скиф. 2021. №6 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovyye-problemy-zhestokogo-obrascheniya-s-zhivotnymi> (дата обращения: 17.12.2024). EDN: JIYDEV
4. Федеральный закон "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 27.12.2018 N 498-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646
5. Альянс защитников животных. Отчет за 2023 год. URL: <https://www.allianceforanimals.ru/report-2023>.

References:

1. Lykov I. N., Sukhanova V. S. The impact of pets on human health in urbanized ecosystems // Ecology of urbanized territories. 2022. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-domashnih-zhivotnyh-na-zdorovie-cheloveka-v-urbanizirovannyh-ekosistemah> (date of request: 12/17/2024).
2. Koltsov M. I., Popova E. A. On the issue of human relations to animals in modern Russia: criminal, legal and moral aspects // Socio-political Sciences. 2020. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otnoshenii-cheloveka-k-zhivotnym-v-sovremennoy-rossii-ugolovno-pravovoy-i-nravstvennyy-aspekt> (date of request: 12/17/2024).
3. Tishchenko V. S., Medvedev S. S. Legal problems of cruelty to animals // Skif. 2021. №6 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovyye-problemy-zhestokogo-obrascheniya-s-zhivotnymi> (date of request: 12/17/2024).
4. Federal Law "On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated December 27, 2018 N 498-FZ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/
5. The Animal Welfare Alliance. Report for 2023. URL: <https://www.allianceforanimals.ru/report-2023/>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ THEORETICAL FOUNDATIONS OF INFORMATION OPENNESS OF GOVERNMENT AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF PUBLIC ADMINISTRATION

ФОМИН Илья Алексеевич,

студент Института частного права

МГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

123242, Россия, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 9 стр. 1.

E-mail: ifomin073@gmail.com;

FOMIN Ilya Alekseevich,

student of the Institute of Private Law Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA).

440026, Russia, Moscow, Sadovo-Kudrinskaya str., 9, building 1.

E-mail: ifomin073@gmail.com

Краткая аннотация. Потребность научного анализа теоретико-правовых основ информационной открытости органов публичной власти, влияние информационной открытости на политическую стабильность и легитимность власти, а также необходимость совершенствования правовой регламентации и практики применения в данной сфере актуализируют тему исследования. В статье рассматриваются понятие и принципы информационной открытости в контексте государственного управления, а также правовые основы информационной открытости органов публичной власти. В исследовании автором поставлена проблема роли информационной открытости в функционировании демократического государства. Автором сделан вывод о том, что информационная открытость органов власти способствует укреплению доверия граждан к государственным институтам, формируя тем самым фундамент легитимности власти в демократической системе.

Abstract: The need for a scientific analysis of the theoretical and legal foundations of information openness of public authorities, the impact of information openness on political stability and the legitimacy of government, as well as the need to improve legal regulation and application practices in this area actualize the research topic. The article discusses the concept and principles of information openness in the context of public administration, as well as the legal basis of information openness of public authorities. In the study, the author raises the problem of the role of information openness in the functioning of a democratic state. The author concludes that the information openness of authorities helps to strengthen citizens' trust in state institutions, thereby forming the foundation of the legitimacy of government in a democratic system.

Ключевые слова: информационная открытость, прозрачность органов управления, законность, подотчетность, общество, демократия.

Key words: information openness, transparency of government bodies, legality, accountability, society, democracy.

Для цитирования: Фомин И.А. Теоретические основы информационной открытости органов власти в контексте государственного управления // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 193-196. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_193.

For citation: Fomin I.A. Theoretical foundations of information openness of government authorities in the context of public administration // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 193-196. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_193.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В современном мире, характеризующемся стремительным развитием информационных технологий и возрастающей ролью гражданского общества, вопрос информационной открытости органов власти приобретает первостепенное значение. Данная концепция является не просто модным трендом или формальным требованием, а фундаментальным принципом эффективного и легитимного государственного управления, напрямую влияющим на уровень доверия общества к своим институтам. Понимание сущности информационной открытости в контексте государственного управления является отправной точкой для дальнейшего исследования ее принципов, роли в демократическом государстве.

Ф. И. Белозор под открытостью управления власти раскрывает «демократическую форму взаимоотношения общества и государства в целом. Суть данного взаимоотношения он видит в возможности (правовой и фактической) граждан и общественных объединений участвовать в развитии политики государства, управленческих решений, в наблюдении и контроле их исполнения» [1, с. 178].

Как подчеркивает Н. Ю. Корченкова, «информационная открытость является важным элементом демократической вовлеченности населения» [2, с. 124].

Одним из ключевых аспектов информационной открытости является информационная прозрачность, которая, по мнению Ж. С. Улмаса, «носит функциональный характер, который ведет к регулированию общественных процессов, а открытость — социально-коммуникативный» [3, с. 128].

В настоящее время выделяют три уровня информационной открытости органов государственного и муниципального управления:

«Первый уровень — это начальный доступ к информации социально-политических структур, который обеспечивает возможность получения и структурирования сведений о деятельности государственной власти через гарантированный доступ к источникам информации, содержащим итоги решений общественно значимых вопросов.

Второй уровень предполагает возможность контроля и ответственности лиц, принимающих решения в области общественных интересов, что обеспечивается свободным доступом граждан к соответствующей информации и дает им право влиять на процесс принятия решений» [4, с. 1442].

Третий уровень «характеризуется возможностью непосредственного участия представителей общества, включая невластные и неправительственные группы, в процессе принятия решений» [5, с. 235].

Следует отметить, что понятие информационной открытости в государственном управлении не является статичным. Если раньше только традиционные СМИ являлись основными каналами распространения информации, то уже сегодня становятся все более распространенными интернет и цифровые платформы, включая социальные сети. Это означает, что органы власти должны стремиться непрерывно улучшать подходы к информационной открытости и активно использовать новые стратегии воздействия на общество с целью обеспечения его права использования информации.

Рассмотрим основные принципы информационной открытости госорганов. Они представляют собой основу для создания эффективной системы взаимодействия государства и общества, опирающейся на доверие и взаимную ответственность.

Одним из ключевых принципов информационной открытости является принцип законности. Это значит, что вся деятельность государственных органов по обеспечению доступа к информации должна строго соответствовать действующему законодательству.

Принцип прозрачности тесно связан с принципом законности. Если законность устанавливает правовые рамки и процедуры, то прозрачность обеспечивает практическую реализацию этого права, делая информацию о деятельности органов власти доступной для общества, за исключением сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну.

Как отмечают ряд авторов, «прозрачность органов управления есть свойство открытости, которое подразумевает гарантию доступности, закрепленную законодательно для субъектов общества в целом, достоверной информации о деятельности муниципального и государственного управления» [6, с. 8]. Как отмечалось ранее, именно принцип прозрачности обеспечивает возможность для граждан и институтов гражданского общества осуществлять контроль за деятельностью государственных органов [7, с. 5]. Она способствует подотчетности власти, предотвращает злоупотребления и создает условия для повышения доверия общества к власти путем получения населением необходимой информации для участия в общественном контроле и принятии решений. Прозрачность носит функциональный характер, направленный на регулирование общественных процессов, в то время как открытость имеет более широкую социально-коммуникативную направленность. Прозрачность деятельности органов власти является неотъемлемой частью понятия «открытость».

Итак, принцип прозрачности, являясь практическим воплощением законности, обеспечивает доступность информации о деятельности органов власти для общества. Однако, сама по себе открытость информации не гарантирует доверия и эффективности управления. Именно поэтому следующим ключевым принципом информационной открытости выступает принцип подотчетности.

Принцип подотчетности означает, что органы власти несут прямую ответственность за обеспечение информационной открытости и за качество предоставляемых сведений. Это не просто формальное декларирование доступности информации, а наличие действенных механизмов обратной связи с обществом. Подотчетность является «ключевым элементом правового государства, обеспечивающим контроль общества за деятельностью властных структур» [8, с. 125].

Для оценки эффективности предпринимаемых мер необходимо проведение регулярного мониторинга и анализа того, насколько успешно органы власти выполняют свои обязательства по обеспечению открытости. Принцип ответственности государственных органов предполагает не только юридическую, но и политическую ответственность перед избирателями и обществом в целом за принимаемые решения и их последствия, что напрямую относится и к обеспечению информационной открытости [9, с. 287].

Таким образом, принцип подотчетности создает основу для того, чтобы информационная открытость не оставалась односторонним процессом. Он логично подводит нас к пониманию того, что эффективное взаимодействие между властью и обществом требует активного участия обеих сторон, что находит свое отражение в принципе двустороннего взаимодействия.

Принцип двустороннего взаимодействия предполагает, что информационная открытость – это не просто трансляция сведений от власти к обществу. Следует отметить, что общество не является пассивным наблюдателем. Оно играет активную роль, выражая свои информационные потребности, осуществляя надзор за деятельностью государственных структур и стремясь к получению всесторонней и достоверной информации. Как отмечает ряд авторов, «подлинная информационная открытость заключается в создании механизмов эффективной коммуникации между органами власти и общественностью, обеспечивающих возможность граждан участвовать в процессе принятия управленческих решений и осуществлять общественный контроль за их реализацией» [10, с. 188].

Последовательное соблюдение вышеуказанных принципов является необходимым условием для обеспечения высокого уровня информационной открытости органов государственной власти, создания эффективной системы взаимодействия между государством и обществом, основанной на доверии, взаимном уважении и сотрудничестве.

Рассмотрев ключевые принципы информационной открытости органов власти, необходимо подчеркнуть ее фундаментальную роль в жизнеспособности демократии.

Как уже отмечалось, такие основы, как законность, прозрачность, подотчетность и взаимодействие с гражданами, являются не просто желательными, а обязательными условиями для работы демократических институтов и реализации народовластия.

Нельзя недооценить влияние информационной открытости на укрепление легитимности государственной власти. В демократическом государстве все уровни власти выполняют определенные функции, которые сводятся к обеспечению интересов общества в целом, граждане имеют право знать о предоставляемых государственных и муниципальных услугах, о принятых решениях и их исполнении. В свою очередь, это способствует росту доверия граждан к государственным институтам, и ведет к координационному взаимодействию общества со структурами власти.

Следует согласиться с мнением Е. Н. Ветровой, которая пишет, что «информационная сфера, обладая политической, экономической и социальной составляющей, является тем инструментом государственной политики, благодаря которой действует механизм управления обществом: от анализа ситуации, формирования и принятия государственного решения до проведения управляющего воздействия и комплексной оценки ее эффективности» [11, с. 47].

Информационная открытость способствует формированию зрелого и ответственного гражданского общества. В современном мире она может быть достигнута с помощью различных источников и инструментов регулирования. Среди основных, можно назвать печатные средства массовой информации органов власти, новостные блоки, телепередачи с участием представителей органов публичной власти, и, конечно, официальные сайты органов государственной власти и местного самоуправления.

Исходя из всего выше сказанного, информационная открытость власти должна быть нацелена на то, чтобы информация была публична и легко доступна, так как она затрагивает интересы отдельных граждан. На данный момент именно институты исполнительной и государственной власти обеспечивают эту доступность [12, с. 88].

Таким образом, предоставляя гражданам доступ к информации о деятельности органов власти, их решениях и результатах, информационная открытость обеспечивает реальную возможность для осознанного общественного контроля и оценки работы госаппарата. Эта прозрачность напрямую способствует укреплению доверия граждан к государственным институтам, формируя тем самым фундамент легитимности власти в демократической системе.

В настоящее время информация имеет огромное значение в жизни личности, общества и государства. Любая сфера общественной жизни не может функционировать без развитой информационной структуры. Национальный информационный ресурс является сегодня одним из главных источников экономической и военной мощи государства [13]. Поэтому неудивительно, что право на информацию закреплено на самом высоком уровне – и в международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [14] или Окинавская Хартия глобально-информационного общества 2000 г. [15], и в нашем российском законодательстве.

В России впервые об этом праве заговорили еще в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. [16], где речь шла о доступе к общедоступной информации.

Сейчас же это право прочно закрепилось в части 4 статьи 29 Конституции РФ: «каждый может свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [17]. Правда, сама Конституция не дает четкого определения, что же такое «информация».

Чтобы понять это, нужно обратиться к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (известному как № 149-ФЗ) [18]. Он регулирует все, что связано с информацией в России, и определяет ее довольно просто: информация – это «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». То есть, по сути, почти все, что мы видим, слышим и читаем.

Но когда мы говорим именно об открытости органов власти, ключевым становится другой закон – Федеральный закон № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [19]. Именно он детально прописывает, как мы, граждане, можем получать информацию о работе чиновников и ведомств. Этот закон строится на важных принципах: информация должна быть открытой, достоверной, предоставляться вовремя, а искать ее можно свободно. Он обязывает органы власти размещать информацию о себе: кто, чем занимается, какие решения принимает, куда тратит бюджетные деньги, какие услуги оказывает и многое другое.

Основной инструмент для этого сегодня – официальные сайты в интернете, но закон предусматривает и другие способы: информацию должны публиковать в СМИ, размещать на стендах в самих учреждениях, предоставлять в библиотеках и, конечно, отвечать на прямые запросы граждан. При этом важно понимать, что право на информацию – не абсолютное. Есть сведения, доступ к которым ограничен законом для защиты более важных интересов. В первую очередь, это государственная тайна (регулируется отдельным законом [20]), персональные данные граждан (охраняются законом № 152-ФЗ [21]), а также разного рода служебная, коммерческая или иная охраняемая законом тайна.

Кроме того, у граждан есть еще один важный инструмент для получения информации и защиты своих прав – это Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [22]. Он позволяет не только жаловаться на нарушения, но и просто запрашивать у органов власти нужную информацию по их работе, вносить предложения. Хотя №ФЗ-8 больше нацелен на проактивную открытость, №ФЗ-59 важен для получения конкретных сведений по запросу и для диалога с властью.

Таким образом, все эти законы и механизмы – от обязательных сайтов и открытых данных до права на обращение и судебную защиту направлены на одно - сделать работу власти более понятной и прозрачной для общества. А это в свою очередь будет способствовать развитию гражданского общества, демократизации и повышению эффективности государственного управления, и, в конечном счете, повышению стабильности функционирования институтов государства.

Список литературы:

1. Белозор Ф. И. Расширение открытости и прозрачности государственного управления // VIII Междунаро. науч.-практ. конф. «Реформирование системы государственного управления в субъекте Российской Федерации: традиции и инновационные практики» : сб. материалов / под общ. ред. Т. С. Болховитиной. – Брянск : Изд-во Брян. филиала РАНХиГС, 2012. – 568 с.
2. Корченкова Н. Ю. Принцип информационной открытости как требование современной демократии // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Право. 2000. № 1. С. 124- 128.
3. Улмасов Ж. С. Роль информационной открытости в публичном управлении // Развитие Российской школы управления: теория и практика: Материалы научно-практической конференции студентов Новосибирского ГАУ. – Новосибирск, 2023. С. 128-131.
4. Толстова М. Н. К вопросу о понятийном аппарате информационной открытости органов государственного и муниципального управления // Экономика и социум. 2017. № 1-2 (32). С. 1439-1445.

5. Чернобровенко Н. Е. Информационная открытость органов власти // Современные аспекты экономики и управления. Материалы III вузовской научно-практической конференции студентов Новосибирского ГАУ. – Новосибирск, 2022. С. 234-236.
6. Несмеянова С. Э., Колобаева Н.Е., Мочалов А.Н. Открытое правительство и права человека // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 5. С. 5-14.
7. Назаров С. В. Информационная открытость как фактор повышения эффективности государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 5-11.
8. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. – Москва: БЕК, 1995. – 485 с.
9. Чиркин В. Е. Государственное и муниципальное управление: учебник. – Москва: Юрист, 2003. – 379 с.
10. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография / ред. кол. А.Ф. Ноздрачев, С.М. Зырянов, А.В. Калмыкова. – Москва: Инфотропик Медиа, 2022. – 288 с.
11. Ветрова Е. Н. Политика информационной открытости власти как условие повышения эффективности государственного и муниципального управления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5-1 (11). С. 47-50.
12. Гаврилин Н. С. Место и роль информационной открытости в системе государственной и муниципальной власти // Альманах студенческих аспирантских работ по социально-гуманитарным наукам. 2017. Выпуск 1. С. 86-94.
13. Мешков А. В., Бондарева И.А., Водолазская Н. В. и др. Систематизация составляющих цифровой экономики в современной рыночной среде // сб. статей по материалам 6-й Международной научно-практической конференции «Инновационные перспективы Донбасса». – Донецк. 2020. Том 5. С. 186-190.
14. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1995. – 10 декабря.
15. Окинавская Хартия глобального информационного общества (принята на Саммите глав государств «Большой восьмерки» 22 июля 2000 г., Окинава, Япония // <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 07.04.2025).
16. Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 26 декабря 1991 г. № 52, ст. 1865.
17. Конституция Российской Федерации, принята 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. – 2020. - № 11, ст. 1416; - № 27, ст. 4196. – 2022 - № 41., ст. 6930, 6931, 6933.
18. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (часть I), ст. 3448.
19. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (ред. от 11.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 7, ст. 776.
20. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 08.08.2024) // Российская газета от 21 сентября 1993 г. № 182.
21. Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (1ч), ст. 3451.
22. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 19, ст. 2060.

References:

1. Belozor F. I. Expansion of openness and transparency of public administration // VIII International. scientific and practical conference "Reforming the public administration system in the subject of the Russian Federation: traditions and innovative practices" : collection of materials / under the general editorship of T. S. Bolkhovitina. Bryansk : Bryan Publishing House. RANHIGS branch, 2012. 568 p.
2. Korchenkova N. Y. The principle of information openness as a requirement of modern democracy // Vestn. Nizhny Novgorod. N. I. Lobachevsky University. Ser. : Pravo. 2000. No. 1. pp. 124-128.
3. Ulmasov Zh.S. The role of information openness in public administration // Development of the Russian School of Management: theory and practice: Materials of the scientific and practical conference of students of Novosibirsk State Agrarian University. Novosibirsk, 2023. pp. 128-131.
4. Tolstova M. N. On the issue of the conceptual apparatus of information openness of state and municipal government // Economics and society. 2017. No. 1-2 (32). pp. 1439-1445.
5. Chernobrovenko N. E. Information openness of authorities // Modern aspects of economics and management. Materials of the III University Scientific and Practical Conference of students of Novosibirsk State Agrarian University. Novosibirsk, 2022. pp. 234-236.
6. Nesmeyanova S. E., Kolobaeva N.E., Mochalov A.N. Open government and human rights // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2018. No. 5. pp. 5-14.
7. Nazarov S. V. Information openness as a factor in improving the effectiveness of public administration // Public administration. Electronic bulletin. 2014. No. 45. pp. 5-11.
8. Tikhomirov Yu. A. Public law: textbook. Moscow: BEK Publ., 1995. 485 P.
9. Chirkin V. E. State and municipal management: textbook. Moscow: Yuridist Publ., 2003. 379 P.
10. Regulatory policy of the Russian Federation: legal problems of formation and implementation: monograph / Edited by col. A.F. Nozdachev, S.M. Zyryanov, A.V. Kalmykov. Moscow: Infotopik Media, 2022. 288 p.
11. Vetrova E. N. The policy of information openness of government as a condition for improving the efficiency of state and municipal management // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism are issues of theory and practice. 2011. No. 5-1 (11). pp. 47-50.
12. Gavriliv N. S. The place and role of information openness in the system of state and municipal government // Almanac of student postgraduate works in social sciences and humanities 2017. Issue 1. pp. 86-94.
13. A. Meshkov, V. Bondareva, A. A., Vodolazskaya N. V. and others. Systematization of the components of the digital economy in the modern market environment // collection of an article based on the materials of the 6th International Scientific and Practical Conference "Innovative Perspectives of Donbass". - Donetsk. 2020. Volume 5. pp. 186-190.
14. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // Rossiyskaya Gazeta. – 1995. - December 10.
15. Okinawa Charter for the Global Information Society (adopted at the G8 Summit of Heads of State on July 22, 2000, Okinawa, Japan // <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (date of appeal: 04/07/2025).
16. Declaration of Human and Civil Rights and Freedoms of November 22, 1991 // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council Of the Russian Federation dated December 26, 1991, No. 52, Article 1865.
17. The Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993 // Council of Legislation of the Russian Federation. – 2020. - No. 11, Article 1416; - No. 27, Article 4196. – 2022. - No. 41, Articles 6930, 6931, 6933.
18. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended on 04/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31 (Part I), art. 3448.
19. Federal Law No. 8-FZ dated February 9, 2009 "On Ensuring access to information on the activities of State bodies and Local Governments" (as amended on 07/11/2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2009. - No. 7, art. 776.
20. Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5485-1 "On State Secrets" (as amended on 08.08.2024) // Rossiyskaya Gazeta of September 21, 1993 No. 182.
21. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" (as amended on 02/28/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31 (1h), art. 3451.
22. Federal Law No. 59-FZ dated May 2, 2006 "On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation" (as amended on December 28, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 19, art. 2060.

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН WAYS TO PROTECT THE ENVIRONMENTAL RIGHTS OF CITIZENS

ПИСЬМЕНСКАЯ Елизавета Ивановна,

студентка Российского государственного университета правосудия.

Новочерёмушкинская ул., 69, г. Москва, 117418, Россия.

E-mail: elizaveta.36@mail.ru;

PISMENSKAYA Elizaveta Ivanovna,

a student at the Russian State University of Justice.

Novocheremushkinskaya St., 69, Moscow, 117418, Russia.

E-mail: elizaveta.36@mail.ru

Краткая аннотация. Научная статья посвящена изучению мер защиты экологических прав граждан. Актуальность темы исследования обусловлена сохраняющимися экологическими проблемами, которые, несмотря на позитивную динамику в общественном понимании важности экологической безопасности, продолжают оказывать существенное влияние на качество жизни населения России. Цель научного исследования заключается в анализе мер защиты экологических прав граждан и разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства. Методологическую основу данного исследования составили такие методы, как анализ, синтез, аналогия, формально-юридический методы. Результаты исследования. В рамках исследования мер защиты экологических прав граждан автор выделяет гражданско-правовые и специальные механизмы защиты. Автор также подчеркивает актуальные проблемы, связанные с отсутствием института коллективных исков в данной сфере. Выводы. Современная защита экологических прав граждан должна опираться на комплексный подход и требует изменений в действующем законодательстве. Одним из основных направлений является внедрение новых механизмов - применение института коллективных исков и расширение круга лиц, имеющих право на подачу экологических исков.

Abstract. The scientific article is devoted to the study of ways to protect the environmental rights of citizens. The relevance of the research topic is due to the ongoing environmental problems, which, despite the positive dynamics in the public understanding of the importance of environmental safety, continue to have a significant impact on the quality of life of the Russian population. The aim of scientific research is a comprehensive analysis of the ways to protect the environmental rights of citizens in terms of material and legal content and the development of proposals to improve the current legislation. The methodological basis of this research is based on such methods as analysis, synthesis, analogy, formal legal methods. The results of the study. As part of the study of ways to protect the environmental rights of citizens, the author identifies civil and special protection mechanisms. Currently, special opportunities for the protection of environmental rights include environmental audits and public environmental controls. The author also highlights the current problems associated with the lack of the establishment of class actions in this area, as well as the gap in the legal regulation of environmental assessment. Conclusions. Modern protection of citizens' environmental rights should be based on an integrated approach and requires changes in the current legislation. One of the main directions is the introduction of new mechanisms - the use of the Institute of Collective Actions and the expansion of the circle of persons entitled to file preventive environmental lawsuits. Therefore, it is necessary to change the legislative framework by consolidating the concept of environmental assessment in Article 1 of the Federal Law «On Environmental Protection» and consolidating the specifics of conducting an environmental assessment in the Federal Law «On Environmental Assessment».

Ключевые слова: экологические права граждан, защита экологических прав, благоприятная окружающая среда, самозащита.

Keywords: environmental rights of citizens, ways to protect environmental rights, a favorable environment, self-defense.

Для цитирования: Письменская Е.И. Особенности защиты экологических прав граждан // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 197-200. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_197.

For citation: Pismenskaya E.I. Ways to protect the environmental rights of citizens // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 197-200. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_197.

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Введение. Современное общество, находясь на пике технологического и промышленного развития, сталкивается с неизбежными экологическими последствиями. Рост промышленных производств, активное использование природных ресурсов и повсеместное загрязнение окружающей среды оказывают значительное влияние на здоровье человека. В связи с этим вопросы защиты экологических прав становятся актуальными для жителей различных регионов и населённых пунктов России.

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее - ВЦИОМ), проведённого в июле 2024 года, немалую часть россиян беспокоит состояние окружающей среды. Несмотря на то, что большинство граждан (75%) оценивают экологическую обстановку в своих населённых пунктах как благополучную, тревожные сигналы о неблагоприятной ситуации поступают от 22% респондентов. Большую роль в оценке экологической ситуации играет размер населённого пункта: жители сельской местности демонстрируют более оптимистичные оценки по сравнению с жителями городов-миллионников. Так, в последних 31% опрошенных довольны экологической ситуацией, а в селах - до 60% жителей [1].

Среди острых экологических проблем россияне выделяют мусорные свалки (17%), загрязнение и обмеление водоемов (15%) и загазованность атмосферы (9%). Уточняется, что последний пункт, или же проблема «черного неба», в большей степени волнует жителей городов-миллионников (21%) [1].

Актуальность исследования обусловлена возрастающими экологическими вызовами, влияющими на качество жизни и здоровье населения. В сложившихся условиях обеспечение правовой защиты экологических прав становится жизненно важной задачей для государства и общества.

Целью данной статьи является анализ некоторых способов защиты экологических прав граждан по материально-правовому содержанию и разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Материалы и методы. Основой исследования явились научные публикации эколого - правовых исследований ученых Бринчука М.М., Негодаева Е.Г., Боголюбова С.А., Васильевой М.И., Ю.А. Винокурова, Д.Ю. Русанова

Для достижения поставленной научной цели были применены методы сравнительно-правовой и анализа. В настоящем исследовании рассматриваются нормативные правовые акты, регулирующие экологические правоотношения.

Метод восхождения от частного к общему позволил установить наиболее общие черты, присущие правовому содержанию понятий «экологическое право» и «экологическая безопасность»

Результаты и обсуждение. Экологические права человека и гражданина занимают значимое место в системе неотчуждаемых прав, которые возникают с момента рождения и прекращаются с наступлением смерти. Несмотря на естественный характер указанных прав, зачастую граждане не уделяют должного внимания их соблюдению и реализации. Это может быть связано с недостаточной информированностью населения о своих правах, а также с отсутствием необходимых механизмов их защиты и контроля со стороны государственных органов.

Рассматривая понятие и классификацию экологических прав как объекта безопасности, можно выделить различные подходы к этому явлению. По мнению Ю.А. Винокуров, это условие защиты объектов безопасности от последствий воздействия и обеспечение фундаментальных благ человечества. М. М. Бринчук отмечает, что экологическая безопасность тождественна охране природной среды, так как выделение в самостоятельный институт необоснованно и меры обеспечения реализуются в рамках природоохранной деятельности.

Д.Ю. Русанова предлагает различать две категории в рамках экологических прав: «экологические права граждан» и «права граждан в области экологических отношений». По её мнению, первая категория является более узкой, охватывая именно специфические права, направленные на непосредственную защиту и улучшение экологических условий. Вторая категория шире и включает в себя весь спектр правовых норм, регулирующих взаимоотношения в области экологии [3].

В международной практике консенсус относительно четырех основных экологических прав человека: право на благоприятную окружающую среду, право на доступ к экологической информации, право на участие общественности в принятии экологических решений и право на доступ к правосудию по экологическим вопросам¹.

Также экологические права подразделяются на общие и специальные права. Общие права часто называют конституционными, так как они закреплены в Конституции Российской Федерации. В статье 42 данного нормативно-правового акта закреплены не только материальные права, такие как право на благоприятную окружающую среду, но и процессуальные права, включая право на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Кроме вышеупомянутых общих прав, экологические права также могут быть специальными, которые закреплены в различных законах. В частности, лица и организации, осуществляющие деятельность, представляющую повышенную опасность для окружающей среды (например, транспортные компании и промышленные предприятия), обязаны компенсировать нанесенный ими ущерб, вызванный их деятельностью, независимо от состава экологического правонарушения².

Приведенная классификация позволяет сделать вывод о том, что различные способы защиты применяются к разным классификационным группам. Существенное значение для эффективной реализации экологических прав граждан имеет механизм их защиты. От степени защищенности экологических прав зависит качество жизни человека. Поэтому задачей государства является обеспечение высокого уровня правовой защиты экологических прав, находящихся под угрозой нарушения, особенно в странах, где природные ресурсы активно вовлекаются в хозяйственный оборот.

Право на защиту, с точки зрения его материально-правового содержания, охватывает следующие аспекты:

- возможность для субъекта права использовать законные средства принудительного влияния на нарушителя, а также защищать свое право посредством собственных, фактических действий, что подразумевает самозащиту;
- субъект права может сам применить юридические меры оперативного воздействия на правонарушителя;
- уполномоченное лицо имеет право обратиться в соответствующие государственные органы с требованием о применении мер принудительного характера от имени государства [5].

Если говорить о гражданско-правовых способах защиты экологических прав граждан, то стоит отметить такой способ как самозащита. Гражданам разрешено самостоятельно отстаивать свои права, включая экологические права, при условии строгого соблюдения правовых ограничений. К примеру, гражданам запрещено самостоятельно предпринимать радикальные шаги, такие как уничтожение объектов, загрязняющих окружающую среду, без уведомления властей, обладающих соответствующими полномочиями.

Самозащита может осуществляться через переговоры, которые могут принимать различные формы. Это может быть, например, письменное обращение с предупреждением или же личная беседа с нарушителем. К примеру, если человек организует несанкционированную свалку мусора на территории, принадлежащей его соседу, собственник земельного участка может обратиться за помощью в государственные структуры или в общественные организации. Тем не менее, одним из возможных решений является проведение беседы с нарушителем, в рамках которой можно разъяснить, какие права были нарушены, какие возможны санкции и что это может повлечь за собой. Иногда такие противоправные действия могут прекратиться посредством обсуждения проблемы [6, с. 124].

Эффективность самозащиты нарушенных экологических прав наблюдается при организации проведения общественной экологической экспертизы на потенциально опасных производственных объектах. Результаты этой экспертизы могут выявить возможные нарушения экологических прав граждан. Важными шагами также являются обращение в средства массовой информации и взаимодействие с общественными организациями для широкой огласки фактов нарушения права граждан на жизнь в благоприятной экологической обстановке [7, с. 165].

Еще одной мерой защиты экологических прав граждан является обращение в органы публичной власти и другие специализированные

¹ Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция]

² Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

структуры.

Защита экологических прав через органы государственной власти делится на судебную и внесудебную. Внесудебные меры защиты часто называются административно-правовыми.

Среди них, во-первых, можно выделить административное обжалование решений и действий (или бездействия) органов исполнительной власти наделенными отдельными государственными или публичными полномочиями. Во-вторых, это включение специфических форм государственного контроля и надзора за соблюдением законности органов исполнительной власти, который осуществляется Президентом России, Правительством России и федеральными ведомствами.

В-третьих, к внесудебным мерам защиты экологических прав граждан относятся обращение в органы прокуратуры. Данный вид является одним из наиболее эффективных способов защиты, что подтверждается судебной практикой. Так, в результате прокурорской проверки было выявлено нарушение экологических норм вблизи Горьковского водохранилища. Прокурор инициировал судебный процесс с целью запретить хранение химических, взрывчатых и токсичных веществ в этом районе. Однако суды первой и апелляционной инстанции отклонили иск, мотивируя это тем, что ответчик временно хранит такие вещества в соответствии с выданной лицензией. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила эти решения, подчеркнув важность соблюдения принципов допустимого воздействия на окружающую среду. В результате нового рассмотрения дела суд удовлетворил иск прокурора, запретив размещение опасных веществ в водоохранной зоне¹.

В-четвёртых, важную роль играет деятельность Уполномоченного по правам человека в РФ. Так, в 2018 году начались подготовительные работы по строительству полигона для складирования брикетированных отходов из Москвы и Московской области. Строительство велось в условиях недостаточной информированности местного населения о планах и экологических рисках, вызвав социальной напряжённости в регионе. Известие о строительстве дошло до местных жителей случайно, что спровоцировало рост недоверия к властям и массовые протесты. Многочисленные жалобы поступали в адрес Уполномоченного по правам человека в РФ, что обязало правозащитный орган приступить к изучению ситуации. В своем обращении к губернатору и Генеральной прокуратуре РФ, Уполномоченный настоял на проведении проверок по выявленным нарушениям в ходе строительства. В результате проверок было обнаружено незаконное уничтожение и повреждение лесных участков, что привело к возбуждению уголовных дел и привлечению к административной ответственности компании-инвестора ООО «Технопарк» и ГБУ Москвы «Автомобильные дороги». Благодаря активной правозащитной деятельности Уполномоченного, Арбитражный суд Архангельской области [8, с. 67-68].

Таким образом, ситуация в Архангельской области служит примером того, как деятельность Уполномоченного по правам человека может способствовать защите экологических прав граждан.

Среди специальных методов защиты права на здоровую окружающую среду особое место занимает общественный экологический контроль. В соответствии со статьей 68 Закона «Об охране окружающей среды», общественный экологический контроль осуществляется общественными объединениями, другими некоммерческими организациями и гражданами. Ключевые задачи этого контроля заключаются в реализации права граждан на благоприятную окружающую среду и предотвращении нарушений в сфере экологической защиты. Важной чертой данного контроля является обязательное рассмотрение его результатов органами государственной власти и местного самоуправления.²

Восстановление и защита нарушенных прав возможны через непосредственное обращение в суд.

На сегодняшний день граждане могут обращаться в суд только для восстановления уже нарушенных прав, тогда как возможность предотвращения экологических нарушений отсутствует. Это не только замедляет процесс защиты экосистемы, но и усложняет восстановление ущерба, который мог быть предотвращен. Юридическая доктрина неоднократно подчеркивала необходимость интеграции превентивных исков [9, с. 12].

Превентивные и восстановительные иски тесно связаны, особенно в случаях, когда необходимо одновременно устранить причины экологического вреда и запретить наносить негативное воздействие на окружающую среду. При этом материальную компенсацию за экологический ущерб в интересах государства должны требовать исключительно уполномоченные органы и сотрудники органов прокуратуры.

Одним из потенциальных решений для достижения равновесия между интересами личности и общества в области экологии может стать внедрение механизма коллективных исков, который относительно недавно был включён в процессуальное законодательство. Экологические правонарушения, как правило, оказывают влияние на большие группы людей, проживающих в зонах, подверженных негативному воздействию. Модель группового иска, подразумевающая участие не менее двадцати человек, наиболее эффективно подходит для граждан, желающих подать превентивные или восстановительные иски, не связанные с материальными требованиями.

В качестве способов обеспечения использования природных ресурсов хотелось бы отметить признак публичности. Так как в соответствии с ч.1 ст.9 постановление КС РФ от 23.04.2004 № 8-П определен статус земли как важнейшей части природы и основы рационального и эффективного использования и охраны земель.³

Публичные интересы граждан не сводятся только к физиологическим правам граждан, а также охватывают и экономические потенциалы. Экологическое право признает общественный интерес, защищая не только сам общественный интерес, но и интересы, имеющие принципиальное значение в рыночной экономике, принимая во внимание тот факт, что природа и ее ресурсы представляют собой блага и собственность общего значения. Владение природными ресурсами обеспечивает приоритет над частными интересами.

¹ Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. 24 июня 2022 г. // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <https://www.vsr.f.ru/documents/all/31275?ysclid=lcxjce75tl262208377> (дата обращения: 01.11.2024).

² Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 N 8-П "По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы"

Поэтому природные ресурсы составляют основу хозяйственной деятельности, средство производства материальной продукции и источник доходов бюджетов всех уровней, решения социальных задач за счет перераспределения платежей, связанных с природными ресурсами.

Кроме того, природные ресурсы также используются для обеспечения национальной безопасности и обороны, развития инфраструктуры для удовлетворения потребностей государственных и муниципальных органов власти, нужд населения. Данная ситуация позволяет говорить о том, что природные ресурсы являются основой жизни и деятельности народа Российской Федерации не только в экологическом, но и в социально-экономическом плане.

Так, М.М. Бринчук при исследовании содержания такого принципа экологического права, как «экологическое благополучие – публичный интерес» подчеркивает, что надлежащая реализация этого принципа предполагает, среди прочего, создание законодательного механизма, содержащего правовые меры, направленные на предотвращение экологического ущерба и истощения природных ресурсов [13, с. 9].

Подводя итог можно сделать вывод, что среди материальных экологических прав граждан в правовой науке выделяется право на благоприятную окружающую среду, а среди процессуальных прав граждан – право на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

В настоящее время существуют гражданско-правовые и специальные способы защиты экологических прав граждан. К гражданско-правовым способам относят самозащиту и обращение в органы государственной власти, к которым относятся органы прокуратуры, Уполномоченный по правам человека, судебные органы и т.д.

На сегодняшний день в рамках специального способа защиты экологических прав граждан можно выделить общественный экологический контроль.

По моему мнению, основная цель обеспечения благоприятной окружающей среды — это выделение признака приоритета публичных интересов. В связи с этим благополучие будущих поколений обеспечит защиту как настоящих потребностей социального и экономического развития, так и сохранения будущего природного потенциала всего человечества

В целях совершенствования правового механизма защиты экологических прав граждан следует внести изменения в действующее законодательство:

- закрепить в статье 11 Закона об охране окружающей среды право группы граждан обращаться в суд для подачи превентивных и восстановительных исков, направленных на защиту экологических прав. Важно, чтобы граждане могли непосредственно реализовать своё право на судебную защиту, не зависеть от воли уполномоченных органов или доступности экологических организаций. Применение групповых исков позволит сбалансировать интересы общества и отдельных граждан, а также усилить защиту экологии от потенциальных нарушений.

Заключение. Защита экологических прав граждан включает в себя широкий спектр мер и механизмов, направленных на обеспечение доступа к экологически здоровой окружающей среде и защиту от негативного воздействия. Тем не менее, в настоящее время требуется комплексный подход к способам защиты экологических прав, что требует внесения изменений в действующее законодательство. Например, необходимо обновить нормативно-правовую базу. Кроме того, следует предоставить российским гражданам возможность подавать коллективные иски и увеличить количество лиц, которые могут инициировать превентивные экологические иски.

Список литературы:

1. ВЦИОМ: большинство россиян считают экологическую обстановку в своих городах благополучной // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/07/30/vciom-bolshinstvo-rossii-an-schitaiut-blagopoluchnoj-ekologiiu-svoih-gorodov.html> (дата обращения: 01.11.2024).
2. Экологическое право Российской Федерации: Курс лекций / под ред. Проф. Ю. Е. Винокурова. – М.: Изд – во МНЭПУ, 1997. – 338 С.
3. Русанова Д.Ю. Экологические права граждан Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №1-2. С. 181-184.
4. Солнцев А.М. Защита экологических прав человека в контексте интернационализации конституционного права // Вестник КГУ. 2016. №4. С.196-199.
5. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. 410 с.
6. Негодаева. Е.Г. Роль самозащиты экологических прав в Российской Федерации // Актуальные вопросы современной науки / Сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции (2 июня 2023 г., г. Уфа) / В 3 ч. Ч.2 – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки. 2023. С. 120-125.
7. Фицай Д.А. Гражданско-правовые способы защиты экологических прав в Российской Федерации // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 157-168.
8. Джунусова Д.Н. Роль уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в защите экологических прав граждан // Общество. 2022. № 3 (26). С. 66-69.
9. Ильин А.В. Иски, направленные на предотвращение причинения вреда окружающей среде, в контексте учения о субъективной заинтересованности // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 10. С. 14 - 18.
10. Аливердиева М.А. Право человека на благоприятную окружающую среду: теоретико-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №5. С.12-15.
11. Бринчук М.М. Принципы экологического права: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 9.

References:

1. VTSIOM: most Russians consider the ecological situation in their cities to be prosperous // Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2024/07/30/vciom-bolshinstvo-rossii-an-schitaiut-blagopoluchnoj-ekologiiu-svoih-gorodov.html> (date of reference: 11/01/2024).
2. Environmental Law of the Russian Federation: Lecture Course / edited by Prof. Yu. E. Vinokurov. – M.: Publishing House MNEPU, 1997. – 338 p.
3. Rusanova D.Y. Environmental rights of citizens of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019.No.1-2. pp. 181-184.
4. Solntsev A.M. Protection of environmental human rights in the context of internationalization of constitutional law // Bulletin of KSU. 2016. No.4. pp.196-199.
5. Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. – M.: Statute, 2000. 410 p.
6. Negodaeva. E.G. The role of self-protection of environmental rights in the Russian Federation // Topical issues of modern science / Collection of scientific articles based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference (June 2, 2023, Ufa) / At 3 p.m.2 – Ufa: Ed. SIC Bulletin of Science. 2023. pp. 120-125.
7. Fitzai D.A. Civil law methods of protecting environmental rights in the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2024. No. 4. pp. 157-168.
8. Dzhunusova D.N. The role of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in protecting the environmental rights of citizens // Society. 2022. No. 3 (26). pp. 66-69.
9. Ilyin A.V. Lawsuits aimed at preventing harm to the environment in the context of the doctrine of subjective interest // Arbitration and civil procedure. 2016. No. 10. pp. 14-18.
10. Aliverdieva M.A. Human right to a favorable environment: theoretical and legal aspect // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No.5. pp.12-15.
11. Brinchuk M.M. Principles of environmental law: monograph. Moscow: YurLitinform, 2013. P. 9.

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НЕЗАВИСИМЫХ ЭКСПЕРТОВ: ЗА РАМКАМИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ON THE ISSUE OF INDEPENDENT EXPERTS' PROFESSIONAL COMPETENCE: BEYOND LEGAL PROCEEDINGS

ЕЛИСЕЕВА Вера Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Приволжский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17А.
E-mail: vseliseeva@yandex.ru;

ELISEEVA Vera Sergeevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the State and Legal Disciplines' Department.
Volga Region Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev».
Russia, 603022, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 17A.
E-mail: vseliseeva@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с профессиональной компетенцией независимых экспертов (представителей общественности) в сфере антикоррупционной экспертизы и кадровой политики органов публичной власти. Целью исследования является выявление особенностей и проблем правового регулирования требований к профессиональной подготовке экспертов. Методология исследования построена на сравнительном и юридико-техническом анализе отечественного законодательства, системном анализе открытых данных, демонстрирующих правореализационную практику формирования экспертного сообщества. Исследование позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования профессиональной подготовки независимых экспертов, в частности – через развитие системы дополнительного профессионального образования.

Abstract. The article touches on the issue related to the professional competence of independent experts (representatives of the public) in the field of anti-corruption expertise and personnel policy of public authorities. The study aims to identify the features and problems of legal regulation of requirements for the experts' professional training. The research methodology is based on the comparative legal and legal-technical analysis of domestic legislation, the systemic analysis of open data demonstrating the law-enforcement practice of the expert community forming. The study allows us to conclude that it is necessary to improve the professional training of independent experts, in particular through the development of the additional professional education system.

Ключевые слова: независимый эксперт, представитель общественности, профессиональная подготовка, требования, антикоррупционная экспертиза, конкурсная комиссия, аттестационная комиссия, конфликт интересов, судебское сообщество.

Keywords: independent expert, public representative, professional training, requirements, anti-corruption expertise, competition committee, certification committee, conflict of interest, judicial community.

Для цитирования: Елисеева В.С. К вопросу о профессиональной компетенции независимых экспертов: за рамками судопроизводства // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 201-205. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_201.

For citation: Eliseeva V.S. On the issue of independent experts' professional competence: beyond legal proceedings // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 201-205. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_201.

Статья поступила в редакцию: 01.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В современной России вопросам доверия населения к публично-властным институтам уделяется значительное внимание: это направление государственной политики было отдельно выделено еще в рамках начального этапа административной реформы, в 2003-2004 годах, а необходимость демократизации публично-властных институтов неоднократно подчеркивалась Президентом Российской Федерации в посланиях к Федеральному Собранию. Одним из способов повышения такого доверия, безусловно, является создание института общественного контроля, причем в более широком, чем предусмотрено Федеральным законом [3], понимании – в значении возможности влиять на государственную политику, в том числе – на правовую и кадровую.

Одной из граней такого влияния является деятельность независимых экспертов – представителей общественности, как индивидуальная, так и в рамках различных общественно-государственных формирований. Традиционно юридическое сообщество уделяет существенное внимание особенностям правового статуса и, в частности, профессиональной подготовке и квалификации экспертов – участников судопроизводства [см.: 18, 21]. Тем более, что и укрупнённая группа специальностей 40.00.00 «Юриспруденция» включает в свой состав именно специальность 40.05.03 «Судебная экспертиза» [14], направленную на получение обучающимися квалификации «судебный эксперт». Тем не менее, эксперт и специалист, хоть и являются важными участниками судебного процесса, далеко не исчерпывают экспертную палитру в публично-правовой сфере.

Сегодня независимые эксперты осуществляют свою деятельность в рамках правотворчества и правореализации, оценки образовательной деятельности и квалификаций, технической экспертизы и экспертизы транспортных средств, в иных сферах. При этом в правовом пространстве все еще отсутствуют единые формально определенные понятия «независимая экспертиза», «независимый эксперт», а в целом ряде случаев данная терминология заменяется более широким «представитель общественности». Соответственно, не существуют и единые требования к профессиональной компетенции независимых экспертов. В рамках предложенного исследования автором проанализированы независимые эксперты, аккредитованные на осуществление независимой антикоррупционной экспертизы, представители общественности, включаемые в

составы кадровых и антикоррупционных комиссий органов публичной власти, а также в составы органов судейского сообщества.

Независимые эксперты, аккредитованные на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Часть 1 статьи 5 Федерального закона № 172-ФЗ [5] позволяет гражданам и институтам гражданского общества за счет собственных средств проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (их проектов). Статья 1.1 Федерального закона предусматривает ряд ограничений для потенциальных экспертов, а также устанавливает фактическое понимание «независимости» эксперта – он не должен быть сотрудником (работником) органа или организации – разработчика экспертируемого акта, не может быть с ним аффилирован.

При этом непосредственно требования к профессиональной подготовке аккредитуемых лиц устанавливаются Приказом Минюста России от 29.03.2019 № 57, утверждающим административный регламент оказания аккредитуемой услуги [13]. В частности, до марта 2025 года эти требования были максимально мягкими и неизменно вызывающими сомнения у юридического сообщества: требования о наличии именно юридического образования и стажа работы по юридической профессии в положениях Приказа не выдвигались.

Как следствие: в настоящее время в государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы, (физических лиц) включены 2923 человека [22]. Выборка из 500 человек продемонстрировала: около 26 % из лиц, аккредитованных Минюстом России, не имеет высшего юридического образования. В частности, по указанным в реестре данным, из референсной группы 13,4 % лиц имеют инженерное образование, порядка 8 % – экономическое, 1,1 % – медицинское и педагогическое.

Конец дискуссии о возможности проведения правовой по сути экспертизы лицами, не имеющими профильного образования, положил Приказ Минюста России от 18.03.2025 № 48 [12], внесший в административный регламент изменения, в том числе затронувшие и требования к будущим независимым экспертам: в новой редакции претендовать на данный статус смогут граждане Российской Федерации, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности (направлению подготовки) не менее 15 лет.

И если требование о наличии высшего юридического образования выглядит вполне логичным и ранее широко обсуждалось, то единовременное увеличение требования к стажу работы по юридической специальности в три раза вызывает некоторое недоумение. Если проводить аналогию с Законом «О статусе судей в Российской Федерации» [9], то подобное требование предъявляется к судьям Конституционного Суда Российской Федерации, и установление такого требования к независимым экспертам выглядит неоправданным и чрезмерным, и резко ограничивает доступ к данной деятельности, например, для молодых ученых.

Представители общественности в комиссиях кадрового характера при органах публичной власти. Для повышения открытости и прозрачности кадровой политики в органах публичной власти разного уровня законодательство о видах государственной службы, Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» [6] предусматривают создание конкурсных комиссий, аттестационных комиссий и комиссий по урегулированию конфликта интересов.

Независимые эксперты как «представители научных и образовательных учреждений, других организаций, являющиеся специалистами по вопросам, связанным с гражданской службой», были предусмотрены как обязательный элемент состава таких комиссий еще базовой редакцией Федерального закона № 79-ФЗ [7] в 2004 году (ст.8, 48). Сегодня, начиная с редакции Федерального закона от 27.10.2020 № 346-ФЗ [1], требования к профессиональной компетенции независимых экспертов претерпели некоторые изменения: это представители научных, образовательных и других организаций, являющиеся специалистами в соответствующих областях и видах профессиональной служебной деятельности гражданских служащих, по вопросам кадровых технологий и гражданской службы. Кроме того, изменился и порядок приобретения статуса такого эксперта: так, правила приглашения и отбора независимых экспертов были утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации [11], и предусматривают ведение Минтрудом России реестра независимых экспертов. Пункт 2 Правил дополняет требования к кандидатурам экспертов наличием высшего образования и стажем «работы в областях и видах профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, по вопросам кадровых технологий и государственной гражданской службы Российской Федерации» не менее 4 лет, но с оговоркой – «как правило».

На 20 июня 2025 года в состав реестра, размещаемого на портале госслужбы [20], входило 5864 пунктов (фактически, численность экспертов ниже, в реестре на сайте присутствуют повторы, незаполненные строки). Выборка из одной тысячи строк реестра позволила сделать следующие выводы:

93 % экспертов являются административно-управленческим персоналом и педагогическими работниками организаций среднего, среднего профессионального, высшего и дополнительного образования;

2,3 % – работниками органов местного самоуправления;

1,4 % – представителями федеральных органов государственной власти, государственных органов и их территориальных подразделений;

0,9 % – сотрудниками государственных и муниципальных учреждений;

0,4 % – представителями органов государственной власти субъектов Российской Федерации и адвокатских формирований;

0,2 % – представителями общественных учреждений и обществ с ограниченной ответственностью.

В анализируемой группе присутствовали 8 экспертов без указания организации и должности, 4 строки содержали сведения об уже указанных ранее лицах. Кроме того, в списке встречались указания упраздненных органов публичной власти – например, Федеральной миграционной службы. Полагаем, существенный процент реестра представляет собой некорректную информацию. На наш взгляд, ключевой причиной яв-

ляется неисполнение руководителями организаций и органов, направляющих сведения об экспертах, обязанности по поддержанию данных сведений в актуальном состоянии посредством направления в Минтруд России уточненных сведений.

Кроме федерального реестра в субъектах Российской Федерации законодательством о госслужбе может быть предусмотрено ведение аналогичного регионального реестра. Например, часть 10 статьи 14 Закона Нижегородской области [15] предусматривает формирование и ведение органом по управлению гражданской службой области реестра независимых экспертов для включения в составы конкурсных и аттестационных комиссий государственных органов Нижегородской области. Данная обязанность в регионе возложена на Министерство кадровой политики Правительства Нижегородской области.

Для других видов государственной службы особенности формирования состава конкурсных и аттестационных комиссии определяются законодательством о видах службы. Например, Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] не предусматривает обязательного включения независимых экспертов в состав кадровых комиссий. При этом возможность включения «специалистов по вопросам деятельности ОВД» законом предусмотрена с тремя оговорками: «в случае необходимости по решению уполномоченного руководителя», «с учетом положений законодательства о государственной тайне», а также «с правом совещательного голоса». Аналогичным образом построены соответствующие положения Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Очевидно, специфика службы в правоохранительных органах накладывает отпечаток на особенности проведения конкурсных и аттестационных процедур и порядок формирования комиссий.

Для муниципальной службы определение состава и порядка формирования конкурсной и аттестационной комиссии в соответствии со статьями 17 и 18 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» осуществляется муниципальным правовым актом. В частности, раздел 5 Постановления Городской Думы города Нижнего Новгорода [17] предусматривает возможность приглашения на заседание конкурсной комиссии независимых экспертов «для наиболее полной оценки качеств кандидатов». При этом ни экспертная область, ни иные требования к кандидатурам экспертов не устанавливаются.

Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению служащих и урегулированию конфликтов интересов формируются в органах публичной власти с целью соблюдения требований к служебному поведению служащих и урегулирования конфликтов интересов. Соответствующий Указ Президента Российской Федерации [10] не использует термин «независимый эксперт», но предусматривает включение в состав федеральных антикоррупционных комиссий представителей науки и образования, деятельность которых связана с государственной службой. Ни Федеральный закон № 79-ФЗ, ни названный Указ не содержат дополнительных требований к данной категории экспертов.

Представитель общественности в органах судейского сообщества. Наиболее комплексным выглядит перечень требований к профессиональной подготовке независимых экспертов – представителей общественности в органах судейского сообщества: квалификационных коллегиях судей и экзаменационных комиссиях по приему квалификационного экзамена на должность судьи, а также порядок их отбора и назначения. Эти органы принимают непосредственное участие в формировании судейского корпуса, карьерной траектории судьи – на всех ее стадиях, от отбора и рекомендации на должность до прекращения полномочий по различным основаниям.

Статья 11 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [8] предусматривает включение в состав как Высшей квалификационной коллегии судей (далее – ВККС), так и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации (далее – ККС субъектов) представителей общественности. Часть 8 статьи 11 выдвигает целый ряд требований к представителям общественности в квалификационных коллегиях судей, из которых лишь требование о наличии высшего юридического образования касается именно компетентностной характеристики кандидата. Законы субъектов Российской Федерации (например, Нижегородской области [16]) фактически дублируют положения Федерального закона.

Обобщая, можно сделать вывод, что законодатель предъявил данной категории экспертов лишь одно именно профессиональное требование – наличия высшего юридического образования. Кроме того, косвенно к данной группе можно отнести и повышенные требования к возрасту (аналогичные требования Закон о статусе судей предъявляет к судьям Верховного Суда Российской Федерации), подразумевающие наличие у представителя общественности личного и профессионального опыта. Фактически, ответственность за выбор кандидатуры, например, в состав ККС субъектов ложится на депутатов региональных парламентов, осуществляющих отбор и назначение представителей общественности.

У многих складывается впечатление, что представители общественности в составе ККС – это в первую очередь ведущие представители науки и образования, вузовское, академическое сообщество. При этом анализ опубликованных на официальном сайте [19] действующих составов ВККС и выборки из пятнадцати ККС субъектов Российской Федерации (4 республики, 4 края, 3 области, 1 город федерального значения, 1 автономная область, 2 автономного округа) демонстрирует: далеко не все представители общественности в составах ККС являются представителями науки и образования. Так, если в составе ВККС, а также ККС Республики Крым, Калининградской области, Ставропольского края все представители общественности в составе коллегий являются выходцами из образовательной и научной среды, в других ККС картина иная. Например, в ККС Ямало-Ненецкого автономного округа, Еврейской автономной области, Камчатского края только один человек относится к данной категории. Для остальных проанализированных субъектов характерен баланс между представителями научно-образовательной сферы и иными представителями общественности, такими как судьи в отставке, государственные служащие на пенсии (в отставке), представители бизнеса, некоммерческих организаций, общественных организаций, органов общественного контроля.

Экзаменационные комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи в соответствии со статьей 11.1 Федерального

закона также включают в свой состав представителей общественности, соответствующих следующим критериям: преподаватели юридических дисциплин образовательных организаций высшего образования, научные работники, имеющие ученую степень кандидата юридических наук или доктора юридических наук, представители общероссийских общественных объединений юристов. Дополнительные требования, например, к возрасту, стажу работы по юридической профессии, не предъявляются.

Выводы. Обобщаем: для всех названных категорий независимых экспертов вопрос профессиональной компетенции законодатель тесно связывает с требованиями к образованию и (или) стажу работы по юридической профессии и в сфере госслужбы и управления персоналом. При этом за кадром остаются фактические компетенции будущих экспертов, которые зачастую недостаточны и требуют целенаправленных действий по их дополнению, углублению, конкретизации. В частности, для «внешних» экспертов недоступны локальные акты органов публичной власти, им незнакомы протокольные аспекты проведения заседаний и прочая внутренняя «кухня» комиссий и коллегий, в которые включаются независимые эксперты. А действующий, например, на государственной службе институт наставничества не направлен вовне системы, и касается, как правило, только впервые принятых на службу сотрудников, реже – закрепленных за органом власти или его подразделением практикантов.

Причем для названных категорий экспертов не предусмотрено и дополнительного профессионального образования, в отличие от многочисленных курсов, реализуемых организациями ДПО, по подготовке технических экспертов, лиц, осуществляющих экспертизу транспортных средств, независимую оценку квалификаций для профессий, оценку стоимости недвижимости, лингвистических экспертов и т.д. В программах же основного образования по юридическим направлениям подготовки и специальностям необходимые компетенции могут быть сформированы лишь частично на учебных дисциплинах государственно-правового цикла, таких как конституционное право, административное право, организация судебной деятельности и т.п. Заметим, что практика преподавания перечисленных выше дисциплин позволяет автору оценить уровень формирования в рамках, например, административного права компетенций, связанных со сферой государственной службы, как невысокий, чему способствует перманентное сокращение часов в учебных планах при параллельном дополнении программы дисциплины новыми темами и вопросами (например, в сфере стратегического планирования, общественного контроля, профилактики правонарушений и пр.). Так, если для специальности 40.03.01 «Юриспруденция» на тему «Административно-правовой статус государственных служащих» отведено 4 учебных часа (2 часа занятий лекционного типа, 2 часа занятий семинарского типа), на узкоспециальные вопросы у преподавателя просто нет времени.

Фактически, в наиболее выгодном положении находятся независимые эксперты, аккредитованные на проведение антикоррупционной экспертизы: правовая экспертиза, как правило, включается в качестве самостоятельного раздела (модуля) в дисциплину «Юридическая техника», кроме того во многих вузах есть специальные дисциплины, посвященные правовой экспертизе и ее разновидностям, а также нужно назвать и элементы практик, направленные на формирование соответствующих компетенций. Следует отметить и наличие в ряде вузов программ повышения квалификации по тематике правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов: например, подобные курсы есть во Всероссийском государственном университете юстиции, МГУ им. М.В. Ломоносова, УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева и др. В приведенных примерах объем часов, отведенных на освоение программы, варьируется от 16 до 36 академических часов, а стоимость обучения – от 1 100 до 50 000 руб. В целом же, назначенные (выбранные) впервые независимые эксперты (представители общественности) приобретают недостающие знания, умения, навыки, связанные с процедурными аспектами работы общественно-государственных формирований, самостоятельно, «в поле».

Полагаем, профессиональная подготовка независимых экспертов – это пространство для, во-первых, совершенствования и развития основных профессиональных образовательных программ юридических специальностей и направлений подготовки, особенно – государственно-правового профиля (специализации). Во-вторых, это фактически не охваченное направление дополнительного профессионального образования. Тем более, что практика подготовки государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные должности, назначенных на должности впервые, уже существует. Например, в системе подготовки полиции прохождение первоначальной подготовки является обязательным этапом карьерной траектории сотрудника. Обязаны проходить профессиональную переподготовку и судьи, впервые назначенные на должности. Очевидно, в случае с независимыми экспертами проблемными точками станут организация и финансирование такого обучения. На наш взгляд, решение данного вопроса должно стать результатом интегрированных усилий заинтересованных органов публичной власти, научных и образовательных организаций и уже существующего экспертного сообщества.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.10.2020 № 346-ФЗ «О внесении изменений в статьи 22 и 48 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.10.2020.
2. Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.10.2019.
3. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 22.07.2014.
4. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.12.2011.
5. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
6. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
7. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
8. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 11. – Ст. 1022.
9. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. – № 170. – 1992.

10. Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 27. – Ст. 3446.
11. Постановление Правительства РФ от 12.03.2021 № 359 «Об утверждении Правил приглашения и отбора независимых экспертов, включаемых в составы конкурсных и аттестационных комиссий федеральных государственных органов» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 13.03.2021.
12. Приказ Минюста России от 18.03.2025 № 48 «О внесении изменений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.03.2019 № 57 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.03.2025.
13. Приказ Минюста России от 29.03.2019 № 57 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.04.2019.
14. Приказ Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» // Российская газета. – № 247. – 2013.
15. Закон Нижегородской области от 10.05.2006 № 40-3 «О государственной гражданской службе Нижегородской области» // Нижегородские новости. – № 83 (3495). – 2006.
16. Закон Нижегородской области от 28.06.2002 № 31-3 «О порядке назначения представителей общественности в квалификационную коллегию судей Нижегородской области» // Нижегородские новости. – № 125 (2579). – 2002.
17. Постановление Городской Думы гор. Нижнего Новгорода от 30.01.2008 № 13 «Об утверждении Положения о конкурсе на замещение должности муниципальной службы в органах местного самоуправления города Нижнего Новгорода» // День города. Нижний Новгород. – № 14 (231). – 2008.
18. Дронова, О.Б. Анализ практики производства экспертиз контрафактной продукции независимыми экспертами / О.Б. Дронова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 1(8). – С. 37-40.
19. Официальный сайт ВККС. URL: <https://www.vkks.ru/category/32/> (дата обращения: 20.06.2025).
20. Реестр независимых экспертов // Портал «Госслужба. URL: https://gosszluzhba.gov.ru/reestr_expertov (дата обращения: 20.06.2025).
21. Рожещенко, К.С. Вопросы сертификации деятельности независимых судебных экспертов / К.С. Рожещенко // Polish Journal of Science. – 2020. – № 23-2(23). – С. 28-30.
22. Физические лица, аккредитованные Минюстом России в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (по состоянию на 06.06.2025) // Официальный сайт Минюста России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (дата обращения: 20.06.2025).

References:

1. Federal Law No. 346-FZ dated 10/27/2020 "On Amendments to Articles 22 and 48 of the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 10/27/2020.
2. Federal Law No. 328-FZ dated 01.10.2019 "On Service in the Enforcement Authorities of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Official Internet portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 01.10.2019.
3. Federal Law No. 212-FZ dated July 21, 2014 "On the Basics of Public Control in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 07/22/2014.
4. Federal Law No. 342-FZ dated 11/30/2011 "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 01.12.2011.
5. Federal Law No. 172-FZ dated 17.07.2009 "On Anti-corruption expertise of Regulatory legal acts and draft Regulatory Legal acts" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2009. – No. 29. – Art. 3609.
6. Federal Law No. 25-FZ dated 02.03.2007 "On Municipal Service in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 10. – Art. 1152.
7. Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 31. – Art. 3215.
8. Federal Law No. 30-FZ of 14.03.2002 "On the bodies of the judicial Community in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 11. – Art. 1022.
9. The Law of the Russian Federation dated 26.06.1992 № 3132-1 "On the status of judges in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – No. 170. – 1992.
10. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/01/2010 No. 821 "On commissions for compliance with the requirements for official conduct of Federal government employees and conflict of interest resolution" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 27. – St. 3446.
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12.03.2021 No. 359 "On Approval of the Rules for Inviting and Selecting Independent experts to be included in the Competitive and Attestation Commissions of Federal Government bodies" // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 03/13/2021.
12. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 48 dated 03/18/2025 "On Amendments to Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 57 dated 03/29/2019 "On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Justice of the Russian Federation on the Provision of Public Services for the Accreditation of Legal Entities and Individuals who have expressed a Desire to obtain Accreditation to Conduct anti-corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Documents as Independent Experts legal acts in cases of, provided for by the legislation of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 03/24/2025.
13. Order No. 57 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 29.03.2019 "On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Justice of the Russian Federation on the Provision of Public Services for the Accreditation of Legal Entities and Individuals who have Expressed a Desire to Obtain Accreditation to Conduct Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts as Independent Experts in Cases Provided for by the Legislation of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 05.04.2019.
14. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 12.09.2013 No. 1061 "On approval of the lists of specialties and areas of higher education" // Rossiyskaya Gazeta. – No. 247. – 2013.
15. The Law of the Nizhny Novgorod region dated 05/10/2006 No. 40-Z "On the State Civil Service of the Nizhny Novgorod region" // Nizhny Novgorod News. – № 83 (3495). – 2006.
16. The Law of the Nizhny Novgorod region dated 06/28/2002 No. 31-Z "On the procedure for appointing public representatives to the Qualification Board of Judges of the Nizhny Novgorod region" // Nizhny Novgorod News. – № 125 (2579). – 2002.
17. Resolution of the City Duma of the Mountains. Nizhny Novgorod No. 13 dated 30.01.2008 "On approval of the Regulations on the competition for the position of municipal service in local government bodies of Nizhny Novgorod" // City Day. Nizhny Novgorod. – № 14 (231). – 2008.
18. Dronova O.B. Analysis of the practice of manufacturing expertise of counterfeit products by independent experts / O.B. Dronova // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2009. – № 1(8). – Pp. 37-40.
19. The official website of the VKKS. URL: <https://www.vkks.ru/category/32/> (date of access: 06/20/2025).
20. Register of independent experts // Portal "Civil Service. URL: https://gosszluzhba.gov.ru/reestr_expertov (date of reference: 06/20/2025).
21. Rozheshchenko, K.S. Issues of certification of independent forensic experts / K.S. Rozheshchenko // Polish Journal of Science. – 2020. – № 23-2(23). – Pp. 28-30.
22. Individuals accredited by the Ministry of Justice of Russia as independent experts authorized to conduct an anti-corruption examination of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts (as of 06.06.2025) // Official website of the Ministry of Justice of Russia. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (date of access: 06/20/2025).

ОБ ЭВОЛЮЦИИ И ПРОБЛЕМАХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАНСТВА РОССИИ ON EVOLUTION AND THE PROBLEMS OF DIFFERENTIATION THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN CITIZENSHIP

УВАРОВ Александр Анатольевич,

профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Сочинского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», доктор юридических наук, профессор.
354057, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Дагомысская, 42.
E-mail: niipg2030@mail.ru;

UVAROV Alexander Anatolyevich,

Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines
Sochi Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)", Doctor of Law, Professor.
42 Dagomysskaya str., Sochi, Krasnodar Territory, 354057, Russia.
E-mail: niipg2030@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования института гражданства РФ. Характеризуются отдельные моменты его развития, показано место и значение института гражданства в системе отрасли конституционного права. Правовая политика регулирования отношений гражданства тесно связана с решением проблем социального-экономического развития РФ, вопросами ее обороны и безопасности, процессами миграции и демографии, нравственно-культурными ценностями нашего народа. Обращается внимание на общие черты и особенности российского гражданства, обусловленные способом его приобретения, наличием двойного (множественного) гражданства, местом постоянного проживания граждан. При анализе оснований прекращения российского государства отмечаются некоторые недостатки и пробелы действующего Закона о гражданстве, вносятся предложения по их устранению.

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of the institute of citizenship of the Russian Federation. The individual moments of its development are characterized, the place and importance of the institution of citizenship in the system of the branch of constitutional law is shown. The legal policy of regulating citizenship relations is closely related to solving the problems of the social and economic development of the Russian Federation, issues of its defense and security, migration and demography processes, moral and cultural values of our people. Attention is drawn to the general features and peculiarities of Russian citizenship due to the method of its acquisition, the presence of dual (multiple) citizenship, and the place of permanent residence of citizens. When analyzing the grounds for termination of the Russian state, some shortcomings and gaps of the current Law on Citizenship are noted, and proposals are made to eliminate them.

Ключевые слова: приобретение гражданства, прекращение гражданства, статус гражданина, Российская Федерация, Конституция, утрата гражданства, конституционный строй, элементы гражданства.

Keywords: acquisition of citizenship, termination of citizenship, citizen status, Russian Federation, Constitution, loss of citizenship, constitutional system, elements of citizenship.

Для цитирования: Уваров А.А. Об эволюции и проблемах дифференциации правового статуса гражданства России // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 206-210. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_206.

For citation: Uvarov A.A. On evolution and the problems of differentiation the legal status of Russian citizenship // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 206-210. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_206.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Гражданство принято считать конституционно-правовым институтом, относящимся к основам правового положения личности, между которыми существует органическая связь как между частью и целым, поскольку наряду с гражданством основы правового положения личности включают в себя общие принципы, права и обязанности человека и гражданина, правовые гарантии и юридическую ответственность. Однако, применительно к тексту Конституции РФ 1993г. кроме главы 2 положения о гражданстве имеются в основах конституционного строя (ст.6). В преамбуле конституции есть сущностные элементы гражданства (память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству; об ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями). В результате внесенных в 2020 году поправок к Конституции РФ глава 3 наполнилась нормами обогатившими содержание института гражданства положениями: о сохранении памяти предков и исторически сложившимся государственным единстве (ч.2 ст.67-1); о создании государством условий, способствующих воспитанию у детей патриотизма, гражданственности (п.4 ст.67-1); о поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности (ч.3 ст.69). В этой связи не случайно О.Е. Кутафин определял гражданство как самостоятельный институт в системе конституционного права. Ученый утверждал, что сам факт гражданства формируется из правовой организации общества, эта организация является юридическим регулированием самого народа. Без внешнего контроля не существует гражданства - остается лишь население с придатком территории. Признание гражданства является, по сути, средством «инвентаризации» государством собственного населения. [2, с. 113]

Несмотря на то, что вопросы гражданства традиционно считаются внутренним национальным правом каждого государства, в международном праве также есть целый ряд конвенций, договоров, посвященных этому институту. (Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Конвенция о гражданстве замужней женщины от 29 ноября 1957 г., Конвенция о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 г., Конвенция о статусе апатридов от 28 сентября 1954г., Европейская конвенция о гражданстве от 6 ноября 1997 г., и др.)

Говоря о сущности гражданства, следует обратиться к его нормативному определению, данному в ст.4 федерального закона от 28 ап-

реля 2023г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее, - Закон о гражданстве 2023 г.), согласно которому гражданство – это устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей.

Обращает на себя внимание, что в ряде решений Конституционного Суда РФ (например, в Заключении от 16.03.2020 №1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации», Определение от 04.12.2007 № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») говорится о политико-правовой связи гражданина РФ с государством, что обусловлено ценностью связи лица со своим отечеством, перед которым оно несет конституционные и иные обязанности. Эти отношения с точки зрения коннотации понятия «политико-правовая связь» отличаются от отношений советской поры, где согласно законодательству о гражданстве (в частности, Закону СССР от 01.12.1978 № 8497-IX «О гражданстве СССР»), гражданин был обязан не только соблюдать советскую конституцию и законы, но и «с достоинством нести высокое звание гражданина СССР, оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета, быть верным своей социалистической Родине», что указывало не просто на правовую, а на идеологическую связь лица с государством. Выезд за границу нашего соотечественника (особенно в страны буржуазного запада), сопровождался целым рядом предварительных проверок и инструктажей со стороны представителей структурных подразделений КПСС и КГБ. Очень важно было, чтобы за границей советский гражданин не поменял бы свои оценки в отношении западного режима демократии и образа жизни, которые в наших СМИ представлялись исключительно в негативном свете.

Что касается «устойчивости правовой связи», то согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ (например, пункта 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 29.04.2025 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», части 2 статьи 64 и части 1 статьи 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой А.С. Карпунина»), устойчивость гражданства означает, что оно является бессрочным правовым состоянием физического лица, не зависящим от его конкретных отношений с государством, с иными субъектами, не обусловлено его обязательным нахождением (проживанием, пребыванием) на территории своего государства, может прекращаться только в установленных законом случаях и, как правило, в связи с начальным волеизъявлением самого гражданина.

Обращаясь к вопросу о месте гражданства в системе институтов правовой системы России важно отметить, что от эффективности решения вопросов гражданства зависит социально-экономическое благополучия страны. Гражданство также тесно связано с сохранением и укреплением нравственно-культурных ценностей народа, с безопасностью и обороной нашего государства, с процессами миграции и демографии. В этой связи пробелы и ошибки, допущенные законодателем в вопросах регулирования гражданства могут пагубно отразиться буквально на всех сферах жизни нашего общества и каждого отдельного российского гражданина. Так, в настоящее время резко актуализировались вопросы миграционной политики. Эта политика непосредственно связана не только с режимом пропуска и нахождения на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, но и вопросами натурализации таких мигрантов в гражданство РФ. На слуху случаи и проблемы, касающиеся незаконного предоставления российского гражданства трудовым мигрантам. Миграционная политика нашего государства в сфере трудовых отношений пока очень слабо контролирует миграционный поток с точки зрения качества рабочей силы, в связи с чем к нам едут в основном мигранты, представляющие собой неквалифицированных работников. В этой связи полезен опыт зарубежных стран. Так, в Германии в соответствии с картой «возможностей» (Chancenkarte) разработана система баллов для приезжих с целью поиска работы. 6 баллов - проходная планка. 34 балла уже дают просто за возраст в 30 лет, ещё 2–3 балла за опыт работы в хорошей сфере (IT, врач, медсестра, учитель), за английский дают 3–4 балла, но нужно ещё положить €15 000 на счёт, чтобы вы 1 год в Германии могли искать работу.

Как отмечает Е.Е.Никитина, «... неясно, каким образом можно достичь экономического развития России в современную цифровую эпоху без требований к качественным характеристикам миграционного потока», [5, с. 40] что же касается практики натурализации иностранных граждан в нашей стране, то согласно данным статистики «...40% всех лиц, приобретших российское гражданство, пополняют население регионов, которые не имеют дефицита работоспособного населения». [5, с. 33]

В действующем Законе о гражданстве 2023 г. проявляется дифференцированная политика в отношении порядка приема в гражданство РФ. Во-первых, Закон устанавливает минимум требований, необходимых для эффективной адаптации претендентов на этот статус в российское общество (ч.1 ст.15). Во вторых, Закон исключает возможность принятия в гражданство для всех тех, которые уже дискредитировали себя с точки зрения нашего законодательства или тех, чья деятельность в прошлом или настоящим обращена против России (ст.18). В-третьих, Закон указывает на предпочтительные категории лиц, которых государство хотело бы видеть в числе своих граждан и предоставляет Президенту РФ право осуществить персональный прием без учета общих квалификационных требований (ст.17).

Кроме того, определенные льготы в виде сокращенного срока предварительного пребывания на территории России могут получить иностранные граждане заключившие контракт (не менее года) о прохождении службы в вооруженных силах России. Лица же получившие аттестат (с отличием) об окончании по очной форме обучения высшего учебного заведения в России, об окончании высшего или среднего российского учебного заведения и работающие по специальности в России не менее года освобождаются также от экзаменов на знание русского языка, истории и основ законодательства России (п.п.6-7 ч.2. ст.16). В четвертых, по гуманистическим соображениям на льготы при приеме в граждан-

ство РФ могут рассчитывать определенные категории лиц, имеющие родственные связи с гражданами РФ (п.п.2-5 ч.2ст.16), дети иностранного гражданина (ч.5.ст.16), недееспособные лица (ч.6 ст.16). В пятых, на способ приобретения гражданства влияет также прошлое состояние в гражданстве СССР или РСФСР (п.п.1и 8 ч.2 ст.16, п.1 ч.4 ст.16), боевые заслуги перед отечеством (п.п.1,2 ч.8 ст.16), наличие статуса участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, или статуса члена семьи участника указанной Государственной программы (ч.3 ст.16). Многие из перечисленных способов упрощенного приобретения гражданства РФ обусловлены общей ментальностью, приобщенностью к нашим традициям, культуре, нравственным ценностям, которые помогают лучше адаптироваться к условиям нашей жизни.

Дополнительно Президент РФ может регулировать в оперативном порядке сложные и экстренные ситуации, где исходя из национально-государственных интересов надо поддержать население определенных территорий. Так, согласно Указу Президента РФ от 24.04.2019 № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке» установлено, что граждане Украины, Донецкой Народной Республики (ДНР) или Луганской Народной Республики (ЛНР), постоянно проживающие на территории ДНР, ЛНР, Запорожской области Украины, либо Херсонской области Украины, в том числе ранее имевшие гражданство РФ и оформившие выход из гражданства РФ в установленном порядке, имеют право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке в соответствии с ч.8 ст.14 ФЗ о гражданстве.

Несмотря на то, что согласно ч.2 ст.6 Конституции РФ каждый гражданин обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ, и ч.3 ст.6 о недопущении лишения гражданства, Закон о гражданстве 2023г. допускает прекращение (отмену) гражданства, полученного путем натурализации (принятия в гражданство, признания гражданства) в случаях, установленных самим законом. Термины «принятие» и «признание» гражданства здесь объединяются под родовым понятием «натурализация», поскольку имеют общее основание, а именно - воля лица на приобретение гражданства РФ, без наличия которой данные правовые формы реализоваться не могут. Правильность такого подхода подтверждается и соответствующими конструкциями законодателя, касающимися прекращения российского гражданства, полученного этими способами.

Как известно, и лишение и отмена гражданства порождают один и тот же правовой результат, т.е. аннулирование статуса гражданства РФ. В советский период лишение гражданства применялось как санкция в отношении граждан, которые как-то дискредитировали политику нашего государства. Это могли быть отдельные случаи (например, в отношении А. Солженицына (1974 г.), Э. Лимонова (1974 г.), Г. Вишневецкой (1978 г.), В. Корчного (1978 г.), Ю. Любимова (1984 г.), и др.), или имели массовый характер (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17.02.1967 №818-VII «О выходе из гражданства СССР лиц, переселяющихся из СССР в Израиль»). В большей части эта мера носила политический характер, т.е. зачастую была не связана с совершением какого-либо правонарушения, хотя и влекла за собой для таких людей целый ряд неблагоприятных юридических последствий.

Что касается оснований прекращения гражданства, предусмотренных Законом о гражданстве 2023 г., то согласно ст.22 это может быть как добровольное волеизъявление о выходе из российского гражданства, так и путем решения уполномоченного органа, которое принимается по фактам сообщения заведомо ложных сведений в отношении обязательств соблюдения Конституции РФ и законодательства РФ, и по иным основаниям. При этом, институт отмены гражданства, которая допускалась в судебном порядке при предоставлении подложных документов, ложных сведений, а также при отказе заявителя от принесения Присяги, в новом Законе заменен на общий институт прекращения гражданства.

Положения п.2 ч.1 ст.22 коррелируются с фактом принесения присяги об обязанности выполнять указанные требования, которую лицо дает при вступлении в гражданство РФ (ч.1 ст.21). Законодателем здесь используется формальная конструкция оснований применения мер по прекращению гражданства, при которой совершенно не важно – имел или не имел претендент какие-либо помыслы на неисполнение обязанностей до принесения или во время принесения присяги. Важен сам факт совершение преступления, действий, создающих угрозу национальной безопасности, неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет (п.2 ч.1 ст.22). Наряду с этим в ч.1 ст.22 названы такие основания, как: установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов, либо сообщение заведомо ложных сведений на основе которых принималось решение о приеме в гражданство РФ(п. 3 ч.1 ст.22) и иные случаи (основания), предусмотренные международным договором (п. 4 ч.1 ст.22). Исходя из буквального толкования словосочетание относящееся к п.2 ч.1 ст.22 «сообщении заведомо ложных сведений» в отношении обязанности соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ предполагает, что такой умысел уже созрел до или вовремя принесения присяги, что требует соответствующих доказательств, вопрос о возможности и реальности получении которых остается открытым, поскольку на практике маловероятно, что лицо дающее присягу уже задумало совершить какое-то преступление, готовилось к действиям представляющим угрозу национальной безопасности, или не собиралось выполнять обязанность по постановке на первоначальный воинский учет. Данное положение Закона обусловлено правовой позицией Конституционного Суда РФ, который отмечает, что «отмена решения о приобретении лицом гражданства РФ в связи с установлением судом факта сообщения этим лицом заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и российское законодательство или в связи с приравненным к нему установлением вступившим в законную силу приговором суда факта совершения хотя бы одного из преступлений (приготовления к нему или покушения на него), не выступает мерой ответственности, а по своей правовой природе представляет конституционно-восстановительную меру, - потому конституционной запрет на придание обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность, на такую отмену не распространяется» (Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2021 № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»).

В этой связи, формулировку «сообщение заведомо ложных сведений» следует заменить на «не выполнение обязательств по соблюдению Конституции РФ и законодательства РФ». Обращается внимание и на то, что представление поддельных документов при вступлении иностранного гражданина в российское гражданство может вызвать последствие в виде прекращения гражданства только в отношении его самого, но не его семьи. В этой связи данный пробел в ч.1.ст.22 Закона о гражданстве 2023г. предлагается устранить путем дополнительного включением пункта 5 и установить в качестве основания для прекращения гражданства РФ факт аннулирования основания для получения гражданства Российской Федерации. [1, с. 65] Отдельными авторами высказываются и другие замечания, касающиеся недостаточной определенности положений ч.1 ст.22 Закона. Так, сам перечень преступлений, за совершение которых допускается прекращение российского гражданства слишком аморфен, предлагается ограничить его разделами УК РФ о преступлениях против государственной власти и о преступлениях против мира и безопасности человечества. [3, с. 142] Правовой неопределенности способствует и отсутствие пресекающего срока, в течение которого натурализованное лицо, совершившее преступление, может быть ограничено в праве на гражданство, поскольку лицо на протяжении неограниченного периода времени после приема в гражданство находится под угрозой его возможной утраты. [6, с. 144]

Нуждается в уточнении положение п.3 ч.1 ст.22 Закона в части установления характера и степени значимости неверных документов и сведений для принятия решения о приеме в гражданство. [4, с. 12] В целом пробелом правового регулирования по ст.22 Закона о гражданстве 2023г. является и отсутствие ответа на вопрос о том, с какого момента прекращается российское гражданство. Возвращаясь к положению п.2 ч.1 ст.22 Закона о «сообщении заведомо ложных сведений....» убеждаемся, что законодатель имеет ввиду ничтожность статуса гражданства именно с момента его возникновения, а не с момента совершения соответствующих противоправных деяний. Следовательно, все юридически значимые отношения, связанные с гражданством, признаются недействительными с момента приобретения российского гражданства, о чем и необходимо указать в Законе.

Вопросы государственной политики России по гражданству не ограничиваются пределами ее территории. Согласно ФЗ от 24.05.1999г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» соотечественники имеют право приобретения гражданства РФ в упрощенном порядке (ст.11.1). Как отмечается в статье 2 данного закона признание лицами своей принадлежности к соотечественникам является актом их самоидентификации, подкрепленным общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, родных языков народов Российской Федерации, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской Федерацией, поддержке общественных объединений соотечественников и защите прав соотечественников либо иными свидетельствами свободного выбора данных лиц в пользу духовной и культурной связи с Российской Федерацией. Согласно ч.4 ст.5 данного закона соотечественникам предоставляется право устанавливать и свободно поддерживать связи между соотечественниками и связи с Российской Федерацией, а также получать информацию из Российской Федерации; создавать национально-культурные автономии, общественные объединения и религиозные организации соотечественников, средства массовой информации и участвовать в их деятельности; участвовать в работе неправительственных организаций на национальном и международном уровнях; участвовать в развитии взаимовыгодных отношений между государствами проживания и Российской Федерацией; осуществлять свободный выбор места жительства или реализовать право на возвращение в Российскую Федерацию. Тем не менее, территориальная удаленность и оторванность граждан РФ от своего отечества все так влияет на объем их полномочий (за исключением лиц, постоянно проживающих за границей в силу своего служебного статуса). Об этом говорится в Конституции РФ применительно к ограничениям, распространяющимся на высших должностных лиц субъектов РФ (ч.3 ст.77), руководителей федеральных государственных органов (ч.5 ст.78), Президента РФ (ч.2 ст.81), сенаторов (ч.4 ст.95), депутатов Государственной Думы (ч.1 ст.97), Председателя и заместителей Правительства РФ, федеральных министров, руководителей иных федеральных органов исполнительной власти (ч.4 ст.110), судей (ст.119), прокуроров (ч.2 ст.129). Налоговое законодательство предусматривает для российских граждан, постоянно проживающих за границей статус нерезидента, со всеми вытекающими из этого последствиями. В свою очередь, для натурализованных российских граждан постоянно проживающим на территории РФ нашим законодательством предусмотрены условия и способы сохранения национальной идентичности государств их происхождения. В частности, такую роль выполняет Федеральный закон от 17.06.1996 «О национально-культурной автономии». Разумеется, такие автономии с национальными диаспорами должны действовать строго в рамках закона, не навязывая остальному обществу свои специфические обычаи, ценности и образ жизни. В противном случае «Образование этнических анклавов из натурализованных граждан подрывает государственный суверенитет, поскольку приводит к формированию очагов общественной напряженности, основанных на ксенофобии, национальной нетерпимости и вражде». [7, с. 31]

Объем прав и свобод гражданина РФ зависит и от одновременного наличия у него статуса гражданства другого государства. В Законе о гражданстве 2023г. законодатель наряду с уже устоявшимся в Конституции РФ понятием двойного гражданства (ч.1 ст.62) решил ввести понятие «множественного» гражданства. Такое разделение уже давно диктовалось сложившейся практикой, согласно которой в одних случаях иностранное гражданство не имеет значения для предъявления установленных законодательством требований по выполнению его обязательств перед российским государством, в других случаях это учитывается в пределах, установленных законом или международным договором. Так, согласно договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан Об урегулировании вопросов двойного гражданства от 07.09.1995г. урегулированы вопросы во избежания повторного выполнения обязанностей военной службы (ст.3), о выборе гражданства детей родители которых состояли в двойном гражданстве (ст.4). Таким образом двойное гражданство в отличие от множественного свидетельствует о более тесной интеграции между странами и их гражданами и желанием этих стран на равноправной основе облегчить такое взаимодействие в различных сферах. Тем не менее, двойное гражданство не аннулирует запрета на доступ к государственной службе.

Следует также отметить, что ранее действующий российский закон о гражданстве предусматривал отказ от иностранного гражданства как условия получения гражданства РФ. После отмены этой нормы натурализованный гражданин, приобретая российское гражданство фактически попадает в статус множественного (двойного) гражданства. Институт прекращения гражданства российской федерации в этом случае приводит не к безгражданству (состоянию апатрида), что запрещено международным правом, а к «восстановлению» прежнего иностранного гражданства, и как следствие изменению режима нахождения этого лица на территории России.

В заключении следует отметить, что целый ряд норм законодательства о гражданстве со временем на практике показали свою неэффективность и по этой причине утратили силу либо были скорректированы. Это относится к не востребовавности для применения упрощенного способа приобретения гражданства таких категорий иностранных граждан, как инвесторы и квалифицированные специалисты. Было признано избыточным требование о предоставлении документов, подтверждающих наличия законного источника для лиц, приобретающих российское гражданство в упрощенном порядке. Во избежание роста фиктивных браков, как оснований упрощенного приобретения гражданства предусматривается условие о наличии в браке общего ребенка.

Список литературы:

1. Бувака Н.А., Потапова М.Д. Современные предпосылки исследования института гражданства Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 11 (239). С. 64-66. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_64 EDN: IBKYJR
2. Иксанов И.С. О значении академика Кутафина О.Е. в разработке института гражданства. //Вестник Университета им. О.Е.Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 111-121. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.94.6.111-121 EDN: EAQZXM
3. Кетова Л.П. Институт лишения гражданства в России // Право и государство: теория и практика. 2023. №7 (223). С.140-144. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_7_140 EDN: SFYGJE
4. Мамасакхлиси Н. М. Гражданство как элемент конституционного статуса личности в Российской Федерации: автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2018. 32 с. EDN: VVNSKP
5. Никитина Е.Е. Законодательство о гражданстве и совершенствование миграционной политики Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. №7. С.30-42. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.3 EDN: LJYJBM
6. Пирязева Н. Е. Реализация конституционного принципа равенства гражданства в законодательстве Российской Федерации //Журнал российского права. 2022. №6. С. 140-147. DOI: 10.12737/jrl.2022.067 EDN: HNVREB
7. Хлебунова С.А. Двойственная природа института прекращения гражданства Российской Федерации // Правопорядок, история, теория и практика 2025. №1 (44). С. 28-33. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-28-33 EDN: XACQBA

References:

1. Buvaka N.A., Potapova M.D. Modern prerequisites for the study of the Institute of citizenship of the Russian Federation // Agrarian and Land law. 2024. No. 11 (239). PP. 64-66. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_64 EDN: IBKYJR
2. Iksanov I.S. On the importance of academician O.E. Kutafin in the development of the Institute of citizenship. //Bulletin of the O.E.Kutafin University (MGUA). 2022. No. 6. pp. 111-121. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.94.6.111-121 EDN: EAQZXM
3. Ketova L.P. Institute of deprivation of citizenship in Russia // Law and the state: theory and practice. 2023. No. 7 (223). pp.140-144. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_7_140 EDN: SFYGJE
4. Mamasakhilisi N. M. Citizenship as an element of the constitutional status of an individual in the Russian Federation: abstract. diss... Candidate of Sciences. jurid. nauk. M., 2018. 32 p. EDN: VVNSKP
5. Nikitina E.E. Legislation on citizenship and improvement of migration policy of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2019. No. 7. pp.30-42. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.3 EDN: LJYJBM
6. Piriazeva N. E. Implementation of the constitutional principle of equality of citizenship in the legislation of the Russian Federation //Journal of Russian Law. 2022. No. 6. pp. 140-147. DOI: 10.12737/jrl.2022.067 EDN: HNVREB
7. Khlebunova S.A. The dual nature of the institution of termination of citizenship of the Russian Federation // Law and order, history, theory and practice 2025. No. 1 (44). pp. 28-33. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-28-33 EDN: XACQBA

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА GLOBAL CHALLENGES AND LEGAL ASPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE REGULATION

КИЛЬМЕТОВА Рената Рафиковна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

КОРТИЕВА Алана Славовна,

студент, юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

ХУТИНАЕВА Диана Маратовна,

студент, юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

ГУБАЕВА Дзерасса Сергеевна,

студент, юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

KILMETOVA Renata Rafikovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

KORTIEVA Alana Slavovna,

student, Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

KNUTINAEVA Diana Maratovna,

student, Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

GUBAEVA Dzerassa Sergeevna,

student, Faculty of Law, FSBEI HE "North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru

Краткая аннотация: В условиях стремительного развития цифровых технологий искусственный интеллект (ИИ) становится одним из ключевых факторов трансформации общественных, экономических и правовых институтов. В статье рассматриваются глобальные вызовы, возникающие в связи с внедрением ИИ, а также правовые аспекты его регулирования в международной и национальной перспективе. Особое внимание уделяется вопросам правовой ответственности, этики алгоритмов, трансграничного взаимодействия и технологического суверенитета. На основе анализа современных научных исследований и нормативных документов делаются выводы о необходимости разработки сбалансированной и гибкой правовой системы, способной обеспечить как инновационное развитие, так и защиту прав человека.

Abstract: In the context of the rapid development of digital technologies, artificial intelligence (AI) is becoming one of the key factors in the transformation of social, economic and legal institutions. The article examines the global challenges arising from the introduction of AI, as well as the legal aspects of its regulation in international and national perspectives. Particular attention is paid to issues of legal liability, algorithm ethics, cross-border interaction and technological sovereignty. Based on the analysis of modern scientific research and regulatory documents, conclusions are drawn about the need to develop a balanced and flexible legal system capable of ensuring both innovative development and the protection of human rights.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, глобальные вызовы, цифровая трансформация, алгоритмическая этика, технологический суверенитет, международное право, ответственность.

Key words: artificial intelligence, legal regulation, global challenges, digital transformation, algorithmic ethics, technological sovereignty, international law, responsibility.

Для цитирования: Кильметова Р.Р., Кортиева А.С., Хутинаева Д.М., Губаева Д.С. Глобальные вызовы и правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 211-213. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_211.

For citation: Kilmetova R.R., Kortieva A.S., Khutinaeva D.M., Gubaeva D.S. Global challenges and legal aspects of artificial intelligence regulation // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 211-213. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_211.

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) стало не просто технологическим достижением, но и глобальным вызовом, оказывающим влияние на все сферы общественной жизни. По мнению профессора М. Санделя, «появление алгоритмов, принимающих решения вместо чело-

века, поднимает фундаментальные вопросы о справедливости, автономии и праве на объяснение»¹. В этой связи проблема правового регулирования ИИ приобретает особую значимость: государства и международные организации пытаются найти баланс между поощрением инноваций и необходимостью защиты прав и свобод личности.

Существующие модели регулирования варьируются от жёсткого подхода Европейского союза, представленного в проекте Закона об искусственном интеллекте (AI Act), до более гибкого и рыночно-ориентированного подхода США. Как отмечает российский исследователь И.А. Сорокин, «унификация подходов к правовому регулированию ИИ пока невозможна, однако элементы международной координации уже прослеживаются»².

Цель данной статьи — исследовать основные правовые проблемы, возникающие в процессе внедрения ИИ, определить глобальные вызовы, а также проанализировать существующие научные и нормативные подходы к регулированию в этой области.

Одним из наиболее серьёзных вызовов, связанных с развитием искусственного интеллекта, является его способность радикально изменять природу труда, экономики, социальной коммуникации и даже правовой ответственности. Как подчёркивает Н. Бостром, ИИ может превратиться в «технология двойного назначения», одновременно принося пользу и создавая экзистенциальные риски для человечества³.

Одним из основных последствий широкого внедрения ИИ является вытеснение человека из традиционных сфер занятости. По данным Всемирного экономического форума, к 2025 году до 85 миллионов рабочих мест могут быть заменены автоматизированными системами, тогда как появление новых профессий в этой области потребует масштабной переподготовки кадров.

Российский исследователь В.И. Михайлов указывает, что в таких условиях возрастает риск усиления социальной поляризации и роста неравенства, что, в свою очередь, требует вмешательства государства и выработки нормативных механизмов социальной адаптации⁴.

Алгоритмические системы всё чаще принимают решения, затрагивающие права и свободы человека — будь то кредитные оценки, отбор резюме, распознавание лиц или прогнозирование правонарушений. Это вызывает вопрос: кто несёт ответственность за ошибки ИИ?

Американский юрист Фрэнк Паскуале в своей работе «Black Box Society» подчёркивает необходимость «права на объяснение» — принципа, согласно которому лицо должно иметь возможность понять, на каком основании ИИ вынес определённое решение⁵. В этой связи актуальной становится задача обеспечения прозрачности и подотчётности алгоритмов.

ИИ развивается вне границ, в то время как правовое регулирование в основном носит национальный характер. Отсутствие международного согласования стандартов создаёт риски правового вакуума, в котором транснациональные корпорации могут действовать без надлежащего контроля.

Как отмечает Дж. Брин, «в условиях цифрового капитализма те, кто контролирует алгоритмы, получают власть над рынками, сознанием и даже ценностями»⁶. Следовательно, актуальной становится задача выработки глобальных этических и правовых рамок, которые обеспечат надлежащий контроль и защиту прав человека на международном уровне.

Правовое регулирование искусственного интеллекта представляет собой сложную и многоплановую задачу, требующую учета этических, технологических, социально-экономических и правовых факторов. Подходы к регулированию ИИ различаются в зависимости от политико-правовой системы, уровня развития технологий и приоритетов национальной безопасности.

Европейский союз является одним из лидеров в разработке нормативной базы для регулирования ИИ. В апреле 2021 года Европейская комиссия представила проект Регламента об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act) — первого в мире попытки всестороннего регулирования ИИ на наднациональном уровне.

Согласно данной инициативе, ИИ-системы классифицируются по степени риска (недопустимый, высокий, ограниченный и минимальный), а для высокорисковых систем вводятся строгие требования к прозрачности, прослеживаемости и безопасности. Как отмечает профессор Йоанна Брайтнер, «Европейский подход можно охарактеризовать как попытку поставить человека в центр технологического прогресса»⁷.

Регламент подвергается критике за потенциальное торможение инноваций, однако, по мнению немецкого правоведа Кристиана Катца, «именно такая превентивная модель способна обеспечить баланс между технологическим прогрессом и защитой фундаментальных прав».

В Соединённых Штатах регулирование ИИ осуществляется преимущественно на уровне ведомств и штатов. В отличие от ЕС, американская модель делает ставку на принципы саморегулирования и поддержку технологических стартапов. Национальный институт стандартов и технологий (NIST) в 2023 году опубликовал AI Risk Management Framework, который предлагает ориентиры для компаний по этичному использованию ИИ.

По мнению профессора Райана Калло «американское регулирование носит фрагментарный характер, что позволяет сохранить гибкость, но порождает значительные правовые лакуны»⁸.

В России стратегия развития ИИ была утверждена указом Президента РФ в 2019 году, а в 2021 году принят федеральный закон

¹ Зиновьев А. П. Этические аспекты разработки и внедрения искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2023. — № 2. — С. 20.

² Сорокин И. А. Международные тенденции в регулировании искусственного интеллекта // Юридический мир. — 2023. — № 3. — С. 35.

³ Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии / Н. Бостром ; пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2016. — С. 56.

⁴ Михайлов В. И. Социальные риски цифровизации: вызовы и ответы права // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 477. — С. 126.

⁵ Паскуале Ф. Чёрный ящик: как алгоритмы контролируют информацию и манипулируют нами / Ф. Паскуале ; пер. с англ. — М. : Бомбора, 2020. — С. 56.

⁶ Комарова Т. И. Ответственность за ущерб, причинённый искусственным интеллектом: правовая неопределённость и возможные пути решения // Журнал российского права. — 2022. — № 10. — С. 85.

⁷ Иванов Д. С. Проблемы правового регулирования технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации // Право и цифровая экономика. — 2023. — № 4. — С. 59.

⁸ Комарова Т. И. Ответственность за ущерб, причинённый искусственным интеллектом: правовая неопределённость и возможные пути решения // Журнал российского права. — 2022. — № 10. — С. 86.

№ 123-ФЗ¹, вносящий изменения в нормативно-правовую базу в части тестирования ИИ в экспериментальных правовых режимах. Несмотря на наличие стратегических документов, правоприменительная практика и комплексное регулирование пока находятся на стадии становления.

Исследователь Е.В. Фёдорова отмечает: «Российская модель развития ИИ опирается на государственное стимулирование и требует чёткого нормативного разграничения ответственности между субъектами, вовлечёнными в создание и эксплуатацию ИИ-систем».

На международном уровне активную позицию занимают ЮНЕСКО, ОЭСР, Совет Европы и ООН. В 2021 году ЮНЕСКО приняла Рекомендации по этике ИИ, провозглашающие необходимость справедливости, инклюзии и уважения прав человека при разработке ИИ². Однако, несмотря на активность международных организаций, отсутствует единый и обязательный к исполнению международный правовой акт.

По мнению профессора В. Реддена, «международное право должно развиваться синхронно с технологиями, иначе возникает риск того, что регулирование будет всегда отставать от инноваций»³.

Развитие искусственного интеллекта создаёт не только беспрецедентные возможности для человечества, но и серьёзные вызовы, в том числе правовые. Внедрение ИИ в управление, экономику, здравоохранение и правосудие требует чёткого правового регулирования, обеспечивающего баланс между технологическим прогрессом и защитой прав человека.

Анализ национальных и международных моделей показывает, что на сегодняшний день не существует универсального подхода к правовому регулированию ИИ. Европейский союз стремится к нормативной строгости, США делают ставку на гибкость и инновации, а Россия находится в стадии формирования своей модели. Международное сотрудничество развивается, но ограничено отсутствием обязательных стандартов.

Сложность регулирования ИИ заключается в его трансграничной природе, сложности алгоритмов и потенциальной автономности. Эти факторы требуют разработки гибких, адаптивных, но в то же время этически обоснованных и юридически выверенных решений. Перспективным направлением является формирование глобальных правовых рамок, аналогичных Парижскому соглашению по климату, но ориентированных на цифровую безопасность и устойчивое развитие ИИ.

Таким образом, эффективное правовое регулирование искусственного интеллекта возможно лишь при условии диалога между государствами, бизнесом, научным сообществом и гражданским обществом. Только такой подход обеспечит устойчивое развитие, технологический суверенитет и защиту фундаментальных прав человека в эпоху цифровой трансформации.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.05.2025).
2. Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии / Н. Бостром ; пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2016. — 408 с.
3. Зиновьев А. П. Этические аспекты разработки и внедрения искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2023. — № 2. — С. 19–26.
4. Иванов Д. С. Проблемы правового регулирования технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации // Право и цифровая экономика. — 2023. — № 4. — С. 57–66.
5. Комарова Т. И. Ответственность за ущерб, причинённый искусственным интеллектом: правовая неопределённость и возможные пути решения // Журнал российского права. — 2022. — № 10. — С. 82–91.
6. Михайлов В. И. Социальные риски цифровизации: вызовы и ответы права // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 477. — С. 120–128.
7. Паскуале Ф. Чёрный ящик: как алгоритмы контролируют информацию и манипулируют нами / Ф. Паскуале ; пер. с англ. — М. : Бомбора, 2020. — 352 с.
8. Соловьёв И. Ю. Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта в странах ЕС и США // Право и политика. — 2023. — № 5. — С. 45–53.
9. Сорокин И. А. Международные тенденции в регулировании искусственного интеллекта // Юридический мир. — 2023. — № 3. — С. 33–39.
10. Фёдорова Е. В. Правовое регулирование экспериментальных режимов использования искусственного интеллекта в России // Российская юстиция. — 2022. — № 11. — С. 44–48.
11. ЮНЕСКО. Рекомендации по этике искусственного интеллекта: одобрены на 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 23 ноября 2021 г. — Париж: ЮНЕСКО, 2021. — 36 с. — URL: <https://unesdoc.unesco.org> (дата обращения: 28.05.2025).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. — URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 05/29/2025).
2. Bostrom N. Artificial intelligence: stages, threats, strategies / N. Bostrom ; translated from English — M. : Alpina non-fiction, 2016. — 408 p.
3. Zinoviev A. P. Ethical aspects of the development and implementation of artificial intelligence // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law. - 2023. — No. 2. — pp. 19-26.
4. Ivanov D. S. Problems of legal regulation of artificial intelligence technologies in the Russian Federation // Law and digital economy. — 2023. — No. 4. — pp. 57-66.
5. Komarova T. I. Liability for damage caused by artificial intelligence: legal uncertainty and possible solutions // Journal of Russian Law. — 2022. — No. 10. — pp. 82-91.
6. Mikhailov V. I. Social risks of digitalization: challenges and responses of law // Bulletin of Tomsk State University. — 2022. — No. 477. — pp. 120-128.
7. Pasquale F. Black box: how algorithms control information and manipulate us / F. Pasquale; translated from English — M. : Bompura, 2020. — 352 p.
8. Soloviev I. Y. Legal approaches to the regulation of artificial intelligence in the EU and the USA // Law and politics. — 2023. — No. 5. — pp. 45-53.
9. Sorokin I. A. International trends in the regulation of artificial intelligence // The Legal world. — 2023. — No. 3. — pp. 33-39.
10. Fedorova E. V. Legal regulation of experimental modes of artificial intelligence use in Russia // Russian justice. - 2022. — No. 11. — pp. 44-48.
11. UNESCO. Recommendations on the ethics of artificial intelligence: approved at the 41st session of the UNESCO General Conference on November 23, 2021 — Paris: UNESCO, 2021. — 36 p. — URL: <https://unesdoc.unesco.org> (date of request: 05/28/2025).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.05.2025).

² ЮНЕСКО. Рекомендации по этике искусственного интеллекта : одобрены на 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 23 ноября 2021 г. — Париж: ЮНЕСКО, 2021. — 36 с. — URL: <https://unesdoc.unesco.org> (дата обращения: 28.05.2025).

³ Зиновьев А. П. Этические аспекты разработки и внедрения искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2023. — № 2. — С. 25.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЭНТРОПИЯ В МЕХАНИЗМЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА PROCEDURAL ENTROPY IN THE MECHANISM OF ACHIEVING THE GOAL OF CIVIL PROCEDURE

ЗАЙЧИКОВ Ярослав Владимирович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
E-mail: yaroslav_zachikov@mail.ru;

ZAYCHIKOV Yaroslav Vladimirovich,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure,
Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation.
E-mail: yaroslav_zachikov@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию процессуальной энтропии как объективного явления, возникающего в силу разнонаправленных интересов участников гражданского процесса и приводящего к нарушению процессуального порядка. Автором сделана попытка выявить, каким образом хаотизация процедур блокирует достижение нормативно провозглашённой цели гражданского судопроизводства. На основе анализа современных научных концепций правовой энтропии, судебной статистики и судебной практики обосновывается тезис о неизбежности «энтропийных всплесков» в отсутствие универсального подхода на законодательном и доктринальном уровнях о постулировании цели гражданского судопроизводства как правовой категории и определения механизма её достижения.

Abstract. The article is devoted to the study of procedural entropy as an objective phenomenon arising due to the divergent interests of participants in civil proceedings and leading to a violation of the procedural order. The author attempts to identify how the chaotization of procedures blocks the achievement of the normatively proclaimed goal of civil proceedings. Based on the analysis of modern scientific concepts of legal entropy, judicial statistics and judicial practice, the thesis is substantiated on the inevitability of "entropy surges" in the absence of a universal approach at the legislative and doctrinal levels to postulating the goal of civil proceedings as a legal category and determining the mechanism for achieving it.

Ключевые слова: судебная защита; гражданское судопроизводство; цель гражданского судопроизводства; достижение цели; процессуальная энтропия; злоупотребление процессуальными правами.

Keywords: judicial protection; civil procedure; the purpose of civil proceedings; achieving the purpose; procedural entropy; abuse of procedural rights.

Для цитирования: Зайчиков Я.В. Процессуальная энтропия в механизме достижения цели гражданского судопроизводства // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 214-217. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_214.

For citation: Zaychikov Ya. V. Procedural entropy in the mechanism of achieving the goal of civil procedure // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 214-217. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_214.

Статья поступила в редакцию: 19.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Гражданское судопроизводство в России и за её пределами традиционно характеризуется стремлением к упорядоченности и эффективности, однако в реальной судебной практике нередко возникают процессы, препятствующие достижению целей правосудия и решению поставленных задач. Эти процессы можно объединить термином «процессуальная энтропия», под которой следует понимать нарушение упорядоченности и целенаправленности судебного процесса, обусловленное как внутренними, так и внешними факторами.

Понятие «энтропия» изначально закрепилось в термодинамике, однако со временем оно нашло отражение и в иных научных дисциплинах. Энтропия в современной науке характеризуется как «мера неупорядоченности» [13, С. 165] и отражает уровень неопределённости в динамических системах. По справедливому утверждению исследователей о том, что «энтропия – это концепция, которая вышла за рамки своего происхождения в физике и нашла применение в различных областях» [10, С. 125] можно судить о междисциплинарном характере данного термина. Ю.В. Павлова даёт следующее определение правовой энтропии: «мера неупорядоченности, известной дезорганизации правовой системы, которая является результатом нормальной динамики, движения материи в сфере права, приводящих к обострениям противоречий в системе, что влечет за собой неустойчивость структурных и функциональных связей, выражающуюся в неопределённости ее дальнейшего состояния и направления развития» [9, С. 14], что характеризует данное явление правовой действительности как состояние неопределённости и неустойчивости в правовых системах, отражая их внутренние противоречия и недостаточную согласованность норм и принципов.

Процессуальная энтропия, в свою очередь, является специфическим проявлением правовой энтропии, описывающим степень хаоса и неопределённости в механизмах гражданского судопроизводства, и характеризоваться следующими признаками: неопределённостью процессуальных процедур; затягиванием сроков судопроизводства; процессуальными ошибками, снижающими эффективность судебной защиты. Рассуждая о процессуальном порядке на примере уголовного процесса, Л.А. Зашляпин обозначает его как правовой порядок, образованный устойчивыми функциональными связями процедурных элементов, и противопоставляет процессуальному беспорядку, «энтропия которого связывается со слабой процессуальной структурой» [4, С. 137-143]. Отсутствие такого порядка, т.е. возрастание энтропии, связано с **колебаниями, отклонениями, непредсказуемостью** в ходе рассмотрения дела. Аналогично «правовой энтропии» как объективному свойству правовой системы, процессуальная энтропия представляет собой **разрушение или ослабление упорядоченности процедурных связей**, что препятствует достижению

целей гражданского процесса. Учёные подчеркивают, что в современном праве отказ от детерминистического понимания развития требует учёта феномена энтропии.

Правовая энтропия выражает меру неопределённости, свойственную системе источников права и правоприменению в целом, тогда как процессуальная энтропия представляет собой частный, процедурно-ориентированный срез той же неопределённости. К её признакам относятся: а) увеличение количества процессуальных действий сверх нормативно необходимого; б) циклический возврат дел на новые рассмотрения; в) «ветвление» спора через встречные и самостоятельные иски; г) неоднократная экспертиза с идентичным предметом; д) повторные отложения заседаний без устранения причин. Чёткое разграничение уровней энтропии позволяет, во-первых, лучше локализовать источник дезорганизации (на уровне нормы или на уровне поведения участника), во-вторых, установить релевантные индикаторы контроля.

Процессуальная энтропия проявляется не как случайная дисфункция, а как закономерный спутник любого гражданского дела: даже при нормативно провозглашённой целевых установок судопроизводства действительными детерминантами поведения субъектов процессуальных отношений остаются их индивидуальные материально-правовые и процессуальные интересы. Так, стороны, будучи участниками состязательного процесса, используют, предоставленные гражданским процессуальным законодательствам средства и способы защиты своих прав, в то время как суд с позиции независимости должен стремиться к вынесению правильного и обоснованного судебного решения. Эта разнонаправленность векторов создает внутреннее движение процесса, которое неизбежно порождает хаотизацию независимо от того, насколько детально закон фиксирует алгоритм совершаемых действий.

Так, Ю.В. Ерохина справедливо подчёркивает, что *«анализ процессов, характеризующих современную правовую действительность, и основных тенденций развития права позволяет рассматривать правовую энтропию как объективное, закономерное явление, как имманентное свойство правовых систем»* [2, С. 99]. Перенесённая на уровень гражданского судопроизводства, эта мысль означает признание неизбежной «внутренней турбулентности» процедуры: как бы ни был формализован сам ход процесса, каждый субъект стремится перераспределить процессуальное пространство в свою пользу, тем самым повышая меру неопределённости.

Авторы синергетической школы подчёркивают: правовые системы, как самоорганизующиеся и открытые, неизбежно претерпевают **колебания порядка и хаоса**. С.Р. Бакиева пишет, что понятие «правовая энтропия» вводится именно для характеристики тех противоречий и спонтанных явлений в праве, которые можно понимать как *энтропийные* [1, С. 56-60]. В мировой науке энтропию определяют как меру неупорядоченности или неопределённости, и аналоги этого понятия применимы и к правовой сфере: любое отклонение процесса от идеальной, упорядоченной модели – например, «нарушение норм, отклонение системы от оптимального состояния или утрата устойчивости» – рассматривается как проявление энтропии. При этом, как подчёркивает С.Р. Бакиева, полностью исключить энтропию нельзя – правовая система по своей природе открыта и восприимчива к случайным факторам, поэтому развитие движется циклически: периоды относительного порядка сменяются фазами возрастания хаоса [1, С. 56-60]. Это означает, что некоторая степень неопределённости в гражданском процессе неизбежна. Однако понимание и изучение такого «энтропийного» поведения создает **условия для минимизации рисков** и повышения эффективности судопроизводства. Иными словами, без осознания того, как и почему процесс приобретает черты хаотизации, невозможно выработать методы его стабилизации.

Ю.В. Павлова в своей диссертации также отмечает возрастающую в XXI в. стихийность, неопределённость и случайность в правовых системах, обозначаемую как усиление энтропийных процессов, а также указывает на необходимость разработки мер контроля и прогноза таких процессов [8]. Это особенно актуально в гражданском судопроизводстве: избыточная процессуальная неопределённость и нестабильность затрудняют или преграждают достижение цели процесса – защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов. Действие антипроцедурных факторов (например, избыточная формализация доказательств, противоречивые процессуальные нормы, злоупотребления правом при затягивании разбирательства) ведёт к увеличению «энтропии» процедуры, что делает судебный процесс менее эффективным и предсказуемым.

В философско-правовом плане это означает отказ от представления о линейном, заранее детерминированном ходе юридического процесса. Как подчёркивает Ю.В. Павлова, «отказ от понимания правового развития как жестко и однозначно детерминированного процесса привел к необходимости изменения подходов к пониманию роли энтропии в праве». Иными словами, в условиях сложного, многоуровневого общества следует признать роль случайности и неопределённости в правовом регулировании. Постмодернистские идеи подчеркивают критику строгого детерминизма и обращение к синергетическим моделям, что актуализирует понятие энтропии как один из средств описания реальной динамики права. На практике это проявляется во все более частых случаях, когда исход дела непредсказуем: например, из-за новых правовых коллизий или технологических новшеств (электронного правосудия) ранее очевидные процедуры становятся «хаотичными». Именно здесь важен системный анализ: исследовать, как «процессуальные события» (задержки, изменения стороной аргументов, новые доказательства) влияют на общий «порядок» процесса, и управлять ими.

А.В. Ясинская-Казаченко на конкретном примере трудового спора моделирует подобную «энтропийную» характеристику, показывая, что трудовые споры не всегда укладываются в традиционные процессуальные категории и могут рассматриваться как «мера неупорядоченности на уровне гражданского судопроизводства» [15, С. 36]. Следовательно, любые «отклонения» в процессе разрешения трудового спора (например, неполные и противоречивые доказательства, коллизии материального и процессуального права) приравниваются к энтропии системы, затрудняющей достижение итогового решения. А.В. Ясинская-Казаченко заключает, что для устранения этих разрывов необходим обновлённый подход, основанный на системном анализе, позволяющем определить и **снизить энтропию** движения спора [15, С. 36].

Подобные примеры свидетельствуют: процессуальная энтропия проявляется как фактор, разрушающий баланс между порядком и ха-

осом в суде. С одной стороны, права участников защищаются через чёткие нормы и гарантии (например, право на участие представителей, установленные виды гражданского судопроизводства), что стремится создать устойчивую процедуру. С другой – разнообразие в правоприменении является неотъемлемым признаком судебной системы: регламентированность на уровне гражданского процессуального закона не исключает зависимость хода судебной процедуры от поведения и действия субъектов процессуальных отношений. Всё это порождает «колебания» в системе, рост требований к управлению процессом, что может снижать эффективность рассмотрения гражданских дел.

Опираясь на исследования в сфере философии, важно отметить: понятие энтропии в юриспруденции не тождественно «беспорядку» в бытовом смысле. Как справедливо замечает С.Д. Хайтун *«тождественность энтропии с беспорядком и не может быть доказана в принципе»* [12, С. 62], указывая при этом, что беспорядок и энтропия есть латенты, и для энтропии «у нас нет путей оценки [её]... значения для реальной системы» [12, С. 62]. Иначе говоря, «хаос» в суде часто определяется нами как таковой исходя из субъективных критериев. Процессуальную энтропию можно понимать как *отклонение от идеальных моделей* процедуры, уровень которого сам по себе нефиксирован. Тем не менее, для правовой системы это значимый показатель: именно субъективная «неупорядоченность» приводит к субъективным рискам и дисбалансу. Именно поэтому концепция процессуальной энтропии важна – она помогает юридической науке и практикам более глубоко понять, где и почему возникают «неупорядоченные» зоны в гражданском процессе.

С позиции судебной практики это означает, что необходимо искать баланс между строгим соблюдением формальных требований и гибкостью процедуры. Слишком строгий формализм может усилить «энтропию» тем, что стороны будут пытаться «обойти» установленный процессуальный порядок, увеличивая общую неопределённость. С другой стороны, чрезмерная импровизация (отсутствие чётких рамок) тоже порождает произвол. Цель – достижение «энтропийного оптимума» [9], при котором процесс остаётся достаточно упорядоченным для управления, но достаточно гибким для самосогласования системы.

Судебные акты последних лет показывают, что процессуальная энтропия материализуется прежде всего в «расшатывании» процессуальной формы действиями самих участников — от злоупотребления правами до непредвиденных пробелов в доказательственной базе. Так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 11 июня 2024 г. N42-КГ24-1-К4 ВС РФ отменил решения двух нижестоящих инстанций, подчеркнув, что «основаниями для отмены ... являются существенные нарушения норм... которые повлияли на исход дела» [6]. Юридически спор касался возмещения вреда после ДТП, однако, по существу, процесс вышел из-под контроля: повторный переход к первой инстанции, дополнительная экспертиза, перерасчёт госпошлины — всё это затянуло рассмотрение на два года, серьёзно увеличив судебные издержки сторон и загруженность суда. Причина хаотизации — активное оспаривание каждой промежуточной оценки, подача кассационной жалобы без устранения недостатков, выявленных в суде апелляционной инстанции, то есть типичный пример «размножения процедур», попадающей под характеристику злоупотребления процессуальным правом, сформулированную В.В. Ярковым, в части «осуществления вопреки целям и задачам судопроизводства» [14], что может вести к срыву судебной процедуры.

Еще нагляднее энтропия прослеживается в Определении ВС РФ от 14 мая 2024 г. N73-КГ24-1-К8 [7]. Здесь должник, уже исполнивший мировое соглашение, столкнулся с тем, что новый цессионарий спустя шесть лет попытался восстановить срок предъявления листа и получить дубликат. В ответ последовало второе процессуальное «ветвление»: отдельное производство о процессуальном правопреемстве, затем спор о возмещении расходов на представителя, который прошёл три инстанции и снова вернулся на новое рассмотрение после отмены ВС РФ. Количество вспомогательных ходатайств, начиная с обвинений в «неисполнении мирового соглашения» и заканчивая требованиями о восстановлении пропущенных сроков, иллюстрирует то, что Е.С. Матвеева определяет как «вульгарное толкование принципа состязательности» [5, С. 24], когда каждая сторона пытается превратить процессуальные права в инструмент давления, провоцируя лавинообразный рост процедурных действий и расходов. Эта ситуация также служит примером того, как процессуальная энтропия блокирует саму возможность достижения цели – конечного результата процесса. Суд прямо констатирует, что «при рассмотрении данного дела судебными инстанциями допущены нарушения норм права, которые являются существенными, непреодолимыми и не могут быть устранены без нового рассмотрения дела». Затяжной каскад процедур привёл к тому, что правовой статус исполненного решения стал неопределённым, а цель — окончательно урегулировать обязательство — не достигнута. Необходимость повторного рассмотрения дела фактически доказывает, что энтропия судебных стадий «обнулила» результат: восстановление нарушенного права отложено на неопределённый срок, у сторон возникли дополнительные издержки, а нагрузка на суд возросла.

В обеих рассмотренных ситуациях негативные последствия выходят далеко за пределы процессуальной плоскости. Во-первых, значительное увеличение сроков рассмотрения оборачивается материальными потерями: истцам приходится повторно оплачивать экспертизы и госпошлины, а ответчики несут дополнительные судебные издержки. Во-вторых, усложнённый каскад обжалований снижает предсказуемость правоприменения и влечёт фактическую потерю времени, компенсировать которую на практике почти невозможно [3]. В-третьих, затягивание разбирательства подрывает авторитет суда и формирует у граждан ощущение правовой неопределённости.

Тем самым судебная практика подтверждает: процессуальная энтропия возникает не только из-за несовершенства законодательства, но главным образом вследствие сознательных или полусознательных действий сторон, стремящихся выиграть время или улучшить свою процессуальную позицию. Наряду с удлинением сроков и ростом судебных расходов она влечёт и материально-правовые последствия — от невозможности оперативно восстановить нарушенное право до фактического проигрыша спора из-за истечения сроков давности или утраты доказательств. Поэтому формирование действенных механизмов мониторинга недобросовестных действий и реальное применение санкций (штраф, компенсация за потерю времени) остаётся ключевым направлением сдерживания энтропийных процессов в части исключения или минимизации препятствий и затруднений при достижении цели гражданского судопроизводства.

Доктринальный анализ позволяет обосновать выводы из практики. В.В. Ярков подчеркивает оценочный характер выявления злоупотребления: суд должен «надстраивать» вывод о недобросовестности над множеством первичных фактов [14], что само по себе повышает энтропию доказательственной базы. А.Ю. Старицын указывает на необходимость определения «границ добросовестности поведения» [11, С. 10], что, на наш взгляд, будет способствовать и пресечению хаотизации судебного процесса.

Негативные последствия процессуальной энтропии становятся более значимыми в ситуации, когда у законодателя отсутствует четкая, нормативно закреплённая цель гражданского судопроизводства и, следовательно, отсутствуют измеримые индикаторы её достижения. В такой ситуации суд вынужден ориентироваться лишь на расплывчатые представления о «правильном и своевременном» разрешении спора, тогда как участники, злоупотребляя правами, легко переводят внимание суда с результата на бесконечное обслуживание самой судебной процедуры. Механизм преодоления такого явления невозможен без нормативного провозглашения цели гражданского судопроизводства и теоретического осмысления значимости этой правовой категории, а также установления индикаторов её достижения. Важно отметить, невозможно устранить энтропию полностью; задача гражданского процессуального закона — задать её допустимую норму.

Таким образом, вышесказанное позволяет заключить, что процессуальная энтропия – объективное явление, создающее отрицательный эффект на цели гражданского судопроизводства. Это и есть хаотичность рассмотрения гражданских дел, осложняющая реализацию целевых установок в рамках механизма правосудия по гражданским делам. Концепция процессуальной энтропии позволяет осмыслить препятствия достижению цели и решения задач гражданского судопроизводства, что способствует эффективности судебной процедуры и формирует уважительное отношение к закону и суду.

Преодоление процессуальной энтропии возможно лишь через двуединый шаг: нормативное закрепление конечной цели гражданского судопроизводства и ввод законодателем системы количественных индикаторов, позволяющих суду оперативно фиксировать отклонения от хода движения дела, исключающего или затрудняющего наступление конечного результата.

Список литературы:

1. Бакиева С.Р. Актуальность применения синергетического подхода в юриспруденции // Безопасность бизнеса. 2023. N 1. С. 56 - 60.
2. Ерохина Ю.В. Новые смыслы понятия «правовая энтропия» // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – №1(6). – С. 99-108.
3. Зайков Д.Е. Компенсация за фактическую потерю времени: некоторые проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. N 9. С. 103 - 111.
4. Зашляпин Л.А. Процессуальный порядок: понятие // Актуальные проблемы российского права. 2024. N 5. С. 137 - 143.
5. Матвеева Е.С. Причины и условия злоупотребления правом в юридическом процессе России в свете издержек реализации состязательного начала // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 2. С. 20 - 31.
6. Официальный сайт Юридической информационной системы «Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23042024-n-42-kg24-1-k4/> (дата обращения 30.06.2025 г.)
7. Официальный сайт Юридической информационной системы «Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14052024-n-73-kg24-1-k8/> (дата обращения 30.06.2025 г.)
8. Павлова Ю. В. Правовая энтропия: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Павлова Юлия Владимировна. – Владимир, 2004. – 173 с.
9. Павлова Ю.В. Правовая энтропия: автореферат диссертации кандидата юридических наук / Ю.В. Павлова. Владимир. – 2004. – 23 с.
10. Семенов И. А., Шефер П. П., Шишкин М. Д. Энтропия в науке, технике и в жизни // Вестник Ангарского государственного технического университета. – 2023. – № 17. – С. 120-125.
11. Старицын А.Ю. О злоупотреблении правом в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. N 7. С. 7 - 10.
12. Хайтун С.Д. Трактовка энтропии как меры беспорядка и ее воздействие на современную научную картину мира // Вопросы философии. – 2013. – №2 – С. 62-74.
13. Чепкасов, В. Л., Михайлова Т.Л. Новые смыслы понятия энтропии, или к вопросу о неклассическом варианте понятия энтропии // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-1. – С. 164-167.
14. Ярков В.В. Доказывание злоупотребления процессуальным правом // Закон. 2022. N 7. С. 40 - 51.
15. Ясинская-Казаченко А. В. «Трудовой спор» как энтропия или мера неупорядоченности на уровне гражданского судопроизводства // Сацьяльна-эканамічны і прававыя даследаванні. – 2022. – № 3(69). – С. 29-38.

References:

1. Bakieva S.R. Relevance of the application of the synergetic approach in jurisprudence // Business Security. 2023. N 1. Pp. 56 - 60.
2. Erokhina Yu.V. New meanings of the concept of "legal entropy" // Russian Journal of Legal Research. - 2016. - No. 1 (6). - Pp. 99-108.
3. Zaykov D.E. Compensation for actual loss of time: some problems of law enforcement practice // Actual problems of Russian law. 2023. N 9. Pp. 103 - 111.
4. Zashlyapin L.A. Procedural order: concept // Actual problems of Russian law. 2024. N 5. Pp. 137 - 143.
5. Matveeva E.S. Causes and conditions of abuse of rights in the legal process of Russia in light of the costs of implementing the adversarial principle // Actual problems of Russian law. 2022. N 2. P. 20 - 31.
6. Official website of the Legal Information System "Legalact - laws, codes and normative legal acts of the Russian Federation" [Electronic resource] <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23042024-n-42-kg24-1-k4/> (date of access 06/30/2025)
7. Official website of the Legal Information System "Legalact - laws, codes and normative legal acts of the Russian Federation" [Electronic resource] <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14052024-n-73-kg24-1-k8/> (date of access 06/30/2025)
8. Pavlova Yu. V. Legal entropy: specialty 12.00.01 "Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Pavlova Yulia Vladimirovna. - Vladimir, 2004. - 173 p.
9. Pavlova Yu. V. Legal entropy: abstract of the dissertation of candidate of legal sciences / Yu. V. Pavlova. Vladimir. - 2004. - 23 p.
10. Semenov I. A., Shefer P. P., Shishkin M. D. Entropy in science, technology and life // Bulletin of the Angarsk State Technical University. - 2023. - No. 17. - P. 120-125.
11. Staritsyn A. Yu. On the abuse of rights in civil proceedings // Arbitration and civil procedure. 2024. N 7. P. 7 - 10.
12. Khaitun S. D. Interpretation of entropy as a measure of disorder and its impact on the modern scientific picture of the world // Questions of Philosophy. - 2013. - No. 2 - P. 62-74.
13. Chepkasov, V. L., Mikhailova T. L. New meanings of the concept of entropy, or on the issue of a non-classical version of the concept of entropy // International Journal of Experimental Education. – 2014. – No. 6-1. – P. 164-167.
14. Yarkov V.V. Proving Abuse of Procedural Law // Law. 2022. N 7. P. 40 - 51.
15. Yasin'skaya-Kazachenko A.V. "Labor Dispute" as Entropy or a Measure of Disorder at the Level of Civil Proceedings // Social, Economic and Legal Investigations. – 2022. – No. 3(69). – P. 29-38.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_218

УДК 347.1

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ПРОЦЕДУРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) LEGAL STATUS OF DIGITAL ASSETS IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEDURES

ГАРТИНА Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета.
440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.
E-mail: gjpenza@rambler.ru;

АВДЕЕВ Никита Владиславович,
студент юридического института Пензенского государственного университета.
440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.
E-mail: n.avdeev2003@gmail.com;

GARTINA Yulia Alexandrovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Penza State University.
440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.
E-mail: gjpenza@rambler.ru;

AVDEEV Nikita Vladislavovich,
student of the Law Institute Penza State University.
440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.
E-mail: n.avdeev2003@gmail.com

Краткая аннотация. В данной статье авторы исследуют особенности и проблемы правового регулирования, возникающие при включении цифровых активов в конкурсную массу в рамках процедуры несостоятельности (банкротства). Технологические особенности (анонимность блокчейна, невозможность принудительного доступа к активам, риски «двойной токенизации»), отсутствие механизмов идентификации и оценки делают включение цифровых активов в конкурсную массу формальным, что не позволяет в полной мере защитить права кредиторов. Анализ норм действующего законодательства позволил выявить ряд противоречий в правовых нормах, регламентирующих сферу данных правоотношений. По наиболее проблемным вопросам в сфере правового регулирования цифровых активов в процедуре банкротства делаются выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Abstract. In this article, the authors examine the features and problems of legal regulation that arise when including digital assets in the bankruptcy estate. Technological features (anonymity of the blockchain, impossibility of forced access to assets, risks of "double tokenization"), the lack of identification and evaluation mechanisms make the inclusion of digital assets in the bankruptcy estate formal, which does not allow for the full protection of creditors' rights. An analysis of the norms of the current legislation revealed a number of contradictions in the legal norms governing the sphere of these legal relations. Conclusions and proposals for improving the current legislation are made on the most problematic issues in the sphere of legal regulation of digital assets in the bankruptcy procedure.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, цифровые активы, конкурсная масса, цифровизация, криптовалюта, цифровая валюта, токены, блокчейн, инвестиционные токены, кредитор, должник, законодательство.

Keywords: insolvency, bankruptcy, digital assets, bankruptcy estate, digitalization, cryptocurrency, digital currency, tokens, blockchain, investment tokens, creditor, debtor, legislation.

Для цитирования: Гартина Ю.А., Авдеев Н.В. Правовой статус цифровых активов в процедуре несостоятельности (банкротства) // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 218-221. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_218.

For citation: Gartina Yu.A., Avdeev N.V. Legal status of digital assets in insolvency (bankruptcy) procedures // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 218-221. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_218.

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Актуальность исследования правового статуса цифровых активов в конкурсной массе неразрывно связана с их стремительно растущим проникновением в экономику и параллельным увеличением числа банкротных дел, где такие активы присутствуют. На наш взгляд, ключевая проблема заключается в фундаментальной правовой неопределенности. Так, гражданское законодательство (ст. 128) лишь в общем виде упоминает криптовалюту, относя ее к «иному имуществу», а специальное законодательство: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2024 года) (далее по тексту – ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах») определяет цифровую валюту объектом гражданских прав, но запрещает ее использование, как средство платежа внутри страны, создавая концептуальную путаницу в ее правовом регулировании и применении в рамках процедуры несостоятельности (банкротства). Что касается анализа норм Федерального закона от 26.10.2002 №127 - ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту - ФЗ №127 «О несостоятельности (банкротстве)») (в ред. от 23.05.2025) то в нем и вовсе не содержится норм, регламентирующих отношения с такими активами.

Понятие цифровых финансовых активов закреплено в ст.1 п.2 ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах», согласно которому: «это цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленным Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения

(изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы».

На практике идентификация цифровых активов крайне затруднена анонимностью блокчейн-кошельков и отсутствием централизованных реестров прав, особенно при недобросовестности должника. Обеспечение фактического доступа к активам часто невозможно из-за утери ключей или умышленного сокрытия данных должником, при этом эффективные механизмы принудительного доступа через суд отсутствуют.

Оценка стоимости таких активов также осложняется отсутствием методик, позволяющих ее определить. Кроме этого, полное отсутствие законодательно закрепленного порядка реализации цифровых активов в рамках конкурсной массы, накладывают определенный отпечаток, создавая правовые и операционные риски при попытках использования криптобирж.

В итоге, неопределенность статуса и отсутствие специального регулирования обращения цифровых активов при реализации имущества в процедуре банкротства подрывают законность и эффективность этих процедур в цифровую эпоху, препятствуют интеграции данных о таких активах в существующие системы (ЕФРСБ), блокируют использование прогрессивных технологий (как смарт-контракты для расчетов) и в целом ставят под сомнение возможность полной защиты прав кредиторов при наличии значительного объема цифровых активов, фактически выпадающих из правового поля процедуры несостоятельности.

Преодоление системных проблем, связанных с включением цифровых активов в конкурсную массу, невозможно без четкого понимания их правовой природы. Неопределенность статуса, порождающая практические трудности арбитражных управляющих и риски для кредиторов, заключается в отсутствии единого подхода к квалификации этих новых экономических феноменов в рамках традиционных гражданско-правовых категорий. Для формирования последовательного правового режима обращения цифровых активов в процедурах банкротства необходимо прежде всего определить их виды и правовую природу, проанализировав существующие теоретические дискуссии.

Анализ легально закрепленного понятия цифровых активов позволяет говорить о том, что цифровые активы представляют собой экономические активы нематериальной природы, существующие в электронной форме, созданные с применением цифровых технологий (преимущественно распределенных реестров), проявляющие свою стоимость в информационной системе и способные к имущественному обороту. В контексте процедуры банкротства необходимо упомянуть следующие виды активов:

1. криптовалюта (платежные токены) - децентрализованные цифровые активы (Биткоин, Эфир, USDT), используемые как средство обмена или хранения стоимости. Их ключевая характеристика отражена в отсутствие эмитента и обеспечения, кроме доверия сети [1, с. 511];
2. утилитарные токены (utility tokens) - цифровые активы, предоставляющие доступ к услугам или функционалу конкретной платформы (например, токены для оплаты вычислительных мощностей или хранения данных). Их ценность производна от полезности платформы [2, с. 93];
3. Security-токены (инвестиционные токены) - цифровые права, удостоверяющие инвестиции в проект и дающие право на долю прибыли, акционерный капитал или иные финансовые права. По сути, это токенизированные традиционные ценные бумаги [3, с. 115];
4. невзаимозаменяемые токены (NFT) - уникальные цифровые активы, подтверждающие право на оригинальный цифровой или оцифрованный объект (цифровое искусство, коллекционные предметы, право на объект интеллектуальной собственности). Их ценность заключается в уникальности и подтвержденном авторстве [4, с. 258].

Цифровые финансовые активы (ЦФА) в узком смысле, регулируемые Федеральным законом № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» - цифровые права, выпущенные оператором информационной системы, имеющие эмитента и стороннее обеспечение. Ключевое отличие от криптовалюты заключается в том, что они имеют централизованный выпуск и стороннее регулирование. Критерии классификации в контексте банкротства включают происхождение (регулируемые/нерегулируемые), функциональное назначение (платежное, утилитарное, инвестиционное), уникальность (взаимозаменяемые/NFT) и связь с материальным или иным обеспечением.

Правовая квалификация цифровых активов остается предметом острых научных дискуссий, что напрямую влияет на возможность их включения в конкурсную массу, как имущества должника.

Во-первых, «имущество» в значении вещи не соотносится с нематериальностью цифровых активов [5, с. 69]. Они не обладают физическими свойствами вещи, не подчиняются правилам о владении и виндикации в традиционном понимании (ст. 209, 301 ГК РФ). Запись в реестре (блокчейне) не тождественна самой «вещи».

Во-вторых, «имущественное право» предлагает рассматривать цифровые активы, как новую форму фиксации имущественных прав (обязательственных или корпоративных). Криптовалюта, например, может трактоваться как право требования к децентрализованной сети на учет перевода [6, с. 26]. Однако эта конструкция плохо применима к децентрализованным активам без конкретного должника (криптовалюта) или к NFT, представляющим уникальный объект.

В-третьих, «иное имущество» (ст. 128 ГК РФ) - это наиболее распространенная в российской доктрине и поддерживаемая частью судебной практики позиция. Она позволяет обойти спор о природе (вещь или право), признав цифровой актив самостоятельным объектом гражданских прав, обладающим имущественной ценностью и способным к обороту. Определение актива как «иного имущества» прямо открывает путь для включения его в конкурсную массу (ст. 131 Закона № 127 - ФЗ «О несостоятельности (банкротстве»)).

Последняя концепция заключается в том, что цифровые активы - электронное имущество. Существует научная позиция предлагающая выделить цифровые активы в отдельную категорию по аналогии с «безналичными денежными средствами» или «бездокументарными ценными бумагами», подчеркивая их электронную форму существования и специфику оборота [7, с. 140]. Однако эта позиция пока не нашла прямого законодательного закрепления в гражданском законодательстве.

Российский законодатель предпринял попытки правового урегулирования цифровых активов, но созданная система на данный момент

несовершенна и содержит пробелы, не позволяющие применять эти отношения в процедуре банкротства.

Таким образом, как мы уже выяснили ранее, статья 128 ГК РФ включает в состав объектов гражданских прав «иное имущество», что является основой для отнесения к нему цифровых активов, особенно криптовалюты. Статья 141.1 ГК РФ содержит понятие «цифровых прав» как особого объекта, но не раскрывает его применительно к криптоактивам. Правовой пробел заключается в отсутствии прямого определения криптовалюты и иных токенов в гражданском законодательстве [8, с. 22].

Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» содержит ключевые понятия, такие как: цифровой финансовый актив, цифровая валюта и т.д. Учитывая вышесказанное, необходимо отметить, что закон не регулирует напрямую статус криптовалюты, как объекта в конкурсной массе, не устанавливает порядок ее идентификации, оценки и реализации в процедуре банкротства.

Федеральный закон №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» определяет имущество должника очень широко, включая «вещи, имущественные права, иное имущество». Данная формулировка теоретически может охватывать и цифровые активы, но при этом отсутствие специальных норм, регулирующих порядок включения, оценки, хранения и реализации цифровых активов в конкурсной массе делает их фактический статус в процедуре банкротства неопределенным.

Таким образом, несмотря на дискуссионность природы отдельных видов цифровых активов, наиболее обоснованной и практически реализуемой в текущих правовых рамках является их квалификация как «иного имущества» в смысле ст. 128 ГК РФ и, соответственно, ст. 2 Федерального закона №127 «О несостоятельности (банкротстве)». Эта квалификация создает необходимую правовую основу для включения криптовалюты, токенов и NFT в конкурсную массу должника. Однако, признание цифровых активов «иным имуществом» должника, хотя и создает формальные основания для их включения в конкурсную массу, на практике бывает очень сложным. Основные проблемы возникают уже на стадии формирования конкурсной массы и заключаются в следующем:

- проблемы идентификации и доказательства принадлежности цифровых активов конкретному должнику. В этой ситуации первоочередная задача арбитражного управляющего — установить сам факт наличия цифровых активов и доказать их принадлежность конкретному должнику;

- отсутствие централизованных публичных реестров, аналогичных ЕГРН для недвижимости или реестру акционеров, делает поиск таких активов очень сложным;

- анонимность блокчейн-кошельков (адресов) означает, что публичный ключ (видимый в транзакции) не содержит информации о реальном владельце. Даже обнаружение транзакций, связанных с деятельностью должника или его контрагентов, не доказывает принадлежность конечного кошелька самому должнику [9, с. 64].

Блокчейн-аналитика, способная отслеживать потоки средств между адресами, может указать на вероятную принадлежность группы кошельков одному субъекту, но ее результаты носят вероятностный характер и редко принимаются судами в качестве бесспорного доказательства без дополнительных подтверждений (например, переписки, файлов с приватными ключами на устройствах должника, свидетельских показаний).

Недобросовестный должник легко может отрицать принадлежность адресов, а отсутствие юридически закрепленной процедуры доказывания через анализ цепочек транзакций или привлечение специалистов оставляет управляющего без действенных инструментов.

Даже если принадлежность актива доказана, обеспечить реальный доступ к нему для включения в конкурсную массу и последующую реализацию представляет собой отдельную, зачастую неразрешимую задачу. Доступ к цифровым активам контролируется исключительно через приватные ключи (пароли) или seed-фразы. Добровольная передача ключей должником — редкое явление. Значительно чаще должники умышленно «теряют» ключи, предоставляют ложные данные или переводят активы на неподконтрольные кошельки [10, с. 39]. Правовые механизмы принудительного изъятия, эффективные для материальных активов (арест, изъятие имущества), неприменимы к цифровым записям.

Особая трудность для пополнения конкурсной массы за счет цифровых активов должника возникает в связи с феноменом «двойной токенизации». Суть его заключается в том, что один и тот же реальный актив (например, недвижимость, дорогостоящее оборудование, доля в бизнесе) может быть «обеспечен» или представлен цифровым токеном (часто NFT или security-токеном), выпущенным в блокчейне. Недобросовестный должник накануне банкротства может осуществить сделку по продаже или передаче таких цифровых токенов, представляющих реальные активы, третьим лицам. При этом формально в конкурсную массу попадает только сам токен (если его удастся выявить и включить), стоимость которого может быть искусственно занижена или вообще ничтожна по сравнению с реальным активом, который он представляет. Покупатель токена, возможно аффилированный с должником, затем предъявляет права на реальный актив, основываясь на владении токеном. Оспаривание таких сделок крайне затруднительно [11, с. 86]. Данные операции создают возможность для вывода ликвидных активов из процедуры конкурсного управления под прикрытием легальных операций с цифровыми токенами.

Таким образом, отсутствие неопределенности в сфере правового регулирования цифровых активов делают идентификацию и доказательство принадлежности активов конкретному лицу трудноразрешимой задачей; отсутствие правовых механизмов принудительного обеспечения доступа к активам через приватные ключи или управления смарт-контрактами приводит к риску их безвозвратной утраты; а феномен «двойной токенизации» открывает широкие возможности для мошеннического вывода реальных активов из конкурсной массы. Эти проблемы в настоящее время являются наиболее актуальными, так как они ставят под сомнение саму возможность справедливого и полного формирования конкурсной массы в эпоху цифровых активов, требуя не точечных корректировок, а разработки комплексного правового режима, учитывающего их уникальную природу и риски.

В заключении необходимо отметить, что для преодоления выявленных системных проблем включения цифровых активов в конкурсную массу в рамках процедуры банкротства требуют внесения существенных изменений в действующее законодательство. На наш взгляд, необходимо закрепить в нормах Федерального закона № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» обязанность должника раскрывать арбитражному управляющему все данные о цифровых активах (адреса кошельков, смарт-контракты) под угрозой применения субсидиарной ответственности. Также, одновременно необходимо законодательно закрепить использование блокчейн-аналитики, как доказательства принадлежности активов конкретному лицу. Параллельно следует установить механизм принудительного доступа, порядок восстановления доступа при утрате ключей через операторов криптобирж, а также ввести для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей обязанность хранить резервные копии ключей у аккредитованных операторов.

Несомненно, важным аспектом правового регулирования, должна стать разработка и утверждение методики оценки цифровых активов. Внедрение указанных мер позволит устранить часть правовых коллизий и повысит защиту прав кредиторов в рамках несостоятельности (банкротства).

Список литературы:

1. Кочергин, Д. А. Цифровые активы, криптоактивы и цифровые валюты: экономическое содержание и потенциал конвергенции / Д. А. Кочергин, С. А. Андрияшин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2023. – Т. 39, № 4. – С. 511.
2. Андрияшин, С. А. Tokenization реальных активов: классификация, платформы, приложения, возможности и проблемы развития / С. А. Андрияшин // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 93.
3. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5(102). – С. 115.
4. Болотаева, О. С. Реализация интеллектуальных прав в сфере невзаимозаменяемых токенов (NFT) / О. С. Болотаева // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 3(207). – С. 258.
5. Тумаков, А. В. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества / А. В. Тумаков, Н. А. Петраков // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 69.
6. Гринь, О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав / О. С. Гринь // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 10(167). – С. 26.
7. Мурадян, С. В. Цифровые активы: правовое регулирование и оценка рисков / С. В. Мурадян // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 140.
8. Мурзин, Д. В. Иное имущество в гражданском праве: объекты абсолютных и относительных прав / Д. В. Мурзин // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 5. – С. 22.
9. Эйтсма, О. Н. Современные проблемы правового регулирования цифровых активов / О. Н. Эйтсма // Инновационная наука. – 2024. – № 9-1. – С. 64.
10. Мануилов, А. В. Проблемы идентификации и оценки криптовалюты при внесении в конкурсную массу должника / А. В. Мануилов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 11(206). – С. 39.
11. Алексеев, Н. В. Цифровые валюты в конкурсной массе должника / Н. В. Алексеев // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 1(29). – С. 86.

References:

1. Kochergin, D. A. Digital assets, cryptoassets and digital currencies: economic content and convergence potential / D. A. Kochergin, S. A. Andryushin // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. – 2023. – Vol. 39, No. 4. – P. 511.
2. Andryushin, S. A. Tokenization of real assets: classification, platforms, applications, opportunities and development problems / S. A. Andryushin // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Vol. 18, No. 1. – P. 93.
3. Vasilevskaya, L. Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law / L. Yu. Vasilevskaya // Actual problems of Russian law. – 2019. – No. 5 (102). – P. 115.
4. Bolotaeva, O. S. Implementation of Intellectual Property Rights in the Sphere of Non-Fungible Tokens (NFT) / O. S. Bolotaeva // Law and State: Theory and Practice. – 2022. – No. 3 (207). – P. 258.
5. Tumakov, A. V. Civil Law Aspects of Digital Property / A. V. Tumakov, N. A. Petrakov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 4. – P. 69.
6. Grin, O. S. Obligatory Relations Regarding Digital Objects of Civil Rights / O. S. Grin // Lex Russica (Russian Law). – 2020. – Vol. 73, No. 10 (167). – P. 26.
7. Muradyan, S. V. Digital assets: legal regulation and risk assessment / S. V. Muradyan // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Vol. 1, No. 1. – P. 140.
8. Murzin, D. V. Other property in civil law: objects of absolute and relative rights / D. V. Murzin // Russian law: education, practice, science. – 2021. – No. 5. – P. 22.
9. Eitsma, O. N. Modern problems of legal regulation of digital assets / O. N. Eitsma // Innovative science. – 2024. – No. 9-1. – P. 64.
10. Manuilov, A. V. Problems of identification and evaluation of cryptocurrency when contributing to the debtor's bankruptcy estate / A. V. Manuilov // Property relations in the Russian Federation. – 2018. – No. 11 (206). – P. 39.
11. Alekseev, N. V. Digital currencies in the debtor's bankruptcy estate / N. V. Alekseev // Economy. Sociology. Law. – 2023. – No. 1 (29). – P. 86.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_222

УДК 347.77/78

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ CRITERIA FOR THE CLASSIFICATION OF INTELLECTUAL PROPERTY

АЛАМОВА Светлана Мухаметовна,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

кандидат юридических наук, доцент

Учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ».

420012. Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштары, 13.

E-mail: sm-alamova@mail.ru;

SPIN-код: 7484-1956;

ALAMOVA Svetlana Mukhametovna,

PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil and Business Law

Higher Education Institution The University of Management "TISBI".

420012. Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, st. Mushtari, 13.

E-mail: sm-alamova@mail.ru;

SPIN-код: 7484-1956

Краткая аннотация. Статья посвящена комплексному анализу классификационных критериев интеллектуальной собственности в российском правовом поле и доктринальных подходах к ее осмыслению. Автором проведен обзор существующих в научной и учебной литературе концептуальных основ интеллектуальной собственности, начиная с ее юридического закрепления в международных конвенциях, таких как Конвенция ВОИС, Парижская и Бернская конвенции, и заканчивая детальным рассмотрением положений части четвертой Гражданского кодекса РФ.

Особое внимание уделено терминологическим аспектам, подчеркивается условность термина «интеллектуальная собственность» и необходимость его восприятия как единого понятия, а не как разновидность права собственности в классическом понимании. Раскрывается структура интеллектуальных прав в российском законодательстве, включающая личные неимущественные и имущественные права, а также анализируются особенности их возникновения, содержания и субъектного состава.

В статье подробно рассматриваются различные подходы к классификации объектов интеллектуальной собственности. Наряду с закрепленной в Гражданском кодексе РФ классификацией, основанной на объектах авторского, смежных, патентного права и прав на нетрадиционные объекты, анализируются доктринальные классификации, выделяющие объекты авторского и смежных прав, промышленной собственности, средств индивидуализации и нетрадиционных объектов. Представлены и альтернативные классификации, основанные на разделении результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а также выделении нетрадиционных объектов.

Помимо традиционного критерия объекта интеллектуальных прав, автор предлагает расширить понимание классификационных оснований, включая такие критерии, как территория действия, метод защиты, сроки защиты и сфера применения.

Особое внимание уделяется обоснованию введения в систему классификационных критериев интеллектуальной собственности категории «критерий интереса». Исследование интересов авторов, правообладателей, пользователей и потребителей, а также дифференциация частных и публичных начал, материальных интересов в справедливом вознаграждении и контроле за использованием интеллектуальной собственности, обуславливают необходимость учета данного критерия для более глубокого понимания диалектических аспектов развития права интеллектуальной собственности и обеспечения баланса интересов в условиях современной цифровой среды.

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the classification criteria of intellectual property in the Russian legal framework and the doctrinal approaches to its conceptualization. The author reviews the foundational concepts of intellectual property as reflected in academic and educational literature, tracing its legal development from international conventions such as the WIPO Convention, the Paris Convention, and the Berne Convention, to a detailed examination of the provisions set forth in Part Four of the Civil Code of the Russian Federation.

Particular attention is given to terminological issues, emphasizing the conventional nature of the term "intellectual property" and the necessity of perceiving it as a unified concept rather than a subtype of property rights in the classical sense. The structure of intellectual rights under Russian law is examined, including personal non-property and property rights, with an analysis of their emergence, content, and subjects.

The article explores various approaches to the classification of intellectual property objects. In addition to the classification established by the Civil Code of the Russian Federation – based on objects of copyright, related rights, patent law, and rights to non-traditional objects – doctrinal classifications are analyzed. These include distinctions among objects of copyright and related rights, industrial property, means of individualization, and non-traditional objects. Alternative classifications are also discussed, such as those distinguishing between results of intellectual activity and means of individualization, as well as those isolating non-traditional objects.

Beyond the traditional object-based classification criterion, the author proposes an expanded framework of classification grounds, incorporating criteria such as the territorial scope of rights, methods of protection, duration of protection, and fields of application.

Special emphasis is placed on the justification for introducing the "interest criterion" into the system of intellectual property classification. The study of the interests of authors, rights holders, users, and consumers—together with the differentiation between private and public elements, as well as material interests in fair remuneration and the control over the use of intellectual property—necessitates consideration of this criterion. It contributes to a deeper understanding of the dialectical aspects of the development of intellectual property law and ensures a balanced approach to interests in the context of the modern digital environment.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, критерии классификации, объекты интеллектуальной собственности, личные неимущественные права, исключительные имущественные права, критерий интереса.

Keywords: intellectual property, classification criteria, objects of intellectual property, personal non-property rights, exclusive property rights, interest criterion.

Для цитирования: Аламова С.М. Классификационные критерии интеллектуальной собственности // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 222-226. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_222.

For citation: Alamova S.M. Criteria for the classification of intellectual property // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 222-226. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_222.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Рассмотрим в кратком виде, каким образом концептуальное осмысление понятийных аспектов интеллектуальной собственности, а также общих вопросов её регулирования в действующем российском правовом порядке представлено в научной и учебной литературе [1].

В источниках в первую очередь констатируется, что интеллектуальная собственность представляет собой сложную правовую категорию, включающую в себя комплекс исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а соответствующее правовое регулирование осуществляется на также проводится разделение международном и национальном уровнях.

Так, понятие интеллектуальной собственности получило юридическое оформление в Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (1967г.), где к интеллектуальной собственности отнесены права, относящиеся к: литературным, художественным и научным произведениям; исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции.

Международно-правовую основу интеллектуальной собственности составляют Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883г.) и Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1886г.). Данные конвенции закрепляют принципы национального режима, конвенционного приоритета, независимости патентов, а также устанавливают минимальные стандарты охраны различных объектов интеллектуальной собственности.

На национальном уровне в Гражданском кодексе РФ интеллектуальной собственности посвящена отдельная часть четвертая, которая систематизирует и детализирует исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

В терминологическом плане отмечается, что в международном и зарубежном праве интеллектуальную собственность принято подразделять на три категории:

- 1) промышленная собственность,
- 2) литературная и художественная собственность,
- 3) нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности.

Не используя данную терминологию, российский законодатель оперирует фактически теми же категориями объектов.

При этом термин «интеллектуальная собственность», несмотря на использование в нём слова «собственность», нельзя понимать буквально – как разновидность права собственности. Слова, составляющие словосочетание «интеллектуальная собственность», недопустимо толковать по отдельности: они должны восприниматься исключительно как единый термин, призванный обозначить совокупность прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» [2, с. 7].

В действующем российском правовом порядке интеллектуальные права включают в себя личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения) и имущественные права (право на использование результата интеллектуальной деятельности, право на вознаграждение и др.). Их осуществление предполагает возможность правообладателя совершать в отношении соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации любые не противоречащие закону действия, в том числе использовать их, распоряжаться ими (отчуждать, сдавать в аренду, предоставлять по лицензии), запрещать или разрешать использование.

Авторские права распространяются на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности. Патентные права обеспечивают охрану изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Права на средства индивидуализации (товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования) служат для индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Особое место занимают права на селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау).

Лица, создавшие объект интеллектуальной собственности в результате совместной деятельности, признаются соавторами.

При характеристике видов интеллектуальных прав учитывается различие их правовой природы и, как следствие, правовой регламентации.

Так, личные неимущественные права возникают в момент объективизации результата интеллектуальной деятельности, в то время как возникновение исключительных имущественных и сопутствующих прав связано с моментом, определённым законом (например, выдачей патента). Личные неимущественные права являются бессрочными и не подлежат отчуждению, в то время как исключительные имущественные права ограничены определённым сроком действия и могут быть переданы другому лицу.

Личные неимущественные права принадлежат соавторам совместно, а исключительные имущественные и сопутствующие права также первоначально принадлежат соавторам совместно, если иное не предусмотрено законом. Сообладатели исключительных имущественных прав вправе использовать объект по своему усмотрению и распоряжаться им совместно, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Кроме того, при анализе правомочий, составляющих содержание исключительных имущественных прав, принимаются во внимание их отличия от права собственности.

Так, исключительные имущественные права включают в своё содержание:

правомочие обладания, или возможность для субъекта иметь в своём распоряжении имущественные права на объект интеллектуальной собственности;

правомочие использования, или возможность для правообладателя осуществлять действия по практическому применению объекта интеллектуальной собственности;

правомочие распоряжения, или допустимость для правообладателя предоставлять другим лицам право использования объекта интеллектуальной собственности путём отчуждения имущественного права либо предоставления разрешения на такое использование [3, с. 102-103].

Таким образом, личные неимущественные права неотделимы от личности автора и не имеют экономического содержания. Исключительные имущественные права имеют экономическое содержание и допускают переход (передачу) от одного лица к другому. Сопутствующие права, как правило, сопровождают личные неимущественные права, сами по себе не имея экономического содержания, но допуская переход (передачу) от одного лица к другому.

Субъектом личных неимущественных прав выступает только автор (создатель) результата интеллектуальной деятельности, тогда как субъектами исключительных имущественных и сопутствующих прав могут быть как сам автор, так и иные правообладатели, которым данные права были переданы или перешли по иным основаниям.

Будучи результатами интеллектуальной деятельности человека, а также средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, объекты интеллектуальной собственности характеризуются следующими признаками:

нематериальная природа,
неспособность к обороту,
коммерческая ценность,
неисчерпаемость при использовании,
невозможность физической амортизации,
допустимость одновременного использования несколькими субъектами (за исключением случаев, установленных законом) [4, с. 13].

В связи с тем, что объекты интеллектуальной собственности имеют нематериальную природу, возникает необходимость их объективизации, то есть выражения в некоей объективной форме. В свою очередь, она может быть не только материальной (в частности, рукопись литературного произведения), но и нематериальной (в частности, исполнение произведения).

В случае материальных носителей объектов интеллектуальной собственности их подразделяют на оригиналы (подлинники) и экземпляры (копии).

При этом следует различать два вида материального воплощения объектов интеллектуальной собственности:

первичное материальное воплощение, связанное с возникновением интеллектуальных прав у автора;

вторичное материальное воплощение, предназначенное для реализации правомочия использовать объект интеллектуальной собственности [5, с. 6-7].

Если правоотношения, возникающие по поводу материального носителя, в котором воплощён объект интеллектуальной собственности, регулируются нормами вещного или обязательственного права, то правоотношения, возникающие по поводу самих объектов интеллектуальной собственности, подпадают под действие норм части четвертой ГК РФ.

Приведём также авторитетные критические суждения, обоснованные М.А. Рожковой:

отмечается, что термин «интеллектуальная собственность» является в значительной степени условным и неточным, хотя и удобным в целях собирательного обозначения разных по объёму и содержанию прав на различные объекты интеллектуальной собственности;

указывается, что в части четвертой ГК термином «интеллектуальная собственность» обозначены не права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а сами объекты интеллектуальной собственности, что является отступлением от общепризнанного подхода, однако должного законодательного обоснования не находит;

является спорным отличный от общего правила подход, согласно которому для правовой охраны интеллектуальных прав на объекты авторского права не требуется регистрация произведения, исключением являются программы для ЭВМ и креативные базы данных, которые допускают регистрацию по желанию правообладателя [6, с. 49].

Переходя к обсуждению классификационных критериев интеллектуальной собственности, начнём с того, что всякая классификация является в некотором роде эвристическим принципом, поскольку репрезентирует область изучаемых объектов в виде системы групп, что позволяет представить данную область в удобном для обозрения и распознавания виде, а также заключает в себе максимально полную информацию об её объектах [7, с. 68-69].

Таким образом, классификация имеет как описательное, так и объяснительное значение, причём основанием для деления (*principium divisionis*) может служить любой признак делимого понятия.

Сфера правового регулирования интеллектуальной собственности не является исключением из этих общих правил и, соответственно, существует целый ряд квалификационных критериев (оснований для деления, *principium divisionis*), выбор и применение которых зависят от задач конкретного исследования и/или потребностей практики.

По действующему российскому законодательству классификационным критерием интеллектуальной собственности выступает объект интеллектуальных прав:

авторское право – интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства (пункт 1 статьи 1255 ГК РФ);

права, смежные с авторскими правами, – интеллектуальные права на результаты исполнительской деятельности (исполнения), на фонограммы, на сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещание организаций эфирного и кабельного вещания), на содержание баз данных, а также на произведения науки, литературы и искусства, впервые обнародованные после их перехода в общественное достояние (пункт 1 статьи 1303 ГК РФ);

патентное право – интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы (пункт 1 статьи 1345 ГК РФ);

права на нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности – интеллектуальные права на селекционные достижения (статья 1412 ГК РФ), ноу-хау (статья 1465 ГК РФ), топологии интегральных микросхем (статья 1448 ГК РФ).

В доктринальном представлении данная классификация выглядит следующим образом:

- 1) объекты охраны авторским и примыкающими к нему смежными правами. Сюда относятся традиционные объекты авторско-правовой охраны – литературные, научные, художественные произведения; сюда же российское законодательство относит программы ЭВМ и базы данных;
- 2) объекты промышленной собственности (результаты творческой деятельности, используемой в производстве, – изобретения, промышленные образцы, полезные модели, секреты производства (ноу-хау), единые технологии);
- 3) средства индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции (работ, услуг) (фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения);
- 4) нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности (селекционные достижения, топологии интегральных микросхем) [8, с. 12-14].

Такая классификация считается наиболее значимой и общепринятой, возможны лишь небольшие её вариации:

- 1) результаты интеллектуальной деятельности: произведения науки, литературы и искусства; изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хау).
- 2) средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий: фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; наименования мест происхождения товаров.
- 3) нетрадиционные объекты: рационализаторские предложения; служебная и коммерческая тайна [9, с. 73-74].

Кроме природы объекта, представляется возможным выделить такие классификационные критерии, как

территория действия (если национальная интеллектуальная собственность относится к правам, действующим исключительно в пределах одной страны, то международная интеллектуальная собственность включает защиту, предоставляемую через договоры и международные соглашения, влекущие признание прав в нескольких юрисдикциях);

метод защиты (зарегистрированные и незарегистрированные права, например, патенты и товарные знаки требуют формального процесса регистрации, тогда как авторские права на оригинальные произведения защищены автоматически);

сроки защиты (временная защита включает права, имеющие ограниченный срок действия, такие как патенты, которые, как правило, действуют в течение определённого периода; пожизненная защита относится к правам, которые могут продлеваться неопределённо долго, например, авторские права, которые действуют на протяжении жизни автора и продолжаются в течение дополнительного срока после его смерти);

сфера применения (использование интеллектуальной собственности в коммерческих, образовательных или научных контекстах – например, брендинг, реклама, онлайн обучение и т.д.).

Особо отметим классификационный критерий интереса, усматриваемый по результатам исследования А.В. Гурко [10, с. 25].

Автором проведён анализ конституционных и международно-правовых норм, регламентирующих отношения в области интеллектуальной собственности, и на этой основе изучены интересы в праве интеллектуальной собственности и их влияние на развитие правового регулирования в данной сфере.

Установлено, что базовые интересы в сфере интеллектуальной собственности включают интересы в творческом самовыражении, пассивном участии граждан в культурной жизни, а также моральные и материальные интересы авторов и правообладателей. При этом материальный интерес дифференцируется на интерес в справедливом вознаграждении за труд, инвестиции и интерес в обеспечении надлежащего контроля за использованием результатов интеллектуальной деятельности. Данные интересы не являются тождественными, что обуславливает необходимость их строгой дифференциации.

Для целей изучения диалектических аспектов права интеллектуальной собственности и прогнозирования его трансформации автор обосновывает необходимость выделения категории потребителей в качестве субъектов, являющихся основными носителями публичных интересов в данной сфере. Отмечается, что поведение и правовая культура потребителей существенно влияют на уровень законности и правопорядка в сфере интеллектуальной собственности.

В заключении подчёркивается, что изменение соотношения частных и публичных интересов требует обеспечения их баланса посредством совершенствования законодательства об интеллектуальной собственности и разработки международных соглашений.

Полагаем, отсюда следует возможность признать интерес в качестве классификационного критерия в сфере интеллектуальной собственности ввиду того, что:

во-первых, интересы в праве интеллектуальной собственности чётко классифицируются на частные и публичные интересы; это является основополагающим разделением, определяющим развитие права интеллектуальной собственности;

во-вторых, возможна и более детальная классификация интересов в сфере интеллектуальной собственности, посредством которой выделяются такие группы, как интересы авторов, правообладателей, пользователей и потребителей;

в-третьих, материальные интересы в сфере интеллектуальной собственности также не являются однородными и могут быть дифференцированы на интересы в справедливом вознаграждении за труд, интересы в справедливом вознаграждении за инвестиции, а также интересы

в обеспечении надлежащего контроля за использованием результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, классификационный критерий интереса

а) выражается в распределении между субъектами права интеллектуальной собственности ключевых потребностей в создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации;

б) позволяет структурировать и систематизировать данную область права по признаку соотношения частных и публичных начал, сбалансированность которых является важнейшим условием развития права интеллектуальной собственности в современном цифровом мире.

Список литературы:

1. Новоселова, Л.А., Рожкова, М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. — 128 с.
2. Право интеллектуальной собственности. Том 1. Общие положения / Под ред. Л.А. Новоселовой. — М.: Статут, 2017. — 512 с.
3. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / под общ. ред. М.А. Рожковой. — М.: Статут, 2018. — 271 с.
4. Рожкова, М.А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты: учебное пособие. — М.: Проспект, 2015. — 248 с.
5. Рожкова М.А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. — 2014. — № 9 (213). — С. 5–11.
6. Рожкова, М.А. Интеллектуальная собственность: к вопросу об основных понятиях // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2013. — № 11. — С. 46–74.
7. Щербakovский, Г.З., Маркова-Мурашова С.А., Биктасов О.К., Ильичев В.В. Классификация и типологизация как методологические процедуры теоретико-правовых исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2006. — № 1. — С. 67–73.
8. Право интеллектуальной собственности: учебник / под ред. И.А. Близнецца. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 896 с.
9. Зимин, В.А. Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 172 с.
10. Гурко, А.В. Интересы в праве интеллектуальной собственности как ключевой фактор развития правового регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2024. — № 2. — С. 22–32.

References:

1. Novoselova, L.A., Rozhkova, M.A. Intellectual Property: Certain Aspects of Legal Regulation. A Monograph. Moscow: Norma; INFRA-M, 2014. 128 p.
2. Intellectual Property Law. Vol. 1: General Provisions. Edited by L.A. Novoselova. Moscow: Statut, 2017. 512 p.
3. The Civil Law Concept of Intellectual Property in the System of Russian Law: A Monograph. Edited by M.A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2018. 271 p.
4. Rozhkova, M.A. Intellectual Property: Key Aspects of Protection and Enforcement. A Textbook. Moscow: Prospekt, 2015. 248 p.
5. Rozhkova, M.A. "On Some Issues of Circulation of Exclusive Rights and Tangible Carriers of Intellectual Property Objects." Journal of Russian Law, no. 9 (213), 2014: 5–11.
6. Rozhkova, M.A. "Intellectual Property: On the Basic Concepts." Bulletin of the Higher Arbitration Court of the Russian Federation, no. 11, 2013: 46–74.
7. Shcherbakovskiy, G.Z., Markova-Murashova, S.A., Biktasov, O.K., and Ilyichev, V.V. "Classification and Typology as Methodological Procedures in Theoretical and Legal Research." Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, no. 1, 2006: 67–73.
8. Intellectual Property Law: Textbook. Edited by I.A. Bliznets. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Prospekt, 2016. 896 p.
9. Zimin, V.A. The Legal Nature of Intellectual Rights under the Legislation of the Russian Federation: PhD Dissertation in Law. Moscow, 2015. 172 p.
10. Gurko, A.V. "Interests in Intellectual Property Law as a Key Factor in the Development of Legal Regulation." Intellectual Property. Copyright and Related Rights, no. 2, 2024: 22–32.

ИМПЕРАТИВНЫЙ ЗАПРЕТ НА ПРИМЕНЕНИЕ ПЛАТЫ ЗА ОТКАЗ ОТ ДОГОВОРА НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ 782 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ PEREMPTORY PROHIBITION ON THE APPLICATION OF FEES FOR CANCELLATION OF A CONTRACT ON THE EXAMPLE OF ARTICLE 782 OF THE RUSSIAN CIVIL CODE

КИМ Владислав Олегович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА).
123001, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
E-mail: kimvladislav011@gmail.com;

KIM Vladislav Olegovich,

Postgraduate student of the Department of Business and Corporate Law
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL).
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., 123001, Moscow, Russia.
E-mail: kimvladislav011@gmail.com

Краткая аннотация: Плата за отказ от договора признается правомерной договорной конструкцией в случае формирования такого условия субъектами предпринимательской деятельности в отсутствие установленных законодательством императивных запретов, допускающих правомерный односторонний отказ от исполнения обязательств. Такое обстоятельство (наряду с условием о недопустимости реализации платы за отказ от договора вследствие нарушения обязательств) устанавливается п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 54. При наличии такого императивного запрета плата за отказ от договора признается ничтожной. Между тем, наличие противоречия рассматриваемой договорной конструкции обозначенному запрету не всегда является очевидным. В таком случае, наибольший интерес представляет пункт 1 статьи 782 Гражданского кодекса РФ, определяющий правомерность отказа от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных расходов. На практике толкование данного нормативного положения вызывает множество споров: судебная практика может заявлять, как о недопустимости применения платы за отказ от договора ввиду наличия императивного запрета, так и, напротив, допускать реализацию механизма такой договорной конструкции.

Abstract: A cancellation fee is recognised as a lawful contractual construction in the case of formation of such a condition by business entities in the absence of imperative prohibitions established by the legislation that allow for lawful unilateral refusal to perform obligations. Such a circumstance (along with the condition on inadmissibility of realisation of payment for refusal from the contract as a result of breach of obligations) is established by clause 15 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54. In the presence of such an imperative prohibition, the fee for cancellation of the contract is recognised as null and void. Meanwhile, the existence of contradiction of the contractual construction in question to the above prohibition is not always obvious. In such a case, the greatest interest is represented by cl. 1 article 782 of the Civil Code of the Russian Federation, which determines the legality of refusal to fulfil the contract of paid services on condition of payment to the contractor of actually incurred expenses. In practice, the interpretation of this statutory provision gives rise to many disputes: court practice may declare both the inadmissibility of application of payment for cancellation of the contract due to the presence of an imperative prohibition and, on the contrary, allow the implementation of the mechanism of such a contractual structure.

Ключевые слова: плата за отказ от договора, односторонний отказ от обязательства, односторонний отказ от договора, одностороннее расторжение договора, убытки, фактически понесенные расходы, последствия отказа от договора, договор возмездного оказания услуг.

Keywords: termination fee, unilateral repudiation of contract, unilateral waiver of obligation, unilateral withdrawal from contract, unilateral termination of contract, damages, actually incurred costs, consequences of withdrawal from the contract, paid services contract.

Для цитирования: Ким В.О. Императивный запрет на применение платы за отказ от договора на примере статьи 782 Гражданского кодекса РФ // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 227-232. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_227.

For citation: Kim V.O. Peremptory prohibition on the application of fees for cancellation of a contract on the example of Article 782 of the Russian Civil Code // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 227-232. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_227.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В соответствии с п. 1 ст. 782 ГК РФ установлено следующее: «заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов». Применение данной нормы на практике создает определенные противоречия, связанные с допустимостью формирования условия о плате за отказ от договора: существующая правоприменительная практика, на первый взгляд, может как признавать наличие императивного запрета на применение рассматриваемой договорной конструкции, либо, напротив, не усматривать этого препятствия.

Исследуя приведенную норму можно было бы предположить, что ограничение права заказчика на односторонний немотивированный отказ предусмотреть нельзя, то есть само по себе содержание п. 1 ст. 782 ГК РФ следует квалифицировать в качестве императивной нормы. Именно такой подход в практике ранее и применялся, в том числе, с учетом Постановления Президиума ВАС РФ от 7 сентября 2010 г. № 2715/10.

Обозначенный подход, вместе с тем, развивался до издания Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее – «Постановление Пленума ВАС РФ № 16»). В приведенном постановлении высшей инстанцией были сформулированы критерии признания нормы императивной, если исходя из ее содержания не установлено явно выраженного запрета на иное регулирование:

1. императивность вытекает исходя из защиты публичных интересов, интересов третьих лиц или слабой стороны;

2. императивность продиктована недопущением нарушением балансов интересов сторон;
3. императивность вытекает из существа законодательного регулирования.

В случае, если норма содержит прямое указание на договорное регулирование, которое могут достигнуть стороны, то суд, принимая во внимание существо нормы и цели законодательного регулирования, может квалифицировать применяемую норму в качестве диспозитивной (однако, такая квалификация, как указывает ВАС РФ, должна осуществляться ограничительно).

В науке также отмечается, что установленные положения Постановления Пленума ВАС РФ № 16 могут быть охарактеризованы в качестве условий «первого» и «второго» порядка [9, 138]. Так, в первом случае, речь идет об отсутствии очевидно выраженного запрета на отличное от закона регулирование, которое могут достигнуть стороны по сделке – условия являются исключительно нормативными. Во втором случае, речь уже идет о «правоприменительном подходе», к которому будут прибегать суды для целей разрешения вопроса о диспозитивности. Данная условная классификация, по нашему мнению, является верной, что будет проиллюстрировано в последующем в настоящей статье.

Между тем, содержание ст. 782 ГК РФ не может однозначно свидетельствовать об установлении выраженного запрета на иное регулирование, которое могут достигнуть стороны. В данной связи, в абз. 3 п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 16 была предусмотрена возможность иного распределения неблагоприятных последствий между сторонами (как для заказчика, так и для исполнителя) при прекращении договора о возмездном оказании услуг, нежели указанного в ст. 782 ГК РФ:

1. иной режим определения последствий отказа от договора (к примеру, полное возмещение убытков одной из сторон);
2. иной порядок осуществления права на отказ от исполнения договора (в частности, связанный с реализацией платы за отказ от договора).

Примечательным является и содержание абз. 4 п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 16, определяющего возможность судов не применять условие о плате за отказ от договора, если такая плата несоразмерна потерям другой стороны, а обязанная выплачивать такую плату сторона является слабой фигурой по договору. Следует отметить, что такая легальная конструкция согласуется и с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». По нашему мнению, можно также утверждать, что избранный ВАС РФ подход в вопросе о снижении платы за отказ определяет и компенсационную природу этой платы, поскольку указанные условия снижения не входят в область снижения убытков в связи с нарушением договора (отказ от договора в рассматриваемой статье – действие правомерное).

По вопросу применения Постановления Пленума ВАС № 16 в научной среде также возникает дискуссия. В.В. Витрянский отмечает, что в вопросе установления диспозитивности судами при задействовании судьейского усмотрения вопрос об императивности, разрешаемый с точки зрения защиты интересов более слабой стороны, вступает в противоречие с волей законодателя [1, 103]. В.Л. Вольфсон, являясь критиком приведенного постановления, также рассуждает о том, что квалификация императивных норм в качестве диспозитивных на практике создаст две проблемы: «сильная» сторона будет исключать обращение к спорным нормам, а наибольший упор на судьейское усмотрение будет влечь судебный произвол [2, 92-94]. Анализируя приведенные позиции, Д.В. Федотов, констатирует крайнюю неконкретность содержания исследуемого судебного акта высшей инстанции, обнаруживая способ преодоления обозначенной проблемы лишь в формировании устойчивой практики высших судебных инстанций [11, 80].

Не углубляясь в дискуссию о критике исследуемого постановления, мы вольны согласиться с тем, что сформированная позиция ВАС РФ, не может свидетельствовать об устойчивом и определенном правоприменительном толковании. Однако, такое несовершенство вполне объяснимо, ведь «универсализм», заложенный в Постановлении Пленума ВАС № 16, являлся наиболее практичным способом для формирования нового подхода в вопросе разрешения проблемы диспозитивности норм гражданского законодательства, в том числе, ст. 782 ГК РФ: «объять» и предусмотреть всевозможные критерии для квалификации категорий и/или правовых явлений применительно к гражданскому праву – крайне сложная (или невозможная) задача, которая может быть выполнена лишь с течением времени, в частности, с формированием многолетней судебной практики.

В связи с изложенным, примечательной является и позиция А.И. Цытреторова: автор сосредотачивает свое внимание на то обстоятельство, что при реализации некоторых норм ГК РФ, вопрос императивности – диспозитивности решается в зависимости от сопутствующих обстоятельств, сформированных в рамках конкретных правоотношений [13, 58]. К таковым относим и рассматриваемый п. 1 ст. 782 ГК РФ. Такие нормы автор также определяет в качестве ситуативных: «ситуативные нормы выступают в качестве универсального, среднего между императивностью и диспозитивностью решения». Кроме того, автор сосредотачивает свое внимание на том, что на текущий момент времени абсолютно сложно утверждать об императивности или диспозитивности конкретных предписаний, поскольку многие установленные законодателем правовые нормы не могут универсальным образом охватить все динамично развивающиеся правоотношения. Именно в таком ключе мы также можем анализировать и п.1 ст. 782 ГК РФ.

Другие ученые, как например, А.Г. Карапетов и Р.С. Бевзенко дают положительную оценку приведенному Постановлению Пленума ВАС № 16: А.Г. Карапетов называет его «поворотным пунктом в развитии отечественного гражданского права» [6, 146], а совместно, оценивая ст. 782 ГК РФ, ученые делают вывод об очевидно диспозитивной природе такой нормы [5, 25]. Между тем, С.В. Маркин обращает внимание на то обстоятельство, что приведенная позиция ученых сосредоточена на том, что диспозитивный подход (предусмотренный высшей судебной инстанцией) выражается в том, что при отказе от договора от оказания услуг заказчик может как выплатить компенсацию (в виде платы за отказ от договора), так и стороны сделки могут полностью запретить такой односторонний выход из договора [8, 80]. По мнению, С.В. Маркина данное

утверждение не совсем корректно.

В настоящей статье мы выражаем солидарность с С.В. Маркиным, поскольку в Постановлении Пленума ВАС № 16 речь идет все же об ином режиме распределения последствий вследствие отказа от договора либо о порядке реализации такого отказа. Вместе с тем, законодателем не предусмотрено право в полном объеме «заблокировать» волю заказчика на односторонний отказ от договора об оказании услуг.

Приведенный вывод также можно проиллюстрировать на следующих примерах из практики, вытекающих из споров по договорам о возмездном оказании услуг. В каждом из приведенных случаев судебные инстанции рассматривали вопрос правомерности установленного в договоре одностороннего отказа от договора под условием платы за отказ от договора.

Дело № А40-328885/2019 (Определением Верховного Суда РФ от 13.10.2021 № 328-ПЭК21 по делу № А40-328885/2019 в передаче надзорной жалобы отказано). Сторонами был заключен договор об оказании услуг по перевалке угля: заказчик обязался предъявлять исполнителю к перевалке гарантированный объем продукции в течении определенного периода, в случае неисполнения он оставался обязанным оплачивать стоимость перевалки по предусмотренной ставке. Установленная договорная конструкция именовалась как «Take or Pay» («бери» или «плати») и по итогам спора была квалифицирована судом в качестве правомерного условия:

конструкция «Take or Pay», предусматривала, что неблагоприятные последствия отказа от договора для исполнителя могли быть устранены как через возмещение фактически понесенных им расходов, так и через само содержание непоименованного обязательства - отказываясь от предъявления для перевалки фиксированного объема продукции, заказчик все еще остается обязанным оплатить стоимость такой перевалки;

в свою очередь, обязательство по такой оплате («Pay» / «плати») составляет содержание платы за отказ от договора, само право на односторонний отказ устранить по соглашению нельзя и речь в данном деле об этом идти не может, поскольку сторонами был предусмотрен лишь иной режим определения последствий ввиду одностороннего отказа и порядок осуществления такого отказа.

Приведенное дело является ключевым в вопросе платы за отказ от договора, а также для целей понимания диспозитивных пределов п. 1 ст. 782 ГК РФ. Стоит отметить, что высокая важность сформулированных высшей инстанцией выводов заключается в том, что в деловой практике впервые в рамках разрешения спора было проиллюстрировано действие непоименованной конструкции «Take or Pay», квалифицированной в качестве допустимого законодателем условия о плате за отказ от договора. Ученые, говоря о такой конструкции, также справедливо отмечают, что ее использование не представляет из себя способ ограничения ответственности, поскольку умысла на неисполнение обязательства по обращению к услугам не имеется и речь идет об альтернативном варианте определения последствий при отказе [10, 144] (все-таки речь не может идти о принуждении к пользованию услугам).

Дело № А40-129932/2020 (Определением Верховного Суда РФ от 23.11.2021 N 305-ЭС21-18608 по делу № А40-129932/2020 в передаче дела отказано). Исполнитель (организатор) обязался предоставить заказчику (экспоненту) выставочные площади для участия последнего в выставках, а также осуществить соответствующий комплекс мероприятий для обеспечения участия в выставке. Сторонами была также установлена плата за отказ в размере 70% от стоимости вознаграждения организатора. Судами рассмотренная плата была квалифицирована в качестве неустойки (штрафа) и такое договорное условие было определено как незаконное:

плата за отказ подлежала взысканию в любом случае, даже при мотивированном отказе от договора, в том числе, до того, как сам исполнитель фактически будет исполнять свои обязательства;

на обозначенный период взаимодействия между сторонами был введен повышенный режим готовности в связи с началом пандемии коронавируса, что также послужило мотивом заказчика заявить односторонний отказ от договора, в том числе, с учетом его неосведомленности о возможности исполнения обязательств организатором вообще.

Рассматриваемый спор показал, что ключевое значение имеют также и обстоятельства, при которых исполнитель реально начнет исполнять свои обязательства, а равно понесет расходы, которые необходимо будет покрыть: в их отсутствие плата за отказ в полной мере реализации не подлежит. Учитывая сформированную практику относительно коронавирусных ограничений, Е.В. Ефимов справедливо отмечает, что такие обстоятельства для их квалификации в качестве форс-мажора не могут восприниматься абстрактно, а подлежат их индивидуальной оценке исходя из конкретного характера и масштаба деятельности субъектов предпринимательской деятельности [4, 44]. Между тем, в рассмотренном деле, с учетом специфики правоотношений между субъектами, отказ заказчика мог бы рассматриваться в качестве допустимого и мотивированного, при котором могло вовсе и не происходить обращения к спорной договорной конструкции.

Дело № А53-32866/2021 (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.10.2022 № Ф08-10631/2022 по делу № А53-32866/2021). Между сторонами был заключен договор об оказании консультационно-информационных услуг. Односторонний отказ заказчика от договора мог быть осуществлен под условием выплаты штрафа (платы за отказ) в фиксированном размере за каждый месяц до установленной даты окончания договора. Судом установленное условие было признано незаконным:

обязанность по выплате штрафа (в том числе, исходя из его буквального именованья сторонами) – есть санкция за реализация предусмотренного законом права заказчика на отказ;

квалификация спорной конструкции могла бы быть осуществлена в качестве платы за отказ от договора, однако сторонами не содержалось условия «Take or Pay».

Суд в настоящем деле прямо указал на то, что спорное условие могло бы быть предусмотрено, если бы содержало условия ранее приведенной конструкции «Take or Pay». В.Л. Вольфсон, анализируя такую конструкцию, отмечает, что ее включение в текст договора представ-

ляет из себя «допустимый автономный режим в составе общей каузы договора о возмездном оказании услуг»: суд в таком случае может сделать обоснованный вывод о правомерности ее применения, если договор расторгается правомочной на немотивированный отказ стороной [3, 67-68]. По нашему мнению, установленная «автономия» могла бы преодолеть «спорность» конструкции в настоящем деле. Вместе с тем, следует принять во внимание тот факт, что стороны буквально именовали условие в качестве штрафа, что пришло в прямое противоречие с природой платы за отказ, а также позволило утверждать о «блокировке» правомочия заказчика на выраженный им отказ.

Дело № А19-15562/2023 (Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.06.2024 N Ф02-674/2024 по делу № А19-15562/2023). Между сторонами был заключен договор, в соответствии с которым исполнитель обязуется по заданию заказчика оказывать услуги по предрейсовому и послерейсовому осмотру водителей транспортных средств. В случае, если заказчик не пользуется услугами исполнителя, то на него возлагается обязанность по оплате неустойки в фиксированном размере каждый месяц срока действия договора. Данная договорная конструкция была признана судами незаконной в связи со следующим:

безусловная обязанность заказчика пользоваться услугами исполнителя не может ему вменяться исходя из природы обязательства, в том числе, даже в отсутствие необходимости в использовании таких услуг;

между тем, в названном деле, возмещение фактически понесенных расходов исполнителя также не может производиться, поскольку услуги последним не оказывались;

в вопросе квалификации спорной платы судами рассматривался вопрос о том имеет ли место ее определение в качестве конструкции возмещения потерь, предусмотренной ст. 406.1 ГК РФ – в конечном итоге, суд сделал вывод о природе рассматриваемой платы в качестве неустойки.

Рассмотренное дело интересно тем, что фактически речь не идет о плате за отказ от договора, поскольку не обращение к услугам исполнителя не может обязывать заказчика нести неблагоприятные последствия в рамках п. 3 ст. 310 ГК РФ. Однако, возмещение потерь (индемнити) – одно из допустимых легальных конструкций, которое могло бы учесть имущественные риски исполнителя в отсутствие ответственности заказчика. И возмещение потерь, и плата за отказ от договора, в свою очередь, являются в определенной степени схожими конструкциями (что также способно вызвать трудности при их понимании и последующем включении в соглашение). Хотя в настоящей статье, мы не углубляемся в различия данных конструкций, однако, не можем не упомянуть одно из существенных различий между ними. Как отмечает, А.А. Хантимирова, ключевая разница между конструкциями состоит в том, что возмещение потерь в отличие от платы за отказ от договора не прекращает основное обязательство – выплата такой суммы лишь является правопрекращающим фактом по исполнению обязательства по выплате индемнити [12, 53], то есть фактически реализуется механизм договорного перераспределения рисков. В настоящем же деле, сторонами не было осуществлено и надлежащего формирования условия о возмещении потерь, сумма была именована в качестве неустойки и, в конечном итоге, судебное толкование сделало вполне обоснованный вывод о признании условия незаконным.

Дело № А55-22442/2020 (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.06.2023 № Ф06-10931/2021 по делу № А55-22442/2020). Между сторонами был заключен договор оказания услуг по содержанию общего имущества в многоквартирном доме. В то же время, договором было ограничено право заказчика на выражение одностороннего отказа от договора. Преодоление такого условия могло бы произойти только под условием выплаты компенсации в размере 25% от стоимости услуг (плата за отказ) – такое условие было достигнуто сторонами в рамках дополнительного соглашения. Судами установленная плата за отказ была признана незаконной:

ограничение одностороннего отказа заказчика от договора очевидно являлось полной «блокировкой» императивного права на отказ – буквальное содержание такого условия свидетельствовало о невозможности одностороннего «выхода» из сделки;

дополнительное соглашение (предусматривающее условие о плате за отказ), было заключено на основании решения общего собрания ТСН (заказчика), впоследствии признанного недействительным;

судом также был отмечен довод заказчика о том, что дополнительные обременения собственников помещений многоквартирного дома (членов ТСН, а также лиц, не являющихся членами ТСН) в части выплаты платы за отказ от договора нарушает их права и законные интересы, так как налагает на них дополнительные обязанности в части выплаты денежных сумм в счет расторжения договора.

По нашему мнению, даже в отсутствие пороков формирования спорного условия о плате, которые также привели к признанию его недействительным (недействительность решений общего собрания ТСН), «блокировка» отказа вступает в прямое противоречие с существом законодательного регулирования. Стороны, формулируя условия о плате в соглашении, буквально установили запрет на односторонний отказ заказчика. Такой запрет очевидно никаким образом не мог являться иным порядком определения последствий (или порядка осуществления отказа) при выражении одностороннего отказа от договора. Между тем, примечательным остается вопрос о возможности нарушения законных прав и интересов собственников жилых помещений (участников ТСН): допускается ли ограничение использования платы за отказ в таком случае при соблюдении императивного запрета?

Дело № А47-13032/2020 (Определением Верховного Суда РФ от 28.03.2022 № 309-ЭС22-1989 по делу № А47-13032/2020 в передаче дела было отказано). Между сторонами был заключен договор по оказанию услуг по техническому обслуживанию и ремонту лифтов. Договором также была установлена плата за отказ в фиксированном размере в расчете за один день до окончания срока действия договора, если бы договор не был досрочно прекращен. Судом была значительно снижена взыскиваемая плата за отказ, однако такая плата была квалифицирована в качестве правомерной:

некоторые расходы, которые понес исполнитель, к примеру, связанные с экспертным освидетельствованием лифтового оборудования,

составляли обязательства исполнителя, в связи с чем не подлежали взысканию в рамках отдельной платы;

доводы о неисключительности договора заказчиком, а также отсутствие у него возникающих неблагоприятных последствий в связи с односторонним отказом судом были отклонены.

Данное дело также проиллюстрировало действие платы за отказ в рамках п. 1 ст. 782 ГК РФ. Сторонами не именовалась спорная конструкция в качестве штрафа и, согласно условиям соглашения, она подразумевала компенсацию неблагоприятных последствий исполнителя при отказе заказчика. В свою очередь, характер оказываемых услуг также подразумевал, что такие неблагоприятные последствия имеют место: договор подразумевал длительное взаимодействие между сторонами, а заключение аналогичного договора с другим контрагентом за короткий срок обеспечено быть не могло. Именно в данной связи плата и была логично «привязана» к сроку действия договора.

Дело № А73-16715/2021 (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 09.08.2022 № Ф03-3416/2022 по делу № А73-16715/2021). Стороны заключили договор об оказании услуг охраны имущества заказчика, в соответствии с которым в случае досрочного расторжения договора заказчиком последний несет обязанность по выплате компенсации в фиксированном размере. Суды признали установленную плату за отказ правомерной:

спорное договорное условие не вызывало претензий у сторон в момент заключения, в связи с чем и не возникало разногласий по поводу выплаты предусмотренной денежной суммы (кроме того, спорная задолженность была частично оплачена и заказчиком предоставлялось гарантийное письмо);

суды также сделали оговорку о том, что осуществляемый судами контроль не подразумевает обязанности проверять целесообразность деловых решений;

доводы заказчика о «санкционной» природе компенсации также были отвергнуты судом в связи с представленными доказательствами о реальном несении расходов исполнителем для целей оказания услуг.

Приведенное дело примечательно тем, что спорная плата частично выплачивалась заказчиком, а последующее обращение последнего за признанием конструкции в качестве незаконного условия позволило судам сделать вывод о непоследовательном поведении стороны, деловой осведомленности об условиях договора: суд напомнил, что он не несет обязанностей рассматривать деловую составляющую сделки. Во-вторых, утверждение о природе платы как санкции также не имело места: стороны ясно сформулировали спорное условие в качестве компенсации, а исполнителем были подтверждены подлежащие ему возмещению расходы. Сам по себе «карательный» характер платы за отказ в дальнейшем (при соответствии условиям действительности такой конструкции), по нашему мнению, а также с учетом положений Постановления Пленума ВС РФ № 54, мог бы быть обнаружен лишь в аспекте несоразмерности ее размера последствиям отказа, которые претерпевает другая сторона и недобросовестном поведении взыскателя платы. В то же время, наличие таких обстоятельств не делает плату за отказ недействительной, а лишь позволяет снизить взыскиваемый размер денежных средств. М.В. Кузнецов, в свою очередь, отмечает, что перечисленные элементы представляют из себя обычное проявление добросовестности, а сама плата за отказ не может рассматриваться исключительно как компенсационная категория (Последний вывод ученого, хотя и представляет научный интерес, но в рамках настоящей статьи нами поддержан быть не может). Дополнительно автор отмечает, что применительно к договорам о возмездном оказании услуг суды исключительно оперируют компенсационной категорией, поскольку данное обстоятельство определяется особенностями последствий отказа от договора согласно ст. 782 ГК РФ [7, 40].

По итогу изложенного в настоящей статье нами могут быть сделаны следующие выводы.

Императивный запрет на ограничение права на односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг для заказчика состоит в безусловной недопустимости «блокировки» данного права, то есть буквально должно соблюдаться правило непротиворечия существу законодательного регулирования для исследуемого обязательства: заказчик не может понуждаться к получению услуг никаким образом, а значит и не может быть лишен права немотивированно отказаться от договора. В приведенных судебных делах суды также нередко обосновывали свою позицию через обеспечительную составляющую для реализации права на односторонний отказ: «...речь идет именно об условиях осуществления права, а не о его пределах, поскольку, возлагая дополнительные обязанности, закон не препятствует осуществлению права».

По нашему мнению, единственный способ соблюдения императивного запрета для целей реализации платы за отказ от договора в рамках, установленных диспозитивных пределов ст. 782 ГК РФ, состоит в таком содержательном наполнении данной конструкции, которая не позволит утверждать о ее штрафном характере, что также не позволит квалифицировать это условие в качестве «обхода заблокированного права». Именно в таком случае, правоприменитель может прийти к выводу о соблюдении императивных пределов нормы, в частности, в рамках рассмотрения условия «второго порядка» [9,138].

Исследуемая плата должна быть направлена на восстановление имущественных потерь для той стороны сделки, которая вынуждена «претерпевать» последствия одностороннего отказа: в то же время, такой отказ правомерный, а потому не может и не должна характеризоваться карательной функцией. Ввиду этого, мы можем также рекомендовать при формулировании платы за отказ от договора по обязательствам о возмездном оказании услуг воздерживаться от использования (употребления) штрафных правовых категорий (неустойка, штраф, санкция и пр.), а также обосновывать применение такой конструкции через необходимость компенсации неблагоприятных последствий отказа (фактически понесенные расходы исполнителя, в том числе, в рамках подготовительных мероприятий для исполнения обязательства; повышенные требования для исполнения, «сложность»; невозможность заключения аналогичного договора в короткий срок и пр.).

Список литературы:

1. Витрянский В.В. Общие положения о договоре // Кодификация российского частного права, 2019 / под ред. Д.А. Медведева. – Москва: Статут. 2019. 492 с.
2. Вольфсон В.Л. После ВАС: доктрина свободы договора в современном российском правоприменении // Закон. 2016. № 9. С. 91-99.
3. Вольфсон В.Л. Принцип take or pay и свобода договора // Хозяйство и право. 2022. № 9. С. 61 - 73.
4. Ефимов А.В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц: монография. Москва: Проспект, 2024. 376 с.
5. Карапетов А.Г. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» / А.Г. Карапетов, Р.С. Бевзенко // Вестник ВАС РФ, 2014. № 8. С. 4-97
6. Карапетов А.Г., Фетисова Е.М. Практика применения арбитражными судами Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 147-156.
7. Кузнецов М.В. Правовая природа платы за досрочное расторжение договора (статья первая) // Цивилист. 2024. № 6. С. 38 - 48.
8. Маркин С.В. К вопросу об императивности или диспозитивности пункта 1 статьи 782 ГК РФ, устанавливающей право заказчика на немотивированный отказ от договора возмездного оказания услуг // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2 (12). С. 78-83.
9. Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики: монография / В.В. Алейникова, И.З. Аюшеева, И.Х. Бободжонзода и др.; отв. ред. Е.В. Вавилин, О.М. Родионова. Москва: Статут, 2024. 318 с.
10. Толстолаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С. 153 - 199; № 6. С. 133 - 197.
11. Федотов Д.В. Новые подходы к разграничению императивных и диспозитивных норм договорного права в доктрине и судебной практике. Экономическое правосудие в Уральском округе № 2/2021. С. 72-86.
12. Хантимирова А.А. Возмещение потерь как способ перераспределения договорных рисков // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. С. 47 - 54.
13. Цытреторов А.И. Ситуативные нормы в гражданском праве. Государство и Право, 2019, № 5, с. 54-67.

References:

1. Vitryansky V.V. General provisions on the contract // Codification of Russian private law, 2019 / ed. by D.A. Medvedev. - Moscow: Statut. 2019. 492 p.
2. Wolfson V.L. After the SAC: the doctrine of freedom of contract in modern Russian law enforcement // Zakon. 2016. № 9. p. 91-99.
3. Wolfson, V.L. Principle of take or pay and freedom of contract // Khozyaistvo i pravo. 2022. № 9. p. 61 - 73.
4. Efimov A.V. Influence of economic characteristics (indicators) on the legal status of legal entities: a monograph. Moscow: Prospect, 2024. 376 p.
5. Karapetov, A.G. Commentary on the rules of the Civil Code on certain types of contracts in the context of the Resolution of the Plenum of the HAC RF 'On the freedom of contract and its limits' / A.G. Karapetov, R.S. Bevzenko // Vestnik HAC RF, 2014. №. 8. p. 4-97
6. Karapetov A.G., Fetisova E.M. Practice of application by arbitration courts of the Resolution of the Plenum of the HAC RF from 14.03.2014 № 16 'On freedom of contract and its limits' // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. № 12. p. 147-156.
7. Kuznetsov M.V. Legal nature of the fee for early termination of the contract (article one) // Tsivilist. 2024. № 6. p. 38 - 48.
8. Markin, S.V. To the question of peremptoriness or dispositiveness of point 1 of article 782 of the Civil Code of the Russian Federation, establishing the right of the customer to unmotivated cancellation of the contract of compensated rendering of services // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2022. № 2 (12). p. 78-83.
9. Modern civil and family law: prospects for the development of doctrine, legislation and law enforcement practice: a monograph / V.V. Aleynikova, I.Z. Aleynikova, I.Z. Ayusheeva, I.H. Bobodjonzoda, etc.; ed. by E.V. Vavilin, O.M. Rodionova. Moscow: Statute, 2024. 318 p.
10. Tololaeva N.V., Tserkovnikov M.A. Scientific and practical commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 March 2016 № 7 'On the application by courts of some provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations' // Vestnik Civil Law. 2023. № 5. С. 153 - 199; № 6. p. 133 - 197.
11. Fedotov D.V. New approaches to differentiation of peremptory and dispositive norms of contract law in doctrine and court practice. Economic Justice in the Ural District № 2/2021. p. 72-86.
12. Khantimirova A.A. Reimbursement of losses as a way of redistribution of contractual risks // Vestnik arbitrazionnogo praktika. 2024. № 5. С. 47 - 54.
13. Tsytrretorov A.I. Situational norms in civil law. Gosudarstvo i Pravo, 2019, № 5, p. 54-67.

ДОГОВОР ПОСРЕДНИЧЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ THE MEDIATION AGREEMENT: A THEORETICAL ASPECT IN MODERN CONDITIONS

РУДНЕВА Юлия Викторовна,

старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: yuliarudneva66@mail.ru;

ФАДЕЕВА Полина Алексеевна,

Студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: polinafadeeva2004@mail.ru;

RUDNEVA Yulia Viktorovna,

Senior Lecturer at the Samara State University.

443090, Samara, st.141 Sovetskaya Army.

E-mail: yuliarudneva66@mail.ru;

FADEEVA Polina Alekseevna,

Student of the Samara State University.

443090, Samara, Sovetskaya Army Street, 141.

E-mail: polinafadeeva2004@mail.ru

Краткая аннотация: Все сферы общественной деятельности человека в настоящее время претерпевают значительны изменения. Не является исключением и экономическая сфера и, являющаяся ее безусловной составляющей, сфера торговли, что требует уточнения понятийного аппарата, изменений нормативно-правового регулирования отрасли. Для понимания недостатков современного правового регулирования, действующего в торговой деятельности в целом и в посреднической деятельности в частности, выработки предложений по их преодолению, необходимо провести анализ изучаемых понятий и правоотношений с теоретической и исторической точек зрения.

Abstract: All areas of human social activity are currently undergoing significant changes. The economic sphere, which is an integral part of the trade sphere, is no exception, and this requires clarification of the conceptual framework and changes in the regulatory framework of the industry. In order to understand the shortcomings of the current legal regulation of trade activities in general and intermediary activities in particular, and to develop proposals for overcoming these shortcomings, it is necessary to analyze the concepts and legal relations under study from a theoretical and historical perspective.

Ключевые слова: посреднический договор, посредник, цифровое посредничество, рыночные отношения, цифровая экономика.

Keywords: intermediary agreement, intermediary, digital intermediation, market relations, digital economy.

Для цитирования: Руднева Ю.В., Фадеева П.А. Договор посредничества: теоретический аспект в современных условиях // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 233-237. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_233.

For citation: Rudneva Yu.V., Fadeeva P.A. The mediation agreement: a theoretical aspect in modern conditions // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 233-237. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_233.

Статья поступила в редакцию: 19.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Процессы, происходящие в мировой экономике не могут не отражаться на экономике национальной. В торговые отношения безудержно врывается цифровизация, появляются новые возможности, вызванные новыми прорывными технологиями, в правоотношениях по реализации товаров, их рекламы.

Все эти процессы требуют пересмотра существующего механизма правового регулирования торгового оборота, как национального, так и международного.

Вместе с трансформацией правоотношений происходит изменение их субъектного состава, в частности, появляются новые формы посредников, являющихся звеньями торговой цепочки.

Момент возникновения посредничества определяется моментом появления обмена между людьми продуктами потребления.

Появление посредников опосредовано появлением процедуры обмена между людьми, которая появилась уже в первобытно-общинных отношениях. Для этого периода характерны такие формы обмена, как обряд, а в качестве посредников выступали старейшины рода. Так производился, например, обмен пленными, в случае какого-либо конфликта [1, с.272].

Произошедшее в дальнейшем разделение труда сыграло решающую роль в посредничестве. С увеличением производства продуктов потребления, в которых нуждались люди, все больше появлялось излишков, которые можно и нужно было менять на необходимые предметы, мастеров, специализировавшихся на изготовлении конкретных предметов. Так, в Египте происходил обмен между мастерами, изготавливающими сельскохозяйственные инструменты и земледельцами, возделывающими землю и выращивающими продукты питания. И так как этот период относится к IV тысячелетию до н.э., то к нему можно отнести и начало посредничества.

Для первой половины III тысячелетия до н.э. в Шумере характерна торговля земельными участками и домами. В текстах, которыми скреплялись отношения по купле-продаже, помимо продавцов содержатся упоминание о таких субъектах, как «едоки» покупной цены, выступающие посредниками, получавшими часть платы от сделки.

Переписка, ростовщические книги, найденные в Уре, свидетельствует о том, что в сделках с медью участвовал посредник.

Развитие мореплавания, а вместе с ним и морской торговли в V-IV вв. до н.э., принесло экономике Греции высочайшие доходы с помощью взимаемых различных сборов, в том числе пошлины с товаров, как ввозимых, так и вывозимых.

Бурное развитие торговли привело к тому, что стало расти обращение денег. В свою очередь, денежное обращение вызвало появление и, в дальнейшем, рост такой деятельности, как ростовщичество, а вместе с ним и совершение операций с привлечением кредитных и валютных средств.

Такая деятельность вызвала появление в качестве участников обменных операций, трапезитов (менял). Именно институт менял предшествовал появлению институт торговых посредников, функции которых охватывали такие действия, как хранение денег, выдача ссуд, ведение документации клиентов, связанными с их личными счетами.

В конце II в. до н.э. в период расцвета китайской Ханьской империи, развитие денежной и ростовщической деятельности привело к активному росту торговли, как внутренней, так и внешней. И в этот период появляется новый вид субъектов правоотношений, связанных с торговлей и выступающих в качестве посредников – класс купцов, связывающих потребителя с производителем товара.

Подробно о существовании посредников по заключению сделок в древности, пишет А. Г. Гусаков [2, с.325]. Роль маклера включала, в том числе, перевод переговоров между купцами.

У маклера в римском праве имелись достаточно широкие права, на основании которых он мог, в случае спора, минуя обычный порядок получить вознаграждение за свою деятельность. Надо отметить, что в современном торговом обороте термин «маклер», который употребляется автором, по крайней мере, в России, не используется.

В дальнейшем институт маклерства продолжает развиваться и завоевывает все более прочные позиции [3, с.196].

Обмен между членами какого-либо сообщества существовал с древнейших времен. На то, какими методами и в какой форме происходили обмены, оказывали влияние различные условия.

На обменные процессы оказывало влияние то, как функционировал рынок в тот или иной период, посредством каких инструментов осуществлялся рыночный оборот, субъектный состав участников обмена и характер связей между ними, степени развития средств, используемых в торговом обмене, принадлежности и правосубъектности осуществляющих посредничество при обмене лиц. Кроме того, государственная власть, безусловно, оказывала влияние на вектор развития общественных отношений, как в целом, так и отношений рыночных. Государству принадлежало право устанавливать субъектную компетентность участников правоотношений, и обязанность обеспечить баланс интересов, как государственных, так и общественных.

Обмен, который осуществляется между членами общества и по своей сути является самым древним экономическим действием, всегда преследует их личный интерес, а реализация этого интереса возможна, в том числе, посредством обмена такими ресурсами, как услуги, информация и др.

В качестве того элемента, который обеспечивал экономический обмен выступал посредник, соединяющий того, кто нуждался в каком-либо продукте и его создателя.

Рассматривая посредничество с экономической точки зрения, необходимо согласиться с мнением М. К. Сулейменова, который отмечает, что в этом контексте данное правоотношение имеет своей целью установить связи экономического характера между субъектами правоотношения, пользуясь услугами третьего лица.

Возникновение посредничества выступает проявлением экономической составляющей жизни общества, свойственного и для первобытно-общинного строя, когда товарный оборот находился еще в зачаточном состоянии, но уже требующем участия лиц, которые способствовали бы установлению связей между его участниками.

Рыночные отношения, развивающиеся с учетом расширения границ взаимодействия между людьми и являющиеся одним из условий развития общества в целом, немыслимы без посреднической деятельности.

Несмотря на специфику экономических отношений в доперестроечной России, отрицание рыночных отношений на государственном уровне, посредническая деятельность существовала, нередко в полуправовом состоянии. Именно для этого периода советской России использование термина «маклер» характеризуется негативным окрасом.

Переход отечественной экономики на рыночные рельсы привел к стремительному росту посреднических услуг, как на внутреннем пространстве государства, так и в рамках международного сотрудничества, что не могло не вызвать острую необходимость нормативно-правового регулирования данной деятельности.

Такое развитие событий вполне объяснимо, так как помимо развития производства, стало актуальным совершенствование и развитие договорного права, посредством которого осуществляется торговый оборот.

Сделки, совершаемые с целью продвижения товаров на рынке, выступают безусловной и необходимой частью бизнеса, а их заключение и сопровождение нередко требуют участия профессионалов.

Цель посредничества – обеспечить наиболее приемлемый, по сути, быстрый и выгодный, способ достижения получения прибыли производителем (продавцом) и получения необходимого продукта потребителем.

За более чем 30-летний путь, который прошла экономика России от плановой экономики, можно с уверенностью утверждать, что рыночные отношения развиваются по своим законам, свойственным для любого государственного устройства и посредничество в этих отношениях

занимает одну из ведущих ролей.

Анализ экономик различных государств позволяет сделать вывод о зависимости степени развития посредничества от того, насколько действенно применяется принцип разделения труда в обществе. При равных условиях развития производства и рыночных отношений, посредничество отличается лучшим развитием там, где спектр производства шире. В этом случае, посредническая деятельность также отличается более широкой специализацией.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что возрождение рыночных отношений в РФ привело к возрождению и стремительному развитию института посредничества, выступающего тем фактором, который способствует успешному продвижению продуктов производства, а также услуг, от их производителя к потребителю. Неистребимость посреднических услуг вполне логично объясняется тем, что производителю нет необходимости тратить свое время и средства на поиск сбыта своей продукции, организовывать доставку и сбыт, иногда и хранение. Все эти вопросы на профессиональном уровне решает посредник.

В настоящее время сфера деятельности посредников многократно увеличилась, при этом они часто представляют собой профессионалов, объединенных в организации, оказывающие разного вида услуги: маркетинговые, юридические, управленческие.

Посредники действуют в такой несвойственной для них сфере, как подбор персонала, организация компании, называемые рекрутинговыми, по подбору персонала, по подбору кадров на аутсорсинг. Всю деятельность такого вида называют трудовым посредничеством [4, с.242], специалистов в данной сфере – HR-менеджерами.

Небывалый всплеск посреднической деятельности произошел с появлением электронной коммерции (e-commerce) – отрасли, которая имеет огромную, постоянно прибывающую аудиторию и считается одной из самых быстрорастущих отечественных отраслей. Способы посредничества, с помощью которых субъекты экономических отношений взаимодействуют друг с другом на просторах Интернета, были подвергнуты существенным изменениям.

Гражданский оборот изменился благодаря цифровизации, которая позволила называть услуги в традиционном их смысле, но путем применения цифровых технологий, используя электронный обмен. Появилась новая форма услуг, затронувшая в какой-то мере и их содержание.

С момента охвата своей сетью всего мира, когда Интернет представлялся просто информационной средой, он претерпел значительное трансформирование, переродившись в средство, основанное на глобальных и многофункциональных технологиях, позволяющих совершать все возможные, предусмотренные гражданским законодательством, сделки.

За последние годы, благодаря новейшим цифровым технологиям, обрела новые формы посредническая деятельность, а также предоставление услуг и потребление. Их оказание стало возможным с помощью разнообразных цифровых платформ, таких как, например, AirBnB и Uber.

Многообразие форм и видов тех бизнес-моделей, которыми закрепляется посредничество по продаже товаров и услуг, требует нормативно-правового упорядочивания.

Из-за недостаточного правового регулирования этой новой формы торговой деятельности, применяются действующие нормы, которыми регламентируется торговля в традиционном ее понимании, соответственно, посреднические отношения в данной сфере урегулированы без учета интересов всех их субъектов. Такое положение ущемляет интересы как профессиональных участников рынка, к которым относятся продавцы товаров, исполнители услуг, подрядчики, посредники, так и потребителей. У первых возникает риск претензий со стороны контролирующих органов, у вторых - риск нарушения их прав. Кроме того, отсутствует понимание всей ситуации, происходящей в сфере электронной коммерции у государства.

Предпринимательская деятельность, реализуемая в России в форме посредничества, имеет вековую историю, но, тем не менее, не получила четкого и исчерпывающего нормативно-правового регулирования в отечественном законодательстве.

Правовое регулирование гражданского оборота, особенно применительно к нашему государству, учитывая произошедшую перестройку всей его экономической системы, отстает от потребностей этого оборота. И совершенно справедливым кажется замечание М.И. Брагинского, который писал о неизбежности такого отставания, особенно применительно к договорным отношениям [5, с.324].

Качество и действенность правовых норм, регламентирующих экономические отношения, определяют эффективность развития экономики в целом. Торговая деятельность и возникающие в этой сфере договорные отношения являются неотъемлемой частью экономики. Договоры посредничества, в немалой степени, обеспечивают эффективный торговый оборот, а значит, влияют на эффективное развитие экономики в государстве.

О действующем в исследуемой сфере отечественном законодательстве можно сказать, что в нем присутствуют некоторые дефекты юридической техники. Кроме того, его отличают пробелы правового регулирования. Посреднические договоры отличаются сложной гражданско-правовой конструкцией, а черты, присущие как договорам поручения, так и договорам комиссии и агентирования, приводят к ошибкам в их идентификации.

В связи с этим, обосновано и понятно, что посредническая деятельность в торговле, выступающая одним из элементов эффективной экономики, требует актуализации правового регулирования, его совершенствования.

Для решения поставленных задач необходимо, в первую очередь, определить понятие посреднического договора, выделить его общие признаки и затем, провести видовую классификацию.

Различия между посредническими договорами применительно к конкретным сферам деятельности в законодательстве отсутствует. Соответственно, исследование института посредничества возможно начать с исследования посреднических договоров, их понятия и действующего правового регулирования, вообще. Выводы и формулировки относительно посреднических правоотношений и их оформления в торговле будут сделаны с учетом общих положений и специфики изучаемой сферы.

Действующее гражданское законодательство в России подразумевает оформление любого посредничества через посреднические договоры, при этом понятие «посреднический договор» в Гражданском Кодексе РФ (далее – ГК РФ) отсутствует.

Теоретиками права посреднические договоры представляются, в рамках действующего законодательства, группой договоров, закрепленных в ГК РФ), характерным условием которых выступает обязательство одной стороны перед другой совершить действия, исходя из интересов последней. Такими действиями обычно являются сделки.

Целью заключения посреднических договоров в сфере торговли является увеличение объемов продажи товаров, работ или услуг, в том случае, если сам производитель не обладает достаточно развитой системой сбыта или снабжения. Кроме того, особенность посреднических договоров проявляется в том, что поступающие посредникам денежные средства или другое имущество, не относится к налогооблагаемому доходу. В связи с чем, договоры о посредничестве нередко предпринимателями заключаются для того, чтобы зависеть свои затраты и сократить облагаемый доход.

Упоминая в нормах ГК РФ коммерческих посредников, кодифицированный акт понятия посредничества и посреднического договора не раскрывает. В законодательстве, регламентирующем вопросы биржевых, таможенных и страховых правоотношений, содержатся нормы, посвященные деятельности посредников. А Кодекс торгового мореплавания¹ посвятил договору морского посредничества отдельную главу, определив такой договор в статье 240.

В качестве субъектов электронной торговли Модельный закон «Об электронной торговле»² (ст. 5) называет посредников, информационных и иных, которыми выступают операторы платежных систем, организаторы торгов, лица, обеспечивающие оформление и совершение электронных сделок, то есть, те, кто каким-либо образом содействует заключению электронных сделок.

Таким образом, законодательно закреплена в РФ посредническая деятельность в отдельных своих видах, но посреднический договор в виде отдельно существующей гражданско-правовой конструкции, нормативно не закреплена.

О сложностях, возникающих в связи со сложившимся нормативно-правовым регулированием посреднической деятельности и, конкретно, с отсутствием правового определения посреднического договора, цивилистами высказываются разные мнения.

Нельзя, например, не согласиться с мнением Л.И. Марковой и ее позицией относительно присутствующей в посреднических договорах общей составляющей. Главная их обобщающая черта, это действие посредника исключительно по поручению и в интересах клиента.

Автором предлагается такое определение для договора посредничества: «под договором посреднического типа понимается соглашение, в рамках которого посредник может действовать как от собственного имени, так и от имени клиента, но всегда в интересах последнего и преимущественно за чужой счет» [6, с.51].

Кроме того, по ее мнению, такие договоры подлежат отдельному категорированию и конкретному правовому регламентированию.

В российской цивилистической науке сложилось многообразие взглядов на определение посреднического договора и его квалифицирующие признаки, но практически все исследователи сходятся в одном – это почти всегда возмездный договор, заключаемый между двумя сторонами и обладающий специфичными признаками, в соответствии с которыми одной стороной выступает действующий в интересах и за счет заказчика, посредник [7, с.379].

Общие черты, характерные для всех договоров такого типа, требуют их определения в качестве самостоятельных гражданско-правовых сделок [8, с.68].

Торговый оборот в современных условиях отличается сложной структурой хозяйственных связей. На рынок выходит огромное количество производителей товаров и услуг, в результате предложения не редко превышают спрос и для успешной реализации необходимо выстраивать сложные цепочки взаимодействий, через соглашения, заключаемые с организациями, осуществляющими оптовую торговлю, привлекая специалистов-маркетологов, которым, в свою очередь, оказываются услуги торговыми агентами [9, с.258].

Изготовители сложных технических изделий сотрудничают с производителями-смежниками, их отношения носят договорной характер. Современная экономическая ситуация в России вынуждает перенастраивать связи, сложившиеся за последние годы. Искать новых поставщиков для комплектующих деталей, новые базы для размещения производств, разрабатывать новые логистические схемы, находить новые рынки сбыта.

К возникновению новых способов, форм реализации товара привело стремительное развитие электронной торговли. Это, в свою очередь, вызвало появление новые возможности в посреднической сфере. Изменения, произошедшие в общественных отношениях в последнее время вообще и в торговле в частности, требуют изменений в их правовом регулировании.

В связи с недостаточной правовой регламентацией в сфере посредничества, отсутствием отдельной правовой конструкции в виде договора посредничества, нередко страдают права потребителя, защищенности которого в отечественном законодательстве уделено повышенное

¹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. №81-ФЗ (ред. от 28.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 1999 №18. Ст. 2207

² О модельном законе «Об электронной торговле» / Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 31-12 от 25.11.2008 г. URL: [https://docs.cntd.ru/document/902157684]

внимание. В результате устоявшаяся в последние десятилетия практика, ставившая потребителя в приоритетное положение, меняется на противоположную, в которой потребителя все чаще обвиняют в злоупотреблении своими правами, в потребительском экстремизме.

Возможно, в этом есть и какая-то рациональность, но существующая опасность в корне изменить отношение к потребителю, который, в конечном итоге, является главной фигурой в торговых отношениях и, кроме того, наименее защищенной фигурой, с учетом все более усложняющихся отношений, опосредованных многоуровневыми взаимосвязями и запутанностью законодательных норм, требует переосмысления нормативно-правового регулирования в сфере торговли, включая неотъемлемую ее часть, посредничество.

Список литературы:

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Киев: Политиздат, 1977 Т. 21 272 с.
2. Гусаков А. Г. Конспект лекций по торговому праву. СПб., 1912 Ч. 2 325 с.
3. Егоров А. В. Понятие посредничества в гражданском праве: дисс. ... к.ю.н. М., 2002 196 с.
4. Правовое регулирование посредничества в трудоустройстве: монография / под ред. А.И. Иванчак. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2017
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. – М., 1997. С. 324.
6. Маркова Л.И. К вопросу о понятии и признаках договоров посреднического типа // Аграрное и земельное право. 2020 № 12 (192). С. 51
7. Метелкина А.А. Понятие посреднического договора, а также его виды в законодательстве Российской Федерации // Материалы XIX межвузовской студенческой научно-практической конференции (с международным участием): Закон и общество: история, проблемы, перспективы. Москва, 2016 С. 379.
8. Батырмурзаева З.М., Арсланбекова Л.М. Посреднические договора: учет экспортных операций с участием посредника // Форум молодых ученых. 2019 № 12 (40). С. 68.
9. Харитонов Ю.С. Посреднические договоры в частном праве России: к вопросу о критериях классификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014 № 3-2. С. 258.

References:

1. Engels F. The origin of the family, private property and the state // K. Marx, F. Engels. Collected works. Kiev: Politizdat, 1977, vol. 21, 272 p.
2. Gusakov A. G. Lecture notes on commercial law. St. Petersburg, 1912, 2 325 p.
3. Egorov A. V. The Concept of Mediation in Civil Law: Diss. PhD. M., 2002 196 p.
4. Legal Regulation of Mediation in Employment: Monograph / Ed. by A. I. Ivanchak. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2017
5. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. – M., 1997. P. 324.
6. Markova L.I. On the Concept and Features of Mediator Type Contracts // Agrarian and Land Law. 2020 No. 12 (192). P. 51.
7. Metelkina A.A. The concept of a mediation agreement, as well as its types in the legislation of the Russian Federation // Materials of the XIX Interuniversity Student Scientific and Practical Conference (with international participation): Law and Society: History, Problems, Prospects. Moscow, 2016, p. 379.
8. Bатырмурзаева З.М., Арсланбекова Л.М. Mediation agreements: accounting for export operations involving a mediator // Forum of Young Scientists. 2019 No. 12 (40). P. 68.
9. Kharitonova Yu.S. Mediation Contracts in Private Law of Russia: On the Issue of Classification Criteria // Bulletin of Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky. 2014 No. 3-2. P. 258.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_238

УДК 347

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ТОРГОВЛИ PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF DISTANCE SELLING

ФАДЕЕВ Алексей Владимирович,
старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141
E-mail: leshafadeev60@mail.ru;

АНИКИН Герман Германович,
аспирант ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141
E-mail: anikin-german@bk.ru;

FADEEV Alexey Vladimirovich,
Senior Lecturer, Samara State University.
443090, Samara, 141 Sovetskaya Army Street.
E-mail: leshafadeev60@mail.ru;

ANIKIN German Germanovich,
Postgraduate Student of the Samara State University.
443090, Samara, 141 Sovetskaya Army Street.
E-mail: anikin-german@bk.ru

Краткая аннотация: Российские ученые активно исследуют правовое регулирование дистанционной торговли, а также особенности заключения дистанционных договоров, включая договор купли-продажи. Исследования охватывают как теоретические аспекты, так и практические проблемы, возникающие в контексте цифровизации коммерческих отношений. Проблема нормативно-правового регулирования дистанционной торговли тесно связана с необходимостью адаптации существующих норм гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей к особенностям электронной коммерции.

Abstract: Russian scientists are actively researching the legal regulation of distance trade, as well as the specifics of concluding distance contracts, including the contract of sale. The research covers both theoretical aspects and practical problems that arise in the context of digitalization of commercial relations. The issue of legal regulation of distance trade is closely related to the need to adapt existing civil and consumer protection laws to the specifics of e-commerce.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование дистанционной купли-продажи, маркетплейс, защита прав потребителя, персональные данные, цифровая платформа.

Keywords: legal regulation of distance sales, marketplace, consumer protection, personal data, digital platform.

Для цитирования: Фадеев А.В., Аникин Г.Г. Дистанционный договор в сфере торговли как экономическое и правовое явление // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 238-241. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_238.

For citation: Fadeev A.V., Anikin G.G. Prospects for the development of legal regulation of legal relations in the field of distance selling // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 238-241. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_238.

Статья поступила в редакцию: 29.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Электронная коммерция в России демонстрирует динамический рост, однако правовое регулирование этой сферы остается фрагментарным и не всегда учитывает специфику цифровой экономики.

Проблема нормативно-правового регулирования дистанционной торговли тесно связана с необходимостью адаптации существующих норм гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей к особенностям электронной коммерции. Этому свидетельствует, в частности, и то, что активно обсуждается вопрос применения положения дистанционный продажи товаров к операциям, осуществляемому через маркетплейсы. Например, указывается на необходимость детализации правил информации, предоставляемой потребителю до заключения договора, включая сведения о продавце, товаре, условиях доставки и возврата [1,32-34].

Отдельное направление исследований посвящено анализу правового статуса цифрового контента и программного обеспечения, распространяемого посредством дистанционной торговли. Правоведы отмечают, что существующие нормы об авторском праве и смежных правах требуют уточнения в контексте цифровой среды, в частности, в части определения прав обязанностей лиц, осуществляющие распространение контента через интернет платформы.

Нормативная база, регулирующая электронную торговлю в РФ:

- Гражданский Кодекс РФ, который определяет общие положения о сделках, включая их формы, в том числе и электронную форму. В Гражданский кодекс введено понятие дистанционного способа продажи, кроме того, безусловно важным являются нормы, касающиеся заключения и исполнения электронных договоров. Согласно статье 434 ГК РФ, договор в электронной форме признается заключенным при соблюдении требований, предъявляемых к форме сделки, и при наличии достоверного подтверждения факта получения акцепта аферентом. При этом, как отмечает Е. А. Суханов, «электронная форма договора предполагает использование технических средств для фиксации волеизъявления сторон и обеспечении его аутентичности» [2,766].

- Закон РФ «О защите прав потребителей» - регулирует права покупателей, в том числе и в онлайн-магазинах, включая возврат и обмен товаров. Как и в любых отношениях, одним из субъектов которых является физическое лицо, в дистанционной купле-продажи особое внимание уделяется защите прав потребителей.

- Закон «О персональных данных» - устанавливает требования к обработке и защите персональных данных пользователей. К защите персональных данных в современных условиях уделяется пристальное внимание во всех видах правоотношений. При осуществлении купле-продажи дистанционным способом передача персональных данных происходит в обязательном порядке, независимо от того, кто выступает в конкретном случае оператором, сам продавец или посредник, соответственно их защите уделяется значительное внимание [3,51-58].

- К нормативно-правовым актам, регулирующим дистанционные отношения, связанные с куплей-продажей необходимо отнести Налоговый кодекс РФ, который регламентирует целый ряд вопросов, устанавливая обязанности и предусматривая за их неисполнение ответственность, возникающие в процессе предпринимательской деятельности, в результате которой реализуются дистанционные торговые отношения. Налоговое регулирование электронной торговли имеет свои особенности. Согласно статье 83 НК РФ, организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в сфере электронной коммерции, обязаны встать на учёт налоговым органе по месту нахождения или месту жительства. При этом, как подчёркивает Д. В. Винницкий, «налогообложение электронной торговли должно учитывать трансграничный характер деятельности и необходимость предотвращения уклонения от уплаты налогов» [4,397].

В качестве одного из значительных законодательных актов, применимых в исследуемых правоотношениях, называют Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149 – ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Этот закон устанавливает правовой режим информации, распространяемый в электронном виде, и определяет права и обязанности участников информационных отношений и имеет непосредственное отношение к способам передачи и обмену информации, без которых невозможны какие-либо удаленные отношения.

Безусловно, важным в регламентировании дистанционной торговли выступает Постановление Правительства РФ N 2463, именно они утверждают правила такого вида торговли. К недостаткам данного акта теории относят отсутствие в нем самого определения дистанционной продажи [5].

Нормативно-правовое регулирование электронной торговли представляет собой комплексный и многоаспектный процесс, охватывающий различные отрасли права, включая гражданское, административное, налоговое и т.п.

Электронная торговля, являясь составной частью информационного общества, оказывает существенное влияние на экономические социальные процессы. Увеличение числа участников электронной торговли, расширение ассортимента товаров и услуг, а также трансграничный характер сделок, совершаемых в сети интернет, требует адекватного правового регулирования, в том числе в части определения статуса и ответственности посредников.

В условиях глобализации и цифровизации экономики посредничество в электронной торговле становится ключевым элементом, обеспечивающим эффективное взаимодействие между продавцами и покупателями. Однако, несмотря на значительный рост объема сделок, совершаемых с использованием посредников, правовое регулирование данной сферы остается фрагментарным и не в полной мере учитывает специфику отношений, возникающих в электронной среде. В связи с этим, возникает необходимость комплексного исследования посредничества в электронной торговле, выработки четких дефиниций электронного договора и дистанционной торговли, а также анализа нормативно-правового регулирования данной сферы с целью выявления проблем и разработки предложений по его совершенствованию.

Преимущества, которые предоставляют, как покупателям, так и продавцам, возможности интернета, бесспорны. Дистанционная торговля позволяет экономить на складских помещениях, аренде торговых залов и их работников. Осуществление хранения товаров, особенно скоропортящихся продуктов, всегда являлось проблемой, последствиями которой были прямые убытки продавца. Дистанционный способ торговли позволяет избежать этих проблем, а также более рационально организовать логистику.

Потребитель, выступая стороной в дистанционных торговых отношениях, также получает множество преимуществ. Так, отпадает необходимость посещения мест торговли, в целях приобретения нужного товара, находящихся на удаленном расстоянии, появляется возможность выбора из большего, чем может находиться в торговом зале, ассортимента товара.

Тем не менее, кроме преимуществ, имеющихся в дистанционных торговых отношениях, есть и безусловные недостатки. С учетом перспективности развития исследуемого способа торговли, необходимо нивелировать эти недостатки, что возможно, в том числе, с помощью четкой правовой регламентацией данных отношений.

Несмотря то, что регулирование товароотношений удаленным способом происходит на основании значительного количества нормативных актов, со стороны исследователей, как теоретиков, так и практиков, имеется множество заслуженных нареканий.

Следует отметить отсутствие законодательного определения самого дистанционного договора. О том, необходимо ли отнести такой договор к самостоятельному субъекту правоотношения или достаточно использовать его в качестве формы обычного договора купли-продажи, единого мнения нет. Тем не менее, это не единственное понятие, которое не имеет четко закрепленного определения. Более того, многие из используемых понятий трактуются по-разному, в зависимости от нормативного акта.

Такое положение вещей не может не вызвать нареканий со сторон как ученых-теоретиков, так и практиков, многие из которых называют в качестве выхода разработку специализированного законодательства, учитывающего особенности электронной коммерции.

На сегодняшний момент существует несколько моделей правового регулирования, в соответствии с которыми существует, так называемая, «электронная коммерция». Одна из них, это модель, по которой развиваются данные отношения в России, аналогична развитию дистан-

ционной торговли США. Здесь отдельными законодательными и иными нормативно-правовыми актами регулируются отношения, возникающие по поводу рекламы, защиты конфиденциальной информации, в том числе, персональных. Законодательные акты приняты как на федеральном, так и региональном уровне [6,175-178].

В таких странах, как например, Беларусь, основным нормативным правовым актом, регулирующим взаимоотношения, возникающие в электронной торговли, является Закон Республики Беларусь от 28 июля 2003 года «О торговле»¹.

Электронные контракты в Италии регламентируются Законом № 70/2003. Он закрепляет требования, в соответствии с которыми могут осуществлять свою деятельность все, кто осуществляет продажу товаров или услуг дистанционно [7,37-40].

Взаимоотношения, возникающие в процессе дистанционных отношений по поводу купли-продажи отличаются многослойностью, многоаспектностью и поместить их все в один объединенный нормативный акт достаточно сложно.

«Развитие современных технологий, базирующихся на искусственном интеллекте и машинном обучении, блокчейн-технологиях, оперирующих большими данными, привнесло новые способы, посредством которых субъекты экономических отношений взаимодействуют друг с другом. Это привело к тому, что реализация товаров и услуг получила новые виды и формы» [8,7-9], что требует если и не принятия отдельного законодательного акта, то как минимум более детального и четкого формулирования основных понятий и определений, для возникающих взаимоотношений.

Маркетплейсы функционируют в условиях сложной правовой среды, требующие адаптации существующих норм разработки, новых регуляторных механизмов.

Одной из ключевых теоретических позиций относительно маркетплейсов является концепция саморегулирования. Сторонники данного подхода утверждают, что маркетплейсы, как участники рынка, обладают достаточными возможностями для разработки собственных правил механизмов контроля, обеспечивающих защиту прав потребителей и поддержания добросовестной конкуренции. Например, Р. Коуз подчёркивал, что частные переговоры соглашения могут быть более эффективными способами разрешения конфликтов и регулирования экономических отношений, чем государственными вмешательствами [9,137-3143].

Однако, критики саморегулирования указывают на потенциальные возможности злоупотребления со стороны маркетплейса, особенно в условиях доминирующего положения на рынке. Альтернативным подходом называется государственное регулирование, предполагающее разработку и внедрение законодательства и нормативных актов, устанавливающих чёткие правила для деятельности маркетплейса.

В частности, данная позиция основана на теории провалов рынка, согласно которой государственными вмешательствами необходимы для исправления ситуаций, когда рыночные механизмы не обеспечивают эффективное распределение ресурсов и защиту общественных интересов. Например, государственное регулирование может быть направлено на борьбу с контрафактной продукцией, защитой персональных данных потребителей, установление требований к раскрытию информации о продавцах и товарах.

По поводу маркетплейсов ни у практиков ни у теоретиков пока не сложилось единого мнения, какое место в отношении дистанционной купли-продажи они занимают. Данная неопределённость также требует нормативно-правового разрешения.

Дистанционная купля-продажа, хоть и базируется на общих принципах обязательств, обладает рядом специфических характеристик, обусловленных способом заключения и исполнения договора. Необходимость обеспечения баланса интересов сторон и защиты прав потребителей требует дальнейшего теоретического осмысления данного явления и совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере электронной коммерции.

Дистанционный договор купли-продажи является динамично развивающимся институтом гражданского права, отражающим тенденции развития электронной коммерции и информационных технологий. Дальнейшее совершенствование законодательства в данной сфере должно быть направлено на обеспечение баланса интересов продавцов и покупателей, защиту прав потребителей и создание благоприятных условий для развития дистанционной торговли России. При этом, необходимо учитывать международное регулирование электронной коммерции и практику применения современных информационных технологий для обеспечения безопасности надёжности дистанционных сделок.

Недостаточность правового урегулирования в сфере дистанционной торговли может приводить к таким негативным последствиям, как правовая неопределённость и невозможность защиты прав участников рынка.

Так, нерешенные вопросы налогообложения в сфере электронной коммерции могут приводить к уклонению от уплаты налогов и созданию неравных условий для участников рынка, проблемы с идентификацией и юрисдикцией – к сложностям в установлении подлинности поставщиков и определении юрисдикции, что в случае спора может затруднять защиту прав участников.

В качестве предложений по совершенствованию регулирования дано отрасли экономики, можно предложить следующее.

1. Разработку специализированного законодательства: необходимо принять отдельный федеральный закон, регулирующий электронную коммерцию, который учтёт особенность цифровой экономики и обеспечит правовую определённость для всех участников рынка
2. Установление чётких правил налогообложения: следует разработать и внедрить чёткие правила налогообложения в сфере электронной коммерции, которые обеспечат справедливые условия для всех участников рынка.
3. Усиление мер по защите прав потребителей: необходимо усилить защиту прав потребителей в сфере электронной торговли, установить чёткие правила возврата товаров и ответственность продавцов.

¹ О торговле : Закон Респ. Беларусь, 28 июля. 2003 г., № 231-З // Эталон– Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – Дата доступа : 25.05.2025.

4. Развитие механизмов саморегулирования: поддержка и развитие механизма саморегулирования, таких как стандарты взаимодействия между маркетплейсом и продавцами, что может способствовать улучшению качества услуг и защите интересов участников рынка.

Список литературы:

1. Доброхотова, А. В. Проблемы гражданско-правового регулирования электронных сделок / А. В. Доброхотова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 10 (300). — С. 32-34. — URL: <https://moluch.ru/archive/300/67330/> (дата обращения: 16.05.2025).
2. Гражданское право. В 4 т. Т. 3. Обязательственное право / под ред. Е. А. Суханова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 766 с.
3. Чеботарева А.А. Электронная коммерция: стратегические направления государства в развитии и проблемы правового регулирования // Вестник Академии права и управления.— 2019.— № 2 (55).— С. 51–58.
4. Винницкий, Д.В. Российское налоговое право : Проблемы теории и практики / Д.В.Винницкий. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. — 397 с.
5. Наталья Владимировна Кузнецова Правовое регулирование дистанционной торговли: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №8 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-distantionnoy-torgovli-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 16.06.2025).
6. Иванова Н.И., Влезкова В.И. Трансграничная электронная торговля: мировой опыт и российская практика // Проблемы развития предприятий: теория и практика.— 2019.— № 1–2.— С. 175–178.
7. Бекбергенова Д.Е. Особенности регулирования приоритетных областей цифровой экономики // Экономические науки.— 2020.— № 184.— С. 37–40.
8. Аникин, Г. Г. Проблемы правового регулирования посредничества в электронной торговле / Г. Г. Аникин, Ф. Ф. Шпангель // Вопросы экономики и права. — 2024. — № 192. — С. 7-9. — DOI 10.14451/2.192.7.
9. Coase R.H. The Problem of Duopoly Reconsidered / R.H. Coase // The Review of Economic Studies. — 1935. — Vol. 2, no. 2. — P. 137–143.

References:

1. Dobrokhotova, A. V. Problems of Civil Law Regulation of Electronic Transactions / A. V. Dobrokhotova. — Text : direct // Young Scientist. — 2020. — No. 10 (300). — Pp. 32-34. — URL: <https://moluch.ru/archive/300/67330/> (accessed: 16.05.2025).
2. Civil Law. In 4 volumes. Vol. 3. Obligatory Law / edited by E. A. Sukhanov. — 3rd edition, revised and expanded. — Moscow: Wolters Kluwer, 2008. — 766 p.
3. Chebotareva A.A. Electronic Commerce: Strategic Directions of the State in Development and Problems of Legal Regulation // Bulletin of the Academy of Law and Management.— 2019. — No. 2 (55). — Pp. 51–58.
4. Vinnitsky, D.V. Russian Tax Law: Problems of Theory and Practice / D.V. Vinnitsky. — St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2003. — 397 p.
5. Natalia Vladimirovna Kuznetsova Legal Regulation of Distance Selling: Problems and Prospects // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2024. No. 8 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-distantionnoy-torgovli-problemy-i-perspektivy> (accessed on 16.06.2025).
6. Ivanova N.I., Vlezkova V.I. Cross-border e-commerce: global experience and Russian practice // Problems of Enterprise Development: Theory and Practice.— 2019.— No. 1–2.— Pp. 175–178.
7. Bekbergeneva D.E. Features of regulation of priority areas of the digital economy // Economic Sciences.— 2020. — No. 184. — Pp. 37–40.
8. Anikin, G. G. Problems of Legal Regulation of Intermediation in Electronic Commerce / G. G. Anikin, F. F. Shpanagel // Issues of Economics and Law. — 2024. — No. 192. — Pp. 7-9. — DOI 10.14451/2.192.7.
9. Coase R.H. The Problem of Duopoly Reconsidered / R.H. Coase // The Review of Economic Studies. — 1935. — Vol. 2, no. 2. — P. 137–143.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_242

УДК 349.23

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ LIABILITY OF SUBJECTS FOR VIOLATION OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF PERSONAL DATA PROTECTION

ГАРТИНА Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета.
440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.
E-mail: gjpenza@rambler.ru;

СЕДЫШЕВ Данила Сергеевич,
магистр кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета.
440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.
E-mail: sedyshev.danila@yandex.ru;

GARTINA Yulia Alexandrovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Penza State University.
440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.
E-mail: gjpenza@rambler.ru;

SEDYSHEV Danila Sergeevich,
Master of the Department of Private and Public Law Penza State University.
440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.
E-mail: sedyshev.danila@yandex.ru

Краткая аннотация. Вопросы правового регулирования ответственности за нарушение законодательства в сфере регулирования персональных данных в настоящее время являются очень актуальными, в связи со стремительным развитием цифровых интернет-технологий. В данной статье, авторами рассматриваются проблемы защиты прав субъектов персональных данных, анализируются основные виды ответственности, применяемые при нарушении использования, хранения персональных данных физических лиц, выявляются пробелы действующего законодательства. По наиболее проблемным вопросам делаются выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Abstract. Issues of legal regulation of liability for violation of legislation in the sphere of regulation of personal data are currently very relevant, in connection with the rapid development of digital Internet technologies. In this article, the authors consider the problems of protecting the rights of personal data subjects, analyze the main types of liability applied in case of violation of the use, storage of personal data of individuals, and identify gaps in the current legislation. Conclusions and proposals for improving the current legislation are made on the most problematic issues.

Ключевые слова. персональные данные, субъект персональных данных, обработка персональных данных, цифровизация, интернет-технологии, защита прав, гражданское законодательство, уголовная ответственность, дисциплинарная ответственность.

Key words: personal data, personal data subject, personal data processing, digitalization, Internet technologies, protection of rights, civil legislation, criminal liability, disciplinary liability.

Для цитирования: Гартина Ю.А., Седышев Д.С. Ответственность субъектов за нарушение законодательства в сфере защиты персональных данных // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 242-245. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_242.

For citation: Gartina Yu.A., Sedyshev D.S. Liability of subjects for violation of legislation in the sphere of personal data protection // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 242-245. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_242.

Статья поступила в редакцию: 18.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

С развитием цифровых технологий и увеличением объемов обработки персональных данных, вопросы ответственности субъектов, нарушающих законодательство о защите персональных данных приобретают особую актуальность. В юридической литературе отмечается, что персональные данные обладают двойственной природой и рассматриваются с одной стороны: как объект информационных правоотношений (регулируются нормами информационного права), а с другой как нематериальное благо, связанное с личностью (регулирование происходит в соответствии с нормами гражданского законодательства (ст. 150 ГК РФ)).

Таким образом, нарушение прав субъектов персональных данных может затрагивать не только их информационные права, но и личные неимущественные права (право на неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство).

В Российской Федерации правовое регулирование в этой сфере регламентируется Конституцией РФ, Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. 08.08.2024), Гражданским кодексом РФ частью первой (в ред. от 08.08.2024) (далее по тексту – ГК РФ) и т.д.

Вопросы правовой ответственности субъектов персональных данных очень тесно связаны с вопросами их защиты. Гражданско-правовая защита прав субъектов персональных данных включает в себя механизмы возмещения ущерба, компенсации морального вреда, признания действий операторов незаконными и другие способы, предусмотренные действующим гражданским законодательством [1, с.104].

Так, Конституция РФ в статье 23 – гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а статья 24 – запрещает сбор, хранение и распространение информации о частной жизни без согласия лица.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает принципы обработки персональных данных (законность, справедливость, ограничение целей), определяет права субъектов персональных данных (доступ, уточнение, блокирование, удаление данных), регламентирует обязанности операторов (обеспечение безопасности, уведомление Роскомнадзора).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (в ред. 07.06.2025) (далее по тексту - КоАП РФ) в статье 13.11 предусматривает административную ответственность за нарушения и обработку персональных данных.

Гражданское законодательство в статье 12 определяет основные способы защиты гражданских прав и включает: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения; возмещение убытков; компенсацию морального вреда; пресечение действий, нарушающих право, а в статьях 150–152 регламентирует основные вопросы защиты нематериальных благ, предусматривая специальные правила о защите персональных данных в статье 152.2. Помимо этого если нарушение прав субъекта персональных данных привело к материальному ущербу, потерпевший может требовать возмещения убытков (ст. 15 ГК РФ).

Анализ судебной практики показывает, что в настоящее время существуют определенные проблемы и сложности доказывания причинно-следственной связи между утечкой данных и причиненным ущербом; помимо этого, на наш взгляд, недостаточно разработана методика расчета таких убытков.

Согласно статье 15 ГК РФ, убытки включают в себя расходы на восстановление нарушенного права, утрату или повреждение имущества (реальный ущерб), а также упущенную выгоду, которую лицо могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено [2].

В соответствии со ст. 1064 ГК РФ по общему правилу для взыскания убытков суд должен установить наличие следующих условий, которые предусмотрены для гражданско-правового правонарушения (противоправность поведения оператора, причинение вреда и размер вреда, наличие причинно-следственной связи и вины оператора) [3, с.523]. При этом наличие вины оператора предполагается, если он не докажет ее отсутствие (ч. 2 ст. 1064 ГК РФ). Остальные условия подлежат доказыванию со стороны истца [4, с.377].

Процесс взыскания убытков является затратным и продолжительным, особенно если вред не имеет явной имущественной оценки, когда достаточно сложно доказать наличие причинно-следственной связи. Действующее гражданское законодательство при нарушении нематериальных благ предусматривают компенсацию морального вреда. Стоит отметить, что возмещение морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных субъектом персональных данных убытков.

Очевидной проблемой данного способа защиты прав субъекта биометрических персональных данных является крайне небольшой размер денежных компенсаций, назначаемый судами. При этом, как справедливо замечает Е. А. Суханов, даже примерная денежная оценка морального вреда немыслима вследствие принципиальной невозможности его восполнения и ввиду отсутствия «рынка боли и страданий». На практике данное положение приводит порой к небольшим цифрам денежной компенсации морального вреда, находящимся в диапазоне от 500 до 5 000 рублей, что явно не соответствует требованиям разумности и справедливости.

При этом важнейшей проблемой в обеспечении гражданско-правовой защиты прав субъектов биометрических персональных данных является несогласованность норм ФЗ «О персональных данных» и гражданского законодательства, поскольку данные нормативно-правовые акты содержат ряд смысловых и понятийных расхождений, которые, по справедливому замечанию Е. М. Тужиловой-Орданской, Е. В. Ахтямовой, сказываются на правоприменительной практике [5, с.272]. Для преодоления данных разночтений авторы предлагают отнести персональные данные к нематериальным благам. В таком случае стоит согласиться с мнением В. Д. Рузановой, которая считает, что закрепление персональных данных, как одного из нематериальных благ человека позволит сформировать целостную систему защиты этого вида информации [6, с.249]. Это позволит применять к ним все предусмотренные способы защиты гражданских прав, что несомненно должно сказаться на правоприменительной практике. Признание за персональными данными нематериальной ценности повысит внимание судов к делам, возникающим в этой сфере.

Анализ норм действующего законодательства, определяет основные права субъекта персональных данных в случае их значительного нарушения. Субъект персональных данных вправе потребовать: удаления или уточнения данных; прекращения незаконной обработки (например, через суд). Кроме того, необходимо помнить, что обработка должна быть немедленно прекращена в случае: достижения целей обработки; истечения срока согласия субъекта; выявления неправомерного использования данных.

Этот механизм помогает гражданам контролировать свои персональные данные и предотвращать их неправомерное использование, что особенно важно в условиях массового сбора информации через интернет-сервисы, банковские системы и системы видеонаблюдения [7]. На самом деле, прекращение обработки персональных данных является важным инструментом в сфере защиты гражданских прав в условиях цифровой экономики. Несмотря на существующие пробелы в правоприменении, этот механизм ограничивает произвол компаний, обеспечивая баланс между технологическим прогрессом и неприкосновенностью частной жизни.

В соответствии со ст. 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 01.04.2025) граждане могут требовать удаления ссылок на недостоверную или устаревшую информацию.

Требование о прекращении обработки персональных данных – важный инструмент защиты гражданских прав. Для прекращения обработки данных гражданин должен направить оператору письменное заявление с указанием конкретных данных и причин их блокировки. В случае отказа можно обратиться в Роскомнадзор или в суд. Однако на практике возникают сложности: компании игнорируют запросы; данные уже переданы третьим лицам; доказать факт неправомерной обработки бывает сложно. Как правило, сложности возникают при необходимости привлече-

ния IT-экспертов для установления факта утечки персональных данных, отсутствия единой судебной практики по размеру взыскания компенсаций, недостаточной активности субъектов персональных данных, так как многие потерпевшие не обращаются в суд из-за длительности процессов и незнания своих прав.

На наш взгляд, выявленные недостатки законодательства могут быть решены путем введения презумпции вины оператора при утечке персональных данных, а также закрепления минимального размера компенсации морального вреда, разработкой внесудебных механизмов урегулирования споров.

В настоящее время, нарушение требований законодательства в области защиты персональных данных влечет за собой различные виды правовой ответственности: административную, уголовную, гражданско-правовую и дисциплинарную.

Контроль за соблюдением законодательства осуществляет Роскомнадзор (Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций), который: проводит проверки; выдает предписания; налагает штрафы. В соответствии с частью 5 статьи 23 Федерального закона «О персональных данных» Роскомнадзор обязан обеспечивать защиту прав субъектов персональных данных в соответствии с законодательством РФ. Он обладает широкими полномочиями для эффективной защиты прав граждан, чьи биометрические данные обрабатываются. В частности, служба может: принимать административные меры (например, приостанавливать или запрещать обработку биометрических данных при отсутствии письменного согласия субъекта); обращаться в суд с исками в защиту нарушенных прав.

На основании Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» Роскомнадзор рассматривает жалобы в течение 30 дней (в исключительных случаях срок может быть продлен еще на 30 дней с обязательным уведомлением заявителя) [8].

По сравнению с судебным разбирательством, обращение в Роскомнадзор позволяет: получить ответ в более короткие сроки (1–2 месяца против нескольких месяцев или даже лет в суде); избежать длительных процессуальных издержек, включая сбор доказательств и исполнительное производство.

Помимо Роскомнадзора, защиту прав субъектов биометрических данных могут обеспечивать иные государственные структуры. Например, Прокуратура РФ вправе возбуждать дела об административных правонарушениях в этой сфере (ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ).

Роскомнадзор преимущественно привлекает к ответственности юридических лиц – крупных операторов персональных данных (банки, страховые компании, коллекторские агентства, ЖКХ-организации). В то же время прокуратура чаще составляет протоколы в отношении руководителей и сотрудников бюджетных учреждений (сферы образования и здравоохранения).

В делах, возбужденных Роскомнадзором, чаще выносятся штрафы, тогда как прокуратура в большинстве случаев ограничивается предупреждениями [9].

Таким образом, сложились две разные модели правоприменения в сфере привлечения к ответственности за нарушения обработки персональных данных.

Роскомнадзор сосредоточен на контроле коммерческих операторов, обладая узкоспециализированной экспертизой, что позволяет ему выявлять сложные нарушения.

Прокуратура в основном работает с бюджетными организациями, а ее практика сводится к более простым составам правонарушений, не требующим глубокой доказательной базы – например, отсутствие публично доступной политики обработки персональных данных (ч. 3 ст. 13.11 КоАП).

Кроме того, действия Роскомнадзора чаще приводят к финансовым взысканиям, пополняя бюджет и оказывая более серьезное воздействие на операторов персональных данных.

Еще одним органом, обеспечивающим административную защиту прав субъектов биометрических персональных данных, является Роспотребнадзор (Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека). Полномочия данной службы возникли после вступления 1 сентября 2022 года поправок в Федеральный закон «О персональных данных». Согласно изменениям, статья 11 закона была дополнена нормой, запрещающей оператору отказывать в обслуживании, если субъект персональных данных не предоставляет биометрические данные или не даёт согласия на их обработку, при условии, что такое согласие не требуется по федеральному закону.

Если оператор отказывается заключать, исполнять, изменять или расторгать договор из-за непредоставления персональных данных, он может быть привлечён к административной ответственности по ст. 14.8 КоАП РФ. Контроль за соблюдением этого положения и применение санкций осуществляет Роспотребнадзор. Таким образом, служба, ограничивая необоснованное требование избыточной информации для предоставления услуг, выполняет функцию административной защиты прав субъектов биометрических персональных данных [10].

Следует подчеркнуть, что согласно ст. 23.1 КоАП РФ дела о нарушениях, предусмотренных ст. 13.11 («Нарушение законодательства РФ в области персональных данных»), рассматриваются судьями после инициирования административного производства уполномоченными органами. Однако, на наш взгляд, более эффективным решением было бы передать эти полномочия Роскомнадзору, поскольку именно данная организация обладает специализированными компетенциями в данной сфере. Это позволило бы ускорить привлечение нарушителей к ответственности и снизить нагрузку на судебную систему.

Таким образом, административный способ защиты прав субъектов биометрических персональных данных имеет определенные преимущества по сравнению с судебным. Более простой порядок его применения способствует оперативному устранению нарушений, что позволяет эффективнее соблюдать законные интересы граждан. Помимо Роскомнадзора, контроль за соблюдением прав субъектов персональных данных

также осуществляют и другие государственные органы, включая Прокуратуру РФ и Роспотребнадзор. При этом узкая специализация Роскомнадзора в сфере персональных данных дает ему возможность более тщательно подбирать меры воздействия на операторов и рассматривать даже сложные случаи административных нарушений. В целом, административная защита помогает предотвращать серьезные негативные последствия, тогда как судебная защита, как правило, применяется уже после их наступления.

В случаях нарушения норм уголовного законодательства, расследованием занимаются правоохранительные органы. Уголовная ответственность предусмотрена в следующих статьях: 137, 272, 274 УК РФ.

Что касается гражданско-правовой ответственности, то она применяется в виде: компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ); возмещения убытков (если доказан ущерб).

Дисциплинарная ответственность, как правило, применима в рамках трудового законодательства. Работодатель может уволить сотрудника за разглашение персональных данных (п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Таким образом, анализ норм действующего законодательства в сфере правового регулирования вопросов ответственности субъектов персональных данных, а также их защиты, позволил определить, что развитие цифровых технологий и увеличение объемов обработки персональных данных делают вопросы применения ответственности за нарушения законодательства в сфере обработки персональных данных особенно актуальными. Поэтому, несмотря на существующую правовую базу, нормы регламентирующие вопросы ответственности субъектов персональных данных требует дальнейшего совершенствования. Так как именно, четкая регламентация норм действующего законодательства позволит обеспечить баланс между технологическим прогрессом и защитой прав граждан в цифровую эпоху.

Список литературы:

1. Чукреев В. А. Персональные данные, в том числе биометрические данные, как предметы уголовно-правовой охраны // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2022. – №3 (91). – С.102-108.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. No 138-ФЗ (ред. от 14 апреля 2023 г. No 118-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – No 46. – Ст. 4532.
3. Гражданское право: учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. - 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – С. 523.
4. Мазитов И. И. Юридическая ответственность за нарушение персональных данных в России: проблемы и пути решения // Образование и право. – 2024. – № 6. – С. 375–379.
5. Тужилова-Орданская Е. М., Ахтямова Е. В. Проблемы гражданско-правового регулирования в сферезащиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации // ВестникПермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 52. – С. 272.
6. Рузанова В. Д. Вопросы реализации потенциала гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина при использовании генетической информации // Сб. статей Нац. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг. и 90-летию со дня рождения д.ю.н., проф., акад. Академии соц. наук РФ, засл. юриста Республики Башкортостан Марка Семеновича Орданского. Уфа, 2020. – С. 249.
7. Селюк А. С. Защита персональных данных в цифровом пространстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – №2 (102).
8. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
9. Порядок обработки персональных данных: кого и как привлекают к ответственности [Электронный ресурс] // URL: <https://cdto.ranepa.ru/sum-of-tech/materials/70> (дата обращения: 17.05.2025).
10. Уфаева Я. Е., Мазурин Н. И. Комментарий к поправкам в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]//URL:https://zakon.ru/blog/2022/8/2/kommentarij_k_popravkam_v_federalnyj_zakon_ot_27072006__152fz_o_personalnyh_dannyh_n_i_mazurin_ya_e (дата обращения: 14.03.2024).

References:

1. Chukreev V. A. Personal data, including biometric data, as objects of criminal-legal protection // Bulletin of the O. E. Kutafin University. - 2022. - No. 3 (91). - P. 102-108.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on April 14, 2023 No. 118-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 46. - Art. 4532.
3. Civil law: textbook: in 4 volumes / ed. E. A. Sukhanov. - 2nd ed. revised and enlarged. – M.: Statut, 2019. – P. 523.
4. Mazitov I. I. Legal liability for violation of personal data in Russia: problems and solutions // Education and law. – 2024. – No. 6. – P. 375–379.
5. Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Akhtyamova E. V. Problems of civil law regulation in the sphere of protecting citizen rights in the Russian Federation when using genetic information // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2021. – Issue. 52. – P. 272.
6. Ruzanova V. D. Issues of realizing the potential of civil law regulation in the sphere of protecting citizen rights when using genetic information // Coll. articles of the National scientific and practical conf. dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945, and the 90th anniversary of the birth of Doctor of Law, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan Mark Semenovich Ordansky. Ufa, 2020. - P. 249.
7. Selyuk A. S. Protection of personal data in the digital space // Bulletin of the O. E. Kutafin University. - 2023. - No. 2 (102).
8. Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 19. - Art. 2060.
9. The procedure for processing personal data: who is held liable and how [Electronic resource] // URL: <https://cdto.ranepa.ru/sum-of-tech/materials/70> (date of access: 17.05.2025).
10. Ufaeva Ya. E., Mazurin N. I. Commentary on amendments to the Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" [Electronic resource] // URL: https://zakon.ru/blog/2022/8/2/kommentarij_k_popravkam_v_federalnyj_zakon_ot_27072006__152fz_o_personalnyh_dannyh_n_i_mazurin_ya_e (date of access: 14.03.2024).

SMART-МОДЕЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА SMART MODEL AS A TOOL FOR ESTABLISHING THE ACHIEVEMENT OF THE GOAL OF CIVIL PROCEDURE

ЗАЙЧИКОВ Ярослав Владимирович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: yaroslav_zachikov@mail.ru;

ZAYCHIKOV Yaroslav Vladimirovich,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation.

E-mail: yaroslav_zachikov@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию механизма достижения цели гражданского судопроизводства. Автором отмечено, что на законодательном уровне, а также в российской процессуальной доктрине и правоприменительной практике не сложился единый критерий, позволяющий установить, достигнута ли обозначенная в ст. 2 ГПК РФ цель по защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов различных субъектов. Предложено адаптировать управленческую SMART-методику (specific, measurable, achievable, relevant, time-bound) к сфере судебной защиты гражданских прав. Сделана попытка адаптировать концепцию SMART-метрик применительно к цели гражданского судопроизводства, что, по предположению автора, может оказать позитивное влияние на оценку достижения цели судопроизводства и определение эффективности правосудия по гражданским делам.

Abstract. The article is devoted to the study of the mechanism for achieving the goal of civil procedure. The author notes that at the legislative level, as well as in the Russian procedural doctrine and law enforcement practice, there is no single criterion that allows determining whether the goal proclaimed in art. 2 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation to protect violated or disputed rights, freedoms and legitimate interests of various entities has been achieved. It is proposed to adapt the management SMART methodology (specific, measurable, achievable, relevant, time-bound) to the field of judicial protection of civil rights. An attempt is made to formulate the concept of SMART metrics in relation to the goal of civil procedure, which can have a positive impact on assessing the achievement of the goal of legal proceedings and determining the effectiveness of justice in civil cases.

Ключевые слова: судебная защита; гражданское судопроизводство; цель гражданского судопроизводства; достижение цели; SMART-цель; эффективность правосудия.

Keywords: judicial protection; civil proceedings; the purpose of civil proceedings; achieving the goal; SMART goal; the effectiveness of justice.

Для цитирования: Зайчиков Я.В. SMART-модель как инструмент установления достижения цели гражданского судопроизводства // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 246-248. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_246.

For citation: Zaychikov Ya.V. SMART-model as a tool for establishing the achievement of the goal of civil procedure // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 246-248. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_246.

Статья поступила в редакцию: 19.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Статья 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) закрепляет, что цель гражданского судопроизводства состоит в защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в гражданских, трудовых и иных отношениях. Однако действующее законодательство не содержит методологической установки, позволяющей определить, по каким критериям можно удостовериться в том, что защита прав действительно достигнута, что среди прочих аргументов опосредует наличие дискуссии относительно необходимости закрепления цели гражданского судопроизводства как таковой.

Вопрос метрической измеримости цели не является специфичным для процессуальной юридической науки. В частности, в своем междисциплинарном исследовании Л. В. Павлова и О. В. Кочкина, рассуждая о деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, отмечают, что чёткая постановка целей позволит оценить эффективность осуществляемой деятельности [10, С. 63]. Следовательно, сама формула цели нуждается в операционализации через измеряемые показатели. Одним из универсальных способов такой операционализации является SMART-подход Питера Друкера [4], который «является аббревиатурой из первых букв английских слов specific, measurable, achievable, relevant и time-bound, что переводится как: конкретная, измеримая, достижимая, совместимая и определенная во времени» [12, С. 133]. Преломление данной методики в правовой плоскости получило поддержку среди процессуалистов: Ю. В. Козубенко, говоря о цели уголовного судопроизводства, подчёркивает, что «цель должна быть специальной, измеримой, достижимой, разумной и ... ограниченной процессуальным сроком» [5, С. 58].

Конституционное предписание о судебной защите прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ) и его процессуальное развитие в ст. 2 ГПК РФ задают направление деятельности суда, но не предоставляют инструментария для установления механизма достижения цели. Важно указать, что процессуальный закон содержит элементы реализации SMART-модели, однако ввиду недостаточно конкретного обозначения цели судопроизводства на законодательном уровне и дискуссионного характера о сущности целевых установок в теории и правоприменительной практике, отметить наличие системного подхода в части индикаторов достижения цели не представляется возможным.

Действующая редакция статьи 2 ГПК РФ на сегодняшний день не даёт исчерпывающего ответа на принципиальный вопрос о законодательном закреплении цели гражданского судопроизводства, а также о чётком разграничении цели и задач гражданского судопроизводства. Отсутствие нормативной ясности и методологической точности в обозначении цели порождает неопределённость и сложности в адаптации управленческих инструментов, таких как SMART-модель, к существующим реалиям российского гражданского процессуального законодательства. При этом следует отметить, что задачи, указанные в ст. 2 ГПК РФ, например, правильность и своевременность рассмотрения и разрешения гражданских дел, укрепление законности и предупреждение правонарушений, отчасти уже содержат потенциал быть использованными в каче-

стве метрик достижения цели в контексте SMART-подхода.

Вместе с тем, отсутствие системного и единого подхода к соотношению цели и задач приводит к тому, что такие индикаторы не получают полноценного практического и теоретического осмысления и применения. Это подчёркивает настоятельную необходимость глубокого научного, законодательного и правоприменительного переосмысления и уточнения целевых установок и задач гражданского судопроизводства для создания эффективного и прозрачного механизма защиты прав. Утверждение о возможной имплементации SMART-метрик в российское гражданское судопроизводство подкрепляется практикой зарубежных судебных систем, давно преобразующих цели правосудия в совокупность конкретных и измеримых показателей. Так, некоммерческой организацией «Национальный центр государственных судов» США разработан комплекс CourtTools, предназначенный «помочь судьям и администраторам судов выяснить, как хорошо суд достигает базовых целей, таких как доступность, справедливость и своевременность» [7]. Показатели CourtTools напрямую соотносятся с индикаторами SMART-модели: показатель 2 (Clearance Rate) количественно фиксирует достижимость и измеримость, показатель 3 (Time to Disposition) — ограниченность цели во времени, а показатель 7 (Collection of Monetary Penalties) — её релевантность для сторон разбирательства.

Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ) разработала контрольный перечень показателей для анализа продолжительности разбирательства в судах для управления судебными сроками [9]. В «Time Management Checklist» подчёркивается, что перечень вопросов призван «собрать релевантную информацию о делах и проанализировать аспекты продолжительности производства с тем, чтобы суды принимали меры к разрешению дел в разумный срок» [9]. Документ прямо рекомендует судам устанавливать конкретные целевые сроки для каждой категории дел, что соответствует принципу specific, а последующий мониторинг выполнения — measurable и time-bound.

На уровне наднациональных сравнений эффективность систем гражданской юстиции Европейского союза ежегодно оценивается *EU Justice Scoreboard*. В выпуске 2024 г. среди ключевых индикаторов названы «длина разбирательств, коэффициент разрешения дел и количество нерешённых дел» [8]. Эти показатели демонстрируют достижимость (achievable) через сопоставление нагрузки с фактической пропускной способностью судов и релевантность (relevant) для оценки реального доступа граждан к правосудию.

Вопрос о том, каким образом цель гражданского судопроизводства должна получать количественное выражение, напрямую связан с более общей проблемой управляемости правовой системы, что нашло отражение в правовом регулировании с позиции российского законодательства. Российские стандарты менеджмента качества уже закрепляют требование формировать и измерять организационные цели по модели SMART. Так, в п. 6.2.2 ГОСТ Р 57189-2016 (ISO/TS 9002:2016) предписано, чтобы цели «были установлены и измерены с помощью подходящих методов, таких как SMART (установление целей, которые являются конкретными, измеримыми, достижимыми, актуальными и ограниченными во времени)» [1]. Стандарт подчёркивает необходимость постоянного мониторинга прогресса и актуализации целей по мере изменения внешних факторов.

Еще одним примером ситуации из сферы публичного управления, когда регулятор предписывает формулировать цели в формате SMART, может служить установление Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в методических указаниях требования о том, чтобы «цель соответствовала принципам конкретности, измеримости, достижимости, уместности и ограниченности во времени (далее - модель SMART)» [2].

Зарубежный и российский опыт в части метрического определения цели подтверждает, что формирование нормативно обязательных SMART-показателей не является абстрактной научной идеей, а формирует основу для единообразного и системного подхода для оценки работы различных государственных органов. Заимствование подобного подхода в сферу правосудия по гражданским делам позволит встроить сферу гражданского судопроизводства в единую систему публичного управления качеством. Перенесение обозначенного управленческого императива в плоскость гражданского процесса демонстрирует, что нормативное закрепление SMART-показателей позволит отразить в процессуальном законе не только конечный правозащитный результат, но и алгоритм его проверки.

Действующая судебная статистика, сбор которой осуществляется в соответствии с Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 65 в редакции 26 июня 2024 г. [11], отражает такие показатели, как объём поступающих дел, сроки их рассмотрения и количество отменённых актов. Однако указанные показатели преимущественно характеризуют отдельные стороны судебной деятельности и не всегда предоставляют целостную и связную картину, необходимую для комплексной оценки результативности гражданского судопроизводства. Возможно заключить, что возникает необходимость дополнения и систематизации этих показателей с целью формирования полной модели оценки эффективности судебной деятельности. Само по себе переложение SMART-индикаторов на сферу гражданского судопроизводства на данном этапе видится довольно дискуссионным, однако гипотетическая модель может быть представлена следующим образом: процент решений, оставленных без отмены или изменения в судах вышестоящих инстанций (specific и measurable), средняя продолжительность производства по отдельным категориям дел (time-bound), процент фактического исполнения судебных решений (achievable), комплексная оценка значимости результата судебной процедуры для сторон, правопорядка и самой судебной системы, измеряемая через устойчивость и фактическое исполнение актов, удовлетворённость участников процесса и вклад в формирование законности и правопорядка (relevant).

Отсутствие системной сбалансированности индикаторов уже критиковалось в смежной публично-правовой сфере. Так, А.Ю. Ульянов отмечает, что в муниципальном управлении «в результате получился свод значительного количества показателей эффективности, которые не сбалансированы и не соотносятся между собой, — соответственно, сделать вывод о результатах деятельности управленческих органов на их основании весьма затруднительно» [13, С. 25]. SMART-подход устраняет этот дисбаланс, ибо «процесс управления становится контролируемым при наличии временных границ для выполнения цели, определённых с учётом возможности её достижения» [12, С. 134]. Данные суждения позволяют сформулировать общую проблему управленческой деятельности, заключающуюся в том, что большое количество индикаторов, не согласованных в единой системе оценки, создаёт лишь иллюзию прозрачности и эффективности, а наличие значимого массива данных не всегда яв-

ляется залогом установления качества эффективности функционирования системы.

Интеграция SMART-метрик может способствовать тому, что суды получат управленческий инструмент, позволяющий при цифровизации процессов прогнозировать ресурсную потребность и корректировать внутренние регламенты до возникновения перегрузки, а потенциальные и действующие участники судебных процедур получат систему индикаторов для объективного соотношения своих потребностей с результатами рассмотрения и разрешения дела в суде.

Вышесказанное позволяет заключить, что первостепенной проблемой, требующей разрешения, является четкое и системное постулирование цели и задач гражданского судопроизводства как фундаментальных понятий процессуального права. Необходимость в таком постулировании ощущается как на законодательном, так и на теоретическом уровнях, а также в правоприменительной практике, которая должна быть ориентирована на единообразие и последовательность в использовании данных процессуальных категорий. Интеграция SMART-подхода в контексте гражданского судопроизводства предполагает прежде всего установление четкого методологического вектора в правоприменительной практике и формирование единообразного подхода к сбору судебной статистики со стороны Верховного Суда Российской Федерации и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. В этой связи внедрение SMART-метрик представляет собой не столько предмет законодательных реформ, сколько методологическую задачу. Управленческая теория подчёркивает, что «при использовании метода SMART становится сразу видно все возможные проблемы, которые будут затруднять исполнение имеющихся намерений» [12, С. 134], следовательно, интеграция метрик позволит заранее выявлять узкие места процесса и корректировать его до возникновения системных задержек.

Таким образом, проведённый анализ свидетельствует, что законодательное использование SMART-метрик в сфере гражданского судопроизводства применительно к цели судебной процедуры способно исключить абстрактный характер обозначенной категории процессуального права и трансформировать её в управляемый индикатор с прозрачными критериями проверки достижения. За счёт включения конкретности, измеримости, достижимости, релевантности и ограниченности во времени в саму структуру процессуального закона создаётся организационно-правовой каркас, обеспечивающий реализацию эффективной судебной защиты.

Список литературы:

1. "ГОСТ Р 57189-2016/ISO/TS 9002:2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Руководство по применению ИСО 9001:2015 (ISO/TS 9002:2016, IDT)" (утв. Приказом Росстандарта от 25.10.2016 N 1499-ст). М.: Стандартинформ, 2016.
2. <Письмо> Минобрнауки России от 07.10.2021 N МН-19/697 "О направлении методических рекомендаций по разработке стратегии цифровой трансформации образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России" // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411215/ (дата обращения 30.05.2025)
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.
4. Друкер Питер Ф. Практика менеджмента = The practice of management / Питер Ф. Друкер. Москва [и др.] : Вильямс, 2000. 397 с.
5. Козубенко Ю.В. О роли уголовного преследования в структуре межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2021. N 6. С. 55 - 63.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
7. Официальный сайт The National Center for State Courts (NCSC) [Электронный ресурс] URL: <https://www.ncsc.org/resources-courts/data/measure-your-courts-performance-courttools> (дата обращения 30.05.2025)
8. Официальный сайт Европейской комиссии [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/14032-2024-EU-Justice-Scoreboard_en (дата обращения 30.05.2025)
9. Официальный сайт Совета Европы [Электронный ресурс] URL: <https://rm.coe.int/cepej-2023-5-time-management-checklist-en/1680abaafa> (дата обращения 30.05.2025)
10. Павлова Л.В., Кочкина О.В. Организационно-правовые аспекты деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2023. N 3. С. 62 - 64.
11. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 N 65 (ред. от 26.06.2024) «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217817/ (дата обращения 30.05.2025)
12. Таран В. Н., Апришко Д. В. Постановка целей при помощи SMART технологий // Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы: сборник статей IX Международной научно-практической конференции: в 4 частях, Пенза, 30 декабря 2017 года. Том Часть 1. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. С. 133-135.
13. Ульянов А.Ю. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: проблемы и вызовы // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. N 6. С. 25 - 29.

References:

1. "ГОСТ Р 57189-2016/ISO/TS 9002:2016. National standard of the Russian Federation. Quality management systems. Guidelines for the application of ISO 9001:2015 (ISO/TS 9002:2016, IDT)" (approved by Order of Rosstandart dated 10.25.2016 N 1499-st). Moscow: Standartinform, 2016.
2. <Letter> of the Ministry of Education and Science of Russia dated 10.07.2021 N MN-19/697 "On the direction of methodological recommendations for the development of a strategy for the digital transformation of higher education organizations subordinate to the Ministry of Education and Science of Russia" // Access from the ConsultantPlus SPS: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411215/ (date of access 30.05.2025)
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 18.11.2002, N 46, art. 4532.
4. Drucker Peter F. The practice of management = The practice of management / Peter F. Drucker. Moscow [et al.]: Williams, 2000. 397 p.
5. Kozubenko Yu.V. On the role of criminal prosecution in the structure of the intersectoral mechanism of criminal law regulation // Russian Law Journal. 2021. N 6. P. 55 - 63.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (taking into account the amendments introduced by the Federal Constitutional Law "On Amendments to the Constitution of the Russian Federation" dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ, dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. - 1993. -December 25; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. October 6, 2022.
7. Official website of the National Center for State Courts (NCSC) [Electronic resource] URL: <https://www.ncsc.org/resources-courts/data/measure-your-courts-performance-courttools> (date of access 30.05.2025)
8. Official website of the European Commission [Electronic resource] URL: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/14032-2024-EU-Justice-Scoreboard_en (date of access 30.05.2025)
9. Official website of the Council of Europe [Electronic resource] URL: <https://rm.coe.int/cepej-2023-5-time-management-checklist-en/1680abaafa> (date of access 30.05.2025)
10. Pavlova L.V., Kochkina O.V. Organizational and legal aspects of activities to prevent neglect and delinquency among minors // Administrative law and process. 2023. N 3. pp. 62 - 64.
11. Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.04.2017 N 65 (as amended on 26.06.2024) "On approval of the Table of statistical reporting forms on the activities of federal courts of general jurisdiction, federal arbitration courts, justices of the peace and criminal records and statistical reporting forms on the activities of federal courts of general jurisdiction, federal arbitration courts, justices of the peace and criminal records" // Access from the SPS "ConsultantPlus": [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217817/ (date of access 30.05.2025)
12. Taran V.N., Aprishko D.V. Setting goals using SMART technologies // Breakthrough scientific research: problems, patterns, prospects: collection of articles of the IX International scientific and practical conference: in 4 parts, Penza, December 30, 2017. Volume Part 1. Penza: "Science and Education" (IP Gulyaev G.Yu.), 2017. Pp. 133-135.
13. Ulyanov A.Yu. Evaluation of the effectiveness of local government: problems and challenges // State power and local self-government. 2021. N 6. Pp. 25 - 29.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «САМОВОЛЬНОЕ ЗАНЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА» ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF UNAUTHORIZED ACTIVITY OF LAND

БАЛДАЕВ Дмитрий Иванович,

студент Института права и экономики, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова.

ул. Смолина, 24а, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, 670000, Россия.

E-mail: baldaev.d@mail.ru;

BALDAEV Dmitry I.,

student at the Institute of Law and Economics Dorji Banzarov Buryat state University.

Smolina str., 24a, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670000, Russia.

E-mail: baldaev.d@mail.ru

Краткая аннотация: Данная статья посвящена проблеме определения такого правового понятия, как «самовольное занятие земельного участка». Специфика заключается в том, что это довольно распространенное противоправное действие, однако законодательно оно закрепились в таких нормативно-правовых актах, как КоАП РФ, ЗК РФ, с точки зрения ответственности за правонарушение и его правовые последствия. В законе нет прямого определения данного понятия, в связи с чем требуется дополнение и уточнение в настоящее законодательство нормы о дефиниции самовольного занятия земельного участка. В статье анализируются определения ученых-юристов и на основе сопоставления с действующим земельным законодательством приводится соответствующее дополнение.

Abstract: This article is devoted to the problem of defining such a right-wing phenomenon as "unauthorized occupation of a land plot". The specificity lies in the fact that this is a fairly common illegal action, however, it has been legislatively fixed in some normative legal acts, such as the Administrative Code of the Russian Federation and other norms of the Land Code of the Russian Federation in terms of responsibility for the offense and its legal consequences. The Act does not explicitly define this concept, and the rule on the definition of unauthorized occupation of a land parcel needs to be supplemented and clarified in this legislation. The article analyzes the definitions of legal scholars and on the basis of comparison with the current land legislation provides an appropriate supplement.

Ключевые слова: самовольное занятие земельного участка, захват земельного участка, правообладатель, земельный участок, административное правонарушение.

Keywords: unauthorized occupation of a land plot, seizure of a land plot, rightholder, land plot, administrative offense.

Для цитирования: Балдаев Д.И. К вопросу о понятии «самовольное занятие земельного участка» // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 249-250. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_249.

For citation: Baldaev D.I. On the issue of the concept of unauthorized activity of land // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 249-250. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_249.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Дефиниция «самовольная постройка» закреплена в ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, согласно которой: «самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные или созданные без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если разрешенное использование земельного участка, требование о получении соответствующих согласований, разрешений и (или) указанные градостроительные и строительные нормы и правила установлены на дату начала возведения или создания самовольной постройки и являются действующими на дату выявления самовольной постройки». Гражданское законодательство довольно детально и обширно раскрыло правовую природу самовольной постройки, охарактеризовало основания для признания строительства самовольной.

Стоит отметить, что законодательное определение самовольной постройки касается только незаконного строительства какого-либо здания или сооружения на земельном участке, для которого данная деятельность не имеет соответствующего разрешения. Акцентируется внимание именно на нормах гражданского, градостроительного, санитарного и противопожарного законодательства.

Самовольная постройка осуществляется на земельном участке и зачастую отождествляется с понятием «самовольное занятие земельного участка», хотя это не совсем верно. Самовольное занятие земельного участка, касается незаконного завладения чужим земельным участком и предусматривающего любую деятельность на этом земельном участке.

Проанализируем законодательство, где встречается употребление данного понятия. Так, в соответствии со статьей 7.1. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту - КоАП РФ)²: «Самовольное занятие земельного участка или части земельного участка, в том числе использование земельного участка лицом, не имеющим предусмотренных законодательством Российской Федерации прав на указанный земельный участок, -...» влечет санкции, предусмотренные указанной нормой.

Земельный кодекс Российской Федерации (далее по тексту - ЗК РФ)³ в ст. 60 перечисляет самовольное занятие земельного участка, как случай нарушающий право на земельный участок. Также ст. 76 ЗК РФ предусмотрено возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями. Однако в данной норме содержатся лишь последствия незаконного строительства в части «самовольно занятые земельные участки возвращаются их собственникам, землепользователям, землевладельцам, арендаторам земельных участков без возмещения затрат, произведенных лицами, виновными в нарушении земельного законодательства, за время незаконного пользования этими земельными участками». В п. 3 этой же статьи сказано, что «приведение земельных участков в пригодное для использования состояние при их загрязнении, других видах порчи, самовольном занятии, сносе зданий, сооружений при самовольном занятии земельных участков или самовольном строительстве, а также восстановление уничтоженных

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. №52 (1 ч.).

² Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г., № 1, ст. 1.

³ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - №44, ст. 4148.

межевых знаков осуществляется юридическими лицами и гражданами, виновными в указанных земельных правонарушениях, или за их счет».

Как видим, во многих нормах фигурирует термин «самовольное занятие земельного участка», однако нигде не указаны его понятие и характеристика. Что подразумевается под самовольным занятием земельного участка? Согласно п.1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №11 от 17 февраля 2011 г., под самовольным занятием земель понимается пользование чужим земельным участком при отсутствии воли собственника этого участка (иного управомоченного им лица), выраженного в установленном порядке¹.

Е. А. Летаева придерживается позиции, что самовольное занятие земельного участка относится к категории административных правонарушений, связанной с деятельностью правоприменительных органов и должностных лиц, «уполномоченных осуществлять производство по делам об административных правонарушениях». Так, «самовольное занятие земель – это определённые действия лиц, подтверждающие фактическое использование конкретного земельного участка, когда отсутствует решение органа исполнительной власти или местной администрации о том, что данный участок был передан в собственность, в аренду, в пользование, пожизненное наследуемое владение» [3, С.].

Самовольное занятие земельного участка было закреплено в Письме Роскомзема от 29.03.1994 г. №3-14-1/404², в котором дается краткое определение данному понятию. Так, самовольное занятие земельного участка – это «использование земельного участка физическим или юридическим лицом до установления границ земельного участка в натуре (на местности) и получения в установленном порядке документов, удостоверяющих право собственности, владения, пользования или аренды».

Согласны с мнением А. Ф. Ивлевой, что законодательство требует детального определения, с учетом действующих норм, поскольку приравнивает такие понятия, как «самовольный захват земельного участка» и «самовольное занятие земельного участка» [2, С. 19].

Формулировка «захват» все же некорректна в юридической терминологии, искажая смысл всего понятия. Обращаясь к словарю Даля, захват означает «насильственное присвоение себе чужого, например, земель» [1]. Насильственно ни один гражданин не присваивает земли, и данный термин реципирован из римского права, где в Дигестах Юстиниана, по воззрению Ульпиана, «самовольный захватчик, насильственно нарушивший существовавшее до тех пор владение, окончательно приобрел владение только в том случае, если прежний владелец, узнав об этом, не оспаривал захвата, или если и оспаривал, то без успеха» [4, С.85].

Считаем, что, юридически нейтральным понятием является «самовольное занятие земельного участка», и напрашивается необходимость определить основные его признаки:

- земельный участок использует лицо, которое не имеет прямого права осуществлять деятельность на данной территории; (попадает под действие п. 7.1 КоАП РФ за административное правонарушение);

- отсутствие у лица административно-правового и гражданско-правового основания возникновения права пользования земельным участком.

На наш взгляд, необходимо уточнить определение, сказав об обязанности использовать земельный участок по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории и его разрешенному использованию.

Вид разрешенного использования земельного участка указывается в сведениях Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН), соответственно, лицо, использующее земельный участок, обязано использовать земельный участок в соответствии с целевым назначением и видом разрешенного использования земельного участка, указанных в Приказе Росреестра от 10 ноября 2020 года №П/0412³. Например, лицо осуществило постройку многоквартирного дома на земельном участке с видом разрешенного использования «индивидуальное жилищное строительство», что дает основание считать за лицом самовольное занятие земельного участка.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, считаем необходимым закрепить в законодательстве дефиницию «самовольное занятие земельного участка». Предлагаем п.2 ст. 60 ЗК РФ перевести в п.3 данной статьи; п. 2 дополнить понятием «самовольное занятие земельного участка» в следующей редакции: «2. Под самовольным занятием земельного участка подразумевается противоправная деятельность лица на территории чужого земельного участка, не предназначенная в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием, осуществляемая при отсутствии административно-правового и гражданско-правового основания возникновения права пользования этим земельным участком».

Таким образом, приведенное нами дополнение может улучшить теоретическую часть земельного законодательства. Приведенное определение «самовольного занятия земельного участка» дает широкую характеристику данного явления и способствует в дальнейшем разграничению между иными правовыми деликтами.

Список литературы:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Санкт-Петербург. Москва: издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880-1882. - 4 т.
2. Ивлева А.Ф. Самовольный захват земли: историческая и современная уголовно-правовая оценка // Правовые вопросы недвижимости. 2007. №1. 18-21 с.
3. Летаева Е.А. Актуальные вопросы квалификации самовольного занятия земельного участка // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. №1(39). 45-51 с.
4. Перетерский И.С., Краснокутский В.А., Новицкий И.Б., Розенталь И.С., Флейшиц Е.А. 1999 – Римское частное право / под ред. Перетерского И.С., Краснокутского В.А., Новицкого И.Б., Розенталя И.С., Флейшица Е.А. Москва. Вологодская областная универсальная научная библиотека. Юриспруденция, 1999. 255 с.

References:

1. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language // 2nd edition, revised and significantly multiplied according to the author's manuscript. Saint-Petersburg. Moscow: publishing house of the bookseller-typographer M. O. Wolf, 1880-1882. - 4 vol
2. Ivleva A.F. Unauthorized seizure of land: historical and modern criminal legal assessment // Legal issues of real estate. 2007. No. 1. 18-21 p.
3. Letaeva E.A. Actual issues of qualification of unauthorized occupation of a land plot // Legal science and law enforcement practice. 2017. No. 1(39). 45-51 p.
4. Peretersky I.S., Krasnokutsky V.A., Novitsky I.B., Rosenthal I.S., Fleishits E.A. 1999 – Roman Private Law / ed. Peretersky I.S., Krasnokutsky V.A., Novitsky I.B., Rosenthal I.S., Fleishits E.A. Moscow. Vologda Regional Universal Scientific Library. Jurisprudence, 1999. 255 p.

¹ О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 № 11; ред. от 4 марта 2021 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 2011. № 5; 2013. № 3.

² Письмо Роскомзема от 29.03.1994 №3-14-1/404 «Определение основных понятий видов нарушений земельного законодательства» // Текст: электронный. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9006132> (дата обращения 15.03.2024 г.)

³ Приказ Росреестра от 10.11.2020 г. № П/0412 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» (в ред. от 23.06.2022 г. № П/0246. Текст: электронный. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=402779#h568>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН - ПОТРЕБИТЕЛЕЙ СТРАХОВЫХ УСЛУГ ACTIVITIES OF THE FINANCIAL COMMISSIONER FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CITIZENS OF CONSUMERS OF INSURANCE SERVICES

ШАСТИНА Анжелика Размиковна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности,
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: shastina.ar@gmail.com;

НИКИФОРОВА Екатерина Андреевна,

Магистрант Института юстиции ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: nik.eaa@mail.ru;

SHASTINA Angelika Razmikovna,

Associate Professor of National Security Law, Baikal State University, PhD.

11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003.

E-mail: shastinaar@bgu.ru;

NIKIFOROVA Ekaterina Andreevna,

Master's student, Institute of Justice, Baikal State University.

11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003.

E-mail: nik.eaa@mail.ru

Краткая аннотация: Рынок страховых услуг представляет собой сложную систему, в которой граждане не всегда осознают, как именно необходимо действовать для защиты своих прав. В связи с этим, в качестве посредника между ними и страховыми организациями зачастую выступает финансовый уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг, к числу которых относится страхование. В работе рассматриваются особенности правового статуса финансового уполномоченного, анализируются причины учреждения названного института. Авторами исследуется деятельность финансового уполномоченного по урегулированию страховых споров в досудебном порядке и отмечается положительное влияние ее результатов, которые позволили значительно снизить нагрузку на судебную систему.

Abstract: The insurance market is a complex system in which citizens are not always aware of exactly how to act to protect their rights. In this regard, the financial commissioner for the rights of consumers of financial services, including insurance, often acts as an intermediary between them and insurance organizations. The paper examines the specifics of the legal status of the financial commissioner, analyzes the reasons for the establishment of this institution. The authors examine the activities of the financial commissioner for the settlement of insurance disputes in a pre-trial manner and note the positive impact of its results, which have significantly reduced the burden on the judicial system.

Ключевые слова: финансовый уполномоченный, страхование, договор обязательного страхования автогражданской ответственности, страховые услуги.

Key words: financial ombudsman, insurance, compulsory motor liability insurance contract, consumer of financial services.

Для цитирования: Шастина А.Р., Никифорова Е.А. Деятельность финансового уполномоченного по защите прав граждан - потребителей страховых услуг // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 251-253. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_251.

For citation: Shastina A.R., Nikiforova E.A. Activities of the financial commissioner for the protection of the rights of citizens of consumers of insurance services // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 251-253. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_251.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

С развитием экономических отношений и финансовой грамотности, россияне все чаще прибегают к страховым услугам, которые стали важной частью российской финансовой системы [см.: 1, 2, С.10, 5, С. 408]. Под страховой услугой понимается «финансовая услуга, оказываемая страховой организацией или обществом взаимного страхования в целях защиты интересов страхователей при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий, а также за счет иных средств страховщиков»¹. Поскольку, указанные организации оказывают своим клиентам услуги, на них распространяется действие Закона РФ «О защите прав потребителей»², предусматривающего права потребителя на получение услуги надлежащего качества, отвечающей положениям заключенного договора, получение услуги, отвечающей требованиям безопасности; а также право на обращение в суд за судебной защитой и другие.

Услуги в сфере страхования обладают особой спецификой, так как договор страхования является одной из наиболее сложных договорных конструкций российского законодательства. Страховые отношения носят рискованный характер и вступая в них, никто из участников не может знать наверняка последствий заключенного договора [4, С. 20-22]. С учетом этого, страховые компании, являясь более «сильной» стороной, в споре с потребителем имеют возможность злоупотреблять своим положением, формально действуя в рамках законодательства, но при этом фактически нарушая права и законные интересы граждан. Например, нередкой бывает ситуация, когда выплата страхового возмещения не покрывает стоимость ущерба, а страховщик отказывается пересматривать свое решение, ссылаясь на правомерность своих действий.

Довольно длительный промежуток времени, граждане, для разрешения споров со страховой компанией, которые не удалось урегулировать в досудебном порядке, обращались в судебные органы, реализуя конституционное право на защиту своих прав и свобод. Стоит отметить, что значительная часть споров, вытекающих из сферы страхования, ставших предметом судебного разбирательства, связаны с договором обязательного страхования автогражданской ответственности (далее – договор ОСАГО), который является обязательным в силу зако-

¹ О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 // Российская газета. № 148. 09.07.2024.

² О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Российская газета. № 8. 16.01.1996.

на¹ для каждого водителя. С учетом того, что на территории России было зарегистрировано 54,5 млн автомобилей (по состоянию на 1 января 2024 года)², таким образом, объем предоставляемых страховых услуг только по договору ОСАГО трудно переоценить. Такая ситуация, в свое время, привела к появлению следующих проблем: во-первых, на суды была возложена значительная нагрузка по разрешению однотипных споров, вытекающих из страховых правоотношений по договору ОСАГО и не только. Только за 2017 год суды разных уровней рассмотрели 383 541 дело по исковым заявлениям от граждан, связанных с нарушением их прав, вытекающим из страховых отношений, а за 2018 год таких дел было рассмотрено 591 795. При этом в общем количестве доля удовлетворенных дел за 2017 год составляет 91%, а за 2018 год – больше 90%³. Соответственно, судам приходилось рассматривать и вести производства по однообразным делам, объем которых существенно нагружал судебную систему.

Вторая проблема заключалась в длительных сроках рассмотрения спора. Ожидание прохождения всех этапов рассмотрения дела в суде, а именно: принятие искового заявления судом, рассмотрение гражданского дела с участием заинтересованных лиц, вынесение решения по делу и вступление решения в законную силу, могло длиться от двух месяцев до нескольких лет. Это обусловлено необходимостью привлекать всех заинтересованных в рассмотрении дела лиц, в том числе, не заявляющих самостоятельных требований, уведомлять всех участников надлежащим образом. Также при рассмотрении подобных дел суд часто прибегал к назначению судебной экспертизы по делу. Для автовладельца, если страховое возмещение не было выплачено или было выплачено в недостаточном объеме это часто означало невозможность долгое время пользоваться автомобилем.

Оценивая сложившуюся ситуацию, законодатели пришли к выводу о необходимости формирования специализированного органа, деятельность которого будет направлена на решение конфликтных ситуаций с участием финансовых организаций. Анализируя положительный опыт зарубежных стран, таких как Германия, Великобритания, Франция, в 2018 году законодателем был принят Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ⁴ (далее – Федеральный закон № 123-ФЗ) и учреждена служба финансового уполномоченного. С 1 июня 2019 года указанный закон распространил свое действие на организации, которые заключают договоры ОСАГО⁵.

Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг в сферах страхования, микрофинансирования, кредитной кооперации, деятельности кредитных организаций (далее – финансовый уполномоченный) является «общественным посредником на финансовом рынке» [3, С. 78]. Финансовый уполномоченный взаимодействует не только с потребителем, но и со страховой компанией, к которой предъявлялось требование. При рассмотрении обращения финансовая организация представляет финансовому уполномоченному свою правовую позицию и предоставляет необходимые документы, обосновывающие законность принятого решения. Финансовый уполномоченный, обладающий специальными знаниями, дает правовую оценку всем поступившим материалам и выносит обоснованное решение. Таким образом, при рассмотрении обращения сохраняется некая состязательность между участниками, которая свойственна судопроизводству в судах, а также поддерживается баланс интересов всех участников.

Финансовый уполномоченный является именно «посредником», поскольку в его задачи входит не только защита прав и интересов граждан в финансовой сфере, но и взаимодействие со страховыми организациями, направленное на повышение их клиентоориентированности [7, С. 57]. В компетенцию финансового уполномоченного входит разрешение споров в досудебном порядке. В соответствии со ст. 16.1 Федерального закона «Об обязательном страховании ответственности владельцев транспортных средств» названный досудебный порядок является обязательным при обращении с исковыми требованиями к страховой организации в судебном порядке.

При обсуждении вопроса о введении института финансового уполномоченного в правовую систему России, лица, выступающие против инициативы, обосновывали свою позицию тем, что с введением института сроки разрешения конфликтной ситуации между потребителем и страховщиком будут затягиваться. Однако, практика работы службы финансового уполномоченного показывает, что с её появлением сроки рассмотрения страховых споров существенно сократились. В соответствии со ст. 20 Федерального закона № 123-ФЗ, финансовый уполномоченный рассматривает поступившее от потребителя финансовых услуг обращение в течение пятнадцати рабочих дней, следующих за днем всех необходимых материалов. Срок рассмотрения может быть приостановлен в связи с необходимостью проведения экспертизы, но не более, чем на десять календарных дней. Таким образом, обращение потребителя службой рассматривается в разумные сроки и упрощает процесс восстановления нарушенных прав граждан.

Одно из главных преимуществ службы финансового уполномоченного является её мобильность и доступность для обращения. С заявлением в службу можно обратиться несколькими способами: 1) через портал «Госуслуги»; 2) через официальный сайт службы и использованием личного кабинета потребителя; 3) письменно, посредством почтовой корреспонденции; 4) посредством обращения в МФЦ. После регистрации обращения в службе по всем возникающим вопросам потребитель может взаимодействовать с финансовым омбудсменом в электронной форме, что в значительной степени упрощает процесс рассмотрения.

Немаловажным является тот факт, что обращение для потребителя к финансовому уполномоченному является бесплатным. Финансирование деятельности службы осуществляется из фонда, формируемого посредством внесения взносов страховыми организациями.

Поскольку, обращение к финансовому уполномоченному носит обязательный досудебный порядок, возможности судебной защиты участники страховых правоотношений не лишаются. В суд с иском может обратиться потребитель в случае, если финансовый уполномоченный

¹ Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // СЗ РФ. 2002. № 18. ст. 1720.

² В России числится почти 55 млн автотранспортных средств –. URL: <https://www.autostat.ru/news/56920/> (дата обращения: 13.05.2025г.)

³ Судебная статистика РФ // stat.ani-пресс.пф. URL: <https://stat.ani-пресс.пф/stats/gr/t/21/s/0> (дата обращения: 13.05.2025г.)

⁴ Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 12.03.2024) // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

⁵ Разъяснения по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

вынес решение об отказе в удовлетворении требований или в случае, если в принятии заявления было отказано.

В практике достаточно примеров описанной ситуации, например, решением финансового уполномоченного № У-24-4692/5010-007 от 21.02.2024г. в удовлетворении требований потребителя было отказано, поскольку потерпевший в заявлении о наступлении страхового случая указал способ возмещения в виде проведения восстановительного ремонта на станции технического обслуживания. Поскольку у страховщика на момент подачи заявления на территории Иркутской области не было заключенных договоров с указанной станцией, в производстве ремонта было отказано, и, в соответствии с законом, страховое возмещение в денежной форме было выплачено с учетом износа. Не согласившись с решением финансового уполномоченного, гражданин обратился в Кировский суд г. Иркутска, который удовлетворил его требования.¹

При несогласии с решением финансового уполномоченного в суд может обратиться и страховая компания с требованием об отмене решения. Однако, суд будет разрешать вопрос лишь о законности и обоснованности принятого решения.

С началом работы службы финансового уполномоченного количество обращений от потребителей страховых услуг планомерно растет. Так, в 2019 году в службе было рассмотрено 1 106 обращений от граждан, проживающих на территории Иркутской области, а в 2023 году количество рассмотренных обращений возросло до 1 878². Такая статистика свидетельствует о повышении уровня доверия к службе финансового уполномоченного в глазах граждан. Если говорить о влиянии на судебную систему, то в 2023 года судами было рассмотрено 164 053 дел³ о взыскании страхового возмещения, то есть количество судебных дел по страховым спорам уменьшилось с момента вступления в силу Федерального закона № 123-ФЗ практически на 28%, что является значительным результатом.

Главная цель существования службы финансового уполномоченного – соблюдение прав и законных интересов граждан. Проанализировав деятельность службы, а также статистические данные, можно утверждать, что квалифицированная защита прав граждан в сфере страхования стала более доступной. Финансовый уполномоченный обладает высокой квалификацией в сфере разрешения споров, связанных с экономической деятельностью, поскольку законодателем предусмотрены определенные требования, которым гражданин, претендующий на право занять должность финансового уполномоченного, должен соответствовать. Поэтому по обращениям граждан, поступающим в службу, выносятся мотивированные и обоснованные решения. Кроме того, нельзя не отметить, что благодаря деятельности службы граждане имеют возможность осуществить защиту своих прав в короткий срок с участием независимых экспертов, при этом не неся каких-либо финансовых издержек.

Отметим, что при проведении независимой экспертизы в рамках рассмотрения обращения потребителя финансовый уполномоченный не ограничен в выборе экспертных учреждений, который не зависит от региона проживания заявителя или от региона нахождения филиала страховой компании. Данный факт, выступая гарантией отсутствия какого-либо влияния со стороны участников на процесс проведения экспертизы, и соответственно, на выводы, к которым пришел эксперт, подтверждает объективность рассмотрения обращения и соблюдение финансовых интересов не только потребителя, но и страховой компании. В настоящее время служба финансового уполномоченного, созданная в Российской Федерации, является одной из самых передовых по всему миру, относится к крупнейшим по количеству рассматриваемых дел в Европе [6, С. 76].

Таким образом, введение института финансового уполномоченного, которое поспособствовало модернизации процесса соблюдения прав и законных интересов граждан, потребителей финансовых услуг, следует признать верным и своевременным. Финансовый уполномоченный на сегодняшний день является полноправным и необходимым участником процесса урегулирования спора между финансовой организацией и потребителем, в том числе, по договорам страхования, в частности, ОСАГО. Фактически, работа службы позволяет не только амортизировать материальные убытки, являющиеся одним из последствий дорожно-транспортного происшествия, но и способствует соблюдению баланса интересов всех участников процесса, справедливому и объективному рассмотрению спора, а также модернизации законодательства.

Список литературы:

1. Агеева, Е. В. Реализация идеи социального государства во взаимном страховании / Е. В. Агеева // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 2.
2. Андреева Е. В. Проблема определения страхования предпринимательских и финансовых рисков в российском законодательстве / Е. В. Андреева, Л. Р. Ковтун // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 1.
3. Гринева К. Н., Мухлынина М. М. Финансовый омбудсмен как гарант конституционных прав граждан в сфере финансов / К. Н. Гринева, М. М. Мухлынина // Аналитика в органах государственной власти и местного самоуправления (по тематике гражданской обороны, профилактики ЧС и ликвидации их последствий): сборник трудов секции № 18 XXIX Международной научно-практической конференции «Предотвращение. Спасение. Помощь», 21 марта 2019 года. – ФГБВОУ ВО АГЗ МЧС России, 2019. – С. 78-83.
4. Кириллова Е.А. Правовой статус финансового уполномоченного в страховых правоотношениях / Е.А. Кириллова // Гражданское право. – 2021. – № 3. – С. 20-22.
5. Надеждина, С. Д. Финансовая грамотность населения России: проблемы и направления развития / С. Д. Надеждина, О. А. Чистякова // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 407-416.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (постатейный) / под общ. ред. Ю. В. Воронина; отв. ред. Н. А. Поветкина. – Москва : Проспект, 2022. – 256 с.
7. Первый приоритет - права потребителей [Интервью с О. Крайновой] / О. Крайнова // Современные страховые технологии. – 2022. – № 2. – С. 57-59.

References:

1. Ageeva, E. V. Realizatsiya idei sotsial'nogo gosudarstva vo vzaimnom strakhovanii / E. V. Ageeva // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 2.
2. Andreeva E. V. Problema opredeleniya strakhovaniya predprinimatel'skikh i finansovykh riskov v rossiiskom zakonodatel'stve / E. V. Andreeva, L. R. Kovtun // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 1.
3. Grineva K. N., Mukhlynina M. M. Finansovyy ombudsman kak garant konstitutsionnykh prav grazhdan v sfere finansov / K. N. Grineva, M. M. Mukhlynina // Analitika v organakh gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya (po tematike grazhdanskoi oborony, profilaktiki CHS i likvidatsii ikh posledstviy): sbornik trudov sektsii № 18 KHKHIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Predotvrashchenie. Spasenie. Pomoshch'», 21 marta 2019 goda. – FGBVOU VO AGZ MCHS Rossii, 2019. – S. 78-83.
4. Kirillova E. A. Pravovoi status finansovogo upolnomochennogo v strakhovykh pravootnosheniakh / E. A. Kirillova // Grazhdanskoe pravo. – 2021. – № 3. – S. 20-22.
5. Nadezhkina, S. D. Finansovaya gramotnost' naseleniya Rossii: problemy i napravleniya razvitiya / S. D. Nadezhkina, O. A. Chistyakova // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 407-416.
6. Nauchno-prakticheskii kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 4 iyunya 2018 g. № 123-FZ «Ob upolnomochennom po pravam potrebitelei finansovykh usluG» (postateinyi) / pod obshch. red. YU. V. Voronina; otv. red. N. A. Povetkina. – Moskva : Prospekt, 2022. – 256 s.
7. Pervyy prioritet - prava potrebitelei [Interv'yu s O. Krainovoi] / O. Krainova // Sovremennyye strakhovyye tekhnologii. – 2022. – № 2. – S. 57-59.

¹ Решение по делу № 2-351/2025 от 27.03.2025г. Кировский районный суд г. Иркутска

² См.: Отчет за 2019 год – URL: <https://finombudsman.ru/assets/files/341/Otchet-o-deyatelnosti-v-2019-godu.pdf> (дата обращения: 13.05.2025г.); Отчет за 2023 год – URL: <https://finombudsman.ru/about/otchet-yi-o-deyatelnosti/otchet-za-2023-god.html> (дата обращения: 13.05.2025г.)

³ Судебная статистика РФ // stat.ani-npesc.ppf. URL: <https://stat.ani-npesc.ppf/stats/gr/t/21/s/o> (дата обращения: 13.05.2025г.)

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_254

ДОСТИЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА ПО ДОГОВОРУ ПОДРЯДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ ACHIEVING A RESULT UNDER A WORK CONTRACT TO CARRY OUT DESIGN AND SURVEY WORK

ИГНАТЬЕВ Глеб Дмитриевич,

аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

E-mail: lewuskin@mail.ru;

Научный руководитель:

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич,

доктор юридических наук, профессор,

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

E-mail: lewuskin@mail.ru;

IGNATIEV Gleb Dmitrievich,

PhD student at the Russian State University for the Humanities.

6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russia.

E-mail: lewuskin@mail.ru;

Scientific supervisor:

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin.

9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russia.

E-mail: lewuskin@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье анализируется юридическая квалификация результата проектных и изыскательских работ как основополагающего признака оценки надлежащего исполнения обязательств подрядчика по договору на выполнение проектных и изыскательских работ и признания за ним права на получение оплаты от заказчика за результат выполненных работ.

Abstract: This article analyzes the legal qualification of the result of design and survey work as a fundamental feature of assessing the proper fulfillment of the contractor's obligations under the contract for the performance of design and survey work and recognition of his right to receive payment from the customer for the result of the work performed.

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование проектных работ в строительстве, проектные работы, изыскательские работы, договор подряда, качество результата работ, недостаток выполненных работ.

Keywords: civil law regulation of design work in construction, design work, research work, contract, quality of the result of work, lack of work performed.

Для цитирования: Игнатьев Г.Д. Достижение результата по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 254-260. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_254.

For citation: Ignatiev G.D. Achieving a result under a work contract to carry out design and survey work // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 254-260. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_254.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Договор подряда имеет длительную историю развития, истоки которой можно проследить в римском частном праве. С появлением такого акта как Дигесты Юстиниана появилась концепция договора найма – «location conduction», выражавшая в себе как подряд, так и некую форму оказания услуг [9]. Такие подвиды соглашений именовались «locatio conduction operis (подряд) и locatio conduction operarum» (наем услуг). Различие данных соглашений между собой проявлялось в цели такого договора, а также в наличии результата. Результат договора подряда именовался «opus» [15]. Данный термин означал не овеществленный, а экономический результат совершенной сделки.

Пройдя свой исторический путь становления и развития в России, институт подрядных обязательств занял свое основополагающее место при регулировании частных отношений при выполнении различных видов работ в обычном гражданском обороте, так и в отношениях между организациями.

Следуя римской догме, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) устанавливает в общих положениях главы 37 принцип, согласно которому важнейшим элементом в отношениях, вытекающих из договора подряда, является результат выполненных работ, подлежащий оплате заказчиком [1].

Важность качества результата выполненных работ при заключении договоров подчеркивается тем, что оно влияет на соблюдение общепринятых и обязательных требований, ответственность и общую добросовестность деловой практики на российском рынке. Споры о качестве результатов работ в подрядных правоотношениях являются одной из самых востребованных и сложных категорий судебных дел.

В доктрине профессор А.Н. Левушкин обоснованно отмечает, что «в современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основано на договорных отношениях, в том числе имеющих предпринимательский и корпоративный характер» [17, с. 170].

Рассматриваемая категория споров часто связана с проблемой соблюдения меняющейся нормативно-правовой базы и несоответствий в соблюдении государственных стандартов (ГОСТ), которые с 1992 года превратились из обязательных в добровольные руководящие

принципы [5]. Кроме того, недавние глобальные события, такие как пандемия COVID-19, усугубили существующие сложности в процессе закупок, что привело к росту числа споров и необходимости в эффективных стратегиях разрешения конфликтов. Эти факторы способствуют продолжающейся дискуссии о надежности правовых механизмов обеспечения качества и эффективности правовой инфраструктуры, поддерживающей договорное право в России. Нередко такие споры требуют участия в процессе рассмотрения не только юристов, но и технических специалистов, способных произвести надлежащую оценку не только правовых позиций и фактов, но и технических характеристик результата работ по договору подряда, с целью ответа на вопрос «Был ли он достигнут в результате исполнения договора?».

Качество результатов работ затрагивается даже при рассмотрении обычных споров о взыскании задолженности по договору. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 N 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» в пунктах 12 и 13 устанавливает возможность заказчика представлять суду возражения по качеству, объему и стоимости работ, принятых им по двустороннему акту [3]. Также в правоприменительной практике различным образом разрешается вопрос об отнесении вины за недостижение требований о качестве работ на подрядчика или заказчика. Осложнения в правоприменении возникают и при рассмотрении споров о взыскании задолженности за результат незавершенных работ, в случае если произошло досрочное прекращение договора.

Согласно действующему законодательству договор подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (далее – договор ПИР) относится к категории подрядных договоров, требующих достижения результата работ и его передачи для возникновения обязательства по оплате на стороне заказчика. При этом, договоры ПИР являются неотъемлемой частью любого строительного процесса в России, что акцентирует внимание на необходимости создания гибкой системы правового регулирования для правильного разрешения споров, ввиду не только экономической, но и социальной значимости реализации объектов строительства.

Несмотря на сложившуюся парадигму доктрины, правовая природа договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ неоднозначна. Отграничение от обычной конструкции договора подряда происходит формально по признакам достигаемого в ходе исполнения результата работ и специфики самой деятельности подрядчика при достижении такого результата. При этом, важнейшим критерием результата работ по договору ПИР является его определимость в ходе исполнения договора, а не в момент его заключения [14]. Этот критерий обусловлен получением информации об технических характеристиках местности, предполагаемого объекта в процессе разработки документации или получения результатов инженерных изысканий. При этом, получение данной информации во многом зависит от исполнения другой стороной соответствующих обязанностей, что влияет не только на срок выполнения работ, но и на его качество.

Вместе с изложенным, данный тип договора находится на стыке частноправового и публично-правового регулирования в части требований к результату работ. Особенности изыскательских и проектных работ в строительной сфере требуют применения к данным подрядным отношениям не только норм ГК РФ, но и положений ГрК РФ [12].

Градостроительное законодательство также устанавливает императивные требования к содержанию соответствующих обязательственных отношений [6]. В соответствии с договором подряда на разработку проектной документации, заключаемым с застройщиком, техническим заказчиком, лицом, ответственным за эксплуатацию здания или сооружения, или региональным оператором, они, как заказчик работ, обязаны предоставить подрядчику градостроительный план земельного участка, проект планировки территории, проект межевания территории, а также результаты инженерных изысканий и технические условия в соответствии со статьей 48 ГрК РФ [2].

Общее понятие «качества» результата выполненной работы по смыслу положений ГК РФ можно определить как соответствие достигнутого результата согласованным и обязательным требованиям и характеристикам. При этом легального определения данного понятия нет как в ГК РФ, так и в других нормативных правовых актах. Статья 721 ГК РФ общее правило о соответствии качества условиям договора подряда, а при их отсутствии – требованиям, обычно предъявляемым к работам соответствующего рода [1].

Исходя из изложенного правила следует вывод о том, что качество результата работ к существенным условиям договора подряда не относится [8].

Когда подрядчики обращаются с требованием оплатить выполненные работы, возникает вопрос о том, как недостатки в работе влияют на оплату. Следует подчеркнуть, что претензии по качеству не всегда коррелируются с объемом выполненных работ. Например, если заказчик выражает недовольство только частью работ, суд может принять во внимание стоимость некачественно выполненных работ и уменьшить общую сумму договора без дополнительных требований со стороны заказчика.

В своей работе Мочалова В.А. выделяет критерии, позволяющие квалифицировать выполненные работы как некачественные, что влечет за собой ответственность исполнителя. Согласно ее подходу, работа может считаться выполненной ненадлежащим образом при наличии хотя бы одного из нижеперечисленных факторов:

- выявление отклонений от условий договора, приведших к ухудшению конечного результата;
- наличие других недостатков, вследствие которых итоговый результат становится непригодным для целей, предусмотренных договором;
- обнаружение недостатков, не оговоренных условиями договора, однако делающих результат непригодным для стандартного применения.

Таким образом, акцент делается на том, что даже незначительные нарушения договорных обязательств могут привести к признанию выполненных работ неудовлетворительными, особенно если они влияют на их функциональность или возможность дальнейшего использования [11]. Иными словами, качество работы в первую очередь определяется условиями договора подряда. Качество — это те характеристики резуль-

тата работы, которые стороны согласовали в договоре. Поэтому любые отклонения результата работы от условий договора должны расцениваться как недостатки.

А.В. Егоров высказывает мнение, согласно которому термин «качество» является достаточно абстрактным понятием. Он отмечает, что качество может варьироваться от высокого до низкого уровня, но в контексте правовых норм оно чаще всего воспринимается как эквивалент термина «свойства». Таким образом, качество вещи определяется совокупностью её характеристик, согласованных сторонами сделки. Более того, договоренность относительно качества может носить и отрицательный характер – например, когда товар специально продается без определенного свойства, как в примере с автомобилем, предназначенным не для эксплуатации, а для специальных нужд, таких как использование в киносъемках. Он также подчеркивает, что немецкое законодательство в этой области отличается большей точностью формулировок, поскольку под качеством в данном случае подразумеваются конкретные характеристики товара, а не соответствие каким-либо стандартам или требованиям к обычному использованию [13].

С.П. Юшкевич предлагал разделять требования по качеству результата работ на три группы:

- предусмотренные условиями договора;
- установленные в соответствии с ГОСТ и иными обязательными стандартами;
- установленные законом и иными нормативными правовыми актами [16].

Суды, рассматривающие дела о критериях качественных или некачественных работ, приходят к единому мнению, что критерием некачественного выполнения работ служит документация, содержащая нарушения требований СНиП, ГОСТ и СП, то есть имеются нарушения нормативных актов.

Соответственно, если результат работ не соответствует условиям использования, указанным в договоре, или обычным ожиданиям, такой результат следует считать дефектным. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016, содержится правовая позиция, согласно которой качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать условиям договора подряда. Результат выполненной работы должен в момент передачи заказчику обладать свойствами, указанными в договоре или определенными обычно предъявляемыми требованиями, и в пределах разумного срока быть пригодным для установленного договором использования [3]. Последнее можно обозначить термином «потребительская ценность».

Хотя понятия «потребительская ценность» и «качество» не совпадают по смыслу, они взаимосвязаны в контексте статьи 721 ГК РФ. Согласно этому положению, качество работ включает в себя два аспекта: соответствие результата работ условиям договора или общепринятым требованиям, а также пригодность результата для использования.

В большинстве случаев условиями договоров предусматривается, что результатом работ считается документация или инженерные изыскания только при наличии положительного заключения государственной экспертизы, причем действия по получению такого заключения входят в предмет договора. При подобной формулировке цель соглашения сторон заключается не просто в выполнении проектных и изыскательских работ, а в достижении результата, пригодного для использования по назначению, который включает не только саму документацию (проектную, сметную, инженерные изыскания), но и положительное заключение государственной экспертизы. Формально, правила ст. 421 ГК РФ не ограничивают возможности сторон при согласовании условий договора изменить порядок, установленный в некоторых нормах ГК РФ, который регулирует обязанности и права субъектов строительного процесса в рамках публичных правоотношений. Проектировщик и заказчик могут договориться о том, что проектировщик самостоятельно проходит экспертизу проектной документации, и предоставляет заказчику проектную документацию с положительным заключением экспертизы, хотя ГК РФ относит данный функционал к обязанностям застройщика или технического заказчика.

Так например Верховный Суд Российской Федерации в Определении № 309-ЭС21-23120 по делу А50-18974/2019 указал, что обществом не выполнены работы и не разработана необходимая документация, предусмотренная контрактом, результат которых имел бы для заказчика потребительскую ценность; исполнение контракта не прошло этап получения положительного заключения определения достоверности сметной стоимости; к моменту истечения дополнительного срока выполнения работ и срока устранения недостатков исполнитель не передал заказчику соответствующую условиям контракта проектно-сметную документацию, а установленные недостатки являются существенными и не устранены, следовательно, у инспекции не возникла обязанность оплаты не сданных в полном объеме работ, не имеющих для заказчика потребительской ценности.

Вместе с тем, в указанном определении значение имел не столько тот факт, что положительное заключение на документацию получено не было, столько то, что из изложенных фактических обстоятельств именно результат работ должен обладать таким свойством как полученное положительное заключение экспертизы, получение заключения экспертизы отнесено к компетенции подрядчика, что обуславливает его прямую ответственность за просрочку сдачи результата работ, обусловленного таким свойством, что привело к отказу от исполнения договора со стороны заказчика, утрате интереса к исполнению в связи с просрочкой. Кроме того, некачественность работ в указанном деле была подтверждена и судебной экспертизой.

По словам Обуховой И.А. «Положительное заключение экспертизы является обязательным условием для разработки рабочей и проектной документации, поскольку строительство представляет собой многосложный процесс, успех которого во многом зависит от качественного изготовления соответствующей документации. Строительство контролируется государством, так как несоблюдение установленных требований может привести к серьезным последствиям, представляющим угрозу для жизни и здоровья большого числа людей. Отсутствие положительного

заключения делает документацию бесполезной, так как без него она не может быть использована в практических целях, соответственно, теряется её потребительская ценность» [12].

В рамках дальнейшего анализа представляет интерес определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2022 N 307-ЭС21-16647(2) по делу N A56-48029/2020. Оно устанавливает следующие принципиальные для применения правила:

1. Если в рамках договора подряда на выполнение проектно-изыскательских работ стороны отнесли к числу обязательств подрядчика техническое сопровождение документации в экспертизе, устранение замечаний, высказанных упомянутой организацией, получение положительных заключений экспертизы по документации, то следует исходить из того, что сделка не заключена сторонами в целях выполнения обществом проектных и изыскательских работ как таковых, а направлена на достижение результата этих работ, пригодного для использования компанией по назначению и включающего, наряду с собственно проектной и сметной документацией, положительные заключения государственной экспертизы. Проекты и сметы, не имеющие положительных заключений экспертизы, не могли быть использованы заказчиком и не представляли для него потребительской ценности.

2. Сам факт подписания заказчиком актов о приемке проектной и сметной документации без замечаний не свидетельствует о возникновении на его стороне обязательства по оплате, поскольку согласно условиям договора результат считается достигнутым лишь при наличии положительного заключения государственной экспертизы. При этом недостатки специфической строительной документации не относятся к числу явных (ст. 720, 721, 758 ГК РФ).

3. В рамках дел данной категории споров бремя доказывания подлежит распределению следующим образом: на подрядчике лежит бремя подтверждения того, что отрицательные заключения были выданы по обстоятельствам, за которые отвечает заказчик. На подрядчике, претендующем на оставление части предварительной оплаты за собой, также лежит бремя доказывания того, что подготовленная им документация имеет какую-то ценность для заказчика (например, доказывания того, что заказчик не утратил интерес в получении документации, а дальнейшая доработка изготовленных подрядчиком документов не требует серьезных затрат и экономически явно более выгодна, чем подготовка новых документов). Незаявление заказчиком ходатайства о проведении судебной экспертизы документации, составленной подрядчиком, ссылки заказчика в ходе рассмотрения спора на достаточность доказательственной базы не дают оснований для упрека кредитора в непринятии им необходимых процессуальных мер для подтверждения своих требований.

Но можно ли говорить о том, что отсутствие положительного заключения экспертизы является неустранимым недостатком? В ряде случаев, замечания экспертизы могут быть устранимы, однако результат с таким свойством действительно заказчик не получает. Однако, последующая корректировка результата работ, если он остается в распоряжении заказчика, может позволить устранить замечания и получить положительное заключение экспертизы, что создает потребительскую ценность такого результата, хоть и с определенными расходами для заказчика.

При анализе статьи 723 ГК РФ, можно установить, что она выделяет два типа недостатков результата работ: 1) отклонения от условий договора, ухудшающие результат работы; 2) прочие недостатки, приводящие к невозможности использования результата работ по назначению.

Но что, если рассмотреть проблему достижения результата работ не после выполнения работ, а в процессе их выполнения? Например, в ходе выполнения договора на изыскательские работы подрядчик может обнаружить данные, свидетельствующие о том, что строительство на исследуемой территории невозможно. Если договор предполагает достижение результата, который способен пройти государственную экспертизу, то в такой ситуации на стороне подрядчика возникает невозможность исполнения договора, и он не несет за это ответственности [10].

Такая ситуация может возникнуть и при проектировании, и при проведении изыскательских работ. Невозможность исполнения возникает потому, что проектирование по заданию заказчика становится невозможным из-за несоответствия исходным данным или результатам расчетов, полученных в процессе выполнения работ, что также может привести к негативным последствиям для самого заказчика.

Дефектность задания, или исходных данных заказчика подразумевает наличие в нём таких недостатков, которые при их устранении исключают достижение желаемого результата, предусмотренного договором подряда.

Следует ли возложить на подрядчика ответственность за непригодность результата работ к использованию, предусмотренному договором или обычным условиям, если эта непригодность обусловлена дефектностью задания или материала, полученного от заказчика, несовершенством им определенных действий - т.е. ненадлежащим исполнением заказчиком его кредиторских обязанностей? Для ответа на данный вопрос нужно рассмотреть три различные ситуации:

1. **Полная осведомленность подрядчика** - если подрядчик был полностью информирован о дефектах задания или материалах и согласился приступить к работам, зная о потенциальных рисках, то ответственность за негативные последствия ложится на него. Подрядчик должен был предупредить заказчика о возможных проблемах и предложить альтернативные варианты решения.

2. **Частичная осведомленность** - когда подрядчик имел частичное представление о дефекте, но полагался на дополнительные указания или разъяснения заказчика, ответственность распределяется пропорционально вине каждого участника. Здесь важно проанализировать, насколько полно подрядчик оценил ситуацию и предпринял ли необходимые меры для предотвращения негативных последствий.

3. **Незнание о дефекте** - если подрядчик не знал и не мог знать о дефективности задания или материала на момент начала работ, то вся ответственность за последствия должна лежать на заказчике. В таком случае подрядчик вправе требовать возмещения ущерба, так как результат работ оказался непригодным по причинам, независящим от него.

Каждая ситуация требует индивидуального рассмотрения и тщательного анализа действий обеих сторон, чтобы справедливо распре-

делить ответственность и предотвратить возможные юридические споры. Рассмотрим каждую из предложенных ситуаций подробнее:

В первом случае, подрядчик замечает дефектность задания или материала, предоставленного заказчиком, но, несмотря на это, продолжает выполнение работ, не уведомляя заказчика о возможных последствиях. В итоге результат работы оказывается непригодным для использования из-за изначально дефектного задания или материалов. В таком случае подрядчик принимает на себя ответственность за последствия, так как он осознанно продолжил работу, зная о потенциальной проблеме.

Во втором случае, подрядчик обнаруживает дефектность выданного задания или используемого материала и информирует об этом заказчика. Однако заказчик либо игнорирует предупреждения, либо настаивает на продолжении работ в соответствии с имеющимся заданием или материалом. В конечном счете результат работы снова оказывается непригодным. В этом случае ответственность лежит на заказчике, так как подрядчик выполнил свою

Третий случай иллюстрирует ситуацию, когда подрядчик не замечал и не мог заметить дефектность полученного задания или использованного материала. Из-за этого результат работы оказался непригоден для использования, соответствующего условиям договора или обычных ожиданий. Поскольку подрядчик действовал добросовестно и не имел возможности выявить проблему, ответственность за дефектность результата ложится на заказчика, который предоставил ненадлежащие материалы или задание.

Каждое из этих сценариев демонстрирует различное распределение ответственности между подрядчиком и заказчиком в зависимости от осведомленности и действий сторон.

Первый сценарий, связанный с ситуацией, когда подрядчик обнаруживает дефектность задания или материала, но продолжает работать без уведомления заказчика, решается в соответствии со статьей 716 ГК РФ. Согласно пункту 1 указанной статьи, подрядчик обязан незамедлительно известить заказчика и приостановить работу, если выявлены, среди прочего, непригодность или низкое качество материала, а также возможные неблагоприятные последствия выполнения указаний заказчика о способе выполнения работы. Пункт 2 той же статьи устанавливает, что подрядчик, не выполнивший эту обязанность, теряет право ссылаться на вышеуказанные обстоятельства при возникновении претензий со стороны заказчика.

Следовательно, если результат работы окажется непригодным для использования по причине дефектности задания или материалов, предоставленных заказчиком, и подрядчик не предупредит об этом заказчика, он не сможет использовать данное обстоятельство в качестве аргумента для защиты от ответственности за дефектность результата работы.

Что касается второго случая, то здесь прямой ответ в ГК РФ отсутствует. Согласно пункту 3 статьи 716, если заказчик, получив предупреждение от подрядчика о том, что выполнение задания определенным способом или использование предоставленного материала может привести к непригодности результата, не внесет соответствующие изменения, подрядчик вправе отказаться от договора и потребовать возмещения убытков. Есть два возможных подхода к интерпретации этой нормы.

Согласно первому варианту, если заказчик не меняет материал или способ выполнения работы после получения предупреждения, он берет на себя риск непригодности результата работы, связанной с этими обстоятельствами. Следовательно, в таком случае заказчик утрачивает право на защиту, которое предоставляется ему в случае обнаружения недостатков в выполненных работах.

Согласно второму варианту, если подрядчик не воспользуется своим правом на расторжение договора в тех случаях, когда заказчик, несмотря на полученное предупреждение, не изменяет способ выполнения работ, подрядчик принимает на себя риск непригодности результата работ, вызванной выбранным заказчиком методом исполнения задания или предоставленными материалами. Этот второй вариант нашел отражение в позиции М.И. Брагинского, который считал, что в случае отказа заказчика заменить некачественный материал подрядчик обязан отказаться от продолжения работ по договору. Если подрядчик пренебрегает этой обязанностью, он впоследствии не сможет ссылаться на низкое качество материала при обнаружении недостатков в выполненной работе^[7].

Первый вариант выглядит более сбалансированным и справедливым. Подрядчик не должен отвечать за нежелание заказчика внести коррективы в своё задание или заменить материалы. Если результат работ оказывается непригодным для использования по назначению, указанному в договоре, или для обычного использования из-за дефектности материалов или задания, предоставленных заказчиком, и подрядчик заблаговременно предупредил об этом, то подрядчик не несет ответственности за такую непригодность. Данный подход подтверждается современной российской судебной практикой. Например, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 июля 2020 года по делу № А67-7697/2019 отмечено: «... подрядчик в соответствии с требованиями статьи 716 ГК РФ и пункта 5.2.10 контракта своевременно и обоснованно предупреждал заказчика о возможных негативных последствиях продолжения работ в соответствии с условиями контракта, после чего работы продолжали выполняться на основании указаний заказчика. В связи с этим риск наступления возможных неблагоприятных последствий в случае продолжения работы при наличии обстоятельств, о которых подрядчик должным образом предупредил заказчика, полностью возлагается на последнего (пункт 3 статьи 716 ГК РФ)».

Что касается третьего сценария, то представляется, что подрядчик также не должен нести ответственность за непригодность результата работ, вызванную дефектностью задания или материала заказчика, если подрядчик не знал и не мог знать о дефектности соответствующих материалов или задания, способных привести к непригодности результата.

«Законодатель не может оперативно менять нормы закона в связи с постоянным появлением новых и изменением имеющихся трендов»¹. В этой связи принципиально важно даже при отсутствии положительного заключения экспертизы проводить экспертизу качества выполненных работ в судебном разбирательстве. При этом в рассмотрении споров, касающихся оснований для оплаты проектных и изыскательских работ, первоочеред-

¹ Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Цифровой торговый оборот и дистанционный способ продажи товаров в парадигме теории и правоприменительной практике // Вестник арбитражной практики. 2024. N 5. С. 3 - 10.

ное внимание следует уделять изучению и толкованию условий договора в соответствии с положениями статьи 431 ГК РФ, поскольку данные виды взаимоотношений строятся на основе договорных обязательств. Отсутствие положительного заключения государственной экспертизы или других необходимых согласований на изыскания или проектную, сметную и рабочую документацию не является абсолютным основанием для лишения подрядчика права на получение вознаграждения за выполненную работу. Согласно пункту 1 статьи 760 и статье 762 ГК РФ, подрядчик обязан при необходимости согласовать готовую техническую документацию с заказчиком и компетентными государственными органами, а заказчик, в свою очередь, обязан принимать участие в таком согласовании совместно с подрядчиком, если иное не предусмотрено договором. Поэтому при рассмотрении различных споров, таких как взыскание стоимости выполненных работ, возврат авансового платежа, признание недействительным одностороннего отказа от исполнения договора или возмещение убытков, связанных с проведением экспертизы, необходимо учитывать обстоятельства, препятствующие получению положительного заключения экспертизы, применяя одновременно положения о просрочке кредитора, взаимности подрядного обязательства и встречном исполнении обязательств (статьи 328, 404, 405, 406, 716, 718 ГК РФ). В частности, если суды устанавливают факты ненадлежащего исполнения обязательств заказчиком, что непосредственно повлияло на невозможность получения необходимого заключения экспертизы, подрядчик сохраняет право на оплату проектных и изыскательских работ, даже если такое заключение отсутствует.

Подводя итог вышесказанному, если предусмотренный договором результат работ не был достигнут, то на подрядчике, стремящемся оставить часть предоплаты себе, лежит обязанность доказать, что подготовленная им документация обладает какой-то ценностью для заказчика (например, доказательством того, что заказчик не потерял интерес в получении документации, а дальнейшая доработка представленных подрядчиком документов потребует меньших затрат и будет экономически выгоднее, чем создание новой документации). Также на подрядчика возлагается обязанность подтвердить, что отрицательное заключение получено по причинам, не зависящим от него, включая случаи, когда заказчик не оказывал необходимое содействие.

В настоящий момент основополагающим признаком надлежащего исполнения обязательств подрядчика по договору ПИР является достижение и передача заказчику о вещественного результата работ (проектная, сметная документация, результаты инженерных изысканий). Именно этот результат, обладающий согласованными свойствами и потребительской ценностью, порождает у заказчика обязательство по оплате. Формальная передача документации без достижения требуемого качественного результата не влечет обязанности оплаты.

Качество результата работ по договору ПИР определяется, в первую очередь, его соответствием условиям договора (ст. 721 ГК РФ). Однако специфика данных работ требует дополнительного акцента на потребительской ценности результата – его пригодности для использования по назначению в рамках строительного процесса. Ключевым критерием такой пригодности в большинстве случаев является получение положительного заключения государственной экспертизы, без которого документация не может быть использована по прямому назначению и лишается потребительской ценности.

Природа недействительных сделок связана с правовыми пороками, разделяющими их на ничтожные и оспоримые. Ничтожные гражданско-правовые соглашения нарушают императивные нормы законодательства, имеют фундаментальные пороки формы, содержания или воли сторон [18, с. 4].

Судебная практика последовательно признает, что если договором ПИР прямо возлагается на подрядчика обязанность по получению положительного экспертного заключения (включая сопровождение в экспертизе и устранение замечаний), то такое заключение становится неотъемлемой частью или неотъемлемым свойством достигнутого результата. Его отсутствие означает, что результат не обладает необходимой потребительской ценностью и работа не может считаться надлежаще выполненной для целей оплаты, даже при формальном подписании актов приемки заказчиком без замечаний.

В случае спора о взыскании стоимости работ при отсутствии положительного экспертного заключения на подрядчике лежит бремя доказывания того, что подготовленная документация имеет ценность для заказчика (например, заказчик сохранил интерес к ней, доработка экономически целесообразнее создания новой документации). На подрядчике также лежит бремя доказывания, что отрицательное заключение экспертизы вызвано обстоятельствами, за которые отвечает заказчик (например, предоставление некачественных исходных данных, ненадлежащее содействие в согласовании).

Подрядчик несет ответственность, если, зная о дефектах задания/материалов, он продолжил работу без предупреждения заказчика или без использования права на отказ от договора.

Однако, подрядчик освобождается от ответственности за непригодность результата, вызванную дефектами задания или материалов заказчика, если он не знал и не должен был знать об этих дефектах или если он своевременно предупредил заказчика о возможных негативных последствиях, а заказчик не внес необходимые изменения.

Таким образом, достижение результата по договору ПИР, обладающего не только формальными признаками завершенности, но и согласованным качеством и ключевым свойством потребительской ценности (чаще всего – подтвержденной положительным экспертным заключением), является необходимым условием для возникновения у заказчика обязанности по его оплате. Распределение ответственности за недостижение такого результата требует комплексного анализа договорных условий, норм гражданского и градостроительного права, фактических обстоятельств исполнения сторонами своих обязательств и взаимных действий (или бездействия), приведших к негативным последствиям.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации Часть 2 от 26 января 1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ 1996. № 5 Ст. 410.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. №1 (часть 1). Ст. 16.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, декабрь, 2016
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 N 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда», «Вестник ВАС РФ», N 3, 2000.
5. O.G. Timchuk, L. Ye. Grigороva, M. V. Vihoreva Topical Usage Of Contract Lifecycle Management In Housing And Russian Utility Sector (интернет ресурс: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2018.12.143>).
6. Болтанова Е.С. Развитие градостроительного законодательства России в части регулирования договорных отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. N 8. С. 75 - 86.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. испр. и доп. М.: Статут, 2002. Кн. 3. 1055 с. // СПС «КонсультантПлюс».
8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 1998.
9. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского. — М., 1984. С. 316–317.
10. Игнатьев, Г. Д. Правовая природа договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ / Г. Д. Игнатьев // Право и экономика. — 2024. — № 7(437). — С. 30-38. — EDN REPZYZ.
11. Мочалова В. А. Ответственность за некачественное выполнение работ: анализ норм российского и германского законодательства / В. А. Мочалова // Евразийская адвокатура. — 2019. — № 1(38). — С. 51-56.
12. Обухова И. А. Положительное заключение государственной экспертизы как критерий качества проектных и изыскательских работ в судебной практике / И. А. Обухова // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. — 2024. — № 1(32). — С. 39-48. — EDN АОНУКН.
13. Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сб. ст., посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2021. С. 44.
14. Свит Ю.П., Капинус Н.И., Ишин А.В. Пути совершенствования правового регулирования отношений по договору на выполнение проектных и изыскательских работ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 69-78.
15. Хаусманингер Г.Н. О современном значении римского права. — М., 2016. — 104 с
16. Юшкевич С.П. Договор строительного подряда. М.: Ось-89, 2012.
17. Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 12. С. 168-174.
18. Левушкин А.Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствование правового регулирования // Гражданское право. 2025. N 2. С. 2 - 5.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation, Part 2, dated January 26, 1996, No. 14-FZ // Federal Law of the Russian Federation, 1996, No. 5, art. 410.
2. The Urban Planning Code of the Russian Federation, dated December 29, 2004, No. 190-FZ // Federal Law of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Article 16.
3. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 04/13/2016) Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 12, December, 2016
4. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 24, 2000 No. 51 "Review of Dispute Resolution practices under a construction contract", Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, No. 3, 2000.
5. O.G. Timchuk, L. Ye. Grigороva, M. V. Vihoreva Topical Usage Of Contract Lifecycle Management In Housing And Russian Utility Sector (online resource: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2018.12.143>).
6. Boltanova E.S. Development of urban planning legislation of Russia in terms of regulation of contractual relations // Property relations in the Russian Federation. 2021. N 8. pp. 75-86.
7. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contractual law. Contracts for the performance of works and the provision of services. Ed. ispr. and add. M.: Statute, 2002. Book 3. 1055 p. // SPS "ConsultantPlus".
8. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contractual law: general provisions. Moscow: Statute, 1998.
9. Digests of Justinian. Selected fragments in translation and with notes by I. S. Peretersky. Moscow, 1984. pp. 316-317.
10. Ignatiev, G. D. The legal nature of the contract for the performance of design and survey work / G. D. Ignatiev // Law and Economics. — 2024. — № 7(437). — Pp. 30-38. — EDN REPZYZ.
11. Mochalova V. A. Responsibility for poor-quality performance of work: an analysis of the norms of Russian and German legislation / V. A. Mochalova // The Eurasian Legal Profession. — 2019. — № 1(38). — Pp. 51-56.
12. Obukhova I. A. The positive conclusion of the state expertise as a criterion for the quality of design and survey work in judicial practice / I. A. Obukhova // Economic justice in the Russian Far East. — 2024. — № 1(32). — Pp. 39-48. — EDN АОНУКН.
13. Problems of civil law in judicial practice and legislation: collection of articles dedicated to the anniversary of Professor Vasily Vladimirovich Vitryansky / Ed. by E.A. Sukhanov. Moscow: Statute, 2021. p. 44.
14. Sweet Yu.P., Kapinus N.I., Ishin A.V. Ways to improve the legal regulation of relations under a contract for the performance of design and survey work // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. No. 7. pp. 69-78.
15. Hausmaninger G.N. On the modern meaning of Roman law, Moscow, 2016, 104 p.
16. Yushkevich S.P. Construction contract. Moscow: Ossi-89, 2012.
17. Levushkin A.N. Conflict of interests between subjects of corporate legal relations during transactions with shares // Actual problems of Russian law. 2022. N 12. pp. 168-174.
18. Levushkin A.N. Insignificant and contested transactions: nature, problems of law enforcement and improvement of legal regulation // Civil law. 2025. N 2. pp. 2-5.

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ МЕДИАТИВНОЙ ПОМОЩИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ PROVIDING FREE MEDIATIVE ASSISTANCE: DEVELOPMENT PROSPECTS

КИВЛЕНОК Татьяна Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: ta-bagi@mail.ru;

KIVLENOK Tatyana Valentinovna,

Head of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor. 87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation.

E-mail: ta-bagi@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу проблемы развития бесплатной медиации в РФ. Отмечается важность разработки и принятия федерального закона «Об оказании бесплатной медиативной помощи в Российской Федерации», т.к. это будет способствовать развитию альтернативных способов урегулирования споров. Сделаны предложения по установлению категории лиц, претендующих на получение бесплатной медиативной помощи, и перечень случаев, когда бесплатная медиация возможна.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the problem of development of free mediation in the Russian Federation. The importance of development and adoption of the federal law "On the provision of free mediation assistance in the Russian Federation" is noted, as this will contribute to the development of alternative methods of dispute resolution. Proposals are made to establish the category of persons applying for free mediation assistance, and a list of cases when free mediation is possible.

Ключевые слова: альтернативные способы урегулирования споров, медиация, оказание медиативных услуг на бесплатной основе.

Keywords: alternative dispute resolution methods, mediation, provision of free mediation services.

Для цитирования: Кивленок Т.В. Оказание бесплатной медиативной помощи: перспективы развития // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 261-263. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_261.

For citation: Kivlenok T.V. Providing free mediative assistance: development prospects // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 261-263. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_261.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Медиация является относительно молодым для России явлением. За сравнительно небольшой промежуток времени (Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1] - далее Закон о медиации- вступил в силу в 2011 году) медиация уже успела завоевать некоторый интерес. Распространение медиации на территории страны будет способствовать снижению агрессивности, распространению идей толерантности, терпимости, а также стремлению граждан и юридических лиц решать конфликтные ситуации с помощью поиска компромисса.

Термин «медиация» происходит от латинского слова «mediare», что означает «посредничать, участвовать в переговорах». Исходя из этого, главной задачей процедуры медиации является приведение участников конфликта к примирению. Основным участником процесса медиации выступает профессиональный посредник (медиатор), помогающий участникам спора разобраться в сути конфликта и решить его на условиях, которые удовлетворяют обе стороны. Медиатор направляет свои усилия на изменение фокуса спора, чтобы участники его увидели не как конфликт интересов, а как проблему, которой необходимо найти приемлемое для обеих сторон решение.

Мониторинг деятельности служб медиации в субъектах Российской Федерации показал, что с каждым годом по всей стране количество служб медиации растет. Наибольший прирост, и в целом по количеству данных служб наблюдается в Центральном и Приволжском федеральных округах. [9]

Общий прирост количества служб медиации в Центральном федеральном округе за отчетный период составил +10,2%, что является очень хорошим показателем. Структура распределения данных организаций по субъектам региона за 2021/2022 анализируемые года показывает, что служб медиации существенно преобладает в Московской области (28%). На втором месте идет Воронежская область (7%), а на третьем – Белгородская, Тверская и Тульская области (6%). Из чего следует, что службы медиации распространяются по территории федерального округа достаточно равномерно. Значительное количество служб медиации в Москве и Московской области обусловлено в первую очередь их значительной площадью.

Мониторинг распределения служб медиации по субъектам Приволжского федерального округа показывает, что преобладающее большинство служб медиации находится в Республике Башкортостан, Республике Татарстан и Саратовской области. Говоря о данном территориальном образовании, можно также отметить относительную равномерность распределения служб медиации по территории округа. Хотя есть регионы, в которых их количество значительно ниже. Это можно объяснить отсутствием потребности, малой площадью территории, а также низкой численностью населения.

Данное статистическое исследование показывает, что за последние годы процедура медиации сделала значительный шаг вперед. Все

большее количество специализированных организаций открывается по всей России, что свидетельствует в постепенном нарастании востребованности и популярности данного вида альтернативного разрешения конфликтов.

В соответствии со ст. 10 Закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиация может осуществляться как на платной, так и на бесплатной основе (деятельность организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, - только на платной основе). Однако, закон не указывает, в каких случаях возможно безвозмездное проведение медиации.

В нашей стране принят Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [2].

Считаю, что пришло время на законодательном уровне разрешить вопрос о предоставлении бесплатной медиативной помощи, в т.ч. и организациями, осуществляющими деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации.

В законе о бесплатной юридической помощи ограничен круг граждан, которые могут получать правовую помощь безвозмездно, и перечень случаев, когда это возможно.

По аналогии необходимо установить, чтобы получить бесплатную медиативную помощь, необходима принадлежность к определенному кругу лиц, а сам конфликт, требующий разрешения, должен входить в определенную категорию вопросов, решаемых в рамках бесплатной помощи. Следовательно, законодателю логично составить исчерпывающий список лиц, которые однозначно, без всяких оговорок, имеют право получить от государства бесплатную медиативную помощь, далее следует составить такой же исчерпывающий список субъектов, которые имеют право данный вид услуги оказывать. После чего останутся чисто технические моменты в виде пошагового описания процедуры получения данной услуги и указания источников финансирования, а это может быть федеральный бюджет, региональный бюджет, либо иное финансирование (частно-публичное партнерство, например).

Однако, законодателю необходимо обратить внимание на недочеты, допущенные в Законе о бесплатной юридической помощи. И не повторять их в законе о бесплатной медиативной помощи.

Так, целый спектр существенных вопросов о безвозмездных юр.услугах отдан на откуп субъектам РФ, которые вынуждены принимать свои законы. Но практика показывает, что субъекты не торопятся, в итоге имеем массу отказов при обращениях граждан, мотивированных именно таким образом. Но здесь есть еще одна проблема. Каждый регион в итоге принимает свои законы, и правоприменительная практика достаточно сильно отличается по регионам, а это скорее минус, чем плюс, если смотреть на проблему со стороны социального равенства.

В статье 20 федерального закона № 324 определен перечень лиц, которые, согласно закону, имеют право на бесплатную юридическую поддержку, а также описаны случаи, в которых такая помощь должна оказываться.

Эта же категория лиц может претендовать на безвозмездную медиацию.

1. Малоимущие, т. е. лица, ежемесячный доход которых меньше прожиточного минимума по региону.

Гражданин перед обращением за урегулированием конфликта с помощью медиатора должен подтвердить, что его доход позволяет ему рассчитывать на бесплатную помощь. Для этого нужно обратиться в органы социальной защиты по месту регистрации и получить справку о размере дохода.

2. Инвалиды 1 и 2 групп.

Инвалид - гражданин, у которого наблюдается длительное стойкое отклонение функций организма от нормального значения, что может иметь разные причины [3]. Например, перенесенное заболевание, травма, врожденное или приобретенное расстройство. Важно, что при этом человек полностью или частично теряет возможность себя обслуживать, ходить, понимать, где он находится, проявлять коммуникацию с другими людьми, отвечать за свои поступки, зарабатывать себе на жизнь трудом. Такой гражданин нуждается в помощи со стороны органов социальной защиты.

В зависимости от тяжести поражения организма и степени ограничения возможности полноценной жизни устанавливается определенная степень инвалидности, а лицам, не достигшим совершеннолетия, присваивается категория «ребенок-инвалид».

Порядок получения гражданами инвалидности определен Постановлением Правительства РФ от 05.04.2022 N 588 (ред. от 03.02.2025) «О признании лица инвалидом» (вместе с «Правилами признания лица инвалидом») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [4].

3. Ветераны Великой Отечественной войны, Герои РФ.

4. Многодетные родители, имеющие трех и более детей, до достижения старшим ребенком возраста восемнадцати лет или возраста двадцати трех лет при условии его обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, по очной форме обучения.

5. Лица, участвующие в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и (или) выполняющих задачи по отражению вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации.

6. Иные лица в соответствии с региональным законодательством.

Например, во Владимирской области бесплатную юридическую помощь оказывают лицам, ставшим жертвами чрезвычайных обстоятельств. К ним относятся лица, чей законный супруг (супруга) погибли при наступлении чрезвычайных обстоятельств; одинокий родитель, если у него есть ребенок, которому не исполнилось 14 лет; беременные и имеющие детей до 3 лет; лица, принимавшие участие в ликвидации последствий радиационной катастрофы, случившейся после чернобыльской аварии, и лица, которые подверглись воздействию ионизирующего излуче-

ния при аварии в Чернобыле и испытаниях в Семипалатинске и иные [5].

Данные категории лиц также могут быть получателями услуг по безвозмездному соглашению о проведении процедуры медиации.

Предоставляет бесплатные услуги медиатор.

Выбор медиатора обусловлен соблюдением требований об исполнении принципов, установленных Законом о медиации. [7]

Не вызывает сомнений, что главным направлением деятельности указанного субъекта является поддержка, оказываемая им участникам конфликта в целях его скорейшего и взаимовыгодного разрешения, что в таком случае свидетельствует о высоком уровне компетентности медиатора.

Данные проявления компетентности могут быть следствием наличия таких качеств, как ум, уважение, гибкость, отзывчивость, чуткость, забота, открытость, терпеливость, сила. Другим важным свойством посредника в разрешении споров следует отметить навык нахождения на позиции между интересами двух участников, оставаясь при этом в одинаковой степени удаленным от позиции каждого из них, независимым, но в то же время направляющим участников конфликта на взаимовыгодное и оперативное решение вопроса.

Между тем, медиатора нельзя представить без таких неотъемлемых качеств, как активность, положительный настрой на решение вопроса, стремление к цели, уверенность, решительность, эмпатичность. [8]

Кроме того, следует отметить, что, учитывая выделение в Законе о медиации двух классов медиаторов: профессиональных и непрофессиональных, термин «непрофессиональный медиатор» препятствует правильному восприятию обществом указанного термина.

При выполнении всех перечисленных характеристик любой человек может стать непрофессиональным медиатором. Однако логично, что для успешного разрешения спора между двумя конфликтующими сторонами необходимо обладать соответствующими знаниями, чтобы разбираться в сути решаемого вопроса. От этого зависит успешность примирительного процесса.

Таким образом, грамотная и качественная процедура медиации может проводиться только профессиональным медиатором, обладающим соответствующими знаниями в этой сфере. Поэтому законодатель должен регулировать вопрос о бесплатном оказании медиативных услуг для профессиональных медиаторов и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации [6].

Таким образом, у многих складывается неправильное представление о роли в обществе бесплатных услуг, как юридических, так и медиативных. Многие считают, что это обыкновенная поддержка статуса в обществе. При этом упускается из вида, что право на бесплатную юридическую и медиативную помощь - это задача государства для обеспечения лиц, нуждающихся в данной услуге, без учета их статуса и денежных доходов.

Финансирование государственной программы по оказанию бесплатных медиативных услуг не должна полностью возлагаться на бюджеты регионов. Иначе повторится ситуация с оказанием бесплатной юридической помощи, когда большая часть обязанностей по ее финансированию возложена на бюджеты субъектов РФ. Но многие субъекты и так имеют дефицитные бюджеты, поэтому финансирование данной программы на местах осуществляется по остаточному принципу, либо находят спонсоров, которые берут хотя бы часть финансирования на себя. Но если программа бесплатной медиативной помощи будет федеральной, то она должна иметь целевое финансирование, заложенное в федеральный бюджет. Только такой подход может дать развитие медиации в целом.

Медиативная помощь должна быть эффективной, что подразумевает ее соответствие следующим требованиям:

1. Медиатор должен осуществлять свою деятельность на профессиональной основе.
2. Эффективной может быть только медиативная помощь, которая доступна и оказывается активно и своевременно.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // Российская газета. - № 168. - 30.07.2010.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ (ред. от 01.04.2025) "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" // Российская газета. - № 263. - 23.11.2011.
3. Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 29.10.2024) "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Российская газета. - № 234. - 02.12.1995.
4. Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 N 588 (ред. от 03.02.2025) "О признании лица инвалидом" (вместе с "Правилами признания лица инвалидом") (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. - 11.04.2022. - № 15. - Ст. 2506.
5. Закон Владимирской области от 02.11.2022 N 96-ОЗ (ред. от 08.07.2024) "Об оказании бесплатной юридической помощи во Владимирской области" (принят постановлением ЗС Владимирской области от 27.10.2022 N 279) (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.03.2025) // Владимирские ведомости. - № 172. - 04.11.2022
6. Абакумова Е.Б. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров // Вестник арбитражной практики. - 2024. - N 3. - С. 3 - 8.
7. Воронцова И.В., Рахматуллина Р.М. Преимущества и недостатки процедуры медиации в России // Современное право. - 2025. - N 4. - С. 101 - 104.
8. Минкина Н.И. Правовая основа подготовки профессиональных медиаторов в России: опыт прошлого и перспектива будущего // Юрист. - 2024. - N 5. - С. 61 - 66.
9. Аналитический отчет «Мониторинг деятельности служб медиации в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]: URL: https://fcprc.ru/media/media/miadiacia/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3_2021-22_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0_pRaSVUs.pdf?ysclid=m34rvi4kw2830669613 (дата обращения 30.06.2025)

References:

1. Federal Law of 27.07.2010 N 193-FZ (as amended on 26.07.2019) "On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" // Rossiyskaya Gazeta. - No. 168. - 30.07.2010.
2. Federal Law of 21.11.2011 N 324-FZ (as amended on 01.04.2025) "On Free Legal Aid in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. - No. 263. - 23.11.2011.
3. Federal Law of 24.11.1995 N 181-FZ (as amended on 29.10.2024) "On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // Rossiyskaya Gazeta. - No. 234. - 02.12.1995.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 05.04.2022 N 588 (as amended on 03.02.2025) "On recognizing a person as disabled" (together with the "Rules for recognizing a person as disabled") (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 11.04.2022. No. 15. - Art. 2506.
5. Law of the Vladimir Region dated 02.11.2022 N 96-OZ (as amended on 08.07.2024) "On the Provision of Free Legal Aid in the Vladimir Region" (adopted by the Resolution of the Legislative Assembly of the Vladimir Region dated 27.10.2022 N 279) (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // Vladimirskie Vedomosti. - No. 172. - 04.11.2022
6. Abakumova E.B. Mediation as an Alternative Method of Dispute Resolution // Bulletin of Arbitration Practice. - 2024. - N 3. - pp. 3 - 8.
7. Vorontsova I.V., Rakhmatullina R.M. Advantages and Disadvantages of the Mediation Procedure in Russia // Modern Law. - 2025. - N 4. - P. 101 - 104.
8. Minkina N.I. Legal basis for the training of professional mediators in Russia: past experience and future prospects // Jurist. - 2024. - N 5. - P. 61 - 66.
9. Analytical report "Monitoring the activities of mediation services in the constituent entities of the Russian Federation" [Electronic resource]: URL: https://fcprc.ru/media/media/miadiacia/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3_2021-22_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0_pRaSVUs.pdf?ysclid=m34rvi4kw2830669613 (accessed 30.06.2025)

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

MODERN TYPES OF FRAUD ON THE INTERNET AND WAYS TO RESOLVE THEM

КИЛЬМЕТОВА Рената Рафиковна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

САВЛОХОВ Рустан Русланович,

студент, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

ПУХАЕВ Давид Казбекович,

студент, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

ИКОЕВ Арсен Ацамазович,

студент, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

ХЛОЕВ Астемир Хетогович,

студент, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

KILMETOVA Renata Rafikovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

SAVLOKHOV Rustan Ruslanovich,

student, Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

PUKHAEV David Kazbekovich,

student, Faculty of Law, FGBOU VO "North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

IKOEV Arsen Atsamazovich,

student, Faculty of Law, FSBEI HE "North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

KHLOEV Astemir Khetogovich,

student, Faculty of Law, FSBEI HE "North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается феномен фишинга как одной из наиболее опасных форм интернет-мошенничества в условиях стремительной цифровизации общества. Описаны основные виды фишинговых атак, включая классический, целевой, китовый фишинг, фарминг, смишинг и другие, а также методы, с помощью которых злоумышленники получают доступ к персональным данным пользователей. Проанализированы факторы, способствующие виктимизации граждан, особенности цифровой неграмотности населения и проблемы обеспечения информационной безопасности. Отдельное внимание уделено вопросам виктимологической профилактики, в том числе просветительской работе, институциональной координации и использованию современных технических средств защиты. Предложены рекомендации по снижению уязвимости граждан в цифровой среде и формированию комплексной стратегии противодействия фишинговым атакам.

Abstract: The article examines the phenomenon of phishing as one of the most dangerous forms of Internet fraud in the context of rapid digitalization of society. The main types of phishing attacks are described, including classic, targeted, whale phishing, pharming, smishing and others, as well as the methods by which attackers gain access to users' personal data. The factors contributing to the victimization of citizens, the peculiarities of digital illiteracy of the population and the problems of ensuring information security are analyzed. Special attention is paid to issues of victimological prevention, including educational work, institutional coordination and the use of modern technical means of protection. Recommendations are proposed to reduce the vulnerability of citizens in the digital environment and to form a comprehensive strategy to counter phishing attacks.

Ключевые слова: фишинг, интернет-мошенничество, киберпреступность, информационная безопасность, цифровая среда, виктимология, смишинг, фарминг, киберугрозы, профилактика.

Keywords: phishing, internet fraud, cybercrime, information security, digital environment, victimology, smishing, pharming, cyber threats, prevention.

Для цитирования: Кильметова Р.Р., Савлохов Р.Р., Пухаев Д.К., Икоев А.А., Хлоев А.Х. Современные виды мошенничества в сети интернет и пути их разрешения // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 264-268. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_264.

For citation: Kilmotova R.R., Savlokhov R.R., Pukhaev D.K., Ikoiev A.A., Khloev A.Kh. Modern types of fraud on the Internet and ways to resolve them // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 264-268. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_264.

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В настоящее время подавляющее большинство населения планеты активно использует ресурсы глобальной сети Интернет. Несомненно, стремительное развитие цифровых технологий и широкое распространение интернет-сервисов способствуют существенному упрощению различных сфер жизнедеятельности: предоставляется возможность удалённого труда, дистанционного образования, участия в онлайн-голосованиях, осуществления электронных покупок и получения иных цифровых услуг. Однако, наряду с положительными эффектами цифровизации, наблюдается устойчивый рост числа киберпреступлений, что обуславливает необходимость комплексного изучения и выработки эффективных механизмов обеспечения информационной безопасности.

Киберугрозы становятся все более изощренными: от кражи персональных данных и финансовых мошенничеств до атак на критически важную инфраструктуру. Хакеры и киберпреступные группировки используют современные технологии для взлома систем безопасности, шантажа, распространения вредоносного ПО и дезинформации. Особенно уязвимыми оказываются пользователи, не обладающие достаточными знаниями в области цифровой системы, что подчеркивает необходимость повышения уровня информационной грамотности населения.

Кроме того, цифровая среда способствует распространению противоправного контента, экстремистской идеологии и ненавистнических высказываний, особенно в социальных сетях и на видеоплатформах. Это требует усиления контроля со стороны государственных структур и самих платформ, а также разработки эффективных механизмов для своевременного выявления и предотвращения подобных проявлений.

В 2022 году доля преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, достигла 26,5% (522 065 случаев), что составляет четверть от общего числа зарегистрированных преступлений. При этом раскрываемость подобных преступлений остаётся на низком уровне – всего.

27,2%. По данным статистики, 381 112 преступлений, или 73%, были совершены с использованием сети Интернет, демонстрируя рост на 8,4%¹.

Наиболее распространенным видом интернет-преступлений является мошенничество, на которое приходится 257 606 случаев (49,3% от всех преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий), с темпом прироста в 3,4%².

Одним из видов кибермошенничества является фишинг. В 2021 году 45% населения страны столкнулись с фишинговыми атаками³. Фишинг, что в переводе с английского означает "рыбная ловля", – это вид интернет-мошенничества, направленный на получение личных идентификационных данных пользователей. Злоумышленники используют эту информацию для незаконного получения денежных средств, либо путем обмана и убеждения жертвы совершить перевод, либо путем вымогательства или другими мошенническими способами. Получив доступ к логинам и паролям от банковских карт, мошенники могут перевести деньги жертвы на свои счета. Логин и пароли от аккаунтов в социальных сетях могут быть использованы для сбора информации о потенциальной жертве, шантажа, взлома аккаунта и рассылки сообщений контактам жертвы с просьбой о перечислении денежных средств.

Фишинговые атаки реализуются множеством способов, что обуславливает разнообразие их видов. Изучение этих видов необходимо для разработки эффективных мер предотвращения, а также для виктимологической защиты потенциальных жертв.

1. Классический фишинг (почтовый). Заключается в массовой рассылке электронных писем, адреса для которой собираются автоматически из открытых источников. В этих сообщениях злоумышленники обычно сообщают о блокировке учетной записи, необходимости подтверждения данных или подозрительной активности, требующей смены пароля, часто прикрываясь уведомлениями от банка. Используя приемы социальной инженерии, мошенники вынуждают пользователей переходить по поддельным ссылкам и вводить свои логины, пароли или данные банковских карт. Полученная информация используется для кражи денежных средств или рассылки мошеннических сообщений от имени жертвы (например, с просьбами о помощи). Также ссылка может вести на фальшивый благотворительный сайт.

2. Целевой фишинг. Аналогично использует электронную почту, но перед рассылкой злоумышленники собирают информацию о конкретных жертвах из открытых источников (социальные сети, сайты компаний). Мошенники, представляясь сотрудниками компании, направляют жертве поддельные "внутренние запросы", например, с требованием перевести деньги на поддельный счет.

3. Китовый фишинг ("охота на китов"). Направлен на руководителей организаций, обладающих конфиденциальной информацией.

4. Клон-фишинг. Злоумышленники копируют легитимные письма, заменяя ссылки на вредоносные.

5. Иарминг. Сложный вид атаки, при котором происходит скрытое перенаправление на вредоносные ресурсы путем взлома навигационной инфраструктуры, например, захвата DNS-сервера.

6. Смишинг (SMS-фишинг). Вид фишинга, основанный на использовании коротких SMS-сообщений. В 2021 г. с ним столкну-

¹ Официальный сайт МВД России. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 18.04.2025).

² Официальный сайт МВД России. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 18.04.2025).

³ Эксперты: с фишинговыми атаками в 2021 году столкнулись 45% россиян, 03.12.2021 // Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13105631?ysclid=lp0vxbgtzb394488070> (дата обращения: 18.04.2025).

лись 52% россиян¹. Суть данного интернет-мошенничества заключается в том, что злоумышленниками предпринимается, например, попытка через текст сообщения склонить жертву к раскрытию личной информации с помощью ссылки, которая ведет на фишинговый сайт².

7. ишинг в поисковых системах. Мошенники размещают вредоносные сайты на первых строках поисковой выдачи. Это достигается с помощью рекламы (контекстной или таргетированной) либо с использованием методов поисковой оптимизации (SEO), что позволяет вредоносным ресурсам обходить фильтры и казаться легитимными. Пользователь, вводя запрос — например, "госуслуги", "банк" или "техническая поддержка" — может по ошибке перейти не на официальный сайт, а на поддельный, где злоумышленники попытаются получить его персональные данные, логины, пароли или банковскую информацию. Особую опасность представляет то, что такие сайты внешне практически не отличаются от настоящих. Поэтому важно внимательно проверять адресную строку, избегать переходов по рекламным ссылкам и использовать антивирусные программы с функцией веб-защиты³.

Рассмотрим методы фишинговых атак с помощью конкретных иллюстраций. Один из способов — использование URL-адреса, который визуально почти идентичен адресу подлинного веб-сайта, с незначительными изменениями в символах. Важно отметить, что безопасные сайты используют протокол HTTPS, обеспечивающий шифрование данных. ишинговые сайты часто пренебрегают этим протоколом, что является явным признаком подделки.

Для создания обманчивых сайтов злоумышленники могут использовать домен верхнего уровня ".info", предназначенный для информационных ресурсов, в то время как официальные организации, такие как РЖД, используют национальные домены (например, ".ru"). Неосведомленные пользователи могут стать жертвами, приобретая билеты на поддельных сайтах и теряя деньги.

Интернет-мошенничество также распространено через электронную почту. Пользователи часто получают письма от неизвестных отправителей с искаженными доменными именами. Например, письмо от "пресс-службы" может содержать адрес "pr@examp1e.com" (с цифрой "1" вместо буквы "l"). Такие письма часто содержат призывы к действию, например, предложение ознакомиться с "инструкцией по подключению к тарифу" через ссылку в приложении. Переход по этой ссылке может привести на фишинговый сайт с ложными контактными данными.

Еще одна распространенная схема — отправка писем о выигрышах. Пользователь, не участвовавший в розыгрышах, получает сообщение о выигрыше крупной суммы и переходит по ссылке на зараженный сайт, где оставляет свои личные данные.

В последнее время ишинг активно распространяется в Telegram. Злоумышленники, получив доступ к аккаунту жертвы через звонок, рассылают сообщения контактам с просьбой о помощи и прикрепляют ссылку на фишинговый сайт. Доверчивые пользователи, считая сообщение подлинным, переходят по ссылке и переводят деньги мошенникам. Совершив преступление злоумышленники удаляют учетную запись.

В нынешнее время ишинг — серьезная проблема, представляющая особую опасность пользователям интернета. Но стоит осознать, что от большинства противоправных действий можно обезопаситься. Для этого необходимо различными методами информировать пользователей сети о появлении угрозы и о возможных способах защиты от нее. Делиться информацией о появлении информационной опасности следует всем, без исключения. К примеру, молодые люди могут распространять информацию среди родственников, друзей, знакомых. Однако основная ответственность за противодействие противоправным деяниям в этой области лежит на правоохранительных органах. Участковые полиции, осуществляя контакт с гражданами, как раз могут информировать их об угрозе. Размещение памяток и социальных роликов о ишинге и мерах противодействия на официальном сайте МВД России также будет эффективной мерой. Возможно и использование официальных аккаунтов ведомства для публикации этих материалов.

Предлагаются следующие рекомендации для защиты от фишинговых атак:

1. Не следует переходить по ссылкам от неизвестных отправителей, полученным по электронной почте или в социальных сетях. Если отправитель известен, необходимо внимательно проверять название ссылки, так как мошенники часто маскируют вредоносные ссылки, добавляя лишние символы или заменяя буквы.
2. Обращайте внимание на адрес сайта, на который переходите. Безопасные сайты используют протокол https. Адрес, начинающийся с http, может указывать на фишинговый сайт.
3. Не вводите свои пароли, данные банковских карт и другую личную информацию на незнакомых сайтах.
4. Прекратите разговор, если вам звонят и настойчиво требуют сообщить логины, пароли от аккаунтов или код из SMS.
5. Не стоит переходить по ссылкам, полученным в SMS-сообщениях от неизвестных абонентов.
6. Подключите дополнительную проверку при входе в социальных сетях для улучшения безопасности учетной записи.
7. Остерегайтесь использования открытых сетей Wi-Fi, так как они больше подвержены ишингу.
8. Не реагируйте на сообщения с сомнительным содержанием.
9. Игнорируйте звонки с незнакомых номеров, в частности в социальных сетях, чтобы преступники не смогли получить доступ к вашему аккаунту.
10. Обновляйте пароли в социальных сетях и на других сайтах для повышения безопасности, так как ваши данные могут быть скомпрометированы.

¹ Эксперты: с фишинговыми атаками в 2021 году столкнулись 45% россиян, 03.12.2021 // Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekspertiza/13105631?ysclid=lp0vxbgtzb394488070> (дата обращения: 18.04.2025).

² Данько О.С., Медведева Т.А. Исследование техник фишинга и методов защиты от него // Молодой исследователь Дона. 2021. №3(30). С. 60.

³ Отчет «Лаборатории Касперского» о спаме и ишинге в 2022 г. // Официальный сайт Securelist by Kaspersky. URL: <https://securelist.ru/spam-phishing-scam-report-2022/106719/> (дата обращения: 18.04.2025).

11. Используйте надежную программу-антивирус и регулярно обновляйте ее, чтобы своевременно выявлять вредоносные программы и сайты.
12. Проверяйте подлинность сайтов, особенно если они запрашивают конфиденциальную информацию — обращайте внимание на дизайн страницы, наличие грамматических ошибок и подозрительное поведение веб-интерфейса.
13. Настройте уведомления от банков и других сервисов для быстрого реагирования в случае подозрительной активности.
14. Периодически проверяйте список активных сессий в социальных сетях и почтовых сервисах — если вы видите вход с неизвестного устройства или локации, немедленно завершите сеанс и смените пароль.
15. Проходите онлайн-курсы и тренинги по цифровой безопасности — они помогают формировать устойчивые навыки противодействия фишинговым атакам.

Растущее число киберпреступлений, особенно фишинговых атак, подчеркивает важность понимания различных форм фишинга, методов защиты от них и стратегий виктимологической защиты. В июне 2022 года Министерство цифрового развития Ри представило информационную систему "Антифишинг", предназначенную для автоматического обнаружения поддельных веб-сайтов, имитирующих официальные ресурсы государственных органов, предприятий, известных онлайн-площадок и социальных сетей. За 2022 год система "Антифишинг" смогла заблокировать 507 851 735 попыток перехода по вредоносным фишинговым ссылкам¹.

В условиях стремительной цифровизации общественной жизни и расширения коммуникационных возможностей в киберсреде наблюдается устойчивый рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Одной из наиболее опасных форм проявления киберпреступности выступает интернетмошенничество, в частности фишинг, представляющий угрозу как для индивидуальной, так и для коллективной безопасности.

Современная виктимологическая профилактика требует трансформации — от традиционной концепции индивидуальной осмотрительности к многоуровневой системе взаимодействия всех субъектов цифрового пространства. Обеспечение кибербезопасности должно основываться на консолидации усилий правоохранительных структур, финансово-кредитных институтов, телекоммуникационного сектора и самого гражданского общества.

Одним из ключевых направлений является институционализация просветительских механизмов, направленных на повышение информированности населения о характерных признаках противоправной активности в цифровой среде и выработку эффективных моделей реагирования. Актуально проведение целевых образовательных кампаний, охватывающих все возрастные категории — от подростков до лиц пожилого возраста².

Профилактика противоправных посягательств в киберсреде невозможна без внедрения современных средств технической фильтрации и нейтрализации угроз. Антивирусные комплексы, антифишинговые модули, межсетевые экраны и средства мониторинга поведения пользователя должны быть доступны широкой аудитории. При этом особое внимание необходимо уделять не только распространению технологий, но и популяризации культуры их сознательного использования. Системное обновление программного обеспечения, рациональное управление паролями и отказ от посещения потенциально опасных веб-ресурсов должны стать частью цифрового этикета. Организация устойчивых коммуникационных каналов между субъектами цифрового рынка и институтами правопорядка является необходимым условием своевременного выявления и блокирования мошеннических схем. Эффективным представляется развитие оперативных форм сотрудничества между специализированными подразделениями МВД, банковскими структурами и крупнейшими телекоммуникационными операторами. Такая координация позволяет не только реагировать на инциденты, но и выстраивать превентивную стратегию нейтрализации киберугроз³.

В целях централизации работы с обращениями граждан целесообразно формировать специализированные центры поддержки жертв социальной инженерии. Эти структуры должны выполнять консультативную, аналитическую и процессуальную функции: фиксировать случаи мошенничества, проводить предварительный анализ, предоставлять алгоритмы действий и обеспечивать взаимодействие с правоохранительными органами. Их учреждение возможно как на базе государственных организаций, так и в рамках инициатив частного сектора — банков, страховых компаний, телеком-провайдеров⁴.

Перспективным направлением является создание алгоритмических решений, способных автоматически выявлять признаки аномального поведения в коммуникационных сетях. Помимо этого, актуальна институционализация надзорных органов, обеспечивающих соблюдение законодательства о персональных данных, а также внедрение прозрачных механизмов верификации операций с личной информацией. Только при комплексном контроле над обработкой, хранением и передачей персональных данных возможно формирование доверительной цифровой среды⁵.

Важным элементом превентивной стратегии выступает организация многоуровневого механизма коммуникации с потребителями цифровых услуг. Предоставление пользователям возможности оперативного направления сигналов о подозрительных действиях, а также проведение мониторинга и анализа подобных обращений, позволяет выявлять новые типологии мошенничества и своевременно разрабатывать ответ-

¹ иоенко А. И., Пухалов М. О., Семенцова И. А. Виды мошенничества в сети Интернет и проблемные аспекты его квалификации // НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО; ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ. — 2023. — С. 123.

² Потапова А. В. Мошенничество в сети интернет: криминологическая характеристика и проблемы квалификации // StudNet. — 2020. — Т. 3. — №. 6. — С. 52-57.

³ Стеценко Ю. А., Холодковская Н. С. Мошенничество в сети интернет // Вестник Таганрогского института имени АП Чехова. — 2021. — №. 2. — С. 76.

⁴ Судаков А. В. и др. Мошенничество и фишинг в сети // StudNet. — 2021. — Т. 4. — №. 6. — С. 565.

⁵ Колескин Д. В. История развития мошенничества, современные виды мошенничества и способы борьбы с ними // Социально-гуманитарные проблемы современности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. — 2020. — Т. 24. — С. 40.

ные меры. Эффективная система обратной связи способствует росту доверия граждан и укреплению цифровой репутации организаций.

Предлагаемый спектр мероприятий позволяет не только реагировать на уже совершённые правонарушения, но и формировать устойчивую среду, малочувствительную к деструктивным воздействиям со стороны злоумышленников. Приоритетным остаётся не только пресечение деятельности лиц, использующих методы социальной инженерии, но и формирование в обществе устойчивого иммунитета к манипуляциям. Стратегическая задача заключается в исключении возможностей для получения персональных данных граждан и создании условий, при которых потенциальные жертвы не допускают контакта с субъектами киберпреступности. Комплексный, междисциплинарный и проактивный подход к профилактике интернет-мошенничества способен существенно снизить уровень киберпреступности и укрепить цифровую устойчивость государства и общества в целом.

Список литературы:

1. Данько О.С., Медведева Т.А. Исследование техник фишинга и методов защиты от него // Молодой исследователь Дона. 2021. №3(30). С. 60-66.
2. Колескин Д. В. История развития мошенничества, современные виды мошенничества и способы борьбы с ними // Социально-гуманитарные проблемы современности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – 2020. – Т. 24. – С. 37-42.
3. Милованова М. М., Шурухнов В. А. О способах мошенничества в сети «Интернет» // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – №. 10 (241). – С. 86-92.
4. Отчет «Лаборатории Касперского» о спаме и фишинге в 2022 г. // Официальный сайт Securelist by Kaspersky. URL: <https://securelist.ru/spam-phishing-scam-report-2022/106719/> (дата обращения: 18.04.2025).
5. Официальный сайт МВД России. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 18.04.2025).
6. Потапова А. В. Мошенничество в сети интернет: криминологическая характеристика и проблемы квалификации // StudNet. – 2020. – Т. 3. – № 6. – С. 52-57.
7. Стеценко Ю. А., Холодковская Н. С. Мошенничество в сети интернет // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2021. – №. 2. – С. 75-80.
8. Судаков А. В. и др. Мошенничество и фишинг в сети // StudNet. – 2021. – Т. 4. – №. 6. – С. 561-567.
9. Иоменко А. И., Пухкалов М. О., Семенова И. А. Виды мошенничества в сети Интернет и проблемные аспекты его квалификации // наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – С. 123.
10. Эксперты: с фишинговыми атаками в 2021 году столкнулись 45% россиян, 03.12.2021 // Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/ek-onomika/13105631?ysclid=lp0vxbgtzb394488070> (дата обращения: 18.04.2025).

References:

1. Danko O.S., Medvedeva T.A. Research of phishing techniques and methods of protection against it // Young researcher of the Don. 2021. No. 3(30). pp. 60-66.
2. Koleskin D. V. History of fraud development, modern types of fraud and ways to combat them // Socio-humanitarian problems of our time: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. 2020. Vol. 24. pp. 37-42.
3. Milovanova M. M., Shurukhnov V. A. On methods of fraud on the Internet // Property relations in the Russian Federation. – 2021. – №. 10 (241). – Pp. 86-92.
4. Kaspersky Lab Report on spam and phishing in 2022 // Official Securelist by Kaspersky website. URL: <https://securelist.ru/spam-phishing-scam-report-2022/106719/> (accessed: 04/18/2025).
5. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (date of access: 04/18/2025).
6. Potapova A.V. Fraud on the Internet: criminological characteristics and qualification problems // StudNet. – 2020. – Vol. 3. – No. 6. – pp. 52-57.
7. Stetsenko Yu. A., Kholodkovskaya N. S. Fraud on the Internet // Bulletin of the Chekhov Taganrog Institute. – 2021. – No. 2. – pp. 75-80.
8. Sudaakov A.V. et al. Fraud and phishing on the Web // StudNet. – 2021. – Vol. 4. – No. 6. – pp. 561-567.
9. Yomenko A. I., Pukhalov M. O., Sementsova I. A. Types of fraud on the Internet and problematic aspects of its qualification // science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2023. – p. 123.
10. Experts: 45% of Russians faced phishing attacks in 2021, 12/03/2021 // Official website of the TASS news agency. URL: <https://tass.ru/ek-onomika/13105631?ysclid=lp0vxbgtzb394488070> (accessed: 04/18/2025).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА И ВИРТУАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF DIGITAL CONTENT AND VIRTUAL PROPERTY IN THE CONTEXT OF THE PROSPECTS FOR THEIR LEGAL REGULATION AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

ПЕТРОВНИН Александр Сергеевич,

аспирант Международного института информатизации и государственного управления им. П. А. Столыпина, младший юрист, Корпорация «Проект-техника». 108814, Россия, ул. Потаповская Роща, 7, корп. 1.
E-mail: petral_10@mail.ru;

PETROVNIN Aleksandr Sergeevich,

Postgraduate student International Institute of Informatization and Public Administration named after P. A. Stolypin, Junior lawyer Corporation "Proect-Tekhnika". 7 Potapovskaya Grove str., building 1, 108814, Russia.
E-mail: petral_10@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается проблема неясного правового регулирования и недостаточной теоретической проработки новых явлений в сфере электронной коммерции: цифрового контента и виртуального имущества. Автор анализирует существенные стороны этих понятий в сравнении, чтобы выявить целесообразность их разграничения как для исследовательских целей в научной доктрине, так и для потенциального реформирования законодательства.

Abstract: The article examines the problem of unclear legal regulation and insufficient theoretical development of new phenomena in the field of electronic commerce: digital content and virtual property. The author analyzes the essential aspects of these concepts in comparison in order to clarify the practicability of their distinction both for research purposes in scientific doctrine and for potential reform of legislation.

Ключевые слова: цифровой контент, виртуальное имущество, игровое имущество, виртуальное пространство, электронная коммерция, цифровая экономика.

Key words: digital content, virtual property, game property, virtual space, e-commerce, digital economy.

Для цитирования: Петровнин А.С. Сравнительная характеристика цифрового контента и виртуального имущества в контексте перспективы их правового регулирования как объектов гражданских прав // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 269-271. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_269.

For citation: Petrovnin A.S. Comparative characteristics of digital content and virtual property in the context of the prospects for their legal regulation as objects of civil rights // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 269-271. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_269.

Статья поступила в редакцию: 25.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

На современном этапе развития мировой экономики ясно прослеживается рост удельного веса гражданско-правовых отношений, складывающихся по поводу цифрового контента, а именно – виртуального имущества. Поскольку понятийный аппарат названных явлений слабо разработан в доктрине из-за их не до конца понятной цифровой природы, не урегулированным остаётся и правовой статус цифровых благ, приобретаемых за реальные деньги и имеющих признаки оборотоспособности, что порождает споры в правоприменительной практике. Углубленный анализ понятий "цифровой контент", "виртуальное имущество" и "виртуальное игровое имущество", выявление их функциональных характеристик в сравнении друг с другом позволит подготовить более надёжную теоретическую почву для дальнейших исследований в части разработки подходящего правового режима упомянутых благ, уже де-факто ставших объектами гражданских прав.

В настоящее время термин "цифровой контент" массово известен и понятен каждому пользователю киберпространства как в России, так и за рубежом. Опираясь термином "контент", участники гражданского оборота (провайдеры, посредники и потребители цифровых услуг) распространяют его на коммерчески ценный результат труда (товар или услуга), предлагаемый на рынке в цифровой форме. Поэтому для целей настоящей статьи будем называть такие товары и услуги "цифровым контентом".

Если осмотреть всю совокупность сделок, совершаемых в сфере электронной коммерции, то все договоры в виртуальном пространстве условно разделяются на два массива. Первый – это те договоры, которые заключаются в сети "Интернет" и исполняются в реальном мире. Второй – это договоры, заключаемые в сети "Интернет", и исполняемые там же, в Интернет-пространстве.

Именно ко второму массиву относится реализация цифрового контента как товара или услуги. Форма распространения цифрового контента может быть различной. Это в первую очередь массовые "стриминговые" сервисы, где в потоковом режиме пользователю транслируются различные произведения, охраняемые авторским правом: аудио (музыка, аудиокниги), аудиовизуальные произведения (кинофильмы, сериалы). Клиент сервиса получает не экземпляр произведения, а удалённый доступ к нему. Разновидностями цифрового контента в виде услуг являются аренда вычислительных мощностей для запуска игры на своём устройстве (облачный гейминг), а также предоставление доступа к облачным хранилищам информации [7, С. 62–99]. И, конечно же, объектом цифрового контента особого рода считается виртуальное имущество, которое следует считать видовым понятием по отношению к цифровому контенту. Стандартный пример имущества в виртуальной среде – продажа раз-

личных внутриигровых объектов и привилегий.

В результате бурного развития цифрового контента сильно преобразилась дистрибуция объектов авторского права, на рынке электронной коммерции они буквально обрели новую сущность [3, С. 255–309]. Речь о том, что музыкальные произведения, фильмы, компьютерные программы, литературные произведения теперь свободно распространяются и доходят до потребителя, не выходя за пределы сети “Интернет”, то есть оставаясь в виртуальной среде. Если ранее господствовала только традиционная форма распространения (на материальных носителях), то теперь к ней добавилась и активно её вытесняет цифровая система реализации (предоставление “электронного экземпляра” или удалённого доступа).

Что здесь важно с юридической точки зрения, так это то, как при “цифровизации” сделки меняется структура гражданского правоотношения, а именно содержание обязательства. Как известно, предмет договора — это конкретные действия сторон обязательства, которые выражают их имущественный интерес. А объект — это то благо имущественного оборота, на которое направлены действия сторон [8, С. 28–29]. С предметом всё ясно: в одном случае это передача права собственности на вещь (материальный носитель) при заключении договора купли-продажи, в другом — осуществление действий по передаче прав использования объекта интеллектуальной собственности по лицензионному договору (чаще всего). Что же с объектом? А. И. Савельев считает, что он не меняется [6, С. 277], с чем я не могу согласиться. Ведь при купле-продаже материального носителя, на котором зафиксировано, скажем, литературное произведение, объектом договора является вещь — книга. А при покупке её цифровой копии объектом выступает нематериальное благо — информация в виде кода, преобразуемая в текст уже на устройстве пользователя.

Что действительно объединяет эти два способа доведения товара до потребителя — это экономическая цель заключаемых договоров (кауза сделки). В обоих случаях с книгой у потребителя будет одна мотивация. Ведь хозяйственное назначение у этих товаров, одинаковых по сути, но разных по форме, одно — удовлетворение потребностей читателя. По-разному лишь потребитель получает благо и извлекает из него полезные свойства. Однако, указанное различие, несмотря на смысловое тождество, может значительно влиять на правовую квалификацию.

Виртуальное имущество как разновидность цифрового контента обладает рядом особенностей, которые выделяют его на фоне других форм цифрового контента, являющихся результатами интеллектуальной деятельности. Главная из этих особенностей — это возможность виртуального имущества существовать только в цифровой форме, и только в рамках той виртуальной среды, в которой он предназначен существовать. Привычные объекты авторских прав, если они приняли форму цифрового контента, могут быть транспортированы из виртуальной среды в мир “реальных” вещей — в виде результатов интеллектуальной деятельности, записанных на материальном носителе. Такие объекты будут отчуждаться уже по принципам института вещного права, что немыслимо для виртуального имущества.

Понятие виртуального имущества, вслед за цифровым контентом, не получило своего законодательного определения. Попробуем сформулировать своё с помощью научной литературы. Итак, виртуальное имущество — это вид цифрового контента, представляющий собой нематериальный объект, обладающий реальной экономической ценностью, полезные свойства которого могут быть извлечены только в пределах виртуального пространства [5].

Перечень видов виртуального имущества открыт, широк и гибок в силу активного развития информационных технологий, постоянно предлагающих для гражданского оборота новые объекты цифрового контента, которые обладают имущественной ценностью. К видам виртуального имущества относят: внутриигровое имущество, виртуальную валюту и виртуальное имущество в социальных сетях.

Наиболее актуальным для исследования и требующем внимания считается виртуальное игровое имущество, потому что споры по поводу пользования именно данными виртуальными объектами всё чаще становятся предметом рассмотрения судами [2, С. 129–139].

К виртуальному игровому имуществу относятся разного рода игровые атрибуты, способствующие или сопутствующие игровому процессу. Большинство из этих объектов имеют аналоги в мире реальных вещей: оружие, транспорт, недвижимость, снаряжение, артефакты, внутриигровая валюта, предметы кастомизации игрового персонажа (одежда). Также есть имущество, облегчающее игровой процесс: премиальные аккаунты, повышающие заработок внутриигровой валюты или дополнительные способности персонажа игрока.

Возвращаясь к основной цели исследования настоящей статьи, заметим, что внутриигровое имущество в онлайн-играх имеет как свойства, характеризующие любое виртуальное имущество, так и особенные признаки. Общие свойства для обоих видов имуществ в виртуальной среде следующие.

1. Виртуальное имущество существует только в нематериальной, цифровой форме и с технической стороны представляет собой программный код.
2. Возможности копирования виртуального имущества всегда ограничены технически, это обосновано строгой привязкой виртуального актива к учётной записи конкретного пользователя.
3. Условное “господство” пользователя над виртуальным имуществом напоминает “квазивладение”. Доступ к пользованию и распоряжению виртуальным имуществом (в границах виртуальной среды, естественно) контролируется лицом, обладающим валидной парой логина и пароля.
4. Оператор цифрового сервиса (разработчик игры, администратор социальной сети) “монопольно обладает техническими и правовыми возможностями определять юридическую судьбу виртуального имущества пользователя”. П. Палка метко называет возможности правообладателей “цифровой властью” (digital force), поскольку пользование учётной записью и цифровым сервисом осуществимо “до тех пор, пока разработчик поддерживает работу сервера” [9, С. 49–53].

5. "Виртуальное имущество ограничено в своём существовании и функционировании пределами виртуальной среды" [4]. Так, файл, размещённый в облачном хранилище, не может быть отнесён к категории виртуального имущества, поскольку он сохраняет свои функциональные возможности и полезные свойства вне виртуальной среды — например, при хранении на локальном носителе. Именно поэтому такой файл является примером более общего понятия — цифрового контента, а не виртуального имущества.

Теперь рассмотрим уникальные особенности виртуального игрового имущества.

1. Одно и то же внутриигровое имущество может быть приобретено как за настоящие деньги, так и бесплатно за игровые достижения. Способ приобретения виртуального имущества не будет влиять на его экономическую ценность. Если внутриигровой оборот таких объектов разрешён разработчиком, то их стоимость не будет сильно (а то и вовсе) отличаться.

2. Внутриигровое имущество является неотъемлемой частью виртуальной игровой среды — то есть программы для ЭВМ и мультимедийного продукта в целом [1, С. 61-69]. Изображение игрового объекта, строки кода, которыми он запрограммирован, связаны воедино между собой и с виртуальным пространством онлайн-игры как объекта авторских прав. Вне этого пространства они не представляют никакой ценности. Это свойство становится одним из ключевых препятствий на пути к предоставлению пользователям прав на игровое имущество, поскольку оператор игрового сервиса обладает исключительным правом на игру как на результат интеллектуальной деятельности [4].

3. Закрепление отдельных объектов внутриигрового имущества за конкретными пользователями реализуется разработчиком посредством закрытого реестра. Применение подобных реестров предопределено цифровой сущностью виртуальных активов, учитывая, что с технической точки зрения любое имущество в виртуальной среде представляет собой программный код. Данный код вносится в базу данных, откуда затем считывается исполняющей программой, в результате чего пользователь получает визуальное отображение принадлежащих ему объектов на экране.

Представляется, что приведённые различия в понятиях и свойствах внутриигрового имущества в сравнении с виртуальным имуществом носят слишком частный характер и не позволяют сделать вывод о необходимости разграничения этих понятий для целей нормотворчества.

Таким образом, в статье проанализирована природа и сущностные характеристики одного из основных продуктов, реализующихся в сфере электронной коммерции — цифрового контента, представляющего собой нематериальное благо (цифровые товары и услуги) — потребляемое в цифровой форме. Цифровой контент и его материальный аналог несут одну хозяйственную функцию, оба обладают сопоставимой рыночной ценностью, но не могут иметь единого подхода к правовому регулированию.

Виртуальное имущество можно охарактеризовать как разновидность цифрового контента, представляющую собой нематериальный объект, обладающий реальной экономической ценностью, полезные свойства которого могут быть извлечены только в пределах виртуального пространства.

Ключевая разница цифрового контента и виртуального имущества заключается в способности субъекта потреблять или использовать последнее только в пределах виртуальной среды, что будет по-разному влиять на их ликвидность, оборотоспособность, и способы защиты прав. Данное отличие следует учитывать при разработке вариантов правового регулирования цифрового контента и виртуального имущества.

Виртуальное игровое имущество же напротив, не требует разграничения с виртуальным имуществом в законодательных целях, потому как различия в свойствах недостаточно существенны для создания потенциально обособленного правового режима.

Список литературы:

1. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61–69.
2. Астафуров М.В. Анализ отечественной судебной практики по спорам, связанным с игровым (виртуальным) имуществом. Оригинальные исследования (ОРИС). 2023. №1. С. 129–139.
3. Белов В.А. Digital Private Law & Rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети Интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих (Москва, Россия) // Право в сфере Интернета: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 255–309.
4. Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав [Электронный ресурс] // URL: <https://rozhkova.com/pdf/2020-16-pce-i.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).
5. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым. «Закон.ру». [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 24.06.2025).
6. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. - Москва: Статут, 2014. С. 277.
7. Савельев А.И. Правовая природа облачных сервисов: Свобода договора, авторское право и высокие технологии. Вестник гражданского права. 2015. Т. 5. № 5. С. 62–99.
8. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2020. Т.3. С. 28–29.
9. Palka P. Virtual property: towards a general theory. PhD. Florence: European University Institute. 2017. P. 26, 49–53.

References:

1. Arkhipov V.V. Intellectual property in the computer games industry: problems of theory and practice // Law. 2015. No. 11. P. 61–69.
2. Astafurov M.V. Analysis of domestic judicial practice on disputes related to game (virtual) property. Original research (ORIS). 2023. No. 1. P. 129–139.
3. Belov V.A. Digital Private Law & Rights: Reflections on the Changes Already Made in Private Law by the Development of the Global Computer Network Internet, and on the Reforms That Will Soon and Inevitably Occur for the Same Reason (Moscow, Russia) // Internet Law: Collection of Articles / Head of the Authors' Col. and Editor-in-Chief, Doctor of Law M.A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2018. Pp. 255–309.
4. Rozhkova M.A. Property Rights to New Intangible Objects in the System of Absolute Rights [Website] // URL: <https://rozhkova.com/pdf/2020-16-pce-i.pdf> (Date of access: 24.06.2025).
5. Rozhkova M.A. Digital Assets and Virtual Property: How the Virtual Relates to the Digital. "Zakon.ru". [Website] // URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (Date of access: 24.06.2025).
6. Saveliev A. I. Electronic Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation. - Moscow: Statut, 2014. P. 277.
7. Saveliev A. I. Legal Nature of Cloud Services: Freedom of Contract, Copyright and High Technologies. Bulletin of Civil Law. 2015. Vol. 5. No. 5. P. 62–99.
8. Sukhanov E. A. Civil Law: Textbook: in 4 volumes / ed. E. A. Sukhanov. - 2nd ed., revised. and additional - Moscow: Statute, 2020. T.3. pp. 28–29.
9. Palka P. Virtual property: towards a general theory. PhD. Florence: European University Institute. 2017. P. 26, 49–53.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_272

УДК 347

ДИСТАНЦИОННЫЙ ДОГОВОР В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ REMOTE CONTRACT IN THE FIELD OF TRADE AS AN ECONOMIC AND LEGAL PHENOMENON

ФАДЕЕВ Алексей Владимирович,
старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: leshafadeev60@mail.ru;

АНИКИН Герман Германович,
аспирант ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: anikin-german@bk.ru;

FADEEV Alexey Vladimirovich,
Senior Lecturer, Samara State University.
443090, Samara, 141 Sovetskaya Army Street.
E-mail: leshafadeev60@mail.ru;

ANIKIN German Germanovich,
Postgraduate Student of the Samara State University.
443090, Samara, 141 Sovetskaya Army Street.
E-mail: anikin-german@bk.ru

Краткая аннотация: Недостаточность правового регулирования торговых отношений, приобретших в условиях глобализации и цифровизации экономики дистанционный формат, вызвала необходимость их комплексного исследования, включая анализ нормативно-правовых предложений по его совершенствованию.

Abstract: The lack of legal regulation of trade relations, which have acquired a remote format in the context of globalization and digitalization of the economy, has led to the need for a comprehensive study of these relations, including an analysis of the legal regulation of this area in order to identify problems and develop proposals for its improvement.

Ключевые слова: электронная торговля, электронный договор, дистанционная продажа товаров, дистанционный договор купли-продажи, потребитель, виртуальный покупатель, дистанционный продавец.

Keywords: e-commerce, e-contract, remote sale of goods, remote purchase and sale contract, consumer, virtual buyer, remote seller.

Для цитирования: Фадеев А.В., Аникин Г.Г. Перспективы развития нормативно-правового регулирования правоотношений в сфере дистанционной торговли // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 272-276. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_272.

For citation: Fadeev A.V., Anikin G.G. Remote contract in the field of trade as an economic and legal phenomenon // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 272-276. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_272.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Небывалая скорость внедрения в экономические отношения удаленного способа, который исключает непосредственное взаимодействие их участников, вызвана всеми известными событиями, произошедшими в начале 20-х годов XXI-го века. Процесс перехода от традиционной торговли к дистанционной, безусловно, происходил и до пандемии COVID19, но ограничения, введенные в связи с попытками предотвратить ее распространение, в том числе, закрытие международных границ, делающих невозможной международную торговлю, ограничения торговли на внутренних рынках, самоизоляция и иные карантинные меры, спровоцировали небывалый прорыв новых технологий, позволяющих организовать продажу товаров всех видов с помощью дистанционных каналов.

Электронная торговля, являясь составной частью информационного общества, оказывает существенное влияние на экономические социальные процессы. Увеличение числа участников электронной торговли, расширение ассортимента товаров и услуг, а также трансграничной характер сделок, совершаемых в сети интернет, требует адекватного правового регулирования, в том числе в части определения статуса и ответственности посредников.

В условиях глобализации и цифровизации экономики, посредничество в электронной торговле становится ключевым элементом, обеспечивающим эффективной взаимодействия между продавцами и покупателями. Однако, несмотря на значительный рост объема сделок, совершаемых с использованием посредников, правовое регулирование данной сферы остается фрагментарным и не в полной мере учитывают специфику отношений, возникающих в электронной среде. В связи с этим, возникает необходимость комплексного исследования посредничества в электронной торговле, выработки четких дефиниций электронного договора и дистанционной торговли, а также анализа нормативно-правового регулирования данной сферы с целью выявления проблем и разработки предложений по его совершенствованию.

Преимущества, которые предоставляют, как покупателям, так и продавцам, возможности интернета, бесспорны. Дистанционная торговля позволяет экономить на складских помещениях, аренде торговых залов и их работников. Осуществление хранения товаров, особенно скоропортящихся продуктов, всегда являлось проблемой, последствиями которой были прямые убытки продавца. Дистанционный способ торговли позволяет избежать этих проблем, а также более рационально организовать логистику.

Потребитель, выступая стороной в дистанционных торговых отношениях, также получает множество преимуществ. Так, отпадает необходимость посещения мест торговли, в целях приобретения нужного товара, находящихся на удаленном расстоянии, появляется возможность выбора из большего, чем может находиться в торговом зале, ассортимента товара.

Тем не менее, кроме преимуществ, имеющихся в дистанционных торговых отношениях, есть и безусловные недостатки. С учетом перспективности развития исследуемого способа торговли, необходимо нивелировать эти недостатки, что возможно, в том числе, с помощью четкой правовой регламентацией данных отношений.

В последнее время получила распространение терминология, определяющая новые способы торговли как дистанционную или электронную. Соответственно, договоры, в рамки которых облачают торговые отношения, именуются дистанционными или электронными договорами. До настоящего времени в среде научно-теоретической, как и на практике, равнозначно применяются понятие электронного и дистанционного договора купли-продажи.

Торговые отношения, в процессе их перехода в виртуальную плоскость, приобрели новые черты и возможности, но нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что правовое регулирование этих отношений на этом этапе отсутствовало.

Для уточнения понятийного аппарата, обратимся к мнению ученых, а также законодательству, действующему в данной сфере.

Несмотря на то, что договоры, заключаемые по поводу купли-продажи товаров в удаленном формате, прочно и безоговорочно вошли в нашу жизнь, мнения относительно их природы значительно разнятся.

Так, с точки зрения одних исследователей, дистанционный договор, то есть договор, заключенный онлайн, представляет собой отличное от классических представлений, возникших еще в римском праве, новое правовое явление. С точки зрения других, к данному виду отношений вполне приемлемо применять весь древнеримский понятийный аппарат.

Изучая правовую природу посредничества, выяснив необходимость его встраивания в новую систему торговых отношений, складывающихся в удаленном формате, обнаружились проблемы правового определения самих понятий, составляющих основу дистанционной торговли. Так, множество вопросов вызывает определение самой сущности электронного договора, его встроенность в систему дистанционной торговли, отличие или тождественность с дистанционным договором купли-продажи.

В качестве первых способов дистанционной торговли, приближенных к современным, можно назвать куплю-продажу по каталогам и по телевизионным каналам, то есть, дистанционная торговля возникла раньше, чем появилась электронная форма договора купли-продажи.

В 2007 году упоминание о дистанционном способе продажи товара появляется в Гражданском Кодексе РФ, когда статья 497 приобретает новое звучание: «Договор розничной купли-продажи может быть заключен на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и других) или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора (дистанционный способ продажи товара). Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, договор розничной купли-продажи товара по образцам или договор розничной купли-продажи, заключенный дистанционным способом продажи товара, считается исполненным с момента доставки товара в место, указанное в таком договоре, а если место передачи товара таким договором не определено, с момента доставки товара по месту жительства покупателя-гражданина или месту нахождения покупателя - юридического лица»¹.

В том же году дистанционный способ продажи получил подробную регламентацию в утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.09.2007 г. № 612 «Правилах продажи товаров дистанционным способом», которыми разъяснил, что «продажа товаров дистанционным способом - продажа товаров по договору розничной купли-продажи, заключаемому на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, содержащимся в каталогах, проспектах, буклетах либо представленным на фотоснимках или с использованием сетей почтовой связи, сетей электросвязи, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетей связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов, или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора»².

Для российского законодательства отсутствие единого определения для юридически значимого понятия не является чем-то уникальным, также достаточно часто встречается множественность понятийного аппарата.

Дистанционную куплю-продажу данная проблема не обошла, а нормативного закрепления понятие дистанционный договор вообще не получило.

Тем не менее, исследовав дефиниции, каким-либо образом относящиеся к изучаемому явлению (здесь можно назвать и дистанционную торговлю, и дистанционную продажу), можно выделить объединяющие их признаки, так или иначе опосредующие понятие дистанционного договора [1, 22-32]. В качестве такового выступает, в первую очередь, указание на то, в каком порядке договор заключается. Такой порядок получил подробную регламентацию в Правилах, утвержденных Постановлением Правительства РФ N 2463 в редакции 2024 года.

Понятие дистанционного договора не сформулировано. По поводу того, есть ли в этом теоретическая и практическая необходимость или достаточно указание на дистанционность, - вопрос спорный.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 25.10.2007) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=493202&dst=38&cacheid=E3504D710CBF54899CE9E5E5977707C2&mode=splus&rnd=Cgco7w#96yw5oU86IA4AOHt>. (Дата обращения 01.06.2025).

² Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 N 612 (ред. от 16.05.2020) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом». Документ утратил силу с 1 января 2021 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=352853&dst=100007#uKngznU63kYECVmc3> (Дата обращения 01.06.2025).

Покупка будет дистанционной, если товар не осмотрен, но если договор заключен по месту нахождения и осмотра товара, такой договор следует отнести к договорам, заключенным обычным способом.

К такому вводу приходят не только теоретики, изучая судебные постановления, изложенная позиция находит свое подтверждение, например, в деле № А59-8659, по которому Пятым Арбитражным апелляционным судом РФ было вынесено Постановление, в котором суд пришел к следующему выводу: «в случае, если для покупки товара покупателю необходимо обратиться к продавцу по месту осуществления его деятельности, такой способ продажи товара не будет дистанционным»¹.

В данном случае, и теоретическая позиция, и судебная позиция, не звучат достаточно убедительно.

Такое положение вещей вызвано существующей законодательной неопределенностью относительно некоторых моментов, а именно, тем, что порядок заключения дистанционного договора связывает возникновение прав и обязанностей по нему с совершением одного из двух действий. Это может быть, как направление покупателем и получение продавцом уведомления о желании приобрести товар, так и действие, совершаемое продавцом, заключающиеся в передаче продавцом покупателю документа об оплате товара.

Определение момента заключения договора удаленным способом является сколь юридически значимым, столь и сложным. Направляемое продавцу сообщение/письмо имеет электронную форму, в котором покупатель должен четко обозначить описание товара или указание на артикул, размещенный в предложении, а также условия исполнения заказа, к которым относится, в том числе, условие о доставке. Согласованность доставки также является существенным условием договора купли-продажи, заключаемого в дистанционном формате. Здесь существенным для покупателя будет являться не только требования к товару, его цена, но и выбор способа доставки, места доставки, пункта выдачи товаров.

Вопросы к электронному документу, направляемому покупателем в качестве акцепта продавцу, возникают в контексте его юридической силы. Именно сегодня, когда происходят хакерские атаки, участились случаи различного рода мошенничества, требования к подтверждению подлинности документов, направляемых по каналам связи, являются особенно актуальными.

Таким образом, на сегодняшний день законодательно четко не установлено, что необходимо признавать акцептом по такого вида договорам, как, впрочем, невозможно четко разграничить рекламу, размещенную в сети от оферты, направленной неопределенному кругу лиц.

Оформление дистанционной покупки сопряжено рядом действий, включающие выбор товара, помещение его в корзину, согласие на обработку персональных данных, выбор способа доставки и оплаты. Все эти действия в своей совокупности образуют согласие с условиями договора купли-продажи. Принятие всех условий и сама покупка завершается оплатой товара. На этом этапе возможны как технические сбои, связанные с работой провайдеров сотовой связи, интернета, сайта продавца, так и возникновение иных причин, по которым товар не может быть продан, например, в связи с отсутствием в наличии выбранного артикла.

Ученый подчёркивают, что дистанционные торговля представляет собой особую форму розничной купли-продажи, при которой покупатель не имеет физического контакта с товаром до его получения. Это создает уникальные юридические вызовы, включая вопросы идентификации сторон, формы заключения договора и защиты прав потребителей [2].

Например, такие авторы, как В.В.Архипов, Е.В.Килинкова и Н.В.Мелашенко выделяют проблемы, связанные с идентификацией пользователя и особенностями заключения договора в электронном виде [3,122-145].

Дистанционные договоры купли-продажи заключаются через акцепт публичной оферты, размещенный на сайте продавца. Это порождает вопросы о моменте заключения договора, подтверждении согласия сторон и возможности применения норм о защите прав потребителей. Многие авторы анализируют правовое регулирование дистанционной продажи товаров, акцентируют внимание на трудностях, связанных с акцептом оферты и формой заключения договора [4,57-60].

Многие проблемы правового регулирования дистанционной торговли остаются нерешенными. Это связано с быстрым развитием технологий и изменением потребительских привычек. Ученые отмечают необходимость адаптации законодательства к новым реалиям, включая вопросы юрисдикции, защиты персональных данных и прав потребителей.

Таким образом, научные исследования в области дистанционной и электронной торговли подчёркивают необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования в этой сфере, с учётом быстрого технологического прогресса и изменений потребительских потребностей.

Дистанционный договор купли-продажи является динамично развивающимся институтом гражданского права, отражающим тенденции развитие электронной коммерции и информационных технологий. Дальнейшее совершенствование законодательства в данной сфере должно быть направлено на обеспечение баланса интересов продавцов и покупателей, защиту прав потребителей и создание благоприятных условий для развития дистанционной торговли России. При этом, необходимо учитывать международное регулирование электронной коммерции и практику применения современных информационных технологий для обеспечения безопасности надёжности дистанционных сделок.

Недостаточность правового урегулирования в сфере дистанционной торговли может приводить к таким негативным последствиям, как правовая неопределённость и невозможность защиты прав участников рынка.

Определившись с понятием дистанционного договора, необходимо перейти к договору электронному, выявления отличных и общих черт.

¹ Постановление Пятого Арбитражного апелляционного суда РФ от 27 мая 2019 г. по делу № А59-8659/2018 // Режим доступа: СПС Гарант (дата обращения 21.05.2025)

До настоящего времени в среде научно-теоретической, как и на практике, равнозначно применяются понятие электронного и дистанционного договора купли-продажи.

Развитие информационных технологий цифровой экономики обусловило необходимость формирования чёткой правовой базы для регулирования отношений, возникающих в электронной среде. Одним из ключевых институтов является электронный договор, понятие, содержание которого вызывают дискуссию в российской правовой доктрине. Для определения понятия электронного договора, его места в системе дистанционных торговых отношений, выявлению его ключевых признаков и отграничения от смежных правовых категорий, необходимо провести анализ позиций российских учёных по этому вопросу.

Становление представлений об электронном договоре в российском праве прошло несколько этапов. На начальном этапе, в период становления электронной коммерции, превалировал подход, отождествляющие электронный договор с традиционным договором, заключаемым с использованием электронных средств связи. Так, М. М. Агарков отмечал, что «форма договора может быть выражена путём переписки по телеграфу или телефону, если содержание воли сторон зафиксированы надлежащим образом» [5,47]. Данный подход, однако, не учитывал специфику электронной среды, в частности, возможность автоматизированного заключения договоров, использование электронной подписи и иных цифровых технологий.

В дальнейшем, с принятием Федерального закона «Об электронной подписи»¹, а также внесением изменений в ГК РФ, в частности, в статью 434 ГК РФ, в доктрине стали формироваться более дифференцированные представления об электронном договоре.

В современной российской правовой литературе отсутствует единое определение электронного договора. Различные авторы акцентируют внимание на различных аспектах данного правового явления.

Так, Е. А. Суханов определяет электронный договор как «соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении, или прекращении гражданских прав и обязанностей, совершаемое с использованием электронных средств связи и информации» [6, 766]. В данной дефиниции подчёркивается сущность договора как соглашения сторон и способ его заключения - с использованием электронных средств.

А. Г. Серго считает, что электронный договор - это «юридически обязательное соглашение, заключённое между сторонами с использованием электронных средств обмена информацией, в котором выражается их воли на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [7,112]. В данном определении делается акцент юридической обязательности соглашения.

В. А. Белов предлагает следующее определение: «электронный договор - это договор, заключённый посредством использования информационно - телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», обеспечивающий возможность идентификации сторон и фиксации их волеизъявления» [8,415]. Данное определение акцентирует внимание на средство заключения договора об обеспечении и идентификации сторон.

А. И. Савельев полагает, что «электронный договор - это юридический факт, порождающий гражданские права и обязанности, заключаемый путём обмена электронными сообщениями, подписанный электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи» [9,85]. Данное определение подчёркивает юридическую значимость электронного договора и способы удостоверения заявления сторон.

Анализ представленных дефиниций позволяет выделить ключевые признаки электронного договора: 1) соглашение сторон (консенсуальный характер); 2) направленность на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей; 3) использование электронных средств связи и информации для заключения договора; 4) возможность идентификации сторон и фиксации их волеизъявления.

В доктрине также обсуждаются вопросы о соотношении электронного договора и традиционного договора. Одни учёные считают, что электронный договор является разновидностью договора, заключаемого в письменной форме. Другие полагают, что электронный договор представляет собой самостоятельный договор, обладающий специфическими чертами.

Также существует дискуссия применимости к электронным договорам правил оферты и акцепта, сформулированных для традиционных договоров.

Некоторые авторы считают, что в электронной среде данные правила требуют адаптации с учётом особенностей автоматизированного заключения договоров и использования электронных форм.

Электронный договор, являясь разновидностью гражданско-правового договора, заключается с использованием электронных средств связи.

В соответствии со статьёй 434 ГК РФ, договор в электронной форме признаётся заключённым в письменной форме, если соблюдены требования, предусмотренные пунктом 2 статьи 434 кодекса, а именно если волеизъявление сторон выражена посредством обмена электронными документами, позволяющими достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору.

Электронный договор, отвечающий указанным требованиям, можно рассматривать как письменную форму сделки. Однако, необходимо учитывать, что для отдельных видов договоров в законе могут быть установлены специальные требования к форме, например, нотариальное удостоверение.

Понятие электронного договора в российском праве рассматривается как сложное многоаспектное явление. В доктрине отсутствует единое понятие электронного договора, однако анализ существующих подходов позволяет выделить его ключевые признаки.

Несмотря на дискуссии о квалификации электронного договора, его можно рассматривать как разновидность договора заключаемого в

¹ Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "Об электронной подписи"// URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=494998&dst=100001#S4F3BoUazBntGIN5> (дата обращения 01.06.2025).

письменной форме, при условии соблюдения требований, установленных законом.

Таким образом, можно констатировать следующее. Электронный договор не стоит рассматривать как самостоятельный вид, так как фактически к нему применяются все требования, предъявляемые к письменным сделкам. Электронный договор по своей сути является письменной формой сделки, со своей спецификой и требованиями, предъявляемыми к электронным документам вообще и к документам, закрепляющим юридически значимые действия в частности. Договор может быть заключен в электронной форме как при дистанционном способе заключения сделки, так и при обычном. Поэтому, видится целесообразным, более подробно законодательно регламентировать понятие электронной формы договора.

В отношении дистанционного договора, позиция видится совершенно иначе. Дистанционная торговля представляет собой особую форму розничной купли-продажи, при которой покупатель не имеет физического контакта с товаром до его получения. Дистанционный договор купли-продажи имеет особые, отличающие его от обычного договора, признаки. Есть необходимость более подробно регламентировать моменты оферты и акцепта применительно к дистанционному договору.

В связи с вышеизложенным, необходимо ввести в оборот и законодательно закрепить понятие «дистанционный договор», внести соответствующие изменения в ГК РФ, ФЗ «О защите прав потребителей», Постановление правительства и другие нормативно-правовые акты.

Предлагается использовать такую дефиницию: «Дистанционный договор розничной купли-продажи - договор, заключаемый на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, размещенным любыми способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора». Также следует в контексте рассмотрения дистанционного договора в качестве самостоятельного вида договоров подробно регламентировать его форму, порядок его заключения и расторжения.

Дальнейшее развитие законодательства и судебной практики в области регулирования электронных договоров будет способствовать формированию более четко определённой правовой базы для развития цифровой экономики.

Список литературы:

1. Киселева Л. Ю. Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // Научные записки молодых исследователей. 2021. Т. 9. №2 3. С. 22-32.
2. Вакулёно Руслан Яковлевич, Потапова Елена Алексеевна, Тюмина Наталья Сергеевна, Проскуликова Лариса Наумовна Анализ организационно-технологической среды существования электронных услуг // Вестник Мининского университета. 2016. №1-1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-organizatsionno-tehnologicheskoy-sredy-suschestvovaniya-elektronnyh-uslug> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Архипов, В.В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности / В.В. Архипов, Елена Килинкова, Никита Мелашенко // Закон. — 2014. — №6. — С. 122-145. — URL: <https://rucont.ru/efd/423111> (дата обращения: 15.06.2025)
4. Потапова, Л. А. Правовая природа дистанционного способа продажи товаров по договору розничной купли-продажи / Л. А. Потапова, М. Е. Любимова, Ю. П. Беляева // Актуальные исследования. — 2021. — № 50(77). — С. 57-60.
5. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков. - Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. С. 47.
6. Гражданское право. В 4 т. Т. 3. Обязательственное право / под ред. Е. А. Суханова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2008. — 766 с
7. Серго А.Г., Правовое регулирование электронной торговли. Москва, 2008. С.112.
8. Белов В.А., Гражданское право: Общая часть: учебник в 2 т. Москва, 2009. Т.1.С.415.
9. Савельев А.И., Электронная коммерция в России: проблемы правового регулирования. Москва, 2002. С.85.

References:

1. Kiseleva L. Yu. Internet trade and features of its legal regulation // Scientific notes of young researchers. 2021. V. 9. No. 2 3. Pp. 22-32.
2. Vakulenko Ruslan Yakovlevich, Potapova Elena Alekseevna, Tyumina Natalya Sergeevna, Proskulikova Larisa Naumovna Analysis of the organizational and technological environment of the existence of electronic services // Bulletin of Minin University. 2016. No. 1-1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-organizatsionno-tehnologicheskoy-sredy-suschestvovaniya-elektronnyh-uslug> (accessed: 15.06.2025).
3. Arkhipov, V.V. Problems of Legal Regulation of the Circulation of Goods on the Internet: From Distance Selling to Virtual Property / V.V. Arkhipov, Elena Kilinkarova, Nikita Melashchenko // Zakon. — 2014. — No. 6. — Pp. 122-145. — URL: <https://rucont.ru/efd/423111> (accessed: 15.06.2025)
4. Potapova, L. A. The Legal Nature of the Remote Method of Selling Goods under a Retail Sale Agreement / L. A. Potapova, M. E. Lyubimova, Yu. P. Belyaeva // Aktualnye Problemy Rossiyskogo Prava = Actual Problems of Russian Law.
5. Agarkov, M. M. Obligation under Soviet Civil Law / M. M. Agarkov. - Moscow : Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1940. P. 47.
6. Civil Law. In 4 volumes. Vol. 3. Obligatory Law / edited by E. A. Sukhanov. — 3rd edition, revised and expanded. — Moscow : Wolters Kluwer, 2008. — 766 p.
7. Sergho A.G., Legal Regulation of Electronic Commerce. Moscow, 2008. P. 112.
8. Belov V.A., Civil Law: General Part: Textbook in 2 Volumes. Moscow, 2009. Vol. 1. P. 415.
9. Savelyev A.I., Electronic Commerce in Russia: Problems of Legal Regulation. Moscow, 2002. P. 85.

НАСЛЕДОВАНИЕ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ INHERITANCE OF THE RIGHTS AND OBLIGATIONS OF SELF-EMPLOYED CITIZENS IN RUSSIA

МАРКАСОВ Павел Владимирович,
соискатель, Институт государства и права Российской академии наук.
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;

MARKASOV Pavel Vladimirovich,
applicant for a degree at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation.
E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с отсутствием четких норм наследования для самозанятых граждан России, что создает правовую неопределенность как для наследников, так и для органов, ответственных за администрирование налоговых обязательств. Исследование направлено на анализ действующего законодательства, выявление правовых пробелов и недостатков, а также разработку рекомендаций по их устранению. В результате работы подчеркивается необходимость создания ясных правовых механизмов, которые помогут избежать правовых коллизий и упростят процесс наследования, учитывая разнообразие обязательств самозанятых. Статья будет полезна как для правоведов, так и для практиков, занимающихся вопросами наследования и правового статуса самозанятых граждан в России.

Abstract: The article discusses topical problems associated with the lack of clear inheritance standards for self-employed citizens of Russia, which creates legal uncertainty for both heirs and bodies responsible for the administration of tax liabilities. The study is aimed at analyzing the current legislation, identifying legal gaps and shortcomings, as well as developing recommendations for their elimination. As a result, the work emphasizes the need to create clear legal mechanisms that will help avoid legal conflicts and simplify the inheritance process, given the variety of obligations of the self-employed. The article will be useful both for legal scholars and for practitioners dealing with inheritance and the legal status of self-employed citizens in Russia.

Ключевые слова: наследование, самозанятые, правовое регулирование, налогообложение, правопреемство, земельный пай, имущественные права, неимущественные права.

Keywords: inheritance, self-employed, legal regulation, taxation, succession, land share, property rights, non-property rights.

Для цитирования: Маркасов П.В. Наследование прав и обязанностей самозанятых граждан в России // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 277-279. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_277.

For citation: Markasov P.V. Inheritance of the rights and obligations of self-employed citizens in Russia // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 277-279. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_277.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В последние годы в России наблюдается значительный рост числа самозанятых граждан, что обусловлено введением специального налогового режима и упрощением процедур регистрации. Данная категория граждан России вносит значительный вклад в развитие экономики страны. К сожалению, в настоящее время правовой статус недостаточно определен в законодательстве, например, в некоторых аспектах правового регулирования наследования прав и обязанностей самозанятых граждан. По возникающим вопросам следует исследовать актуальность данной темы в современных условиях и с помощью практики изменить в законодательстве ряд норм права.

Федеральный закон №422-ФЗ от 27 ноября 2018 года регулирует деятельность самозанятых граждан в России, устанавливая порядок их регистрации, налогообложения и взаимодействия с государственными органами. Тем не менее, закон не содержит прямых нормативных положений, касающихся наследования прав и обязанностей самозанятых, что создает неопределенность в вопросах правопреемства. Это особенно актуально в контексте налоговых обязательств и сохранения права на ведение деятельности в статусе самозанятого.

Наличие земельного пая и сертификата на него предоставляет право владения, распоряжения, использования и наследования земельного участка без возможности отчуждения[1]. Таким образом, отсутствие четких норм в области наследования прав самозанятых подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и разработки соответствующих законодательных инициатив.

По данным Федеральной налоговой службы, к 2023 году в России зарегистрировано более 7 миллионов самозанятых граждан. Эта статистика свидетельствует о значительном распространении данного вида экономической активности, что делает вопросы правового регулирования их деятельности, включая аспекты наследования, крайне актуальными. В условиях отсутствия специальных норм наследование прав и обязанностей самозанятых может вызывать затруднения как у наследников, так и у органов, ответственных за администрирование налоговых и иных обязательств. «Ответственность за нарушения налогового законодательства - совокупность различных видов юридической ответственности. За нарушение налогового законодательства установлена юридическая ответственность, основными видами которой являются: налоговая; административная; уголовная»[2].

В стране Федеральным законом № 422-ФЗ от 27 ноября 2018 года регулируется правовой статус самозанятых граждан, определяются принципы и условия их хозяйственной деятельности. Но имеются пробелы в данном законе: отсутствуют права и обязанности по наследованию самозанятых граждан. Данная проблема создает ситуацию, когда наступает смерть самозанятого гражданина, и приходится поднимать этот вопрос в законодательных органах, например, каким образом должны быть урегулированы вопросы, связанные с передачей имущественных и

неимущественных прав, а также обязательств, вытекающих из их профессиональной деятельности. В результате наследники самозанятых сталкиваются с трудностями в понимании своих прав и обязанностей в данном аспекте. Профессор Смирнов отмечает, что «трудоправовая ответственность реализуется в рамках трудовых правоотношений, а они не могут возникнуть без своего основания — договора о труде». Это подчеркивает необходимость четкого определения правовых основ, касающихся наследования для самозанятых, чтобы избежать правовых пробелов и обеспечить наследникам ясность в их обязательствах и правах[3].

Исследования, проведенные Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, указывают на отсутствие четких механизмов наследования доходов и обязательств самозанятых, что приводит к правовой неопределенности для их наследников. В частности, не предусмотрены процедуры передачи налоговых обязательств, возникающих в результате деятельности самозанятого. Вместе с тем, остаётся неясным, как наследники могут воспользоваться правами на интеллектуальную собственность, созданную самозанятым, или продолжить его профессиональную деятельность.

Эти пробелы в законодательстве создают риски для наследников и могут привести к экономическим потерям и правовым спорам. Исследователь Пономарев отмечает, что «возникает несоответствие между состоянием правового регулирования отношений, связанных с семейным предпринимательством, и современными требованиями социального и экономического развития Российской Федерации, значительный вклад в которое призван вносить семейный бизнес»[4]. Эта ситуация подчёркивает необходимость разработки соответствующих нормативных актов.

Согласно данным Федеральной налоговой службы России, в 2022 году самозанятые граждане уплатили в государственный бюджет более 10 миллиардов рублей налогов. Этот показатель свидетельствует о значительном экономическом вкладе самозанятых в развитие экономики страны. Увеличение налоговых поступлений от самозанятых демонстрирует успешность введенного налогового режима и его влияние на легализацию их деятельности. Важно отметить, что правовое признание самозанятых как полноценной категории экономических субъектов способствует их интеграции в экономическую систему и повышению правового статуса. При этом финансовая инклюзивность играет ключевую роль не только в России, но и в других странах. Как отмечает Махкамова, «целью статьи является анализ уровня финансовой инклюзивности в Республике Таджикистан на примере микрофинансовых услуг, предоставляемых МДО «ИМОН Интернешнл»[5]. Это подчеркивает, что самозанятые и малые предприниматели стремятся получить доступ к финансовым ресурсам для дальнейшего развития, что является важным аспектом их успешной деятельности.

В России последние три года увеличивается количество самозанятых граждан на всей территории страны, которое примерно составляет пять миллионов человек. Данная тенденция с одной стороны положительна для пополнения бюджета страны, но с другой стороны, в дальнейшем для создания субъектов предпринимательства может привести к отрицательному балансу. Чтобы решить некоторые проблемы по правовому регулированию самозанятых граждан в отношении прав и обязанностей, возникающих при наследовании, следует внести соответствующие правила поведения в законодательство страны. Поэтому практика свидетельствует о значительных пробелах в правовом регулировании, которые создают неопределённость и могут привести к увеличению числа судебных споров. Экспертные оценки подтверждают, что текущая ситуация требует внимательного анализа и разработки комплексных мер для устранения этих пробелов, что позволит обеспечить защиту прав самозанятых и их наследников. Важно отметить, что самозанятые женщины могут рассматриваться как предприниматели, однако некоторые исследователи утверждают, что для этого они должны создавать новые рабочие места для других[6]. Таким образом, вопрос правового регулирования самозанятых требует более глубокого изучения и адаптации к современным условиям.

С 2019 года в России действует специальный налоговый режим для самозанятых, регулируемый Федеральным законом от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ. Этот закон позволяет физическим лицам официально регистрировать свою деятельность и уплачивать налоги по упрощённой системе. По данным Федеральной налоговой службы, к 2023 году число зарегистрированных самозанятых превысило 7 миллионов человек, что свидетельствует о значительном интересе к данному режиму. Тем не менее, несмотря на успехи в популяризации этого режима, остаются нерешённые вопросы, связанные с правовым регулированием наследования прав и обязанностей самозанятых. В частности, «определение ответчика при предъявлении требований к наследственному имуществу по п. 3 ст. 1175 ГК РФ» требует дальнейшего анализа. При этом «предъявление иска к наследственному имуществу – известная практика в зарубежных странах»[7]. Эти аспекты нуждаются в изменениях для улучшения правовой базы самозанятых.

Одним из ключевых предложений для улучшения правового статуса самозанятых является введение механизма автоматического наследования их прав и обязанностей. Это позволит значительно упростить процесс передачи клиентской базы или других активов, связанных с деятельностью самозанятого, в случае его смерти. Например, в некоторых странах Европейского Союза уже применяются упрощённые процедуры передачи прав и обязанностей индивидуальных предпринимателей, что может служить примером для разработки аналогичных механизмов в российском законодательстве. Введение подобных изменений будет способствовать не только защите прав самозанятых, но и обеспечению их уверенности в будущем.

Экономическая трансформация, вызванная пандемией и другими глобальными изменениями, подчеркивает необходимость создания гибких и адаптивных правовых механизмов для самозанятых. Важно учитывать специфику их деятельности и риски, связанные с нестабильностью доходов и отсутствием традиционных трудовых гарантий. Эти аспекты следует учитывать при разработке новых законодательных инициатив, направленных на регулирование наследования прав и обязанностей самозанятых, чтобы обеспечить их защиту в условиях изменяющейся экономической среды. В этом контексте «в условиях трансформационной экономики становится важным направлением государственного воздей-

ствия, через которое государство эффективно может реализовать государственное регулирование семейной экономики» [9].

Таким образом, несмотря на разные федеральные законы, которые регулируют деятельность самозанятых граждан на рынке труда и в бизнесе, имеются существенные пробелы в законодательстве страны [10]. В частности, в исследовании затрагивался проблемный вопрос прав и обязанностей, возникающих при наследовании имуществом самозанятых граждан при физической смерти. При наступлении данного юридического факта возникает неопределенность по отношению к самим самозанятым и их наследникам. Чтобы охранять и защищать при наследовании имущества и другие неимущественные права и обязанности субъектов права, следует внести изменения в действующие законы. В работе исследованные пробелы в законодательстве обязаны решить на федеральном уровне, и в срочном порядке следует устранить неопределенность в отношении наследования прав и обязанностей самозанятых, а также учесть экономические изменения в правовом регулировании, чтобы в дальнейшем укрепить правовой статус вышеназванной категории граждан. Такие меры также способствуют снижению правовых рисков и улучшению защиты интересов как самозанятых, так и их наследников.

Список литературы:

1. Кириенко В. В. Гуманитарно-экономический факультет ГГТУ им. П. О. Сухого: вехи развития // Вестник ГГТУ им. П. О. Сухого. — 2017. — № 4. — С. 120.
2. Зойдов К.Х., Беломестнов В.Г., Борталевич С.И. Вклад малого и среднего предпринимательства в обеспечение интегративной безопасности государства // Проблемы рыночной экономики. — 2022. — № 3. — С. 92-106.
3. Смирнов Д. А. Юридические записки молодых ученых и аспирантов: сборник научных трудов / под ред. Д. А. Смирнова ; Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. — Ярославль : ЯрГУ, 2017. — Вып. 17. — 80 с.
4. Пономарев Д. А. СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ЧАСТНОПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Д. А. Пономарев. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2023. — [б. с.].
5. Махкамова Г. М. Продвижение экономической и финансовой инклюзивности: расширение доступа женщин к микрофинансовым услугам на примере деятельности МДО «ИМОН Интернешнл» // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — Т. 8. — № 3А. — С. 338-349.
6. Орлова А.В. Методологические проблемы исследований женского предпринимательства // Вестник экономической интеграции. — 2013. — № 8 (64). — С. 220-233.
7. Межотраслевые связи в частном и публичном праве / отв. ред.: Д.Х. Валеев, А.В. Михайлов. — Казань: Издательство Казанского университета, 2022. — 376 с.
8. Баттахов П. П. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 4(220). — С. 234-237.
9. Сывороткина И.Ю., Сывороткина С.Ю. Аналитический обзор особенностей пенсионного обеспечения в России и отдельных зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. — 2020. — Том 10. — № 10А. — С. 27-34.
10. Баттахов П. П. Признаки предпринимательской деятельности // Право и экономика. — 2012. — № 11(297). — С. 73-77.

References:

1. Kiriienko V.V. Faculty of Humanities and Economics GSTU named after P.O. Sukhoi: development milestones//Bulletin of GSTU named after P.O. Sukhoi. — 2017. — № 4. - S. 120.
2. Zoidov K.Kh., Belomestnov V.G., Bortalevich S.I. The contribution of small and medium-sized businesses to ensuring the integrative security of the state//Problems of the market economy. — 2022. — № 3. - S. 92-106.
3. Smirnov D.A. Legal notes of young scientists and graduate students: a collection of scientific papers/ed. D. A. Smirnova; Tikhonovskaya. state university named after P. G. Demidov. - Yaroslavl: Yargu, 2017. - Issue 17. - 80 s.
4. Ponomarev D.A. FAMILY ENTREPRENEURSHIP: PRIVATE LAW RESEARCH: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences/D.A. Ponomarev. - Kursk: Southwestern State University, 2023. - [b. p.].
5. Makhkamova G. M. Promotion of economic and financial inclusiveness: expanding women's access to microfinance services on the example of the activities of IMON International//Economy: yesterday, today, tomorrow. — 2018. - VOL. 8. - No. 3A. - S. 338-349.
6. Orlova A.V. Methodological problems of research on female entrepreneurship//Bulletin of Economic Integration. — 2013. — № 8 (64). - S. 220-233.
7. Intersectoral relations in private and public law/resp. ed.: D.Kh. Valeev, A.V. Mikhailov. - Kazan: Kazan University Publishing House, 2022. - 376 p.
8. Battakhov P.P. State regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation at the present stage//Law and state: theory and practice. — 2023. — № 4(220). - S. 234-237.
9. Serivkina I.Yu., Serivkina S.Yu. Analytical review of the features of pension provision in Russia and certain foreign countries//Issues of Russian and international law. — 2020. - Volume 10. - No. 10A. - S. 27-34.
10. Battakhov P.P. Signs of entrepreneurial activity//Law and economics. — 2012. — № 11(297). - S. 73-77.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_280

УДК 347.63

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ THE CONCEPT AND ESSENCE OF PARENTAL RIGHTS AS A LEGAL CATEGORY

ЧЕШОКОВА Юлия Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»

ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru;

CHESNOKOVA Yulia V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law

Penza State University "Penza State University".

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье анализируется содержание родительских прав как прав-обязанностей, неразрывно связанных с интересами ребенка. В рамках данного исследования раскрыты основные принципы, которыми должны руководствоваться родители при осуществлении своих прав и обязанностей в отношении детей. Соблюдение данных принципов фактически очерчивает необходимые границы родительского поведения, выход за которые может повлечь применение мер правового воздействия. Целью исследования является определение сущности родительских прав как правовой категории. На основе проведенного исследования автором сделан вывод, что ключевой особенностью родительских прав является их двойственная природа: они выступают одновременно как субъективные права и как юридические обязанности. Понимание родительских прав как прав-обязанностей, осуществляемых исключительно в интересах ребенка, является основой для осознания необходимости и правомерности установления определенных пределов их реализации.

Abstract: The article analyzes the essence of parental rights as rights and duties that are inextricably linked to the interests of the child. This study reveals the basic principles that parents should follow when exercising their rights and responsibilities towards children. Compliance with these principles actually outlines the necessary boundaries of parental behavior, beyond which may entail the application of legal measures. The purpose of the study is to determine the essence of parental rights as a legal category. Based on the conducted research, the author concludes that the key feature of parental rights is their dual nature: they act simultaneously as subjective rights and as legal obligations. Understanding parental rights as rights and duties performed solely in the interests of the child is the basis for understanding the need and legality of setting certain limits to their implementation.

Ключевые слова: ребенок, родительские права, пределы осуществления, интересы ребенка, семейное законодательство.

Key words: child, parental rights, limits of exercise, interests of the child, family legislation.

Для цитирования: Чешокова Ю.В. Понятие и сущность родительских прав как правовой категории // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 280-282. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_280.

For citation: Chesnokova Yu.V. The concept and essence of parental rights as a legal category // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 280-282. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_280.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Семья и воспитание детей являются ключевыми приоритетами государственной политики Российской Федерации, что находит отражение в нормах Конституции РФ и Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ). Родительские права, закрепленные за матерью и отцом ребенка, представляют собой комплекс юридических возможностей и одновременно обязанностей, направленных на обеспечение полноценного физического, психического, духовного, нравственного и социального развития ребенка. Однако, как и любые субъективные права, родительские права не являются абсолютными и имеют свои пределы.

Согласно статьи 61 СК РФ, «родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права). Родительские права прекращаются по достижении детьми возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), а также при вступлении несовершеннолетних детей в брак и в других установленных законом случаях приобретения детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия [1].

Ключевой особенностью родительских прав является их двойственная природа: они выступают одновременно как субъективные права и как юридические обязанности. Это так называемые «права-обязанности», которые принадлежат родителям не для их собственной выгоды или усмотрения, а в интересах ребенка и для обеспечения его благополучия. Пункт 1 статьи 63 СК РФ прямо указывает, что «родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей» [1].

Содержание родительских прав охватывает широкий круг полномочий: право на воспитание, формирование мировоззрения ребенка, традиционных семейных ценностей. Родители обязаны обеспечить доступ ребёнка к образованию, способствующего его всестороннему интеллектуальному и личностному росту. Родители наделены правом принимать решение относительно выбора образовательного учреждения и формы обучения. «Право на образование относится к числу основных прав человека, предусмотренных в международно-правовых актах и закрепленных в конституционном порядке» [2, с. 200].

Родители выступают основными гарантами соблюдения законных прав и отстаивания интересов своего несовершеннолетнего ребёнка. Они уполномочены действовать от имени ребёнка, представляя его интересы как с физическими, юридическими лицами, так и в официальных государственных инстанциях. Помимо перечисленного, содержание родительских прав охватывает множество иных аспектов, направленных на всестороннее благополучие, развитие и защиту ребёнка.

«Жизнь и здоровье ребенка напрямую зависят от ответственного поведения родителей, от того насколько своевременно и правильно будут реализовываться родительские права и обязанности» [3, с. 371].

Фундаментальным принципом, пронизывающим все положения о родительских правах, является принцип приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних, закрепленный в статье 3 Конвенции ООН о правах ребенка и получивший отражение в статье 56 СК РФ. Именно этот принцип служит отправной точкой для определения, как объема родительских прав, так и их пределов.

Преамбула Конвенции о правах ребенка предусматривает необходимость развития несовершеннолетнего в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви, понимания и заботе [4].

Ряд авторов, «анализируя Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г., в которой практически все статьи посвящены детям и их родителям», делают акцент на то, что «нет разделений родителей на маму и папу или уточнения их роли в семье. Есть общие права родителей, которые закреплены в статьях 5, 14 (п. 2), 27 (п. 3) и есть общие обязанности родителей, зафиксированные в статьях 18 (п. 1, 2), 27 (п. 2, 4)» [5, с. 241].

Таким образом, считаем права и обязанности родителей рассматривать с точки зрения полного обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних детей.

Исходя из норм международного права, следует отметить, что основной целью реализации права родителей на воспитание является создание наилучших условий для физического и нравственного становления ребенка.

В отличие от большинства гражданских прав, которые могут быть реализованы по собственному усмотрению управомоченного лица, родительские права носят строго целевой характер. Их осуществление должно быть подчинено интересам ребенка, его всестороннему развитию и благополучию. Это кардинально меняет ракурс рассмотрения: родительские права не просто даны родителям, они возложены на них как средство выполнения важнейшей социальной функции – заботы о подрастающем поколении.

Таким образом, понимание родительских прав как прав-обязанностей, осуществляемых исключительно в интересах ребенка, является основой для осознания необходимости и правомерности установления определенных пределов их реализации.

Законодательство и судебная практика выработали ряд принципов, которыми должны руководствоваться родители при осуществлении своих прав и обязанностей в отношении детей. Соблюдение данных принципов фактически очерчивает необходимые границы родительского поведения, выход за которые может повлечь применение мер правового воздействия.

Одним из центральных принципов является принцип приоритета интересов ребенка. Статья 65 СК РФ устанавливает, что «родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей» [1]. Этот принцип является не просто декларацией, а оценочной категорией, которая активно используется судами при разрешении споров между родителями и при принятии решений о защите прав ребенка. Определение того, что соответствует интересам ребенка в конкретной ситуации, требует учета множества факторов: его возраста, состояния здоровья, индивидуальных особенностей, мнения ребенка (начиная с определенного возраста, согласно статье 57 СК РФ).

Одним из самых болезненных вопросов является деление детей между родителями при расторжении брака. Законные права и интересы несовершеннолетних определены также положениями норм Федерального закона РФ № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка» [6]. При расторжении брака родителями в суде у ребенка возникает право на определенное место жительства, общение с другим родителем и право на содержание.

При рассмотрении вопроса о месте жительства ребёнка после расторжения брака, судебные органы анализируют множество факторов. Среди них – социально-бытовые условия, предлагаемые каждым из родителей, а также личные предпочтения самого ребёнка.

«На практике решение подобных вопросов сопряжено со значительными сложностями, вызванными психологическим и эмоциональным состоянием, как самого ребенка, так и его родителей» [7, с. 238]. Важную роль играет также возраст ребенка. При достижении десяти лет ребенок имеет право выразить свое мнение, с кем из родителей хочет жить. Суд обязан учитывать это, за исключением случаев, если выяснится, что выбор ребенка противоречит его интересам.

Следует отметить, что только при наличии серьезных оснований суд может вынести решение о проживании ребенка с одним из родителей против воли самого подростка.

Второй важный принцип – недопустимость злоупотребления родительскими правами. Пункт 1 статьи 65 СК РФ прямо запрещает осуществление родительских прав в ущерб физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию.

Формирование и развитие детей представляют собой ключевую родительскую задачу, поскольку семейное окружение является фундаментом для становления физически и нравственно здоровой личности.

Для обеспечения успешного развития ребёнка родителям необходимо определять формы, приёмы воспитательного воздействия. Также необходимо учитывать жизненный опыт родителей, и, конечно же, определенные семейные традиции, которые существуют в каждой семье. Крайне важно, чтобы эти методы полностью исключали любые проявления жестокости, грубости, унижения человеческого достоинства несовершеннолетнего.

Судебная практика по делам, связанным с воспитанием детей, свидетельствуют о наличии серьезных проблем в сфере реализации родительских функций, нередко граничащих со злоупотреблением или ненадлежащим осуществлением родительских прав.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 разъясняется, что «под злоупотреблением родительскими права-

ми следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий к получению ими общего образования, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотических средств или психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, вовлечение в деятельность общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности» [8]. На практике под злоупотреблением родительскими правами понимают такое их осуществление, которое причиняет вред детям.

Таким образом, рассматриваемый принцип является одной из ключевых юридических основ для применения мер государственного принуждения к недобросовестным родителям.

Принцип равенства прав и обязанностей родителей (статья 61 СК РФ) означает, что оба родителя несут равную ответственность за воспитание и развитие своих детей.

Родители обладают правом на активное участие в жизни своего ребенка, получая полную информацию о его достижениях и возникающих сложностях, а также оказывая необходимую помощь и поддержку в преодолении трудностей. Родители также могут определять правила поведения и границы поведения для своих детей, но эти установки должны строго соблюдать права и достоинство ребенка и не противоречить положениям семейного законодательства.

Даже в случае раздельного проживания родителей, они оба сохраняют родительские права и обязанности, за исключением случаев, предусмотренных законом (например, лишение родительских прав). Этот принцип важен при разрешении споров между родителями, касающихся воспитания, места жительства, общения с ребенком.

Принцип осуществления родительских прав в соответствии с целями их предоставления. Как было отмечено, родительские права даны для обеспечения интересов ребенка. Использование этих прав в иных целях, например, для давления на другого родителя, получения материальной выгоды в ущерб ребенку, является неправомерным.

«Родители ребенка не имеют права по собственному усмотрению принимать решения о передаче своих родительских прав другим лицам, за исключением случаев передачи ребенка на обучение в образовательные учреждения или на воспитание иным близким родственникам» [9, с. 268].

В соответствии со ст. 63 СК РФ, «родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами» [1]. На практике порой возникают ситуации, когда ребенок по стечению обстоятельств оказывается в другой семье. Вопрос о его возвращении родителям решается через суд. Суд, изучив доказательства и убедившись, что родители способны надлежаще выполнять свои обязанности и что передача ребенка не причинит ему вреда, удовлетворит иск.

Таким образом, из всего вышесказанного следует сделать вывод, что соблюдение перечисленных принципов формирует модель правомерного осуществления родительских прав. Нарушение этих принципов является основанием для применения предусмотренных законом мер защиты прав ребенка, которые, по сути, и являются теми самыми пределами родительского усмотрения.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
2. Курицына Е. В. Конституционное право на образование в Российской Федерации: понятие и содержание // Наука. Общество. Государство. 2014. № 1 (5). С. 194-204.
3. Меняйло Л. Н., Тищенко И. В., Меняйло Д. В. Правовой статус несовершеннолетних родителей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 371-374.
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.
5. Комнатная Ю. А., Котарева О. В., Чистюхина М. В. К вопросу о конституционной основе родительских прав (обязанностей) и формализации категории «родитель» // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 240-243.
6. Федеральный закон РФ от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1998. - № 31. - Ст. 3802.
7. Чеснокова Ю. В. Защита прав ребенка при бракоразводном процессе родителей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 237-240.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709348/> (дата обращения: 15.06.2025).
9. Чеснокова Ю. В. Проблемные аспекты реализации права родителей на воспитание детей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 267-269.

References:

1. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on 11/23/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.01.1996. No. 1. Art. 16.
2. Kuritsyna E. V. Constitutional right to education in the Russian Federation: concept and content // Science. Society. State. 2014. No. 1 (5). pp. 194-204.
3. Menyailo L. N., Tishchenko I. V., Menyailo D. V. Legal status of minor parents // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 11 (227). pp. 371-374.
4. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 11/20/1989) (entered into force for the USSR on 09/15/1990) // Collection of International treaties of the USSR. Issue XLVI. 1993.
5. Room Yu. A., Kotareva O. V., Chistyukhina M. V. On the constitutional basis of parental rights (duties) and the formalization of the category "parent" // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 11 (239). pp. 240-243.
6. Federal Law of the Russian Federation dated 07/24/1998 No. 124-FZ "On Basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation" (as amended on 12/28/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. - No. 31. - Article 3802.
7. Chesnokova Yu. V. Protection of the rights of the child in the parents' divorce proceedings // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 7 (223). pp. 237-240.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 14, 2017 No. 44 "On the practice of Applying Legislation by Courts in Resolving Disputes related to the protection of the rights and Legitimate interests of a child in case of an immediate threat to his life or health, as well as in case of restriction or deprivation of parental rights" // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709348/> (date of access: 06/15/2025).
9. Chesnokova Yu. V. Problematic aspects of the realization of the right of parents to raise children // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 8 (224). pp. 267-269.

ЭЛЕКТРОННАЯ КУПЛЯ-ПРОДАЖА: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ СТОРОН И ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ELECTRONIC PURCHASE AND SALE: THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF THE PARTIES AND CONCLUDING AN AGREEMENT

МУСТАФИН Рафаэль Фаильевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права
юридического факультета имени А.А. Хмырова, Кубанский государственный университет.
350040, Россия, г. Краснодар, Ставропольская ул., 149.

E-mail: mustafinrf@yandex.ru;

МУСТАФИНА Светлана Анатольевна,

кандидат юридических наук, адвокат.

350000, Россия, г. Краснодар.

E-mail: grisertel666@yandex.ru;

MUSTAFIN Rafael F.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law,
A.A. Khmyrov Faculty of Law, Kuban State University.

149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia.

E-mail: mustafinrf@yandex.ru;

MUSTAFINA Svetlana Anatolyevna,

Candidate of Law, advocate.

350000, Russia, Krasnodar.

E-mail: grisertel666@yandex.ru

Краткая аннотация: Электронная купля-продажа стала неотъемлемой частью современной экономики, предлагая удобство и доступность для потребителей и бизнеса. Однако с ростом популярности этого метода торговли возникают проблемы, связанные с идентификацией сторон и заключением договоров. В условиях цифровой среды обеспечение безопасности и законности сделок требует особого внимания, так как недостатки в системе идентификации могут привести к мошенничеству и нарушению прав участников. Целью данного исследования является анализ проблем идентификации сторон и заключения договоров в электронной купле-продаже в Российской Федерации. Для достижения этой цели необходимо изучить теоретические основы электронной торговли, выявить существующие проблемы в области идентификации и правового регулирования, а также предложить рекомендации по их устранению.

Abstract: Electronic purchase and sale have become an integral part of the modern economy, offering convenience and accessibility for consumers and businesses. However, with the growing popularity of this method of trade, problems arise related to the identification of parties and the conclusion of contracts. In a digital environment, ensuring the security and legality of transactions requires special attention, since deficiencies in the identification system can lead to fraud and violation of the rights of participants. The purpose of this study is to analyze the problems of identifying parties and concluding contracts in electronic purchase and sale in the Russian Federation. To achieve this goal, it is necessary to study the theoretical foundations of electronic commerce, identify existing problems in the field of identification and legal regulation, and offer recommendations for their elimination.

Ключевые слова: электронная купля-продажа, идентификация сторон, современные технологии, цифровые платформы, электронные договоры, электронная торговля.

Keywords: electronic purchase and sale, identification of parties, modern technologies, digital platforms, electronic contracts, electronic commerce.

Для цитирования: Мустафин Р.Ф., Мустафина С.А. Электронная купля-продажа: проблема идентификации сторон и заключения договора // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 283-285. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_283.

For citation: Mustafin R.F., Mustafina S.A. Electronic purchase and sale: the problem of identification of the parties and concluding an agreement // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 283-285. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_283.

Статья поступила в редакцию: 05.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Электронная купля-продажа представляет собой процесс осуществления сделок с использованием электронных средств связи, таких как интернет. Главной особенностью этого вида торговли является отсутствие необходимости физического присутствия сторон в одном месте, что делает электронную торговлю удобным инструментом для заключения сделок в условиях глобализации и цифровых технологий. В условиях цифровизации заключение сделок через интернет становится неотъемлемой частью функционирования электронной торговли [1]. В соответствии с законодательством Российской Федерации электронная форма сделки признается юридически значимой при соблюдении определенных условий, включая использование электронной подписи.

К ключевым особенностям электронной коммерции относятся открытость, универсальность и высокая скорость операций. Интернет позволяет участникам рынка свободно общаться друг с другом, невзирая на расстояние, что расширяет потенциальную аудиторию продавцов и стимулирует конкурентную борьбу. Онлайн-платформы отличаются быстрой обработкой платежей и автоматизированными бизнес-процессами, что выгодно отличает их от традиционного формата торговли. Среди положительных моментов можно выделить простоту совершения покупок для конечных пользователей, сокращение издержек на ведение торговой деятельности и непрерывный доступ к товарам и услугам круглосуточно. По данным исследований, примерно три четверти россиян отдают предпочтение покупкам в интернете именно потому, что такой способ приобретения товаров удобен и практичен.

В условиях стремительного роста объемов электронной торговли, который, согласно данным Росстата, превысил 4 трлн рублей в 2021

году, значимость надежной идентификации возрастает [2]. Она не только обеспечивает законность сделок, но и способствует развитию электронной коммерции, создавая условия для ее безопасного функционирования. В этом контексте соблюдение норм международного права становится важным аспектом. Например, Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. устанавливает презумпцию места нахождения предприятия. Так, в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции 2005 г. коммерческим предприятием какой-либо стороны считается место, указанное этой стороной, если только другая сторона не докажет, что сторона, сделавшая такое указание, не имеет коммерческого предприятия в этом месте. Это подчеркивает необходимость четкой идентификации сторон для обеспечения правовой определенности в международных сделках.

Отсутствие надежной идентификации в электронной торговле может привести к множеству проблем и рисков, включая рост числа мошеннических действий, утрату доверия потребителей и снижение эффективности правового регулирования.

Надежная идентификация сторон непосредственно влияет на уровень доверия потребителей к электронной торговле и на законность совершаемых сделок. Законодательные акты, такие как Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», регулируют вопросы идентификации в цифровой среде, создавая правовые основы для её реализации. Безопасность и прозрачность операций, обеспечиваемые современной системой идентификации, усиливают доверие потребителей и способствуют развитию рынка электронной коммерции.

Договор в электронной форме представляет собой соглашение между сторонами, выраженное посредством электронных сообщений или документов, предназначенных для создания, изменения или прекращения прав и обязанностей. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, электронные документы, подписанные электронной подписью, приравниваются к документам на бумажном носителе. Это положение позволяет использовать электронные средства для заключения договоров, что упрощает и ускоряет процесс взаимодействия между сторонами.

Законодательство Российской Федерации устанавливает правовую основу для заключения договоров в электронной форме. Федеральный закон "Об электронной подписи" от 06.04.2011 №63-ФЗ определяет правила использования электронной подписи, которая придает юридическую силу электронным документам. Статья 160 Гражданского кодекса Российской Федерации подтверждает равенство электронных и бумажных документов при наличии электронной подписи. Эти нормы способствуют развитию электронной торговли, создавая условия для безопасного и законного совершения сделок. В этом контексте электронный договор с участием потребителей в дистанционной системе гражданско-правовых договоров занимает весьма важное место в правовом регулировании.

Проблемы в области заключения электронных договоров продолжают существовать, несмотря на наличие законодательного регулирования. Ключевыми из них являются недостаточная осведомленность участников о правовых аспектах и ограниченная доступность квалифицированных средств электронной подписи. Важно отметить, что в российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «электронная торговля». Нет единого мнения в понимании такого термина и в зарубежной цивилистике. Для решения этих проблем необходимо совершенствование законодательства и внедрение образовательных программ для пользователей. Перспективным направлением также является развитие технологий идентификации, таких как биометрия и блокчейн, которые могут значительно повысить уровень доверия и безопасности в электронной торговле.

Классические способы подтверждения личности, применяемые во многих областях, включая сферу электронной торговли, базируются на предъявлении официальных документов, таких как паспорта или права водителя. Такие процедуры требуют физического наличия документа, подтверждающего личность, а также возможности визуальной проверки либо специализированными устройствами его подлинности. В частности, в России главным инструментом идентификации выступает паспорт гражданина, обеспечивающий широкое использование данной практики при совершении сделок различного характера, включая дистанционную торговлю. Главным минусом классических способов идентификации в рамках электронного бизнеса является подверженность фальсификациям и различным видам мошенничества. Традиционная проверка личности связана с риском утраты личных сведений и их возможной компрометации. Особенно остро эта проблема проявляется в России, где часто происходят случаи поддельных паспортов и незаконное использование персональных данных в преступных целях, особенно в сфере удаленных покупок и финансовых сервисов. Это подчеркивает острую необходимость внедрения продвинутых технологических решений и усиления мер безопасности в процессах идентификации. Международные правовые нормы играют решающую роль в формировании безопасной среды для взаимодействия участников рынка электронной коммерции. Их основная задача состоит в установлении единых принципов и стандартов, которые необходимы в условиях стремительного роста цифровых экосистем и расширения международных экономических связей. Один из примеров подобного стандарта — европейская директива eIDAS, регламентирующая порядок электронной проверки личности и повышающая уровень доверия при проведении электронных сделок. Подобного рода законодательные инициативы способствуют повышению безопасности и гармонизации взаимодействия между странами и компаниями. Страны по всему миру разрабатывают собственные уникальные системы цифровой идентификации. Индийская платформа Aadhaar представляет собой масштабную систему, объединяющую персональные данные более 1,3 миллиардов граждан, которая применяется повсеместно — от банковского обслуживания до социальных льгот. Китай же внедряет многоуровневую систему социального рейтинга, интегрируя механизмы идентификации и отслеживания поведенческих характеристик граждан, вызывая как положительные отзывы, так и озабоченность международного сообщества относительно этичности подобной практики. Соединённые Штаты фокусируют внимание на последних разработках, используя биометрические технологии и блокчейн-решения для оперативного и защищённого подтверждения личности в повседневных операциях и деловых сделках. Анализируя практику разных стран, мы видим, что национальные модели цифровой идентификации

различаются в зависимости от культурных особенностей, технического потенциала и нормативно-правовых условий каждого конкретного региона. Европейский Союз делает акцент на правовой базе и унификации стандартов, Азия демонстрирует инновационные и масштабные решения, а США фокусируются на интеграции технологий и гибкости. Эти подходы показывают, что эффективная идентификация требует баланса между безопасностью, удобством и соблюдением прав граждан.

На сегодняшний день законодательство Российской Федерации в сфере электронной торговли активно развивается. Важность правового регулирования в этой области обусловлена значительным ростом объемов электронной коммерции. В 2022 году объем электронной коммерции в России составил 4,2 триллиона рублей, что свидетельствует о её значительной роли в экономике страны. При этом существующие правовые нормы не всегда успевают за стремительным развитием технологий и изменением предпочтений потребителей, что создаёт вызовы, связанные с обеспечением безопасности сделок и защитой прав участников электронной торговли.

Современная ситуация, характеризующаяся увеличением числа мошеннических действий и сложностью идентификации субъектов сделки, настоятельно диктует потребность внесения изменений в действующее законодательство, касающееся вопросов электронной торговли. Данные аналитической компании Data Insight свидетельствуют, что в 2023 году порядка 70% российских интернет-пользователей осуществляли хотя бы одну покупку онлайн, что подчёркивает значимость разработки обновленных юридических инструментов для обеспечения надежности идентификации участников торгов и защиты законных интересов покупателей. Появление инновационных решений вроде биометрии и блокчейна ставит задачу модернизации действующего законодательства, направленного на эффективное внедрение и регулирование этих технологий. Электронная коммерция в России демонстрирует динамичное развитие, однако существующий правовой режим зачастую не способен должным образом отвечать на возникающие вызовы современности, такие как защита потребительских прав и противодействие противоправным действиям. Современные технологические новшества позволяют существенно повысить надежность идентификации контрагентов при осуществлении торговых операций в электронном виде.

Список литературы:

1. Новрузова О.Б. Влияние цифровизации электроэнергетики на договор энергоснабжения // Вестник РПА. — 2020. — № 3. — С. 71–76. — DOI: <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-71-76>.
2. Неякин Н.Н. К вопросу о запрете на продажу алкогольной продукции по договору розничной купли-продажи дистанционным способом // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. — 2024. — № 5(92). — С. 4 - [Электронный ресурс]. — URL: Alley-science.ru.

References:

1. Novruzova O.B. The Impact of Digitalization of the Electric Power Industry on the Power Supply Contract // RPA Bulletin. - 2020. - No. 3. - P. 71–76. - DOI: <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-71-76>.
2. Neyaskin N.N. On the Issue of the Ban on the Sale of Alcoholic Beverages under a Remote Retail Sale and Purchase Agreement // Scientific and Practical Electronic Journal Alley of Science. - 2024. - No. 5(92). - P. 4 - [Electronic Resource]. - URL: Alley-science.ru.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ SOME PROBLEMS ARISING IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES TO PREVENT AND DISCOVER EXTREMIST CRIMES

ГОРОВОЙ Владислав Викторович,

ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФОА, 117342, Россия, г. Москва, ул. Введенского, 1 «а».
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, 394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».
E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна,

ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, 394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».
E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru;

GOROVY Vladislav Viktorovich,

Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Imprisonment Sentences and the Study of Penitentiary Crime at the Center for Security Research in institutions of the penal system Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, 119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow Federal Law Academy, 117342, Russia, Moscow, st. Vvedensky, 1 "a".
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".
E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna,

Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".
E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается ряд проблемных вопросов, возникающих при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по предупреждению и раскрытию преступлений экстремистской направленности. На основании проведенного исследования авторами сформулирован вывод о том, что одной из существенных проблем предупреждения и раскрытия преступлений экстремистской направленности в оперативно-розыскной деятельности является отсутствие на законодательном уровне конкретного способа последовательного осуществления профилактических мер по противодействию террористической и экстремистской деятельности.

Abstract: The article examines a number of problematic issues that arise in the implementation of operational investigative activities to prevent and solve extremist crimes. Based on the conducted research, the authors formulated the conclusion that one of the significant problems of preventing and solving extremist crimes in operational investigative activities is the absence at the legislative level of a specific method for the consistent implementation of preventive measures to counter terrorist and extremist activities.

Ключевые слова: осуществление оперативно-розыскной деятельности, предупреждение преступлений экстремистской направленности, раскрытие преступлений экстремистской направленности.

Key words: implementation of operational investigative activities, prevention of crimes of an extremist nature, detection of crimes of an extremist nature.

Для цитирования: Горовой В.В., Прихожая Л.Е. Некоторые проблемы, возникающие при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по предупреждению и раскрытию преступлений экстремистской направленности // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 286-290. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_286.

For citation: Gorovoy V.V., Prikhzhaya L.E. Some problems arising in the implementation of operational search activities to prevent and discover extremist crimes // *Agarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 286-290. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_286.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025
Дата публикации: 31.07.2025

Современное общество отличается быстрыми темпами развития и в целом позитивными изменениями, тем не менее, оно сталкивается с определенными сложностями, включая глобальные проблемы. На данный момент экстремизм является одним из таких острых проблем.

Будучи антисоциальным феноменом, экстремизм затрагивает ключевые аспекты жизни человека, общества, государства и мирового сообщества. Экстремизм был известен обществу с тех пор, как власть над людьми стала средством достижения материальных выгод, удовлетворения потребностей и возможностей и превратилась в объект интереса и страсти отдельных групп, движений и организаций [1, с. 59]. Стремление к достижению целей заставляет прибегать к крайне жестоким мерам, которые экстремистская идеология рассматривает как ключевой элемент, лежащий в основе экстремистской деятельности.

Угроза, столь серьезная по своей природе, направлена либо на разрушение существующей системы государственно-правовых и социальных отношений, либо на сохранение их в неизменном виде. Причины возникновения экстремизма разнообразны и в различных формах обусловлены специфическими проблемами конкретной страны. Тем не менее главной причиной экстремистской угрозы, несмотря на все многообразие причин, следует назвать социальную дезорганизацию общества и граждан определенного государства. Безусловно, экстремизм возникает в результате социальных и экономических потрясений, непрекращающейся реформаторской активности органов государственной власти, что ведет к нестабильности гражданского общества. Это выражается в кризисе образовательной системы, идеологии, института семьи и семейного воспитания, а также коммерциализации СМИ и художественной литературы, которые оказывают влияние на моральные и культурные ценности.

Различные дестабилизирующие факторы, такие как социальные, экономические, идеологические и политические аспекты государства, способствуют появлению экстремизма. Тем не менее, экстремизм является глобальным явлением. Благодаря системе организационных связей, не обращая внимания на государственные границы, он представляет серьезную угрозу для мирного сосуществования. В условиях глобализации и перемен экстремизм приобретает множество форм, становясь общей проблемой мирового сообщества. Современная политическая обстановка демонстрирует, что экстремизм нередко используется как инструмент в политической борьбе для достижения целей различных субъектов. Усиление проявлений экстремизма и рост числа осуществляемых акций превращаются в агрессивный вызов обществу, ставя под угрозу жизнь, интересы, права и свободы человека. Угроза экстремизма проявляется в различных формах: политической, националистической, религиозной, подростково-молодежной, экологической, антиглобалистской, моральной и других. Идентификация и исследование этих форм позволит разработать эффективные методы профилактики и борьбы с этой проблемой для всего мирового сообщества [2, с. 35].

Политический экстремизм характеризуется крайними взглядами на политическую систему и способ управления государством. Он включает пропаганду насильственных и агрессивных методов для достижения власти, вплоть до использования террора против политических оппонентов и непримиримостью к другим партиям и точкам зрения [3, с. 58].

Националистический экстремизм связан с радикальными и нетерпимыми установками по отношению к представителям других народов и этнических групп. Он проявляется в попытках политического или физического устранения людей, не принадлежащих к титульной нации, и, в самых крайних проявлениях, в использовании терроризма против них [4, с. 40].

Религиозный экстремизм выражается в жестком отторжении идей других конфессий и агрессии к иноверцам. Это включает пропаганду абсолютной истинности единственного вероучения и стремление к искоренению представителей других вероисповеданий, вплоть до их физического уничтожения [5, с. 126].

В процессе деятельности религиозных объединений часто обнаруживаются различные нарушения. Согласно мнению И. С. Глибовца, наиболее распространенные из них включают: «отсутствие маркировки на религиозной литературе. Что касается деятельности религиозных организаций, то это непринятие необходимых мер по регистрации религиозной организации; проведение образовательной деятельности религиозными организациями без надлежащей лицензии; работа без уведомления региональных органов Министерства юстиции РФ в субъектах Федерации; осуществление миссионерской деятельности руководителями религиозных групп без согласия общего собрания группы; деятельность, проводимая на основании устава организации, противоречащего требованиям Федерального закона от 26 сентября 1999 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями на 6 апреля 2024 года) [6]; а также деятельность без указания официального полного наименования организации» [7, с. 24].

Также зафиксированы нарушения в порядке представления отчетной документации. В большинстве случаев это выражается в непредоставлении отчетов в федеральные органы государственной регистрации о своей деятельности, о составе руководящего органа, о целях использования имущества, полученного от иностранных граждан, и о его фактических расходах.

Следует отметить, что сотрудничество между прокуратурой и другими правоохранительными структурами с религиозными объединениями продолжает расширяться. Однако существующие правовые инструменты не позволяют в полной мере использовать потенциал взаимодействия прокуратуры и религиозных организаций в борьбе с правонарушениями, и пока не создан единый системный подход к такому сотрудничеству.

Это во многом связано с отсутствием надлежащей правовой базы, регулирующей формы и методы взаимодействия прокуратуры с религиозными объединениями. В широком понимании взаимодействие прокуратуры с религиозными организациями может быть разделено на два направления: контроль за соблюдением законодательства религиозными объединениями и совместные действия в рамках противодействия правонарушениям.

Первое направление подпадает под действие Федерального закона от 17.01.1992 года №2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) [8] в рамках ее надзорных функций в отношении подконтрольных субъектов, к которым согласно п. 1 ст. 21

Закона о прокуратуре относятся органы управления и руководители религиозных организаций. В ходе проверки соблюдения законов такими организациями прокурор обладает всеми возможностями, предусмотренными Законом о прокуратуре.

Второе направление взаимодействия – сотрудничество – не регулируется Законом о прокуратуре.

Подростковый экстремизм проявляется в формировании убеждений и моделей поведения у молодежи, которые основываются на культивировании силы и агрессивных действий по отношению к окружающим, вплоть до применения насилия и совершения убийств. Эта форма экстремизма предполагает нетерпимость к людям с иными взглядами, а также стремление создать тоталитарное общество, зиждущееся на подчинении. Негативным аспектом данного явления выступают его опасные последствия, поскольку молодое поколение является важным ресурсом национальной безопасности, гарантом поступательного развития общества и социальных инноваций государства. Именно молодежь, благодаря своим природным и социальным особенностям, способна не только адаптироваться, но и активно участвовать в различных экстремистских активностях [9, с. 366].

В соответствии с частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ, период, в течение которого возможно привлечение к административной ответственности за правонарушения, указанные в статьях 20.3 и 20.29 КоАП РФ, составляет 90 дней с момента их выявления. В работе прокуроров нередко возникают судебные разногласия, когда информация о делах, рассмотренных по статье 20.3 КоАП РФ, поступает в прокуратуру после истечения срока давности привлечения к ответственности. Так, Алтайский краевой суд отменил решение судьи Рубцовского городского суда Алтайского края от 25 июля 2017 года [10], прекратив производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч.1 ст. 20.3 КоАП РФ, в отношении несовершеннолетней, ввиду истечения срока давности.

Согласно материалам дела, несовершеннолетняя демонстрировала фотографии с нацистской свастикой и символикой, запрещенной Нюрнбергским трибуналом, размещая их на своей странице в социальной сети в открытом доступе. Это нарушало статью 6 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и статью 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав администрации города Рубцовска Алтайского края определением от 13 июля 2017 года передала дело на рассмотрение в Рубцовский городской суд. По итогам рассмотрения было вынесено постановление, признающее несовершеннолетнюю виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.3 КоАП РФ, и назначено наказание в виде штрафа.

С этим судебным решением несовершеннолетняя и прокурор, не уведомленный о рассмотрении дела, не согласились, так как информация поступила в прокуратуру только в октябре 2017 года. Эти лица обжаловали постановление суда первой инстанции в Алтайском краевом суде. Данный случай подчеркивает важную роль прокуратуры в контроле за соблюдением законодательства о противодействии экстремизму, демонстрируя значимость ее вовлеченности в отправлении правосудия в Российской Федерации.

Современные коммуникационные технологии способствовали возникновению новой разновидности экстремизма. «Киберэкстремизм» стал ключевым элементом в развитии неявного экстремизма и средством для организации и мобилизации прямых экстремистских акций, а также работы виртуальных экстремистских группировок, на что ярко указывает пример антиглобалистов. В киберпространстве экстремистские идеологи получают беспрецедентную свободу в выборе жертв своих действий, так как оно служит привлекательной площадкой для ведения идеологической пропаганды и выращивания объектов ненависти. Интернет позволяет экстремистам без труда расширять географию и сферу своего влияния, повышая тем самым эффективность их воздействия [11, с. 169].

Так, по материалам Приговора Фрунзенского районного суда г. Владимира от 3 января 2020 г. по делу № 1-67/2020 [12] ФИО1 совершил публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». 20.07.2010 ФИО2 создал в социальной сети «ВКонтакте» личную страницу, зарегистрировавшись под именем «.....» (.....) и, став ее пользователем, получил возможность в соответствии с правилами указанного Интернет-ресурса указывать свои данные об имени, дате рождения и контактную информацию, а также размещать иные сведения, доступные пользователям сети «Интернет», и обновлять указанную информацию.

С 2011 года ФИО2 стал сторонником националистической идеологии, в связи с чем начал негативно относиться к лицам нерусских национальностей, в том числе к выходцам из регионов Северного Кавказа, лицам еврейской национальности и лицам, исповедующим ислам (мусульманам), а также стал разделять идею о невозможности проживания указанных лиц на территории Российской Федерации.

Имея убеждения, связанные с пропагандой националистической идеологии, ФИО2 осуществлял выход в сеть «Интернет» и знакомился с различными материалами экстремистской направленности, под влиянием которых у него сложилось стойкое представление о том, что допустимо и необходимо применять насилие в отношении лиц, принадлежащих к определенным расам, национальностям и вероисповеданиям, в связи с чем у него по мотивам неприязни к указанным группам лиц, выделенным по признакам национальной, расовой и религиозной принадлежности, возник преступный умысел, направленный на публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 304, 307-309, 316 УПК РФ, суд приговорил ФИО1 признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ, и с применением ст. 64 УК РФ назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 1 (один) год 10 (десять) месяцев. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание считать условным с испытательным сроком 2 (два) года.

Возложить на ФИО1 исполнение следующих обязанностей: не менять постоянного места жительства и работы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, являться один раз в месяц на регистрацию в специализированный государственный орган, осуществляющий контроль за поведением условно осужденного, в дни, установленные указанным органом.

На практике выясняется, что при расследовании таких преступлений, особенно тех, которые совершены с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, возникает множество трудностей. Основные проблемы связаны со сложностью в сборе доказательств, которые характеризуют преступления этой категории. К сожалению, это приводит к ухудшению качества следственных действий. Исследователи, изучающие эти аспекты процессуального права, выделяют несколько проблем, с которыми сталкиваются органы правопорядка: 1) отсутствие конкретного владельца у Интернета; 2) неограниченный доступ к материалам в сети; 3) широкая географическая доступность сети; 4) анонимность размещаемых в интернете экстремистских материалов.

Как отмечают специалисты, еще одной уникальной чертой экстремистских преступлений, связанных с компьютерными технологиями, является система преступных действий. Личностные данные преступников в этом случае играют важную роль в криминалистической характеристике [13, с. 35].

Ученые Ю. В. Гаврилин и А. В. Шмонин обоснованно подчеркивают необходимость понимания закономерностей формирования значимой криминалистической информации в электронном виде, что составит следовую картину. Эти знания позволят эффективно решать стратегические задачи, которые часто вызывают трудности при обнаружении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистского характера, совершенных через интернет, включая установление факта преступления, исполнителей, а также деталей их действий и т. д. Такие меры эффективны в борьбе с экстремистскими организациями. Все социальные сети и интернет-платформы должны подвергаться жесткому контролю и, в случае нарушения российского законодательства, блокировке на территории страны [14, с. 107].

В результате происходит выявление определенного логического противоречия, изначально заложенного в УК РФ, которое связано с тем, что фактический объект преступлений экстремистской направленности в ряде случаев не совпадает с теми объектами преступлений, которые указаны в уголовном законодательстве. Тем не менее, считаем этот недостаток незначительным. К тому же его устранение затруднительно, поскольку преступления экстремистского характера могут совершаться по мотиву, указанному в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ, в отношении любого преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Во всех этих случаях преступления будут иметь один и тот же основной объект посягательства – государство в широком смысле.

Нами частично разделяется точка зрения различных ученых о том, что экстремистские преступления, в отличие от традиционных, включают в конфликт в качестве самостоятельной стороны представителей групп, на которые преступник или преступники оказывают влияние. Таким образом, нападение на потерпевшего и его законные права используется как средство воздействия на третью сторону конфликта. В роли этой третьей стороны могут выступать государственные органы или управления, включая правоохранительные структуры, которым могут быть адресованы угрозы или требования при террористических актах, захватах заложников и так далее, с целью повлиять на их решения по определенным вопросам или заставить их совершить какие-либо действия или воздержаться от них.

Мы считаем, что такое утверждение можно поставить под сомнение. Например, в случае похищения человека с корыстной целью (п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ) тоже присутствует третья сторона конфликта, которой предъявляют требования преступники, как, например, богатым родителям жертвы. Однако, главным объектом преступного действия в этой ситуации будут общественные отношения, которые гарантируют законное право человека свободно передвигаться и выбирать место проживания, а не основы конституционного строя России. Мы полагаем, что похищение человека может считаться имеющим экстремистский характер лишь тогда, когда оно связано с экстремистскими мотивами (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Например, если жертва – сын влиятельного политического деятеля или представителя религиозной организации, и целью является влияние на политическую кампанию в нарушение демократического порядка или препятствование деятельности религиозных групп, тем самым нарушая принцип идеологического разнообразия в России.

Наоборот, при разжигании ненависти или вражды, равно как и унижении человеческого достоинства (ч. 1 ст. 282 УК РФ), третья сторона конфликта отсутствует несмотря на то, что это преступление рассматривается как экстремистское.

Тем не менее, мы разделяем позицию о том, что преступления экстремистской направленности имеют особую структуру по сравнению с другими преступлениями. Однако эмпирико-дедуктивный подход к изучению экстремизма не дает развить эту теорию дальше, а лишь наводит на мысль о возможном существовании нематериальной стороны всех «террористических» и «экстремистских» преступлений, которая по своей сути является духовной. Вследствие этого возникает предположение о наличии нематериального объекта преступления, которым фактически выступают основы конституционного строя.

Основные признаки современного экстремизма:

- преступные группы отличаются высокой сплоченностью и скоординированностью действий;
- используются усиленные меры для маскировки незаконных операций;
- в таких организациях существуют специальные подразделения, которые занимаются боевой подготовкой, анализом и идеологией;
- для широкого распространения своих идей они применяют современные информационные и коммуникационные технологии, которые позволяют им охватить практически неограниченную аудиторию [15].

Стоит отметить, что на сегодняшний день межрегиональные и международные контакты экстремистских группировок значительно укрепились. Это порождает серьезные проблемы в связи с распространением экстремистских убеждений, основанных на национализме. Анализируя влияние криминала на молодежь, необходимо уделить значительное внимание усилению групповых тенденций [16, с. 224].

В последнее время заметно возросло количество незаконной активности со стороны некоторых организаций. Они совершают тяжкие

преступления, которые вызывают значительное общественное возмущение, включая убийства мигрантов, студентов из других стран и публичные правонарушения административного характера.

В последние годы увеличилась частота преступлений, совершаемых молодежными группами. Это во многом обусловлено ростом числа банд, где опытные лидеры вербуют подростков и молодежь.

Также стоит упомянуть экстремистов с радикальными взглядами, которые полностью отказываются от переговоров, компромиссов и соглашений.

Необходимо выделить текущие проблемы, связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности для противодействия терроризму и экстремизму.

Одной из таких проблем является организация деятельности лиц, которые добровольно помогают органам внутренних дел в борьбе с этими видами преступлений. Такие источники информации должны обладать необходимыми возможностями и эффективными методами действий.

Также важно решать вопросы взаимодействия между различными ведомствами правоохранительных органов в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Кроме того, требуется увеличение и совершенствование технических средств для проведения оперативных мероприятий, направленных на выявление преступлений с террористической и экстремистской составляющей.

Следует подчеркнуть, что уровень подготовки сотрудников оперативно-розыскных подразделений играет ключевую роль в эффективности борьбы с преступлениями, связанными с терроризмом и экстремизмом. Поэтому важно повышать квалификацию этих специалистов.

Таким образом, одной из существенных проблем в предупреждения и раскрытия преступлений экстремистской направленности в оперативно-розыскной деятельности является отсутствие установления на данный момент на законодательном уровне конкретного способа последовательного осуществления профилактических мер по противодействию террористической и экстремистской деятельности, что приводит к недостаточной эффективности действий правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Францифоров, Ю. В., Шинкарук, В. М. Расследование преступлений экстремистской направленности // Правовая парадигма: науч.-юрид. журн. Волгоград: Волгоградский юридический университет. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 57–62.
2. Политика противодействия экстремизму: учеб. пособие / под ред. А.П. Кошкина. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2020. – 80 с.
3. Мельников В.Ю. Противодействие преступлениям экстремистской направленности в Российской Федерации // Российский следователь. – 2020. – № 7. – С. 57-61.
4. Комаров А.А. Проблема уголовно-статистической казуистики категории «преступлений экстремистской направленности» на примерах качественно-количественного анализа их показателей // Полицейская деятельность. – 2024. – № 2. – С. 38-55.
5. Ильин И. С. Теоретические основы криминологического анализа и предупреждения демонстративно-протестной преступности: дисс. докт. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2023. – 489 с.
6. О свободе совести и о религиозных объединениях (с изменениями на 6 апреля 2024 года) : федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
7. Глибовец И.С. Профилактика правонарушений экстремистской направленности в деятельности религиозных объединений // Законность. 2021. – № 11. – С. 23-26.
8. О прокуратуре Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 17 ноября 1995 года № 168-ФЗ) (с изменениями на 30 сентября 2024 года) : федеральный закон от 17.01.1992 года №2201-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 47. – 1995. – Ст. 4472.
9. Ортанова Л. Р., Шаваяева Д. В, Сижазев А. Т. Экстремизм среди молодежи. Криминологическая характеристика личности преступника-экстремиста : материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 2019. – С. 365–368.
10. Решение Алтайского краевого суда от 25.07.2017 года по делу №7-349/2017 «В отношении несовершеннолетней, которая была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
11. Глазкова Л. В., Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникации и компьютерной информации // Актуальные проблемы российского права: науч.-практ. юрид. журн. Москва: Московский государственный юридический ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – Т. 16. – № 12 (133). – С. 167-176.
12. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владимира от 3 января 2020 г. по делу № 1-67/2020 «О совершении публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».
13. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет. – М., 2024. – 56 с.
14. Гаврилин Ю. В., Шмонин, А. В., Использование информации, полученной из сети Интернет, в расследовании преступлений экстремистской направленности // Труды Академии МВД России: науч. журн. Москва: Академия управления МВД России. – 2019. – № 1 (49). – С. 105-110.
15. После начала спецоперации в России участились призывы к насилию // CHER-POISK. RU. – URL: <https://cher-poisk.ru/news/zakon/poslena-chala-spetsoperatsii-v-rossii-uchastilis-prizvyv-knasiliyu> (дата обращения: 23.05.2025).
16. Свиридова К.Ю. Динамика и современное состояние преступлений экстремистской направленности // Молодой ученый. 2023. № 41 (488). С. 223-225.

References:

1. Frantsiforov, Yu. V., Shinkaruk, V. M. Investigation of extremist crimes // Legal paradigm: scientific and legal journal. Volgograd: Volgograd Law University. - 2020. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 57-62.
2. Counter-extremism policy: textbook / edited by A.P. Koskin. - M.: FGBOU VO «PRUE named after G.V. Plekhanov», 2020. – 80 p.
3. Melnikov V. Yu. Counteracting extremist crimes in the Russian Federation // Russian investigator. – 2020. – No. 7. – P. 57-61.
4. Komarov A.A. The problem of criminal-statistical casuistry of the category of «extremist crimes» on examples of qualitative and quantitative analysis of their indicators // Police activity. – 2024. – No. 2. – P. 38-55.
5. Ilyin I. S. Theoretical foundations of criminological analysis and prevention of demonstrative-protest crime: diss. Doc. of Law. – St. Petersburg, 2023. – 489 p.
6. On freedom of conscience and religious associations (as amended on April 6, 2024): federal law of September 26, 1997 No. 125-FZ // Collection of legislation. - 1997. – No. 39. – Art. 4465.
7. Glibovets I. S. Prevention of extremist offenses in the activities of religious associations // Legality. – 2021. – No. 11. – P. 23-26.
8. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation (as amended by Federal Law of November 17, 1995 No. 168-FZ) (as amended on September 30, 2024): Federal Law of January 17, 1992 No. 2201-1 // Collected Legislation of the Russian Federation. – No. 47. – 1995. – Art. 4472.
9. Ortanova L. R., Shavaeva D. V., Sizhazhev A. T. Extremism among young people. Criminological characteristics of the personality of an extremist criminal: Proceedings of the International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, 2019. – P. 365–368.
10. Decision of the Altai Krai Court dated July 25, 2017 in case No. 7-349/2017 «In relation to a minor who was found guilty of committing an administrative offense under Part 1 of Article 20.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.»
11. Glazkova L. V., Crimes of an extremist nature committed using the sphere of telecommunications and computer information // Actual problems of Russian law: scientific and practical. legal journal. Moscow: Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL). - 2021. – Vol. 16. – No. 12 (133). – Pp. 167-176.
12. The verdict of the Fruzynsky District Court of Vladimir dated January 3, 2020 in case No. 1-67/2020 «On making public calls to carry out extremist activities using the information and telecommunications network «Internet».
13. Ilitsky A.S. Counteracting criminal ideology on the Internet. – M., 2024. – 56 p.
14. Gavrilin Yu. V., Shmonin, A. V., Using information obtained from the Internet in investigating extremist crimes // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific. journal. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 1 (49). – P. 105-110.
15. After the start of the special operation in Russia, calls for violence have increased // CHER-POISK. RU. – URL: <https://cher-poisk.ru/news/zakon/poslena-chala-spetsoperatsii-v-rossii-uchastilis-prizvyv-knasiliyu> (date of access: 23.05.2025).
16. Sviridova K.Yu. Dynamics and current state of extremist crimes // Young scientist. – 2023. – No. 41 (488). – P. 223-225.

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (ДОСУДЕБНАЯ СТАДИЯ) INTERNAL AFFAIRS BODIES AS AN INDEPENDENT PARTICIPANT IN THE CRIMINAL PROCESS (PRE-TRIAL STAGE)

КИЛЬДИГУШЕВ Ильгиз Ирмакович,
адъюнкт кафедры уголовного процесса Уфимского ЮИ МВД России.
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова 2.
E-mail: pablik10@yandex.ru;
KILDIGUSHEV I.I.,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova St., Ufa, 450103.
E-mail: pablik10@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье исследуется процессуальный статус органов внутренних дел (ОВД) в досудебном производстве по уголовным делам в Российской Федерации. Автор анализирует их ключевые функции, включая прием сообщений о преступлениях, возбуждение уголовных дел, проведение дознания и оперативно-розыскную деятельность. Особое внимание уделяется проблеме процессуальной самостоятельности ОВД, которая ограничена прокурорским надзором и судебным контролем. Выявляются противоречия в их двойственном статусе (административном и уголовно-процессуальном), а также коллизии при взаимодействии с прокуратурой и следственными органами. На основе критического анализа законодательства (УПК РФ, ФЗ «О полиции», ФЗ «Об ОРД») и научных позиций предлагаются направления реформирования, включая расширение полномочий дознания, оптимизацию прокурорского контроля и внедрение цифровых технологий.

Abstract: The article examines the procedural status of internal affairs bodies (ATS) in pre-trial criminal proceedings in the Russian Federation. The author analyzes their key functions, including receiving reports of crimes, initiating criminal cases, conducting inquiries and operational investigative activities. Special attention is paid to the problem of the procedural independence of the Department of Internal Affairs, which is limited by prosecutorial supervision and judicial control. Contradictions in their dual status (administrative and criminal procedure) are revealed, as well as conflicts in interaction with the prosecutor's office and investigative authorities. Based on a critical analysis of the legislation (the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Police", the Federal Law "On Internal Affairs") and scientific positions, areas of reform are proposed, including expanding the powers of inquiry, optimizing prosecutorial control and the introduction of digital technologies.

Ключевые слова: досудебное производство, процессуальная самостоятельность, дознание, прокурорский надзор, уголовно-процессуальные функции, предварительное расследование.

Keywords: pre-trial proceedings, procedural independence, inquiry, prosecutorial supervision, criminal procedural functions, preliminary investigation.

Для цитирования: Кильдигушев И.И. Органы внутренних дел как самостоятельный участник уголовного процесса (досудебная стадия) // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 291-293. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_291.

For citation: Kildigushev I.I. Internal affairs bodies as an independent participant in the criminal process (pre-trial stage) // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 291-293. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_291.

Статья поступила в редакцию: 18.06.2025
Дата публикации: 31.07.2025

Уголовный процесс представляет собой сложную систему правоотношений, в которой ключевую роль играют органы внутренних дел, особенно на досудебной стадии. Их деятельность охватывает широкий спектр полномочий, начиная от приема сообщений о преступлениях и заканчивая проведением предварительного расследования. Однако вопрос о степени самостоятельности ОВД в уголовном судопроизводстве остается дискуссионным. С одной стороны, они обладают значительными процессуальными правами, позволяющими им оперативно реагировать на преступления. С другой стороны, их полномочия ограничены надзорными функциями прокуратуры и судебным контролем.

В последние годы прослеживается тенденция к расширению полномочий органов дознания, что требует научного осмысления. Кроме того, в правоприменительной практике нередко возникают коллизии, связанные с разграничением компетенции между правоохранительными органами.

Деятельность органов внутренних дел в уголовном процессе регламентируется целым комплексом нормативных актов. Основу составляют положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, который определяет их полномочия в качестве органов дознания. В соответствии со статьей

40 УПК РФ¹, к органам дознания относятся, в частности, территориальные подразделения полиции, которые уполномочены осуществлять предварительное расследование в форме дознания.

Помимо УПК РФ, важное значение имеет Федеральный закон «О полиции»², который закрепляет общие принципы деятельности полиции, ее обязанности и права. В статье 2 данного закона прямо указано, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, а также для противодействия преступности.

Отдельного внимания заслуживает Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, поскольку ОВД активно использу-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 04.06.2025). – Текст: электронный.

² О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.08.2021). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2025). – Текст: электронный.

ют оперативно-розыскные методы в ходе досудебного производства. Эти методы позволяют выявлять преступления на ранних стадиях, собирать доказательства и задерживать подозреваемых.

Кроме того, ведомственные приказы и инструкции МВД России детализируют порядок осуществления процессуальных действий. Например, Приказ МВД № 736² регламентирует порядок приема и регистрации сообщений о преступлениях, что непосредственно влияет на начало уголовного процесса.

На досудебной стадии уголовного процесса органы внутренних дел выполняют ряд ключевых функций, которые можно разделить на несколько групп³.

Первая группа функций связана с приемом и проверкой сообщений о преступлениях. В соответствии со статьей 144 УПК РФ, ОВД обязаны принимать и регистрировать заявления о преступлениях, проводить их проверку и принимать процессуальные решения в установленные сроки. Эта стадия крайне важна, поскольку от нее зависит дальнейшее движение уголовного дела.

Вторая группа функций касается возбуждения уголовных дел. Согласно статье 146 УПК РФ, дознаватель или иное должностное лицо органа дознания вправе возбудить уголовное дело при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. При этом решение о возбуждении уголовного дела подлежит прокурорскому надзору, что несколько ограничивает самостоятельность ОВД.

Третья группа функций включает в себя проведение предварительного расследования в форме дознания. В отличие от предварительного следствия, дознание осуществляется по преступлениям небольшой и средней тяжести и имеет сокращенные сроки. В последние годы законодатель ввел институт дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), что значительно ускорило процедуру расследования по определенным категориям дел.

Четвертая группа функций связана с оперативно-розыскной деятельностью. ОВД вправе проводить оперативные мероприятия, направленные на выявление и документирование преступлений. Полученные в ходе ОРД сведения могут быть использованы в качестве повода для возбуждения уголовного дела или как ориентирующая информация.

Наконец, пятая группа функций включает обеспечение безопасности участников уголовного процесса. Полиция принимает меры по защите потерпевших, свидетелей и иных лиц, если имеется угроза их жизни или здоровью.

Самостоятельность ОВД как участника уголовного процесса можно оценивать по нескольким критериям.

Во-первых, это независимость при принятии процессуальных решений. Например, дознаватель вправе самостоятельно вынести постановление о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении. Однако это решение может быть отменено прокурором, что свидетельствует об ограниченной автономии.

Во-вторых, ОВД обладают правом проведения неотложных следственных действий без санкции прокурора. Это позволяет оперативно закреплять следы преступления, однако в дальнейшем такие действия подлежат судебной проверке.

В-третьих, органы дознания осуществляют ведомственный контроль за своей деятельностью. Руководитель подразделения дознания вправе отменять незаконные решения своих подчиненных, что снижает зависимость от внешних органов.

Вместе с тем, самостоятельность ОВД не является абсолютной. Они обязаны согласовывать многие свои действия с органами прокуратуры, а ключевые решения (например, избрание некоторых мер пресечения) требуют судебного одобрения.

Одной из основных проблем является двойственность их статуса. С одной стороны, ОВД выполняют процессуальные функции, а с другой – административные (например, обеспечение общественного порядка). Это создает риск смешения задач и снижает эффективность уголовного преследования.

В современной российской системе уголовного судопроизводства сохраняется ряд системных проблем, связанных с процессуальным статусом органов внутренних дел, требующих научного осмысления и законодательного решения. Наиболее существенными из них являются ограниченность полномочий дознавателей по сравнению со следователями и их высокая процессуальная зависимость от прокуратуры, что в совокупности снижает эффективность досудебного производства.

Как справедливо отмечает А.П. Рыжаков, институт дознания в российском уголовном процессе исторически формировался как упрощенная форма расследования, что предопределило ограниченный характер полномочий дознавателей⁴. В частности, п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ прямо исключает возможность проведения ими таких следственных действий, как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), что требует обязательной передачи материалов в следственные органы. Подобные ограничения, по мнению Я. Гаджиева⁵, создают избыточные процессуальные барьеры, особенно при расследовании преступлений, требующих оперативного вмешательства.

Не менее значимой проблемой является процессуальная зависимость органов дознания от прокуратуры. Как правило жалобы на действия ОВД связаны с задержками, вызванными необходимостью согласования с органами прокуратуры.

Отметим необходимость поиска баланса между прокурорским надзором и процессуальной самостоятельностью органов дознания.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2025).

² Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. №736 – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.11.2021). – Текст: электронный.

³ Борова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Борова Джульетта Михайловна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 47 с.

⁴ Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учебник для вузов (11-е издан. испр. и доп.). - Москва, 2017 г. С. 122

⁵ Гаджиев Я. Судебный контроль как иллюзия // ЭЖ-Юрист. 2017. № 26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако, как показывает практика, существующий механизм взаимодействия нуждается в существенной оптимизации.

Процессуальный статус органов внутренних дел характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, они обладают значительным объемом полномочий, позволяющим самостоятельно принимать ключевые процессуальные решения, проводить следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. С другой стороны, их самостоятельность не является абсолютной и ограничивается системой прокурорского надзора и судебного контроля. Такое положение обусловлено необходимостью соблюдения баланса между эффективностью расследования и защитой прав участников процесса.

Основные направления деятельности ОВД на досудебной стадии включают несколько взаимосвязанных аспектов. Первостепенное значение имеет работа по приему и проверке сообщений о преступлениях, поскольку именно на этом этапе формируется основа для последующего уголовного преследования. Особую роль играет институт возбуждения уголовного дела, где ОВД проявляют значительную самостоятельность в оценке наличия признаков преступления. Не менее важной является функция проведения предварительного расследования в форме дознания, которая в последние годы претерпела существенные изменения в связи с введением сокращенных процедур.

Оперативно-розыскная деятельность составляет особый пласт работы ОВД, тесно интегрированный в уголовный процесс. Использование оперативных методов позволяет не только выявлять преступления, но и собирать доказательства, имеющие значение для дела. При этом важно подчеркнуть, что результаты ОРД должны проходить надлежащую процессуальную проверку и оценку, чтобы быть допущенными в качестве доказательств. Проблема процессуальной самостоятельности ОВД проявляется в нескольких аспектах. Прежде всего, это вопрос независимости при принятии решений, где, несмотря на формальное право дознавателей самостоятельно выносить ключевые постановления, сохраняется значительное влияние прокурорского надзора. Спорным остается объем полномочий по проведению следственных действий, особенно в части тех из них, которые требуют судебного решения или последующего прокурорского утверждения.

Особого внимания заслуживает вопрос взаимодействия ОВД с другими участниками уголовного процесса. Отношения с прокуратурой строятся на основе надзорных полномочий последней, что нередко приводит к коллизиям при оценке законности процессуальных решений. Взаимодействие со следственными органами осложняется необходимостью передачи дел при изменении их квалификации, что порождает проблемы процессуальной преемственности. Судебный контроль, являясь важной гарантией прав участников процесса, в то же время создает дополнительные процедурные барьеры для оперативной работы дознания.

Совершенствование процессуального статуса ОВД требует комплексного подхода. Перспективным направлением представляется более четкое нормативное разграничение административных и уголовно-процессуальных функций, что позволит повысить качество расследования. Расширение полномочий дознания в рамках упрощенных процедур могло бы способствовать ускорению производства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Особое значение имеет оптимизация механизмов взаимодействия с прокуратурой и следственными органами, которая должна основываться на принципах процессуального партнерства при сохранении необходимых контрольных функций.

Важным аспектом реформирования является совершенствование системы профессиональной подготовки сотрудников дознания, поскольку уровень их квалификации непосредственно влияет на качество процессуальных решений. Внедрение современных информационных технологий в деятельность ОВД открывает новые возможности для повышения эффективности досудебного производства при обеспечении надлежащих гарантий прав участников процесса.

Таким образом, органы внутренних дел как участник уголовного процесса на досудебной стадии представляют собой сложный и многогранный институт, требующий взвешенного подхода к регулированию их процессуального статуса. Дальнейшее развитие этого института должно идти по пути укрепления профессиональной самостоятельности дознавателей при сохранении действенных механизмов процессуального контроля. Решение этой задачи будет способствовать как повышению эффективности уголовного преследования, так и обеспечению гарантий прав личности в уголовном процессе.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 04.06.2025). – Текст: электронный.
2. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.08.2021). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2025). – Текст: электронный.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2025).
4. Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.11.2021). – Текст: электронный.
5. Борова Д.М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Борова Джульетта Михайловна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 47 с.
6. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учебник для вузов (11-е изд. испр. и доп.). – Москва, 2017 г. С. 122
7. Гаджиев Я. Судебный контроль как иллюзия // ЭЖ-Юрист. 2017. № 26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001. - URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed 06/04/2025). - Text: electronic.
2. About the police: Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 (as amended on 12/28/2024) (as amended and supplemented, intro. effective from 08/24/2021). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of request: 06/04/2025). – Text: electronic.
3. On operational investigative activities: Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 (as amended on December 29, 2022). – Text: electronic // Official Internet portal of legal information: [website]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of request: 06.06.2025).
4. On approval of the instructions on the procedure for receiving, registering and resolving applications and reports of crimes, administrative offenses, and incidents in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 29, 2014 No. 736 – URL: <http://www.consultant.ru> (date of request: 11/28/2021). – Text: electronic.
5. Beroва D.M. Fundamentals of the theory of functionalism in criminal proceedings: specialty 12.00.09 "Criminal procedure": dissertation abstract for the degree of Doctor of Law / Beroва Julietta Mikhailovna. – Rostov-on-Don, 2011. – 47 p.
6. Ryzhakov A.P. Criminal procedure: textbook for universities (11th edition. ispr. and add.) - Moscow, 2017, p. 122
7. Gadzhiev Ya. Judicial control as an illusion // EZH-Yurist. 2017. No. 26. Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_294

УДК 343.97

ПРЕСТУПНОСТЬ ПОСЛЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ УГРОЗЫ, РИСКИ И ТЕНДЕНЦИИ CRIME AFTER A SPECIAL MILITARY OPERATION: SOME THREATS, RISKS AND TRENDS

КАРЛОВ Илья Викторович,

кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: daniilzykov@mail.ru;

ЗЫКОВ Даниил Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России,
доцент кафедры экономики, управления и права,
Покровский филиал Московского педагогического государственного университета.
600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: daniilzykov@mail.ru;

KARLOV Ilya V.,

Deputy head of the Department of administrative and legal disciplines of the faculty of law
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, PhD (Law).
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: daniilzykov@mail.ru;

ZYKOV Daniil A.,

Chief of Public Law Studies Department of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia,
Associate Professor of the Department of Economics, Management and Law
of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University, PhD (Law), Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: daniilzykov@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются основные риски тенденции, и криминологически значимые факторы детерминации преступности после завершения специальной военной операции, а также возможные механизмы и направления противодействия преступности и привлечения к ответственности виновных лиц.

Abstract: The article examines the main trends, risks, and criminologically significant factors in determining crime after the completion of a special military operation, as well as possible mechanisms and directions for countering crime and bringing perpetrators to justice.

Ключевые слова: специальная военная операция, преступность, предупреждение, осужденный, ответственность, детерминация.

Keywords: special military operation, crime, prevention, convict, responsibility, determination.

Для цитирования: Карлов И.В., Зыков Д.А. Преступность после специальной военной операции: некоторые угрозы, риски и тенденции // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 294-298. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_294.

For citation: Karlov I.V., Zykov D.A. Crime after a special military operation: some threats, risks and trends // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 294-298. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_294.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Специальная военная операция России на Украине обнажила противоречия между нашей страной и странами коллективного Запада и катализировала многие социально-политические и экономические процессы, в том числе связанные с совершением преступлений. Как справедливо отмечают Т.В. Молчанова и Е.И. Таранина с началом данной операции активизировалась преступная деятельность, направленная против общественной безопасности Российской Федерации, военной службы, а также против мира и безопасности человека. Причем характер многих преступлений напрямую связан с ведением военного конфликта [1, с. 143]. Конечно, пока не достаточно ясны перспективы, возможные масштабы и итоговые результаты военного конфликта, механизмы и принципы мирного урегулирования, будущие контуры безопасности (в том числе и новые границы государств), любые прогнозы является делом неблагодарным и достаточно условным (особенно в сложных социальных системах), но уже сейчас можно наметить некоторые основные тенденции, риски и угрозы.

Одной из тенденций, которую существенно ускорила специальная военная операция, является развитие новых технологий. Среди них можно отметить развитие беспилотных летательных аппаратов, совершенствование механизмов преодоления систем безопасности, внедрение новых систем связи и коммуникации и т. д. Естественно, многие из этих технологий могут быть использованы и для совершения преступлений.

Следует также учитывать, что после окончания военных действий временно останется «без работы» большое число лиц, получивших боевой опыт, прошедших стрелковую и саперную подготовку, а среди украинских военнослужащих и прошедших специальное обучение совер-

шению диверсий и террористических актов (в том числе, с использованием опасных химических и биологических средств).

Кроме того, для участия в военных действиях властями Украины были выпущены на свободу многие осужденные. Аналогичные процессы происходили и в России, где, как известно, также носили достаточно массовый характер. Например, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 году от наказания по разным причинам было освобождено 12 620 человек, что более чем в 1,5 раза выше среднегодовых показателей, что может указывать и на активное привлечение таких лиц в качестве добровольцев для защиты Родины [2].

Но если в нашей стране такая практика с самого начала была взята под жесткий контроль, стала предметом анализа и профессиональных экспертных оценок [напр. 3, 4], введена в строгие правовые рамки (выделены категории преступлений, за которые лица не могут подлежать освобождению от уголовной ответственности и наказания, предусмотрен порядок такого освобождения в зависимости от результатов несения военной службы, возложена обязанность командования осуществлять контроль за их поведением и т. д.), то на Украине данные процессы изначально характеризовались не просто не избирательным и не системным подходом, но зачастую и целенаправленным освобождением опасных военных преступников и иных лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, в целях проведения акций устрашения населения [5].

Соответственно в Российской Федерации такие меры не привели к массовому росту преступности. Наоборот, по данным МВД России, наблюдается стабильное ежегодное снижение общего числа зарегистрированных преступлений: 2021 год – на 1,9 %, 2022 год – на 1,9 %, 2023 год – на 1 %, 2024 год – на 1,8 % [6]. Наблюдается и снижение рецидивной преступности. Если в 2022 году на момент судебного рассмотрения имели неснятые или не погашенные судимости 222 974 лица, то в 2023 году 216 521, а за 1 полугодие 2024 г. – 94 632 [2]. На Украине же произошел взрывной рост преступности. Например, по данным МВД Украины, количество преступлений, связанных с огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами и боеприпасами возросло в 42 раза: если в 2021 году было зарегистрировано 273 таких преступления, то в 2023 и 2024 уже более 11 тысяч (!) [7]. Многие преступники, являясь выходцами с новых российских территорий, что при их возвращении на родину может осложнить в указанных регионах криминологическую обстановку.

Аналогично, в условиях мирной жизни, по мере наведения порядка существенно осложнится работа системы кол-центров, ориентированных, прежде всего, на финансовую подпитку военных действий Украины. В этой ситуации многие из таких центров будут вынуждены сменить место дислокации, что может способствовать росту криминальной активности и на российских территориях.

Кроме того, целый ряд лиц (как участников боевых действий с обеих сторон, так и обеспечивающих структур) привык к повышенным уровням доходов в военное время, что в вместе с трудностями поиска нормальной работы в условиях послевоенного восстановления разрушенных территорий и определенных психологических сложностей адаптации сделает их достаточно лакомой и перспективной целью как для преступных группировок, так и иностранных спецслужб. Поэтому особенно значимым является оказание социальной, правовой и психологической помощи таким лицам. Вернувшиеся же осужденные за опасные преступления (по крайней мере, на первоначальном этапе), должны стать объектом дополнительного надзора.

Негативную роль на новых территориях будут оказывать и экономические факторы преступности. Как известно, после распада Советского Союза новая украинская элита на системной основе вывозила, тратила и распродала ресурсы и активы страны, набирая взамен большие долги. Эти процессы только ускорились в настоящее время ввиду понимания пробандеровскими силами ограниченности времени нахождения у власти. По мере приближения окончания конфликта самые одиозные фигуры преступного режима (в целях избегания попадания в плен российским войскам или ареста новыми органами управления) постараются сбежать за границу, попутно прихватив с собой все, что представляет какую-либо ценность. Представляется, что преимущественными центрами релокации таких лиц будут выступать недружественные России страны, что затруднит их выдачу и возврат ценностей. Кроме того возрастают риски и массовой продажи активов недружественным странам в целях недопущения их возвращения в собственность России (достаточно вспомнить предлагаемую сделку по продаже ресурсов Украины США на 500 миллиардов долларов [8]).

Помимо разрушенной экономики, требующей дотаций из федерального бюджета, Россия получит и высокий удельный вес стареющего населения, инвалидов боевых действий, неспособных себя содержать, а также крайне низкую рождаемость. Учитывая принципиальность позиции России в защите национальных интересов, вероятно усиление и санкционного давления. России постараются отставить выжженную депрессивную территорию, максимально лишенную ценностей и экономически активного населения, чтобы затормозить ее социально-экономическое развитие и обесценить значимость победы.

В то же время, по нашему мнению, это не столь критично для России, как хотелось бы недружественным странам, поскольку необходимость восстановления новых территорий сама по себе является мощным драйвером развития экономики (по кейнсианскому принципу – сначала копаем яму, потом ее закапываем, главное чтобы шло постоянное развитие, не было застоя экономических процессов). Кроме того, если бы русские правители исторически оценивали возвращение своих вотчин по принципу «выгодно» («не выгодно») Россия никогда бы не стала крупнейшей страной мира, так и оставшись в скромных границах Владимиро-Суздальского княжества. Для русского же народа традиционно определенные духовные ценности и наследие предков не имеют денежного выражения, поскольку являются неотъемлемой частью мировоззрения, своего рода национальной скрепой.

Безусловно, часть наших противников за границу сбежать не сможет (не успеет, не захочет). Самые непримиримые уйдут в подполье, перейдут к террористическим действиям, запугиванию населения и откровенным провокациям. Поэтому после военной операции, безусловно, будет проходить полицейская операция по восстановлению российского правопорядка на возвращенных территориях и их зачистке от неона-

цистских преступников и их пособников. Здесь, на наш взгляд, правоохранные органы России накопили большой опыт, поэтому задачи такой операции будут успешно решены. Гораздо опаснее является тихий саботаж, когда под внешней лояльностью будет проводиться подрывная деятельность. Следует также учитывать, что многие контакты противников «Русского мира» с западными спецслужбами сохраняются, они будут стараться проникнуть в новые органы государственной власти, чтобы получить доступ к важной информации, вредить и разлагать систему изнутри. Могут создаваться отдельные «спящие» ячейки, целенаправленно засылаться шпионы и диверсанты, пропагандировать антироссийские и реваншистские настроения среди населения и т. д.

Тем не менее, по нашему мнению, к завершению боевых действий острота ситуации реинтеграции несколько снизится длительным характером войны и высоким числом жертв, поскольку, как показывает практика, первыми на фронт уходят (а, значит, и погибают) наиболее бескомпромиссные и идеологически заряженные противники, а обычный обыватель, как правило, согласен на любую власть, обеспечивающую более достойный уровень жизни. Растет и усталость населения от тягот или лишений, вызванных многочисленными жертвами, длительным и тяжелым противостоянием, что также обеспечивает определенную лояльность (по принципу – лучше ужасный конец, чем ужас без конца).

Кроме того, многих «ждущих» и откровенных предателей на возвращенных территориях уже зачистили наши спецслужбы. И, стоит отметить, что эффективность этой работы растет. Например, если в 2021 году за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства было осуждено 527 лиц, то в 2022 году – 668, в 2023 – 862, за 1 полугодие 2024 года – уже 521. Еще более внушительными выглядит число лиц, осужденных за целенаправленное нанесение вреда национальной безопасности. Если за государственную измену в довоенном 2021 году было осуждено 14 лиц, то только за 1 полугодие 2024 года данный показатель был превышен 3,7 раза и составил 52 человека. За шпионаж в 2021 году было осуждено 3 лица, в 2023 году – 9, а за 1 полугодие 2024 года уже 18 [2].

Значительные трудности может представлять и низкий уровень правовой культуры, специфический полукриминальный менталитет и коррупционные наклонности многих представителей бывшей украинской администрации, привыкшей жить на подачки со стороны других государств и «нетрудовые» доходы [9]. Помимо борьбы с коррупцией важным направлением должна стать перестройка местной системы управления и ее адаптация к новым условиям жизни в российском правовом и идеологическом поле в целях максимального приближения к общероссийским стандартам и требованиям.

Отдельного внимания заслуживает вопрос ответственности и отстранения от системы управления сторонников бандеровского режима, то есть обозначенная Президентом Российской Федерации цель денацификации Украины. Учитывая масштабы вовлеченности населения бывшей Украины в противодействие России, массовое сокращение его численности на новых территориях и сложность замены органов управления «варягами» из старых российских регионов (ввиду явно более низкого уровня жизни и опасности для представителей власти на новых территориях в первое время) проведение массовой люстрации представителей старой администрации не только не возможно, но и не целесообразно.

Поэтому необходимым условием является объявление амнистии для бывших сторонников режима. Это частично делается уже сейчас. Например, даже предусмотрено сохранение военных и аналогичных пенсий для лиц, проходивших службу в воинских и иных формированиях, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими и экстремистскими, принимавших участие в противоправных действиях против Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и их населения, а также принимавших участие в боевых действиях в составе вооруженных сил и других формирований Украины против Российской Федерации (при этом сами периоды такой службы в выслуге лет не учитываются) [10].

В этом отношении может быть полезен опыт реинтеграции Крыма и Донбаса. Правоохранные органы и вооруженные формирования на новых территориях могут комплектоваться как бывшими военнослужащими армии России, так и не запятнавшими себя бывшими военнослужащими Вооруженных сил Украины, тем более боевой опыт у них есть (естественно при условии полной лояльности). Можно, конечно, относиться к таким идеям с определенной долей скептицизма (особенно пока свежа горечь потерь), но опыт восстановления Чеченской Республики и последующей активной роли чеченцев в защите интересов и развитии России говорит об обратном.

На первоначальном этапе органы государственной власти придется формировать при доминирующей роли направляемых из федерального центра лиц, но в последующем переходить к опоре на новые местные кадры. Безусловно, необходима жесткая борьба с двойной лояльностью (по принципу «ласковое дитя двух маток сосет»). Данная особенность во многом характерна для украинской национальной ментальности, формировавшейся в условиях перманентных кризисов и частой смены государственной принадлежности. Важно учитывать риски давления на родственников государственных служащих, оказавшихся на враждебных территориях. Но именно на попытке усидеть на двух стульях, балансируя между Россией и Западом, и погорели предыдущие элитарные группировки периода «незалежности». В условиях жесткой глобальной конфронтации нельзя быть полностью нейтральным, необходимо выбирать сторону. И это, естественно, должна быть российская сторона, иначе «многовекторность» сменяется русофобией.

Естественно, освобождению должны подлежать не все, но нет и необходимости проводить массовые процессы, поскольку излишняя репрессивность уголовной политики только усилит противостояние, вынудив виновных «уйти в подполье». Даже по итогам Второй мировой войны на Нюрнбергском процессе были осуждены лишь пара десятков самых крупных преступников из числа руководства Третьего Рейха, причем некоторые участники были даже оправданы [11, с. 75]. Заключение мирного соглашения должно стать своего рода нулевым периодом (точкой отчета новой жизни) для всего населения. Новые жители российских территорий должны получить возможность начать жизнь с чистого листа, но при условии повышенной ответственности за продолжение противоправного поведения против национальных интересов. Кандидаты же на наиболее значимые должности в любом случае должны проходить через специальные проверки (в том числе на предмет совершения преступле-

ний в период специальной военной операции) и назначаться из наиболее проверенных людей, не запятнавшие себя связями с преступным нацистским режимом и антироссийскими структурами (в том числе до 2014 года).

В отношении же военных преступников (руководителей вооруженных формирований и специальных служб, руководителей и активных членов, неонацистских и иных террористических и экстремистских организаций, участников карательных миссий против оппозиции и пророссийских активистов и др.) должны быть приняты меры к привлечению к уголовной ответственности. Это касается совершения не только военных, но и иных преступлений: организации мошеннических действий через колл-центры, вывоза людей на органы, для сексуальной эксплуатации, похищений детей и т.д. С широким освещением в средствах массовой информации должно происходить уголовное преследование участников наиболее масштабных и резонансных преступлений прошлых лет (например, пожара в Одесском доме прафсоюзов, расстрелов мирных жителей в Киеве и Мариуполе 2014 г. и др.).

Документирование преступной деятельности киевского режима нашими правоохранительными органами проводятся уже давно. Например, еще в 2014 году было создано специализированное управление по расследованию преступлений международного характера против мирных граждан, совершенных на территории Украины [12, с. 105]. Представляется, что эти процессы должны существенно ускориться по мере освобождения новых территорий, демонтажа (разрушения) режима и повышения гарантий безопасности свидетелей, потерпевших и членов их семей.

В отношении преступников, сбежавших за границу, должны быть приняты меры по экстрадиции (особенно учитывая, что многие из них продолжают противоправную деятельность против интересов Российской Федерации, а их мотивацию усилит чувство мести). Эффективность мер экстрадиции будет опираться в степень международного признания и дружественность стран местопребывания релокантов. Учитывая преимущественно недружественный характер действий стран Европейского Союза (как наиболее массового центра притяжения таких лиц) требования выдачи (осуждения) военных преступников должны быть предусмотрены еще на этапе мирного урегулирования между Россией и Украиной среди условий прекращения военных действий.

Также возможно заключение двусторонних соглашений между Россией и отдельными странами по данному вопросу. Как отмечают А.В. Кудашкини Н.Н. Мельник, международное гуманитарное право допускает возможность распространения уголовной юрисдикции государства на деяния, признанные преступными, независимо от гражданства совершивших их лиц и места совершения преступления, но в отсутствии международного договора экстерриториальная юрисдикция (универсальный принцип) используется редко. В то же время она вполне применима в случаях совершения серьезных преступлений и неспособности или нежелания государства суда осуществить свою юрисдикцию, особенно учитывая серьезный характер нарушений международного гуманитарного права на Украине, выражающийся в их совершении, с точки зрения такого права, «в рамках плана или политики или при крупномасштабном совершении таких преступлений» [13, с 74, 78-79].

Отдельного внимания заслуживает вопрос идеологического просвещения населения. Подлежат запрету, ликвидации и признанию террористическими или экстремистскими все неонацистские бандеровские организации. Система образования должна быть приведена в полное соответствие с российскими стандартами. Необходимо не только переработка фактического содержания учебного материала, но и проверка и изъятие из библиотечных фондов деструктивного контента, контроль деятельности региональных и местных средств массовой информации, мониторинг интернет-ресурсов (в том числе с использованием специального программного обеспечения). Важна и ценностная переориентация населения, формирование негативного отношения к бандеровскому движению и иным идеям украинского национализма, пропаганда традиционных ценностей и подвигов героев русской истории и новых героев специальной военной операции. Особое внимание необходимо уделить работе с молодежью, как группе с формирующейся ценностной ориентацией (не случайно вывозу детей с конституционных российских территорий, в том числе принудительному, уделяется так много внимания украинским руководством) [14].

Не следует списывать со счетов и риски возникновения конфликтов между сторонниками и противниками старого режима, сведения счетов и мести со стороны жертв бандеровского произвола, пыток и преследования, осуществляемых карательными батальонами, сотрудниками Службы безопасности Украины и территориальных центров комплектования и социальной поддержки (ТЦК). Нельзя исключать и возможности мести реваншистов в нападения на граждан России за рубежом, поэтому необходимо уделять внимание развитию дипломатических контактов и механизмов обеспечения безопасности граждан нашей страны.

В заключение, хотелось бы отметить, что урегулированием конфликта на Украине противодействие не закончится. Недружественные государства будут пытаться раскачать ситуацию в России и на других направлениях. Это могут быть попытки провокаций при проведении выборов в органы власти, уничтожение государственных и общественных деятелей, пропаганда межнациональной и религиозной розни, в общем, все тоже самое, что делали наши противники в период специальной военной операции и их идейные предшественники во время и после Великой Отечественной войны. Будут пытаться создать новые болевые точки для России – разжечь конфликты на Кавказе, в Средней Азии, в сфере миграционной и межнациональной политики. Тем более, что после окончания военных действий останутся не удел многие иностранные наемники, активисты внесистемной оппозиции, которые могут быть направлены в места новых разгорающихся конфликтов. Но нам не привыкать, трудности нас только закаляют. Как говорится, «наше дело правое, победа будет за нами». Россия постепенно возвращает утерянные за кризисные годы позиции. Но чтобы ускорить нашу победу нужно уже сегодня оценивать возникающие риски и опасные тенденции в целях своевременного принятия мер по их минимизации (ликвидации).

Список литературы:

1. Молчанова Т.В., Таранина Е.И. Преступность в условиях специальной военной операции // Криминологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 139-147.
2. Статистические данные представлены на основании отчетов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о составе осужденных, месте совершения преступления, о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ и о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения 28.02.2025).
3. Тепляшин П.В., Ступина С.А. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2022. – № 4 (26). – С. 152-159.
4. Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. Об освобождении от уголовной ответственности и от уголовного наказания и снятии судимости в связи с участием в специальной военной операции: критический анализ // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 9 (326). – С. 61-76.
5. «Отвязные и неуправляемые»: зачем Киев отпускает на волю уголовников с военным прошлым. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/968772-radikaly-tyurma-osvobozhdenie-ukraina?ysclid=m7kiwdnjur597856355> (дата обращения 28.02.2025)
6. Состояние преступности за 2021 – 2024 годы. Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (дата обращения 28.02.2025).
7. На Украине в 42 раза выросло число преступлений с оружием и взрывчаткой. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6108890/?ysclid=m7og8fbhm8416277997> (дата обращения 28.02.2025).
8. Получат ли США \$500 млрд от Украины? Что известно об экономической сделке между США и Украиной. URL: <https://rg.ru/2025/02/26/vashington-i-kiiev-dostigli-soglasheniia-o-ramkah-shirokoj-ekonomicheskoi-sdelki.html> (дата обращения 28.02.2025).
9. Запад признал колоссальную коррупцию на Украине: грянут новые отставки // URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/01/30/zapad-priznal-kolossalnuyu-korrupciyu-na-ukraine-gryadut-novye-otstavki.html> (дата обращения 28.02.2025).
10. Федеральный закон от 13.06.2023 № 208-ФЗ «Об особенностях пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 19.06.2023. – № 25, ст. 4397.
11. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. Т. 1. – М: Юрид. лит., 1987. Том 1. – 688 с.
12. Ермолович Я.Н. Военные преступления на Украине: проблемы квалификации // Право в Вооруженных Силах. – 2022. – № 12. – С. 105 – 110.
13. Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Проблемы квалификации военных преступлений, основанных на нарушениях норм международного гуманитарного права и проблемы юрисдикции суда // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 2 (307). – С. 68-79.
14. ТАСС: Киев начал насильственный вывоз детей с территории Красноармейска. URL: <https://rg.ru/2025/01/23/reg-dnr/tass-kiiev-nachal-nasilstvennyj-vyvoz-detej-s-territorii-krasnoarmejska.html> (дата обращения 28.02.2028).

References:

1. Molchanova T.V., Taraniina E.I. Prestupnost' v uslovijah special'noj voennoj operacii // Kriminologicheskij zhurnal. – 2023. – No 3. – P. 139-147.
2. Statisticheskie dannye predstavleny na osnovanii otchetov Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii o sostave osuzhdennyh, meste sovershenija prestuplenija, o karakteristike prestuplenija, ego recidiva i povtornosti po chislu osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij UK RF i o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij UK RF. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (data obrashhenija 28.02.2025).
3. Tepljashin P.V., Stupina S.A. Osvozhdenie osuzhdennyh ot otbyvaniya nakazaniya v svyazi s ih uchastiem v special'noj voennoj operacii: pravovye vozmozhnosti i zakonotvorcheskie perspektivy // Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal. – 2022. – No 4 (26). – P. 152-159.
4. Duunov V.K., Zakomoldin R.V. Ob osvobozhdenii ot ugovnoj otvetstvennosti i ot ugovnogo nakazaniya i snjatii sudimosti v svyazi s uchastiem v special'noj voennoj operacii: kriticheskij analiz // Pravo v Vooruzhennyh Silah - Voennopravovoe obozrenie. – 2024. – № 9 (326). – P. 61-76.
5. «Otvjaznye i neupravljajemye»: zachem Kiev otpuskaet na volju ugovnikov s voennym proshlym. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/968772-radikaly-tyurma-osvobozhdenie-ukraina?ysclid=m7kiwdnjur597856355> (data obrashhenija 28.02.2025)
6. Sostojanie prestupnosti za 2021 – 2024 gody. Oficial'nyj sajт MVD Rossii. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (data obrashhenija 28.02.2025).
7. Na Ukraine v 42 raza vyroslo chislo prestuplenij s oruzhiem i vzryvchatkoj. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6108890/?ysclid=m7og8fbhm8416277997> (data obrashhenija 28.02.2025).
8. Poluchat li SShA \$500 mlrd ot Ukrainy? Chto izvestno ob jekonomicheskoi sdelke mezhdu SShA i Ukrainoj. URL: <https://rg.ru/2025/02/26/vashington-i-kiiev-dostigli-soglasheniia-o-ramkah-shirokoj-ekonomicheskoi-sdelki.html> (data obrashhenija 28.02.2025).
9. Zapad priznal kolossal'nuju korrupciju na Ukraine: gryadut novye otstavki // URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/01/30/zapad-priznal-kolossalnuyu-korrupciyu-na-ukraine-gryadut-novye-otstavki.html> (data obrashhenija 28.02.2025).
10. Federal'nyj zakon ot 13.06.2023 № 208-FZ «Ob osobennostjah pensionnogo obespechenija otdel'nyh kategorij grazhdan Rossijskoj Federacii» // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. – 19.06.2023. – No 25, st. 4397.
11. Njurnbergskij process: Sb. materialov v 8 t. T. 1. – M: Jurid. lit., 1987. Tom 1. – 688 p.
12. Ermolovich Ja.N. Voennye prestuplenija na Ukraine: problemy kvalifikacii // Pravo v Vooruzhennyh Silah. – 2022. – № 12. – S. 105 – 110.
13. Kudashkin A.V., Mel'nik N.N. Problemy kvalifikacii voennyh prestuplenij, osnovannyh na narushenijah norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i problemy jurisdikcii suda // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voennopravovoe obozrenie. – 2023. – No 2 (307). – P. 68-79.
14. TASS: Kiev nachal nasil'stvennyj vyvoz detej s territorii Krasnoarmejska. URL: <https://rg.ru/2025/01/23/reg-dnr/tass-kiiev-nachal-nasilstvennyj-vyvoz-detej-s-territorii-krasnoarmejska.html> (data obrashhenija 28.02.2028).

**ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ БОЛИ
КАК КОНСТИТУТИВНОГО ПРИЗНАКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СТАТЬЕ 116.1 УК РФ
PHYSICAL PAIN VERIFICATION ISSUES AS A CONSTITUTIVE FEATURE
OF THE OBJECTIVE SIDE THE CORPUS DELICTI UNDER ARTICLE 116.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

СИБАГАТУЛЛИН Финат Фаязович,

адъюнкт Уфимского юридического института МВД России.

450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухомова, 2.

E-mail: finat2013@yandex.ru;

SIBAGATULLIN Finat F.,

Associate Professor at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Muksinova str., Ufa, 450091, Russia, Republic of Bashkortostan.

E-mail: finat2013@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье осуществляется комплексный анализ проблемного поля квалификации деяния, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ. Актуальность исследования детерминирована персистирующими в правоприменительной практике коллизиями, связанными с необходимостью дифференциации объективно причиненной физической боли и субъективного психоэмоционального состояния жертвы. Доказывается, что физическая боль выступает обязательным признаком объективной стороны состава, в то время как психологические переживания носят факультативный характер. На основе историко-правового и догматического методов, с привлечением позиций ведущих правоведов, эксплицируется современное уголовно-правовое понимание категории «физическая боль». В рамках междисциплинарного подхода обосновывается необходимость разработки унифицированных методик оценки болевого синдрома. Автором предлагается обязательное назначение комплексной судебной медико-психологической экспертизы с применением инструментальных методов диагностики. Формулируются конкретные рекомендации по оптимизации правоприменительной практики.

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the problem field of qualification of the act provided for by Art. 116.1 of the Criminal Code. The relevance of the study is determined by conflicts persisting in law enforcement practice related to the need to differentiate objectively caused physical pain and the subjective psychoemotional state of victim. It is proved that physical pain is an obligatory sign of the objective side of the composition, while psychological experiences are optional. On the basis of historical, legal and dogmatic methods, with the involvement of the positions of leading legal scholars, a modern criminal legal understanding of the category of "physical pain" is explicated. As part of the interdisciplinary approach, the need to develop unified methods for assessing pain syndrome is justified. The author proposes the mandatory appointment of a comprehensive forensic medical and psychological examination using instrumental diagnostic methods. Specific recommendations are formulated to optimize law enforcement practice.

Ключевые слова: побои, физическая боль, объективная сторона состава преступления, верификация боли, квалификация преступления, специальный субъект.

Key words: beatings, physical pain, objective side of the corpus delicti, verification of pain, qualification of the crime, special subject.

Для цитирования: Сибатуллин Ф.Ф. Проблемы верификации физической боли как конститутивного признака объективной стороны состава преступления по статье 116.1 УК РФ // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 299-302. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_299.

For citation: Sibagatullin F.F. Physical pain verification issues as a constitutive feature of the objective side the corpus delicti under Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 299-302. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_299.

Статья поступила в редакцию: 31.07.2025

Статья 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) устанавливает ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние или имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия¹. Одним из ключевых и наиболее дискуссионных элементов объективной стороны данного преступления является причинение физической боли. Однако в правоприменительной практике возникает системная проблема разграничения объективно причиненной физической боли и субъективного психологического состояния потерпевшего, что требует глубокого теоретического анализа, учета мнений ведущих российских ученых и выработки четких критериев для следственных и судебных органов.

Для понимания генезиса современной правовой конструкции важно отметить, что криминализация побоев и насильственных действий, не причиняющих существенного вреда здоровью, имеет глубокие исторические корни в российском праве. Так, еще в Соборном уложении 1649 года предусматривалась ответственность за «битье и мучительство»². Однако выделение в отдельный состав деяний, совершаемых специальным субъектом (лицом, ранее привлекавшимся к ответственности), является новеллой современного уголовного законодательства, направленной на усиление защиты личности от повторного виктимизации³.

Физическая боль в контексте статьи 116.1 УК РФ понимается в теории уголовного права как неприятное сенсорное и эмоциональное

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 31.07.2025).

² Бугера М.А., Кузнецов А.А. Содержание понятия «иные насильственные действия, причинившие физическую боль» в составе преступления, предусмотренного ст. 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. №2 (41). С. 38.

³ Мигранова, В. А. Сравнительный анализ криминогенного состояния в СССР и современной России / В. А. Мигранова // Право и государственность. – 2024. – № 2(3). – С. 66. – EDN DPZEYY.

переживание, связанное с действительным или потенциальным повреждением тканей тела, вызванное внешним воздействием¹. Это может быть удар, толчок, выкручивание рук, щипки, ожог термический или химический малой степени и другие действия, которые причиняют страдания физического характера. Для квалификации преступления по данной статье необходимо установить, что боль была реальной, то есть имела объективное внешнее проявление (например, реакция отдергивания, покраснение кожи, синяк) и непосредственно связанной с противоправными действиями виновного.

Как верно отмечает А.И. Парог, физическая боль является конститутивным, обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 116.1 УК РФ. Он подчеркивает, что «физическая боль должна быть доказана в ходе следствия, и для этого могут использоваться медицинские документы, показания потерпевшего, свидетелей, а также другие доказательства, такие как видеозаписи или фотографии повреждений»².

Основная сложность доказывания заключается в субъективности переживания боли. Болевой порог индивидуален для каждого человека, и одно и то же воздействие может вызвать разную реакцию. Это создает почву для возможных злоупотреблений как со стороны потерпевшего³, который может симулировать или преувеличивать боль, так и со стороны обвиняемого, который может отрицать ее причинение, ссылаясь на незначительность воздействия. В этой связи правоприменитель часто оказывается в ситуации, когда требуется установить «юридически значимую» степень физической боли, что не имеет четких медицинских критериев.

Психологическое же состояние, такое как страх, унижение, стресс или эмоциональное потрясение, не является обязательным признаком объективной стороны состава, предусмотренного статьей 116.1 УК РФ. Однако оно может учитываться при оценке субъективной стороны деяния, например, при определении мотивов и целей виновного (хулиганские побуждения, мотив национальной или религиозной ненависти), а также при назначении наказания в качестве обстоятельства, отягчающего или смягчающего ответственность.

Отметим что психологическое состояние потерпевшего может быть связано с физической болью, но само по себе оно не заменяет ее. Если действия виновного вызвали у потерпевшего сильный страх или эмоциональное потрясение, но не причинили физической боли, такие действия не могут быть квалифицированы по статье 116.1 УК РФ. В подобных случаях, в зависимости от обстоятельств, может идти речь об административном правонарушении (например, ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление») или об иных составах преступлений, связанных с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).

С точки зрения современной психологии и психосоматики, физическая боль и эмоциональное состояние тесно связаны. Исследования в области нейробиологии показывают, что эмоциональный стресс активирует те же зоны головного мозга (островковая доля, передняя поясная кора), что и физическая боль⁴. Это подтверждает, что разграничение физической боли и психологического состояния требует междисциплинарного подхода, включающего как правовые, так и психологические и медицинские методы анализа.

В.В. Лунеев справедливо подчеркивает, что «в некоторых случаях физическая боль и психологическое состояние могут быть взаимосвязаны»⁵. Например, если виновный угрожает потерпевшему и одновременно причиняет ему физическую боль, это может усилить психологическое воздействие. Однако для квалификации по статье 116.1 УК РФ необходимо доказать именно факт причинения физической боли.

Таким образом, разграничение физической боли и психологического состояния потерпевшего является важнейшим аспектом при квалификации преступлений, предусмотренных статьей 116.1 УК РФ. Физическая боль выступает обязательным, конститутивным признаком объективной стороны данного преступления, в то время как психологическое состояние потерпевшего может учитываться лишь как дополнительный факультативный фактор, влияющий на субъективную сторону и назначение наказания.

Для решения обозначенной проблемы и выработки единообразной правоприменительной практики необходимо разработать научно обоснованные критерии. Представляется, что работа должна вестись по следующим направлениям:

Разработка и законодательное закрепление унифицированных методик оценки физической боли представляется наиболее действенным направлением совершенствования правоприменительной практики по делам о побоях (ст. 116.1 УК РФ). Сложность доказывания данного признака объективной стороны состава преступления заключается в его субъективно-объективной природе: боль является внутренним переживанием потерпевшего, но для целей уголовного права она должна иметь объективно проявляемое и доказуемое внешнее выражение⁶.

В настоящее время доказывание физической боли часто носит хаотичный характер и всецело зависит от позиции конкретного следователя, дознавателя или судьи. Отсутствие единого методологического подхода приводит к судебным ошибкам двух видов: с одной стороны, необоснованному привлечению к ответственности на основе лишь субъективных показаний потерпевшего, с другой – к необоснованному прекращению дел при отсутствии видимых повреждений, даже если совокупность иных доказательств (показания свидетелей, видеофиксация) убедительно свидетельствует о причинении боли.

В этой связи целесообразно инициировать внесение изменений для объективизации оценки необходимо активнее внедрять в экспертную

¹ Большой медицинский энциклопедический словарь : современное популярное иллюстрированное издание : более 4000 терминов, понятий и определений / [Быстрин М. А. и др.]. – Москва : Эксмо, 2006. – С. 311

² Парог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. – М.: Проспект, 2021. – с. 211.

³ Диваева, И. Р. О некоторых проблемных аспектах толкования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм / И. Р. Диваева, М. С. Шайхуллин // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

⁴ Ишанова Язгурбан. Влияние стресса на психическое и физическое здоровье человека // Наука и мировоззрение. 2025. №46. С. 4.

⁵ Лунеев, В. В. Криминология : учебник для среднего профессионального образования / В. В. Лунеев. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 686 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-19700-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/580886> (дата обращения: 16.07.2025).

⁶ Уголовное право России. : Учебник / под. ред. А.И. Парог Части Общая и Особенная. 3-е издание — Москва : Проспект, 2020. — с. 411— ISBN 978-5-392-32744-7.

практику современные медицинские технологии, позволяющие выявлять последствия насильственного воздействия на микроуровне. В частности:

- Термография (тепловизионное исследование) позволяет с высокой точностью выявлять локальные изменения температуры тканей, являющиеся прямым признаком воспалительного процесса, возникшего в результате травматического воздействия (ушиба, растяжения). Данный метод является неинвазивным и абсолютно безопасным для потерпевшего.

- Электронейромиография (ЭНМГ) направлена на оценку функционального состояния периферических нервов и мышц. Она может зафиксировать нарушения проведения нервного импульса, возникшие в результате травмы (например, удар по периферическому нерву), которые субъективно воспринимаются как боль, онемение или прострелы, но не оставляют видимых следов.

Закрепление использования таких методов в ведомственных инструкциях придаст заключениям судебно-медицинских экспертов большую доказательственную силу и научную обоснованность, что будет способствовать единообразию судебной практики и принятию более взвешенных и законных решений.

Однако внедрение данных методик требует и соответствующих изменений в процессуальном законодательстве. В частности, может потребоваться дополнение ст. 164 УПК РФ, регламентирующей общие правила производства следственных действий, положением о возможности проведения освидетельствования с применением специальных технических средств для выявления следов преступления. Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос о внесении в Перечень видов судебных экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации, отдельного подпункта, посвященного проведению экспертиз по установлению факта причинения физической боли с применением специальных медицинских методик.

Учет психофизиологических особенностей потерпевшего является не менее важным направлением совершенствования практики применения ст. 116.1 УК РФ. Сложность доказывания заключается в диалектическом единстве физического и психического: боль – это не просто рефлекторная реакция, но сложный психофизиологический феномен, на интенсивность и характер восприятия которого напрямую влияют эмоциональное состояние, индивидуальные особенности личности и контекст ситуации¹. В условиях стресса, вызванного противоправными действиями, у потерпевшего может развиваться состояние аффективной гиперболизации болевых ощущений, либо, напротив, аналгезии, связанной с шоковым состоянием. Это объективное противоречие требует адекватного процессуального инструментария для его разрешения.

Таким инструментом призвана стать комплексная судебная психолого-медицинская экспертиза (КСПМЭ). Ее необходимость обусловлена тем, что ни медицинский эксперт, ни психолог в отдельности не обладают всей полнотой знаний для оценки пограничного состояния «психика-тело».

Для унификации процесса необходимо разработать и утвердить на уровне Минюста России и Минздрава России специальные методические рекомендации по назначению и производству КСПМЭ по делам категории ст. 116.1 УК РФ. Данный документ должен детализировать круг вопросов, выносимых на разрешение экспертов, который целесообразно структурировать следующим образом:

1. Установление психофизиологического состояния потерпевшего в момент инцидента. Перед экспертами должна быть поставлена задача не просто констатировать наличие стресса, а дифференцировать его виды: является ли это состояние физиологическим аффектом, вызванным внезапностью насилия, или же это реакция на продолжающееся психологическое давление? Ответ на этот вопрос позволяет оценить достоверность показаний потерпевшего о силе и характере боли, так как аффект может исказить восприятие и память.

2. Определение индивидуального болевого порога (ноцицепции) потерпевшего. Болевой порог – это нейрофизиологическая характеристика, варьирующаяся в широких пределах у разных людей. Он зависит от множества факторов: пола, возраста, генетической предрасположенности, общего состояния здоровья, наличия хронических заболеваний. Задача экспертов-медиков – описать физиологические основы ноцицепции у конкретного лица. Психолог, в свою очередь, оценивает болевую толерантность – психологическую готовность человека выдерживать боль, которая зависит от личностных качеств (тревожность, ипохондричность, невротизация) и культурного контекста. Это разграничение крайне важно: низкий болевой порог является объективной особенностью, а низкая толерантность может свидетельствовать о склонности к симуляции или аггравации.

3. Анализ возможности влияния эмоционального стресса на восприятие и последующую оценку боли. Это ключевой вопрос, непосредственно связанный с квалификацией деяния. Экспертам необходимо установить, могло ли психогенное воздействие (например, угроза, унижение, чувство беспомощности) стать причиной:

- психогенной – боли (соматоформного болевого расстройства), когда физическое воздействие отсутствовало или было минимальным, но у потерпевшего возникли реальные болевые ощущения, обусловленные исключительно психическим состоянием.

- гиперболизации действительных физических страданий, когда незначительная боль воспринимается как интенсивная фаза страха, тревоги или иных эмоциональных нарушений.

Заключение такой КСПМЭ не будет подменять собой выводы следствия и суда о наличии состава преступления. Однако оно предоставит им научно обоснованный критерий для оценки достоверности показаний потерпевшего и установления объективных фактов о характере и интенсивности примененного насилия. Это позволит избежать как необоснованного привлечения к ответственности из-за гиперчувствительности потерпевшего, так и необоснованного прекращения дела в ситуациях, когда отсутствие видимых повреждений компенсируется иными доказательствами, а низкая болевая толерантность объясняется противоправными действиями виновного.

Формирование единообразной судебной практики. Верховному Суду РФ целесообразно дать дополнительные разъяснения в рамках нового постановления Пленума, конкретизировав понятие «физическая боль» и приведя примеры доказательств, которые могут служить доста-

¹ Бутузова Ю.А. Психологическая сущность эмоционального состояния личности // ОНВ. 2011. №5 (101). С. 176.

точным основанием для вывода о ее причинении.

Статья 116.1 УК РФ направлена на защиту физической неприкосновенности личности от посягательств со стороны лиц, уже демонстрировавших склонность к насилию. Ее применение требует четкого и недвусмысленного установления факта причинения физической боли, что отличает ее от составов преступлений, связанных исключительно с психологическим воздействием. Дальнейшее совершенствование законодательства, правоприменительной практики и развитие междисциплинарных научных исследований в данной области являются насущной необходимостью.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд основополагающих выводов и практических рекомендаций, направленных на оптимизацию квалификации деяний, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ.

В результате анализа установлено, что ключевым и обязательным признаком объективной стороны состава преступления, регламентированного ст. 116.1 УК РФ, является причинение физической боли. В отличие от физической боли, психоэмоциональное состояние потерпевшего (страх, стресс, унижение) не относится к конструктивным признакам данного состава и может учитываться в качестве факультативного элемента при оценке субъективной стороны либо при индивидуализации наказания.

Кроме того, выявлена системная проблема в правоприменительной практике, детерминированная субъективно-объективной природой категории «физическая боль». Отсутствие четких законодательных дефиниций и унифицированных методик ее оценки детерминирует судебные ошибки двух типов: необоснованное привлечение к уголовной ответственности, базирующееся исключительно на субъективных показаниях потерпевшего, и, напротив, необоснованное прекращение уголовных дел при отсутствии визуально идентифицируемых повреждений, несмотря на наличие иных доказательств.

Для нивелирования указанной проблемы представляется необходимым внедрение комплексного междисциплинарного подхода. Процесс доказывания факта причинения физической боли не должен ограничиваться визуальным осмотром и субъективными показаниями. В каждой подобной ситуации требуется назначение судебно-медицинской экспертизы, включая случаи отсутствия манифестных повреждений, с применением современных объективных методов диагностики, таких как термография, электронейромиография (ЭНМГ) и фотолюминесцентная визуализация.

Целесообразным является также более активное использование комплексной судебной психолого-медицинской экспертизы (КСПМЭ) для учета индивидуальных особенностей потерпевшего и дифференциации физической боли от психогенных реакций. В задачи данной экспертизы должны входить: установление психофизиологического статуса потерпевшего в момент инцидента, определение индивидуального порога болевой чувствительности и анализ корреляционного влияния эмоционального стресса на перцепцию боли.

Таким образом, совершенствование правоприменительной практики в рамках ст. 116.1 УК РФ заключается в реализации интегративной модели, синтезирующей правовые, медицинские и психологические знания. Научно обоснованный и процессуально легитимизированный подход к оценке физической боли является императивом для обеспечения принципов законности, справедливости и объективности при производстве по делам данной категории, что будет способствовать эффективной защите физической неприкосновенности личности от рецидивных противоправных посягательств.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 31.07.2025)
2. Бугера М.А., Кузнецов А.А. Содержание понятия «иные насильственные действия, причинившие физическую боль» в составе преступления, предусмотренного ст. 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. №2 (41). С. 38.
3. Большой медицинский энциклопедический словарь : современное популярное иллюстрированное издание : более 4000 терминов, понятий и определений / [Быстренин М. А. и др.]. – Москва : Эксмо, 2006. – С. 311.
4. Диваева, И. Р. О некоторых проблемных аспектах толкования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм / И. Р. Диваева, М. С. Шайхуллин // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.
5. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. – М.: Проспект, 2021. – с. 211.
6. Ишанова Язгурбан. Влияние стресса на психическое и физическое здоровье человека // Наука и мировоззрение. 2025. №46. С. 4.
7. Лунеев, В. В. Криминология : учебник для среднего профессионального образования / В. В. Лунеев. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 686 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-19700-6. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/580886> (дата обращения: 16.07.2025).
8. Мигранова, В. А. Сравнительный анализ криминогенного состояния в СССР и современной России / В. А. Мигранова // Право и государственность. – 2024. – № 2(3). – С. 65-70. – EDN DPZEYY.
9. Уголовное право России. : Учебник / под. ред. А.И. Рарог Части Общая и Особенная. 3-е издание — Москва : Проспект, 2020. — с. 411— ISBN 978-5-392-32744-7.
10. Бутузова Ю.А. Психологическая сущность эмоционального состояния личности // ОНВ. 2011. №5 (101). С. 176.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. 31.07.2025). - Text: electronic//Official Internet portal of legal information: [site]. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of contact 30.08.2025)
2. Bugera M.A., Kuznetsov A.A. Content of the concept of "other violent acts that caused physical pain" as part of a crime under Art. 116 of the Criminal Code of the Russian Federation//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. NO. 2 (41). S. 38.
3. Large medical encyclopedic dictionary: modern popular illustrated edition: more than 4000 terms, concepts and definitions/[Bystrenin M.A. et al.]. - Moscow: Eksmo, 2006. - S. 311.
4. Divaeva, I. R. On some problematic aspects of the interpretation of criminal law and criminal procedure norms// I. R. Divaeva, M. S. Shaikhullin/Law and management. – 2024. – № 11. - S. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.
5. Rarog A.I. The judge's handbook on the qualification of crimes: a practical guide. - M.: Prospect, 2021. - p. 211.
6. Ishanova Yazgurban. The impact of stress on a person's mental and physical health//Science and worldview. 2025. №46. P. 4.
7. Luneev, V.V. Criminology: a textbook for secondary vocational education/V.V. Luneev. -Moskva: Yurayt Publishing House, 2025. - 686 p. - (Vocational education). – ISBN 978-5-534-19700-6. - Text: electronic//Educational platform Yurayt [site]. - URL: <https://urait.ru/bcode/580886> (access date: 16.07.2025).
8. Migrantova, V. A. Comparative analysis of the criminal state in the USSR and modern Russia/V. A. Migrantova//Law and statehood. – 2024. – № 2(3). - S. 65-70. – EDN DPZEYY.
9. Criminal law of Russia.: Textbook/under. ed. A.I. Rarog Parts General and Special. 3rd edition - Moscow: Prospekt, 2020. - from. 411— ISBN 978-5-392-32744-7.
10. Butuzova Yu.A. Psychological essence of the emotional state of the personality//ONV. 2011. №5 (101). S. 176.

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА-ДИВЕРСАНТА И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ДИВЕРСИОННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ ON THE ISSUE OF THE IDENTITY OF A JUVENILE CRIMINAL-SABOTEUR AND ITS INFLUENCE ON SABOTAGE CRIME

МИХАЙЛОВ Алексей Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения государственного и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте РФ.
600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького 59-а.
E-mail: urgantfk@mail.ru;

КУЗЬМИН Дмитрий Игоревич,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры правового обеспечения государственного и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте РФ.
600000, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Московская ул., 49.
E-mail: kuzmin_dimitriy@mail.ru;

ЗЫКОВ Даниил Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин факультета права
и управления, Владимирский юридический институт ФСИН России,
доцент кафедры экономики, управления и права,
Покровский филиал Московского педагогического государственного университета.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: daniilzykov@mail.ru;

MIKHAYLOV Alexey E.,

Assistant Professor of legal support of state and municipal management,
Vladimir Branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
600017, Russia, Vladimir, Gorky str. 59-a.
E-mail: urgantfk@mail.ru;

KUZMIN Dimitriy I.,

Assistant Professor of legal support of state and municipal management,
Vladimir Branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, PhD (Economic).
600017, Russia, Vladimir, Gorky str. 59-a.
E-mail: kuzmin_dimitriy@mail.ru;

ZYKOV Daniil A.,

Chief of Public Law Studies Department of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia,
Associate Professor of the Department of Economics, Management and Law
of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University, PhD (Law), Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: daniilzykov@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается проблематика диверсионной деятельности, как самостоятельной разновидности преступности. Авторский коллектив, проведя исследование динамики диверсий пришел к выводу о существовании определенных закономерностей, отражающих наличие внешних взаимосвязей диверсий. Особый интерес вызвало изменение показателей личности диверсанта и появление в криминологическом портрете диверсанта подгруппы несовершеннолетних, обладающих специфическими чертами. Это свидетельствует о существовании внутренних взаимосвязей в структуре диверсий.

Abstract: the article examines the problems of sabotage activities as an independent type of crime. The team of authors, having conducted a study of the dynamics of sabotage, came to the conclusion that there are certain patterns reflecting the presence of external relationships of sabotage. Of particular interest was the change in the personality indicators of the saboteur and the appearance in the criminological portrait of the saboteur of a subgroup of minors with specific features. This indicates the existence of internal relationships in the structure of sabotage.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, диверсии, профилактика диверсий, преступление, личность диверсанта.

Keywords: juvenile delinquency, sabotage, prevention of sabotage, crime, personality indicators.

Для цитирования: Михайлов А.Е., Кузьмин Д.И., Зыков Д.А. К вопросу о личности несовершеннолетнего преступника-диверсанта и ее влиянии на диверсионную преступность // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 303-306. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_303.

For citation: Mikhaylov A.E., Kuzmin D.I., Zykov D.A. On the issue of the identity of a juvenile criminal-saboteur and its influence on sabotage crime // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 303-306. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_303.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Преступность, как негативное социальное явление требует комплексного воздействия в рамках всей триады системы противодействия преступлениям [10, С. 110-111]. Это закономерно предполагает исследование не только преступности в целом, но и отдельных её видов, что способствует разработке предметных моделей противодействия преступности, и в первую очередь моделей профилактического воздействия на преступность.

Интерес в этой связи представляют диверсии, чья доля в общей структуре преступности ничтожно мала. Так, на протяжении более чем десяти лет до начала Специальной военной операции на Украине количество преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ варьировалось от нуля до 3 эпизодов преступной деятельности, причем в 2013, 2019 и 2020 годов диверсии вообще не регистрировались [11].

Учитывая, что преступность следует рассматривать как относительно массовое явление [7, С. 35-43], закономерно встает вопрос – являются ли диверсии самостоятельным видом преступности.

Важность этого вопроса обуславливается необходимостью профилактической деятельности, которую можно реализовывать в рамках модели, ориентированной исключительно на диверсии, либо «встроить» профилактику диверсиям в более широкую модель, охватывающую большую совокупность схожих преступлений. В последнем случае можно исходить из возможности конструирования понятия «государственная преступность», частью которой являются диверсии, либо вообще выйти за пределы Главы 29 УК РФ и рассмотреть сходство диверсий с преступлениями террористической направленности. Но в любом случае это предполагает увеличение массовости преступности.

Полагаем, в нашем случае следует исходить из двух аспектов. Во-первых, из оценки незыблемости и содержания такого признака преступности, как относительная массовость, а во-вторых из практической значимости самостоятельной модели профилактики диверсий. В этой связи интерес представляют такие особенности диверсий, как выявление в существующей массе преступлений определенных закономерностей и взаимосвязей, являющихся признаком именно социального явления [4, С. 56]. И здесь следует однозначно отметить наличие подобных характеристик диверсий после начала Специальной военной операции на Украине. Причем ранее этих характеристики не проявлялись, но утверждать, что они возникли из ниоткуда нельзя, поскольку в более широкой исторической ретроспективе, мы можем выделять их появление в периоды, когда России находилась в сложных социально-политических условиях, связанных с войной [5, С. 38-39]. Следовательно, незначительный объем диверсий в мирное время также является закономерной характеристикой данных преступлений.

После начала Специальной военной операции на Украине количество диверсий заметно выросло, что связано со стремлением иностранных спецслужб, и в первую очередь украинских, причинить вред нашему государству, причем зачастую не имеющей военной целесообразности [8, С. 331-332]. Так, уже в 2023 году было зарегистрировано 154 диверсии и еще 34 эпизода криминализированных в 2022 году специальных видов диверсионной деятельности (ст. 281.1-281.3 УК РФ) (рисунок 1) [11]. Причем сама криминализация данных деяний является уголовно-правовым ответом на резкий рост диверсий в 2022 году.

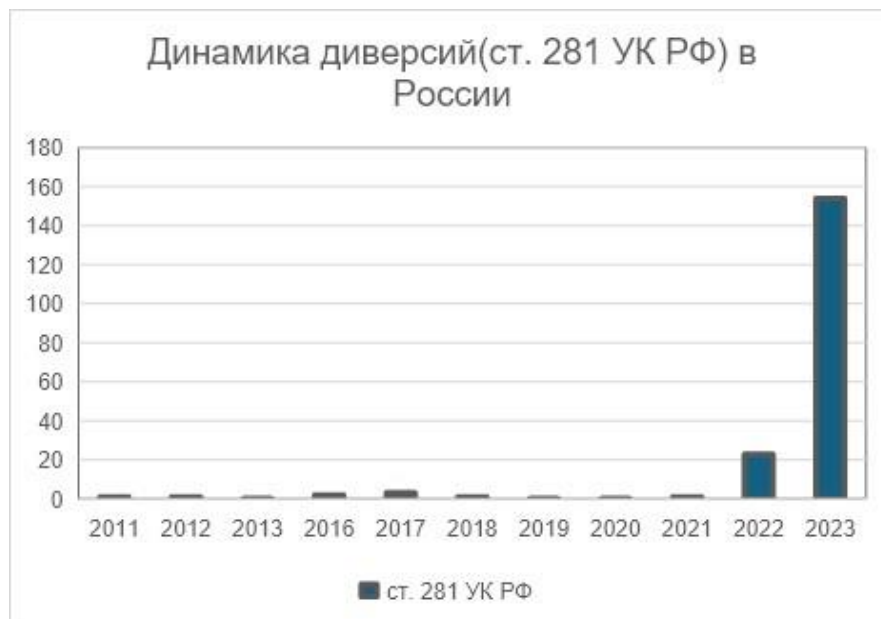

Рис. 1. Динамика диверсий в России в период с 2011 по 2023 гг.

Следует отметить, что официальные статистические данные о количестве регистрируемых диверсий не находятся в свободном доступе, что заметно затрудняет оценку состояния и динамики данных преступлений. Однако, исходя из данных Судебного департамента ВС РФ о состоянии судимости, можно отметить, что количество лиц, осужденных по ст. 281 УК РФ не соотносится с количеством регистрируемых преступлений, т.е. процесс раскрытия и расследования данных преступлений затягивается и отразится на показателях преступности Судебного департамента ВС РФ в будущем. При этом мы можем отметить и по сообщениям в СМИ, и при оценке данных Судебного департамента ВС РФ, что количество диверсий в России не снижается. Так, в 2024 году было осуждено 48 лиц по ст. 281 УК РФ, тогда как в 2023г – 9, а в 2022 г. – только один [11].

Собственно, мы наблюдаем увеличение числа диверсий, что позволяет уже более уверенно говорить об их относительной массовости, как признаке преступности. Как мы уже отмечали, это дает возможность выделять возникновение внутренних и внешних связей. Причем не только прямых, связанных, например с влиянием изменившейся социально-политической обстановки на количество совершаемых преступлений,

но и косвенных, например, обусловленных личностью преступника.

Так, на проблему взаимосвязи преступности, как сложного явления, и личности преступника указывал Ю.М. Антонян [2, С.58-59]. Эту связь мы обнаруживаем при сопоставлении способов совершения диверсии и преступной мотивации со структурой личности преступника. И в первую очередь обращает на себя внимание гендерно-возрастные характеристики преступников-диверсантов. До начала СВО на Украине женщины и несовершеннолетние практически не совершали диверсий. В обозримой нами 10-ти летней ретроспективе не было ни одного случая осуждения несовершеннолетнего и женщины, однако в 2023 был зафиксирован первый такой случай.

При этом здесь мы учитываем, т.н. «отложенный эффект», поскольку производство по многим уголовным делам ещё не окончено. Соответственно данные Судебного департамента ВС РФ не отражают истинной картины вовлеченности несовершеннолетних граждан РФ в диверсионную деятельность, которая была зафиксирована еще в 2022 году. Проявлением отложенного эффекта стало заметное увеличение в 2024 году количества осужденных за диверсии, в том числе и несовершеннолетних. Количество диверсионных преступлений увеличилось более чем в 5 раз. При этом доля осужденных несовершеннолетних в общей структуре диверсионной преступности достигла 13,2% (всего было осуждено 11 несовершеннолетних). Кроме этого были впервые зарегистрированы женщины-диверсанты, чья доля в структуре диверсионной преступности составила 5,6% [12]. Данные изменения в гендерно-возрастном портрете преступника диверсанта, на наш взгляд, можно оценивать в контексте внутренних закономерностей диверсионной преступности, т.е. наличие в структуре диверсий доли несовершеннолетних стабильно и зависит проведения боевых действий в отношении России.

Не заостряя внимание на причинах вовлеченности несовершеннолетних в диверсионную деятельность [9, С. 405-406], отметим наличие определенных специфических характеристик несовершеннолетних преступников. Эти характеристики выражены в первую очередь в том, что несовершеннолетние (равно как и женщины) зачастую совершают диверсии не по мотивам предательства и ложных идеологических взглядов антигосударственного характера, что было характерно для диверсантов до 2022 года, а из-за корысти, причем нередко под влиянием обмана [13].

При этом несовершеннолетние как правило не задумываются о социальной опасности и последствиях совершаемых ими преступлений, действуют за рамками осознанного противостояния с государственной властью и руководствуются общеуголовными интересами (корыстью, криминальной фасилитацией и т.п.). Исследователи отмечают, что для несовершеннолетних, совершающих диверсионные преступления характерны такие нравственно-психологические черты личности, как личностная и социальная незрелость, эмоциональность, импульсивность, конформность [6, С. 109-110], что позволяет вербовщикам из числа иностранных спецслужб вовлекать их преступную деятельность против РФ.

Ярко иллюстрирует сказанное пример, когда несовершеннолетние планировали совершить диверсию ради 1 тыс. рублей, причем не задумывались над тем, что это предательство Родины, и согласились на преступление по игровым мотивам и из ложного чувства товарищества [14]. В целом же, исходя из обзора СМИ несовершеннолетние, как правило, соглашались совершить тяжкое преступление за 10 тыс. рублей и при этом руководствуются именно корыстными и игровыми мотивами, выбирая простейший способ совершения преступления (например, поджог) и зачастую действуя спонтанно без детально проработанного плана.

Во многом, причинами этого является и такая характерная для несовершеннолетних черта, как правовая безграмотность, что зачастую не позволяет несовершеннолетним критически оценить характер своих преступных действий [3, С. 170].

Интерес представляет, то обстоятельство, что все несовершеннолетние осуждены по основной статье – 281 УК РФ, причем в 46,1% случаях по квалифицированному составу (ч. 2 ст. 181 УК РФ), что в большинстве случаев связано с совершением преступлений в группе. Совместное совершение преступлений является вообще характерной для несовершеннолетних формой преступного поведения. Совместный характер преступной деятельности отражает описанные нами выше качества и свойства личности несовершеннолетних диверсантов и позволяет за счет ощущения общности преодолеть страх и нравственные барьеры при совершении преступлений [1, С. 165].

В целом следует отметить, что более детальный и репрезентативный обзор криминологических характеристик несовершеннолетнего преступника-диверсанта провести затруднительно в связи с отсутствием в свободном доступе статистических данных и редкостью рассматриваемых преступлений, существенно усложняющей социологическое исследование проблемы путем изучения материалов уголовных дел и опроса осужденных, обвиняемых и подозреваемых.

Подводя итог изложенному отметим, что есть все основания рассматривать диверсию и ее специальные нормы (ст. 281-281.3 УК РФ), как самостоятельный вид преступности, что позволяет предположить о необходимости разработки механизмов профилактического воздействия направленных исключительно на диверсии. Важную роль в оценке диверсионной деятельности, как негативного социального явления сыграло исследование личности преступника, позволившее выделить подгруппу несовершеннолетних преступников с уникальными для диверсантов характеристиками. Для данной подгруппы свойственно преобладание корыстной мотивации преступного поведения, социальная и личностная незрелость, позволяющие представителям иностранных спецслужб эффективно вербовать для совершения подрывной деятельности против России несовершеннолетних. Это в свою очередь открывает перед нами перспективы в разработке конкретных профилактических мер.

Список литературы:

1. Алексеев, С. В. Общественная опасность группового преступления и его прецедентность / С. В. Алексеев // Вестник Самарского юридического института. – 2010. – № 1(1). – С. 163-166.
2. Антонян, Ю. М. Причины преступности / Ю. М. Антонян // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1(53). – С. 58-64. – EDN JUIDXU..
3. Глазырин С. И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 167-171.
4. Долгова А.И. Криминология. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма:Инфра-М, 2024. – 1180 с.

5. Зверев, В. О. Диверсионные акты германских агентов в тылу русских войск (Варшавское генерал-губернаторство. 1914-1915 гг.) / В. О. Зверев // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 7, № 1(25). – С. 38-44. – DOI 10.24147/2312-1300.2020.7(1).38-44. – EDN YDOOKA.
6. Игнатенко Е.А. Криминологический анализ типологии личности участника диверсионной деятельности / Е.А. Игнатенко // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. №2 С. 107-116.
7. Криминология: Общая и Особенная части : Учебник / Н. А. Горшкова, Т. А. Зезюлина, С. А. Пичугин [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2023. – 390 с.
8. Кудрявцев, А. В. Влияние Специальной военной операции на Украине на преступность в России: криминалистический аспект / А. В. Кудрявцев, А. Е. Михайлов // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 328-332
9. Кузьмин Д.И. К вопросу о детерминации диверсий, совершаемых несовершеннолетними / А. А. Кузьмин Д.И. Зыков, А. Е. Михайлов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4(244). – С. 404-407
10. Михайлов, А. Е. Система противодействия правонарушениям в России: некоторые проблемы правового регулирования / А. Е. Михайлов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 1(50). – С. 108-112.
11. Статистика преступности [электронный ресурс] // Российская криминологическая ассоциация им. А.И. Долговой: офиц. сайт. URL: https://crimas.ru/?page_id=5050 (Дата обращения 03.06.2025 года)
12. Данные судебной статистики [электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.06.2025 г.).
13. ФСБ: Киев использует для диверсий в России подростков, пенсионеров и маргиналов [электронный ресурс]. Рос.газ: информ. портал. – URL. – <https://rg.ru/2023/08/27/ogon-v-golove.html?ysclid=m1epnm681i435327848> (Дата обращения 03.06.2025 года)
14. Гумиров К. Близкие поджигателей релейных шкафов на жд: «Они думали, что это просто ржавый ящик» [электронный ресурс] // Татар.инфо: информ. портал. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/blizkie-podzigatelei-releinyx-skafov-na-zd-oni-dumali-cto-eto-prosto-rzavyi-yashhik-5943337> (дата обращения: 03.06.2025 г.).

References:

1. Alekseev, S. V. The social danger of a group crime and its precedent / S. V. Alekseev // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2010. – № 1(1). – Pp. 163-166.
2. Antonyan, Yu. M. The causes of crime / Yu. M. Antonyan // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 1(53). – Pp. 58-64. – EDN JUIDXU..
3. Glazyrin S. I. Subversive crimes: a new approach in the field of ensuring economic security and defense capability of the Russian Federation at the present stage // Law and order: history, theory, practice. 2024. No. 1 (40). pp. 167-171.
4. Dolgova A.I. Criminology. – 4th ed. reprint. and an addendum – M.: The norm:Infra-M, 2024. – 1180 p.
5. Zverev, V. O. Acts of sabotage by German agents in the rear of Russian troops (Warsaw General Government. 1914-1915) / V. O. Zverev // Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. – 2020. – Vol. 7, No. 1(25). – pp. 38-44. – DOI 10.24147/2312-1300.2020.7(1).38-44. – EDN YDOOKA.
6. Ignatenko E.A. Criminological analysis of the personality typology of a participant in sabotage activities / E.A. Ignatenko // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025. No. 2, pp. 107-116.
7. Criminology: General and special parts: Textbook / N. A. Gorshkova, T. A. Zezulina, S. A. Pichugin [et al.]. – Moscow : Limited Liability Company "Scientific Publishing Center INFRA-M", 2023. – 390 p.
8. Kudryavtsev, A.V. The impact of the Special military operation in Ukraine on crime in Russia: criminalistic aspect / A.V. Kudryavtsev, A. E. Mikhailov // St. Petersburg International Criminalistic Forum : Proceedings of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, June 10-11, 2024. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. pp. 328-332
9. Kuzmin D.I. On the issue of determining sabotage committed by minors / A. A. Kuzmin D.I. Zykov, A. E. Mikhailov // Agrarian and land law. – 2025. – № 4(244). – Pp. 404-407
10. Mikhailov, A. E. The system of countering offenses in Russia: some problems of legal regulation / A. E. Mikhailov // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2019. – № 1(50). – Pp. 108-112.
11. Crime statistics [electronic resource] // The Russian Criminological Association named after A.I. Dolgova: official. website. URL: https://crimas.ru/?page_id=5050 (Accessed 06/03/2025)
12. Judicial statistics data [electronic resource] // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official. website. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of access: 06/03/2025).
13. FSB: Kiev uses teenagers, pensioners and marginals for sabotage in Russia [electronic resource]. Russian gas: inform. the portal. – URL. – <https://rg.ru/2023/08/27/ogon-v-golove.html?ysclid=m1epnm681i435327848> (Accessed 06/03/2025)
14. Gumirov K. Relatives of arsonists of relay cabinets on the railway: "They thought it was just a rusty box" [electronic resource] // Tatar.info: inform. the portal. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/blizkie-podzigatelei-releinyx-skafov-na-zd-oni-dumali-cto-eto-prosto-rzavyi-yashhik-5943337> (date of access: 03.06.2025).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СЫСК ГЛАЗАМИ ПРОФЕССОРА В.П. ЛАВРОВА PROFESSIONAL DETECTIVE THROUGH THE EYES OF PROFESSOR V.P. LAVROV

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. 125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. Преимущественно по его научным трудам (работам) можно охарактеризовать творческую личность любого научного сотрудника. В этом ключе (ракурсе) не является исключением профессор В.П. Лавров как ученый-криминалист¹. На примере изучения и критического анализа им процесса возникновения, становления и развития уголовного сыска в Российской империи постараемся проиллюстрировать его весомый вклад в указанном направлении. Глубокое знание этапов формирования сыска, логическое изложение обширного собранного им материала, чтобы раскрыть сущность уголовного сыска, его место и роль в системе иных функций, осуществлявших на каждом этапе (дореволюционный, советский, постсоветский и современный) своего развития правоохранительными органами. Глубокое знание истории уголовного сыска позволяет ответить на многие вопросы, в том числе: каким он был в начале своего становления, каким является сегодня и каковы перспективы его развития? Это, в свою очередь, поможет выстроить современную систему розыскной работы на цифровой основе, поскольку деятельность подразделений уголовного розыска в настоящее время, как правило, осуществляется в замкнутой цифровой среде.

Abstract. The creative personality of any researcher can be characterized mainly by his scientific works (works). In this way (perspective) Professor V.P. Lavrov is no exception as a criminologist. Using the example of his study and critical analysis of the process of the emergence, formation and development of criminal investigation in the Russian Empire, we will try to illustrate his significant contribution in this direction. Deep knowledge of the stages of detective formation, logical presentation of the extensive material collected by him in order to reveal the essence of criminal investigation, its place and role in the system of other functions performed at each stage (pre-revolutionary, Soviet, post-Soviet and modern) of their development by law enforcement agencies. Deep knowledge of the history of criminal investigation allows you to answer many questions, including: what was it like at the beginning of its formation, what is it like today, and what are the prospects for its development? This, in turn, will help to build a modern system of investigative work on a digital basis, since the activities of criminal investigation units are currently, as a rule, carried out in a closed digital environment.

Ключевые слова: уголовный сыск, Российская империя, правовое регулирование, полицейская реформа, Петр I, розыскная работа.

Keywords: criminal investigation, Russian Empire, legal regulation, police reform, Peter the Great, investigative work.

Для цитирования: Иванов П.И. Профессиональный сыск глазами профессора В.П. Лаврова // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_307.

For citation: Ivanov P.I. Professional detective through the eyes of professor V.P. Lavrov // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_307.

Статья поступила в редакцию: 14.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Вопросы, связанные с уголовным сыском в Российской империи, остаются сложной и многоаспектной теоретической и практической проблемой, требующей детального рассмотрения. По мнению профессора В.П. Лаврова, отдельные ее аспекты не получили достаточного научно-теоретического освещения, в том числе история зарождения уголовного сыска, представляющая, на его взгляд, особый интерес. Учитывая данное обстоятельство, мы решили в контексте подчеркивания заслуг Владимира Петровича в части уточнения и обогащения содержания через призму исторического подхода к рассмотрению уголовного сыска в рамках настоящей статьи поделиться научной общественностью авторской «концепцией» этого замечательного ученого-криминалиста. Это во многом определило выбор темы настоящей статьи и свидетельствует об ее актуальности, обусловленной не только необходимостью исследования истории сыска, но и теоретического обоснования его современной модели посредством углубленного изучения соответствующих исторических событий и нормативных правовых актов.

По результатам углубленного изучения затронутого вопроса вышеуказанный автор приходит к выводу о том, что среди исследователей уголовный сыск трактуется двояко. Одни специалисты рассматривают его как систему государственных органов дореволюционной России, осуществлявших выслеживание, розыск и изобличение преступников. На наш взгляд, в таком понимании легко просматривается весь цикл самого процесса сыска – от обнаружения преступника до привлечения его к ответственности. Сторонники другого подхода под сыском подразумевают комплекс регламентированных законом и иными нормативными правовыми актами приемов и способов выслеживания, розыска и изобличения злоумышленников. Эти действия направлены на установление лица, совершившего преступление, и его розыск в случае, когда оно скрылось от следствия и суда. Приведенные точки зрения не противоречат друг друга, лишь расширяют грани научного познания, преследуя цель всестороннего изучения на фоне влияния на сыск внутренних и внешних факторов.

¹ Владимир Петрович Лавров - главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, ученый-криминалист. Ушел из жизни 09.11.2021 года.

В.П. Лавров неоднократно утверждал, что под сыском следует понимать форма уголовного судопроизводства, существовавшая с конца XV в. до Судебной реформы 1864 г., отличительной чертой которой стало сосредоточение в руках суда функций по рассмотрению дела, обвинению, защите и вынесению приговора. В этот период, по его мнению, основной доказательной базой считалось признание обвиняемого. Следствие проводилось преимущественно на основании доносов, которые зачастую не только не проверялись, но и служили главным источником информации. Одновременно констатировал, ссылаясь на многие источники, что государство немислимо без исполнения полицейской функции. Все учреждения российской полиции он делит на две основные группы: полицейская стража и сыская полиция. В свою очередь, слагаемыми сыскойной полиции явились уголовный розыск и политический сыск.

Отметим некоторые черты политического сыска: осуществление его главным образом на основании ведомственных инструкций и распоряжений начальства, иногда устных; царская политическая полиция – важный инструмент государства в борьбе с оппозицией и инакомыслием; сохранение неизблемости основ монархического строя – основная ее роль; полицейские органы были неотъемлемой частью политической структуры Российской империи и оказывали значительное влияние на общественное сознание и поведение граждан; полицейский аппарат выступал своеобразным «проводником» политики главы государства.

Изучая историю зарождения и становления уголовного сыска в России, В.П. Лавров ставил перед собой задачу выявления специфических черт на каждом этапе его развития. В решении этой задачи во многом ему помогли труды таких специалистов, как Р.С. Мулукаев, М.Д. Нестеров, В.И. Полубинский и др. При описании характерных черт мы, в частности, опирались преимущественно на работу В.И. Полубинского «Уголовный сыск», которая вошла в энциклопедию к 200-летию МВД России (2002).

Профессор В.П. Лавров, рассматривая поэтапное становление уголовного сыска, стремился выделить их особенности, чтобы читателям легче было уловить при сравнении исторических этапов специфику между ними. К их числу он относил:

- осуществление государством функции сыска (полицейской функции) в рамках правотворческой, исполнительной и правоохранительной форм. Это можно проследить на примере: в государственных образованиях восточных славян (VI–VIII вв.), а позднее и в Киевской Руси ее выполняли княжеские дружины, основной обязанностью которых были военные походы и охрана князя. С развитием государства полицейские функции в той или иной мере осуществляли посадники, волостели, тысяцкие, сотские, старосты, вирники;
- исполнение, помимо иных действий, князем и его служками полицейских и судебных функций в период раннефеодальной Руси (IX–XII вв.). В тот период расследование общественно опасных деяний, признанных таковыми, совмещалось с поиском самих лиц, совершивших их;
- частноправовой характер борьбы с преступностью. В период раннефеодальной Руси общественно опасное деяние так и не было определено как преступление, что, безусловно, не могло не наложить отпечаток на организацию борьбы с правонарушениями. Следует подчеркнуть, что сам потерпевший должен был заняться поиском злоумышленника – то есть, по существу, выполнял функции сыщика. По утверждению историков, при возникновении между сторонами спорных вопросов органы княжеской администрации выступали лишь в качестве арбитра;
- возложение Русской Правдой (XI в.) обязанности по розыску преступников на общину. В этом судебнике великокняжеской династии Рюриковичей регламентировались такие приемы сыска, как «свод», что было связано с вещами, а в случае розыска скрывшегося с места происшествия преступника использовался прием так называемого «гонения следа». Как видим, применяемые методы дифференцировались в зависимости от основания для осуществления сыской деятельности – поиск украденных вещей либо самого преступника. Вот как характеризует С.Н. Жаров, проводивший историко-юридическое исследование [2], создание и функционирование органов розыска в период формирования государственности на Руси (X–XVIII вв.), выделяя при этом следующие особенности: становление политического розыска и разведки в княжение первых Рюриковичей, сопровождаемое применением различных способов тайного добывания информации, и ее реализация для достижения политических целей; активное формирование разветвленной агентурной сети; дополнение правовой регламентации уголовного сыска силами общины; повышение эффективности разведывательной деятельности путем сочетания полевой и агентурной разведки; стимулирование правительством участия населения (гласно и добровольно) в сыской работе; сопротивление вельмож процессу расширения полномочий центральной власти (органы разведки (опричники, Приказ тайных дел), создаваемые монархами, не имели преемственности); развитие профессионального сыска и, как следствие, создание института сыщиков, правовое регулирование деятельности которых в ряде случаев имело письменную форму, сохраняя характер личного поручения;
- приобретение борьбой с преступностью публично-правового характера, что во многом было обусловлено признанием в государственном масштабе противоправных деяний в качестве преступления¹. На этом фоне деятельность по поиску злоумышленников становится одной из функций государства. Чтобы ее реализовать на деле, были созданы соответствующие структуры;
- определение приемов и способов уголовного сыска судебниками 1497 и 1550 гг., Соборным уложением 1649 г. Закрепление их в таких правовых актах происходит в эпоху централизованного Русского государства (XV–XII вв.). Заметим, что рядом других актов предусматривались также способы осуществления уголовного сыска. Так, например, в Москве и Московском уезде полицейские и сыские обязанности осуществлялись в соответствии с приказом «Земский двор»;
- осуществление административно-полицейских функций в середине XVI в. в волостях старостами и целовальниками; в их подчинении находились тиуны, доводчики, тем самым им удавалось охватить обслуживаемую территорию. Что же касается уездов, то там указанную функцию осуществляли так называемые наместники из числа представителей центральной власти;

¹ В Древней Руси преступление рассматривалось как обида. Злоумышленник именовался обидчиком, разрушителем, разорителем и уголовщиком. Преступника строго наказывали, вплоть до смертной казни. Государство брало на себя функцию праведного суда. Преступления подразделялись на имущественные и направленные против личности. Наказание рассматривалось как воздаяние злом за зло и зависело от тяжести содеянного. Тать (злоумышленник) мог быть подвергнут как лишению имущества или штрафным санкциям, так и телесным наказаниям (вздернут на дыбу, высечен или клеймен в щеку). До середины XI в. на Руси существовал институт кровной мести за убийство.

– управление московским Разбойным (Сыскным) приказом¹ так называемыми губными учреждениями. Важно подчеркнуть, что в этот период административные органы еще не были отделены от судебных;

– создание Расправной палаты при боярской Думе, на которую были возложены следующие функции: разбирательство уголовных дел, розыск преступников и их наказание. Сама боярская Дума в соответствии с Судебником 1550 г. выполняла роль центрального органа государственного управления, в структуре которого и было создано указанное подразделение;

– законодательное возложение в XV–XVII вв. розыскных обязанностей на недельщиков, приставов и других государственных чиновников. Помимо них, крестьянская община также привлекалась к борьбе с преступностью, включая осуществление розыскной работы. Способы ее ведения постоянно совершенствовались. Среди них узаконенными правовыми актами считались повальный обыск, поимка виновного с поличным, очная ставка, «опыт» (пытка);

– кардинальные преобразования в жизни общества в эпоху абсолютизма (конец XVII – первая четверть XVIII в.), начатые Петром I. Историки отмечают, что первопричиной возникновения на Руси абсолютизма² стало превращение ее в империю и появление титула императора (1721 г.). Это титул получил Петр I, и он настойчиво проводил политику укрепления абсолютизма. Некоторые исследователи [3] делят реформы Петра I на три этапа: 1) создание новых структур в системе государственных учреждений взамен старым (прежним); 2) ликвидация ранее существовавших высших государственных учреждений и создание на их основе Сената, перевод государственных учреждений из Москвы в Санкт-Петербург; 3) введение нового порядка государственной службы. В рамках каждого из этапов принимались разные реформаторские меры. Изменения, начатые еще при Петре I, можно условно разделить на четыре группы. *Первая* касается нормативно-правового регулирования. К этой группе мы относим: замену приказов коллегиями; издание Правительствующим Сенатом указа «Об определении главных сыщиков для сыску и искоренения воров и разбойников и беглых людей» (1756 г.); подписанное Екатериной II «Учреждение для управления губерний» (1775 г.); закрепление в законе «Об организации сыских частей», принятом Государственной думой в 1908 г., оперативно-розыскной деятельности как самостоятельной функции правоохранительных органов; принятие МВД Инструкции чинам сыских отделений (1910 г.), которая определяла порядок производства оперативно-розыскных действий). *Вторая группа* мер относится к организационно-структурному обеспечению. Среди них особо значимыми, на наш взгляд, являются следующие: учреждение регулярной полиции; создание в Петербурге Розыскной экспедиции (1729 г.); восстановление в Москве Сыского приказа (1730 г.); организация Розыскной экспедиции при Главной полицмейстерской канцелярии Петербурга; передача Розыскной экспедиции функции ликвидированного в Москве Сыского приказа (1763 г.); учреждение в городах новых органов административно-полицейского управления – управ благочиния (1782 г.); учреждение Министерства внутренних дел (1802 г.). В *третью группу* можно включить меры, которые охватывают государственное устройство и его дальнейшее укрепление. Это ведение сыской работы, помимо доносителей, фискалами; осуществление на местах уголовного сыска полицмейстерскими конторами (1730-е гг.); возложение полицейских (розыскных) функций на нижние земские суды в уездах, а в городах – на городничих (1775 г.). Наконец, *четвертая группа* связана с уточнением и корректировкой с учетом реальной ситуации компетенций и полномочий органов и должностных лиц. К примеру, помимо иных мер, сюда можно отнести возложение полицейских (розыскных) функций в соответствии с «Учреждением для управления губерний», подписанным Екатериной II (1775 г.), на нижние земские суды в уездах, а в городах – на городничих. Указанные нововведения, в первую очередь, были связаны с развитием общества, усложнением уклада его жизни, постепенным формированием взгляда на уголовный сыск. В этой связи многие исследователи справедливо подчеркивают, что, например, в эпоху Российского централизованного государства (XV–XVII вв.) органы уголовного сыска, приемы и способы его осуществления уже определялись судебниками 1497 и 1550 гг., Соборным уложением 1649 г.

Обобщая исторически значимые перемены, считаем целесообразным выделить три взаимосвязанных момента: 1) зарождение и становление уголовного сыска неотделимо от органов государственного управления и их совершенствования; 2) этот вид сыска – административно-полицейская функция; 3) уголовный сыск является одним из основных элементов системы «преступление – преступник – борьба с преступлениями». Уголовный сыск в *двойном его значении* (система государственных органов и комплекс способов и приемов розыска) рассматривался в состоянии динамики в целях поиска оптимального варианта в организационно-правовом его оформлении и в соответствии социально-экономическому укладу.

Основные факторы, оказавшие влияние на процесс развития сыска, – это «узаконивание» правовыми актами основных методов сыской работы; выполнение розыскных обязанностей государственными чиновниками, действовавшими на временной или постоянной основе; возложение части обязанностей по сыску на само население (крестьянскую общину). В юридической литературе отмечается, что с середины XVII в. начинается отсчет второго периода розыскной работы на Руси³. Историки утверждают, что на данном этапе происходят изменения в государственном управлении. Приходит конец сословно-представительным органам. Так называемая полицейская реформа при Петре I (1711 г.) положила начало появлению регулярной полиции, то есть созданию специального государственного аппарата, отделенного от общеадминистративных органов управления. Заметим, что задач у полиции было много, но основной из них являлась борьба с преступностью и, соответственно, розыск преступников.

В 1530-е гг. в Москве участились разбои, и для борьбы с ними была собрана временная комиссия из бояр.

В 1571 г. на ее основе создается постоянный орган – Разбойный приказ, просуществовавший до начала XVIII в. В 1649 г. Алексей Михайлович издает Наказ до городского благочиния касающийся и впервые поручает стражам порядка следить и за пожарной безопасностью.

В 1715 г. Петр I создает в Петербурге полицейскую канцелярию. Теперь участвовать в поддержании порядка могут не любые сосло-

¹ Приказами в то время назывались органы управления.

² Абсолютизм – абсолютная, неограниченная монархия, форма правления, при которой монарху принадлежит неограниченная верховная власть. См.: Экономический и юридический словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. М. 2004, с. 8.

³ Министерство внутренних дел. 1802–1902 гг.: Исторический очерк. СПб. 1903.

вия, а только бывшие солдаты и офицеры.

С 19 января 1722 г. полиция под руководством обер-полицмейстера начинает действовать и в Москве. В первые годы обер-полицмейстер подчиняется напрямую петербургскому генерал-полицмейстеру, оставаясь независимым от московских городских властей.

В 1802 г. в стране создается Министерство внутренних дел со множеством функций – управление полицией, руководство различными сферами хозяйственной и государственной жизни. Практика показала необходимость его совершенствования. В 1811 г. параллельно с названным министерством начинает функционировать Министерство полиции, в функции которому вменяется борьба с преступностью, а также многие другие направления деятельности, в том числе осуществление явного и тайного надзора за иностранцами, прибывающими в страну (обеспечение внутренней безопасности). Министерство полиции просуществовало до 1819 г., после его ликвидации функция управления полицией была возвращена МВД.

В 1866 г. в России открывается первое сыскное отделение под руководством знаменитого сыщика Ивана Путилина.

В 1903 г. для оперативного реагирования на преступления создается первый «летучий отряд» (прообраз современного ОМОНа). До 1910 г. сыскная и общая полиция, ведя борьбу с уголовной преступностью, не имела нормативного акта, что, безусловно, мешало в повседневной работе. Только 9 августа 1910 г. издается Инструкция чинам сыскных отделений, которая предусматривала порядок осуществления уголовного сыска в России. В основу работы сотрудников сыскных отделений был положен линейный принцип. Примером такой организации работы служит ведение наружного и внутреннего наблюдения: наружное наблюдение осуществляли штатные сотрудники сыскных отделений, а внутреннее – сеть агентов-осведомителей, вербовавшихся по преимуществу из разнообразных слоев населения (извозчики, дворники, горничные, приказчики, телефонистки и др.).

В 1913 г. полицейские переходят на полное содержание государства (до этого из казны им перечислялось только жалованье, а за все остальные расходы отвечал город). Министерство внутренних дел подготовило проект реорганизации полиции, планировало повысить оклады полицейских и тщательнее отбирать кадры. Но из-за начала Первой мировой войны проект пришлось отложить. В феврале 1917 г. городская полиция становится одной из первых «жертв» большевиков, а уже в ноябре того же года ей на смену приходит рабоче-крестьянская милиция.

Процесс развития сыска, как утверждал В.П. Лавров, имел определенные закономерности, а именно сопряженность экономических реформ с совершенствованием правоохранительной функции; одним из направлений модернизации выступили разработка и принятие законов и иных нормативных актов; уголовный сыск имел организационно-структурное построение (сыскные подразделения, уголовно-разыскная полиция и т.п.); отмечается причинно-следственная связь между поиском новых форм повышения эффективности сыска и текущей криминогенной ситуацией.

Нельзя не признать тот факт, что углубленное теоретическое осмысление уголовного сыска как самостоятельного направления правоохранительной деятельности осуществлялось сначала в рамках криминалистики, а затем оперативно-разыскной науки.

Как нам представляется, только В.П. Лаврову с его кругозором было присуще глубоко погрузиться в проблему становления и развития в уголовный сыск с целью установления ее первопричин, поскольку до него в такой постановке исследователи не обращались к теории вопроса с исторических позиций. Он не боялся от возможного риска подвергнуться со стороны критике оппонентов. У него, как правило, были веские аргументы и доводы на все возможные, а может быть даже неожиданные для него контрмеры из арсенала теории криминалистики и истории государства и права. Твердое и глубокое знание обсуждаемого вопроса позволяли ему выйти из различных ситуаций («схваток») уверенным в себе в победе. Хотя дебаты (обмен мнениями) были весьма жаркие.

Для ученого такой величины такие приемы (методы) как комплексный (системный) подход к обсуждаемой теме были обычным делом.

В заключение мы считаем необходимым отметить, что, сохраняя много добрых воспоминаний о Владимире Петровиче Лаврове как человеке и ученом, хочется присоединиться к словам М.А. Васильевой, высказанной ею в своей научной статье «Заветы профессора В.П. Лаврова – руководство к действию для его учеников», суть которых сводится к следующему выражению: «След профессора В.П. Лаврова в настоящее время, несмотря на то, что он сам уже не напишет новых строк, сохраняется отчетливым, не погружается под «слой» возникающих криминалистических идей, а ярко проявляется в работах современных ученых-криминалистов, все так же как и раньше черпающих источник своего вдохновения в его трудах» [1].

Светлая память о замечательном человеке и выдающемся ученом В.П. Лаврове и его вкладе в развитие профессионального сыска навсегда сохранится в наших сердцах.

Список литературы.

1. Васильева М.А. Заветы профессора В.П. Лаврова – руководство к действию для его учеников // Научная школа профессора В.П. Лаврова: история и современность (к 90-летию ученого): сб. науч. тр. Междунар. науч. – практ. конф. (Москва, 26 сент. 2023 г.) / (сост. М.А. Васильева). – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2024. – С.12-17.
2. Жаров С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, меры, правовое регулирование (историко-юридическое исследование): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург. 2010. с. 37–38.
3. Основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: Учебник / Под ред. З.Л. Шхагапсоева и Н.П. Голяндина. Краснодар. 2016, с. 17. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. К вопросу о нормативном правовом регулировании прокурорского надзора за оперативно-разыскной деятельностью // Оперативник (Сыщик). – 2008. – № 2 (15). – С. 10-12.

References:

1. Vasilyeva M.A. The precepts of Professor V.P. Lavrov – a guide to action for his students // Scientific school of Professor V.P. Lavrov: history and modernity (on the 90th anniversary of the scientist): Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, September 26, 2023) / (comp. M.A. Vasilyeva). Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Russian Federation, 2024. pp.12-17.
2. Zharov S.N. Operational investigative activities in Russia: organization, measures, legal regulation (historical and legal research): Abstract. diss. ... doct. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2010. pp. 37-38.
3. Fundamentals of operational investigative activities of law enforcement agencies: Textbook / Edited by Z.L. Shkhagapsoev and N.P. Golyandin. Krasnodar. 2016, p. 17. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the issue of regulatory legal regulation of prosecutorial supervision of operational investigative activities // Operative (Detective). – 2008. – № 2 (15). – Pp. 10-12.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ PROBLEMS OF FRAUD QUALIFICATION IN THE FIELD OF LENDING

МУРСАЛИМОВ Айнур Тагирович,

старший преподаватель кафедры конституционного права
Уфимского юридического института МВД России, Уфа, Россия.
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: bagautdinov93@yandex.ru;

MURSALIMOV Ainur Tagirovich,

Senior Lecturer at the Department of Constitutional Law
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia.
2 Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: bagautdinov93@yandex.ru

Краткая аннотация. В научной статье рассматриваются проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования и особенности толкования уголовно-правовой нормы правоприменителями. В рамках исследования анализируется теоретический и практический подход к определению уголовно-правовой характеристики мошенничества в сфере кредитования.

Abstract. The scientific article examines the problems of fraud qualification in the field of lending and the specifics of the interpretation of criminal law norms by law enforcement agencies. The research analyzes a theoretical and practical approach to determining the criminal law characteristics of fraud in the field of lending.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования, квалификация деяния, преступление, хищение, национальная безопасность, экономика, уголовная ответственность, уголовно-правовая характеристика.

Keywords: fraud in the field of crediting, qualification of the act, crime, embezzlement, national security, economy, criminal liability, criminal and legal characteristics.

Для цитирования: Мурсалимов А.Т. Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 311-312. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_311.

For citation: Mursalimov A.T. Problems of fraud qualification in the sphere of lending // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 311-312. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_311.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Актуальность изучения вопроса о проблемах квалификации мошенничества в сфере кредитования (статья 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) неразрывно связана с необходимостью правильного соотношения элементов состава преступления с общественно-опасным деянием. Уголовно-правовая норма – мошенничество в сфере кредитования (статья 159. Уголовного кодекса Российской Федерации) была введена Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». С этих пор в рамках теоретических изысканий и в практической деятельности неоднократно поднимался вопрос о разграничении состава преступления – мошенничество в сфере кредитования (статья 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) от иных составов преступлений.

Выделение специального состава мошенничества для регулирования общественных отношений в сфере кредитования создало дополнительные условия для разграничения уголовно-правовой характеристики мошенничества (статья 159 Уголовного кодекса Российской Федерации) от мошенничества в сфере кредитования (статья 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) правоприменителем.

Согласно статье 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации под мошенничеством в сфере кредитования понимается хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Применительно к статье 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации крупным ущербом признается сумма, превышающая 1 500 000 рублей, а особо крупным – 6 000 000 рублей.

Уголовно-правовой анализ позволяет выявить следующие особенности и проблемы в квалификации деяния:

1) Согласно теории уголовного права способами хищения являются: кража (тайное хищение), грабеж (открытое хищение), разбой (нападение сопряженное с насилием опасным для жизни), мошенничество (путем обмана), присвоение и растрата (путем хищения вверенного имущества. Однако специальной правовой нормой статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации вводится новый способ хищения – путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

Недостаточность регламентации конкретного способа хищения приводит к различным подходам в толковании правовой нормы.

2) Потерпевшей стороной выступает специфичный субъект – банк или иной кредитор¹. При квалификации деяния возникают проблемы с применением термина «иной кредитор» в рамках принятия процессуального решения. Как правило, каждый правоприменитель осуществляет аутентичное толкование правовой нормы и самостоятельно принимает решение. Так, в соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» пунктом 13 кредитором

¹Карпова, Н. А. Мошенничество в сфере кредитования: уголовно-правовая характеристика и дискуссионные вопросы квалификации / Н. А. Карпова, Я. С. Калининская // Современное право. – 2017. – № 10. – С. 132-136. – EDN ZPFARH.

выступает банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора в соответствии со статьей 819 Гражданского кодекса Российской Федерации. Следует заметить, что на основании пункта 11 статьи 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 года «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 мая 2024 года № 19-УД24-12-К5 также подтвердило позицию разъяснив, что хищение денежных средств из микрофинансовой организации путем предоставления заведомо ложных документов не образует состава преступления, предусмотренного статьей 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, мировой судья судебного участка Курского района Ставропольского края от 28 ноября 2022 года, судья Курского районного суда Ставропольского края от 31 января 2023 года и судья Пятого кассационного суда общей юрисдикции принимали решение о наличии состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в отношении этих же двух эпизодов уголовного дела в отношении Заневской А.С.

Прокуратура Республики Коми также разъясняет, что квалификация по статье 159.1 УК РФ наступает в случаях, когда кредитором выступает микрофинансовая организация, выступая тем самым против официального толкования Верховного Суда Российской Федерации. Неоднозначность толкования различными органами государственной власти свидетельствует о наличии проблем, имеющих в диспозиции уголовно-правовой нормы и требует переработки.

3) Следующим проблемным аспектом выступает неоднозначность толкования фразы «заведомо ложных и (или) недостоверных сведений».

Во-первых, понятие заведомости является довольно проблемным в части уголовно-процессуального доказывания. Зачастую, подозреваемые и обвиняемые при проведении следственных действий ссылаются на недостаточную осведомленность происходящего, о незначительности и иных фактах, исключающих факт заведомости.

Во-вторых, законодателем не определен перечень сведений, отнесенных к недостоверным. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации применительно к статье 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации к таким сведениям относятся только документы, не удостоверяющие личность человека. В случаях, если злоумышленником в банк или кредитору сообщены недостоверные сведения о личности, который претендует на заключение договора кредитования путем предоставления документа третьего лица, деяние следует квалифицировать по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации – мошенничество.

Однако, правоприменители не всегда придерживаются официальных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, а некоторых случаях дают и свои официальные разъяснения, полностью противоречащие позиции судебного органа. Например, согласно разъяснениям Прокуратуры г. Н. Новгород, Управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью Ивановской области о случаях мошенничества в сфере кредитования¹ описано: «Заведомо ложные сведения — фальсифицированные сведения, не соответствующие действительности, о чем заемщик знает и намеренно использует их для введения в заблуждение кредитора относительно важных для него обстоятельств в целях получения кредита путем предоставления различного рода документов. Это, например, указание в анкетных данных ложных сведений о Ф.И.О., дате рождения, а также представление кредитному менеджеру не принадлежащих заемщику паспортов на чужие имена, сведений об имущественном положении, платежеспособности, уровне доходов, месте работы и ежемесячном доходе и пр.²»

Подводя итог, заметим, что специализированная уголовно-правовая норма - статья 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации создает необходимость выработки единого подхода к толкованию правовых норм. К сожалению, правоприменители, в силу разности своего правосознания, толкуют диспозиции правовых норм по-разному. С авторской точки зрения, предлагаем отказаться от специальной уголовно-правовой нормы - статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Мошенничества в сфере кредитования».

Список литературы:

1. Денисов, А. Б. Разграничение преступных посягательств, предусмотренных ст. ст. 159.1 и 176 Уголовного кодекса Российской Федерации / А. Б. Денисов, К. С. Хаперская // Научные разработки: евразийский регион : Международная научно-практическая конференция теоретических и прикладных разработок, Москва, 14 февраля 2019 года / Отв. ред. Хисматуллин Дамир Равильевич. – Москва: Инфинити, 2019. – С. 58-63. – EDN TCABWX.
 2. Загайнов, В. В. Уголовно-правовые механизмы обеспечения безопасности экономической системы Российской Федерации / В. В. Загайнов, И. М. Середа ; Всероссийский государственный университет юстиции. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. 93 с. – ISBN 978-5-00094-712-8. – EDN VYRLPM.
 3. Карпова, Н. А. Мошенничество в сфере кредитования: уголовно-правовая характеристика и дискуссионные вопросы квалификации / Н. А. Карпова, Я. С. Калининская // Современное право. – 2017. – № 10. – С. 132-136. – EDN ZPFARH.
 4. Копиков, С. А. Мошенничество в сфере кредитования: вопросы теории, законодательства и практики его применения / С. А. Копиков // Постулат. – 2018. – № 3(29). – С. 24. – EDN YUZYBY.
 5. Ответственность за мошенничество в сфере кредитования // разъяснение Прокуратуры г. Н. Новгород о случаях мошенничества // URL: <https://umfc-no.ru/news/312309/> (дата обращения: 05.04.2025).
 6. Управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью разъясняет ответственность за мошенничество в сфере кредитования: прокуратура Ивановской области // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_37/activity/legal-education/explain?item=24728973 (дата обращения: 05.04.2025).
- References:**
1. Denisov, A. B. Differentiation of criminal encroachments provided for in Articles 159.1 and 176 of the Criminal Code of the Russian Federation / A. B. Denisov, K. S. Khaperskaya // Scientific developments: the Eurasian region : International Scientific and Practical Conference of Theoretical and Applied Developments, Moscow, February 14, 2019 / Ed. Damiir Ravilevich Khismatullin. Moscow: Infiniti, 2019. pp. 58-63. - EDN TCABWX.
 2. Zagainov, V. V. Criminal law mechanisms for ensuring the security of the economic system of the Russian Federation / V. V. Zagainov, I. M. Sereda ; All-Russian State University of Justice. Irkutsk : Irkutsk Institute (branch) Russian State University of Law (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2020. 93 p. – ISBN 978-5-00094-712-8. – EDN VYRLPM.
 3. Karpova, N. A. Fraud in the sphere of crediting: criminal and legal characteristics and controversial issues of qualification / N. A. Karpova, Ya. S. Kalininskaya // Modern law. – 2017. – No. 10. – pp. 132-136. – EDN ZPFARH.
 4. Kopikov, S. A. Fraud in the field of lending: issues of theory, legislation and practice of its application / S. A. Kopikov // Postulate. 2018. No 3(29). P. 24. – EDN YUZYBY.
 5. Responsibility for fraud in the field of crediting // explanation of the Prosecutor's Office of Nizhny Novgorod on fraud cases // URL: <https://umfc-no.ru/news/312309/> (date of access: 04/05/2025).
 6. The Department for Supervision of Criminal Procedure and Operational Investigative Activities clarifies the responsibility for fraud in the field of lending: Prosecutor's Office of the Ivanovo region // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_37/activity/legal-education/explain?item=24728973 (date of request: 04/05/2025).

¹Управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью разъясняет ответственность за мошенничество в сфере кредитования: прокуратура Ивановской области // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_37/activity/legal-education/explain?item=24728973 (дата обращения: 05.04.2025).

² Ответственность за мошенничество в сфере кредитования // разъяснение Прокуратуры г. Н. Новгород о случаях мошенничества // URL: <https://umfc-no.ru/news/312309/> (дата обращения: 05.04.2025).

**МОНИТОРИНГ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ НАБЛЮДЕНИЯ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ
MONITORING AS ONE OF THE TYPES OF SURVEILLANCE
IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES
IN THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS ENVIRONMENT**

КОЛУШОВ Александр Александрович,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,

Академия права и управления ФСИН России.

390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: koluchov1997@yandex.ru;

KOLUSHOV Alexandr Alexandrovich,

Adjunct Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel,

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, st. Sennaya, 1.

E-mail: koluchov1997@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается вид оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» (мониторинг) в информационно-телекоммуникационной среде осужденных. На основе проделанного анализа научной литературы, практического опыта оперативных сотрудников предлагается совершенствование нормативной базы, выносятся определения мониторингу.

Abstract. The article considers a new type of operational search activity "surveillance" (monitoring) in the information and telecommunication environment of convicts. Based on the analysis of scientific literature and the practical experience of operational staff, it is proposed to improve the regulatory framework, and a definition of monitoring is made.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение», информационно-телекоммуникационные технологии.

Keywords: operational search activity, operational search event "surveillance", information and telecommunication technologies.

Для цитирования: Колушов А.А. Мониторинг как один из видов наблюдения при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в информационно-телекоммуникационной среде // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 313-314. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_313.

For citation: Kolushov A.A. Monitoring as one of the types of surveillance in the implementation of operational investigative activities in the information and telecommunications environment // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 313-314. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_313.

Статья поступила в редакцию: 27.05.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Современное развитие теории и практики оперативно-розыскной деятельности определяется таким существенным фактором как анализ получения оперативно значимой информации. При проведении анкетирования сотрудников оперативных подразделений УИС 67,3 % респондентов указывают на потребность улучшения результативности оперативно-розыскного мероприятия наблюдение. При этом необходимо учитывать существующие знания (традиционное понимание) и развития новых технологий об адекватных методах и средствах оперативно-розыскной деятельности в условиях увеличения преступной деятельности осужденными в исправительных колониях и за пределами, используя информационно-телекоммуникационную среду.

Актуальность данной статьи обусловлена тенденцией развития информационного общества, необходимостью улучшения использования средств и методов оперативно-розыскной деятельности, в том числе в местах лишения свободы. Ресурсы и технологии глобальной сети Интернет, постоянно развиваются в условиях научно-технического прогресса. Представляется, что недостаточность оперативного прикрытия виртуального информационно-телекоммуникационного пространства может обуславливать риск социальной опасности, в том числе негативных явлений связанных с возможностями совершения криминальных деяний в сетевой виртуальной среде. По статистическим данным каждое третье преступление в Российской Федерации совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Стоит учитывать, что виртуальная цифровая среда стремительно превращается в реальную среду для постоянной, возрастающей преступной деятельности [1, С. 149 – 154].

Стремительно растет число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, таких действий зарегистрировано на 3% больше, чем в 1 квартале 2024г. значителен ущерб, наносимый такими преступлениями[2].

Несмотря на принимаемые меры по недопущению использования средств сотовой связи или иных запрещенных предметов, осужденные по-прежнему налаживают каналы доставки средства мобильной связи и информатизации для создания преступных сообществ, подготовки и совершения криминальных деяний. Необходимо учитывать усилие организованности криминальных структур, с использованием сети Интернет в преступной деятельности. Посредством информационно-телекоммуникационной сети осуществляется удаленная связь между осужденными, происходит обмен информацией, преступным опытом, поиск соучастников подготавливаемых преступлений и иных правонарушений. Отметим необходимость постоянного наблюдения и сбора оперативных данных в отношении лидеров групп, сформированных по этническому либо религиозному признакам, в целях недопущения их влияния на оперативную обстановку в исправительных колониях.

1. В связи с развитием технологий оперативные подразделения исправительных колоний должны учитывать использование новых возможностей противодействия преступности [3, С. 485-487]. Развитие глобальной сети Интернет привело к тому, что можно получить в большом количестве информации получить простым поисковым запросом об интересующем человеке, которая размещена в свободном доступе и не защищена, которая может быть использована осужденными в преступных целях. Информации настолько бывает иногда много и разноречи-

во ее содержание, что препятствует получению объективной правдивой информации о лице. В таких условиях В.С. Овчинский приходит к выводу о том, что развитие информационно-коммуникационных технологий и киберсреды предусматривает пересмотр основы организационно-правового функционирования правоохранительных структур, где особую роль играет использование новых технологий противодействия преступности, методов цифровых расследований, переподготовки сотрудников ведомственных органов [4, С. 510 – 514]. На этом фоне, в противодействии преступлениям в сфере высоких технологий принципиальное значение имеет налаженная информационно-аналитическая работа, а именно такое ее направление как разведывательно-поисковое.

В свою очередь, специфика наблюдения (мониторинг) влияет на стратегию и тактику оперативно-розыскной деятельности, создает особые условия для осуществления оперативно-розыскных мероприятий. При этом заметим, что мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем может восприниматься, как получение сведений, требующих для решения конкретных видов оперативно-розыскной деятельности, и их фиксация с применением технических средств, при обработке информации в информационных системах и базах данных и ее передачи по различным телекоммуникационным системам [5].

Под мониторингом стоит понимать – режим дистанционного (надзора), заключающийся в целенаправленном получении и анализе информации о деятельности, об объектах контроля с использованием систем (методов) дистанционного контроля, в том числе с применением специальных технических средств, имеющих функцию фотосъемки, аудио- и видеозаписи, в целях предотвращения [6].

Мониторинг – это: 1) комплекс наблюдений и исследований; 2) наблюдение за состоянием; 3) слежение за каким-либо объектом или явлением; 4) система регулярных длительных наблюдений [7].

Мониторинг – это специальная форма наблюдения (слежения) за текущим изменением тех или иных процессов или объектов в пространстве и во времени [8].

Monitoring – отслеживание. Постоянное наблюдение за определенными ключевыми характеристиками какого-либо объекта с целью предотвращения [9].

В своей сути такой вид наблюдения как мониторинг, представляет собой специальную комплексную форму наблюдения (слежение) за объектами, их состоянием, изъяснениями, действиями имеющими значение для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности.

Исходя из изложенного под наблюдением (мониторингом) в сетевой информационно-телекоммуникационной среде можно понимать комплексный визуальный, слуховой, цифровой контроль информационно-телекоммуникационных сетей и систем, направленной на выявление получения и фиксацию информации (текстовых, графических, звуковых, фото- и видеоизображений и иных цифровых данных) представляющих оперативный интерес. При этом значение имеет смысловое содержание фиксируемой информации, способствующей выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, нарушений осужденного устанавливаемого порядка отбывания наказания.

Проведение систематического наблюдения (мониторинга) в процессе оперативного поиска значимых данных в сети Интернет, в закрытых группах осужденных и иных представителей уголовной среды в информационно-телекоммуникационной среде, можно рассматривать в качестве начального этапа поиска первичной информации и позволяет выявлять оперативно-значимую информацию, циркулирующую в виртуальных коммуникациях осужденных.

Оперативно-розыскное мероприятие наблюдение предполагает работу по сбору информации о состоянии криминальной обстановки внутри исправительной колонии, так и за ее пределами. Стоит учитывать, что в связи с прогрессом в развитии технологий необходимо уделить внимание полученной оперативной информации в информационно-телекоммуникационной среде, где осужденные активно осуществляют общение.

Список литературы:

1. Интеграция научных знаний как фактор развития оперативно-розыскной деятельности и средств ее обеспечения / С. С. Епифанов // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 31 октября – 01 ноября 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 149-154.
2. Статистические данные о преступности в РФ: см. официальный сайт МВД России: www.mvd.ru (дата обращения 20.05.2025г.).
3. Совершенствование правового регулирования оперативно-розыскного мероприятия наблюдения в исправительных колониях / А. А. Колушов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6(234). – С. 485-487.
4. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / сост. В.С. Овчинский. – М.: Норма, 2017. – 528 с.
5. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (новая редакция) : принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 года).
6. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ (ред. От 08.08.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024)
7. Термины Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Электронный ресурс. Дата обращения 07.05.2025.
8. Большая российская энциклопедия. Электронная версия / old.bigenc.ru. Дата обращения 07.05.2025.
9. Большой толковый словарь русского языка. Дата обращения 08.05.2025.

References:

1. Integration of scientific knowledge as a factor in the development of operational investigative activities and means of its provision / S.S. Epifanov // The penal enforcement system of the Russian Federation: issues of the execution of criminal penalties, the implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society : a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and practical Conference, dedicated to to mark the 90th anniversary of the founding of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, October 31-01, 2024. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2024. pp. 149-154.
2. Statistical data on crime in the Russian Federation: see the official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia: www.mvd.ru (date of application 05/20/2025).
3. Improvement of the legal regulation of operational investigative measures surveillance in correctional colonies / A. A. Kolushov // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 6(234). – Pp. 485-487.
4. Fundamentals of combating cybercrime and cyberterrorism: a textbook / comp. V.S. Ovchinsky, Moscow: Norma, 2017, 528 p.
5. Model Law "On Operational Investigative Activities" (new edition): adopted at the twenty-seventh plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States (Resolution No. 27-6 of November 16, 2006).
6. Federal Law No. 248-FZ of 07/31/2020 (ed. Dated 08.08.2024) "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 09/01/2024)
7. Terms of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergency Situations and Elimination of Consequences of Natural Disasters. An electronic resource. Accessed 05/07/2025.
8. Great Russian Encyclopedia. Electronic version / old.bigenc.ru. Accessed 05/07/2025.
9. Large explanatory dictionary of the Russian language. Date of request 05/08/2025.

**ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ
ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION OF THE TASKS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE SUPPORT FOR THE INVESTIGATION OF OFFICIAL CRIMES COMMITTED
DURING THE CONSTRUCTION OF FACILITIES OF THE PENAL SYSTEM**

ПЕНЬКОВ Евгений Игоревич,

старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики ВЮИ ФСИН России.

Большая Нижегородская ул., 67Е, г. Владимир, 600020, Россия.

E-mail: evgenipenko@yandex.ru;

PENKOV Evgeni I.,

Senior Lecturer of Criminal Procedure Law and Criminalistics of Department of VLI of the FPS of Russia.

67E Bolshaya Nizhegorodskaya St., Vladimir, Russia, 125130, Russia.

E-mail: evgenipenko@yandex.ru

Краткая аннотация. На основе научных мнений ряда авторов формулируется авторское определение оперативно-розыскного обеспечения расследования должностных преступлений, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы. Дается авторская трактовка тактических задач, решаемых в ходе указанной деятельности, содержание которых соотносится с нормами действующего законодательства. Делается вывод о необходимости доработки оперативно-розыскного закона.

Abstract. Drawing on scholarly perspectives, the author formulates an original definition of operational search support for investigating official crimes committed during the construction of penal system facilities. The author's interpretation of tactical objectives addressed through this activity is presented, with their substance aligned to current legislation. The study concludes that refinement of operational search legislation is necessary.

Ключевые слова: оперативные подразделения, оперативно-розыскное обеспечение расследования, должностные преступления, строительство объектов уголовно-исполнительной системы, оперативно-розыскные мероприятия.

Key words: operational units, investigative operational support, official crimes, penal facility construction, operational search activities.

Для цитирования: Пеньков Е.И. Понятие и правовое регулирование задач оперативно-розыскного обеспечения расследования должностных преступлений, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 315-318. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_315.

For citation: Penkov E.I. The concept and legal regulation of the tasks of operational investigative support for the investigation of official crimes committed during the construction of facilities of the penal system // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 315-318. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_315.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Рассуждая о понятии оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений, необходимо отметить, что уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, а также внутренняя нормативно-правовая база федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, не содержат определения указанного понятия.

Оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений приобрело очертания отдельного правового института в процессе многолетней практики взаимодействия органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, с органами исполнительной власти, уполномоченными на осуществление досудебной стадии уголовного судопроизводства, по вопросам, касающимся выявления, раскрытия и расследования преступлений. Ввиду отсутствия законодательного определения оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений процесс формирования представлений об оперативно-розыском обеспечении расследования преступлений адресован сугубо правовой науке, систематизирующей практику правоприменения.

Ряд ученых в области уголовно-процессуального права, криминалистики и науки оперативно-розыскной деятельности, такие как Т.А. Ткачук [5], Е.В. Кулькова [3], О.Н. Пономаренко [4] и др. дают лаконичные и понятные определения оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений, однако, на наш взгляд, наиболее полное определение указанного правового института сформулировал А.А. Ширванов, определив его как основанную на законе и ведомственных нормативных правовых актах деятельность оперативных подразделений государственных органов исполнительной власти по проведению оперативно-розыскных мероприятий с целью получения информации для подготовки и осуществления следственных действий, использования в доказывании и принятия процессуальных решений по уголовным делам [6].

Также следует согласиться с Е.В. Кульковой, которая определила оперативно-розыскное обеспечение как системную комплексную деятельность оперативных аппаратов по эффективному использованию имеющихся на вооружении форм, средств и методов оперативно-розыскной деятельности по расследованию преступлений [3].

Формируя понятие оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений необходимо отделить его от понятия оперативно-розыскного сопровождения расследования преступлений. Ряд ученых считают, что указанные правовые институты тождественны и не требуют отдельного изучения и формирования научных определений. Так, М.И. Климова утверждает, что оперативно-розыскное обеспечение и опера-

тивно-розыскное сопровождение расследования преступлений функционируют в едином правовом поле, относятся исключительно к правам сотрудников оперативных органов и являются собой одну из тактических форм оперативно-розыскной деятельности [1]. Однако нам более близка позиция А.В. Ковалева, который, изучая понятие оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений, считает его более точным, чем оперативно-розыскное сопровождение расследования преступлений, т.к., по его мнению, которое мы разделяем, «сопровождение» указывает лишь на параллельность определенных действий, тогда как обеспечение – реальность будущего судебного... решения» [2].

На наш взгляд, оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений относится исключительно к процессу подготовки и организации проведения органами предварительного следствия следственных и процессуальных действий. От того, в какое время, в каких условиях и при каких обстоятельствах будет проведено то или иное следственное действие, зависит ход дальнейшего расследования уголовного дела и качество собираемых доказательств. Соответствующую ориентирующую информацию органам предварительного следствия может предоставить профильное оперативное подразделение. Момент возбуждения уголовного дела и способ уведомления подозреваемого о совершенном процессуальном действии зачастую играет решающую роль для всего хода расследования уголовного дела.

Для оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений не может быть выработано конкретных формализованных инструментов, указывающих на необходимость проведения тех или иных мероприятий на отдельных стадиях уголовного судопроизводства либо при организации подготовки к отдельным следственным действиям. Это обусловлено уникальностью каждого преступления с позиции механизма его совершения и личностных особенностей преступников. Для оперативного работника процесс оперативно-розыскного обеспечения расследования отдельного преступления является уникальным, требующим глубокого анализа обстоятельств совершенного преступления, что предъявляет высокие требования к интеллектуальным, профессиональным и личностным качествам оперативных работников. При этом заметим, что оперативный сотрудник не должен дублировать ход предварительного расследования, добывая информацию, подтверждающую уже выдвинутые следователем версии. Следует действовать автономно, основываясь на данных, полученных от конфиденентов, оперативно-технических и оперативно-поисковых подразделений, а также исходя из личного опыта и типовых оперативно-розыскных версий. Лишь получив значимую информацию, ее необходимо довести до следователя в пределах его компетенции. Именно в этот момент в оперативно-розыскном обеспечении расследования преступлений должна начинаться фаза активного взаимодействия. В идеальном варианте именно оперативный сотрудник ориентирует следователя о лицах, осведомленных о фактах, имеющих значение для расследования, о месте хранения предметов и веществ, которые впоследствии могут стать вещественными доказательствами, а также предоставляет ему результаты оперативно-розыскной деятельности, имеющие значение для уголовного дела.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем определить оперативно-розыскное обеспечение расследования должностных преступлений, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы, как реализуемый в соответствии с законодательством комплекс оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных и организационных мероприятий, направленный на создание оптимальных условий, необходимых органам предварительного следствия для производства следственных и процессуальных действий на досудебной стадии уголовного судопроизводства, проводимый для установления объективных, достоверных и полных сведений о готовящихся, совершаемых и совершенных преступлениях в строительной сфере УИС.

Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по уголовным делам о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов УИС, решает следующие тактические задачи:

- выявление всех эпизодов преступления;
- выявление всех причастных к совершению преступления лиц;
- принятие мер по дальнейшему возмещению вреда;
- выявление лиц, осведомленных об обстоятельствах, имеющих значение для раскрытия преступления;
- выявление информации, которая может носить доказательственное значение или выполнять ориентирующую функцию в выдвижении версий;
- нейтрализация противодействия уголовному судопроизводству, осуществление оперативного контроля над причастными лицами, их родственниками для предотвращения дальнейшего совершения преступлений, уничтожения доказательств, следов совершения преступления, совершения иных способов противодействия расследованию;
- выявление и устранение причин и условий совершения преступлений в сфере строительства УИС.

Соотнося указанные задачи с задачами оперативно-розыскной деятельности, предусмотренными статьей 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД»), мы считаем, что возможно привести следующее соотношение, указанное в таблице 1.

Табл.1

Тактические задачи, решаемые при оперативно-розыскном обеспечении уголовного судопроизводства по уголовным делам о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов УИС	Задачи ОРД, предусмотренные статьей 2 ФЗ «Об ОРД» (в касающейся части)	Основания проведения ОРМ, предусмотренные статьей 7 ФЗ «Об ОРД» (в касающейся части)
1. Выявление всех эпизодов преступления.	Выявление, пресечение и раскрытие преступлений.	Ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках совершаемого или совершенного противоправного деяния, если нет до-

		статочных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.
2. Выявление всех причастных к совершению преступления лиц.	Выявление и установление лиц, совершающих или совершивших преступления.	Ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о лицах, совершающих или совершивших противоправное деяние, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.
3. Принятие мер по дальнейшему возмещению вреда.	Установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации.	Органы, осуществляющие ОРД, при наличии запроса, направленного в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции, в пределах своих полномочий проводят оперативно-розыскные мероприятия в целях добывания информации, необходимой для принятия решений о достоверности и полноте сведений, предоставляемых лицами, замещающими должности федеральной государственной службы, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок проверки достоверности сведений.
4. Выявление лиц, осведомленных об обстоятельствах, имеющих значение для раскрытия преступления.	Раскрытие преступлений.	Ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках совершаемого или совершенного противоправного деяния, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.
5. Выявление информации, которая может носить доказательственное значение или выполнять ориентирующую функцию в выдвижении версий.	Раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их совершивших.	Ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках совершаемого или совершенного противоправного деяния, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.
6. Нейтрализация противодействия уголовному судопроизводству, осуществление оперативного контроля над причастными лицами, их родственниками для предотвращения дальнейшего совершения преступлений, уничтожения доказательств, следов совершения преступления, совершения иных способов противодействия расследованию.	Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.	Ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.
7. Выявление и устранение причин и условий совершения преступлений в сфере строительства УИС.	Предупреждение преступлений.	Основание отсутствует

Следует отметить, что в случае оперативно-розыскного обеспечения расследования должностных преступлений, совершенных при строительстве объектов УИС, в рамках возбужденных уголовных дел, основными основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий будут выступать иные основания, предусмотренные частью 1 статьи 7 ФЗ «Об ОРД»: наличие возбужденного уголовного дела и поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве. Вместе с тем, исходя из сформулированного нами выше определения, оперативно-розыскное обеспечение расследования должностных преступлений не обязательно осуществляется в рамках возбужденных уголовных дел, т.к. направлено на создание оптимальных условий, необходимых органам предварительного следствия для производства следственных и процессуальных действий на досудебной стадии уголовного судопроизводства. В указанной формулировке нами предусматривалось оперативно-розыскное обеспечение не только стадии предварительного расследования, но и стадий первоначального оперативно-розыскного документирования преступной деятельности фигурантов, подготовки рапорта об обнаружении признаков преступления и возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что содержание вышеприведенной таблицы 1 носит во многом дискуссионный характер. Так, если пункты 1 и 2 сомнений не вызывают, то соответствие задачи «Установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации» основанию, предусмотренному в области оперативно-розыскного противодействия коррупции, представляется нам сомнительным и требует дополнительного исследования. В частности, вызывает сомнения формулировка «для принятия решений о достоверности и полноте сведений, предоставляемых лицами, замещающими должности федеральной государственной службы...», т.к. в рамках оперативной проверки наряду с проверкой сведений о доходах сотрудников УИС и ФГТС (в которых, как правило, не содержится информации об имуществе, добытом преступным путем) оперативный поиск первичных сведений и их проверка осуществляются оперативным путем. Более того, часть 3 статьи 7 ФЗ «Об ОРД» содержит дополнительное условие – «наличие запроса, направленного в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции». В рассматриваемой нами ситуации таким запросом может выступать, как представляется, только поручение следователя, что возвращает нас к пункту 3 части 1 статьи 7 ФЗ «Об ОРД». Еще более сомнительным представляется соответствие указанных в пункте 6

таблицы 1 частной задачи осуществления оперативного контроля над причастными лицами, их родственниками для предотвращения дальнейшего совершения преступлений, уничтожения доказательств, следов совершения преступления, совершения иных способов противодействия расследованию задаче выявления информации, которая может носить доказательственное значение или выполнять ориентирующую функцию в выдвижении версий, задаче раскрытия преступлений и основанию в виде поступивших сведений о признаках совершенного преступления.

Таким образом, следует сделать промежуточный вывод, что ФЗ «Об ОРД» не содержит оснований как для решений ряда выделенных нами тактических задач, решаемых при оперативно-розыском обеспечении уголовного судопроизводства по уголовным делам о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов УИС, так и для решения предусмотренной статьей 2 ФЗ «Об ОРД» задачи «Установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации». Решением указанной проблемы нам представляется доработка ФЗ «Об ОРД». К сожалению, ограниченный объем настоящей публикации не позволяет разработать и предложить содержание конкретных норм, поэтому мы ограничимся декларированием их необходимости.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть основные, по нашему мнению, полученные нами результаты. Итак, нами предлагается авторская формулировка оперативно-розыского обеспечения расследования должностных преступлений, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы, под которым мы предлагаем понимать реализуемый в соответствии с законодательством комплекс оперативно-розыских, уголовно-процессуальных и организационных мероприятий, направленный на создание оптимальных условий, необходимых органам предварительного следствия для производства следственных и процессуальных действий на досудебной стадии уголовного судопроизводства, проводимый для установления объективных, достоверных и полных сведений о готовящихся, совершаемых и совершенных преступлениях в строительной сфере УИС. Также значимым нам представляется факт отсутствия оснований для проведения оперативно-розыских мероприятий, необходимых для предусмотренной ФЗ «Об ОРД» задачи «Установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации». Данный факт мы предлагаем устранить путем внесения соответствующего дополнения в ФЗ «Об ОРД».

Список литературы:

1. Климова М.И. Оперативно-розыское обеспечение (сопровождение) расследования преступлений, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина // Климова М.И. // Конкурс молодых учёных. Сборник статей VII Международного научно-исследовательского конкурса – 2021. – Пенза. – С. 203-205.
2. Ковалев А.В. Актуальные вопросы формирования института оперативно-розыского обеспечения расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – С.296-301.
3. Кулькова Е.В. Понятие оперативно-розыского обеспечения расследования преступлений // Кулькова Е.В. // Юридический вестник Кубанского государственного университета – 2011. – № 4(9). – С. 46-47.
4. Пономаренко, О. Н. Оперативно-розыское обеспечение государственного обвинения как средство преодоления криминального противодействия при расследовании преступлений / О. Н. Пономаренко // Полицейское право. – 2007. – № 1(9). – С. 182-187.
5. Ткачук, Т. А. К вопросу о сущности оперативно-розыского обеспечения раскрытия преступлений коррупционной направленности в уголовно-исполнительной системе / Т. А. Ткачук, К. А. Борисенко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 1. – С. 92-98.
6. Ширванов А.А. Сущность и некоторые правовые и организационные проблемы повышения эффективности оперативно-розыского обеспечения расследования преступлений // Ширванов А.А. // Научный портал МВД России – 2013. – № 2(22). – С. 61-65.

References:

1. Klimova, M.I. Operational Search Support in Investigating Crimes Against Constitutional Rights and Freedoms // M.I. Klimova // Young Scientists Competition. Proceedings of the VII International Research Competition – 2021. – Penza. – Pp. 203–205.
2. Kovalev, A.V. Current Issues in Developing the Framework of Operational Search Support for Crime Investigation // News of Tula State University. Economic and Legal Sciences. – 2016. – Pp. 296–301.
3. Kulkova, E.V. The Concept of Operational Search Support in Crime Investigation // E.V. Kulkova // Legal Bulletin of Kuban State University – 2011. – No. 4(9). – Pp. 46–47.
4. Ponomarenko, O.N. Operational Search Support of State Prosecution as a Tool to Overcome Criminal Counteraction During Investigations / O.N. Ponomarenko // Police Law. – 2007. – No. 1(9). – Pp. 182–187.
5. Tkachuk, T.A. On the Essence of Operational Search Support for Detecting Corruption-Related Crimes in the Penal System / T.A. Tkachuk, K.A. Borisenko // Bulletin of Tver State University. Series: Law. – 2017. – No. 1. – Pp. 92–98.
6. Shirvanov, A.A. Essence and Legal/Organizational Challenges in Enhancing Operational Search Support Effectiveness for Crime Investigations // A.A. Shirvanov // Scientific Portal of the MIA of Russia – 2013. – No. 2(22). – Pp. 61–65.

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СОЗДАНИЕМ И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ДИПФЕЙКОВ PROBLEMS OF INVESTIGATING CRIMES RELATED TO THE CREATION AND DISTRIBUTION OF DEEPFAKES

ГАВРИЦКИЙ Александр Васильевич,

заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Ростовского филиала
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Ростов-на-Дону),
кандидат юридических наук, доцент.
344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-т Ленина, 66.
E-mail.ru: urpp.rguprf@gmail.com;
SPIN-код: 8665-8163,
AuthorID: 779336;

РОГАВА Инга Георгиевна,

старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Ростов-на-Дону).
344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Ленина, 66.
E-mail.ru: inga-rogava@mail.ru;
SPIN-код: 4127-4591,
AuthorID: 778637;

GAVRITSKY Alexander Vasilyevich,

Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Rostov branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev" (Rostov-on-Don), PhD in Law, Associate Professor.
Russia, Rostov-on-Don, Lenin Ave., 66.
E-mail.ru: iupp.rguprf@gmail.com;
SPIN-code: 8665-8163,
AuthorID: 779336;

ROGAVA Inga Georgievna,

senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law of the Rostov branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (Rostov-on-Don).
Russia, Rostov-on-Don, Lenin Ave., 66.
E-mail.ru: inga-rogava@mail.ru;
SPIN-код: 4127-4591,
AuthorID: 778637

Краткая аннотация: Технологии дипфейков, использующие алгоритмы глубокого обучения для создания синтетических видеозаписей и изображений, ставят перед правоохранительными органами новые вызовы в расследовании преступлений. Дипфейки становятся эффективным инструментом для совершения различных преступлений, среди которых: мошенничество, клевета, шантаж, а также политические провокации. Статья посвящена анализу правовых и криминалистических проблем, возникающих при расследовании преступлений, связанных с созданием и распространением дипфейков — синтетически сгенерированных медиафайлов с использованием технологий искусственного интеллекта. Автор рассматривает существующие пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, а также предлагает конкретные направления совершенствования нормативного регулирования и следственной практики. Акцент сделан на необходимости адаптации инструментов доказывания к новым цифровым угрозам.

Abstract: Deepfake technologies, which utilize deep learning algorithms to create synthetic videos and images, present novel challenges for law enforcement agencies in criminal investigations. Deepfakes have become powerful tools for committing a variety of offenses such as fraud, defamation, blackmail, and manipulation of public opinion. This article examines the legal and forensic issues encountered during the investigation of crimes involving the creation and dissemination of deepfakes — artificially generated media files produced using artificial intelligence technologies. The author analyzes current gaps in the criminal procedural legislation of the Russian Federation and proposes concrete directions for improving regulatory frameworks and investigative practices. The focus is placed on the urgent need to adapt evidentiary tools to emerging digital threats.

Ключевые слова: дипфейк, цифровые доказательства, искусственный интеллект, расследование, криминалистика, цифровая криминалистика, киберпреступления, расследование преступлений, фальсификация.

Keywords: deepfake, digital evidence, artificial intelligence, investigation, forensic science, digital forensics, cybercrime, criminal investigation, falsification.

Для цитирования: Гаврицкий А.В., Рогава И.Г. Проблемы расследования преступлений, связанных с созданием и распространением дипфейков // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 319-322. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_319.

For citation: Gavritsky A.V., Rogava I.G. Problems of investigating crimes related to the creation and distribution of deepfakes // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 319-322. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_319.

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Массовое распространение технологий генерации синтетических медиафайлов, известных как дипфейки (от англ. deepfake), обозначило новый виток трансформации информационной среды и цифровой преступности. В основе данной технологии лежит использование алгоритмов глубинного обучения, позволяющих создавать визуальные и аудиофайлы, имитирующие реальные действия конкретных лиц с высокой

степенью достоверности. Вследствие доступности соответствующего программного обеспечения, данное явление вышло за рамки безобидных цифровых развлечений и стало инструментом совершения преступлений различной направленности: от клеветы и шантажа до мошенничества и политических провокаций.

Дипфейк — это технология, основанная на применении алгоритмов машинного обучения, таких как генеративно-состязательные сети (GAN), для создания реалистичных изображений и видеозаписей. С помощью этих технологий можно заменить лицо одного человека на лицо другого или сгенерировать фальшивую речь, синхронизированную с движениями губ. Основное преимущество дипфейков заключается в их высокой степени правдоподобности, что затрудняет их выявление без специальной экспертизы

Современное российское уголовное законодательство не содержит самостоятельной нормы, прямо предусматривающей ответственность за создание и распространение дипфейков. В большинстве случаев квалификация осуществляется по смежным составам преступлений, таким как: ст. 128.1 УК РФ (клевета), ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни), ст. 159 УК РФ (мошенничество), ст. 163 УК РФ (вымогательство) [1].

Однако такая правовая конструкция не учитывает специфику механизма преступления, его повышенную общественную опасность и техническую сложность выявления. Отсутствие легального определения дипфейка и критериев его отграничения от допустимой формы художественного выражения приводит к неоднозначности в правоприменении.

Следует отметить, что применение дипфейков в преступных целях обусловлено не только их высокой визуальной достоверностью, но и доступностью программных средств генерации, что усиливает угрозу массового использования этих технологий в преступной деятельности. Ввиду отсутствия сформированной методики расследования таких преступлений, особую актуальность приобретает анализ криминалистической характеристики данного вида деяний.

Так, типовые способы совершения преступлений с применением дипфейков включают:

- информационные атаки, направленные на дискредитацию личности путём создания поддельных видеозаписей с компрометирующим содержанием (клевета, нарушение неприкосновенности частной жизни);
- мошенничество, при котором дипфейк-материалы используются для имитации звонков или видеосвязи с целью обмана (например, deep voice scams);
- шантаж, основанный на угрозе распространения синтетического компромата;
- манипуляция общественным мнением — публикация поддельных выступлений публичных лиц;
- фабрикация доказательств в целях влияния на ход расследований или судебных разбирательств [2, с. 46].

Ключевым элементом указанных способов является удалённый, анонимный характер действий, их высокая техническая сложность и зависимость от цифровых следов.

Следовая информация в преступлениях с дипфейками носит нематериальный, цифровой характер. Она включает:

- метаданные файлов (дата создания, используемое программное обеспечение, параметры рендеринга);
- цифровые артефакты, указывающие на генерацию файла нейросетью (аномалии мимики, освещения, несоответствие движений голосу);
- IP-адреса, учетные записи, каналы распространения (соцсети, мессенджеры, хостинг-платформы);
- программные шаблоны, использованные для создания синтетических материалов.

Субъект преступления, использующего дипфейки, в большинстве случаев характеризуется: высоким уровнем технической грамотности; возможной профессиональной связью с IT-сферой; мотивацией, основанной на корыстных либо репутационных целях (политическая борьба, месть, коммерческая конкуренция) [3, с. 25]; повышенной степенью анонимности, в том числе использованием подставных аккаунтов, криптографических средств защиты и инструментов для сокрытия цифровых следов.

Сокрытие преступлений, совершаемых с использованием дипфейков, обусловлено: публикацией материалов через иностранные или децентрализованные платформы; удалением исходных данных после их распространения; затруднённым доступом к серверам, расположенным за пределами юрисдикции РФ; постоянной модификацией контента (перерендеринг, изменение хэшей файлов).

Выявленные особенности требуют от следственных органов применения международных правовых механизмов (включая помощь по линии Интерпола), а также оперативной работы с цифровыми следами в рамках начального этапа расследования. При этом такие деяния могут совершаться как организованными группами, так и отдельными лицами.

Современные реалии таковы, что ввиду существующих правовых и криминалистических неопределённостей при расследовании преступлений, связанных с созданием и распространением дипфейков, существует ряд проблем, требующих скорейшего разрешения.

Во-первых, одной из основных проблем является высокая степень правдоподобности создаваемых дипфейков. С каждым годом качество таких видео и изображений становится всё лучше, что затрудняет их обнаружение стандартными методами. Следователи сталкиваются с трудностью в идентификации поддельных медиа, поскольку традиционные инструменты анализа изображений и видео часто не позволяют точно различить подделку. В результате преступники могут создавать материалы, которые на первый взгляд не вызывают сомнений в своей подлинности.

Во-вторых, текущие методы цифровой криминалистики не всегда способны эффективно бороться с технологией дипфейков. Для анализа таких материалов требуются новые инструменты и методы, такие как более сложные алгоритмы для выявления аномалий в видео и изображениях, а также алгоритмы для анализа биометрических данных. В России, как и в других странах, существует нехватка специалистов, способных эффективно идентифицировать и расследовать преступления, связанные с дипфейками, что создаёт дополнительную сложность для право-

охранительных органов.

Большинство существующих методов цифровой криминалистики в РФ ориентированы на классическую обработку изображений, аудио и видео. Технология дипфейк требует совершенно иных подходов:

- анализ биометрических признаков (особенности мимики, голосовых колебаний);
- выявление цифровых артефактов GAN-сетей;
- проверка хэш-сумм и цепочек логов;
- внедрение алгоритмов распознавания ИИ-контента (например, DeepForensics, FaceForensics++, DFDC).

Как отмечает В.А. Ашихмин, «современная криминалистика не располагает достаточным числом сертифицированных методик для выявления синтетических видео» [4, с.14].

В-третьих, существующие законодательные нормы, регулирующие использование цифровых технологий, не всегда предусматривают специфические аспекты, связанные с дипфейками. В уголовно-процессуальном законодательстве многих стран, включая Россию, нет чётких указаний, касающихся использования синтетических медиа как доказательств в судопроизводстве [5]. Это создаёт правовые пробелы, которые необходимо устранить для эффективного расследования и преследования правонарушителей.

Для эффективного расследования преступлений, связанных с использованием дипфейков, необходимо развитие новых методов и технологий анализа цифровых следов. Включение нейросетевых моделей и методов искусственного интеллекта в криминалистику позволит создавать более точные и надёжные алгоритмы для выявления фальшивых медиа. Применение таких технологий может значительно ускорить процесс расследования и повысить точность выявления преступных действий.

Необходимо разработать чёткие правовые нормы, которые будут учитывать использование синтетических медиа как доказательств в уголовных делах. Это включает принятие новых законодательных норм, которые бы чётко регулировали использование дипфейков в качестве доказательств, а также предписания о наказаниях за создание и распространение фальшивых материалов, наносящих ущерб репутации граждан и организаций.

Распространение дипфейков через Интернет требует международного сотрудничества для преследования преступников, совершивших правонарушения на территории других стран. Важно развивать международные инициативы по обмену информацией и координации действий правоохранительных органов для борьбы с киберпреступностью, связанной с дипфейками.

Технологии дипфейков создают серьёзные угрозы в сфере правопорядка, требуя от правоохранительных органов разработки новых методов расследования и обновления законодательства. Важно, чтобы правовые и технические нормы развивались в соответствии с быстрым развитием технологий, чтобы эффективно бороться с преступлениями, связанными с созданием и распространением дипфейков. Для этого необходимо не только совершенствовать методы цифровой криминалистики, но и разработать новые правовые рамки, которые обеспечат надёжную защиту от злоупотреблений.

С учётом актуальных вызовов, связанных с использованием дипфейков в преступной деятельности, можно предложить следующие конкретные изменения и дополнения в УПК РФ, направленные на повышение эффективности расследования таких преступлений:

1. ввести новую статью в главу 11 УПК РФ «Доказывание»:

«Статья 81.2. Особенности использования синтетических медиафайлов (видеозаписей, аудиозаписей, изображений) как доказательств

Сторона, представляющая в дело видеозапись, аудиозапись или изображение, полученное с использованием технологий искусственного интеллекта (включая дипфейки), обязана указать на факт синтетического происхождения данного материала.

При наличии оснований полагать, что медиафайл является синтетическим и содержит ложную информацию, следователь, дознаватель или суд обязаны назначить компьютерно-техническую экспертизу, направленную на установление его подлинности.

Результаты такой экспертизы являются обязательным элементом оценки допустимости и достоверности цифрового доказательства»;

2. дополнить статью 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий» новой частью:

«ч. 6.1. При производстве следственных действий с использованием цифровых доказательств (включая видео, аудио и изображения), следователь обязан зафиксировать метаданные файлов, включая дату создания, источник получения, цифровые следы обработки и алгоритмы идентификации возможных фальсификаций»;

3. дополнить главу 27 УПК РФ «Производство судебной экспертизы» новой статьей:

«Статья 202.1. Компьютерно-медийная экспертиза

Назначается в случаях, когда необходимо установить:

- наличие признаков синтетической генерации изображения, видео или аудиофайла;
- использование нейросетевых алгоритмов при создании контента;
- несоответствие изображения фактическим данным (анатомия, светотени, искажения, иное)»;

4. дополнить статью 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» новой частью:

«ч. 2.1. При получении сообщения о преступлении, совершённом с использованием синтетических медиафайлов, следователь или дознаватель обязан истребовать и обеспечить сохранность всех цифровых следов: логов, исходных файлов, следов публикации в интернете и обращения в соцсетях»;

5. дополнить главу 11 УПК РФ «Иные меры процессуального принуждения» новой мерой обеспечения производства по делу — «предотвращение распространения синтетических фальсификаций» путем включения в часть 1 статьи 111 УПК РФ нового пункта:

«п. 5.1. По ходатайству следователя суд может вынести постановление об удалении или ограничении распространения в сети Интернет медиафайлов, заведомо созданных с использованием технологий генерации дипфейков, при наличии данных о нарушении прав личности или общественной безопасности».

Предложения изменения, по нашему мнению, позволят: узаконить понятие «синтетического доказательства»; регламентировать работу следствия с дипфейками; обеспечить экспертную проверку подлинности цифровых материалов; создать правовой механизм для ограничения их распространения.

Таким образом, преступления с использованием дипфейков представляют собой вызов для традиционной уголовно-правовой системы и криминалистики. Их расследование требует как нормативной, так и методической трансформации — внедрения в уголовный процесс понятия синтетического доказательства, разработки специализированной экспертизы, а также совершенствования международного сотрудничества. Только комплексный подход позволит эффективно противостоять угрозе, исходящей от синтетических медиа.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.
2. Марков Д.А. Технологии фальсификации доказательств: вызовы уголовному судопроизводству // Уголовное судопроизводство. - 2023. - № 5. - С. 45–49.
3. Садовская Е.А. Преступления с применением искусственного интеллекта: криминалистические риски и правовые перспективы // Российский следователь. - 2024. - № 1. - С. 22–27.
4. Ашихмин В.А. Цифровая криминалистика в условиях технологической трансформации: вызовы и перспективы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2022. - № 4. - С. 12–18.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 17.06.1996. - N 25. - Art. 2954.
2. Markov D.A. Evidence Falsification Technologies: Challenges to Criminal Proceedings // Criminal Proceedings. - 2023. - N 5. - P. 45–49.
3. Sadovskaya E.A. Crimes with the Use of Artificial Intelligence: Forensic Risks and Legal Prospects // Russian Investigator. - 2024. - N 1. - P. 22–27.
4. Ashikhmin V.A. Digital Forensics in the Context of Technological Transformation: Challenges and Prospects // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. - 2022. - No. 4. - P. 12–18.
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 24.12.2001. - No. 52 (Part I). - Art. 4921.

СРАВНЕНИЕ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН С ДРУГИМИ ОСНОВАНИЯМИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ COMPARISON OF RECONCILIATION OF THE PARTIES WITH OTHER GROUNDS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

ИСАЕВ Флор Рифович,

аспирант Института права Уфимского университета науки и технологий.

450005, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

E-mail: k021@mail.ru;

ISAEV Flur Rifovich,

Postgraduate student of Institute of Law, Ufa University of Science and Technology.

131 Dostoevsky St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russia.

E-mail: k021@mail.ru

Краткая аннотация: в научной статье рассматривается сравнительный анализ примирения сторон с другими основаниями освобождения от уголовной ответственности.

Abstract: the scientific article examines a comparative analysis of reconciliation of the parties with other grounds for exemption from criminal liability.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, примирение сторон, уголовная ответственность, основания освобождения, сравнительный анализ.

Key words: The Criminal Code of the Russian Federation, reconciliation of the parties, criminal liability, grounds for release, comparative analysis.

Для цитирования: Исаев Ф.Р. Сравнение примирения сторон с другими основаниями освобождения от уголовной ответственности // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 323-324. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_323.

For citation: Isaev F.R. Comparison of reconciliation of the parties with other grounds for exemption from criminal liability // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 323-324. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_323.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Освобождение от уголовной ответственности является одной из важнейших категорий уголовного права, отражающей гуманистические начала и обеспечивающей баланс между интересами общества, личности и государства. Среди разнообразных оснований освобождения отдельное место занимает примирение сторон — достаточно новая для российского уголовного процесса форма разрешения уголовно-правового конфликта. Ее особенностью является акцент на восстановлении социальной справедливости, партнерском разрешении спора и отказе от дальнейшего уголовного преследования при условии достижения согласия между потерпевшим и обвиняемым. Однако существует и ряд иных оснований освобождения от уголовной ответственности, каждое из которых имеет свою специфику. В данной статье будет проведен комплексный анализ особенностей примирения сторон и его сравнение с иными основаниями освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве.

Примирение сторон закреплено в статье 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и применяется в случае совершения впервые преступления небольшой или средней тяжести. Ключевое условие — примирение обвиняемого с потерпевшим и заглаживание причиненного вреда.

Примирение сторон — институт, опирающийся на признание пострадавшего как равноправного участника уголовно-правового конфликта. Оно предполагает не только простое формальное согласие, но и действительное разрешение спора, в том числе посредством компенсации ущерба, принесения извинений, иных действий, свидетельствующих о выравнивании нарушенных прав. Такой подход характеризует примирение сторон как самостоятельное и активно развивающееся правовое явление, которое вносит вклад в гуманизацию уголовного законодательства.

Помимо примирения сторон, уголовное право России предусматривает и иные основания освобождения от уголовной ответственности. К ним, согласно главе 11 УК РФ, относятся: деятельное раскаяние (ст. 75), изменение обстановки (ст. 80), истечение сроков давности уголовного преследования (ст. 78), амнистия (ст. 84), а также иные специальные основания, предусмотренные отдельными статьями УК РФ. Каждое из них имеет свою специфику, правовую природу и условия применения.

Общие черты указанных институтов заключаются в том, что все они направлены на отказ государства от уголовного преследования физического лица ввиду возникших особых обстоятельств. Однако между ними имеются существенные различия, связанные как с субъектным составом, так и с юридическими последствиями, механизмом реализации и ценностными ориентирами. Примирение сторон отличается высоким уровнем диспозитивности — потерпевший и обвиняемый сами принимают активное участие в процессе прекращения дела, их воля является определяющей. Другие основания, как правило, реализуются по усмотрению государственных органов (например, при изменении обстановки, истечении сроков давности, объявлении амнистии), а лицо, совершившее преступление и потерпевший зачастую не оказывают значительного влияния на решение о прекращении преследования.

В случае примирения сторон уголовное преследование прекращается по инициативе самих участников конфликта, зачастую с участием посредника (медиатора) или суда, а потерпевший получает возможность непосредственной компенсации вреда, что способствует восстановлению социальной справедливости. Иные основания этого компонента лишены, поскольку государство исходит либо из нецелесообразности дальнейшего преследования (например, по давности), либо из иных конъюнктурных соображений, не связанных с примирением. Кроме того, примирение сторон возможно только при преступлениях небольшой и средней тяжести и впервые совершенных, что указывает на характер его применения исключительно к лицам, которые по своему поведению свидетельствуют о возможности исправления без применения суровых мер.

Серьезную роль здесь играет не только совершенствование норм материального и процессуального права, но и формирование у участников уголовного процесса доверия к возможностям примирения как эффективному способу восстановления социальной справедливости

[1]. Более того, российская практика в последние годы демонстрирует положительную динамику в реализации медиативных процедур, что находит отражение в судебной практике [2].

Институт деятельного раскаяния (ст. 75 УК РФ) тесно граничит с примирением сторон, однако отличается по содержанию. Здесь речь идет о случаях, когда лицо после совершения преступления активно способствует раскрытию и расследованию, добровольно возмещает вред, содействует следствию. Такое лицо не обязательно должно примириться с потерпевшим в формальном понимании — достаточно полного заглаживания вреда и проявления искреннего раскаяния. Таким образом, деятельное раскаяние акцентирует личную инициативу обвиняемого по восстановлению последствий совершенного преступления.

Однако примирение сторон подразумевает обязательное присутствие второй стороны — потерпевшего, который должен подтвердить факт примирения. В деятельном раскаянии этот элемент факультативен: государство может освободить лицо, даже если потерпевший формально противодействует, но все условия выполнены объективно. Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 80 УК РФ) применяется в ситуациях, когда в результате изменения обстоятельств лицо или совершенное им деяние теряют общественную опасность. Это основание является исключительной прерогативой государства и практически не зависит от поведения самого обвиняемого или потерпевшего. В отличие от примирения сторон, здесь нет восстановительного аспекта, нет волевого элемента на стороне участников процесса, а сама мера принимается исходя из общих соображений безопасности и интересов общества.

Сходным по правовому значению основанием выступает истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ). В этом случае государство, признавая утрату социальной значимости деяния в связи с прошедшим временем, отказывается от реализации принципа неотвратимости наказания. Потерпевший и обвиняемый не принимают участия в принятии решения об освобождении, а компенсация вреда может вообще не производиться.

Амнистия же (ст. 84 УК РФ) является массовым актом государственной власти, влекущим освобождение от уголовной ответственности или наказания целых категорий лиц по воле законодательного органа. Как и в случае давности, субъективная сторона, восстановительный потенциал, а также индивидуализация права практически отсутствуют.

Современное уголовное право России стремится к более активному использованию примирения сторон, как одного из проявлений концепции восстановительного правосудия. Этот подход соответствует мировым тенденциям смещения акцентов с чисто карательных к примирительным, гармонизируя общественные отношения и снижая криминогенную напряженность.

При этом в иных основаниях освобождения государство реагирует на внутренние и внешние изменения — течение времени, изменение обстоятельств, акты законодателя — и проявляет свою власть, нередко не учитывая волю потерпевшего. Примирение сторон, напротив, реализует принципы автономии воли, расширяет возможности разрешения конфликта без участия государственно-принудительного механизма.

В судебной практике освобождение от ответственности по различным основаниям встречается достаточно часто, однако механизм примирения сторон, несмотря на свою привлекательность, сталкивается с рядом проблем — формальным подходом правоохранителей, механическим прекращением дел без реального восстановления справедливости, недостаточной информированностью участников процесса о возможностях медиации. Необходимо и дальнейшее совершенствование законодательства по вопросам процессуальных гарантий, порядка проведения примирительных процедур, расширения перечня преступлений, по которым возможно примирение.

Необходимо отметить, что практически все современные исследователи подчеркивают важность профессиональной подготовки медиаторов и адвокатов, участвующих в таких процедурах [3]. Примирение сторон как основание освобождения от уголовной ответственности отражает становление новой философии уголовного права — идеи восстановительного правосудия, акта доверия к участникам конфликта, возможности самостоятельного поиска справедливого решения без излишней карательности. В отличие от других оснований, оно предполагает реальное участие потерпевшего и обвиняемого, направлено на устранение вреда, восстановления баланса общественных отношений. Другие основания освобождения — деятельное раскаяние, изменение обстановки, течение срока давности, амнистия — применяются исходя из соображений государственной целесообразности, не всегда обеспечивают фактическое восстановление прав потерпевшего, ограничивают его участие в процессе.

Реализация потенциала института примирения сторон требует совершенствования законодательства, развития культуры правового диалога между участниками уголовного спора, подготовки специалистов в области медиации, а также постепенного перерастания уголовного процесса в более гибкую, индивидуализированную систему разрешения конфликтов. Так, по мнению ряда исследователей, применение примирительных процедур способствует гуманизации уголовного судопроизводства и снижению рецидива преступности [4].

Только системный подход к внедрению института примирения сторон способен привести к устойчивым положительным результатам, в частности — к снижению преступной нагрузки на судебную систему и повышению эффективности реабилитации правонарушителей [5].

В этом смысле институт примирения сторон в российском уголовном праве не только значим теоретически, но и крайне актуален на практике как важное средство гуманизации уголовной юстиции и укрепления гражданского мира.

Список литературы:

1. Галкина, Е.В. Институт примирения в российском уголовном законодательстве. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 192 с.
2. Верховный Суд РФ. Обзор судебной практики по делам о примирении сторон // Российская юстиция. — 2023. — № 10. — С. 47-55.
3. Кононов, М.С., Архипова, И.А. Роль медиатора в уголовном процессе: современные подходы. // Медиатор. — 2021. — № 2. — С. 13-21.
4. Долгов, А.И. Примирение сторон: теория и практика применения в уголовном процессе России // Журнал российского права. — 2022. — № 7. — С. 53-62.
5. Левин, Б.А. Перспективы гуманизации уголовной политики средствами примирения сторон. // Законность. — 2022. — № 4. — С. 37-44.

References:

1. Galkina, E.V. The Institute of Reconciliation in Russian criminal law. Moscow: YurLitinform, 2021. 192 p.
2. The Supreme Court of the Russian Federation. Review of judicial practice in cases of reconciliation of the parties // Russian Justice. — 2023. — No. 10. — pp. 47-55.
3. Kononov, M.S., Arkhipova, I.A. The role of mediator in criminal proceedings: modern approaches. // Mediator. — 2021. — No. 2. — pp. 13-21.
4. Dolgov, A.I. Reconciliation of the parties: theory and practice of application in the criminal process of Russia // Journal of Russian Law. — 2022. — No. 7. — pp. 53-62.
5. Levin, B.A. Prospects of humanization of criminal policy by means of reconciliation of the parties. // Legality. — 2022. — No. 4. — pp. 37-44.

ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: ФУНКЦИИ, МЕХАНИЗМЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ DOMESTIC CONTROL IN THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM: FUNCTIONS, MECHANISMS, AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. 600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России. 390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

GUSEV Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and the Organization of the Execution of Sentences not related to the isolation of Convicts from Society, Faculty of Law Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. 67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

MOISEEV Nikolay Dmitrievich,

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье исследуется система ведомственного контроля в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Рассматриваются его нормативно-правовые основы, ключевые функции и организационные механизмы. Особое внимание уделено проблемам, возникающим при реализации контрольных мероприятий, включая коррупционные риски, недостаточную эффективность внутренних проверок и дублирование полномочий. На основе анализа ведомственных документов предложены направления совершенствования ведомственной контрольной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Abstract. The article examines the system of departmental control in the penal system of the Russian Federation. It considers its legal and regulatory framework, key functions, and organizational mechanisms. Special attention is given to the challenges faced in implementing control measures, including corruption risks, insufficient effectiveness of internal inspections, and duplication of authority. Based on the analysis of departmental documents, the article proposes ways to improve departmental control activities in the penal system.

Ключевые слова: ведомственный контроль, законность, служебная проверка, инспектирование, министерство юстиции, учреждения уголовно-исполнительной системы, права человека.

Keywords: departmental control, legality, internal audit, inspection, Ministry of Justice, institutions of the penal system, human rights.

Для цитирования: Гусев А.С., Моисеев Н.Д. Ведомственный контроль в уголовно-исполнительной системе: функции, механизмы и проблемы реализации // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 325-327. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_325.

For citation: Gusev A.S., Moiseev N.D. Domestic control in the criminal-executive system: functions, mechanisms, and problems of implementation // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 325-327. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_325.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Уголовно-исполнительная система России – сложный механизм, ответственный за исполнение наказаний, содержание под стражей обвиняемых, подозреваемых в совершении преступлений, а также за обеспечение правопорядка в местах лишения свободы. Эффективность и законность функционирования этой системы напрямую влияют на безопасность общества и реализацию принципов справедливости. Ключевым инструментом поддержания должного уровня работы уголовно-исполнительной системы является ведомственный контроль.

Ведомственный контроль в уголовно-исполнительной системе – это система внутренних проверок, инспектирования и оценки деятельности подчиненных органов, учреждений и их сотрудников, осуществляемая вышестоящими органами и специальными контрольными структурами в пределах системы Федеральной службы исполнения наказаний России. Это неотъемлемая часть управления и обеспечения законности внутри ведомства, внутренний контроль.

Основные цели ведомственного контроля составляют: 1. Обеспечение законности - контроль за точным и единообразным исполнением законов РФ, подзаконных актов, приказов и инструкций ФСИН России. 2. Предупреждение и выявление нарушений: своевременное обнаружение фактов злоупотребления служебным положением, коррупции, превышения должностных полномочий, жестокого обращения с осужденными и подследственными, иных правонарушений со стороны персонала. 3. Повышение эффективности деятельности: оценка качества исполнения служебных обязанностей, оперативно-служебной деятельности, организации режима содержания, производственной деятельности, воспитательной работы, обеспечения безопасности. 4. Соблюдение прав человека: контроль за обеспечением гарантированных законом прав и законных интересов осужденных, подследственных, сотрудников УИС и иных лиц, находящихся на территории учреждений. 5. Проверка исполнения приказов и поручений: контроль за реализацией решений и распоряжений руководства ФСИН России. 6. Профилактика чрезвычайных происше-

ствий: выявление и устранение условий, способствующих возникновению чрезвычайных происшествий, массовых беспорядков, побегов и т.д. 7. Оценка достоверности отчетности: проверка объективности и полноты представляемой подчиненными структурами информации [1].

Внутренний контроль свойственен любым государственным структурам и позволяет своими силами и средствами (без привлечения сторонних организаций) решить текущие и плановые вопросы по поводу координации и проверки деятельности того или иного конкретного учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, либо же структурных подразделений в рамках самих учреждений и органов. Ведомственный контроль и координацию деятельности на самом высшем уровне осуществляет Министерство юстиции РФ в отношении находящейся в его подведомственности Федеральной службы исполнения наказаний. Тем самым Министерство юстиции РФ является органом ведомственного контроля для уголовно-исполнительной системы, а министр юстиции РФ вправе давать директору Федеральной службы исполнения наказаний России обязательные для исполнения указания и приостанавливать в случае необходимости его решения, если иной порядок их отмены не установлен законодательством. Кроме того, министр юстиции РФ представляет доклады Президенту РФ и в Правительство РФ о состоянии дел в уголовно-исполнительной системе [2].

Соответственно, система ведомственного контроля, является многоуровневой, в нее также входят следующие элементы: 1. Руководство ФСИН России (Центральный аппарат): Директор ФСИН, его заместители, начальники управлений (Главное управление по обеспечению охраны правопорядка в УИС, Главное управление по надзору за исполнением законов в УИС, Главное управление собственной безопасности и др.) – осуществляют контроль за территориальными органами и учреждениями напрямую подчиненного подчинения. 2. Территориальные органы ФСИН (на уровне субъектов РФ): Начальники территориальных органов (УФСИН) и их заместители контролируют деятельность подчиненных исправительных колоний (ИК), следственных изоляторов (СИЗО), уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), лечебных исправительных учреждений (ЛИУ) и др. 3. Контрольно-проверочные комиссии (КПК): Специально создаваемые комиссии на разных уровнях (в учреждении, в территориальном органе, в Центральном аппарате) для проведения комплексных или тематических проверок. 4. Структурные подразделения по собственной безопасности: отвечают за выявление и пресечение коррупционных и иных правонарушений среди сотрудников. 5. Структурные подразделения по надзору за соблюдением законов: специализируются на контроле именно за законностью действий персонала в отношении лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказание. 6. Руководители учреждений УИС: Начальники ИК, СИЗО и др. осуществляют текущий контроль за деятельностью своих подразделений и сотрудников [3].

Формы и методы ведомственного контроля составляют: 1. Проверки: плановые, которые проводятся по утвержденному графику (комплексные) и внеплановые – по указанию вышестоящего руководства, в связи с поступлением информации о нарушениях, чрезвычайных происшествиях, обращениями граждан, требованиями надзорных органов (прокуратуры). 2. Инспектирование: Посещение учреждений представителями вышестоящих органов для ознакомления с состоянием дел на месте. 3. Документарный контроль: Анализ отчетов, служебной документации, журналов учета, материалов служебных проверок, финансовых документов. 4. Контрольные мероприятия: Проверки организации службы охраны, режима содержания, пропускного режима, состояния инженерно-технических средств охраны, пожарной безопасности. 5. Рассмотрение обращений граждан (осужденных, их родственников, сотрудников): Важный источник информации о возможных нарушениях. 6. Проведение служебных проверок: Углубленное расследование конкретных фактов нарушения законности или служебной дисциплины. 7. Использование технических средств контроля: Видеонаблюдение (в том числе скрытое в рамках оперативно-розыскной деятельности), системы аудиофиксации, электронные системы учета и контроля доступа. 8. Изучение информационных материалов, характеризующих работу исполнителей. 9. Заслушивание ответственных лиц об их работе.

Инспектирование (инспекторская проверка) в УИС – форма ведомственного контроля, включающая в себя комплекс мер по установлению фактического положения дел, изучению, проверке, оценке состояния и результатов деятельности непосредственно подчиненных органов и учреждений ФСИН России, выработке мер по повышению ее эффективности. Виды инспектирования: 1) по юридическому основанию проведения: - плановое (один раз в 5 лет); - внеплановое (по решению директора Федеральной службы исполнения наказаний России); 2) по субъектам проведения: - осуществляемое организационно-инспекторским управлением ФСИН России (в отношении территориальных органов ФСИН России); - осуществляемое управлением кадров ФСИН России и другими службами; 3) по продолжительности проведения: - от 14 до 30 суток (при инспектировании территориального органа ФСИН России); - в течение 15 суток (при инспектировании образовательного учреждения ФСИН России). Внеплановые инспектирования территориальных органов ФСИН России, назначаемые по решению директора ФСИН России или лица, исполняющего его обязанности, проводятся в случаях: - осложнения оперативной обстановки, чрезвычайных происшествий и в других случаях, требующих немедленного реагирования; - назначения нового начальника территориального органа ФСИН России, для оказания практической и методической помощи в организации служебной деятельности (по его мотивированному рапорту). С учетом стабильно положительных (три и более года) результатов служебной деятельности территориального органа ФСИН России, подлежащего инспектированию, на основании предложений организационно-инспекторского управления ФСИН России по решению директора ФСИН России плановое инспектирование может быть перенесено на более поздний срок либо заменено на целевой выезд по отдельным направлениям служебной деятельности. Сроки планового инспектирования также переносятся в случае вакантной должности руководителя инспектируемого территориального органа ФСИН России. По окончании инспектирования: - готовится акт инспектирования, составляемый на основе материалов инспектирования по направлениям служебной деятельности, который не должен превышать 35 машинописных листов; - сводная ведомость результатов инспектирования (для образовательных учреждений ФСИН России); - организуется разработка плана мероприятий по устранению недостатков, выявленных в ходе инспектирования территориального органа ФСИН России; - подводятся итоги инспектирования на заседании коллегии (оперативном совещании при началь-

нике) инспектируемого территориального органа ФСИН России; - при необходимости информируются о результатах инспектирования руководители территориальных органов федеральных органов государственной власти Российской Федерации, прокуратуры Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; - по прибытии к постоянному месту службы руководитель инспекторской комиссии в течение 7 дней готовит докладную записку директору ФСИН России о результатах инспектирования, в которой излагаются позитивные и негативные процессы, происходящие в инспектируемом территориальном органе ФСИН России, делаются выводы о состоянии дел и выносятся оценка служебной деятельности проинспектированного территориального органа ФСИН России. При необходимости вносятся предложения по улучшению служебной деятельности проинспектированного территориального органа ФСИН России. По результатам доклада руководителя инспекторской комиссии итоговая оценка деятельности территориального органа ФСИН России, подвергнутого инспектированию («удовлетворительно» либо «неудовлетворительно»), утверждается директором ФСИН России или лицом, исполняющим его обязанности.

Несмотря на развитую систему, ведомственный контроль в УИС сталкивается с некоторыми проблемами: 1. Формализм, когда проверки носят поверхностный характер. 2. Коррупционные риски - возможность сокрытия нарушений "по звонку" или в силу личных связей. 3. Недостаточная открытость: трудности во взаимодействии с общественными наблюдательными комиссиями и правозащитниками. 4. Кадровый дефицит: нехватка квалифицированного персонала. 5. Высокая нагрузка: большое количество объектов контроля затрудняет глубокую проработку. 6. Противоречие "Свой-Чужой", что выражается в сложности объективного расследования нарушений внутри замкнутой системы.

Актуальные направления развития, с учетом эмпирического фактора, следует искать в следующих мероприятиях: 1. Внедрение риск-ориентированного подхода: Концентрация ресурсов контроля на наиболее проблемных учреждениях и направлениях. 2. Цифровизация контроля: Развитие систем электронного документооборота, онлайн-мониторинга, анализа больших данных для выявления аномалий. 3. Повышение независимости контрольных подразделений: Укрепление статуса и гарантий для сотрудников КПК и служб собственной безопасности. 4. Усиление взаимодействия с прокуратурой и ОНК: Обмен информацией, совместные проверки. 5. Развитие института общественного контроля: Создание условий для эффективной работы ОНК. 6. Повышение профессионального уровня сотрудников: Постоянное обучение, обмен опытом [4].

Ведомственный контроль носит системный и плановый характер. Он позволяет не только выявить недостатки в работе учреждений и органов УИС, но подобрать и внедрить на определенный период времени необходимые кадры, которые помогут подконтрольному подразделению устранить выявленные недостатки и продолжить работу в правильном направлении деятельности. Ведомственный контроль – важный элемент функционирования УИС России. Он выступает основным внутренним механизмом самопроверки, обеспечения законности, дисциплины и эффективности. От его качества, объективности и беспристрастности напрямую зависит, насколько гуманно и в соответствии с законом исполняются наказания, соблюдаются права человека в местах принудительного содержания, и насколько профессионально и добросовестно несут свою службу сотрудники УИС. Постоянное совершенствование системы ведомственного контроля, повышение его прозрачности и результативности – необходимое условие для построения современной, отвечающей международным стандартам уголовно-исполнительной системы. Это сложный и непрерывный процесс, требующий адекватных ресурсов, политической воли и общественного внимания.

Список литературы:

1. Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомостях Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 19 августа 1993 г., № 33, ст. 1316.
2. Приказ Минюста РФ от 27 октября 2009 г. № 361 «Об организации проверок в подведомственных Министерству юстиции Российской Федерации федеральных службах, осуществлении координации и контроля их деятельности» {КонсультантПлюс}
3. Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изменениями и дополнениями) {КонсультантПлюс}
4. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. : Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-п // – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/>

References:

1. On Institutions and bodies of the Penal Enforcement system of the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 5473-1 of July 21, 1993 // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation dated August 19, 1993, No. 33, Article 1316.2.
2. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated October 27, 2009 No. 361 "On the organization of inspections in federal services subordinate to the Ministry of Justice of the Russian Federation, coordination and control of their activities" {ConsultantPlus}
3. Decree of the President of the Russian Federation dated October 13, 2004 No. 1314 "Issues of the Federal Penitentiary Service" (with amendments and additions) {ConsultantPlus}
4. On approval of the Concept for the Development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 No. 1138-r // – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/>

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ INTERNATIONAL EXPERIENCE IN COMBATING CORRUPTION

КИЛЬМЕТОВА Рената Рафиковна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

САНАКОЕВ Альберт Альбертович,

студент, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

ПЛИЕВ Артур Батрадович,

студент, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

ЕЛОЕВ Урузмаг Тотразович,

студент, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

ИКАЕВ Ацамаз Ахсарович,

студент, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова».
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

KILMETOVA Renata Rafikovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

SANAKOEV Albert Albertovich,

student, Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

PLIEV Artur Batradzovich,

student, Faculty of Law, FSBEI HE "North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

ELOEV Uruzmag Totrazovich,

student, Faculty of Law, FSBEI HE "North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru;

IKAEV Atsamaz Akhsarovich,

student, Faculty of Law, FSBEI HE "North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov".
27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362025.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается зарубежный опыт противодействия коррупции на примере таких стран, как Нидерланды, Германия, США и Канада. Анализируются правовые и институциональные механизмы борьбы с коррупцией, меры профилактики, роль независимых органов и гражданского общества. Делается вывод о значении комплексного подхода к антикоррупционной политике и возможности применения отдельных эффективных практик в российской действительности.

Abstract: The article examines foreign experience in combating corruption using the example of countries such as the Netherlands, Germany, the USA and Canada. It analyzes legal and institutional mechanisms for combating corruption, preventive measures, the role of independent bodies and civil society. A conclusion is made about the importance of a comprehensive approach to anti-corruption policy and the possibility of applying individual effective practices in Russian reality.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, международный опыт, государственная служба, правовое регулирование, профилактика коррупции, Нидерланды, Германия, США, Канада.

Key words: corruption, anti-corruption policy, international experience, civil service, legal regulation, corruption prevention, Netherlands, Germany, USA, Canada.

Для цитирования: Кильметова Р.Р., Санакоев А.А., Плиев А.Б., Елоев У.Т., Икаев А.А. Международный опыт противодействия коррупции // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 328-331. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_328.

For citation: Kilmetova R.R., Sanakoev A.A., Pliev A.B., Eloev U.T., Ikaev A.A. International experience in combating corruption // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 328-331. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_328.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Коррупция как социально-правовое явление имеет древнюю историю: ещё в Древнем Египте предпринимались попытки законодательного ограничения взяточничества и незаконного обогащения чиновников. Однако несмотря на длительное существование этого феномена, он продолжает оказывать негативное влияние на все сферы жизни современного общества — от государственной службы и экономики до социальной сферы и морали граждан. Коррупция нарушает базовые принципы справедливости, подрывает доверие к власти и приводит к неэффективному распределению ресурсов, что в свою очередь способствует росту бедности, преступности и снижению уровня жизни населения.

На современном этапе коррупция рассматривается как глобальная проблема, требующая системного и многоуровневого подхода. Международное сообщество придаёт особое значение противодействию коррупции: в этой сфере активно работают такие организации, как ООН, Группа государств против коррупции (GRECO), Всемирный банк и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Основой международного антикоррупционного регулирования является Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, к которой присоединилась и Российская Федерация. Документ предполагает принятие государствами-участниками комплекса мер, направленных на предупреждение коррупции, уголовное преследование виновных лиц, возврат активов и международное сотрудничество в этой сфере.

Особый интерес представляет опыт стран, продемонстрировавших наименьшие показатели коррупции по международным индексам. Среди них традиционно выделяются Нидерланды, Германия, Канада и США. Изучение их подходов позволяет выявить наиболее эффективные практики, которые можно адаптировать с учётом национальных особенностей других стран, в том числе России¹.

Так, в Нидерландах реализована одна из наиболее эффективных моделей борьбы с коррупцией. В этой стране действует комплексная система мониторинга коррупционных рисков, охватывающая как государственные учреждения, так и частный сектор. Важным элементом является гласность при расследовании коррупционных преступлений, а также обязательная отчётность всех чиновников о своих доходах и деятельности. При установлении факта коррупции виновное лицо лишается права занимать государственные должности, а также всех предоставленных ранее льгот². В крупных госструктурах действуют внутренние контрольные службы, выявляющие нарушения этики и правовых норм, проводится обучение служащих принципам антикоррупционного поведения. Немаловажно и то, что в Нидерландах сформирована система, позволяющая выявлять потенциально опасных с точки зрения склонности к коррупции кандидатов на должности, в том числе при помощи психологической оценки.

Опыт Германии также заслуживает пристального внимания. Здесь борьба с коррупцией строится на основе строгого регламентирования обязанностей и полномочий государственных служащих. Все чиновники обязаны сохранять государственную тайну не только в течение службы, но и после её завершения. Закон запрещает госслужащим заниматься предпринимательской или иной оплачиваемой деятельностью, несовместимой с основными обязанностями. За нарушение установленных правил предусмотрены дисциплинарные меры, вплоть до увольнения. Значительное внимание в Германии уделяется достойному уровню оплаты труда и обеспечению социальной защищённости служащих, что снижает мотивацию к коррупционным действиям. Такой подход позволяет не только наказывать за правонарушения, но и предупреждать их, создавая благоприятную профессиональную среду³.

США являются одним из лидеров по внедрению антикоррупционных механизмов на системном уровне. Особое внимание здесь уделяется законодательному регулированию и созданию независимых органов, контролирующих деятельность представителей власти и крупных корпораций. Важнейшим нормативным актом является Закон о зарубежных коррупционных практиках, который запрещает американским компаниям и гражданам давать взятки иностранным должностным лицам для получения коммерческих преимуществ за рубежом⁴. Нарушение этого закона влечёт за собой как гражданско-правовую, так и уголовную ответственность, включая крупные штрафы и лишение свободы.

Контроль за соблюдением антикоррупционного законодательства в США осуществляют Федеральное бюро расследований (ФБР), Министерство юстиции, а также Комиссия по ценным бумагам и биржам. Отдельные штаты также имеют собственные антикоррупционные комиссии. Важно, что деятельность этих структур максимально прозрачна, а информация о расследованиях и судебных разбирательствах регулярно публикуется в открытом доступе. Кроме того, в США действует институт "информаторов" — лиц, добровольно сообщающих о фактах коррупции в обмен на защиту от преследования и финансовое вознаграждение. Закон защищает таких лиц от увольнения, преследования и других форм давления⁵.

Канада также демонстрирует успешный опыт системной борьбы с коррупцией. Основой антикоррупционной политики здесь является не только правовое регулирование, но и высокий уровень открытости власти. В стране действует Закон о доступе к информации, согласно которому граждане имеют право запрашивать документы и данные о деятельности государственных органов. Это позволяет обществу осуществлять постоянный контроль за работой госслужащих и предупреждать коррупционные практики⁶.

Существенную роль в антикоррупционной системе Канады играет Офис уполномоченного по вопросам этики, следящий за соблюдением норм поведения депутатов, министров и их помощников. За нарушение норм предусмотрены дисциплинарные меры и публичное осуждение. Кроме того, в Канаде действует принцип "нулевой терпимости" к коррупции, закреплённый не только в законе, но и в общественном сознании. Культура открытости, высокий уровень правосознания населения, наличие эффективных механизмов правосудия — все эти факторы способствуют формированию среды, в которой коррупция считается не только незаконной, но и социально неприемлемой.

¹ Опыт зарубежных стран в борьбе с коррупцией. — URL: http://fso.gov.ru/wp-content/uploads/2020/03/Foreign_exp.pdf (дата обращения: 27.05.2025).

² Гладких, С. С. Актуальный зарубежный опыт противодействия коррупции в системе государственной службы // Власть. — 2024. — Т. 32, № 1. — С. 56.

³ Закон Германии о борьбе с коррупцией (Gesetz zur Bekämpfung der Korruption) // Bundesgesetzblatt Teil I Nr. 41. — 1997. — URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bkorrng/index.html> (дата обращения: 27.05.2025).

⁴ Сорокин С. Ю. Противодействие коррупции: правовые и организационные аспекты. — М. : Юрлитинформ, 2023. — С. 38.

⁵ Грачев И. Н. Международно-правовое сотрудничество в сфере борьбы с коррупцией // Журнал российского права. — 2022. — № 5. — С. 80.

⁶ Антикоррупционная политика: отечественный и зарубежный опыт : учеб. пособие / под ред. Е. Н. Тищенко. — М. : Проспект, 2022. — С. 200.

Опыт США и Канады показывает, что важнейшими элементами эффективной антикоррупционной политики являются:

- правовая определённость и неотвратимость наказания; – открытость и подотчётность органов власти;
- активное участие гражданского общества;
- защита информаторов;
- международное сотрудничество.

При этом необходимо учитывать, что прямое заимствование иностранных моделей невозможно без адаптации к национальным условиям. Важны как институциональные реформы, так и изменение общественного сознания.

Российская Федерация также стремится к построению эффективной системы антикоррупционного регулирования, однако, несмотря на наличие значительного объёма нормативно-правовых актов и соответствующих государственных программ, уровень коррупции в стране остаётся сравнительно высоким. Согласно данным международной неправительственной организации в 2024 году Россия занимала 136-е место в Индексе восприятия коррупции, в то время как Канада находилась на 7-м, а США — на 24-м месте.

Основным нормативным актом, регулирующим противодействие коррупции в России, является Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹, который закрепляет основные принципы и меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение коррупционных правонарушений. Кроме того, антикоррупционные положения содержатся в таких документах, как Уголовный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях, а также в подзаконных актах, касающихся государственной службы и закупок.

Сравнительный анализ позволяет выделить как общие черты, так и существенные различия между антикоррупционными системами России и стран Запада:

Во-первых, и в России, и за рубежом признаётся приоритет профилактических мер, включая антикоррупционное просвещение, контроль за доходами и расходами государственных служащих, урегулирование конфликта интересов. Однако, в зарубежных странах такие меры, как правило, подкрепляются реальной возможностью общественного контроля. Например, в Канаде и США финансовая отчётность государственных чиновников является публичной, тогда как в России доступ к таким данным часто ограничен⁹.

Во-вторых, механизм защиты информаторов в России остаётся слабо развитым. Несмотря на то, что Указ Президента РФ от 13.04.2017 № 160 включает положения о стимулировании граждан к сообщению о коррупционных преступлениях, на практике отсутствует действенная система защиты лиц, передающих информацию о нарушениях закона². В отличие от США, где информаторы получают финансовое вознаграждение и имеют государственную защиту, в России нередко фиксируются случаи давления и увольнения таких лиц.

В-третьих, проблема независимости судебной системы в России остаётся одной из главных преград на пути к эффективной борьбе с коррупцией. В странах Запада судебные органы обладают высокой степенью самостоятельности, что позволяет им объективно рассматривать дела, в том числе против высокопоставленных чиновников. В России же судебная система зачастую воспринимается как зависимая от исполнительной власти, что снижает доверие граждан к механизмам правосудия.

Наконец, важнейшим отличием зарубежных моделей является более активное вовлечение институтов гражданского общества и СМИ в антикоррупционную деятельность³. В США и Канаде журналистские расследования нередко становятся основанием для возбуждения дел, а неправительственные организации осуществляют мониторинг деятельности государственных органов. В России роль гражданского общества ограничена и часто встречает административные барьеры.

Таким образом, анализ позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к заимствованию зарубежного опыта: недостаточно просто принять аналогичные законы — важно обеспечить их действенность, прозрачность процедур и политическую волю к реальной борьбе с коррупцией.

В Европе особенно показательны примеры Германии и Швеции, где уровень коррупции стабильно остаётся низким благодаря эффективному функционированию демократических институтов, высокой прозрачности государственного управления и глубоко укоренённой правовой культуре.

Германия, согласно Индексу восприятия коррупции за 2024 год, занимала 9-е место. Основой антикоррупционной политики ФРГ является интеграция мер предупреждения коррупции в общую систему государственного управления. Так, Федеральный закон о коррупции (*Gesetz zur Bekämpfung der Korruption*) устанавливает жёсткие санкции за дачу и получение взятки как в публичной, так и в частной сфере, а также строгое регулирование взаимодействия бизнеса с государственными структурами.

Особое внимание в Германии уделяется подготовке государственных служащих: обязательные антикоррупционные тренинги, внутренние службы комплекс-контроля, регулярные проверки соответствия поведения должностных лиц этическим стандартам. Эффективность контроля обеспечивается благодаря взаимодействию с независимыми структурами, такими как Федеральный аудиторский суд и прокуратура, которые действительно обладают реальной автономией.

Швеция — страна с одним из самых низких уровней коррупции в мире (4-е место в рейтинге CPI 2024). Здесь принцип «открытого правительства» реализуется в полной мере: любой гражданин имеет право запросить любую информацию о работе государственных учреждений (закон о публичности государственных документов действует с 1766 года). Кроме того, все расходы государственных служащих доступны для

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Российская газета. — 2008. — № 266.

² Указ Президента РФ от 13 апреля 2017 г. № 160 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2017–2018 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 16. Ст. 2322.

³ Белёнова Т. С., Саклакова Н. В. Международный опыт борьбы с коррупцией // Молодой ученый. — 2019. — № 47 (285). — С. 270.

общественного контроля через цифровые платформы¹.

Интересным примером является Институт Омбудсмана, впервые созданный именно в Швеции. Омбудсмен имеет полномочия проверять действия госорганов, рассматривать жалобы граждан, а также инициировать проверки. Его деятельность полностью независима от политического давления, что повышает доверие общества и снижает коррупционные риски¹⁵.

Опыт Германии и Швеции подтверждает, что эффективность антикоррупционных мер зависит не столько от количества законов, сколько от их применения и способности обеспечить прозрачность, подотчётность и независимый контроль.

Для России применимыми являются следующие меры:

- Внедрение реальных механизмов гражданского и общественного контроля над деятельностью государственных органов (например, расширение полномочий общественных палат, НКО и СМИ).
- Повышение прозрачности бюджета, включая открытый доступ к информации о госзакупках, тендерах и финансовых потоках.
- Создание и укрепление независимых антикоррупционных органов, не подчинённых напрямую исполнительной власти.
- Этика государственной службы — формирование целостной системы профессионального поведения и антикоррупционного обучения чиновников.
- Усиление ответственности за коррупционные правонарушения не только в уголовном, но и административном и дисциплинарном порядке.

Тем не менее, внедрение этих мер возможно только при наличии политической воли и заинтересованности в повышении уровня правового сознания в обществе.

Коррупция — это сложное и многогранное явление, негативно влияющее на экономическое развитие, социальную стабильность и доверие к государственным институтам. Борьба с коррупцией требует комплексного подхода, включающего законодательные меры, профилактику, контроль и воспитание этических норм.

Международный опыт показывает, что успешная антикоррупционная политика строится на принципах прозрачности, подотчётности, независимого контроля и профессиональной этики. Страны, такие как Нидерланды, Германия, США, Канада, Швеция, демонстрируют высокую эффективность своих систем благодаря сочетанию жёсткого законодательства, внутреннего контроля, обучения госслужащих и вовлечения общества.

Российская практика противодействия коррупции развивается, но нуждается в дальнейшей систематизации и внедрении зарубежных передовых методов. В частности, важно усилить механизмы общественного контроля, повысить прозрачность государственных процессов и развивать культуру этического поведения в госслужбе.

Таким образом, интеграция международного опыта в национальную антикоррупционную стратегию позволит повысить её эффективность и создать условия для устойчивого развития российского общества и государства.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25 января 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. — 2008. — 25 янв. — № 22. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76157/ (дата обращения: 27.05.2025).
2. Указ Президента РФ от 13 апреля 2017 г. № 160 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2017–2018 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 16. — Ст. 2322.
3. Gesetz zur Bekämpfung der Korruption [Закон Германии о борьбе с коррупцией] // Bundesgesetzblatt Teil I Nr. 41. — 1997. — URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bkorrng/index.html> (дата обращения: 27.05.2025).
4. Антикоррупционная политика: отечественный и зарубежный опыт : учеб. пособие / под ред. Е. Н. Тищенко. — М. : Проспект, 2022. — 304 с.
5. Белёнова Т. С., Саклакова Н. В. Международный опыт борьбы с коррупцией // Молодой ученый. — 2019. — № 47 (285). — С. 270–272.
6. Гладких С. С. Актуальный зарубежный опыт противодействия коррупции в системе государственной службы // Власть. — 2024. — Т. 32, № 1. — С. 56.
7. Грачев И. Н. Международно-правовое сотрудничество в сфере борьбы с коррупцией // Журнал российского права. — 2022. — № 5. — С. 77–85.
8. Иванов П. А. Зарубежный опыт противодействия коррупции и его значение для России // Право и государство. — 2023. — № 2. — С. 45–52.
9. Опыт зарубежных стран в борьбе с коррупцией. — URL: http://fso.gov.ru/wp-content/uploads/2020/03/Foreign_exp.pdf (дата обращения: 27.05.2025).
10. Сорокин С. Ю. Противодействие коррупции: правовые и организационные аспекты. — М. : Юрлитинформ, 2023. — 224 с.

References:

1. Federal Law No. 273-FZ of January 25, 2008 "On Combating Corruption" // Rossiyskaya Gazeta. — 2008. — January 25. — No. 22. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76157/ (date of reference: 05/27/2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated April 13, 2017 No. 160 "On the National Anti-Corruption Plan for 2017-2018" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2017. — No. 16. — Art. 2322.
3. Gesetz zur Bekämpfung der Korruption [German Anti-Corruption Law] // Bundesgesetzblatt Teil I Nr. 41. — 1997. - URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bkorrng/index.html> (date of application: 05/27/2025).
4. Anti-corruption policy: domestic and foreign experience : textbook. the manual / edited by E. N. Tishchenko. Moscow : Prospekt, 2022. 304 p
5. Belenova T. S., Saklakova N. V. International experience in combating corruption // Young Scientist. — 2019. — № 47 (285). — Pp. 270-272.
6. Gladikh S. S. Actual foreign experience of combating corruption in the public service system. Vlast. — 2024. — Vol. 32, No. 1. — p. 56.
7. Grachev I. N. International legal cooperation in the field of combating corruption // Journal of Russian Law. — 2022. — No. 5. — pp. 77-85.
8. Ivanov P. A. Foreign experience in combating corruption and its significance for Russia // Law and the State. — 2023. — No. 2. — pp. 45-52.
9. The experience of foreign countries in the fight against corruption. — URL: http://fso.gov.ru/wp-content/uploads/2020/03/Foreign_exp.pdf (date of request: 05/27/2025).
10. Sorokin S. Y. Anti—corruption: legal and organizational aspects. Moscow : Yurilitinform, 2023. 224 p.

¹ Иванов П. А. Зарубежный опыт противодействия коррупции и его значение для России // Право и государство. — 2023. — № 2. — С. 45.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_332

УДК 343.8

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ, УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

ANALYSIS OF SOME SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE OF ILLEGAL LOGGING, DESTRUCTION OR DAMAGE TO FOREST PLANTATIONS

МИГРАНОВ Рустэм Нуруллинович,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России.
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: migranov.rus1972@gmail.com;

MIGRANOV Rustem Nurullinovich,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450091, Russia, Republic of Bashkortostan.
E-mail: migranov.rus1972@gmail.com

Краткая аннотация: В статье автором проводится анализ некоторых признаков объективной стороны незаконной рубки, уничтожения или повреждения лесных насаждений, рассматриваются вопросы возникающие при квалификации преступных деяний данного вида.
Abstract: In the article, the author analyzes some signs of the objective side of illegal logging, destruction or damage to forest plantations, and discusses issues arising in the qualification of criminal acts of this type.

Ключевые слова: объективная сторона, незаконная рубка, уничтожение, повреждение лесных насаждений, экологические преступления, лесопользователь, объем ущерба.

Keywords: objective side, illegal logging, destruction, damage to forest plantations, environmental crimes, forest user, amount of damage.

Для цитирования: Мигранов Р.Н. Анализ некоторых признаков объективной стороны незаконной рубки, уничтожения или повреждения лесных насаждений // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 332-333. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_332.

For citation: Migranov R.N. Analysis of some signs of the objective side of illegal logging, destruction or damage to forest plantations // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 332-333. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_332.

Статья поступила в редакцию: 06.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Согласно статистическим учетам по итогам 2024 года среди экологических преступлений наиболее распространенными являются незаконная рубка, уничтожение или повреждение лесных насаждений. Так всего расследовано 13 600 экологических преступлений, по которым сумма причиненного ущерба составила 21 900 000 рублей[1]. Данные показывают, что преступления, предусмотренные статьей 260 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК России) остаются достаточно серьезной проблемой государства.

В практической деятельности среди сотрудников при квалификации противоправных деяний серьезную проблему вызывает правильное определение объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 260 УК России. В своей статье, основываясь на нормативные акты, проведу аналитический разбор объективной стороны указанного преступления.

В первую очередь необходимо отметить, что незаконной могут быть признаны только рубка указанных в законе насаждений с нарушением требований законодательства. Так как преступления, предусмотренные статьей 260 УК России являются бланкетными, необходимо изучить множество иных нормативных актов, регламентирующих порядок лесопользования. Например, Лесной кодекс Российской Федерации, Приказ Минприроды России от 20.12.2017 № 693 «Об утверждении типовых договоров аренды лесных участков», Постановление Правительства РФ от 24.02.2009 № 161 «Об утверждении Положения о предоставлении в аренду без проведения аукциона лесного участка, в том числе расположенного в резервных лесах, для выполнения изыскательских работ», Приказы Рослесхоза, Распоряжения Правительства РФ, Приказы Минприроды России и многие другие нормативные акты. При лесопользовании без оформления необходимых документов (в частности, договора аренды, решения о предоставлении лесного участка, проекта освоения лесов, получившего положительное заключение государственной или муниципальной экспертизы, договора купли-продажи лесных насаждений, государственного или муниципального контракта на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов) в действиях лесопользователя возможно будет усматриваться противоправное деяние - преступление или административное правонарушение.

Рассмотрим в чем именно будет заключаться противоправные деяния или объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 260 УК России.

В первую очередь объективная сторона заключается только в активных действиях, совершаемых с нарушением установленного порядка лесопользования.

Так первое действие - рубка деревьев и лесных насаждений. В пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее Постановление Пленума) разъясняется, что в целом относится к законному или незаконному виду рубки лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан - это их «валка (в том числе спиливание, срубание,

срезание, то есть отделение различными способами ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня), а также иные технологически связанные с ней процессы (включая трелевку, частичную переработку и (или) хранение древесины в лесу)»[2].

В этом же Постановлении Пленума незаконная рубка указанной растительности определяется, посредством приведения конкретных примеров активных действий - рубки:

- лесных насаждений без оформления необходимых документов (в частности, договора аренды, решения о предоставлении лесного участка, проекта освоения лесов, получившего положительное заключение государственной или муниципальной экспертизы, договора купли-продажи лесных насаждений, государственного или муниципального контракта на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов);
- в объеме, превышающем разрешенный;
- с нарушением породного или возрастного состава;
- либо за пределами лесосеки.

Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание судов на то, что «договор аренды лесного участка или решение о предоставлении лесного участка на иных правах для заготовки древесины либо других видов использования лесов не являются достаточным правовым основанием для проведения рубок лесных насаждений»[2]. Это означает, что рубка лесной растительности лицом арендующим лесной участок без нарушений, считается незаконной в следующих случаях, когда:

- у такого лица отсутствуют документы оформленные надлежащим образом на рубки лесных насаждений на своем арендованном участке (например, проект освоения лесов, получивший положительное заключение государственной или муниципальной экспертизы);
- были вырублены деревья, рубка которых не предполагалась проектом освоения лесов;
- рубка произведена с нарушением сроков, установленных на соответствующих документах.

Другой вид неправомерных действий - это повреждение.

В Постановлении Пленума повреждениями признаются активные действия приводящие «к полному прекращению роста лесных насаждений или неотносящихся к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан, то есть повреждения, необратимо нарушающие способность насаждений к продолжению роста (например, слом ствола дерева, ошмыг кроны, обдир коры) не только непосредственно в момент причинения такого вреда, но в перспективе по истечению определенного времени»[2].

Третьим действием приводящим к преступным последствиям является - уничтожение. В Постановлении Пленума данное действие для применения в целях статьи 260 УК России не разъясняется, но согласно Толкового словаря русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова слово уничтожить, понимается как прекращение или истребление существования кого или чего-нибудь[3].

Кроме того, в анализируемом Постановлении Пленума, Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя в целях применения к статье 261 УК России уничтожение лесных и иных насаждений толкует как «полное сгорание насаждений или их усыхание в результате воздействия»[2] на указанные объекты со стороны человека, то есть в результате этих действий лесные насаждения полностью погибают.

Дополнительными характеристиками объективной стороны статьи 260 УК России являются размер причиненного ущерба: значительный, крупный, особо крупный. Объемы этого ущерба однозначно указаны в примечании к рассматриваемой статье[4], поэтому в этом спорных моментов не возникает. Тут необходимо отметить, по позиции Верховного Суда Российской Федерации привлекаться к уголовной ответственности по пунктам «а» и «в» части 2 статьи 260 УК России будут лица вне «зависимости от того, совершена ли незаконная рубка лесных насаждений или не относящихся к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан в значительном размере»[1] или нет.

Относительно действий лиц, совершивших незаконную рубку насаждений и распорядившихся древесиной по своему усмотрению дополнительной квалификации другим по статьям Особенной части УК России об ответственности за хищение чужого имущества не подлежат, так как охватываются субъективной стороной самой незаконной рубки и являются продолжением достижения преступником своих корыстных целей. Но в случаях, когда происходит завладение древесиной, находящейся в лесном массиве, заготовленной иными лесопользователями, то такие действия подлежат квалификации как хищение чужого имущества, при законных действиях лица вырубившего древесину ущерб причиняется - законному лесопользователю, при наличии незаконной рубки - государству.

Таким образом, в результате проведенного анализа установили, что характеристика объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 260 УК России обстоятельно и однозначно разъясняется Верховным судом Российской Федерации в Постановлении Пленума.

Список литературы:

1. Основные показатели охраны окружающей среды. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Электронная версия документа, сайт: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf (дата обращения 24.05.2025 года).
2. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Электронная версия документа, сайт: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-18102012/> дата обращения 26.05.2025 года.
3. Толковый словарь русского языка [Текст] : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Институт русского языка, Российский фонд культуры. Электронная версия документа, сайт: <https://search.rsl.ru/record/01001701223/> дата обращения 24.05.2025 года.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. Электронная версия документа, сайт: <https://www.zakonrf.info/uk/> дата обращения 26.05.2025 года.

References:

1. The main indicators of environmental protection. Federal State Statistics Service (Rosstat). Electronic version of the document, website: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf (accessed 24.05.2025).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 18, 2012 No. 21 "On the application by Courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management." Electronic version of the document, website: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-18102012/> accessed on 05/26/2025.
3. Russian Russian Dictionary [Text] : 72500 words and 7500 phraseological expressions / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova ; Russian Academy of Sciences, Institute of the Russian Language, Russian Cultural Foundation. Electronic version of the document, website: <https://search.rsl.ru/record/01001701223/> accessed 05/24/2025.
4. The Criminal Code of the Russian Federation. Electronic version of the document, website: <https://www.zakonrf.info/uk/> accessed on 05/26/2025

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_334

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЗАКОННОМУ НАРКООБОРОТУ THE SPECIFICS OF THE ACTIVITIES OF THE OPERATIONAL UNITS OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM IN COUNTERING ILLICIT DRUG TRAFFICKING

АГАРКОВ Алексей Вячеславович,

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЦ-3
ФКУ НИИ ФСИН России, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности ВЮИ ФСИН России.
Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: oper72.kum@mail.ru;

AGARKOV Aleksei V.,

Doctor of Law, Associate Professor
Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Major of Internal Service, Associate Professor of the Department of Operatively-Search Activity of VLI of the FPS of Russia.
Narva St., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: oper72.kum@mail.ru

Краткая аннотация. Анализируются особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в местах лишения свободы, выделяется возможность проведения режимных мероприятий. Рассматривается использование оперативно-розыскных и режимных мероприятий в противодействии незаконному наркообороту, выделяются основные проблемные аспекты, предлагаются пути их разрешения.

Abstract. The study examines the specifics of conducting operational search activities within penal institutions and explores the potential for implementing security measures. It analyzes the use of both operational search activities and security measures to counter illicit drug trafficking, identifies key challenges, and proposes solutions.

Ключевые слова: оперативные подразделения, исправительные учреждения, наркооборот, преступления, оперативно-розыскные мероприятия, режимные мероприятия.

Key words: operational units, correctional facilities, illicit drug trafficking, crimes, operational search activities, security measures.

Для цитирования: Агарков А.В. Особенности деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в противодействии незаконному наркообороту // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 334-336. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_334.

For citation: Agarkov A.V. The specifics of the activities of the operational units of the penal enforcement system in countering illicit drug trafficking // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 334-336. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_334.

Статья поступила в редакцию: 22.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Деятельность оперативных подразделений каждого из субъектов оперативно-розыскной деятельности имеет свою специфику, обусловленную направлением их деятельности. Вместе с тем существует и их общность, обусловленная единством цели и задач оперативно-розыскной деятельности (далее также – ОРД), предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД»). Подчеркнем наиболее значимые в рамках настоящей работы моменты. ФЗ «Об ОРД» декларирует, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты от преступных посягательств. Задачами являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск скрывающихся от правосудия, уклоняющихся от уголовного наказания, без вести пропавших, добывание информации в интересах безопасности России, установление имущества в целях исполнения приговора в части имущественных взысканий.

Вместе с тем следует обратить внимание, что оперативные подразделения исправительных учреждений (далее – ИУ) выходят за рамки вышеуказанных цели и задач ОРД, т.к. осуществляемая ими оперативно-розыскная деятельность, помимо ФЗ «Об ОРД», регламентируется статьей 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), которая, в частности, содержит задачи, выходящие за рамки ФЗ «Об ОРД»: обеспечение личной безопасности лиц, находящихся на территории ИУ, а также выявление, предупреждение и раскрытие нарушений установленного порядка отбывания наказания. Более того, необходимо подчеркнуть, что статья 84 УИК РФ размещена законодателем в главе 12 УИК РФ «Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения», что, без сомнения, свидетельствует о намерении законодателя использовать силы, средства и методы ОРД как средство обеспечения режима, т.е. для достижения цели (здесь именно цели, а не задач! – А.А.), не предусмотренных ФЗ «Об ОРД».

Сотрудники оперативных подразделений ИУ, как сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС), имеют право проводить и проводят так называемые «режимные» мероприятия. В отличие от оперативно-розыскных мероприятий, регламентированных рядом статей ФЗ «Об ОРД», перечень режимных мероприятий законодательно не предусмотрен, оснований и условий их проведения законодательство также не содержит. Анализ норм УИК РФ позволяет констатировать, что режимными возможно признать любые мероприятия, не нарушающие действующего законодательства и направленные на обеспечение исполнения уголовных наказаний, в том числе – в виде лишения свободы. Так, например, в соответствии со статьей 82 УИК РФ осужденные, а также помещения, в которых они проживают, могут подвергать-

ся обыску, вследствие чего возможно выделить режимные мероприятия «личный обыск» и «обыск помещений». В соответствии со статьей 91 УИК РФ письма осужденных подвергаются цензуре, на основании чего еще одним режимным мероприятием является «цензура корреспонденции» и т.д. В ходе проведенных нами исследований деятельности оперативных подразделений УИС была выявлена значимая, по нашему мнению, особенность оперативно-розыскной деятельности в ИУ: оперативные сотрудники УИС не только проводят оперативно-розыскные мероприятия (далее также – ОРМ) для достижения цели обеспечения режима, но и проводят режимные мероприятия в целях решения задач ОРД. При этом оперативно-розыскные и режимные мероприятия создают единый комплекс, направленный на решение как оперативно-розыскных, так и режимных задач [2]. Особо подчеркнем, что в условиях ИУ указанные задачи зачастую трудно разделить: изъятие, например, шприца как запрещенного предмета способствует предупреждению незаконного приобретения и употребления наркотиков, а изъятие наркотического средства дополнительно решает режимную задачу пресечения хранения запрещенных предметов.

Особо следует остановиться на противоправности незаконного наркооборота в местах лишения свободы. Уголовная ответственность за деяния, связанные с производством, хранением сбытом и др. наркотических средств предусмотрены статьями 228-230 Уголовного кодекса Российской Федерации, административная ответственность – статьями 6.8, 6.9, 6.13 и др. Вместе с тем наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры либо аналоги включены в «Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным к лишению свободы запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать», утвержденный приказом Министрства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». Таким образом, здесь, как мы отмечали выше, имеется правовая двойственность – пресечением фактов незаконного наркооборота одновременно решаются и оперативно-розыскная (если рассматривать направленность ОРД исключительно на борьбу с преступностью), и уголовно-исполнительная задачи.

Вместе с тем возникают вопросы: всегда ли в противодействии незаконному наркообороту в местах лишения свободы возможно разграничить оперативно-розыскные и режимные мероприятия и возможно ли использовать в качестве источника доказательств результаты режимных мероприятий? Отвечая на первый вопрос, следует рассмотреть типовую ситуацию: оперативный сотрудник получает первичные сведения о факте незаконного наркооборота в ходе разговора (профилактической беседы) с осужденным. Начиная беседу, оперативный сотрудник не предполагал подобного результата, однако при поступлении информации профилактическая беседа (которую также возможно условно считать режимным мероприятием, направленным на недопущение формирования замысла на совершение противоправного деяния) трансформируется в оперативно-розыскное мероприятие «опрос». Или начатый, при отсутствии оснований для проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», режимный обыск спального помещения осужденных при обнаружении наркотических средств либо приспособлений для их изготовления, употребления и др. трансформируется в указанное ОРМ. При этом фактически ничего не изменяется, трансформация происходит лишь в сознании оперативного сотрудника, осознающего изменение юридической природы совершаемых им действий. Здесь следует подчеркнуть важность предложенного А.Ю. Шумиловым состава оперативно-розыскного мероприятия, включающего в себя, исходя из понимания А.Ю. Шумилова, объект ОРМ, предметно-практическую сторону ОРМ, субъект ОРМ и осознанно-волевую сторону ОРМ [4, с. 179; 5, с.24-29]. В рассматриваемом контексте нас интересует осознанно-волевая сторона – принятие решение на осуществление ОРМ, конкретная цель ОРМ и его задачи.

Итак, подчеркнем значимый, по нашему мнению, вывод – оперативно-розыскное мероприятие, не требующее для его проведения соблюдения условий, предусмотренных статьей 8 ФЗ «Об ОРД», начинается в момент осознания оперативным сотрудником его начала и может трансформироваться из иных действий (мероприятий), проводимых оперативным сотрудником. Вместе с тем возможны ситуации, когда оперативный сотрудник при обнаружении оснований для проведения ОРМ останавливает проводимое режимное мероприятие и уведомляет его участников, что начинается проведение ОРМ. По нашему мнению, указанные действия уместны и необходимы, когда оперативный сотрудник принимает решение о необходимости проведения гласного оперативно-розыскного мероприятия. Таким образом, разграничение между режимным и оперативно-розыскным мероприятиями возможно как гласно – в виде предупреждения участвующих в нем лиц, так и негласно – в виде мыслительного процесса оперативного сотрудника.

Обращаясь ко второму вопросу, следует отметить, что, по нашему мнению, результаты режимных мероприятий, как и результаты оперативно-розыскной деятельности, являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках возможных доказательств. Однако если относительно ОРМ приведенный нами тезис закреплён в Определении Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О «По жалобе граждан М.Б.Никольской и М.И.Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и неоднократно описан в научной литературе [3], то относительно режимных мероприятий следует руководствоваться лишь соответствующими нормами уголовно-процессуального законодательства и сложившейся правоприменительной практикой. Так, например, акт режимного обыска, не являясь процессуальным документом, может быть приобщен к делу в качестве иного документа (статья 84 УПК РФ), а участники обыска могут быть допрошены в качестве свидетелей [1]. Кроме того, могут быть истребованы записи видеорегистраторов, носимых участниками обыска и записи камер, осуществляющих гласное видеонаблюдение в порядке статьи 83 «Технические средства надзора и контроля» УИК РФ. Однако следует подчеркнуть, что процедуры предоставления результатов режимных мероприятий в орган предварительного расследования, в отличие от результатов ОРМ, действующей правовой системой не предусмотрено.

Еще одним значимым проблемным аспектом, не имеющим на сегодняшний день правового разрешения, представляется возможность

использования результатов режимных мероприятий для передачи информации иным субъектам оперативно-розыскной деятельности. Так, например, получив в результате цензуры корреспонденции или гласного контроля телефонных переговоров осужденных (статья 92 УИК РФ) сведения фактах незаконного наркооборота вне мест лишения свободы, имеет ли право оперативный сотрудник направить их в иной субъект ОРД, к чьей компетенции относится полученная информация? Анализируя юридическое содержание описанной ситуации, мы считаем, что подобная ситуация точно соответствует основанию для проведения ОРМ, указанному в пункте 1 части 2 статьи 7 «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий» ФЗ «Об ОРД»: ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния. Вместе с тем требуется уточнить, составляют ли указанные сведения государственную тайну? С одной стороны, как результаты режимных мероприятий, они к сведениям, составляющим государственную тайну, не относятся. С другой стороны, разглашение факта заинтересованности оперативного подразделения полученной в результате режимного мероприятия информацией может привести к уничтожению следов преступления, изменению способов его совершения, связи и др. Представляется, что полученные в результате режимных мероприятий сведения относятся к сведениям ограниченного распространения и именно в таком качестве могут быть направлены в иной субъект ОРД для дальнейшего использования.

Подводя некоторые итоги, следует еще раз подчеркнуть, что в вопросах противодействия незаконному обороту наркотических средств оперативные подразделения УИС имеют возможность проводить не только оперативно-розыскные, но и режимные мероприятия, что значительно расширяет их возможности. Вместе с тем при предоставлении результатов их деятельности в органы предварительного расследования следует четко дифференцировать эти схожие по объективной стороне, но различные по юридической природе мероприятия.

Список литературы:

1. Аверкин, С. Д. Роль режимных мероприятий в расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в исправительных учреждениях / С. Д. Аверкин // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 4(37). – С. 138-140.
2. Агарков, А. В. Особенности оперативно-розыскной деятельности в местах лишения свободы, или существуют ли оперативно-режимные мероприятия? / А. В. Агарков // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 4(61). – С. 120-126.
3. Нухдин, А. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в раскрытии, расследовании и предупреждении пенитенциарных преступлений / А. А. Нухдин // Петербургские пенитенциарные конференции : Сборник материалов комплекса международных научно-практических конференций: в 2-х томах, Санкт-Петербург - Пушкин, 17–19 мая 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 54-59.
4. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскной словарь / А. Ю. Шумилов. – Москва : РИО Российской таможенной академии, 2018. – 216 с.
5. Шумилов, А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность: вопросы и ответы : учебно-практическое пособие. В 2-х кн. / А. Ю. Шумилов. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Издательский Дом Шумиловой И. И., 2006. – 140 с.

References:

7. Averkin, S. D. The Role of Security Measures in Investigating Drug-Related Crimes in Correctional Facilities / S. D. Averkin // Applied Legal Psychology. – 2016. – No. 4(37). – Pp. 138–140.
8. Agarkov, A. V. Specifics of Operational Search Activities in Penal Institutions: Do Operational-Security Measures Exist? / A. V. Agarkov // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2024. – No. 4(61). – Pp. 120–126.
9. Nuzhdin, A. A. Using Operational Intelligence in Detecting, Investigating, and Preventing Penitentiary Crimes / A. A. Nuzhdin // *Petersburg Penitentiary Conferences: Proceedings of the International Scientific-Practical Conferences (in 2 vols.), Saint Petersburg – Pushkin, May 17–19, 2023*. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. – Pp. 54–59.
10. Shumilov, A. Yu. Dictionary of Operational Search Activities / A. Yu. Shumilov. – Moscow: RIO of the Russian Customs Academy, 2018. – 216 p.
11. Shumilov, A. Yu. Operational Search Activities: Questions and Answers: Study Guide. In 2 Books / A. Yu. Shumilov. – 2nd ed., rev. and exp. – Moscow: I.I. Shumilova Publishing House, 2006. – 140 p.

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ THE PROBLEM OF ESTABLISHING A CAUSAL RELATIONSHIP WHEN PROVING VIOLATIONS OF THE RULES IN CRIMINAL CASES TRAFFIC AND VEHICLE OPERATION

АЙСАНОВ Адиль Серикович,

старший научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения
ФКУ «НЦ БДД МВД России», майор полиции.

101990, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 3.

E-mail: Aaisanov4@mvd.ru;

МАЛИКОВ Шамиль Эмилевич,

преподаватель кафедры профессиональной подготовки

ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России».

450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муksинова, 2.

E-mail: bagautdinov93@yandex.ru;

AISANOV Adil Serikovich,

Senior Researcher at the Department for the Study of Problems of Regulatory Legal and Analytical Support

FKU "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", police major.

3 Myasnitskaya St., Moscow, 101990, Russia.

E-mail: Aaisanov4@mvd.ru ;

MALIKOV Shamil Emilevich,

lecturer at the Department of Professional Training

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Muksinova str., Ufa, 450091, Russia, Republic of Bashkortostan.

E-mail: bagautdinov93@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена комплексному и углубленному анализу проблем, возникающих при установлении причинно-следственной связи (ПСС) между нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ПДД и ЭТС) и наступившими общественно опасными последствиями в контексте уголовных дел, расследуемых по статье 264 УК РФ. В рамках исследования детально рассматривается широкий спектр факторов, которые существенно затрудняют установление ПСС, начиная от сложности и динамичности дорожно-транспортных ситуаций и заканчивая многоаспектными техническими аспектами, связанными с состоянием транспортных средств и дорожной инфраструктуры.

Abstract: The article is devoted to a comprehensive and in-depth analysis of the problems that arise when establishing a cause-and-effect relationship between traffic violations and vehicle operation (SDA and ETS) and the resulting socially dangerous consequences in the context of criminal cases investigated under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study examines in detail a wide range of factors that significantly complicate the establishment of an emergency management system, ranging from the complexity and dynamism of road traffic situations to multidimensional technical aspects related to the condition of vehicles and road infrastructure.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, нарушение ПДД, эксплуатация транспортных средств, уголовное дело, доказывание, объективная сторона, автотранспортное происшествие (ДТП), экспертиза, вина, квалификация преступления, дорожно-транспортная обстановка, техническое состояние ТС, судебная практика, криминалистические методы.

Keywords: causal relationship, traffic violations, operation of vehicles, criminal case, evidence, objective side, motor vehicle accident, examination, guilt, qualification of crime, traffic situation, technical condition of the vehicle, judicial practice, forensic methods.

Для цитирования: Айсанов А.С., Маликов Ш.Э. Проблема установления причинно-следственной связи при доказывании по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_337.

For citation: Aisanov A.S., Malikov S.E. The problem of establishing a causal relationship when proving violations of the rules in criminal cases traffic and vehicle operation // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_337.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) представляет собой важный инструмент обеспечения безопасности дорожного движения и защиты жизни и здоровья граждан.

Однако, привлечение к уголовной ответственности возможно только при наличии установленной законом причинно-следственной связи между противоправным деянием и наступившими общественно опасными последствиями (тяжкий вред здоровью, смерть). Установление этой связи представляет собой один из ключевых элементов доказывания по уголовным делам данной категории, позволяющим определить квалификацию преступления, а также меру ответственности виновного лица. В то же время, установление причинно-следственной связи является одной из самых сложных задач, возникающих при расследовании ДТП. Сложность обуславливается многообразием различных факторов, влияющих на возникновение и развитие аварийной ситуации, включая человеческий фактор, техническое состояние транспортных средств, состояние дорожной инфраструктуры и внешние условия.

Кроме того, проблема установления причинно-следственной связи связана с необходимостью применения специальных знаний в области автотехники, трасологии, медицины и других наук, а также необходимостью проведения сложных и дорогостоящих экспертиз.

Теоретическое понимание причинно-следственной связи в уголовном праве представляет собой сложный и многогранный вопрос, являющийся предметом дискуссий среди ученых-правоведов. Данный вопрос рассматривался различными учеными, среди которых можно выделить: Власову С.В., Тарасову В.И., Петровых В.Л., Шелихова С.Г., Веселова А.В. и др.

В самом общем виде причинно-следственная связь может пониматься как объективно существующая связь между деянием и наступившим общественно опасным последствием, при которой деяние является необходимым условием наступления этого последствия. Вместе с тем данное определение требует дальнейшей детализации и конкретизации, чтобы его можно было эффективно применять на практике при расследовании уголовных дел о нарушении Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Существуют различные теории понимания причинно-следственной связи, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Одной из наиболее популярных является теория «необходимого условия» (*conditiosinequanon*)¹, согласно которой деяние является причиной последствия, если без этого деяния последствие не наступило бы.

Но, данная теория понимания причинно-следственной связи имеет ряд ограничений. Во-первых, данная теория не позволяет в полной мере разграничить причину от условий, способствующих наступлению последствия. Во-вторых, она может привести к необоснованному расширению круга лиц, ответственных за наступление определенных последствий.

Для более наглядного понимания данной теории приведем следующий пример. Так, водитель А, при управлении транспортным средством находился в состоянии опьянения, при этом не соблюдал скоростной режим и совершил наезд на пешехода, переходившего дорогу в неположенном месте. В результате совершенного наезда на пешехода последний получил травмы несовместимые с жизнью. В случае использования теории «необходимого условия» можно было бы прийти к выводу, что все факторы, такие как состояние опьянения, превышение скорости, нарушение ПДД пешеходом являются причинами смерти последнего, поскольку без каждого из этих факторов смерть не наступила бы. Вместе с тем, данный вывод не является поводом рассматривать каждый их факторов как основные причины совершения ДТП.

Другой популярной в научном обществе является теория «адекватной причинности», согласно которой деяние является причиной последствия, если это последствие является типичным и закономерным результатом данного деяния. Положение данной теории способно разграничить причину от случайных и непредсказуемых последствий, но, при этом, может иметь сложности при применении в практической деятельности, так как возникающие типовые ситуации и закономерности могут восприниматься субъективно.

Устранение рассматриваемых недостатков в понимании причинно-следственной связи представляется в реализации комплексного подхода к ее установлению. При этом, особое внимание уделяется установлению объективной стороны преступления и субъективной стороны лица, совершившего преступление, включающей в себя:

- Деяние (действие или бездействие), нарушающее Правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Необходимо установить конкретные действия или бездействие водителя, которые противоречат конкретным требованиям ПДД или правил эксплуатации транспортных средств.
- Наступление общественно опасных последствий. Необходимо установить факт причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека.
- Наличие причинно-следственной связи между деянием и последствием. Необходимо установить, что именно нарушение ПДД или правил эксплуатации транспортных средств стало причиной наступления общественно опасных последствий.
- Вину лица, совершившего нарушение. Необходимо установить, что лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия) и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий.

Таким образом, установление причинно-следственной связи при доказывании по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств представляет собой сложный процесс, требующий учета различных факторов и теорий, а также установления всех элементов объективной стороны преступления и субъективной стороны лица, совершившего преступление.

Установление причинно-следственной связи в делах, связанных с нарушением ПДД или правил эксплуатации транспортных средств, представляет собой сложную и многофакторную задачу. Указанная сложность обусловлена следующими основными факторами:

Совпадение множества причин и факторов: В большинстве случаев ДТП представляет собой результат одновременного действия нескольких факторов, переплетающихся между собой. Это может быть нарушение ПДД одним или несколькими водителями, техническое состояние транспортных средств, неблагоприятные дорожные условия (например, гололед, плохая видимость из-за тумана или дождя), действия третьих лиц (например, пешеходов, внезапно вышедших на проезжую часть), а также случайные факторы (например, внезапно выбежавшее на дорогу животное). В таких сложных ситуациях крайне важно определить, какое именно нарушение или фактор стал доминирующим, решающим в цепи событий, приведших к трагедии. Требуется выявить тот фактор, который непосредственно спровоцировал ДТП, а не просто создал условия для его возникновения.

Действия третьих лиц, как опосредованная причина: Нередки случаи, когда ДТП возникает в результате действий пешеходов (нарушающих правила перехода проезжей части), велосипедистов (не соблюдающих правила движения для велосипедистов) или других водителей, также нарушающих ПДД. В таких ситуациях, следователь должен тщательно оценить степень вины каждого из участников дорожного движения, и установить, чьи действия стали определяющими в развитии аварийной ситуации. Важно установить, мог ли водитель, нарушивший ПДД, предот-

¹ 3.Б. Соктоев, Теории «Адекватной» причинности «Необходимого причинения» в уголовном праве. Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью. С. 25-30

вратить ДТП, если бы другие участники дорожного движения действовали правомерно.

Неблагоприятное влияние внешних факторов: Погодные условия (сильный дождь, снегопад, гололед, туман), состояние дорожного покрытия (наличие ям, выбоин, скользкого покрытия), наличие неожиданных препятствий на дороге (например, упавшие деревья, строительные материалы) могут существенно ограничить возможности водителя для предотвращения ДТП. В таких случаях необходимо установить, в какой мере нарушение ПДД водителем усугубило неблагоприятные внешние условия и стало ли оно непосредственной причиной наступивших последствий. При этом следует учитывать, что водитель обязан выбирать скорость движения и стиль вождения, адекватные текущим дорожным и погодным условиям.

Сложность реконструкции событий ДТП: Отсутствие достаточного количества свидетелей, противоречивые и неточные показания участников ДТП, некачественная или неполная фиксация следов на месте происшествия (например, отсутствие фотографий или схем ДТП, неверное измерение расстояний) значительно затрудняют восстановление объективной картины ДТП и установление точной последовательности событий, предшествовавших столкновению. Это, в свою очередь, делает крайне сложным установление причинно-следственной связи между нарушением ПДД и наступившими последствиями. В таких случаях необходимо использовать все доступные средства для реконструкции событий, включая анализ данных с видеорегистраторов, записей с камер видеонаблюдения, данных систем GPS и других технических устройств.

Технические сложности и специфика экспертных исследований: Определение технической возможности предотвращения ДТП (имел ли водитель техническую возможность избежать столкновения, даже при условии нарушения им ПДД), установление наличия и характера технической неисправности транспортного средства, которая могла повлиять на развитие аварийной ситуации (например, неисправность тормозов, рулевого управления, подвески), требуют специальных знаний и проведения сложных и дорогостоящих экспертиз, выполняемых квалифицированными экспертами-автотехниками. При этом необходимо учитывать, что выводы экспертов должны быть обоснованными и подкреплены объективными данными, полученными в ходе исследования.

Одной из самых сложных проблем, возникающих при расследовании дел о нарушении ПДД и ЭТС, является правильная квалификация действий водителя в ситуациях, когда в развитии ДТП принимают участие несколько лиц, нарушающих ПДД. В таких случаях необходимо тщательно анализировать действия каждого из участников и определять степень их влияния на наступление общественно опасных последствий. Важно учитывать не только сам факт нарушения ПДД, но и его непосредственную роль в развитии аварийной ситуации.

Рассмотрим пример: водитель А, управляя автомобилем, превысил установленную скорость движения. В то же время, водитель Б, выезжая со второстепенной дороги, не уступил дорогу водителю А, нарушив правила приоритета. В результате произошло столкновение, в котором пострадал пассажир автомобиля водителя А, получив тяжкий вред здоровью. В данном случае необходимо установить, чьи действия стали определяющими в развитии ДТП. Если экспертным путем будет установлено, что если бы водитель А двигался с разрешенной скоростью, он имел бы техническую возможность избежать столкновения, то его превышение скорости будет признано причиной ДТП. Однако, если даже при условии соблюдения скорости водитель А не смог бы избежать столкновения из-за внезапного выезда водителя Б, то причиной ДТП будут признаны действия водителя Б.

В случаях, когда действия нескольких лиц находятся в причинной связи с наступившими последствиями, ответственность может быть распределена между ними в соответствии со степенью вины каждого из участников. Однако, установление этой степени вины и точное разграничение ответственности является сложной и кропотливой работой, требующей тщательного анализа всех собранных по делу доказательств, заключения экспертов, показаний свидетелей и участников ДТП.

Для значительного повышения эффективности доказывания по уголовным делам о нарушении ПДД и ЭТС, а также для успешного преодоления сложностей, связанных с установлением причинно-следственной связи, необходим комплексный подход, включающий в себя следующие направления:

Совершенствование методики расследования ДТП (детальная проработка): Необходима разработка и внедрение унифицированных и детализированных методических рекомендаций по расследованию различных видов ДТП. Эти рекомендации должны учитывать специфику различных типов происшествий (столкновение, наезд на пешехода, опрокидывание и т.д.) и сложность установления причинно-следственной связи в каждом конкретном случае. Рекомендации должны содержать четкие алгоритмы действий следователя на месте происшествия, перечень необходимых следственных действий, рекомендации по назначению экспертиз, а также примеры из судебной практики.

Привлечение квалифицированных специалистов различного профиля (расширение): Необходимо активно привлекать к участию в расследовании ДТП высококвалифицированных специалистов из различных областей знаний. Это могут быть эксперты-автотехники, специализирующиеся на различных типах транспортных средств, трасологи, эксперты в области дорожного строительства и безопасности дорожного движения, медицинские эксперты, психологи, специалисты в области IT и компьютерной техники (для анализа данных с видеорегистраторов и других электронных устройств). Важно обеспечить доступность экспертов для следователей и оперативность проведения необходимых исследований.

Использование современных технических средств (актуализация): Необходимо активнее внедрять и использовать современные технические средства для фиксации обстановки на месте происшествия, проведения исследований и реконструкции событий ДТП. Это могут быть: высококачественные фото- и видеокамеры, лазерные сканеры для создания 3D-моделей места происшествия, дроны для проведения аэрофотосъемки, специализированное программное обеспечение для анализа данных с видеорегистраторов и других электронных устройств, а также компьютерные программы для моделирования ДТП.

Тщательный анализ показаний участников и свидетелей (детализация): Необходимо уделять особое внимание анализу показаний участников ДТП и свидетелей. Важно выявлять противоречия в показаниях, устанавливать причины этих противоречий, и проводить очные став-

ки между участниками ДТП для уточнения обстоятельств происшествия. В сложных случаях, при наличии сомнений в правдивости показаний, может быть назначена психофизиологическая экспертиза (полиграф) с согласия лица.

Улучшение качества дорожного покрытия и обустройства дорог (системный подход): Необходимо уделять постоянное внимание улучшению состояния дорожного покрытия, своевременному ремонту дорог, установке дорожных знаков и разметки, освещению дорог в темное время суток, обеспечению безопасности пешеходных переходов. Эти меры помогут снизить риск возникновения ДТП и уменьшить тяжесть их последствий.

Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов (непрерывное образование): Необходимо проводить систематическое обучение и повышение квалификации следователей, дознавателей и экспертов, занимающихся расследованием ДТП. Обучение должно включать в себя изучение новых методик расследования, современных технических средств, а также анализ судебной практики по делам о нарушении ПДД и ЭТС.

Подводя итог, можно сделать вывод, что проблема установления причинно-следственной связи при доказывании по уголовным делам о нарушении ПДД и ЭТС остается одной из наиболее сложных и актуальных проблем в современном уголовном праве и криминалистике. Эффективное решение данной проблемы требует комплексного и системного подхода, включающего в себя совершенствование нормативной правовой базы, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, использование современных технических средств, а также активное взаимодействие с экспертным сообществом и общественными организациями.

Только при условии реализации всех этих мер можно обеспечить эффективное доказывание по уголовным делам данной категории и справедливое привлечение виновных к ответственности, тем самым способствуя повышению безопасности дорожного движения и защите прав и законных интересов граждан.

Список литературы:

1. Исмагилова А.Р., Айсанов А.С. Проблемы использования специальных знаний, возникающих при расследовании уголовных дел о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Аграрное и земельное право. 2024. № 9(237). С. 233-235.
2. Баранчикова М.В. Виды субъектов преступлений против безопасности дорожного движения в зависимости от роли в ее обеспечении // Безопасность дорожного движения. 2024. № 4. С. 44-47.
3. Васюков В.Ф., Чаплыгина В.Н. Использование данных информационных систем транспортных средств при расследовании преступлений // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 55-60.
4. Тишутина И.В. Отдельные вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 53-57.
5. Зуев П.М. Методика расследования дорожно-транспортных происшествий: учебное пособие. М., 1990. С. 12.
6. Онучин А.П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов: Монография. Свердловск, 1987. С. 24.
7. З.Б. Соктоев, Теории «Адекватной» причинности «Необходимого причинения» в уголовном праве. Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью. С. 25-30.

References:

1. Ismagilova A.R., Aisanov A.S. Problems of using special knowledge arising in the investigation of criminal cases on violations of traffic rules and operation of vehicles // Agrarian and land law. 2024. No. 9(237). pp. 233-235.
2. Baranchikova M.V. Types of subjects of crimes against road safety depending on their role in ensuring it // Road safety. 2024. No. 4. pp. 44-47.
3. Vasyukov V.F., Chaplygina V.N. The use of vehicle information systems data in the investigation of crimes // Road safety. 2024. No. 2. pp. 55-60.
4. Tishutina I.V. Selected issues of criminalistic support for the investigation of crimes in the field of traffic // Safety of traffic. 2024. No. 1. pp. 53-57.
5. Zuev P.M. Methodology of investigation of road accidents: textbook. Moscow, 1990. p. 12.
6. Onuchin A.P. Problems of investigation of traffic accidents taking into account situational factors: Monograph. Sverdlovsk, 1987. p. 24.
7. Z.B. Soktoev, Theories of "Adequate" causation of "Necessary causation" in criminal law. Criminal law measures to combat crime. pp. 25-30.

РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ И МЕХАНИЗМЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ SEARCH ACTIVITIES IN THE PENAL SYSTEM: LEGAL COLLISIONS AND MECHANISMS OF INTERAGENCY COOPERATION

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России. 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1.

E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 125130, Russia, Moscow, Narvskaya str., 15A, p. 1.

E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются правовые и организационные проблемы розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе (УИС) России. Анализируются пробелы законодательства, регулирующего задержание осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, а также противоречия в межведомственном взаимодействии ФСИН и МВД. Рассматриваются вопросы судебной практики, цифровизации розыскных процессов и подготовки кадров. На основе выявленных проблем предлагаются меры по модернизации нормативной базы, внедрению технологий мониторинга и созданию единой системы оценки эффективности.

Abstract: The article examines the legal and organizational challenges of search activities in the Russian penal system. It analyzes gaps in legislation regulating the detention of individuals sentenced to non-custodial punishments, as well as contradictions in interagency cooperation between the Federal Penitentiary Service (FSIN) and the Ministry of Internal Affairs (MVD). The study addresses judicial practice, digitalization of search processes, and personnel training. Based on the identified issues, the authors propose measures to modernize the legal framework, implement monitoring technologies, and establish a unified system for evaluating effectiveness.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, розыскная деятельность, правовые коллизии, межведомственное взаимодействие, задержание осужденных, цифровизация, эффективность розыска, судебная практика, подготовка кадров.

Keywords: penal system, search activities, legal collisions, interagency cooperation, detention of convicts, digitalization, search effectiveness, judicial practice, personnel training.

Для цитирования: Бажанов С.А. Розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе: правовые коллизии и механизмы межведомственного взаимодействия // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 341-343. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_341.

For citation: Bazhanov S.A. Search activities in the penal system: legal collisions and mechanisms of interagency cooperation // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 341-343. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_341.

Статья поступила в редакцию: 22.05.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В контексте современных вызовов уголовно-исполнительной системы (УИС) розыск лиц, уклоняющихся от исполнения наказаний, приобретает характер стратегической задачи. На наш взгляд, её актуальность обусловлена необходимостью балансирования между гуманизацией пенитенциарной политики и обеспечением общественной безопасности. Как показывает анализ нормативно-правовой базы, ключевой проблемой остаётся несовершенство законодательства, регулирующего механизмы задержания и взаимодействия между ведомствами, так как решение задачи розыска осужденных предполагает осуществление специальной розыскной работы, которая не отождествляется только с проведением целевых оперативно-розыскных мероприятий, а носит комплексный характер.

Анализ действующего законодательства выявляет системные противоречия, затрудняющие реализацию розыскных функций УИС. На наш взгляд, ключевой проблемой является отсутствие единого подхода к задержанию лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Например, в отношении условно осужденных или лиц с отсрочкой приговора законодатель не устанавливает ни сроков задержания (ст. 190 УИК РФ), ни четких оснований для применения физической силы сотрудниками ФСИН. [1] Это создает правовой вакуум, который, как показывает практика, приводит к злоупотреблениям или, напротив, к бездействию органов. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (п. 5) представление в суд материалов для решения вопроса об изменении вида уголовного наказания осужденным к обязательным работам, исправительным работам и ограничению свободы и рассмотрение вопроса об избрании меры пресечения в отношении указанных лиц допускается только в их присутствии, т.е. не может быть заочным. [2]

Особую сложность представляет задержание осужденных к обязательным работам. Согласно ч. 4 ст. 60 УИК РФ, их разрешено задерживать на 48 часов, однако процедура доставления, оформления протокола и выбора места содержания законодательно не регламентирована. На наш взгляд, подобная неопределенность провоцирует конфликты между УИС и правоохранительными органами, которые нередко отказываются участвовать в задержании, ссылаясь на отсутствие прямых указаний в административных регламентах.

Эффективность розыска напрямую зависит от координации между ФСИН и МВД, однако, как свидетельствуют данные судебной практики, этот механизм остается несовершенным. Например, сотрудники полиции часто игнорируют запросы УИС о задержании лиц, уклоняющихся от исправительных работ, что, на наш взгляд, связано с недостаточной правовой регламентацией их обязанностей. Более того, даже при успешном задержании возникают сложности с помещением осужденных в изоляторы временного содержания (ИВС), поскольку действующие инструкции МВД не предусматривают такой возможности для данной категории лиц.

Анализ судебной практики показывает наличие системных противоречий в вопросе отмены условного осуждения. На наш взгляд, существующий порядок рассмотрения таких дел создает дополнительные сложности для УИС. Так, согласно ч. 2 ст. 399 УПК РФ, суд обязан известить лицо о дате судебного заседания не позднее чем за 14 суток до его начала, что в случае с разыскиваемыми лицами делает процедуру фактически невыполнимой.

Более того, даже после задержания и доставления осужденного в суд, рассмотрение вопроса об отмене условного осуждения происходит в дежурные сутки только по материалам о заключении под стражу. Все остальные вопросы, включая отмену условного осуждения, рассматриваются в общем порядке, что, как показывает практика, приводит к многочисленным повторным побегам и, соответственно, новым розыскам.

На наш взгляд, существующая система контроля за условно осужденными требует существенной модернизации. В частности, необходимо пересмотреть подход к учету и мониторингу лиц, склонных к уклонению от отбывания наказания. Анализ статистических данных показывает, что значительная часть осужденных, которым наказания, не связанные с лишением свободы, заменены на лишение свободы, имеют нестабильное социальное положение и склонность к рецидиву.

Поэтому представляется целесообразным создание единой информационной системы, которая бы учитывала не только формальные данные о личности осужденного, но и его социальное положение, наличие постоянного места жительства, занятость и другие социально значимые характеристики. Это позволило бы более эффективно прогнозировать риски уклонения от отбывания наказания и своевременно принимать превентивные меры.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по оптимизации розыскной деятельности в УИС. На наш взгляд, первоочередной мерой должно стать внесение изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, направленных на:

- Установление четких сроков задержания осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания
- Определение порядка применения физической силы и специальных средств при задержании
- Регламентацию мест содержания, задержанных на период до принятия судебного решения
- Упрощение процедуры рассмотрения вопросов об отмене условного осуждения в отношении задержанных лиц

Поэтому необходимо также разработать ведомственный нормативный акт, детально регламентирующий организацию розыскной работы в УИС. Данный документ должен учитывать специфику различных категорий осужденных и особенности их задержания, т.к. отставание законодательного, в том числе и ведомственного нормотворчества от регулирования вопросов розыскной работы ведет к нечеткому и неполному установлению оперативно-служебных функций отдельных должностных лиц, участвующих в розыске осужденных. [3]

Вместе с этим необходимо и совершенствование механизмов назначения и исполнения наказания путем последовательной оптимизации санкций уголовно-правовых норм с неукоснительным соблюдением принципов неотвратимости уголовной ответственности и соразмерности содеянному деянию. [4]

На основании проведенного исследования можно констатировать, что существующая система розыскной деятельности в УИС требует комплексной модернизации. Ключевыми направлениями совершенствования являются:

- Совершенствование нормативно-правовой базы с учетом современных реалий
- Оптимизация механизмов межведомственного взаимодействия
- Внедрение современных технологий контроля и мониторинга
- Разработка четких алгоритмов действий при задержании различных категорий осужденных
- Создание эффективной системы информационного обмена между ведомствами

Только комплексный подход к решению выявленных проблем позволит повысить эффективность розыскной деятельности и обеспечить надлежащий контроль за исполнением уголовных наказаний. На наш взгляд, реализация предложенных мер позволит создать более совершенную систему, отвечающую современным требованиям безопасности и правопорядку.

На наш взгляд, особую значимость приобретает вопрос о создании единой методологии оценки эффективности розыскной деятельности. В настоящее время отсутствует унифицированный подход к измерению результативности розыскных мероприятий, что затрудняет объективную оценку качества работы оперативных подразделений. Поэтому представляется необходимым разработать комплексную систему показателей, включающую как количественные, так и качественные критерии оценки.

Более того, на практике наблюдается существенный разрыв между теоретическими положениями о взаимодействии различных ведомств и реальным положением дел. Это обусловлено не только правовыми пробелами, но и организационными проблемами, связанными с распределением полномочий и ответственности между участниками розыскного процесса. На наш взгляд, требуется создание единой координационной платформы, которая бы обеспечивала оперативное взаимодействие всех заинтересованных структур.

Анализ зарубежного опыта показывает, что наиболее эффективной является модель, при которой розыскная деятельность осуществ-

ляется на основе четкого разграничения полномочий между различными ведомствами при сохранении общего координационного центра. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть возможность внедрения подобной системы в отечественной практике с учетом специфики российской правовой системы. [5]

Поэтому, совершенствование розыскной деятельности в УИС требует системного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и организационные меры. Необходимо обеспечить баланс между правами осужденных и интересами общества в сфере обеспечения безопасности и исполнения уголовных наказаний. Только при условии четкого правового регулирования и эффективного взаимодействия всех участников розыскного процесса можно говорить о достижении поставленных целей в данной сфере деятельности.

Список литературы:

1. Грушин Ф.В. Уголовное наказание в виде принудительных работ: монография. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. 79 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 N 21 (ред. от 25.06.2024) "О практике применения судами законодательства об исполнении приговора" // "Вестник Верховного Суда Российской Федерации", N 3, 2012.
3. Бажанов С.А., Горяинов К.К., Исиченко А.П. Оперативно-розыскная деятельность в уголовно исполнительной системе: расширенный комментарий к статье 84 УИК РФ. М.: НИИ ФСИН России, 2011. 56 с.
4. Огурьева А.А. Современные проблемы рецидива преступлений: причины неэффективности борьбы с рецидивной преступностью // Юридический вестник ДГУ. 2015. № 2. Т. 14. С. 124–127.
5. Гордеев Сергей Николаевич Организация розыскной работы правоохранительных органов (зарубежный опыт) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. №3 (58).

References:

1. Grushin F.V. Criminal punishment in the form of forced labor: a monograph. Ryazan: Academy of FSIN of Russia, 2013. 79 p.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 20.12.2011 N 21 (ed. from 25.06.2024) "On the practice of application by courts of legislation on the execution of a sentence" // "Vedomosti penal-executive system", N 3, 2012.
3. Bazhanov S.A., Goryainov K.K., Isichenko A.P. Operative-search activity in the criminal executive system: extended commentary to article 84 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation. Moscow: Research Institute of FSIN of Russia, 2011. 56 p.
4. Ogurlieva A.A. Modern problems of recidivism of crimes: the reasons for the ineffectiveness of the fight against recidivist crime // Legal Bulletin of DSU. 2015. № 2. T. 14. C. 124-127.
5. Gordeev Sergey Nikolaevich Organization of search work of law enforcement agencies (foreign experience) // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2016. №3 (58).

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_344

БОРЬБА СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА FIGHTING BRIBERY IN MODERN CONDITIONS OF STATE DEVELOPMENT

ГОРОВОЙ Владислав Викторович,

ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности

в учреждениях уголовно-исполнительной системы

ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,

119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,

117342, Россия, г. Москва, ул. Введенского, 1 «а».

доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования

ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России,

394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».

E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

ГОРОВОЙ Виктор Владимирович,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Российского университета транспорта, кандидат юридических наук, доцент.

127994, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9

доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка

юридического факультета им. М.М. Сперанского РАНХиГС.

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, 6-й корпус.

E-mail: Gorovoi69@mail.ru;

GOROVY Vladislav Viktorovich,

Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Imprisonment Sentences

and the Study of Penitentiary Crime at the Center for Security Research in institutions of the penal system

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

Candidate of Legal Sciences,

119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.

Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow Federal Law Academy,

117342, Russia, Moscow, st. Vvedensky, 1 "a".

Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort

Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".

E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

GOROVY Viktor Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement Activity

of the Russian University of Transport, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

127994, GSP-4, Moscow, Obraztsova St., 9, building 9

Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security, Law and Order,

Faculty of Law named after M.M. Speransky Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

119571, Moscow, Vernadsky Ave., 84, Building 6.

E-mail: Gorovoi69@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при борьбе со взяточничеством в современных условиях развития государства, а также предлагаются пути их решения. На основании проведенного исследования авторами сформулирован вывод о том, что преодоление проблемы взяточничества требует системного подхода, в котором образовательные программы играют центральную роль. Тщательно разработанные курсы, адаптация методов обучения и применение инновационных технологий в образовании помогут внести существенный вклад в формирование нелояльного отношения к коррупции и создание качественного изменения в обществе.

Abstract: The article examines the problematic issues that arise in the fight against bribery in the modern conditions of state development, and also suggests ways to solve them. Based on the conducted research, the authors formulated the conclusion that overcoming the problem of bribery requires a systematic approach in which educational programs play a central role. Carefully designed courses, adaptation of teaching methods and application of innovative technologies in education will help to make a significant contribution to the formation of a disloyal attitude towards corruption and the creation of qualitative changes in society.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, противодействие коррупции, борьба со взяточничеством.

Key words: bribery, corruption, counteraction to corruption, fight against bribery.

Для цитирования: Горовой Владислав В., Горовой Виктор В. Борьба со взяточничеством в современных условиях развития государства // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 344-348. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_344.

For citation: Gorovoy Vladislav V., Gorovoy Viktor V. Fighting bribery in modern conditions of state development // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 344-348. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_344.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Национальный план противодействия коррупции – это системный документ, описывающий цели, задачи, а также комплекс мероприятий, направленный на совершенствование антикоррупционного законодательства и сокращение числа коррупционных преступлений.

План утверждает Президент Российской Федерации, а в его реализации участвуют все органы власти – от Совета Федерации, Госдумы и Правительства до отдельных министерств и федеральных служб.

Действующим является Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года №478 [1]. Следует отметить, что положения указанного документа распространялись на период с 2021 по 2024 год, новый Национальный план противодействия коррупции в настоящее время не принят.

План содержит перечень мероприятий по предупреждению и противодействию коррупции, минимизации и ликвидации ее последствий, распределенных по 16 направлениям.

Национальный план по борьбе с коррупцией представляет собой комплекс мероприятий, направленных на минимизацию и устранение коррупционных проявлений в различных сферах жизнедеятельности государства и общества. Основная задача этого плана заключается в систематическом и последовательном подходе к противодействию коррупции, включая взяточничество, что является одним из самых распространенных и разрушительных ее проявлений. В рамках плана акцентируется внимание как на нестабильности правовых норм, так и на явных коварствах в практической реализации их соблюдения.

Ключевым аспектом плана является комплексный анализ причин и условий, способствующих коррупционным действиям. В этом контексте важно оценить институциональные и организационные недостатки, которые создают фон для возникновения и распространения взяточничества. План включает в себя меры по повышению прозрачности всех процедур, связанных с публичной администрацией, что позволит снизить уровень бесконтрольности и произвола со стороны должностных лиц.

Некоторые направления плана:

- система запретов, ограничений и обязанностей для противодействия коррупции в отдельных сферах деятельности;
- меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов;
- порядок проведения проверок полноты и достоверности предоставляемой госслужащими информации о доходах, расходах, имуществе и обязательствах;
- механизм применения штрафных санкций и наказаний за несоблюдение антикоррупционных актов;
- регламент применения мер преследования нарушителей: административных, уголовных и уголовно-процессуальных;
- меры по защите конфиденциальной информации, полученной в результате проведения мероприятий по борьбе со взяточничеством;
- система ограничений, налагаемых на госслужащих после их увольнения со службы;
- антикоррупционные меры в частном бизнесе;
- антикоррупционные мероприятия в регионах РФ;
- антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов;
- мероприятия по просвещению населения в части антикоррупционных стандартов;
- механизмы участия граждан и общественных институтов в сфере борьбы с коррупцией и принятия соответствующих нормативно-правовых актов;
- международное взаимодействие с другими странами в сфере борьбы с коррупцией;
- меры по систематизации и актуализации нормативной базы;
- использование цифровых технологий в сфере борьбы с коррупцией [2, с. 34].

Эффективная реализация Национального плана требует выбора адекватных рычагов воздействия на активных участников коррупционных схем. Проводится работа по привлечению внимания правоохранительных структур к антикоррупционной деятельности, что предполагает внедрение специализированных программ и тренингов для сотрудников органов правопорядка. Их задача заключается в выявлении и пресечении взяточничества на начальной стадии, что должно свести на нет возможность его дальнейшего распространения.

Важное место в плане занимает сотрудничество с гражданским обществом, которое должно стать активным участником антикоррупционных мероприятий. Общественные организации и инициативные группы могут обеспечить наибольшую открытость действий власти, посредничая между государством и гражданами. Налаживание открытых каналов коммуникации позволит выявлять коррупционные факты и поощрять добросовестное поведение.

Важной частью Национального плана является его ориентированность на образовательные инициативы. Обучение и просвещение гражданского населения относительно последствий коррупции, а также правовых основ борьбы с ней, являются залогом формирования общественного осуждения к любым проявлениям взяточничества. Лонгитюдный подход для правонарушителей, осуждающих практику взяточничества, представляет собой стратегию, направленную на изменение общественного сознания [3, с. 16].

С точки зрения юридических аспектов, план предполагает совершенствование законодательства, касающегося взяточничества и коррупции в целом. Предусматривается создание новых норм и уточнение существующих норм, с учетом анализа уже имеющегося опыта и международных стандартов. Это должно позволить установить четкие и строгие критерии привлечения к ответственности для всех категорий правонарушителей.

Кроме того, анализ и оценка текущей практики применения законодательства о борьбе с коррупцией поможет выявить существующие пробелы и несоответствия, что, в свою очередь, станет основой для недопущения выявленных сбоев в будущем. Такой подход позволит не только наказывать правонарушителей, но и создать систему, которая будет предотвращать такие случаи.

По своей сути, борьба с коррупцией требует постоянного монитора. Реализация Национального плана включает систему итогового анализа проведенных мероприятий, что включает как количественные, так и качественные оценки. Регулярные отчеты о достигнутых результатах, обязательные проверки и аудиты в органах власти должны стать неотъемлемой частью корпоративной культуры госсектора.

Ключевым моментом плана является его адаптивность: реализация предложенных мероприятий предполагает регулярный пересмотр и при необходимости обновление актуальных подходов и механизмов. В этом аспекте важно не только реагировать на возникающие проблемы, но и предвосхищать их, создавая такие условия, которые способствовали бы снижению механизмов взяточничества.

Таким образом, реализуя Национальный план по борьбе с коррупцией, государство ставит перед собой комплексную задачу, включающую в себя улучшение правоприменительных механизмов, активизацию общественного контроля, просвещение населения и поддержание постоянного диалога между различными уровнями власти и сообщества. Только слаженные действия, поддержанные социальным доверием, могут привести к подлинной победе над взяточничеством и коррупцией, которые, безусловно, подрывают основы не только государственной власти, но и общественного согласия.

Следует также еще отметить, что в современных условиях борьба с взяточничеством требует комплексного подхода, включающего как правовые механизмы, так и социальные изменения. Для достижения эффективных результатов необходимо учитывать как отечественный опыт, так и международные практики, адаптируя их к реалиям российской действительности [4, с. 114].

Во-первых, необходимо продолжение работы над совершенствованием законодательства. Правовая основа борьбы с взяточничеством в России достаточно детализирована, однако имеются пробелы и недостатки, требующие устранения. Упрощение и унификация норм, касающихся коррупционных преступлений, позволят улучшить правоприменение. Нужно более четко регламентировать ответственность за взяточничество на всех уровнях, включая частные и государственные сектора. Возможно, оптимальным решением станет разработка специального кодекса по борьбе с коррупцией, который объединит все существующие нормы и создаст более понятную структуру для правоприменительных органов.

Во-вторых, ключевым аспектом является повышение прозрачности в сферах, подверженных высокому риску коррупции. Разработка и внедрение электронных систем для предоставления государственных услуг уменьшает вероятность получения взяток и упрощает взаимодействие граждан с государственными учреждениями. Системы электронного документооборота и порталы для оказания услуг могут предоставлять информацию о ходе заявок, а также обеспечивать анонимность при подаче жалоб на коррупционные проявления. Внедрение таких решений сократит необходимость личных контактов с чиновниками и позволит снизить коррупционные риски.

Также важным шагом будет создание эффективных механизмов защиты для тех, кто сообщает о фактах коррупции. Введение программ, направленных на защиту свидетелей, информаторов и разоблачителей, поможет привлечь больше людей к выявлению и документированию случаев взяточничества. Программы мотивации для таких лиц, включая финансовое поощрение и защиту от преследования, могут существенно изменить отношение общества к борьбе с коррупцией.

Образование и воспитание граждан также играют решающую роль в формировании антикоррупционной культуры. Учебные заведения всех уровней должны активно заниматься просвещением по вопросам коррупции, формируя у молодежи негативное отношение к взяточничеству. Важными являются развитие антикоррупционных инициатив в общественных организациях и повышенная активность институтов гражданского общества, которые могут выступать в качестве независимого мониторинга и контроля за действиями государственных структур.

Работа с кадрами в правоохранительных органах требует применения жестких мер к коррупционерам внутри системы. Антикоррупционные службы не должны оставаться изолированными; необходима система ротации, регулярные проверки и аккредитация. Необходимо создать антикоррупционные комиссии с участием представителей гражданского общества, что позволит повысить доверие к правоохранительным органам.

Наконец, следует отметить важность политической воли. Для успешного воплощения всех вышеперечисленных мер необходимо, чтобы антикоррупционная стратегия была поддержана на высшем уровне власти. Лидеры государства должны демонстрировать личную приверженность борьбе с коррупцией, принимая участие в антикоррупционных мероприятиях и жестко реагируя на выявленные факты взяточничества независимо от статуса нарушителей.

Таким образом, эффективность борьбы с взяточничеством в России зависит от комплексного подхода, включающего правовые, организационные и культурные изменения. Успешная реализация антикоррупционных инициатив позволит создать более честное и открытое общество, что в свою очередь укрепит доверие граждан к государственным институтам.

Кроме этого, следует также отметить, что взяточничество, как явление, имеет разрушительное воздействие на функционирование государственных институтов и системы управления в целом. Это воздействие проявляется множеством способов, затрагивая как микро-, так и макроуровни, что приводит к значительным последствиям для устойчивости общества и правовой системы. На уровне государственных учреждений взяточничество формирует культуру безнаказанности, когда должностные лица начинают видеть в нарушении закона норму, что, в свою очередь, подрывает доверие к власти и правосудию.

Одним из основных механизмов, через которые взяточничество влияет на государственные учреждения, является коррупция в управлении. Когда должностные лица принимают решения на основе личной прибыли, а не общественного блага, это ведет к неэффективному распределению ресурсов. Заключение о контрактах для государственных нужд, например, часто принимаются не на основании качества и затрат, а на основании взяток, предложенных подрядчиками. Это способствует не только ухудшению качества государственных услуг, но и увеличивает

Расходы бюджета, что наносит ущерб всему обществу.

Кроме того, взяточничество приводит к неправильному функционированию правовой системы. Должностные лица, которые принимают взятки, могут оказывать давление на правоохранительные органы и суды, чтобы те принимали решения, выгодные определенным лицам. Таким образом, правосудие становится доступным лишь тем, кто имеет средства для подкупа. Это создает парадоксальную ситуацию, когда закон применим только для тех, кто не может отправить доллары в качестве мзды, что подрывает саму суть юридической системы, основанной на равенстве перед законом.

Важным аспектом, влияющим на государственные учреждения, является то, что взяточничество снижает мотивацию к добросовестной работе. Долгожданные реформы, направленные на повышение профессиональных стандартов и ответственности служащих, теряют свою эффективность если они не подкреплены четкими механизмами контроля и наказания за коррупционное поведение. Если в административной системе отсутствуют прозрачные критерии оценки, то сотрудники становятся менее заинтересованными в своей работе. Эффективность управления резко падает, и в итоге это приводит к хроническим проблемам в реализации государственной политики [5, с. 95].

Влияние на внутренние процессы государственных институтов нельзя недооценивать. Когда взятки становятся широко распространенными, формируется определенная корпоративная культура, которая порождает взаимное покрывающее поведение. Это значит, что служащие, даже если они имеют желание выполнять свои обязанности честно, могут оказаться под давлением системы, в которой они работают. Этого стиля поведения достаточно для того, чтобы развить у служащих установки, противоречащие этическим нормам и закону.

Проблема взяточничества также затрагивает и другие аспекты жизни общества. Неравенство в доступе к услугам продолжает углубляться, когда небольшая группа имеет выгодный доступ к ресурсам и услугам благодаря взяткам. Это бросает вызов основным принципам социальной справедливости и подрывает общественное доверие к институтам. Неработающие механизмы борьбы с взяточничеством укрепляют и развивают «теневую экономику». Ответственные за контроль над соблюдением законности, как правило, оказываются в зависимости от тех, кто находится в их подчинении, что создает замкнутый круг.

Общественный протест против взяточничества нередко обозначает повышенную активность гражданского общества. Взаимодействие различных групп, включая неправительственные организации, средства массовой информации и отдельные гражданские инициативы, имеет определяющее значение. Это взаимодействие может давать уверенность обществу в том, что, несмотря на наличие коррупционных практик, они могут и должны побеждать, организовываясь и борясь за свои права. Однако такая активность порой наталкивается на сопротивление со стороны государства и его структур, что также создает риск репрессий против тех, кто готов подниматься против системы.

Коррупция не ограничивается только местными и муниципальными службами; она также может пронизывать верхние эшелоны власти, что обостряет ситуацию еще больше. Такие обстоятельства создают контекст, в котором денежные средства и влияние играют ключевую роль в принятии решений. Это может привести к народным волнениям и политическим кризисам, порождая недовольство среди граждан. Отвечая на эти вызовы, государственные учреждения сталкиваются с необходимостью не только биться с коррупцией внутри себя, но и восстанавливать доверие общества. Способы и меры, которые могут помочь на этом пути, должны основываться на принципах открытости и подотчетности.

Итак, взяточничество оказывает разрушительное воздействие на государственные учреждения, проникая в каждый аспект их функционирования. Этот процесс требует системного подхода к реформированию законодательства, усилению контроля и повышению уровня ответственности не только среди служащих, но и среди населения в целом. Реальные преобразования в борьбе с коррупцией могут инициировать изменения в общественном мнении и формировании нового отношения к государственным институтам.

Следует также отметить, что образование представляет собой мощный инструмент в борьбе с взяточничеством, формируя у населения критическое мышление и правосознание. Важность образовательных программ в данной сфере трудно переоценить, поскольку именно они способны изменить общественное мнение и установить нетерпимость к коррупции. Привлечение широкой общественности к обсуждению проблем коррупции через образовательные инициативы может значительно повысить уровень правосознания и осведомленности о негативных последствиях взяточничества.

На уровне начального, среднего и высшего образования ключевое внимание следует уделить урокам по этике и праву. Курс по основам права может помочь молодежи понять, что взяточничество – это не просто проступок, а преступление, наносящее вред всем секторам общества. Программа должна включать в себя изучение не только российского законодательства, но и международных норм, что позволит студентам увидеть проблему в более широком контексте. Образовательные материалы должны отражать реальные случаи взяточничества, их последствия для государства и общества, а также успешные примеры борьбы с подобным поведением в разных странах.

Сложным аспектом в борьбе с коррупцией является то, что в ряде случаев взяточничество воспринимается как нечто нормальное, что укрепляет порочную систему. Таким образом, важным элементом образовательных программ является работа с молодежью, направленная на формирование критического подхода к взяточничеству. Это возможно через открытые дискуссии, интерактивные методы обучения, тренинги и семинары. Неприемлемость взяточничества необходимо внедрять в сознание молодежи с самого раннего возраста.

Роль высших учебных заведений в этой борьбе также значима. В университетах можно создавать специализированные курсы, посвященные антикоррупционной политике, профессиональной этике и социальным нормам. Специализированные конференции и круглые столы по данному вопросу могут способствовать формированию научных изысканий и разработке инновационных подходов к борьбе с коррупцией. Наставничество, когда опытные специалисты делятся своим опытом и дают советы молодым специалистам, может создать атмосферу недопустимости коррупционных действий на уровне профессиональной практики.

Важной составляющей образовательного процесса является воспитание чувства ответственности за собственные действия. Преподавание о правовых последствиях за коррупцию может стать мощным фактором в формировании антикоррупционной культуры. Молодые люди должны понимать, что взяточничество не просто подрывает основы справедливости, но и может привести к серьезным последствиям в их профессиональной жизни. Это знание формирует у потенциальных специалистов более ответственное отношение к своей будущей профессиональной деятельности.

Кроме того, важно вовлечь родителей и семьи в образовательный процесс. Организация встреч, семинаров и общественных мероприятий, где родители могут обсудить проблемы коррупции со своими детьми, может сыграть важную роль в формировании установки на борьбу с взяточничеством. Образование без вовлечения семьи и общества в целом может оказаться недостаточно эффективным.

На уровне дополнительного образования и повышения квалификации среди работающих специалистов также необходимо внедрять антикоррупционное образование. Программы повышения квалификации для государственных служащих, бизнесменов и работников правоохранительных органов должны включать в себя темы, касающиеся этики, правового регулирования и методов борьбы с коррупцией. Создание образовательных инициатив, направленных на развитие навыков управления и принятия решений, поможет установить более высокие стандарты в профессиональной деятельности [6, с. 90].

Существующие образовательные платформы и курсы в интернете могут быть адаптированы для популяризации антикоррупционных тем. Разработка онлайн-курсов, которые охватывали бы основные аспекты взяточничества, его этическое рассмотрение и последствия для общества, может значительно расширить доступ к информации и привлечь большее количество людей к обсуждению данной проблемы.

Партнерство между образовательными учреждениями, государственными органами и неправительственными организациями также может создать синергетический эффект в реализации антикоррупционных программ. Совместные инициативы могут проводить общественные исследования, направленные на выявление проблем в сфере коррупции, а полученные результаты могут служить основой для разработки новых образовательных программ [7, с. 26].

Качественное образование, основанное на этических принципах и правосознании, способно генерировать изменения на уровне общественного мнения и поведения. Обучение критическому мышлению и формирование осознания важности честности и статуса правопорядка в жизни людей может создать новое поколение общественных лидеров, способных эффективно противостоять коррупции.

Таким образом, преодоление проблемы взяточничества требует системного подхода, в котором образовательные программы играют центральную роль. Тщательно разработанные курсы, адаптация методов обучения и применение инновационных технологий в образовании помогут внести существенный вклад в формирование нелицеприятного отношения к коррупции и создание качественного изменения в обществе.

Список литературы:

1. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы : указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 (ред. от 26.06.2023) // «СПС Консультант плюс».
2. Терехина Л.Б. Роль общественных организаций в борьбе с коррупцией в России // Общество и право. – 2022. – № 8. – С. 33-39.
3. Филиппов Р.А. Антикоррупционные инициативы в России: достижения и недостатки // Журнал правовой защиты. – 2024. – № 2. – С. 14-22.
4. Петрова М.В. Социальные последствия взяточничества: взгляд с высоты времени // Научные записки. – 2022. – № 3. – С. 112-119.
5. Румянцев В.И. Социологические исследования о восприятии взяточничества в России // Социология права. – 2021. – № 4. – С. 92-99.
6. Кузнецова Л.А. Антикоррупционные меры в Российской Федерации: анализ и перспективы // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 88–96.
7. Иванов С.П. Проблемы квалификации взяточничества по уголовному законодательству России // Уголовное право и криминология. – 2024. – Т. 10. – С. 24-30.

References:

1. On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024: Decree of the President of the Russian Federation of 16.08.2021 No. 478 (as amended on 26.06.2023) // SPS Consultant Plus.
2. Terekhova L.B. The Role of Public Organizations in the Fight against Corruption in Russia // Society and Law. – 2022. – No. 8. – P. 33-39.
3. Filippov R.A. Anti-corruption initiatives in Russia: achievements and shortcomings // Journal of legal protection. – 2024. – No. 2. – P. 14-22.
4. Petrova M.V. Social consequences of bribery: a view from the height of time // Scientific notes. - 2022. – No. 3. – P. 112-119.
5. Rumyantsev V.I. Sociological studies on the perception of bribery in Russia // Sociology of Law. – 2021. – No. 4. – P. 92-99.
6. Kuznetsova L.A. Anti-corruption measures in the Russian Federation: analysis and prospects // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 7. – P. 88-96.
7. Ivanov S.P. Problems of qualification of bribery under the criminal legislation of Russia // Criminal law and criminology. – 2024. – Vol. 10. – P. 24-30.

ПОНЯТИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСНОВАННОЙ НА ИДЕЯХ ВАХХАБИЗМА THE CONCEPT OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE COUNTERACTION ILLEGAL ACTIVITIES BASED ON THE IDEAS OF WAHHABISM

ГАСАНОВ Эльчин Вадимович,

заместитель начальника отдела – начальник отделения по противодействию терроризму и экстремистской деятельности отдела по борьбе с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом оперативного управления ГУФСИН России по г. Москве. Нарвская ул., 15А, г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: elgas96@bk.ru;

GASANOV Elchin V.,

Deputy Head of the Department – concurrently Head of the Counterterrorism and Extremism Unit under the Organized Crime, Terrorism and Extremism Department of the Operational Command of the Moscow City Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia (GUFSIN). Narva St., 15A, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: elgas96@bk.ru

Краткая аннотация. Анализируются научные позиции относительно содержания понятий «противодействие» и «противодействие преступности», на основании чего формулируется авторское понятие оперативно-розыскного противодействия противоправной деятельности, основанной на идеях ваххабизма. Приводятся его характерные черты, на основании которых делается вывод о его общественной опасности. Выявляется пробел законодательства в рассматриваемой области, вносится предложение по его устранению.

Abstract. The study analyzes scholarly perspectives on the conceptual content of 'counteraction' and 'countering criminality,' leading to the formulation of the author's definition of operational search counteraction against unlawful activities based on Wahhabi ideology. It outlines this concept's distinctive characteristics, concluding that it constitutes a significant social threat. A gap in the legislative framework within this domain is identified, and a proposal for its elimination is presented.

Ключевые слова: оперативные подразделения, противодействие, экстремизм, ваххабизм, оперативно-розыскные мероприятия, преступность.

Key words: operational units, counteraction, extremism, Wahhabism, operational search activities, criminality.

Для цитирования: Гасанов Э.В. Понятие оперативно-розыскного противодействия противоправной деятельности, основанной на идеях ваххабизма // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 349-350. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_349.

For citation: Gasanov E.V. The concept of operational investigative counteraction illegal activities based on the ideas of wahhabism // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 349-350. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_349.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Словосочетание «противодействие преступности» активно используется на сегодняшний день в современной науке, законодательных и иных нормативных актах, однако проведенный нами научный поиск показал отсутствие единого подхода к содержанию указанного понятия. Так, в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под термином «противодействие» подразумевается принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, а также выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц. В то же время в Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» анализируемый термин понимается как профилактика, выявление, пресечение и раскрытие терроризма, а также минимизация и (или) ликвидация последствий террористических преступлений. Идентичное определение «противодействия» законодатель приводит и в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» с разницей лишь в названии вида преступления.

Следует также обратить внимание, что приказ ФСИН России от 26.05.2025 № 333 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» закрепляет задачи структурных подразделений, территориальных органов, научных и образовательных организаций ФСИН России по противодействию изучаемому явлению, однако также не дает определение «противодействия». Вместе с тем анализ указанных задач позволяет определить, что под противодействием в данном нормативном правовом акте понимается выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений террористического характера, преступлений и правонарушений экстремистской направленности в учреждениях и органах УИС, а также взаимодействие с другими правоохранительными органами по указанным направлениям деятельности.

В научной литературе термин «противодействие преступности» в контексте оперативно-розыскной деятельности также встречается достаточно часто. Анализ точек зрения различных ученых относительно определения «оперативно-розыскного противодействия преступности» позволяет выделить группу авторов (В.И. Козлов [2] и Д.А. Коварин [1]), считающих, что изучаемое понятие охватывает в первую очередь основные задачи оперативно-розыскной деятельности, а именно выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

К другой группе ученых можно отнести авторов, по мнению которых «оперативно-розыскное противодействие преступности» состоит из действий, направленных на реализацию лишь некоторых из задач оперативно-розыскной деятельности. Например, А.В. Никитин под противодействием преступности понимает в первую очередь профилактику преступлений, уделяя при этом основное внимание постпреступным мероприятиям [3]. По мнению И.Л. Хромова, «оперативно-розыскное противодействие преступности» заключается в осуществлении совокупности мероприятий информационного, поискового, разведывательного и розыскного характера, тем самым автор акцентирует внимание в первую очередь на выявлении преступной деятельности и лиц, к ней причастных [6, с. 67].

Ближе к теме нашего исследования мнение С.С. Оганесяна и С.Х. Шамсунова, которые считают, что под противодействием экстремистским и террористическим воззрениям понимается деятельность сотрудников УИС, направленная на блокирование деструктивного воздействия носителей экстремистских и террористических воззрений в УИС России, что предполагает целенаправленное формирование у них соответствующего социальной норме морально-нравственного мира и поведения в обществе [4].

На основе анализа научной литературы, в том числе и приведенной выше, мы считаем необходимым сформулировать авторскую точку зрения, уточнив содержание рассматриваемого понятия применительно к предмету своего рассмотрения – оперативно-розыскному противодействию противоправной деятельности, основанной на идеях ваххабизма. В первую очередь, следует начать с филологического толкования понятия «противодействие», которое дает толковый словарь: «действие, препятствующее другому действию» [5, с.579]. Здесь следует отметить, что его смысл несколько отличается от другого часто используемого в научной литературе термина «борьба» (бороться – сражаться или состязаться, стремясь победить; стремиться уничтожить, искоренить) [5, с.53]. Термин «противодействие» мы считаем более точным, т.к. полное искоренение противоправной деятельности, основанной на идеях ваххабизма, представляется нам невозможным.

Рассматривая конструкцию «оперативно-розыскное противодействие» мы предлагаем понимать ее как «действие, препятствующее другому действию, осуществляемое с помощью оперативно-розыскных сил, средств и методов». В ходе дальнейшего анализа следует прибегнуть к правовым нормам, определяющим силы, средства и методы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), то есть к нормам Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД»). ФЗ «об ОРД» устанавливает, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то ст. 13 ФЗ «Об ОРД» посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, перечень которых закреплен в статье 6 ФЗ «Об ОРД». В результате синтеза полученных результатов мы получаем, что оперативно-розыскное противодействие противоправной деятельности, основанное на идеях ваххабизма – оперативно-розыскные мероприятия, проводимые субъектами ОРД в целях воспрепятствования противоправной деятельности, основанной на идеях ваххабизма.

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что идеология ваххабизма не признана экстремистской и ее деятельность не запрещена. Однако ее общественная опасность (и, следовательно, необходимость осуществления оперативно-розыскного противодействия) заключается в том, что сторонники большинства признанных террористических и экстремистских организаций придерживаются идеологии ваххабизма, для которой характерны следующие черты:

- идеологическое содержание в виде приверженности к религиозным взглядам, оправдывающим совершение противоправных деяний, причинение вреда как отдельным лицам, так и государству, обществу в целом;
- перманентное состояние конфронтации и непримиримой борьбы выражающееся, как правило, в нелегитимных деструктивных способах и формах: создание религиозного государства посредством ведения вооруженных конфликтов и совершения террористических актов.

Таким образом, следует признать, что распространение идеологии ваххабизма, не запрещенное отечественным законодательством, создает условия для совершения противоправных деяний (в том числе преступлений). Вместе с тем, исходя из норм ФЗ «Об ОРД», определяющих цель (ст. 1) и задачи (ст. 2) ОРД, основания (ст. 7) и условия (ст. 8) проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскное противодействие противоправной деятельности, основанной на идеях ваххабизма, следует признать нелегитимным, т.к. ФЗ «Об ОРД» обеспечивает защиту государства, общества и граждан исключительно от преступных посягательств. Единственным выходом из выявленного нами противоречия представляется внесение изменений в ст. 5 «Профилактика экстремистской деятельности» Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», позволяющих в целях противодействия экстремистской деятельности осуществлять в числе профилактических не только воспитательные и пропагандистские, но и оперативно-розыскные меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.

Подводя итог, следует еще раз привести авторское определение оперативно-розыскного противодействия противоправной деятельности, основанной на идеях ваххабизма – оперативно-розыскные мероприятия, проводимые субъектами ОРД в целях воспрепятствования противоправной деятельности, основанной на идеях ваххабизма. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления, мы считаем указанную деятельность необходимой и социально полезной.

Список литературы:

1. Коварин Д.А. Оперативно-розыскное противодействие корыстно-насильственным преступлениям, совершаемым в сфере экономики :по материалам Сибирского региона: дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 2005.
2. Козлов В.И. Оперативно-розыскные меры противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства (правовые и методологические проблемы): дис. ... докт. юрид. наук. М. 2009.
3. Никитин А.В. Оперативно-розыскное противодействие преступности: понятие, сущность. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел. 2010. № 1 (52). С. 46-50.
4. Оганесян, С.С. О некоторых актуальных проблемах профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе / С. С. Оганесян, С. Х. Шамсунов // Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17, № 1(61). – С. 11-18.
5. Ожегов С. И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — Москва : ООО «ИНФОТЕХ», 2010. — 874 с.
6. Хромов И.Л. Противодействие преступности в учреждениях, исполняющих наказания: криминологические и оперативно-розыскные аспекты / И.Л. Хромов. — М.: ИД «Юриспруденция», 2011.

References:

1. Kovarin, D.A. Operational Search Counteraction to Property-Violent Crimes in the Economic Sphere: Evidence from the Siberian Region: Ph.D. (Law) dissertation. St. Petersburg. 2005.
2. Kozlov, V.I. Operational Search Measures to Counter Criminal Threats to Law Enforcement Functions of the State (Legal and Methodological Problems): Dr.Sci. (Law) dissertation. Moscow. 2009.
3. Nikitin, A.V. Operational Search Counteraction to Criminality: Concept and Essence. Bulletin of the East Siberian Institute of the MIA of Russia. Current Issues in Law Enforcement. 2010. No. 1(52). Pp. 46-50.
4. Oganessian, S.S. On Selected Current Issues of Preventing and Countering Extremist and Terrorist Ideologies in the Penal System / S.S. Oganessian, S.Kh. Shamsunov // Penitentiary Science. – 2023. – Vol. 17, No. 1(61). – Pp. 11-18.
5. Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions / Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute. — 4th ed., expanded. — Moscow : INFOTEKH LLC, 2010. — 874 p.
6. Khromov, I.L. Countering Crime in Penal Institutions: Criminological and Operational Search Aspects / I.L. Khromov. M.: Yurisprudentsiya Publishing House, 2011.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ УГЛЕВОДОРОДНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER HYDROCARBON PROJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ШАПОВАЛОВ Антон Дмитриевич,
магистр кафедры горного, земельного и экологического права,
Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина.
119991, Россия, г. Москва, просп. Ленинский, 65.
E-mail: jusadsh@gmail.com;

SHAPOVALOV Anton Dmitrievich,
Master of the Department of Mining, Land and Environmental Law,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas.
119991, Russia, Moscow, ave. Leninsky, 65.
E-mail: jusadsh@gmail.com

Краткая аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы международных договоров Российской Федерации, регулирующих разработку трансграничных месторождений углеводородных полезных ископаемых. Исследуется международный опыт в данной сфере. Определяются ряд правовых особенностей международных соглашений, регулирующих разработку трансграничных месторождений, а также устоявшиеся правовые механизмы, обеспечивающие их реализацию. Рассмотрены особые правовые модели международных соглашений, характерные для урегулирования межгосударственных отношений в случаях, когда пересечение трансграничных месторождений по поверхности границами или линиями делимитации континентального шельфа является или не является предметом разногласий. Определены несовершенства в правовой структуре соглашений Российской Федерации: отсутствие функциональных межгосударственных органов, правомочных разрешать вопросы конкретного трансграничного недропользования на уровне представителей государств, или отсутствие у них достаточных компетенций, а также отсутствие твердого порядка разрешения споров и преодоления разногласий. Рассмотрены правовые механизмы разрешения споров и преодоления разногласий, в том числе на основе рамочных соглашений о совместной эксплуатации трансграничных месторождений. На основе анализа были сформулированы предложения практического характера.

Abstract. The article analyzes problematic issues of international treaties of the Russian Federation regulating the development of cross-border deposits of hydrocarbon minerals. The international experience in this field is being investigated. A number of legal features of international agreements regulating the development of cross-border deposits, as well as well-established legal mechanisms for their implementation, are determined. Special legal models of international agreements are considered, which are characteristic for the settlement of interstate relations in cases where the intersection of transboundary deposits along the surface by borders or lines of delimitation of the continental shelf is or is not the subject of disagreement. The imperfections in the legal structure of the agreements of the Russian Federation are identified: the lack of functional interstate bodies authorized to resolve issues of specific transboundary subsurface use at the level of representatives of states, or their lack of sufficient competencies, as well as the lack of a firm procedure for resolving disputes and overcoming disagreements. The legal mechanisms for resolving disputes and overcoming disagreements, including on the basis of framework agreements on joint exploitation of cross-border deposits, are considered. Based on the analysis, practical proposals were formed.

Ключевые слова. Трансграничное месторождение полезных ископаемых, соглашение о совместной эксплуатации, ютизацияное соглашение, зона совместной эксплуатации, трансграничное недропользование.

Keywords: Cross-border mineral deposit, joint operation agreement, unitization agreement, joint operation zone, cross-border subsurface use.

Для цитирования: Шаповалов А.Д. Проблемы международно-правового регулирования трансграничных углеводородных проектов Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 351-356. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_351.

For citation: Shapovalov A.D. Problems of international legal regulation of cross-border hydrocarbon projects in the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 31-356. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_351.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2025

Практика освоения трансграничных месторождений полезных ископаемых, залегающих в недрах, пространство над которыми пересечено по поверхности границами двух и более государств (далее - ТГМ), появилась еще в 1950-х годах и стремительно развивалась в последующие 20 лет. Такая целеустремленность была обусловлена рядом факторов. В первую очередь, нужда в установлении единых правовых режимов спорных территорий и, соответственно, месторождений, заключенных в недрах под ними, была обусловлена недавними событиями - международное сообщество не желало допустить новых кровопролитных конфликтов между государствами после Второй Мировой Войны, тем более что ресурсный вопрос однозначно мог стать во главу угла таких конфликтов. Во-вторых, начиная с Прокламации Трумэна 1945 года, государства начали распространять свои юрисдикции на континентальный шельф и его недра в пределах определенного расстояния от береговой линии [2]. Чаще всего, государства распространяли свою юрисдикцию на расстояние в 200 морских миль от прибрежной зоны территориального моря, что создавало зоны пересекающихся претензий на шельфе. В-третьих, именно в эти годы в международном поле происходил 3-й энергопереход - нефтегазовый, что влекло исключительный интерес государств к освоению углеводородных месторождений [1]. Данные факторы обуславливают необходимость выработки механизмов правового регулирования освоения межгосударственных ТГМ до сих пор. Например, отсутствие консенсуса по вопросам геологического изучения, разведки, разработки, ликвидации и консервации (далее - эксплуатация) ТГМ в районе Южно-Китайского моря у архипелага Спратли и Парасельских островов повлекло военное напряжение в регионе, судебные тяжбы государств и, в целом, ситуацию в которой осваивать ресурсы эффективно - невозможно. Между тем, углеводородная ресурсная база государств иссякает, потребность в использовании топливных энергоресурсов либо остается на прежнем уровне, либо растет, а переход к альтернативной и водородной энергетике не представляется в полной мере достаточным для нужд мировой энергетики в ближайшей перспективе. В таких условиях освоение ТГМ является необходимой мерой для обеспечения энергетической базы внутри государств.

Урегулирование эксплуатации ТГМ выразилось в разных формах, впоследствии обретших некоторую устойчивость. Основные модели урегулирования возникли в период 1950-1970-х годов, а остальные стали производными от них. В контексте изучения вопросов правового регулирования эксплуатации ТГМ наибольший интерес для юристов-теоретиков представляют модели урегулирования эксплуатации ТГМ, залегающих на континентальном шельфе разных стран ввиду того, что сама трансграничность является самостоятельным вопросом морского права. Тем не менее, эксплуатация ТГМ, пересеченных государственными границами, также нуждается в едином правовом режиме.

Наиболее остро вопрос урегулирования эксплуатации ТГМ стоит в районах, где с учетом распространяющихся юрисдикций на шельф, у государств, ввиду географических особенностей расположения, в любом случае, зоны юрисдикций будут наслаиваться друг на друга. В качестве наглядных примеров таких районов можно выделить Персидский залив, Сиамский залив, Гвинейский залив и Каспийское море. Прибрежные государства в каждом из этих районов вовлечены в многостороннее сотрудничество между собой по вопросам освоения месторождений, территория над которыми пересечена их линиями делимитации или потенциально будет ими пересечена¹. Следует отметить, что только в Каспийском море не используются устоявшиеся в международной практике модели урегулирования эксплуатации ТГМ в подавляющем количестве случаев. В Персидском заливе возникла модель, по которой государства в рамках соглашения о делимитации континентального шельфа улаживались передать ТГМ под юрисдикцию одной из сторон с условием распределения доходов от эксплуатации ТГМ между ними [4]. Помимо Персидского залива таким образом были урегулированы отношения об эксплуатации ТГМ между Малайзией и Брунеем в 2009 г.² Вместе с тем, страны Персидского залива не ограничились данной моделью и отдельные ТГМ в регионе эксплуатируются по модели, аналогичной используемой в Сиамском заливе, где эксплуатация ТГМ регулируется с использованием модели, по которой государства учреждают Зоны совместной эксплуатации (Joint Development Zone; JDZ) в целях совместной разработки ТГМ, залегающих в ее пределах. В науке международного права соглашения об учреждении таких зон принято называть Соглашениями о совместной эксплуатации (Joint Development Agreement; JDA) [3]. Использование данного термина в иных контекстах не имеет однозначного одобрения юридическим сообществом. М. Валенсия придерживается разграничения между собой соглашений о совместной эксплуатации и юнитизационных соглашений, которые в свою очередь представляют собой соглашения о разработке месторождения, пересеченного границами или линиями делимитации, как единого целого с учетом распределения доходов и расходов, связанных с его эксплуатацией, в пропорциях залегания полезных ископаемых в ТГМ по каждую сторону от пересекающей его границы [13]. Аналогичного мнения придерживается М. Миоши [7]. Дело в том, что соглашение о совместной эксплуатации представляет собой механизм реализации интересов смежных государств в эксплуатации их ТГМ в условиях, когда их континентальный шельф не разграничен. В этой связи, соглашение о совместной эксплуатации представляется и как временное соглашение практического характера в соответствии с ст. 83(3) Конвенции ООН по морскому праву. Однако, международная практика знает прецеденты учреждения JDZ в условиях разграниченного континентального шельфа, ввиду ряда факторов, таких как, например, исторические, экономические и политические³. Соответственно, при определении соглашения государств об учреждении JDZ как модели эксплуатации ТГМ следует отталкиваться не от обеспечивающего отношения по делимитации шельфа государств характера, а от вида режима эксплуатации ТГМ, из чего будет следовать, что как соглашения о совместной эксплуатации с учреждением JDZ, так и юнитизационные соглашения будут являться соглашениями о совместной эксплуатации ТГМ. Данного мнения придерживается ряд исследователей данного правового явления [5,10]. В Гвинейском заливе также была использована модель с учреждением JDZ в рамках совместного освоения ТГМ и, вместе с тем, ТГМ Ekanga-Zafiro на линии делимитации шельфа Нигерии и Экваториальной Гвинеи эксплуатируется по юнитизационному соглашению между государствами в соответствии с ст. 6 соглашения о делимитации шельфа между двумя странами⁴.

Упомянутые две разновидности соглашений являются наиболее распространенными моделями урегулирования совместной эксплуатации ТГМ. Международный правовой опыт на текущий момент позволяет формировать и заключать рамочные международные соглашения о совместной эксплуатации ТГМ. Пока практика ограничивается рамочными юнитизационными соглашениями, однако юристы-теоретики, компилируя международный опыт, выявляют классическую правовую структуру соглашений об учреждении JDZ [12], что с большой долей вероятности может послужить фундаментом для формирования и заключения рамочных соглашений об учреждении JDZ.

Такая устойчивость данных моделей обусловлена следованием особым международно-правовым принципам, действующим в данной области, опорой на устоявшийся понятийный аппарат, а также использованием выработанных правовых конструкций соглашений. Вместе с тем, в действующих трансграничных проектах с участием Российской Федерации не реализованы ни одна из упомянутых моделей, не прослеживается единого подхода к регулированию, ввиду чего, как представляется, начало разработки ТГМ наталкивается на ряд разногласий.

По рамочному соглашению о юнитизации ТГМ между Великобританией и Норвегией (Далее - FAGR2005), явившемся результатом унификации значительного опыта двух стран, трансграничными проектами являются проекты деятельности, связанной с разведкой и/или разра-

¹ См. например: Joint Minutes on the land and maritime boundaries to the Agreement of 4 December 1965 between the State of Qatar and the Kingdom of Saudi Arabia on the delimitation of the offshore and land boundaries, 5 July 2008. Law of the Sea Bulletin No. 70; Treaty on the Joint Development of Petroleum and Other Resources in Respect of Areas of the Exclusive Economic Zone of the Two States, Nig.-São Tomé & Príncipe, Feb. 21, 2001 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.nigeriasaotomejda.com/PDFs/treaty.pdf> (дата обращения: 24.05.2025); Bundy Rodman. Natural Resources Development (Oil and Gas) and Boundary Disputes // The Peaceful Management of Transboundary Resources. International Environmental Law and Policy Series. 1995. pp. 31.

² STATEMENT ON THE EXCHANGE OF LETTERS BETWEEN MALAYSIA AND BRUNEI DARUSSALAM, DATED 16 MARCH 2009 // [Электронный ресурс] URL: <https://chinaus-icas.org/wp-content/uploads/2019/10/Statement-on-Exchange-of-Letters-Between-Malaysia-and-Brunei.pdf> (дата обращения: 25.05.2025)

³ См. например: Management and Cooperation Agreement, Guinea-Bissau-Sen., Oct. 14, 1993, reprinted in Div. Ocean Affairs & Law of the Sea Office of Legal Affairs (U.N.), 31 L. SEA BULL. 40–42 (1996); Joint Declaration on Cooperation Over Offshore Activities in the South West Atlantic, Arg.-U.K., Sept. 27, 1995, 35 I.L.M. 301.

⁴ Treaty between the Federal Republic of Nigeria and the Republic of Equatorial Guinea concerning their maritime boundary, 23 September 2000 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/NGA-GNQ2000MB.PDF> (дата обращения: 01.07.2025)

боткой ТГМ, в том числе деятельности в зоне разведки и/или разработки ТГМ¹. Единственные проекты Российской Федерации о совместной эксплуатации ТГМ сейчас действуют в зоне Прикаспийской нефтегазовой провинции и континентального шельфа России на Каспийском море, где месторождения пересечены государственной границей России и Казахстана или линиями делимитации шельфа. К ним относятся проекты по совместной эксплуатации:

- Имашевского газоконденсатного месторождения (100 млрд м³) (ТГМ «Имашевское»);
- Центрального нефтегазоконденсатного месторождения (нефть - 90 млн т, газ - 500 м³) (ТГМ «Центральное»);
- Хвалынского нефтегазоконденсатного месторождения (природный газ - 332 м³, газовый конденсат - 17 млн т, нефть - 36 млн т) (ТГМ «Хвалынское»);
- Нефтегазоконденсатное месторождение Курмангазы (нефть - 550 млн т - 1,8 млрд т).

Форма сотрудничества граничащих государств утверждена - Россия и Казахстан используют Соглашения о совместной эксплуатации ТГМ с образованием совместных предприятий - операторов ТГМ. Данная практика является устоявшейся в международных отношениях с подобным предметом, однако установление единого оператора ТГМ является лишь частью комплекса мер, направленных на эффективное урегулирование эксплуатации ТГМ.

Рассматриваемые трансграничные проекты различаются по своим характеристикам географического расположения и по характеру границ, пересекающих ТГМ. Проекты ТГМ «Центральное», «Хвалынское» и «Курмангазы» являются морскими, в то время как проект ТГМ «Имашевское» расположен на суше и пересекается государственной границей России и Казахстана. Примеров межгосударственного урегулирования эксплуатации ТГМ, расположенных на суше, немного. Следует выделить ряд соглашений о совместной эксплуатации ТГМ между Йеменской Арабской Республикой и Демократической Республикой Йемен, реализация которых выразилась в учреждении JDZ со сложной системой администрирования и единым оператором [11], а также Соглашение между Австрией и Чехословакией 1960 г.², которое является рамочным юнитизационным соглашением между двумя странами. Общей чертой обоих соглашений является определение обособленного органа, ответственного за разрешение ключевых вопросов трансграничной эксплуатации ТГМ, в том числе, за разрешение споров и разногласий между недропользователями ТГМ. Вместе с тем, различие в модели урегулирования обусловлено рядом факторов, в числе которых ключевое место занимает политический. Выбор секторов Йемена в пользу учреждения JDZ был осуществлен во время внутригосударственных преобразований Йемена, когда вопрос о границах не мог быть поставлен однозначно ввиду потенциального в будущем объединения Йемена как единого унитарного государства. Между Австрией и Чехословакией вопрос границ не стоял неоднозначно, ввиду чего, модель урегулирования выразилась именно в юнитизационном соглашении, по которому доходы и расходы, связанные с эксплуатацией ТГМ распределялись бы в пропорциях залегающих ископаемых с каждой стороны от границы государств. На море, где линии делимитации проведены и утверждены межгосударственными соглашениями, в подавляющем большинстве случаев государства прибегают именно к юнитизационным соглашениям для урегулирования совместной эксплуатации ТГМ. Д. Онг отдельно отметил, что юнитизация является приоритетным механизмом урегулирования эксплуатации ТГМ в случае, если граница между государствами утверждена [9]. В свою очередь ТГМ «Имашевское» пересечено границей России и Казахстана, по которой нет разногласий, и, тем не менее, государства не используют модель юнитизации месторождения.

Проекты по ТГМ «Центральное», «Хвалынское» и «Курмангазы» расположены на шельфе Каспийского моря. Линии делимитации на нем утверждаются по отдельным межгосударственным соглашениям. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года (Далее - Соглашение о ТГМ «Курмангазы», «Центральное» и «Хвалынское») устанавливает модифицированную срединную линию. Однако государства также не использовали модель юнитизации ТГМ, разграничив между собой юрисдикции в отношении ТГМ и определив пропорции участия назначенных недропользователей в каждом из проектов.

Вместе с тем, ни один из проектов не вышел на этап разработки ТГМ и добычи из него полезных ископаемых. По каждому из соглашений не проработаны вопросы, ответы на которые позволили бы начать добычу углеводородов. Камнем преткновения стали порядок предоставления права на добычу полезных ископаемых совместному предприятию, согласованию подключения к сетям магистральных трубопроводов, а также фискальные и регуляторные аспекты.

Анализ соглашений, определяющих режим ТГМ, показывает, что ни одно из них не затрагивает не затрагивают вопросы присоединения установок в зоне ТГМ к трубопроводам, в них отсутствует единый подход к модели предоставления прав недропользования для совместных предприятий: на ТГМ «Центральное», «Хвалынское» и «Курмангазы» - это соглашения о разделе продукции, в то время как на «Имашевском» действуют нормы национальных законодательств обеих стран³. Урегулирование данных аспектов является существенным условием реализации совместной

¹ Framework Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Kingdom of Norway concerning Cross-Boundary Petroleum Co-operation. Norway No. 1 (2006) // [Электронный ресурс] URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/273282/6792.pdf (дата обращения: 01.07.2025);

² No. 7242. AGREEMENT 1 BETWEEN THE GOVERNMENT OF THE CZECHOSLOVAK REPUBLIC AND THE AUSTRIAN FEDERAL GOVERNMENT CONCERNING THE WORKING OF COMMON DEPOSITS OF NATURAL GAS AND PETROLEUM. SIGNED AT PRAGUE, ON 23 JANUARY 1960. United Nations - Treaty Series. 1964. pp. 134.

³ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о совместной деятельности по геологическому изучению и разведке трансграничного газоконденсатного месторождения Имашевское // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/902240035> (дата обращения: 02.07.2025); Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суве-

эксплуатации ТГМ, о чем говорит международная практика заключения юнитизационных соглашений¹ и JDA об учреждении JDZ [8]. Поскольку данные вопросы являются неурегулированными, спорными, их разрешение требует либо комплексной переработки соглашений, либо использования особых механизмов разрешения споров и преодоления разногласий, которые также не представлены в рассматриваемых соглашениях в должной мере.

Между тем, в международном правовом поле были выработаны механизмы достижения консенсуса по вопросам, требующим разрешения при эксплуатации ТГМ, при том, что общие правила уже определены в соответствующем соглашении о совместной эксплуатации. Такими механизмами являются обращение в учрежденный по соглашению уполномоченный орган, администрирующий эксплуатацию ТГМ, а также разрешение споров и преодоление разногласий в особом порядке с привлечением экспертов или арбитров с третьей стороны. Установление порядка разрешения споров и преодоления разногласий, определение администрирующего органа в Соглашениях о совместной эксплуатации отмечается рядом юристов-ученых как одна из ключевых мер, обеспечивающих цели соглашений² [6]. Между тем, данная мера является не просто сложившимся обычаем, а вытекает из международно-правовых принципов совместной эксплуатации ТГМ.

Множество межправительственных соглашений о разграничении континентального шельфа или о совместной эксплуатации ТГМ содержат положение о принципах ведения эксплуатации:

- Ст. 4 Соглашения Великобритании и Норвегии 1965 г.: «Договаривающиеся стороны стремятся достичь соглашения относительно способа наиболее эффективной эксплуатации структуры или месторождения и порядок распределения получаемых от этого доходов»³;
- П. 2 ст. 2 Соглашения Дании (Фарерские острова) и Великобритании о разграничении континентального шельфа между Фарерскими островами и Великобританией 1999 г.: «... соглашение должно быть заключено по требованию одной из Сторон для целей наиболее эффективной эксплуатации месторождения и соразмерного распределения доходов от нее»⁴;
- Ст. 7 Соглашения Тринидада и Тобаго и Венесуэлы о разграничении морских пространств 1990 г.: «... Стороны должны, после проведения технических консультаций, достичь соглашения, по которому структура или месторождение будет эксплуатироваться наиболее эффективным способом, а расходы и прибыль от эксплуатации - распределяться между Сторонами»⁵.

Известны случаи с установлением конкретного срока, в течение которого стороны должны предоставить права недропользования предприятиям: ст. 4 Приложения к Соглашению о разграничении континентального шельфа и установления Зоны совместной эксплуатации между Японией и Южной Кореей 1977 г.: «Каждой Стороне надлежит уполномочить одного или нескольких концессионеров в отношении каждой подзоны в течение 3-х месяцев после даты вступления в силу настоящего Соглашения»⁶.

Вместе с тем, отдельное внимание в соглашениях о юнитизации различных ТГМ, уделяется порядку разрешения споров и преодоления разногласий в случаях, если по вопросам эффективной эксплуатации не будет достигнуто согласия.

Классическая формулировка закреплена в Соглашении о Фригг⁷, где Великобритания и Норвегия установили порядок, при котором содействие выполнению соглашения оказывает составленная из 3-х членов Правительств каждой стороны Консультативной комиссии. Любой спор надлежит разрешать путем обращения к ней или посредством переговоров между Правительствами. В случае недостижения консенсуса, спор по просьбе любой из сторон передается в Арбитраж по просьбе любой из сторон, состоящий из 2 членов, назначенных Правительствами со своих сторон и председателя, избираемого 2-мя назначенными членами. В случае недостижения согласия по поводу кандидатуры председателя, его может назначить Председатель Международного Суда по просьбе любой из сторон.

Более совершенная формулировка содержится в рамочном договоре о юнитизации ТГМ США и Мексики⁸, где разрешение споров и преодоление разногласий также отведено в компетенции Совместной комиссии (Joint Commision), однако установлены конкретные сроки, в которые по недостижении согласия, стороны переходят к другим механизмам урегулирования споров, которые не ограничены арбитражом. Предусмотрены сроки ведения всесторонних консультаций по разногласиям - 120 дней, сроки обращения к независимому эксперту, сроки составления Совместной комиссией правил разрешения спора в арбитраже - 180 дней. Для некоторых случаев установлен общий порядок. Например, в случае, если компетентные органы в течение трех месяцев после переработки Совместной комиссией не согласованного ими юнитизационного соглашения, не согласуют выдачу лицензии/лицензий недропользователю (-ям) по новому утвержденному недропользователями юнитизационному соглашению, сторона, выдавшая лицензию может начать разработку ТГМ с учетом распределения расходов и прибыли от эксплуатации по юнитизационному соглашению, при том, что остальные положения (о допуске инспекторов на установки; о привлечении эксперта, о разрешении споров) сохраняют свое действие (п. 5 ст. 7).

FAGR2005 предлагает иные механизмы. Разрешение споров в нем закичивается на решении Примирительного Совета (Conciliation Board), к которому стороны прибегают, в случае недостижения согласия по спорному вопросу в процессе всесторонних консультаций и перегово-

ренных прав на недропользование от 6 июля 1998 года (Москва, 2002 г.) // [Электронный ресурс] URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/mnogostoronnie-struktury-i-forumy/vzaimodeystvie_v_regione_kaspiyskogo_morya/1568331/ (дата обращения: 02.07.2025)

¹ См. например: Agreement relating to the Exploitation of the Murchison Field Reservoir and the Offtake of Petroleum therefrom, October 16, 1979, Gt Brit TS No. 39 (1981) (Cmnd. 8270); Agreement relating to the Exploitation of the Stafford Field Reservoirs and the Offtake of Petroleum therefrom, October 16, 1979, Gt Brit TS No 44 (1981) (Cmnd. 8282)

² См.: Bastida Ana, Ifesi-Okoye Adaye, Salim Mahmud, Ross James, Walde Thomas - p. 419

³ No. 8043. Agreement Between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Kingdom of Norway Relating to the Delimitation of the Continental Shelf Between the Two Countries. Signed at London, on 10 March 1965. // United Nations - Treaty Series. 1966. pp. 216

⁴ Agreement between the Government of the Kingdom of Denmark together with the Home Government of the Faroe Islands, on the one hand, and the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, on the other hand, relating to Maritime Delimitation in the Area between the Faroe Islands and the United Kingdom, 18 May 1999

⁵ Agreement between the Republic of Trinidad and Tobago and the Republic of Venezuela on the delimitation of marine and submarine areas, 18 April 1990

⁶ Limits in the seas No. 75 Continental shelf boundary and joint development zone: Japan - Republic of Korea; September 2, 1977 // URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/LIS-75.pdf> (дата обращения: 02.07.2025)

⁷ 1976 AGREEMENT RELATING TO THE EXPLOITATION OF THE FRIGG FIELD RESERVOIR AND THE TRANSMISSION OF GAS THEREFROM TO THE UNITED KINGDOM

⁸ Agreement between the United States of America and the United Mexican States Concerning Transboundary Hydrocarbon Reservoirs in the Gulf of Mexico. 2012

ров. Примириательный Совет формируется Сторонами по 2 члена от каждой, которые совместно назначают председателя Совета. В случае, если не будет достигнуто согласие по какой-либо из кандидатур в течение 1 месяца, любая из сторон вправе обратиться с просьбой к председателю Международного суда о назначении необходимого числа членов совета. Примириательный совет должен принять решение в разумные сроки (с учетом необходимости скорейшего урегулирования). Решение Примириательного совета принимается простым большинством голосов и является обязательным для обоих правительств.

Наконец, в отечественной практике международных договоров уже существует ответ на вопрос о способах урегулирования процедур разрешения споров и преодоления разногласий в трансграничных проектах. Рамочное соглашение о юнитизации ТГМ, оформленное в виде Приложения II к Договору между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (Далее - Приложение II, Договор, Рамочный договор о юнитизации ТГМ России и Норвегии)¹, содержит несколько ключевых положений, потенциально применимых к проблемам простаивания трансграничных проектов с Казахстаном:

- обнаружение и утверждение существования ТГМ образует для Сторон право требовать заключения соглашения о совместной эксплуатации ТГМ как единого целого (ст. 5 Договора);
- обязательство Сторон предоставить самостоятельно все необходимые разрешения, требуемые в соответствии с их национальным законодательством для разработки и эксплуатации ТГМ как единого целого (п. 5 ст. 1 Приложения II);
- обязательство Сторон создать Совместную комиссию для осуществления всесторонних консультаций (п. 13 ст. 1 Приложения II).

Исходя из смысла п. 8 ст. 1 Приложения II, заключение Соглашения об объединении (в рус. редакции) обуславливает обязательство для каждой стороны разрешить начало добычи ресурсов из ТГМ. Вместе с тем, ст. 3 Приложения II конкретно оговаривает порядок действий, в случае недостижения Соглашения об объединении: разногласие подлежит урегулированию в насколько это возможно короткие сроки путем переговоров или другой согласованной процедуры, а по истечении 6 месяцев, если стороны не пришли к согласию, любая из сторон вправе передать спор в арбитражный суд *ad hoc*. Суд состоит из 3-х членов, по одному от каждой из Сторон и независимого председателя. В случае, если не достигнуто согласие по одной из кандидатур в течение 3-х месяцев, любая из Сторон вправе обратиться с просьбой о назначении члена суда председателем Международного Суда. Решения принимаются большинством голосов и являются обязательными для Сторон. Соглашение об объединении заключается в соответствии с таким решением.

В случае недостижения договоренности о порядке распределения запасов ТГМ, Стороны назначают независимого эксперта для принятия решения по такому распределению, которое будет являться обязательным для Сторон. В FAGR2005 же более конкретно урегулирован данный вопрос: в случае недостижения согласия относительно кандидатуры независимого эксперта, Стороны могут прибегнуть к помощи Французского института нефти или другой согласованной организации (п. 3 Прил. D).

Тем не менее, Рамочный договор о юнитизации ТГМ России и Норвегии проработан для целей оперативного начала совместной эксплуатации на более высоком уровне, нежели чем Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о совместной деятельности по геологическому изучению и разведке трансграничного газоконденсатного месторождения Имашевское (далее - Соглашение о ТГМ «Имашевское») и Соглашение о ТГМ «Курмангазы», «Центральное» и «Хвалынское».

Соглашение о ТГМ «Имашевское» в ст. 4 определяет статус Координационного комитета, который схож по составу с Консультативной или Совместной комиссией, вместе с тем, не наделяет его полномочиями по действительному урегулированию разногласий в установленные сроки. В ст. 12 преодоление разногласий предусматривается путем проведения взаимных консультаций и переговоров. Соглашение о ТГМ «Курмангазы», «Центральное» и «Хвалынское» не содержит таких положений вовсе, оставляя процесс урегулирования разногласий уполномоченным на совместное освоение ТГМ организациям.

В целях реализации соглашений о совместной эксплуатации ТГМ, представляется целесообразным применить имеющийся опыт рамочного Договора с Норвегией, а также обратиться к опыту США и Мексики с установлением сроков для осуществления процедур по урегулированию разногласий шаг за шагом. Для этого в проекте ТГМ «Имашевское» необходимо уполномочить Координационный совет инициировать конкретные процедуры разрешения споров и преодоления разногласий участниками трансграничного проекта. К таким процедурам следует отнести: инициирование всесторонних переговоров по спорным вопросам и их проведение в определенный срок; образование совместных или индивидуальных рабочих или экспертных групп и порядок принятия результатов их деятельности; обращение к согласованным экспертным организациям для разрешения вопросов, связанных с определением запасов полезных ископаемых ТГМ и их категоризацией; принятие исключительных мер для урегулирования спорных вопросов до перехода к иным процедурам разрешения споров и преодоления разногласий. Необходимо на межгосударственном уровне обсудить и утвердить оптимальные сроки проведения таких процедур, в случае пропуска которых у государств возникнет право на одностороннее обращение к механизму разрешения споров в порядке арбитража. В проектах ТГМ «Курмангазы», «Центральное» и «Хвалынское» необходимо, в свою очередь, ввести такой Координационный совет и наделить его аналогичными компетенциями по контролю эксплуатации ТГМ и разрешению спорных вопросов, возникающих в связи с ней. Надлежащее взаимодействие участников трансграничного недропользования на уровне государств, на уровне эксплуатирующих предприятий, а также между ними, является фундаментом для оперативной и благоприятной реализации сотрудничества в этой сфере. Австралия и Индонезия, а, впоследствии, Восточный Тимор для этих целей

¹ Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 07.07.2011. // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/902266343> (дата обращения: 29.06.2025)

прибегли к трехступенчатой системе управления в установленной «суверенно-нейтральной» трансграничной Зоне кооперации¹. В случае, когда граница демаркирована, а линии делимитации согласованы, идти на такие усложнения не требуется, тем более когда международная практика выработала механизмы достижения результатов.

Список литературы:

1. Сизов А.А. Концепция энергетического перехода: история понятия и эволюция явления. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. №2. С. 159-164
2. Anand R.P. Changing concepts of freedom of the Seas: a historical perspective // J.M. Van Dyke, D. Zaelke and G. Hewison (eds), *Freedom for the Seas in the 21st Century: Ocean Governance and Environmental Harmony*. – Washington, DC, Covelo, California, Island Press, 1993. – P. 79; Kraska J. *Maritime Power and the Law of the Sea. Expeditionary operations in World Politics*. – N.-Y.: Oxford University Press, 2011. – P. 234-236.
3. Bastida, Ana, Ifesi-Okoye Adaeze, Salim Mahmud, Ross James, Walde Thomas. (2007). Cross-Border Unitization and Joint Development Agreements: An International Law Perspective. *Houston journal of International law*. 29. 355
4. Chamey J.I., M.A.Lewis. *International Maritime Boundaries*., Dordrecht, Boston, London. 1993, V-11, pp. 1496-1497
5. Cf. Jonathan I. Charney and others, eds., *International Maritime Boundaries*, Vol. V (Martinus Nijhoff Publishers: Leiden/Boston, 2005), 3624
6. Lerer D., *Seven Fundamental Issues Frame JDA Negotiations*, OIL & GAS J., Sept. 15, 2003, at 65, // [Электронный ресурс] URL: <http://www.ojg.com/currentissue/index.cfm?p=7&v=101&i=35> (дата обращения: 02.07.2025)
7. Masahiro Miyoshi, "The Joint Development of Offshore Oil and Gas in Relation to Maritime Boundary Delimitation", in *International Boundaries Research Unit, Maritime Briefing*, Vol.2,no.5(Durham: University of Durham, 1999) p. 51.
8. Ong, D. (1990) «Thailand/Malaysia: The Joint Development Agreement 1990», 6 *International Journal of Marine and Coastal Law* 57, 61. pp. 787
9. Ong, D. (1995) 'Southeast Asian State Practice in Joint Development of Offshore Oil and Gas Deposits', pp.77-96 in Blake, G.H. et al (eds) *The Peaceful Management of Transboundary Resources*, London: Graham & Trotman/Martinus Nijhoff.
10. Ong D. (1999) Joint Development of Common Offshore oil and Gas Deposits: "Mere" State Practice or Customary International Law? *American Journal of International Law*. doi:10.2307/2555344
11. Onorato, W.T. (1990) 'Joint Development in the International Petroleum Sector: The Yemeni Variant', *International and Comparative Law Quarterly*, 39(3), pp. 653–662.
12. K. Tiny. The JDZ Model PSC: A Legal Analysis. August. 2005. // [Электронный ресурс] URL: <https://resourcegovernance.org/sites/default/files/JDZ%20model%20K.pdf> (дата обращения: 01.07.2025)
13. Valencia Mark J., *Taming Troubled Waters: Joint Development of Oil and Mineral Resources in Overlapping Claim Areas*, 23 *San Diego L. Rev.* 661 (1986).

References:

1. Sizov A.A. The concept of energy transition: the history of the concept and the evolution of the phenomenon. *State and municipal administration. Scientific notes*. 2024. No. 2. pp. 159-164
2. Anand R.P. Changing concepts of freedom of the Seas: a historical perspective // J.M. Van Dyke, D. Zaelke and G. Hewison (eds), *Freedom for the Seas in the 21st Century: Ocean Governance and Environmental Harmony*. – Washington, DC, Covelo, California, Island Press, 1993. – P. 79; Kraska J. *Maritime Power and the Law of the Sea. Expeditionary operations in World Politics*. – N.-Y.: Oxford University Press, 2011. – P. 234-236.
3. Bastida, Ana, Ifesi-Okoye Adaeze, Salim Mahmud, Ross James, Walde Thomas. (2007). Cross-Border Unitization and Joint Development Agreements: An International Law Perspective. *Houston journal of International law*. 29. 355
4. Chamey J.I., M.A.Lewis. *International Maritime Boundaries*., Dordrecht, Boston, London. 1993, V-11, pp. 1496-1497
5. Cf. Jonathan I. Charney and others, eds., *International Maritime Boundaries*, Vol. V (Martinus Nijhoff Publishers: Leiden/Boston, 2005), 3624
6. Lerer D., *Seven Fundamental Issues Frame JDA Negotiations*, OIL & GAS J., Sept. 15, 2003, at 65, // [Electronic resource] URL: <http://www.ojg.com/currentissue/index.cfm?p=7&v=101&i=35> (accessed: 07/02/2025)
7. Masahiro Miyoshi, "The Joint Development of Offshore Oil and Gas in Relation to Maritime Boundary Delimitation", in *International Boundaries Research Unit, Maritime Briefing*, Vol.2,no.5(Durham: University of Durham, 1999) p. 51.
8. Ong, D. (1990) «Thailand/Malaysia: The Joint Development Agreement 1990», 6 *International Journal of Marine and Coastal Law* 57, 61. pp. 787
9. Ong, D. (1995) 'Southeast Asian State Practice in Joint Development of Offshore Oil and Gas Deposits', pp.77-96 in Blake, G.H. et al (eds) *The Peaceful Management of Transboundary Resources*, London: Graham & Trotman/Martinus Nijhoff.
10. Ong D. (1999) Joint Development of Common Offshore oil and Gas Deposits: "Mere" State Practice or Customary International Law? *American Journal of International Law*. doi:10.2307/2555344
11. Onorato, W.T. (1990) 'Joint Development in the International Petroleum Sector: The Yemeni Variant', *International and Comparative Law Quarterly*, 39(3), pp. 653–662.
12. K. Tiny. The JDZ Model PSC: A Legal Analysis. August. 2005. // [Electronic resource] URL: <https://resourcegovernance.org/sites/default/files/JDZ%20model%20K.pdf> (accessed: 07/01/2025)
13. Valencia Mark J., *Taming Troubled Waters: Joint Development of Oil and Mineral Resources in Overlapping Claim Areas*, 23 *San Diego L. Rev.* 661 (1986).

¹ Timor Sea Treaty, Austl.-E. Timor, art. 9, May 20, 2002, 2003 Austl. T.S. No. 13, // [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/AUS-TLS2002TST.PDF> (дата обращения: 03.07.2025)

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ PREVENTIVE MEASURES IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

АНДРЕЕВ Борис Саврович,

магистрант Калмыцкого государственного университета.
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, 11.
E-mail: rubekohome@yandex.ru;

БОРЛЫКОВ Очир Хонгорович,

магистрант Калмыцкого государственного университета.
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, 11.
E-mail: rubekohome@yandex.ru;

БАДМАЕВ Данзан Лиджи-Горяевич,

магистрант Калмыцкого государственного университета.
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, 11.
E-mail: rubekohome@yandex.ru;

ХАМИРОВ Наран Михайлович,

магистрант Калмыцкого государственного университета.
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, 11.
E-mail: rubekohome@yandex.ru;

ANDREEV Boris Savrovich,

Master's student of the Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: rubekohome@yandex.ru;

BORLYKOV Ochir Khongorovich,

Master's student of the Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: rubekohome@yandex.ru;

BADMAEV Danzan Lidzhi-Goryevich,

Master's student of the Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: rubekohome@yandex.ru;

KHAMIROV Naran Mikhailovich,

Master's student of the Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: rubekohome@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются особенности исторического развития категории "меры пресечения" в российском уголовном судопроизводстве. Данный анализ коснулся рассмотрения содержания двух УПК, принятых в советское время. Описывая Уголовно-процессуальный кодекс 1922/1923 годов, было указано, что он не содержит обобщающей категории, а включает лишь перечень индивидуальных мер принуждения, применяемых к обвиняемому. Обобщающая категория "меры пресечения" появилась только в Уголовно-процессуальном кодексе 1960 года. Предполагается, что это стало возможным благодаря сильной уголовно-процессуальной школе, сложившейся в 40-60-е годы прошлого века. Показаны особенности применения каждой из мер пресечения. Указаны теоретические и практические трудности, возникшие при их применении.

Abstract: The article examines the features of the historical development of the category of "preventive measures" in Russian criminal proceedings. This analysis touched upon the consideration of the content of the two CPC, which were adopted during the Soviet era. Describing the Code of Criminal Procedure of 1922/1923, it was stated that it did not contain a generalizing category, but only a list of individual coercive measures applied to the accused. The generalizing category of "preventive measures" appeared only in the Criminal Procedure Code of 1960. It is assumed that this became possible due to the strong school of criminal procedure that developed in the 40s and 60s of the last century. The peculiarities of the application of each of the preventive measures are shown. The theoretical and practical difficulties that arose during their application are indicated.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, меры уголовно-процессуального принуждения, меры пресечения.

Keywords: criminal proceedings, measures of criminal procedural coercion, preventive measures.

Для цитирования: Андреев Б.С., Борлыков О.Х., Бадмаев Д.Л.-Г., Хамиров Н.М. Меры пресечения в отечественном уголовном процессе: ретроспективный анализ // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 357-360. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_357.

For citation: Andreev B.S., Borlykov O.Kh., Badmaev D.L.-G., Khamirov N.M. Preventive measures in domestic criminal proceedings: a retrospective analysis // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 357-360. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_357.

Статья поступила в редакцию: 11.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В сфере уголовного судопроизводства в 1922 году был принят УПК РСФСР. Причем в следующем году появилась новая редакция его новая редакция. В данном документе не было специального раздела (главы), посвященного мерам пресечения, впрочем, как и мерам воспрепятствования, что было характерно для Устава уголовного судопроизводства (УУС). В то же время в УПК 1922/1923 года в отдельных его статьях были предусмотрены меры, которые в будущем были отнесены к мерам пресечения. Это обстоятельство подтверждается и тем, что для них был характерен общий признак их применение до вынесения наказания к лицам, чья виновность в совершении преступления еще не была установлена. Таким образом, в данном документе были предусмотрены следующие меры: подписка о невыезде, две разновидности поручительства

(личное и имущественное), залог, домашний арест и заключение под стражу. Данные меры существенно не отличались от тех, которые были закреплены в дореволюционном праве. Были, правда, и некоторые нюансы. Так, устанавливалось новое наименование для меры, которая предполагала запрет на изменение места жительства без согласования со следователем. Теперь она стала называться подпиской о невыезде и под таким наименованием она сохранилась и в современном законодательстве. Кроме того, достаточно своеобразным, более никогда и нигде не встречающимся стало подразделение поручительства на имущественное и личное. В этой связи возникал вопрос о соотношении имущественного поручительства с такой мерой, тоже предполагавшей внесение денежной суммы, уплаты залога. Разница, меж тем, состояла в моменте, когда требовалась уплата денежной суммы. Залог предполагал внесение денежной суммы к моменту введения соответствующей меры. Иными словами без уплаты денег залог не был бы введен. Имущественное же поручительство предполагало выплату денег лишь в том случае, если лицо за которое давно поручительство нарушило свои обязанности по надлежащему поведению в период проведения расследования, в частности не явилось по вызову следователя. Можно говорить таким образом, что имущественной данная мера становилась лишь при определенном условии.

Как видим, для УПК 1922/1923 гг. характерным является повышение роли мер, связанных с денежной составляющей. По нашему мнению это можно объяснить тем, что в период НЭПа широкое распространение получили товарно-денежные отношения, сопутствующим фактором которых являлось повышение количества имущественных преступлений. Кроме того, появился слой людей, которые обладали необходимым состоянием, чтобы заплатить требуемую сумму как для внесения залога, так и для предоставления имущественного поручительства. В основном к таким людям относились лица, занимающиеся торгово-производственной деятельностью на основе частного капитала.

УПК 1922/1923 гг. действовал в течение нескольких десятилетий. Причем значительный период его действия пришелся на период т.н. «политических репрессий». Для них было характерно массовое нарушение принципа законности при проведении расследования и вынесения приговоров по делам, относившимся к категории «политическим». Это означало, что в это момент игнорировались многие положения Конституции РСФСР (СССР) и УПК, касающиеся предоставления гарантий обвиняемым. В частности, это проявлялось в отсутствии права на защиту, а также обжалования приговоров вышестоящем суде. Также надо отметить, что досудебные принудительные меры по отношению к лицам, совершившим «политические» преступления сводились в основном к содержанию под стражей, во время которого к заключенным применялись незаконные способы ведения следствия.

Таким образом, сложилась ситуация, когда, по сути, в стране существовало две системы судопроизводства, в зависимости от категории преступления, которое расследовалось. Такая ситуация просуществовала до 50-х годов прошлого столетия, когда был разоблачен «культ личности» и политика репрессий. С учетом изменившихся реалий потребовалось внести изменения и в советское законодательство. Так, в конце 50-х годов были разработаны и приняты несколько кодифицированных актов, включая и уголовно-процессуальной направленности. При этом с учетом федеративного характера советского государства, уголовно-процессуальное законодательство было отнесено к предмету совместного ведения. С юридико-технической точки зрения это предполагало принятие на союзном уровне в 1958 году Основ уголовного судопроизводства, а на уровне республик – УПК. В РСФСР УПК был в октябре 1960 года, а вступил в силу с 1 января 1961 года. В статье 33 Основ уголовного судопроизводства 1958 года содержались как основания для избрания мер пресечения, так и их общий перечень, причем помимо общего перечня (подписка о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных организаций, заключение под стражу) была закреплена возможность установления специфических мер в законодательстве союзных республик [9, с.26]. В УПК 1960 года было применено обобщенное наименование для мер, направленных на обеспечения надлежащего поведения лиц в рамках возбужденного уголовного дела. Оно получило наименование «мер пресечения». Правовое регулирование данной группы отношений осуществлялось гл. 6 УПК 1960 года. При этом появление обобщенной категории для обозначения данной группы мер является достижением советской уголовно-процессуальной доктрины, которое получило особое развитие в 40-60- гг. прошлого столетия [3, с. 163-164] и др.

В доктрине при этом было предложено выделять большую группу принудительных процессуальных мер, которые были необходимы для обеспечения нормального функционирования уголовно-процессуальных норм. В рамках этой группы предусматривалась отдельная группа мер пресечения. При этом выделение строилось, прежде всего, по субъектному составу. Меры пресечения могли быть применены только к обвиняемым, а в редких случаях подозреваемым в совершении преступлений. Ввести меры пресечения могут быть только следователи (дознаватели), а в некоторых случаях и судьи. Что касается иных мер принуждения, то они могут вводиться в отношении любых участников уголовного судопроизводства. Также в качестве признака мер пресечения называлось и то, что они могли выноситься только после возбуждения уголовного дела и до вступления приговора в силу. Что касается иных принудительных мер, то в зависимости от их вида они могут применяться на любых стадиях уголовного судопроизводства[4, с. 66-67].

Таким образом, меры пресечения носят более узкий характер по сравнению с иными принудительными мерами. Исходя из этого, выделяли и другие признаки мер пресечения. Так считалось, что предназначены для упорядочивания отношений складывающихся в тех стадиях, которые происходят до вступления приговора в законную силу. Соответственно важным является обеспечение нормального течения процесса на этапе предварительного расследования. Именно поэтому большинство мер пресечения и вводится на стадии предварительного расследования. А на этой стадии именно от обвиняемых зачастую исходит опасность, касающаяся нормального течения стадии расследования.

Установление этих признаков первоначально проходило в рамках научной дискуссии и со временем были сформулированы в законодательные нормы Основ уголовного судопроизводства и УПК.

Представляется, что подобного рода обобщения свидетельствуют о достаточно высоком качестве нормативного материала. Посколь-

ку именно наличие общих норм свидетельствует об уровне законопроекта.

В рамках УПК было закреплены и их виды. Их анализ показывает, что часть из них сохранилось с дореволюционных времен, что говорит об определенной преемственности. В то же время некоторые виды были исключены из текста кодекса, как не имеющие перспектив практического применения.

Так наиболее распространенной мерой пресечения считалась подписка о невыезде. По разным оценкам она применялась в более чем 80% случаев [11, с.7]. Причем она могла применяться ко всем видам преступлений, включая и достаточно тяжкие. Ее преимущество состояло в том, что ее применение не предполагало значительных финансовых затрат и организационных усилий. В то же время ее реализация зависела во многом от добросовестности самого обвиняемого. В случае его недобросовестности повлиять на его поведение у следователя (дознавателя) возможности практически не было. Иными словами такая мера пресечения во многом была лишена принудительности, что является одним из главных признаков меры пресечения. В этом проявлялся один из основных недостатков данного способа. Во многом столь частое применение объяснялось тем, что у следователя не было возможности применить иную меру пресечения.

Еще одной распространенной мерой пресечения являлось заключение под стражу. С содержательной части данная мера пресечения выражалась в том, что обвиняемый помещался в специально предназначенное помещение, в котором обеспечивался определенный режим пребывания. В частности, существенно ограничивалась возможность его передвижения, сам заключенный находился под контролем администрации учреждения, которое осуществляло реализацию данной меры.

Таким образом, ее преимущество выражалось в том, что здесь у правоохранительных органов появлялась возможность в полной степени осуществлять контроль за поведением обвиняемого. Соответственно он лишался возможности оказывать какое-либо негативное влияние на ход следствия.

В то же время ее широкое применение сдерживалось серьезными финансовыми затратами, которое несло государство по обеспечению содержания заключенных под стражу. Кроме того, нельзя было сбрасывать со счетов и тот факт, что нахождение обвиняемого в среде лиц, в большинстве своем, с антиобщественными и криминальными наклонностями в поведении, приводило к тому, что он также подпадал под их влияние. Содержащийся под стражей проходил своего рода «криминальные университеты», что в будущем негативно сказывалось на уровне его правосознания. Следует отметить, что в криминологической литературе встречалась критика положения, которое сложилось в позднесоветскую эпоху, когда достаточно большое количество лиц было помещено в места содержания под стражей. Здесь следует отметить, что УПК 1960 года не предусматривал такую меру как домашний арест, которая закреплялась как в дореволюционном законодательстве, так и в первом советском УПК 1922/1923 гг. А ведь данный способ, сохраняя преимущества содержания под стражей, позволял избежать те недостатки, которые были в данной мере. В то же время в советской уголовно-процессуальной доктрине 60-70-х гг. прошлого столетия относились достаточно негативно к возможности введения такой меры пресечения как домашний арест.

В связи с этим применение данной меры пресечения ограничивалось только случаями, когда лицо привлекалось к ответственности по тяжким преступлениям, а также могло оказывать негативное влияние на ход предварительного расследования, в частности покинуть место его проведения.

Что касается других мер пресечения, то их применение было во многом ограничено их содержательными особенностями.

Так, традиционным способом обеспечения надлежащего поведения обвиняемого во время проведения предварительного расследования стало внесение залога [2, с.201]. В то же время его распространению мешало то, что по своей сути залог получает распространение там, где имеются лица, которые обладают значительными денежными средствами, частью из которых готовы пожертвовать для того, чтобы обеспечить себе более комфортные условия нахождения на период предварительного следствия. Кроме того, достаточно поверхностно осуществлялось и регулирование отношений, связанных с внесением залога [12, с.4]. Так, не были обозначены категории преступлений, при расследовании которых, допустимо применение залога. Также не были установлены минимальные суммы, которые можно было выносить в качестве залога. В итоге, это приводило к тому, что залог достаточно мало применялся в практике советских следственных органов.

Специфичной мерой пресечения, закрепленной УПК 1960 года являлось отдание на поруки общественной организации. Тут надо отметить, что в советский период времени функционировал достаточно ограниченный круг юридических лиц, а именно к ним и относились общественные организации. При этом сами общественные организации создавались и функционировали под контролем государственных органов. Обычно они функционировали как объединения лиц определенных творческих и иных профессий. Соответственно в этом плане была определенная гарантия, что такие организации не будут ненадлежащим образом исполнять свои обязанности в связи со сговором с обвиняемым. В то же время, данной организации не имели специальных подразделений или лиц, которые бы обеспечивали контроль за надлежащим поведением обвиняемого. Также не был понятен и механизм привлечения к ответственности организации в том случае, если она не смогла обеспечить контроль за поведением обвиняемого, и он нарушил условия назначенной меры пресечения. В связи с этим в большинстве случаев под поручительство общественных организаций отдавались лица, которые были связаны членскими отношениями с такой организацией [4, с.74]. Зачастую же применение подобной меры пресечения носило чисто формальный характер, когда необходимо было обеспечить применение меры пресечения, но по каким-либо причинам применение других, более распространенных мер, было невозможным. Недостатки данной меры пресечения привели к тому, что она не была предусмотрена в ныне действующем УПК РФ. Помимо прочего, это было связано с изменением роли общественных организаций в российском правовом порядке.

Имела свою нишу и такая мера пресечения как личное поручительство. Она предполагала привлечение к ее исполнению лица, кото-

рое определенным образом могло гарантировать надлежащее поведение обвиняемого на период предварительного следствия. Обычно это обуславливалось личными и служебными связями поручителя обвиняемого, исходя из которых, последний прислушивался к мнению поручителя. Как правило, в роли поручителей выступали близкие родственники, коллеги (в частности, это могли быть начальники) или учителя обвиняемого. Достаточно часто такая мера использовалась в отношении несовершеннолетних обвиняемых. Именно в отношении данной категории лиц обеспечивался наибольший эффект. Это было учтено при проведении кодификации уголовно-процессуального законодательства, когда из личного поручительства была выделена такая мера как отдание под присмотр несовершеннолетнего. По нашему мнению ее можно считать специальным видом личного поручительства, которое также предусмотрено в современном УПК РФ.

Также в УПК 1960 года существовала мера пресечения, которая была рассчитана на специальный субъектный состав как со стороны обвиняемого, так и со стороны лица, которое обеспечивало его надлежащее поведение. Речь шла об отдании под надзор командования воинской части [10, с. 154]. В данном случае речь шла об обвиняемом, который являлся военнослужащим. Причем он мог относиться как к начальствующему, так и к рядовому составу. Для применения данной меры не обязательно, чтобы военнослужащий обвинялся в преступлении против порядка прохождения воинской службы. Удобство данной меры состояло в том, в воинской части имелась необходимые условия для реализации данной меры пресечения. В частности, это могли быть охраняемые помещения, в которые можно было поместить военнослужащего в случае неправомерного поведения. Также находились лица – офицеры и иной командный состав, которые могли обеспечить контроль за поведением обвиняемого-военнослужащего.

Как видно в УПК 1960 года были закреплены различные меры пресечения. В то же время были проблемы, связанные с тем, что не было своего рода «промежуточных» мер между подпиской о невыезде – «мягкая» мера, и заключением под стражу – «жесткая» мера. Все это приводило к определенной разбалансировке в правоприменительной практике, когда следователь не смог подобрать меру, которая бы учитывала все особенности личности обвиняемого, а также обстоятельства дела. Следовательно, таким образом, баланс между правами обвиняемого, которому могли выбрать достаточно «жесткую» меру, и интересами следствия, когда при назначении более «мягкой» меры был риск необеспечения порядка на стадии предварительного расследования. В этой связи в литературе в 80-е годы прошлого столетия обсуждался вопрос о введении более «гибких» мер пресечения. Однако законодательство в этой сфере не менялось вплоть до принятия УПК РФ 2001 года.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы частного и публичного права/ Под ред. А. Я. Рыженкова. – Элиста: Изд-во КалмГУ, ЗАОр "НПП Джангар", 2015.
2. Гапонова В. Н., Цыреторов А. И. Перспективы залога как меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – №1.
3. Зинатуллин З. З. Российская уголовно-процессуальная наука: генезис развития и современные проблемы // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2018. – №1.
4. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность: вопросы теории и практики. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981.
5. Комментарий к Степному Уложению (Конституции) Республики Калмыкия / под ред. К.Ю. Булуктаевой. - Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014.
6. Рубеко Г.Л. Акционерное право: учебное пособие. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013.
7. Рубеко Г. Л. Инвестиционная деятельность в Республике Калмыкия: проблемы правового регулирования // Вестник Калмыцкого университета. - 2013. - № 4 (20).
8. Рубеко Г.Л., Чубыкин Е.В. Сравнительный анализ источников корпоративного права России и стран СНГ // Аграрное и земельное право. - 2018. - № 6.
9. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): Дис. ... канд. юрид. наук. – М, 2019.
10. Фетищева Л. М. Исторические предпосылки для формирования в отечественном уголовно-процессуальном праве сословного института мер пресечения // Юридический вестник Самарского университета. – 2015. – №3.
11. Цоколова О. И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – №1.
12. Шапалова Т.И. Залог как мера пресечения в уголовном процессе и его применение следователями органов внутренних дел: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – СПб., 2001. 26-28

References:

1. Actual problems of private and public law/ Edited by A. Ya. Ryzhenkov. – Elista: Publishing House of KalmSU, ZAOр NPP Dzhangar, 2015.
2. Gaponova V. N., Tsyretorov A. I. Prospects of bail as a preventive measure in domestic criminal proceedings // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. – 2022. – №1.
3. Zinatullin Z. Z. Russian criminal procedure science: the genesis of development and modern problems // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". – 2018. – №1.
4. Zinatullin Z. Z. Criminal procedural coercion and its effectiveness: issues of theory and practice. – Kazan: Kazan Publishing House. University, 1981.
5. Commentary on the Steppe Code (Constitution) of the Republic of Kalmykia / edited by K.Y. Buluktaeva. - Elista: Publishing House of Kalm. University, 2014.
6. Rubeko G.L. Joint-stock law: a textbook. – Elista: KalmSU Publishing House, 2013.
7. Rubeko G. L. Investment activity in the Republic of Kalmykia: problems of legal regulation // Bulletin of the Kalmyk University. - 2013. - № 4 (20).
8. Rubeko G.L., Chubykin E.V. Comparative analysis of the sources of corporate law in Russia and the CIS countries // Agrarian and land law. 2018. No. 6.
9. Simagina N.A. Preventive measures and circumstances taken into account when electing them (theory and modern practice): Dis. ... kand. jurid. sciences'. – Moscow, 2019.
10. Fetischeva L. M. Historical prerequisites for the formation of the estate institute of preventive measures in Russian criminal procedure law // Law Bulletin of Samara University. – 2015. – №3.
11. Tsokolova O. I. Recognizance not to leave as a restriction of individual rights // Problems of law enforcement. 2015. No. 1.
12. Shapovalova T.I. Bail as a preventive measure in criminal proceedings and its application by investigators of internal affairs bodies: Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. – St. Petersburg, 2001. 26-28

КОРРУПЦИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ CORRUPTION IN THE PENAL SYSTEM: PROBLEMS AND WAYS TO OVERCOME

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. 600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

КАЗАК Игорь Брониславович,

доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих по кафедре оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России. 390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

GUSEV Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and the Organization of the Execution of Sentences not related to the isolation of Convicts from Society, Faculty of Law Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. 67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

KAZAK Igor Bronislavovich,

Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees in the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья представляет собой комплексный анализ коррупционных практик в Уголовно-исполнительной системе России. Рассматриваются основные виды коррупции: в сфере надзора и управления осужденными, хозяйственно-экономической деятельности, предоставления базовых услуг (медицина, коммуникации), симбиоза администрации с неформальной иерархией, а также на ключевых этапах. Особое внимание уделяется системному характеру проблемы, переплетению «бытовой» и крупной коррупции, ее разрушительным последствиям: подрыву целей наказания, массовым нарушениям прав человека, укреплению криминальных структур и эрозии доверия к государству. В заключении предложены основные направления комплексной антикоррупционной стратегии, включая повышение прозрачности и контроля, реформу кадровой политики и условий службы, реструктуризацию хозяйственных механизмов, разрушение связей с криминальной субкультурой и усиление правовой защиты осужденных.

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of corruption practices in the Russian penal system. The main types of corruption are considered: in the sphere of supervision and management of convicts, economic activity, provision of basic services (medicine, communications), symbiosis of administration with informal hierarchy, as well as at key stages. Special attention is paid to the systemic nature of the problem, the intertwining of "domestic" and large-scale corruption, its devastating consequences: undermining the goals of punishment, massive violations of human rights, strengthening criminal structures and erosion of trust in the state. In conclusion, the main directions of a comprehensive anti-corruption strategy are proposed, including increasing transparency and control, reforming personnel policy and conditions of service, restructuring economic mechanisms, breaking ties with the criminal subculture and strengthening the legal protection of convicts.

Ключевые слова: коррупция, уголовно-исполнительная система, виды коррупции, взаимодействие с криминальной субкультурой, нарушения прав человека, антикоррупционные меры, реформирование уголовно-исполнительной системы, прозрачность, контроль, кадровая политика, труд осужденных.

Keywords: corruption, the penal enforcement system, types of corruption, interaction with the criminal subculture, human rights violations, anti-corruption measures, reform of the penal enforcement system, transparency, control, personnel policy, labor of convicts.

Для цитирования: Гусев А.С., Казак И.Б. Коррупция в уголовно-исполнительной системе: проблемы и пути преодоления // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 361-364. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_361.

For citation: Gusev A.S., Kazak I.B. Corruption in the penal system: problems and ways to overcome // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 361-364. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_361.

Статья поступила в редакцию: 25.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Уголовно-исполнительная система (далее УИС) – сложный механизм, призванный обеспечить исполнение судебных решений, исправление осужденных и защиту общества. Однако, как и любая система с высокой концентрацией власти и специальным контингентом, она подвержена серьезной коррупционной угрозе. Коррупция в местах лишения свободы приобретает циничные и разрушительные формы, подрывая цели правосудия, деформируя саму суть наказания. Ее проявления многообразны, образуя сложную сеть взаимоотношений [1].

Коррупция – не случайный набор правонарушений, а патология в пенитенциарных учреждениях. Она функционирует как альтернативная система управления и распределения ресурсов, основанная не на законе, а на личной выгоде и страхе. Масштабы и изощренность коррупционных практик в местах лишения свободы подрывают основы правового государства и наносят урон человеческому достоинству.

В сфере управления и надзора коррупция может принимать вид вымогательства. Сотрудники могут создавать систему неформальных платежей за элементарные потребности и безопасность. Плата, теоретически, может взиматься за перевод из переполненной камеры в относительно пригодное для жизни помещение; за освобождение от работ; за гарантии физической неприкосновенности от произвола других осужденных. Доступ к запрещенным, но жизненно важным для поддержания связей с внешним миром или психологического выживания предметам – мобильным телефонам, SIM-картам, лекарствам. Возможность избежать необоснованных взысканий или наказаний за мелкие нарушения режима может становится предметом торга, превращая формальные правила в инструмент вымогательства.

Параллельно существует назначение на должности – дневального в соответствующем отряде, работника склада или библиотеки. Позитивный статус "активиста", формально означающий хорошее поведение и дающий шансы на льготы, включая условно-досрочное освобождение (далее УДО), также может быть приобретен, становясь ширмой для реального положения в неформальной иерархии или просто способом избежать давления.

Манипуляции с правами и процедурами – еще один опасный пласт. Решение о переводе осужденного на более мягкий режим содержания (например, со строгого на общий) или даже в колонию-поселение, предоставление длительных свиданий или разрешений на выезд за пределы учреждения могут быть не результатом законопослушного поведения, а следствием неформального взаимодействия. Фальсификация данных в личном деле и характеристиках для суда или комиссии по УДО – ложные сведения о трудовых достижениях, раскаянии в совершенном преступлении, активном участии в воспитательных мероприятиях – требует сговора нескольких должностных лиц (начальник отряда, воспитатель, психолог, оперативный работник) и является прямой коррупционной услугой, искажающей саму идею исправления. Жалобы и заявления осужденных в надзорные органы (прокуратура, суд, Уполномоченный по правам человека) могут систематически блокироваться, уничтожаться, а заявители подвергаться угрозам.

Оперативно-режимные мероприятия, призванные обеспечивать безопасность и порядок, могут превращаться в инструмент коррупции и давления. Обыски и досмотры могут носить избирательный характер: неугодным или устраиваются частые, унижительные и порой разрушительные проверки. Личные вещи, деньги с лицевых счетов или ценные передачи от родственников могут изыматься и затем продаваться обратно владельцу. Прямое хищение средств с лицевых счетов осужденных через списания за не оказанные услуги или завышенные тарифы – также могут иметь место.

Хозяйственно-экономическая сфера деятельности УИС представляет собой благодатную почву для коррупционных схем. Нецелевое использование и хищение бюджетных средств достигают значительных объемов. Механизмы включают в себя сговор с поставщиками при государственных закупках продуктов питания, медикаментов, одежды, оборудования, стройматериалов, где завышение контрактных цен по сравнению с рыночными является нормой, а разница оседает в карманах организаторов в виде откатов. Распространены фиктивные договоры на ремонтные работы, обслуживание инженерных систем, консультационные услуги с фирмами-однодневками или лояльными подрядчиками, при которых оплата производится, а реальные работы либо не выполняются вовсе, либо выполнены некачественно и в минимальном объеме. Значительные средства расхищаются через махинации с топливом и ГСМ, когда списываются объемы, существенно превышающие реальный расход, а излишки продаются на сторону.

Эксплуатация труда осужденных, помимо законной производственной деятельности, на территории некоторых учреждений могли существовать неофициальные производства (пошив одежды, изготовление мебели, ремонт автомобилей, сельхозработы на частных землях). Продукция этих цехов реализовывалась на свободном рынке, минуя официальную отчетность, а прибыль распределялась между коррумпированными сотрудниками администрации и неформальными лидерами осужденных, контролирующими рабочую силу. На официальных производствах УИС заработная плата осужденных носит символический характер, составляя небольшую долю от реальной рыночной стоимости произведенной ими продукции или услуг. Эта разница либо присваивается администрацией, либо пополняет неформальные фонды. Широко практикуется принудительный труд, когда осужденных под угрозой взысканий или просто по приказу заставляли выполнять личные поручения сотрудников – строить дачи, ремонтировать квартиры, обрабатывать садовые участки – без какой-либо оплаты или за небольшое вознаграждение.

Снабжение и торговля внутри учреждений также могут быть источником коррупции. Предприятия колоний, торгующие продуктами и товарами первой необходимости, часто действуют как монополисты. Цены в них могут в разы превышать рыночные, что становится возможным благодаря сговору с поставщиками и отсутствию альтернативных источников снабжения для осужденных. Качество поставляемых продуктов питания и медикаментов зачастую не соответствует нормам, но закупки осуществляются у «своих» поставщиков по завышенным ценам с откатами.

Продажа базовых прав и услуг превращает фундаментальные потребности осужденных в источник дохода. Медицинская помощь, гарантированная законом, становится предметом торга. За денежное вознаграждение можно добиться срочного вызова фельдшера или врача, попасть на прием к нужному специалисту, получить госпитализацию в медсанчасть или больницу. Жизненно важные лекарства из аптечного запаса учреждения могут удерживаться до момента оплаты.

Коррупция в сфере коммуникаций с внешним миром носит негативный характер. Свидания с родственниками, являющиеся психологической необходимостью, монетизированы: плата взимается за свидания сверх установленного лимита, за предоставление отдельного помещения, за увеличение времени встречи. Телефонные переговоры также становятся источником дохода: за деньги можно получить неограниченное время разговора, звонить в неустановленные часы, рассчитывать на отсутствие прослушки или даже получить доступ к запрещенному мобильному телефону под контролем сотрудника. Переписка подвергается коррупционному контролю: взятки берут за ускоренную отправку или доставку писем, за "невнимательность" цензора к запрещенной информации, за изъятие корреспонденции конкурентов или неугодных лиц. Относительная свобода передвижения внутри учреждения (между отрядами, корпусами).

Специфической и разрушительной формой коррупции в УИС является устойчивый симбиоз между администрацией учреждений и неформальной криминальной иерархией. Это не просто попустительство, а форма соуправления и взаимовыгодного сотрудничества. Администрация зачастую сознательно попустительствует существованию и сбору "общака" – неформального фонда денег и ценностей, контролируемого криминальными лидерами. Взамен администрация получает либо прямую долю от собранных средств, либо гарантии поддержания порядка и управляемости контингента со стороны неформальных лидеров осужденных. Фактически происходит делегирование властных полномочий криминальным структурам, которые поддерживают дисциплину, разрешают конфликты, распределяют работы, жилое пространство и ресурсы, собирают информацию. Это позволяет администрации снизить свою нагрузку и риски прямых конфликтов, но ценой легитимизации власти криминального мира, его безнаказан-

ности за вымогательство, насилие и тотального контроля над жизнью других осужденных. Иногда этот симбиоз перерастает в совместные коррупционные предприятия – организацию тех же теневых производств или внутренней торговли под патронажем коррумпированных сотрудников.

Это сотрудничество неизбежно ведет к административному бездействию в отношении преступлений, совершаемых внутри неформальной иерархии. Сотрудники закрывают глаза на систематическое вымогательство денег, продуктов, вещей у одних осужденных другими, особенно у наиболее уязвимых групп. Более того, административный ресурс может использоваться в интересах осужденных: по их запросу оказывается давление на негодных, передается конфиденциальная информация, обеспечиваются особые привилегии конкретным лицам.

Коррупционные риски подстерегают и на ключевых точках соприкосновения осужденного с системой. Они могут потребоваться при первоначальном приеме в СИЗО или колонию – за распределение в определенную камеру, отряд, где легче или безопаснее, за сохранение личных ценных вещей при обыске, за отсутствие физического насилия или унижений в период нахождения в карантинном отделении. Процесс конвоирования и этапирования также уязвим: взятки сопровождающим обеспечивают более сносные условия (снятие наручников, возможность спать, доступ к пище и воде), а за крупные суммы возможен пронос запрещенных предметов во время транспортировки. В эти схемы активно вовлекаются внешние акторы, такие как адвокаты, особенно недобросовестные, нередко выступают в роли посредников, каналов для передачи взяток от родственников осужденных сотрудникам УИС (за улучшение условий, ускорение УДО, решение других проблем), беря значительный процент за свои "услуги" и эксплуатируя отчаяние семей. Родственники осужденных сами становятся объектом прямого или косвенного (через передаваемые угрозы осужденному) вымогательства денег со стороны сотрудников под предлогом обеспечения безопасности или улучшения условий осужденного, их близкого.

Коррупция в УИС обладает рядом ключевых особенностей, делающих ее особенно устойчивой и опасной. Это симбиоз бытовой и системной коррупции: мелкие, ежедневные поборы сосуществуют и питают крупные, годами отлаженные преступные схемы. Последствия этой системной коррупции носят катастрофический характер и выходят далеко за пределы УИС:

1. Подрыв целей уголовного наказания: вместо исправления и ресоциализации коррупция воспроизводит и усиливает криминальные установки. Осужденный усваивает, что закон бессилён, а правят бал деньги, знакомства и сила. Он выходит на свободу не готовым к законопослушной жизни, а еще более циничным, с навыками выживания в коррумпированной среде, часто с новыми криминальными связями.

2. Массовые и грубые нарушения прав человека: коррупция напрямую ведет к пыткам, жестокому и унижающему достоинство обращению, дискриминации, отсутствию доступа к правосудию, адекватной медицинской помощи, нормальным санитарным условиям и питанию для тех, кто не может платить. Страдают самые незащищенные слои осужденных.

3. Укрепление организованной преступности и криминальной субкультуры: симбиоз администрации и лидеров групп отрицательной направленности легитимизирует тюремную иерархию и власть криминального мира. Осужденные, контролирурующие внутренние порядки в колониях под покровительством (или при попустительстве) администрации, сохраняют и усиливают свое влияние не только внутри УИС, но и в гражданской жизни, определяя правила уличной преступности и оказывая давление на легальный бизнес.

4. Эрозия доверия к государству и правосудию: каждый факт коррупции в системе, становясь известным через освободившихся, их адвокатов, правозащитников или журналистов, наносит удар по авторитету государственной власти. Граждане теряют веру в справедливость суда, в равенство перед законом, в способность государства защитить своих граждан даже в собственных учреждениях. Это прямой путь к правовому нигилизму и социальной апатии.

5. Значительный экономический ущерб: масштабные хищения бюджетных средств через нецелевые закупки и фиктивные контракты, недополученная прибыль от официальной деятельности предприятий УИС из-за теневых схем, прямые убытки от воровства ресурсов наносят многомиллиардный ущерб государственному бюджету.

Борьба с коррупцией в УИС – задача исключительной сложности, требующая не разрозненных кампаний, а долгосрочной, комплексной и последовательной стратегии реформирования всей системы:

1. Радикальное повышение прозрачности и независимого контроля: всеобъемлющее видеонаблюдение: развертывание систем видеонаблюдения с высоким разрешением во всех ключевых зонах учреждений (коридоры, камеры/общезития, КПП, места свиданий, медчасти, места проведения обысков, производственные зоны) с обязательным архивом и, что критически важно, возможностью удаленного доступа в реальном времени для независимых контролирующих органов (Общественные наблюдательные комиссии – ОНК [2], прокуратура [3], Уполномоченный по правам человека). Внедрение технологий анализа видео (искусственный интеллект для выявления драк, нарушений) для повышения эффективности;

мощные ОНК и внешний мониторинг: наделение ОНК реальными полномочиями, ресурсами (включая экспертов-криминологов, медиков, юристов) и гарантиями неприкосновенности. Проведение внезапных и частых инспекций без предупреждения администрации. Развитие института независимых гражданских инспекторов;

защищенные электронные сервисы: повсеместное внедрение и техническая защита электронных систем подачи жалоб осужденными, исключающих перехват или блокировку сотрудниками УИС, с гарантией конфиденциальности и автоматической фиксацией в независимой системе (например, у прокурора или в суде). Электронные лицевые счета осужденных с прозрачной историей всех операций (зачисления, списания, основания), доступной самому осужденному и его законному представителю. Онлайн-запись на свидания и телефонные переговоры;

открытость данных: публикация в открытом доступе (с соблюдением приватности) ключевых данных о деятельности УИС: статистика по жалобам и их рассмотрению, условия содержания, смертность, заболеваемость, результаты проверок, данные о госзакупках.

3. Фундаментальная реформа кадровой политики и условий службы: достойное материальное обеспечение: существенное (кратное) повышение зарплат сотрудников УИС, особенно рядового и младшего начальствующего состава, непосредственно работающего с контингентом.

Это базовое условие для снижения экономических стимулов к мелкой и крупной коррупции. Необходимы также улучшенные социальные гарантии (жилье, лечение, отдых);

жесткий многоэтапный отбор и постоянная проверка: внедрение углубленной системы проверки кандидатов при приеме на службу: психофизиологическое обследование, тестирование на стрессоустойчивость и склонность к коррупционному поведению, тщательная проверка биографии и связей. Нулевая терпимость к выявленным связям с криминалом.

формирование профессиональной этики и культуры: постоянное, качественное обучение сотрудников, включающее не только технические аспекты службы, но и глубокое изучение прав человека, антикоррупционного законодательства, психологии осужденных, профессиональной этики. Создание корпоративной культуры, основанной на законности, честности, уважении к человеческому достоинству и нетерпимости к любым злоупотреблениям. Внедрение кодексов этики.

эффективная защита обратившихся: создание надежных и анонимных каналов для сотрудников, готовых сообщить о коррупции, и реальных механизмов их защиты от преследования, давления со стороны коллег и начальства, незаконных увольнений. Гарантии конфиденциальности и безопасности.

3. Реструктуризация хозяйственных механизмов и производственной деятельности: максимальная прозрачность закупок и контрактов: обязательное проведение всех закупок для УИС на федеральных электронных торговых площадках с открытыми аукционами. Независимый аудит закупочной деятельности учреждений УИС на регулярной основе. Публикация детализированных отчетов о расходовании бюджетных средств;

реформа труда осужденных: принципиальный пересмотр системы. Обеспечение реальной, а не символической оплаты труда осужденных, приближенной к рыночным расценкам за аналогичную работу на воле. Заработная плата должна быть достойной мотивацией, а не фикцией [4]. Прозрачность финансовых потоков на предприятиях УИС – от закупки сырья до реализации продукции и распределения прибыли. Развитие социально значимых и конкурентоспособных производств, дающих осужденным реальные профессиональные навыки. Жесткий запрет на использование труда осужденных для личных нужд сотрудников;

контроль над внутренней торговлей: установление государственного контроля за ценообразованием в магазинах при колониях, обеспечение соответствия цен среднерыночным. Борьба с монополией, поощрение конкуренции поставщиков. Обеспечение качества товаров. Рассмотрение альтернативных моделей снабжения.

4. Бескомпромиссная борьба с криминальной субкультурой и понятийным правом: разрушение институтов "общака" и "смотрящих": последовательное и жесткое пресечение любых попыток сбора средств в "общак", выявление и изоляция организаторов. Систематическое разрушение неформальной иерархии путем перераспределения осужденных между учреждениями, разобщения криминальных группировок, изоляции лидеров в учреждениях особого режима с максимальным ограничением контактов. Ликвидация практики делегирования полномочий по поддержанию порядка осужденным; усиление непосредственной работы персонала: повышение плотности и качества работы сотрудников воспитательного и оперативного аппарата непосредственно с контингентом. Восстановление роли начальника отряда как ключевой фигуры, знающей каждого осужденного и отвечающей за его исправление, а не делегирующей эти функции осужденным; разработка и внедрение программ противодействия распространению криминальной идеологии и субкультуры в учреждениях УИС.

5. Усиление правовой защиты и просвещения осужденных: гарантированный доступ к независимой правовой помощи: обеспечение реального, а не формального доступа осужденных к независимым адвокатам и правозащитникам. Создание системы бесплатной квалифицированной юридической помощи внутри учреждений; систематическое правовое просвещение: регулярное информирование осужденных об их правах и обязанностях, о внутренних распорядках, о безопасных и эффективных механизмах подачи жалоб (через электронные системы, ОНК, прокуратуру, суд). Разъяснение последствий участия в коррупционных схемах и неформальных структурах. защита уязвимых групп: разработка и внедрение специальных программ защиты осужденных, подвергающихся наибольшему риску насилия и вымогательства.

Коррупция в уголовно-исполнительной системе – это серьезная проблема правосудия. Преодоление этой многовековой и глубоко укорененной проблемы – задача титанической сложности, требующая политической воли, значительных ресурсов и долгосрочной стратегии. Упрощенные репрессивные подходы или косметические реформы здесь не помогут. Требуется глубокое системное реформирование, направленное на создание УИС нового типа: прозрачной, подконтрольной гражданскому обществу, укомплектованной хорошо оплачиваемыми и профессиональными кадрами, ориентированной на подлинную ресоциализацию через труд и образование, и, главное, основанной на безусловном уважении человеческого достоинства каждого, кто оказался в ее стенах, независимо от тяжести совершенного преступления. Это путь не только к искоренению коррупции, но и к созданию системы, которая действительно исправляет; защищает общество, а не воспроизводит новую волну преступности; и, в конечном счете, способствует построению подлинно правового государства, где справедливость не является предметом купли-продажи. Цена бездействия – продолжение несправедливости и недоверия – слишком высока для общества.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (с изменениями и дополнениями) {КонсультантПлюс}
2. Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (с изменениями и дополнениями) {КонсультантПлюс}
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» {КонсультантПлюс}
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) {КонсультантПлюс}

References:

1. Federal Law "On Combating Corruption" dated December 25, 2008 No. 273-FZ (with amendments and additions) {ConsultantPlus}
2. Federal Law No. 76-FZ of June 10, 2008 "On Public Control over Ensuring Human Rights in Places of Forced Detention and on Assistance to Persons in Places of forced detention" (with Amendments and additions) {ConsultantPlus}
3. Federal Law No. 2202-1 of 17.01.1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" {ConsultantPlus}
4. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated 12/30/2001 (as amended on 04/07/2025) {ConsultantPlus}

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: СОВРЕМЕННЫЙ АНАЛИЗ ENSURING THE SAFETY OF PERSONNEL OF THE RUSSIAN PENITENTIARY INSTITUTIONS: MODERN ANALYSIS

ВОРОЩУК Владимир Богданович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации режима и надзора в УИС юридического факультета
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: vbogdanovich62@mail.ru ;

VOROSHCHUK Vladimir Bogdanovich,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Supervision and Prison Regime Organization Sub-department Faculty of Law
of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service (Academy of the FPS of Russia).
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: vbogdanovich62@mail.ru

Краткая аннотация: В рамках настоящей статьи дается оценка современному состоянию обеспечения безопасности персонала отечественных исправительных учреждений и следственных изоляторов через анализ совершенных противоправных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных, связанных с применением насилия в отношении него. Определены современные тенденции, характеризующие безопасность персонала (сотрудников) отечественных пенитенциарных учреждений, выявлены черты, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого и осужденного, совершающего противоправное действие, связанное с применением насилия в отношении персонала, а также ряд детерминант, обуславливающих их совершение.

Abstract: This article provides an assessment of the current state of ensuring the safety of personnel in domestic correctional institutions and pre-trial detention centers through an analysis of the illegal actions committed by suspects, accused and convicted persons associated with the use of violence against them. The modern trends characterizing the safety of personnel (officers) of domestic penitentiary institutions are defined, the features characterizing the personality of a suspect, accused and convicted person committing an illegal act related to the use of violence against staff, as well as a number of determinants that determine their commission, are revealed.

Ключевые слова: безопасность персонала; сотрудники; противоправные действия; применение насилия; исправительные учреждения; следственные изоляторы.

Keywords: personnel safety; officers; illegal actions; use of violence; correctional institutions; pre-trial detention facilities.

Для цитирования: Ворощук В.Б. Обеспечение безопасности персонала отечественных пенитенциарных учреждений: современный анализ // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 365-368. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_365.

For citation: Voroshchuk V.B. Ensuring the safety of personnel of the Russian penitentiary institutions: modern analysis // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 365-368. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_365.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Прежде чем приступить к рассмотрению интересующего нас вопроса, необходимо уточнить, кто же относится к категории персонала отечественных пенитенциарных учреждений. Персоналом исправительных учреждений (далее – ИУ) и следственных изоляторов (далее – СИЗО) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) являются сотрудники, рабочие и служащие, состоящие в штатах исправительных колоний, воспитательных колоний, тюрем, лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждений, а также СИЗО УИС.

В настоящее время в рамках ведомственной статистической отчетности по форме «СБ-1» о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний (далее – ИК), лечебных исправительных учреждений (далее – ЛИУ), лечебно-профилактических учреждений (далее – ЛПУ), воспитательных колоний, тюрем, СИЗО, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России в разделе 6 находят отражение сведения о посягательствах на жизнь и здоровье персонала ИУ и СИЗО УИС, позволяющие оценить его безопасность.

Предлагаем оценить современное состояние обеспечения безопасности персонала ИУ и СИЗО УИС, опираясь на анализ данных ведомственной статистической отчетности («СБ-1») за последние три года (2022–2024 гг.).

За рассматриваемый период времени наблюдается положительная тенденция уменьшения общего количества противоправных действий, совершенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в отношении персонала ИУ и СИЗО УИС, – с 872 до 703 случаев (2022 г. – 872, 2023 г. – 721, 2024 г. – 703). Указанная тенденция справедлива и в отношении отдельных видов противоправных действий, совершенных в отношении персонала рассматриваемых учреждений УИС: насилия – с 411 до 291 случая (2022 г. – 411, или 47,2 % от общего количества противоправных действий; 2023 г. – 298, или 41,3 %; 2024 г. – 291, или 41,4 %), угроз применения насилия – со 157 до 137 случаев (2022 г. – 157, или 18 %; 2023 г. – 141, или 19,6 %; 2024 г. – 137, или 19,5 %), оскорблений – с 304 до 275 случаев (2022 г. – 304, или 34,8 %; 2023 г. – 282, или 39,1 %; 2024 г. – 275, или 39,1 %). Таким образом, доля случаев применения насилия в отношении персонала рассматриваемых учреждений УИС не является преобладающей, поскольку составляет менее 50 % от общего количества зарегистрированных противоправных действий, совершенных указанными лицами, в отличие от действий ненасильственного характера (угрозы применения насилия, оскорбления), что вселяет определенный оптимизм.

Подавляющее большинство всех зарегистрированных случаев неправомерных действий, связанных с применением насилия в отношении персонала, приходится на долю ИК, ЛИУ, ЛПУ – 284 в 2022 г., или 69,1 %; 188 в 2023 г., или 63 %; 187 в 2024 г., или 64,3 %, что свидетель-

стует об уменьшении за указанный период подобных случаев в рассматриваемых учреждениях в 1,5 раза. На долю СИЗО приходится уменьшение подобных случаев – со 108 до 90 случаев (2022 г. – 108, или 26,3 %; 2023 г. – 100, или 33,6 %; 2024 г. – 90, или 30,9 %), при этом наблюдается некоторое увеличение доли случаев применения насилия в рассматриваемых учреждениях. На долю тюрем приходится незначительное количество случаев насилия в отношении персонала – 12 в 2022 г., или 2,9 %; 8 в 2023 г., или 2,7 %; 3 в 2024 г., или 1 %. Тем самым, за указанный период наблюдается уменьшение количества случаев применения насилия в отношении персонала в тюрьмах в 4 раза – с 12 до 3 случаев. На долю воспитательных колоний также приходится незначительное количество подобных зарегистрированных случаев: 2022 г. – 2, или 0,5 %; 2023 г. – 0; 2024 г. – 2, или 0,7 %. Случаи применения насилия в отношении персонала регистрируются и в транзитно-пересыльных пунктах, однако, как показывает проведенный анализ, их доля в общей массе всех случаев весьма незначительна либо стремится к нулю (2022 г. – 1, или 0,2 %; 2023 г. – 0; 2024 г. – 0). Случаи применения насилия в отношении персонала регистрируются в помещениях, функционирующих в режиме СИЗО, доля которых в общей массе всех случаев невелика – 4 в 2022 г., или 1,0 %; 2 в 2023 г., или 0,7 %; 9 в 2024 г., или 3,1 %, однако за рассматриваемый период наблюдается увеличение подобных случаев в 2,25 раза – с 4 до 9 [6].

Проведенные Н.Н. Кутаковым исследования в рамках анализа противоправных действий осужденных в отношении персонала учреждений УИС, показывают, что среди ИК наибольшую опасность со стороны осужденных в отношении персонала, в том числе в плане применения насилия, представляют собой ИК строгого режима (более половины), далее по мере распространения подобных случаев следуют ИК общего режима (немногим менее трети) и незначительная доля приходится на ИК особого режима [3, с. 68; 4, с. 60].

За 2022–2024 гг. наблюдается уменьшение количества сотрудников, которым в результате противоправных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных был причинен вред здоровью, – со 125 до 94 (2022 г. – 125, 2023 г. – 87, 2024 г. – 94). Вместе с тем, за последние два года (2023–2024 гг.) наблюдается некоторое увеличение рассматриваемого показателя – с 87 до 94 человек, что не позволяет дать однозначную оценку о постепенном уменьшении за последние три года (2022–2024 гг.) количества сотрудников, которым в результате подобных противоправных действий был причинен вред здоровью.

Особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что с 2021 г. начинают ежегодно регистрироваться по 1 случаю, повлекшему смерть потерпевшего из числа сотрудников в результате причинения вреда здоровью. К сожалению, указанный показатель по итогам 2024 г. превысил аналогичный показатель предыдущего года и составил четыре сотрудника. Здесь следует уточнить, что смерть сотрудников наступила в результате причинения им колото-резаных ран во время захвата их в заложники, произошедшего в августе 2024 г. в ИК строгого режима УФСИН России по Волгоградской области. Кроме того, от рук преступников во время захвата заложников пострадало еще четыре сотрудника этого учреждения. Следует отметить, что все случаи причинения смерти сотрудникам зарегистрированы исключительно в ИК строгого режима для содержания осужденных мужчин и совершены с использованием предметов в качестве оружия, в том числе колюще-режущих.

В 2022 г. зарегистрировано 9 случаев применения насилия подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в отношении персонала с использованием в качестве оружия колюще-режущих предметов; в 2023 г. – 3; в 2024 г. – 13, тем самым наблюдается некоторое увеличение рассматриваемого показателя – с 9 до 13 случаев. Вместе с тем следует подчеркнуть складывающуюся негативную тенденцию, связанную с рассматриваемым показателем, несмотря на его уменьшение в 2023 г. в сравнении с 2022 г. в 3 раза, в 2024 г. в сравнении с 2023 г. наблюдается его рост в 4,3 раза – с 3 до 13. Указанное обстоятельство свидетельствует о сохранении негативной тенденции, связанной с применением насилия, когда в качестве оружия используются колюще-режущие предметы, что создает реальную угрозу жизни и здоровью персонала (сотрудников) отечественных пенитенциарных учреждений и напрямую коррелирует со смертельным исходом в случае применения подобных предметов.

Следует обратить внимание на то, что на различных видах профилактического учета в 2022 г. состояло 249 подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших насилие в отношении персонала ИУ и СИЗО УИС, 112 из них – лица, склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов (около 45 % от общего количества случаев подобных противоправных действий, совершенных лицами, состоящими на различных видах профилактического учета); в 2023 г. – 194 подозреваемых, обвиняемых и осужденных соответственно, в том числе 82 из них – склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов (около 42 % соответственно), 104 – не состояли на профилактическом учете; в 2024 г. – 178 подозреваемых, обвиняемых и осужденных соответственно, в том числе 78 из них – склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов (около 44 % соответственно), 94 – не состояли на профилактическом учете [6].

Анализ случаев применения насилия к персоналу учреждений УИС позволяет выявить следующие места на территории учреждений, где происходят нападения:

- штрафные изоляторы (далее – ШИЗО), дисциплинарные изоляторы (далее – ДИЗО), карцеры, помещения камерного типа (одиночные камеры) (далее – ПКТ [ОК]);
- единые помещения камерного типа (далее – ЕПКТ);
- запираемые помещения со строгими условиями отбывания наказания (отряды со строгими условиями отбывания наказания [далее – СУОН]);
- медицинские части и стационары;
- коридоры, лестничные марши и прогулочные дворы;
- производственная зона;
- карантинные отделения;

- образовательные организации;
- спецблок.

Кроме того, часть нападения совершается в иных местах и объектах учреждений УИС.

Наиболее распространенными местами совершения нападения на персонал УИС с применением насилия являются помещения, предназначенные для отбывания мер взыскания (ШИЗО, ДИЗО, карцеры, ПКТ [ОК]), ЕПКТ) и запираемые помещения со строгими условиями отбывания наказания (отряды СУОН), на совокупную долю которых приходится более трети всех зарегистрированных случаев [1, с. 37-38].

Как справедливо отмечает в своих публикациях Н.Н. Кутаков, совершение противоправных действий в большей степени свойственно осужденным, являющимся нарушителями установленного порядка отбывания наказания либо признанными злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в период применения к ним дисциплинарного воздействия в виде водворения в штрафной изолятор или помещения камерного типа [3, с. 69-70; 5, с. 31]. Тем самым, случаи применения насилия в отношении персонала УИС наиболее присущи лицам, являющимся нарушителями установленного порядка отбывания наказания (режима содержания под стражей), в отношении которых применяется соответствующая мера дисциплинарного воздействия, либо признанными злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

Необходимо отметить, что на современном этапе наибольшее негативное влияние на безопасность персонала мест лишения свободы и содержания под стражей оказывают проявления криминальной субкультуры, чему способствуют: большая концентрация в местах лишения свободы лиц, распространяющих данную идеологию; отсутствие выработанного механизма профилактики ее распространения и ликвидации; слабая психологическая подготовка сотрудников учреждений УИС и, что более важно – общее падение моральных и нравственных ценностей в обществе. Мотивом совершения противоправных действий стало желание проявить свои внутренние убеждения, обозначить себя как лицо, имеющее намерение противостоять администрации учреждения, продемонстрировать решимость придерживаться криминальных установок [2, с. 71-72].

Особую опасность таит в себе распространение экстремистской идеологии в местах лишения свободы и содержания под стражей. Подтверждением этому служат 2 случая захвата в заложники сотрудников УИС, совершенные в 2024 г., один из которых зарегистрирован в СИЗО, а другой – в ИК строгого режима. В обоих случаях для освобождения сотрудников, находившихся в заложниках, потребовалось проведение специальной операции.

Противоправным действиям подозреваемых, обвиняемых и осужденных, связанных с применением насилия (нападениям) чаще всего подвергаются сотрудники подразделений безопасности (режима и надзора), оперативных подразделений, воспитательной службы. Кроме того, подобным действиям, сопряженным с насилием, подвергается руководство учреждений УИС, а также персонал (сотрудники) иных служб и подразделений учреждений УИС (например, медицинских).

Объектами нападения чаще остальных были сотрудники, относящиеся к категории младшего и среднего начальствующего состава [1, с. 40; 4, с. 65-66].

По фактам противоправных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных, выразившихся в применении ими насилия в отношении персонала учреждений УИС, следственными органами возбуждаются уголовные дела (далее – УД). Как показывает практика, в основной массе УД возбуждаются по ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), тогда как значительно реже по ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти). В 2022 г. в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных по фактам насилия в отношении персонала учреждений УИС следственными органами возбуждено 281 УД; в 56 случаях по фактам насилия в отношении персонала учреждений УИС органами следствия в возбуждении УД было отказано. В 2023 г. в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных по фактам насилия в отношении персонала учреждений УИС следственными органами возбуждено 204 УД; в 45 случаях по фактам насилия в отношении персонала учреждений УИС органами следствия в возбуждении УД было отказано. В 2024 г. в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных по фактам насилия в отношении персонала учреждений УИС следственными органами возбуждено 193 УД; в 42 случаях по фактам насилия в отношении персонала учреждений УИС органами следствия в возбуждении УД было отказано. Тем самым, за рассматриваемый период наблюдается уменьшение количества УД, возбуждаемых следственными органами в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных по фактам насилия в отношении персонала учреждений УИС, что объективно связано с уменьшением количества подобных случаев. Вместе с тем, отмечается стойкая тенденция, связанная с принятием решения об отказе в возбуждении УД по имевшим место случаям применения насилия в отношении персонала учреждений УИС. Случаи отказов в возбуждении УД по фактам противоправного поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных вызывают у последних чувства безнаказанности и вседозволенности, что провоцирует их на совершение подобных действий вновь и влияет на состояние правопорядка и законности в учреждениях УИС в целом. В определенной степени принятию подобных процессуальных решений способствуют следующие негативные факторы: недостаточный (низкий) уровень подготовки сотрудников учреждений УИС при формировании и направлении в следственные органы материалов по фактам противоправных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных, не позволяющий принять соответствующее процессуальное решение в связи с отсутствием в действиях последних признаков составов преступлений, предусмотренных УК РФ; недостаточный контроль со стороны руководства территориальных органов ФСИН России по данному направлению деятельности; отсутствие необходимой доказательственной базы, позволяющей принять адекватное процессуальное решение по фактам применения насилия в отношении персонала учреждений УИС, а именно – отсутствие фиксации подобных случаев противоправного поведения со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных в отношении персонала на переносные видеорегистраторы (далее – ПВР). Например, в 2022 г. не зафиксировано ПВР 67 случаев применения насилия в отношении персонала УИС, или 16,3 % от их общего количества; в 2023 г. – 41, или 13,8 %; в 2024 г. – 40, или 13,7 %.

На возможность применения насилия в отношении персонала УИС влияют различные негативные факторы, в том числе:

- недостатки, присутствующие в обучении и подготовки личного состава по соблюдению мер безопасности при несении службы, действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств (слабые знания должностных обязанностей, порядка действий при возникновении чрезвычайных ситуаций, применения физической силы и специальных средств личным составом дежурных и дневных смен; отсутствие практической отработки действий сотрудников при совершении осужденными и лицами, содержащимися под стражей, правонарушений и оказании ими противодействия законным требованиям администрации, при проведении инструктивных занятий), а также отсутствие соответствующего контроля со стороны руководства учреждений УИС и территориальных органов ФСИН России;
- слабая (неэффективная) воспитательная работа, проводимая с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, в особенности, требующими индивидуального сопровождения (профилактический учет);
- недостатки в организации режима (в учреждениях с большим количеством зарегистрированных нарушений установленного порядка отбывания наказания, как правило, совершается больше противоправных действий в отношении персонала пенитенциарных учреждений, что оказывает прямое влияние на его безопасность);
- проблемные вопросы, связанные с укомплектованием подразделений безопасности (режима и надзора) учреждений УИС (в ряде учреждений УИС на протяжении нескольких лет сохраняется значительный некомплект – 20 % и более) [1, с. 41-42];
- проявления в местах лишения свободы и содержания под стражей криминальной (тюремной) субкультуры, а также распространение экстремистской идеологии.

В рамках профилактики противоправных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных с применением насилия в отношении персонала пенитенциарных учреждений следует изучить причины и условия (обстоятельства) ранее имевших место случаев с целью принятия мер по недопущению подобных случаев впредь, а также нейтрализации негативных факторов, способствующих их совершению, в том распространения криминальной (тюремной) субкультуры и экстремистской идеологии. Особое внимание следует уделять уровню профессиональной подготовки сотрудников (персонала) ИУ и СИЗО УИС, дополнительному обучению тех, кто находится в зоне риска и может быть подвергнут нападению.

Список литературы:

1. Ворошчук В.Б. Анализ противоправных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных, связанных с применением насилия в отношении персонала отечественной пенитенциарной системы / В.Б. Ворошчук, Р.А. Филиппов, Г.С. Шкабин // Вестник Пермского института ФСИН России. 2023. № 4(51). С. 33-44.
2. Кутаков Н.Н. Криминальная субкультура в системе детерминант совершения противоправных действий в отношении персонала мест лишения свободы и содержания под стражей // Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы: сборник материалов круглого стола с международным участием, Псков, 03 декабря 2021 года. - Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2021. С. 69-74.
3. Кутаков Н.Н. Криминологические особенности преступных посягательств на сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1(44). С. 64-71.
4. Кутаков Н.Н. Противоправные действия осужденных в отношении персонала исправительных учреждений: криминологический анализ // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1(47). С. 59-69.
5. Кутаков Н.Н. Противоправные действия осужденных в отношении сотрудников исправительных учреждений: причины, условия и профилактика // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8(243). С. 25-34.
6. Отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России за 2022–2024 гг. // Статистическая отчетность по форме «СБ-1».

References:

1. Voroshchuk V.B. Analysis of illegal actions of suspects, accused and convicted persons related to the use of violence against the staff of the Russian penitentiary system / V.B. Voroshchuk, R.A. Filippov, G.S. Shkabin // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2023. No. 4(51). pp. 33-44.
2. Kutakov N.N. Criminal subculture in the system of determinants of the commission of illegal actions against the personnel of places of deprivation of liberty and detention // Actual issues of ensuring the security of the penal enforcement system: a collection of materials of the round table with international participation, Pskov, December 03, 2021. Pskov: Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. pp. 69-74.
3. Kutakov N.N. Criminological features of criminal attacks on employees of the penal system // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. No. 1(44). pp. 64-71.
4. Kutakov N.N. Illegal actions of convicts against correctional personnel: a criminological analysis // Bulletin of the Samara Law Institute. 2022. No. 1(47). pp. 59-69.
5. Kutakov N.N. Illegal actions of convicts against correctional officers: causes, conditions and prevention // Bulletin of the penal enforcement system. 2022. No. 8(243). pp. 25-34.
6. Report on the results of operational and official activities of the security (regime and supervision) departments of correctional colonies, medical institutions, medical and preventive institutions, educational colonies, prisons, pre-trial detention facilities, departments (departments, groups) of regime and supervision of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2022-2024 // Statistical reporting in the form of "SB-1".

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕВЫШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ON SOME ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON ABUSE OF OFFICE

ШЕВЧЕНКО Кирилл Владимирович,

старший преподаватель кафедры теории государства и права
Университета государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: kirill_55@mail.ru;

SHEVCHENKO Kirill Vladimirovich,

Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law
Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: kirill_55@mail.ru

Краткая аннотация: ключевым фактором в нормативно-правовом регулировании ответственности за превышение должностных полномочий является общественная опасность деяния, включающая его характер и степень. История развития российского уголовного права указывает на специфические исторические условия, определившие необходимость введения уголовной ответственности за превышение должностных полномочий.

Abstract: The key factor in the legal regulation of responsibility for abuse of office is the public danger of the act, including its nature and degree. The history of the development of Russian criminal law points to specific historical conditions that determined the need to introduce criminal liability for abuse of official authority.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий; государственная безопасность; уголовный закон; уголовно-правовая политика.

Keywords: abuse of office; State security; criminal law; criminal law policy.

Для цитирования: Шевченко К.В. О некоторых вопросах развития законодательства о превышении должностных полномочий // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 369-372. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_369.

For citation: Shevchenko K.V. On some issues of the development of legislation on abuse of office // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 369-372. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_369.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Эволюции российского уголовного законодательства посвящено достаточно большое количество отечественных научных трудов, однако, несмотря на данное обстоятельство, исследование генезиса и дальнейшей эволюции нормативно-правового регулирования уголовной ответственности за должностные преступления, среди которых превышение должностных полномочий далеко не всегда было выделено в качестве самостоятельного состава преступления, имеет важное теоретическое, а также практическое значение.

Исторические этапы модернизации уголовно-правовых норм об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий демонстрируют исследователям не только исторические, социальные, политические и культурные факторы, оказавшие влияние на формирование современного уголовного законодательства, но и также позволяют выявить достоинства и недостатки используемых законодательных формулировок в целях недопущения идентичных более ранним пробелов правового регулирования, неточностей объективных и субъективных признаков состава преступления¹.

Актуальность ретроспективных исследований подчеркивает также и факт того, что ст. 286 УК РФ в настоящее время претерпевает ряд изменений², что свидетельствует о динамике охраняемых общественных отношений, которая, несомненно, не может не отражаться на особенностях уголовно-правовой регламентации ответственности³.

Ретроспективный и сравнительный анализ признаков исследуемого состава преступления, которые находили свое выражение в разном сочетании, требует обращения к нормативным правовым актам, которые устанавливали уголовную ответственность за должностные преступления в России. Однако при этом важно определить исторический период.

Так, Г.Е. Владимирова отмечает, что в качестве основных можно выделить две точки зрения:

1) при историческом анализе норм права необходимо обращаться к источникам, которые свидетельствуют о зарождении того или иного правового института;

¹ Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBVJCS.

² Петухов, Н. А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // *Военно-юридический журнал*. – 2016. – № 1. – С. 7-12. – EDN VHCQON.

³ Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

2) в рамках ретроспективного анализа следует отталкиваться от того исторического периода, в котором нормы того или иного правового института приобрели вид, который является наиболее близким к современному законодательному закреплению с точки зрения особенностей правового регулирования¹.

Полагаю, что полноценный исторический анализ возможен лишь в том случае, если придерживаться первого подхода, так как он позволяет увидеть все особенности с момента зарождения исследуемых правовых норм, в то время как второй подход не продемонстрирует специфики их становления.

В связи с изложенным, представляет интерес подход С.В. Смеловой, которая указывает на то обстоятельство, что история законодательного оформления превышения должностных полномочий восходит к Судебникам, принятым в конце XV и середине XVI веков. Их появление было обусловлено укреплением царской власти и формированием новой системы государственного управления в предшествующие столетия².

Одновременно с этим, Г.Е. Владимирова обнаруживает зачатки преступлений о превышении должностных полномочий еще в Русской Правде. Справедливо подчеркивается, что, хотя прямые формулировки превышения или злоупотребления служебными полномочиями отсутствовали, отдельные признаки этих преступлений уже прослеживались. К примеру, «обида», наносимые свободным гражданам, потенциально могли затрагивать и княжескую знать. Тем не менее, на практике это не находило подтверждения из-за ряда причин, включая отсутствие развитой государственности, равенства перед законом и взаимной ответственности власти и общества. Ответственность представителей княжеского рода и лиц, наделенных публичными полномочиями, определялась волей князя, а не нормами обычного права.

Разделяя мнение Г.Е. Владимировой, полагаю, тем не менее, что в качестве самого раннего исторического правового источника формулирования запрета на превышение должностных полномочий следует рассматривать Судебник 1550 года.

В дальнейшем запреты на частные случаи превышения власти нашли свое отражение и в Соборном уложении 1649 года. Считаю при этом необходимым отметить, что постепенное развитие законодательства сопровождалось также и расширением круга лиц, которые охватываются правовой категорией «должностные лица».

Г.Е. Владимирова пишет: «Так, должностные лица подразделялись на ратных лиц, а также на лиц, осуществляющих правосудие. Вместе с числом должностных лиц выросло число составов преступлений, за которые стали назначать уголовное наказание. Наиболее часто привлекаемыми к ответственности лицами стали судьи по причине неправомерности выносимых приговоров. Содеянное квалифицировалось как «лихоимство». Взятничество (мздоимство) тогда не было криминализовано»³.

В эпоху правления Петра I были предприняты значительные усилия по установлению мер ответственности за должностные преступления, что сопровождалось эволюцией системы наказаний. Изначальная версия Генерального регламента коллегий от 1724 года предусматривала такие взыскания, как увольнение, каторжные работы и штрафы. Однако, после пересмотра общественной опасности подобных деяний, санкции были усилены и включали полную конфискацию имущества, лишение всех прав и даже смертную казнь.

Стоит подчеркнуть, что эти нормативные документы касались только злоупотреблений властью. Понятие «превышение должностных полномочий» было законодательно определено лишь в 1811 году, в «Общем учреждении министерств».

Согласно этому акту, превышение полномочий рассматривалось как преступление, совершаемое исключительно министрами, когда они нарушали закон, или издавали распоряжения, минуя установленный порядок, что приводило к принятию нового закона или постановления. Исключением являлись лишь чрезвычайные обстоятельства, требовавшие немедленных действий. Впоследствии, в Своде законов Российской Империи 1832 года, состав преступления «превышение должностных полномочий» был расширен и стал распространяться на других должностных лиц.

Наиболее подробное отражение признаков должностных преступлений прослеживается в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в гл. II «О превышении власти и противозаконном оной бездействии». Более того, данный акт содержал не только определение превышения власти, но также конкретизировал формы, в которых данное превышение могло происходить.

Отмечу, что такое развитие российского уголовного законодательства в части регламентации круга должностных лиц, которые могли стать субъектом должностных преступлений, имело важное значение для становления и корректного определения объекта преступления.

Так, Ю.И. Бытко подчеркивает, что это благоприятно сказалось на решении вопросов, касающихся единства объекта должностных преступлений и необходимости его дифференциации в зависимости от конкретного состава преступления, вины, мотива, а также разграничения между различными видами должностных преступлений⁴.

Анализ различных научных трудов, посвященных ретроспективному анализу уголовно-правовых норм, позволяет констатировать, что в качестве центрального признака составов должностных преступлений выступали именно те служебные полномочия, которые выполняли различные категории должностных лиц.

Параллельно с совершенствованием уголовного законодательства улучшалась и практика его применения. В 1873 году Сенат выпустил разъяснения, упростившие интерпретацию уголовно-правовых норм в части квалификации должностных преступлений¹.

¹ Владимирова Г. Е. Исторический анализ нормативно-правового регулирования «злоупотребления должностными полномочиями» и «превышения должностных полномочий» // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, Анапа, 25 марта 2023 года. Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2023. С. 21-36.

² Смелова С. В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. 147 с. С. 12.

³ Владимирова Г. Е. Там же. С. 23.

⁴ Бытко Ю. И., Бытко С. Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков. Саратов: Научная книга. 2006. 786 с.

Дальнейшее развитие законодательства продолжалось, но редакция Уложения о наказаниях 1885 года, по сравнению с редакцией 1845 года, изменилась незначительно. Н.С. Таганцев отмечал, что в комментариях к редакции 1885 года не хватало четких определений понятий «злоупотребление служебным положением», «служащий», «административная гарантия» и т.д.²

Недостатки Уложения 1845 года были частично учтены при разработке Уголовного уложения 1903 года, глава 37 которого «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» так и не вступила в силу. В указанных источниках превышение и бездействие власти считались лишь способами злоупотребления властью, а не самостоятельными составами преступлений. Принципиально новый подход в законодательном формулировании признаков должностных преступлений начал прослеживаться в УК РСФСР 1922 года, в котором фактически впервые были дифференцированы составы о злоупотреблении и превышении должностными полномочиями. Еще большей конкретизацией признаков, используемых применительно к противоправным деяниям, совершаемым должностными лицами, характеризуется УК РСФСР 1926 года.

Далее в процессе модернизации уголовного законодательства усовершенствованы не только признаки преступления, но также и санкции за их совершение. Так УК РСФСР 1960 года содержал в ст. 171 норму, которая в наибольшей степени имеет сходство с ныне действующей ст. 286 УК РФ. Именно в УК РФ 1996 года анализируемая норма получила свое современное наименование.

Подводя итог вышеизложенному, считаю необходимым отметить, формирование Российского государства сопровождалось осознанием степени и характера общественной опасности должностных (служебных) преступлений, что стало основанием для криминализации не только злоупотребления, но и превышения должностными полномочиями. Первым законодательным актом, отразившим запрет на злоупотребление властью, можно считать Судебник 1550 года. Заметный прогресс в определении пределов власти начинается с реформ Петра I, когда была установлена ответственность за должностные преступления. Понятие «превышение полномочий» впервые появляется при Александре I, тогда же выделяется особый субъект данного преступления. В 1832 году, с принятием «Свода законов Российской Империи», специальный субъект упраздняется, а квалифицирующие признаки должностных преступлений начинают свое формирование.

Благодаря разъяснениям Сената, активно развиваются категории должностных преступлений. Однако до революции существенного прогресса ни в законодательстве, ни в теории уголовного права не наблюдается.

Конструирование объективной стороны превышения должностных полномочий в российском уголовном законодательстве традиционно происходило через признак последствий (исключение составляет первая редакция УК РСФСР 1922 года). Законодательное разграничение среди должностных преступлений о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностными полномочиями можно наблюдать с 1922 года, с дальнейшей конкретизацией признаков в уголовных законах 1926 и 1960 годов. Современный УК РФ (в его первоначальной редакции) усовершенствовал ранее используемые конструкции и закрепил в том числе ранее неизвестные отечественному уголовному законодательству признаки превышения должностных полномочий.

На современном этапе развитие, данные вопросы нашли свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», в редакции от 11.06.2020.

Таким образом, ключевым фактором в нормативно-правовом регулировании ответственности за превышение должностных полномочий является общественная опасность деяния, включающая его характер и степень³. История развития российского уголовного права указывает на специфические, исторические условия, определившие необходимость введения уголовной ответственности за превышение должностных полномочий.

Список литературы:

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFCJ.
2. Петухов, Н. А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12. – EDN VHCQQH.
3. Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
4. Владимирова Г. Е. Исторический анализ нормативно-правового регулирования «злоупотребления должностными полномочиями» и «превышения должностных полномочий» // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, Анапа, 25 марта 2023 года. Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2023. С. 21-36.
5. Смелова С. В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. 147 с. С. 12.
6. Бытко Ю. И., Бытко С. Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков. Саратов: Научная книга. 2006. 786 с.
7. Балык П. П. Исторический аспект развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за превышение должностных полномочий // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №1 (20). С. 76.
8. Уголовное право России. Особенная часть : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2024. 1189 с. С. 213.
9. Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (начало) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZZEJE.
10. Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (окончание) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3(231). – С. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.

¹ Балык П. П. Исторический аспект развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за превышение должностных полномочий // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №1 (20). С. 76.

² Уголовное право России. Особенная часть : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2024. 1189 с. С. 213.

³ Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (начало) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZZEJE; Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (окончание) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3(231). – С. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.

References:

1. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFCJ.
2. Petukhov, N. A. The application of Russia's criminal policy in military-service relations: ways out and further directions of normative legal regulation / N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2016. – No. 1. – pp. 7-12. – EDN VHCQQH.
3. Criminal law. Special part : A course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [and others]. – St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – 632 p. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
4. Vladimirova G. E. Historical analysis of the legal regulation of "abuse of official authority" and "abuse of official authority" // Actual issues of jurisprudence: collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference, Anapa, March 25, 2023. Anapa: Scientific Research Center of Economic and Social Processes in the Southern Federal District, LLC, 2023. pp. 21-36.
5. Smelova S. V. Criminal liability for abuse of office: monograph. Vologda: VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2012. 147 p. p. 12.
6. Bytko Yu. I., Bytko S. Y. Collection of normative acts on the criminal law of Russia of the X–XX centuries. Saratov: Scientific book. 2006. 786 p.
7. Balyk P. P. The historical aspect of the development of domestic criminal legislation on responsibility for abuse of office // Law and order: history, theory, practice. 2019. No. 1 (20). P. 76.
8. Criminal law of Russia. The special part : a textbook for universities / O. S. Kapinus [et al.]. 2nd ed., reprint. and additional M. : Yurayt Publishing House, 2024. 1189 p. p. 213.
9. Novokshonov, D. V. The objective side of the crime (the beginning) / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 2(230). – Pp. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZZEJE.
10. Novokshonov, D. V. The objective side of the crime (ending) / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 3(231). – Pp. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ
К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИЛИ ПУБЛИЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИЗМА (СТ. 205.2 УК РФ)
CRIMINAL LIABILITY FOR PUBLIC INCITEMENT TO TERRORIST ACTIVITY
OR PUBLIC JUSTIFICATION OF TERRORISM
(ARTICLE 205.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

АХЪЯДОВ Эльман Саид-Мохмадович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности,
заместитель декана по научной работе юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
364060, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, Бульвар Дудаева, 17А.
E-mail: Akhyadov1990@mail.ru;

AKHYADOV E.S.-M.,

Deputy Dean for Research at the Faculty of Law, Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Procedure and National Security FGBOU VO "Chechen State University. A.A. Kadyrov".
17A Dudaev Boulevard, Grozny, 364060, Russia, Chechen Republic.
E-mail: Akhyadov1990@mail.ru

Краткая аннотация. Автор показывает, что публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма негативно влияют на настроения в обществе, способствуют распространению идеологии терроризма, подталкивают людей к совершению террористической деятельности, подготавливают благодатную почву для совершения преступлений террористического характера. Данные деяния дестабилизируют социальную ситуацию в обществе. Проведенный анализ позволяет автору сделать вывод о том, что недостаточно четко определен признак публичности применительно к рассматриваемому деянию. Автором также показано, что важные аспекты, касающиеся квалификации деяния по данной статье содержатся не в нормах УК РФ, а в актах Верховного Суда РФ.

Abstract. The author shows that public calls for terrorist activities or public justification of terrorism have a negative impact on the mood in society, contribute to the spread of the ideology of terrorism, push people to commit terrorist activities, and prepare a fertile bud for committing crimes of a terrorist nature. These acts destabilize the social situation in society. The analysis allows the author to conclude that the sign of publicity in relation to the act in question is not clearly defined. The author also shows that important aspects concerning the qualification of an act under this article are contained not in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, but in the acts of the Supreme Court of the Russian Federation.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, борьба с терроризмом, оправдание, призыв, публичный, уголовная ответственность.

Keywords: terrorism, terrorist activity, fight against terrorism, justification, conscription, public, criminal liability.

Для цитирования: Ахъядов Э.С.-М. Уголовно-правовая ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ) // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 373-375. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_373.

For citation: Akhyadov E.S.-M. Criminal liability for public incitement to terrorist activity or public justification of terrorism (Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 373-375. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_373.

Статья поступила в редакцию: 25.05.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В 2006 году [5] Уголовный кодекс РФ [1] был дополнен статьей 205.2, устанавливающей уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма. Эти изменения были внесены в рамках политики по противодействию терроризму, проводимой Россией [16, с. 28].

В настоящий момент статья состоит из двух частей и содержит три примечания.

Рассмотрим состав этого преступления.

Непосредственным объектом анализируемого преступления является общественная безопасность. Деяния, обозначенные в анализируемой норме, негативно влияют на настроения в обществе, способствуют распространению идеологии терроризма, подталкивают людей к совершению террористической деятельности, подготавливают благодатную почву для совершения преступлений террористического характера. В целом, можно сказать, что данные деяния дестабилизируют социальную ситуацию в обществе.

С точки зрения объективной стороны, преступление может быть совершено только путем действия. Статья предусматривает три альтернативных действия:

1. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности.
2. Публичное оправдание терроризма.
3. Пропаганда терроризма.

Отметим, что третий вариант действия в виде пропаганды терроризма был добавлен в исследуемую норму в 2017 году [6]. Одновременно было добавлено примечание 1.1, определяющее понятие пропаганды терроризма.

Общие определения указанных альтернативных действий приведены в примечаниях к статье.

Понятие призыва к осуществлению террористической деятельности в Кодексе отсутствует. В научной литературе как правило данное понятие трактуется как «обращение, воздействующее на сознание и волю людей в целях возбуждения у них желания вести себя определенным образом, в данном случае — осуществлять террористическую деятельность» [15, с. 62][Галахов][17, с. 55][12, с. 188][16, с. 29].

В соответствии с п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности", «под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в статье 205.2 УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, то есть к совершению преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ» [7].

По мнению А. В. Корнилова, форма призыва должна выбыть выражена в повелительном наклонении [13, с. 92].

Согласно примечанию 1.1., «под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании». При этом в примечании указывает, что данное понятие применяется только для данной статьи.

Пленум Верховного Суда РФ в указанном выше Постановлении, уточняет, что под идеологией и практикой терроризма понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных, насильственных действий. При этом Суд делает ссылку на п. 1 ст. 3 Федерального закона "О противодействии терроризму" [3].

Согласно примечанию 1.1. «под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности». Это понятие также применяется только для целей анализируемой статьи.

При этом, как следует из примечания 2, под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ. И вновь присутствует указание на применение этого понятия только к данной статье.

Особое внимание следует уделить понятию публичности исследуемых деяний. Верховный Суд РФ не приводит понятия публичности, но указывает, что этот вопрос должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (например, обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.).

В российской судебной практике нет однозначного подхода к пониманию публичности. Существует две основные позиции по этому вопросу:

1. Деяние следует считать совершенным публично, если оно совершено в присутствии публики (других лиц), т.е. открыто. Так, например, Б., находясь в жилом помещении исправительной колонии, пригласил 6 человек (других осужденных) посмотреть на мобильном телефоне видеоролик, который по своему содержанию оправдывал проведение террористических актов. В этот момент в жилом помещении находилось около 100 человек осужденных. Суд признал Б. виновным по ст. 205.2. В указанных обстоятельства, суд обнаружил признаки публичности [11].

2. Адресат обращения – общественность, публика, то есть неопределенный круг лиц [18, с. 45].

Интересны следующие примеры из судебной практики.

Так, Верховным Судом РФ показано, что деяние будет являться преступлением, если действия виновного по пропаганде терроризма будут направлены на то лицо, у которого идеология терроризма и убежденность в ее привлекательности не сформированы [9].

В качестве пропаганды терроризма суд квалифицируют действия по распространению материалов, в которых содержится информация, направленная на формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности [10].

Состав преступления является формальным: преступление считается законченным с момента совершения обозначенных в статье действий.

Верховным Судом уточняется это правило. Так, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (часть 1 статьи 205.2 УК РФ) следует считать оконченным преступлением с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет. Публичное оправдание терроризма образует состав оконченного преступления с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания.

Субъект преступления общий – вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

С точки зрения субъективной стороны, преступление совершается только с прямым умыслом.

Часть 2 анализируемой статьи включает в себя квалифицированный состав преступления. Она предусматривает ответственность за «те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"».

Как можно заметить, особенностью этой нормы являются особые средства совершения преступления. Большая опасность данного состава заключается в потенциальной возможности большего охвата числа людей, в отношении которых может быть совершено деяние.

Как следует из положений п. 12 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда, при решении вопроса квалификации деяния по части 2, необходимо использовать понятия средств совершения преступления, перечисленных в этой норме в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года N 2124-1 "О средствах массовой информации"[2] и Федеральным законом от 27 июля 2006 года N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" [4].

Состав этого преступления также как в части 1 является формальным, однако, момент его окончания Верховный Суд РФ трактует иначе.

Так, если преступление совершается с использованием СМИ, то оно будет являться оконченным с момента распространения продукции (продажа печатной и аудиовизуальной продукции, начало теле- и радиовещания, предоставление доступа к сетевому изданию).

При использовании массовой рассылки сообщений на мобильные устройства, или в случаях, когда для совершения преступления используется Интернет, моментом окончания преступления будет являться момент «размещения обращений в указанных сетях общего пользования (например, на сайтах, форумах или в блогах), отправления сообщений другим лицам».

Если деяние совершается посредством использования сетевых изданий, то оно также квалифицируется по ч. 2 анализируемой статьи.

Интересно отметить, что если виновный разместил в Интернете комментарий к любому событию, в котором оно оправдывает терроризм (или конкретный террористический акт), то такое деяние квалифицируется по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ [8].

Итак, анализ состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ показал следующее:

1. Недостаточно четко определен признак публичности применительно к рассматриваемому деянию.
2. Важные аспекты, касающиеся квалификации деяния по данной статье содержатся не в нормах УК РФ, а в актах Верховного Суда РФ.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. ст. 2954.
2. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 11.03.2024) «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 7. ст. 300.
3. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) "О противодействии терроризму" // Собрание законодательства РФ. 2006. N 11. ст. 1146.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Собрание законодательства РФ. 2006. N 31 (1 ч.). ст. 3448.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 N 153-ФЗ (ред. от 21.12.2021) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму" // Собрание законодательства РФ. 2006. N 31 (1 ч.). ст. 3452.
6. Федеральный закон от 29.12.2017 N 445-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму" // Собрание законодательства РФ. 2018. N 1 (Часть I). ст. 29.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 (ред. от 03.11.2016) "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 4. апрель. 2012.
8. Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2022 N 222-УД22-14-А6 // БВС РФ. 2023. N 5.
9. Обзор судебной практики ВС РФ N 3 (2019) // БВС РФ. 2020. N 4.
10. Обзор судебной практики ВС РФ N 1 (2020) // БВС РФ. 2020. N 10.
11. Приговор Московского окружного военного суда от 11 января 2018 г. по делу N 2-2/2018 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.05.2024).
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 704 с.
13. Корнилов А. В. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 7. С. 92-99.
14. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: Научно-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2020. 736 с.
15. Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2022. 682 с.
16. Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности: проблемы квалификации // Вестник СПбГУ. Серия 24. Право. 2021. №2. С. 28-39.
17. Уголовное преследование терроризма. М.: Юрайт, 2018. 160 с.
18. Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 250 с.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 06.04.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. N 25. art. 2954.
2. The Law of the Russian Federation of 27.12.1991 N 2124-1 (as amended on 11.03.2024) "On mass media" // Vedomosti of the Ministry of Internal Affairs and the Armed Forces of the Russian Federation. 1992. N 7. art. 300.
3. Federal Law of 06.03.2006 N 35-FZ (as amended on 07/10/2023) "On countering terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. N 11. art. 1146.
4. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 12.12.2023) "On Information, Information Technologies and information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. N 31 (1 part).art. 3448.
5. Federal Law No. 153-FZ of 27.07.2006 (as amended on 12.21.2021) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism" and the Federal Law "On Countering Terrorism" // Sbranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 2006, No. 31 (1 part), art. 3452.
6. Federal Law No. 445-FZ of December 29, 2017 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in order to Improve Counter-terrorism Measures" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 1 (Part I). art.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2012 No. 1 (as amended on 03.11.2016) "On certain issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. N 4. April. 2012.
8. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/19/2022 N 222-UD22-14-A6 // BVS RF. 2023. N 5.
9. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2019) // BVS RF. 2020. No. 4.
10. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2020) // BVS RF. 2020. No. 10.
11. The verdict of the Moscow District Military Court of January 11, 2018 in case N 2-2/2018 // SPS Consultant Plus (date of application: 05/04/2024).
12. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. by V. I. Radchenko; scientific ed. by A. S. Mikhlin, V. A. Kazakova. 6th ed., revised and additional M.: Prospect, 2018. 704 p.
13. Kornilov A.V. Differentiation of public calls for extremist and terrorist activities // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2023. No. 7, pp. 92-99.
14. Evaluative features in the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation: Scientific and practical. the manual / edited by A.V. Galakhova. Moscow: Norma, 2020. 736 p.
15. The complete course of criminal law / edited by A. I. Korobeev. St. Petersburg: Law Center Press, 2022. 682 p.
16. Tarbagayev A. N., Moskaev G. L. Public calls for terrorist activity: problems of qualification // Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 24. Right. 2021. No. 2. pp. 28-39.
17. Criminal prosecution of terrorism. Moscow: Yurayt, 2018. 160 p.
18. Chernyavsky D.O. Criminal and legal characteristics of public appeals for violation of the territorial integrity of the Russian Federation: Dissertation of the cand. jurid. nauk. M., 2017. 250 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_376

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ И ОХРАНОЙ ЗЕМЕЛЬ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

STATE CONTROL OVER THE USE AND PROTECTION OF LAND: LEGAL ASPECTS

ПИРМАТОВА Айпери Абдимиталиповна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Теории государства, права и истории»
Ошский государственный университет.

723500, Кыргызская Республика, г. Ош, Ленин проспект, 331.

E-mail: oshqui-nauka@mail.ru;

Абдимиталип уулу Алмазбек,

магистрант, Ошский государственный университет.

723500, Кыргызская Республика, г. Ош, Ленин проспект, 331.

E-mail: oshqui-nauka@mail.ru;

PIRMATOVA Ayperi Abdimalipovna,

Senior Lecturer Ph.D. departments" Theories of state, law and history "
Osh State University.

723500 Kyrgyz Republic, Osh, Lenin Avenue, 331

E-mail: oshqui-nauka@mail.ru;

Abdimalip uulu Almazbek,

Master's student, Osh State University.

723500 Kyrgyz Republic, Osh, Lenin Avenue, 331

E-mail: oshqui-nauka@mail.ru

Краткая аннотация: В этой научной статье рассматриваются основные виды государственного контроля за использованием земельных участков и земельных объектов в Кыргызской Республике. Подробно анализируется все виды контроля и органов осуществляющих государственный контроль за использованием земельных объектов на территории Кыргызской Республики. В процессе исследования были рассмотрены основные государственные органы осуществляющие государственный контроль, также рассмотрены основные объекты земельных правоотношений. Также были выделены проблемы рационального использования земельных объектов и ресурсов и были выявлены основные меры для сохранения земельных объектов в Кыргызской Республике. Был проведен анализ мер государственного контроля, рассмотрены порядок использования земельных участков собственниками. Рассмотрены и выявлены причины нарушения норм земельного законодательства Кыргызской Республики. В данной научной статье были рассмотрены основные моменты, этапы осуществления государственного контроля уполномоченными органами, порядок проведения государственного контроля за использованием земельных участков и земельных объектов. В процессе исследования вопроса рационального использования земельных объектов и ресурсов, были выявлены некоторые способы обеспечения законности в сфере земельного контроля в Кыргызской Республике, также рассмотрены некоторые методы государственного контроля.

Abstract: This scientific article examines the main types of state control over the use of land plots and land objects in the Kyrgyz Republic. All types of control and bodies exercising state control over the use of land objects on the territory of the Kyrgyz Republic are analyzed in detail. During the research, the main state bodies exercising state control were examined, and the main objects of land legal relations were also reviewed. The problems of rational use of land objects and resources were also highlighted and the main measures for preserving land objects in the Kyrgyz Republic were identified. An analysis of government control measures was carried out, and the procedure for using land plots by owners was considered. The reasons for violation of the norms of land legislation of the Kyrgyz Republic were also considered. This scientific article examined the main points, stages of state control by authorized bodies, the procedure for conducting state control over the use of land plots and land objects. In the process of studying the issue of rational use of land objects and resources, some ways to ensure legality in the field of land control in the Kyrgyz Republic were identified, and some methods of state control were also considered.

Ключевые слова: законность, рациональность, открытость, ответственность, земельное законодательство, проблемы, регистрация, контроль, основания, объект, государство, юридический факт, собственность, право, система.

Key words: legality, rationality, openness, responsibility, land legislation, problems, registration, control, grounds, object, state, legal fact, property, law, system.

Для цитирования: Пирматова А.А., Абдимиталип уулу Алмазбек. Государственный контроль за использованием и охраной земель: правовые аспекты // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 376-379. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_376.

For citation: Pirmatova A.A., Abdimalip uulu Almazbek. State control over the use and protection of land: legal aspects // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 376-379. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_376.

Статья поступила в редакцию: 21.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Сама земля также земельные объекты, обладает особой ценностью и являются неотъемлемой частью правовых отношений страны и конечно она отличается от любого другого материального объекта правовых отношений. Огромную и особую роль, которую играет земля в экономике каждой страны также и Кыргызстана, не всегда очевидна, но имеет огромное значение. Конечно же без надежно защищенных прав на землю невозможно обеспечить устойчивое развитие земельных правоотношений, поскольку у инвестора едва ли появится желание делать долгосрочные капиталовложения. Одним из возможных способов пользования землей и земельными объектами, приобретающим в последнее время все большую актуальность в Кыргызстане, является обладание земельным участком на праве аренды. С землей и земельными объектами связано получение материальных благ, обеспечение людей продуктами питания, строительства жилья, промышленных предприятий и развитие экономики страны. Ограниченность земли в пространстве, различия ее природных условий требуют от нашего общества экономичного, эффективного и интенсивного ее использования. Современное совершенствование рыночной экономики и развитие рынка земли страны сделали актуальными понятия цены земельных объектов и земельного налога, вернули интерес к государственному регулированию использования земель-

ных ресурсов и приемлемым методом его осуществления в рамках земельного законодательства Кыргызской Республики. [2, с. 22, 24]

Рациональное и эффективное использование земли и земельных объектов является актуальной проблемой современного Кыргызстана. Особое место в регулировании земельных правоотношений в Кыргызстане занимает роль государства в лице уполномоченных органов осуществлять государственный учет и контроль. Для того чтобы дать точное определение государственному контролю за охраной и использованием земель, необходимо уяснить смысл нескольких входящих в него понятий, а именно: государственный контроль, использование земель, охрана земель, рациональное и эффективное ее использование. Кроме понятия «государственный контроль» точно также необходимо уяснить смысл понятий «использование земель», «охрана земель», «рациональное использование земли», «эффективное использование земли», так как сущность указанных понятий является неотъемлемой частью понятия «государственный контроль за охраной и использованием земель». Земельное законодательство Кыргызской Республики, в данное время широко использует данные понятия, не определяя их, остается не ясной их основа, объем; вызывает споры соотношение этих понятий между собой. Также немаловажным фактором эффективности государственного земельного контроля является пропаганда земельного законодательства страны и гласность контроля, которые способствуют формированию общественного мнения и общественной позиции граждан по отношению к нарушениям земельного законодательства Кыргызской Республики, осознанию значимости государственного земельного контроля для нашего государства сегодня и для будущих поколений граждан страны, его роль в укреплении общественного правопорядка и создании цивилизованного строя земельных отношений. [3, с. 20, 21, 24].

Однако рассматривая вопрос эффективности деятельности государственных органов государственного земельного контроля конечно необходимо выделить еще один основной показатель - соотношение предъявления и взыскания штрафов. Основные задачи и цели государственного контроля состоят в обеспечении соблюдения земельного законодательства Кыргызской Республики государственными уполномоченными органами, физическими, юридическими и должностными лицами, выявления и устранения нарушений земельного законодательства страны, восстановления нарушенных прав граждан и юридических лиц, соблюдения правил пользования земельными участками и земельными объектами, правильного ведения земельного кадастра и землеустройства и выполнения мероприятий по рациональному использованию и охране земель. [7, с. 22].

Если рассмотреть, то особым видом управления земельными ресурсами следует признать управление земельными ресурсами, которые принадлежат на определенном вещном праве Кыргызской Республики. В условиях проведения в Кыргызской Республике земельной реформы государство выпустило из рук стратегическое управление земельно-ресурсным потенциалом. Конечно это обернулось ростом темпов деградации земель, свертыванием работ по повышению плодородия почв и благоустройству земельных объектов, крайней слабости материальной базы агропромышленного комплекса, отсталости его инфраструктуры и неэффективности городского и сельского землепользования. Постепенно в каждой сфере, в особенности в сфере землепользования, появляется настоятельная потребность в развитии методов, также и в управлении земельными ресурсами и земельными объектами есть такая потребность, позволяющих решать не только экономические, но и природоохранные проблемы на землях различных собственников. Негативный опыт многих стран достаточно хорошо показал, что провозглашение приоритета только экономических целей без учета социальной потребности в приемлемой для человека природной среде оборачивается крайне негативными экологическими последствиями в будущем, а общий эколого-экономический ущерб оказывается несоизмеримо больше краткосрочной выгоды, получаемой конкретным инвестором. Современное управление земельными ресурсами и земельно-имущественными отношениями является одной из государственных функций, на качество выполнения которой большое внимание обращает государство. Однако с другой стороны, эффективное управление, грамотное распоряжение и рациональное использование земель невозможно без строгого соблюдения земельного законодательства Кыргызской Республики и особого контроля за его соблюдением. В любых общественных отношениях имеют место нарушения общепринятых норм поведения, законов, конфликты интересов различных участников таких отношений. Конечно земельные отношения не являются исключением.

В Кыргызской Республике государственное управление земельными ресурсами и земельными объектами осуществляют такие организации, как Министерство природных ресурсов, экологии и технического надзора Кыргызской Республики, Служба экологического и технического надзора, Государственное учреждение "Кадастр" при Службе земельных ресурсов при Министерстве сельского хозяйства Кыргызской Республики и другие. А вот местное управление земельными ресурсами осуществляют органы местного самоуправления (городские, районные и сельские администрации), а внутрихозяйственное – собственники, землевладельцы и землепользователи. Вот предметом управления являются процессы организации использования земли и земельных объектов Кыргызской Республики. [2, с. 11, 15, 17].

Данный указанный государственный контроль за использованием и охраной земель и земельных объектов осуществляет центральный уполномоченный орган по управлению земельными ресурсами и его территориальные органы, а также иные уполномоченные органы в пределах их компетенции. Иными государственными органами, осуществляющими государственный контроль за использованием и охраной земель, являются:

- уполномоченный орган в области охраны окружающей среды;
- государственные органы санитарно-эпидемиологической службы;
- уполномоченный орган по делам архитектуры, градостроительства и строительства;
- уполномоченный орган в сфере сельского, лесного, охотничьего и рыбного хозяйства,
- особо охраняемых природных территорий, использования и охраны водных ресурсов

Эти органы осуществляют свои функции во взаимодействии между собой. Осуществление соблюдения земельного законодательства

Кыргызской Республики производится путем различных проверок, которые подразделяются на плановые (запланированные и утвержденные уполномоченными органами) и внеплановые (назначаемые в соответствии с создавшейся ситуацией, требующей немедленного реагирования по жалобам, обращениям и заявлениям). Также государственный контроль также осуществляется при проведении инвентаризации, обследовании земель, разработке схем и проектов, связанных с использованием земель, ведении государственных кадастров и мониторинга земель. Сама же процедура осуществления государственного контроля производится на основании издаваемого контролирующим органом предписания о проведении проверок. Проводится обследование земельных участков и земельных объектов с целью государственного контроля, в натуре производится с участием собственников земельных участков, землепользователей, а в случае их отказа без них, о чем делается соответствующая отметка в составленных по результатам обследований документах. Выявленные нарушения земельного законодательства Кыргызской Республики оформляются актом, указанной форме, с приложением чертежа полевого обследования, которые подписываются специалистами, проводившими эти работы, и передаются органу, в компетенции которого находится рассмотрение данного вопроса. [4, с. 48, 65, 98].

Управление земельными ресурсами следует рассматривать с общих позиций менеджмента, но учитывая специфику объекта. Изучение процесса управления с точки зрения его функций – это ключ к раскрытию содержания управленческой деятельности, позволяющий наряду с прочим сформировать структуру и организацию системы управления. Смысл функций управления зависит от контекста, в котором рассматривается управленческая деятельность. В любом случае функции управления всегда выражают содержание управленческого воздействия, т.е. сущность управленческих отношений. Оценивая всю масштабность и глобальность вопросов и задач, стоящих перед институтом государственного земельного контроля за охраной и использованием земель и земельных объектов, нельзя придумать универсальных мер легко и просто решающих проблему совершенствования механизма его осуществления. Эта проблема в Кыргызстане всегда будет остро стоять на всех этапах развития человеческого общества, неразрывно связанного с развитием земельных отношений, так как развитие это непрерывное решение, стоящих перед человечеством проблем. [6, с. 37, 41, 42].

Если нет решения проблемы – нет движения вперед, а, значит, нет развития. На современном этапе в Кыргызстане, чтобы обеспечить развитие системы государственного земельного контроля, необходимо постоянно совершенствовать механизмы его осуществления и пересмотреть методы правового регулирования. Вот это однако достигается путем решения наиболее остро стоящих проблем, которые охватывают различные области государственного земельного контроля. Однако анализируя меры, обеспечивающие возможное решение этих проблем, их условно можно подразделить на следующие три группы: законодательные, организационные и общественные меры. Так называемые законодательные меры – это меры направленные на устранение недочетов и недоработок в законодательстве страны, касающемся государственного земельного контроля. Организационные меры направлены на решение проблем в организации и осуществлении государственного земельного контроля специально уполномоченными на то органами в этой области. Конечно же общественные меры реализуются путем вовлечения общества в процесс контроля и путем повышения общественного самосознания каждого члена общества. [8, с. 23, 24, 34].

Государственный контроль в Кыргызской Республике за охраной и использованием земель является разновидностью земельного контроля, и относится к одной из важнейших функций государства. В ходе рассмотрения данного вопроса выявились недостатки и пробелы действующего земельного законодательства Кыргызской Республики, регулирующего организацию государственного контроля за охраной и использованием земель. Основным из них является отсутствие нового специализированного правового акта в этой области общественных отношений, при том, что действующее Положение о порядке осуществления государственного контроля за использованием и охраной земель в Кыргызской Республике, безнадежно устарело и не соответствует современным условиям осуществления деятельности по государственному земельному контролю. Также на государственном уровне не разработаны новые формы процессуальных документов. В связи с этим, территориальные органы государственного земельного контроля Кыргызстана, для обеспечения своей деятельности, сами разрабатывают такие формы, а это совершенно недопустимо. Кроме того, земельное законодательство Кыргызской Республики о государственном земельном контроле не дает четких указаний по поводу правил проведения обследований земельных объектов. Особого внимания требует вопрос правовой и социальной защиты должностных лиц, осуществляющих государственный контроль за охраной и использованием земель. [3, с. 44, 48, 56].

В ходе рассмотрения данного вопроса были сделаны общие выводы о том, что для улучшения работы по организации государственного контроля за охраной и использованием земель и земельных ресурсов и повышения его результативности целесообразно:

- деятельность по осуществлению государственного контроля за охраной и использованием земель урегулировать земельным законодательством Кыргызской Республики;
- укрепить вертикальную структуру органов государственного земельного контроля;
- наладить на должном уровне взаимодействие органов, осуществляющих государственный контроль за охраной и использованием земель;
- улучшить материально-техническое обеспечение государственного земельного контроля и установить систему материального поощрения государственных земельных инспекторов за эффективную работу по выявлению и устранению нарушений земельного законодательства Кыргызской Республики;
- унифицировать правовой механизм прекращения прав на землю собственников, землевладельцев, землепользователей и арендаторов, в случаях нарушения ими земельного законодательства Кыргызской Республики.

Последовательное претворение в жизнь данных рекомендаций, думается, позволит повысить уровень правового регулирования сферы землепользования деятельности органов государственной власти, что, безусловно, будет существенным шагом к успешному регулированию

государством общественных отношений, возникающих в области охраны и использования земли. В последнее время нашим законодателем сделаны определенные положительные шаги в области совершенствования правового института государственного контроля за охраной и использованием земель. Действующий Земельный кодекс Кыргызской Республики [1, с. 11,14] ставит государственный земельный контроль на первое место среди видов земельного контроля, тем самым, подчеркивая его важность. Принятие указанных законодательных актов в определенной мере способствует совершенствованию исследуемого нами правового института, повышению его эффективности на основе улучшения взаимодействия контролирующих, правоохранительных и судебных органов, широкомасштабного внедрения передовых методов контроля за состоянием земель, что в комплексе с мерами организационного, экономического и воспитательного характера должно обеспечить формирование бережного отношения к земельным ресурсам и создание необходимых условий для сохранения и повышения плодородия почв в новых экономических условиях. В тоже время остается еще не рассмотренных много вопросов, требующих безотлагательного изучения данной проблематики, решение которых, как представляется, послужит устранению имеющихся пробелов в действующем земельном законодательстве нашей страны.

Список литературы:

1. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021г. (Принята референдумом всенародным голосованием 11 апреля 2021г)
2. Земельный кодекс Кыргызской Республики от 2 июня 1999 г. № 45 (в редакции от 5 августа 2024 г. №85)
3. Закон КР «О регулировании земельно-правовых отношений» от 1 апреля 2022 г №21
4. Анисимов А. П., Исакова Ю. И., Рыженков А. Я. Земельное право России. М.: Юрайт, 2023.
5. Анисимов А. П., Мельников Н. Н. Земельное право России. Практикум. М.: Юрайт, 2024.
6. Боголюбов С. А. Земельное право. М.: Юрайт, 2023.
7. Волков А. М., Лютыгина Е. А. Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды. М.: Юрайт, 2023.
8. Волков Г. А. Земельное право России. М.: Проспект, 2024.

References:

1. The Constitution of the Kyrgyz Republic dated May 5, 2021. (Adopted by referendum by popular vote on April 11, 2021)
2. Land Code of the Kyrgyz Republic No. 45 dated June 2, 1999 (as amended on August 5, 2024 No. 85)
3. Law of the Kyrgyz Republic "On Regulation of Land and Legal Relations" dated April 1, 2022 No. 21
4. Anisimov A. P., Isakova Yu. I., Ryzhenkov A. Ya. The land law of Russia. Moscow: Yurayt, 2023.
5. Anisimov A. P., Melnikov N. N. The land law of Russia. Practicum. Moscow: Yurayt, 2024.
6. Bogolyubov S. A. Land law. Moscow: Yurayt, 2023.
7. Volkov A.M., Lyutyagina E. A. The legal foundations of nature management and environmental protection. Moscow: Yurayt, 2023.
8. Volkov G. A. The land law of Russia. Moscow: Prospekt, 2024.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_380

УДК 343.851.5

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ PROBLEMATIC ASPECTS OF THE USE OF COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES

СМИРНОВА Ирина Николаевна,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса,
Псковский государственный университет.
180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2.
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

АНТОНЕНКО Наталия Анатольевна,

аспирант, Псковский государственный университет.
180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2.
E-mail: wertamo@mail.ru;

SMIRNOVA Irina Nikolaevna,

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University.
Russia, Pskov, Lenin Square, 2.
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

ANTONENKO Natalia Anatolievna,

Graduate student, Pskov State University.
Russia, Pskov, Lenin Square, 2.
E-mail: wertamo@mail.ru

Краткая аннотация. В статье осуществляется анализ проблем, связанных с применением принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление в Российской Федерации. На основе анализа специальной литературы и результатов проведенного исследования особое внимание уделяется выявлению противоречий в законодательном регулировании оснований и порядка назначения принудительных мер воспитательного воздействия, а также проблемам правоприменительной практики. В статье анализируются статистические данные по освобождению несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, дается оценка эффективности данных мер в контексте профилактики рецидивной преступности среди несовершеннолетних.

Abstract. The article analyzes the problems associated with the use of compulsory educational measures against minors who have committed a crime in the Russian Federation. Based on the analysis of special literature and the results of the conducted research, special attention is paid to identifying contradictions in the legislative regulation of the grounds and procedure for prescribing compulsory educational measures, as well as problems of law enforcement practice. The article analyzes statistical data on the release of minors from criminal liability with the use of compulsory educational measures, and assesses the effectiveness of these measures in the context of the prevention of recidivism among minors.

Ключевые слова: подростковая преступность, принудительные меры воспитательного воздействия, уголовная ответственность, несовершеннолетние, предупреждение преступлений несовершеннолетних, probation, национальная безопасность, эффективность принудительных мер воспитательного воздействия.

Keywords: juvenile delinquency, coercive measures of educational influence, criminal liability, minors, prevention of juvenile delinquency, probation, national security, effectiveness of coercive measures of educational influence.

Для цитирования: Смирнова И.Н., Антоненко Н.А. Проблемные аспекты применения принудительных мер воспитательного воздействия // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 380-382. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_380.

For citation: Smirnova I.N., Antonenko N.A. Problematic aspects of the use of compulsory educational measures // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 380-382. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_380.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Актуальность темы настоящей публикации в настоящее время не вызывает сомнений, поскольку проблема подростковой преступности в современной России является показателем нравственного благополучия общества и отражает системные недостатки в социально-экономической сфере, а также в работе институтов, ответственных за социализацию несовершеннолетних. При этом отмечается, что «данные уголовной статистики неумолимо свидетельствуют об активизации криминальной деятельности несовершеннолетних ...» [1, с. 162]. Более того, отмечаются качественно новые формы преступности несовершеннолетних, характеризующиеся повышением организованности и общественной опасности [2, с. 124–130].

«...С содержательной точки зрения ответственность в рамках уголовного права интегрирует отрицательную оценку со стороны государства и государственное принуждение, направленное на ограничение и лишение прав виновного лица в связи с совершенным преступлением. Ответственность реализуется в одной из двух своих форм: вынесение обвинительного приговора суда с назначением наказания либо без назначения наказания.» [3, с. 49].

Отметим, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает два варианта применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним: в рамках освобождения от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ) и в рамках освобождения от наказания (ст. 92 УК РФ). В соответствии с данными официальной статистики применительно к несовершеннолетним в 2022

г. было осуждено 14 214 человек, в 2023 г. – 12 769 человек, когда уже в 2024 г. всего было осуждено 11 944 человека. Следует отметить и статистику освобожденных от отбывания наказания по амнистии и другим основаниям: 2022 г. – 1 910 человек, 2023 г. – 2 048 человек, в 2024 г. – 1 967 человек. В связи с чем заметно, что суды в настоящее время при рассмотрении уголовных дел стали реже применять меры, направленные на освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности [4].

Согласно ч. 1 ст. 92 УК РФ несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода. При этом справедливо ряд авторов делают вывод о том, что «в определенных ситуациях направление несовершеннолетних в специальные учреждения закрытого типа остается единственной мерой, которая способна изменить поведение подростка, его отношение к обществу» [5, с. 125].

Вопросы исполнения указанных мер в отношении несовершеннолетних, порядок, условия и основания их применения отражались ранее в специальной литературе; кроме того, раскрывались возможности совершенствования данной процедуры в российском законодательстве [6, с. 130–132]. В частности, иными авторами установлено, что «регламентация изучаемого института отличается непоследовательностью, разрозненностью существующих законодательных положений препятствием его применения в практической деятельности... 93,6 % респондентов дали утвердительный ответ на вопрос: «Согласны ли Вы с мнением, что нормативное регулирование применения мер воспитательного воздействия является поверхностным и осложняет их назначение, в связи с чем необходимы детальное изучение данного института и выработка предложений, направленных на его совершенствование?» [7, с. 57].

При этом с учетом проведенного нами исследования основная проблема, возникающая при применении принудительных мер воспитательного воздействия, – неопределенность в основании применения. В ч. 1 ст. 90 УК РФ указано, что необходимо установить возможность исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, однако критерий такого определения законодательно не установлен. В судебной практике при рассмотрении этого вопроса основываются на оценочных суждениях судьи, при этом суд учитывает обстоятельства совершения преступления, личность несовершеннолетнего, его условия жизни и воспитания. При рассмотрении уголовного дела в суде суд заслушивает мнения двух сторон, инспектора подразделения по делам несовершеннолетних ОВД, представителя комиссии по делам несовершеннолетних, а также следователя или дознавателя, направившего постановление о применении принудительных мер воспитательного воздействия. Подобный подход опирается преимущественно на субъективное усмотрение и приводит к тому, что по сходным делам судами могут приниматься противоположные решения.

Особую сложность вызывает и неопределенность законодательных формулировок относительно мер воспитательного воздействия. Так, в ч. 2 ст. 90 УК РФ указано, что к принудительным мерам воспитательного воздействия относятся: предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. При этом содержание каждой меры не раскрыто в полном объеме, в связи с чем создаются трудности в их практической реализации. Так, при передаче несовершеннолетнего под надзор законному представителю не установлен критерий, каким образом должен осуществляться данный надзор, в связи с чем данная мера часто оказывается формальной и не дает положительного результата.

«Представляется, что возможность исправления несовершеннолетнего принудительными воспитательными мерами (без применения уголовного наказания) станет реальной при возложении на подростка данных мер впервые, отсутствии у него склонности к правонарушениям, при установлении других обстоятельств, таких как наличие положительной характеристики виновного, его постоянное место жительства (учёбы, работы), не нахождение подростка на определённых учётах (например, в подразделениях профилактики и предупреждения правонарушений несовершеннолетними, наркологическом или психоневрологическом диспансере), осознание им своей вины и раскаяние в содеянном. Названные обстоятельства не предусмотрены ст. 90 УК РФ, ст. 427, 431 УПК РФ, однако они, как правило, учитывались правоприменителями.» [8, с. 316].

Одной из серьезных проблем, как свидетельствует анализ практики, является несовершенство механизма контроля за исполнением принудительных мер воспитательного воздействия. В соответствии с ч. 4 ст. 90 УК РФ «в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера подлежит отмене и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности». Однако законодательно не определено понятие «систематического неисполнения», что не дает четкого обоснования, при каких условиях несовершеннолетнему могут быть отменены принудительные меры воспитательного воздействия. Кроме того, законом точно не регламентированы полномочия органов, которые осуществляют контроль за исполнением принудительных мер воспитательного воздействия.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать актуальность вопроса индивидуализации применения принудительных мер воспитательного воздействия. Действующее уголовное законодательство предусматривает возможность назначения одновременно нескольких видов принудительных мер воспитательного воздействия, однако установленный в законе перечень мер весьма ограничен и не позволяет в полной мере учитывать индивидуальные особенности личности несовершеннолетнего и специфику конкретной жизненной ситуации (на этот аспект указывали и другие авторы [9, с. 187–188]).

Существенной проблемой является и недостаточный уровень межведомственного взаимодействия при применении принудительных

мер воспитательного воздействия, что не может не сказаться на эффективности рассматриваемых мер. На наш взгляд, обоснованно в связи с этим Е.А. Антонян затрагивает вопрос деятельности службы пробации, что также обуславливает важность повышения эффективности организационно-правового обеспечения взаимодействия заинтересованных субъектов профилактики [10, с. 117].

В заключение отметим, что решение указанных и иных не раскрытых в настоящей публикации проблем организационно-правового характера в изучаемой сфере положительно скажется на обеспечении высокой эффективности правоохранительной деятельности и в итоге – обеспечении национальной безопасности [11, с. 222–225].

Список литературы:

1. Харина А. Е. Преступления несовершеннолетних: актуальность проблемы // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-nesovershennoletnih-aktualnost-problemy> (дата обращения: 16.06.2025).
2. Ивасюк О.Н., Калашников И.В. Криминологические особенности современной преступности несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-osobennosti-sovremennoy-prestupnosti-nesovershennoletnih> (дата обращения: 16.06.2025).
3. Горшенин А.А. Уголовное право: уголовная ответственность несовершеннолетних: учебник для среднего профессионального образования / А.А. Горшенин. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 117 с. (Профессиональное образование). ISBN 978-5-534-20835-1. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/569310> (дата обращения: 16.06.2025).
4. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020-2024 годы // Верховный суд Российской Федерации URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 15.06.2025).
5. Латыпова Д.М., Панькина Е. К. Проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5(31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-primeneniya-prinuditelnyh-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya> (дата обращения: 16.06.2025).
6. Санташов А.Л. Исполнение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних: вопросы правовой регламентации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnenie-prinuditelnyh-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-voprosy-pravovoy-reglamentatsii> (дата обращения: 16.06.2025).
7. Репьева А.М., Ермакова О.В. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. №3 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya-problemy-pravoprimereniya-i-perspektivy-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 16.06.2025).
8. Сверчков В.В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание: монография. М.: Юрайт, 2025. 438 с.
9. Киселев С.С. От понимания девиантного поведения подростка к реализации принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник ВИ МВД России. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-ponimaniya-deviantnogo-povedeniya-podrostka-k-realizatsii-prinuditelnyh-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya> (дата обращения: 16.06.2025).
10. Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex Russica. 2018. № 9(142). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya-problemy-naznacheniya-i-primeneniya> (дата обращения: 16.06.2025).
11. Смирнова И.Н., Матвеев Д.Н. Некоторые аспекты обеспечения эффективности функционирования правоохранительных органов в современных условиях // Закон и право. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-obespecheniya-effektivnosti-funktsionirovaniya-pravoohranitelnyh-organov-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 16.06.2025).

References:

1. Kharina A. E. Juvenile crimes: the relevance of the problem // Legality and law and order in modern society. 2015. No. 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-nesovershennoletnih-aktualnost-problemy> (date of reference: 06/16/2025).
2. Ivasyuk O.N., Kalashnikov I.V. Criminological features of modern juvenile delinquency // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-osobennosti-sovremennoy-prestupnosti-nesovershennoletnih> (date of request: 06/16/2025).
3. Gorshenin A.A. Criminal law: criminal liability of minors: textbook for secondary vocational education / A.A. Gorshenin. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 117 p. (Professional education). ISBN 978-5-534-20835-1. Text : electronic // Yurait educational platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/569310> (date of access: 06/16/2025).
4. Main statistical indicators of the criminal record status in Russia for 2020-2024 // The Supreme Court of the Russian Federation URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (date of application: 06/15/2025).
5. Latypova D.M., Pankina E. K. Problems of applying compulsory educational measures // Bulletin of the Samara Law Institute. 2018. No. 5(31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-primeneniya-prinuditelnyh-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya> (date of request: 06/16/2025).
6. Santashov A.L. Enforcement of compulsory educational measures against minors: issues of legal regulation // Gaps in Russian legislation. 2018. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnenie-prinuditelnyh-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-voprosy-pravovoy-reglamentatsii> (date of application: 06/16/2025).
7. Repyeva A.M., Ermakova O.V. Compulsory educational measures: problems of law enforcement and prospects for improvement // Legal science and law enforcement practice. 2019. No. 3 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya-problemy-pravoprimereniya-i-perspektivy-sovershenstvovaniya> (date of request: 06/16/2025).
8. Sverchkov V.V. Responsibility and measures of criminal legal impact: punishment, upbringing, treatment, and property recovery: a monograph. Moscow: Yurait, 2025. 438 p.
9. Kiselyov S.S. From understanding a teenager's deviant behavior to implementing coercive educational measures // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-ponimaniya-deviantnogo-povedeniya-podrostka-k-realizatsii-prinuditelnyh-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya> (date of request: 06/16/2025).
10. Antonyan E.A. Compulsory measures of educational influence: problems of appointment and application // Lex Russica. 2018. № 9(142). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-mer-vospitatelnogo-vozdeystviya-problemy-naznacheniya-i-primeneniya> (date of reference: 06/16/2025).
11. Smirnova I.N., Matveev D.N. Some aspects of ensuring the effectiveness of law enforcement agencies in modern conditions // Law and Law. 2022. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-obespecheniya-effektivnosti-funktsionirovaniya-pravoohranitelnyh-organov-v-sovremennyh-usloviyah> (date of request: 06/16/2025).

ПРОФИЛАКТИКА НАНЕСЕНИЯ ПОБОЕВ В ПРИСУТСТВИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ PREVENTION OF BEATINGS IN THE PRESENCE OF MINORS: LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

СИБАГАТУЛЛИН Финат Фаязович,

адъюнкт Уфимского юридического института МВД России.

450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

E-mail: finat2013@yandex.ru;

SIBAGATULLIN Finat F.,

Associate Professor at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Muksinova str., Ufa, 450091, Russia, Republic of Bashkortostan.

E-mail: finat2013@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются правовые и криминологические аспекты профилактики нанесения побоев в присутствии несовершеннолетних. Анализируются пробелы действующего законодательства (ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. 116 и 116.1 УК РФ) с точки зрения учета двойственности вреда, которой причиняется ребенку-наблюдателю насильственных преступлений. Рассматриваются долгосрочные последствия для психики детей, вынужденных становиться свидетелями насилия, включая формирование деструктивных моделей поведения и межпоколенческую передачу агрессии. Предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования в анализируемой области общественных отношений, в том числе введение специального квалифицирующего признака в статью 116.1 УК РФ, а также комплексные профилактические стратегии: раннее выявление семей группы риска, межведомственное взаимодействие, психологическая реабилитация детей и программы коррекции для агрессоров. Результаты исследования могут быть использованы для повышения эффективности профилактики семейно-бытового насилия и защиты прав несовершеннолетних.

Abstract: The article examines the legal and criminological aspects of preventing battery in the presence of minors. It analyzes gaps in current legislation (Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses, Articles 116 and 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), which fails to account for the dual harm of such acts: physical (to the victim) and psychological (to the child witness). The long-term consequences for children exposed to violence are explored, including the development of destructive behavioral patterns and the intergenerational transmission of aggression. The study proposes improvements to legal regulation, such as introducing a special qualifying factor, alongside comprehensive preventive strategies: early identification of at-risk families, interagency cooperation, psychological rehabilitation for children, and behavior correction programs for perpetrators. The findings can enhance the prevention of domestic violence and the protection of minors' rights.

Ключевые слова: семейное насилие, побои, несовершеннолетние свидетели, психологическая травма, профилактика, квалифицирующий признак, межпоколенческая передача насилия, криминология, уголовное право.

Keywords: domestic violence, battery, child witnesses, psychological trauma, prevention, qualifying factor, intergenerational transmission of violence, criminology, criminal law.

Для цитирования: Сибатуллин Ф. Ф. Профилактика нанесения побоев в присутствии несовершеннолетних: правовые криминологические аспекты // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 383-387. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_383.

For citation: Sibagatullin F.F. Prevention of beatings in the presence of minors: legal criminological aspects // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 383-387. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_383.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Проблема совершения насильственных действий в сфере семейно-бытовых отношений при непосредственном присутствии несовершеннолетних лиц представляет собой значимый объект научного исследования в области уголовного права и криминологии. Современная научная доктрина признает, что систематическое наблюдение за актами насилия в детском возрасте детерминирует формирование стойких деструктивных поведенческих паттернов, способствует развитию тревожно-депрессивных расстройств и криминализации личности, что в долгосрочной перспективе приводит к воспроизводству (рецидиву) виктимного и делинквентного поведения.

Для органов внутренних дел данная проблема приобретает особую актуальность поскольку нормативные конструкции статей 6.1.1 КоАП РФ, 116 и 116.1 УК РФ не дифференцируют ответственность в зависимости от факта совершения деяния в присутствии несовершеннолетних, что снижает степень эффективности профилактики совершения таких правонарушений и преступлений. Профилактическая функция правоприменителей в части работы с потерпевшими осложняется двойной виктимизацией. С одной стороны, причиняется физическое воздействие непосредственному потерпевшему, с другой стороны причиняется психологический вред сознанию ребенка, который является свидетелем побоев в отношении его близких родственников и другим людей, а это в свою очередь расширяет объем субъектов, которые должны быть задействованы в профилактике совершения побоев в частном секторе и в общественных местах.

Наиболее сложной проблемой в плане осуществления практики побоев является совершение насильственных действий в семье, совершаемое в присутствии несовершеннолетних. Такая форма насилия представляет собой сложный социально-правовой феномен, оказывающий разрушительное воздействие на психологическое развитие ребенка. Исследования свидетельствуют о глубокой взаимосвязи между фактом наблюдения насильственных действий в детском возрасте и последующими поведенческими нарушениями, формированием деструктивных моделей межличностных отношений¹. Психотравмирующее воздействие подобных ситуаций проявляется в различных формах - от эмоциональных расстройств до воспроизведения усвоенных паттернов агрессивного поведения в будущем.

¹ Матафонова С. И. Взаимосвязь оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков «группы риска» / С. И. Матафонова, В. И. Перке, Т. Е. Кротова // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 109-123. – DOI 10.17759/psylaw.2022120310. – EDN HSFVUL.

С юридической точки зрения, проблема насилия в семье требует специального регулирования, учитывающего двойной характер вреда причиняемого в результате причинения побоев. Двойственного такого вроде заключается в том, что в результате побоев оказывается непосредственное физическое воздействие на жертву и опосредованное психологическое воздействие на несовершеннолетнего¹. Анализ действующего законодательства показывает недостаточность специальных механизмов защиты детей в таких ситуациях. В частности, процессуальные нормы не всегда позволяют в полной мере учесть и зафиксировать психологический вред, причиненный несовершеннолетнему, ставшему свидетелем насилия.

Криминологические исследования подтверждают цикличность насильственных моделей поведения, демонстрируя устойчивую корреляцию между детским опытом наблюдения насилия и последующей виктимностью или делинквентностью². Это обуславливает необходимость разработки комплексных профилактических мер, включающих как правовые, так и социально-психологические компоненты. Особое значение приобретает раннее выявление семей группы риска, организация специализированной помощи детям-свидетелям насилия, а также профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов к работе с подобными случаями.

Эффективное противодействие данному явлению требует междисциплинарного подхода, сочетающего совершенствование законодательства, развитие системы психологической реабилитации и реализацию программ первичной профилактики. Такой комплексный подход позволяет минимизировать долгосрочные негативные последствия и прервать цикл трансгенерационной передачи насильственных моделей поведения.

Современная российская правовая система, регламентирующая ответственность за побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. 116 и 116.1 УК РФ), демонстрирует существенный пробел в части отсутствия специального квалифицирующего признака, учитывающего совершение деяния в присутствии несовершеннолетних. Данный законодательный недостаток существенно ограничивает превентивные возможности правовых норм и не соответствует современным научным представлениям о степени воздействия присутствия при нанесении физического вреда на детскую психику.

Многочисленные криминологические исследования убедительно подтверждают, что дети, регулярно наблюдающие насилие в семье, нередко воспроизводят аналогичные модели поведения во взрослой жизни, формируя цикл межпоколенческой трансмиссии агрессии. Психологическая травма от наблюдения насилия между членами семьи может быть столь же разрушительной, как и от прямого насилия над ребенком, приводя к долгосрочным последствиям в виде тревожных расстройств, депрессии и склонности к агрессивному поведению³. Однако с правовой точки зрения ситуация остается недостаточно урегулированной: отсутствие специального квалифицирующего состава преступления приводит к тому, что психологический вред, причиняемый несовершеннолетнему свидетелю, остается вне зоны внимания правоохранительных органов.

Сложившаяся практика противоречит международным стандартам защиты детства, закрепленным в Конвенции о правах ребенка и Стамбульской конвенции, которые требуют обеспечения комплексной безопасности детей, включая защиту от косвенного воздействия насилия. В большинстве национальных законодательств, включая Уголовный кодекс РФ, ответственность за причинение психологического вреда ребенку-свидетелю либо отсутствует, либо формулируется слишком расплывчато, что затрудняет привлечение виновных к ответственности.

Для кардинального изменения сложившейся ситуации требуются системные законодательные инициативы, направленные на имплементацию специальных норм, учитывающих комплексный характер причиняемого вреда, включая физический ущерб (непосредственной жертве) и психологический урон (несовершеннолетнему наблюдателю). Необходима разработка и формализация системы доказывания психологического ущерба посредством внедрения стандартизированных протоколов судебно-психологической экспертизы и показаний аккредитованных специалистов, а также реализация превентивных программ, нацеленных на разрыв циклической природы насилия. Лишь комплексный подход, интегрирующий правовые, социальные и психологические механизмы, способен обеспечить действенную защиту прав несовершеннолетних и предотвратить интергенерационную трансмиссию насильственных моделей поведения.

Существующий пробел в уголовном законодательстве, выражающийся в игнорировании психологической травматизации несовершеннолетних – свидетелей семейного насилия, существенно нивелирует превентивный потенциал уголовной политики. Отрицание воспитания в условиях хронической агрессии в качестве самостоятельного криминогенного детерминанта лишает правовую систему возможности воздействия на ключевой механизм репродуцирования насилия. Каждый инцидент, связанный с регулярным наблюдением ребенком родительских конфликтов, объективно способствует формированию будущего носителя деструктивных поведенческих паттернов – будь то склонность к совершению бытового насилия или иных форм асоциального поведения.

Введение специального квалифицирующего признака, учитывающего вред психическому развитию несовершеннолетних очевидцев, способна стать катализатором трансформации в противодействии циклическому характеру семейной агрессии. Подобная законодательная мера позволила бы преодолеть существующий правовой нигилизм в оценке психологического вреда, заложив основы для своевременного вмешательства в дисфункциональные семейные системы. При этом акцент сместился бы с ретроспективной карательной функции на проспективную превентивную, поскольку криминализация создания травмирующей среды для детей объективно способствовала бы разрыву межпоколенческой передачи насилия.

Особую актуальность данный подход приобретает в контексте долгосрочной профилактики. Своевременная идентификация семей, в которых несовершеннолетние систематически подвергаются воздействию насилия, и последующая комплексная работа с ними позволяют мини-

¹ Насилие в отношении детей. Работа с семьей и ребенком : монография / Е. Г. Дозорцева, Г. В. Семья, О. В. Вихристюк [и др.] ; под редакцией Е. Г. Дозорцевой, Г. В. Семьи. — Москва : МГППУ, 2021. С. 311

² Сердюк, Л. В. Семейно-бытовое насилие (криминологический аспект) / Л. В. Сердюк П. Л. Сердюк. — Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. — 80 с. — ISBN 978-5-7247-1035-0. — EDN AHMMIY.

³ Ташева А. И. Восприятие детьми семейного насилия / А. И. Ташева, С. В. Гриднева // Психология и право. — 2013. — № 1. — С. 134-144. — EDN PYEBHN.

минимизировать риски репродуцирования агрессивных поведенческих моделей в последующих поколениях. Без законодательной фиксации ответственности за причинение психологического ущерба детям-свидетелям любые меры противодействия семейному насилию сохраняют фрагментарный характер, не затрагивая этиопатогенетических механизмов формирования девиантного поведения.

Со временем у таких детей формируется устойчивая связь между конфликтом и агрессией, когда любые разногласия автоматически вызывают всплеск гнева. Они буквально не знают других способов взаимодействия, кроме силы и давления, что неизбежно отражается на их общении со сверстниками и в будущих семейных отношениях. На этом фоне часто развиваются различные формы девиантного поведения - от замкнутости и ухода в себя до демонстративной агрессии, поскольку психика ребенка пытается найти хоть какие-то способы адаптации к травмирующей реальности¹. Эти глубокие психологические травмы, полученные в детстве, часто определяют всю дальнейшую жизнь человека, создавая условия цикличности, который крайне сложно разорвать без профессиональной помощи и поддержки.

Проведенный анализ судебной практики и научных исследований выявляет серьезное противоречие между эмпирическими данными о последствиях присутствия при насилии для детской психики и существующей правовой регламентацией.

Многочисленные психолого-педагогические исследования однозначно свидетельствуют о глубинных негативных последствиях наблюдения детьми актов насилия в семье. Установлено, что хроническое воздействие подобных психотравмирующих ситуаций приводит к комплексным нарушениям психического развития, включая формирование посттравматических стрессовых расстройств, стойких тревожно-депрессивных состояний и различных форм девиантного поведения. Особую тревогу вызывает выявленная закономерность, согласно которой, «при анализе вопроса о влиянии детско-родительских отношений на формирование деструктивного поведения подростков, описано доминирование деструктивных установок в родительской модели поведения, выражающих по отношению к подросткам непоследовательность, директивность и враждебность»².

Сложившаяся правоприменительная практика, игнорирующая психотравмирующее воздействие на несовершеннолетних свидетелей насилия, требует безотлагательного законодательного реагирования. Необходима разработка и внедрение специального квалифицирующего признака, учитывающего совершение насильственных действий в присутствии детей, что позволит привести правовые нормы в соответствие с современными научными представлениями о степени общественной опасности таких деяний и обеспечить адекватную защиту психического здоровья и нравственного развития подрастающего поколения.

Проведенный анализ российской системы профилактики семейно-бытового насилия выявляет комплекс системных недостатков, существенно снижающих ее эффективность.

Основной проблемой является отсутствие целостной межведомственной модели раннего выявления неблагополучных семей. Действующие механизмы не позволяют своевременно идентифицировать случаи, когда дети регулярно становятся свидетелями насильственных действий. Это обусловлено как недостатком квалифицированных кадров в органах опеки и образовательных учреждениях, так и отсутствием единых стандартов оценки рисков.

Сложившаяся ситуация действительно отражает системный кризис в организации помощи пострадавшим от семейного насилия. Существующая инфраструктура помощи, представленная разрозненными кризисными центрами, не только количественно недостаточна, но и качественно не соответствует современным требованиям комплексной реабилитации. Особенно остро эта проблема проявляется в отдаленных регионах, где доступ к специализированной помощи зачастую полностью отсутствует. При этом даже в крупных городах помощь носит фрагментарный характер - юридическая консультация, психологическая помощь и медицинское сопровождение существуют как отдельные услуги, не объединенные в единую реабилитационную траекторию. Это особенно пагубно сказывается на детях-свидетелях насилия, чьи потребности в длительной психологической поддержке и социальной адаптации остаются без внимания.

Тревожной представляется ситуация с программами коррекции поведения для агрессоров. Существующие инициативы, реализуемые энтузиастами на местном уровне, не имеют ни методологического единства, ни доказательной базы эффективности. Отсутствие научно обоснованных, стандартизированных программ работы с лицами, склонными к насилию, превращает такие попытки в формальные мероприятия, не способные реально повлиять на поведенческие паттерны. Особенно проблематичным является отсутствие связи между программами для агрессоров и системами помощи жертвам, что исключает возможность комплексного воздействия на проблемную семью как на систему. Такой ведомственный и методологический разрыв существенно снижает профилактический потенциал всей системы противодействия семейному насилию в целом.

Совершенствование системы профилактики семейного насилия требует комплексного подхода к подготовке специалистов, работающих с данной проблемой. Ключевое значение приобретает разработка единых образовательных стандартов для сотрудников правоохранительных органов, органов опеки, педагогов и медицинских работников, включающих современные методики выявления и документирования случаев насилия. Особое внимание должно уделяться формированию навыков работы с детьми-свидетелями, учитывая их повышенную уязвимость и специфику восприятия травмирующих событий.

Существенной проблемой остается процесс доказывания факта присутствия несовершеннолетнего при совершении правонарушения. Для решения этой задачи необходимо создание междисциплинарных методических рекомендаций, регламентирующих порядок сбора и фикса-

¹ Матафонова С. И. Взаимосвязь оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков "группы риска" / С. И. Матафонова, В. И. Перке, Т. Е. Кронова // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 109-123. – DOI 10.17759/psylaw.2022120310. – EDN HSFVUL.

² Зиновьева Л. В. Структура ролевых диспозиций подростков в пространстве социальной турбулентности / Л. В. Зиновьева. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2020. – 129 с. – ISBN 978-5-00104-555-7. – EDN RNWQUO.

ции доказательств с учетом возрастных особенностей несовершеннолетних свидетелей. Особую важность приобретает использование психологически безопасных методов опроса, исключающих повторную травматизацию ребенка, и применение современных технических средств фиксации показаний.

Развитие восстановительных практик в сфере семейно-бытовых конфликтов требует взвешенного подхода. С одной стороны, медиация может стать эффективным инструментом разрешения конфликтов и профилактики рецидивов насилия. С другой - ее применение в случаях с участием несовершеннолетних должно основываться на строгом соблюдении принципа приоритета защиты интересов ребенка. Каждый подобный случай требует обязательного участия детского психолога, способного оценить возможные последствия медиативного процесса для психического состояния несовершеннолетнего. При этом необходимо исключить применение восстановительных практик в ситуациях системного насилия, когда они могут привести к усугублению положения жертвы.

Совершенствование системы профилактики семейного насилия требует комплексного подхода, сочетающего передовой международный опыт с национальными особенностями. Особое значение приобретает внедрение адаптированной скандинавской модели «семейных групп поддержки», доказавшей свою эффективность в раннем выявлении неблагополучия. Практика показывает, что своевременное подключение междисциплинарных команд специалистов позволяет предотвратить эскалацию насилия в 70-80% случаев, защищая детей от травмирующего воздействия. Однако успешная реализация такой модели в российских условиях требует создания разветвленной сети кризисных центров и подготовки квалифицированных кадров, способных работать с проблемными семьями.

Анализ существующей ситуации свидетельствует о необходимости разработки комплексной системы профилактики, учитывающей его долгосрочное влияние на психическое здоровье и поведенческие паттерны подрастающего поколения. Регулярное наблюдение актов насилия в детском возрасте приводит к формированию устойчивых психопатологических симптомов и способствует воспроизводству девиантных моделей поведения в последующих поколениях. В этом контексте особую актуальность приобретает реализация масштабной информационно-просветительской работы, направленной на формирование в общественном сознании принципа абсолютной нетерпимости к любым проявлениям насилия в присутствии несовершеннолетних.

Эффективность профилактических мер существенно возрастает при условии разработки стандартизированных образовательных программ для специалистов первого контакта - сотрудников правоохранительных органов, педагогических работников и медицинского персонала. Ключевыми компонентами таких программ должны стать методики своевременной идентификации случаев присутствия при нанесении побоев, алгоритмы психологически безопасного интервьюирования пострадавших несовершеннолетних, а также четкие протоколы межведомственного взаимодействия. Особое значение имеет создание единой системы мониторинга подобных случаев с обязательным последующим психологическим сопровождением пострадавших детей, что требует соответствующего законодательного закрепления и обеспечения необходимой ресурсной базы. При этом следует подчеркнуть, что разработка доказательных методов коррекционной работы с детьми-свидетелями насилия остается актуальной задачей для дальнейших междисциплинарных исследований в данной области.

Применение восстановительных практик в случаях семейно-бытовых конфликтов требует особой осторожности и должно осуществляться исключительно при участии детских психологов, способных оценить потенциальные риски для несовершеннолетних. Только комплексный подход, объединяющий раннюю профилактику, профессиональное сопровождение и грамотную просветительскую работу, позволит создать действенную систему защиты детей от разрушительного воздействия семейного насилия.

Реализация предложенного комплекса профилактических мер открывает новые перспективы в борьбе с семейно-бытовым насилием, создавая эффективный механизм разрыва цепи его межпоколенческой передачи. Как отмечает Фурманов И. А. «преемственность модели насильственных отношений от одного поколения к следующему осуществляется через трансляцию родителями агрессии детям. Именно образец отношений и поведение родителей оказывают существенное влияние на обучение детей агрессивному поведению»¹. Системный подход, сочетающий раннее выявление случаев насилия через адаптированные скандинавские модели поддержки, профессиональное междисциплинарное сопровождение семей группы риска и масштабную просветительскую работу, способен обеспечить устойчивое снижение уровня бытовой агрессии в среднесрочной перспективе. Особое значение имеет разработка научно обоснованных критериев оценки эффективности различных профилактических стратегий, включая создание валидного диагностического инструментария для измерения психологического вреда детям-свидетелям и стандартизированных протоколов межведомственного взаимодействия.

Современные отечественные исследования в области психологии развития и криминологии подчеркивают необходимость разработки дифференцированных подходов к профилактике с учетом российской социокультурной специфики². Особое внимание в научном сообществе уделяется созданию комплексных программ, сочетающих коррекцию поведения агрессоров с реабилитацией детей-свидетелей насилия.

Проведенное исследование демонстрирует актуальность проблемы профилактики насилия в присутствии несовершеннолетних, требующей комплексного междисциплинарного подхода. Анализ законодательства выявил существенный правовой пробел – отсутствие специального квалифицирующего признака, учитывающего повышенную общественную опасность совершения насильственных действий в присутствии детей, что ограничивает профилактический потенциал правоохранительной системы и противоречит научным представлениям о психотравми-

¹ Фурманов И. А. Межпоколенная эстафета агрессии и насилия в семье: эндогенные и экзогенные факторы / И. А. Фурманов // Веснік БДУ. Серія 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2009. – № 1. – С. 67.

² Горьковая И. А. Направления профилактики противоправного поведения подростков в России / И. А. Горьковая // Психология человека в образовании. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 265-276. – DOI 10.33910/2686-9527-2020-2-3-265-276. – EDN JMYBKV.

рующем воздействии на несовершеннолетних¹. Криминологический анализ подтвердил наличие устойчивой корреляции между наблюдением насилия в детском возрасте и последующей виктимностью или делинквентностью, что обуславливает циклическое воспроизводство насильственных моделей поведения. В этой связи обоснована необходимость разработки дифференцированных профилактических стратегий, включающих раннее выявление семей группы риска, специализированную помощь детям-свидетелям насилия и программы коррекции поведения для агрессоров, при ключевом значении создания механизмов межведомственного взаимодействия. Перспективным направлением совершенствования профилактической деятельности определяется внедрение научно обоснованных методик оценки психологического вреда и разработка стандартизированных протоколов работы правоохранительных органов, что в долгосрочной перспективе будет способствовать не только повышению эффективности противодействия семейно-бытовому насилию, но и созданию действенных механизмов защиты психического здоровья подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Насилие в отношении детей. Работа с семьей и ребенком : монография / Е. Г. Дозорцева, Г. В. Семья, О. В. Вихристук [и др.] ; под редакцией Е. Г. Дозорцевой, Г. В. Семьи. — Москва : МГППУ, 2021. С. 311Горьковская И. А. Направления профилактики противоправного поведения подростков в России / И. А. Горьковская // Психология человека в образовании. — 2020. — Т. 2, № 3. — С. 265-276. — DOI 10.33910/2686-9527-2020-2-3-265-276. — EDN JMYBKV.
2. Зиновьева Л. В. Структура ролевых диспозиций подростков в пространстве социальной турбулентности / Л. В. Зиновьева. — Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2020. — 129 с. — ISBN 978-5-00104-555-7. — EDN RNWQUO.
3. Маликов, Б. З. Онтология социальной опасности: ее значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осужденного / Б. З. Маликов // Право и государственность. — 2024. — № 1(2). — С. 88-94. — EDN PJQWAB.
4. Матафонова С. И. Взаимосвязь оценок детско-родительского взаимодействия и копинг-стратегий подростков «группы риска» / С. И. Матафонова, В. И. Рерке, Т. Е. Кротова // Психология и право. — 2022. — Т. 12, № 3. — С. 109-123. — DOI 10.17759/psylaw.2022120310. — EDN HSFVUL.
5. Сердюк, Л. В. Семейно-бытовое насилие (криминологический аспект) / Л. В. Сердюк П. Л. Сердюк. — Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. — 80 с. — ISBN 978-5-7247-1035-0. — EDN AHMMIY.
6. Ташева А. И. Восприятие детьми семейного насилия / А. И. Ташева, С. В. Гриднева // Психология и право. — 2013. — № 1. — С. 134-144. — EDN PYEBHN.
7. Фурманов И. А. Межпоколенная эстафета агрессии и насилия в семье: эндогенные и экзогенные факторы / И. А. Фурманов // Веснік БДУ. Серія 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сатыялогія. Эканоміка. Права. — 2009. — № 1. — С. 67.

References:

1. Violence against children. Work with family and child: monograph/E. G. Dozortseva, G. V. Family, O. V. Vikhristyuk [and others]; edited by E. G. Dozortseva, G. V. Family. - Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2021. S. 311Gorkovaya I. A. Directions for the prevention of unlawful behavior of adolescents in Russia/I. A. Gorky//Human psychology in education. — 2020. - T. 2, NO. 3. - S. 265-276. — DOI 10.33910/2686-9527-2020-2-3-265-276. — EDN JMYBKV.
2. Zinovieva L.V. Structure of role dispositions of adolescents in the space of social turbulence/L.V. Zinovieva. - Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2020. - 129 p. - ISBN 978-5-00104-555-7. — EDN RNWQUO.
3. Malikov, B. Z. Ontology of social danger: its significance in assessing criminal behavior and in realizing the goal of correcting the convict/B. Z. Malikov//Law and statehood. — 2024. — № 1(2). - S. 88-94. — EDN PJQWAB.
4. Matafonova S. I. Relationship between assessments of child-parent interaction and coping strategies of adolescents "at risk" / S. I. Matafonova, V. I. Rerke, T. E. Krotova//Psychology and Law. — 2022. - T. 12, NO. 3. - S. 109-123. — DOI 10.17759/psylaw.2022120310. — EDN HSFVUL.
5. Serdyuk, L.V. Domestic violence (criminological aspect) /L.V. Serdyuk P.L. Serdyuk. - Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. - 80 p. - ISBN 978-5-7247-1035-0. — EDN AHMMIY.
6. Tashcheva A.I. Perception of family violence by children/A.I. Tashcheva, S.V. Gridneva//Psychology and Law. — 2013. — № 1. - S. 134-144. — EDN PYEBHN.
7. Furmanov I.A. Intergenerational relay race of aggression and domestic violence: endogenous and exogenous factors/I.A. Furmanov//Spring BDU. Gray 3, Gistory. Filasofiya. Psikhalogiya. Palitalogiya. Satsyialogiya. Ekanomika. Rights. — 2009. — № 1. - S. 67.

¹ Маликов, Б. З. Онтология социальной опасности: ее значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осужденного / Б. З. Маликов // Право и государственность. — 2024. — № 1(2). — С. 88. — EDN PJQWAB.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВЫСШЕЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ: МИРОВАЯ ПРАКТИКА (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ) LEGAL STATUS OF THE HIGHER PUNISHMENT: WORLD PRACTICE (HISTORY AND MODERNITY)

СМИРНОВА Ольга Игоревна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков юридического факультета
Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.
Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия.
E-mail: smiola@mail.ru;

SMIRNOVA Olga Igorevna,

Candidate of Philological Sciences
Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service».
Bolshaya Nizhegorodskaya St., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: smiola@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена краткому рассмотрению правового статуса высшей меры наказания как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах. В статье представлены результаты социологических исследований, проводившихся по вопросу отмены или сохранения смертной казни в Российской Федерации.

Abstract. The article provides a brief overview of the legal status of the higher punishment both in the Russian Federation and in foreign countries. The article presents the results of sociological studies conducted on the issue of abolishing or maintaining the death penalty in the Russian Federation.

Ключевые слова: высшая мера наказания, смертная казнь, право на жизнь, наказание, поступок.

Keywords: higher punishment, death penalty, right to life, a punishment, an act.

Для цитирования: Смирнова О.И. Правовой статус высшей меры наказания: мировая практика (история и современность) // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 388-391. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_388.

For citation: Smirnova O.I. Legal status of the higher punishment: world practice (history and modernity) // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 388-391. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_388.

Статья поступила в редакцию: 26.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Отношение к смертной казни как к высшей мере наказания – важный показатель уровня социального и культурного развития общества. Вопросы, связанные с применением высшей меры наказания, освещаются в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых, юристов, философов, политических деятелей¹. Стоит отметить, что «большинство данных работ рассматривает исследуемый институт лишь с позиций дискуссии между сторонниками и противниками смертной казни, приводя различные аргументы в доказательство своих идей» [9, с. 5]. Существует точка зрения, что смертная казнь возникла из принципа талиона, согласно которому наказание должно быть эквивалентно совершенному проступку [3, с. 190]. В ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации смертная казнь рассматривается как исключительная мера наказания, носит временный характер и может быть отменена, когда наступят соответствующие условия [4].

На сегодняшний день во всем мире важнейшим правом человека является право на жизнь. Это объясняется тем, что данное право является исходным для всех остальных прав личности. По этой причине оно подлежит особой охране со стороны международного права и отдельно взятого государства. Следует отметить, что в соответствии с данным правом никто не может быть умышленно лишен жизни. Между тем, в ряде современных стран, среди которых США, Китай, ОАЭ, Япония, Иордания, за совершение преступления предусмотрена смертная казнь. Другими словами, с одной стороны закон защищает право человека на жизнь, но с другой стороны, государство может лишить своего гражданина этого права посредством назначения такого вида наказания, как смертная казнь.

Смертная казнь как мера наказания имеет богатую историю и была распространена по всему миру. Некоторые исследователи отмечают, что смертная казнь является наивысшей формой наказания, поскольку лишает человека самого ценного – жизни. Нельзя не согласиться с точкой зрения Фарвазовой М.Б. и Закировой Э.Ф., что данная мера наказания «отнимает у осужденного возможность исправиться и вернуться к нормальной жизни, что делает смертную казнь радикально отличающейся от других форм пресечения преступности» [8, с. 301].

Смертные казни практиковались с древнейших времен. В Ветхом завете, например, высшая мера наказания назначалась в отношении 36 преступлений, в том числе: убийства, проведение магических ритуалов, похищения.

В исполнение приговор приводился через: избивание камнями, сожжение, обезглавливание, давление. В Древней Греции смертная казнь была узаконена кодексом Дракона в VII до н.э. Умерщвляли осужденных: ядом из болиголов, сбрасывая со скалы, отправляя в море, привязанными к доске [2].

До XII века на Руси данный вид наказания применялся редко и стал распространяться с приходом Золотой Орды. Впервые юридиче-

¹ И. Кант, Гегель, Монтескье, Ж. Руссо, К.Ю. Миттермайер, А.Ф. Кистяковский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, П. Пестель, Вл. Соловьев, И.Я. Фойницкий, Н.Д. Сергеевский, П. Загоскин, М.Д. Шаргородский, Г.З. Анашкин, И. Малиновский, современных ученых: А.С. Михлина, С.В. Жильцова, О.Ф. Шишова, Р.В. Нигматуллина, З.М. Черниловского, В.Е. Квашиса, А.В. Малько, С.В. Бородина, В.Б. Малинина, А.В. Орлова, В.Н. Петрашева, Деткова, А.В. Наумова, В.Н. Андрееву.

ское закрепление высшая мера наказания получила в 1398 году, что зафиксировано в Двинской уставной грамоте. Псковская судная грамота (1467 год), Судебники 1497 и 1550 годов постепенно расширяли круг преступлений, за которые предусматривалась смертная казнь (12 случаев), а Уложение 1649 года и Воинский артикул Петра I другие уголовно-правовые акты того периода кардинально (63 и 123 случая, соответственно) [10]. В XVIII веке (1744 год) попытку ограничения смертной казни предприняла императрица Елизавета Петровна, однако должного правового закрепления этот запрет не нашел. Официально «вернул» смертную казнь император Николай I, утвердив 5 из 36 смертных приговоров декабристам. В Своде Законов Российской Империи (1833 год) смертная казнь предусматривалась только за тяжкие виды государственных преступлений. При императоре Александре II в 1863 году смертная казнь была оставлена в законах военного времени. В советский период отечественной истории смертная казнь многократно отменялась и возвращалась. В постсоветский период в течение длительного промежутка времени высшая мера наказания не применяется [1, с. 6].

В России смертная казнь регулируется статьёй 59 статьи УК РФ. В ней она описывается как «исключительная мера наказания», которая может быть установлена только за особо тяжкие преступления. Отменить смертную казнь мог (и может) только президент Российской Федерации в порядке помилования. Но и в этом случае по закону высшая мера заменяется либо на пожизненное лишение свободы, либо на 25-летний срок заключения.

Смертную казнь нельзя применять к:

- женщинам;
- лицам, совершившим преступление в возрасте до 18 лет;
- мужчинам, достигшим 65 лет к моменту вынесения приговора судом.

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ, единственный способ исполнения смертной казни в России – не публичный расстрел. Кроме того, «исполнение смертной казни в отношении нескольких осуждённых производится отдельно в отношении каждого и в отсутствии остальных»¹. Согласно закону при расстреле обязаны были присутствовать прокурор, представитель учреждения, в котором приговор приводился в исполнение, и врач, который должен констатировать смерть казнённого.

Стоит отметить, что на сегодняшний день большинство стран мира отказалось от высшей меры наказания как негуманной и неоправданно жестокой, однако несколько стран в той или иной мере по-прежнему ее практикует. Так, по мнению Романовского Г.Б., историческое развитие смертной казни показывает нам тенденцию к её постепенному отмиранию как формы уголовного наказания [6]. Первой страной в мире, которая отказалась от смертной казни стала Венесуэла. В 1863 году президент страны Хуан Крисостомо Фалькон-и-Саварсе отменил высшую меру наказания. Вслед за Венесуэлой в 1865 году от смертной казни отказалась Румыния, затем в 1867 году Португалия и в 1870 году Нидерланды. Россия отказалась от смертной казни в 1996 году, Азербайджан – в 1998 году. Данные рисунка 1 показывают тенденцию в мировом сообществе к отказу от высшей формы наказания.

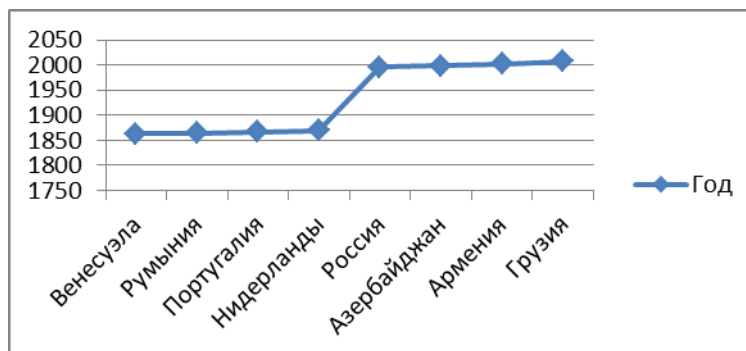

Рис. 1. Мировая тенденция к отмене высшей меры наказания

По данным международной неправительственной организации Amnesty International на 31 декабря 2024 года: число стран, отменивших смертную казнь достигло 113, а число стран, сохраняющих смертную казнь, – 54. В июне 2025 года статистику стран, отменивших смертную казнь за некоторые виды преступлений, пополнил Вьетнам².

Можно отметить, что в целом с 2015 года по всему миру наблюдается тенденция к снижению количества приговоров, предусматривающих смертную казнь. Однако в апреле 2025 года международная правозащитная организация Amnesty International зафиксировала рост числа смертных казней в мире до максимального значения за последнее десятилетие. В 2024 году было казнено 1518 человек, что является самым высоким показателем с 2015 года, когда было приведено в исполнение 1634 смертных приговора³. Это на 53% больше, чем в 2021-м, и это ре

¹ Ст. 186. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации / Официальный интернет-портал правовой информации. // URL.: www.pravo.gov.ru

² <https://www.kommersant.ru/doc/7834346>

³ По данным организации Amnesty International, больше всего в 2022 году было казнено людей в Китае. Как и в предыдущие годы, страна остается безусловным лидером по этому показателю. Однако из-за того что официальные данные о числе казней в Китае не публикуются, поскольку составляют государственную тайну, точные цифры неизвестны.

кордный показатель для мира с 2017 года. На рисунке 2 показана мировая ситуация как с применением высшей меры наказания, так и с отменой смертной казни.

Рис. 2. Страны, отменившие и сохранившие смертную казнь как высшую меру наказания¹

Согласно общей статистике, более 40% смертных приговоров в 2024 году в мире было вынесено за преступления, связанные с наркотиками. В Иране 52% казненных являлись распространителями наркосодержащих веществ. В Саудовской Аравии на наркоторговцев и наркораспространителей приходится 35% смертных приговоров². За реализацию наркотиков также приговаривают к смерти в Китае, Иране, Сингапуре и, вероятно, во Вьетнаме³. В Пакистане казнят за преступления против религии, в том числе за «богохульство» и «вероотступничество». В Йемене высшая мера полагается за сексуальные связи между людьми без вступления в брак. В Бангладеше, Египте, Индии, Иране, Кувейте, Саудовской Аравии, Йемене смертный приговор выносят за изнасилование. «Государственная измена», подрыв национальной безопасности, шпионаж, терроризм, участие в вооруженном мятеже грозят казнью в Иране, Саудовской Аравии и Йемене. В Китае к смертной казни приговаривают за взятки и коррупцию.

В Российской Федерации на применение смертной казни в 1998 году был наложен мораторий⁴. Однако до настоящего времени дискуссионным остается вопрос о правильности принятого решения. Особенно часто данная тема стала обсуждаться с момента выхода России из Совета Европы в 2022 году.

Стоит отметить, что отказ от применения смертной казни вынуждает законодателей искать новые способы воздействия на лиц, совершивших преступления высокой степени тяжести. Согласно обновленным законодательным актам, такие нарушители теперь могут столкнуться с вердиктом, предусматривающим пожизненное заключение. Дискуссии о введении моратория на исполнение смертной казни продолжают быть острой темой в России, особенно на фоне увеличения числа преступлений, в том числе террористического характера [8, с. 303].

Обсуждая тему смертной казни, часто подчеркивают ее негативные аспекты, включая отсутствие доказательств того, что она эффективно снижает уровень преступности, особенно в сравнении с наказанием в виде пожизненного заключения. Критика также касается несправедливости этой формы наказания из-за неоднородности в определении преступлений, подлежащих смертной казни. Обзор статистических данных и результаты проведенных социологических опросов показывают, что вопрос о применении смертной казни остается одним из самых обсуждаемых, так как он затрагивает главное право человека — право на жизнь, а так же понятия справедливости и гуманности, определяя тем самым нравственный облик общества. Последнее исследование⁵ ВЦИОМ показывает, что вопрос о применении смертной казни остается значимым для квалифицированного большинства (73%) наших сограждан, причем за последние 15 лет вокруг этой темы сформировалась более четкая позиция: доля тех, для кого вопрос применения исключительной меры наказания «безусловно важен», выросла за рассматриваемый период с 28% до 36%.

¹ По данным Associated Press. По состоянию на 31 декабря 2024 года: число стран, отменивших смертную казнь, по подсчетам Amnesty International, достигло 113, а число стран, сохраняющих смертную казнь, — 54.

² <https://www.thehindu.com/news/international/iran-iraq-saudi-arabia-carried-out-most-executions-in-2024-as-global-figures-surge-to-highest-in-9-years/article69425601.ece>

³ <https://rtvi.com/news/v-mire-ustanovili-novyy-rekord-po-chislu-kaznej-s-2015-goda/>

⁴ В Конституции РФ также указывается на возможность применения смертной казни за совершение особо тяжких преступлений по решению суда. Однако с 1996 году вышел Указ Президента РФ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в состав Совета Европы», положив начало процедуре введения моратория на смертную казнь территории Российской Федерации. 16 апреля 1997 года Протокол № 6 был подписан Российской Федерацией, а 30 марта 1998 г. был принят Федеральный закон № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней».

⁵ Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 14 февраля 2025 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории страны. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5%.

Таким образом, мировое ученое сообщество убеждено в том, что смертная казнь как высшая мера наказания не является эффективным средством уголовного воздействия. На данный момент вопрос относительно целесообразности использования подобной меры осуждения до сих пор остается открытым и не имеет конечного общепринятого мнения.

Список литературы:

1. Головина Ю.А. Смертная казнь как вид уголовного наказания / магистерская диссертация // Томск. 2018. С. 6-7.
2. Зимасова А.А., Кузнецов И.А. История возникновения смертной казни // E-Scio. 2020. №5 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-smertnoy-kazni> (дата обращения: 26.06.2025).
3. Зобнин В. С. Принцип талиона в историческом контексте: от родовой общины к раннему государству / В. С. Зобнин // Скиф. 2018 №6 (22). С.190-194.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-правовой информации. // URL.: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2025).
5. Панищев А.Л. Смертная казнь в зеркале русской культуры и философии А.Л. Панищев // Успехи современного естествознания – 2007. – №5. – С. 23-30. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=11088> (дата обращения: 30.01.2025).
6. Романовский Г.Б. Смертная казнь как вид уголовного наказания // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». - 2016. - Т. 4, № 4 (16). - URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/37821> (дата обращения: 30.01.2025).
7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.12.2024)
8. Фарвазова М.Б., Закирова Э.Ф. Смертная казнь: мировая практика // Вестник экономики, права и социологии. - 2024. - № 2. – С. 301-305.
9. Щетинин А.А. Смертная казнь в российской государственно-правовой системе: институциональный аспект. Монография. Электронное научное издание / А.А. Щетинин. – Ростов-на-Дону: РЮИ РПА Минюста России, 2015. – 165 с.
10. Ярашев З.М. Смертная казнь, как исключительный вид наказания: история и современность // Ученые записки Худжанского государственного университета им. Академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2014 - № 4 (41). – С. 248.

References:

1. Golovina Yu.A. Capital punishment as a type of criminal punishment / Master's thesis // Tomsk. 2018. pp. 6-7.
2. Zimasova A.A., Kuznetsov I.A. The history of the death penalty // E-Scio. 2020. No.5 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-smertnoy-kazni> (date of reference: 06/26/2025).
3. Zobnin V. S. The Talion principle in the historical context: from the tribal community to the early state / V. S. Zobnin // Skif. 2018 No. 6 (22). pp.190-194.
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the general Russian vote on July 01, 2020) // Official Internet Legal Information. // URL.: <https://www.pravo.gov.ru> (date of reference: 06/15/2025).
5. Panishchev A.L. The death penalty in the mirror of Russian culture and Philosophy by A.L. Panishchev // Successes of Modern Natural Science– 2007, No. 5, pp. 23-30. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=11088> (date of request: 30.01.2025).
6. Romanovsky G.B. Capital punishment as a type of criminal punishment // Electronic scientific journal "Science. Society. The state." - 2016. - Vol. 4, No. 4 (16). - URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/37821> (date of application: 30.01.2025).
7. The Criminal Executive Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 N 1-FZ (as amended on 25.10.2024) (as amended and supplemented, intro. effective from 12/20/2024)
8. Farvazova M.B., Zakirova E.F. Capital punishment: world practice // Bulletin of Economics, Law and Sociology. - 2024. - No. 2. – pp. 301-305.
9. Shchetinin A.A. The death penalty in the Russian state legal system: an institutional aspect. The monograph. Electronic scientific publication / A.A. Shchetinin. Ros-tov-on-Don: RUI RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2015. 165 p.
10. Yarashev Z.M. Capital punishment as an exceptional type of punishment: history and modernity // Scientific notes of the Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Humanities. – 2014 - № 4 (41). – P. 248.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_392

УДК 343.01

РОЛЬ ПРОБАЦИИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ THE ROLE OF PROBATION IN CRIME PREVENTION

ХАДЖИЕВ Умар Кюриевич,

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М. Д. Миллионщикова».
364051, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, проспект Хусейна Исаева, 100.

E-mail: einstein_95@mail.ru;

KNADZHIEV U.K.,

Senior lecturer Grozny State Petroleum Technical University named after M. D. Millionshchikov.

100 Huseyn Isaev Avenue, Grozny, 364051, Russia, Chechen Republic.

E-mail: einstein_95@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассмотрены основные направления предупредительного воздействия на преступников-рецидивистов средствами probation. Проанализированы основные направления, подверженные probation. Выявлен круг органов, должностных лиц и их полномочий, которые должны осуществлять ресоциализацию осужденных. Рассмотрены наиболее оптимальные формы probation.

Abstract: the article considers the main directions of preventive treatment of repeat offenders by means of probation. The main areas subject to probation are analyzed. The circle of bodies, officials and their powers that should carry out the rehabilitation of convicts has been identified. The most optimal forms of probation are considered.

Ключевые слова: преступление, преступность, probation, ресоциализация.

Keywords: crime, criminality, probation, re-socialization.

Для цитирования: Хаджиев У.К. Роль probation в предупреждении преступности // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 392-393. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_392.

For citation: Khadzhiev U.K. The role of probation in crime prevention // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 392-393. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_392.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В доктрине юридической науки под противодействием преступности – в смысле, заложенном в это понятие законодателем, следует понимать процедуру реализации государством комплекса мер, направленных на выявление преступлений, их пресечение и изобличение лиц, виновных в их совершении, осуществление уголовного преследования и наказания преступников, предупреждение совершения новых преступлений и нейтрализацию их последствий [1, с.122]. Данной позиции в своем научном исследовании придерживается А.И. Долгова, которая констатирует, что «разработка конкретных и эффективных предупредительных мер осуществляется только на базе предварительного изучения детерминационных комплексов преступности» [2, с.174]. При этом традиционно меры противодействия преступности разделяют на общие (общесоциальные), специальные и индивидуальные.

В борьбе с рецидивной преступностью основная задача состоит в том, чтобы предотвратить повторение преступных действий у лиц, уже имеющих судимость. А.И. Долгова указывала, что «предупреждение преступности многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности» [2, с.181]. Эффективность этого процесса зависит от ряда факторов, среди которых ключевые — это образовательные и социальные программы, психологическая поддержка и медицинское вмешательство, все это направлено на изменение мотивов и поведения преступников.

Кроме того, важным аспектом является создание системы активного наблюдения и контроля за лицами, предрасположенными к повторным правонарушениям, что помогает своевременно реагировать на возможные угрозы общественной безопасности. Применение интегрированного подхода, включающего различные виды поддержки и контроля, может значительно уменьшить вероятность возвращения к преступной деятельности.

Поэтому, с учетом существующих мнений, под противодействием рецидивной преступности следует понимать деятельность уполномоченных, в соответствии с законодательством, субъектов права по применению общих и специальных мер для предупреждения рецидивной преступности, в том числе по выявлению и последующему устранению факторов, способствующих повторному совершению преступлений.

Введение института probation в правовую систему Российской Федерации в 2023 году был вполне закономерным и ожидаемым действием со стороны законодателя. На протяжении ряда лет, до введения данного правового института, как со стороны научного сообщества, так и политическими деятелями не раз констатировался значительный рост рецидивной преступности. Рост отмечался как по преступлениям против личности, так и против собственности. Вместе с тем, констатировалось, что в действующей правовой системе фактически отсутствуют правовые средства, способные оказать эффективное превентивное воздействие на данное негативное явление.

Институт probation представляет собой систему, направленную на обеспечение социальной адаптации лиц, освобождённых из мест лишения свободы, и предотвращение их повторного совершения преступлений. Probation включает в себя комплекс мер, которые помогают бывшим заключённым интегрироваться в общество, найти работу, восстановить социальные связи и избежать влияния криминальной среды.

Основная цель probation — не только наказание за совершённое преступление, но и реабилитация личности, формирование у неё

правопослушного поведения. Это особенно важно в контексте профилактики рецидивов, поскольку статистика показывает, что значительная часть освобождённых из мест лишения свободы лиц возвращается к преступной деятельности.

Одним из ключевых аспектов probation является надзор за поведением освобождённого лица. Специалисты, работающие в системе probation, следят за соблюдением установленных судом условий, например, за регулярным посещением определённых мест, участием в программах реабилитации или трудоустройством. Это позволяет своевременно выявлять и корректировать возможные отклонения в поведении, предотвращая тем самым совершение новых преступлений.

Кроме того, probation включает в себя программы социальной адаптации, направленные на помощь в поиске работы, обучении новым профессиям, восстановлении документов и решении других бытовых вопросов. Эти меры помогают бывшим заключённым обрести уверенность в себе, почувствовать свою значимость и необходимость в обществе, что снижает вероятность их возвращения к преступной деятельности.

Важную роль в профилактике рецидивов играют психологические и психотерапевтические программы. Они помогают бывшим заключённым разобраться в причинах своего противоправного поведения, научиться справляться со стрессом, контролировать свои эмоции и поведение. Это особенно актуально для лиц, страдающих от психологических проблем, которые могут способствовать совершению преступлений.

Также probation способствует восстановлению социальных связей. Многие освобождённые лица испытывают трудности в общении с родственниками, друзьями и другими членами общества. Программы, направленные на восстановление этих связей, помогают бывшим заключённым вернуться в социум, почувствовать поддержку и понимание со стороны окружающих.

Таким образом, институт probation является важным инструментом в профилактике рецидивов. Он не только обеспечивает контроль за поведением освобождённых лиц, но и создаёт условия для их успешной социальной адаптации, реабилитации и интеграции в общество. Это способствует снижению уровня преступности и созданию более безопасного и гармоничного общества.

В целях осуществления мероприятий ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation, могут привлекаться коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения, негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, в том числе на основании соглашений, заключённых с субъектами probation, общественные наблюдательные комиссии, а также граждане.

Весь Закон о probation нацелен на «коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, в отношении которых применяется probation, предупреждение совершения ими новых преступлений». Каждая из перечисленных целей трактуется из составляющих его действий, но в итоге носит декларативный характер.

Каждый из субъектов наделяется определёнными полномочиями:

- нормативно-правовое регулирование в сфере probation;
- утверждение правил организации деятельности центров probation;
- мониторинг в пределах компетенции практики применения законодательства;
- организация взаимодействия территориальных органов;
- контроль деятельности учреждений, исполняющих наказания;
- обеспечение взаимодействия учреждений, исполняющих наказания;
- ведение единого реестра лиц, в отношении которых применяется probation;
- утверждение порядка ведения и ведение статистического учета в сфере probation;
- и другими.

Таким образом, стратегия предотвращения рецидивов должна быть многоаспектной и включать не только меры непосредственного надзора, но и программы, направленные на социализацию и реабилитацию осуждённых. Это позволит не только снизить уровень преступности, но и способствовать успешной реинтеграции бывших преступников в общество, что является важным шагом к созданию более безопасного и здорового общества.

Список литературы:

1. Гаджиев Д. М. Понятие, парадигма и цели противодействия преступности, дифференциация мер предупреждения // Научные высказывания. – 2023. – №22 (46). – С. 122–128.
2. Проблемы детерминации и предупреждения преступности. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2017. – 563 С.

References:

1. Gadzhiev D. M. The concept, paradigm and goals of crime prevention, differentiation of prevention measures // Scientific statements. – 2023. – №22 (46). – Pp. 122-128.
2. Problems of crime determination and prevention. Edited by Professor A.I. Dolgova, M., Russian Criminological Association, 2017. 563 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_394

УДК 343

ДОКАЗЫВАНИЕ И УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В СОСТАВЕ УГОЛОВНО-ПРАВО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ PROOF AND CRIMINAL PROSECUTION AS PART OF CRIMINAL-LEGAL- PROCEDURAL COUNTERACTION TO ILLEGAL BANKING ACTIVITIES

СТЕПУШОВ Михаил Юрьевич,начальник отделения 11 ОЭБиПК УМВД России по г. Н. Новгороду, Нижний Новгород,
Россия, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 93.

E-mail: stepuchsov2016@mail.ru;

STEPUSHOV Mikhail Yurievich,Head of Department 11 OEBiPK Regional Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russia, 603000, Nizhny Novgorod, st. Bolshaya Pecherskaya, 93.

E-mail: stepuchsov2016@mail.ru

Краткая аннотация: Процедурный подход к пониманию правовой природы противодействия преступлениям в сфере банковской деятельности позволяет выявить наличие в нем двух главных институтов. Таковыми являются институты обвинения и доказывания. Соответственно, выделяются и два главных направления по повышению эффективности уголовно-право-процессуального механизма противодействия преступлениям в сфере банковской деятельности. Автор выступает за создание специализированного государственного органа по выявлению и расследованию нарушений законодательства, в том числе преступлений, совершаемых в банковской деятельности. Кроме того, предлагается создать уполномоченных прокуроров, которые должны организовывать и возглавлять уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере банкинга. Вторая группа мер связана совершенствованием уголовно-процессуального доказательственного права.

Abstract: The procedural approach to understanding the legal nature of counteraction to crimes in the sphere of banking activities allows us to identify the presence of two main institutions in it. These are the institutions of accusation and proof. Accordingly, two main directions are distinguished for increasing the effectiveness of the criminal-legal-procedural mechanism for counteraction to crimes in the sphere of banking activities. The author advocates the creation of a specialized state body for the detection and investigation of violations of the law, including crimes committed in banking activities. In addition, it is proposed to create authorized prosecutors who should organize and lead the criminal-legal counteraction to crimes in the sphere of banking. The second group of measures is related to the improvement of criminal-procedural evidentiary law.

Ключевые слова: преступления в сфере банковской деятельности, уголовно-правовое воздействие, правовой механизм, обвинение, доказывание.

Keywords: crimes in the sphere of banking activities, criminal-legal impact, legal mechanism, accusation, proof.

Для цитирования: Степушов М.Ю. Доказывание и уголовное преследование в составе уголовно-право-процессуального противодействия незаконной банковской деятельности // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 394-396. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_394.

For citation: Stepushov M.Yu. Proof and criminal prosecution as part of criminal-legal-procedural counteraction to illegal banking activities // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 394-396. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_394.

Статья поступила в редакцию: 22.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В современной уголовно-правовой науке (по специальности 5.1.4), которая включает в себя и материальную, и процессуально-криминалистическую составляющие, распространены исследования, в которых делаются попытки осмысления правовой природы так называемого «уголовно-правового воздействия». Поскольку это понятие отныне имеет междисциплинарный характер, объясняющий правовой эффект противодействия государства преступности, постольку для любого автора, работающего по теме о правовом противодействии тем или иным преступлениям важно определиться с его пониманием.

Можно выделить два главных подхода к определению понятия «уголовно-правовое воздействие»: во-первых, традиционный, классический подход, который во главу угла ставит материальный, уголовно-правовой момент, а, во-вторых, неклассический – процедурный, то есть уголовно-процессуальный.

Представители классического подхода[1, С. 15; 2, С.23; 3, С. 9–13] под уголовно-правовым воздействием понимают прежде всего наказание, которое применяется к преступникам, а также другие предусмотренные уголовным кодексом меры уголовной ответственности. В целом же уголовно-правовое воздействие связывается с реализацией уголовной политики государства[4, С. 17–21; 5, С. 4–12; 6, С. 19–22].

Сторонники процедурной трактовки феномена «уголовно-правового воздействия» делают акцент на том, что уголовно-правовое воздействие является *результатом процесса* «со-творения» (участниками уголовно-правового спора и судом) из уголовного закона индивидуальной меры уголовной ответственности к виновнику преступления. Такой подход, который можно кратко обозначить как «*право-процесс*», получил развитие в нижегородской научной школе процессуалистов. Результатом его стала разработка доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ[7], как первоосновы уголовно-правового противодействия преступности и обеспечения безопасности человека, общества и государства.

Так, по мнению С.В. Власовой, сторонницы данного подхода, «правогенез процессуален»; право, как «реальное средство» правового воздействия творится в процессе; процедурность есть глубинная характеристика уголовно-правового воздействия[8, С.19; 9, С. 34]. Мы присо-

единяемся к этой позиции. В нашем понимании уголовно-право-процессуальный механизм противодействия государства преступности, и конкретно - тому или иному виду преступлений, имеет процессуальную основу. Она представляет собой регулируемую законом деятельность компетентных государственных органов по установлению субъекта и основания уголовной ответственности

Если говорить об уголовно-право-процессуальном противодействии преступлениям в сфере банковской деятельности, то оно осуществляется субъектами публичного уголовного преследования, в число которых мы включаем и орган дознания, уполномоченный на осуществление оперативно-разыскной деятельности в лице подразделений ЭБиПК, по «выработке» из смысла текста уголовного закона и на основании сформированных уголовно-процессуальных доказательств реального средства уголовно-правового воздействия кустановленным субъектам незаконной банковской деятельности.

Разумеется, уголовно-правовая составляющая, которая включает статьи 171, 172, 172¹, 173¹, 174¹, 187, 210 УК РФ, присутствует в уголовно-право-процессуальном механизме противодействия преступлениям в сфере банковской деятельности. Но ее реализация носит завершающий характер в действии этого механизма, а кроме того, как верно отмечают процессуалисты уголовный закон бесполезен и даже бессмыслен, пока уголовный процесс слеп. Только обвинение, основанное на доказательствах, позволяет уголовному закону «увидеть» в уголовном деле того, к кому он должен быть применен, и реализовать к нему свой карательный потенциал [10, С. 5–9].

Мы вполне разделяем идею о том, что институты обвинения и доказывания – эта двуглавных детали в механизме оказания уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих преступления в сфере банковской деятельности. Поэтому они и оказались в центре нашего внимания при разработке мер по повышению эффективности противодействия этому виду экономических преступлений.

Идею «процессуального прокурора» как главы обвинительной власти государства, который осуществляет процессуальное руководство по уголовному делу и надзор за исполнением законов органами предварительного расследования, с которой выступают некоторые современные авторы [11, С. 11-12; 12, С. 285-287], мы доводим до идеи о руководящей роли прокурора в уголовно-право-процессуальном механизме противодействия преступности, включая ее банковский сегмент. Прокурор как субъект права на публичное обвинение приводит в действие этот механизм и возглавляет всю деятельность государственных органов со стороны обвинения.

В поиске средств повышения эффективности преступности в сфере банковской деятельности мы делаем упор уголовно-процессуальную и иные виды деятельности правоохранительных, контрольно-надзорных органов, в число которых входят органы Росфинмониторинга, Федеральной налоговой службы, Федеральной таможенной службы, а также Центральный банк России.

Поэтому на первый план выходит проблема оптимизации взаимодействия между всеми этими государственными органами, но также органами банковского сообщества и институтами гражданского общества, ведь сферой банковских услуг охвачены широкие круги населения. В этой связи нами была выдвинута и обоснована идея о единоначалии в системе субъектов правового противодействия преступлениям в сфере банковской деятельности. Таковым в свете идеи о единстве обвинительной власти при формировании перед судом правопритязания на применении меры уголовно-правового воздействия нарушителю уголовного закона видится прокуратура.

Нами предлагается создать институт специализированных прокуроров, уполномоченных на ведение надзора за финансовыми, банковскими расследованиями, имеющих доступ к банковской тайне безо всяких ограничений, по аналогии с «уполномоченными прокурорами» по надзору за исполнением законов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Кроме того, мы выступаем за создание в России специализированного государственного органа по противодействию незаконной банковской деятельности, который в идеале должен совмещать полномочия на ведение оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования, наподобие тех, что существуют во многих странах (Финансовая гвардия – в Италии, Агентство Республики Казахстан по финансовому мониторингу).

Что касается второго базового уголовно-процессуального института – доказывания, то суть наших предложений сводится к следующему:

- смягчение запрета на использование в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности и расследований государственных органов, организаций, обеспечивающий правопорядок в финансово-кредитной сфере, банковской деятельности;
- замещение традиционного документирования результатов оперативно-следственной деятельности использованием технических средств
- внедрение высоких технологий и искусственного интеллекта для анализа больших данных в сфере банковской деятельности и использование в качестве доказательств результатов этого анализа.

Список литературы:

1. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. – Омск, 2014. – 248 с.
2. Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков [и др.] ; под ред. А. И. Рапога. М., 2012. 288 с.
3. Лопашенко Н. А. Уголовно-правовое воздействие: понятие и механизм (в порядке инициирования дискуссии) // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности / I Саратовские уголовно-правовые чтения: сб. ст. по матер. всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 31 марта – 1 апреля 2016 г.) / под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов, 2016. – С. 9–13.
4. Дуонов В. К. Уголовно-правовая политика в политике противодействия преступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы 4-й Международной научно-практической конференции (25–26 января 2007 г.). – Москва, 2007. – С. 17–21.
5. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4–12.
6. Лопашенко Д. В. Российская уголовная политика в сфере соотношения частного и публичного в праве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. – Москва, 2018. – С. 19–22.
7. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А. С. Александров [и др.]. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 299 с.

8. Власова С.В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики: монография. М.: Юрлитинформ, 2020 – 440 с.
9. Власова С.В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху: монография. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 592 с.
10. Власова С.В., Миллер В.Ю. К вопросу о смене теоретической доктрины правовой организации противодействия преступлениям в экономике // Вестник Уральского юридического института МВД России. – № 1 (33). – 2022. – С. 5–9.
11. Левченко, О. В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности: монография. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2021. – 176 с.
12. Власов Д. А. К вопросу о новой модели досудебного производства и участия прокурора в предварительном следствии // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №4 (220). – С.285–287.

References:

1. Bavsun M. V. Criminal legal impact: ideology, goals and means of implementation. Omsk, 2014. 248 p.
2. Criminal legal impact : a monograph / G. A. Yesakov [et al.] ; edited by A. I. Rarog, Moscow, 2012. 288 p.
3. Lopashenko N. A. Criminal legal impact: the concept and mechanism (in the order of initiation of discussion) // Criminal law and its role in crime prevention) / I Saratov Criminal Law readings: collection of articles on mater. All-Russian scientific and practical conference (Saratov, March 31 – April 1, 2016) / edited by N. A. Lopashenko. Saratov, 2016. pp. 9-13.
4. Dunov V. K. Criminal law policy in the policy of combating crime // Criminal law: a development strategy in the 21st century. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference (January 25-26, 2007). Moscow, 2007. pp. 17-21.
5. Babaev M., Pudovochkin Yu. The concept of criminal law policy of the Russian Federation // Criminal Law, 2012, No. 4, pp. 4-12.
6. Lopashenko D. V. Russian criminal policy in the sphere of the correlation of private and public law // Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2018. pp. 19-22.
7. The doctrinal model of the criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and Comments on it / A. S. Alexandrov [et al.]. Moscow : Yurilitinform, 2015. 299 p.
8. Vlasova S.V. Theoretical concept of the legal (criminal procedure) organization of crime prevention in the field of economics: monograph. Moscow: Yurilitinform, 2020 - 440 p.
9. Vlasova S.V. Criminal law and procedural organization of countering economic crime in the new era: monograph. Moscow : Yurilitinform, 2022. 592 p.
10. Vlasova S.V., Miller V.Yu. On the issue of changing the theoretical doctrine of the legal organization of countering crimes in the economy // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – № 1 (33). – 2022. – Pp. 5-9.
11. Levchenko, O. V. The prosecutorial power of the state in its legal organization and criminal procedural activity: monograph. – Moscow : Publishing house "Jurilitinform", 2021. – 176 p.
12. Vlasov D. A. On the issue of a new model of pre-trial proceedings and the prosecutor's participation in the preliminary investigation // Law and the state: theory and practice. – 2023. – №4 (220). – Pp.285-287.

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ И СРЕДСТВО ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ CRYPTOCURRENCY AS A SUBJECT AND MEANS OF CRIMINAL ENCROACHMENTS

ТАБУНКИНА Татьяна Алексеевна,

старший преподаватель кафедры административного права и процесса,
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород.
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: tatiana.tabunkina@yandex.ru;

TABUNKINA Tatyana Alekseevna,

Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod.
Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3.
E-mail: tatiana.tabunkina@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируется правовая природа криптовалюты и особенности её использования при совершении преступлений. Рассматриваются примеры из судебной практики, где цифровая валюта выступает как средство и предмет преступления, а также вопросы оценки её стоимости при квалификации и расследовании уголовных дел.

Abstract: The article analyzes the legal nature of cryptocurrency and the specifics of its use in committing crimes. Examples from judicial practice are considered, where digital currency acts as a means and subject of a crime, as well as issues of assessing its value in the qualification and investigation of criminal cases.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, предмет преступления, средство преступных посягательств.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, digital financial assets, subject of a crime, means of criminal encroachments.

Для цитирования: Табункина Т.А. Криптовалюта как предмет и средство преступных посягательств // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 397-398. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_397.

For citation: Tabunkina T.A. Cryptocurrency as a subject and means of criminal encroachments // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 397-398. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_397.

Статья поступила в редакцию: 01.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

История правовой природы криптовалюты напоминает увлекательное путешествие по неизведанным территориям. В начале своего пути криптовалюта воспринималась как технологическая новинка, не имеющая четкого правового статуса. Однако с ростом популярности и вовлечённости миллионов пользователей по всему миру перед государствами встал вопрос: как регулировать этот феномен?

В российском законодательстве до сих пор нет понятия «криптовалюта» как такового. Вместо этого используется термин «цифровая валюта», под которым понимается совокупность электронных данных, предлагаемых в качестве средства платежа или инвестиции, но не являющихся официальной денежной единицей ни России, ни другого государства[1]. Важно, что за такими данными не стоит эмитент, несущий обязательства перед держателями, что отличает криптовалюту от традиционных денег и даже от цифровых финансовых активов[2].

Судебная практика и законодатели склонны относить криптовалюту к иному имуществу, что позволяет включать её в конкурсную массу при банкротстве, взыскивать по исполнительным производствам и учитывать при налогообложении. При этом на территории России запрещено использовать цифровую валюту в качестве средства оплаты товаров и услуг - она может выступать только как объект инвестирования или обмена[3, С. 777-788].

В последние годы цифровая валюта стала неотъемлемой частью криминального мира, превратившись в универсальный инструмент для совершения самых разнообразных преступлений. Всё началось с того, что анонимность и отсутствие централизованного контроля сделали криптовалюту привлекательной для мошенников, вымогателей и организаторов теневых схем. Преступники быстро поняли: перевести средства через блокчейн — значит усложнить задачу правоохранителей по отслеживанию финансовых потоков, особенно если использовать дополнительные инструменты, такие как миксеры и анонимные кошельки.

В России число преступлений с использованием цифровой валюты ежегодно растёт, и сегодня треть всех преступлений совершается в цифровой среде[4]. Криптовалюта используется как средство платежа за запрещённые товары, от наркотиков до нелегального программного обеспечения, а также как способ отмыкания и сокрытия преступных доходов[5, С. 482-485]. Нередки случаи, когда мошенники убеждают жертв переводить деньги на криптокошельки, а организаторы схем выводят средства за рубеж, используя сложные цепочки транзакций[6].

Примером признания цифровой валюты элементом объективной стороны деяния, как средство совершения преступления, то есть неовещественным инструментом, используемым для достижения преступного результата, может служить уголовное дело в отношении Л.С.А., осуждённого приговором Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 20 мая 2020 года за совершение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 228 УК РФ. По делу признано доказанным, что оплата Л.С.А. за приобретаемое наркотическое средство производилась путём перевода на виртуальный неперсонифицированный счёт (bitcoin-«кошелек») находившихся на его банковской карте денежных средств через bitcoin-«обменник», осуществлявший при переводе конвертацию российских рублей в bitcoin[7].

В другом случае Засвияжский районный суд г. Ульяновска, постановившая 31 августа 2020 года обвинительный приговор в отношении Д.А.И. и признавая её виновной в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 30, пунктом «г» части 4 статьи 228¹ УК РФ, обоснованно признал установленным факт получения осуждённой за размещение реализуемого через интернет-магазин наркотического средства в тайники-«закладки» в качестве вознаграждения криптовалюты bitcoin, зачисляемой на принадлежащий Д.А.И. виртуальный неперсонифицированный счёт (bitcoin-«кошелек»), которая затем конвертировалась, продавалась, а выручка зачислялась на счёт банковской карты[8].

В анализируемом периоде имелись и случаи, когда по рассмотренным уголовным делам цифровая валюта являлась одновременно и средством совершения преступления, и преступным доходом.

В качестве такого примера можно привести рассмотренные Железнодорожным районным судом г.Ульяновска уголовные дела в отношении Б.И.И., Ф.М.С., К.А.И., Б.Д.А., З.О.Е., К.И.Н. и Н.А.И.

Так, приговором Железнодорожного районного суда г.Ульяновска от 16 августа 2019 года Б.И.И., Ф.М.С., К.А.И., Б.Д.А., З.О.Е., К.И.Н. и Н.А.И. были признаны виновными в том числе в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 30, пунктами «а», «г» части 4 статьи 228¹ УК РФ, за совершенное организованной группой покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере. Установленные приговором на основе достаточной совокупности допустимых и достоверных доказательств фактические обстоятельства позволили суду прийти к выводу, что осуждённые Б.И.И., Ф.М.С., К.А.И., Б.Д.А., З.О.Е., К.И.Н. и Н.А.И., действуя в составе организованной группы и в соответствии с отведённой каждому из них ролью, забирали из указанного администратором интернет-магазина В.А.Е. тайники-«закладки» наркотические средства, расфасовывали их на более мелкие партии и размещали в тайники-«закладки» с целью дальнейшего сбыта неопределённому кругу лиц, производивших оплату наркотических средств денежными средствами с использованием QIWI-«кошельков» или криптовалютой bitcoin с использованием виртуальных неперсонифицированных счетов (bitcoin-«кошельков»), за что осуждённые получали от «администратора» указанного интернет-магазина В.А.Е. в качестве оплаты в том числе криптовалюту bitcoin также через виртуальные неперсонифицированные счета, которая затем конвертировалась в российские рубли, переводилась на принадлежащие осуждённым счета банковских карт и обналичивалась[9].

К такому выводу суд пришёл на основании показаний осуждённого Б.И.И., в отношении которого 15 мая 2019 года Железнодорожным районным судом г.Ульяновска был постановлен приговор в предусмотренном главой 40¹ УПК РФ порядке. Допрошенный в судебном заседании Б.И.И. подробно пояснял о своих действиях как «оператора» интернет-магазина, действиях других членов организованной группы, непосредственно размещавших тайники-«закладки» с наркотическим средством, а также о получении ими с использованием QIWI-«кошельков» и bitcoin-«кошельков» не только оплаты за наркотические средства, но и вознаграждения за деятельность по распространению наркотических средств в виде денежных средств или криптовалюты bitcoin, а также о действиях, связанных с конвертацией bitcoin в денежные средства (российские рубли).

Поскольку цифровые финансовые активы и цифровая валюта, как объекты гражданских прав могут быть конвертированы в национальную валюту Российской Федерации, обменены на признанный эквивалентным товар, необходимо прийти к выводу о наличии у них потребительской и меновой стоимости, имеющей конституирующее значение в вопросе привлечения к ответственности за совершение преступлений, предметом или средством которых являлись финансовые активы или цифровая валюта. Исходя из изложенного при определении размера денежного эквивалента их стоимости или причинённого ущерба, полагаем необходимым руководствоваться содержащимися в пункте 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года №32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» разъяснениями, согласно которым, определяя стоимость имущества или имущественных прав, являющихся предметом хищений или преступлений, предусмотренных статьями 174, 174¹ УК РФ, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления, а при отсутствии сведений о стоимости похищенного имущества она может быть установлена на основании заключения специалиста или эксперта. Таким образом, применительно к цифровым финансовым активам, являющимся разновидностью имущественного права, их фактическую стоимость представляется правильным определять исходя из цены приобретения и расходов, связанных с приобретением имущественного права, а применительно к цифровой валюте - исходя из установленного официального курса, либо курса законного платёжного средства, к которому они привязаны. Стоимость криптовалюты, не привязанной к курсу законного платёжного средства, полагаем, должна определяться на основании заключения эксперта или специалиста.

Список литературы:

1. Правовая природа криптовалюты: статус в Российской Федерации // <https://obplaw.ru/2024/09/pravovaya-priroda-kriptovalyuty-status-v-rossijskoj-federatsii/> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 10.05.2025).
3. Михайлишина А. А. Правовой статус криптовалюты в РФ // Вопросы российской юстиции. 2019. №1. С.777-788.
4. Генеральная прокуратура РФ. Сводный отчет по Российской Федерации по форме НСид за январь-декабрь 2021, 2022, 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 10.05.2025).
5. Власова С.В., Долгачева О.И. К вопросу о судебной практике по уголовным делам о преступлениях, предметом которых являются наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги // Аграрное и земельное право. 2024. №6. С.482-485.
6. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Мошенничество_с_криптовалютой (дата обращения: 10.05.2025).
7. Уголовное дело № 1-191/2020, Засвияжский районный суд г. Ульяновска, 2020 г.
8. Уголовное дело № 1-379/2020, Засвияжский районный суд г. Ульяновска, 2020 г.
9. Уголовное дело №1-136/2019, Железнодорожный районный суд г. Ульяновска, 2019 г.

References:

1. The legal nature of cryptocurrency: status in the Russian Federation // <https://obplaw.ru/2024/09/pravovaya-priroda-kriptovalyuty-status-v-rossijskoj-federatsii/> (date of issue: 05/10/2025).
2. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/31/2020 No. 259-FZ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (date of access: 05/10/2025).
3. Mikhailishina A. A. The legal status of cryptocurrencies in the Russian Federation // Issues of Russian justice. 2019. No. 1. pp.777-788.
4. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Summary report on the Russian Federation in the form of the NSId for January-December 2021, 2022, 2023 [Electronic resource]. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (date of appeal: 05/10/2025).
5. Vlasova S.V., Dolgacheva O.I. On the issue of judicial practice in criminal cases of crimes involving narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues // Agrarian and Land Law. 2024. No. 6. pp.482-485.
6. <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Fraud with cryptocurrencies> (date of issue: 05/10/2025).
7. Criminal case No. 1-191/2020, Zsviyazhsky District Court of Ulyanovsk, 2020
8. Criminal case No. 1-379/2020, Zsviyazhsky District Court of Ulyanovsk, 2020
9. Criminal case No. 1-136/2019, Zheleznodorozhny District Court of Ulyanovsk, 2019

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ ПОСРЕДСТВОМ ИГРОВЫХ ВАЛЮТ И ИГРОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ON THE QUESTION OF COUNTERING THE LEGALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDS THROUGH GAME CURRENCIES AND GAME ITEMS

САНИНА Людмила Валерьевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и экономической безопасности
Института мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: glv2010@yandex.ru;

КОЛБЯГИНА Людмила Валерьевна,

старший преподаватель кафедры мировой экономики и экономической безопасности
Института мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: ludmila_kolbyagina@mail.ru;

ЮНАКОВСКИЙ Сергей Евгеньевич,

студент кафедры мировой экономики и экономической безопасности,
Байкальский государственный университет, г. Иркутск.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: ludmila_kolbyagina@mail.ru;

SANINA Liudmila V.,

PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economics and Economic Security.
Baikal State University.
11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.
E-mail: glv2010@yandex.ru;

KOLBYAGINA Liudmila A.,

senior lector, Department of World Economics and Economic Security. Baikal State University.
11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.
E-mail: ludmila_kolbyagina@mail.ru;

YUNAKOVSKY Sergey E.,

student, Department of World Economics and Economic Security. Baikal State University.
11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.
E-mail: ludmila_kolbyagina@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются игровые валюты и игровые предметы, которые составляют виртуальную экономику видеоигр, имеющие при этом реальную ценность за пределами игры. Авторами рассмотрена терминология, даны определения конвертируемых и неконвертируемых игровых валют. Показано, что официальная и неофициальная торговля игровыми валютами и игровыми предметами создаёт новую среду для отмывания (легализации) доходов, полученных преступным путём, а также используется для перемещения или инвестирования таких доходов по всему миру. Описаны основные способы отмывания преступных доходов через видеоигры (лутбоксы (Loot boxes), кардинг (Carding), конвертируемые игровые валюты (Convertible game currencies)). Обосновано, что отмывание (легализация) доходов, полученных преступным путём посредством игровых валют и игровых предметов это одна из острых проблем реальной действительности с учетом того, что информационно-коммуникационные технологии постоянно генерируют возможности совершенствования криминальной технологии совершения преступлений и их сокрытия.

Abstract. The article examines game currencies and game items that make up the virtual economy of video games, but have real value outside the game. The authors review the terminology and provide definitions of convertible and non-convertible game currencies. It is shown that official and unofficial trade in game currencies and game items creates a new environment for laundering (legalization) of criminal proceeds, and is also used to move or invest such proceeds around the world. The main methods of laundering criminal proceeds through video games (loot boxes, carding, convertible game currencies) are described. It is substantiated that laundering (legalization) of criminal proceeds through game currencies and game items is one of the most pressing problems of reality, given that information and communication technologies constantly generate opportunities to improve criminal technology for committing crimes and concealing them.

Ключевые слова: игровая валюта, игровые предметы, отмывание (легализация) доходов, полученных преступным путём.

Keywords: game currency, game items, money laundering (legalization) of proceeds from crime.

Для цитирования: Санина Л.В., Колбягина Л.В., Юнаковский С.Е. К вопросу противодействия легализации преступных доходов посредством игровых валют и игровых предметов // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 399-403. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_399.

For citation: Sanina L.V., Kolbyagina L.V., Yunakovsky S.E. On the question of countering the legalization of criminal proceeds through game currencies and game items // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 399-403. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_399.

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Индустрия видеоигр¹ в последние годы переживает всплеск активности ввиду нерегулируемого статуса как в России, так и во всём мире. В трудах и работах многих ученых и практиков отмечается, что игровая валюта активно используется для легализации доходов, полученных

¹ Видеоигра (компьютерная игра), в широком смысле - любая игра, для функционирования которой необходима электронно-вычислительная машина: персональный компьютер, телевизионная приставка, портативная игровая система, игровой автомат, смартфон, планшет и т. д. Видеоигра. Большая российская энциклопедия (bigenc.ru)

преступным путем, маскировки операций с денежными средствами и их дальнейшей реализации, она применяется для приобретения и продажи виртуальных товаров в различных сетевых сообществах, в том числе в социальных сетях, онлайн- и офлайн-играх, обменивается на фиатные или децентрализованные средства и способствует созданию новейших схем легализации преступных доходов [1–6]. При этом в национальном и зарубежном законодательстве нет правовых норм, регламентирующих на должном уровне отношения по созданию и использованию объектов интеллектуальных прав внутри игр [7], не сформулированы понятия «цифровая кража» или «кража виртуального (цифрового) имущества» [8]. Ряд исследователей, изучавших, например, китайский и российский опыт противодействия отмыванию преступных доходов выявляют имеющиеся различия в этой сфере и отмечают, что «существенное изменение механизмов легализации, их виртуализация, анонимность как исполнителей, так и заказчиков, появление цифровых валют в целом во всех странах переводят процессы отмывания денег на новый уровень» [9, 10], поэтому борьба с этими преступлениями не теряет своей актуальности.

Таким образом, на наш взгляд, это одна из острейших проблем реальной действительности с учетом того, что информационно-коммуникационные технологии постоянно генерируют возможности совершенствования криминальной технологии совершения преступлений и их сокрытия [11]. Все это требует разработки направлений противодействия использованию цифровой игровой валюты в целях отмывания преступных доходов. В данной статье мы рассматриваем термины, описывающие проблему, а также применяемые схемы.

Стоит отметить, что особенно выделяется рынок многопользовательских игр¹ из-за простоты перевода игровой валюты, наличием платформ, позволяющим преступным сделкам теряться в миллиардах законных, и отсутствием процедуры «KYC» («Знай своего клиента») [12]. На сегодняшний день не существует легального определения игровым валютам, тем не менее в широком смысле это виртуальная валюта, созданная специально для видеоигры, с целью поддержания ее виртуальной экономики. Игровую валюту можно заработать в игре за победу в испытаниях, приобретении новых навыков, путём конвертации из фиатных денег, а также с помощью торговли между игроками. Понятие игровых предметов в правовом поле также отсутствует, но в целом, можно сказать, что это решение владельцев игры² для получения прибыли. Как и игровую валюту их можно заработать в игре и т.д. Правила, связанные с созданием, обменом, покупкой или продажей игровой валюты и игрового предмета изначально создаются и регулируются владельцем игры.

В отчете FATF «Виртуальные валюты – ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ» [13] наиболее полно раскрыта суть игровых валют через определение виртуальных валют. Исходя из этого, по типам игровые валюты можно разделить на: конвертируемые игровые валюты и неконвертируемые игровые валюты

Под конвертируемыми игровыми валютами подразумеваются валюты, которые игрок может приобрести за фиатные деньги и затем обменять обратно. Многие из этих типов валют имеют колеблющийся обменный курс и специальную обменную платформу. Игрок может использовать этот вид валюты для создания, продажи или обмена предметами.

Неконвертируемыми игровыми валютами называют валюты, которые игрок может приобрести за фиатные деньги, но не обменять обратно предусмотренным способом. Данная валюта может быть использована только в игре для покупки скинов³, игрового оружия или бонусов для аватара игрока⁴, чтобы персонализировать персонажа в игре, но не может быть обменена с другими игроками или инвестирована официально. Данные валюты составляют большую часть дохода мировой игровой индустрии и являются наиболее распространенным типом внутриигровой⁵ валюты. Необходимо отметить, что несмотря на статус неконвертируемой игровой валюты, это не означает, что её нельзя купить или продать. Общеизвестно, что существуют «серые» и «черные» рынки по продаже неконвертируемых валют. С данными рынками активно борются владельцы игр, потому что существование данных рынков напрямую уменьшает их доход.

В общем виде, схему отмывания доходов в видеоиграх можно описать следующим образом. Преступник загружает игру на свой компьютер, телефон или планшет, а затем приступает к созданию персонажа или аватара. Кроме того, он также может взломать уже существующую учетную запись, чтобы еще больше «защитить» свою личность. Затем преступник направляет доходы от своей незаконной деятельности или украденной кредитной карты в игру и конвертирует фиатные деньги в игровую валюту. Внутри игры он тратит средства на покупку редкого оружия или усиление своих персонажей с помощью микротранзакций⁶, а затем продает своих персонажей или свои запасы внутриигровой виртуальной валюты по сниженной цене на сторонних сайтах, например, таких как eBay, PlayerAuctions, G2G или iGVault. Большинство видеоигр позволяют игроку приобретать игровые предметы только через микротранзакции, а это означает, что большинство игровых валют, скинов или оружия можно купить с комиссией, которая составляет менее 200 долларов, что позволяет преступникам легко замечать следы и не привлекать к себе внимания. Данная схема может изменяться в зависимости от того *какая игра используется для отмывания преступных доходов*.

В частности, существуют способы отмывания преступных доходов через видеоигры, которые можно обозначить как:

1. **Лутбоксы (Loot boxes).**
2. **Кардинг (Carding).**
3. **Конвертируемые игровые валюты (Convertible game currencies).**

¹ Многопользовательская игра - режим компьютерной игры, во время которого играет больше одного человека. https://ru.wikipedia.org/wiki/Многопользовательская_игра

² В настоящем исследовании используется наиболее ёмкое понятие владелец игры, так как в зависимости от самой игры, и иных аспектов, статус владелец игры может совмещаться (замещаться) со статусом создателя игры, разработчика, правообладателя.

³ Под скинами следует понимать визуальные оболочки для игровых предметов или персонажей, но в зависимости от игры это может изменяться.

⁴ В нашем понимании аватар игрока — это его игровой персонаж, за которого происходит игровой процесс.

⁵ На наш взгляд игровые и внутриигровые валюты идентичны.

⁶ Микротранзакции — это бизнес-модель, при которой пользователи могут приобретать внутриигровые виртуальные товары с помощью микроплатежей. Часто используются в бесплатных играх, чтобы обеспечить разработчикам источник дохода Microtransaction – Wikipedia (turbopages.org)

Перед рассмотрением *первого способа* необходимо привести определение **лутбокса**¹ — это то же самое, что и кейс, ящик или коробка, всё зависит от той игры, в которой происходит действие. Методом получения внутриигровых предметов является открытие лутбоксиков со случайными предметами. Из-за элемента случайности и присутствующей в некоторых играх рулетки предметов, лутбоксы причисляют к разновидности азартных игр, хотя это имеет практику лишь в отдельных странах. Отмывание преступных доходов по данному способу можно представить следующим образом:

1. Преступник создает или взламывает учетную запись, далее приобретает лутбоксы и при необходимости ключи от контейнеров на торговой площадке игры за незаконные средства.
2. Сообщники преступника покупают, продают или передают ящики и ключи друг другу создавая сложную сеть транзакций.
3. В качестве альтернативы преступник может создать несколько учетных записей и покупать, продавать и обмениваться товаром между ними.
4. На последнем этапе преступник переводит средства на свой банковский счет, карту или виртуальный кошелек.

В целом, *второй способ* отмывания преступных доходов, а именно **кардинг**² связан не только с игровыми валютами, так как подразумевает использование платежной карты или ее реквизитов без подтверждения держателем карты. Однако в настоящей статье данный способ рассматривается в разрезе игровых валют, который как правило характерен для мобильных игр. Отмывание преступных доходов вторым способом состоит из следующих этапов:

1. Преступник создает или взламывает учетную запись и создает персонажа.
2. На втором этапе преступник пополняет счет персонажа внутриигровой валютой, предметами и скинами с помощью денег с украденной кредитной карты.
3. Злоумышленник продает свой аккаунт на стороннем онлайн рынке.
4. На последнем этапе происходит вывод средств на банковский счет, карту или виртуальный кошелек преступника.

Например, в январе 2019 года компания по кибербезопасности *Sixgill*³ опубликовала расследование, в ходе которого обнаружила, что преступники использовали онлайн игру *Fortnite* для отмывания преступных доходов с украденных кредитных карт. Злоумышленники могли создать новую учетную запись или взломать существующую, использовать украденные карты для пополнения своего аватара игровой валютой, скинами или оружием и продавать предметы или свою учетную запись по сниженной цене на сторонних рынках. Компания *Epic Games*, ответственная за создание игры, четко указала в своем лицензионном соглашении⁴ с пользователем, что продажа виртуальных активов игры на сторонних онлайн рынках запрещена. Тем не менее, быстрая проверка предметов *Fortnite* на сторонних сайтах дает понимание, что неофициальная торговля внутриигровой валютой и предметами существует.

Третий способ отмывания в полной мере можно считать наиболее удобным и простым, так как возможность конвертации предусмотрена владельцами игры. Преступник может отмыть свои незаконно полученные деньги с помощью игры, в которой используется конвертируемая внутриигровая валюта, создав множество отдельных аккаунтов с использованием вымышленных идентификационных данных и пополнив их своими деньгами, полученными от преступных доходов. Далее может покупать и продавать активы с помощью поддельных аккаунтов, создавая сложную сеть транзакций. Позже деньги могут быть переведены на различные банковские счета, где преступник может обналить их непосредственно в банке или через банкомат. Отследить источник средств будет чрезвычайно сложно. Этапы отмывания преступных доходов третьим способом:

1. Преступник создает или взламывает несколько различных учетных записей, финансируя каждую из них за счет доходов от своей незаконной деятельности.
2. На втором этапе создается сложная сеть транзакций путем покупок, продаж и обменов виртуальных активов между аккаунтами в игре, чтобы скрыть происхождение денег.
3. На последнем этапе преступник конвертирует средства в фиатные деньги и переводит их на свой банковский счет, карту или виртуальный кошелек по-своему выбору. Исследование способов отмывания преступных доходов посредством видеоигр дает понимание, что несмотря на схожесть каждый способ уникален, имеет свои особенности, сильные и слабые стороны и определённые знания, и навыки у самих преступников.

Стоит подробнее остановиться на описании видеоигр и на стоимости игровых валют, так как игровые валюты, как и реальные имеют свой курс. На основе представленных данных можно увидеть, что реальная валюта обменивается на определенное количество внутриигровой валюты, хотя из данного правила есть исключения⁵, указанные в таблице 1.

Таблица 1 – Курс валют наиболее популярных видеоигр.

Игра	Валюта	Расчетный обменный курс	Примеры обмена
Clash of Clans	Gems (Гемы)	1\$ = 80 gems	G2G, PlayerAuctions, PlayerUp, MMOCS, EpicNPC

¹ Лутбокс (англ. loot box — «коробка добычи»), также употребляется название «кейс» или «контейнер» - виртуальный предмет в компьютерных играх, при использовании которого игрок получает случайные виртуальные предметы различной ценности и назначения, называемые добычей. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лутбокс>

² Кардинг — это термин незаконного оборота и несанкционированного использования кредитных карт. Кардинг (мошенничество) — Википедия ([wikipedia.org](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кардинг))

³ <https://cybersixgill.com/resources>

⁴ Лицензионное соглашение с конечным пользователем Fortnite

⁵ Исключением из правил можно назвать ситуацию, когда **игровой предмет становится игровой валютой**, например в играх Counter-Strike 2 и Team Fortress 2.

Clash Royale	Gems (Гемы)	1\$ = 80 gems	G2G, PlayerAuctions, PlayerUp, MMOCS, EpicNPC
Counter-Strike 2	Keys (Ключи)	1 key = от 2,7 до 21,9\$	Official Steam Marketplace, G2G, BitSkins, KeyVendor
Team Fortress 2	Keys (Ключи)	1 key = 2,30\$	Official Steam Marketplace, BackpackTF
Fortnite	V-Bucks	1\$ = 150 V-Bucks	PlayerAuctions, PlayerUp, MMOCS, EpicNPC
Marvel contest of champions	Units	1\$ = 55 units	G2G, PlayerAuctions, PlayerUp, MMOCS, EpicNPC
World of Warcraft	Gold coins (Золотые монеты)	1\$ = 2500 gold	G2G, PlayerAuctions, PlayerUp, MMOCS, EpicNPC

Источник: составлено авторами на основе открытых источников по состоянию на дату обращения 27.10.24 г.

Начнем описание игр с мобильных игр¹, которыми являются *Clash of Clans*, *Clash Royale*, *Marvel contest of champions*. Валюты данных игр неконвертируемые и так как создатели игр активно борются с «черными» рынками валют стараясь сохранить монополию на ее продажу, то и курсы на данные валюты крайне стабильные и могут не меняться долгое время.

Ранее упоминаемый *Fortnite* представляет из себя крайне популярный онлайн шутер², несмотря на активную борьбу создателей игры с «черными» рынками по продаже валюты и вещей, площадки стороннего онлайн рынка заполнены предложениями о продаже. Курс валюты также стабилен поскольку цена назначается владельцами игры.

World of Warcraft - многопользовательская ролевая игра вышедшая в 2004 году поддержка и развитие которой продолжается по сей день, курс валюты и цены на внутриигровые валюты менялись множество раз игровая экономика переживала инфляцию и другие экономические процессы. Курс валют меняется, но при этом на данный момент достаточно стабилен, создатели игры разрешают торговлю между игроками, и для этого создано множество сторонних сайтов³.

Наиболее интересные игры и игровые валюты опишем подробнее. *Counter-Strike 2* и *Team Fortress 2* это командные онлайн шутеры созданные, компанией *Valve Corporation*, которая владеет площадкой *Steam*. *Steam* – интернет-магазин по продаже игр, который функционирует с 12 сентября 2003 года. Однако наибольший интерес представляет не сам магазин, а выпущенная 9 августа 2011 года функция *Steam Trading*, которая позволила игрокам обмениваться предметами из игры *Team Fortress 2*. В будущем *Steam Trading* преобразуется в торговую площадку и позволит производить обмены предметами и в других играх тем самым *Valve* создадут **рынок цифровых предметов**⁴, которые будут продавать сами и позволят торговать ими всем пользователям *Steam*.

В играх *Counter-Strike 2* и *Team Fortress 2* нет внутриигровой валюты, которую бы назначили владельцы игр. Вместо этого игроки сами определяют, что будут использовать в качестве валюты при торговле и обменах между собой, тем самым придав ключам для открытия лутбоксов статус внутриигровой валюты. Необходимо отметить, что цены на ключи в *Team Fortress 2* определяются владельцами игры так как они их продают во внутриигровом магазине⁵. В *Counter-Strike 2* игроки способны влиять на цену, так как ключей много и некоторые из них пользуются большим спросом среди игроков, а соответственно и цены на них выше, те, что пользуются малым спросом имеют меньшую цену.

Перейдём к торговле в игре *Team Fortress 2* и к тому, что игроки используют в качестве игровой валюты. Как описывалось ранее, одной валютой, являются ключи, а другой Ref или по-другому очищенный металл. Очищенный металл можно получить путем определенных манипуляций. Если просто играть в игру, соотношение ключа к Ref составляет примерно 1 к 79, то есть один ключ эквивалентен 79 единицам очищенного металла. Курсы данных валют меняются примерно раз в две или три недели, поэтому для отслеживания курсов валют и цен на предметы были созданы сторонние сайты, где публикуются графики изменения ситуации игрового рынка.

Например, наиболее дорогими и желанными предметами в игре являются шапка *Burning Flames Team Captain* стоимостью 6300 key примерно 13200 долларов и оружие ближнего боя *Golden Frying Pan* 3100 key примерно 6510 долларов.

Продолжим рассмотрением экономики игр, на примере *Counter-Strike 2*, но перед этим необходимо отметить, что изначально игра называлась *Counter-Strike: Global Offensive (CS: GO)* и была выпущена 21 августа 2012 года, а 27 сентября 2023 было выпущена *Counter-Strike 2* которая хоть и позиционируется как другая игра в связи с большим количеством изменений, но по факту является просто обновлением. Именно для данной игры было выпущено наибольшее количество сторонних сайтов выполняющих функции площадок обмена для конвертации на реальные деньги, гарантов⁶ при сделках на большие суммы и аналитических сайтов по курированию цен на предметы. Цены в игре достаточно вариabельны, но наиболее известным дорогим предметом является *Karambit – Case Hardened (Blue Gem)* стоимостью 1,2 – 1,5 миллиона долларов. Другим желанным предметом является *AWP Dragon Lore (Souvenir)* ценою примерно в 227 000 долларов. В целом, оценить объёмы продаж между игроками внутри игры достаточно проблематично, так как игры имеют сложную экономическую структуру.

Таким образом, в настоящее время, создаются рынки цифровых предметов, где можно купить, продать, обменять, игровые предметы, появляются гаранты проводящие сделки по продаже/покупке таких предметов, фиксируются такие процессы как инфляция в отдельно взятых играх и изменения курсов игровых валют. Ввиду изменения курсов игровых валют создаются сайты, публикующие актуальную информацию об

¹ Мобильная игра — это видеоигра, в которую, как правило, играют на мобильном телефоне (планшете, карманном персональном компьютере, портативной игровой консоли, портативном медиаплеере или графическом калькуляторе). https://ru.wikipedia.org/wiki/Мобильная_игра

² Шутер (англ. shooter — «стрелок») — жанр компьютерных игр. На момент зарождения жанра за рубежом укрепилось слово «шутер», как вариант описания игрового процесса и перевод для слова shooter, в России и некоторых других странах постсоветского пространства жанр изначально был назван как «стрелялка».

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Шутер>

³ То есть сайты, созданные игроками или людьми, извлекающими выгоду от опубликования актуальных курсов валют, а также актуальная информация об обменах продажах валют, игровых предметов в зависимости от игры.

⁴ В статье под рынком цифровых предметов понимается торговая площадка Steam функционал которой дает возможность официального обмена, покупки и продажи игровых предметов, аналогов ей нет.

⁵ Внутриигровой магазин — это магазин внутри игры, в котором приобретаются различные внутриигровые предметы и бонусы.

⁶ Под гарантом понимается сайт или режиссер реальный человек являющийся третьим незаинтересованным лицом который обеспечивает честность сторон при сделке по продаже/покупке дорогостоящего предмета.

обменах и продажах этих валют, а игроки, взаимодействуя в игре, создают виртуальную экономику видеоигры, являющейся частью виртуальной экономики, и получают выгоду в реальной экономике, то есть за пределами игры.

Прогнозируется¹, что к 2027 году мировая выручка в сегменте «Игр» на медиарынке будет непрерывно расти и составит 298 млрд. долларов, следовательно ожидается и рост отмывания денежных средств, связанных с преступной деятельностью. Но на сегодняшний день невозможно оценить объемы отмывания преступных доходов, так как непонятно сколько денежных средств люди со всего мира расходуют на покупку игровых валют и предметов внутри игры и сколько из этих средств были получены незаконным путём, в том числе ввиду отсутствия процедуры «KYC».

На основе всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что отмывание (легализация) доходов, полученных преступным путём посредством игровых валют и игровых предметов, крайне малоизученное направление, которое контролируется исключительно владельцами игр. Определение масштабов преступных доходов, которые отмываются (легализуются) благодаря данному виду виртуальной валюты и игровым предметам весьма затруднительно в силу своей латентности. Безусловно необходимо своевременное реагирование и противодействие данному виду преступлений со стороны компетентных органов, в том числе, в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. В следующих публикациях мы планируем продолжить исследование и предложить направления противодействия использованию цифровой игровой валюты в целях отмывания преступных доходов.

Список литературы:

1. Румберг, М. Проблема отмывания денег в индустрии видеоигр: когда выпуск игр превращается в услугу по передаче денег? / М. Румберг // *Russian Journal of Economics and Law*. – 2023. – № 17(3). – С. 630-644. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.630-644>. EDN: XWRNHS.
2. Халин, В. Д. Использование цифровой игровой валюты как способ легализации доходов, полученных преступным путем / В. Д. Халин // *Российское правосудие*. – 2024. – № 2. – С. 86-93. – DOI 10.37399/issn2072-909X.2024.2.86-93. – EDN RWWDAI.
3. Капитонова, Е. А. Многофакторная криминогенность многопользовательских онлайн-игр и способы уголовно-правового противодействия ей / Е. А. Капитонова // *Уголовное право*. – 2025. – № 3(175). – С. 72-82. – DOI 10.52390/20715870_2025_3_72. – EDN LMOOYV.
4. Мосечкин, И. Системные проблемы уголовно-правовой защиты виртуальных объектов / И. Мосечкин // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2024. – № 4. – С. 185-209. – DOI 10.17323/2072-8166.2024.4.185.209. – EDN KJTYEA.
5. Жмуров, Д. В. Прогнозирование преступности в контексте глобальных проблем человечества / Д. В. Жмуров // *Академический юридический журнал*. – 2025. – Т. 26, № 1(99). – С. 133-141. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).133-141. – EDN IRPPZD.
6. Мосечкин, И. Н. О криминализации деяний, направленных на уничтожение, блокирование или модификацию компьютерной информации / И. Н. Мосечкин // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 482-493. – DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).482-493. – EDN BJELYH.
7. Зверев, М. О. Правовой режим игровых артефактов / М. О. Зверев // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. – 2024. – № 5. – С. 54-65. – EDN NROIZS.
8. Жмуров, Д. В. Цифровая кража: понятие, содержание, жертвы и их классификация / Д. В. Жмуров // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 35-43. – DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).35-43. – EDN LYJXUL.
9. Пан, Д. Опыт уголовно-правового противодействия отмыванию денег в современном Китае / Д. Пан, А. Л. Репецкая // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 245-257. – DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).245-257. – EDN JMWUMUB.
10. Пан, Д. Уголовно-правовая охрана кибервиртуального имущества в современном Китае / Д. Пан // *Государство и право*. – 2023. – № 5. – С. 168-180. – DOI 10.31857/S102694520025200-1. – EDN LMBGGZ.
11. Санина, Л. В. Особенности расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта / Л. В. Санина, В. В. Коломинов // *Право и государство: теория и практика*. – 2024. – № 8(236). – С. 355-359. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_355. – EDN BKNGNR.
12. Parra Moyano J., Ross O. KYC optimization using distributed ledger technology // *Business & Information Systems Engineering*. – 2017. – Т. 59. – С. 411-423. <https://link.springer.com/article/10.1007/s12599-017-0504-2#article-info>
13. FATF report June 2014 «Virtual currencies – key definitions and potential AML/CFT risks» <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf>

References:

1. Rumberg, M. The problem of money laundering in the video game industry: when does the release of games turn into a money transfer service? / M. Rumberg // *Russian Journal of Economics and Law*. – 2023. – № 17(3). – Pp. 630-644. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.630-644>. EDN: XWRNHS.
2. Khalin, V. D. The use of digital gaming currency as a way to legalize criminally obtained income / V. D. Khalin // *Russian Justice*. – 2024. – No. 2. – pp. 86-93. – DOI 10.37399/issn2072-909X.2024.2.86-93. – EDN RWWDAI.
3. Kapitonova, E. A. Multifactorial criminogenicity of multiplayer online games and ways of criminal law counteraction to it / E. A. Kapitonova // *Criminal law*. – 2025. – № 3(175). – Pp. 72-82. – DOI 10.52390/20715870_2025_3_72. – EDN LMOOYV.
4. Mosechkin, I. Systemic problems of criminal law protection of virtual objects / I. Mosechkin // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. – 2024. – No. 4. – pp. 185-209. – DOI 10.17323/2072-8166.2024.4.185.209. – EDN KJTYEA.
5. Zhmurov, D. V. Forecasting crime in the context of global problems of mankind / D. V. Zhmurov // *Academic Law Journal*. – 2025. – Vol. 26, No. 1(99). – pp. 133-141. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).133-141. – EDN IRPPZD.
6. Mosechkin, I. N. On criminalization of acts aimed at destroying, blocking or modifying computer information / I. N. Mosechkin // *All-Russian Journal of Criminology*. – 2024. – Vol. 18, No. 5. – pp. 482-493. – DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).482-493. – EDN BJELYH.
7. Zverev, M. O. The legal regime of game artifacts / M. O. Zverev // *Patents and licenses. Intellectual property rights*. – 2024. – No. 5. – pp. 54-65. – EDN NROIZS.
8. Zhmurov, D. V. Digital theft: concept, content, victims and their classification / D. V. Zhmurov // *All-Russian Journal of Criminology*. – 2023. – Vol. 17, No. 1. – pp. 35-43. – DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).35-43. – EDN LYJXUL.
9. Pan, D. The experience of criminal law counteraction to money laundering in modern China / D. Pan, A. L. Repetskaya // *All-Russian Journal of Criminology*. – 2024. – Vol. 18, No. 3. – pp. 245-257. – DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).245-257. – EDN JMWUMUB.
10. Pan, D. Criminal and legal protection of cybervirtual property in modern China / D. Pan // *State and Law*. – 2023. – No. 5. – pp. 168-180. – DOI 10.31857/S102694520025200-1. – EDN LMBGGZ.
11. Sanina, L. V. Features of the investigation of fraud committed with the help of artificial intelligence / L. V. Sanina, V. V. Kolominov // *Law and the state: theory and practice*. – 2024. – № 8(236). – Pp. 355-359. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_355. – EDN BKNGNR.
12. Parra Moyano J., Ross O. KYC optimization using distributed ledger technology // *Business & Information Systems Engineering*. – 2017. – Vol. 59. – pp. 411-423. <https://link.springer.com/article/10.1007/s12599-017-0504-2#article-info>
13. FATF report June 2014 "Virtual currencies – key definitions and potential AML/CFT risks" <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf>

¹ Выручка мировой индустрии видеоигр в 2029 году | Статистика (statista.com)

30 ЛЕТ ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНУ «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» 30 YEARS OF THE FEDERAL LAW "ON OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES"

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. 125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Kosmodemyanskikh, 8, корп. 1.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8, building 1.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье на основе изучения и критического анализа оперативно-розыскного законодательства, научных публикаций, правоприменительной практики в преддверии ознаменования 30-летия принятия Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ мы решили особо отметить одно обстоятельство: за этот период данный закон внес существенные коррективы в науку и практику оперативно-розыскной деятельности как одной из разновидностей правоохранительной деятельности. Забегая вперед, заметим, что фундамент, заложенный в его основу, несмотря на множество внесенных изменений и дополнений (поправок), сохранился почти в первоизданном виде, но по крайней мере, он не претерпел глобальных изменений.

Abstract: In this article, based on the study and critical analysis of operational search legislation, scientific publications, and law enforcement practice on the eve of the commemoration of the 30th anniversary of the adoption of Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 "On Operational Search Activities", we decided to emphasize one thing: during this period, this law has made significant adjustments to the science and practice of operational investigative activities as one of the types of law enforcement activities. Looking ahead, we note that the foundation laid in its foundation, despite many changes and additions (amendments), has been preserved almost in its original form, but at least it has not undergone global changes.

Ключевые слова: федеральный закон, оперативно-розыскная деятельность, ее основоположники, оперативно-розыскное законодательство, 30 лет, отдельные поправки, современное состояние, перспективы развития Закона об ОРД.

Keywords: federal law, operational search activity, its founders, operational search legislation, 30 years, individual amendments, current state, prospects for the development of the Law on the Order.

Для цитирования: Иванов П.И. 30 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 404-409. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_404.

For citation: Ivanov P.I. 30 years of the Federal law "On operational investigative activities" // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 404-409. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_404.

Статья поступила в редакцию: 14.07.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (в новой редакции)² в этом году исполняется 30 лет [13, с.157-168]. За это время в него вносилось достаточно много поправок. Вот что пишет на этот счет профессор Н.С. Железняк: «за двадцать семь лет своего существования претерпел тридцать четыре редакции, повлекшие семьдесят семь изменений содержащихся в нем предписаний. Описание нормативного правового акта в сухих цифрах дает возможность судить о содержании в законе ста двадцати положений, расположенных в двадцати четырех рабочих статьях. Простейшие арифметические вычисления позволяют сделать вывод, что в рассматриваемый период почти восемьдесят процентов норм закона подверглись изменению» [6]. Мы разделяем мнение автора о том, что четкие и понятные для правоприменителя установления законодателя позволяли бы сыщикам эффективно реализовывать свои профессиональные функции [24]. А это возможно лишь, на наш взгляд, на системной основе.

Мы считаем, что такая гибкость норм ФЗ об ОРД вполне объяснима, так как наряду с другими негативными обстоятельствами в стране сложилась тревожная оперативная обстановка по линии противодействия [15] организованной преступности, в том числе нарко- и киберпреступности [20], экономической преступности [16, 19], правоприменительная практика вследствие этого существенным образом изменилась. Принятый в 1995 г. Закон об ОРД развязала руки как теоретикам, так и практикам³. Не умоляя его значение, хотим подчеркнуть важность соблюдения при проведении оперативно-розыскных мероприятий [17] в первую очередь принципов законности и конспирации. В противном случае недопустимы факты использования незаконно полученных их результатов в уголовном судопроизводстве. Как известно, это на сегодня нелегально.

Ушедшие из жизни специалисты «ордэшники», профессора В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров еще при жизни стали классикой науки ОРД.

¹ В ходе дальнейшего изложения наряду с использованием полного наименования названного Закона также Закон, ФЗ «Об ОРД».

² Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ Достоинства и преимущества Закона об ОРД просматриваются через признаки, характеризующие его. К числу основных мы относим: легитимность правоотношений, регулируемых его нормами; устойчивость, восприимчивость их динамичность; разведывательно-поисковый характер деятельности.

Ими был подготовлен еще в 1992г. (когда была принята первая редакция Закона¹) примерный его вариант (проект) в концептуальном плане. Это лишь один из примеров, когда труд, признанных теоретиков и практиков, объединенных в один авторский коллектив, сыграл весомую роль в его принятии. Приведенный нами факт, на наш взгляд, является хорошим примером того, как надо уважать и реально чтить память ушедших из жизни ученых, внесших большой вклад в теорию ОРД посредством непосредственного участия в законотворческой деятельности.

Обращаясь к истории принятия федерального закона «Об оперативно- розыскной деятельности», хочется выразить это незабываемое (знаменательное) событие, которое состоялось 30 лет спустя, сославшись на слова составителей энциклопедического словаря биографий: «современная юридическая общественность, её научная составляющая, прежде всего молодое поколение, не должна быть лишена возможности иметь представление о своих предшественниках, учителях, об их вкладе в исследование таких сложнейших социальных явлений, как государство и право». Думается, что сказанное полностью относится к затронутой нами тематике. Подчеркнем тезис о том, что история – это, прежде всего, лица, события, документы. На наш взгляд, только при этом удастся представить полную картину анализируемого исторического события.

Чтобы глубже понять предпосылки, предшествовавшие принятию ФЗ «Об ОРД», необходимо обратиться к его истокам. Закон принимался не на пустом месте. Для этого учеными в области теории ОРД были созданы необходимые условия, ими по существу была подготовлена благодатная почва.

Считаем, что предпосылки для принятия ФЗ «Об ОРД» были созданы задолго до его принятия вместе со становлением и развитием самой теории ОРД.

Изучение и анализ обширного исторического материала, посвященного процессу становления и развития теории ОРД как самостоятельной отрасли знания, позволяет выделить наиболее значимые этапы:

— *начало 1960-х годов* – формирование современной отечественной теории ОРД. Ученые в области теории ОРД (К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, Г.К. Синилов) обоснованно утверждают, что теория ОРД начинает формироваться с начала 60-х гг., когда в принятых в 1958 г. Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик впервые был употреблен термин «оперативно-розыскные меры», осуществление которых, в частности, в соответствии со ст. 29 Основ, было возложено на органы дознания. Это положение вскоре нашло закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) союзных республик СССР. Например, в ч. 1 ст. 118 УПК РСФСР предусматривалось принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступлений и лиц, их совершивших.

Давая характеристику данного этапа, следует также иметь в виду, что процесс становления теории ОРД как самостоятельной отрасли знания изначально зарождался в недрах криминалистики [26];

— *в 1970-е годы* теория ОРД стала развиваться как относительно самостоятельная наука, имея свой предмет, метод и систему знаний.

Полагаем, что нельзя не согласиться с позицией отечественных исследователей, утверждающих, что «основы современной теории ОРД заложили ученые и практики в МВД СССР: А.И. Алексеев, В.Г. Бобров, Б.Е. Богданов, А.С. Вандышев, А.Ф. Возный, Д.В. Гребельский, А.Г. Лекарь [9], В.А. Лукашов, Б.Г. Морохин, С.С. Овчинский, П.А. Олейник, В.Г. Самойлов, В.В. Сергеев, Г.К. Синилов [11], А.Б. Утевский и др. Мы бы дополнили этот список, включив в их число В.М. Аتماжитова [2, 3], В.Г. Боброва, Б.В. Бойцова [14], К.К. Горяинова, И.А. Климова, В.П. Кувалдина, Е.В. Токарева [10], А.Ю. Шумилова [35]. Отрадно, что подавляющее большинство из них - выходцы из стен Академии управления МВД России.

В настоящее время продолжают активно исследовать проблемы ОРД, О.А. Вагин [4], Н.С. Железняк [7, 8], В.Д. Ларичев, В.Ф. Луговик, В.С. Овчинский [25], Н.В. Павличенко [28], А.Е. Чечетин [31, 32, 33], И.А. Ишин [18] и др. В работах этих авторов подчеркивается особая значимость ФЗ «Об ОРД» в борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, как правило, носящими организованный неочевидный характер.

Аналогичного мнения придерживается и профессор В.Д. Зорькин, говоря о том, что «противодействие новым вызовам и угрозам, с которыми человечество столкнулось в конце XX-начале XXI вв. (терроризм, организованная преступность, коррупция, наркобизнес), объективно невозможно без использования правоохранительными органами и специальными службами широкого арсенала специальных средств и методов, которые находятся вне рамок уголовного судопроизводства и носят, как правило, тайный характер. Многие из таких средств и методов ограничивают конституционные права и свободы человека и гражданина, но без их применения борьба с преступными проявлениями, особенно их тяжкими и особо тяжкими формами, теряет свою эффективность» [21]. Далее профессор В.Д. Зорькин отмечает, что законодательное урегулирование вопросов, связанных с ОРД, в российской истории большое событие [21].

Новый этап развития теории ОРД начался именно с принятия в первой редакции закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (1992 г.)². Дальнейшее ее развитие получило в рамках федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995 г.), определившего содержание ОРД и закрепившего систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что принятие ФЗ «Об ОРД» ознаменовало:

— появление взамен закрытого нормативно-правового регулирования отношений в сфере ОРД законодательного акта, гласно регулирующего оперативно-розыскную работу, осуществляемую оперативными подразделениями органов, исчерпывающий перечень которых уста-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: закон Российской Федерации № 2506-1 от 13 марта 1992 г. // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 23 апр. 1992 г. № 17. Ст. 892 (утратил силу).

² Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: закон Российской Федерации № 2506-1 от 13 марта 1992 г. // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 23 апр. 1992 г. № 17. Ст. 892 (утратил силу).

новлен рассматриваемым Законом. Исследователи, подчеркивая значимость ФЗ «Об ОРД», справедливо отмечают, что потребность в нем возникла еще в начале XVIII в. в ходе реформ Петра Великого, когда деятельность сыскных подразделений приобретала все более совершенную правовую форму, однако единой нормативной базы не существовало. Заметим, что в советский период оперативно-розыскная функция борьбы с преступностью изначально регулировалась ведомственными нормативно-правовыми актами закрытого характера. Как считает в этом плане профессор Я.М. Мазунин, выделяя три взаимосвязанных между собой момента: 1) закрытость порождает много всякого рода недомолвок; 2) она же не сплачивает, а вызывает недоверие граждан к самой деятельности – оперативно-розыскной работе, осуществляемой в их же интересах; 3) наконец, результаты ОРД в ходе расследования уголовных дел следователями воспринимаются с большим недоверием к сотрудникам оперативных подразделений [23];

— создание твердого фундамента, ставшего основой формирования отечественного оперативно-розыскного законодательства, в структуре которого на начальном этапе в действительности доминировали закрытые нормативные правовые акты;

— новый этап полноценного развития теории и практики ОРД органов внутренних дел. Федеральный закон «Об ОРД» служит необходимой предпосылкой для всесторонней разработки организационно-правовых и теоретических проблем ОРД. По результатам таких разработок около 30 поправок были внесены в указанный Закон;

— перерастание теории ОРД в относительно самостоятельную отрасль науки. Мы считаем, что зарождение ОРД как науки во многом связано с теорией ОРД, когда она стала самостоятельной отраслью знания. При этом ни в коей мере не отрицаем роль и значение в этом процессе ФЗ «Об ОРД»;

— дальнейшее укрепление правовой системы России. Федеральный закон «Об ОРД», на наш взгляд, занял в ней достойное место, придавая системность правовому регулированию отношений в сфере ОРД. Благодаря чему были созданы необходимые условия для реализации принципа эффективного функционирования оперативных подразделений полиции в современных условиях [12, 29, 37];

— полноправное включение в систему международно-правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, состоящей из национальных правовых систем.

Сегодня на фоне некоторого осложнения криминогенной ситуации, обусловленной влиянием, прежде всего, кибер-преступности, транснациональной организованной преступности, экстремизма и терроризма, трудно представить действенное противодействие их проявлениям без анализируемого закона, который выступает одним из инструментов в решении задач, стоящих перед оперативными подразделениями полиции. Невольно вспоминаешь слова А.В. Суворова: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». К тому же среди научной общности в виде постулата существует выражение: «Нет ничего практичнее, чем хорошая теория».

В связи со сказанным нельзя не отметить работы таких ученых, как А.Ю. Шумилова (трехтомник «Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации», 2013-2014 гг.), В.И. Елинского («Основы методологии оперативно-розыскной деятельности», 2001 г.), М.А. Шматова («Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук», 2001 г.), Г.К. Сенилова («История оперативно-розыскной деятельности: от древности до современности», 2010 г.).

В научных трудах профессора А.Ю. Шумилова обосновывается идея о дополнении ныне существующей системы права еще одной отраслью – уголовно-розыскным правом [36]. Выдвигая и аргументируя идею, он понимал, что когда-нибудь она станет реальностью. Многие специалисты в области теории ОРД подхватили ее [1]. Говоря о вероятности существования отрасли права, они выделяют три ее признака: а) уголовно-розыскное право, по их мнению, может быть рассмотрено не только как отрасль права, но и как неотъемлемая часть оперативно-розыскного законодательства; б) такая разновидность права может быть представлена как относительно самостоятельная наука; в) наконец, уголовно-розыскное право для начала может занять место учебного курса [34].

Не ставя перед собой задачу дать подробный анализ современного состояния оперативно-розыскного законодательства в рамках статьи, следует заметить, что ФЗ «Об ОРД» не догма, он постоянно развивается и совершенствуется, устраняя имеющиеся пробелы и недочеты. Среди специалистов в области теории ОРД в настоящее время ведутся дискуссии в трех основных направлениях, каждое из которых имеет своих сторонников и противников.

Сторонники первого направления предлагают совершенствовать оперативно-розыскное законодательство посредством принятия новой редакции ФЗ «Об ОРД» [6]. В юридической литературе существует и такая точка зрения, согласно которой сторонники придерживаются мнения о необходимости разработки и принятия в новой редакции федерального закона «Об ОРД», но уже в виде кодекса «Об оперативно-розыскной деятельности» [22]. Свою позицию они аргументируют тем, что сегодня ОРД регламентирует более 60 нормативных правовых актов, к тому же обеспечить защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств гораздо легче при наличии кодифицированного законодательного акта. Эти доводы нашли свое отражение в пояснительной записке к проекту Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации, внесенного в 2015 г. в Государственную думу первым заместителем председателя Комитета Государственной думы по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Агеевым¹. Приверженцев данного направления мы условно относим ко второй группе.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 831609-6 «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации» (не действует). URL: <https://base.garant.ru/57721448/> (дата обращения 06.11.2024).

Сюда же мы причисляем Ю.П. Соловья, который утверждает, что наиболее приемлемым вариантом систематизации норм, относящихся к ОРД, является разработка и принятие Полицейского кодекса [30]. По нашим данным, сторонников этого направления пока что не так уж много.

Наконец, третье направление. Его сторонники придерживаются более умеренной позиции. Так, например, профессор А.Е. Чечетин не разделяет радикальное совершенствование ФЗ «Об ОРД». По его мнению, данный закон отвечает, прежде всего, требованиям Основного закона Российской Федерации – Конституции Российской Федерации. Однако он не отрицает необходимость глубокой проработки возникающих проблем через призму решений Конституционного суда Российской Федерации [32].

Завершая краткий обзор ныне существующих среди специалистов теории ОРД подходов к ее совершенствованию, выскажем свое отношение к ним. Разумеется, все они основаны на вполне убедительных доводах и аргументах, а потому имеют право на существование. Учитывая современное состояние законности и правопорядка в стране, на наш взгляд, не следует торопиться с принятием радикальных решений, нарушив при этом принцип взвешенности и преждевременности.

Полагаем, что, говоря о совершенствовании, нельзя не принимать во внимание роль и значение модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» государств-участников Содружества Независимых Государств» (далее – СНГ), принятого 6 декабря 1997 г. на десятом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств постановлением № 10-12, в унификации национальных законов об ОРД¹. Кроме того, в этих же целях считаем полезным изучить вопрос о возможности использования законодательного опыта ближнего и дальнего зарубежья в сфере регламентации ОРД. На сегодняшний день весьма остро стоит вопрос о разработке проблем, связанных с правовым регулированием ОРД в информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть «Интернет» [27].

Подводя итоги, отметим следующее:

во-первых, исследование крупных проблем без изучения их генезиса теория познания (гносеология) не признает этот процесс завершенным, так как он не погружен вглубь сложного вопроса, требующего разрешения. Отсюда следует, что историческая ретроспектива есть хорошо апробированный на сегодня способ познания возникающих проблем во всей их широте и масштабе;

во-вторых, к сожалению, в юридической и специальной литературе предпосылки принятия рассматриваемого Закона и вклад ученых в области теории ОРД, как правило, излагаются куце и врозь. Такой подход, на наш взгляд, не позволяет читателю составить для себя хотя бы общее представление об исторической ретроспективе становления и развития указанного Закона.

Как нам представляется, отрывчатое рассмотрение отдельных эпизодов не позволяет создать общую картину состоявшегося исторического события. Основоположники теории ОРД как относительно самостоятельного научного знания при этом остаются в «тени», поэтому трудно оценить последователям (молодым специалистам) их реальный вклад в перерастание теории в науку. Принятие ФЗ «Об ОРД» неразрывно связано с теорией ОРД. Были уточнены и конкретизированы: заслуги ученых в области теории ОРД в создании необходимых предпосылок для принятия ФЗ «Об ОРД»; понятийно категориальный аппарат применительно к современным условиям; пробелы и недочеты, установленные в процессе практического применения Закона; приоритетные направления его совершенствования;

в-третьих, современная правоприменительная практика основывается в свете реализации государственной политики в области противодействия преступности как на нормах ФЗ об ОРД, так и иных законов Российской Федерации, выступающих в качестве действенного средства для принятия ответных мер на предпринимаемые криминалитетом, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, противоправных действий;

в-четвертых, специалисты теории ОРД справедливо отмечают, что в настоящее время одной из угроз национальной безопасности выступает криминализация информационно-телекоммуникационной среды. На этом фоне происходит структурная трансформация преступности, в результате которой инструменты информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сети «Интернет», встраиваются в механизм совершения преступления. Утверждается, что следствием цифровой трансформации преступности является: развитие дистанционных способов совершения преступлений, исключающих непосредственный контакт соучастников как между собой, так и с потерпевшими; совершенствование способов сокрытия преступлений, основанных на использовании сервисов анонимизации личности в цифровом пространстве; использование криптовалют в криминальных взаиморасчетах; рост масштабов межрегиональной и трансграничной преступности, использовании при совершении преступлений сетевой инфраструктуры, расположенной за пределами Российской Федерации; формирование криминального рынка противоправных услуг в информационно-телекоммуникационной сфере, связанных с предоставлением в аренду компьютерных сетей, зараженных вредоносным программным обеспечением; использование технологий искусственного интеллекта в противоправной деятельности. В этих условиях заслуживают особого внимания необходимость обобщения научными учреждениями правоприменительной практики с целью дальнейшего совершенствования законотворческой деятельности в части недопущения преступлений в интернете, проведения в нем системы оперативно-розыскных мероприятий, формирования доказательств в цифровом мире (пространстве), признания интернета как источника получения оперативно-розыскной информации.

Список литературы.

1. Азаров В.А. Доктринальные основы формирования отрасли оперативно-розыскного права/ В.А. Азаров, Е.В. Кузнецов// Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. – Омск, 2014. – С. 22-29.
2. Ахмажигитов В.М., Бобров В.Г. Еще раз о нормативном правовом регулировании прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Оперативник (Сыщик). -2011. – № 4 (29). – С. 3-5;
- 3.

¹ О модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»: постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 6 дек. 1997 г. № 10-12 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. 1998. № 16.

4. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. К вопросу о нормативном правовом регулировании прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Оперативник (Сыщик). – 2008. – № 2 (15). – С. 10-12.
5. Вагин О.А. Конституционная законность оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. трудов/ под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – М., 2017. – С. 84-85.
6. Гусев В.А. Становление и перспективы развития оперативно-розыскной отрасли права// История государства и права. – 2010. – № 14. – С. 40-44; Кузнецов Е.В. Оперативно-розыскное право в системе отраслей российского права: учебное пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2018. – 120 с.
7. Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография / Н.С. Железняк; Юридический институт КрасГАУ Минсельхоза России; СибОИ МВД России. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Красноярск, 2022. – 236 с.
8. Железняк Н.С. Вопросы актуализации федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. – Красноярск: СибОИ МВД России, 2019. – 332 с.
9. Железняк Н.С. Комментарии к проекту федерального закона «О полиции» (оперативно-розыскной аспект)// Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 4 (8). – С. 6-16.
10. Иванов П.И. Антон Григорьевич Лекарь - основоположник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности// Сборник научных статей, посвященный 60-летию образования кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии управления МВД России. – М., 2017. – С. 137-145.
11. Иванов П.И. Вклад профессора Е.В. Токарева в разработку частной теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Закон и право. – 2016. – № 7. – С. 145-149.
12. Иванов П.И. Значение трудов доктора юридических наук, профессора Г.К. Синилова в разработке концептуальных основ борьбы с организованной преступностью в сфере экономики // Развитие концептуальных основ оперативно-розыскного противодействия организованной преступности в современных условиях: материалы науч.-практич. конф., посвящ. 90-летию годовщины со дня рождения Григория Карповича Синилова. – М., 2013. – С. 44-59.
13. Иванов П.И. Некоторые проблемы методического обеспечения деятельности подразделений ЭБиПК в свете требований современной оперативно-розыскной науки // Оперативник (Сыщик). – 2014. – № 3 (40). – С. 37-41.
14. Иванов П.И. Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» 25 лет // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 157-168.
15. Иванов П.И. Частная теория документирования: ее сущность и содержание // Оперативник (Сыщик). – 2016. – № 3 (48). – С. 15-22.
16. Ишин, И. А. «Противодействие преступности» или «борьба с преступностью»: анализ понятий / И. А. Ишин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 3(92). – С. 213-220. – EDN IJWPQBJ.
17. Ишин, И. А. О некоторых аспектах противодействия незаконному обороту нефрита и янтаря / И. А. Ишин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3(231). – С. 289-292. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_289. – EDN JCEYQP.
18. Ишин, И. А. О проведении оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии правонарушений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней как правоприменительной формы реализации оперативно-розыскной политики / И. А. Ишин // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : Сборник научных трудов по материалам международной конференции (к 100-летию со дня рождения Н.А. Стручкова), Москва, 30 сентября 2022 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 344-349. – EDN EIPRZF.
19. Ишин, И. А. О совершенствовании правовой основы оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // Уголовное право и оперативно-розыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 28-29 апреля 2022 года / Под редакцией Г.В. Щербакова, Г.С. Шакина. Том Часть 2. – Москва: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации», 2022. – С. 34-38. – EDN XEKNIA.
20. Ишин, И. А. О состоянии оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1(65). – С. 156-163. – DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-156-163. – EDN FDYLFV.
21. Ишин, И. А. Особенности производства отдельных следственных действий и роль начальника органа дознания при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты / И. А. Ишин // Академическая мысль. – 2020. – № 2(11). – С. 82-85. – EDN HKBWMO.
22. Комментарий к федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» с приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского суда по правам человека/ вступ. ст. В.Д. Зорькина. - 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 574 с.
23. Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – 1 (31). – С. 109-135.
24. Мазунин Я.М. О введении результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания // 15 лет федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. – Омск, 2010. – С. 50-62. С. 50.
25. Муравьев, К. В. Привлечение сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел к процессуальной деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях / К. В. Муравьев // Законодательство и практика. – 2009. – № 1(22). – С. 66-68. – EDN YNYPLM.
26. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация/ под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М., 2000. – 365 с.
27. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. И.А. Климова. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2019. – 439 с.
28. Осипенко А.Л. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в глобальных компьютерных сетях // 15 лет федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. – Омск, 2010. – С. 143-155.
29. Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. – М., 2016. – 186 с.
30. Скоков И.Е. Некоторые проблемы правового регулирования деятельности оперативных подразделений полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (86). – С. 165-171.
31. Соловей Ю.П. О совершенствовании законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // 15 лет федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. материалов всерос. науч. практич. конф. – Омск, 2010. – С. 3-8. С. 8.
32. Чететин А.Е. Проект законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий // Полицейское право. - 2006. - № 4 (8). - С. 82-87; Чететин А.Е. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в решениях Конституционного суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – М., 2020. – № 3 (55). – С. 65-76.
33. Чететин А.Е. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в решениях Конституционного суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – М., 2020. – № 3 (55). – С. 65-76. С. 65.
34. Чететин А.Е., Шатохин И.Д. Права личности и оперативно-розыскная деятельность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 171-181.
35. Чувилов А.А. Оперативно-розыскное право. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 1999. – 75 с.
36. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 368 с.
37. Шумилов А.Ю. Начала уголовно-розыскного права: монография. – М.: Шумилова И.И., 1998. – 158 с.
38. Эзрохин П.В. Совершенствование положений ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в свете требований повышения эффективности противодействия организованной преступности подразделениями уголовного розыска // Вестник МГЭИ. – 2018. – № 2. – С. 118-136.

References.

1. Azarov V.A., Kuznetsov E.V. The doctrinal foundations of the formation of the branch of operational investigative law// Actual issues of the legislative regulation of operational investigative activities collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Omsk, 2014, pp. 22-29.
2. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. Once again on the regulatory legal regulation of prosecutorial supervision of operational investigative activities // Operative (Detective). -2011. – № 4 (29). – P. 3-5;
3. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the issue of regulatory legal regulation of prosecutorial supervision of operational investigative activities // Operative (Detective). – 2008. – № 2 (15). – Pp. 10-12.
4. Vagin O.A. The constitutional legality of operational investigative activities // Actual problems of the theory of operational investigative activities: collection of scientific works/ under the general editorship of K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, Moscow, 2017, pp. 84-85.
5. Gusev V.A. Formation and prospects of development of the operational-investigative branch of law// History of the State and law. – 2010. – No. 14. – pp. 40-44; Kuznetsov E.V. Operational investigative law in the system of branches of Russian law: a textbook. -M.: DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – 120 p.
6. Zheleznyak N.S. Issues of updating the Federal Law "On operational investigative activities": a monograph / N.S. Zheleznyak; KrasGAU Law Institute of the Ministry of Agriculture of Russia; SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2nd ed., revised. and additional – Krasnoyarsk, 2022. – 236 p.
7. Zheleznyak N.S. Issues of updating the federal law "On operational investigative activities": monograph. Krasnoyarsk: SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 332 p.
8. Zheleznyak N.S. Comments on the draft federal law "On Police" (operational and investigative aspect)// Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2010. – № 4 (8). – Pp. 6-16.
9. Ivanov P.I. Anton Grigorievich Lekar, the founder of the Department of Organization of operational investigative activities// Collection of scientific articles dedicated to the 60th anniversary of the formation of the Department of Operational Investigative Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2017. pp. 137-145.
10. Ivanov P.I. Contribution of Professor E.V. Tokarev to the development of private theory of operational investigative activities of the internal affairs bodies // Law and Law, 2016, No. 7, pp. 145-149.

11. Ivanov P.I. The significance of the works of Doctor of Law, Professor G.K. Sinilov in the development of the conceptual foundations of combating organized crime in the field of economics // Development of the conceptual foundations of operational investigative counteraction to organized crime in modern conditions: materials of the scientific and practical conference, dedicated to The 90th anniversary of Grigory Karpovich Sinilov's birth. Moscow, 2013, pp. 44-59.
12. Ivanov P.I. Some problems of methodological support for the activities of EBiPK units in the light of the requirements of modern operational investigative science // Operative (Detective). – 2014. – № 3 (40). – Pp. 37-41.
13. Ivanov P.I. The Federal Law "On operational investigative activities" is 25 years old. // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 1 (96). – Pp. 157-168.
14. Ivanov P.I. Private theory of documentation: its essence and content // Operative (Detective). – 2016. – № 3 (48). – Pp. 15-22.
15. Ishin, I. A. "Countering crime" or "fighting crime": an analysis of concepts / I. A. Ishin // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2022. – № 3(92). – Pp. 213-220. – EDN IWPQBJ.
16. Ishin, I. A. On some aspects of countering the illegal trafficking of jade and amber / I. A. Ishin // Agrarian and land law. – 2024. – № 3(231). – Pp. 289-292. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_289. – EDN JCEYPQ.
17. Ishin, I. A. On conducting operational investigative measures in the detection of offenses in the field of illicit trafficking in semiprecious stones as a law enforcement form of implementing operational investigative policy / I. A. Ishin // Criminal policy of Russia at the present stage: status, trends, prospects : A collection of scientific papers based on the materials of the international conference (k 100- anniversary of N.A. Struchkov's birth), Moscow, September 30, 2022. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – pp. 344-349. – EDN EIPRZF.
18. Ishin, I. A. On improving the legal framework for operational investigative counteraction to illicit trafficking in semiprecious stones / I. A. Ishin // Criminal law and operational investigative activities: problems of legislation, science and practice : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28-29, 2022 / Edited by G.V. Shcherbakov, G.S. Shkabin. Volume Part 2. Moscow: Federal State Institution "Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation", 2022. pp. 34-38. – EDN XEKNIA.
19. Ishin, I. A. On the state of operational-investigative counteraction to the illegal trafficking of semiprecious stones / I. A. Ishin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1(65). – Pp. 156-163. – DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-156-163. – EDN FDYLFV.
20. Ishin, I. A. Features of the production of individual investigative actions and the role of the head of the body of inquiry in the investigation of crimes committed using cryptocurrencies / I. A. Ishin // Academic Thought. – 2020. – № 2(11). – Pp. 82-85. – EDN HKBWMO.
21. Commentary to the Federal Law "On Operational Investigative Activities" with the application of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and reviews of the practice of the European Court of Human Rights/ intro. V.D. Zorkina. - 3rd ed., supplement and revision – Moscow: Norm: INFRA-M, 2018. -574 C.
22. Lugovik V.F. Operational Investigative Code of the Russian Federation (author's draft federal law) // Legal science and law enforcement practice. – 2015. – 1 (31). – Pp. 109-135.
23. Mazunin Ya.M. On the introduction of the results of operational investigative activities into the proof process // 15 years of the Federal law "On operational investigative activities": collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Omsk, 2010, pp. 50-62, pp. 50-24.
24. Muraviev, K. V. Involvement of employees of operational units of internal affairs bodies in procedural activities for reviewing reports of crimes / K. V. Muravyov // Legislation and practice. – 2009. – № 1(22). – Pp. 66-68. – EDN YNYPLM.
25. Ovchinsky S.S. Operational-investigative information/ edited by A.S. Ovchinsky and V.S. Ovchinsky. – M.: INFRA-M., 2000. – 365 p.
26. Operational investigative activity: a textbook for university students studying in the field of Law / ed. by I.A. Klimov. - 4th ed., revised and additional – M.: Unity-Dana, 2019. – 439 p.
27. Osipenko A.L. Problems of legal regulation of operational investigative activities in global computer networks // 15 years of the federal law "On operational investigative activities": collection of materials of the All-Russian scientific. Practical Conference– Omsk, 2010, pp. 143-155.
28. Pavlichenko N.V. Legal and theoretical problems of ensuring secrecy in operational investigative activities: monograph, Moscow, 2016– 186 p.
29. Skokov I.E. Some problems of legal regulation of the activities of operational police units // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 2 (86). – Pp. 165-171.
30. Solovey Yu.P. On improving the legislative regulation of operational investigative activities in the Russian Federation // 15 years of the federal law "On operational investigative activities": collection of materials of the All-Russian scientific. Practical Conference– Omsk, 2010, pp. 3-8, pp. 8.
31. Chechetin A.E. Draft legislative regulation of operational investigative measures // Police law. - 2006. - № 4 (8). - Pp. 82-87; Chechin A.E. The Federal Law "On operational investigative activities" in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia., 2020. – № 3 (55). – Pp. 65-76.
32. Chechetin A.E. The Federal Law "On operational investigative activities" in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia., 2020. – № 3 (55). – Pp. 65-76. p. 65.
33. Chechetin A.E., Shatokhin I.D. Personal rights and operational investigative activities // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 1 (81). – Pp. 171-181.
34. Chuvilev A.A. Operational-investigative law. – M.: NORM: INFRA-M, 1999. – 75 p.
35. Shumilov A.Y. The course of the basics of operational investigative activities: a textbook for universities. Moscow: Shumilova I.I. Publishing House, 2006. 368 p.
36. Shumilov A.Y. The beginnings of criminal investigation law: a monograph. Moscow: Shumilova I.I., 1998. 158 p.
37. Ezrokhin P.V. Improvement of the provisions of the Federal Law "On Operational investigative activities" in the light of the requirements for improving the effectiveness of combating organized crime by criminal investigation units // Bulletin of the MGEI, 2018, No. 2, pp. 118-136.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_410

СПОСОБЫ СКЛОНЕНИЯ И ВЕРБОВКИ ЛИЦ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ METHODS OF INDUCING AND RECRUITING INDIVIDUALS INTO THE ACTIVITIES OF TERRORIST ORGANIZATIONS USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

ЛЫСОВ Кирилл Григорьевич,

старший преподаватель кафедры физической подготовки
Уфимского юридического института МВД России, Уфа, Россия.
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: kirill.lysov@internet.ru;

ТАРХАНОВ Александр Алексеевич,

преподаватель кафедры физической подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: aleks.sport@bk.ru;

СЕВОДНЯЕВ Даниил Андреевич,

Преподаватель кафедры огневой подготовки
Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия.
603144, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: sewodnyaev@yandex.ru;

LYSOV Kirill G.,

Senior Lecturer at the Department of Physical Training
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450091, Russia, Republic of Bashkortostan.
E-mail: kirill.lysov@internet.ru ;

TARKHANOV Alexander Alekseevich,

lecturer at the Department of Physical Training
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: aleks.sport@bk.ru;

SEVODNYAEV Daniil Andreevich,

Teacher of the Department of Fire Training
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.
Ankudinovskoe shosse, 3, Nizhny Novgorod, 603144, Russia.
E-mail: sewodnyaev@yandex.ru

Краткая аннотация: На данный момент активно развиваются способы склонения и вербовки лиц в террористическую деятельность, при этом, вербующие лица используют информационные технологии для обеспечения максимальной анонимности своей личности. В статье рассматриваются какие именно информационные ресурсы используют и каким образом.

Abstract: At the moment, methods of persuasion and recruitment of persons into terrorist activities are actively developing, while recruiters use information technologies to ensure maximum anonymity of their identity. The article examines what information resources are used and how.

Ключевые слова: террористические организации, информационные технологии, предварительное расследование, склонение и вербовка лиц.

Keywords: terrorist organizations, information technologies, preliminary investigation, persuasion and recruitment of persons.

Для цитирования: Лысов К.Г., Тарханов А.А., Севодняев Д.А. Способы склонения и вербовки лиц в деятельность террористических организаций с помощью информационно-телекоммуникационных технологий // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 410-412. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_410.

For citation: Lysov K.G., Tarkhanov A.A., Sevodnyaev D.A. Methods of inducing and recruiting individuals into the activities of terrorist organizations using information and telecommunication technologies // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 410-412. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_410.

Статья поступила в редакцию: 04.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Для введения в данную тему необходимо определить понятие террористической деятельности.

Согласно статье 3 Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35 - ФЗ «О противодействии терроризму», террористическая деятельность – это деятельность, которая является совокупностью ряда признаков:

- Организация, планирование, подготовка и реализация террористического акта;
- Подстрекательство к террористическому акту;
- Организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- Вербовка, вооружение, обучение террористов;
- Информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

– Пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности¹.

По статистике, приведенной МВД России, рост склонения, вербовки и вовлечения в террористическую деятельность лиц увеличивается с момента начала специальной военной операции 24 февраля 2022 и по настоящее время.

Стоит отметить, что злоумышленники, вербующие и склоняющие лиц в террористическую деятельность, активно используют информационно-телекоммуникационные технологии, которые активно развиваются изо дня в день².

Очевидно, что в наши дни злоумышленники склоняют и вербуют лиц опосредованным путем, то есть с использованием информационных технологий, как было отмечено ранее.

Учитывая тот факт, что большая часть серверов мессенджеров, которые идеально подходят для дистанционного обмена информацией либо находятся на территории Российской Федерации и подлежат контролю по инфо-трафику со стороны федеральной службы безопасности, либо находятся за пределами границ территории страны, но при этом, активно делятся информацией с специальной службой.

Соответственно, лицам, которые склоняют и вербуют в террористическую деятельность необходимо использовать какой-то ресурс обмена информацией, который не попадает в поле зрения федеральной службы безопасности, либо обладает специальным шифратором домена, который не позволит отследить адресата и адресанта инфо-трафика³.

Так, примером ресурсов, которые не попадают в поле зрения специальных служб являются, так называемые, мини-приложения («Нарды», «Шахматы», «Шашки»), разработчиком которых является любая отдаленная от России страна. Кроме этого, данные приложения находятся в свободном доступе для скачивания.

Примером ресурсов, которые имеют высокопрофильные шифраторы доменов является «Tor-browser» и «Onion-browser», которые очень активно используются злоумышленниками в настоящее время⁴.

Как происходит обмен информацией по данным ресурсам, который затрудняет не только раскрытие и расследование преступлений, связанных с вовлечением в террористическую деятельность, но и предупреждение таких противоправных деяний?

Приложения, разработчиком которых является иностранное государство, в особенности те, которые находятся в недружественных отношениях с Российской Федерацией, попросту могут игнорировать запросы РФ о предоставлении сведений, связанных с раскрытием и расследованием преступлений.

Ресурсы, обладающие шифратором, не подлежат отслеживанию в связи с использованием VPN-приложений, наличием иностранных мостов подключения к браузеру, а также наличием шифратора доменов адресата и адресанта.

Кроме этого, в браузерах, указанных ранее, существуют такие функции, как «инко-бот», который способен создать секретный чат, но при этом при обмене информацией присутствует не только шифратор доменов отправителя и получателя, но и шифратор самой информации, который способен засекретить содержание самих сообщений.

В свою очередь, получатель информации наделен дешифратором, используя который получает расшифрованную информацию.

Особенностью данного способа является дешифратор, который располагается на разных мостах с секретным чатом, что усложняет деятельность не только по идентификации личности или устройства, с которого осуществлялась отправка и получение сообщений, но и расшифровка содержания данных сообщений.

Используя данные ресурсы, преступники остаются незамеченными при мониторинге обмена информацией со стороны специальных служб⁵.

Стоит рассмотреть и сам процесс вовлечения, склонения и вербовки в террористическую деятельность.

Весь процесс делится на несколько этапов:

1 этап. Знакомство и попытка войти в круг лиц, которым можно доверять.

На данном этапе лицо прикладывает максимальные усилия для того, чтобы вызвать симпатию и доверие у вербуемого лица. Первоначальный этап характеризуется непринужденным общением с целью «прощупывания психологической почвы» человека, а также узнать его истинные желания.

2 этап. Навязывание присутствия несправедливости в жизни.

Пообщавшись длительное время, злоумышленник начинает навязывать вербуемому лицу позицию, которая связана с наличием несправедливости в жизни. Это может касаться многих аспектов в жизнедеятельности, например, преступления, корыстные намерения людей, их безнаказанность, развитие общества в неправильном направлении.

Данный этап имеет цель внушения того, что такой несправедливости необходимо протестовать и для этого есть необходимое решение.

3 этап. Отъезд.

На третьем этапе лицу предлагается углубиться в религию (зачастую Ислам), под видом изучения чего-то нового, например, изучение

¹ Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.

² Гаджималикова З. Х. Применение понятия «вовлечение» в террористическую деятельность // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного законодательства. – 2017. – С. 139-146.

³ Волчецкая Т. С., Авакьян М. В., Осипова Е. В. Научно-методические рекомендации по своевременному выявлению студентов, подверженных воздействию идеологии терроризма. Ч. 1 // Образовательные технологии. 2021. – № 3. – С. 97-108.

⁴ Гладышев В. В. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма // Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети интернет. URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/gladyshev-v-socialnye-seti-kak-instrument-dlya>.

⁵ Афонин С.А. и др. Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения. М.:МЦНМО, 207. – С. 214.

арабского языка, встреча с религиозными лидерами и т.д.

4 этап. Предложение.

На четвертом этапе лицу может быть предложено заработать денежные средства или выполнить свой долг, стать началом протеста к борьбе с несправедливостью.

Целью данного этапа является сподвигнуть вербуемое лицо на какие-либо действия.

5 этап. Передача информации.

На заключительном этапе завербованное лицо получает различную информацию по осуществлению террористического акта (какое оружие необходимо приобрести, где именно, как сделать взрывные устройства самостоятельно и т.д.)¹.

В заключении завербованное лицо получает координаты того места, где необходимо совершить террористический акт, а также как это осуществить.

Таким образом, преступники используют различные информационные технологии не только для обмена информацией, а также для вербовки, склонения и вовлечения лиц в террористическую деятельность.

Список литературы:

1. Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
2. Гаджималикова З.Х. Применение понятия «вовлечение» в террористическую деятельность // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного законодательства». – 2017. – С. 139-146.
3. Волчецкая Т.С., Авакян М.В., Осипова Е.В. Научно-методические рекомендации по своевременному выявлению студентов, подверженных воздействию идеологии терроризма. Ч. 1 // Образовательные технологии. 2021. – № 3. – С. 97-108.
4. Гладышев В.В. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма // Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети интернет. URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/gladyshev-v-socialnye-seti-kak-instrument-dlya>.
5. Афонин С.А. и др. Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения. М.: МЦНМО, 2017. – С. 214.
6. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема вербовки людей в террористические сети: психологические аспекты // Прикладная юридическая психология. 2015. – № 4. – С. 20-28.

References:

1. Federal Law "On Countering Terrorism" dated 03/06/2006 No. 35-FZ // SPS ConsultantPlus. [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
2. Gadzhimalikova Z.H. Application of the concept of "involvement" in terrorist activities // Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference "Actual problems of criminal legislation. - 2017. - pp. 139-146.
3. Volchetskaya T.S., Avakian M.V., Osipova E. V. Scientific and methodological recommendations for the timely identification of students exposed to the ideology of terrorism. Part 1 // Educational technologies. 2021. No. 3. pp. 97-108.
4. Gladyshev V.V. Social networks as a tool for promoting extremism // National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism in the educational environment and the Internet. URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/gladyshev-v-socialnye-seti-kak-instrument-dlya>.
5. Afonin S.A. and others. Modern terrorism and the fight against it: socio-humanitarian dimensions. Moscow: ICNMO, 2017. – p. 214.
6. Sosnin V.A. Modern terrorism and the problem of recruiting people into terrorist networks: psychological aspects // Applied legal psychology. 2015. – No. 4. – pp. 20-28.

¹ Соснин В.А. Современный терроризм и проблема вербовки людей в террористические сети: психологические аспекты // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 20–28.

АНАЛИЗ СТАТИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД С 2021 ПО 2024 ГГ. ANALYSIS OF BUSINESS CRIMES STATISTICS FOR THE PERIOD FROM 2021 TO 2024

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна,

ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1. доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, 394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а». e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru;

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna,

Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences. 119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1. Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a". E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье проводится анализ статистики преступлений в сфере предпринимательства в период с 2021 по 2024 гг. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что значительная часть преступлений в сфере предпринимательства характеризуется латентным характером и в этой связи, снижение числа официально регистрируемых деяний не во всех случаях означает реальное улучшение ситуации, поскольку часть проблем перешла в латентную форму, а часть была переведена в сферу административного производства.

Abstract: The article analyzes statistics of crimes in the field of entrepreneurship in the period from 2021 to 2024. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that a significant part of crimes in the sphere of entrepreneurship are characterized by a latent nature and in this regard, the reduction in the number of officially registered acts does not in all cases mean a real improvement in the situation, since some of the problems have become latent, and some have been transferred to the sphere of administrative proceedings.

Ключевые слова: преступления в сфере предпринимательской деятельности, экономические преступления, условия совершения преступлений в предпринимательской сфере.

Key words: crimes in the sphere of entrepreneurial activity, economic crimes, conditions for committing crimes in the sphere of entrepreneurial activity.

Для цитирования: Прихожая Л.Е. Анализ статистики преступлений в сфере предпринимательства в период с 2021 по 2024 гг. // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 413-416. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_413.

For citation: Prikhodzaya L.E. Analysis of business crimes statistics for the period from 2021 to 2024 // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 413-416. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_413.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

В 2022 году в стране было зарегистрировано 1966,8 тыс. преступлений, из которых 111 429 преступлений было зарегистрировано экономической направленности, удельный вес которых составил 5,7 % в общем показателе преступности в данный период (в 2021 году данный показатель был равен 117 707 преступлений – на 5,3 % выше).

Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 339,1 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 60,8%. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 91,2 тыс. преступлений экономической направленности [1].

Стоит заметить, что из указанного количества преступлений экономической направленности остались нерасследованными в 2021 году – 27 442 преступлений, а в 2022 году – 24 764.

В 2022 году было зарегистрировано 272 незаконных предпринимательств. По сравнению с 2021 годом данный показатель снизился на 18,1 %.

Что касается таких преступлений, как «неправомерные действия при банкротстве, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство», то в 2022 году таких преступлений было зарегистрировано 154 деяния, из которых 148 – в особо крупном размере.

В 2023 году из общего количества зарегистрированных преступлений - 1947,2 тыс. преступлений – было зарегистрировано 105,3 тыс. преступлений экономической направленности [2]

Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 311,1 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 61,0%. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 85,4 тыс. данных преступлений [2].

В январе-сентябре 2024 года в стране было зарегистрировано 1433,8 тыс. преступлений, из которых экономической направленности –

89,1 тыс. преступлений (на 1,5 % выше аналогичного периода 2023 года). «Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 221,5 млрд руб.

Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 65,8%. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 73,0 тыс. преступлений экономической направленности» [3].

При этом по статье незаконное предпринимательство в 2024 году (с января по сентябрь) было зарегистрировано 42 преступления, что на 82,6 % ниже аналогичного показателя 2023 года (из числа преступлений, по которым обязательно предварительное следствие).

Как видно, в последние годы показатели незаконного предпринимательства несколько снизились (в 2022 году – 272 незаконных предпринимательств, а в 2024 году – уже 42), однако, показатели экономической преступности в целом остаются на стабильно высоком уровне. Что касается таких преступлений, как «неправомерные действия при банкротстве, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство», то в 2024 году (с января по сентябрь) таких преступлений было зарегистрировано 106 деяния, из которых 99 – в особо крупном размере [3].

Данные статистики позволяют сделать следующие основные выводы. В последние годы уголовная ответственность за экономические преступления, в том числе незаконное предпринимательство, была частично смягчена. Многие правонарушения теперь переквалифицируются из уголовных преступлений в административные правонарушения, что снижает официальную статистику уголовных дел.

Можно согласиться с точкой зрения Е.С. Курочкиной о том, что «как показывает судебная практика, признаки, которые бы позволили четко разграничить административное правонарушение от уголовного преступления, до настоящего времени не были сформулированы» [4, с. 145]. В этой связи актуальной проблемой остается вопрос о конкуренции правовых норм, которые устанавливают уголовную ответственность за незаконное предпринимательство и ответственность в рамках КоАП РФ [5].

Кроме того, органы внутренних дел переключили внимание на более серьезные экономические преступления, такие как коррупция, мошенничество и отмывание денег, что также повлияло на статистику.

Мордухаев М.О. отмечает, что приведенную официальную статистику нельзя назвать объективной, поскольку преступления рассматриваемой группы обладают высоким уровнем латентности, а истинная криминогенная ситуация показывает о более высоком уровне данных преступлений (в 2-3 раза выше). Автор также подчеркивает наличие сложностей с обеспечением всестороннего государственного контроля за предпринимательской деятельностью в виду того, что по своей природе она очень разнообразна и осуществляется в самых различных отраслях и сферах. Также имеет место ограниченность количества технических и материальных ресурсов [6, с. 235]

Несмотря на то, что высокого роста преступлений в сфере предпринимательства в России в последние годы не наблюдается, преступления в экономической сфере остаются на стабильно высоком уровне, что обусловлено рядом экономических, социальных, правовых и политических факторов. Рассмотрим их более подробно.

Рассматривая группы экономических факторов укажем, что среди них приоритетным является экономическая нестабильность в российском обществе. Колебания курса валют, инфляция и снижение покупательной способности населения вынуждают предпринимателей искать нелегальные способы минимизации расходов и увеличения прибыли. Кроме того, нестабильная экономическая ситуация может провоцировать некоторых субъектов предпринимательской деятельности на уклонение от налогов и ведение теневой деятельности.

Еще одним фактором в группе экономических условий совершения преступлений в предпринимательской сфере является высокая налоговая нагрузка на предпринимателей, что является побудительным стимулом для некоторых субъектов хозяйственной деятельности к уклонению от уплаты налогов или занижению своих доходов.

Высокая налоговая нагрузка может стимулировать рост преступлений в сфере незаконной предпринимательской деятельности, поскольку делает ведение легального бизнеса менее выгодным или даже экономически нецелесообразным.

Основные механизмы влияния налоговой нагрузки на преступность в бизнесе можно сформулировать следующим образом:

- уход в теневой сектор из-за высокой налоговой нагрузки (высокие налоги повышают затраты на ведение бизнеса; некоторым предпринимателям выгоднее работать нелегально или частично скрывать доходы; в результате растет количество незарегистрированных фирм, «серых» схем и незаконного предпринимательства);
- использование фиктивных схем и налоговых махинаций;
- рост коррупции и «неформальных платежей» (высокие налоги и сложное администрирование ведут к росту коррупционных схем; некоторые предприниматели предпочитают давать взятки вместо уплаты налогов, что также является преступлением);
- Увеличение числа фирм-однодневок

Малый бизнес имеет низкую рентабельность – большие налоговые издержки могут сделать его убыточным. Высокие страховые взносы за сотрудников – предприниматели начинают платить «в конвертах».

Высокая налоговая нагрузка создает стимулы для незаконного предпринимательства: предприниматели ищут способы сократить издержки, обходя закон, что ведет к росту преступлений в экономической сфере. Сбалансированная налоговая политика и упрощение условий ведения бизнеса могут снизить уровень преступности в этой сфере.

Также на рост преступности в этой сфере влияют ограниченные возможности получения легального финансирования, что подталкивает к использованию сомнительных схем для привлечения средств или к мошенническим действиям со стороны предпринимателей и участников рынка.

Отметим также, что на использование нелегальных методов ведения предпринимательской деятельности, многих хозяйствующих

субъектов толкает высокий уровень конкуренции на рынке.

Второй группой факторов являются правовые факторы, которые включают в себя наличие пробелов правового регулирования, сложности для понимания некоторых условий налогового законодательства (в данном случае преступления совершаются неосознанно).

Заметим, что сфера правового регулирования предпринимательских отношений подвержена постоянным изменениям, что также влияет на рост преступлений, поскольку не всегда участникам хозяйствующих отношений удастся отслеживать все изменения действующего законодательства.

Высокий уровень коррупции среди контролирующих органов ведет к созданию, так называемых, теневых условий для ведения бизнеса и порождает нелегальные схемы сотрудничества. Кроме того, в некоторых случаях, предприниматели сталкиваются с рейдерскими захватами (недружеского поглощения предприятий), что способствует совершению преступлений в попытке защитить свои интересы.

В настоящее время конкретной уголовной статьи за рейдерство не существует, однако, в некоторых случаях за недружеское поглощение могут привлечь по таким статьям УК РФ как мошенничество, подделка документов, принуждение к совершению сделки.

Практически все рейдерские захваты организаций осуществляется путем, так называемых, «серых» схем, которые практически невозможно выявить и доказать в суде.

По оценкам Национального антикоррупционного комитета, ежегодно в России происходит до 700 тыс. рейдерских захватов, при этом заводится только 10% уголовных дел.

Как справедливо подчеркивает А.П. Казун, исследующий особенности рейдерства в российских регионах, в более развитых субъектах Российской Федерации интенсивность давления на субъекты предпринимательской деятельности выше. Больше преступлений в сфере предпринимательства совершается в тех регионах, в которых ниже открытость судебной системы и хуже развит гражданский сектор [7, с. 38].

К группе социальных факторов совершения преступлений в сфере предпринимательства отнесем низкий уровень правовой культуры, поскольку недостаточная осведомленность о законных методах ведения бизнеса также приводит к распространению и росту преступлений.

Еще одним условием в данной группе является социальное неравенство, разрыв между доходами различных слоев населения, что в некоторых случаях приводит к попыткам обхода закона для улучшения финансового положения.

Группа политических факторов предусматривает введение санкций и некоторых внешнеэкономических ограничений, что создает предпосылки для создания нелегальных схем импорта и экспорта отдельных товаров. Бюрократические процедуры и ограничения при регистрации бизнеса или получении лицензий также способствуют активному развитию коррупции и незаконного предпринимательства.

С появлением цифровых технологий наблюдается также рост киберпреступлений в предпринимательской среде (в том числе, мошенничество с онлайн-платежами, использование поддельных онлайн-платежных систем, создание фиктивных интернет-магазинов для получения предоплаты без намерения выполнять заказы; использование криптовалют для анонимного перевода средств, что усложняет контроль за финансовыми операциями; фиксируются случаи манипуляций в цифровых системах государственных закупок и тендеров).

Заметим, что появление и активное развитие цифровых технологий значительно повлияло на сферу предпринимательства, как в положительном, так и в отрицательном ключе.

С одной стороны, технологии способствуют развитию бизнеса и упрощают процессы, но с другой - создают новые возможности для совершения преступлений. В свою очередь, органы контроля и регулирования не всегда успевают адаптироваться к новым видам преступлений, связанным с технологиями.

Для борьбы с преступностью в предпринимательской сфере, связанной с цифровыми технологиями, необходимо внедрение современных систем защиты данных и регулярное обновление безопасности на предприятиях; адаптация законодательной базы для борьбы с новыми видами цифровых преступлений (в том числе, усиление ответственности в рамках УК РФ); создание специализированных подразделений для расследования преступлений, связанных с цифровыми технологиями.

Алыев Р.Т. полагает, что основными причинами преступности в рассматриваемой сфере являются группа экономических и социальных причин (поскольку экономические факторы являются обязательным атрибутом предпринимательской деятельности), группу социально-психологических причин, что обусловлено наличием корыстных мотив наживы и извлечения прибыли легким путем. Кроме того, автор называет организационно-правовые причины, которые вызваны несовершенством действующего законодательства в этой сфере [8, с. 48].

Как видно, стабильно высокие показатели экономической преступности в России, и преступлений в сфере предпринимательства в России – это следствие взаимодействия множества факторов: экономической нестабильности, коррупции, сложности законодательства и социальной среды.

В последние годы на рост преступлений в сфере экономической деятельности в целом (и предпринимательства, в частности) оказало влияние активное развитие цифровых технологий – появились новые виды мошенничества с онлайн-платежами, создаются фиктивные интернет-магазины для получения предоплаты без намерения выполнять заказы; используются поддельные онлайн-платежные системы, а также криптовалюты для анонимного перевода денежных средств, что существенно усложняет контроль за финансовыми операциями; фиксируются случаи манипуляций в цифровых системах государственных закупок и тендеров).

Развитие цифровых технологий создает как новые возможности для бизнеса, так и новые угрозы. Для борьбы с преступлениями в сфере предпринимательства необходимы системные меры, включая улучшение правовой базы (в том числе, усиление ответственности в рамках Уголовного кодекса РФ за совершение преступлений в онлайн-среде); снижение административного давления, борьбу с коррупцией и поддержку

малого и среднего бизнеса.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что значительная часть преступлений в сфере предпринимательства характеризуется латентным характером и в этой связи, снижение числа официально регистрируемых деяний не во всех случаях означает реальное улучшение ситуации, поскольку часть проблем перешла в латентную форму, а часть была переведена в сферу административно-производства.

Список литературы:

1. Характеристика состояния преступности в Российской Федерации 2022 год / Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 21.02.2025).
2. Характеристика состояния преступности в Российской Федерации 2023 год / Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 21.02.2025).
3. Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2024 года / Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/56672721/> (дата обращения: 21.02.2025).
4. Курочкина Е.С., Грошев А.В. Ответственность за незаконное предпринимательство в уголовном и административном законодательстве: сравнительный анализ // Молодой ученый. – 2022. – № 45 (440). – С. 144-149.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
6. Мордухаев М.О. Актуальные проблемы противодействия незаконному предпринимательству в России // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – №5. – С. 233-236.
7. Казун А.П. Рейдерство в регионах России: индикаторы и факторы // Мир России. Социология. Этнология. – 2015. – № 3. – С. 33-60.
8. Алыев Р.Т. О причинной составляющей уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательства // Юридический журнал. – 2024. – № 1. – С. 43-50.

References:

1. Characteristics of the state of crime in the Russian Federation in 2022 / Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (date of access: 21.02.2025).
2. Characteristics of the state of crime in the Russian Federation in 2023 / Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (date of access: 21.02.2025).
3. Characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January - September 2024 / Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/56672721/> (date of access: 02/21/2025).
4. Kurochkina E.S., Groshev A.V. Responsibility for illegal entrepreneurship in criminal and administrative legislation: a comparative analysis // Young scientist. – 2022. – No. 45 (440). – P. 144-149.
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 1.
6. Mordukhaev M.O. Actual problems of combating illegal entrepreneurship in Russia // Problems of Economics and Legal Practice. – 2019. – No. 5. – P. 233-236.
7. Kazun A.P. Raiding in the regions of Russia: indicators and factors // The World of Russia. Sociology. Ethnology. – 2015. – No. 3. – P. 33-60.
8. Aliev R.T. On the causal component of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurship // Legal journal. – 2024. – No. 1. – P. 43-50.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УПРОЩЕНИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ABOUT SOME OF THE PROBLEMS OF SIMPLIFYING THE INQUIRY IN AN ABBREVIATED FORM

СОЛОДОВНИК Вячеслав Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры безопасности факультета безопасности и таможи
Северо-Западный институт управления - филиал
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.
E-mail: slaviik_bel@mail.ru;

SOLODOVNIK Vyacheslav Viktorovich,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Security,
Faculty of Security and Customs The North-Western Institute of Management is a branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration".
199178, St. Petersburg, Sredny Prospekt V.O., 57/43.
E-mail: slaviik_bel@mail.ru

Краткая аннотация. В данной статье рассматриваются два направления упрощения дознания в сокращенной форме: возможность упрощения условий и процессуального порядка дознания в сокращенной форме; создание института протокольной формы досудебной подготовки материалов. Анализируются актуальные проблемы, связанные с существующими на данный момент условиями и процессуальным порядком на практике, и предлагаются пути их решения. Предлагается особое внимание уделять вопросам обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при производстве расследования в упрощенной форме.

Abstract. This article discusses two areas of simplification of inquiry in an abbreviated form: the possibility of simplifying the conditions and procedural procedure of inquiry in an abbreviated form; the creation of an institute for the protocol form of pre-trial preparation of materials. The current problems related to the current conditions and the procedural order in practice are analyzed, and ways to solve them are proposed. It is proposed to pay special attention to the issues of ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings during the investigation in a simplified form.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, упрощение условий, процессуальный порядок, протокольная форма, упрощение производства.

Keywords: inquiry in abbreviated form, simplification of conditions, procedural procedure, protocol form, simplification of proceedings.

Для цитирования: Солодовник В.В. О некоторых проблемах упрощения дознания в сокращенной форме // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 417-420. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_417.

For citation: Solodovnik V.V. About some of the problems of simplifying the inquiry in an abbreviated form // *Agrarian and land law*. 2025. No. 7. pp. 417-420. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_417.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025

Дата публикации: 31.07.2025

Институт сокращенного дознания был введен в российское уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [18]. Его появление было обусловлено необходимостью оптимизации и ускорения уголовного судопроизводства по нетяжким преступлениям в условиях загруженности органов предварительного расследования [2, с. 15]. Однако практика применения данного института выявила ряд проблем, требующих решения [1, с. 80].

Сущность дознания в сокращенной форме заключается в упрощении процессуальной формы и сокращении сроков расследования до 15 суток при наличии определенных условий, предусмотренных ст. 226.1 УПК РФ. К ним относятся: совершение преступления, подследственного дознанию; признание подозреваемым своей вины; характер и размер причиненного вреда; согласие потерпевшего [17].

Безусловно, введение сокращенного дознания имеет ряд положительных моментов.

Во-первых, оно позволяет существенно разгрузить органы дознания и сократить сроки расследования по очевидным преступлениям.

Во-вторых, оно дает возможность подозреваемому быстрее получить окончательное решение по делу при согласии с предъявленным обвинением [14, с. 102].

В-третьих, потерпевший может быстрее получить возмещение причиненного ему вреда.

Вместе с тем, практика применения сокращенного дознания выявила и некоторые проблемные моменты, требующие разрешения. Одним из них является вопрос о допустимости доказательств, полученных до возбуждения уголовного дела [7; 12].

УПК не дает четкого ответа, могут ли использоваться в сокращенном дознании результаты оперативно-розыскных мероприятий, объяснения, документы, полученные в ходе доследственной проверки. Представляется, что такие доказательства должны признаваться допустимыми, если они отвечают общим требованиям относимости и достоверности.

Другой проблемой является обеспечение прав потерпевшего при производстве сокращенного дознания. Закон требует получения согласия потерпевшего на применение этой формы расследования. Однако на практике нередки случаи, когда такое согласие дается под давлением со стороны дознавателя или при неполном разъяснении последствий [20, с. 47]. Видится необходимым усилить гарантии прав потерпевших,

например, путем обязательного участия защитника потерпевшего при даче согласия.

Дискуссионным остается вопрос о круге преступлений, по которым возможно сокращенное дознание. Действующая редакция ст. 226.1 УПК РФ предусматривает исчерпывающий перечень составов. Некоторые авторы предлагают расширить этот перечень за счет включения в него других составов преступлений [9]. Однако расширение применения упрощенных форм таит риск ущемления прав участников и снижения качества расследования. Представляется, что действующий перечень является оптимальным.

Еще одним спорным моментом является недопустимость применения меры пресечения в виде заключения под стражу при сокращенном дознании. С одной стороны, это оправдано краткостью сроков. С другой стороны, отсутствие такой возможности может повлечь сокрытие обвиняемого от органов расследования [5; 6, с. 34]. Целесообразно предусмотреть возможность избрания заключения под стражу в исключительных случаях на срок до 10 суток.

Таким образом, институт сокращенного дознания, призванный упростить и ускорить расследование нетяжких преступлений, в целом показал свою эффективность и востребованность. Вместе с тем, выявились некоторые проблемы его применения, требующие корректировки законодательства. Видится необходимым уточнить вопросы допустимости доказательств, полученных до возбуждения дела, усилить гарантии прав потерпевших, сохранить существующий перечень составов для сокращенного дознания, предусмотреть возможность заключения под стражу в исключительных случаях.

Одним из важных вопросов, связанных с применением сокращенного дознания, является его место в системе дифференциации уголовно-процессуальной формы. Некоторые исследователи рассматривают его как самостоятельную форму предварительного расследования наряду с дознанием и следствием [4, с. 21]. Другие считают сокращенное дознание лишь разновидностью дознания, не имеющей самостоятельного значения [8]. Представляется, что правильной является первая точка зрения, поскольку сокращенное дознание имеет существенные особенности в процедуре, сроках, итоговых решениях.

Другим дискуссионным моментом является возможность применения в сокращенном дознании института досудебного соглашения о сотрудничестве. УПК РФ не содержит прямого запрета на это. Однако некоторые авторы полагают, что такое сочетание невозможно из-за различий в условиях и процедуре их применения [16, с. 139]. Видится, что заключение досудебного соглашения не должно препятствовать сокращенному дознанию, если соблюдены все условия для его производства. Это позволит более эффективно использовать потенциал обоих институтов.

Важной проблемой является и обеспечение права обвиняемого на защиту при сокращенном дознании. Сжатые сроки расследования объективно ограничивают возможности защитника по сбору доказательств и оспариванию позиции обвинения. В связи с этим некоторые процессуалисты предлагают увеличить срок сокращенного дознания до 20-25 суток [3]. Думается, что такое увеличение возможно, но не должно быть чрезмерным, чтобы не утратить саму суть данной формы расследования.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о порядке судебного разбирательства по уголовным делам, расследованным в сокращенной форме. Закон предусматривает их рассмотрение в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ). Однако особый порядок не предполагает исследования доказательств и установления фактических обстоятельств дела [11, с. 48]. Это порождает риск судебных ошибок, особенно по делам с недостаточной доказательственной базой. Представляется необходимым предусмотреть возможность рассмотрения таких дел и в общем порядке по ходатайству сторон.

Одной из ключевых проблем является сложность и неоднозначность условий, при которых возможно производство дознания в сокращенной форме. Согласно ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, для этого необходимо наличие ряда условий, в том числе признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также согласие потерпевшего. На практике возникают ситуации, когда эти условия трактуются по-разному, что приводит к затягиванию сроков расследования и нарушению прав участников процесса.

В связи с этим представляется целесообразным упростить и конкретизировать условия применения сокращенной формы дознания. В частности, можно предусмотреть возможность производства дознания в сокращенной форме при отсутствии возражений со стороны подозреваемого и потерпевшего, без обязательного согласия с размером причиненного вреда. Это позволит расширить сферу применения данного института и сделать его более доступным. Потерпевший при этом всегда сможет обратиться с гражданским иском в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Другой проблемой является недостаточная регламентация процессуального порядка дознания в сокращенной форме. Несмотря на то, что общие правила производства дознания распространяются и на сокращенную форму, на практике возникает немало вопросов, связанных с особенностями данной процедуры [15, с. 24].

Так, неясным остается вопрос о возможности производства отдельных следственных действий при сокращенном дознании. Часть 1 ст. 226.5 УПК РФ предусматривает возможность производства только тех следственных действий, производство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. Однако критерии определения таких следственных действий в законе не конкретизированы, что порождает разночтения.

Кроме того, на практике возникают сложности с обеспечением прав участников процесса при сокращенном дознании. В частности, сжатые сроки расследования не всегда позволяют в полной мере реализовать право на защиту, ознакомиться со всеми материалами дела и представить доказательства [10]. Однако, если подозреваемого не устраивает такой порядок, он может заявить ходатайство о проведении дознания в общем порядке, что даст ему возможность в полной мере реализовать свое право на защиту.

Существует мнение о необходимости более детального регламентирования процессуального порядка дознания в сокращенной фор-

ме. Для этого требуется закрепить четкие правила производства следственных и иных процессуальных действий, а также гарантии прав участников. Данную точку зрения можно дополнить необходимостью предусмотреть также обязательное участие защитника с момента начала сокращенного дознания, установить минимальные сроки для ознакомления с материалами дела и заявления ходатайств.

Еще одним направлением совершенствования института сокращенного дознания могло бы стать расширение категорий дел, по которым оно может производиться. Сейчас это возможно только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Однако некоторые авторы высказывают мнение о возможности распространения сокращенной формы и на отдельные категории тяжких преступлений при наличии определенных условий [12]. Безусловно, мы поддерживаем данную точку зрения, но считаем, что любые изменения в процессуальном законодательстве должны быть тщательно продуманы и взвешены с точки зрения обеспечения баланса интересов личности, общества и государства. Упрощение процедуры не должно приводить к ущемлению прав и свобод граждан, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства.

В то же время нельзя не отметить, что дознание в сокращенной форме имеет значительный потенциал для оптимизации уголовного процесса. Как показывает практика, по делам, расследованным в порядке сокращенного дознания, сроки производства существенно сокращаются, а качество расследования существенно не страдает. Более того, сокращенная форма дознания способствует процессуальной экономии, позволяя избежать излишних затрат времени и ресурсов на расследование очевидных преступлений. Это особенно актуально в условиях высокой загруженности органов дознания и необходимости быстрого реагирования на совершаемые преступления.

Важно отметить, что упрощение условий и процессуального порядка дознания в сокращенной форме не означает отказа от фундаментальных принципов уголовного судопроизводства, таких как законность, презумпция невиновности, обеспечение права на защиту. Напротив, любые изменения должны осуществляться в строгом соответствии с этими принципами и общепризнанными нормами международного права.

Зарубежный опыт также свидетельствует о возможности успешного применения упрощенных форм расследования по отдельным категориям уголовных дел. Например, в ряде стран Европы и США существуют процедуры «сделки о признании вины», позволяющие существенно сократить сроки производства по делу при наличии согласия обвиняемого [19]. Разумеется, механический перенос зарубежных моделей на российскую правовую почву невозможен и нецелесообразен. Однако изучение позитивного опыта других стран может быть полезным для совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Подводя итог, следует отметить, что упрощение условий и процессуального порядка дознания в сокращенной форме, не имеет смысла, поскольку данную процедуру, на наш взгляд, необходимо совершенствовать в сторону упрощения, результатом чего должно явиться закрепление в действующем уголовно-процессуальном законодательстве института протокольной формы досудебной подготовки материалов, которая уже давным-давно отлично себя зарекомендовала на практике. Именно это является перспективным направлением развития российского уголовного процесса. Внесение соответствующих изменений в УПК РФ позволит повысить эффективность расследования преступлений, обеспечить процессуальную экономию и в то же время гарантировать защиту прав и законных интересов личности.

Вместе с тем, любые законодательные новеллы должны быть тщательно продуманы и апробированы с учетом реалий правоприменительной практики. Только взвешенный и системный подход к реформированию института сокращенного дознания может дать положительные результаты.

Кроме того, упрощение процедуры расследования должно сопровождаться усилением ведомственного и судебного контроля за законностью и обоснованностью процессуальных решений. Это позволит своевременно выявлять и устранять возможные нарушения прав участников процесса.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть следующее:

1. На наш взгляд, процессуальный институт сокращенного дознания является важным шагом в развитии дифференциации уголовного судопроизводства. Он позволяет существенно ускорить расследование по очевидным преступлениям небольшой и средней тяжести. Вместе с тем, практика применения данного института выявила ряд проблемных моментов, требующих разрешения на законодательном и правоприменительном уровне. Их решение позволит в полной мере раскрыть потенциал сокращенного дознания и повысить эффективность уголовного процесса в целом.

2. Не смотря на то, что институт сокращенного дознания имеет большой потенциал для оптимизации досудебного производства по уголовным делам, его дальнейшее развитие в сторону упрощения требует комплексного подхода, учитывающего как интересы правоохранительной системы, так и права и свободы граждан. Только в этом случае можно рассчитывать на то, что дознание в сокращенной форме успешно трансформируется в протокольную форму и станет действенным инструментом повышения эффективности уголовного судопроизводства и будет способствовать укреплению законности и правопорядка в нашей стране.

Список литературы:

1. Александров А.С. Проблемы сокращенной формы дознания // Уголовное право. 2020. № 3. С. 78-85.
2. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовное право. 2013. № 4. С. 15-33-37.
3. Арестова Е.Н. Проблемы обеспечения права на защиту при производстве дознания в сокращенной форме // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 21-24.
4. Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Российский следователь. 2013. № 21. С. 139-144.
5. Кальницкий В.В. Сокращенное дознание и досудебное соглашение о сотрудничестве: есть ли смысл их сочетать? // Уголовное право. 2020. № 5.
6. Кальницкий В.В., Муравьев К.В. Сокращенное дознание: замысел законодателя и практический результат // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 34-38.

7. Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 101-108.
8. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47-49.
9. Кувалдина Ю.В. Перспективы расширения перечня составов преступлений, расследуемых в форме сокращенного дознания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 84-92.
10. Лазарева В.А. Сокращенное дознание и права личности в уголовном процессе // Lex russica. 2020. Т. 73. № 4. С. 63-72.
11. Лебедев В.М. Особый порядок судебного разбирательства: упрощение или ущемление прав? // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 48-50.
12. Насонова И.А., Буров Ю.В. Проблемы допустимости доказательств при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 113-118.
13. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 20.03.2025).
14. Сумин А.А. Сокращенное дознание: достоинства, недостатки и первые результаты // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 102-112.
15. Сумин А.А. Сокращенное дознание: проблемы правоприменения // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 21-25.
16. Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 132-148.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
18. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
19. Чабукяни О.А. Дознание в сокращенной форме: оптимальный баланс процессуальных гарантий и эффективности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 120-127.
20. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав потерпевшего в сокращенном дознании // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 47-49.

References:

1. Alexandrov A.S. Problems of the abbreviated form of inquiry // Criminal law. 2020. No. 3. pp. 78-85.
2. Alexandrov A.S., Lapatinikov M.V. Abridged inquiry: novets of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the complexity of their application // Criminal Law. 2013. No. 4. pp. 15-19.
3. Arestova E.N. Problems of ensuring the right to defense during the investigation in an abbreviated form // Lawyer practice. 2015. No. 5. pp. 33-37.
4. Girko S.I. Proceedings in the criminal case of inquiry in abbreviated form: forecasts and judgments // A Russian investigator. 2013. No. 21. pp. 21-24.
5. Kalnitskiy V.V. Shortened inquiry and pre-trial cooperation agreement: does it make sense to combine them? // Criminal law. 2020. No. 5. pp. 139-144.
6. Kalnitskiy V.V., Muravyev K.V. Shortened inquiry: the legislator's plan and practical result // Bulletin of Omsk University. The Pravo series. 2017. No. 4 (53). pp. 34-38.
7. Kachalova O.V. Evidence in the abbreviated form of inquiry // Criminal proceedings. 2013. No. 3. pp. 101-108.
8. Kovtun N.N. Inquiry in abbreviated form: collisions and lacunae of regulatory regulation // Russian justice. 2013. No. 12. pp. 47-49.
9. Kuvaldina Yu.V. Prospects for expanding the list of crimes investigated in the form of a shortened inquiry // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2019. No. 31. pp. 84-92.
10. Lazareva V.A. Abbreviated inquiry and personal rights in criminal proceedings // Lex russica. 2020. Vol. 73. No. 4. pp. 63-72.
11. Lebedev V.M. Special procedure for judicial proceedings: simplification or infringement of rights? // Russian justice. 2004. No. 4. pp. 48-50.
12. Nasonova I.A., Burov Yu.V. Problems of the admissibility of evidence during the investigation in an abbreviated form // Judicial power and criminal procedure. 2018. No. 2. pp. 113-118.
13. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2019 // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (date of application: 03/20/2025).
14. Sumin A.A. Abbreviated inquiry: advantages, disadvantages and first results // Criminal proceedings. 2014. No. 3. pp. 102-112.
15. Sumin A.A. Abbreviated inquiry: problems of law enforcement // Lawyer practice. 2018. No. 4. pp. 21-25.
16. Trubnikova T.V. Simplified judicial proceedings in the criminal process of foreign countries // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2019. No. 31. pp. 132-148.
17. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 02/24/2021) // SZ RF. 2001. No. 52 (part I). Article 4921.
18. Federal Law No. 23-FZ of 03/04/2013 "On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // SZ RF. 2013. No. 9. Art. 875.
19. Chabukiani O.A. Inquiry in abbreviated form: optimal balance of procedural guarantees and effectiveness // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (82). pp. 120-127.
20. Chupilkin Yu.B. Guarantees of the rights of the victim in an abbreviated inquiry // Russian justice. 2016. No. 11. pp. 47-49.

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Аграрное и земельное право»

Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru**.

Объём материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;
5. Список литературы должен быть на русском и английском языках.

**Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте
prigos@mail.ru**

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.